

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

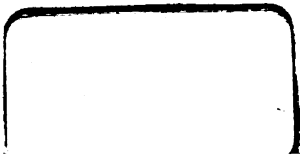
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919821 8

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕМИДЕСЯТЫЙ.

1867

600010

ІЮЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ВОСПОМИНАНІЯ О КАМПАНИИ 1829 ГОДА ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ. Окончаніе. Т.
- II. ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССИИ. Окончаніе. Р. А. Фадѣева.
- III. ЭФРАИМЪ ЛЕССИНГЪ И ДОКТОРЪ РѢТЧЕРЪ КАКЪ КРИТИКИ СЦЕНИЧЕСКОЙ ИГРЫ. П. Д. Бабарыкина.
- IV. ФИНАНСЫ АВСТРИИ ВЪ ЭПОХУ МИНИСТЕРСТВА ФОНЪ-ШМЕРЛИНГА. Окончаніе. А. Н. Куломзина.
- V. ФАУСТЪ. Трагедія Гёте. Часть первая. Сцена первая. Переводъ И. Н. Павлова.
- VI. СЕЛЕНІЕ НА СКАЛѢ. Повѣсть. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.
- VII. ДВѢ ПОѢЗДКИ ВЪ БРУССУ (1861—1865 г.). С. Н.
- VIII. МОИ СКИТАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ. У Бедуиновъ. Н. В. Верга.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

СВІДѢТІЯ РОТСЕЙ. Романъ. Переводъ съ англійскаго.
Гл. XV—XXVI.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

И. БАТКОВИЧЪ.

ТОМЪ СЕМИДЕСЯТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.

1867.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
660010
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ВОСПОМИНАНІЯ

О КАМПАНИИ 1829 ГОДА

ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ*

V.

Въ Раховѣ ничего не измѣнилось съ моего отъѣзда; Меллеръ-Закомельскій и Веригинъ, вернувшись прежде меня изъ главной квартиры, берегли домъ и садъ, которыми мы пользовались на правѣ полныхъ хозяевъ. Мостъ черезъ Дунай, построенный изъ лодокъ служившихъ намъ для переправы при занятіи города, обезпечивалъ сообщеніе съ Малою Валахіей. Двѣ батареи, каждая въ четыре орудія, защищали мостъ съ лѣваго берега; обѣ турецкія канонерскія лодки, сдѣлавшіяся нашею добычей, и вооруженныя русскимъ экипажемъ, наблюдали по Дунаю за непріятельскою флотиліей хоровившеюся въ Виддинѣ. Занятія офицеровъ генеральнаго штаба ограничивались съемкой города и окрестностей, производившейся въ одни ранніе утренніе часы, по причинѣ нестерпимаго лѣтняго жара; все остальное время мы предавались истинно-восточному кейфу, прерывавшемуся только ежедневными обѣдами у отряднаго начальника, да именными пирогами то у того, то у другаго изъ штабныхъ. Для устройства этихъ завтраковъ мы пользовались талантомъ русскаго повара, принадлежавшаго адъютанту графа Ланжерона, барону Ч., захватившему волонтеромъ въ нашъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 6.

отрядъ. Ч. отличался чрезвычайно веселымъ нравомъ, былъ уменъ, знатокъ по части гастрономіи, и всегда готовъ услужить товарищу, особенно если дѣло касалось до устройства пріятельскаго завтрака или ужина, приправленныхъ трюфелями и разведенныхъ влагой клuko. Кто не желалъ воспользоваться знаніемъ баронскаго повара, тотъ могъ обратиться въ этомъ важномъ дѣлѣ къ неразлучному спутнику отрядной квартиры, Mr. Cosignille de Bouzignac, „мастеру хорошаго тона“ и повареннаго дѣла. Онъ не позволялъ называть себя иначе какъ „maître de graces“, готовилъ отлично самыя изысканныя блюда и въ то же время училъ насъ какъ слѣдуетъ въ порядочномъ обществѣ ходить, кланяться, садиться на стулъ, сморкаться, владѣть ножомъ и вилокъ, обращаться съ дамой, говорить рѣчи въ публикѣ или солдатамъ, вообще всему, чѣмъ отличается человѣкъ хорошаго тона. Случалось, на походѣ ударять привалъ; немедленно высовывается изъ огромной карудзы, вмѣщавшей походную лабораторію господина Кокюралля, шипящая сковорода, и привѣтливый голосъ его покрываетъ звукъ барабана: „Messieurs, approchez, approchez, des cotelettes à la Subise, du filet sauté au madère!“ или „omlette aux fines herbes!“ Коверъ разстилается на травѣ подъ тѣнью карудзы, покрывается салфеткой, приборы стучатъ, хлопаетъ пробка шампанскаго, и моссьё Бузигьякъ преобразовывается изъ метръ д’отеля въ актера, одинъ, въ нѣсколькихъ лицахъ, представляетъ сцену изъ комедіи, или поетъ водевильныя куплеты. Моссьё Бузигьякъ имѣлъ еще одно достоинство: онъ жилъ не для корысти, его увлекали за нами привязанность къ военной тревогѣ и склонность къ разгульной походной жизни; однимъ словомъ, онъ былъ питомецъ большой арміи, и что наживалъ отъ насъ, то проживалъ также скоро, принося въ жертву Бахусу и пафосской богинѣ. Не молодъ былъ и въ то время моссьё дѣ-Бузигьякъ, и должно-быть давно уже переселился въ лучшій міръ, но память о немъ живетъ еще между стариками Гейсмаровскаго отряда, не забывающими какъ пріятно разговялъ онъ ихъ тоску и наполнялъ ихъ желудокъ.

Единообразіе раховскаго прозябанія нарушилось въ это время двумя происшествіями, имѣвшими первое смѣшной, а второе довольно горестный конецъ. Въ обоихъ случаяхъ птицы играли главную роль: забавно, но справедливо.

Въ одну прекрасную лунную ночь съ берега дали знать,

что отъ Виддина опускается по Дунаю непріятельская флотилія. Дѣло касалось дѣлости моста, слѣдственно имъ нельзя было шутить. Гейсмаръ встревожился, раховскіе жильцы встревожились отъ сна, осѣдлали лошадей и стрелгавъ поскакали подъ гору къ рѣчному берегу; войскамъ, занимавшимъ высоты за городомъ, приказано быть на готовѣ встрѣтить непріятеля, потому что самый простой расчетъ заставлялъ, вмѣстѣ съ покушеніемъ на дунайскій мостъ, ожидать нечаяннаго нападенія со стороны поля. Казачьи сотни тотчасъ были посланы въ разѣздъ по всѣмъ направленіямъ. По первому взгляду на Дунай мы удостовѣрились въ нелижности извѣстія доставленнаго съ береговыхъ батарей. Версты три выше моста рѣка, казалось, была покрыта парусами, бѣлѣвшими при лунномъ свѣтѣ. Быстро приближался непріятель; на батареяхъ приготовились его принять, войска, бивакировавшія на лѣвомъ берегу, стали въ ружье. Въ разстояніи шести или семи сотъ сажень непріятель приостановилъ движеніе, не спускалъ парусовъ; наскучивъ ожидать его, послали канонерскую лодку разъяснить положеніе. Съ нѣкоторымъ напряженіемъ глазъ можно было слѣдить за ней, когда луна проглядывала изъ-за тучъ; мы видѣли какъ она подходила, какъ засверкали ружейные выстрѣлы, видѣли съ нашего мѣста на правомъ берегу какъ на противоположащихъ батареяхъ вспыхнулъ огонь; услышали свистъ ядеръ, пущенныхъ рикошетомъ по водѣ, и—о удивленіе!—вся масса непріятельскихъ парусовъ поднялась на воздухъ съ оглушающимъ крикомъ. Зрители вытянули шею, напрягли зрѣніе и рѣшительно не понимали что это значитъ. Канонерская лодка, высланная на рекогносцировку, возвратилась съ объясненіемъ. Парусная бѣлизна, обманувшая всѣхъ безъ исключенія, принадлежала не турецкой флотиліи, а безчисленному стаду пеликановъ, плывшихъ по водѣ, занимая Дунай во всю ширину на протяженіи нѣсколькихъ сотъ сажень. Я видѣлъ это явленіе собственными глазами и ручаюсь, что самый опытный человекъ могъ обмануться, имѣя поводъ ожидать ежечасно со стороны Виддина Турокъ, а отнюдь не пеликановъ. Наши солдаты, у которыхъ пеликаны извѣстны подъ именемъ бабы-птицы, не могли довольно надивиться такому чуду и всему дѣлу дали названіе бабьей тревоги.

Другое происшествіе было слѣдующаго рода. П. Х. Граббе, произведенный за взятіе Рахова въ генераль-майоры,

отправился съ Московскимъ драгунскимъ полкомъ, сотнею казаковъ и четырьмя конными орудіями за тридцать шесть верстъ, въ Цибру, чтобы выгнать оттуда тысячи полторы делибашей, засѣвшихъ въ этомъ мѣстечкѣ и тревожившихъ нашихъ фуражировъ. Въ одну ночь онъ прошелъ до означеннаго мѣста, засталъ делибашей врасплохъ, разбилъ ихъ на-голову, и захвативъ множество лошадей и нѣсколько десятковъ пленныхъ, отправился назадъ. На возвратномъ пути случилось несчастье, котораго бы не предугадалъ, я полагаю, и величайшій военный гевій. Между Циброй и Раховымъ отрядъ остановился ночью отдохнуть, прислонивъ лѣвый флангъ къ болоту, а правый къ Дунаю. Выгоднѣе позиціи нельзя было выбрать въ тактическомъ отношеніи; кто же могъ думать, что именно эта выгода обратится къ нашему вреду и доставить случай скворцамъ отмстить за Турокъ. Кромѣ разбѣжавшихся делибашей, еще другія турецкія партіи бродили въ окрестности; это обстоятельство заставляло быть осторожными: кавалеристамъ отдали приказаніе не размуштучивать лошадей и не выпускать поводьевъ изъ рукъ, артиллерійскимъ ѣздовымъ велѣно оставаться на лошадяхъ, что и уберегло артиллерию отъ катастрофы. Драгуны исполнили приказаніе съ обычною безпечностью русскаго солдата, если за нимъ не присмотрятъ; обмотавъ поводья, кто около руки, кто около ноги, они легли на землю и заснули. Передъ разсвѣтомъ огромное стадо скворцовъ поднялось изъ болота съ пронзительнымъ шумомъ, сопровождающимъ полетъ этой птицы; драгунскія лошади переполошились, рванули и поскакали во всѣ стороны, увлекая людей, не успѣвшихъ освободиться отъ поводьевъ. Скачка была самая ужасная; мотавшіеся на поводьяхъ, избитые копытами, солдаты отчаянными криками еще болѣе увеличивали испугъ лошадей, летѣвшихъ по полю безъ удержу, стремглавъ бросавшихся въ яры и овраги, убиваясь и убивая несчастныхъ драгунъ. Многіе изъ нихъ остались на мѣстѣ; десятка два съ разбитыми головами, помятою грудью и переломанными членами пережили несчастье для того лишь чтобы остаться калѣками навсегда. Граббе былъ въ отчаяніи; но гдѣ же его вина? Къ счастью еще, лошади взяли направленіе въ раховскій лагерь, и прибѣжавъ на знакомое имъ мѣсто, сами стали размицаться по своимъ

кововязамъ. Послѣ этой скворцовской экспедиціи лошади Московскаго драгунскаго полка оказались въ такой мѣрѣ испуганными, что всякая неожиданность заставляла ихъ срыгаться съ кововязей или закусывать удила. Въ сильный вѣтеръ или во время грозы драгунамъ приходилось проводить цѣлыя ночи у кововязей, удерживая фыркавшихъ и становившихся на дыбы коней. Безпрестанно опасались, что они стопчутъ лагерь; иногда люди не могли управиться съ ними. Однажды взводъ драгунъ былъ отправленъ въ разъѣздъ подъ командой поручика Э.; на встрѣчу бѣжалъ оселъ; завидѣвъ лошадей, длинноухій заревѣлъ во всю мочь отъ чистаго удовольствія; лошади иначе поняли его невнятный ревъ, сбѣжали малъво кругомъ, закусили удила и во весь опоръ прищались обратно въ лагерь, имѣя ротъ въ крови отъ усилія сѣдковъ привести ихъ въ повиновеніе. Можно себѣ вообразить какія насмѣшки посыпались послѣ этого происшествія на бѣднаго поручика; онъ никуда не могъ показаться, гдѣ бы его не встрѣтили просьбой разказать какимъ образомъ оселъ обратилъ въ бѣгство цѣлый взводъ храбрыхъ драгунъ, и только благодаря стараніямъ товарищей дѣло обошлось безъ дуэли. Кончилось тѣмъ, что щекотливый и очень честолюбивый поручикъ положительно началъ мѣшаться въ умъ, и принужденъ былъ удалить его изъ отряда для успокоенія нервовъ.

Разказывая о томъ, какъ товарищи, безъ злаго намѣренія, отъ одной привычки дразнить, неловкими шутками довели поручика Э. до весьма непріятнаго болѣзненнаго положенія, я вспоминаю невольно о случаѣ, поставившемъ было меня самою въ несчастную крайность убить лучшаго пріятеля или кончить существованіе отъ его пули. Интересъ этого случая заключается, позволю себѣ думать, въ спасительномъ урокѣ, которымъ онъ можетъ служить для молодыхъ офицеровъ имѣющихъ обыкновеніе бѣситься варищей, не разбирая расположенья ли человекъ шутить. Неровекъ бываетъ часъ. Находятъ минуты, въ которыя самый добродушный, самый флегматическій субъектъ можетъ быть раздосадованъ бездѣлицей, а человекъ вспыльчиваго нрава доведенъ до бѣшенства, затемняющаго расудокъ на нѣсколько мгновеній. Въ эти минуты онъ себя не помнитъ, подобно людямъ впадающимъ отъ неожиданнаго пробужденія въ болѣзненный припадокъ, рвущий передъ ихъ глазами чудовищныя явленія. Человекъ

имѣющей нервозную натуру чаще всего приводится въ подобное положеніе весьма простымъ способомъ, а именно, безконечнымъ повтореніемъ одной и той же противной ему вещи; наблюдательный физиологъ подтвердитъ мои слова и согласится со мною, что человекъ, доведенный до такого душевнаго состоянія, дѣйствуетъ почти безсознательно и поѣтому имѣетъ право на свисхожденіе суда и общественнаго мѣнья при опредѣленіи мѣры вины, если онъ въ минуту крайняго раздраженія совершилъ проступокъ или нарушилъ правила приличія. Въ этомъ случаѣ главная вина принадлежитъ тому, кто довелъ до поступка, за которымъ нерѣдко слѣдуетъ столь же скорое, сколько бесплодное раскаяніе. Ложное понятіе о чести, гордость, самолюбіе, мстительный нравъ, а что хуже всего, слабохарактерность, поддающаяся настойчивымъ совѣтамъ тупоумныхъ или завистливыхъ товарищей, мѣшаютъ потомъ поправить ошибку, извиниться въ неумышленной обидѣ, взять назадъ неосторожное слово и доводятъ до крайности самое пустое дѣло. Я не говорю здѣсь о тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ нанесено дѣйствительное оскорбленіе намѣреніемъ запятнать человека въ глазахъ свѣта, гдѣ вызовъ дѣлается съ желаніемъ наказать оскорбителя за дерзость, а не для того чтобъ омыть честь, какъ привыкли ошибочно говорить, потому что чести насъ никто не можетъ лишить, кромѣ нашихъ собственныхъ поступковъ; а человекъ дѣйствительно безчестный не добудетъ чести, хотя бы онъ дрался десять разъ. Вспомнимъ при этомъ, сколько хорошихъ, талантливыхъ людей пали у насъ не за дѣло, а жертвой, можно сказать, ребяческой привычки дразнить своихъ друзей: Лермонтовъ заплатилъ жизнью за искусство находить въ каждомъ человекѣ внутреннюю нилку и приводить ее въ движеніе, пока не доплетъ терпѣніе у того, противъ кого онъ направлялъ стрѣлы своего остроумія.

Въ давнее время В. имѣлъ несчастье убить своего искренняго друга вслѣдствіе ссоры, возникшей отъ самой пустой, ребяческой шутки. Онъ не давалъ спать своему усталому товарищу и довелъ его до такого раздраженія, что тотъ, не помня себя, схватилъ первую вещь, которая ему попала въ руки, и пустилъ ее въ голову своего мучителя. Изъ шутки вышло несчастное дѣло, отъ котораго одинъ

потерялъ жизнь, а другой утратилъ покой и много общавшую служебную будущность.

Со мной былъ подобный случай; къ счастью, судьба и здравый смыслъ людей, запутавшихъ въ дѣло, спасли меня отъ дурныхъ послѣдствій моей вспыльчивости. Расскажу въ короткихъ словахъ какъ было происшествіе, не прикрашая своей вины.

Конные артиллеристы и конные пионеры построили общими силами на берегу Дуная изъ дерева и камыша обширный балаганъ, вмѣщавшій залу и нѣсколько жилыхъ комнатъ. Этотъ балаганъ никогда не оставался пустымъ; каждый вечеръ онъ наполнялся гостями, любившими хорошо поуживать и поиграть въ карты. Игра сопровождалась обыкновенно попойкой; шампанскаго, какъ водится, не жалѣли; золото переходило изъ рукъ въ руки. Жильцы и посѣтители балагана были короткіе знакомые, нѣкоторые связаны тѣсною дружбой. Отъ нечего дѣлать выдумывали, бывало, разные шутки, ловкія и неловкія, или подмѣтивъ слабую струну, принимались дразнить того или другаго. Чинюмъ и лѣтами я былъ моложе всѣхъ, вспыльчивъ, и поэтому мнѣ чаще другихъ случалось выдерживать шуточныя нападенія моихъ пріятелей, не обижавшихся даже колкостями, которыя иногда срывались съ моего языка.

Въ одинъ вечеръ, утомленный отъ дальней служебной поѣздки, не чувствуя охоты мѣшаться въ кипѣвшій около меня разгулъ, я занялъ широкій турецкій диванъ, надѣясь отдохнуть на немъ, не привлекая вниманія играющихъ. Противъ чаянія, меня замѣтили и наперерывъ стали приглашать: кто поставитъ карту, кто выпить бокалъ шампанскаго, отъ чего я положительно отказывался. Наконецъ полковникъ Б* подошелъ ко мнѣ со стаканомъ вина, предлагая выпить за его здоровье. Получивъ отказъ, онъ сталъ меня приуждать. Я попросилъ его оставить меня въ покоѣ. Полковнику, щекотливому и въ обыкновенномъ расположеніи духа, не понравилась рѣзкость молодого прапорщика, котораго онъ всегда отличалъ дружескимъ вниманіемъ. Желая скрыть досаду подъ видомъ шутки, онъ неожиданно схватилъ меня за ногу и стащилъ съ дивана, прибавивъ: „кто не хочетъ пить, тому слѣдуетъ лежать на землѣ.“ Разсерженный этою шуткой, я попросилъ не повторять ея, подъ опасеніемъ услышать отъ меня неприятность. Черезъ нѣсколько мгновеній Б* вто-

рично меня стащилъ. Сильно раздраженный, я объявилъ, что убью того, кто позволитъ себѣ еще разъ до меня коснуться. Менцынскій, находясь вблизи, спросилъ: „какъ, и меня?“—„Да, и тебя, если станешь шутить такимъ же нестерпимымъ образомъ.“ Не успѣлъ я проговорить этихъ словъ какъ Менцынскій, увлекаясь необдуманнѣйшимъ порывомъ раздраженнаго упрямства, сдернулъ меня въ третій разъ. Досада ослѣпила меня. Къ несчастію, чья-то турецкая сабля, безъ ноженъ, отданныхъ въ починку, лежала на диванѣ. Я схватилъ ее и замахнулся на Менцынскаго, успѣвшаго ускользнуть отъ удара за перегородку комнаты. Сабля вонзилась въ дерево такъ глубоко, что я не имѣлъ силы ее выдернуть. Всѣ присутствующіе остолбенѣли. Менцынскій бросился ко мнѣ, схватилъ за руки и просилъ ради Бога опомниться. Я не отвѣчалъ ни слова. Вечеръ кончился, всѣ разошлись по палаткамъ. Цѣлую ночь я не смыкалъ глазъ, обдумывая вечернее происшествіе, и чѣмъ болѣе я думалъ, тѣмъ менѣе казалось мнѣ возможнымъ оставить его безъ послѣдствія. Привязанность, которую я питалъ къ Менцынскому, располагала меня къ забвенію прошедшаго, но такъ-называемый point d'honneur раздражалъ мое воображеніе, увеличивая значеніе обиды, нанесенной мнѣ повтореніемъ неумѣстной шутки, заставившей меня потерять терпѣніе. Одна неугомонная мысль поселилась въ головѣ: я долженъ стрѣляться съ нимъ, иначе меня сочтутъ мальчишечьимъ, съ которымъ позволено шутить какъ угодно. Съ этимъ твердымъ намѣреніемъ я на другое утро попросилъ Деволана потребовать отъ моего имени удовлетворенія у Менцынскаго. Деволанъ отговаривалъ меня, считая возможнымъ уладить дѣло честнымъ образомъ и безъ этого способа, но принужденъ былъ уступить моей настойчивости. Слишкомъ долго было бы разказывать о всѣхъ переговорахъ, которые велись по этому дѣлу. Менцынскій не хотѣлъ сначала ни отвѣчать на вызовъ, ни извиниться, требуя, напротивъ того, извиненія съ моей стороны. Моя крайняя молодость служила для него поводомъ къ отказу; ему это было позволительно, какъ старому офицеру извѣстной храбрости, мнѣ же нельзя было уступить ни на волосъ, изъ опасенія уронить себя въ глазахъ товарищей. Менцынскій требовалъ переговорить со мной лично. Наше свиданіе было коротко и рѣшительно. Гордость и оскорбленное самолюбіе, заглушая голосъ сердца, не позволяли намъ покориться усло-

віямъ, которыя каждый предлагалъ для прекращенія дѣла. Чтобы не впутать въ бѣду никого посторонняго, мы согласились стрѣляться безъ свидѣтелей, черезъ столъ, въ палаткѣ у Менцынскаго. Часъ былъ назначенъ. Между тѣмъ Деволанъ, какъ мнѣ позже стало извѣстно, несмотря на обѣщаніе никому не говорить, далъ знать полковнику Б* о томъ, какииъ образомъ мы рѣшились кончить вчерашнее дѣло, завязавшееся отъ его неосторожной шутки. Въ назначенный часъ я вошелъ въ палатку моего противника противъ воли и сердечнаго желанія. Заряженные пистолеты лежали на столѣ. „Выбирай, сказалъ онъ, но прежде обнимемся; друзьями живи, друзьями кончимъ.“ Мы не успѣли усѣсться, какъ воли палатки были отдернуты. Полковникъ Б* съ артиллерійскими и конно-піонерными офицерами окружали ее. „Господа, вы хотите стрѣляться за вчерашнее дѣло; этого не должно быть. Не одинъ въ другаго, а оба должны вы стрѣлять въ меня“, сказалъ Б. и сѣлъ между нами на столѣ. „Я виноватъ во всемъ, прошу извиненія у г. прапорщика Т. за себя и за Менцынскаго, Менцынскаго прошу простить Т. его горячность и все забыть; разсудите, господа, обратился онъ къ офицерамъ, возможно ли допустить, чтобъ они дрались?“ Офицеры объявили въ одинъ голосъ, что раздѣляютъ его мнѣніе. Я не зналъ что отвѣчать, внутренно я радовался помѣхѣ, камень отвалило отъ сердца, а между тѣмъ рука моя держала еще пистолетъ. Что значитъ предразсудокъ! Менцынскій протянулъ руку первый, и я пожалъ ее крѣпко. Дѣло кончилось, прекратились съ тѣхъ поръ и шутки, которыми мнѣ вервѣко надоѣдали, считая безопаснымъ сердцемъ молодаго прапорщика, у котораго не пробивалъ еще пухъ подъ губой.

Съ Менцынскимъ я подружился сильнѣе прежняго и кончилъ тѣмъ, что жилъ у него въ палаткѣ, каждый разъ когда конная батарея находилась вблизи отряднаго штаба. Онъ берегъ мои деньги, лошадей кормилъ на артиллерійской коновязи, вещи приказывалъ не разъ укладывать на запасный лафетъ и глядѣть за ними своему деньщику, потому что мой Санчо-Пансо почти безвыходно стоялъ въ лазаретѣ.

Тѣмъ временемъ Мустафа-паша скодринскій придвигался къ верхнему Дунаю съ тридцатью тысячами хорошо вооруженныхъ Арнаутовъ, за которыми тянулась еще несчитанная толпа полувагаго сброда. Сербскій князь Милошъ,

доставлявшій Гейсмару свѣдѣнія о турецкихъ силахъ, выражался весьма неуважительно насчетъ экипировки и вооруженія этого скопича, но для нашего отряда, состоявшаго изъ двѣнадцати пѣхотныхъ баталіоновъ, четырехъ драгунскихъ и двухъ казачьихъ полковъ, имѣвшихъ обязанность наблюдать за переправами черезъ Дунай на протяженіи 240 верстъ, отъ австрійской границы до устья Ольты, подобный сбродъ былъ опаснѣе даже хорошаго боеваго войска. Плохіе воины, но безпощадные грабители, ватаги эти, подобно голоднымъ волкамъ, могли разбрестись по Малой Валахіи, рѣзать жителей, грабить и уничтожать запасы, пока наши малочисленныя войска, справляясь съ устроенными силами пашаи скодринскаго, не имѣли бы времени и средствъ гоняться за ними по обширному краю. Размѣщеніе нашихъ войскъ дастъ болѣе ясное понятіе о затруднительномъ положеніи, въ которомъ мы находились. Сколько помню, шесть баталіоновъ, одинъ драгунскій и одинъ казачій полкъ занимали Раховъ; на лѣвой сторонѣ Дуная, противъ этого пункта, стояли: одинъ баталіонъ, одинъ драгунскій полкъ и конно-піонерный эскадронъ; кромѣ того находились: въ Чироѣ два баталіона и драгунскій полкъ; въ Калафатѣ, въ сожженномъ Турками городѣ Чернецѣ, и не далеко отъ устья Ольты—по одному баталіону; драгунскій полкъ въ резервѣ около средняго Жію, и второй казачій полкъ по-сотенно на разныхъ пунктахъ. Несмотря на приближеніе черной тучи, грозившей разразиться надъ нашими головами, Гейсмаръ твердо рѣшился не оставлять Рахова и не освобождать для Турокъ сообщенія по Дунаю, пока дѣйствительная опасность не станетъ угрожать его собственнымъ путямъ отступленія. Для пашаи скодринскаго, громко хвадившагося что уничтожить нашъ отрядъ, открывались два способа проникнуть въ Малую Валахію и двинуться черезъ Ольту въ тылъ русской арміи, перешагнувшей уже за Балканы: первый—черезъ Раховъ, выбивъ насъ открытою силою изъ этого пункта, второй—мимо Виддина, чѣмъ онъ вынуждалъ очистить безъ боя правый берегъ Дуная. Противъ открытаго непріятельскаго нападенія Раховъ былъ достаточно укрѣпленъ съ полевой стороны, а пока мостъ обезпечивалъ сообщеніе черезъ Дунай и Калафатъ оставался въ нашихъ рукахъ, Гейсмаръ имѣлъ возможность выжидать въ Раховѣ движеніе пашаи черезъ Дунай близъ Виддина, съ увѣренностью перерѣзать ему дорогу въ

Краіово и по прошлагоднему примѣру испытать счастья на равнинѣ между Дунаемъ и Радованскими лѣсистыми высотами.

Слухи о приближеніи къ Виддину турецкихъ силъ усиливались съ каждымъ днемъ. Во второй половинѣ іюля Турки показались въ виду Калафата, на правой сторонѣ рѣки. Это не встревожило Гейсмара болѣе чѣмъ требовали вѣрно разчитанныя обстоятельства, дававшія намъ важное преимущество надъ Турками. Калафатъ наблюдалъ за ними и оборонялъ переправу черезъ Дунай; каждое ихъ движеніе около Виддина дѣлалось намъ известнымъ, между тѣмъ какъ намъ ничто не препятствовало скрытно отъ непріятеля переводить наши войска въ Раховъ съ одного берега на другой. Не трогаясь съ мѣста и наружно предаваясь величайшей безопасности, отрядный командиръ не упускалъ между тѣмъ дѣлать тайныя приготовленія къ очисткѣ праваго берега Дуная. Генеральнаго штаба поручикъ Сальменъ, офицеръ корпуса топографовъ Каменскій и я были отправлены для изученія мѣстности по правую сторону Жіо. На мою долю досталось снять низовье этой рѣки и отыскать броды для разныхъ частей войска. Исполнивъ заданную мнѣ работу въ нѣсколько сутокъ, я вернулся въ Раховъ съ надеждой отдохнуть, но крайне ошибся. Нѣсколько дней передъ тѣмъ чувствительный холодъ замѣнилъ постоянно господствовавшій жаръ, ртуть въ барометрѣ упала болѣе чѣмъ слѣдовало по времени года, все предвѣщало непріятную перемену погоды, но никто не предвидѣлъ того что случилось. Страшная буря поднялась неожиданно на Дунай. Первые порывы вѣтра заставили опасаться за мостъ, отъ цѣлости котораго зависѣла судьба Валахіи и нашего отряда. Генералъ немедленно отправился на берегъ, гдѣ его глазамъ представилась самая неутѣшительная картина: мостъ бросало во всѣ стороны, волны хлестали черезъ настилку, перекладки трещали, перила уносило вѣтромъ какъ щепки. Затѣвивъ меня въ числѣ немногихъ офицеровъ успѣвшихъ примкнуть къ его свитѣ, Гейсмаръ велѣлъ мнѣ идти къ командовавшему войскамъ на лѣвой сторонѣ, полковнику фельд-геръ-Бриггену, съ приказаніемъ употребить все, что позволяютъ человѣческія силы, для сохраненія моста, а если это окажется невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ сберечь лодки, безъ которыхъ мы оставались прико-

важными на правомъ берегу. Сильнѣе всего качало мостъ со стороны Рахова. Бросивъ лошадь, я побрелъ по прыгавшимъ подъ ногами доскамъ, дѣлаясь за поломанныя перила и упираясь противъ вѣтра, грозившаго увести меня въ рѣку на половинѣ дороги меня встрѣтили Бриггенъ и командиръ конно-пѣхотнаго эскадрона подполковникъ Книринъ, распорядившіеся солдатами, которымъ было поручено выкачивать воду изъ лодокъ и закидывать двойные якоря. Къ вечеру прорвало волненіемъ мостъ на фарватерѣ, нѣсколько лодокъ потонули, и сообщеніе совершенно прекратилось. Во всю ночь никто изъ насъ не покидалъ моста, уступая шагъ за шагомъ разъяренной рѣкѣ; люди работали до изнеможения силъ; трое жизни заплатили за свое усердіе: ихъ сорвало въ дунайскую пучину; въ мрачную ночь, при завываніи вѣтра никто не видалъ и не слышалъ какъ ихъ увесло: вѣчная имъ память, добрымъ, усерднымъ русскимъ солдатикамъ. Передъ полуднемъ вѣтеръ усилился, и лодка за лодкой съ трескомъ уходила на дно; тогда было отдано приказаніе разбирать мостъ, но буря не позволяла его исполнить. Никогда я не видалъ подобнаго волненія на рѣкѣ и не воображалъ, что оно можетъ дойти до такой силы. Въ это время пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Турки заняли дунайскій островъ противъ Каафата и показываютъ намѣреніе переправиться въ Ваахию. Чтò тутъ дѣлать? какъ увѣдомить отряднаго командира? Перѣѣхать черезъ Дунай было невозможно. Бриггенъ приходилъ въ отчаяніе, да и намъ всѣмъ было крайне досадно; обстоятельства обращались въ пользу Турокъ; мостъ сломало, наши лодки тонули одна за другой, а ихъ плоты и барки спокойно пережидали бурю въ Виддинѣ. Утѣшало насъ только то, что погода, вредившая намъ, и имъ не позволяла думать о переправѣ черезъ рѣку.

Военную исторію пишутъ обыкновенно, по простествіи многихъ лѣтъ, люди, не участвовавшіе въ описываемыхъ дѣлахъ, незнакомые съ мѣстомъ и обстоятельствами, не испытывавшіе никогда ни военныхъ трудовъ, ни ощущеній волнующихъ душу на полѣ битвы, и почерпающіе описаніе фактовъ изъ сухихъ официальныхъ донесеній, рѣдко обнаруживающихъ нагую истину. Для нихъ участники въ бывшихъ побѣдахъ и неудачахъ имѣютъ значеніе мертвой цифры, которою искупались извѣстные результаты. Еслибы пишущіе исторію всегда знали черезъ какія обстоятельства прошли

эти дѣатели былаго времени, какимъ раздирающимъ впечатлѣніямъ они подвергались, какія душевныя страданія, какіе сверхъестественныя труды они перенесли, добываясь нередко самыхъ ничтожныхъ результатовъ, какъ бы иначе судили они о фактахъ, какъ бы иначе цѣнили людей боровавшихся съ природой, со смертью, трудившихся всю жизнь и умиравшихъ въ какомъ-нибудь забытомъ уголку земли съ однимъ помысломъ, съ одною надеждой—исполнить долгъ солдата и оберечь народную славу! Что перенесла наша солдата въ три дня дунайской бури. день и ночь работая безъ отдыха въ студеной водѣ, не имѣя времени ни поѣсть, ни обсушиться, а видѣвъ собственными глазами; помню также съ какою глубокою горестью глядѣли мы на постепенное уничтоженіе моста, на гибель лодокъ, не предвидя на чемъ остановится дѣло разрушенія, опасаясь, что непріятель не упуститъ этого случая чтобъ уничтожить наши разъединенныя войска въ Раховѣ и въ Малой Валахіи; помню какъ мы жалѣли объ отрядномъ командирѣ, котораго всѣ любили, потому что онъ самъ насъ любилъ и берегъ. При этомъ нельзя было не подумать и о собственной судьбѣ, въ буквальномъ смыслѣ отдавшею на волю волнъ и вѣтра.

Къ величайшему счастью, на третій день, послѣ полудня, вѣтеръ стихъ до того, что оказалось возможнымъ переправить курьера и приступить къ разборкѣ моста. Шестидесятъ лодокъ отстояли, сорокъ потонуло. Черезъ часъ получено было приказаніе строить изъ уцѣлѣвшихъ лодокъ поромы сколько можно поспѣшнѣе, и по мѣрѣ изготовленія ихъ, переправлять войска на лѣвую сторону. При этомъ новая невзгода обрушилась на наши головы.

Опасаясь потерять много времени на разборку моста посреди рѣки, выдумали причалить уцѣлѣвшую часть къ лѣвому берегу. Обрубивъ конецъ примыкавшій къ землѣ, имѣли неосторожность прикрѣпить его нагаухо къ толстой сваѣ, а къ противоположному концу привязали канатъ, за который дѣлѣ рѣты уцѣпились и тянули на сколько доставало мочи. Это была важная ошибка. Не прикрѣпляя ближайшаго конца, а отпуская его по мѣрѣ того какъ дальній конецъ подходилъ къ берегу, можно было бы завести мостъ подуборотомъ на собственной его оси и причалить нѣсколько выже, уступая теченію на сколько было нужно. При вышеуказанномъ распоряженіи дѣло не удалось. Къ довершенію ошибки, уцѣлѣвшая часть

моста, длиною во сто восемьдесятъ сажень, была еще нагружена двумя сотнями рабочихъ, что не уменьшало напора воды; канаты не выдержали, лопнули, тянувшіе солдаты, сколько ихъ ни было, полетѣли на землю ногами вверхъ, свою вырвало, и мостъ, кружась, поплылъ внизъ по Дунаю, въ Никополь, прямо въ руки Туркамъ. Можно вообразить, какая тревога поднялась въ отрядѣ. Мнѣ пришлось видѣть происшествіе съ лѣваго берега. Попадавшіе солдаты вскочили на ноги и пустились бѣгомъ за уходившимъ мостомъ, не сообразивъ въ первую минуту, что его съ берега не поймаешь. По другую сторону, офицеры, казаки неслись сломя голову; скоро самъ Гейсмаръ проскакалъ внизъ по рѣкѣ. Обѣ канонерскія лодки, взмахивая веслами, все что оказалось на лицо большихъ и малыхъ амбаркацій послѣдили за мостомъ, кто кого обгонить. И мнѣ удалось прыгнуть въ лодочку, съ которою старикъ, дивизионный генералъ П—ра, пустился ловить бѣглеца, успѣвшаго скрыться изъ виду, несмотря на усилія нашихъ гребцовъ. Къ счастью, двѣнадцать верстъ ниже Рахова мель остановила мостъ, разбитый на три части. Совершенно смерклося, когда мы настигли его и немедленно принялись ломать, рубить и строить поромы. Всю ночь топоры стучали безъ умолку; сплоченные поромы отводились въ Раховъ, гдѣ они тотчасъ поступали въ дѣло для перевозки войскъ. Нельзя было терять времени. Въ эту же трудовую ночь пришло извѣстіе изъ Калафата, что число Турокъ на дунайскомъ островѣ умножается, и они стали перевозить туда провіантъ и артиллерію. Передъ утромъ курьеръ привезъ новое извѣстіе, о покушеніи четырехъ непріятельскихъ лодокъ пристать къ валахскому берегу, въ чемъ помѣшали имъ своимъ мѣткимъ огнемъ наши конныя орудія. Эта небольшая удача, казалось, не должна была насъ усыплять; непріятельскія приготовленія ясно обнаруживали намѣреніе наши скодринскаго двинуться въ Княжества; на неудачную попытку турецкихъ лодокъ надо было глядѣть какъ на предварительную рекогносцировку; отбитіе ихъ не доказывало еще, что мы имѣемъ силу воспротивиться настоящей переправѣ. Въ то время никому не приходило въ голову, что этотъ случай имѣетъ важное значеніе и что одно удачно пушенное ядро можетъ дать нашимъ дѣламъ совершенно неожиданный оборотъ. Паша скодринскій дѣйствовалъ вообще безъ энергии и, какъ носились слухи, неохотно покорялся волѣ султана; поэтому позволялось

ожидать съ его стороны всякаго рода проволокъ въ исполненіи стамбульскихъ предначертаній, впрочемъ, не въ томъ случаѣ, когда дѣло шло о вторженіи въ Малую Валахію. Подобное предпріятіе льстило его корыстолюбивымъ видамъ, суля огромную добычу, и сверхъ того, казалось весьма удобоисполнимымъ по причинѣ разительнаго превосходства его силъ надъ противостоявшею ему горстью Русскихъ; одно только воспоминаніе о прошлогоднемъ Байлештскомъ побоищѣ приводило его въ раздумье. Къ тому же онъ былъ суевѣренъ, подобно всѣмъ уроженцамъ Востока, и легко покорялся впечатлѣнію дурныхъ и хорошихъ предзнаменованій. Рѣшившись наконецъ воспользоваться крайнимъ раздробленіемъ нашихъ силъ, частію занимавшихъ Рахово на правомъ берегу Дуная, частію растянутыхъ на огромномъ протяженіи по лѣвую сторону рѣки, онъ предположилъ перейти черезъ нее ниже Калафата, оставить его въ сторонѣ и слѣдовать прямо въ Краіово. Но передъ тѣмъ онъ пожелалъ самъ выбрать мѣсто удобное для переправы и съ этою цѣлью отправился на лѣвый берегъ Дуная, сопровождаемый четырьмя лодками съ войскомъ. Третьимъ выстрѣломъ изъ конныхъ орудій, высланныхъ изъ Калафата на встрѣчу непріятельской высадкѣ, намъ удалось перебить руль у лодки, въ которой пылалъ самъ паша. Эта случайность была признана имъ весьма дурнымъ предзнаменованіемъ; онъ возвратился немедленно въ Виддинъ и надолго отказался отъ предпріятія, которому, повидимому, сама судьба противилась такимъ очевиднымъ образомъ. Но въ то время кто же могъ знать сокровенную думу пашы и основывать свои расчеты на обстоятельстве, о которомъ мы провѣдали случайно полгода спустя? Поэтому наши опасенія оставались въ прежней силѣ, и всѣ распоряженія клонились къ тому чтобы заслонить Краіово отъ непріятеля и на всѣхъ пунктахъ быть готовыми его встрѣтить.

По мѣрѣ переправы черезъ Дунай войска спѣшили въ Чирой ускореннымъ шагомъ, не поджидая другъ друга. Меня послали указывать имъ броды черезъ Жіо. Поспѣшность, съ которою солдаты суегились на переправахъ, забавляла меня.

— Куда такъ скоро? кричалъ я имъ.

— Идемъ Турка бить, ваше благородіе, отвѣчали они съ самоувѣренностью, — боимся упустить.

Солдатская увѣренность въ непремѣнной побѣдѣ была такъ велика въ отрядѣ, что слово драться не находило

мѣста въ ихъ словарѣ. Военныя понятія солдатъ ограничивались убѣжденіемъ, что противъ русскаго человѣка не можетъ устоять никто, и что бусурманъ слѣдуетъ бить безъ пощады, для того чтобъ они отучились бунтовать противъ Бѣлаго Царя.

Гейсмаръ поскакалъ тѣмъ временемъ въ Чирой, откуда, не заставъ на мѣстѣ егерей и драгунъ, проѣхалъ далѣе, въ Калафать, чтобы лично удостовѣриться въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Съ нимъ отправились Граббе, Прибытковъ и драгоманъ князь Судзо, малорослый, горбатый, тонконогій, востроносый, умный, самолюбивый и прехитрый Грекъ, говорившій на всѣхъ живыхъ и мертвыхъ языкахъ, которому не доставало только футовъ двухъ лишняго роста да небольшого запаса храбрости, чтобы занять между нами очень видное мѣсто. Страхъ попасть Туркамъ въ руки и за службу у Русскимъ утратить еще верхнюю часть своего маленькаго роста, по шее, лишалъ его всѣхъ сладостей жизни. Поѣздка въ темную ночь, безъ конвоя, по необозримымъ полямъ, на которыхъ встревоженное воображеніе рисовало ему сныи делибашей алчущихъ его головы, все не согласовалась съ его животолобивыми расчетами. Напрасно онъ истощалъ все богатства своего краснорѣчія, убѣждая Гейсмара не вдаваться въ опасность, отъ которой отрядъ можетъ лишиться любимаго начальника и даже могутъ пострадать дѣла всей арміи, а послать въ Калафать за извѣстіемъ какого-нибудь офицера, который если и пропадетъ, такъ бѣда не велика. Не отвѣчая даже на его представленія, Гейсмаръ подгонялъ только шибче ѣхать, а Судзо ближе жался къ широкому окну крытой карудзы-брашеванки, завѣшенному однимъ толстымъ полотномъ, около котораго онъ помѣстился, съ намѣреніемъ, при первой тревогѣ, выскочить и скрыться въ темнотѣ. Недалеко отъ Чироя карудза наѣхала на камень; получивъ неожиданно сильный толчокъ, Судзо вылетѣлъ изъ окна и попалъ ногами подъ колесо. Встревоженный Гейсмаръ, радѣя о цѣлости своего драгомана, тотчасъ остановилъ экипажъ и крикнулъ драгуну, сидѣвшему на козлахъ, отправиться вмѣстѣ съ суруджи на помощь къ несчастному князю. Волошинъ, драгунъ испанскаго роста, провожавшій отряднаго командира во всѣхъ поѣздкахъ, мгновенно соскочилъ и побѣжалъ къ ушибенному, вскрикнувъ при томъ: „какъ двумъ человѣкамъ поднимать

Судзика! на это дѣло станетъ и меня одного.“ Онъ подымае его на руки какъ ребенка и принялся разсматривать, сколько позволяла темная ночь. Ошалѣвшій Судзо не подавалъ голоса.

— Чтѣ, Волошинъ! убился? зывали мы изъ карудзы.

— Нѣтъ! кажись, живъ; больно испужался только; языкъ связало; ваше превосходительство сами изволите знать какъ онъ голосистъ въ иное время.

— А что ноги? переломлены?

— Нѣтъ, не поломаны; кажись, ихъ только покоробило, произнесъ драгунъ положительнымъ тономъ, всовывая Судзика въ карудзу, гдѣ его принялись оттирать и отливать водой, продолжая скакать во весь опоръ. Къ счастью, это происшествіе осталось безъ особенно вредныхъ послѣдствій: нѣсколько дней спустя Судзо находился въ состояніи пользоваться своими отъ природы несовершенно прямыми ногами, пострадавшими гораздо менѣе подъ колесомъ чѣмъ предполагалъ Волошинъ. Скоро онъ забылъ все дѣло, кромѣ одного обстоятельства, сильно затронувшаго его самолюбіе: это было пренебреженіе оказанное Волошинымъ къ росту и тяжести его особы, когда онъ взялъ его на руки одинъ, безъ помощи суруджи. Судзо выходилъ изъ себя каждый разъ, когда ему напоминали объ этомъ, и горячо доказывалъ, что онъ, Судзо, дорого могъ поплатиться за такую самонадѣянную выходку драгуна, еслибъ у того не достало силы и онъ его снова уронилъ на землю.

Гейсмаръ, убѣдившись въ Калафатѣ, что Турки на этотъ разъ отказались перейти на лѣвый берегъ Дуная, приказалъ войскамъ, слѣдовавшимъ изъ Рахова, занять центральную позицію на рѣчкѣ Дезнатцу, возлѣ селенія Урзюка-маре, откуда они равно могли поспѣть на Краіовскую дорогу и къ Раховской переправѣ, гдѣ мы оставили поромы и лодки подъ защитой одного баталіона, дивизіона драгунъ и четырехъ орудій.

Стоянка въ Урзюка-маре отличалась однообразною скукой, обыкновенно сопровождающею непрерывное ожиданіе не являющагося непріятеля. Дни тянулись вяло и медленно, намъ не удавалось даже имѣть порядочной тревоги; получать вечеромъ приказаніе быть готовыми къ выступленію, а на утро отказать—обратилось въ привычку и никакого болѣе не тревожило. Для офицеровъ генеральнаго штаба имѣлось еще очень полезное,

хотя и не совсѣмъ веселое занятіе—снимать окрестности нашей позиціи. Это дѣло производилось подъ личнымъ надзоромъ отряднаго оберъ-квартирмейстера, талантливаго полковника Галямина, оставившаго во всѣхъ своихъ подчиненныхъ память умнаго человѣка, пріятнаго, мезыскательнаго начальника и чрезвычайно веселаго собесѣдника. Музыка и рисованіе были его главныя склонности. Множество видовъ и военныхъ сценъ изъ турецкой кампаніи 1829 года и изъ послѣдовавшей за нею польской войны свидѣтельствуютъ въ пользу его таланта. Галяминъ не только наблюдалъ за нашею работою, онъ старался пріохотить насъ къ ней, избѣгая всякаго ненужнаго педантизма. Обыкновенно работа кончалась веселымъ завтракомъ, которымъ онъ угощалъ съемщиковъ. Дорожа здоровьемъ офицеровъ, онъ никогда не заставлялъ работать въ сильный зной и вообще соразмѣрялъ свои требованія съ силами и способами каждаго изъ насъ. Послѣ служебнаго дѣла, музыки и рисовальныхъ заведеній, въ которыхъ участвовалъ каждый умѣвшій владѣть карандашомъ, остальное время отдавалось картамъ. Въ то время лагерная жизнь не обходилась безъ нихъ; играя, гонялись менѣе за выигрышемъ чѣмъ за впечатлѣніями сопровождающими повороты счастья. Не помню изъ этой эпохи ни одного замѣчательнаго случая. Такимъ образомъ мы протянули до половины августа, когда въ одно прекрасное утро барабанъ ударилъ подъемъ. Сначала не хотѣли вѣрять ушамъ, но убѣдившись въ положительномъ значеніи боя, принялись за дѣло, не теряя времени. Небывалому человѣку трудно вообразить, съ какою радостью солдаты стали снимать палатки, укладывать на повозки походный скарбъ, сѣмать и вьючить лошадей, толкуя о томъ, куда пойдутъ. Людей нельзя было узнать. Солдаты, передъ тѣмъ вяло ходившіе по лагерю, встрепенулись, выпрямились, откуда явился огонь въ глазахъ, откуда взялась живость въ движеніяхъ, работа кипѣла у нихъ подъ руками. Офицеры радовались и суетились не менѣе солдатъ, въ виду случайностей общаемихъ движеніемъ. Всѣ наслажденія, всѣ надежды и ожиданія солдатской жизни заключаются въ магическомъ словѣ: походъ, если онъ направленъ къ цѣли понятной простому солдатскому уму, или если ведетъ человѣкъ, въ котораго солдатъ вѣрится безотчетно. Тогда онъ не спрашиваетъ: куда и зачѣмъ? а идетъ на край свѣта въ полномъ убѣжденіи, что его ведутъ туда за дѣломъ.

Ударили походъ, и всё сомнѣніе исчезло: Галамизъ повернулъ колонну на лѣво и поѣхалъ въ головѣ ея по давно знакомой Раховской дорогѣ.

VI.

Гейсмара побуждали слѣдующія обстоятельства двинуться за Дунай и вторично занять оставленный нами городъ Рахова. Наша главная армія находилась на пути къ Адрианополу. Мустафа-паша, не прелятствовавшій ей перейти черезъ Балканъ, вдругъ направилъ свои толпы отъ Виддина по Софійской дорогѣ. Недисциплинированные волонтеры его, правда, разбѣжались во всѣ стороны, пока онъ стоялъ подъ Виддиномъ въ бездѣйствіи, но появленіе Арнаутъ-паши на забалканскомъ театрѣ войны съ остальными сорока тысячами свѣжаго войска, когда мы подъ Адрианополемъ имѣли не болѣе двадцати тысячъ изнуренныхъ болѣзнями и трудами, угрожало вырвать изъ нашихъ рукъ плоды двухлѣтнихъ жертвъ и усилій въ ту самую минуту, когда начинала возникать надежда на скорое заключеніе выгоднаго мира. Необходимо было остановить движеніе Мустафы-паши, угрожая поставить его въ два огня. Для этого главнокомандующій предписалъ генералу Киселеву слѣдовать отъ Систова къ Габрову, а Гейсмару отъ Рахова идти по пятамъ скодринскаго паши. Не помню числа войскъ, которыми располагалъ Киселевъ; во всякомъ случаѣ оно не превышало нашихъ силъ, состоявшихъ изъ пяти тысячъ человекъ, съ трудомъ собранныхъ для задунайскаго похода. Недостатокъ перевозочныхъ средствъ и положительная невозможность заранѣе приготовить провіантъ и фуражъ по дорогѣ могли поставить въ недоумѣніе всякаго другаго генерала, менѣе рѣшительнаго чѣмъ нашъ отрядный командиръ, для котораго обстоятельства подобнаго рода не составляли непреодолимаго препятствія. Онъ рѣшился идти за Турками съ горстью Русскихъ, полагая свои надежды на непріятельскіе магазины, на средства несовершеннаго истощеннаго края и на сочувствіе христіанскаго населенія. Въ крайнемъ случаѣ, еслибы Мустафа-паша обратилъ на насъ всё свои силы и мы не выдержали бы его натиска, намъ оставалось еще средство: броситься въ Сербію, поднять Сербовъ, Герцеговинцевъ,

Черногорцевъ, и съ ихъ помощью совершенно уничтожить арнаутскую армию, въ успѣхъ чего нельзя было сомнѣваться.

Не вдаваясь въ головоломныя стратегическія соображенія, мы душевно радовались тому, что идемъ впередъ на схватку съ непріателемъ, и вполне предоставляли отрядному командиру заботы о томъ, какимъ способомъ слѣдуетъ не допускать нашу скодринскаго до Адрианополя и уберегать наши собственныя головы отъ турецкаго ятагана. Веселое, беззаботное время проживали мы тогда посреди трудовъ, лишений и всеневныхъ болѣзней, имѣя передъ собою непріателя, а за собой чуму. Въ Орешанской раскиданной роцѣ, при свѣтѣ луны, штабная молодежь отараздновала полными бокалами давно желанное выступленіе за Дунай. Въ полночь войсковая колонна двинулась къ рѣкѣ. Рахово занимали въ то время сотъ шесть турецкой команды. Не желая заводить ненужнаго дѣла и терять людей безъ прока, Павелъ Христофоровичъ Граббе приказалъ разбудить Турокъ небольшимъ числомъ пушечныхъ выстрѣловъ, дававшихъ знать, что для нихъ настала пора уходить. Послѣ того началась переправа, при которой мы не потеряли ни одного человѣка. Турки, забравъ свои пожитки, очистили мѣсто прежде чѣмъ наши солдаты ступили на берегъ. Къ разсвѣту два баталіона были перевезены на другую сторону, и передъ вечеромъ того же дня пѣхота и артиллерія отряда занимали уже знакомыя имъ Раховскія высоты. Въ городѣ, который былъ сожженъ, когда мы оставляли его въ первый разъ, уцѣлѣли лишь дома находившіеся въ цитадели. Гейсмаръ приказалъ занять ихъ подѣ отрядный штабъ; но мѣста было недостаточно, и многимъ пришлось расположиться бивуакомъ. Впрочемъ, погода была такъ хороша, что жизнь подѣ открытымъ небомъ не представляла ни малѣйшаго неудобства.

Простоявъ на мѣстѣ около недѣли въ ожиданіи точныхъ извѣстій о войскахъ скодринскаго паша, отрядъ нашъ выступилъ по дорогѣ къ городу Враца, имѣя въ авангардѣ, подѣ начальствомъ генерала Граббе, два баталіона пѣхоты, дивизіонъ новороссійскихъ драгунъ, двѣ сотни донскаго казачьяго полка Золотарева и четыре конныя орудія. Графъ Алексѣй Петровичъ Толстой командовалъ пѣхотой авангарда, взявъ за адъютанта прапорщика Веригина. При Граббе состояли: корпуса топографовъ поручикъ Камелскій, которому

мы обязаны всѣми отличными съёмками пройденныхъ нами дорогъ и лагерныхъ мѣстъ, молодой уданскій юнкеръ Пашово и я, облеченный въ двѣ должности,—офицера генеральнаго штаба и адъютанта авангарднаго командира. Изъ этого видно какими скромными средствами располагали у насъ въ то время, имѣя задачей идти слѣдомъ за сорокатысячною непріятельскою арміею, и какъ вѣрно соображали обстоятельства, пополняя отвагой чего не доставало въ способѣхъ.

До Врагы мы дошли въ три перехода, безъ схватки съ непріателемъ. Не могу назвать дѣломъ встрѣчу, которую мы имѣли съ нимъ около селенія Добролевы. Авангарду предполагалось расположиться на ,ночь возлѣ селенія Альтимиръ. Кавалерія, опередивъ пѣхоту на нѣсколько верстъ, заняла бивуакъ; драгуны принялись разбивать коновязи, но, къ счастью, еще не размушштучили лошадей; казаки высыпались во всѣ стороны за фуражемъ; въ это время прискакалъ Болгаринъ съ извѣстіемъ, что нѣсколько сотъ конныхъ Турокъ грабятъ въ Добролевахъ и убиваютъ жителей. По свѣдѣніямъ, которыя мы имѣли о непріателѣ, число ихъ не могло быть слишкомъ велико, хотя бѣжавшій крестьянинъ говорилъ съ явнымъ ужасомъ, что ихъ вѣтеро больше нашего. Павелъ Христофоровичъ, не обращая вниманія на его видимо преувеличенныя показанія, не дожидаясь пѣхоты и не собирая казаковъ, чтобы не терять времени, скомандовалъ драгунамъ: „садись!“ и пошелъ на поляхъ рысаяхъ къ несчастной деревнѣ. Не доходя до нея около версты, мѣстность, шедшая слегка въ гору, перегибалась пологимъ спускомъ къ рѣчкѣ, обтекавшей селеніе. Мы не могли еще видѣть что въ немъ дѣлается, какъ изъ-подъ горы вынырнулъ конный Болгаринъ. Онъ мчался къ намъ на встрѣчу на невзвужданной и неосѣдланной лошади, потерявъ память и коробясь въ конвульсіяхъ. Его схватили для допроса, но ничего не могли отъ него добиться, кромѣ слова Турчинъ и весьма понятнаго движенія рукой около шеи. Кровавыя пятна на бѣлой рубашкѣ доказывали, что онъ во-время успѣлъ уйти отъ Турчина; насъ это очень радовало, но нисколько не объясняло намъ того, что мы хотѣли знать. Видя, что отъ него нельзя было добиться толку, Граббе, съ намѣреніемъ не выславшій патрульныхъ драгуновъ, чтобы прежде времени не обнаружить ихъ непріателю,

самъ выскакала съ ними на край спуска, съ котораго открывалось селеніе—и передъ нами показались сотни три арнаутовъ, шедшихъ къ намъ навстрѣчу. Завидѣвъ передъ собою нѣсколько офицеровъ и казаковъ, они прибавили ходу. Драгунъ, отъ которыхъ мы находились шаговъ на сто ближе чѣмъ отъ непріятели, скрывала еще мѣстность. Граббе, не трогаясь съ мѣста, повернулся къ драгунамъ и командовалъ: „Строй дивизіонъ!“—„Пуки на перевѣсъ!“—„Укороти поведья!“—„Маршъ, маршъ!“ Когда они неслись мимо насъ, онъ крикнулъ, указывая на Турокъ: „Бей ихъ!“ Дивизіонъ полетѣлъ подъ гору; мы ожидали удара, но ошиблись. Турки, давъ изъ ружей безвредный залпъ, исчезли въ дыму и въ облакѣ пыли. Напрасно драгуны скакали за ними болѣе версты: кромѣ лошадиныхъ хвостовъ, они ничего не видали отъ непріятели. Далеко еще мелькали въ нашихъ глазахъ, при свѣтѣ заходящаго солнца, ихъ красные плащи и бѣлые чапмы. Въ началѣ ночи подошла пѣхота, и мы расположились, вмѣсто Альтимира, ночевать возлѣ Добролевы, довольные тѣмъ, что избавили христіанское селеніе отъ кровавыхъ арнаутовъ.

На послѣднемъ ночлегѣ передъ Врадой разыгралась у насъ небольшая траги-комическая сцена, невольными актерами которой были Граббе, я, да невѣдомый намъ поселянинъ изъ деревни Огодень, лежавшей возлѣ нашего бивуака. Надо предупредить, что мы шли совершенно налегкѣ, имѣя по одному вьюку на двухъ офицеровъ, безъ палатокъ и безъ обоза, слѣдовавшихъ при главной колоннѣ. Для генерала Граббе казаки устраивали на пикахъ небольшой шаламъ изъ бурока и козровъ. Поповы служили вмѣсто постели. Истинно добродушный Павелъ Христофоровичъ, изстари хлопотавшій болѣе о другихъ чѣмъ о самомъ себѣ, вида, что Плохово и я нуждаемся въ теплой одеждѣ и въ прочихъ походныхъ потребностяхъ, укладывалъ насъ ночевать въ овоемъ шаламѣ и дѣлился съ нами подушками, ковромъ и тулупомъ, готовый скорѣе самъ переносить ночную стужу чѣмъ подвергнуть ей наше молодое, неокрѣпшее здоровье. Онъ считалъ также излишнимъ ставить часового возлѣ шалама. Пробывъ на конѣ весь день, такъ какъ, кромѣ перехода, мы ѣздили еще рекогносцировать окрестности, а я, кромѣ того, долженъ былъ разставить пикеты, повѣрить цѣпь и указать направленіе ночнымъ разъѣздамъ, мы крѣпко заснули, подо-

ставъ попоны и бурки, укутанные въ шинели и накрытые сверхъ этого генеральскимъ тулупомъ въ защиту отъ холодной ночной росы. Луна свѣтила прямо въ отверстіе шалаша, завѣшеннаго только съ трехъ сторонъ. Впереди кормились казачьи лошади; пятьдесятъ шаговъ за нами лунные лучи играли на штыкахъ и стволахъ солдатскихъ ружей, составленныхъ въ козла, возлѣ которыхъ егеря, укрытые сѣрыми шинелями, спали на сырой землѣ завиднымъ сномъ, дающимъся солдату послѣ утомительнаго похода. Вправо отъ бивуака чернѣлись огоденскіе сады и мелькали огоньки въ домахъ. Деревня была не занята и сторожилась только двумя казачьими пикетами, выставленными съ полверсты впереди. Кромѣ оклика часовыхъ и фырканья лошадей, казалось, никакой звукъ не нарушалъ ночной тишины.

Толчокъ въ плечо и густой генеральскій голосъ, раздавшійся надъ моимъ ухомъ: „Apprenez ce que me veut cet homme!“ разбудили меня внезапно. У Павла Христофоровича въ ногахъ лежалъ человекъ, одѣтый въ бѣлую рубашку. Полуспящий, я оттолкнулъ его, схватилъ саблю и сдѣлалъ движеніе чтобы выскочить изъ-подъ навѣса, но запутался ногами въ шинели и другихъ вещахъ, которыми мы были укрыты, и въ свою очередь упалъ къ ногамъ незнакомца, поднявшагося съ земли въ одно время со мной.

Я не успѣлъ еще высвободиться изъ тенетъ, опутавшихъ мнѣ ноги, а Павелъ Христофоровичъ уже стоялъ надо мной: одною рукою онъ поймалъ за волосы человека, надѣлавшаго тревогу, Болгарина по одеждѣ, въ другой сверкала обнаженная сабля. Луна полнымъ свѣтомъ озаряла сцену; на рубашкѣ незнакомца ясно видѣлись кровавыя пятна, побудившія генерала схватить его, въ убѣжденіи, что я упалъ, пораженный ножомъ какого-нибудь фанатика-Турка, прокравшагося въ лагерь съ намѣреніемъ убить его самого.

Схватенный человекъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и склонивъ голову подъ сильною рукою генерала, казалось, ожидалъ роковаго удара, не вѣдая, за чтó хотятъ лишить его жизни.

— Assassiné? проговорилъ Павелъ Христофоровичъ.

— Pas du tout, отвѣчалъ я, становясь на ноги.

— Alors vous êtes blessé; il vous a donné un coup de couteau?

— Nullement.

— Pourquoi donc êtes vous tombé?

- J'ai trébuché dans mes couvertures.
- Et ces tâches de sang?
- Je n'en sais rien.

Граббе выпустилъ изъ рукъ голову несчастнаго; она поднялась и показала при свѣтѣ луны лицо, покрытое кровью. Этимъ обнаруживалась другая сторона дѣла. Не онъ имѣлъ въ виду обижать, а его самого обидѣли, и онъ прибѣжалъ искать защиты у русскаго начальника. Оправившись отъ перваго страха, увѣренный, что онъ болѣе не рискуетъ потерять голову, огоденскій селянинъ пролепеталъ жалобу, по-болгарски, на солдатъ, прокравшихся въ селеніе, гдѣ они мародерничаютъ и его самого избили такимъ безпощаднымъ образомъ.

Подаривъ бѣдняку нѣсколько червонцевъ и отдавъ его на попеченіе лѣкаря, Граббе отправилъ меня очистить деревню отъ мародеровъ и дознать, какимъ путемъ Болгаринъ успѣлъ пробраться черезъ цѣпь часовыхъ, не будучи замѣченъ и оставленъ. Неприятно усталому, внезапно оторванному отъ глубокаго сна человѣку выбраться изъ-подъ теплаго одеяла на свѣжій ночной воздухъ; дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, мысли мутятся, глаза закрываются. Но тутъ нечего было дѣлать. Граббе, врагъ безполезнаго педантизма, снисходительный къ людскимъ слабостямъ во всякое другое время, въ случаѣ дѣйствительной служебной надобности требовалъ скорого и точнаго исполненія, при полномъ забвеніи всѣхъ личныхъ побужденій и разчетовъ. Онъ былъ въ правѣ этого требовать, потому что самъ подавалъ примѣръ неограниченнаго самоотверженія на каждомъ шагѣ. Въ жизни я встрѣчалъ не много людей такъ какъ онъ проникнутыхъ чувствомъ долга съ ногъ до головы. Ему я обязанъ всѣмъ добромъ, какому научился на первыхъ порахъ моей службы. Въ то время я еще не могъ равнодушно видѣть беспорядокъ, насилия, несправедливости и плутовства. И позже, не имѣя способа преслѣдовать плутовъ и грабителей на дѣлѣ, я, на сколько доставало умѣнья, преслѣдовалъ ихъ словомъ, не смотря ни на званіе ихъ, ни на общественное положеніе, подъ которымъ они укрывали свои продѣлки отъ закона и отъ публичнаго презрѣнія. Знаявшіе меня подтвердятъ, что я никогда не облизался съ людьми этого рода; да и они больно не жаловали меня, отчего я страдалъ въ жизни, не разъ встрѣчая помѣху въ лучшихъ намѣреніяхъ.

Не мѣшкая, я сѣлъ на лошадь, страхнулъ союзъ и съ десятию казаками поскакалъ въ деревню, туда, гдѣ слышались голоса и громче раздавался лай собакъ. Наши солдаты, несмотря на то что говорятъ о нихъ пріятелю Нѣмцы, вообще добродушны, преданы доброму начальнику, терпѣливо переносятъ излишніе строгаго и не расположены къ ослушанію. Но и между ними, какъ вездѣ, есть также пьяницы, воры и разбойники; война способствуетъ развитію грабежа и безчестія, образующихъ мародерство, отъ котораго не избавлена никакая европейская и неевропейская армія. Особливо казаки, дисциплинованные менѣе линейнаго войска, любить, какъ у нихъ говорится, пошарить, при чемъ они не всегда отличаютъ мирнаго жителя отъ вооруженнаго врага. И въ этотъ разъ я захватилъ пару солдатъ, да человекъ пять казаковъ, которыхъ отправилъ подъ конвоемъ къ дежурному по авангарду. Послѣ того я объѣхалъ цѣпь и открылъ путь, по которому избитый Болгаринъ пробрался къ генеральскому шалашу,—служебная оплошность, влекшая за собой взысканіе, но отнюдь не наказаніе, подобное тому, какого требовало злое дѣло пойманныхъ мною мародеровъ. Передъ разсвѣтомъ я пріѣхалъ съ докладомъ къ Павлу Христоворовичу, ожидавшему меня съ готовымъ кофеемъ, въ награду за ночь проведенную безъ сна.

Скоро послѣ того барабанъ поднималъ отрядъ, колонна вытянулась на дорогу, и мы сѣли на лошадей съ надеждой отдохнуть во Врацѣ, лежавшей отъ Огодена не далѣе двадцати верстъ. Наше желаніе отдохнуть исполнилось равнѣе чѣмъ можно было ожидать. Мы получили приказаніе сдѣлать трехчасовой привалъ на половинѣ дороги, чтобы дать время главной колоннѣ, слѣдовавшей за нами въ разстояніи пятнадцати верстъ, облизиться съ авангардомъ, на случай есаубы въ городѣ насъ ожидало сопротивленіе. Войска скодринскаго паша находились въ это время около Софіи, кромѣ небольшихъ конныхъ партій, рыскавшихъ еще въ горахъ; Врацу же удерживалъ Аялъ, располагавшій пятью сотнями конницы и тысячами двумя вооруженныхъ жителей турецкаго происхожденія. Довольно крѣпкая цитадель и визельскій плетневый брустверъ около внутренняго города, окруженнаго обширными, густыми садами, облегчали его оборону. Должно было ожидать, что Аялъ, по турецкому обыкновению, не уступитъ города безъ боя, имѣя притомъ совершенно

безопасное отступленіе въ горы, къ которымъ присонаялась Браца. Въ то же время мы были увѣрены, что завладѣемъ городомъ безъ большаго труда, поэтому весело пошли съ мѣста привала въ ожиданіи непродолжительной и удачной драки, не думая мѣнять походной колонны на боевой порядокъ, который, при небольшихъ силахъ, легко и скоро можно построить въ виду самого непріятеля. Казаки, разсыпанные по широкому полю, оберегали насъ отъ нечаянной встрѣчи. Въ двухъ верстахъ отъ города мы приостановились, для того чтобы дать людямъ вздохнуть и приготовиться. Въ это время къ намъ пріѣхалъ Гейсмаръ со штабомъ, подъ прикрытіемъ сотни казаковъ, старая нетерпѣніемъ узнать что дѣлается впереди. Казачья цѣпь, ожидая приказанія, остановилась передъ городомъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Пока еще раздумывали, прямо ли подаваться впередъ или, не доходя на выстрѣлъ, послать парламентаря съ требованіемъ сдать городъ, вправо отъ него показалась колонна съ разноцвѣтными значками. Какъ! непріятель выходитъ! Неожиданная потѣха! Но зрительныя трубы не замедлили раскрыть истину. Приближались не Турки, а монахи изъ Брацкой обители, съ крестомъ и хоругвами, да Болгары изъ окрестныхъ деревень шли встрѣчать едиковѣрцевъ, пришедшихъ, какъ они думали, изъ далекой страны для избавленія ихъ на вѣки отъ турецкаго ига. Между тѣмъ изъ казачьей цѣпи дали знать, что въ городѣ происходитъ какое-то непонятное смятеніе: Турки, занимавшіе стѣну, то исчезаютъ, то снова появляются на брустверѣ, кричатъ и спорятъ между собой; вслѣдъ за тѣмъ казаки привезли Болгарина, прокравшагося садами. Отъ него узнали, что Аякъ съ конницей бѣжалъ изъ города, въ которомъ не знаютъ кого слушать: часть Турокъ хочетъ сдаться, другіе же требуютъ боя на смерть съ гаурами и готовы сѣсть между собой. Гейсмаръ, смѣлый и рѣшительный до крайности, не имѣлъ привычки долго думать въ подобную минуту. Едва выслушавъ извѣстіе о томъ что дѣлается во Брацѣ, онъ отдалъ уже приказаніе войскамъ идти впередъ, поручивъ Граббе принять процессію, отвѣтить на рѣчь архимандрита, и потомъ дѣйствовать какъ покажутъ обстоятельства, а самъ съ казаками поскакалъ прямо къ городу, сказавъ намъ, что въ подобномъ случаѣ не надо терять времени и онъ увѣренъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ

вынудить сдачу без выстрѣла. Мы видѣли какъ онъ подѣхалъ къ воротамъ, простоялъ около нихъ не болѣе десяти минутъ и потомъ со свитой и съ казаками исчезъ въ глубинѣ улицъ. Посланный отъ него казакъ передалъ Павлу Христофоровичу распоряженіе оставить отрядъ на равнинѣ и для успокоенія турецкихъ жителей, впустившихъ генерала безъ всякихъ условій, не вводить въ городъ пѣхоты и не впускать никого, пока не будетъ сдѣлано новое распоряженіе. Не придавая важности ружейнымъ выстрѣламъ, которые скорѣ послѣ того стали раздаваться за городомъ, мы продолжали разбивать лагерь, пока не примчался казакъ съ тревожнымъ извѣстіемъ, что отрядный командиръ, захватившій слишкомъ далеко въ скалистое ущелье открывавшееся надъ Врацой въ видѣ тѣсныхъ и высокихъ воротъ, окруженъ неприятелями. Число ихъ казакъ не бралися опредѣлить. Судя по выстрѣламъ, оно не могло быть очень велико, и дѣйствительная опасность угрожала Геймару только въ такомъ случаѣ, если городскіе мусульмане, увлекаясь дурнымъ примѣромъ, вмѣшаются въ дѣло. Для предупрежденія подобной попытки съ ихъ стороны, Граббе приказалъ ближайшему баталіону, сбросивъ ранды, обогнуть городъ бѣглымъ шагомъ, одной ротѣ занять городскія ворота передъ лагеремъ, а самъ съ казаками, находившимися подъ рукою, поскакалъ въ ущелье прямымъ путемъ черезъ врацкія улицы. Турки въ полномъ вооруженіи занимали ихъ густою толпой; они бросали на насъ сердитые взгляды; кое-гдѣ изъ середины слышались проклятія противъ московъ-гауровъ, но предъ нашими саблями и передъ казачьими пиками дорога очищалась безъ сопротивленія. При нашемъ появленіи у входа въ ущелье выстрѣлы стали удаляться и въ скоромъ времени совершенно умолкли; отряднаго командира мы застали внѣ опасности. Дѣло заключалось въ томъ, что онъ за городомъ, куда выѣхалъ съ намѣреніемъ тотчасъ познакомиться съ мѣстностью лежащею къ сторонѣ неприятеля, наткнулся на Турокъ уходившихъ съ Аяомъ. Замѣтивъ малочисленность конвоя, сопровождавшаго генерала, они сперва остановились, завязали перестрѣлку, а потомъ начали спускаться съ горъ съ явнымъ намѣреніемъ его окружить, но были остановлены движеніемъ баталіона и нашимъ приближеніемъ, замѣченными ими съ высоты которую они занимали. Геймаръ же, въ ожиданіи скорого подкрѣпленія, не уступалъ мѣста,

чтобы не уронить нравственнаго вѣса, которымъ онъ пользовался въ глазахъ непріятеля. Въ войнѣ съ Турками и съ другими восточными народами надо смѣло идти впередъ, не пугаясь численности противника; побѣда остается за тѣмъ кто не робѣетъ. Отступать передъ ними значитъ называть на себя срамъ и пораженіе, потому что Азіатцы преслѣдуютъ неустоявшаго врага съ неотразимымъ бѣшенствомъ. Турки, смирившіеся такъ легко передъ Гейсмаромъ, потому что онъ дѣйствовалъ скоро и рѣшительно, не давая имъ времени одуматься, не упустили бы случая броситься на бѣгущихъ глауровъ, еслибъ онъ отступилъ хотя на шагъ. Завязалось бы дѣло, котораго неизбѣжнымъ послѣдствіемъ было бы разореніе города и чувствительная потеря людей съ нашей стороны; а намъ слѣдовало беречь городъ для собственной выгоды и беречь солдатъ для общей цѣли войны, не тратя ихъ жизнь на отдѣльную дѣла, не обѣщавшія иной пользы, кромѣ украшенія журнала военныхъ дѣйствій и умноженія наградныхъ списковъ. А настойчивость отряднаго командира стоила, кажется, не дороже двухъ раненыхъ казаковъ.

Баталіонъ, отправленный Павломъ Христофоровичемъ въ обходъ, получалъ назначеніе расположиться съ шестью орудіями въ цитадели, вмѣщавшей губернаторскій домъ, въ которомъ Гейсмаръ, Граббе, графъ Тоастой и всѣ офицеры отряднаго штаба нашли просторное и удобное жилье. Аманъ, уходя, не успѣлъ вывести изъ дому ни одной подушки, ни одного ковра. Въ кухнѣ отыскались даже жаркое и готовый плавъ, которыми мы воспользовались въ ожиданіи генеральскаго ужина, а сараи и каадовы оказались наполненными значительнымъ запасомъ муки, кукурузы и ячменя, поступившимъ, какъ слѣдовало, въ распоряженіе отряднаго провіантмейстера.

На другой день было устроено городское управленіе, назначенъ ага (полицеймейстеръ) — Турокъ, съ придачей ему нѣсколькихъ помощниковъ изъ Турокъ, Болгаръ и изъ русскихъ офицеровъ. Жителей принудили сложить оружіе въ цитадели, съ условіемъ, что оно будетъ имъ возвращено по окончаніи войны; отъ военнаго поста ихъ освободили, кромѣ немногихъ исключеній въ пользу должностныхъ офицеровъ, не нашедшихъ мѣста въ губернаторскомъ домѣ. Благодаря умнымъ распоряженіямъ отряднаго

командира, дѣятельности офицеровъ и хорошей дисциплинѣ заведенной въ войскахъ, спокойствіе и порядокъ не замедлили водвориться во Врацѣ и не нарушились ни однимъ громкимъ происшествіемъ въ продолженіе всей нашей стоянки. По прошествіи немногихъ дней, Турки приучились повиноваться волѣ гауровъ и повели свою обычную базарную и кофейную жизнь, нисколько не смущаясь нашимъ присутствіемъ. Въ то время не было, кажется, образованныхъ Турокъ, а были Турки стараго покроя, обладавшіе многими хорошими качествами, несмотря на ихъ невѣжество, релігіозный фанатизмъ и глубокое презрѣніе ко всему чужому. Гостепріимство, честность и соблюденіе даннаго слова считались у нихъ качествами, безъ которыхъ не должны обходиться добрый мусульманинъ. Они притѣсняли христіанъ изъ чистаго невѣжества, считая каждаго гаура не выше собаки. Теперь, говорятъ, просвѣщеніе проникло и въ Турцію, чему я не вѣрю, потому что исламизмъ не допускаетъ истиннаго просвѣщенія, подавляя каждую разумную мысль. Положеніе христіанъ въ Турецкой имперіи не измѣнилось къ лучшему. Прежде ихъ угнетали открытою силою; теперь угнетаютъ путемъ обмана и изворотовъ, чему научило Турокъ полуобразование, замѣнивъ былой фанатизмъ тупоумнымъ безвѣріемъ. Правосудіе исчезло совершенно, и всѣ хваленныя реформы — басни, изобрѣтаемыя для забавы европейскихъ правительствъ, якобы принимающихъ живое участіе въ судьбѣ турецкихъ христіанъ.

Въ то время каждый городской Турокъ занимался торговлей. Лавка возлѣ лавки, всѣ главныя улицы представляли собой одинъ сплошной базаръ. Надо знать какимъ товаромъ онѣ были наполнены: нѣсколько кусковъ шелковой или бумажной матеріи, сафьяну, или холста, десятка два черешневыхъ чубуковъ, кипы двѣ листоваго табаку, иногда корзина фруктовъ, или овощей, составляли все ихъ богатство. Чаще всего встрѣчались пекарни, кухни и цырюльни, совершенно открытыя на улицу. Мѣсили тѣсто, варили пловъ, жарили баранину, и брили головы въ виду гуляющей публики. Купцы проводили въ лавкахъ весь день, поджавъ ноги и потягивая дымъ изъ длинныхъ чубуковъ. Не имѣя привычки звать покупателей, они принимали ихъ съ важнымъ видомъ и будто нехотя объявляли цѣну своему товару, никогда не запрашивая лишняго. Если кому случалось заглянуть въ лавку

безъ хозлина, то сосѣдній купецъ бралъ на себя обязанность продавца, считая грѣхомъ воспользоваться для собственной выгоды отлучкой своего собрата по торговлѣ. Турки не имѣвшіе лавокъ просиживали въ кофейняхъ съ утра до поздняго вечера, съ чубукомъ въ зубахъ, потагивая кофей изъ крошечныхъ филиджанокъ. На разговоръ они времени не тратили, а слушали обыкновенно одного разказчика, отвѣчая отрывистыми восклицаніями: Аллахъ! Аллахъ! или, а! гауръ! когда дѣло имъ не нравилось. Мы, Русскіе, не понимали такого бездѣлья, но въ похвалу намъ будь сказано, никогда не тревожили его упойтельной тишины ни дѣломъ, ни колкимъ словомъ. Вообще мы заботились по возможности облегчать для Турокъ наше непрощенное присутствіе, избѣгая нарушать ихъ повѣрья и привычки: сидя въ кофейняхъ, курили трубки въ глубокомъ молчаніи, берегли мечети, встрѣчая женщинъ, отворачивались, и не водили за собой собакъ въ жилыя комнаты. Солдаты слѣдовали доброму примѣру офицеровъ, да и по собственному побужденію не обижали безоружныхъ Турокъ. Не смѣшно ли, послѣ того какъ вездѣ оказывалъ себя русскій солдатъ, читать насчетъ его пороковъ и неукротимой грубости педѣвныя сказанія нѣмецкихъ высокоумныхъ писателей, забывающихъ въ этомъ случаѣ, что въ мірѣ нѣтъ грубѣе и безтолковѣе ихъ простаго народа и нахальнѣе ихъ касты военно-служащихъ? Между тѣмъ Русскій, подобно Французу, дерется безпощадно, но вслѣдъ за самою отчаянною дракой расположенъ жалѣть о побѣжденномъ, безъ разбора языка и вѣры, и, сверхъ того, чрезвычайно уживчивъ въ чужой сторонѣ, добродушно покаясь несроднымъ для него обычаямъ и привычкамъ, къ чему Англичанинъ и Нѣмецъ положительно неспособны.

Враца отличалась своимъ живописнымъ положеніемъ у подножія горъ и прекрасною водой, струившеюся изъ двадцати двухъ фонтановъ и сверкавшею въ прозрачномъ горномъ ручьѣ, который протекалъ посреди главной улицы и омывалъ безчисленными рукавами множество тѣсныхъ переулковъ. Въ съѣстныхъ припасахъ, мясѣ, живности, овощахъ и отличныхъ фруктахъ мы не терпѣли нужды. Окрестные Болгары снабжали ими врацскій рынокъ въ избыткѣ. Зерна у поселянъ оказалось также достаточное количество, когда они убѣдились что Русскіе платятъ за него деньгами, а не побоями, подобно Туркамъ, отъ которыхъ запасы были

попрятавы въ землю. Поэтому нельзя было желать лучше врац-ской стоянки, и ничто не мѣшало бы войскамъ привольно отдыхать въ ожиданіи будущихъ трудовъ, еслибы не распространились болѣзни, своимъ упорствомъ приводившія въ отчаяніе и больныхъ, и медиковъ. Лагерное мѣсто отличалось сухимъ, открытымъ положеніемъ, вода была хороша, продовольствія достаточно; между тѣмъ число больныхъ умножалось съ каждымъ днемъ. Губительнѣе прочихъ болѣзней оказывалась перемежающаяся лихорадка, отъ которой люди умирали нерѣдко послѣ третьяго и даже втораго пароксизма. Это зло приписывали неспѣлымъ фруктамъ, будто бы соблазненнымъ нашихъ солдатъ, несмотря на строгое запрещеніе и на неусыпный надзоръ, которому они подчинялись. Впрочемъ не одни солдаты, а и офицеры, берегшіе себя сколько позволяли обстоятельства, заболѣвали лихорадкой и умирали отъ нея въ самое короткое время. Если фрукты были не безъ вины въ развитіи болѣзней, то, кажется, и другія обстоятельства много тому способствовали: не ошибаясь, можно причислить къ нимъ ночную службу, отсутствіе суконныхъ панталонъ, неосторожное употребленіе холодной ключевой воды въ знойное время дня, и въ особенности большое число молодыхъ рекрутъ, прибывавшихъ съ дальняго сѣвера въ совершенно непривычный для нихъ южный климатъ. Несмотря на это неудобство, мы должны были оставаться около Врацы, ежечасно ожидая повелѣнія идти за Балканъ, если паша скодринскій изъ-подъ Софіи двинется къ Адрианополю. Къ счастью еще, нашъ задунайскій отрядъ былъ избавленъ отъ чумы. Въ Малую Валахію она проникла нѣсколько недѣль предъ тѣмъ, о чемъ было получено первое извѣстіе въ день выступленія изъ Орешанъ. Это обстоятельство заставляло отряднаго командира сильно беспокоиться за войска, оставшіяся на лѣвой сторонѣ Дуная, да и за собственное семейство, ожидавшее его въ Краіовѣ. Къ несчастію, въ этомъ случаѣ приходилось ограничиться однимъ безплоднымъ сожалѣніемъ. Кромѣ внушенія обыкновенныхъ мѣръ предосторожности, ему ничего нельзя было предпринять для сбереженія отъ заразы жены, дѣтей и войска. Куда ихъ вывести, еслибъ обстоятельства даже позволяли очистить Малую Валахію? Въ Букарештѣ, въ Яссахъ и во многихъ мѣстахъ южной Россіи чума свирѣпствовала съ равною силой.

Къ довершенію бѣды, нашъ отрядъ лишился генерала Граббе, получившаго приказаніе отправиться въ главную армію для занятія должности начальника штаба во второмъ пѣхотномъ корпусѣ, подъ начальствомъ графа Палея. Войско утратило въ немъ храбраго и распорядительнаго генерала, Гейсмаръ потерялъ искренняго друга и полезнаго совѣтника, а я лишился доброжелательнаго покровителя. Въ первой половинѣ сентября онъ отправился на Дунай съ драгунскимъ полкомъ, долженствовавшимъ вернуться къ намъ съ транспортомъ сухарей, въ которыхъ мы нуждались, на случай дальнѣйшаго движенія.

Извѣстіе о выступленіи наши скодринскаго изъ-подъ Софіи къ Татаръ-Базарджику, лежащему на прямой Адриано-польской дорогѣ, повудило Гейсмара поспѣшно двинуться по его слѣдамъ. Два баталіона, казачій полкъ и шесть орудій, подъ начальствомъ полковника Жигалова, составляли авангардъ, который мнѣ приказано было съ сотней казаковъ и съ двадцатью сербскими милиціонерами, опередить версты на пятнадцать, для наблюденія за непріятельскими партіями и для отраженія ихъ, если онѣ вздумаютъ уничтожать деревенскіе запасы. Покинувъ врацкій лагерь до разсвѣта, я остановился возлѣ деревни Дорманца, для перваго отдыха и для разспросовъ о непріятелѣ. Это было на поворотѣ дороги, пролегавшей сначала вдоль подошвы горъ, версты на двѣнадцать, и углублявшейся за этимъ селеніемъ въ тѣсное ущелье рѣки Искры, изъ котораго она черезъ крутой гребень переходила въ долину рѣки Новацынки, текущей въ южномъ направленіи. Тутъ нагнали меня два казака съ предписаніемъ отъ начальника авангарда: „Дождавшись назначенныхъ ко мнѣ въ подмогу полусотни казаковъ и десяти конныхъ пионеровъ, идти впередъ для исправленія горной дороги, испорченной непріателемъ между селеніями Реберково и Новацынъ, о чемъ отрядный командиръ получилъ достовѣрное извѣстіе въ минуту самаго выступленія.“ Къ предписанію была приложена записка отъ самаго Гейсмара, писанная карандашомъ съ похода, въ которой онъ просилъ меня, во что бы ни стало, окончить починку дороги до другаго утра, чтобы не лишить отрядъ возможности перевалиться черезъ хребетъ прежде чѣмъ непріятель узнаетъ о нашемъ движеніи. Ласковый тонъ записки и высказанная въ ней довѣренность возбудили мое

самолюбіе въ высшей степени, и я принялся за дѣло съ твердою волей исполнить желаніе генерала въ полной мѣрѣ, несмотря на короткій срокъ, на двадцати-семиверстное протяженіе испорченной дороги и на недостатокъ средствъ, потому что казаки плохіе работники лопатой и топоромъ, а десять пионеровъ не большая подмога. Рабочія силы и инструменты слѣдовало добыть отъ жителей. Поэтому, не теряя времени, я собралъ въ Дормандѣ и въ сосѣднемъ Реберковѣ, волей и неволей, около 700 мужчинъ и женщинъ съ топорами, кирками, лопатами и корзинами, приказавъ также заготовить веревки, и по прибытіи пионеровъ, двинулся за Реберково въ третьемъ часу пополудни. Все утро ушло у меня въ ожиданіи пионеровъ, въ отдыхѣ, который пришлось имъ дать послѣ двадцативерснаго перехода, и въ сборѣ рабочихъ людей. Не всѣ Болгары, опасаясь турецкой мести, шли охотно помогать своимъ единовѣрцамъ, и я не смѣлъ ихъ вывить въ этомъ, хотя настоятельно требовалъ отъ нихъ помощи; они знали, что намъ не вѣкъ у нихъ оставаться.

Дорога, мало удобная для обоза и для артиллеріи и въ обыкновенномъ видѣ, оказалась перекопанною во многихъ мѣстахъ; сходы къ рѣкѣ Искрѣ, черезъ которую она безпрестанно проходила, были обрыты или завалены камнями, мостики черезъ водомоины раскиданы; все это приходилось чинить, срывать, разчищать. Для сбереженія времени я оставлялъ на каждомъ испорченномъ мѣстѣ по небольшой командѣ рабочихъ съ ковымъ пионеромъ и однимъ или двумя казаками. По окончаніи почивки они должны были идти на помощь къ ближайшей командѣ и въ соединеніи съ нею и съ прочими людьми слѣдовать къ перевалу, гдѣ насъ ожидала самая трудная и самая необходимая работа. Два моста черезъ неширокіе, но весьма крутые и глубокіе овраги, изъ которыхъ вытекали Искра и Новацынка, были разломаны неприятелемъ, и лѣсъ сожженъ. Распредѣляя рабочихъ, я дошелъ до этихъ мѣстъ поздно вечеромъ, оставилъ на нихъ по сотнѣ людей съ топорами, приказавъ заготовить бревна, накатники и хворостъ на лѣсистой полуторѣ, выше овраговъ, для того чтобы потомъ веревками спустить матеріалъ на мѣсто, а самъ по узенькой тропинкѣ обогнулъ рытвины и пошелъ къ Новацыну. Моя команда уменьшилась до шестидесяти человекъ. Всѣ прочіе казаки и милиционеры остались на дорогѣ, вдоль которой я учредилъ цѣпь карауловъ

для извѣщенія меня выстрѣлами, или черезъ посланныхъ отъ поста до поста, еслибы, паче чаянiя, въ нашемъ тылу показался непрiятель или случилось обстоятельство, требовавшее моего присутствiя. Около полудни мы подошли къ крутому и трудному спуску въ широкую долину Новацынки. По однимъ дальнимъ огонькамъ и по лаю собакъ можно было приблизительно заключить о положенiи Новацына и другихъ болгарскихъ селенiй, закрытыхъ темнотою отъ нашихъ глазъ. Въ Арнаутъ-Калессинскомъ укрѣпленiи, двадцать пять верстъ за Новацыномъ, стояли 2.000 Турокъ, о чемъ мы имѣли положительныя свѣдѣнiя. Реберковскiй проводникъ полагалъ, что и въ Новацынской долинѣ должна находиться непрiятельская кавалерiя для наблюденiя за выходомъ изъ горъ со стороны Врацы; кромѣ того носился слухъ, будто въ Новацынѣ имѣется небольшой складъ провiанта, который Турки намѣреваются перевезти въ Арнаутъ-Калесси, для чего набираютъ подводы въ болгарскихъ деревняхъ. Это послѣднее обстоятельство, находившееся въ прямой связи съ возложенною на меня обязанностью, требовала непремѣннаго разъясненiя. Имѣя передъ собою непрiятеля въ превосходномъ числѣ, а за собою разломанные мосты, мнѣ надлежало дѣйствовать весьма осторожно и не упускать изъ виду даже самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ, способныхъ доставить намъ удачу. Поэтому я спустился въ долину, можно сказать ощупью, приказавъ казакамъ слѣзть съ лошадей, опустить пики и не дѣлать ни малѣйшаго шума, чтобы не встревожить непрiятеля прежде времени. Темнота, скрывавшая нашу малочисленность, и паническiй страхъ, наводимый обыкновенно на безпечнаго непрiятеля неожиданнымъ ночнымъ нападенiемъ, позволяли намъ ожидать успѣха. Добравшись до первыхъ плетней весьма обширнаго селенiя, не встрѣтивъ ни одного часоваго, мы замѣтили вдалекѣ свѣтъ отъ костровъ, горѣвшихъ на улицѣ. Значитъ, непрiятель бивуакировалъ въ деревнѣ; дорого было узнать, кого мы имѣемъ передъ собою, пѣхоту или кавалерiю, и въ какомъ числѣ. Проводникъ, съ которымъ я перешепнулся, поѣхъ въ ближайшiй виноградникъ и минутъ черезъ пять представилъ намъ до крайности испуганнаго Болгарина, спрятавшагося тамъ отъ Турокъ. Отъ него мы узнали, что въ самомъ Новацынѣ не болѣе полусотни конныхъ Арнаутовъ караулятъ на площади подводы, нагруженныя провiантомъ

для отправленія въ Арнаутъ-Калесси, а 400 Турокъ разсѣлись по ближайшимъ деревьямъ, отбирая у жителей ячмень, пшеницу, барановъ и вожовой скотъ. Послѣ этого пріятнаго извѣстія нечего было медлить. Казаки сѣли на лошадей и съ крикомъ и выстрѣлами повеселись къ деревенской площади. Дѣло обошлось какъ надо было ожидать. Турки, ошалѣвшіе отъ испуга, бросились бѣжать, не думая обороняться,—на лошадяхъ, кто успѣлъ вскочить на сѣдло, а кто не успѣлъ, пѣшкомъ, прыгая черезъ плетни и ограды. Темнота не позволяла гнаться за ними, да и не стоило. Моя дѣль была захватить провіантъ, а не гоняться за одиночными Турками, и я достигъ чего хотѣлъ: болѣе ста повозокъ съ пшеницей и ячменемъ стояли на площади, возлѣ нихъ лежали длиннорогіе волы, собранные непріателемъ для запряжки. До сихъ поръ дѣло шло отлично, но нельзя было остановиться на этомъ: бѣгство турецкаго караула не доказывало еще что провіантъ перешелъ въ нашу неотъемлемую собственность; продовольствіе было такъ же дорого для Турокъ, какъ и для насъ; съ разсвѣтомъ они могли явиться въ превосходныхъ силахъ и отнять повозки. Въ деревнѣ я не смѣлъ надѣяться устоять съ моею командой противъ нѣсколькихъ сотъ Турокъ, не видѣлъ возможности собрать во-время казаковъ, оставленныхъ на дорогѣ, и кромѣ того долженъ былъ самъ спѣшить къ разрушеннымъ мостамъ, которые запретилъ строить безъ себя. Чтобы не упустить ни того, ни другаго дѣла, я воспользовался обстоятельствомъ, лишившимъ непріятеля всякой возможности отбить нашу добычу. Приказавъ запречь воловъ, я вытянулъ транспортъ въ гору, навстрѣчу нашимъ войскамъ. Когда послѣдняя повозка подвинулась отъ подошвы горы на хорошій ружейный выстрѣлъ, ее опрокинули поперегъ дороги; двадцать человекъ лучшихъ стрѣлковъ, подъ командой казачьяго офицера, остались оборонять эту баррикаду, а я поскакалъ къ рабочимъ, увѣренный въ томъ, что непріятель не рѣшится атаковать неприступную позицію нашей провіантской колонны. Не легко было совладать съ постройкой мостовъ, но мои Болгары осилили работу, съ помощію пионеровъ въ нѣсколько часовъ уложили толстыя перекладки, настелили накатникъ, завалили его хворостомъ, засыпали землей и плотно ее утоптали. Работа была окончена, когда голова нашей колонны подошла къ первому мосту черезъ оврагъ Искринскаго

источника. Пѣхота переправилась безъ опасенія, но когда очередь дошла до батарейной батареи, то командиръ ея отказался переходить, испуганный опаснымъ видомъ моста, висѣвшаго надъ оврагомъ тридцати- или сорокасаженной глубины на восьмисаженномъ протяженіи, и уступилъ только моимъ убѣжденіямъ, когда я именемъ отряднаго командира потребовалъ перехода батареи, принимая послѣдствія на свою отвѣтственность. Въ прочности двухъ мостовъ, построенныхъ на моихъ глазахъ, я былъ увѣренъ, и не ошибся въ расчетѣ, потому что весь отрядъ прошелъ по нимъ четыре раза безъ затрудненія; но относительно общаго исправленія дороги я терялся въ самыхъ тревожныхъ мысляхъ. Мнѣ казалось, что я сдѣлалъ слишкомъ мало для безпрепятственнаго движенія обоза, такъ какъ въ немъ произошли нѣкоторыя поломки, и это меня крайне смущало. Опасаясь подвергнуться неприятнымъ замѣчаніямъ отъ отряднаго командира, я избѣгалъ попасть ему на глаза, когда онъ прибылъ въ Новацынъ, и не могъ опомниться отъ удивленія, когда онъ, вмѣсто выговора, осыпалъ меня похвалами и обѣщаніями не забыть услуги, которую я оказалъ отряду. Пока авангардъ переходилъ черезъ второй мостъ, Турки сдѣлали слабую попытку атаковать колонну повозокъ, стоящую въ виду ихъ, на подъемѣ въ гору, но были отбиты мѣткимъ огнемъ казаковъ, лежавшихъ за опрокинутою подводой. Появленіе на горѣ перваго авангарднаго баталіона заставило ихъ скрыться изъ глазъ. Солдаты помогли отпрячь воловъ, поворотить повозки дышломъ подъ гору, что обошлось не безъ труда на тѣсной дорогѣ, пролегавшей надъ крутымъ обрывомъ, и послѣ того вмѣстѣ съ ними спустились въ Новацынъ.

На другой день нашего прихода въ это селеніе Гейсмаръ получилъ отъ генерала Киселева еще неофіціальное, но весьма положительное извѣстіе о томъ, что четырнадцатаго сентября заключенъ съ Портой въ Адрианополѣ мирный договоръ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ приостановить военныя дѣйствія. Не могу сказать, чтобы этотъ слухъ насъ очень обрадовалъ. Въ Россіи насъ ожидали скучныя стоянки по деревнямъ, безконечныя ученья и вообще всѣ удовольствія мирной гарнизонной службы, отъ которой каждый изъ насъ готовъ былъ отказаться безъ особеннаго сожалѣнія. Война еще не надоела намъ; кромѣ того, незнакомые съ политическими

комбинаціями, мы мечтали о завоеваніи Царьграда, въ виду котораго приходилось теперь остановиться нашей арміи. Гейсмаръ, разумѣется, смотрѣлъ на вещи съ иной точки зрѣнія и ожидалъ только формальнаго извѣщенія для того чтобъ отпраздновать миръ обычнымъ порядкомъ. Въ ожиданіи этого извѣстія онъ отправилъ казачьяго полковника Золотарева парламентаромъ въ Арнаутъ-Калесси къ турецкому коменданту, съ предложеніемъ, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, пріостановить столкновенія передовыхъ партій, пока не разъяснится слухъ о заключеніи мира. Меня прикомандировали къ полковнику Золотареву на время этой поѣздки, поручивъ обрекогносцировать на всякій случай дорогу и укрѣпленіе. Въ сопровожденіи трубача и двадцати пяти отборныхъ казаковъ мы поѣхали въ турецкое укрѣпленіе на полныхъ рысяхъ, чтобы не опоздать вернуться въ лагерь до заката солнца. Вплоть до Арнаутъ-Калесси мы не встрѣтили ни одного Турка. Не далѣе пушечнаго выстрѣла отъ укрѣпленія насъ завидѣлъ первый пикетъ, выстрѣлилъ изъ ружей и поскакалъ назадъ, испуганный нашимъ неожиданнымъ появленіемъ. У Турокъ поднялась тревога. Вида, что изъ всего этого можетъ выйдти для насъ плохая штука, полковникъ приказалъ трубить что есть мочи, и укоротивъ шагъ, оградилъ нашу безопасность бѣлымъ платкомъ, поднятымъ на пикѣ. Скоро остановила насъ пѣхота, успѣвшая выстроиться на гласисѣ съ видимою цѣлью закрыть отъ нашихъ глазъ укрѣпленіе; но было поздно, ибо я разсмотрѣлъ уже его форму и пересчиталъ орудія. Не доѣзжая версты четыре, я замѣтилъ также тропинку, долженствовавшую, какъ мнѣ казалось, вести по горѣ въ тылъ укрѣпленія; позже, когда Гейсмару пришлось его брать, онъ воспользовался ею для направленія обходной колонны. Начальникъ пѣхоты, узнавъ черезъ переводчика, что мы пріѣхали парламентарями, попросилъ насъ слѣзть съ лошадей и обождать пока выйдетъ комендантъ. Тѣмъ временемъ принесли ковры и подушки, на которыхъ мы расположились, когда прибылъ паша съ муллою и съ своимъ собственнымъ переводчикомъ. Переговоры повелись, по азіатскому обычаю, важно, медленно и обдуманно, при безпрестанномъ угощеніи шербетомъ, чубуками и кофеемъ. Первый разъ мы сходились съ Турками говорить о мирѣ и дружбѣ послѣ двухлѣтней брани, и признаться, наше положеніе было

какъ-то неловко среди полудикой толпы Арнаутовъ, не скрывавшихъ злобы, возбуждаемой въ нихъ видомъ гяуровъ, пролившихъ такъ много мусульманской крови. Паша не отказывался отъ перемирія, но ему видимо не нравилось, что мы подѣхали къ самому укрѣпленію, не встрѣтивъ разтѣзда, и онъ, быть-можетъ, не отказалъ бы себѣ въ удовольствіи удержать насъ своими невольными гостями, еслибы не боялся Гейсмара, извѣстнаго Туркамъ еще изъ предшествовавшей кампаніи подъ названіемъ хромага деда-капитана, съ которымъ опасно шутить. Онъ попытася-было самымъ приятнымъ тономъ сдѣлать намъ предложеніе захватить въ укрѣпленіе и прогостить у него, пока нарочный съѣздитъ въ Софію за извѣстіемъ, дѣйствительно ли падишахъ даровалъ миръ возставшимъ противъ него Московамъ и намѣренъ невозбранно отпустить ихъ во-свояси. Старикъ Золотаревъ не менѣе вѣжливо поблагодарилъ его за гостеприимное расположеніе, объявивъ довольно рѣшительно, что спѣшить вернуться въ лагерь еще сегодня, чтобы не разсердить Гейсмара, который до того нетерпѣливъ, что на другой день, пожалуй, придетъ насъ отыскивать со всѣмъ отрядомъ. Паша понялъ намекъ и просилъ только принять турецкій коновъ до селенія лежавшаго на половинѣ дороги между Арнаутъ-Калесси и нашимъ лагеремъ; отъ коновъ приличіе не позволило намъ отказаться. Дружелюбно разставшись съ нашими новыми пріятелями, мы прибыли въ лагерь безъ приключеній. Одни бѣдные Болгары понесли въ этотъ день горькое разочарованіе: полагая, что слѣдомъ за нами идутъ тысячи московскихъ братій выгонять поганыхъ Турокъ изъ христіанской земли, они осыпали насъ благословеніями на пути въ Арнаутъ-Калесси; покуривъ головы и молча встрѣтили насъ едимовѣрцы, когда мы вернулись бокомъ-бокъ съ Турками, гордая осанка которыхъ возвѣщала имъ, что они ошиблись въ своемъ разчетѣ.

Два дня спустя пріѣхалъ въ лагерь арнаутъ-калессинскій паша съ смѣшанною толпою конныхъ Арнаутовъ и дедабашей, сопровождая курьера, посланнаго изъ главной квартиры черезъ Софію, съ извѣстіемъ о заключеніи Адрианопольскаго мира. Гейсмаръ приказалъ на славу угостить пашу и всю его свиту и сдѣлалъ ему богатые подарки за доставленіе пріятнаго извѣстія. Пушки возвѣстили новость солдатамъ, насъ заставили осушить бокалы въ ознаменованіе этого важнаго

происшествія. Война кончилась,—съ непріятелемъ мы разчитались, но болѣзни и морь далеко еще не окончили съ нами своихъ расчетовъ: это было ясно. Съ этимъ неутѣшительнымъ убѣжденіемъ отрядъ потянулся на другой день обратно во Браду лѣнвымъ шагомъ, зная, что некуда и незачѣмъ спѣшить.

Приготовленія къ переходу черезъ Дунай дѣлались съ наиреніемъ очень медленно. Гейсмаръ колебался выступить изъ Брады, потому что наша скодринскій, несмотря на заключенный миръ и на требованіе Порты, отказывался распустить свои войска и продолжалъ занимать угрожающее положеніе между Софіей и Филиппополемъ. Въ это время болѣзни и смертность умножились въ нашемъ отрядѣ до неимоверной степени. На пять тысячъ человекъ мы имѣли во врацкомъ лагерѣ болѣе тысячи больныхъ. Въ штабѣ не оставалось ни одного совершенно здороваго офицера. Лихорадка сдѣлалась вседневною болѣзною, не допускавшею права отказываться отъ службы. Передъ пароксизмомъ и послѣ него каждый исполнялъ свою обязанность какъ бы здоровый, отправлялъ письменную работу, или садился на лошадь, верѣдко поддерживаемый возлѣ ѣхавшимъ казакомъ, когда измѣняла силы. Гейсмаръ, заболѣвшій наравнѣ съ другими, подавалъ намъ примѣръ терпѣнія и самаго непритворнаго участія къ страдающимъ. Съ усиліемъ удерживаясь на ногахъ, укутанный въ шубу, онъ не переставалъ навѣщать больныхъ, заботясь объ удовлетвореніи ихъ потребностей, и даже роздалъ своимъ офицерамъ что имѣлъ подушекъ, одѣялъ и теплой одежды, оставивъ для себя только тѣ вещи, безъ которыхъ ему рѣшительно нельзя было обойтись. Въ его кастрюляхъ, вмѣсто обѣда, не нужнаго для больныхъ, чаще всего варились микстуры. Домъ, гдѣ жилъ врацскій паша, принялъ видъ большого лазарета; кухня обратилась въ аптечную лабораторію.

Скоро и я присоединился къ числу самыхъ отчаянно больныхъ. Первою горячкою я началъ кампанію, тифозною горячкою мнѣ было опредѣлено ее кончить. Какъ трудно больного, меня помѣстили въ одной изъ лучшихъ комнатъ женскаго отдѣленія дома паша, устланной коврами и снабженной диванами, печью и окнами со стеклами, вмѣсто пузря или пропитанной масломъ бумагой. Эта комната, обращенная окнами въ уединенный, тѣнистый садъ бывшего

гарема, украшенный мраморнымъ бассейномъ, посреди котораго билъ фонтанъ, выполняла всѣ условія потребныя для больного, доставляя ему тишину, чистый воздухъ и живоительный видъ зелени. Комнатнымъ товарищемъ поселился ко мнѣ драгунскій поручикъ Клеронъ, извѣстный во всемъ отрядѣ своимъ смѣлымъ, беззаботно-веселымъ характеромъ. Изъ дружбы и изъ состраданія къ моей погибающей молодости, онъ принялся ухаживать за мной, могу сказать, съ нѣжною заботливостью сестры милосердія: давать лѣкарство, поить, укрывать и ночью по нѣсколько разъ подниматься съ постели, чтобъ узнать что я дѣлаю. Гейсмаръ приходилъ ко мнѣ каждый день по два и по три раза, несмотря на собственную слабость, и мучилъ себя не на шутку, заставляя меня принимать лѣкарство, отъ котораго я отказывался съ дѣтскимъ упрямствомъ. Въ горячечномъ бреду я противился ему, спорилъ и доказывалъ, что онъ можетъ мнѣ отдавать приказанія по службѣ, но не имѣеть никакого права принуждать меня глотать куда негодныя микстуры, имѣющія одно неотъемлемое достоинство: противный вкусъ. Споръ мой прекращали обыкновенно тѣмъ, что Клеронъ хваталъ меня за руки, а самъ Гейсмаръ вливалъ въ ротъ ложку микстуры, противъ которой я такъ сильно возставалъ. Въ теченіи болѣзни ненависть моя къ лѣкарственнымъ снадобьямъ и къ прописывавшему ихъ штабъ-доктору Тобольскаго пѣхотнаго полка возрасла до такой степени, что все мое вниманіе устремлялось къ тому чтобы завладѣть микстурною бутылкой (объ аптечныхъ стеклянкахъ давно не было у насъ и помину). Притаившись, я ожидалъ моего доктора, и при первомъ появленіи въ дверяхъ его фигуры, пускалъ въ него довольно тяжеловѣсною бутылкой. Онъ такъ привыкъ къ этой проделкѣ, что никогда сразу не входилъ въ комнату, а показывалъ сначала голову, потомъ быстро ее пряталъ, и только нѣсколько мгновеній спустя переступалъ черезъ порогъ, успокоившись касательно своей безопасности. Однажды я сдѣлалъ моему доктору предсказаніе, на которое онъ, впрочемъ, самъ назвалъ, и это предсказаніе сбылось. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. Въ одно изъ своихъ посѣщеній Гейсмаръ столкнулся въ дверяхъ съ уходившимъ докторомъ (звали его Иванъ Ивановичъ Савинъ) и спросилъ, что онъ думаетъ о моемъ положеніи и можно ли будетъ увести меня изъ Вранца при выступленіи отряда.

— Везти? отвѣчалъ докторъ:—никакъ! и лежа на мѣстѣ онъ не переживетъ двухъ дней; на выздоровленіе не имѣется ни малѣйшей надежды.

Несмотря на то что разговоръ происходилъ шепотомъ и на противоположномъ концѣ комнаты, я все слышалъ и понималъ.

Собравъ что оставалось у меня силъ, я крикнулъ съ досады: — Какъ вы лжете, докторъ! я не умру, я буду жить, и жить долѣе васъ.

Дѣйствительно, я его пережилъ. Два года спустя Иванъ Ивановичъ Савинъ скончался въ Николаевѣ отъ болѣзни, не имѣя пятидесяти лѣтъ отъ роду.

Между тѣмъ мое положеніе становилось безнадежнѣе со дня на день. Прильнувъ губами къ кувшину съ холодною ключевою водою, поставленному у изголовья моей постели, я проводилъ дни и ночи въ совершенномъ забытѣи, прерываемомъ только однимъ бредомъ. Въ память я приходилъ очень рѣдко и то лишь на нѣсколько минутъ. Въ одну подобную минуту, поздно вечеромъ, я подмѣтилъ, что Клеронъ принесъ въ платкѣ порядочное количество большихъ, вкусныхъ и душистыхъ врацкихъ персиковъ. Жизнь готовъ былъ отдать, такъ захотѣлось ихъ поѣсть. Я принялся умолять Клерона, но онъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ, увѣряя, что для меня, недѣли двѣ ничего не ѣвшаго, персики чистый ядъ, и онъ не имѣетъ желанія меня убить. Засыпая, онъ спряталъ узелокъ съ персиками подъ головную подушку. Видя что нельзя упросить, я вытерпѣлъ пока онъ заснулъ, спустился съ моего низкаго дивана на коверъ, ползкомъ, потому что не имѣлъ силы идти, добрался до его постели, вытащилъ изъ-подъ подушки два большіе персика и тутъ же впился въ нихъ съ болѣзненной жадностью. Пока Клеронъ, почувствовавшій движеніе подушки, успѣлъ проснуться и зажечь свѣчу, персики были съѣдены, и я лежалъ уже безъ памяти возлѣ постели. Понявъ въ чемъ дѣло, онъ отвесъ меня на мой диванъ, уложилъ, накрылъ и, какъ по слѣ разказывалъ, сталъ ожидать, что я въ конвульсіяхъ испущу духъ. Вышло совершенно противное: персики вызвали реакцію, которую напрасно домогались произвести помощью микстуръ; тѣло покрылось спасительною испариной. Въ эту ночь совершился переломъ болѣзни, и на другое утро Савинъ объявилъ, что я, кажется, спасенъ. Клеронъ, видя

какой оборотъ приняло дѣло, умолчалъ о сѣдненныхъ персикахъ, чтобъ его безъ нужды не пожурили за неосторожность. А какъ я остался ему благодаренъ, за то что онъ спряталъ персики не довольно далеко! Я и теперь убѣжденъ, что они въ этотъ разъ избавили меня отъ болѣзни, подобно тому какъ въ польскую войну тысяча восемьсотъ тридцать перваго года стаканъ добраго капвейна, выпитый не по докторскому предписанію, спасъ меня въ сильномъ припадкѣ холеры. Подобнаго рода лѣченіе, быть-можетъ, противно правиламъ медицины, но опытъ оправдалъ его дважды, доказавъ, что въ этихъ случаяхъ моя болѣзнь, кажется, требовала средствъ выходявшихъ изъ круга общихъ правилъ, а неопредѣлимое внутреннее чувство позывало къ нимъ съ непреодолимою силою.

Пока я медленно поправлялся, Гейсмаръ получилъ приказаніе вторично двинуться къ Софіи. Паша скодринскій не только не распустилъ своей арміи, онъ отказывалъ сутану въ повиновеніи, не признавалъ мира съ Русскими и даже въ началѣ октября увѣдомилъ графа Дибича, что онъ имѣетъ намѣреніе въ непродолжительномъ времени выступить изъ Филиппополя въ Адрианополь и расположиться въ немъ на зимнія квартиры. При существовавшемъ положеніи дѣлъ не должно было его и близко допускать къ Адрианополю, въ которомъ имѣлось не болѣе 20.000 русскихъ войскъ, изъ числа коихъ пятая часть лежала въ лазаретахъ. Поэтому Киселевъ и Гейсмаръ должны были угрожать ему съ тылу, если онъ покажетъ намѣреніе исполнить свое хвастливое увѣдомленіе. нашихъ больныхъ нельзя было оставить во Врацѣ безъ надзора и безъ защиты, что и вынудило Гейсмара отправить ихъ въ Краіово подъ прикрытіемъ одного баталіона, болѣе чего онъ не могъ отдѣлать отъ своего малочисленнаго отряда, въ которомъ оставалось, за исключеніемъ больныхъ, около трехъ тысячъ пятисотъ человекъ.

Съ этими силами онъ двинулся въ Арнаутъ-Калессу, гдѣ тысяча семьсотъ Турокъ, составлявшіе аріергардъ Мустафы-пашы, занимали укрѣпленіе, перегораживавшее, во всю его ширину, глубокое и дѣсистое ущелье рѣчки Киссурры. При появленіи нашихъ войскъ Турки не замедлили завязать изъ лѣсу перестрѣлку, длившуюся цѣлый день. Укрѣпленіе, вооруженное тремя орудіями, лежало на высотѣ, съ которой весьма удобно оборонялся подступъ къ нему; взять его штур-

момъ стоило бы слишкомъ много людей. Поэтому Гейсмаръ дождался ночи, послалъ два баталіона въ обходъ укрѣпленія по боковой лѣсной тропицѣ, о которой я выше упоминалъ, и повелъ фронтальную атаку на разсвѣтъ, когда эти баталіоны показались на горѣ въ тылу неприцельской позиціи. Турки, видя себя обиденными, побѣжали назадъ по Софійской дорогѣ, мимо нашихъ обходныхъ войскъ, которымъ приказано было ихъ пропустить и не преслѣдовать, въ избѣжаніе бесполезнаго кровопролитія. Отъ Арнаутъ-Калесси до Софіи нашъ отрядъ, состоявшій изъ четырехъ только баталіоновъ, восьми эскадроновъ драгунъ и пятисотъ казаковъ съ тридцатью орудіями, прошелъ не встрѣчая сопротивленія. Подъ вліяніемъ страха внушаемаго пашою скодринскимъ, фактически повелѣвавшимъ страной, софійскій паша пытался затворить ворота, передъ русскими войсками, оставивъ стѣны вооруженными жителями, но Гейсмаръ повторилъ врацкую продѣлку, въѣхалъ въ городъ съ однимъ штабомъ, явился къ пашѣ гостемъ и лично потребовалъ отъ него, именемъ султана, покориться его волѣ. Послѣ довольно продолжительныхъ и, говорятъ, даже нѣсколько бурныхъ преній, паша убѣдился въ необходимости исполнить предложеніе нашего генерала и приказалъ впустить войска въ Софію, гдѣ они оставались до конца ноября, пока скопича Мустафы-паша, просившаго Гейсмара приостановить наступленіе, не стали дѣйствительно расходиться по домамъ.

Въ день самаго выступленія нашего отряда изъ Врацы госпитальная колонна была отправлена на дунайскую переправу. Гейсмаръ приказалъ уложить меня въ особую крытую карудзу и не отпускать прежде чѣмъ онъ лично не увѣрится въ томъ, что все хорошо улажено для моего не близкаго путешествія. Отъ этого мы опоздали; колонна выступила рано поутру, а я, съ приставленнымъ ко мнѣ казакомъ и Болгаромъ-переводчикомъ, отправился ей въ догонку около полудни. Весь день мы проѣхали легкою рысцою, надѣясь застать ее на привалѣ или на первомъ ночлегѣ, и ничего не нашли. Наступилъ вечеръ, настала темная ночь, а колонны не было видно и слѣда. Лошади уморились, и еле передвигая ноги, тащили тяжелую карудзу по дурной кочковатой дорогѣ. Ясно было, что мы сбились съ настоящаго пути. Наше положеніе въ открытомъ полѣ, ночью, въ чужой сто-

ронѣ, наполненной разнымъ сбродомъ, Турками, Сербами, Албанцами, Греками, готовыми безъ разбора грабить и убивать чужихъ и своихъ, становилось затруднительнымъ и опаснымъ. Для этихъ людей мирный трактатъ, заключенный съ Портой, терялъ всякое значеніе, когда оказывалась безопасная пожива. Близко къ полуночи раздался впереди насъ лай собакъ, и обрадованный кучеръ направилъ туда усталыхъ лошадей: должно-быть, наши тамъ ночуютъ. Мои провожатые недоумѣвали только насчетъ того, что не было видно огней и не слышался окликъ часовыхъ. Въ темнотѣ показались плетни и бѣлые дома. Переводчикъ осмотрѣлся и объявилъ, что мы заѣхали въ турецкое селеніе, верстъ пятнадцать въ сторону отъ дороги, по которой везли больныхъ и шелъ баталіонъ. Дѣло плохое! четыре гаура посреди мусульманскаго селенія, въ которомъ не успѣла еще остыть злоба вызванная войной! Отправить ихъ въ джегеену, къ праотцамъ, для каждаго правовѣрнаго дѣло душевспасительное, да къ тому же очень заманчивое, если можно надѣяться, что никто объ этомъ не узнаетъ. Казакъ и переводчикъ придумались не на шутку и повели между собой совѣтъ; между тѣмъ собаки лаяли съ бѣшенствомъ, чуя незнакомыхъ; каждое мгновеніе кто-нибудь могъ проснуться, выглянуть изъ окна и увидеть незваныхъ гостей. Уйдти было невозможно, лошади стали какъ вкопанныя; да и куда уходить въ темную ночь, не зная дороги? Пока мои провожатые совѣтовались, я лежалъ въ повозкѣ и рѣшительно ничего не опасался и ни о чемъ не думалъ. Слабость растлила мысли и чувства. Я имѣлъ одно только желаніе: напиться студеной воды, а все прочее до меня не касалось. Переводчикъ покончилъ споръ, принявъ въ соображеніе, что лучше имѣть дѣло съ однимъ человѣкомъ чѣмъ съ цѣлымъ селеніемъ, какъ пришлось бы, еслибы поднялась тревога и народъ сталъ сбѣгаться со всѣхъ концовъ. Поэтому онъ приказалъ вѣзхать въ селеніе, оставилъ повозку передъ однимъ изъ лучшихъ домовъ и слегка постучалъ въ ворота. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ хозяинъ, долго шептался съ переводчикомъ по-турецки, потомъ растворилъ ворота и впустилъ насъ на дворъ. Меня перенесли изъ карудзы въ чистенькую комнатку, увѣшенную коврами, уложили на мягкомъ диванѣ и развели огонь въ каминѣ. Старая Турчанка принялась ухаживать за мною, наполнила меня сначала водой, потомъ дала хлебнуть чего-то

теплаго. Мнѣ стало хорошо, и я заснулъ въ первый разъ покойнымъ сномъ. Въ этой комнатѣ я пролежалъ цѣлый день на глазахъ у моей Турчанки; иногда заходилъ сѣдобородый Турокъ съ переводчикомъ. Я спрашивалъ, почему мы не ѣдемъ, и получалъ одинъ отвѣтъ: еще нельзя. Въ слѣдующую ночь меня снова помѣстили въ карудзу, и мы тронулись со двора. Кромѣ казака и переводчика, я замѣтилъ около повозки еще трехъ конныхъ Турокъ и захотѣлъ узнать, зачѣмъ они меня провожаютъ. Тогда мнѣ объяснили, что я пролежалъ сутки въ домѣ одного изъ деревенскихъ старшинъ, принявшаго меня подъ свой кровъ по просьбѣ переводчика, объявившаго ему, что онъ везетъ при-смерти большаго русскаго офицера, котораго поручаетъ его гостепріимству во имя пророка. Турокъ стараго покроя принялъ этотъ случай какъ благословіе Аллаха; не надѣясь на миролюбивое расположеніе прочихъ поселянъ, онъ скрылъ насъ у себя въ домѣ, днемъ послалъ своего старшаго сына развѣдать, гдѣ находятся русскіе больные, и теперь съ сыновьями провожалъ меня до мѣста ночлега нашихъ въ Добролевѣ. Передъ разсвѣтомъ насъ оставилъ околицѣ русскихъ часовыхъ; мы примкнули къ своимъ. Прощаясь съ моимъ хозяиномъ, я предложилъ ему нѣсколько червонцевъ за оказанную мнѣ услугу; но онъ оттолкнулъ деньги съ негодованіемъ, объявивъ, что сберегъ меня не для корысти, а во исполненіе слова закона, повелѣвающаго помогать страждущему и беречь гостя, переступившаго черезъ порогъ, яко зѣницу ока. Не ручаюсь въ томъ, чтобы полуобразованный Турокъ новаго поколѣнія поступилъ такимъ же образомъ въ подобномъ случаѣ.

Это было мое послѣднее приключеніе за Дунаемъ, послѣ котораго меня благополучно привезли въ Краіово, то-есть притащили измученнаго болѣзною и восьмидневнымъ путешествіемъ тѣло, изъ котораго карудза, къ счастью, не успѣла еще вытолкать послѣдняго остатка жизни. ?

! VII.

Въ Краіовѣ я нашелъ сначала необходимый мнѣ отдыхъ, а потомъ, оправившись отъ болѣзни, и прежній ласковый пріемъ въ домѣ баронессы Гейсмаръ. Пока мы воевали за Дунаемъ, наше общество обогатилось не малымъ числомъ русскихъ дамъ, пріѣхавшихъ къ своимъ мужьямъ. Генеральша

Квитницкая и ея двѣ сестры, обѣ—невѣсты драгунскихъ офицеровъ; красавица Леманъ, урожденная Чернова, и молодая Старова, жена моего полковаго командира, въ непродолжительное время составили около себя кругъ поклонниковъ, умножавшійся по мѣрѣ возвращенія изъ похода мундироносныхъ обожателей прекраснаго пола. Почти каждый вечеръ собирались мы въ домѣ у отряднаго командира, находившагося еще въ отсутствіи, и нерѣдко танцовали подъ звукъ цыганской музыки, забывъ, что чума ходила по городу и вопросъ жизни и смерти зависѣлъ отъ неосторожнаго прикосновенія. Въ серединѣ ноября Гейсмаръ вернулся изъ-за Дуная, и его возвращеніе сдѣлалось сигналомъ общаго разставанія. Нашъ отрядъ пересталъ существовать: драгунская дивизія перешла въ Большую Валахію, Гейсмаръ съ семействомъ отправился въ Букарештъ, а въ Малой Валахіи осталась зимовать 17-я пѣхотная дивизія, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта П., добраго человѣка, храбраго, израненнаго, стараго служиваго, знавшаго только одну науку—„о воинскомъ уставѣ“, и „питавшаго въ глубинѣ своего сердца единственную страсть—„къ голубямъ“. Моего пріятеля Веригина и меня обратили въ полкъ, въ которомъ мы рассчитывали оставаться не долго, потому что оба были представлены къ переводу, онъ—въ Кинбурнскій драгунскій полкъ, а я—въ генеральный штабъ, съ повышеніемъ чина за мои строительные подвиги на дорогѣ въ Балканскихъ горахъ. Простившись со слезами съ прежнимъ начальникомъ и съ его добродушною, любезною супругой, берегшими насъ какъ собственныхъ дѣтей, мы остались въ Краіовѣ въ кругу чужихъ людей, съ которыми намъ трудно было сблизиться по причинѣ совершеннаго разногласія ихъ понятій съ нашими.

Нашъ строгій полковой командиръ былъ мѣнѣ П. исключителемъ въ своихъ понятіяхъ насчетъ призванія военнаго человѣка, но все-таки не далеко ушелъ отъ него въ сужденіи объ истинномъ достоинствѣ офицера. Наравнѣ съ дивизионнымъ начальникомъ, онъ не имѣлъ высокаго понятія о штабной службѣ и о занятіяхъ офицера генеральнаго штаба, считая ихъ баловствомъ и пустою тратой времени. Солдатскую выpravку, ружейные приемы, маршировку учебнымъ шагомъ и пригонку амуниціи они признавали исключительно полезнымъ служебнымъ дѣломъ и надежнымъ путемъ къ образованію хорошаго офицера. Въ этомъ убѣжденіи дивизион-

ный и полковой командиры принялись школить насъ безпощадно, дабы вознаграждать время потерянное нами въ отрядномъ штабѣ. Каждый день посылали насъ на одиночное ученье, въ караулъ, и заставляли дежурить, то въ казармахъ, то въ госпиталяхъ. Не долго удалось мнѣ выдержать эту школу: я занемогъ лихорадкой; но это не считалось въ то время препятствіемъ бывать на ученьи и дежурить; пароксизмы бывають не каждый день, и служба чередовалась съ лихорадкой. Обстоятельства были тогда не веселыя для всѣхъ вообще, а мнѣ и Веригину они особенно неблагоприятствовали. Въ нашемъ полку, занимавшемъ Крайово для содержанія въ немъ карауловъ, значительное число офицеровъ лежало въ лазаретѣ, многіе умерли, старшимъ въ чинахъ и свѣдущимъ по фрунтовой части поручалось начальство надъ ротами и приведеніе въ должный видъ солдатъ, „потерявшихъ на войнѣ правильный шагъ и темповку“, а насъ двоихъ, какъ младшихъ, да къ тому же *слабыхъ по фрунту*, нарядили чередоваться въ дежурствѣ по госпиталямъ. Двадцать три изъ лучшихъ домовъ въ городѣ были отведены подъ заболѣвающихъ чумой, и на нашей обязанности лежало посѣтить каждое чумное помѣщеніе хотя бы разъ въ сутки, находитъся при сортированіи больныхъ, привозимыхъ со всѣхъ концовъ Малой Валахіи, и обо всемъ доносить дивизионному командиру. Не знаю какимъ чудомъ убереглись мы отъ заразы, не пдадившей никого изъ людей ежедневно имѣвшихъ дѣло съ чумными. Медики, фельдшеры и госпитальные служители одинъ за другимъ отправлялись на кладбище вслѣдъ за больными, изъ числа которыхъ едва ли десятый человекъ спасался отъ смерти.

Не стану вспоминать о сценахъ, ежедневно повторявшихся въ нашихъ глазахъ, когда мы проходили по палатамъ чумныхъ, умирающихъ въ страшныхъ конвульсіяхъ и нерѣдко въ припадкахъ сумашествія, принуждавшего привязывать ихъ къ постели. При сортировкѣ прибывающихъ больныхъ легко было узнать чумнаго по мутнымъ глазамъ и по безвокойству, съ которымъ онъ металъ во всѣ стороны руками и ногами. Къ этимъ признакамъ присоединялись обыкновенно шатъ и безсмысленный бредъ. Тутъ я имѣлъ случаи вознакомиться со всѣми тремя видами египетской чумы, проявляющейся опухолью подъ мышкою или въ паху, нарывомъ на ногѣ, преимущественно около колѣна, и темъ

нокрасными пятнами на тѣлѣ. Первый родъ язвы допускалъ еще выздоровленіе; не помню, спасся ли кто отъ нарыва; у кого же появлялись пятна, тотъ погибалъ безвозвратно. Въ сравненіи съ губительною силой моревой язвы и со степенью ея заразительности, холеру можно считать весьма свисходительною и удобоизлѣчимою повальною болѣзью. Вспоминая какъ безропотно и съ какимъ безстрашіемъ наши солдаты боролись съ этимъ ужаснымъ бичомъ, какъ равнодушно Осмамы глядѣли на его опустошенія, не ясно понимаетъ ужасъ, наводимый холерой на жителей Запада, такъ много гордящихся своимъ духо-возвышающимъ просвѣщеніемъ. Одинъ омертвѣлый видъ города располагалъ уже къ страшному унынію, которому, впрочемъ, мы не предавались, ради молодости и врожденной русской беззаботности. Большая часть домовъ были оцѣплены или затворены изъ предосторожности, лавки заперты наглухо; изрѣдка полураскрытая дверь, сзади перегородженная толстою перекладной, обозначала, что тутъ продаются съѣстные припасы; на улицахъ курились кучи зажженного навоза, людей встрѣчалось очень мало, да и тѣ обходили другъ друга, избѣгая смертоноснаго прикосновенія. Ночью являлась другая картина: вывозили умершихъ отъ чумы хоронить въ общей ямѣ. Не разъ случалось намъ, засидѣвшись у товарища или въ одномъ изъ боярскихъ домовъ, не взирая на чуму принимавшихъ дорого-цѣнныхъ русскихъ гостей, поздно ночью возвращаться на квартиру. Неожиданный крикъ казаковъ, скачущихъ впереди для того чтобы прогнать встрѣчныхъ, зовъ колокольчика, и быстро приближавшійся красноватый свѣтъ заставляли насъ опрометью уходить въ ближайшій переулокъ, а если нельзя было уйдти, то прижавшись къ стѣнѣ, пропускать мимо себя фантастическій поѣздъ, который никому не желаю видѣть на яву, какъ бывало со мной. На давленной фурѣ, запряженной тройкой везли груды чумныхъ тѣлъ, полунагихъ, накиданныхъ безъ всякаго порядка; на козлахъ и на запяткахъ держались чеканы, * одѣтые въ чер-

* Чеканы называли въ Придунайскихъ Княжествахъ людей, имѣвшихъ обязанность хоронить умершихъ отъ чумы. Они назначались изъ числа преступниковъ осужденныхъ на вѣчную работу въ соляныхъ копяхъ, и получали полное прощеніе, переживъ сразу; немногіе изъ нихъ имѣли случай воспользоваться этою льготой.

ные смолевые балахоны, въ такихъ же рукавицахъ и капюшонахъ, покрывавшихъ лицо, съ баграми и зажженными факелами въ рукахъ. На звонъ колокольчика открывались ворота или окна зачумленныхъ домовъ, чеклы вытаскивали баграми тѣла, набрасывали ихъ на фуру и отправлялись дальше набирать дневную жатву смерти.

Много страшныхъ, раздирающихъ душу сценъ прошло передъ нашими глазами въ эту зиму, но ни одна изъ нихъ не вызвала съ нашей стороны такого непритворнаго состраданія, ни одна не встревожила такъ сильно нашего чувства самосохраненія, какъ появленіе чумы въ домѣ краіовскаго боярина Петришоя. На нѣсколько дней весь городъ былъ встревоженъ этимъ случаемъ и жалѣлъ о бѣдѣ семействъ; насъ же всѣ обѣгали, опасаясь, не коснулась ли насъ зараза. Да и мы сами заперлись добровольно на нѣкоторое время, хотя, непонятнымъ образомъ, не повали въ карантинъ. Квартируя, вмѣстѣ съ капитаномъ Александромъ Мухановымъ, у краіовскаго исправника Россети, мы проводили довольно часто вечера у боярина Петришоя, жившаго въ нашемъ ближайшемъ сосѣдствѣ. Его семейство состояло изъ жены, еще молодой и красивой женщины, и дочери Марицики, хорошенькой дѣвочки лѣтъ тринадцати. Однажды мы просидѣли у Петришоя долгій зимній вечеръ, играя въ карты, составляющія главное развлеченіе валахскихъ бояръ; послѣ игры хозяйка сѣла за фортепіано и предложила Веригину и мнѣ провальсировать съ дочерью, отъ чего мы, разумѣется, не отказались. Потомъ сѣли ужинать и долго еще пили кофе и курили, по валахскому обыкновенію угощать послѣ ужина чубуками и филіджанками турецкаго кофея. Довольные своимъ вечеромъ, близко полуночи мы отправились домой, и не чая бѣды, легли спать. За ужиномъ Марицика почувствовала легкую головную боль, но никто, даже ея родители, не обратили вниманія на это весьма обыкновенное обстоятельство, полагая, что у ней закружилась голова отъ продолжительнаго вальса. Не за долго передъ разсвѣтомъ Мухановъ вбѣжалъ въ нашу комнату съ извѣстіемъ, что въ домѣ у Петришоя открылась чума, умерли два человѣка, изъ которыхъ одинъ прислуживалъ за столомъ, подавалъ намъ кофеи и чубуки, да, говорятъ, и на дочери показались признаки заразы. Полусонные, мы долго не могли освоиться съ мыслью объ угрожавшей намъ опасности, чувствовали расположеніе жалѣть о

несчастіи, постигшемъ Петришою, горевали объ участи бѣдной дѣвочки, но, признаться, болѣе всего думали о себѣ самихъ. По опыту пріобрѣтенному въ госпиталяхъ мы знали, что съ появленіемъ первыхъ чумныхъ признаковъ положительно нельзя надѣяться на спасеніе, но знали также, что зараза прістаетъ не къ каждому человѣку, и что въ самихъ больницахъ встрѣчались удивительные случаи невосприимчивости. Къ счастью, въ подобныхъ обстоятельствахъ человѣкъ, питающій тайною надеждой, всегда готовъ ожидать для себя лучшаго и силой вѣры подавлять чувство страха, когда оно начинаетъ брить верхъ надъ упованіемъ. Пока нашъ хозяинъ хлопоталъ объ окуркѣ платья, мы выпили по нѣсколько стакановъ чаю съ ромомъ и накрылись по теплѣе, чтобы произвести испаріи, считавшуюся лучшимъ спасительнымъ средствомъ. Напрасны были наши усилія заснуть, и не разъ, тайкомъ, подъ одеяломъ, каждый изъ насъ ощупывалъ у себя подъ мышкой, не показывается ли опухоль. Около полудни, имѣвъ достаточно времени успокоиться отъ первой тревоги и не чувствуя ни озноби, ни головокруженія, которыми обыкновенно открывалась зараза, мы вспомнили о Петришѣ, и одѣвшись, пошли узнать что дѣлается у него въ домѣ. Домъ былъ окруженъ часовыми, не допускавшими къ нему ближе пятидесяти шаговъ; на дворѣ голосили Цыгане, не успѣвшіе бѣжать прежде чѣмъ оцѣнили господскій домъ; внутри его царствовала тишина, казалось, онъ теперь уже совершенно опустѣлъ; дворовые люди отказывались войти въ него, чтобы доставить намъ извѣстіе о бояринѣ, котораго мы принуждены были позвать къ окну черезъ посредство часовыхъ. Поутру умерла еще одна женщина, а большая дочь лежала на рукахъ у матери, не хотѣвшей оставить ее ни на одно мгновеніе, несмотря на просьбы мужа и увѣщанія доктора. Вечеромъ мы вторично навѣстили несчастное семейство. Рыдая, отецъ объявилъ, что дочь умерла, и что мать, въ припадкѣ безумія, не хочетъ этому вѣрить и продолжаетъ ухаживать за ней какъ бы за живою, никого не подпуская къ тѣлу. Въ слѣдующія посѣщенія мы узнали, что она двое сутокъ продержала мертвую въ своихъ объятіяхъ, не давая ее хоронить. Не видя другаго способа спасти мать, бояринъ воспользовался минутой когда она задремала, выхватилъ тѣло и черезъ окно передалъ его чекламу, для отвоза въ общую

могилау. По окончаніи сорокадневнаго карантина вышли живыми изъ дому бояринъ, его жена, и старая Цыганка; умерли: дочь и вять человекъ прислуги. Въ нашемъ домѣ зараза не появлялась.

Между тѣмъ моя лихорадка усилилась до того, что я потерялъ силу отбывать службу. Горестное происшествіе въ домѣ нашего сосѣда и опасность, отъ которой мы избавились такимъ неожиданнымъ образомъ, заставили насъ быть осторожнѣе. Нѣсколько времени мы провели дома, выходя только погулять и ни съ кѣмъ не сообщаясь. Платье окуривали каждый день хлоромъ, бѣлье вымывали крѣпкимъ щелокомъ, ибо бывали примѣры, что зараза таилась цѣлые мѣсяцы въ одеждѣ и потомъ проникала въ кровь совершенно неожиданно. Въ это время наши нервы подверглись новому испытанію. Сильное землетрясеніе пробѣжало по Княжествамъ и на нѣсколько мгновеній обнало насъ до толѣ незнакомымъ страхомъ найдти конецъ подъ развалинами домовъ, обрушенныхъ на наши головы. Чувство порождаемое землетрясеніемъ необъяснимо. Животныя, какъ я замѣтилъ, чувятъ приближеніе опасности. Случилось оно часу въ двѣнадцатомъ ночи. Поужинавъ, мы только что разошлись по комнатамъ и улеглись въ постели, когда боязненное мычаніе рогатой скотины, топотъ и фырканіе лошадей, да общій вой собакъ нарушили тишину ночи. Вслѣдъ за тѣмъ грохотъ, подобный звукамъ отдаленнаго грома, прокатился подъ землей, оконныя стекла зазвенѣли, моя кровать задрожала будто въ лихорадкѣ. Мнѣ не случалось испытывать землетрясеніе, и пока я усиливался разгадать, что значитъ это непонятное явленіе, вторичный, усиленный ударъ принудилъ меня вскочить съ постели и спастись въ оконную амбразуру, какъ въ болѣе безопасное мѣсто, потому что бѣжать изъ комнаты было уже поздно, да и слишкомъ рискованно при моемъ болѣзненномъ положеніи. Стѣны шатались, штукатурка валилась большими кусками съ потолка, мебель прыгала на полу. Бросивъ взглядъ изъ окна, я увидалъ на дворѣ нашего хозяина, съ семействомъ, и всю домашнюю прислугу, мужчинъ и женщинъ, кто въ чемъ, иные въ однихъ рубашкахъ, въ снѣгу, на колѣняхъ, плачущихъ и взывающихъ къ „Майкѣ пречистой“ (Богородицѣ) и ко всѣмъ святымъ. Жако было видѣть ихъ глубокое отчаяніе. Изъ города, раскиданнаго по множеству холмовъ, раздавались ревъ ско-

тины и завыванія жителей; мѣстность волновалась, дома шатались, что было замѣтно по дрожательному движенію огоньковъ, ни мгновенія не остававшихся на мѣстѣ; все прыгало и плясало передъ глазами. Около трехъ минутъ, отнюдь не болѣе, продолжались гулъ, колебаніе, прыганіе огоньковъ, ревъ скотины; потомъ все утихло, кромѣ людскаго крика; наконецъ, видя что опасность миновалась, и люди унялись, почувствовали холодъ, замѣтили, что одѣты слишкомъ легко, и стали уходить въ дома. Это землетрясеніе не надѣлало въ Краіовѣ большой бѣды, разрушивъ лишь нѣсколько мазанокъ, задавившихъ десятокъ людей; за то всѣ дымовыя трубы попадали съ крышъ, и на другой день въ цѣломъ городѣ дымились печи, пока не починили трубъ.

Долго еще послѣ того землетрясеніе продолжало чудиться во снѣ городскимъ жителямъ: такъ глубоко врѣзалось въ нервную систему неприятое впечатлѣніе возбуждаемое колебаніемъ почвы, которую мы привыкли считать неизблемою. Не разъ случалось мнѣ и многимъ изъ моихъ знакомыхъ ночью вскакивать съ постели, провозглашая испуганнымъ голосомъ новое землетрясеніе: казалось, кровать дрожала и весь домъ колыхался, а въ сущности это былъ одинъ тревожный сонъ, такъ явственно повторявшій недавно испытанное ощущеніе, что нѣкоторые не хотѣли вѣрить будто имъ только пригрезилось.

Нерадостно встрѣтили мы новый годъ, посреди всеобщаго унынія, поддерживаемаго въ городѣ заразой, продолжавшею съ прежнею силой губить, не разбирая, Русскихъ и Валаховъ. Къ тому же мы знали, что наступающій годъ долженъ былъ разлучить нашу небольшую дружескую семью, пережившую въ домѣ у Россети, такъ много общаго горя и общихъ радостей. Мухановъ получилъ назначеніе находиться по особымъ порученіямъ при нашемъ уполномоченномъ предсѣдателѣ дивановъ Придунайскихъ Княжествъ, Павлѣ Дмитріевичѣ Киселевѣ и поэтому долженъ былъ въ непродолжительномъ времени отправиться въ Букарештъ. Веригинъ со дня на день ожидалъ перевода въ драгунскій полкъ, квартировавшій въ Большой Валахиі; одинъ я не имѣлъ надежды покинуть Краіово, находясь въ полной неизвѣстности насчетъ моей будущей судьбы. На представленіе Гейсмара о переводѣ меня въ генеральный штабъ не получалось отвѣта; награды за труды, повеселенныя

въ задунайскій походъ нашего отряда, которой удостоились **всѣ** мои штабные товарищи, я былъ лишенъ. По этой причинѣ, не только въ полку, но и въ дивизионной канцеляріи признали, что главнокомандующій о мнѣ не заботится, ничего для меня не дѣлаетъ и звать меня не хочетъ, слѣдственно я не заслуживаю никакого особеннаго вниманія и годенъ только, какъ каждый прапорщикъ, нести за старшихъ всякую нелегкую службу. Почти ежедневно освѣдомлялись изъ полковой канцеляріи, позволяетъ ли мнѣ здоровье поступить снова на госпитальное дежурство, и напоминали, что въ случаѣ если лихорадка станетъ продолжаться, принуждены будутъ помѣстить меня для пользованія въ военный лазаретъ. Хуже этого нельзя было придумать: довольно было и сутокъ, которые я пролежалъ въ краіовскомъ военномъ госпиталѣ весной, когда Гейсмаръ такъ добродушно избавилъ меня отъ него. Кажется, не спасся бы я отъ госпиталя, еслибы въ это время не пріѣхалъ въ Краіово инженеръ-полковникъ Баумеръ, посланный отъ генерала Киселева къ коменданту турецкой крѣпости Ада-Кале съ какимъ-то политическимъ порученіемъ, при чемъ ему было приказано составить негласнымъ образомъ планъ крѣпостамъ верковъ. Для этого онъ нуждался въ помощникѣ знающемъ съемку; въ Букарештѣ ему указали на меня и снабдили открытымъ предписаніемъ, дававшимъ ему право вытребовать къ себѣ любого офицера изъ 17-й пѣхотной дивизіи. Нѣхотя согласились у насъ на его требованіе и съ досадою отпустили меня на новое баюство, на новую бесполезную трату времени, которое я, по мнѣнію моего начальства, имѣлъ способы употребить въ полку гораздо выгоднѣе для службы и для своего собственнаго образованія.

Повѣдка въ Ада-Кале обошлась безъ приключеній. Для меня собственно она имѣла двѣ хорошія стороны: во первыхъ, я съ перемѣной мѣста избавился отъ лихорадки, не зирая на зимній холодъ и на сѣвѣгъ, въ которомъ мы буквально утопали въ горахъ по горло; во вторыхъ, я сошелся съ человѣкомъ рѣдкой доброты, обладавшимъ прекраснымъ специальнымъ образованіемъ и философскимъ взглядомъ на вещи, какими могли похвалиться немногіе русскіе служивые того времени. Я говорю о Баумерѣ, бывшемъ послѣ того начальникомъ инженеровъ на Кавказѣ, если не ошибаюсь, въ тридцать третьемъ и въ тридцать четвертомъ

годахъ. Свое порученіе онъ исполнилъ умно и осторожно, причѣмъ я ему охотно помогалъ, на сколько позволяли мои слабыя познанія. Ада-Кале, небольшая, сплошь казематированная крѣпость, имѣющая форму бастионированнаго параллелограмма, съ двумя передовыми люнетами къ сторонѣ Валахіи, лежитъ, какъ извѣстно, на дунайскомъ островѣ, въ углу поворота рѣки, у котораго сходятся три границы: австрійская, сербская и валахская. При тогдашнемъ состояніи артиллеріи, эта крѣпость, запирающая плаваніе по Дунаю въ случаѣ войны, имѣла значеніе, которое она совершенно утратила съ введеніемъ нарѣзныхъ орудій большого калибра. Побывавъ раза два въ крѣпости у паши и прогулявшись по базару для покупки будто бы чубуковъ, кисетовъ, табаку и розоваго масла, мы увидали все, что намъ нужно было знать, и на валахскомъ берегу, въ Арчаровѣ, составили желаемый планъ. Жизнь здѣсь была весьма не завидна. Въ дымной хатѣ, занятой еще осенью турецкими солдатами, можно себѣ представить какова была опрატность: безъ постели, почти безъ вѣды, питаясь однимъ чаемъ съ сухарями, мы прожили десять дней, для того чтобы съ окрестныхъ высотъ опредѣлить помощію инструментовъ исходящіе углы крѣпостныхъ верковъ, скрывая рифомъ нашу работу отъ Турокъ. Мѣсто, на которомъ мы прожили эти десять дней, представляетъ собою довольно обширную низменную площадку, огороженную съ одной стороны берегомъ Дуная, а съ прочихъ сторонъ постепенно возвышающимися горами, и замѣчательно тѣмъ, что оно было единственнымъ пунктомъ, въ которомъ Турки удержались на лѣвой сторонѣ Дуная въ продолженіе всей кампаніи, обороняясь редутомъ скорѣе похожимъ на бараній загонъ чѣмъ на укрѣпленіе. Взять его было бы не трудно, но трудно было въ немъ удержаться, потому что вся описанная мною площадка находилась подъ картечнымъ огнемъ изъ ада-калескихъ люнетовъ. Поэтому мы не тревожили Турокъ въ Арчаровѣ; они же нерѣдко пытались проникать изъ этого пункта дагѣе во внутрь Малой Валахіи, при чемъ сожгли однажды городъ Чернецъ, лежавшій не дагѣе двадцати-пяти верстъ отъ Арчарова.

Недалеко отъ сожженнаго Чернеца находилась хуторъ майора Соломона, командовавшаго валахскою милиціей въ послѣднюю войну. Въ народѣ онъ продолжалъ носить названіе *служителя* Соломона, принадлежавшее ему прежде достиже-

лія русскаго чина и крестовъ, которыми онъ былъ увѣ-
 шанъ: онъ началъ свою карьеру простымъ арнаутымъ-слу-
 жителемъ, имѣвшимъ обязанность, стоя на запаткахъ за ко-
 лаской, возить чубукъ боярина. Этотъ человекъ, съ кото-
 рымъ я встрѣчался нѣсколько разъ въ продолженіе вой-
 ны, всѣмъ Русскимъ былъ извѣстенъ какъ непримири-
 мый врагъ Турокъ, человекъ энергическій, храбрый до
 сумашествія, жестокій и кровожадный въ схваткахъ съ
 непріателемъ, и хитрый на выдумку военныхъ уловокъ.
 Проживъ у него съ Баумеромъ трое сутокъ, мы узнали его
 совершенно съ другой стороны. Въ домашней жизни онъ
 оказался самымъ мирнымъ и добродушнымъ человекомъ:
 былъ покоренъ женѣ, нѣжно любилъ дѣтей и питалъ самую
 невинную страсть къ птицамъ и къ разнаго рода животнымъ,
 которыхъ онъ старался дѣлать ручными. Эти противополо-
 жности нерѣдко встрѣчаются въ характерѣ старыхъ вояковъ,
 испытавшихъ много опасностей и не мало губившихъ людей:
 чѣмъ злѣе въ дракѣ, тѣмъ смиреннѣе они бываютъ въ обыкно-
 венномъ быту. Тамъ, гдѣ не предстоитъ прямой опасности,
 ляхальны лишь одни трусы. Соломонъ, Румынъ чистаго про-
 исхожденія, доказывалъ собою, что мнѣніе, будто всѣ Вала-
 хи неспособны къ перенесенію военныхъ трудовъ и опасно-
 стей, довольно неосновательно. Жители нагорной Валахи
 не только хорошіе стрѣлки, но и люди смѣлаго характера.
 Неспособность къ войнѣ гнѣздилась не въ народѣ, а въ
 высшемъ классѣ Румыновъ, деморализованныхъ продо-
 лжительнымъ угнетеніемъ со стороны турецкой власти и по-
 верхностнымъ, дурно направляемымъ воспитаніемъ, которое
 они получали въ Вѣнѣ и въ Парижѣ, знакомясь лишь
 съ наружными формами европейской цивилизаціи.

Въ 1829 году общественный бытъ далеко не походилъ на
 порядокъ вещей, кымъ существующій въ Придунайскихъ
 Княжествахъ, хотя и теперь онъ не вполне соответствуетъ
 условіямъ истиннаго просвѣщенія. Не легко измѣняются въ
 дѣломъ народѣ понятія и привычки, укоренявшіяся въ про-
 долженіе вѣковаго угнетенія, сопровождаемаго подавленіемъ
 всѣхъ нравственныхъ началъ, питающихъ чувства національ-
 наго и человѣческаго достоинства. На подобный процессъ
 перерожденія потребно много времени, которое можетъ быть
 сокращено только при содѣйствіи людей, одаренныхъ боль-
 шимъ умомъ и необыкновенно сильною волей, и притомъ

при счастливыхъ обстоятельствахъ. Русское правительство освободило въ то время Княжества отъ турецкаго произвола, доставило имъ относительную самостоятельность. Киселевъ, придуманнымъ имъ земскимъ регламентомъ, положилъ первое основаніе рациональному гражданскому порядку. Была сформирована небольшая военная сила; наконецъ, бояръ переодѣли въ европейское платье. Всѣ эти реформы, имѣвшія цѣлью направить ихъ на путь прогресса, совершились не безъ сопротивленія со стороны поборниковъ благословенной старины, называемыхъ иногда консерваторами, а въ сущности самыхъ вредныхъ революціонеровъ, всегда и вездѣ защищающихъ существующее зло, льстящее ихъ страстямъ и личнымъ выгодамъ. Я имѣлъ случай близко познакомиться съ тогдашнимъ порядкомъ вещей, поселившись, по возвращеніи изъ моей командировки, у каймакана Малой Валахіи, Константина Гука.

Князь Константинъ Гукъ, младшій братъ валахскаго господаря, принадлежалъ къ числу характеровъ, не часто встрѣчаемыхъ между его соотечественниками. Пользуясь хорошими способностями и довольно разностороннимъ образованіемъ, онъ питалъ благородный образъ мыслей, понималъ все хорошее и готовъ былъ ему способствовать; но увлекаясь легкомысліемъ, часто предавался порывамъ деспотизма, которому потворствовало его положеніе, и не имѣлъ силы превозмочь страсть къ картамъ и къ женщинамъ, отнимавшимъ у него слишкомъ много времени. Онъ былъ молодъ, красивъ, любезенъ, богатъ, умѣлъ блеснуть щегольствомъ, и поэтому неудивительно, что онъ предавался гораздо ревностиже удовольствіямъ и успѣхамъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, чѣмъ скучнымъ и утомительнымъ дѣламъ. Много азіатскаго существовало тогда въ валахскихъ привычкахъ и понятіяхъ; каймаканъ противился имъ сколько могъ, хотя рѣдко успѣвалъ расположить умы въ пользу своихъ гуманныхъ идей. Общественная жизнь, администрація, судъ и расправа продолжали покоряться правиламъ, выработавшимся изъ смѣси народнаго легкомыслія съ турецкимъ тупоумнымъ деспотизмомъ.

Желая подать хорошій примѣръ прочимъ краіовскимъ домовладѣльцамъ, каймаканъ, уступилъ подъ русскій госпиталь свой просторный и хорошо убранный губернаторскій домъ, а самъ поселился въ монастырѣ Св. Спиридонія въ четырехъ

небольшихъ комнаткахъ, удѣленныхъ ему настоятелемъ изъ своего собственнаго помѣщенія. Довольствуясь одною комнатою, онъ отдалъ двѣ изъ нихъ вемолодой дворянкѣ, завѣдывавшей его хозяйствомъ, а четвертую, попросторѣе, опредѣлилъ для засѣданій дивана, по окончаніи которыхъ въ ней же накрывался столъ для обѣда. Широкій и узкій турецкій диванъ, покрытый малиновымъ сукномъ, огибалъ двѣ стѣны этой комнаты, изъ которой двери вели прямо на деревянную галерею, занимавшую всю длину домоваго фасада; наружная лѣстница вела съ галереи на монастырскій дворъ, обсаженный большими орѣховыми деревьями влодь высокой каменной ограды. Посреди двора стояла старинная церковь съ ярко расписанными стѣнами; возлѣ нея красовались два столба съ привѣщеною къ нимъ широкою доскою, замѣнявшею колокола. До Адрианопольскаго тракта, обязавшаго Турокъ очистить лѣвый берегъ Дуная, колокольный звонъ въ Княжествахъ былъ запрещенъ, и хрістіане призывались къ богослуженію ударами въ деревянную доску, что называлось бить „току“. Желая избавиться меня отъ горькаго одиночества, въ которое я впалъ послѣ отъѣзда моихъ товарищей Муханова и Веригина, Гика пригласилъ меня поселиться у него въ диванной комнатѣ. Несмотря на тѣсноту, мы уживались хорошо и жили даже не скучно, потому что оба были молоды и расположены радоваться каждой бездѣлицѣ, когда ему правительственныя дѣла, а мнѣ лихорадка, давали минуту отдыха. Во время присутствія я уходилъ въ спальню каймакана или, съ его согласія, оставаясь свидѣтелемъ преній, сидя въ почтительномъ отдаленіи отъ высокостепенныхъ бояръ, членовъ моддо-валахскаго дивана, которые творили судъ и расправу, важно возсѣдая, съ поджатыми ногами и съ длинными чубуками въ зубахъ, на мягкихъ подушкахъ турецкаго дивана. Посреди комнаты стояли *логобеты* (секретари) докладовавшіе дѣла. На дворѣ и на галереѣ толпились просители, и скованные преступники, подъ арнаутскою стражей, выжидали рѣшенія своей участи. Для непривычнаго глаза видъ засѣданія заключалъ въ себѣ много оригинальнаго. Длиннородные бояре, одѣтые въ разноцвѣтные шелковые кафтаны и суконные балахоны, очень схожіе съ подрясниками и рясами нашихъ священниковъ, въ желтыхъ сафьянныхъ бабусахъ, съ огромною *маре-кочулою* (большою шапкою) изъ мелкаго сѣраго барашка, похожею на арбузъ порядочной величины,

надъ турецкимъ фесомъ, покрывавшимъ бритую голову, поражали каррикатурностию своего полу-восточнаго костюма. Между ними красовался одинъ каймаканъ въ богатомъ турецкомъ платьѣ и въ чалмѣ изъ красной шали, повязанной по арнаутскому обыкновенію на бокъ, съ концами, опущенными на лѣвое плечо. Право носить чалму принадлежало въ Княжествахъ одной фамиліи Гака; всѣмъ же прочимъ боярамъ, для отличія отъ мусульманъ, была присвоена маре-кочула, которую они никогда не снимали. Въ присутственныхъ мѣстахъ, въ обществѣ, въ церкви, вездѣ ихъ можно было видѣть съ безобразною кочулой на головѣ.

Въ диванѣ сосредоточивались тогда всѣ власти: административная, судебная и исполнительная. Дѣла гражданскія и уголовныя производились письменно, съ правомъ аппелляціи въ Букарештѣ; полицейскія рѣшались словесно, и приговоръ исполнялся немедленно. Одни турецкіе наши имѣли право произносить смертные приговоры: мѣстныя судилища ограничивались ссылкой преступниковъ въ рудники и соляныя копи. Общеупотребительное полицейское наказаніе заключалось въ бастонадѣ, на которую валахскіе судьи не скупились. Для этой операціи всегда находились на дворѣ нѣсколько человѣкъ *чаушей*, вооруженныхъ пучками дрозъ. Двое имѣли на-готовѣ толстую палку съ веревочною петлей по срединѣ. Обвиненнаго вытаскивали безъ церемоніи за дверь судилища въ объятія чаушей, бросавшихъ его на землю по приказанію: „пуе жось“ (клади на землю). Въ этомъ положеніи ноги его просовывали въ петлю, придѣланную къ палкѣ, поднимали ихъ на воздухъ и отсчитывали ему по голымъ пятамъ опредѣленное число ударовъ, послѣ чего труженникъ могъ идти куда угодно, если позволяли ноги; не то его выносили за монастырскую ограду, мало заботясь о томъ въ силахъ ли онъ доползти до дому. Таковъ былъ судебный порядокъ. Въ теченіи двухмѣсячнаго пребыванія въ домѣ у каймакана, я имѣлъ случай пройти весьма любопытный курсъ гражданского и уголовного валахскаго судопроизводства. И чего не привелось тутъ видѣть и слышать! Между множествомъ самыхъ разнообразныхъ уголовныхъ дѣлъ, одно поразило меня рѣдкою странностію преступления.

Каймакану донесли однажды, будто у нѣкоей содержательницы питейнаго дома сосѣдка подмѣтила въ амбарѣ куски тѣла человѣка, какъ должно полагать, убитаго тайкомъ,

потомъ изрубленнаго и спрятаннаго по частямъ. Приказано было сдѣлать обыскъ, и при мнѣ привлекли обвиненную, вмѣстѣ съ отысканными у ней въ домѣ двумя парами человѣческихъ рукъ. Другихъ частей не нашли. По слѣдствію, производившемуся очень долго, съ привычною приправой, бастонаднаго уличительнаго способа, оказалось, что никакого убійства не было сдѣлаю, а что эта женщина съ помощью двухъ Арнаутовъ отрыла тѣла на кладбищѣ чумныхъ, и обрубила имъ руки для помѣщенія ихъ въ бочкахъ съ виномъ, гдѣ онѣ и были найдены при обыскѣ. Кабачница чаяла поправить этимъ колдовскимъ средствомъ вкусъ вина и привлечь въ свое заведеніе пьющихъ. Кромѣ придуманной ими отвратительной настойки, глупая женщина и ея помощники имѣли въ предметѣ употребить руки еще на другое дѣло. Не только на Востокъ, но и во многихъ европейскихъ странахъ существуетъ въ простонародіи странное суевѣріе, будто чадомъ отъ рукъ мертвеца, брошенныхъ въ огонь, можно повергнуть въ непробудный сонъ жильцовъ дѣлаго дома, и потомъ обокрасть ихъ, не опасаясь помѣхи. Преступниковъ приговорили къ пожизненной осылкѣ на каторжную работу въ соляныхъ копяхъ; они вполне заслужили это наказаніе, потому что, кромѣ оскверненія тѣлъ, съ преступною дѣлюю, ихъ бессмысленное суевѣріе могло еще снова усилить чуму, едва начинавшую утихать.

Въ чередѣ гражданскихъ исковъ повторялись очень часто тѣла по разводу, какъ извѣстно, дозволенному въ Княжествахъ, несмотря на то что они принадлежатъ къ греческой церкви. Въ дѣломъ православномъ мірѣ только Молдавія и Валахія владѣютъ правомъ развода, дарованнымъ имъ константинопольскимъ патриархомъ, и пользуются имъ, можно сказать, съ полнымъ разгуломъ. Не разъ мнѣ случалось видѣть дамъ и бояръ, которые два и три раза разводились и послѣ того заключали новый бракъ. Прежніе супруги сходились въ обществѣ какъ ни въ чемъ не бывало и нерѣдко жили послѣ развода въ очень тѣсной дружбѣ. Анекдотъ о г-жѣ П^{***}, сидѣвшей за партией виста съ своимъ настоящимъ супругомъ, и съ двумя бывшими мужьями, есть фактъ, случившійся въ Яссахъ, на моихъ глазахъ. Обыкновенно расходились полюбовно, и тяжба завязывалась только по поводу денежныхъ расчетовъ при выдѣлѣ имѣнія. Хорошенькія щеголихи - просительницы зачастую являлись

сами въ диванъ, для объясненій по своему дѣлу, или прѣвѣзжали къ каймакану послѣ засѣданія съ неопровержимыми доказательствами своей правоты, раскрывавшейся передъ нимъ глазъ на глазъ. Хотя много годовъ ушло съ тѣхъ поръ, нѣкоторыя изъ этихъ красавицъ болѣе не существуютъ, а работа другихъ утратила все свое значеніе,—но пускай онѣ не тревожатся, я не коснусь нескромнымъ перомъ до щекотливой стороны валахскаго дѣлопроизводства того времени. Я ничего не знаю и ничего не видѣлъ, кромѣ ихъ туманныхъ глазокъ, шелковистыхъ черныхъ волосъ, жемчужныхъ зубовъ и роскошныхъ талій, которыми такъ страстно увлекалась наша русская молодежь въ счастливые дни кампаніи, о которыхъ я самъ вспоминаю не безъ сдержаннаго вздоха.

Пока въ гостепріимномъ домѣ у добраго, всегда веселаго Костаки-Гику чередовались для меня часы лихорадочныхъ страданій съ радостями, которыя такъ легко даются въ дни беззаботной молодости, тѣмъ временемъ подготавлилась перемѣна моей судьбы. Въ началѣ февраля 1830 года, къ моему неописанному удовольствію, состоялся приказъ по арміи о причисленіи меня къ генеральному штабу и о назначеніи въ геодезическій отрядъ, занимавшійся съемкой Княжествъ. Около того же времени генералъ Гейсмаръ выразилъ мнѣ письменно свое непритворное сожалѣніе о томъ, что ему не удалось доставить мнѣ повышение и переводъ въ генеральный штабъ, слѣдовавшіе мнѣ, по его мнѣнію, за нашъ задунайскій походъ. Главнокомандующій отказалъ по тремъ причинамъ: потому что я былъ молодъ лѣтами, съ небольшимъ годъ на службѣ и въ родствѣ съ его женой.

Вторично испыталъ я, что не во всѣхъ случаяхъ выгодно для молодаго офицера находиться въ близкомъ свойствѣ съ главнокомандующимъ арміей, въ которой ему суждено служить.

Уложивъ свой маленькій чемоданъ, обнявъ Гику и поблагодаривъ его за дружбу и за хлѣбъ за сою, я разстался съ Краіовомъ навсегда.

Т.

Вѣна, 25-го декабря 1865 года.

ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССІИ*

XXXI.

Предшествующею главой мы закончили обзоръ военныхъ учрежденій, составляющихъ, по нашему разумѣнію, потребность современной Россіи. Еслибы статьи наши назначались исключительно для военныхъ читателей, то не о чемъ было бы и говорить больше; но онѣ писаны преимущественно для массы общества, съ тѣмъ чтобъ уяснить въ ея глазахъ текущіе военные вопросы, вызванные смутнымъ временемъ, въ которое мы живемъ, и занимающіе теперь весь европейскій міръ. Мы смотрѣли на развитіе русскихъ вооруженныхъ силъ не какъ на дѣло специальное, относящееся до однихъ знатоковъ, а какъ на вопросъ прежде всего общественный, національный, который поэтому не можетъ оставаться чуждымъ никакому русскому человѣку. Мы высказали свои мысли. Отдавая на судъ общественнаго мнѣнія ихъ значеніе въ военномъ отношеніи, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ отношеніи этого труда въ текущей минутѣ. Читателямъ выяснился смыслъ нашихъ статей: онъ состоитъ въ томъ, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ наше отечество должно собрать свои силы, какъ собираетъ ихъ Европа, чтобъ относиться къ міру не какъ государство съ 350-ю милліонами дохода, уступающее въ этомъ отношеніи другимъ великимъ державамъ, а какъ государство съ 80-милліоннымъ населеніемъ, ставящимъ его на первое мѣсто въ свѣтѣ; намъ приходится, другими словами, въ военныхъ

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 5 и 6.

учрежденіяхъ, какъ и во многихъ другихъ, сойдти съ основаній заложенныхъ Петромъ и замѣнить постоянную солдатскую армію, ограниченную цифрой бюджета, арміей народною, опредѣляемую преимущественно цифрой населенія, то-есть устроить по-военному само земство. Многие изъ читателей не найдутъ нужнымъ спрашивать для чего это? Они сами знаютъ и чувствуютъ для чего. Но многие, даже изъ людей готовыхъ въ минуту опасности на всякую жертву отечеству, сдѣлають, быть-можетъ, этотъ вопросъ. Хотя въ нашей народной жизни прошла уже безвозвратно полоса напускнаго тумана (очень попятная, впрочемъ, въ только что пробуждающемся обществѣ), когда въ космополитическомъ увлеченіи иные ставили въ упрекъ Пушкину его оду *Клеветникамъ Россіи*; тѣмъ не менѣе нельзя ожидать отъ общества, въ которомъ подобныя явленія были возможны еще недавно, твердо установившагося, общеприятаго мнѣнія о вѣдшихъ интересахъ своего отечества и о силахъ потребныхъ для поддержанія этихъ интересовъ. До послѣдняго польскаго возстанія, мы были сильны только своимъ живымъ народнымъ чувствомъ, которое въ критическую минуту оказывалось всегда мощнѣе и дѣльнѣе нашихъ случайныхъ мнѣній. Поэтому вопросъ о томъ, для чего намъ нужно быть сильно вооруженными и кто намъ угрожаетъ, весьма возможенъ и требуетъ предварительнаго соглашенія. Писавши о вооруженныхъ силахъ Россіи, мы должны были имѣть въ виду этотъ вопросъ и ясный отвѣтъ на него хоть для тѣхъ читателей, которые не разяты съ нами во взглядѣ на коренныя начала.

Во второстепенномъ государствѣ многія соображенія могутъ оттѣснять на второй планъ вопросъ о народномъ вооруженіи, — соображенія политическія, экономическія и социальныя, — ибо второстепенное государство держится и существуетъ не собственной силой, а международнымъ правомъ, охраняемымъ соперничествомъ великихъ державъ. Мы достаточно видѣли въ послѣднія десять лѣтъ, что охрана эта не совсѣмъ дѣйствительна; но меньшія государства не могутъ отвратить отъ себя опасности собственной энергіей. Конечно, безъ арміи и они не могутъ обойтись, чтобы не стать игрушкой ежедневныхъ случайностей; но ихъ армія имѣетъ только одно значеніе—возможности перваго отпора въ ожиданіи вѣдшей помощи; нѣтъ надоб-

ности, повтому, чтобъ она точно соотвѣтствовала численности и средствамъ націи во всемъ ихъ объемѣ, и чтобы качество ея было очень высокое. Швеція можетъ довольствоваться своими поселенными войсками, короли неаполитанскіе полагались преимущественно на наемныхъ Швейцарцевъ. Когда армія не представляетъ собой полнаго залога народной безопасности, а обезпечиваетъ государство только противъ второстепенныхъ случайностей, то очень естественно, что численность и организація ея становятся дѣломъ почти произвольнымъ, дѣломъ мнѣнія, и подчиняются многими соображеніямъ, имѣющимъ большее или меньшее значеніе для общества. Державы первоклассныя находятся въ другомъ положеніи. Первоклассная держава есть нація или политическое тѣло существующее само по себѣ, независимо отъ всякихъ правъ и договоровъ, поддерживающееся собственною силою. Первостепенныя государства — это капитальныя стѣны всемірнаго политическаго здания, всегда одні и тѣ же, между тѣмъ какъ прочія — перегородки, которыя каждое столѣтіе ломаетъ и передѣлываетъ какъ ему удобнѣе. Держава, которая не можетъ защитить себя отъ всякихъ коалицій, которая нуждается въ охранѣ международнаго права, не есть держава первоклассная и не можетъ имѣть самостоятельнаго голоса. Очевидно, напримѣръ, что признаніе первокласснымъ государствомъ Италіи, не имѣющей еще столько силы чтобы справиться на полѣ сраженія даже съ однимъ изъ клочковъ австрійской арміи, есть пока фикція, вызванная политическою игрой, а не дѣйствительность; и это въ такой степени вѣрно, что еслибы завтра одинъ изъ сосѣдей Италіи, Франція или Австрія, вздумалъ наступать на нее, то Европа не смотрѣла бы на эту затѣю сложа руки, какъ смотрѣла она на дуэль самостоятельныхъ противниковъ, Франціи съ Австріей, Австріи съ Пруссіей, предоставляя имъ раздѣлываться между собою какъ они знаютъ. Европа сочла бы наступленіе на Италію такимъ же насиліемъ, какъ наступленіе на Бельгію или на Швецію. Можетъ быть, при вышшихъ недоумѣніяхъ, она въ такомъ случаѣ и не сдѣлала бы ничего, какъ въ датской войнѣ, но говорила бы и переписывалась о событіи съ этой точки зрѣнія. Фикція не сдѣлала еще Италію самостоятельною, сомнительно даже, чтобъ она оградила ей возможность нейтралитета въ большомъ европейскомъ столкновеніи. Италіи все-таки

придется идти за кѣмъ-нибудь на буксиръ. Положеніе незавидное даже для внутренняго развитія, на которое всегда ложится печать энергіи народа, его увѣренности въ себя, почерпаемой въ чувствѣ вѣшной самостоятельности. Кто не надѣется на себя передъ чужими, тотъ едва ли будетъ смѣлъ и прамъ въ домашнемъ кругу. У человѣка не можетъ быть двухъ лицъ, какъ у Януса, не можетъ быть двухъ душъ: одной по вѣшнимъ, другой по внутреннимъ дѣламъ отечества. Народъ малочисленный, слабый не по своей винѣ, можетъ развиваться безпрепятственно, сознавая эту слабость, но для многочисленной, самостоятельной націи, обѣ стороны государственной жизни, внутренняя и вѣшняя, связаны неразрывно. Малѣйшій ущербъ въ одной изъ нихъ сейчасъ же отзывается на другой; упадокъ, даже временное умаленіе вѣшняго могущества сказывается немедленно внутри или общественною апатіей или общественнымъ разладомъ; нація обращается или въ Испанію наслѣдниковъ Филиппа II, отдающуюся исключительно молитвамъ и серенадамъ, или во Францію послѣ 1815 года, грызущую свои внутренности, раздираемую партіями, мучимую воспоминаніями до той минуты, пока она не заняла снова соответственное ей мѣсто международное положеніе. Народы, какъ и отдѣльные люди, подвержены одинаково спячкѣ и бессовицѣ. Нельзя почти сомнѣваться, что событія восточной войны и чувства, порожденные ея послѣдствіями въ русскомъ обществѣ, содѣйствовали болѣе чѣмъ что-либо другое развитію нелѣпныхъ мнѣній и того горячечнаго бреда, который извѣстенъ подъ именемъ нигилизма. Человѣкъ, у котораго подорваны привычныя вѣрованія въ себя, бросается обыкновенно въ противоположную крайность. Общество есть тотъ же человѣкъ, только въ громаднѣхъ размѣрахъ; оно слагается изъ человѣческихъ душъ. Возьмите же человѣка самостоятельнаго, всегда сохранявшаго свое достоинство и вдругъ нечаянно униженнаго. Одно изъ двухъ: или этотъ человѣкъ замучитъ себя, растерзаетъ себя упреками, въ душѣ его загорится настоящее междуусобіе, которое не успокоится, пока онъ, удвоенною энергіей, почерпаемою въ самыхъ терзаніяхъ своихъ, не вознаградитъ прошлаго; или этотъ человѣкъ понуритъ голову и такъ уже останется на вѣкъ. Въ одномъ случаѣ выйдетъ Франція, въ другомъ Испанія. Мѣщанское счастье, не тревожимое, сильными ощущеніями, возможно только для маленькихъ народовъ, слабыхъ не по своей

внѣ, какъ въ бывшее время, въ гражданскомъ быту, оно составляло принадлежность слабыхъ и смиренныхъ людей, жившихъ подъ чужою опекой. Но для душевнаго довольства, а вотому и для преуспѣванія самостоятельныхъ народовъ, живущихъ волею Божіею, а не людскою, внѣ гарантіи призрачной системы равновѣсія, нужна прежде всего вѣра въ себя, сознаніе своего могущества, ограждающаго не только этотъ самый народъ, но и его ближнихъ; великой же націи не бываетъ безъ ближнихъ. Безъ этого гордаго сознанія существованіе первоклассной державы немислимо; такое чувство составляетъ пульсъ ея жизни; загнанное внутрь, какъ показываетъ исторія, оно обращается или въ апатію, или въ горячку, но скорѣе въ горячку, что мы видимъ даже на примѣрѣ державы одаренной самою холодною кровью изъ всѣхъ державъ въ мірѣ—на Австрію.

Маленькая Данія можетъ горько оплакивать свое несчастье, но даже оплакивая, оставаться счастливою и довольною; полезныя реформы, внутренній миръ и процвѣтаніе могутъ вполне утѣшить ее; она вышла изъ боя растерзанною, но съ спокойною совѣстію: что же ей оставаться дѣлать? Такого мелководнаго счастья не даю въ удѣлъ великимъ народамъ, и справедливо. Великій народъ можетъ также понести поражение, но не можетъ на немъ успокоиться; полезныя реформы и внутреннее развитіе могутъ утѣшить его только на извѣстный срокъ, ибо никакое правильное развитіе, никакая счастливая будущность не возможны безъ уваженія къ себѣ и безъ вѣры въ себя, а такая униженная покорность передъ судьбой со стороны сильнаго доказала бы его душевное растлѣніе, несовмѣстное съ этими благородными чувствами, несовмѣстное ни съ какою хорошею будущностію. Несчастье заставляетъ оглядываться на свою жизнь, раскаиваться въ своихъ ошибкахъ, понимать свои недостатки и исправлять ихъ: такъ бываетъ со всякою сильною личностію, и человѣческою, и государственною. Такимъ образомъ и съ такими послѣдствіями, всегда одинаковыми, отзывалось несчастье на всякомъ великомъ народѣ; примѣровъ можно привести множество, но самый яркій изъ нихъ—примѣръ Пруссіи послѣ Гены. Наученный несчастьемъ великій народъ, исправляя свои недостатки, не разстается съ мыслию подняться опять во весь свой ростъ, съ обновленными силами. Иначе и быть не можетъ, потому что человѣкъ

прежде всего нравственное существо не довольствующееся однимъ матеріальнымъ благосостояніемъ и привольною жизнью, существо требующее нравственнаго удовлетворенія; а какое нравственное удовлетвореніе можетъ согласоваться съ низкимъ мнѣніемъ о себѣ какъ о народѣ? Иначе быть не можетъ и потому, то всякая личность въ свѣтъ, и одиночная и сборная, не можетъ чувствовать себя спокойною, отклонившись отъ своего природнаго назначенія. А развѣ великіе народы не имѣютъ своего природнаго назначенія, врученнаго имъ безъ ихъ спроса, проходящаго черезъ всю ихъ исторію, проливающаго массу извѣстнымъ отбѣнкомъ чувствъ и взглядовъ, отъ которыхъ она не можетъ отрываться, не отрывая въ то же время кусокъ души своей. Если изъ племенъ, одинаково мелкихъ въ своемъ источникѣ, одни остаются ничтожными или второстепенными навсегда, другія разрастаются въ великіе народы, то развѣ не очевидно, что эти послѣднія племена одарены, если не высшимъ качествомъ, то высшимъ отбѣнкомъ качества, большею энергіей, устойчивостію, большею способностію притяженія и превращенія въ себя; что въ нихъ вложенъ зародышъ, изъ котораго развиваются отборныя силы человечества, что именно они, а не другія, призваны *дѣлать* исторію нашего рода. Воспитанный въ теченіе вѣковъ такимъ призваніемъ, отзывающимся хоть бы смутно, но все-таки отзывающимся въ душѣ каждаго отдѣльнаго лица, великій народъ всецѣло проникается характеромъ всемірнаго дѣятеля и не можетъ уже возвратиться къ частной жизни маленькихъ народовъ. Мѣщанское счастье не удовлетворитъ его; какъ Самсонъ, онъ почувствуетъ возвращеніе силы вмѣстѣ съ отросшими волосами и не успокоится, пока не возвратитъ снова своего величія, не станетъ опять на свой историческій путь. Чѣмъ больше времени народъ отстраняется отъ этого пути, тѣмъ сильнѣе бываетъ увлеченіе къ возврату. Приходитъ день, когда сознаніе своей мощи и неудовлетворяющаго ей международнаго значенія, голосъ недовершенныхъ историческихъ стремленій, чувство затронутой національной гордости, сливаются въ одно общее настроеніе, во все народное чувство, заслоняющее собой, на нѣкоторый срокъ, всѣ текущіе внутренніе интересы. Тогда для каждаго человека общее дѣло становится своимъ дѣломъ, каждая царпина, какъ величію отечества чувствуетъ каждымъ какъ

личное оскорбленіе. Это значитъ, у Самсона отросли волосы; великій народъ уже не удовлетворяется тѣмъ, чтобы привольно жить и даже строить школы и писать книги на покое: онъ хочетъ быть самимъ собой. Одна изъ величайшихъ нравственныхъ потребностей общественнаго человѣка,—исторически воспитанное мнѣніе о себѣ,—требуетъ удометворенія. Разумѣется, никакое законное, увѣковѣченное правительство, не станетъ поперекъ такого естественнаго меченія народнаго чувства; во первыхъ, потому что законное правительство не приставная вещь, какъ правительство революціонное, а органическая голова тѣла, питающаяся съ нимъ однимъ потокомъ крови, мыслей и чувствъ; во вторыхъ, потому что никакое правительство не можетъ усомниться въ выборѣ между неудовольствіемъ чужихъ и неудовольствіемъ своихъ. Такой переломъ мнѣнія—увлеченіе отъ внутреннихъ вопросовъ къ внѣшнимъ, отъ которыхъ общественное вниманіе было отстранено временно какими-нибудь обстоятельствами,—фактъ много разъ совершавшійся вездѣ. По многимъ признакамъ можно думать, что настроеніе русскаго общества слагается съ нѣкотораго времени въ этомъ направленіи, что мы находимся наканунѣ такого дня, когда большинство русскихъ людей не будетъ уже достаточно удометворено успѣхомъ въ однихъ домашнихъ дѣлахъ. Никогда нельзя было сомнѣваться, что такой поворотъ мнѣнія произойдетъ раньше или позже: это законъ исторіи, проходящій чрезъ всю жизнь великихъ самостоятельныхъ народовъ; можно было сомнѣваться только въ срокѣ когда онъ наступитъ.

Независимо отъ влеченій живой души, которая сказывается во всякомъ человѣческомъ обществѣ, великая держава не можетъ сосредоточиться и замкнуться въ себѣ надолго, еслибъ и хотѣла. Она можетъ умѣрять свое вмѣшательство во всемірныя дѣла, углубиться въ себя, только на очень непродолжительный срокъ. Миръ не стоитъ на мѣстѣ, формы его и сочетанія измѣняются непрерывно; абсолютнаго могущества, независимо отъ сравненія своихъ силъ съ чужими силами, не существуетъ; а потому никакой значительный народъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ событіямъ происходящимъ за его границей, далеко не можетъ допустить всего, что можетъ тамъ случиться. Была ли бы могущественна Россія, была ли бы она обезпечена въ

своей цѣлости, еслибъ устояла европейская монархія созданная Наполеономъ I? Было ли бы возможно у насъ правильное внутреннее развитіе при такой вѣдшей опасности, грозящей ежедневно? Не пришлось ли бы намъ пожертвовать самыми дорогими общественными интересами для вѣдшаго обезпеченія государства, отложить всякую мысль о будущемъ для настоящаго? Европейская монархія Наполеона была явленіемъ исключительнымъ и конечно не возвратится; но развѣ въ нынѣшнемъ положеніи европейскихъ дѣлъ, при нынѣшнемъ, сашкомъ извѣстномъ и вовсе нескрываеомъ настроеніи почти всего Запада противъ Россіи, не могутъ возникнуть такіа политическіа сочетанія, которыа будутъ имѣть для насъ совершенно то же значеніе, какъ Французская имперія 1812 года, которыа такъ же какъ и она могутъ оторвать насъ, и оторвать надолго, отъ всякой мысли о будущемъ для настоящей минуты? Для прилежнаго наблюдателя не можетъ быть сомнѣнія, что такіе виды, хотя бы въ зародышѣ покуда, существуютъ въ умѣ многихъ правительственныхныхъ людей Запада; что виды эти согласутся также со многими основными интересами нашихъ недоброжелателей; что общественное мнѣніе въ большинствѣ благоприятно имъ. При такомъ союзѣ личныхъ стремленій, интересовъ и мнѣнія, въ нашу эпоху неожиданныхъ событій и внезапныхъ рѣшеній, каждое несогласіе въ какомъ-либо серіозномъ вопросѣ можетъ чрезвычайно быстро разгорѣться въ прямое столкновение. Кто не помнитъ 1853 и 1863 годовъ. Что враждебная сила будетъ теперь въ рукахъ не одного лица, а одного чувства или одного интереса, отъ этого намъ не станетъ легче. Возможность неблагоприятныхъ намъ политическихъ сочетаній чрезвычайно облегчена рядомъ невообразимыхъ событій послѣдняго десятилѣтія, происшедшихъ безъ нашего вмѣшательства, въ то время какъ мы замыкались въ себя, „*alors que nous nous resueillons*,” говоря словами официальныхъ депешъ. Въ это десятилѣтіе Россія воскресла къ жизни, это правда; но и оборотъ медали слишкомъ важенъ, чтобъ его можно было считать второстепеннымъ въ сравненіи съ чѣмъ бы то ни было. Вѣдшая опасность можетъ быть предупреждена, единеніе враждебныхъ намъ интересовъ можетъ быть разсѣяно или ослаблено въ самомъ зародышѣ только рѣшительнымъ воздѣйствиемъ на современныа дѣла; а для такого воздѣвствія нужна прежде всего

сила или по крайней мѣрѣ внушительное ея оказаніе, не оставяющее повода никакому сомнѣнію.

Наконецъ, надо сказать и то, что въ свѣтѣ имѣтъ такой великой державы, всѣ интересы которой, не только политическіе и торговые, но даже чисто національные, племенные, заключались бы во всей полнотѣ въ ея вѣдрахъ, не выходили бы за ея предѣлы. Такая отрѣзанность принадлежитъ только небольшимъ народцамъ, каковы, напримѣръ, Голландцы; да и тѣхъ смущаетъ по временамъ вопросъ о родственныхъ имъ Фламандцахъ. До сихъ поръ еще ни одна великая держава не осуществила такого полного объединенія своей народности, чтобъ оставаться чуждою сердцемъ ко всему заграничному, не только въ политическомъ отношеніи, что совершенно невозможно для великаго народа, но въ отношеніи самыхъ естественныхъ родственныхъ влеченій. У всякаго значительнаго европейскаго народа есть своя заграничная родня, которой онъ сочувствуетъ, которой онъ не можетъ не сочувствовать безъ самоотреченія, потому что она есть плоть отъ его плоти, потому въ ея лицѣ онъ самъ попирается чуждымъ насиліемъ; попирается его знамя, его народность, историческія идеи или религія. Какъ ни далеко разошлись романскіе народы, а даже у нихъ сердце говоритъ сообща; симпатіи Франціи всегда были за Италію, а Германіи противъ Италіи. Хотѣтъ чтобы человѣкъ замкнулъ свои естественныя чувства въ пограничной чертѣ, условленной на послѣднемъ сѣздѣ дипломатовъ, значить представлять его себѣ куклой, а не человѣкомъ. Никто не можетъ быть сыномъ своего государства; только отечество, то-есть самостоятельная народность, можетъ имѣть сыновъ; государство же имѣетъ однихъ слугъ, часто очень преданныхъ, но все-таки слугъ. Мать Россія—слово полное великаго смысла, мать Австрія—чистая бессмыслица. Если же человѣку свойственно питать сыновнія чувства къ своей великой семьѣ-народности, то онъ, значить, любитъ ее, а не послѣднюю политическую растасовку картъ, любитъ ее одинаково вездѣ гдѣ видитъ, и въ своемъ, и въ чужомъ государствѣ. Посмотримъ, долго ли политическая вѣрность австрійскихъ Нѣмцевъ устоитъ противъ патриотическаго влеченія? Когда великій народъ стремится сердцемъ къ заграничной роднѣ, болѣе или менѣе близкой, однокровной или одновѣрной, онъ защищаетъ не только ее, но самъ себя, онъ

защищаетъ въ ней свою собственную личность и свои собственные убѣжденія, свой историческій типъ, выражающійся въ извѣстной мѣрѣ и въ родичахъ его, противъ чуждыхъ личностей и убѣженій. Вѣра въ себя, въ законность и превосходство своихъ коренныхъ идей и стремленій, есть та сила, которая создаетъ великіе народы; какая же вѣра, обладающая могуществомъ, отдастъ себя на поправіе въ какомъ бы то ни было видѣ? Великій народъ, остающійся безстрастнымъ при видѣ страданій своей крови или своихъ задушевныхъ убѣженій въ лицѣ своихъ близкихъ, потому что законность участія къ нимъ не оговорена формально дипломатическими трактатами, подсвѣчетъ тѣмъ свои собственные національныя основы, покажетъ всему свѣту и самому себѣ, что эти основы для него только вывѣска, а не знамя и не призваніе.

Для людей не отвергающихъ народной личности, то-есть самой исторіи, заключеніе ясно. Великій народъ не можетъ заглушить въ себѣ надолго голосъ своего вѣковаго призванія, душа его очень скоро возмущается противъ такого насилия надъ собой. Великая держава не можетъ надолго замкнуться въ себѣ, не рискуя очутиться внезапно въ такомъ положеніи, изъ котораго ей потомъ придется выбиваться цѣною величайшаго напряженія силъ. Сборный человѣкъ, представляемый народностію, не можетъ отрѣшиться отъ человѣческихъ чувствъ, иногда противъ воли вызывающихъ его на дѣятельность, такъ же какъ и частное лицо; поступая иначе, оны утратилъ бы собственное уваженіе, безъ котораго жизнь ничего не стоить для народа, какъ и для личности. Эти три побужденія къ вѣншей дѣятельности (не говоря о династическихъ интересахъ тамъ гдѣ, по новости династіи, они существуютъ) неотразимо увлекаютъ каждый великій народъ, занимающій самостоятельное мѣсто въ свѣтѣ, ко вмѣшательству въ всемірныя дѣла, заставляютъ его неуставно направлять событія въ смыслѣ своихъ національныхъ интересовъ. Намъ кажется несомнѣннымъ, что сумма этихъ побужденій вызываетъ въ настоящее время къ вѣншей дѣятельности Россію болѣе чѣмъ какую-либо другую державу. Восточная война и десятилѣтнее углубленіе въ себя накопили на насъ долгъ съ процентами, который теперь разомъ приходится уплачивать. Но современный міръ не въ такомъ положеніи, чтобы право и самыя законныя чувства значили

что-нибудь безъ силы, тѣмъ болѣе что каждая нація имѣетъ свои законныя чувства, иногда круто противорѣчація чувствамъ другой. Мы сильны и теперь, но не въ такой мѣрѣ чтобы говорить съ Европой вполне откровенно. Несмотря на великія улучшения послѣднаго времени, нашимъ громаднымъ національнымъ силамъ все еще не достаетъ соответствующей организаціи. Восемидесяти милліонное государство, неразрывное съ своимъ правительствомъ, вставшее во всеоружіи, можетъ заговорить такимъ языкомъ; государство располагающее одною постоянною арміею, ограниченной размерами бюджета низшаго чѣмъ французскій и англійскій, должно во многомъ сдерживаться.

XXXII

Сущность нашихъ статей, посвященныхъ исключительно военному дѣлу, не позволяетъ намъ вдаваться въ обсужденіе современныхъ европейскихъ событій, хотя связанный перечень фактовъ подтвердилъ бы вышесказанное лучше всякихъ разсужденій. Важность этихъ событій для Россіи такова, что онѣ могутъ заставить призадуматься самого доверчиваго и безпечнаго человѣка, если только онъ Русскій по чувствамъ. Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно не для развитія, но для уясненія нашей мысли.

На свѣтѣ есть державы окончательно сложившіяся, подобравшія въ себя почти всѣ свои естественныя элементы и сростившіе ихъ съ собой, а потому не связанныя больше съ такими жизненными интересами за границею, отъ рѣшенія которыхъ прямо зависѣло бы ихъ могущество и внутреннее развитіе; и есть державы еще складывающіяся, чувствительныя къ уровню не только въ себѣ, но и внѣ себя, державы, будущность и развитіе которыхъ могутъ быть сильно подѣвлены въ лицѣ ихъ заграничныхъ интересовъ. Такова прусская Германія, такова и Русская Имперія, несмотря на свою огромность. Совершающееся на нашихъ предѣлахъ безкомпромиссно важно для насъ, не только какъ залогъ спокойной будущности, но даже какъ обезпеченіе въ томъ, что мы стоимъ въ вышѣшемъ своемъ положеніи. Для большей части Европы Россія неприкосновенна, то-есть считается недостижимой, только на востокъ отъ Двиня, на сѣверъ

отъ Кубани, на югъ отъ Выборга; все прочее не признается еще окончательно рѣшеннымъ и при первомъ неблагоприятномъ для насъ сочетаніи европейскихъ силъ можетъ стать предметомъ многихъ враждебныхъ попытокъ. Обширныя окраины Россіи, хотя по большей части однокровныя съ нею, далеко еще не такъ прочно сращены съ властвующимъ племемъ, чтобы на нихъ не могли оказать вѣ котораго притяженія другіе, даже псевдо-однородные съ ними центры, создаваемые вдоль нашей границы. Однокровность массъ, при явной враждебности высшихъ и среднихъ классовъ въ однихъ окраинахъ, при совершенной разноразличности и чужеземной культурѣ въ другихъ, не допускаютъ до сихъ поръ такой органической связи ихъ съ тѣломъ государства, чтобы сила оружія и вышняя приманка не могли больше имѣть вліянія на ихъ судьбу. Со дня разрушенія Польши, въ продолженіи полулѣткіа, Россія обезпечивалась отъ непріязненныхъ замысловъ Священнымъ Союзомъ. Сбросивъ съ себя эти обременительныя узы, она можетъ полагаться только на собственную силу. Намъ нужно теперь, и еще долго нужно будетъ въ будущемъ охранять Финляндію отъ скандинавизма, прибалтійскія губерніи отъ нѣмецкаго единства, Польшу и западныя губерніи отъ самыхъ сложныхъ вліяній и замысловъ, Бессарабію отъ Румыніи, Закавказье и отъ Европы, и отъ увлеченій яростнаго фашизма, который непременно охватитъ всю западную Азію, какъ послѣдствіе борьбы съ турецкими христіанами, чѣмъ бы эта борьба ни кончилась. Заботы правительства и общества о нашихъ окраинахъ ясно доказываютъ, что еще не все тамъ рѣшено.

Съ другой стороны, битва при Садовой и разложеніе Турціи дали славянскому вопросу и въ Австріи, и на Балканскомъ полуостровѣ такой толчокъ, что онъ начинаетъ быстро переходить изъ области археологіи на дѣйствительную почву. Онъ никогда не разрѣшится окончательно безъ Россіи, потому что сами заинтересованныя не владѣютъ такими силами, чтобы идти самостоятельно къ своей цѣли, а изъ великихъ державъ, устанавливающихъ судьбу свѣта, одна Россія можетъ желать ему разрѣшенія окончательнаго и справедливаго; для прочихъ же эти истерзанныя племена орудіе, а не цѣль: къ личной участи ихъ всѣ равнодушны. Тѣмъ не менѣе дѣло это зрѣетъ; все зависитъ отъ того,

какое оно получитъ направленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о Славянахъ и православныхъ, разрѣшаемый враждебною Россіи политическою интригой, можетъ стать, хоть бы и временно, великою для насъ опасностію. Вдоль русской границы могутъ создаться уже не частныя и призрачныя, а дѣйствительныя центры притяженія, тяготеющіе на наши окраины. Враждебныя къ Россіи и самостоятельныя до нѣкоторой степени славянскія и православныя массы, опирающіяся на сочувствіе, а еще вѣроятнѣе даже на содѣйствіе Европы, совсѣмъ не то что враждебная Австрія или Турція. Славянское и православное сосѣдство, относящееся къ намъ въ массѣ какъ теперь относятся Поляки, развѣ это возможно допустить? Тутъ бы шло дѣло уже не о политическомъ соперничествѣ, а о племенномъ междуусобіи, о томъ, кто представляетъ расу и стоитъ во главѣ ея; изъ такой постановки вопроса возникло бы нѣчто похожее на нашу вѣковую борьбу съ Польшей изъ-за того, кому изъ двухъ принадлежитъ право называться Россіей. А такіе виды, по крайней мѣрѣ такія попопозволенія противъ насъ несомнѣнно существуютъ во многихъ правительственныхъ головахъ и въ общественномъ настроеніи западной Европы. Недавно еще Европа надѣялась поглотить, ассимилировать все русское и близкое къ русскому по племени и вѣрѣ, живущее въ предѣлахъ Россіи. Внезапное появленіе на рубежѣ Европы православно-славянской имперіи воскресило умиравшихъ, и заставило западную политику отказаться отъ такой надежды. Тогда, вмѣсто того чтобы изглаживать слѣды этихъ опасныхъ элементовъ, естественно явилась мысль признать ихъ, (хотя не совсѣмъ откровенно и не безъ заднихъ мыслей), но съ условіемъ, чтобы они стали подъ враждебное намъ знамя. Эта мысль не совсѣмъ еще дозрѣла, но она зрѣетъ очевидно. Еще десять лѣтъ углубленія въ себя и за результаты нельзя будетъ отвѣчать. Такой оборотъ дѣла окажется губительнымъ для Славянъ и православныхъ, которые никогда ни достигнутъ своей истинной цѣли, опираясь на Западъ, но онъ можетъ оказаться губительнымъ и для насъ.

Кромѣ потребностей народной политики, мы вынуждены еще къ необходимой политикѣ географической. Россія сообщается съ Океаномъ, то-есть съ цѣлымъ міромъ, только двумя выходами, двумя внутренними морями, которыя, по своей замкнутости и ограниченности, легко

могутъ стать *de facto* изъ общей чьею-либо частною собственностью. Рѣшеніе славянскихъ и греческихъ дѣлъ во враждебномъ намъ смыслѣ, простирающееся до Босфора, передающее ключи Чернаго моря изъ рукъ умирающаго въ руки молодых, искусственно сложенныхъ и непріязненно къ намъ настроенныхъ, создать для насъ такое положеніе, о которомъ нельзя не подумать крѣпко. Вдоль западной границы постоянное, опасное по своему племенному характеру, междуусобіе, мечомъ или вліяніемъ, все равно; на сѣверномъ морскомъ выходѣ сильное соперничество; на южномъ возможность непріязннаго владычества: что жь это за будущность?

Какъ единственная въ свѣтѣ православно-славянская держава, Россія не можетъ допустить никакимъ образомъ ни оиѣмченія или окатоличенія своихъ граничныхъ сродниковъ, ни тѣмъ еще менѣе рѣшительнаго перехода ихъ во враждебный станъ. Ясно, почему для насъ нестерпимо второе. Но мы не могли бы допустить и перваго, даже независимо отъ политическихъ видовъ, потому что это значило бы отречься отъ основной, зиждительной силы своей исторіи, признать себя подломившимся народомъ. Русская жизнь содержитъ въ себѣ слишкомъ много самобытныхъ, ей только свойственныхъ началъ, чтобы слиться совершенно съ жизнію римско-феодално-католической или протестантской Европы, стать однимъ изъ ея отѣтнковъ, какъ другія западныя націи. Намъ приходится жить и развиваться по-своему. Но жить и развиваться совершенно особнякомъ, быть единственнымъ видомъ своего рода, одною струною октавы, безъ соприкосновенія съ чѣмъ-нибудь параллельнымъ, безъ возможности провѣрки своего направленія, результатовъ своей жизни и мысли съ направленіями однородными, вышедшими изъ того же духовнаго корня, но представляющими его въ разныхъ развѣтвленіяхъ, во всемъ разнообразіи, къ какому онъ способенъ; остаться единственнымъ свободнымъ православно-славянскимъ народомъ, не имѣющимъ на всемъ горизонтѣ міра ни одной точки сравненія съ собою, кромѣ самого себя, — это значило бы стать въ положеніе племенъ древности или Китая, которыя должны были все черпать изъ себя, никогда не освѣжаясь. Конечно, отчужденіе наше не было бы столь полное, потому что мы соприкасаемся нравственно съ Европой, участвуемъ въ обще-человѣческомъ

прогрессъ. Мы сродни Европѣ, но все-таки двоюродные, а не родные братья ей. Нашъ различно историческое воспитаніе. Три четверти нравственнаго фонда Европы, даже современной, имѣютъ свой корень въ римскомъ правѣ и римскихъ государственныхъ преданіяхъ, въ феодальной закваскѣ личныхъ отношеній и въ католичествѣ съ его сектами — въ вещахъ совершенно намъ чуждыхъ. Чѣмъ больше будетъ развиваться наша общественная жизнь, тѣмъ болѣе она задастъ намъ вопросовъ, на которые мы не найдемъ отвѣта даже въ совокупности западной жизни *. Безъ однородныхъ, сочувственныхъ, развивающихся параллельно съ нами на одномъ и томъ же духовномъ основаніи славянскихъ и православныхъ народностей, намъ пришлось бы жить до такой степени крайне самостоятельную жизнь, что едва ли создавъ народъ, у котораго надолго хватить силъ для такой ноши. Самостоятельное существованіе заграничной родни необходимо Россіи не только въ политическихъ, но и въ нравственныхъ видахъ, въ видахъ общественной будущности. Оно нужно не только русскому государству, но и русскому человѣку. Каждый великій народъ окруженъ, хоть отчасти, сочувственною атмосферой; у одной Россіи ея нѣтъ, хотя элементовъ для нея вокругъ насъ больше чѣмъ у кого бы то ни было. Вся эта полоса однокровныхъ и одновѣрныхъ стихій, обхватывающая Россію кольцомъ, не можетъ оставаться нейтральною; она будетъ или рѣшительно за насъ, или рѣшительно противъ насъ, смотря по нашимъ дѣйствіямъ. Для своей безопасности, какъ для своего развитія, изъ политическихъ, какъ изъ нравственныхъ побужденій, Россія не можетъ щадить никакихъ усилій, чтобы создать вокругъ себя сочувственный и союзный славянской и православный міръ.

Полусознательное влеченіе къ такой дѣли сказалось у насъ давно, но оно не стало еще народнымъ ни у насъ, ни у однокровныхъ и одновѣрныхъ нашихъ, которыхъ только русская рука можетъ поднять къ самостоятельной жизни. Это очень естественно. Однѣ литературныя заявленія не

* Мы никакъ не считаемъ такого пониманія вещей, составляющаго наше крайнее убѣжденіе, имѣющимъ что-нибудь общаго съ славянофильствомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Главная ошибка нашего славянофильства состояла не въ постановкѣ вопросовъ, а въ преждевременномъ ихъ разрѣшеніи.

проведуть такихъ чувствъ въ жизнь; политическія же дѣяствія не ободряли ихъ. До восточной войны Россія была окована Священнымъ Союзомъ, а съ тѣхъ поръ почти безмолвствовала. Но когда народнымъ влеченіямъ ставится ясная цѣль, они проникаютъ массы какъ живой огонь. Въ 1848 году Италія еще не думала о національности, въ 1860 году національность была уже общемою мыслию всѣхъ и каждаго; между тѣмъ въковой Тосканѣ и въковому Неаполю стѣило чего-нибудь отказаться отъ себя. Тѣмъ болѣе въ нашъ дѣлъ. Намъ не нужно новыхъ областей, намъ нужны только пріязнь и союзъ, вмѣсто вражды, на нашихъ предѣлахъ; намъ нужны равноправные братья-союзники.

Ни ясныя какъ день политическія потребности, ни самыя законныя влеченія народнаго чувства еще не исчерпываютъ всѣхъ побужденій современнаго русскаго поколѣнія ко внѣшней дѣятельности; Россія не можетъ устроить благополучно даже свои внутреннія дѣла, оставаясь подъ впечатлѣніемъ восточной войны, не изглаженнымъ другимъ, благопріятѣльшимъ настроеніемъ. Забота о домашнемъ преуспѣяніи на половину развлекается у насъ заботой объ обширныхъ окраинахъ, въ которыхъ никакой прочный успѣхъ невозможенъ, пока тамъ существуетъ увѣренность, выводимая изъ результата послѣдней войны, что сочувственная имъ часть Европы можетъ одолѣть насъ и возвратить имъ въ одинъ день все утраченное. Люди могутъ склониться безъ задней мысли передъ необходимостію тогда только, когда они потеряли всякую надежду устоять на своемъ. Трудно сроснуть съ собой края, въ которыхъ почти каждая пробуждающаяся мысль переходитъ, если не прямо въ непріязненный, то все-таки не въ сочувственный станъ (мы говоримъ не объ однихъ Полякахъ), и трудно также не допустить ее до такого перехода, пока надежда на другой оборотъ дѣлъ живетъ еще у всякаго семейнаго очага. Въ 1812 году, когда императоръ Александръ пріѣхалъ въ Вильну вслѣдъ за бѣгущимъ Наполеономъ, онъ могъ сдѣлать изъ Польши, даже нравственно, все что хотѣлъ, потому что она ни на что больше не надѣялась. Со времени восточной войны, на всѣхъ предѣлахъ нашихъ, заселенныхъ не русскимъ племенемъ, стало выражаться совсѣмъ другое настроеніе. Довольно трудно ладить съ людьми, которые очерпаютъ новую надежду въ каждомъ заграничномъ замѣшательствѣ, для которыхъ самая положительная воля

правительства, поддерживаемая всею націей, не кажется еще приговоромъ судьбы, вслѣдствіе убѣжденія, что эта нація не устоитъ противъ силъ ихъ друзей, истинныхъ или предполагаемыхъ. Даже въ мѣстностяхъ не враждебныхъ, а только чуждыхъ намъ, не согрѣтыхъ потому русскимъ чувствомъ, являютя самыя дикія, пока еще не опасныя, но все-таки вредныя мечтанія, по поводу этой мнимой несостоятельности Россіи передъ Европой. При каждомъ значительномъ европейскомъ событіи ребяческая фраза „какъ скажетъ Наполеонъ такъ и будетъ“, самыя невозможныя мечтанія о перемѣнѣ участи, получаютъ тамъ цѣнность ходячей монеты. Что за дѣло до того, что мы знаемъ вѣдливость всѣхъ этихъ надеждъ и мечтаній, когда они, заинтересованные, не знаютъ того и увлекаются понятіями, внушаемыми въ одной мѣстности страстію, въ другой безграмотностію, но исходящими изъ одного источника,—изъ того, что послѣ восточной войны они не считаютъ Россію достаточно сильною и ждутъ всего возможнаго въ будущемъ. Легко ли вести въ должномъ направленіи людей, которые умышленно упираются на каждомъ шагѣ, вслѣдствіе своихъ ложныхъ мечтаній? Наши окраины, какъ бочки Данаидъ, будутъ бесплодно поглощать величайшія жертвы правительства и общества, пока рѣшительныя событія не увѣрятъ ихъ въ томъ, что они окончательно и безъ апелляціи къ судьбѣ *наши*. Первая удачная война измѣнитъ кореннымъ образомъ нынѣшнія отношенія. Тогда четверть усилий окажетъ больше дѣйствія чѣмъ совокупность ихъ оказываетъ теперь.

Мы не развивали взгляды, высказанныя въ этой главѣ, мы только указали ихъ: иначе пришлось бы написать цѣлое сочиненіе. Мы хотѣли не доказывать, но пояснять передъ читателями свое убѣжденіе, состоящее въ томъ, что всѣ интересы и всѣ чувства современной Россіи положительно указываютъ предежащій ей путь.

Въ заключеніе мы должны оговориться. Мы не думаемъ и не считаемъ возможнымъ, чтобы какое бы то ни было частное мнѣніе о внѣшнихъ дѣлахъ отечества, выраженное въ частномъ изданіи, могло быть осторожно или не осторожно, удобно или неудобно для политики правительства, хотя не разъ слышали такія замѣчанія. Мы высказываемъ свое мнѣніе, какъ частное лицо, и потому считаемъ неумѣстнымъ валагать на себя такую степень сдержанности въ мысляхъ и

выраженіяхъ, какая прилична лишь заявленію, имѣющему прямую связь съ правительственными видами. Печать для частнаго человѣка тотъ же разговоръ, только публичный. Сказавъ это, изложимъ слѣдующее замѣчаніе. Самые сильные союзы, какіе только могутъ сложиться для противодѣйствія законнымъ стремленіямъ нашего отечества, вовсе не такъ состоятельны, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Лишь продолжительное бездѣйствіе наше можетъ дать время возникнуть дѣйствительно страшному союзу. Инициатива со стороны Россіи встрѣтила бы, конечно, сильное противодѣйствіе, но далеко не единодушное, не народное, не возбуждающее страстей массы,—противодѣйствіе, въ которое ни одна нація не положитъ своего сердца. Первая Англія. Ввѣрѣннее объясненіе мотива, изъ-за котораго англійская душа болѣла о турецкомъ Востоку, теперь у всѣхъ передъ глазами. Отчаиваясь за судьбу Турціи, британское правительство само объявило, что оно все прежнее вниманіе къ разрушающейся Портѣ сосредоточиваетъ отнынѣ на Египтъ (надобно прибавить и Сирію), то-есть съ обширнаго перепутья между собой и Индіей переноситъ его на болѣе тѣсное, непосредственное перепутье. Никто не повѣритъ, чтобъ Англія даже и теперь бросила Турцію на произволъ судьбы; но можно вѣрить, что это для нея не національный вопросъ, что она не вступитъ изъ-за него въ борьбу на жизнь и смерть, что тутъ возможна примирительная сдѣлка съ соблюденіемъ англійскихъ интересовъ. Отъ внутреннихъ же дѣлъ материка Англія устранилась рѣшительно и, какъ кажется, искренно; если она когда-нибудь опять въ нихъ вмѣшается, то можно быть увѣреннымъ, что побужденіемъ къ вмѣшательству будутъ не самыя эти дѣла, а какіе-нибудь приморскіе интересы, разрѣшающіеся наипроще такимъ способомъ дѣйствія. Интересы, изъ-за которыхъ Англія способна взяться за оружіе, въ такой степени спеціальны, что ихъ можно вездѣ уважить и оградить безъ особеннаго стѣсненія. Англійская нація, какъ передовая, то-есть наиболѣе зрѣлая, давно уже стала независимою отъ всѣхъ и отъ всего. Она имѣетъ интересы всюду, на всей землѣ, но съ 1815 года жизненными интересами стали для нея только внутренніе вопросы. Изъ ввѣрныхъ требованій этой державы неприкосновенны лишь два: ея морское преобладаніе и ея владычество въ Индіи, вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ что слу-

житъ къ его обезпеченію. При должномъ уваженіи къ гордости британской націи, остальное безъ исключенія можетъ быть разрѣшено разумнымъ соглашеніемъ съ нею.

Положеніе Франціи было бы такое же, еслибы въ ней упрочился внутренній порядокъ. Положительныя внѣшніе интересы Франціи очевидны для всякаго. Если она не разрушитъ стѣны, которою сплотившаяся Германія заставила ее съ восточной стороны, то ей останутся только два великіе національные интереса—устоять во главѣ новолатинской Европы и сохранить свое первенство на Средиземномъ морѣ. Объединеніе Германіи можетъ упрочиться, даже устоять, только завершеніемъ своимъ на счетъ южно-нѣмецкихъ и австро-нѣмецкихъ земель; а такой конецъ совершенно отрѣжетъ Францію отъ восточной Европы, лишитъ ее всякаго орудія для произведенія тамъ какой-нибудь смуты. Въ этомъ положеніи дѣлъ исторической Франціи не останется никакого повода къ соперничеству съ нами, напротивъ того, она должна будетъ искать сближенія съ Россіей, какъ искала когда-то сближенія съ Турціей, лежавшею въ тылу владѣній грознаго для нея австрійскаго дома. Ея дѣла въ самой западной новолатинской Европѣ не касаются до насъ. Соперничество можетъ возникнуть только по поводу восточнаго вопроса, вслѣдствіе понятной необходимости для Франціи оградить свое первенство въ Средиземномъ морѣ. Очевидно, тутъ затрогиваются заботы не текущей минуты, а довольно далекаго будущаго; очень возможно дать имъ вполне законное удовлетвореніе, которое не помѣшаетъ, однакожь, самому справедливому разрѣшенію восточнаго вопроса, такому разрѣшенію, которое оградитъ жизненныя потребности и естественныя влеченія балканскихъ народовъ. Очевидныя внѣшніе интересы исторической Франціи немногосложны и въ суммѣ гораздо больше сходятся чѣмъ расходятся съ нашими, такъ что итогъ ихъ оказывается въ пользу сближенія. Но нынѣшній свѣтъ имѣетъ дѣло не съ историческою, а со случайною Франціей, правительство которой систематически полагаетъ слабостямъ національнаго характера, для того чтобъ удержать за собой возможность подавлять его серьезныя стремленія. Политика его до такой степени запечатлѣна произвольностью и до такой степени необходима ему внѣшній шумъ, что разчитывать на систематическое соглашеніе съ нимъ по капитальнымъ вопросамъ

невозможно. Династическая политика императорской Франціи, не можетъ быть расположена къ живымъ народнымъ личностямъ, большимъ и малымъ, потому что личности эти самостоятельны и не станутъ орудіями политическихъ интригъ; это относится одинаково и къ русской и къ нѣмецкой народности, и къ Сербамъ, Болгарамъ, Грекамъ, остающимся въ своихъ законныхъ предѣлахъ, къ Молдаванамъ и Валахамъ, желающимъ лишь внутренняго развитія,—ко всему, что дышетъ здоровою грудью. Декабрьскому правительству съ руки только государственные механизмы, недвижимые никакими необходимыми внутренними побужденіями, способные потому приквуть ко всякой политической комбинаціи, не стѣсняющие просторъ европейской политической интриги, каковы Австрія, Турція (или на мѣсто ея, въ крайности, такая же призрачная Византийская имперія), Румынія Кузы и Гогенцоллерна, фантастическая Польша и тому подобное. При такомъ разладѣ внутреннихъ побужденій двухъ державъ, соглашеніе возможно только въ какихъ-нибудь частныхъ случаяхъ, но даже самое соглашеніе не избавляетъ отъ необходимости быть постоянно готовымъ къ борьбѣ. Покуда вторая имперія существуетъ, Россія непременно встрѣтитъ ее на своемъ пути. Это одинъ противникъ.

Второй неизбѣжный противникъ—Габсбургская монархія. Австрія и теперь еще очень сильная держава матеріально, но нравственно она слабѣ Португаліи и Голландіи, огражденныхъ національностью, неразрушимостью. Австрія не тѣло, но феноменъ, огонь, который горитъ пока станетъ для него горячаго матеріала. Она не обладаетъ ни въ какой степени характеромъ исторической неустрашимости, съ которою должно считаться не только настоящее, но даже далекое будущее; въ ней нѣтъ ничего похожего на „*nes plus ultra*“ Геркулесовыхъ столбовъ. Австрія нѣмецкая, председательница Германскаго Союза, имѣла свое самостоятельное европейское значеніе, замѣнявшее ей, по крайней мѣрѣ въ международныхъ отношеніяхъ, національную личность; во многихъ обстоятельствахъ мы могли сходиться съ ея видами. Но Австрія выброшенная изъ Германіи, повернувшаяся лицомъ къ Востоку, можетъ быть союзницей только второй Французской имперіи; нельзя даже представить себѣ такого случая, въ которомъ мы могли бы сочувствовать стрем-

леніямъ такой Австріи. Если держава Габсбурговъ не возвратитъ себѣ прежняго положенія (а возвращеніе его болѣе чѣмъ сомнительно), то за нею останется только одинъ смыслъ—отрицаніе права на жизнь всего живаго и способнаго жить, отрицаніе развитія ея собственныхъ Славянъ, отрицаніе воскресенія Славянъ турецкихъ, отрицаніе будущности нѣмецкаго племени, отрицаніе самыхъ законныхъ стремленій и чувствъ Россіи, всемірное отрицаніе права ста пятидесяти милліоновъ людей, въ личное удовольствіе двумъ владѣтельнымъ семействамъ въ Европѣ. Надобно забыть все чтò мы знаемъ съ колыбели, чтобы повѣрить въ устойчивость такого препятствія всякому человѣческому прогрессу. Препятствіе это—дѣйствительность и даже громадная, обладающая еще колоссальными силами, но нисколько не обезпеченная даже въ завтрашнемъ днѣ. Разъѣдаемая изнутри, кенигсгрעדкая Австрія лежитъ камнемъ поперекъ самыхъ законныхъ стремленій прусско-нѣмецкихъ и самыхъ законныхъ сочувствій русско-славянскихъ и православныхъ. Ея ветхому зданію, непрерывно требующему починки, приходится выдерживать съ двухъ сторонъ напоръ живыхъ силъ, напоръ, который будетъ постоянно возрастать и который нельзя отворотить никакими договорами. Пока существуетъ такое положеніе дѣлъ, оно необходимо сближаетъ между собой двѣ великія націи—русскую и нѣмецкую, дѣлаетъ ихъ нравственно поручительницами одной за другую; между ними, правда, только и есть одна эта точка сочувственнаго соприкосновенія; но она достаточна чтобы сдѣлать ихъ хоть на время сіамскими близнецами. Оградить одновременно и въ одинаковой степени всѣ свои интересы невозможно, безъ несбыточнаго всемірнаго преобладанія; всякому народу приходится выбирать между ними, жертвовать менѣе важными для обезпеченія важнѣйшихъ. Исключительное первенство на Балтійскомъ морѣ далеко не можетъ равняться по важности съ русско-славянскими интересами. Германія хочетъ объединенія. Мы можемъ хотѣть лишь самостоятельности нашихъ кровныхъ или двоюбратныхъ братій и тѣснаго союза съ ними. Уступка съ обѣихъ сторонъ равная и одинаково справедливая, а потому и стремленіе къ одной общей цѣли можетъ стать искреннимъ.

Сообщакомъ Франціи и Австріи противъ насъ можетъ стать Италія. Это третій и послѣдній возможный против-

никъ. Выше всѣхъ политическихъ отношеній къ государствамъ Европы встаютъ братскія отношенія, завязавшіяся между нами и великою американскою республикой. Она пока еще въ зародышѣ, не представляютъ ни опредѣленной формы, ни опредѣленной цѣли; но въ зародышѣ этомъ лежитъ, по крайней мѣрѣ, возможность такой взаимности, какой не даютъ самые положительные трактаты,—возможность искренней, сердечной международной дружбы, способной на безкорыстное содѣйствіе во всемъ что справедливо. Еще не было примѣра такой дружбы между народами. Но просвѣщенный христіанскій міръ такъ новъ, что истинные примѣры для него лежатъ въ глубинѣ будущаго, а не въ прошедшемъ.

Мы не имѣемъ въ виду развивать какую-либо политическую систему; мы хотѣли только указать поводы, заставляющіе насъ думать, что наше русское дѣло, хотя нѣсколько запоздавшее, все еще находится не въ дурномъ положеніи. Наши кровные интересы искреннѣе и живучѣе, а потому и могущественнѣе личныхъ интересовъ противопоставляемыхъ имъ; на пути нашемъ не стоитъ ничего живаго, намъ не предстоитъ никакой борьбы жизни съ жизнью; все одаренное будущностію въ этомъ свѣтѣ можетъ быть съ нами, или нейтрально къ намъ. Противъ насъ выдвигаются лишь страсти, предводимыя эгоизмомъ, политической интригой, отрицаніемъ человѣческаго права, или грубѣйшимъ матеріальнымъ насиліемъ. Намъ можетъ предстоять великая борьба, она даже предстоитъ, не завтра, такъ когда Богу будетъ угодно; но никакой вѣрный и вѣрующій въ себя народъ, тѣмъ болѣе восьмидесятимилліонный, не поколеблется, когда придетъ время выйти на эти темныя полчища.

До сихъ поръ у насъ есть люди, полагающіе, что слишкомъ большое государственное могущество влечетъ за собой, какъ прямое послѣдствіе, правительственную централизацию съ характеромъ военной дисциплины, что могущество противорѣчитъ свободѣ и развитію, и потому его должно опасаться. Такое замѣчаніе было сдѣлано намъ, при изданіи *Писемъ съ Кавказа*, по поводу азіатской политики. Но въ этомъ замѣчаніи кроются, очевидно, два недоразумѣнія: одно въ опредѣленіи значенія слова „слишкомъ большое могущество“, другое—въ смѣшеніи временъ и эпохъ. Слишкомъ большое могущество то, которое обременяетъ себя не нужнымъ, изъ славолубія, еслибъ относительно оно даже и не было

велико. Слово это непримѣнимо къ великой державѣ, стремящейся осуществить свои историческія вѣченія, такіа вѣченія, въ которыхъ оно находитъ законное удовлетвореніе своимъ потребностямъ и внутреннимъ, и вѣшнимъ. Осуществленіе этихъ цѣлей можетъ сдѣлать могущество державы громаднымъ, но не сдѣлаетъ его слишкомъ великимъ, не скажется противодѣйствіемъ внутреннему развитію, потому что изъ него никогда не возникнетъ избытка силы, не находящей себѣ употребленія: сила будетъ только соответствовать вошѣ. Деспотизмъ, дѣйствительно, оказывался всегда основнымъ характеромъ государствъ завоевательныхъ, отъ Римской имперіи до первой Французской, но потому именно, что онѣ были завоевательныя, потому что онѣ насильно налагали иго на чуждые народы. Піемонтъ же нисколько не сталъ деспотическимъ отъ того, что привлекъ къ себѣ Италію. Нѣтъ причины, чтобъ одnorodное съ этимъ историческое явленіе, хотя въ гораздо болѣе обширной рамкѣ, привело къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Работа самой жизни, когда люди не насилуютъ ея, а только содѣйствуютъ ей, не можетъ разрѣшиться ничѣмъ другимъ кромѣ какъ жизнью, еще болѣе могучею, потому что она становится болѣе разнообразною. Никакой уважающій себя человѣкъ не захочетъ для своего отечества даже всемірнаго владычества, если оно должно быть сопряжено съ потерей или застоємъ хотя бы малѣйшаго изъ его личныхъ человѣческихъ правъ. Отечество существуетъ только для гражданина. Но объ этомъ нѣтъ и вопроса; Россія можетъ стать путеводительницей своихъ родичей только въ той мѣрѣ, въ какой она сама явится способною къ полному человѣческому развитію; только просвѣщенная, прогрессивная и свободная Россія можетъ стать средоточіемъ славянскаго и православнаго міра. Россія, въ которой мы родились, не закончившая еще своего воспитательнаго періода, могла мавить къ себѣ Болгарь, искавшихъ въ ней убѣжища отъ грабежа, отъ выкупа за голову, но она не могла мавить образованныхъ и граждански обезпеченныхъ родичей. Теперь же въ нашемъ будущемъ сомнѣваться нечего. Прогрессивный ходъ русской исторіи очевиденъ, а съ 1855 года быстрота его бросается въ глаза. Съ тѣхъ поръ какъ Россія поставила во главѣ своей народную династію, мы переходили отъ уничтоженія мѣстничества къ преобразованію Петра, къ наказу Екатерины, къ

либеральнымъ видамъ Александра I, и пришли къ царствованію Александра II. Систематическая реакція въ современной русской исторіи немислима; а временныя задержки и даже минутные возвратные шаги, по поводу хотя бы первостепенныхъ вопросовъ, тянутся цѣлѣю черезъ жизнь всякаго народа, даже американскаго. Равномѣрный ходъ исторіи отъ того не останавливается. Когда пароходъ несется на полныхъ парахъ, экипажъ не отстанетъ, прогуливаясь отъ носа къ кормѣ; въ то время когда онъ сдѣлаетъ пятьдесятъ понятныхъ шаговъ, пары умчатъ его на сто саженъ впередъ.

Никакой сильный народъ не дозволитъ безъ сопротивленія, чтобы въ сферѣ его дѣйствія, а тѣмъ болѣе на его границахъ, происходили событія, послѣдствія которыхъ могутъ оказаться ему неблагоприятными. Но кромѣ этого мотива дѣятельности, общаго всемъ великимъ державамъ, каждая изъ нихъ руководствуется при вмѣшательствѣ въ чужія дѣла побужденіями самобытными, совсѣмъ отличнаго характера, которыя поэтому никакъ не могутъ быть подведены подъ одинаковую санкцію справедливости и нравственности. Эгоизмъ массъ вездѣ кончается признаніемъ справедливости всего что ему кажется полезнымъ. Но справедливость все-таки не остается пустымъ словомъ, даже въ международныхъ отношеніяхъ. Политическому обществу, какъ и отдѣльному лицу, трудно выдерживать искусственно принятую на себя роль, придавать напускнымъ или эгоистическимъ чувствамъ жизненность и могущество чувствъ сердечныхъ. Напротивъ того, народъ, глубоко убѣжденный въ своемъ правѣ, обладаетъ энергіей и настойчивостію, противъ которыхъ не легко устоять безъ подавляющаго превосходства въ силахъ. Могущественная держава, стремящаяся къ осуществленію своихъ историческихъ видовъ, твердо ею сознанныхъ, въ силу одного этого сознанія уже на половину обезпечена въ успѣхъ. Но международныя дѣла не рѣшаются безъ силы. Для полнаго успѣха нужны три вещи: ясное сознаніе цѣлей, проникающее общество сверху до низу; твердая воля, выражающаяся не порывомъ, а настойчивымъ, безустаннымъ дѣйствіемъ въ принятомъ направленіи; и военное устройство, соответствующее совокупности матеріальныхъ и нравственныхъ силъ восьмидесятимилліоннаго народа.

РОСТИСЛАВЪ ФАДѢЕВЪ.

ЭФРАИМЪ ЛЕССИНГЪ И Д-РЪ РѢТЧЕРЪ

КАКЪ КРИТИКИ СЦЕНИЧЕСКОЙ ИГРЫ

(Памяти А. А. Григорьева.)

Въ театральныхъ рецензіяхъ нерѣдко можно встрѣтить ссылки на *Гамбургскую Драматургію* Лессинга, сочиненіе издаваемое въ 1767—69 годахъ и представляющее собраніе журнальныхъ статей, появившихся первоначально въ театральныхъ листкахъ при Гамбургскомъ „національномъ“ театрѣ, устроенномъ впервые въ Германіи на общественный счетъ. Наши рецензенты охотно также ссылаются на другой современнѣйшій намъ авторитетъ, на нѣмецкаго драматургическаго критика Рѣтчера. Мы считали не безынтереснымъ ознакомить читателей съ содержаніемъ *Драматургіи* Лессинга и тѣми правилами, какія можно извлечь отсюда собственно для оцѣнки театральной игры,—и сопоставить мнѣнія критика XVIII вѣка съ соответственными размышленіями современнаго авторитета. Лессингъ былъ приглашенъ директоромъ Гамбургскаго театра, въ качествѣ драматурга этого театра, но отъ писанія пьесъ отказался и задумалъ издавать театральнѣйшій журналъ. Сдѣлавшись присяжнымъ критикомъ, онъ, впрочемъ, скоро убѣдился, что писать объ игрѣ актеровъ не совсѣмъ удобно. Несмотря на то что онъ глядѣлъ на театральное дѣло съ серьезной, философской точки зрѣнія, самолюбіе актеровъ все также болѣзненно реагировало столѣтъ тому назадъ, какъ оно выказываетъ себя и въ наше

время. Ссориться съ группою Лессингу было нельзя, если онъ хотѣлъ сохранить свое мѣсто (онъ получалъ 800 талеровъ за званіе драматурга); оставалось воздержаться отъ подробнаго разбора игры актеровъ. Такимъ образомъ фондъ *Гамбургской Драматургіи* составился главнымъ образомъ изъ разбора пьесъ, данныхъ на Гамбургскомъ театрѣ въ теченіе одного года, и изъ высказанныхъ, по поводу этихъ представленій, эстетическихъ взглядовъ Лессинга на область драмы. Этихъ взглядовъ мы не намѣрены касаться въ настоящей статьѣ и сосредоточимъ вниманіе исключительно на правилахъ для оцѣнки игры, какъ они вытекаютъ изъ сочиненія Лессинга.

I.

Въ чемъ же заключаются тѣ немногія правила сценическаго искусства, которыя мы находимъ въ *Гамбургской Драматургіи*?

Выразительныя движенія, составляющія область сценическаго творчества, можно раздѣлить на два главные разряда: на движенія звуковыя и движенія лицевыхъ мышцъ, торса и конечностей. Это дѣленіе характеризуетъ двѣ особенныя сферы сценическаго творчества: декламацию и мимику, или „тѣлесное краснорѣчіе“, какъ выражаются нѣкоторые эстетическіе Нѣмцы.

По отдѣлу звуковыхъ выразительныхъ движеній, мы находимъ въ *Гамбургской Драматургіи* нѣсколько общихъ положеній. Въ разборѣ пьесы Кронека: *Олимпъ и Сопронія*, которою открылся въ Гамбургѣ сезонъ 22-го апрѣля 1767 г., Лессингъ говоритъ объ игрѣ актера Экофа. Онъ отзывается объ немъ весьма одобрительно и спрашиваетъ, почему у этого актера такъ хорошо выходитъ самая пошлая мораль? Въ отвѣтъ Лессингъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Само собой разумѣется, что мѣста правоучительныя нужно вытвердить какъ можно лучше. Ихъ слѣдуетъ говорить безъ запинки, безъ малѣйшаго напряженія, плавно и легко, такъ чтобъ они казались не томительными выдавленіями памяти, а непосредственными проявленіями даннаго сценическаго положенія.

„Дурно, если ложный акцентъ возбудитъ подозрѣніе, что

актеръ болтаетъ вещи имъ хорошенько не понятны. Онъ долженъ насъ убѣдить правильнымъ, увѣреннымъ тономъ, что онъ проникъ въ настоящій смыслъ своихъ словъ.

„Правильную акцентуацію придаютъ пожалуй и попугаю. Актеръ только понимающій извѣстное мѣсто еще неизмѣримо далекъ отъ того, который въ то же время и прочувствовалъ его. Можно очень вѣрно выговаривать слова, разъ понявъ ихъ смыслъ и хорошенько запомнивъ ихъ, въ то время какъ духъ занятъ совсѣмъ другими вещами; но такимъ путемъ невозможно никакое впечатлѣнiе. Душа должна присутствовать при всемъ этомъ; она должна устремлять свое вниманiе исключительно на то, что говорится, и какъ разъ въ самый моментъ рѣчи.

„Но и въ этомъ случаѣ актеръ можетъ имѣть очень много чувства, а все-таки будетъ казаться, что чувства у него нѣтъ. Вообще чувство всегда самое спорное изъ дарованiй актера. Оно можетъ быть тамъ, гдѣ его не признаютъ, и наоборотъ, казаться тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Чувство есть нѣчто внутреннее, о чемъ мы судимъ только по вѣшнимъ признакамъ. Можетъ случиться, что нѣкоторыя вещи въ строенiи тѣла или вовсе не допускаютъ обнаруженiя этихъ признаковъ, или ослабляютъ ихъ и дѣлаютъ двусмысленными. Актеръ можетъ имѣть извѣстный складъ лица, извѣстную мину, извѣстный тонъ, съ которыми мы привыкли соединять совсѣмъ не тѣ способности, страсти, настроенiя ума, какiя въ данномъ случаѣ онъ долженъ проявить и выразить. Если такъ случится, то какъ бы сильно актеръ ни ощущалъ, мы ему не повѣримъ: ибо онъ находится въ противорѣчii самъ съ собой. Съ другой стороны, иной актеръ можетъ быть такъ удачно созданъ, можетъ обладать такими выразительными чертами, такими послушными мышцами, онъ можетъ управлять такими тонкими и разнообразными измѣненiями голоса, словомъ сказать, можетъ быть одаренъ въ такой высокой степени всѣми способностями, нужными для пантомимы, что онъ намъ покажется одушевленнымъ глубочайшимъ чувствомъ въ такихъ роляхъ, которыхъ онъ самъ не создалъ, а играетъ ихъ по какому-нибудь хорошему образцу, и, значитъ, все, что онъ говоритъ и дѣлаетъ, есть одно механическое обезьянничество.

„Нѣтъ сомнѣнiя, что такой актеръ, несмотря на свое равнодушiе и холодъ, пригодивъ для театра, чѣмъ первый. Если

онъ долгое время только и дѣлалъ, что обезьянилъ, у него наконецъ сложилось извѣстное количество своихъ маленькыхъ правилъ; по нимъ онъ самъ начинаетъ дѣйствовать и, соблюдая ихъ (по тому закону, что тѣ самыя состоянія души, которыя производятъ извѣстныя измѣненія тѣла, въ свою очередь вызываются этими тѣлесными измѣненіями), онъ достигаетъ той степени чувства, какая хотя не имѣетъ продолжительности и теплоты настоящаго ощущенія, зародившагося въ душѣ, но въ моментъ представленія достаточно сильна, чтобы вызвать нѣкоторыя изъ произвольныхъ измѣненій тѣла; а по нимъ однимъ мы всегда доврчиво заключаемъ о внутреннемъ чувствѣ. Такой актеръ долженъ, напримѣръ, выразить вѣдннюю ярость гнѣва. Положимъ, что онъ не понимаетъ своей роли, что онъ не въ состояніи ни хорошенько объять побужденія этого гнѣва, ни достаточно-ярко представить ихъ себѣ, чтобы привести свою душу въ гнѣвное раздраженіе. Я утверждаю, что если онъ только выучилъ самыя грубыя проявленія гнѣва, смотря на игру актера, первоначально прочувствовавшаго этотъ гнѣвъ, и имѣетъ хорошо, вѣрно передразнить порывистую походку, топанье ногой, рѣзкій, то язвительный, то крикливый, тонъ, игру бровей, дрожащую губу, скрежетъ зубовъ и т. д.,—если онъ, говорю я, можетъ хорошо представить эти вещи, которыя нетрудно перенять у другаго, если хочешь, то его душа непременно ощутитъ темное сознаніе гнѣва, и это сознаніе въ свою очередь подѣйствуетъ на тѣло и произведетъ въ немъ измѣненія не зависяція вполнѣ отъ нашей воли: лицо актера будетъ пылать, глаза заблестаютъ, мышцы придутъ въ напряженіе; словомъ, онъ будетъ казаться одержимымъ настоящимъ чувствомъ гнѣва, вовсе не ощущая его, и ни малѣйшимъ образомъ не понимая, почему нужно ему быть въ гнѣвѣ.

„По этимъ общимъ основамъ ощущенія старался я опредѣлить, какіе вѣднніе признаки сопровождаютъ то чувство, съ которымъ должно выговаривать нравственныя сентенціи, и какіе изъ этихъ признаковъ находятся въ нашей власти на столько, что каждый актеръ можетъ изобразить ихъ, не взирая на то, ощущаетъ онъ что-нибудь или нѣтъ. Мы ѣдаемся слѣдующее:

„Всякая мораль есть общее положеніе, требующее извѣстной сосредоточенности души и спокойнаго размышленія.

Стало-быть, нужно сказать ее непринужденно и съ вѣкото-рою холодною.

„Но это общее положеніе есть въ то же время результатъ впечатлѣній, производимыхъ на дѣйствующее лицо индивидуальными обстоятельствами; оно не есть только символическое заключеніе, оно представляетъ собою обобщенное ощущеніе, и въ этомъ смыслѣ нужно его выговорить съ огнемъ и съ вѣкоторымъ одушевленіемъ.

„Стало-быть, съ одушевленіемъ и непринужденностію, съ огнемъ и съ холодомъ?

„Не иначе; со смѣсю того и другаго, гдѣ бы однако, смотря по положенію, преобладало то тѣ, то другое.

„Если положеніе спокойно, то душа какъ бы желаетъ, посредствомъ нравоученія, придать себѣ новый порывъ; она должна дѣлать общія размышленія о своемъ счастьи или о своихъ обязанностяхъ, чтобы посредствомъ этого обобщенія еще сильнѣе наслаждаться счастьемъ, еще энергичнѣе и доблестнѣе выполнять свой долгъ. Если же положеніе достаточно оживлено, то душа должна посредствомъ морали (подъ этимъ словомъ я разумѣю каждое общее соображеніе) какъ бы сдерживать свой порывъ, она должна выказывать желаніе: придать своимъ страстямъ разумный видъ, а своимъ бурнымъ выходкамъ обличіе заранѣе обдуманыхъ рѣшеній.

„Первое положеніе требуетъ возвышеннаго и одушевленнаго тона, второе—спокойнаго и торжественнаго. Тамъ разсужденіе разгарается въ аффектъ, здѣсь же аффектъ охлаждаетъ до разсужденія.

„Большинство актеровъ дѣлаютъ какъ разъ наоборотъ. Они въ сильныхъ положеніяхъ точно такъ же стремительно выкрикиваютъ общія разсужденія какъ и все остальное; въ спокойныхъ же выговариваютъ ихъ такъ же вяло какъ и остальныя рѣчи. Поэтому мораль не выдѣляется ни въ тѣхъ, ни въ другихъ положеніяхъ; и въ одномъ случаѣ мы находимъ ее такъ же неестественною какъ въ другомъ скучною и холодною. Они не подумаютъ того, что шитье должно отличаться отъ фона, шить же золотомъ по золоту весьма жалкій вкусъ.“ *

Вотъ то, что говоритъ Лессингъ о декламациі въ тѣсномъ

* *Hamburgische Dramaturgie*, стр. 13—17, Leipzig. Göschen'sche Verlagshandlung, 1856.

смыслъ слова. Что онъ взялъ предметомъ своихъ разсужденій вопросъ: какъ нужно произносить моральныя сентенціи, это не имѣетъ никакого особеннаго значенія и произошло случайно. Лессингъ задумалъ не систематическое сочиненіе, а простыя театральныя рецензіи. Представился случай поговорить о декламациі моральныхъ сентенцій, онъ и не упустилъ его.

Высказывая свои замѣчанія, Лессингъ въ приведенной нами выпискѣ,—единственномъ отрывкѣ дающемъ намъ понятіе о нѣкоторыхъ взглядахъ его на выразительныя движенія,—ссылается на психологическое положеніе, высказываемое имъ безъ всякихъ оговорокъ, какъ нѣчто установленное точнымъ знаніемъ. Останавливаемся на этомъ положеніи, которое, по нашему мнѣнію, имѣетъ существенное значеніе и служитъ какъ бы научною основой разсужденій Лессинга. Повторимъ его для ясности: „Тѣ самыя состоянія души, которыя производятъ извѣстныя измѣненія въ тѣлѣ, въ свою очередь вызываются этими тѣлесными измѣненіями.“ Это положеніе, высказанное въ такой, быть-можетъ, слишкомъ опредѣлительной формѣ, основывается на психическомъ фактѣ,—возбужденіе органа воли можетъ обратиться на органъ представленія,—который не оспаривается и въ настоящее время, то-есть спустя сто лѣтъ послѣ того, какъ писана *Гамбургская Драматургія*.

Какіе же практическіе совѣты вытекаютъ изъ этого положенія?

Прежде всего,—необходимость для каждаго сценическаго художника имѣть хоть какія-нибудь правила игры. Этотъ совѣтъ безусловно вѣренъ для всѣхъ эпохъ развитія искусства. На принципѣ распушенности, туманнаго понятія о вдохновеніи и проч., ничего нельзя основать. Никакая талантливость не препятствуетъ точному изученію тѣхъ приемовъ мастерства, посредствомъ которыхъ идеи и образы художниковъ получаютъ самую яркую и изящную форму. Самые реформаторы, являющіеся съ новыми требованіями, съ новыми теоріями, всегда въ высокой степени обладаютъ технической стороной дѣла. Да иначе и не можетъ быть: только тотъ въ состояніи сказать новое слово въ чемъ бы то ни было, кто переработалъ весь имѣющійся запасъ правилъ, приемовъ и наблюденій.

Въ замѣчаніяхъ Лессинга есть двѣ стороны: одна вытекаю-

щая прямо изъ психическаго положенія заявленнаго имъ, другая до нѣкоторой степени противорѣчащая ему. Допустимъ, что актеръ, посредствомъ ли подражанія или самостоятельную работой, дойдетъ до того, что составитъ себѣ цѣлую скалу выразительныхъ движеній, цѣлесообразно представляющихъ извѣстные душевные моменты, и приучитъ свои нервы реагировать быстро въ ту и другую сторону, то-есть отъ ощущенія къ движенію и обратно. Лессингъ говоритъ, что степень чувства или, выражаясь болѣе точно, цѣлесообразность игры актера будетъ въ моментъ представленія достаточно сильна, чтобы вызвать нѣкоторыя изъ *непроизвольныхъ* измѣненій тѣла; а по нимъ однимъ, прибавляетъ Лессингъ, мы всегда довѣрчиво заключаемъ о внутреннемъ чувствѣ. Значитъ, дѣло сдѣлано и желать больше нечего. Зрители примутъ игру актера за такое проявленіе душевныхъ движеній, которое достигаетъ своей художественной цѣли. Мало того, самъ Лессингъ говоритъ дальше: и въ организмъ актера произойдутъ соответственныя нервныя возбужденія. Но очевидно, что при такихъ условіяхъ актеръ можетъ произвести огромное впечатлѣніе, вовсе не участвуя внутренно въ томъ, что играетъ. Мало этого, изучи онъ мимику до совершенства и имѣй на столько умственнаго развитія, чтобы вполнѣ понимать характеръ лица, изображаемаго имъ, онъ постоянно въ своей дѣятельности будетъ доказывать справедливость психическаго факта, заявленнаго Лессингомъ. Спрашивается: нужно ли что-нибудь большее для театральнаго искусства? Но тутъ Лессингъ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ собою. Онъ говоритъ о „внутреннемъ чувствѣ“, о „продолжительности и теплотѣ настоящаго ощущенія, зародившагося въ душѣ“, о „приведеніи своей души въ гнѣвное раздраженіе“ и т. д., хотя и самъ же замѣчаетъ выше, что „чувство всегда самое спорное изъ дарованій актера“. Но это внутреннее чувство или, другими словами, *аффектъ*,—страстная сторона игры,—вещь совершенно субъективная, и изъ него нельзя дѣлать принципъ драматическаго исполненія. Что точнаго и опредѣлительнаго можно сказать объ актерскомъ чувствѣ и сценической страсти? Еслибъ еще Лессингъ выразился ясно въ томъ смыслѣ, что прежде всего актеръ долженъ *задумать* лицо и отдѣльные душевные моменты, которые это лицо переживаетъ въ пьесѣ, то такое положеніе можно было бы согласить со всѣмъ предыдущимъ.

Вѣроятно, онъ и подразумѣваетъ это отчасти, но выписанная нами выраженія показываютъ, что Лессингъ все-таки по преимуществу имѣетъ въ виду элементъ чувства, страсти, аффекта.

Сила и выразительность мышечныхъ движеній, необходимая для театальной игры, могутъ быть въ гораздо большей зависимости отъ непосредственныхъ внѣшнихъ возбужденій, чѣмъ отъ внутренняго чувства актера. Чѣмъ рѣзче подѣйствуетъ на него въ данномъ случаѣ внѣшній предметъ, напримѣръ, игра другаго актера, вѣрное изображеніе страстей и страданій, тѣмъ лучше онъ будетъ выражать ихъ. Лессингъ говоритъ, что иной актеръ можетъ быть одаренъ большою чувствительностію и все-таки не умѣть выказать свое театральное чувство, тронуть зрителей,—достичь сценической цѣли. Не то ли это значитъ, что правильное развитіе выразительныхъ движеній въ актерѣ неизмѣримо важнѣе такъ-называемаго „внутренняго чувства“, что въ дѣлѣ мимики должны быть установлены нѣкоторыя общія положенія, что физическія аномаліи, прирожденныя или явившіяся вслѣдствіе недостаточной мимической выработки, будутъ всегда несокрушимымъ препятствіемъ къ достиженію сценическихъ цѣлей, несмотря на присутствіе въ актерѣ самаго глубокаго и теплаго субъективнаго чувства?

Все, что можно посоветовать актерю, это—оттѣнить мысль или сентенцію, если она выдѣляется изъ общаго строя рѣчи, но этотъ оттѣнокъ иногда достигается усиленіемъ основнаго тона, а не противоположностію съ нимъ, какъ предлагаетъ Лессингъ. Шить золотомъ по золоту, дѣйствительно, безвкусно; но если зрители каждый разъ знаютъ, что послѣ спокойнаго монолога, сентенція будетъ непременно произнесена съ одушевленіемъ и наоборотъ, то врядъ ли останутся они отъ этого въ выигрышѣ. Если устанавливать такія общія положенія, то актеры въ своемъ исполненіи будутъ обездѣчивать каждое лицо, созданное авторомъ. Есть большая разница между правилами чисто-мимическими и соображеніями нравственнаго характера. Смѣяться, напримѣръ, нельзя, не поднимая извѣстныхъ лицевыхъ мышцъ. Если у актера, когда онъ хочетъ изобразить смѣхъ, будутъ дѣйствовать не надлежащія мышцы, лицо его не получитъ смѣющагося выраженія. Но кто же показалъ наблюденіемъ и опытомъ, что душа должна непременно по какимъ-

то предвзятымъ принципамъ послѣ тревожнаго состоянія дѣйствовать такъ-то, а послѣ спокойнаго — иначе? Все это до сихъ поръ область литературныхъ соображеній, болѣе или менѣе остроумныхъ и пригодныхъ только при разборѣ совершенно-опредѣленнаго момента въ пьесѣ. Тогда, если разсужденія критика всего ближе подходятъ къ характеристикѣ лица и даннаго положенія, актеру остается свѣрить его мнѣнія какъ съ своимъ замысломъ, такъ и съ мнѣніемъ другихъ критиковъ, пишущихъ о томъ же. Это пока единственный путь въ этихъ вопросахъ, не имѣющихъ характера точности.

II.

Не забудемъ, что Лессингъ писалъ въ 1767 году. Прошлое столѣтіе. Казалось бы, нужно ожидать, что въ такой значительный промежутокъ времени, люди, занимавшіеся театральною критикою, доработаются до болѣе точныхъ положеній, хотя бы по тому же вопросу о способѣ произносить общія идеи и нравственныя сентенціи. Года два-три тому назадъ, явилась въ Германіи первая и до сихъ поръ единственная попытка систематизировать театральную игру какъ искусство. Книга эта называется: *Die Kunst der dramatischen Darstellung, in ihrem organischen Zusammenhange wissenschaftlich entwickelt von Prof. Dr. H. T. Rötcher.*

Вотъ что говоритъ г. Рётчеръ по прошествіи *ста лѣтъ* о томъ же самомъ предметѣ:

Двѣ абстрактныя противоположности, являющіяся въ перемѣнѣ темпа, въ одномъ и томъ же характерѣ — представляютъ собою *страсть* и *размышленіе*. Первая выводитъ душу изъ ея равновѣсія и покидаетъ у ней спокойствіе и разсудительность духа. Съ этимъ вмѣстѣ аффекту (то-есть страсти) соответствуетъ болѣе быстрый темпъ, какъ отраженіе взволнованнаго духа, измѣняющагося сообразно отдѣльнымъ аффектамъ и особеннымъ побужденіямъ. *Размышленіе*, какъ выраженіе духа сосредоточеннаго въ себѣ и обращеннаго къ общимъ идеямъ, требуетъ, напротивъ, болѣе медленнаго темпа. Тутъ опять является различіе смотря по тому, есть ли выраженіе общей идеи продуктъ размышленія одного лица, при чемъ это размышленіе складывается на-

конецъ въ *сентенцію*, или оно есть заключительный моментъ страстнаго движенія духа, которое опять сосредоточивается въ видѣ размышленія, и какъ бы разсматриваетъ „предметнымъ“ образомъ свое собственное состояніе. Въ первомъ случаѣ должно ускорить темпъ сентенціи и общаго размышленія сравнительно съ предыдущими мѣстами рѣчи, ибо душа находится тутъ въ высшемъ порывѣ. Стало-быть, какъ только общая мысль вытечетъ изъ предыдущихъ соображеній духа, возбуждая этимъ его настроеніе, это настроеніе тотчасъ выразится въ болѣе энергическомъ акцентѣ и само собою ускоритъ темпъ. Если же аффектъ перейдетъ въ размышленіе и заключится сентенціей, то нужно произвести ее въ замедленномъ темпѣ сравнительно съ предыдущимъ душевнымъ движеніемъ, ибо человекъ какъ бы отзываетъ себя назадъ изъ страстнаго состоянія и сосредоточивается на общности мысли. Ускоренный и замедленный темпъ нужно, конечно, понимать относительно, такъ какъ онъ сравнивается и измѣряется предыдущимъ и послѣдующимъ темпомъ. Ясно, что эта смѣна аффекта и размышленія имѣетъ также много отбѣговъ и въ переходныхъ состояніяхъ появляется незамѣтно. Всѣмъ такимъ вѣжными нюансамъ должно, разумѣется, соответствовать каждый разъ и измѣненіе темпа.

„Аффектъ“ проявляетъ также различныя противоположности, измѣняющія натуру темпа. Онъ является или во всей своей непосредственности и обнаруживаетъ себя въ рѣчи совершенно ясно, какъ выраженіе душевнаго движенія, или онъ сказывается въ формѣ образа. Въ этомъ послѣднемъ видѣ страсть уже не является болѣе въ своей непосредственной силѣ, покоряющей субъектъ, ибо, какъ только человекъ выражаетъ душевное потрясеніе въ видѣ образа, онъ тотчасъ же представляетъ себѣ свое положеніе предметно (объективно) и освобождаетъ себя, въ извѣстномъ смыслѣ, изъ-подъ владычества страсти. Это различіе обусловливаетъ и различный темпъ. Голый аффектъ скажется въ относительно-ускоренномъ темпѣ, потому что онъ выражаетъ собою большее владычество надъ духомъ; страсть же, являющаяся въ видѣ образа, выразится въ болѣе сдержанномъ темпѣ, ибо въ немъ отразится аффектъ, который не увлекаетъ такъ сильно душу, коль скоро она созерцаетъ себя предметно въ созданномъ ею образѣ. Чѣмъ совершеннѣе образъ, тѣмъ человекъ выказываетъ болѣшую побѣду своей

идеальной природы надъ страстью, которою одержимъ. Выстъ съ тѣмъ выработанный образъ потребуеъ замедленнаго темпа, если его сравнить съ чистымъ выраженіемъ страсти, ибо духъ перешелъ въ образъ какъ бы съ нѣкоторымъ наслажденіемъ. Чѣмъ поверхность и скомканнѣе образъ, тѣмъ меньше времени пребываетъ на немъ духъ, тѣмъ болѣе ускоряетъ онъ и темпъ. Эти переходы изъ чистаго выраженія страсти въ образъ и большая или меньшая выработанность самаго образа могутъ быть очень разнообразны, чему всегда должны соответствовать отъѣнки темпа.

„Чувство и мысль, страсть и размышленіе, какъ выраженіе душевной жизни индивидуума, представляютъ собою общіе моменты, въ которыхъ развивается предъ нами каждый драматическій характеръ; и безконечному разнообразію этихъ моментовъ соответствуетъ многообразно-отъѣненный темпъ. Каждая драматическая фигура есть въ этомъ смыслѣ лирическое изліяніе сдѣлавшееся индивидуальнымъ. Но въ драматическое представленіе можетъ войти и эпическій моментъ, проявляющійся въ элементѣ *разказа*. Разумѣется, этого никогда не бываетъ въ чистомъ видѣ, потому что разказывающій какимъ бы то ни было образомъ да выкажетъ то впечатлѣніе, какое производитъ на него самый разказъ. Этотъ эпическій моментъ проходитъ естественно во всѣ ступени, начиная отъ объективнаго изображенія какого-нибудь происшествія или пережитаго обстоятельства, которыя разказчикъ развертываетъ предъ нами съ эпическимъ спокойствіемъ, какъ фактъ отрѣщенный отъ его личности и ощущеній — вплоть до живаго и личнаго участія въ томъ, что разказывается, такъ что намъ передается уже фактическое содержаніе чрезъ посредство ощущенія. Здѣсь объективный разказъ переходитъ въ душевное настроеніе разказчика, въ изображеніе отражающее силу факта. Тѣ же самыя ступени проявить собою и темпъ: въ спокойно-объективномъ разказѣ онъ медленнѣе и сдержаннѣе, и дѣлается все быстрѣе и быстрѣе, смотря по болѣе или менѣе сильному впечатлѣнію, которое разказчикъ выразитъ намъ, говоря о своемъ предметѣ. Если же душа остановится на подробной разрисовкѣ разказа, то это опять-таки потребуеъ замедленнаго темпа, ибо тутъ она не рвется подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, но объективируетъ себѣ это впечатлѣніе. Въ живописныхъ частяхъ драматическаго разказа

выступаетъ элементъ замедляющій, эпическій, которому соответствуетъ и сдержанный темпъ. Всѣ эти соображенія должны были показать въ общихъ чертахъ безконечное разнообразіе драматической дикціи, полноту оттѣнковъ, въ которыхъ она нуждается. Но такъ какъ вообще только одна часть искусства можетъ быть научна, то вѣрное и своевременное исполненіе всѣхъ этихъ моментовъ есть дѣло болѣе творческой природы, чѣмъ преподаванія. Тѣмъ не менѣе наука должна объять всѣ эти стороны образованія въ ихъ взаимной связи, и тогда только искусство достигнетъ должной полноты.“ *

Спрашиваемъ: есть ли тутъ хоть одно новое слово противъ разсужденій Лессинга, понимая новизну въ смыслѣ научномъ? Г. Рётчеръ толкуетъ о темпѣ столь же произвольнымъ образомъ, какъ предшественникъ его столѣтъ тому назадъ, и притомъ въ весьма тяжсловѣсной и туманной формѣ. У него и „душа созерцаетъ себя предметно въ созданномъ ею образѣ“, и „духъ переходитъ въ образъ какъ бы съ нѣкоторымъ наслажденіемъ“ и т. д. Развѣ можно основать на этомъ какое-нибудь опредѣленное выполненіе? Изъ всего этого тумана актеръ (если не полѣзится прочесть) только и извлечетъ, что въ драматической декламациі существуетъ темпъ, соответственный музыкальному, и что этотъ темпъ долженъ ускоряться или замедляться смотря по тому страстному возбужденію, какое актеръ придаетъ созданному имъ лицу. Чтобы сказать такую простую вещь (которая, безъ сомнѣнія, была извѣстна и во времена Лессинга), стоило ли исписывать три-четыре неудобочитаемыя страницы? Положенія г. Рётчера произвольны, туманны и общи; пользоваться ими актеръ можетъ еще менѣе чѣмъ разсужденіями Лессинга. Другое было бы дѣло, еслибы г. Рётчеръ, говоря о темпѣ, привелъ нѣсколько фактовъ мимической физиологіи, несомнѣнно подтверждающихъ то или другое мнѣніе. Онъ этого нигдѣ не дѣлаетъ, и всѣ свои доводы основываетъ на отвлеченныхъ измышленіяхъ о душевной жизни. Какъ мы уже сказали выше, такіа измышленія могутъ имѣть нѣкоторый литературный интересъ или пользу для актеровъ только тогда, когда приводятъ ихъ

* *Die Kunst der dramatischen Darstellung.* 2-e vermehrte Auflage. Leipzig, 1864, стр. 208—214.

въ связь съ опредѣленнымъ моментомъ, взятымъ изъ какого-нибудь драматическаго произведенія.

Впрочемъ, г. Рётчеръ беретъ нѣсколько примѣровъ для подтвержденія своихъ мнѣній.

Вотъ что онъ говоритъ, между прочимъ, въ выноскѣ къ приведенному нами мѣсту:

„Гдѣ общая мысль есть результатъ индивидуальныхъ впечатлѣній, тамъ требуетъ она, какъ обобщенное ощущеніе, и нѣкотораго душевнаго жара. Такъ, когда Валленштейнъ (*Смерть Валленштейна*, актъ I, сцена 7) въ разговорѣ своемъ съ графиней Терцкой возвышается въ концѣ до общаго размышленія:

„Не радостная жатва

„Готовится тому, кто съядъ зубы

„Драконовы! Такъ, злое дѣло вѣчно

„Съ собою духа-истителя несетъ:

„Всавъ на сердцѣ, ожиданье гора!“ *

„Эта сентенція, вытекшая изъ предыдущихъ впечатлѣній, должна быть произнесена, сравнительно съ ближайшимъ къ ней мѣстомъ, ускореннымъ темпомъ и болѣе энергическимъ акцентомъ, потому что душа Валленштейна словно придаетъ себѣ этимъ размышленіемъ новый порывъ, являющійся какъ *результатъ* особенныхъ, индивидуальныхъ обстоятельствъ и впечатлѣній. То же самое можно сказать и о сентенціи графини Терцкой въ началѣ этой сцены, начиная со словъ: „Ио-полонскій умыселъ отринутый, презрѣннымъ злодѣяньемъ „становится...“ и т. д. до заключенія. Здѣсь смѣлый духъ Терцкой сосредоточивается на общемъ размышленіи, которое мы однако должны принять за результатъ всѣхъ ея жизненныхъ опытаній, почему она и должна произнести это мѣсто съ извѣстнымъ одушевленіемъ. Слѣдовательно, тутъ долженъ быть ускоренный темпъ. Къ той же категоріи относится и сентенція Гордова (*Смерть Валленштейна*, актъ IV, сцена 2-я):

„А мы орудье строгаго закона,

„И посаушанье—добродѣтель наша.“

* Переводъ А. Шишкова 2-го, въ изданіи Н. Гербека 1859 г. стр. 256.

„Далѣе, сентенція Валленштейна (актъ V, сц. 3-я), которою онъ обобщаетъ свое энергическое настроеніе по поводу Макса Пикколомини:

„Другъ истинный всего дороже сердцу;
Онъ счастьемъ нашему кладетъ основу,
Участіемъ его усугубляетъ.“

Мы нарочно привели эти примѣры г. Рётчера, такъ какъ Валленштейнъ извѣстенъ русской публикѣ въ переводѣ. Г. Рётчеръ говоритъ, что всѣ указанная имъ общія размышленія дѣйствующихъ лицъ трагедіи Шиллера должны быть необходимо произнесены ускореннымъ темпомъ, болѣе энергическою дикціей, словомъ, съ одушевленіемъ, на томъ основаніи, что эти сентенціи не просто общія идеи, а результатъ всего того, что пережило данное лицо. Опять наставленіе мало пригодное актеру! Въ хорошемъ драматическомъ произведеніи, всякая общая мысль, всякое нравоученіе тѣсно связаны съ индивидуальностію человѣка произносящаго ту или другую тираду. Только такія тирады и допустимы въ драматической повѣи; иначе мы, вмѣсто піесъ, имѣли бы нравоучительныя представленія во вкусѣ средневѣковыхъ „погалитѣ“. Стало-быть, нечего г. Ретчеру и распространяться о томъ, что такія-то сентенціи должны быть произносимы ускореннымъ темпомъ. Слова, которыя предшествуютъ общему заключенію, — точно также результатъ личныхъ испытаній и ощущеній дѣйствующаго лица. Въ основѣ, въ источникѣ различія тутъ нѣтъ, и все будетъ зависетьъ отъ того, какъ задумалъ актеръ свою роль и въ какой степени его выразительныя движенія будутъ цѣлесообразны? Валленштейнъ, въ данномъ случаѣ, можетъ произнести эти свои четыре стиха на тысячу фасоновъ, и каждый фасонъ будетъ допустимъ, если онъ сольется съ общею фізіономіей игры и не оскорбитъ зрителей чѣмъ-нибудь особенно-уродливымъ. Г. Рётчеръ предлагаетъ произносить эти четыре стиха ускореннымъ темпомъ. Но нѣтъ никакого препятствія выговорить ихъ очень медленно, задержаннымъ темпомъ. Весьма многіе люди произносятъ сильныя, по содержанію и чувству, мѣста упирая на слова, выговаривая ихъ рѣдко, и какъ бы съ напряженіемъ. Г. Рётчеръ говоритъ также, что общія размышленія нужно ускорять сравнительно съ предыдущими словами, какъ, на примѣръ, фразу Гордона:

„А мы орудье строгаго закона,
„И послушанье—добродѣтель наша.“

Но непосредственно предъ тѣмъ стоятъ три стиха:

„Одинъ лишь тотъ, кто силенъ и свободенъ,
„Повиноваться можетъ чувствамъ сердца,
„Прекрасному влеченію души;“

Это такая же общая мысль, она также—результатъ индивидуальныхъ испытаній и ощущеній. Почему нужно ее произносить медленнѣе, чѣмъ заключительные два стиха? Если Гордонъ, какъ служака, пришелъ къ правилу безусловнаго послушанія, то онъ произнесетъ мысль объ этомъ послушаніи такъ же спокойно, какъ и предыдущую фразу о свободѣ людей сильныхъ. Если же предположить, что это затаенная проія, протестъ выражающійся въ покорныхъ снаружн фразакъ, то обѣ половины мысли равны между собою, дополняютъ одна другую и произнеести ихъ можно одинаковымъ тономъ, съ большимъ или меньшимъ одушевленіемъ, смотря по общему замыслу лица.

Мы не выдаемъ нашихъ замѣчаній за нѣчто абсолютно-вѣрное, но думаемъ, что они имѣютъ, по крайней мѣрѣ, такое же относительное достоинство, какъ и правила, предлагаемыя г. Рётчеромъ.

Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ изъ русскаго репертуара.

Роль Чацкаго, одна изъ самыхъ богатыхъ общими идеями, возгласами, тирадами нравственнаго и соціальнаго характера. Его монологи можно почти назвать сборниками сентенцій, обратившихся, какъ извѣстно, въ поговорки. Лицо это до сихъ поръ не было создано на сценѣ ни однимъ русскимъ актеромъ; по крайней мѣрѣ, таково мнѣніе большинства писавшихъ у насъ о театрѣ. Представляется свободное поле замѣчаніямъ о томъ, какъ Чацкому произносить общія размышленія, въ разныхъ мѣстахъ роли.

Такъ, напримѣръ, въ первомъ актѣ одно изъ блестящихъ обобщеній Чацкаго есть стихъ:

„И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятель“.

Тирада эта, какъ извѣстно, заканчиваетъ длинный монологъ, гдѣ Чацкій въ шутивой и желчной формѣ перебираетъ разныхъ знакомыхъ. Спрашивается: нужно ли ее, на

основаніи обобщеній г. Рётчера, произносить ускореннымъ темпомъ и болѣе энергическою дикціей? Все будетъ зависть отъ того, какъ задумать лицо Чацкаго. Задумайте его какъ молодаго человѣка веселаго, рѣзкаго, не очень глубокаго, способнаго мѣнять быстро свои ощущенія и свой тонъ, — эту классическую тираду можно въ такомъ случаѣ произнести полшутливымъ-полусентиментальнымъ тономъ, немного замедлая даже дикцію сравнительно съ отрывистымъ тономъ, которымъ Чацкій задаетъ рядъ вопросовъ Софѣ. Если же задумать Чацкаго посерьознѣе, какъ человѣка вернушагося съ обновленными гражданскими убѣжденіями, съ желчнымъ протестомъ противъ существующаго порядка вещей, тогда тираду можно дѣйствительно проговорить энергичнѣе, чѣмъ все предыдущее; но и тутъ врядъ ли нуженъ ускоренный темпъ. Въ этомъ случаѣ фраза должна быть желчною, а есть много людей произносящихъ ядовитыя вещи медленно, упирая на каждое слово.

Потомъ, во второмъ актѣ, рядъ общихъ заключеній можетъ быть, безъ всякаго ущерба испованію, произнесенъ медленно, или скоро, смотря по желанію актера. Таковы фразы:

„Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдали уѣдетъ“.

Или:

„Дома новы, но предрасудки стары“.

Или:

„Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?“ и т. п.

Въ третьемъ актѣ, заключительныя слова послѣдняго монолога, дѣйствительно, всего умѣстнѣе произнести болѣе энергическимъ акцентомъ; но, повторяемъ опять, нужно ли ускорять темпъ, — этого мы докторально сказать не можемъ; полагаемъ, что слѣдуетъ его скорѣе замедлить, и не на томъ основаніи (какъ думаетъ Лессингъ), что послѣ оживленія „душа должна посредствомъ морали сдержать свой порывъ“, а просто потому, что Чацкій до словъ:

„Вотъ случай вамъ со мною“,

передавалъ Софѣ то, что произошло съ нимъ въ другой комнатѣ, а такой довольно продолжительный разговоръ нельзя

тавуть. Повтореніе собственныхъ словъ обыкновенно произносится скорѣе, чѣмъ фраза выговариваемая въ первый разъ.

Наконецъ, въ четвертомъ актѣ, возгласы Чацкаго, содержащіе въ себѣ общія мысли,—болѣе чѣмъ въ первыхъ трехъ актахъ, *результаты* его испытаній и ощущеній, но и они могутъ сопровождаться тѣмъ или другимъ темпомъ, тою или другою интонаціей.

Исполняя апіорическое правило Лессинга, а за нимъ и г. Рётчера, слѣдуетъ тираду:

„О, есаибъ кто въ людей проникъ,
„Что хуже въ нихъ: душа, или языкъ“.

сказать гораздо быстрѣе и энергичнѣе, чѣмъ предыдущія фразы, въ которыхъ Чацкій выражаетъ вопросы и недоумѣніе съ примѣсю болѣе сдержаннаго раздраженія. Но нельзя было бы сдѣлать никакого упрека, основаннаго на научныхъ данныхъ, тому актеру, который произнесъ бы эту тираду глухимъ, подавленнымъ, очень медленнымъ тономъ.

Точно то же и съ другимъ возгласомъ:

„Ахъ! какъ игру судьбы постичь!
„Людей съ душой—гонительница, бичъ!
„Молчаливы блаженствуютъ на свѣтѣ.“

По Лессингу и Рётчеру, слѣдуетъ этотъ самъ по себѣ энергическій возгласъ произнести спокойно, потому что предыдущіе стихи показываютъ весьма взволнованное состояніе души Чацкаго. Онъ, еле-еле сдерживая свое негодованіе, восклицаетъ:

„Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство утѣрилъ!
„Гладѣлъ и видѣлъ—и не вѣрилъ.“

Но врядъ ли кто упрекнетъ актера, если онъ придастъ усвоенный темпъ заключительной тирадѣ, вопреки положенію Лессинга и Рётчера.

III.

По отдѣлу мимики и жестикуляціи, мы находимъ въ *Гамбургской Драматургіи*, во первыхъ, слѣдующее мѣсто, все по поводу того какъ произносить нравственныя сентенціи:

„Своими жестами они (актеры) окончательно портятъ все.

Они не знаютъ хорошенько, нужно ли имъ при этомъ дѣлать какіе-нибудь жесты, а если нужно, то какіе именно. Обыкновенно, они дѣлаютъ слишкомъ много ихъ и жесты эти черезчуръ незначительны.

„Когда, въ какомъ-нибудь сильномъ положеніи, душа хочетъ вдругъ сосредоточиться, чтобы бросить разсудительный взглядъ на себя, или на то, что ее окружаетъ: естественно она даетъ себя знать всѣми движеніями тѣла, зависящими отъ ея воли. Не только голосъ дѣлается непринужденнѣе, — всѣ члены приходятъ въ состояніе покоя, чтобы выразить внутреннее спокойствіе, безъ котораго глазъ разума не можетъ осмотрѣться вокругъ себя. Въ то же время твердо выступаетъ впередъ нога, руки опускаются, все тѣло принимаетъ прямое положеніе; пауза — и тогда сентенція. Человѣкъ стоитъ въ торжественной тишинѣ, точно будто, слушая себя, не хочетъ ничѣмъ мѣшать себѣ. Какъ скоро размышленіе высказано — опять пауза, и смотря потому, служила ли сентенція къ усилению или къ успокоенію страсти, игра членовъ начинается снова порывисто или постепенно. Только на лицѣ остаются во время размышленія слѣды аффекта: лицо и глаза находятся еще въ движеніи, въ нихъ еще виденъ внутренній огонь, ибо лицо и глаза не могутъ такъ мгновенно подчиняться нашей волѣ, какъ руки и ноги. И въ этомъ-то, то-есть въ выразительномъ лицѣ, воспламененныхъ глазахъ и, въ то же время, въ спокойствіи остальнаго тѣла состоитъ смѣшеніе огня и холода, съ которымъ, по моему мнѣнію, нужно выговаривать моральныя сентенціи въ сильныхъ положеніяхъ.

„Съ такимъ же точно смѣшеніемъ нужно выговаривать мораль и въ спокойныхъ положеніяхъ, съ тою только разницей, что та часть дѣйствія, которая тамъ была пылкая, здѣсь должна быть холоднѣе, и наоборотъ. Такъ какъ душа, когда она проходитъ только чрезъ мягкія ощущенія, старается придать этимъ мягкимъ ощущеніямъ высшую степень жизненности и силы посредствомъ общихъ размышленій, то она должна побуждать къ этому и части тѣла, находящіяся въ непосредственномъ ея распоряженіи; руки придутъ въ полное движеніе; только выраженіе лица не можетъ также скоро повиноваться, и въ мнѣ и въ глазахъ будетъ видно еще спокойствіе, изъ котораго душа стремится вывести остальное тѣло.“

Далѣе, въ четвертой статьѣ Лессингъ продолжаетъ:

„Но какого рода должны быть движенія рукъ при произнесеніи сентенцій въ спокойныхъ положеніяхъ?

„О хироміи древнихъ, то-есть объ основаніяхъ правилъ, руководившихъ древними въ движеніяхъ рукъ, мы знаемъ очень мало, но намъ извѣстно, что языкъ рукъ, довели они до такого совершенства, о которомъ нельзя себѣ составить и понятія по тому что въ состояніи выказать наши ораторы. Мы удержали изъ всего этого языка одинъ крикъ безъ членораздѣльности, одну способность дѣлать движенія, не зная какъ придать имъ опредѣленный смыслъ и соединить ихъ между собою такъ, чтобъ они не только способны были имѣть частичное значеніе, но выражали бы и общее настроеніе души.

„Не слѣдуетъ смѣшивать пантомимовъ бывшихъ у Грековъ съ актерами. Руки актера вовсе не были такъ болтливы, какъ руки пантомима. У пантомима онѣ заступали мѣсто языка, у актера же должны были только усиливать впечатлѣнія словъ и посредствомъ своихъ движеній, служа непосредственными обозначеніями вещей, придавать словеснымъ обозначеніямъ голоса правду и жизнь. У пантомима же движенія рукъ были не только одними естественными знаками,—многія изъ его движеній имѣли условное значеніе, отъ котораго актеръ долженъ былъ совершенно воздерживаться.

„Стало-быть, актеръ въ древности употреблялъ въ дѣло руки бережливѣе пантомима, но, точно также, каждый разъ не понапрасну. Онъ не двигалъ рукой, если не хотѣлъ этимъ что-нибудь выразить или усилить. Онъ вовсе не зналъ безразличныхъ движеній, которыя постояннымъ, однообразнымъ употребленіемъ придаютъ большинству актеровъ, особливо женщинамъ, видъ совершенныхъ маріонетокъ. У этихъ актеровъ выдѣлывать то правою, то лѣвою рукой половину лежащей цифры восемь въ направленіи отъ тѣла, или отгребать отъ себя воздухъ обѣими руками, значитъ выразительно играть, и кто въ этомъ достигъ до вѣкоторой танцмейстерской граціи, о! тотъ думаетъ, что можетъ восхищать насъ!

„Я знаю очень хорошо, что даже Гогартъ * предписываетъ актерамъ учиться двигать руки по изящнымъ волнистымъ линиямъ; но онъ предписываетъ дѣлать это во всѣхъ направ-

* Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: *Анализъ красоты*.

леніяхъ, со всевозможными измѣненіями, на какія только способны эти линіи въ отношеніи ихъ движенія и продолжимости. И, наконецъ, онъ совѣтуетъ имъ все это только въ смыслѣ упражненія, чтобы сдѣлаться способными къ сценической игрѣ, чтобы придать рукамъ свободу въ изящныхъ сгибахъ; но онъ вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, что вся сценическая игра состоитъ именно въ описываніи такихъ изящныхъ линій, все въ одномъ и томъ же направленіи.

„Стало-быть, вонъ этотъ ненужный *porte bras*, особливо въ правоучительныхъ мѣстахъ, вонъ его! Украшеніе въ ненадлежащемъ мѣстѣ есть аффектація и гримаса, и одно и то же украшеніе, повторяемое слишкомъ часто, дѣлается холоднымъ, а наконецъ и вовсе противнымъ. Когда я вижу, что актеръ, произнося общее размышленіе, дѣлаетъ при этомъ жестъ, какимъ подають въ менуэтъ руку, или, говоря моральную сентенцію, точно прядетъ ее на прялкѣ, мнѣ кажется, что предо мной школьникъ, повторяющій зазубренный имъ урокъ.

„Каждое движеніе, какое дѣлаетъ рука въ правоучительныхъ мѣстахъ, должно быть значительно. Часто можно достигъ живописной художественности, только воздерживаясь отъ пантомимныхъ движеній. Можетъ-быть въ другой разъ намъ представится случай объяснить въ примѣрахъ эту градацию отъ многозначительныхъ къ живописнымъ и отъ живописныхъ къ пантомимнымъ движеніямъ, ихъ различіе и употребленіе. Меня это повело бы слишкомъ далеко, и я замѣчу только, что между значительными жестами есть одинъ родъ жестовъ, которые актеръ долженъ прежде всего наблюдать и съ помощью которыхъ онъ только и можетъ придать правоученіямъ свѣтъ и жизнь. Однимъ словомъ, это—индивидуализирующіе жесты. Правоученіе есть общее положеніе, извлеченное изъ особенныхъ обстоятельствъ дѣйствующихъ лицъ; вслѣдствіе своей общности, оно дѣлается въ извѣстной степени чуждымъ самой вещи, оно дѣлается такимъ проявленіемъ, связь котораго съ настоящимъ моментомъ не замѣтается и не поймется слушателемъ менѣе внимательнымъ, или менѣе понятливымъ. Стало-быть, когда есть средство сдѣлать эту связь очевидною, привести символизмъ моральной сентенціи къ непосредственному воспріятію и когда средство

къ тому заключается въ известныхъ жестахъ, то актеръ никоимъ образомъ не долженъ уклоняться отъ нихъ.“

Общій тонъ того, что здѣсь высказываетъ Лессингъ, находится въ полномъ соответствіи съ требованіями естественности и разумности, которыя онъ заявляетъ въ *Гамбургской Драматургіи* и относительно произведеній драматической поэзіи. Несомнѣнно, что излишняя жестикація есть коренной актерскій порокъ. Въ жизни (по крайней мѣрѣ въ моментахъ, дѣлающихся предметомъ драмы) люди жестикалируютъ или подъ импульсомъ душевныхъ движеній, или вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ, такъ или иначе, привычекъ. Сценическому художнику прежде всего нужно усвоить себѣ тѣ жесты, которые находятся въ прямомъ соответствіи съ известными душевными состояніями. Количество такихъ выразительныхъ движеній довольно значительно, и если выработать ихъ въ совершенствѣ, то этотъ запасъ данныхъ, изученныхъ серьезно, всегда воздержитъ актера отъ ненужныхъ или бессмысленныхъ жестовъ. Тѣ же чисто индивидуальныя жесты, которые пріобрѣтаются многими въ жизни часто вслѣдствіе дурныхъ привычекъ, нужны актеру только развѣ для изображенія комическихъ лицъ.

Держась простыхъ правилъ, основанныхъ на точныхъ фактахъ, актеръ всегда будетъ дѣлать *значительные* жесты. Отсылая его къ изученію этихъ фактовъ, мы даемъ ему положительную точку опоры.

А какую же точку опоры доставятъ ему приведенныя нами разсужденія Лессинга?

Лессингъ продолжаетъ опять свое разсужденіе о переходѣ души изъ бурнаго состоянія въ покойное и наоборотъ, посредствомъ общихъ сентенцій. Мы уже старались показать, что его совѣты, какъ произносить эти сентенціи, произвольны; также произвольны указываемыя имъ и правила жестикаціи, сопровождающей сентенцію. Лессингъ полагаетъ, что надо вставить сентенцію между двумя паузами. Какъ пріемъ рутинно-театральный, такое вставленіе сентенціи между двумя паузами можетъ быть иногда эффектно, но онъ будетъ имѣть такой же условный, чисто-актерскій смыслъ, какъ традиціонныя движенія рукой черезъ плечо, употребляющіяся во французскихъ трагедіяхъ. Но самъ же Лессингъ строго наказываетъ актерамъ воздерживаться отъ пантомимныхъ движеній, имѣющихъ *условное, символическое* значеніе.

Различіе, которое Лессингъ устанавливаетъ между воспроизведеніемъ спокойныхъ и одушевленныхъ сценъ, повело его, какъ мы видѣли, къ признанію необходимости смѣшивать въ извѣстныхъ случаяхъ два ощущенія, соединять *огонь съ холодомъ*. Въ предѣлахъ литературныхъ соображеній это было бы въ извѣстной степени допустимо; но онъ желаетъ подтвердить дѣлсообразность смѣшанной мимической игры научнымъ фактомъ. Какой же это фактъ? „Лицо и глаза, говоритъ Лессингъ, — не могутъ такъ мгновенно подчиняться нашей волѣ, какъ руки и ноги.“ Вещь весьма спорная, особенно для глазъ.

Такимъ образомъ положеніе Лессинга, имѣющее сомнительное научное достоинство, никакъ не даетъ точки опоры выведеннымъ изъ него драматургическимъ соображеніямъ.

Упомянутіе о хироміи древнихъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ мало приложимаго. Лессингъ говоритъ, что о мимическомъ искусствѣ древнихъ ничего почти неизвѣстно; а мы прибавимъ: еслибы мы и знали объ этомъ очень много, врядъ ли бы извлекли много истинно - полезнаго. Принципъ традиціи никуда не годится въ дѣлѣ драматургическаго искусства, если держаться этого принципа *безусловно*. Основные правила жестикуляціи, извлеченныя изъ физиологическихъ данныхъ, были и будутъ для всѣхъ эпохъ одинаковы. Что же касается до того, какъ древніе жестикулировали на своей сценѣ, какіе имѣли особенные приемы, вытекшіе изъ нѣкоторыхъ привычекъ и понятій тогдашняго времени, то все это можетъ имѣть только антикварный или историческій интересъ. Если у древнихъ были нѣкоторые символическіе жесты, совершенно отличные отъ нашихъ, и даже другіе недостатки жестикуляціи, то знаніе этихъ особенностей пригодно было бы развѣ только для театральнаго дилеттантизма, то-есть въ томъ лишь случаѣ, когда мы пожелаемъ бы разыграть какую-нибудь трагедію Софокла или комедію Аристофана совершенно такъ, какъ онѣ давались въ Афинахъ. Но подобный дилеттантизмъ допустимъ какъ любительская роскошь, а не какъ научная потребность современной драматургіи. Весьма не бесполезно въ пластическихъ искусствахъ, какъ, напримеръ, въ ваяніи, изучать древніе образцы, но тамъ мы имѣемъ дѣло съ иною областію творчества. Изображеніе обнаженныхъ формъ вещь общечеловѣческая, которая будетъ заявлять во всѣ времена оди и тѣ же требованія

въ отношеніи вѣрности природѣ и гармоническаго сочетанія частей тѣла. Кромѣ того, скульптура никогда и нигдѣ не имѣла такого значенія какъ у Грековъ. Театръ же въ его совершенномъ видѣ такъ далеко ушелъ отъ идей, потребностей и формъ древняго міра, что правила жестикуляціи древнихъ не могутъ никоимъ образомъ удовлетворять насъ, хотя несомнѣнно, что чисто-изящную сторону посадки тѣла, которая такъ ярко проявляется въ статуяхъ, можно принять и теперь какъ образовательный элементъ. Но и самое изящество въ его житейскихъ проявленіяхъ мѣняется не только съ каждымъ столѣтіемъ, но почти съ каждымъ десятилѣтіемъ, и сцена по необходимости отражаетъ на себѣ всѣ колебанія понятій объ условномъ изяществѣ.

Поэтому мы имѣемъ поводъ сомнѣваться, чтобъ языкъ рукъ, который, какъ полагаетъ Лессингъ, древніе довели до высокаго совершенства, могъ быть *столь* пригоденъ намъ въ настоящую эпоху. А что у древнихъ жестикуляція была изящнѣе, правильнѣе и цѣлесообразнѣе, то этому удивляться нечего: греческій міръ слишкомъ много жилъ въ искусство, стало-быть, актеры, какъ и другіе художники, выработали себѣ болѣе полный кодексъ опредѣленныхъ правилъ. Но никакъ нельзя сказать (вмѣстѣ съ Лессингомъ), что мы удержали изъ всего языка рукъ древнихъ одинъ нечленораздѣльный звукъ, — способность дѣлать неосмысленныя движенія. Самъ же онъ дальше говоритъ, что театральное искусство древнихъ совсѣмъ пропало, не оставило послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Если такъ, то трудно намъ было и удержать изъ него что-нибудь. Если же, основываясь на археологическихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ, допустить нѣкоторую преемственность въ традиціонныхъ приемахъ игры чрезъ посредство Рима и театральныхъ зрѣлищъ первыхъ вѣковъ христіанства, то и тогда весьма умѣстно сомнѣніе, есть ли современная Лессингу и намъ жестикуляція—извращеніе хирономіи древнихъ? Да и какъ можемъ мы знать, что древній актеръ двигалъ рукой всегда цѣлесообразно? Оцѣнка игры во всѣ времена была весьма неудовлетворительна въ смыслѣ точности. Развѣ наши потомки въ состояніи будутъ представить себѣ подробную картину того, какъ жестикулировали, хотя бы, напри- мѣръ, Рашель, или Гарриксъ, или Тальма? Лессингъ же объявляетъ, какъ мы увидимъ ниже, что искусство актера скоропреходяще. И оно скоропреходяще не только въ своемъ

творчествѣ, но и въ смыслѣ традиціи, которая, повторяемъ еще разъ, кромѣ того и сама по себѣ несостоятельна. Неумѣренная жестикуляція актеровъ новаго времени прежде всего произошла отъ той же главной причины: отсутствія точныхъ правилъ, недостаточнаго изученія мимики, и отъ того, что въ сценическіе художники попадаютъ часто люди безъ всякой технической подготовки, а еще чаще безъ малѣйшихъ художественныхъ склонностей.

IV.

Въ пятой статьѣ, Лессингъ, разбирая все ту же трагедію: *Олимпія и Собронія*, и говоря объ игрѣ актрисы, изображавшей роль Хлоринды (*madame Henseln*), высказываетъ слѣдующія соображенія по тому поводу, что авторъ пьесы заставляеть актрису слишкомъ бѣсноваться:

„Самую лучшую услугу, какую актриса могла бы оказать автору—не очень предаваться неистовству созданнаго имъ лица: сдержатъ себя, выражать крайнюю степень ярости не самыми сильными напряженіями голоса, не самыми порывистыми жестами. Если Шекспиръ не былъ такой же великій актеръ, какъ драматическій поэтъ, онъ, по крайней мѣрѣ, очень хорошо зналъ, что принадлежитъ къ искусству и того, и другаго. Можетъ быть даже, онъ тѣмъ глубже размышлялъ объ искусствѣ актера чѣмъ менѣе сознавалъ въ себѣ сценическихъ талантовъ. По крайней мѣрѣ, каждое слово, влагаемое имъ въ уста Гамлета, когда тотъ снаряжаетъ комедіантовъ,—золотое правило для всѣхъ актеровъ, желающихъ достигъ разумаго успѣха. „Прошу васъ“, заставляеть онъ его внушать, между прочимъ, комедіантамъ, „выговаривайте рѣчь такъ, какъ я вамъ говорилъ; языкъ долженъ только „скользить по ней. Если же вы мнѣ ее начнете выкрикивать, „какъ дѣлають нѣкоторые изъ нашихъ актеровъ, то мнѣ это „будетъ такъ же пріятно, какъ еслибы мои стихи произносилъ „уличный глашатай. Не пишите рукой воздуха, но дѣлайте „все скромно и изящно, потому что посреди потока, посреди „бури, посреди, такъ-сказать, вихря страстей должны вы со- „блюдать извѣстную степень сдержанности, которая придаетъ „имъ гладкость и плавность.“

„Много говорятъ вообще объ одушевленіи актера; сильно

спорять о томъ, можетъ ли актеръ имѣть слишкомъ много огня въ своей игрѣ. Если тѣ, которые утверждаютъ, что актеръ можетъ имѣть излишекъ одушевленія, приводятъ въ доказательство необходимость обнаруживать, при такомъ излишкѣ, порывы или, по крайней мѣрѣ, горячность, даже когда этого не требуютъ обстоятельства: то отрицающіе такую необходимость въ полномъ правѣ сказать, что въ подобномъ случаѣ актеръ выказываетъ не излишекъ огня, а просто недостатокъ пониманія. Вообще же все это зависитъ отъ того, что разумѣть подъ именемъ огня или одушевленія. Если огонь значать крики и содроганія, то безспорно, что на этомъ пути актеръ можетъ зайти слишкомъ далеко. Если же одушевленіе состоитъ въ быстротѣ и силѣ приемовъ, помогающихъ актеру придать своей игрѣ правду, то видъ этой правды не слѣдуетъ доводить до крайности театральной иллюзіи, предположивъ даже, что актеръ можетъ пустить въ ходъ слишкомъ много такого огня. Точно также нельзя признать за надлежащее одушевленіе и тотъ огонь, который Шекспиръ требуетъ сдерживать даже въ потоки, въ бурѣ, въ вихрѣ страсти: онъ долженъ былъ разумѣть подъ этимъ только рѣзкость голоса и движеній. И легко найдти основаніе, почему и тамъ, гдѣ повѣтъ не соблюлъ ни малѣйшей сдержанности, актеръ долженъ сдержатъ себя и въ голосѣ, и въ движеніяхъ. Мало голосовъ, которые бы не были противны въ крайнемъ напряженіи; точно также слишкомъ порывистыя движенія рѣдко бываютъ благородны. Не нужно оскорблять ни нашихъ глазъ, ни ушей; и только тогда, когда въ выраженіи сильныхъ страстей избѣгаешь всего, что могло бы неприятно дѣйствовать на глаза и уши, получать эти страсти ту степень гладкости и свободы, какой требуетъ Гамлетъ даже въ моментъ наисильнѣйшаго впечатлѣнія, способнаго разбудить совѣсть закоренѣлыхъ злодѣевъ.

„Искусство актера находится по срединѣ между образовательными художествами и поэзіей. Въ смыслѣ видимой (sichtbare) живописи, красота должна быть его высшимъ закономъ; но въ смыслѣ переходной (transitorische) живописи, оно не всегда должно придавать своимъ положеніямъ то спокойствіе, которое возбуждаетъ такое уваженіе къ древнимъ произведеніямъ искусства. Драматическое творчество должно часто позволять себѣ дикость Темпесты, смѣлость Берниви; въ немъ эти свойства выразительности скажутся въ полнѣ,

безъ той доли ощущеній, оскорбляющихъ зрителя, которую они получаютъ въ образовательныхъ искусствахъ, вслѣдствіе неподвижнаго положенія. Только не должно театральное творчество пребывать слишкомъ долго въ этихъ моментахъ (то-есть, въ дикости и смѣлыхъ порывахъ), но должно приготовить ихъ постепенно предыдущими движеніями и разрѣшить въ обыкновенный приличный тонъ чрезъ посредство движеній, слѣдующихъ за ними; только не должно оно давать элементу дикой порывистости всей той силы, до которой можетъ довести его авторъ въ обработкѣ своего произведенія. Искусство актера есть нѣмая поэзія, желающая выразить себя непосредственно предъ нашими глазами; и нужно польстить каждому органу чувства, когда хочешь, чтобъ онъ передалъ душѣ всѣ понятія, какія ему доставляютъ для этой передачи, въ чистомъ, не извращенномъ видѣ.

„Очень можетъ случиться, что наши актеры, если имѣютъ въ виду только успѣхъ, останутся недовольны, проявляя ту сдержанность, къ какой обязываетъ искусство даже въ сильнѣйшихъ страстяхъ. Но какой успѣхъ? Галлерей, конечно, большая охотница до слезливого и шумливого, и рѣдко она не отвѣтитъ громкими рукоплесканіями на работу здоровыхъ легкихъ. И нѣмецкій партеръ довольно-таки раздѣляетъ подобные вкусы; есть актеры, ловко пользующіеся такими свойствами публики. Самый лѣнивый актеръ соберется съ силами къ концу сцены, когда онъ долженъ уходить, сразу возвышаетъ голосъ и усиливаетъ игру, не размышляя о томъ, требуетъ ли смыслъ его рѣчи такого высшаго напряженія. Нерѣдко это напряженіе противорѣчитъ тому настроенію, съ которымъ онъ долженъ уйти со сцены; но что ему за дѣло? Довольно того, что онъ напомнилъ партеру о себѣ, не благоугодно ли будетъ похлопать ему. Ошкаты его слѣдуетъ! Къ сожалѣнію, этого не бываетъ отчасти потому, что мало знатоковъ, отчасти потому, что партеръ принимаетъ желаніе поправиться ему за самое дѣло. Я не буду говорить объ игрѣ остальныхъ актеровъ въ этой пьесѣ (*Олимпъ и Софронія*); если имъ постоянно приходится хлопотать о томъ, чтобы маскировать недостатки произведенія, а то, что есть посредственнаго, выставлять въ самомъ блистательномъ видѣ, то и лучшей изъ нихъ покажется въ двойственномъ свѣтѣ. Мы, пожалуй, не поставимъ ему въ вину непріятнаго ощущенія, доставленнаго намъ авторомъ, но все-

таки не будемъ на столько хорошо настроены, чтобъ оказать ему всю ту справедливость, какую онъ заслуживаетъ.“

То, что говорить тутъ Лессингъ, относится къ вопросу, еще и по сіе время занимающему любителей и знатоковъ сценической игры,—къ вопросу о такъ-называемомъ *одушевленіи*. Въ другомъ мѣстѣ* мы сообщали мнѣнія по этому предмету одного изъ ярыхъ защитниковъ французской классической традиции. Принципъ самой традиции, какъ понимается ее г. Сансонъ и другіе, не выдерживаетъ критики; но одушевленіе, въ смыслѣ необузданныхъ порывовъ и произвольной жестикаціи, основательно отвергается защитниками традиции; отвергается оно и Лессингомъ. Его разсужденія могли бы, однако, быть нѣсколько яснѣе и имѣть менѣе литературный характеръ. Авторитетъ Шекспира, къ которому взываетъ Лессингъ, слишкомъ часто потому фигурировалъ въ разсужденіяхъ театральныхъ критиковъ, толкующихъ о сценической простотѣ. Мы не будемъ, конечно, оспаривать относительное достоинство, заключающееся въ совѣтахъ вложенныхъ Шекспиромъ въ уста Датскаго принца; еще менѣе желаемъ мы защищать необузданность игры, грубый, неосмысленный натурализмъ; но полагаемъ, что *формальные* правила, будутъ ли они исходить отъ Шекспира, отъ Лессинга, или отъ преподавателя декламаци, г. Сансона, дающаго совѣтъ ученикамъ консерваторіи: „*on peut être fugieux, mes enfans, mais avec décence*“,—менѣе всего могутъ имѣть безусловное значеніе, не находясь въ связи ни съ какимъ точнымъ, неоспоримымъ фактомъ.

Лессинга занимаетъ вопросъ: можетъ ли актеръ имѣть слишкомъ много огня въ своей игрѣ? Это сводится опять къ вопросу о преобладающемъ свойствѣ въ сценическомъ художникѣ. И нынѣ, какъ въ XVIII вѣкѣ, одни любители сценической игры стоятъ за страсть, за чувство, за огонь, другіе за сдержанность.

Лессингъ видимо стоитъ за сдержанность, то-есть защищаетъ необходимость въ актерѣ постоянного присутствія умѣряющей, регулирующей силы. Сила эта есть то, что Дидро обобщаетъ подъ именемъ ума. Нѣкоторыхъ, можетъ быть, приведетъ въ недоумѣніе: какъ же можно дѣйствовать однимъ умомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ актеръ долженъ

* *Русскій Вѣстникъ*, 1866 г. № 8, стр. 665—670.

во что бы то ни стало проявить страстное одушевление? Ни Лессингъ, ни Дидро, не имѣютъ въ виду приданія игрѣ резонерскаго характера. Нужно положить строгое различіе между такъ-называемымъ „внутреннимъ чувствомъ“ и богатствомъ выразительныхъ движеній въ актерѣ. Намъ нѣтъ дѣла до того, чувствуетъ что-нибудь актеръ, или нѣтъ. Вопросъ только въ томъ, выражаетъ ли онъ извѣстное страстное состояніе души цѣлесообразно, или нѣтъ. И вотъ въ этомъ смыслѣ, конечно, и Лессингъ и всякій, кто занимается драматическимъ искусствомъ, прежде всего желаютъ въ артистѣ самой обширной скалы выразительныхъ движеній, самой яркой и энергической передачи страстныхъ моментовъ, когда они нужны, но съ условіемъ чтобы всѣ эти подробности подчинены были умственной силѣ, замыслу, идеѣ, то-есть области ума.

Замѣтимъ еще, что совѣты Лессинга о сдержанности опять-таки нельзя принимать за нѣчто безусловное. Хотя мы вполне раздѣляемъ принципъ умственной инициативы въ искусствѣ актера, но не думаемъ, чтобы можно было поставить непремѣннымъ правиломъ: всегда, вездѣ, въ самомъ вихрѣ страсти имѣть извѣстный умѣренный тонъ. Такъ какъ все зависитъ отъ замысла роли, то очень можетъ случиться, что актерю положительно нужно проявить въ игрѣ необузданность страсти, „дикость Темпесты, смѣлость Бернини“, какъ выражается Лессингъ. Очень можетъ случиться, что эти порывы актерю вовсе нельзя будетъ „приготовить постепенно предыдущими движеніями и разрѣшить въ обыкновенный приличный тонъ движеніями, слѣдующими за ними“ (то-есть за бурными настроеніями души). Все это—произвольныя мнѣнія, которыя актера недостаточно развитаго могутъ, пожалуй, повести къ манерности и къ умышленному, ненужному охлажденію своей игры въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вовсе не слѣдуетъ сдерживать страстность. Только патологическія крайности должны быть безусловно отвергнуты тамъ, гдѣ на сценѣ дѣйствуетъ здоровый организмъ; всѣ же отбѣжки переходовъ страстной игры къ болѣе сдержанному тону будутъ находиться въ полнѣйшей зависимости отъ замысла.

Замѣчанія Лессинга о неосмысленности эффектовъ, которые актеры позволяютъ себѣ, чтобы „сорвать“ аплодисменты, уходя со сцены, до сихъ поръ примѣнимы къ большинству рутинныхъ исполнителей. Да и партерь ведетъ себя

очень часто такъ, какъ характеризуетъ его Лессингъ. Рутинность заключительныхъ возгласовъ, употребляемыхъ актерами, служитъ къ значительному опошленію вкусовъ публики; а часто извѣстные, принадлежащіе ей любимцу приемы, сдѣлавшіеся отъ повторенія рутинными, ведутъ къ неосмысленнымъ взрывамъ рукоплесканій, все равно — хорошо ли произнесъ свою тираду актеръ, или нѣтъ. Такъ, отъ одного изъ нашихъ талантливыхъ сценическихъ артистовъ, обладающаго обширными театральными воспоминаніями, слышали мы, что Мочаловъ имѣлъ привычку каждый разъ заканчивать бурный монологъ ударомъ ладони по бедру. И этотъ жестъ, самъ по себѣ весьма неумѣстный, служилъ какъ бы сигналомъ къ взрыву публики.

Если въ Мочаловѣ это выкупалось общею талантливостью исполненія, то въ дюжинныхъ актеряхъ самолюбивое желаніе заявить о себѣ публикѣ должно бы встрѣчаться разумнымъ недовольствомъ. За это дѣйствительно стоить опикать.

Вопросъ отношенія игры актера къ самому замыслу пьесы, затрогиваемый Лессингомъ въ приведенной выпискѣ, не разрабатывается имъ болѣе подробно потому, что онъ говорить здѣсь по преимуществу объ особенностяхъ тона и жестикуляціи, а не объ общемъ замыслѣ роли. Между тѣмъ, весьма важно было бы опредѣлить поточнѣе границу между правами автора и произволомъ актера. Въ этомъ пунктѣ двѣ школы драматическаго исполненія: традиціонно-классическая и мелодраматическая расходятся такъ же рѣзко какъ и по вопросу объ „одушевленіи“. Французскіе актеры, держащіеся традиціи, строго подчиняютъ свою игру мысли автора, особливо въ трагедіяхъ, гдѣ для жестикуляціи и мимической игры меньшее поле чѣмъ для декламаціи, вслѣдствіе бѣдности сценическаго дѣйствія. Корифеи мелодраматизма, завладѣвшіе сценой, начиная съ тридцатыхъ годовъ, напротивъ, выступили съ требованіями гораздо большей актерской свободы. Для нихъ признакомъ дарованія было создавать не то, что задумано авторомъ, а то, что имъ казалось болѣе яркимъ и эффектнымъ. Мелодраматизмъ тридцатыхъ годовъ въ этомъ отношеніи внесъ не мало дурныхъ актерскихъ замашекъ, отражающихся и по сіе время на физиономіи современной сцены.

Искусство актера, несмотря на то что требуетъ большаго умственнаго и художественнаго развитія, въ цѣломъ все-таки

менѣе самостоятельно чѣмъ творчество живописца, скульптора, или поэта. И наблюдение надъ ходомъ новаго театра показываетъ намъ, что съ каждымъ годомъ на лучшихъ сценахъ Европы все больше и больше вкореняется принципъ точнаго исполненія; актерскій же произволь не дѣлаетъ уже и на обыкновенную публику эффектнаго впечатлѣнія, какое, между прочимъ, производили на первыхъ порахъ корифеи мелодраматизма.

Только первостатейнымъ комическимъ знаменитостямъ прощаются импровизаціи въ мелкихъ пьесахъ, замыселъ которыхъ черезчуръ уже пустъ. Въ такихъ импровизаціяхъ публика цѣнитъ первоклассный талантъ, если онъ имѣется; высокодаровитые актеры даютъ публикѣ лишній случай насладиться блестящею мимикой, своею веселостью и оживленіемъ.

V.

Г. Рѣтчеръ, въ своей книгѣ, посвящаетъ цѣлый большой отдѣлъ жестамъ и мимикѣ, или, какъ онъ выражается, „тѣлесному краснорѣчію“. Мы приведемъ его вступительныя общія разсужденія, чтобы показать на сколько въ этомъ отношеніи его сужденія ушли отъ мнѣній Лессинга о жестикюляціи. Такія параллели лучше всего могутъ показать, на сколько подвинулась обработка вопросовъ театральнаго искусства.*

Характеризуя отношенія существующія между жестикюляціей и голосовыми выразительными движеніями, г. Рѣтчеръ считаетъ нужнымъ, въ видѣ предисловія, высказать слѣдующія общія положенія:

„Жесты являются въ драматическомъ искусствѣ не одни, а въ сопровожденіи слова. Тѣлесное краснорѣчіе, выраженіе лица и тонъ голоса должны дѣйствовать совокупно на изображеніе душевнаго состоянія. Поэтому каждый изъ этихъ моментовъ находитъ свое ограниченіе въ остальныхъ. Эти моменты устанавливаются сообразно духовному отношенію между собою, то-есть, смотря по іерархіи, съ которою они проявляютъ душу въ ея высшей энергіи и опредѣленности. Происходить это должно такъ, чтобы движенія тѣла, находящіяся всего ближе къ чувственной непосредственности,

могли выражать самыя нѣжныя различія въ душевныхъ состояніяхъ, малѣйшіе оттѣнки разнородныхъ личностей и ихъ ощущеній. Лицо, какъ самый благородный органъ, обладающій многоподвижностью, представляетъ собою самую высшую ступень оществленія душевныхъ состояній. То, что въ движеніяхъ остальныхъ членовъ можетъ быть выражено только въ общихъ очеркахъ и часто даже въ грубыхъ краскахъ, то проявляетъ лицо въ гораздо болѣе идеальной формѣ всеми своими частями способными выразить съ силой и нѣжностью разнообразныя нравственныя ощущенія. Тутъ, то есть на лицѣ, душа какъ бы уходитъ отъ крайностей, въ которыя она властается въ жестахъ, и заключается въ болѣе одухотворенную область, почему и дѣлается способною воплотить гораздо болѣе полную нѣжныхъ оттѣнковъ, чѣмъ это возможно остальнымъ членамъ тѣла. Жесты относятся къ выраженію лица такъ, какъ нижній слой воздуха къ эфиру. Поэтому для пониманія и оттѣнки душевныхъ движеній, выраженныхъ лицомъ, потребна болѣе подвижная фантазія и высшая точка зрѣнія. Но обѣ эти области выраженія: жесты и мина, какъ воплощенія душевной жизни, часто оказываются недостаточными для нѣжнѣйшихъ побужденій и оттѣнковъ; почему они и уступаютъ мѣсто высшему откровенію посредствомъ тона. Въ тонѣ душа проявляетъ себя непосредственно своимъ внутреннимъ смысломъ, и воплощеніе получаетъ здѣсь, такъ-сказать, эфирное тѣло, которое обнаруживаетъ душу въ полной ясности ея душевнаго движенія, въ таинственномъ проникновеніи общаго ощущенія индивидуальными условіями, подъ которыми оно является. Въ тонѣ не только болѣе идеальнымъ образомъ проявляется душевная жизнь, выраженная уже въ жестахъ и въ лицѣ, но даже и тѣ разнообразнѣйшіе оттѣнки, которые ускользнули отъ воплощенія и какъ бы не могли проникнуть вполнѣ матерію, достигаютъ здѣсь своего полнаго проявленія. Всѣ три момента, взятые въ совокупности, представляются такимъ образомъ совместными факторами, служащими къ изображенію душевной жизни; но, дѣйствуя одновременно, они не имѣютъ одинаковой способности проявлять внутреннее движеніе. Жесты и мина, въ дѣлѣ изображенія нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ душевной жизни и ея индивидуализированія, стоятъ позади области тона, который своими колебаніями можетъ затроги-

вать еще новыя движенія духа, ускользающія отъ первыхъ двухъ моментовъ... Языкъ жестовъ, безъ слова, представляется переходомъ изъ царства идеала въ область чувственного міра; но такъ какъ искусство драматическаго представленія состоитъ въ воплощеніи творческихъ характеровъ, проявляющихся въ духовныхъ элементахъ рѣчи свое глубочайшее мышленіе и волю, то и должно искусство рѣчи соединяться съ тѣлеснымъ краснорѣчіемъ. Мы возвышаемся опять изъ области воплощенія душевной жизни посредствомъ жестовъ въ идеальное, безтѣлесное царство рѣчи, которую мы должны разсмотрѣть въ ея проникновеніи жестами и довести до ея цѣли,—изображенія характеровъ. Область жестовъ, въ смыслѣ проявленія глубочайшихъ таинствъ духа, приводитъ къ ихъ дополненію, слову. Искусство дающее слову дыханіе души, посредствомъ котораго оно какъ бы добываетъ всѣ душевныя состоянія изъ внутренней глубины и обогащаетъ невидимыми оттѣнками, имѣетъ и въ тѣлесномъ краснорѣчьи свое дополненіе, свою реальную сторону. Оба момента вмѣстѣ даютъ только разностороннее выраженіе душевной жизни, почему и должны быть разсматриваемы въ искусствѣ драматическаго исполненія въ неразрывной связи и всегда одинаково разрабатываемы.“

Это опять, какъ Французы выражаются: *des verités de Monsieur de la Palisse*, облеченныя въ тяжелую метафизическую форму. Какой же актеръ или, просто, мало-мальски развитой человѣкъ не знаетъ, что только совокупность слова и жестовъ проявляетъ душевную жизнь? Порядокъ устанавливаемый г. Рѣтчеромъ или его „іерархія моментовъ“ если и не произвольна, то не даетъ актеру непосредственной поддержки въ искусствѣ управлять своею мимикой. Онъ и безъ г. Рѣтчера знаетъ, что мышечныя движенія лица могутъ выражать несравненно болѣе тонкія ощущенія, чѣмъ движенія торса и конечностей.

Г. Рѣтчеръ въ предисловіи ко второму изданію своей книги говоритъ, что „великій, высоко-развитой нѣмецкій актеръ Зейдельманъ указалъ на его книгу какъ на библію для актеровъ“. Не знаемъ, на сколько современные нѣмецкіе актеры прониклись книгой г. Рѣтчера, но не обинуясь можно сказать, что въ ней замѣчанія, основанныя на болѣе или менѣе точныхъ фактахъ, разведены въ огромномъ количествѣ мета-

физической воды. И эта вода, отъ которой на каждой страницѣ поднимается тяжелый туманъ, очень способна затемнить самыя простыя и здравыя представленія.

Г. Рётчеръ какъ будто хлопочетъ все о томъ, чтобы набрать какъ можно больше обобщающихъ опредѣленій и словъ. Такъ, въ приведенной нами выпискѣ, онъ вводитъ общее понятіе или „моментъ“, который онъ называетъ *тономъ*. Всякій актеръ знаетъ что такое тонъ, но это не даетъ права дѣлать изъ этого тона нѣчто строго-опредѣленное. Въ сущности, всѣ разсужденія г. Рётчера выражаютъ самую простую истину, что въ голосѣ, то-есть въ декламациі, можно проявить нѣжнѣйшіе и разнообразнѣйшіе оттѣнки ощущеній. Это фактъ вытекающій изъ простаго наблюденія; нельзя дѣлать изъ него абсолютный принципъ, что даетъ право утверждать, какъ г. Рётчеръ, что „въ томъ душа проявляетъ себя непосредственно своимъ *внутреннимъ смысломъ*“. Въ чемъ, спрашивается, различіе между внутреннимъ и внѣшнимъ смысломъ души? и что разумѣть подѣ этимъ внѣшнимъ смысломъ? Да и почему душа проявляетъ себя непосредственно только въ тонѣ, а хоть бы не въ лицевой мимикѣ? Есть такіе моменты, когда молчаливое мимическое движеніе гораздо сильнѣе всякаго возгласа. Можно прибрать изъ области драматической поэзіи много сценъ, гдѣ мимическіе эффекты безъ словъ положительно требуютъ идей извѣстнаго патетическаго мѣста и были бы ослаблены крикомъ или какимъ бы то ни было голосовымъ движеніемъ. Трагическій репертуаръ Шекспира можетъ доставить не одинъ примѣръ подобныхъ мимическихъ эффектовъ. Никто не станетъ спорить, что человѣческому организму присуща цѣлая особая сфера слова, какъ признакъ высшаго психическаго развитія, но въ книгѣ, заключающей въ себѣ основанія театральнаго искусства, нужно не разводить разводы объ обще-извѣстныхъ истинахъ, а давать сценическимъ художникамъ дѣйствительныя точки опоры. Чѣмъ больше вы наставите апіорическихъ обобщеній, тѣмъ результатъ выйдетъ ничтожнѣе. Актеръ не будетъ играть лучше оттого, что мы ему облечемъ въ надутыя, трудно-варимыя фразы истину о преимуществѣ человѣческой организаціи предъ животною.

Замѣчательно, что есть еще мѣсто въ *Гамбургской Драматургіи*, гдѣ размышленія г. Рётчера о *темнѣ* (208—214) и

тонъ (284—286) сгущены на двухъ страницахъ, заключающихъ въ себѣ гораздо больше примѣнимаго и опредѣленнаго.

Лессингъ говоритъ объ игрѣ г-жи Лёвенъ въ роли Меламиды, во французской комедіи того же названія. „Г-жа Лёвенъ соединяетъ съ серебристымъ тономъ звонкаго и пріятнаго голоса, съ открытымъ, спокойнымъ и выразительнымъ лицомъ, какое только можно встрѣтить, самое тонкое и подвижное чувство, способность вѣрно и горячо ощущать, что она выражаетъ, не всегда такъ сильно, какъ многіе бы желали, но всегда изящно и съ достоинствомъ. Декламируя, она беретъ вѣрные, но не яркіе акценты. Полное отсутствіе сильныхъ акцентовъ производитъ монотонію. Нельзя упрекнуть ее въ этомъ: она скрашиваетъ блѣдность акцентовъ другою тонкостью, о которой, увы! очень многіе актеры не имѣютъ никакого понятія Я объяснюсь. Известно, что называютъ въ музыкѣ движеніемъ (темпомъ). Это не тактъ, но степень медленности или быстроты, съ которою нужно проиграть тактъ. Движеніе проходитъ однообразно чрезъ всю піесу; какъ проиграны были первые такты, съ такою же скоростью должны быть исполнены всѣ остальные до послѣдняго. Такое однообразіе необходимо въ музыкѣ, потому что піеса (или часть ея) можетъ выражать музыкальную мысль только одинакимъ образомъ; безъ этого невозможно было бы соединеніе различныхъ инструментовъ и голосовъ. Въ декламациі совѣтъ иное дѣло. Если мы посмотримъ на періодъ изъ нѣсколькихъ членовъ какъ на особую музыкальную піесу (или часть ея), а на члены какъ на такты, то все-таки нельзя произносить эти члены съ однообразною быстротою даже когда они совершенно равной длины и состоятъ изъ одинакаго числа слоговъ одной и той же продолжительности. Они не могутъ быть равнаго значенія и достоинства ни въ отношеніи ясности и силы, ни въ отношеніи эффекта, господствующаго въ цѣломъ періодѣ: естественно, что и голосъ долженъ мѣнѣе значительныя фразы періода выговорить быстро, проскользнуть по нимъ легко и небрежно, вѣскія же фразы онъ замедлитъ, растянеть, отгвѣнитъ и отчеканитъ каждое слово, а въ словѣ каждую букву. Степени этого различія безконечны. Нельзя, можетъ-быть, посредствомъ искусственныхъ дѣленій времени опредѣлить ихъ и

измѣрить ихъ отношеніе между собою; но самое невыработанное ухо узнаетъ и самый невыработанный языкъ замѣтить, идетъ ли рѣчь отъ тронутаго сердца или просто изъ твердой памяти. Неумовѣрно впечатлѣніе, производимое такимъ постоянно мѣняющимся движеніемъ голоса; и если прибавить еще всѣ измѣненія тона не только въ смыслѣ высоты или глубины, силы или слабости, но и того, какъ будутъ мѣняться грубыя и мягкія, рѣзкія и округленныя, угловатыя и плавныя интонаціи, то выйдетъ та естественная музыка, которой всегда открыто наше сердце, потому что оно почувствуетъ звуки, идущіе изъ сердца же; и искусство поэтому только приметъ въ этомъ участіе, что и оно можетъ переходить въ натуру. Такою музыкой обладаетъ въ высокой степени актриса, о которой я говорю.“

Лессингъ дѣлаетъ правильное различіе между музыкальнымъ и декламационнымъ темпомъ (движеніемъ); но нельзя все-таки признать его опредѣленія вполнѣ вѣрными. Дѣйствительно, въ музыкѣ темпъ дается иногда на всю піесу, или на часть ея, одинъ и тотъ же. Иногда помѣщаютъ даже цифровое обозначеніе метромомнаго градуса. Но исполняется ли всегда темпъ однообразно до конца піесы? Еслибъ оно было такъ, то зачѣмъ же попадались бы въ піесахъ всѣ тѣ музыкальные отбѣлки: *crescendo*, *ritardando*, *accelerando* и т. п., которыми композиторы желаютъ выразить выраженіе отдѣльныхъ фразъ въ предѣлахъ одного и того же основнаго движенія? Музыкальная піеса, или часть ея, дѣйствительно, болѣе мнѣ подчинена условію *темпа*; но и та и другая область творческаго выраженія имѣютъ въ значительной степени общій, связующій ихъ элементъ: необходимость разнообразія отбѣлковъ. Эта необходимость въ драматической музыкѣ сказывается весьма сильно. Арія или дуэтъ, или хоръ должны быть пропѣты съ безпрестанными колебаніями темпа, несмотря на то что въ ключѣ стоитъ для всего нумера $\frac{3}{4}$ или $\frac{6}{8}$. Въ умѣнны мѣнять: движеніе заключается одно изъ существенныхъ дарованій капельмейстера, пѣвца и виртуоза. Не вполнѣ вѣренъ и доводъ Лессинга, что безъ однообразнаго движенія невозможно было бы соединеніе разныхъ инструментовъ и голосовъ. Въ оркестровкѣ иногда одинъ инструментъ играетъ въ $\frac{3}{4}$, а другой въ $\frac{6}{8}$. Это, конечно, не препятствуетъ основному темпу, но значительно его колеблетъ, отражается непремѣнно на общемъ движеніи оркестра.

Разнообразіе *акцентовъ* есть одно изъ первѣйшихъ правилъ сценическаго художника. Наши актеры и актрисы страдаютъ не столько рутинностью и неосмысленностью жестовъ, сколько монотонною, вялою, безцвѣтною декламациею. Слушая ихъ, думаешь, что предъ вами щелкаетъ метрономъ, для всѣхъ піесъ одинаково: въ $\frac{3}{4}$ или въ $\frac{2}{8}$. Защитники театральнoй распушенности полагаютъ, что такъ-называемый *бытовой* тонъ и темпъ для всего годится: они-то, при совершенномъ у насъ отсутствіи какихъ бы то ни было правилъ игры, помогаютъ полному извращенію дикціи актеровъ, ратуя противъ искусственности тамъ, гдѣ реальнѣйшая правда требуетъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ голосовыхъ движеній.

VI.

Въ послѣдней статьѣ *Гамбургской Драматургіи*, Лессингъ, прощаясь съ своими читателями, обзрѣваетъ то, на сколько онъ выполнилъ данныя имъ обѣщанія. Онъ говоритъ:

„Чѣмъ должны были быть эти листы, о томъ я говорилъ въ возвѣщеніи; чѣмъ они дѣйствительно были, о томъ знаютъ мои читатели. Не совсѣмъ то, что я обѣщаль, нѣсколько иное; но, думаю я, не хуже того, что я обѣщаль.

„Они должны были сопровождать каждый шагъ, сдѣланный творчествомъ автора и искусствомъ актера.

„Вторая половина очень скоро стала мнѣ въ тягость. У насъ есть актеры, но нѣтъ актерскаго искусства. Если когда-нибудь въ древности существовало такое искусство, то мы имъ больше не обладаемъ: оно потеряно; его нужно снова найти. Болтливыхъ общихъ мѣстъ по этому предмету довольно на всѣхъ языкахъ; но специальныхъ, всеми признанныхъ правилъ, ясно и точно выраженныхъ, на основаніи которыхъ можно бы въ данномъ случаѣ опредѣлить похвалу или укоръ, заслуженные актеромъ, — я знаю много дватри. Вотъ отчего всякое разсужденіе по этому предмету всегда кажется шаткимъ и двусмысленнымъ, такъ что, право, нечего и удивляться, когда актеръ, за которымъ ничего не водится, кромѣ удачной рутины, всячески обижается подобными разсужденіями. Ему всегда будетъ казаться,

что хвалятъ его слишкомъ мало, а осуждаютъ слишкомъ много, а часто онъ просто въ толкъ не возьметъ, бравятъ его или хвалятъ. Вообще давно уже замѣчено, что щепетильность художниковъ предъ критикой возрастаетъ въ томъ отношеніи, въ какомъ убавляются точность и ясность, равно и число правилъ ихъ искусства. Вотъ все, что я могу сказать для моего собственнаго извиненія, а также для оправданія актеровъ, безъ котораго и мнѣ бы нечего оправдываться.“

Что можемъ мы сказать новаго противъ этого энергическаго и правдиваго заявленія? Лессингъ говоритъ, что въ его время были какія-нибудь два-три, всѣми признанныя, правила сценическаго искусства. Далекое ли въ этомъ отношеніи, несмотря на богатство накопившагося матеріала, наша эпоха ушла отъ той, среди которой писалъ и дѣйствовалъ Лессингъ? Громадныя политическія и общественныя перевороты свершились въ Европѣ въ послѣднія сто лѣтъ. Они отразились и на театрѣ; типы, являшіеся на сценѣ, задумывались и исполнялись подъ влияніемъ новыхъ идей. Но сужденія объ игрѣ актеровъ, на сколько она соотвѣтствуетъ идеямъ и интересамъ данной минуты, имѣли и долго будутъ имѣть чисто-литературный, временный смыслъ. Строгихъ, всѣми признанныхъ правилъ этой категоріи у насъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Общественно-правственная сторона театральнаго творчества всегда будетъ самою скоропреходящею, всего болѣе независимою какъ отъ строго установленныхъ психическихъ данныхъ, такъ и отъ приемовъ традиціи. Но мы все-таки можемъ сказать, что въ данный моментъ всегда есть нѣсколько преобладающихъ въ обществѣ идей, и сценической художникъ долженъ, если онъ смотритъ на свое дѣло не какъ на праздную забаву, раздѣлять ихъ съ самыми развитыми людьми своей эпохи и подчинять имъ въ той или другой степени общій характеръ своего исполненія.

Требованіе простоты, хотя оно очень общо, есть одно изъ державныхъ требованій современной сценической игры. Нарушая его рѣзкимъ образомъ, актеръ новаго времени будетъ оскорблять художественное чувство самой развитой части публики. Но ясно, что въ этомъ не заключается ничего вполне опредѣленнаго, что простота въ разныхъ случаяхъ можетъ

быть понимаема различнымъ образомъ. Въ этомъ смыслѣ у насъ также мало правилъ, какъ и во времена Лессинга; даже то, что извѣстно подъ общимъ названіемъ *рутины*, нельзя выразить въ точныхъ принципахъ. Театральная рутина измѣняется смотря по мѣстности и національности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ актриса петербургскаго Михайловскаго театра, г-жа Стелла-Коласъ, отправилась въ Лондонъ играть трагическія роли. Въ одной очень умной рецензіи, помѣщенной въ *Корнелийскомъ Сборникѣ*, сказано было тогда, что сужденія публики и критиковъ театральнаго искусства о г-жѣ Стелла-Коласъ потому не могутъ быть вполнѣ вѣрными, что игру иностраннаго актера сравниваютъ обыкновенно съ игрой туземныхъ исполнителей. То, что въ иностранномъ актерѣ есть простая рутина, принимается за нѣчто совершенно-новое, свѣжее и оригинальное потому только, что на туземномъ театрѣ господствуютъ другіе рутинные приемы. Это вполнѣ вѣрно. Г-жа Стелла-Коласъ увлекла лондонскую публику потому, что явилась съ игрой выработанною по французскимъ правиламъ. Петербургской публикѣ извѣстно, что эта актриса не отличается особенною простотой и художественною правдой исполненія; стало-быть, если ея игра такъ понравилась Англичанамъ, то рутина, господствующая на лондонскомъ театрѣ, во многомъ отличается отъ приемовъ французской традиціи. Мы говоримъ именно *традиціи*: г-жа Стелла-Коласъ—ученица профессора парижской консерваторіи, г. Сансона, представителя преданій *Comédie Française*. Эти преданія, дѣйствительно, представляютъ нѣчто болѣе опредѣленное, чѣмъ приемы мелодраматизма; но и они передаются болѣе непосредственно отъ учителей къ ученикамъ и до сихъ поръ не выражены въ точныхъ афоризмахъ, ни въ одномъ компендіумѣ театральнаго искусства. Въ дѣлѣ же новѣйшей игры, основанной на принципѣ возможно большаго приближенія къ правдѣ, мы не знаемъ даже и двухъ-трехъ весьма признаваемыхъ правилъ. Можно, изучивъ современную европейскую драматургію, резюмировать общія черты хорошихъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ исполнителей въ комедіи и драмѣ, но это все-таки не дастъ намъ кодекса сценическихъ правилъ безусловно исполняемыхъ на *сцѣ* сценахъ Европы.

Неудивительно, что театральная критика такъ мало вы-

работала новыхъ выраженій, опредѣленій и эпитетовъ, даже въ смыслѣ внѣшнемъ, въ области речитива, установившейся на той или иной сценѣ.

Чтобы наше мнѣніе не показалось парадоксальнымъ, мы возьмемъ на выдержку отъѣску актеровъ Французской Комедіи, сдѣланную въ замѣчательномъ сборникѣ политическихъ, литературныхъ и общественныхъ замѣтокъ, известномъ подъ именемъ: *Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis 1782 jusqu'à nos jours, ou Journal d'un observateur*. A Londres, chez John Adamson. 1784.

Подъ 30-мъ января 1762 г. мы читаемъ:

„Не мѣшаетъ отдать также отчетъ о настоящемъ положеніи Французской Комедіи. На будущее время мы станемъ отправляться съ этой точки зрѣнія, опредѣляя успѣхъ или паденіе французскаго театра его современнымъ состояніемъ, какъ вѣрнымъ термометромъ.

„Дѣвица Клеронъ до сихъ поръ все еще героиня Французской Комедіи. Какъ только объявятъ о ней, зала полна. Только что она появится, раздаются неистовыя рукоплесканія. Ея поклонники говорятъ, что ничего подобнаго они не видали да и не увидать, что это самое законченное произведеніе искусства.... Да, именно искусства, выражаютъ нѣкоторые критики, напоминая, что она долгое время была дурная актриса, что она семь лѣтъ боролась съ публикой, что ея крикливый органъ оглушалъ, но не трогалъ сердца. Послѣ долгихъ опытовъ она наконецъ создала себѣ игру, крики сдѣлались страстными звуками, надутость достигла высокаго. Эта актриса всегда имѣла театральную посадку, много благородства въ походкѣ, въ жестахъ рукъ, въ движеніяхъ головы. Несмотря на небольшой ростъ, она всегда казалась на сценѣ выше обыкновеннаго роста. Чтò за несчастная судьба насылаетъ ей такіа частыя болѣзни, лишающія насъ возможности видѣть ее? Зачѣмъ мы постоянно боимся потерять ее? *

„Дѣвица Дюмениль, безспорно, по натурѣ гораздо больше

* Дѣвица Клеронъ страдала женскою болѣзнію, почему и играла очень рѣдко. Ея сверстницы упрекали ее разъ за это рѣдкое появленіе на сценѣ. „Правда, я не часто играю, отвѣтила она, но одно мое представленіе поддерживаетъ въ васъ жизнь на цѣлый мѣсяцъ“.

актриса чѣмъ Клеронъ; ея игра естественнѣе, смѣлѣе, искреннѣе; но ея самолюбію давно бы слѣдовало посовѣтовать ея удалиться. Она не сообразила, что будетъ все терять, по мѣрѣ возвышенія своей соперницы, хотя она и показываетъ ея иногда свое прежнее превосходство и подавляетъ ее порывами своего генія. Къ сожалѣнію, это послѣдніе лучи умирающаго свѣта. Въ добавокъ гнусный порокъ, которому она отдалась, приводитъ ее часто въ такое положеніе, гдѣ, вмѣсто того чтобъ изображать на сценѣ уклоненія возвышенныхъ страстей, она просто проявляетъ свое собственное пьяное безуміе.

„Никому бы совѣты самолюбія не были болѣе полезны какъ дѣвицѣ Госсенъ. Она не чувствуетъ, что наступаетъ наконецъ такое время, когда слѣдуетъ уклониться отъ рукоплесканій, иначе эти рукоплесканія сами уйдутъ отъ насъ. Ея ампуа никакъ не можетъ мириться съ морщинами: старая кукла никогда не будетъ хороша ни въ *Oracle*, ни въ *Grace*; Заира должна всегда носить на челѣ отпечатокъ всей нѣжной кротости своей души. Когда дѣвица Госсенъ играетъ въ этой пьесѣ, съ удивленіемъ спрашиваетъ себя: неужели это ей, тридцать лѣтъ назадъ, написалъ Вольтеръ свое нѣжное, трогательное посланіе, гдѣ сердце говоритъ лучше нежели умъ! То, что она теперь, заставляетъ забыть чѣмъ она была. Впрочемъ, она счастливѣе дѣвицы Дюмениль въ томъ отношеніи, что у ней нѣтъ соперницы, способной замѣнить ее. Защитники ея утверждаютъ, что матеріальная необезпеченность * ставитъ ее въ необходимость жертвовать своею славой довольству: или она очень нуждается, или слѣшкомъ мало заботится о своемъ имени.

„Только вы не старѣете, неподражаемая Данжевилъ! Каждый разъ, когда видишь васъ, вы являетесь такою свѣжею, такою новою, что, кажется, будто видишь васъ въ первый разъ. Природа щедро наградила васъ своими дарами, точно будто потому, что искусство во всемъ вамъ отказало, а между тѣмъ оно васъ также обогатило своими совершенствами, точно будто природа ничѣмъ васъ не надѣлила. Что за огонь

* Дѣвица Госсенъ имѣла въ свое время самыхъ блистательныхъ любовниковъ, но она всегда жертвовала интересомъ наслажденію. Когда ее упрекали въ крайней легкости, она отвѣчала: „Это доставляетъ имъ такое удовольствіе, а мнѣ стоитъ такъ мало.“

въ вашемъ разговорѣ! Что за выраженія въ нѣмой мимикѣ! Сколько комической силы въ малѣйшемъ изъ вашихъ жестовъ! Какое слѣпое заблужденіе распространило слухъ, что въ обществѣ вы не имѣете того ума, который искрится въ вашихъ глазахъ, блистаетъ на всей вашей физиономіи? * Еслибы желали олицетворить человѣческой умъ, ему нельзя было бы дать лучшаго облика, чѣмъ вамъ. Продолжайте быть утѣхой и удивленіемъ французской сцены. Мы желаемъ, чтобы по вашему образцу могли формироваться актрисы, достойныя замѣнить васъ. Такая надежда почти неосуществима. Чѣмъ больше выкажутъ онѣ остроумія, чтобы схватывать тонкость вашей игры, тѣмъ все больше и больше будутъ убѣждаться въ трудности достичь совершенствъ ея. Что касается до десяти остальныхъ актрисъ (изъ которыхъ четыре пансіонерки на испытаніи), составляющихъ женскую труппу Французской Комедіи, мы ихъ не выдвинемъ изъ толпы до тѣхъ поръ, пока онѣ не отличатся своими талантами. Однѣ изъ нихъ подаютъ надежды, другія обладаютъ наружностью уже теперь возбуждающею наше вниманіе.

Изъ пятнадцати актеровъ, числящихся во Французской Комедіи (изъ нихъ двое на испытаніи), хотя ни одинъ не ярокъ такъ по дарованію, какъ названныя нами четыре женщины, но у cadaго почти есть свое особое достоинство. Молодой Моле схватываетъ очень хорошо блестящій тонъ вертляваго маркиза. Высокопарность Полеа довольно идетъ къ нему, когда онъ играетъ роли тирановъ; въ добавокъ, онъ необыкновенно хорошъ въ крестьянскихъ роляхъ. Горячая, или патетическая декламация всегда прекрасно выходитъ у Дюбуа. Бонневаль замѣчательно играетъ дураковъ, а Данжевилъ — простаковъ. У Армана хорошо выходитъ дерзость и мошенничество лакеевъ старой комедіи; но его хватки, тонъ, лицо не годятся для тонкости и приличности новыхъ комическихъ лакеевъ. Актеры, отмеченные любовью публики: Грауваль, Белькуръ, Лекенъ, Превиль и Бризаръ.

„Грауваль и Белькуръ проходятъ одну и ту же карьеру въ двухъ разныхъ родахъ. У перваго больше важности, желчи, напыщенности; второй гораздо естественнѣе, непринужденнѣе, щеголеватѣе: роли, гдѣ нужны иронія, высокомеріе, презрительность, идутъ больше къ первому; тѣ же, гдѣ нужны

* Говорили, что дѣвица Данжевилъ глупа въ разговорѣ.

задушевность, наитіе, страсть, патетическое одушевленіе, пригоды второму. Гранваль гораздо больше созданъ для комедіи, гдѣ позволительно измѣнять, добавлять краски, налагаемыя авторомъ на извѣстное лицо. Белькуръ лучше въ трагедіи, гдѣ часто нужно приблизить къ естественности гигантскую роль, которую поэтъ слишкомъ уже отдалилъ отъ природы. Гранваль увѣреннѣе въ своей игрѣ, но мы надѣемся, что Белькуръ будетъ современемъ законченнѣе. Оба они весьма удачны въ своихъ любовныхъ похожденияхъ, и въ сношеніяхъ съ женщинами вырабатываютъ себѣ тотъ торжествующій и смѣлый видъ, который такъ идетъ театральнымъ героямъ.

„Стало-быть, Лекенъ прирожденный актеръ, если г. Вольтеръ указалъ на него, несмотря на его неблагодарный органъ и на неблагородную наружность. * Публика раздѣлилась въ сужденіяхъ объ этомъ актерѣ: одни признаютъ его великимъ, другіе—никуда негоднымъ. Въ его игрѣ дѣйствительно—большія красоты, рядомъ съ такими же недостатками. Красоты затмѣваютъ въ глазахъ его поклонниковъ все остальное, а недостатки дѣйствуютъ точно такимъ же образомъ на хулителей. Иной разъ онъ дѣлается неестественъ, стараясь слишкомъ объ искусствѣ, иногда же придаетъ ролямъ слишкомъ мало отдѣлки. Изумительная смѣсь величія и плоскости, высокаго одушевленія и надутости! Нужно или восхищаться имъ до нельзя, или совсѣмъ втоптать его въ грязь.

„Превиль удивительно хорошъ въ пантомимѣ: онъ актеръ до конца ногтей; малѣйшіе его жесты производятъ необычайное впечатлѣніе. Онъ шаржируетъ свои роли съ необыкновеннымъ умомъ; это театральныи шутъ. Онъ также неподражаемъ, какъ дѣвица Данжевилъ, но его амплуа менѣе обширно: фигура его не годится для нѣкоторыхъ ролей, гдѣ нужно играть съ достоинствомъ и до чего достигаетъ Данжевилъ когда хочетъ. Истинное наслажденіе—видѣть ихъ вмѣстѣ; они созданы для того, чтобы расправлять морщины на самыхъ суровыхъ лицахъ, тѣшить самыхъ тупыхъ зрителей, дѣлать доступнымъ остроуміе пошлымъ дуракамъ.

„Бризаръ—последній, о которомъ мы поговоримъ. Онъ

* Лекенъ былъ введенъ въ Комедію Вольтеромъ, послѣ того какъ онъ долго игралъ въ его различныхъ пьесахъ на домашнемъ театрѣ.

обладаетъ величественностью королей, возвышеннымъ тономъ первосвященниковъ, нѣжностью и строгостью отцовъ. Это очень крупный актеръ, соединяющій силу съ патетическимъ одушевленіемъ и жаръ съ чувствомъ; вообще онъ имѣетъ большой успѣхъ. Мы не знаемъ, чтобы кто-нибудь оспаривалъ его имя, и критика до сихъ поръ не могла уронить его игру.

„Приведенныя нами подробности показываютъ ясно, что театръ Французской Комедіи имѣетъ самыхъ лучшихъ актеровъ во всей Европѣ. Чтò бы ни говорили рецензенты, никогда не удивляющіеся настоящему, мы все-таки убѣждены, что современное театральное поколѣніе стоить стараго, что есть кому замѣнить Бароновъ и Монмеллей, и что древніе Россіи не отказались бы рукоплескать современнымъ Россіямъ.“

Мы нарочно сдѣлали эту длинную выписку, чтобы показать, что приемы рецензентовъ, писавшихъ сто лѣтъ тому назадъ, ничѣмъ не разнятся отъ современныхъ приемовъ. Тѣ же литературныя опредѣленія, тѣ же эпитеты. Скажемъ больше: мало найдется въ современныхъ газетныхъ статьяхъ о театрѣ такихъ бойкихъ и типичныхъ характеристикъ, какъ это обзорнѣе труппы Французской Комедіи.

VII.

Намъ остается только выслушать Лессинга объ обязанностяхъ драматическаго судьи, на сколько онъ высказался объ этомъ предметѣ въ предисловіи къ *Гамбургской Драматургіи*.

Разчитывая первоначально придавать своимъ статьямъ двойной характеръ, Лессингъ счелъ нужнымъ заявить свои мнѣнія и въ ту и въ другую сторону, то-есть и въ отношеніи репертуара, и въ смыслѣ игры актеровъ.

Въ предисловіи Лессингъ обѣщалъ говорить объ игрѣ актеровъ столько же, сколько и о самыхъ пьесахъ.

„*Драматургія*, говоритъ онъ, должна быть критическимъ реестромъ всѣхъ игравшихся пьесъ; она должна сопровождать каждый шагъ, сдѣланный какъ творчествомъ автора, такъ и искусствомъ актера.... Тонкость драматическаго судьи выкажется въ томъ, когда онъ въ состояніи безошибочно распознать каждый разъ на сколько участвуетъ авторъ или ак-

теръ въ удовольствіи или неудовольствіи публики. Осуждать одного за то, въ чемъ провинился другой—значитъ портить обоихъ. У одного отнимешь охоту, а другому придашь самонадѣянность.

„Особенно актеру нужно требовать, чтобы соблюдались большая строгость и безпристрастіе. Авторъ можетъ всегда оправдаться: его произведеніе не пропадетъ и слова можетъ быть дано. *Но искусство актера скоропреходяще въ своихъ созданіяхъ.* И хорошее, и дурное быстро проскользаютъ. И нерѣдко случайное настроеніе духа зрителя гораздо болѣе, чѣмъ самъ актеръ, причиной того, почему зрителю понравилась или нѣтъ его игра.

„Прекрасная фигура, чарующее лицо, выразительные глаза, пріятная походка, симпатичный тонъ, мелодическій голосъ—все это вещи, которыя трудно выразить словами. Но они нисколько не единственныя и не высшія совершенства актера. Цѣнные дары природы весьма необходимые для его призванія, но далеко не выполняющіе этого призванія! *Актеръ вездѣ долженъ думать влѣсть съ авторомъ;* онъ долженъ тамъ, гдѣ авторъ создалъ что-нибудь человѣческое, думать за него.“

Эти мнѣнія и въ настоящее время могутъ служить здоровою точкой зрѣнія въ дѣлѣ драматургической критики.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще выписку, не относящуюся уже прямо къ теоріи драматическаго искусства, но характеризующую положеніе Лессинга, какъ человѣка прикосновеннаго къ театральному міру. Примѣръ Лессинга весьма поучителенъ. Вотъ человѣкъ стоявшій неизмѣримо выше своихъ соотечественниковъ по вопросамъ искусства. Была въ немъ горячая, неистощимая любовь къ драмѣ и театру. Онъ, подобно Дидро (которому отдавалъ дань высокаго уваженія), не только много думалъ о драмѣ, искалъ для нея теоретически новыхъ путей, но и силлся проводить свои воззрѣнія въ жизнь съ искренностью и энергіей глубоко убѣжденнаго дѣятеля. Умною, добросовѣстною работою создалъ онъ нѣсколько крупныхъ драматическихъ произведеній, до сихъ поръ еще не сошедшихъ съ классическаго репертуара нѣмецкихъ театровъ. И что же? Этотъ человѣкъ бился всегда какъ рыба объ ледъ; въ его распоряженіи никогда не было театра, гдѣ бы онъ могъ вполне достигать своихъ драматургическихъ цѣлей. Область искусства, любя-

мая имъ горячо, такъ и осталась для него мачихой и, кромѣ дразгъ и всякаго рода мытарствъ, не дала почти ничего. А въ то же время разные чиновные принципалы, управлявшіе придворными выписными сценами, балетами и операми, нелѣпнымъ образомъ тратили выжатые изъ народа деньги, въ угожденіе разнымъ нѣмецкимъ дворамъ, изъ кожи лѣзшимъ въ глупомъ и разорительномъ подражаніи празднествамъ Версаля и Трианона.

„Когда, годъ тому назадъ, пишетъ Лессингъ, — нѣсколько юбрыхъ людей задумали сдѣлать опытъ: нельзя ли повести нѣмецкій театръ немного лучше, чѣмъ подъ управленіемъ такъ-называемаго принципала (антрепренёра), то не знаю почему обратились ко мнѣ и возмечтали, что я могу быть полезенъ въ такомъ предпріятіи. Я стоялъ тогда на рынкѣ безъ дѣла, никто не хотѣлъ нанять меня, вѣрно оттого, что никто не умѣлъ употребить меня съ толкомъ, вплоть до самаго появленія моихъ друзей! Я въ моей жизни относился ко всѣмъ занятіямъ очень равнодушно: никогда я ни объ одномъ изъ нихъ не хлопоталъ и не вызывался; но никакого ваиничтожнѣйшаго дѣла я не отвергалъ, если чувствовалъ къ нему хоть малѣйшее влеченіе.

„Желалъ ли я конкуррировать на управленіе здѣшняго театра? На это отвѣчать было не трудно при моей готовности взять всякое подходящее дѣло. Недоумѣніе заключалось только въ томъ, могу ли я и какъ мнѣ за это взяться наилучшимъ образомъ.

„Я не актеръ и не поэтъ.

„Иногда мнѣ приписываютъ честь этого послѣдняго званія, но это потому, что не понимаютъ меня. По нѣсколькимъ драматическимъ опытамъ, которые я написалъ, не должно было бы выводить такое щедрое заключеніе. Не всакій тотъ живописецъ, кто держитъ кисть въ рукѣ и растираетъ краски. Первые мои опыты написаны въ тѣ года, когда охоту и легкость пера принимаютъ тотчасъ же за гевій. Чтò есть сноснаго въ моихъ новѣйшихъ произведеніяхъ, этимъ я обязанъ духу критики. Я не чувствую въ себѣ живописной струи, вырабатывающейся собственною силой въ богатыхъ, свѣжій, ясныхъ черты таланта; я долженъ все изъ себя выдавить стараніемъ и работой. Я былъ бы такъ бѣденъ, такъ холоденъ, такъ близорукъ, еслибъ не научился сохранять чужія сокровища, грѣться у чужаго огня и укрѣплять

мое зрѣніе искусственными стеклами.... Критика будто бы задушаетъ гений: а я всегда льстил себя тѣмъ, что получилъ отъ нея вѣчто очень близко подходящее къ гению.... Когда я пишу съ ея помощью, и вещь выходитъ лучше, чѣмъ то, что могъ бы сдѣлать безъ критики; мнѣ всегда это стѣдуетъ столько времени, я долженъ быть такъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было занятій и произвольныхъ разсѣваній, я долженъ такъ сосредоточить всю мою начитанность и на каждомъ шагѣ такъ спокойно обдумывать всѣ тѣ замѣчанія, какія я когда-либо дѣлалъ о нравахъ и страстяхъ, что нѣтъ человѣка менѣе меня способнаго быть дѣятелемъ, поддерживающимъ театръ все новыми произведеніями.“

Какъ это добродушно, и вмѣстѣ умно и серьезно! Не знаемъ, много ли найдется писателей нашей эпохи способныхъ говорить съ такою простотою и объективною о своихъ творческихъ дарованіяхъ и общественной роли. Не худо бы многимъ рецензентамъ, цитирующимъ Лессинга, почаще перечитывать эти строки знаменитаго критика, труды котораго до сихъ поръ представляютъ образецъ этюдовъ, гдѣ никогда форма не преобладаетъ надъ идеей, гдѣ скудоуміе никогда не драпируется въ пустую и болтливую діалектику.

ПЕТРЪ БАВАРЫКИНЪ.

ФИНАНСЫ АВСТРИИ

ВЪ ЭПОХУ МИНИСТЕРСТВА ФОНЪ-ШМЕРЛИНГА*

IV.

Въ самомъ началѣ третьей сессіи имперской думы, а именно въ третье же засѣданіе, 17-го ноября 1864 г., министръ финансовъ фонъ-Пленеръ внесъ въ палату представителей, какъ бюджетъ на предстоящій 1865 годъ, такъ и финансовый отчетъ за 1862 годъ. Отчетъ этотъ представлялъ дѣйствительное исполненіе бюджетныхъ на тотъ годъ предположеній въ весьма благопріятномъ свѣтѣ. Изъ него оказывалось, что на 1862 годъ государственные расходы были опредѣлены, по общему и дополнительному бюджетамъ, въ 392.860.000 фл., ** въ дѣйствительности же издержано было 394.612.000, то-есть передержка равнялась всего 1.752.000 фл. Если же принять въ соображеніе, что главная передержка, а именно 5.706.000 фл. произошла по случаю востребованія процентовъ по займамъ за прежніе годы, остававшихся не выплаченными, то въ окончательномъ выводѣ, собственно по оборотамъ 1862 года, оказывалось даже сбереженіе въ 3.954.000 фл. Относительно доходовъ результаты были еще благопріятнѣе: доходы были исчислены по бюджету 1862 г. въ 294.650.000 фл., а въ дѣйствительности дали 319.650.000 фл.

* Окончаніе. См. № 5 *Русскаго Вѣстника*.

** Не считая части расходовъ по военному вѣдомству, покрытой собственными доходами того министерства.

Вслѣдствіе столь блестящаго исхода финансоваго года, бюджетный дефицитъ, равнявшійся вмѣстѣ съ дополнительными кредитами 97.726.000 фл., могъ быть уменьшенъ на 22.860.000 фл., то-есть понизился до 74.866.000 фл. Что касается до способовъ покрытія этой суммы, то на сей конецъ было приступлено къ реализаціи втораго выпуска займа 1860 года, къ увеличенію текущаго долга новымъ выпускомъ гипотечныхъ обязательствъ, и къ продажѣ и отдачѣ въ залогъ еще непроданныхъ обязательствъ англійскаго займа 1859 года. Операциі эти доставили 64.942.000 фл. и за тѣмъ осталая часть дефицита покрыта была кассовыми излишками. Внесенный въ палату проектъ бюджета на 1865 годъ представлялъ финансовое положеніе государства въ слѣдующемъ видѣ: государственные расходы исчислены были въ 548.705.412 фл., а доходы въ 518.227.816 фл. и слѣдовательно дефицитъ предполагался въ 30.477.596 фл. При этомъ Пленеръ указывалъ на то, что противъ утвержденного палатами годоваго бюджета на 1864 годъ, бюджетныя исчисленія на наступавшій годъ показывали увеличеніе по расходамъ на 28 милл. фл. (а именно, расходы на 12 мѣсяцевъ, по бюджету 1864 года, были опредѣлены въ 520.754.348 фл.) и по доходамъ на 29.774.000 фл. Затѣмъ, въ дефицитѣ 1865 года, сравнительно съ таковымъ же по бюджету за 12-мѣсячный періодъ 1864 года, оказывалось уменьшеніе на 2 милл. фл., а противъ бюджетнаго дефицита за всѣ 14 мѣсяцевъ истекавшаго финансоваго періода на 15 милл. фл. Еще благоприятнѣе, по мнѣнію Пленера, были результаты начинавшагося года при сравненіи ихъ съ итогами дѣйствительно произведенныхъ расходовъ за 1864 годъ, такъ какъ въ этомъ году, какъ было изложено въ предыдущей статьѣ, правительству пришлось занять для покрытія дефицита не 45 милл., предположенныхъ по бюджету, а 109 милл. фл. Хотя и на 1865 годъ, какъ видно будетъ ниже, дѣйствительный дефицитъ на значительную сумму превышалъ недостатокъ выведенный въ бюджетѣ, но во всякомъ случаѣ дефицитъ этотъ оправдывался тѣмъ, что на сей годъ падала бѣлая, въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ, сумма капитальныхъ уплатъ по государственнымъ долгамъ, въ особенности же по погашенію долговъ національному банку, а именно: сумма назначенная въ 1865 году на погашеніе государственныхъ долговъ равнялась 60.081.000 фл., изъ коихъ одинъ банкъ поглощалъ 39.000.000 фл.

Наконецъ, вмѣстѣ съ представленіемъ бюджета, министръ финансовъ вошелъ въ палату съ новымъ проектомъ совершенной реорганизаціи податной системы. Реформа эта касалась какъ поземельной подати, такъ равно и подати съ промысловъ и домового налога; кромѣ того, предполагалось ввести особую подоходную классицированную подать.

Бюджетъ былъ переданъ особому выбранному палатой комитету, который лишь 27-го марта 1865 г., — слѣдовательно четыре мѣсяца спустя послѣ внесенія бюджета — представилъ свой докладъ. Между тѣмъ уже во время преній по поводу адреса, а также при разборѣ отчета комиссіи государственныхъ долговъ палата неоднократно порицала финансовую политику министерства и подвергла ожесточенной и злой критикѣ его дѣйствія; потому и нельзя было ожидать, чтобы въ разборѣ новаго бюджета она оказалась снисходительнѣе. Докладчикъ комитета, выбраннаго палатой для предварительнаго разсмотрѣнія бюджета, прежде всего обратилъ вниманіе ея на то, что дефицитъ, выведенный по бюджету, показанъ былъ въ цифрахъ значительно меньшихъ дѣйствительной его величины. По бюджету и нѣкоторымъ, доставленнымъ отъ правительства, дополнительнымъ свѣдѣніямъ, дефицитъ показанъ былъ въ 30.384.983 флор., но въ итогъ исчисленныхъ по бюджету доходовъ включено было 47.789.020 флор. отъ продажи государственныхъ имуществъ, зданій и заводовъ, платежей по долгамъ частныхъ лицъ казнѣ и отъ продажи остальныхъ, еще непроданныхъ, облигацій англійскаго займа 1859 года. Всѣ эти поступления, частью уменьшавшія народный государственный капиталъ, а частью составлявшія новую для казны тягость, слѣдовало, конечно, считать чрезвычайными ресурсами, служащими къ покрытію дефицита, а не текущими государственнымъ доходами. Основываясь на этихъ выводахъ, докладчикъ палаты исчислялъ дефицитъ 1865 года не въ 30 милл., а въ 78.174.003 флор. Слѣдуя разчетамъ, докладчикъ доказывалъ, наконецъ, что если вычесть изъ показанныхъ въ бюджетѣ 1865 г. доходовъ ту часть изъ нихъ (47.789.020 флор.), которая получается черезъ уменьшеніе государственнаго имущества, то въ результатъ окажется, что обыкновенные доходы въ 1865 году не только не превосходятъ доходовъ предшествовавшаго года, какъ утверждалъ министръ финансовъ при представленіи бюджета, но

показываютъ на 3 милл. уменьшенія. Обращаясь, за тѣмъ, къ финансовымъ результатамъ истекшихъ годовъ, докладчикъ комитета указывалъ на то, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1861 года капитальная сумма австрійскаго государственнаго долга, согласно отчету комиссіи погашенія долговъ, равнялась 2.405.693.819 флор.; въ концѣ же 1864 года она доходила до 2.638.956.836 флор., и что сѣдовательно долгъ государственный увеличился съ небольшимъ въ три года на 233.263.017 флор., тогда какъ въ тѣ же три года погашено государственныхъ долговъ на сумму 94.048.200 флор. Но сверхъ того, замѣчалъ докладчикъ, въ тотъ же промежутокъ времени было продано и назначено къ продажѣ государственныхъ имуществъ на сумму 26.149.448 флор., прямыя же и косвенныя налоги увеличены на 26.851.210 флор.

„При такомъ положеніи дѣлъ совершенно оправдываются,“ говорилъ докладчикъ, „какъ постановленіе финансоваго комитета палаты за прошедшую сессію, въ которомъ указывается на серіозность *финансоваго положенія*, такъ и заключеніе комиссіи погашенія долговъ, по которому комиссія сія въ послѣднемъ своемъ отчетѣ *пригласила* правительство: *подвергнуть серіозному разсмотрѣнію постоянно ухудшающееся положеніе финансовъ и государственнаго кредита и неотложно возстановить необходимо равновѣсіе въ государственныхъ доходахъ и расходахъ; и наконецъ* выраженное въ адресѣ имперской думы убѣжденіе, что: *постоянное пользованіе общественнымъ кредитомъ, не исключая жриныхъ годовъ, должно неизбѣжно повести къ тяжкимъ затрудненіямъ и можетъ привести государство къ неизлечимому кризису.*“

Указанныя нами соображенія привели комитетъ палаты къ тому заключенію, что продолженіе той же политики на будущее время невозможно; что улучшеніе кредита немыслимо безъ энергическаго стремленія къ сокращенію государственныхъ расходовъ и достиженію ихъ равновѣсія съ государственными доходами. Увеличивать налоги уже по тому представлялось дѣломъ невозможнымъ, что по мѣрѣ возвышенія въ послѣдніе годы прямыхъ податей умножалось въ возрастающей прогрессіи и количество ежегодныхъ недоимокъ. Такъ въ 1862 году оставалось въ недоимкѣ прямыхъ податей 14½ милл. фл., въ 1863 году недоимки эти возрасли до 20½ милл. фл., а въ 1864 году до 26½ милл. фл. или, другими словами,

ведомки возрасли съ 12% суммы подлежащихъ взысканіи податей до 19%. „Въ виду сихъ обстоятельствъ, комитетъ палаты призналъ не только полезнымъ, но неизбѣжнымъ“, продолжалъ докладчикъ, „отвергнуть всѣ тѣ расходы, которые палата не признаетъ неотложно необходимыми. Государство, въ которомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду уплата процентовъ и погашенія по его долгамъ полагается до половины чистаго его дохода и для котораго пользованіе кредитомъ сдѣлалось невозможнымъ безъ самыхъ чувствительныхъ пожертвованій, — такое государство должно обратить всѣ свои усилія къ приведенію въ порядокъ и въ нормальное состояніе своихъ финансовъ; оно въ особенности должно ограничить всѣ непроизводительные расходы возможно меньшими суммами и употреблять свои средства на развитіе своихъ производительныхъ силъ и промысловъ, на увеличеніе народнаго благосостоянія и на возвышеніе податной силы народа.“

Таковы были основанія, побудившія комитетъ принять твердое рѣшеніе, что на 1865 годъ должна быть устранена по крайней мѣрѣ часть дефицита, происходящая отъ неравновѣсія обыкновенныхъ расходовъ государства съ обыкновенными же его доходами. Эту часть дефицита комитетъ опредѣлялъ въ 25 милл. флорин. Онъ вступилъ въ переговоры съ министерствомъ, пригласивъ его составить свои предположенія по общему сокращенію бюджета. Въ отвѣтъ на это министерство внесло въ комитетъ особое предложеніе, въ которомъ изъясняло, что соглашается допустить въ бюджетъ валовое сокращеніе въ размѣрѣ 20.100.000 фл., но съ тѣмъ, во первыхъ, условіемъ, чтобы палата предоставила министрамъ право передвиженія кредитовъ изъ одного смѣтнаго подраздѣленія въ другое, въ предѣлахъ смѣты каждаго министерства, и во вторыхъ, чтобы бюджетъ на 1866 годъ былъ рассмотрѣнъ палатами немедленно по его представленіи, то-есть въ ту же сессію. Соглашенія между комитетомъ палаты и министерствомъ не послѣдовало, и первый занялся подробнымъ рассмотрѣніемъ каждой смѣтной статьи въ отдѣльности. Результатомъ этого рассмотрѣнія было то, что комитетъ нашелъ возможнымъ повзвистить государственные расходы до суммы 521.849.455, а доходы, за различными въ нихъ измѣненіями, исчислить въ 514.905.453 фл., вслѣдствіе чего дефицитъ съ 30 милл. фл.

повыжался до 6.944.002 фл. Дабы облегчить правительству приведеніе въ исполненіе указанныхъ сокращеній по государственнымъ расходамъ, комитетъ предлагалъ палатѣ значительно уменьшить въ бюджетѣ на 1865 годъ противъ предшествовавшихъ годовъ число главныхъ и второстепенныхъ смѣтныхъ подраздѣленій, дабы тѣмъ самымъ расширить права министерства по передвиженію кредитовъ; относительно же тѣхъ главъ бюджета, гдѣ уменьшеніе числа подраздѣленій не оказывалось удобнымъ, предполагалось оговорить право министерства дѣлать передвиженія въ предѣлахъ главы, не обращая вниманія на отдѣлы и параграфы.

Изъ сопоставленія предложеній министерства и комитета палаты видно, что разница между сокращеніями, которыя предлагало само правительство, и тѣми, на которыя указывалъ комитетъ палаты, не превосходила 4 милліоновъ фл. При такомъ положеніи дѣла, палатѣ представлялись два пути: она должна была или согласиться съ комитетомъ и начать по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ провѣрку въ самой палатѣ всего бюджета или, согласившись на новый предлагаемый правительствомъ способъ установленія бюджетныхъ смѣтъ, принять валовое сокращеніе безъ рассмотрѣнія бюджета по параграфамъ и за тѣмъ, для окончательной уставки его, выбрать новый комитетъ.

Предложеніе министерства было на столько уступчиво и такъ ясно свидѣтельствовало о его серіозномъ желаніи привести финансы въ лучшее состояніе, что во всякомъ случаѣ заслуживало внимательнаго обсужденія. Нѣкоторые изъ ораторовъ, указывали въ продолженіе возникшихъ въ палатѣ по этому поводу преній на тѣ весьма важныя преимущества и выгоды политическаго свойства, которыя предвидѣлись въ случаѣ принятія палатой предложеній министерства. Ораторы эти приводили, между прочимъ, и то, что при такомъ образѣ дѣйствій палата выиграла бы чрезвычайно много времени для рассмотрѣнія цѣлаго ряда мѣръ и проектовъ, которые уже въ теченіе третьей сессіи откладывались съ года на годъ; таковы были: вопросъ о преобразованіи податной системы, новый проектъ судопроизводства и законъ о конкурсномъ порядкѣ, реформа въ системѣ народнаго просвѣщенія, реформа тарифа и многія другія работы. Жертвуя ежегодно отъ трехъ до пяти мѣсяцевъ на рассмотрѣніе бюджета, дума принуждена была постоянно откладывать эти

работы первой важности. „Мы подвергаемъ терпѣніе нашихъ довѣрителей,“ говорилъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ ораторовъ министерской партіи, „жестокому испытанію; не для одного лишь ежегоднаго установленія податей прислали они насъ сюда. Вотъ уже 4-й бюджетъ, надъ которымъ трудится представительное собраніе. Финансовый комитетъ палаты по цѣлымъ мѣсяцамъ занимался мелочными сокращеніями и подвергалъ вопросу необходимость каждаго изъ органовъ государственной администраціи, каждаго хотя бы и самаго незначительнаго расхода, и однакоже результатомъ этой работы былъ ежегодный дефицитъ, простиравшійся до многихъ милліоновъ. „Послѣ пятнадцатого опыта,“ продолжалъ тотъ же ораторъ, „ежегодная текущая потребность государственнаго хозяйства должна уже быть извѣстна, а потому пора бросить это поглащающее время *копьеичное хозяйство* (Kreuzerwirtschaft) и войти съ правительствомъ въ соглашеніе относительно валоваго сокращенія бюджетовъ 1865 и 1866 годовъ, даровавъ ему болѣе свободныя передвиженія кредитовъ.“ „Какую пользу принесетъ намъ“, говорилъ другой ораторъ, „что мы сегодня сократимъ нѣсколько предположенныхъ построекъ и ремонтныхъ работъ на $\frac{1}{2}$ милліона, когда уже теперь можно предвидѣть, что эти самыя работы, постройки и исправленія въ послѣдствіи будутъ стоить цѣлый милліонъ? Мечтательною оказывается также и та экономія, которая достигается, переваливая на общины и провинціи тяжести извѣстныхъ расходовъ, лежащей на государствѣ; государственная казна при этомъ, конечно, облегчается, но за то для плательщиковъ податная тяжесть обыкновенно еще увеличивается, вслѣдствіе несоразмѣрнаго возрастанія общинныхъ и провинціальнаго бюджетовъ. Если министры стоящіе у кормила правленія объявляютъ, что, при извѣстной мѣрѣ сокращеній, они не имѣютъ возможности управлять страной, то мы должны положить предѣлъ нашему стремленію къ сбереженіямъ.“ При этомъ ораторъ указывалъ на опасность, могущую возникнуть въ томъ случаѣ, если палата согласится съ мнѣніемъ комитета и не вступить въ соглашеніе съ министерствомъ относительно раздѣляющихъ ихъ 4 милліоновъ фл. Послѣдствіемъ такого рѣшенія, говорилъ ораторъ, „явятся кризисъ и столкновенія между правительствомъ и законодательнымъ собраніемъ, которые неизвѣстно еще чѣмъ могутъ кончиться.“ Таковы

были доводы партіи, желавшей остаться на почвѣ соглашенія съ министерствомъ.

Оппозиціонные ораторы настаивали, напротивъ того, на томъ, чтобы палата приняла мнѣніе комитета. Съ цѣлю согласить на это палату, они выставляли двоякаго рода аргументы. Съ одной стороны, представляли необходимость во что бы то ни стало сокращать бюджетъ, въ виду крайне затруднительнаго положенія государственной казны, совершенной невозможности заключать дальнѣйшіе займы и крайне бѣдственнаго положенія страны и плательщиковъ. Ораторы эти указывали на возрастающую прогрессию недоимокъ въ прямыхъ податяхъ. Относительно косвенныхъ налоговъ они приводили, что вмѣсто постоянного возрастанія идущаго рядомъ съ увеличеніемъ населенія, оказывается постепенное уменьшеніе ихъ: таково движеніе доходовъ съ табаку, таможенныхъ пошлинъ, консумціоннаго сбора, солянаго дохода и т. д. Сравнивая населеніе Австріи съ *тѣломя*, *лишенными крови*, члены палаты указывали на видимый упадокъ торговли, промышленности и земледѣлія и на недостатокъ въ поземельномъ и личномъ кредитѣ, какъ на важнѣйшіе признаки всеобщаго истощенія отъ высоты налоговъ и отсутствія мѣръ къ оживленію производительныхъ силъ страны. „Пойдите по улицѣ большихъ городовъ“, восклицалъ одинъ изъ ораторовъ этой партіи,—„пойдите по деревнямъ, по отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ, пойдите въ большія промышленныя заведенія и въ уединенную лѣсную кузницу, ступайте куда хотите, вездѣ васъ встрѣтитъ вопль нищеты—нищеты безнадежной.“ Трудно себѣ представить то положеніе отчаянія, въ которомъ оппозиціонные ораторы изображали Австрійскую имперію, и если хоть отчасти дать имъ вѣру, то невольно охватываетъ ужасъ при мысли до какого бѣдствія могли быть доведены австрійскіе народы правительствомъ, которое, вмѣсто того чтобы энергически приступить къ реформѣ налоговъ неравномѣрно падающихъ на разные классы и части государства, постоянно возвышало налоги новыми и новыми прибавками, дѣлавшими еще болѣе чувствительною ихъ неравномѣрность. Другой родъ аргументовъ выставленныхъ въ пользу предложеній комитета былъ чисто политическаго свойства. Въ случаѣ уступки министерству, члены оппозиціи боялись за цѣлость конституціонныхъ правъ палаты; они полагали, что если палата приметъ пред-

лагаемое министерствомъ условіе немедленнаго разсмотрѣнія бюджета за 1866 годъ, то представительное собраніе вслѣдъ за утвержденіемъ его будетъ распущено и не будетъ уже созвано до осени 1866 года. Члены палаты придерживавшіеся оппозиціонныхъ мыслей думали оградить цѣлость конституціи, отказавъ правительству въ одновременномъ разсмотрѣніи двухъ бюджетовъ. Съ другой стороны, правительство упрекали, и можетъ-быть справедливо, въ томъ, что предложенныя имъ реформы не приносили съ собой существенныхъ измѣненій въ прежнему бюрократическомъ направленіи администраціи, направленіи, которое выражалось въ многописаніи и вмѣшательствѣ административной власти въ завѣдываніе всѣми чисто мѣстными дѣлами и интересами. Правительство, говорили въ палатѣ, предлагало лишь измѣненія въ названіяхъ и содержаніи низшихъ инстанцій и не предлагало ни упрощенія высшихъ и среднихъ административныхъ мѣстъ и учрежденій, ни измѣненія самого законодательства. *Дѣйствительнаго улучшенія, а главное, удешевленія внутренняго управленія страной совершено не было и не было даже проектировано.* При такихъ обстоятельствахъ, говорили эти ораторы, нельзя ожидать существенныхъ сокращеній въ бюджетѣ на будущее время и, слѣдовательно, не должно пренебрегать и самымъ малѣйшимъ сокращеніемъ въ настоящемъ. Наконецъ, какъ и прежде, выставлялась на видъ чрезмѣрность предположенныхъ правительствомъ издержекъ на военное и морское министерства.

Политическая сторона дѣла и вопросъ о большей или меньшей необходимости въ предположенныхъ расходахъ на армию и флотъ были главными предметами происшедшаго разногласія между комитетомъ палаты и правительствомъ. На это указываютъ самыя цифры предположенныхъ обѣими сторонами бюджетныхъ сокращеній: если разобрать въ отдѣльности по какимъ собственно статьямъ произошла разница между предположеніями министерства и комитета, то увидимъ, что по отношенію къ расходамъ на совѣтъ министровъ, на имперскую думу, на министерство иностранныхъ дѣлъ, на народное просвѣщеніе, на центральное управленіе министерства финансовъ, на министерство торговли и на министерство юстиціи, предположенія комитета даже превосходили требованія министерства на 1.596.291 фл. Напротивъ, сбереженія, предложенныя комитетомъ, были больше сокра-

щеній министерства: по государственному министерству, а именно, по кредитамъ на внутреннее управленіе, по венгерской, семиградской, крото-славонской канцеляріямъ, по пенсіонному фонду, по министерству полиціи и по контрольнымъ и кассовымъ учрежденіямъ, всего не болѣе какъ на сумму 1.216.868 фл. Сверхъ того, сокращенія проектированныя комитетомъ касались пособій промышленнымъ предпріятіямъ и погашенія государственнаго долга, всего на 1.570.414 фл. Гораздо значительнѣе была разность между предположеніями обѣихъ сторонъ въ расходахъ на министерства военное и морское: комитетъ требовалъ сокращенія по этимъ двумъ частямъ на 15 милл. фл., министерство же считало послѣднимъ предѣломъ сокращеній 11 милл. фл. Министерство выходило въ своихъ доводахъ изъ принципа необходимости сохранить армию въ такомъ положеніи, чтобъ она могла быть во всякое время приведена на военную ногу. Противъ этого оппозиціонные ораторы возражали, что если даже допустить, что при болѣе большихъ сокращеніяхъ пострадаетъ боевая, такъ-сказать, готовность арміи, то представителю собранію остается только выбирать между двумя бѣдствіями: между тѣмъ меньшею боевою готовностью арміи, которой страшится правительство, и совершеннымъ истощеніемъ страны. „При такомъ положеніи дѣлъ,“ продолжали тѣ же ораторы, „мы конечно должны выбрать меньшее зло, ибо если мы не будемъ имѣть денегъ, если наши финансы будутъ разорены, то уже вслѣдствіе того настанетъ конецъ боевой готовности нашего войска; лучше же имѣть меньшую готовность чѣмъ никакой. Чтобы вести успѣшную и хотя бы нѣсколько продолжительную войну нужно, прежде всего, имѣть финансы въ порядкѣ.“

Большинство палаты оказалось на сторонѣ комитета, и рѣшено было начать подробное разсмотрѣніе бюджета. Никогда еще палата не разсматривала бюджетъ съ такою подробностію какъ въ эту сессію: каждый ничтожный расходъ, каждая доходная статья были подвергаемы всестороннему обсужденію. Финансовый годъ уже переходилъ за первую треть, когда бюджетныя пренія были далеко еще не окончены.

Особенно подробному обсужденію подвергалось финансовое управленіе и, въ связи съ нимъ, весь доходный бюджетъ. Во всѣхъ почти косвенныхъ налогахъ оказывался, по отчету

за 1864 г., столь значительный недоборъ, что исчисления на 1865 годъ пришлось значительно понизить. Такъ палата понизила цифру предполагаемаго дохода отъ налога на спиртъ на $1\frac{1}{2}$ милл., имѣя въ виду, что въ 1864 году okazaлся недоборъ противъ смѣтныхъ того года исчислений на $3\frac{1}{2}$ милл. фл., а противъ дѣйствительнаго поступленія за 1863 годъ на $1\frac{1}{2}$ милліона слишкомъ. Причина столь значительнаго недобора заключалась, какъ выяснилось изъ собранныхъ данныхъ, въ слишкомъ большомъ возвышеніи нормы выходовъ вина и слишкомъ значительномъ увеличеніи налога, вслѣдствіе чего многіе заводы должны были или уменьшитъ, или совершенно закрыть свое производство. Доходъ отъ таможенныхъ пошливъ оказался нужнымъ также понизить слишкомъ на 1 милл. фл.; равнымъ образомъ и въ доходѣ отъ табаку предвидѣлось уменьшеніе на 1 милл. фл., а чистый доходъ съ соли на 1865 годъ исчисленъ былъ на $1\frac{1}{2}$ милл. ниже чѣмъ въ 1864 г. Особенное вниманіе палата обратила на государственныя имѣнія (фермы). Они находились отчасти въ завѣдываніи казны, а отчасти въ распоряженіи національнаго банка, и, въ совокупности, при валовомъ доходѣ доходившемъ до 5 милл. фл., давали чистаго дохода не болѣе 2 милл. фл. Самыя доходныя изъ нихъ были тѣ, которыя находились въ управленіи банка; завѣдываемыя же казной давали чистый доходъ не превышавшій 25% валоваго. Въ доказательство того, какъ ничтоженъ былъ доходъ получаемый съ казенныхъ имѣній въ сравненіи съ капитальною ихъ стоимостью, докладчикъ палаты привелъ примѣръ состоявшейся не задолго передъ тѣмъ продажи части казенныхъ имѣній. За имѣнія эти выручено было до 7.410.500 фл., тогда какъ ежегодный приносимый ими чистый доходъ равнялся всего 251 т. фл., то-есть составлялъ около $\frac{3}{10}$ процента съ капитальной суммы. Въ виду этихъ данныхъ и принимая во вниманіе высоту процентовъ, уплачиваемыхъ государствомъ по заключаемымъ имъ займамъ, палата возобновила прежнія свои настоянія о скорѣйшей распродажѣ государственныхъ имѣній. Еще меньшій доходъ доставляли казенныя лѣса. При валовомъ доходѣ почти въ 11 милліоновъ флоринговъ, чистый съ нихъ доходъ былъ исчисленъ едва въ $\frac{2}{10}$ милл. фл., и слѣдовательно не превышалъ 20% валоваго. Обратившись за тѣмъ къ казенной горно-заводской промышленности, палата, изъ данныхъ за предшествовавшіе годы, извлекла слѣдующій

весьма замѣчательный выводъ. По средней сложности за 1860—1862 годы оказалось, что *чистый доходъ* съ горнозаводскаго дѣла не превосходилъ 879.709 фл., и только присоединивъ къ этой суммѣ выгоду, получавшуюся на благородныхъ металлахъ отъ даже по случаю низкаго курса ассигнационныхъ денегъ, образовался итогъ 883.827 фл. приняты за чистый доходъ отъ горнаго дѣла. Даже при столь значительной натяжкѣ, сумма эта составляла не совсѣмъ 4% съ затраченнаго на это дѣло капитала, простиравшагося по исчисленіямъ палаты до 32 милл. фл. Что касается собственно 1865 года, то суммы, исчисленныя по бюджету сего года, показывали значительное (скажемъ на 4 милл. фл.) уменьшеніе валоваго дохода съ горнаго дѣла противъ предшествовавшаго года, чему причиной былъ всеобщій въ Австріи промышленный застой. Поэтому и здѣсь палата настаивала на продажѣ въ частныя руки горныхъ рудниковъ и заводовъ. Въ общемъ итогъ государственныхъ имѣній, лѣса и заводы давали до 45.974.782 фл. валоваго дохода, а издержки взиманія и эксплуатаціи по этимъ статьямъ простирались въ бюджетѣ 1865 года до 40.693.160 фл., такъ что чистый доходъ съ нихъ едва достигалъ 5 милл. фл. Капитализируя указанный валовой доходъ изъ 5% получимъ капиталъ въ 920 милл. фл.; сумма эта опредѣляла стоимость всей совокупности государственныхъ имуществъ Австріи. Откидывая затѣмъ изъ сей послѣдней суммы до двухъ третей на издержки управленія и эксплуатаціи останется до 300 милл. фл., доходъ съ которыхъ можно оцѣнить по крайней мѣрѣ въ 15 милл. фл. Такимъ образомъ, *сохраненіемъ упомянутыхъ имуществъ въ рукахъ своихъ казна ежегодно теряла до 10 милл. фл., кромѣ тѣхъ податей, которыя имуществва эти могли уплачивать въ случаѣ перехода ихъ въ частныя руки.*

Еще съ большею подробностію палата занялась разборомъ расходнаго государственнаго бюджета. Она не только вошла въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ статей расходныхъ смѣтъ министерствъ, но и подробно обсуждала причины общаго возвышенія или пониженія кредитовъ, сравнительно съ предшествовавшими годами, а также измѣненія, предпринимаемыя въ распредѣленіи ассигнуемыхъ суммъ по предметамъ расходовъ, и подвергла строгому разбору всю систему государственнаго управленія въ Австріи. Ни въ одну изъ предшествовавшихъ своихъ сессій палата не вдавалась въ такія подробности. Если гдѣ замѣчалась возможность пред

принять безъ ущерба общему ходу администраціи какое-либо, даже и самое незначительное сокращеніе, то возможность эта была указываема. Вполнѣ сознавая, что единственнымъ средствомъ поправить разстроенное финансовое положеніе государства можетъ быть только самая безусловная бережливость, и что большіе дефициты всегда слагаются изъ незначительныхъ въ отдѣльности суммъ, палата твердо рѣшилась не пренебрегать возможностью уменьшить дефицитъ, хотя бы и на самую незначительную цифру, и настойчиво устранила всѣ расходы, не обусловливаемые неотложною необходимостью. На сколько пренія по поводу бюджетовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и венгерской канцеляріи носили на себѣ, какъ и въ предыдущія сессіи, чисто политической характеръ и послужили лишь поводомъ къ общему обсужденію внѣшней и внутренней политики правительства, на столько дебаты по другимъ министерствамъ отличались чисто-дѣловымъ характеромъ. При обсужденіи расходовъ по министерству финансовъ палата возобновила свои указанія, сдѣланныя еще въ первую сессію, на чрезвычайную сложность мѣстной финансовой администраціи въ Австріи: по мнѣнію палаты, значительныя упрощенія могли быть произведены соединеніемъ въ однихъ и тѣхъ же низшихъ административныхъ мѣстахъ завѣдыванія разными отраслями податей и сборовъ. При разборѣ бюджета государственнаго министерства по внутреннему управленію сказалось всеобщее неудовольствіе на полицейскій характеръ мѣстной администраціи и былъ указанъ другой путь, долженствовавшій повести, по мнѣнію палаты, къ значительному сокращенію административныхъ расходовъ и немаловажному уменьшенію переписки: правительству рекомендовалось принять энергическія мѣры къ сокращенію разнообразныхъ въ австрійскихъ провинціяхъ административныхъ мѣстъ и инстанцій и къ передачѣ завѣдыванія всѣми чисто мѣстными дѣлами и интересами—мѣстнымъ выборнымъ хозяйственнымъ учрежденіямъ.

Главный, однако, вопросъ, какъ мы видѣли выше, состоялъ въ сокращеніи военнаго бюджета. На этомъ предметѣ сосредоточены были всѣ усилія палаты, и по этому поводу возникли самыя продолжительныя и серіозныя пренія. Для разработки военнаго бюджета докладчикомъ былъ выбранъ депутатъ Искра, который еще въ предшедшія сессіи занимался подробнымъ изученіемъ военной администраціи и

военнаго дѣла въ Австріи и приобрѣлъ себѣ извѣстность спеціалиста по этой части. И дѣйствительно, военный бюджет поглащалъ собой бѣольшую часть обыкновенныхъ ресурсовъ австрійскаго казначейства и единогласно признавалась одною изъ главныхъ причинъ всѣхъ финансовыхъ затрудненій австрійской монархіи. Въ военной администраціи, болѣе чѣмъ въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія, преобладали старыя рутинныя начала; въ ней же было и болѣе злоупотребленій чѣмъ въ другихъ управленіяхъ, и потому здѣсь болѣе всего чувствовалась необходимость основательныхъ реформъ.

Чтобы прежде всего указать на громадность военныхъ расходовъ въ Австріи, Искра изложилъ предъ палатой въ историческомъ порядкѣ постепенность возрастанія военнаго бюджета Австріи и привелъ повторявшіяся отъ времени до времени попытки правительства ограничить помянутыя издержки. Искра вывелъ, что до 1830 года военные расходы не превосходили 40 — 45 милл. флор.; между 1830 и 1848 годами средняя цифра этихъ расходовъ равнялась 58 милл. флоринговъ; но съ 1849 по 1861 годъ было израсходовано 2.000 милл. флор. Въ особенности громадны были эти расходы въ 1859 году, когда истрчено было до 275 милл. флор. Разстройство финансовъ Австріи заставило правительство обратить вниманіе на значительность военныхъ издержекъ; вслѣдствіе того, управлявшій тогда финансами баронъ Брукъ представилъ императору Австрійскому всеподданнѣйшую записку, въ которой указывалъ на необходимость соразмѣрить расходы военнаго вѣдомства со средствами страны. „Въ Австріи, представлялъ онъ, — которой настоятъ насущная потребность въ восстановленіи нормальнаго положенія ея финансовъ, ибо въ иные года она расходуетъ на военныя потребности всю сумму своихъ государственныхъ доходовъ и даже болѣе, — въ Австріи не хотятъ ограничить расходы по содержанію арміи въ мирное время нормальною суммой въ 80 милл. флор., несмотря на то что даже и эта сумма составила бы почти треть обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Для Австріи гораздо важнѣе заготовиться на случай войны достаточнымъ количествомъ денежныхъ средствъ нежели содержать на военной ногѣ потребное лишь въ военное время число офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и постовъ, такъ какъ во время сколько-нибудь продолжительной войны,

даже самая лучшая армія бываетъ возобновляема два или три раза. Добыть въ случаѣ войны необходимыя въ военное время капиталы внутри страны не было бы никакой возможности по самой громадности потребныхъ денежныхъ средствъ, потому пришлось бы прибѣгнуть къ вѣшнему кредиту. Душа же кредита есть порядокъ въ финансахъ страны. Отъ того, если теперь, послѣ продолжающагося въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мира, Австрія не захочетъ одолѣть своего дефицита и ввести порядокъ въ свое государственное хозяйство, то нѣтъ возможности предвидѣть, будетъ ли она имѣть въ военное время кредитъ въ иностранныхъ государствахъ и если будетъ имѣть, то на какихъ условіяхъ. Продолженіе настоящаго положенія вещей повело бы неизбежно къ выпуску бумажныхъ денегъ или къ тому, что сперва чиновники, а за тѣмъ и войска будутъ удовлетворяемы потерявшими свою цѣну банковыми билетами. Государство не можетъ постоянно жить долгами и *безнаказанно* допускать возрастаніе своего дефицита до безграничныхъ размѣровъ. Подобный образъ дѣйствія въ равной степени грозитъ опасностію какъ внутреннему спокойствію, такъ и вѣшнему развитію государства; историческіе примѣры доказываютъ, что разстроенныя финансы во многихъ отношеніяхъ вызывали въ тѣхъ или другихъ государствахъ значительныя внутренніе перевороты.“

Вслѣдствіе такого доклада барона Брука, императоръ 12-го ноября 1859 года въ особомъ императорскомъ именномъ повелѣніи постановилъ слѣдующее: „Моя воля, чтобы государственныя расходы и доходы были приведены въ бюджетъ на 1860—1861 годы въ равновѣсіе. Для исполненія сего повелѣнія назначаю я комиссію, которой задача состоитъ въ томъ, чтобы рассмотретьъ государственный бюджетъ во всѣхъ его частяхъ и приложить свои старанія къ тому, чтобы указанная цѣль была достигнута.“ Комиссія эта въ теченіе 1860 года занималась подробнымъ пересмотромъ всего бюджета, и результатомъ работъ ея относительно сѣмты военнаго вѣдомства было то, что, по признанію военнаго начальства, обыкновенныя расходы на эту часть въ непосредственномъ будущемъ не должны превышать съ небольшимъ 85 милл. флор., а въ послѣдствіи подлежать сокращенію до 83½ милл. флор. Бюджетная комиссія, на основаніи этого заявленія военнаго управленія, представила императору, что 80 милл. флор. должны быть признаны вор-

мальною на военныя потребности суммой и что возвышеніе ея можетъ имѣть самыя опасныя для финансовъ государства послѣдствія. На основаніи заключеній помянутой коммисіи была при составленіи бюджета на 1861 годъ назначена сумма 86 милл. на обыкновенныя и чрезвычайныя расходы по военному вѣдомству. Но уже въ 1862 году, когда палатѣ впервые пришлось выразить рѣшительное заключеніе о военномъ бюджетѣ Австріи, сумма обыкновенныхъ военныхъ расходовъ была опредѣлена представительнымъ собраніемъ въ 92 милл. флор.; та же сумма была занесена и въ бюджетъ 1863 года, но при этомъ до 10 милл. были перевесены въ чрезвычайный военный бюджетъ. Въ 1864 году обыкновенныя расходы по военному вѣдомству были исчислены въ 91.480.000 фл., но если принять въ расчетъ, что нѣкоторыя статьи содержали избыточные кредиты отъ неправильнаго показанія справочныхъ цѣнъ, отъ уменьшенія расходовъ и отъ сокращенія издержекъ на союзныя крѣпости, то оказалось бы, что обыкновенныя расходы военного министерства составляютъ 96.200.000 фл. Отъ этого общаго очерка постепеннаго развитія военного бюджета Искра перешелъ къ изложенію побудительныхъ причинъ и выводовъ, убѣдившихъ комитетъ палаты въ необходимости энергически настаивать на принятіи предложенныхъ ею противъ желаній правительства рѣшительныхъ сокращеній въ военныхъ кредитахъ. Выше мы упоминали, что военная администрація и органы ея въ печати и въ палатѣ упрекали послѣднюю въ томъ, что предлагаемыя ею сокращенія могли, въ случаѣ ихъ принятія, имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе боевой силы и готовности арміи и подорвать значеніе Австріи, какъ первостепенной державы. Депутатъ Искра, напротивъ того, подробнымъ анализомъ бюджетныхъ цифръ доказалъ съ чрезвычайною очевидностью, что военнымъ министерствомъ предприняты были, въ послѣднее время, перемѣны въ составныхъ частяхъ смѣтныхъ исчисленій, клонившіяся къ увеличенію испрашиваемыхъ суммъ, вовсе не съ цѣлю усиленія арміи. Такое возрастаніе кредитовъ касалось, по заявленію Искры, расходовъ не имѣющихъ ничего общаго съ боевою силой войска; и въ этихъ-то именно кредитахъ и требовала палата отъ военного вѣдомства сокращеній. Намъ невозможно прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ разсматриваемый докладъ, одно чтеніе котораго заняло два засѣданія палаты, но приведемъ здѣсь самыя рельефныя черты,

которыя могут охарактеризовать стремленія военной австрійской администраціи.

Для уясненія передъ палатой своей мысли, Искра обратился сначала къ сравненію военной смѣты 1865 года съ такими же смѣтами за 1862 и 1864 годы: онъ указалъ въ нѣсколькихъ цифрахъ на размѣръ дѣйствительнаго увеличенія австрійской арміи и военной администраціи съ 1862 г., увеличенія, произведеннаго въ мирное время, когда со стороны палаты непрерывно, можно сказать, были повторяемы настоянія о необходимости сокращенія военныхъ издержекъ. Оказалось, что съ 1862 года наличный составъ арміи увеличенъ былъ на 14.500 человекъ, число офицеровъ съ 13.754 доведено было до 15.099, то-есть увеличилось на 1.345 человекъ, число уволенныхъ съ пенсіей офицеровъ съ 9.000 дошло до 11.867, то-есть умножилось почти на 3.000 человекъ; число лошадей въ строю увеличено на 3.500. Расходъ на войско, собственно отъ упомянутыхъ измѣненій въ его составѣ, увеличился въ тотъ же промежутокъ времени съ 28.121.000 фл. до 33.352.000 фл., то-есть на 5.231.000 фл. Кредиты испрашиваемые правительствомъ на военныя потребности 1865 года выражались въ слѣдующихъ итогахъ:

На обыкновенные расходы.	91.374.372 фл.
На чрезвычайные расходы.	11.950.000 .
Всего	<u>103.324.372 .</u>
Кромѣ того, требовалось на волонтеровъ, рекрутскихъ наемниковъ.	2.443.400 .
	<u>105.767.772 .</u>

Собственные доходы военнаго министерства были исчислены въ 9.066.227 фл., такъ что доплата изъ государственнаго казначейства должна была равняться 96.701.545.

Противъ 1864 года суммы эти представляли уменьшеніе въ расходахъ на 270.000 фл., а въ доходахъ увеличеніе на 433.773 фл. Столь незначительныя сокращенія доказывали, по мнѣнію докладчика палаты, крайнее невниманіе правительства къ стремленіямъ законодательнаго собранія ограничивать государственныя издержки на военныя потребности. По нѣкоторымъ статьямъ, смѣта военнаго министерства представляла въ сравненіи съ бюджетомъ 1864 г. немаловажныя сокращенія, а именно, въ общей сложности, на сумму не менѣе 2.887.263 фл., но увеличеніе кредитовъ на другіе предметы расходовъ военнаго вѣдомства уменьшило сумму этихъ сокращеній до скромной цифры 270.000 фл.

„Происходившія въ палатѣ пренія и общее направленіе сдѣланныхъ ею въ прежнія сессіи замѣчаній убѣждаютъ въ томъ, говорилъ даже ораторъ, что никогда въ намѣреніяхъ ея не было стремленія сократить тѣ незначительныя денежныя и другія выдачи и вознагражденія, которыя получаютъ солдаты и офицеры въ низшихъ чинахъ. Числовые разчеты доказываютъ, что содержаніе простаго солдата стѣбитъ австрійскому правительству на цѣлую треть дешевле содержанія преступника въ любомъ изъ мѣстъ заключенія, что австрійскій унтеръ-офицеръ стѣбитъ по содержанію дешевле сторожа въ любомъ изъ министерствъ, и что даже поручикъ австрійской службы получаетъ не болѣе какого-нибудь швейцара въ административныхъ бюро.“ Возрастаніе военныхъ кредитовъ, по справедливому замѣчанію того же оратора, вызывалось не улучшеніемъ состоянія низшихъ чиновъ, а стремленіемъ увеличивать и размножать число административныхъ лицъ и штабъ-офицерскіе мѣста и оклады. Такъ, напримѣръ, Искра привелъ, что расходы на содержаніе войскъ были уменьшены противъ 1864 г. на 307.177 фл., а издержки на военную администрацію, военныя учрежденія и общіе расходы увеличены на 247.499 флориновъ. Далѣе Искра указывалъ на то, что возвышеніе нѣкоторыхъ кредитовъ произошло отъ увеличенія числа чиновниковъ въ разныхъ вѣтвяхъ военной администраціи, отъ расширенія конскихъ заводовъ, отъ увеличенія числа заштатныхъ и отставныхъ генераловъ, слѣдовательно отъ причинъ, ничего общаго съ усиленіемъ арміи не имѣющихъ. Такимъ образомъ, онъ привелъ, что въ Австріи числилось въ 1865 году генераловъ на дѣйствительной службѣ 195, а на пенсіи 325 человекъ. Изъ числа послѣднихъ было до $\frac{1}{4}$ еще годныхъ къ службѣ; со времени кампаніи 1859 года обѣщано было зачислять ихъ мало-по-малу вновь на службу, но обѣщаніе это не было исполнено. Между тѣмъ, не только состоящіе на пенсіи генералы пользуются ею, не неся никакихъ обязанностей, но и изъ 54 считающихся на службѣ генераль-лейтенантовъ только 10 находятся при войскахъ, а остальные исправляютъ разные нестроевыя и почетныя должности и пользуются окладомъ содержанія отъ 5.000 до 12.000 флориновъ. При 1.111 штабъ-офицерахъ, состоявшихъ на службѣ, число штабъ-офицеровъ на пенсіи равнялось 2.027; число состоявшихъ на службѣ поручиковъ равнялось 5.981, а число получавшихъ пенсіонъ 5.904. Одинаковыя должности замѣщаются

въ одномъ случаѣ офицерами низшаго чина, а въ другомъ случаѣ лицами, имѣющими большій чинъ, и которыми, следовательно, производится и большее жалованье. Напримѣръ, во главѣ одной изъ академій находился полковникъ, а во главѣ берейторской школы генераль-майоръ, больница управляется то майоромъ, то полковникомъ и т. д. Расходы на производство денежныхъ выдачъ въ замѣвъ деньщиковъ увеличились на 80.000 флоринговъ, на одну музыку (на которую по всей арміи расходуется, по разчетамъ Искры, до 1 милл. гульденовъ) требовалось на 321.000 ф. болѣе, чѣмъ въ 1864 году; кредитъ на выдачу пенсій увеличенъ былъ на 200.000 флоринговъ. Расходы собственно на военное управленіе увеличились противъ 1864 года на 238.000 флоринговъ, преимущественно отъ увеличенія окладовъ жалованья и расходовъ хозяйственныхъ. Докладчикъ обратилъ особенное вниманіе палаты на неравенство самихъ окладовъ. Генералы получаютъ отъ 4.000 до 9.000 флоринговъ жалованья и даже до 17.000 и фуражныя деньги на 4, 6 и 8 лошадей, тогда какъ вовсе не нуждаются въ лошадяхъ и ихъ не держатъ, а штабсъ-капитанъ получаетъ 705 фл., поручикъ 609 фл.; содержаніе же солдата обходится всего на все отъ 109 до 123 фл., смотря по роду войскъ. Такимъ образомъ Искра выводилъ, что швейцаръ того же военного министерства, стоящій 740 фл., и даже сторожа (которыхъ 20 съ окладомъ въ 620 флоринговъ) получаютъ болѣе поручиковъ, штабсъ-капитановъ, аудиторовъ и военныхъ докторовъ; къ нищенскимъ окладамъ оберъ-офицерскихъ чиновъ присоединяются разные вычеты на бібліотеку, музыку и пр., и наконецъ частыя перемѣны въ форигъ, возбуждающія всеобщія жалобы между офицерами. Расходъ на центральное военное управленіе въ 1862 году равнялся 480.000 флоринговъ, а въ 1865 году доходилъ уже до 1 милл. флоринговъ. Личный составъ штабсъ-квартиръ увеличился съ 1847 года на 300 человекъ. Расходы на одно *вооруженіе*, кромѣ пороха и личнаго состава завѣдывающихъ имъ лицъ, стоило Австріи по разчетамъ Искры съ 1849 по 1864 годъ 105½ милл. флоринговъ, и несмотря на то, оружіе во время послѣдней войны оказалось въ неудовлетворительномъ состояніи. На содержаніе больницъ исчислено было на 1865 годъ болѣе противъ 1864 г. на 156.000 флоринговъ, а число содержащихся въ нихъ больныхъ уменьшилось на 100 человекъ. „На одно конюшество, замѣчалъ далѣе Искра, издерживается ежегодно до 2.937.000 фл.,

т.-е. только на 119.000 фл. менѣе чѣмъ на все вѣдомство народнаго просвѣщенія и на всѣ состоящія въ вѣдѣніи его учебныя заведенія на всемъ пространствѣ имперіи, причѣмъ на каждую лошадь приходится по одному конюху. Личный составъ оружейныхъ и артиллерійскихъ мастерскихъ такъ значителенъ, что на 10 человекъ низшихъ чиновъ приходится по одному офицеру, а въ инженерномъ вѣдомствѣ расходъ на личный составъ составляетъ 10% строительныхъ по сему вѣдомству издержекъ. При этомъ, продолжалъ Искра, столь значительное число инженеровъ-строителей не помѣшало однако имъ строить такъ, что въ одномъ изъ фортовъ въ Краковѣ въ одинъ день обрушилось до 19 сводовъ. Еще разительнѣе былъ приведенный тѣмъ же ораторомъ примѣръ военно-учебныхъ заведеній, гдѣ на 1865 годъ число учениковъ уменьшено было на 30, а число служителей, чиновниковъ и надзирателей увеличено на 79. Не далѣе какъ въ 1849 г. заведенія эти стоили австрійскому правительству 607.000 фл., а въ 1865 расходы на ихъ содержаніе простирались до 1.599.000 флориновъ, изъ которыхъ 892.000 флориновъ идутъ на расходы по воспитанію учениковъ, а 707.000 флор. издерживаются на управленіе учебными заведеніями. Стоимость полнаго курса образованія въ низшихъ военныхъ заведеніяхъ, для cadaго ученика, выпускаемаго унтеръ-офицеромъ, простирается до 2.000 флор.; а ежегодное содержаніе cadaго ученика обходится правительству, въ низшихъ заведеніяхъ, по 277 флор., въ среднихъ по 261 вотъ приплаты взимаемой съ учениковъ, въ среднихъ заведеніяхъ дешевле), въ академіи 618 флор.; общая же сумма расходовъ на военно-учебныя заведенія (включая и плату учениковъ) равняется $\frac{2}{3}$ расходовъ на народное образованіе во всей Австріи.

Значительную долю въ постоянномъ возвышеніи военнаго бюджета докладчикъ палаты приписывалъ какъ отсутствію строгихъ правилъ для повышенія въ чинахъ, такъ и произволу въ назначеніи пенсій. Указывая, въ доказательство быстрого возрастанія пенсіоннаго кредита, на вышеизложенныя данныя объ увеличеніи съ 1849 числа получающихъ пенсіи военныхъ чиновъ, Искра привелъ тотъ знаменательный фактъ, что число состоящихъ на пенсіонѣ оберъ-офицеровъ численностью превосходило въ 1865 году на половину число тѣхъ же чиновъ на службѣ состоящихъ, а число на пенсіи находящихся штабъ-офицеровъ *одное* превы-

шло число служащих штабъ-офицеровъ. При этомъ на вознагражденіе служащихъ офицерскихъ чиновъ назначено было по смѣтѣ 15 милл. флор., а на производство пенсій— 8.124.000 флор.

Таковы нѣкоторыя болѣе рельефныя и характеристическія черты, выбранныя нами изъ пространнаго доклада депутата Искры. Шагъ за шагомъ Иокра представилъ палатѣ самыя убѣдительныя доказательства того, что безъ особыхъ затрудненій и безъ вреда для военной силы имперіи, бюджетъ военнаго министерства можетъ быть значительно сокращенъ лишь посредствомъ реформъ и преобразованій въ военной администраціи.

Сокращенія, которыя желалъ произвести бюджетный комитетъ, доходили до 15.700.000, и кромѣ того, тотъ же комитетъ исчислялъ доходы военнаго министерства на 1.366.000 флор. болѣе чѣмъ военное управленіе, такъ что въ итогѣ должно было произойти для государственнаго казначейства облегченіе на 17.066.000 флор. За этими сокращеніями бюджетъ военнаго министерства все-таки составлялъ 89.982.772 флор., или круглымъ числомъ 90 милл. флор., то-есть на 10 милл. болѣе чѣмъ признавала необходимыми бюджетная комиссія, которая была учреждена императоромъ въ 1859 году и состояла изъ лицъ участвовавшихъ въ гражданской и военной администраціяхъ и назначенныхъ самимъ императоромъ.

Если нападеніе докладчика палаты было составлено ловко и мѣтко, то не менѣе искусна была защита военнаго министерства. Перебирая шагъ за шагомъ высказанныя противъ военнаго управленія обвиненія, военный министръ Франкъ отвѣчалъ своему противнику подробнымъ изложеніемъ всей системы военной администраціи и самой организаціи арміи и разныхъ ея частей. Подробными исчисленіями онъ доказывалъ совершенную невозможность произвести въ численности и составѣ войскъ требуемыя сокращенія безъ нарушенія существенныхъ условій цѣлости и боевой готовности арміи, безъ положительной опасности для государства на случай войны. Опираясь на данное ему императоромъ повелѣніе довести сокращенія до предѣловъ послѣдней возможности, военный министръ заявлялъ палатѣ высказанную имъ и въ ея комитетѣ готовность сократить военную смѣту на 11 милл. флор., но съ тѣмъ, во-первыхъ, условіемъ, чтобы затѣмъ весь кредитъ на военное мини-

стерство былъ включенъ въ бюджетъ въ одной цифрѣ, и съ тѣмъ чтобы министерству было дано право передвиженія суммъ внутри общей цифры кредита. При этомъ, однако, министерство предполагало произвести сокращенія совершенно по другимъ предметамъ чѣмъ палата. Такъ, военный министръ рѣшительно отказывался уменьшить численность арміи новыми отпусками и распущеніемъ нѣкоторыхъ изъ ея частей, а указывалъ на расходы строительныя, а также на расходы по вооруженію артиллеріи и по укомплектованію артиллерійскихъ запасовъ, какъ на такой родъ издержекъ, гдѣ значительныя сокращенія могли быть предприняты безъ особенной опасности. Подтверждая необходимость сохраненія существующей системы военной администраціи, онъ числовыми данными доказывалъ, что издержки на администрацію не превосходятъ 3% общей суммы издержекъ на военную часть и отстаивалъ, какъ прерогативу короны, право правительства дѣйствовать съ полною свободой въ дѣлѣ повышеній по арміи. Невозможность идти въ сокращеніяхъ далѣе предложенной имъ цифры военный министръ подтверждалъ, между прочимъ, еще тѣмъ фактомъ, что съ 1862 года военные расходы подвергли уже чрезвычайному уменьшенію: онъ напомнилъ палатѣ, что общій итогъ расходовъ на военное министерство, вотиrowанныхъ по бюджетамъ предшествовавшихъ лѣтъ, равнялся въ 1862 г. 135.000.000 фл., въ 1863—112.000.000, въ 1864—106.000.000 и въ 1865 году издержки его министерства были исчислены въ 105.760.000 флор.; за исключеніемъ же предлагаемыхъ самимъ министерствомъ сокращеній, они должны были составить только 94.000.000 фл. Не давая положительнаго обязательства, фельдцейхмейстеръ Фрэнкъ однако поставилъ палатѣ на видъ, что въ случаѣ, если дѣны на провіантъ и другіе предметы не поднимутся, то, при дѣйствительномъ исполненіи расходовъ, можетъ произойти еще экономія на 3 милл., и что, такимъ образомъ, расходы уменьшатся на 14 милл. противъ суммы, внесенной министерствомъ въ представленный палатѣ бюджетъ. Увѣреніе это могло заслуживать вѣру, такъ какъ дѣйствительное исполненіе бюджетовъ въ предшедшіе годы доказывало осуществимость предположенія министра. Такъ, напримѣръ, въ 1862 году военное министерство сдѣлало, при исполненіи расходовъ, противъ бюджетныхъ предположеній (135 милл. флор.) экономіи на 16.818.000 флор.; экономія въ 1863 г.

простиралась до 8.236.000 флор., въ 1864 же году министерство, не испрашивая сверхсѣтнаго кредита, поставило на военную ногу 38 баталіоновъ въ италіанской арміи.

Подробное развитіе выводовъ своихъ и подкрѣпленіе ихъ всѣми необходимыми данными военный министръ предоставлялъ специалистамъ по каждой изъ частей военного управленія; рѣчи этой фаланги членовъ военной администраціи заняли три засѣданія палаты, но не успѣли, повидимому, измѣнить ея рѣшеніе. Оппозиціонное большинство палаты отвергало предложенныя министерствомъ сокращенія, находя ихъ сбереженіями лишь временными; оно не хотѣло отступить отъ своего требованія, чтобы уменьшенія въ расходахъ были предприняты въ статьяхъ по содержанію войскъ и по управленію ими, и чтобы уменьшено было и самое число войскъ; оно рѣшительно отвергало сокращенія въ кредитахъ строительныхъ и на укомплектованіе, запасовъ какъ такіа сокращенія, которыя должны были имѣть послѣдствіемъ еще большее увеличеніе расходовъ въ будущемъ. Въ отношеніи денежномъ, разница между предложеніями министерства и требованіями палаты была въ сущности ничтожна: палата требовала сокращенія военной сѣтлы на 15.700.000 флор., министерство предлагало непосредственно сократить бюджеты на 11 милл. флор. и поставило на видѣ, что въ теченіе года можетъ быть сдѣлаво, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, сбереженіе еще на 3 милл. флор. Разница такимъ образомъ выходила до скромной цифры 1.700.000 флор.; никто, однако, не уступилъ. Докладчикъ палаты, указывая на незначительность этой разницы, тѣмъ сѣтлѣе настаивалъ на томъ, чтобы палата не отступала отъ рѣшенія, принятаго выбраннмъ ею бюджетнымъ комитетомъ, въ виду принципа, на которомъ рѣшеніе это было основано, и большинство палаты согласилось съ нимъ.

Меже оживлены были пренія по бюджету морскаго вѣдомства. Заявленныя по этому вѣдомству требованія правительства простирались до цифры 9.540.247 флор. (противъ 1864 года болѣе на 1.271.811 флор.). Сокращенія, предложенныя комитетомъ палаты, уменьшали эту цифру до 7.150.800 флор. Само морское министерство предложило палатѣ сократить свои требованія до размѣра 7.770.447 флор., такъ что разница между требованіями палаты и предложеніями министерства не превосходила 619.247 флор. Но палата,

несмотря на нѣсколько примирительныхъ предложеній, и въ этомъ случаѣ настаивала на занесеніи въ смѣту лишь исчисленной ею цифры.

Морское министерство стояло въ преніяхъ палаты по бюджету послѣднее на очереди, и въ то же засѣданіе палата вотировала 8-го мая третье и окончательное чтеніе бюджета въ томъ видѣ, въ какомъ вотированы были ею всѣ отдѣльные кредиты, то-есть безъ соглашенія съ правительствомъ.

Это рѣшеніе палаты, принятое, несмотря на доказанную незначительность числоваго различія между предложеніями правительства и требованіями палаты, послужило сигналомъ къ окончательному разрыву между представительнымъ собраніемъ и министерствомъ Шмерлинга. Разсматривая событія австрійской новѣйшей исторіи, нельзя не изумляться той близорукости, тому ослѣпленію, съ которыми дѣйствовало большинство палаты представителей. Не принимая во вниманіе ни требованій времени, ни обстоятельствъ, при которыхъ была учреждена въ Австріи централистическая имперская дума, не понимая, что самое сохраненіе новыхъ учрежденій было тѣсно связано съ существованіемъ министерства Шмерлинга, палата съ удивительнымъ упрямствомъ употребляла всѣ мѣры для того чтобы сдѣлать этому министерству управленіе страной невозможнымъ, чтобы вытѣснить его съ министерской скамьи.

Бюджетъ, вотированный палатой представителей, былъ переданъ въ палату господъ, гдѣ онъ вновь былъ подвергнутъ подробному анализу и критикѣ, что опять заняло два мѣсяца. По вотированіи его въ сей послѣдней, оказалась значительная разница между мнѣніями обѣихъ палатъ, и для соглашенія ихъ былъ выбранъ смѣшанный комитетъ изъ членовъ той и другой палаты.

Между тѣмъ разладъ между палатой и министерствомъ все болѣе и болѣе увеличивался. Не было предложенія со стороны правительства, при обсужденіи котораго не высказывался бы этотъ разладъ всѣмъ рѣзче и рѣзче. Такъ палата, съ одной стороны, затянула разсмотрѣніе проектовъ министерства по преобразованію податей и до конца сессіи не могла заняться имъ; съ другой стороны, еще въ мартѣ мѣсяцѣ министерство, видя, что разсмотрѣніе бюджета на 1865 годъ не подвигается впередъ, и желая достигнуть того, чтобы новый годъ не былъ начинаемъ безъ его утвержденія,

представило палатѣ бюджетъ на 1866 годъ. Но палата и въ этомъ весьма простомъ и законномъ желаніи министерства заподозрила, какъ видѣли мы выше, заднюю мысль воспользоваться утвержденіемъ бюджета на 1866 годъ и избѣгнуть созыва палаты ранѣ конца того года, то-есть отложить сѣданія ея на цѣлый годъ. Въ виду этого палата постановила бюджетъ 1866 года передать на обсужденіе особаго комитета, которому поручить сдѣлать свой докладъ по окончательномъ установленіи бюджета на 1865 годъ. Наконецъ подходила уже половина 1865 года, а бюджетъ все еще не получалъ законодательнаго утвержденія. Въ такомъ положеніи дѣлъ, министръ финансовъ Пленеръ рѣшился предложить палатѣ по крайней мѣрѣ заранѣе вотировать законъ, по которому онъ, министръ, имѣлъ бы право своевременно принять мѣры къ пріисканію путемъ кредита средствъ, необходимыхъ къ покрытію какъ текущаго дефицита, такъ и срочныхъ долговъ банку за 1865 и 1866 годы. Испрашиваемая имъ суммы онъ предполагалъ обратить на удовлетвореніе слѣдующихъ потребностей, вполнѣ оправдываемыхъ обстоятельствами и настоятельною необходимостью. Изъ нихъ первое мѣсто занимали долги банку, которымъ сроки уплаты, въ силу банковаго акта 1863 года, наступали въ 1865 и 1866 годахъ. Долги эти состояли изъ 18.278.581 флор. старыхъ долговъ, 20 милл. долга, на серебро заключеннаго, и 56.142.567 флор., обезпеченныхъ назначенными въ продажу казенными имѣніями. Что касается до стараго долга, то покрытіе его предстояло произвести изъ текущихъ бюджетныхъ средствъ, долгъ же заключенный на серебро былъ обезпеченъ отложенными на покрытіе его 3 милл. фунстер. въ облигаціяхъ англійскаго займа 1859 года. Долгъ обезпеченный государственными имуществами слѣдовало, по мнѣнію Пленера, покрыть займомъ. Продажа имуществъ на условіяхъ сколько-нибудь выгодныхъ не могла состояться въ теченіе уже трехъ лѣтъ; притомъ изъ числа этого долга 11 милл. фл., которыхъ срокъ истекъ въ февралѣ 1865 года, были покрыты временною операціей и подлежали возмѣщенію въ пользу государственнаго казначейства. Кромѣ того 1.534.000 фл. подлежали уплатѣ банку авансомъ въ счетъ возврата отъ лицъ, уже купившихъ часть переданныхъ банку казенныхъ имуществъ и обязавшихся, по условіямъ покупки, внести равную симъ деньгамъ сумму поздне 1-го января 1867 года, то-есть поздне край-

наго срока, назначеннаго, по соглашенію съ банкомъ, для окончательнаго погашенія долговыхъ обязательствъ правительства предъ банкомъ. Далѣе при исполненіи бюджета 1864 года, оказывался недоборъ къ доходахъ на 19.922.197 фл. и превышеніе въ расходахъ противъ бюджета на 7.460.019 р., вызванное издержками на шлезвигъ-гольштейнскую войну. На пополненіе этихъ 27.382.216 фл., увеличившихъ собою дефицитъ истекшаго года, правительствомъ употреблены были средства вотированныя на другія надобности, а именно: 16.860.010 фл. предназначенныя на извлеченіе изъ обращенія билетовъ казначейства, обезпеченныхъ солеварнями (Hypothekar-Anweisungen), 3.296.802 фл. вотированныя на извлеченіе изъ обращенія десяти-крейцеровыхъ билетовъ и 6.000.000 испрошенныя въ томъ году на усиленіе кассъ государственнаго казначейства, а всего употреблено было постороннихъ средствъ 26.156.812 фл. Въ замѣвъ сихъ суммъ Пленеръ представлялъ объ открытіи ему новаго кредита, на извлеченіе 16.860.000 фл. билетовъ казначейства и 4 милл. десяти-крейцеровыхъ билетовъ. Наконецъ отъ 1863 года оставался недостатокъ временно покрытый въ 1864 году, изъ наличныхъ средствъ казначейства, и перешедшій на 1865 годъ. Бюджетный дефицитъ 1865 и 1866 годовъ, подлежащій покрытію средствами кредита, Пленеръ исчислялъ, примѣняясь къ постановленіямъ палаты по бюджету 1865 года, въ 10 милл. фл. На уплату гарантій по вновь концессіонированнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ требовалось 3.369.700 фл. и наконецъ занесенныя въ бюджетъ 1865 года отъ продажи государственныхъ имуществъ 18.000.000 фл., въ случаѣ невозможности совершить означенную продажу, необходимо было также обезпечить займомъ. Вся сумма требуемая Пленеромъ простиралась такимъ образомъ до 116.906.337 фл. Изъ краткаго нашего перечня усматривается, что въ числѣ этихъ суммъ не было ни одной, въ настоятельной необходимости которой могло возникнуть малѣйшее сомнѣніе. Передержка въ 1864 году произошла по обстоятельствамъ отъ правительства не зависѣвшимъ, сроки для уплаты долговъ банку были установлены самою палатою, и въ необходимости исполненія обязательствъ принятыхъ государствомъ относительно банка не могло быть сомнѣнія, дефициты же за 1865 и 1866 годы были приняты въ расчетъ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ и сообразно съ постановленіями самой палаты. Одна-коже настоятельность потребности не остановила палаты,

повидимому, рѣшившейся противиться всѣмъ предложеніямъ правительства, даже и самымъ законнымъ. Она, вмѣсто испрашиваемой значительной суммы 116 милл. фл., какъ бы на смѣхъ вотировала только 13 милл. для покрытія не терпящихъ отлагательства расходовъ, постановивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что дальнѣйшее разрѣшеніе кредитовъ будетъ произведено лишь по окончательномъ утвержденіи бюджета 1865 года.

Управленіе страной и осуществленіе какихъ-либо законодательныхъ мѣръ при систематической оппозиціи палаты сдѣлались для правительства невозможными; безплодныя пренія, либеральныя выходки и нападки палаты не только были неприятны министерству, но еще болѣе возбуждали противъ представительнаго собранія общее неудовольствіе при дворѣ. Увеличенію этого неудовольствія содѣйствовало и то обстоятельство, что при управленіи страной централистическимъ министерствомъ венгерскій вопросъ оставался, именно по случаю разногласія министерства съ палатой, не разрѣшеннымъ, и въ странѣ продолжало господствовать упорное пассивное сопротивленіе всѣмъ мѣрамъ правительства. Наконецъ, палата представителей возбудила противъ системы Шмерлянга и самого императора, который рѣшился обратиться къ аристократической партіи и отмѣнить февральскую конституцію. Переворотъ этотъ совершился, и когда наконецъ 22-го іюля палата представителей и палата господъ пришли къ соглашенію относительно бюджета, то утвержденіе его послѣдовало уже черезъ министерство Белькреди, а пять дней спустя распущена была и сама имперская дума.

V.

Мы прослѣдили финансовую дѣятельность имперской думы за все время ея существованія. Мы видѣли на какія стороны государственнаго хозяйства и управленія она наиболѣе обращала свое вниманіе. Мы видѣли съ какою подробностью представительное собраніе Австрійской имперіи занялось разборомъ государственнаго бюджета и какихъ блестящихъ, можно сказать, результатовъ она достигла въ дѣлѣ устройства австрійскихъ финансовъ на твердой почвѣ правильно разработаннаго бюджета.

Намъ остается лишь вкратцѣ обозрѣть тѣ окончательные результаты дѣятельности имперской думы и министерства Шмерлинга, которые выразились въ финансовыхъ, за это время, бюджетахъ. Для удобства сравненія мы ниже приводимъ главнѣйшіе итоги бюджетныхъ предположеній за 1862—1865 годы въ сравнительной таблицѣ. Изъ этой таблицы усматривается, что въ государственныхъ расходахъ, по тѣмъ министерствамъ, по которымъ имперская дума находила излишества въ ассигнованныхъ на нихъ суммахъ, были дѣйствительно произведены постепенно въ эти четыре года весьма значительныя сокращенія; напротивъ того, расходы производительные были въ тотъ періодъ постепенно увеличиваемы. Такъ расходы на политическое управление (внутреннюю администрацію) съ 26.560.000 фл., до которыхъ они доходили по бюджету 1862 года, были сокращены въ 1865 году до 24.350.000 фл., расходы по управленію Венгріей (Венгерская придворная канцелярія) были уменьшены съ 13.790.000 фл. до 11.500.000 фл., по министерству иностранныхъ дѣлъ съ 2.640.000 фл. до 2.220.000 фл.; по министерству финансовъ, расходы на общее финансовое управленіе съ 22.150.000 фл. въ 1862 году были уменьшены до 17.989.458 фл. въ 1865 году, а по государственному контролю съ 4.860.000 фл. до 3.638.000 фл. Расходы военнаго вѣдомства съ 145.000.000 предъявленныхъ министерствомъ при представленіи бюджета на 1862 годъ сокращены были до весьма скромной суммы 89.982.772 фл., занесенныхъ на это министерство въ 1865 году: цифры эти показываютъ, что сбереженія въ ежегодныхъ издержкахъ по этому вѣдомству достигли 55.000.000 фл. за годъ или до 37% первоначальной цифры годовыхъ расходовъ. По морскому министерству расходы сокращены на половину, то есть съ 16.970.000 фл. до 8.452.000 фл.

Напротивъ того, въ издержкахъ на народное образованіе и на духовныя дѣла замѣчается увеличеніе, а именно, издержки этого рода возрасли съ 4.570.000 фл. до 5.250.000 фл.; расходы на уплату гарантій и пособій обществамъ увеличены съ 4.500.000 до 6.500.000 фл. Главнѣйшее, однако, увеличеніе расходовъ падаетъ на статью уплатъ по государственному долгу. Суммы, расходуемыя на этотъ предметъ, въ 1862 году не превосходили 18.000.000 фл., въ 1864 же году занесено было на ту же надобность до 57.000.000 фл., а въ 1865 году до 60.000.000. Такимъ образомъ, бюджетный дефи-

цить въ 1864 году лишь на 3.000.000 фл. превосходилъ сумму занесенную въ бюджетъ для погашенія государственныхъ долговыхъ обязательствъ, а въ 1865 году былъ на 10.000.000 ниже суммы погашеній по государственному долгу. Другими словами, *Австрія употребляла на погашеніе государственной задолженности и на устройство денежной системы въ суммѣ, которая она сберегала отъ военныхъ потребностей.* Если за сямъ превышеніе въ государственныхъ расходахъ противъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ попрежнему достигало значительныхъ размѣровъ, то причина тому лежала не въ излишествѣ расходовъ какъ прежде, а именно въ стремленіяхъ финансоваго управленія освободить государство отъ неправильныхъ откошеній къ банку, уплатить должныя ему суммы и устроить денежное обращеніе на твердыхъ рациональныхъ началахъ. Въ этомъ коренномъ преобразованіи всего австрійскаго бюджета и заключается, по нашему мнѣнію, главная заслуга имперской думы. Твердымъ и непреклоннымъ путемъ шла она къ этой цѣли и доказала возможность такихъ сбереженій въ государственныхъ расходахъ, о которыхъ въ прежнее время и не думали.

Другую не меньшую заслугу имперской думы и самого министерства Шмерлянга составляетъ та прочность, которую получили, въ эту эпоху, смѣтные назначенія. Если мы придаемъ такое значеніе въ нашемъ очеркѣ утверждаемымъ за четвертьлѣтіе 1862 — 1865 годовъ имперскою думой бюджетамъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, то это потому именно, что бюджеты эти представляютъ дѣйствительное въ ту эпоху положеніе государственнаго хозяйства и дѣйствительно служили министерству руководительнымъ закономъ при исполненіи государственныхъ расходовъ. Обстоятельство это не мало должно было содѣйствовать тому, чтобъ укрѣпить въ публикѣ и на биржѣ довѣріе къ новымъ порядкамъ. И дѣйствительно, превышенія противъ ассигнованныхъ кредитовъ были во все разсматриваемое время крайне незначительны, а сверхсмѣтныхъ расходовъ, въ вызванныхъ обстоятельствами дѣйствительно чрезвычайными, вовсе не было; напротивъ того, при исполненіи расходныхъ бюджетовъ постоянно оказывались, какъ уже было указано нами, сбереженія противъ смѣтныхъ исчисленій. Случившіяся въ разсматриваемое нами время превышенія въ расходахъ противъ ассигнованныхъ кредитовъ были вызваны

лишь двумя нетерпѣвшими отлагательства событіями, необходимо выдать въ Венгріи значительныя ссуды, по случаю наступившаго тамъ голода, и шлезвигъ-гольштейнскою войной въ 1865 году. Другихъ превышеній мы не видимъ за все время, и бюджетъ 1865 года, вотированный палатой противъ согласія министерства, былъ столь же добросовѣстно исполняемъ, еще до его утвержденія, какъ и остальные.

Въ началѣ настоящей статьи были приведены нами основныя законоположенія, устанавливавшія права имперской думы по отношенію къ контролю надъ финансами страны. Они состояли, какъ мы видѣли, въ немногихъ общихъ выраженіяхъ основнаго закона 26-го февраля и отличались большою неопредѣлительностью. Вотъ почему весьма важную роль въ развитіи этихъ общихъ началъ играла самая форма ежегоднаго австрійскаго финансоваго закона. А именно: законъ этотъ, начиная съ 1862 года, содержалъ особый параграфъ, которымъ введено было въ финансовое законодательство главное условіе, при которомъ только и возможенъ дѣйствительный контроль высшаго законодательнаго учрежденія надъ финансовою администраціей и исполненіемъ финансоваго закона. Параграфомъ этимъ устанавливалось, что „суммы, назначенныя по расходному бюджету подъ отдѣльными рубриками, отдѣлами и второстепенными подраздѣленіями, могутъ быть издерживаемы лишь въ чертѣ тѣхъ рубрикъ, отдѣловъ и подраздѣленій, за исключеніемъ суммъ предоставленныхъ въ личное распоряженіе разныхъ чиновниковъ. Постановленіе это перешло и въ бюджетный законъ 1863 года. Расходная часть обоихъ упомянутыхъ бюджетовъ была раздѣлена на 24 рубрики или главные отдѣла (по министерствамъ или главнымъ управленіямъ, и кромѣ того, по министерству финансовъ, по особымъ предметамъ расходовъ). Затѣмъ нѣкоторые изъ главныхъ отдѣловъ раздѣлены на 84 отдѣла, и наконецъ, на 436 подраздѣленій или параграфовъ. Незначительность числа бюджетныхъ подраздѣленій прямо указываетъ на то, что министерства представляли весьма широкій просторъ въ расходованіи бюджетныхъ суммъ. Многіе весьма значительныя кредиты составляли одну рубрику безъ дальнѣйшихъ подраздѣленій: таковъ кредитъ на высшія государственныя учрежденія, кредитъ на венгерскую, семиградскую и славонскую канцелярію (завѣдывавшія всѣмъ управленіемъ въ этихъ

землях). Расходы на военное министерство также вотируются были однимъ общимъ итогомъ, а расходы морскаго министерства раздѣлены были всего на четыре отдѣла. Вообще по тѣмъ даже министерствамъ, гдѣ существовали отдѣлы и подраздѣленія, кредитъ на центральныя учрежденія вездѣ составлялъ одинъ отдѣлъ безъ дальнѣйшихъ подраздѣленій. Второстепенныя подраздѣленія введены лишь для разграниченія по нѣкоторымъ министерствамъ кредитовъ на мѣстное управленіе по провинціямъ; таковы, напримѣръ, кредиты на политическое управленіе, на финансовую администрацію и др.

Въ бюджетѣ 1864 года введена была нѣсколько болѣе дробная спеціализація. Расходный бюджетъ раздѣленъ былъ на обыкновенный и чрезвычайный, и вслѣдствіе того къ вышеупомянутому постановленію о спеціализаціи кредитовъ присоединена была оговорка о томъ, что ассигнованныя по каждому подраздѣленію суммы по графѣ расходовъ обыкновенныхъ должны быть при исполненіи бюджета отдѣляемы отъ кредитовъ, назначенныхъ по тому же подраздѣленію, по графѣ расходовъ чрезвычайныхъ. Подраздѣленія бюджетныя получили новыя термины: главы, отдѣлы и параграфы; первыхъ было 44, вторыхъ 202, а третьихъ 357. Однако большая часть новыхъ подраздѣленій произошла отъ введенія въ бюджетъ издержекъ взиманія доходовъ; вслѣдствіе чего бюджетъ министерства финансовъ раздѣленъ былъ на 26 главъ, 83 отдѣла и 93 параграфа. Сметы венгерской, семиградской и славонской канцеляріи были раздѣлены первыя двѣ на 15 отдѣловъ каждая, а третья на 13 отдѣловъ. Смета военнаго министерства подраздѣлена была на четыре отдѣла, и смета морскаго министерства на 14 отдѣловъ, но безъ дальнѣйшаго подраздѣленія сихъ двухъ послѣднихъ сметъ на параграфы. Но даже и эта относительно весьма недробная спеціализація (напримѣръ въ сравненіи съ бюджетомъ Франціи или нашимъ) вызвала общія жалобы администраціи на бесполезное стѣсненіе. Вслѣдствіе того министерство при обсужденіи бюджета 1865 года, какъ указано было выше, энергически настаивало на томъ, что дальнѣйшія сокращенія въ расходахъ возможны лишь при дарованіи распорядителямъ большаго простора при производствѣ расходовъ. Заявленія эти не могли не быть уважены палатой, которая, вслѣдствіе настояній министерства, въ бюджетѣ 1865 года, сохранивъ

то же какъ и въ 1864 году число главъ (съ прибавленіемъ одной, что всего составитъ 45), значительно уменьшила число отдѣловъ, а именно: съ 202 до 157 и сократила число параграфовъ съ 357 до 236. При этомъ отдѣлы были изгнаны изъ смѣтъ трехъ выше упомянутыхъ канцелярій (венгерской, семиградской и славонской), а параграфы были уничтожены въ смѣтахъ министерствъ финансовъ и полиціи. По военному министерству вмѣсто четырехъ было принято только два отдѣла и по министерству морскому вмѣсто 14 только четыре. Наконецъ, кромѣ того, въ самый законъ о бюджетѣ введена была новая оговорка, опредѣлявшая, что кредиты на содержаніе провинціального управленія по министерствамъ государственному (внутреннему политическому управленію) и юстиціи, а также ассигнованія на общественныя постройки и на расходы по контрольнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ могутъ быть расходуютъ безъ вниманія къ параграфамъ, то-есть безразлично по той или другой провинціи, лишь съ тѣмъ, чтобъ отчетъ объ исполненіи бюджета былъ представленъ съ разграниченіемъ дѣйствительно издержанныхъ суммъ по подраздѣленіямъ бюджета 1864 года. Только подъ этими условіями и считало правительство возможнымъ произвести въ бюджетѣ 1865 года тѣ обширныя сокращенія, которыхъ требовала палата.

Мы прослѣдили, такимъ образомъ, до конца дѣятельность австрійской имперской думы по разбору четырехъ бюджетовъ Австрійской имперіи; мы видѣли, что несмотря на отговорки администраціи, дума энергическими своими настояніями измѣнила въ кратковременный періодъ весь характеръ австрійскаго бюджета; мы видѣли, какъ и само правительство продолжало развивать учрежденія страны, и строго держась законной почвы, содѣйствовало имперской думѣ въ стремленіяхъ ея къ полному восстановленію потрясеннаго финансовымъ разстройствомъ экономическаго быта народовъ Австрійской монархіи. И вотъ, Австрія находилась уже наканунѣ восстановленія денежной единицы и размѣна бумажныхъ денегъ, такъ что лажъ успѣлъ повизгаться до 5% и 3%! Но къ благороднымъ стремленіямъ обѣихъ сторонъ,—правительства и имперской думы,—присоединились и обоюдныя ошибки, непростительныя, можно сказать, въ столь серіозномъ и патріотическомъ дѣлѣ. Съ одной стороны, можно

упрекнуть министерство медленностію въ удовлетвореніи справедливыхъ требованій думы относительно общихъ административныхъ преобразованій; съ другой—имперская дума въ послѣднюю сессію дала себя увлечь нѣкоторымъ оппозиционнымъ членамъ. Ее можно обвинить въ недостатокѣ политическаго такта. Въмѣсто того чтобы дорожить дарованными Австріи государемъ ея учрежденіями и тѣми правительственными лицами, благодаря которымъ была вызвана къ жизни и самая дума, она предалась оппозиционнымъ стремленіямъ и возстала противъ этихъ самыхъ людей. Она затрудняла имъ управленіе страной, и вмѣсто того чтобъ оцѣнить строгую законность и умѣренность дѣйствій министерства, требовала отъ него, чтобъ оно шло далѣе и далѣе въ уступкахъ, а сама не дѣлала почти никакихъ. Каждая мѣра, вызванная необходимостью, ставилась министерству въ вину, и сама дума повсюду распространяла неудовольствіе противъ людей, стоявшихъ во главѣ администраціи. Она забыла, что подобнымъ образомъ дѣйствій она неминуемо должна была скомпрометтировать и себя, и ту систему управленія, воплощеніемъ которой она служила. Министерство Шмерлинга и имперская дума поплатились за свои ошибки и навсегда присоединились къ числу неудавшихся формъ политической жизни, которыхъ такъ много въ послѣднее время переживала Австрія.

Нельзя, конечно, утверждать, чтобы все это произошло отъ однихъ ошибокъ министерства и парламента, и чтобы не было тутъ главною виной несоотвѣтствіе системы, представляемой министерствомъ Шмерлинга, съ исторіей и государственнымъ составомъ Австріи. Но какъ бы то ни было, блестящіе финансовыя и экономическіе результаты, достигнутые энергическими и совокупными усиліями лицъ, стоявшихъ въ эту эпоху австрійской исторіи у кормила правленія и созданныхъ ими учрежденій, усиліями, душой которыхъ была идея государственнаго единства, останутся навсегда живыми и краснорѣчивыми памятниками могущественной силы этой идеи даже для такого искусственно составленнаго и издавна фальшиво веденнаго государства какъ Австрія, — поучительнымъ урокомъ для историка и экономиста. Стоило вызвать могучую мысль о государственномъ единствѣ въ странѣ обезсиленной политическими смутами въ 1848 и 49 годахъ, полицейскимъ, мертвящимъ бюрократическимъ 10-ти-

лѣтнимъ управленіемъ, раззорительною войной, неудачами вышней политики,—въ странѣ, искусственно сплоченной изъ разнородныхъ элементовъ, не сложившихся въ одну національность,—и какъ бы по мановенію магического жезла исчезнувшій кредитъ вернулся, довѣріе народоваселенія къ правительству было восстановлено, подати стали поступать въ государственную казну безпрекословно, бюджетъ былъ основательно преобразованъ, оказалась у законодательнаго собранія достойная удивленія энергія въ дѣлѣ переустройства всего государственнаго бюджета, и мѣрило общественнаго довѣрія,—курсъ бумажныхъ государственныхъ денегъ—съ 50% подвинулся до *al pari*, наконецъ весь народъ зажилъ новою жизнью. Но прочнаго основанія эта система не могла найти для себя въ Австріи, потому что не могла найти для себя въ Австріи той опоры, которую даютъ государству народныя силы: едва началась новая эра для существованія Австрійской монархіи, какъ сами лица, вдохнувшія или старавшіяся вдохнуть въ австрійское государство новую жизнь и движеніе, уже испугались силы, вызванной ими къ жизни. Не успѣвъ дать благотворное направленіе этой силѣ, они содѣйствовали тому, чтобы другой ударъ жезла сокрушилъ воздвигнутое ими зданіе. Другіе порядки взяла перевѣсь, министръ финансовъ Белькредіевского министерства, графъ Ларинъ, продолжалъ, при составленіи бюджетовъ 1866 и 1867 года, прежнюю политику бережливости и постепенныхъ сокращеній; изданные имъ бюджеты представляютъ весьма удовлетворительные съ этой стороны результаты, но начавшееся было обновленіе экономического быта всего государства миновало, кредитъ Австріи былъ вновь потрясенъ, министерство не устояло противъ искушенія выпустить неразгнѣнныя ассигнаціи, денежная единица возвратилась къ прежнимъ колебаніямъ, и мелькнувшая-было возможность сплотиться въ одно крѣпкое и неразрывное цѣлое скрылась для Австріи, можетъ-быть, навсегда.

А. КУЛОМЗИНЪ.

ИСК (ск. Вѣстн. 1867 г. № 7).

1863.	1865.
Флоринъ.	Флоринъ.
7.458.700	7.421.144
726.537	685.971
76.000	63.482
151.837	145.782
68.500	69.608
2.486.150	2.220.360
25.727.580	24.351.158
4.724.500	5.250.641
13.109.000	11.571.000
3.441.160	3.360.000
2.022.025	2.057.698
—	30.000
21.584.766	17.989.458
9.150.567	7.072.000
2.645.676	

ФАУСТЪ

ТРАГЕДІЯ ГЁТЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЦЕНА I.

Ночь. Въ тѣсной готической комнатѣ съ высокими сводами Фаустъ сидитъ въ креслахъ у бюро, безпокойно.

ФАУСТЪ.

Философію всю я исчерпалъ съ любовію;
Медицину и право въ конецъ изучилъ;
Да, къ сожалѣнію, и богословію
Я не мало труда посвятилъ.
Потерялъ я лишь время! Чтò пользы мнѣ въ томъ?
Знаю то же, чтò прежде я зналъ,
И остался по прежнему я дуракомъ,
Хоть магистромъ и докторомъ сталъ!
Молодежь я учу вотъ ужъ десять годовъ,
Самъ же вижу я только одно:
Что я даромъ лишь за носъ вожу бѣдвяковъ,
Что намъ знать ничего не дано.
Сердце воетъ! Умнѣй я, конечно, поповъ,
Докторовъ и магистровъ, ханжей и писцовъ:
Не страдаю отъ робкихъ сомнѣній,
Не боюсь я чорта и адскихъ мученій;

Но и радость за то у меня отнята,
 И отрадная душу не тѣшитъ мечта,
 Что я правду святую нашель для людей,
 Что могу ихъ исправить наукой своей!
 Нѣтъ ни денегъ, ни чести, ни славы земной—
 И собака скучала бы жизнью такой!
 И предался я магіи. Тайнъ бытія
 Вѣщимъ словомъ духовъ не открою ли я;
 Чтобъ не вѣчно мѣл въ потѣ лица толковать
 Чего самъ я не знаю; чтобъ силу понять,
 Коей движется міръ и живетъ все живое—
 Прекратить наконецъ празднословье пустое!

Когда бы блѣдное сіянье
 Въ послѣдній разъ ты проливалъ,
 О мѣсяцъ, на мое страданье!
 Ты часто въ полночь заставлялъ,
 Печальный другъ, на мѣстѣ этомъ
 Меня и серебристымъ свѣтомъ
 Мои бумаги озарялъ.
 О! Если могъ бы на горахъ
 Бродить я при твоихъ лучахъ,
 И у пещеръ, и надъ скалами
 Парить съ воздушными духами!
 Отбросивъ знанья тяжкій хламъ,
 Въ росѣ купаться по доламъ!
 Увы! сижу въ тюрьмѣ я тѣсной,
 Въ стѣнахъ холодныхъ и глухихъ!
 Мерцаетъ тускло свѣтъ небесный
 Сквозь рамы оконъ расписныхъ!
 Въ пыли, изѣдены червями,
 Здѣсь кучи старыхъ книгъ лежатъ;
 Обои грязными кусками
 Со сводовъ до полу висятъ;
 Со всѣхъ сторонъ бумаги груды,
 Коробки, стклянки вижу я,
 Остатки дѣдовской посуды—
 И вотъ вселенная моя!

Какъ же сердцу въ груди не сжиматься тоской?
 Не влачиться годамъ чередой безотрадной?

Вмѣсто созданной Богомъ природы живой,
 Окружень отовсюду я гилью одной,
 И костями, и копотью сирадной!

Бѣжать отсюда! Міръ великъ!
 Прекрасны Божія творенья!
 Вотъ Нострадама сочиненья,
 Онъ мнѣ надежный проводникъ. •
 Уразумѣю въ вышинѣ
 Теченье мудрое свѣтилъ,
 Природы гласъ откроетъ мнѣ
 Законы тайныхъ, вѣчныхъ силъ.
 Но, сидя здѣсь, священныхъ словъ
 Умомъ холоднымъ не пойму.
 Ты близокъ мнѣ, о міръ духовъ!
 Откликнись зову моему!

*Открываетъ книгу и видитъ знакъ
 Макрокосма.*

Какую радость изливаетъ
 Священный символъ въ душу мнѣ!
 Живая бодрость возникаетъ
 Въ завѣтной сердца глубинѣ.
 Не Богъ ли мощною рукою
 Знакъ животворный начерталъ,
 Который къ счастью и покою
 Мой духъ смущенный возвратилъ
 И мірозданья предо мною
 Всѣ силы дивныя открылъ?
 Не богъ ли я? Душа свѣтлѣетъ,
 Съ красотъ природы палъ покровъ,
 И умъ, прозрѣвшій, разумѣетъ
 Глубокій смыслъ премудрыхъ словъ:

„Нѣтъ, міръ духовъ не замкнутъ предъ тобою;
 Ты сердцемъ мертвъ, сорви покровъ съ очей,
 Возстань, и бодро грудью ты земною
 Впивай сіянье утреннихъ лучей!“

Разсматриваетъ знакъ.

Все во единое дивно сливается,
 Дѣйствуетъ въ цѣломъ одномъ!

Божеской силою все проникается.
 Благоуханнымъ крыломъ
 Вѣетъ духъ жизни, съ небесъ низлетая;
 Къ небу отъ тверди земной
 Снова возносится сила живая;
 Небо и землю и міръ обнимая,
 Льются гармоніи звуки святой!
 Вѣчной природы краса непоятная!
 Радость и мука моя!
 Какъ обниму я тебя, необъятная?
 Тайный родникъ бытія
 Гдѣ я найду? Овъ могучей струею
 Небо и землю поить,
 Я же томлюся бесплодной тоскою,
 Жаждой напрасною сердце горить!

*(Съ досадою переворачиваетъ листы
книги, и видитъ знакъ дуга земли.)*

Вотъ знакъ другой, и чувства ужь другого,
 Нежданнаго, душа моя полна.
 Ты ближе мнѣ, духъ бытія земнаго.
 Зажглася кровь, какъ будто отъ вина,
 Я въ свѣтъ хочу, я жажду приключеній,
 И съ бурями вступить готовъ я въ бой;
 Не дрогну я средь кораблекрушеній,
 Не обольститъ меня успѣхъ земной!
 Но мѣсяцъ меркнетъ, лампа угасаетъ,
 Бѣжитъ по членамъ трепеть, въ вышинѣ
 Клубится дымъ и молнія сверкаетъ —
 Желанный духъ, ты здѣсь, явися мнѣ!
 Невѣдомымъ, мучительнымъ волненьемъ
 Забилось сердце, грудь горить моя;
 Зову тебя съ любовью, съ убѣжденьемъ:
 Явись! явись! хотя бы умерь я!

*(Схватываетъ книгу и таинственно
произноситъ знакъ дуга. Всплыва-
етъ красноватое пламя, Духъ
является въ пламени.)*

ДУХЪ.

Кто каичетъ?

Ф А У С Т Ъ (отвернувшись).

Страшный призракъ!

Д У Х Ъ.

Ты склонилъ

Меня къ себѣ упорнымъ заклинаемь,
 Въ мой міръ ты рвался пламеннымъ желаньемъ,
 И что жь?

Ф А У С Т Ъ.

Увы! моихъ не стало силъ!

Д У Х Ъ.

Меня ты долго, страстно умолялъ
 Открыться слуху твоему и зрѣнью:
 Я внялъ души могучему моленью.
 Зачѣмъ же жалкій ужасъ обуялъ
 Тебя? Не ты ли слабости плотскія
 Отвергъ, и міръ создавъ себѣ иной,
 Какъ равный намъ, восторги неземные
 Вкусить стремился гордою душой?
 Не ты ли, Фаустъ? Не ты ли къ намъ взывалъ,
 Стремился къ намъ всей силою желанья?
 И тыль, теперь, лишь только я предсталъ
 Дрожишь, какъ червь, отъ моего дыханья?

Ф А У С Т Ъ.

Нѣтъ, не дрожу я, призракъ огневой!
 Я тотъ же Фаустъ, и равенъ я съ тобой!

Д У Х Ъ.

Въ волнахъ бытія,
 Въ пучинѣ труда,
 Вращаюсь я
 Туда и сюда;
 Смерть и рожденіе,
 Пропасть бездонная,
 Жизнь въ измѣненіи
 Неугомовная,

Сплетая безъ усталы ткань вѣковую
Работаю Богу я ризу живую.

ФАУСТЪ.

Не зная отдыха по міру ты летаешь,
Трудолюбивый духъ, какъ близокъ я тебѣ!

ДУХЪ.

Ты близокъ лишь тому, кого ты понимаешь,
Не мнѣ.

(Исчезаетъ.)

ФАУСТЪ. *(Поразбѣнный.)*

Какъ? Образъ и подобье божества
Тебѣ ль не близокъ я? Кому же?

(Стучатся.)

О мученье!

Идетъ сосѣдъ ученый мой.
Видѣній чудныхъ упоенье
Отгонять прочь педавятъ сухой!

(Вагнеръ въ халатѣ и ночномъ колпакѣ съ лампой въ рукахъ. Фаустъ отворачивается съ досадой.)

ВАГНЕРЪ.

Прошу прощенья! Долетали
Рѣчей отрывки до меня.
Вы вѣрно трагиковъ читали;
Пришелъ у васъ учиться я.
Нельзя великаго значенья
У декламациі отнять:
Я слышалъ, можно бы въ ученье
Къ актеру пастора отдать.

ФАУСТЪ.

Да, если пасторъ роль играетъ,
Что и случается подчасъ.

ВАГНЕРЪ.

Ахъ! наша жизнь въ музеѣ протекаетъ,
Лишь изрѣдка доступенъ свѣтъ для насъ,
Урывками, такъ гдѣ жь намъ взять умѣнья
Имъ управлять посредствомъ убѣжденья?

ФАУСТЪ.

Коль чувства нѣтъ, не сильтесь вы напрасно!
 Коль слово, правдою своей,
 Не покоряетъ самовластво
 Сердца пѣвнныя людей,
 Не бейтесь даромъ! Трудъ безплодный
 Чужія крохи собирать,
 Насильно изъ золы холодной
 Плохое пламя выдувать!
 Дѣтей, глупцовъ хвала пустая
 Наградой лестной будетъ вамъ,
 Но не дрогнетъ струна живая
 Въ отвѣтъ безжизненнымъ словамъ!

ВАГНЕРЪ.

Оратору успѣхъ искусство лишь даетъ,
 А мнѣ, я знаю самъ, его недостаетъ.

ФАУСТЪ.

Ищи ты пользы безъ затѣй,
 Не будь напыщеннымъ глупцомъ,
 И безъ риторики людей
 Ты здравымъ убѣдишь умомъ.
 Коль вправду хочешь что сказать
 Къ чему словами щеголять?
 Вѣрь, безотраденъ блескъ пустой
 Рѣчей, искусно сочиненныхъ,
 Какъ вѣтеръ, осенью сырой
 Въ вѣтвяхъ шумящій обнаженныхъ!

ВАГНЕРЪ.

Объемъ науки такъ великъ!
 А вѣкъ людской летитъ стремлою!
 Къ трудамъ ученымъ я привыкъ,
 Но страхъ беретъ меня порою:
 Какъ трудно способы найдти,
 Чтобъ до источниковъ добраться,
 А тамъ, глядишь, на полпути
 Придется съ жизнью разстаться!

ФАУСТЪ.

Пергаментъ! Это ль ключъ святой,
И въ немъ ли жажды утоленье?
Не жди усталую душу
Отъ мертвой буквы обновленья!

ВАГНЕРЪ.

Нѣтъ, много радостей мнѣ книги доставляли
Въ нихъ вижу явственно я духъ временъ былыхъ,
Какъ люди мудрые бывало разсуждали,
И какъ далеко мы впередъ ушли отъ нихъ.

ФАУСТЪ.

Богъ вѣсть куда! мой другъ, минувшее предъ нами
Сокрыто за семью замками!
А этотъ духъ временъ былыхъ
Лишь обольщеніе пустое!
Лишь духъ писателей самихъ
Переносимый на былое!
И въ руки не взялъ бы, ей-ей,
Ихъ жалкое бытописание!
Тутъ не дѣла живыхъ людей,
А сбродъ ненужныхъ мелочей,
Отребья всякаго собранье,
И куча правилъ превосходныхъ,
Для куколъ, можетъ-быть, пригодныхъ!

ВАГНЕРЪ.

Но мнѣ, людей, бываю старину
Для всякаго полезно познавать.

ФАУСТЪ.

Да, не вдаваясь слишкомъ въ глубину.
Кто смѣетъ вещь по имени назвать?
Кто мысли мощной покорилъ природу,
И безразсудно, въ сердца полнотѣ,
Святыя тайны открывалъ народу,
Тотъ погибалъ въ огнѣ и на крестѣ.
Оставимъ это. Все ужь спитъ кругомъ
Пора и намъ бесѣду перервать.

ВАГНЕРЪ.

Охотно глазъ я не смыкалъ бы своимъ,
 Чтобъ такъ учено съ вами разсуждать!
 Но завтра свѣтлый праздникъ, можетъ-быть,
 Удастся мнѣ кой-что у васъ спросить.
 Я для наукъ стараній не жалѣлъ
 И много знаю я, но все бы знать хотѣлъ.

(Уходитъ).

ФАУСТЪ (однимъ).

Какъ человѣкъ надежды не теряетъ,
 Коль въ трудъ бесплодный погружень,
 Усердно клада ищетъ онъ
 И червяковъ лишь вырываетъ?
 Могла ли здѣсь раздаться рѣчь такая,
 Гдѣ окружалъ меня волшебный мѣръ духовъ?
 Увы! на этотъ разъ благодарю тебя я,
 Ничтожнѣйшій изъ всѣхъ земли сыновъ!
 Ты разогналъ ужасное смущенье,
 Грозившее лишить меня послѣднихъ силъ.
 Предъ подавляющимъ величьемъ явленья,
 Я карликомъ себя невольно ощутилъ!
 Подобье Божіе, какъ близко предъ собой
 Ужъ вѣчной истины я видѣлъ обладанье,
 Какъ жадно я впивалъ небесное сіянье
 И прочь отбросилъ тлѣнь земной.
 Свободной силою честиѣ херувимъ,
 Ужъ съ силами природы я сливался
 И творческимъ блаженствомъ наслаждался,
 Увы! во прахъ мой чудный мѣръ распался,
 Сраженъ я словомъ громовымъ!
 Не долженъ я себя равнять съ тобою!
 Ты вызванъ былъ усердною мольбою,
 Но вновь исчезъ, неуловимъ!
 Въ тотъ мигъ, какъ счастливъ былъ глубоко,
 Какъ былъ и слабъ, и силенъ я!
 Ты оттолкнулъ меня жестоко
 Во мракъ земнаго бытія.
 Откуда ждать мнѣ указанья?

Вѣряться ль мысли мнѣ своей?
 Ни трудъ, ни праздное страданье
 Впередъ не двигаетъ людей.
 Сознаніе великаго, святаго
 Туманится житейской суетой:
 Когда добра достигнемъ мы земнаго,
 Все лучшее намъ кажется мечтой,
 Высокихъ чувствъ, порыва мы живаго
 Чуждаемся холодною душой.
 И если насъ полетъ воображенья
 Въ надземный міръ бывало уносишь,
 Жизнь разобьетъ надменные стремленья
 И въ тѣсный кругъ замкнетъ избытокъ силъ.
 На сердце намъ забота налегаетъ
 И тайныя страданья поражаетъ,
 И отравляетъ радость и покой,
 Являясь, что ни день, подъ маскою иной.
 Имѣнье, домъ, семья, вездѣ ее встрѣчаемъ,
 Огонь, вода, и ножъ, и ядъ,
 Насъ вѣчно призраки страшатъ,
 Облакиваемъ то, чего мы не теряемъ.
 Нѣтъ, чувствую, не мнѣ равнять себя богамъ!
 Подобенъ слабымъ я и жалкимъ червякамъ.
 Какъ я, въ пыли живутъ и роются они
 И въ прахъ безъ слѣда свои кончаютъ дни.
 Не пыль ли здѣсь по всѣмъ угламъ
 Съ высокихъ стѣнъ ко мнѣ валится?
 Не пыль ли этотъ старый хламъ,
 Который вкругъ меня тѣснится?
 Здѣсь истину хочу открыть?
 Что скажутъ мнѣ всѣ книги эти?
 Что людямъ всюду трудно жить?
 Что рѣдко счастье на свѣтѣ?
 Что ослабляешься ты, черепъ, мнѣ, пустой?
 И твой когда-то мозгъ, какъ мой теперь, смущался,
 Дня свѣтлаго искалъ, и въ темнотѣ глухой,
 Съ желаньемъ истины, безумно ошибался!
 Вы, инструменты, всѣ смѣтеть надо мной!
 Съ колесами, вальками, рычагами
 Надменно я стоялъ предъ дверью запертой—
 Но вамъ не совладѣть съ тяжелыми замками!

Природа съ красоты своей
 Покрова снятъ не дозволяетъ,
 И ты машинами не выведишь у ней
 Чего твой духъ не угадаетъ!
 Ты, утварь старая, тебя не трогаю я;
 Отцу лишь моему ты некогда служила;
 Обои ветхія, васъ лампочка моя,
 Куряся ночью закоптила.
 Чѣмъ здѣсь потѣть, растратить бы давно
 Мнѣ небогатое имѣнье!
 Наслѣдіе отцовъ на пользу намъ даю,
 А не на глупое храненье!
 Чѣмъ я не пользуюсь, то бремя лишь одно,
 Лови же на лету минуту наслажденья!

Зачѣмъ на мѣстѣ томъ мой взглядъ остановился,
 Какъ очарованный той стклянкою простой?
 Какой отрадный свѣтъ мнѣ на душу излился,
 Какъ сладкій блескъ луны въ глуши и тѣмъ лѣсной?

Привѣтствую тебя, о стклянка дорогая!
 Съ благоговѣніемъ теперь беру тебя я,
 Ты плодъ ума и званія людей.
 Смѣшеніе соковъ сотворно благодатныхъ,
 Веществъ смертельно ароматныхъ,
 Ты помоги мнѣ силою своей!
 Взглядъ на тебя страдающе утѣляетъ,
 Прикосновеніе тревогу укрощаетъ,
 Смиряется волненіе въ груди:
 Открылся взорамъ океанъ могучій,
 Онъ манитъ вдаль поверхность зыбучей,
 И новый свѣтъ сіяетъ впереди.
 Крылатую я вижу колесницу,
 Горящую, какъ пламя; я готовъ
 Оставить за собой земли границу
 Для новой жизни и другихъ міровъ!
 И ты ль достоинъ счастья такого?
 Тебѣ ли, червь, вкушать восторгъ святой?
 Да! Лишь рѣшишь къ сіянью дая землаго
 Повернуться ты спиной!
 Разбей врата, замкнутыя отъ вѣка,
 Которыхъ всѣ хотѣли бѣ миновать.

Достоинство и доблесть человека
 На дѣлѣ здѣсь ты долженъ доказать.
 Предъ темной бездной духомъ не смутиться,
 Гдѣ грезится мученій страшный рядъ,
 Не содрагалась, къ выходу стремиться,
 Передъ которыми пламенѣтъ адъ,
 Шагъ роковой свершить безъ опасенья,
 Хотя бы тамъ ждало уничтоженъ!
 Хрустальный кубокъ, чистый, драгоценный,
 Оставь же ты футляръ свой запыленный!
 Я много лѣтъ тебя не вспоминалъ!
 Пирь отцовъ тобою украшались
 И гости всѣ развеселялись,
 Когда тебя одинъ другому подавалъ.
 Обиліе богатыхъ украшеній,
 Которыя въ стихахъ водилось объяснять
 И залпомъ чашу выпивать,
 Напоминаетъ дни утѣхъ и наслажденій.
 Сегодня я тебя не передамъ сосѣду;
 Толкуя твой узоръ, не оживлю бесѣду;
 Хмель скоро разберетъ отъ этого питья!
 Струюю темною въ тебя его вливаю;
 Я одѣлалъ самъ его, его я выбираю,
 И кубокъ отъ души послѣдній подвимаю
 Въ честь утра радостнаго я!
(Подноситъ чашу къ губамъ. Колокольный звонъ и пѣніе.)

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христось воскресъ! Спасеніе
 Онь смертнымъ даровалъ!
 Пято грѣхопаденія,
 Оковы преступленія
 Онь стеръ и разорвалъ!

ФАУСТЪ.

Какой невнятный звукъ далекихъ голосовъ
 Насильно ото рта мнѣ чашу отнимаетъ?
 Ужели звонъ глухихъ колоколовъ
 Уже праздника начало возвѣщаетъ,
 И хоръ торжественный той пѣсню святой,

Звучавшей вѣкогда средь ночи гробовой,
Надъ смертію побѣду прославляетъ?

ХОРЪ ЖЕНЩИНЪ.

Мы влагой драгоценною
Учителя омыли,
Съ любовью неизмѣною
Мы тѣло положили,
Прикрыли, удаляясь,
Покровами его,
Не видимъ, возвращаяся,
Христа мы своего!

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христосъ воскресъ изъ тѣвнїа!
Онъ смертію смерть попралъ.
Блаженъ, кто въ часъ боренїа,
Страданья, искушенїа
Душою устоялъ!

ФАУСТЪ.

Зачѣмъ ко мнѣ несешься ты съ небесъ,
Плѣвительный и мощный голосъ рая?
Не для такихъ, какъ я, Христосъ воскресъ!
Невозвратима вѣра мнѣ живая.
Безъ вѣры нѣтъ спасенья и чудесъ!
Не смѣю я къ тѣмъ сферамъ возноситься,
Откуда вѣсть благая мнѣ звучитъ.
Но этотъ звукъ о прошломъ говоритъ,
И чувство юное на сердцѣ шевелится.
Какъ поцалуй въ субботней тишинѣ
Мнѣ этотъ голосъ съ неба приносился;
Болокола вѣщали тайну мнѣ,
Восторженно и страстно я молился.
Въ лѣса, въ луга меня тогда влекли
Невыразимо сладкія стремленья;
Потокомъ слезы жгучія текли,
Въ груди тѣснились чудныя видѣнья!
Свободу, игры, радости весны

Мнѣ эта пѣсня вѣкогда сулила—
 Мнѣ грезятся опять бывые сны,
 Въ послѣдній часъ мнѣ измѣняетъ сила—
 Раздайтесь вновь, святые звуки рай!
 Слеза течетъ, мила мнѣ жизнь земная!

ХОРЪ УЧЕНИКОВЪ.

Сбылось обѣтованіе!
 Изъ ночи гробовой
 Во славу и въ сіяніи
 Христосъ возсталъ живой,
 Вкусилъ неизрѣченныя
 Блаженства глубины,
 А мы оковы бранныя
 Влечить осуждены!
 Бездомцами скитаемся
 Одни въ краю земномъ;
 Учитель, мы печалимся
 О счастиі Твоемъ!

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христосъ воскресъ! Мужайтесь,
 И радостной душой
 Отъ узъ освобождайтесь
 Грѣховности мірской.
 Спасителя хвалители,
 Страданій исцѣлители,
 Земныхъ племявъ учителя,
 Блаженства возвѣстители,
 Отъ васъ не отлучень,
 Вамъ близокъ Онъ!

И. ПАВЛОВЪ.

СЕЛЕНІЕ НА СКАЛѢ*

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

XIV. Madame Фонтенъ у себя дома.

Когда Катерина съ мужемъ вернулась черезъ двѣ недѣли изъ своей поѣздки и взглянула изъ оконъ дилижанса на замокъ, тамъ ставни были закрыты, стулья въ саду опрокинуты, желѣзныя ворота заперты на-глухо. Катерина до сихъ поръ все еще не совершенно свыклась съ мыслию, что она возвращается уже не въ замокъ, а въ маленькій домикъ, съ балконами и флюгерами, который показывала ей Mme де-Траси. Какъ въ сказкѣ, она, казалось, провела сто лѣтъ въ волшебномъ царствѣ съ эльфами и гномами. Никого уже не было изъ всѣхъ, кого привыкла она видѣть. Дикъ уѣхалъ, остальные разсѣялись въ разные стороны; иностранцы, жившіе въ селеніи, большею частію разѣхались; даже сама Катерина Джорджъ исчезла; г. Мераръ съ женой удалились въ свое имѣніе, мадемуазель, запущенную дачу на большой дорогѣ въ Байё, но Фонтенъ увѣрялъ, что они не замедлятъ вернуться. Можетъ-быть, въ глубинѣ сердца достойный меръ сожалѣлъ, что его tête-à-tête будетъ прерванъ такъ скоро; но онъ строго осуждалъ себя за это эгоистическое чувство.

— Я такъ многимъ обязавъ этимъ почтеннымъ старикамъ; объяснялъ онъ,—дочь ихъ принесла мнѣ такое прекрасное приданое, что они въ правѣ считать мой домъ своимъ. Ты, *ma très chère amie*, одарена счастливымъ, ровнымъ характе-

* См. Русск. Вѣстн. №№ 4, 5 и 6.

ромъ, я знаю, что ты не затруднишься оказывать имъ ту внимательность, которая такъ прилична молодымъ людямъ относительно людей старыхъ. Я буду тебѣ искренно признателемъ за это.

Катерина улыбулась такому торжественному увѣщанію. Она была рада, что можетъ что-нибудь сдѣлать для мужа. Ей уже становилось стыдно, глядя на его доброту, на его полное счастье. Жестоко брать такъ много и такъ мало дать съ своей стороны, думала она. По крайней мѣрѣ буду исполнять свои обязанности относительно его, говорила она себѣ, и съ сердцемъ кроткимъ, но полнымъ надежды, переступила она черезъ порогъ своего новаго дома. Тутъ встрѣтилъ ихъ Тото, и принялся радостно прыгать по платью Катерины, и Жюстина, отличная кухарка, вышла поглядѣть на новую хозяйку.

— *Soyez la bienvenue*, сказалъ Фонтенъ, нѣжно обнимая свою жену, и всѣ трое очень весело сѣли обѣдать при свѣтѣ лампы. Обѣдъ начался съ дыни.

— Бабушка пріѣзжаетъ въ субботу черезъ недѣлю, сказалъ Тото.—Пелотье заѣдетъ за ними по-пути изъ Кана.

— А! тѣмъ лучше! сказала Жюстина, унося пустыя блюда. Жюстина не одобряла вторыхъ браковъ.

М—ше Фонтенъ скоро увидѣла, что въ домашнемъ хозяйствѣ ей не будетъ почти никакого дѣла. Она робѣла передъ отличною кухаркой Жюстиной, пятнадцать лѣтъ жарившею котлеты Фонтену, и не смѣла вступаться въ кухню. Фонтенъ въ теченіи долгой холостой жизни, по смерти первой жены, привыкъ самъ заниматься хозяйствомъ. Онъ присматривалъ за покупкой рыбы и провизіи и за приготовленіемъ супа. Онъ кололъ сахаръ и исправлялъ разныя домашнія дѣла. Иногда поутру его можно было видѣть на дворѣ, прилежно занимающимся пиленіемъ дровъ для печки. Онъ ставилъ колья, чтобы развѣшивать платье и бѣлье, а при случаѣ помогалъ и убрать его отъ дождя. Вколачивалъ гвозди, работалъ въ саду, чинилъ окна, подписывалъ поселянамъ бумаги: брачныя контракты, условія, заявленія жалобъ. Жители Петипорта постоянно приходили къ своему меру за совѣтомъ или расправой. Фонтенъ всегда уговаривалъ ихъ не судиться; но сосѣди упорно стояли на своихъ правахъ и весьма любили тяжбы. Даже старая Нанонъ Лефобюръ настойчиво захотѣла истратить свои скудные зара-

ботки на вызовъ къ суду своего родственника Леруа, въ Байё, несправедливо завладѣвшаго, какъ она увѣрала, принадлежащею ей суммой въ два фунта. Она проиграла процессъ и получила назадъ отъ Фонтена нѣсколько шиллинговъ съ наставленіемъ, которое приняла очень дурно. Она никакъ не хотѣла вѣрить, чтобъ онъ не извлекъ себѣ изъ этого дѣла какихъ-нибудь тайныхъ выгодъ.

Въ первое же утро послѣ пріѣзда Катерина, сидя на террасѣ, услышала громкіе голоса нѣкоторыхъ кліентовъ мѣра, провзительно и гнѣвно раздающіеся изъ кухни, гдѣ Фонтенъ чинилъ судъ. Съ маленькой террасы, Катерина видѣла море и покатую улицу селенія и *lavatoire*, гдѣ сельскія женщины, въ черныхъ чулкахъ и бѣлыхъ чепцахъ, полоскали и колоути бѣлье и болтали между собой. Смѣшанные звуки приносились порывами въ садъ къ Катеринѣ; свѣжій вѣтерокъ съ моря долеталъ къ ней съ запахомъ розъ. Въ ясные дни видѣлись далеко въ морѣ утесы Кальвадосъ, гдѣ разбилась испанская галера. Она разбилась и потонула, и всё на ней погибло, гласить преданіе, и страшные утесы были съ тѣхъ поръ прозваны по ея имени, въ память и предостереженіе. Но теперь вся окрестная страна называется Кальвадосъ, и это имя, всѣмъ привычное, никого уже не страшитъ. Фонтенъ чинилъ судъ иногда въ кухнѣ, иногда въ темныхъ сѣняхъ, гдѣ держалъ веревки, чернила, сургучъ и столярныя инструменты. Домикъ былъ болѣе живописенъ чѣмъ удобенъ для жилья. Вѣтеръ стремительно налеталъ на тонкія стѣны, провикалъ въ щели и трещины; флюгера бѣшено вертѣлась, звуча какъ отдаленные барабаны. Въ осенній разливъ, говорила Жюстина, вода заливала террасу и грады цвѣтовъ, и дождевые потоки со скалъ стекались лужами у дверей столовой. Гостиная была на верху. Въ ней всегда были затворены ставни, чехлы надѣты на мебель, ковры свернуты, и фортепіано заперто. Эта комната всегда стояла пустая. Когда г. Мераръ жилъ съ ними, обыкновенно сидѣли вечеромъ въ его спальнѣ. Тамъ уютѣе, говорилъ Фонтенъ женѣ. Катеринѣ это не совсѣмъ нравилось; она просила позволенія отворить гостиную и пользоваться ею и фортепіано.

Фонтенъ согласился; на что не согласился бы онъ, еслибъ она пожелала? Но, очевидно, это стоило ему усилія, онъ боялся, что скажетъ М—ше Мераръ. Второй день въ *chalet* пока-

заяса Катеринѣ вѣсколько длиннѣе перваго, третій длиннѣе втораго. Фонтенъ, напротивъ, не видалъ какъ шло время. Онъ принялся за свои обычныя занятія, ходилъ, хлопоталъ, постоянно заботясь, чтобы Катерина не оставалась одна. Ей иногда хотѣлось быть одной; она привыкла къ одиночеству, и постоянная внимательность къ ней, постоянное присутствіе другаго лица вѣсколько утомляли ее. Отъ нея требовалось только, чтобъ она говорила: „Оні, мон ами“, или „пон, мон ами“. Черезъ мѣсяць это стало казаться скучнымъ. Считая двѣ недѣли, проведенныя въ Руанѣ, Катерина была замужемъ мѣсяць. Петипортъ надѣлъ ночной колпакъ; не оставалось почти никого изъ пріѣзжихъ; ставни во многихъ домахъ закрылись, на улицѣ стало тихо. Катерина отправилась на ферму, но Доминикъ сказалъ ей, что Ревъ въ Канѣ. Одинъ день ничѣмъ не отличался отъ другаго. Никто у нихъ не бывалъ. Фонтенъ говорилъ какъ всегда. Наконецъ Катерина стала почти желать пріѣзда дѣда и бабки Тото, чтобы прервать однообразіе.

„Ce qui coûte le plus pour plaire, c'est de cacher que l'on s'ennuie.“ Эти слова Катерина прочла въ какомъ-то собраніи французскихъ изрѣченій, и долго потомъ они звенѣли у нея въ ушахъ. Она иногда невольно припоминала ихъ въ это первое время своей замужней жизни, сидя у камина воедино съ Фонтеномъ. Меръ обыкновенно держался прямо, словно аршинъ проглотилъ, сидя на стулѣ у стола, радостно смотря на осуществленіе своихъ мечтаній; садая на низкихъ креслахъ у камина, роняя работу, думала, можетъ-быть, между тѣмъ, она ли это тутъ сидитъ это ли конецъ ея желаній и грёзъ? Золотое кольцо на пальцѣ говорило ей, что такъ дѣйствительно. Здѣсь ея домъ. Вотъ сидитъ ея мужъ, внимательный, преданный, безупречный, словоохотный, ахъ! до чего словоохотный! Фонтенъ любилъ говорить: это была его способность, его страсть, его потребность. На самые неинтересныя, невѣроятныя предметы находились слова въ его изобрѣтательномъ умѣ. Его рѣчь изумляла изысканностью и непрерывностью. Теперь, впервые посавъ долгихъ лѣтъ, нашелъ онъ терпѣливаго и молчаливаго слушателя, и потокъ, долго сдержанный, изливался обильно. Бѣдный Фонтенъ былъ счастливъ и веселъ; въ такихъ обстоятельствахъ какихъ повтореній, обращеній, вопросовъ, утвержденій могло быть достаточно? Не всѣми ли формами рѣчи надлежало выразить

Катеринѣ какъ живо чувствуетъ онъ выпавшее ему на долю счастье? „И ты тоже счастлива“, говорилъ онъ восторженно, и когда жена его улыбалась признательно и отвѣчала „да“, никто, я думаю, не рѣшился бы осудить ее.

Она дѣйствительно была счастлива въ извѣстномъ смыслѣ. Ей было такъ ново, что она нужна, любима, что на нее обращаютъ вниманіе что за ней ухаживаютъ. Ей все это какъ-то не вѣрилось. Фонтенъ постоянно думалъ чѣмъ бы доставить ей удовольствіе. Было положено, что сестры ея будутъ прѣзжать къ ней на праздники, всегда, когда имъ угодно, говорилъ онъ, и сердце Катерины билось радостно при мысли, что она приметъ ихъ въ своемъ домѣ. „Я дамъ имъ хорошенькую комнатку наверху, съ окнами на улицу“, думала она. „Куплю двѣ кровати, да нѣсколько цвѣтовъ на окна.“ Каждый день, проходя по лѣстницѣ, она заглядывала въ эту комнатку и придумывала что бы устроить, что понравилось бы имъ. Какъ счастливы онѣ будутъ! Эта мысль необыкновенно радовала ее. Съ любовью представляла она себѣ въ этой комнаткѣ ихъ двѣ милыя головки. Она подѣлилась съ Тото своимъ секретомъ; однажды онъ вѣжкамъ держа въ рукахъ статуетку Наполеона на островѣ Св. Елены, которую онъ купилъ на улицѣ.

— *C'est pour tes petites soeurs*, воскликнулъ онъ, и мачиха обняла его и покрыла поцѣлуями его круглое личико.

Фонтенъ въ эту минуту проходилъ мимо двери, его лорнетка совсѣмъ потускнѣла отъ слезъ, навернувшихся на глаза при видѣ этой сцены.

— Я совершенно растроганъ, сказалъ онъ входя. — Ахъ, мой другъ! ты своимъ присутствіемъ здѣсь глубоко осчастливила двухъ человекъ. Я проливаю радостныя слезы, онѣ слушать облегченіемъ сердцу.

Это былъ патетическій возгласъ. Фонтенъ, дѣйствительно, безсознательно бывалъ трогателемъ своею добротой и вѣжностью, а затѣмъ черезъ минуту, когда начиналъ хитрить, становился нелѣпъ.

Въ первое время по возвращеніи, находясь еще въ возбужденномъ состояніи, Фонтенъ забылъ нѣкоторыя свои привычки и особенности, которыя мало-по-малу стали оживать. Утромъ того дня, въ который ожидали господина Мераръ съ женой, онъ явился въ опрятномъ байковомъ передникѣ и принялся сметать пылъ вѣвникомъ изъ перьевъ, устанавли-

вать мебель, бѣгать на кухню, словомъ, лично все приготовлять къ ихъ прїѣзду.

— Не могу ли я что-нибудь сдѣлать? спросила Катерина робко.

— *Va-t-en, mon enfant*, отвѣчалъ Фонтенъ, обнимая ее, — а займись.

Катерина сознавала, что это глупо, но ей было непріятно видѣть его за такимъ занятіемъ. Она взяла работу и сѣла въ ожиданіи у окна столовой, и пришелъ ей на память тотъ день, когда она съ *M—me de Траси* подошла какъ чужая къ дверямъ своего будущаго дома. Наконецъ Тото вбѣжалъ, возвѣщая прїѣздъ дѣда и бабки. Фонтенъ снялъ передникъ и бросился въ садъ, а Катерина вышла въ двери встрѣчать ихъ. Она немного дичилась, но рада была сдѣлать, сколько могла, угодное мужу и его родственникамъ.

М-г и *М—me Мераръ* были люди тяжелые. Ихъ пришлось бережно высаживать изъ высокаго экипажа *Жюстина* и Фонтену, которыя внесли за ними ихъ скромную поклажу. Хотя чемоданъ ея былъ не великъ, *М—me Мераръ* была однако чисто и роскошно одѣта. *М-г Мераръ*, старикъ очень толстый, былъ въ туфляхъ, бархатномъ колпакѣ и кавъччатыхъ панталонахъ. Онъ тотчасъ же, какъ вошелъ, снялъ сюртукъ и сѣлъ, запыхавшись, на стулъ у окна.

— *Venez, mon amie*, сказалъ Фонтенъ, весьма взволнованный, подводя Катерину за руку. — *Mon père, ma mère* (онъ имѣлъ склонность къ витійству и картинности), вотъ вамъ дочь, удѣлите ей частицу того чувства, которое вы въ теченіе многихъ лѣтъ питали ко мнѣ.

Табачный поцѣлуй въ лобъ отъ *М—me Мераръ*, что-то въ родѣ сопѣнія и кивка головой, вотъ частица, доставшаяся на долю Катерины. *М-г Мераръ* подозвалъ ее знакомъ и тоже поцѣловалъ медленно, по причинѣ своего большаго роста. Затѣмъ они перестали обращать на нее вниманіе, только по временамъ Катерина чувствовала упирающійся въ нее взглядъ пронзительныхъ глазъ старухи, словно острыя булавки.

— Ну, *Жюстина*, сказала *М—me Мераръ*, обращаясь къ кухаркѣ, — все ли у васъ благополучно? Хорошо ли ты ходила за хозяиномъ и за Тото? Что ты дашь намъ сегодня къ завтраку?

— За завтракъ ужь пускай отвѣчаетъ самъ хозяинъ, ска-

зада Жюстина, сдѣлавшаяся раздражительною, какъ только явилась надежная союзница. — Онъ очень ошибается, если полагаетъ, что можно готовить какъ слѣдуетъ, когда хозяйка ежеминутно бѣгаютъ по кухнѣ.

— Справедливо, ma fille, сказала М—ше Мераръ благосклонно.—Я это сто разъ ему говорила. Ну, скажите же мнѣ, гдѣ вы безъ меня брали масло?

— У М—ше Бино, какъ вы приказывали, отвѣчала Жюстина.

— Хорошо, сказала М—ше Мераръ.—Однако ни на кого нельзя положиться. Представь себѣ, Шарль, я платила тридцать восемь су за фунтъ. Положимъ, что масло отличное, да все-таки тридцать восемь су. Просто нестерпимо. Чтò стоить масло въ Англии? спросила старуха, внезапно обращаясь къ Катеринѣ и очевидно ожидая положительнаго отвѣта на простой вопросъ.

— Пользъ кр... не знаю, отвѣчала Катерина, взглядывая на Фонтена, чтобъ онъ помогъ ей. Фонтень отвернулся, огорченный: ему хотѣлось, чтобы жена его явилась въ выгодномъ свѣтѣ, а онъ зналъ, какое неприятное впечатлѣніе произведетъ ея незнаніе.

— Ого! сказалъ старый Мераръ страннымъ, пищащимъ голосомъ.—Вамъ надо поучиться у М—ше Мераръ.

Онъ добродушно пытался отвлечь неприятность.

— Поучиться, сказала М—ше Мераръ сухо.—Теперь уже молодыя женщины не считаютъ нужнымъ заботиться о хозяйственныхъ расходахъ. Можетъ-быть потому, что расходы эти дѣлаются не изъ ихъ добра.

Катерину очень разсердила эта вичѣмъ не вызванная нападка. Однако она сдержалась.

— Я буду очень рада учиться у васъ, сказала она.

Но ей уже начинало казаться, что напрасно желала она прекращенія своего tête-à-tête съ мужемъ. Если трудно казаться въ духѣ, когда скучаешь, то не менѣе трудно скрывать чувство оскорбленія. Всѣ сѣли завтракать. М-г Мераръ потребовалъ булавку и тщательно прикололъ себѣ салфетку на грудь. М—ше Мераръ, не стѣсняясь, ножомъ своимъ рѣзала хлѣбъ и ѣла куски съ тарелки. Все шло довольно благополучно, пока Тото,—который велъ себя отлично двѣ недѣли,—возбужденный возвращеніемъ дѣда и бабушки, а можетъ-быть и виномъ, даннымъ ему старухой, не вышелъ совер-

шенно изъ себя: началъ совать руки въ блюда, досталъ себѣ такимъ образомъ рыбу, которая ему приглянулась, барабанилъ ложкой по столу, поднималъ и протягивалъ свою тарелку и облизал соусомъ платье Катерины. Она кротко положила ему руку на плечо и серьезно сказала ему нѣсколько словъ на ухо. Это оказалось возмутительнымъ. М—ше Мераръ понюхала табаку и утерла платкомъ и носъ, и глаза, качая головой.

— Ахъ, Шарль, сказала она,—помнишь ли, какъ терпѣлива была съ нимъ бѣдная мать его? Она никогда его не бранила, никогда.

— Не думаю, чтобы сама Леонія могла обращаться съ сыномъ вѣжливѣ чѣмъ мачиха, отвѣчалъ Фонтенъ, очень смѣло, улыбаясь и протягивая руку Катеринѣ.

Но и это не помогло. Не нашла Катерина милости въ кошачьихъ глазкахъ М—ше Мераръ. Вопервыхъ, она боялась ея; а такого страха не терпятъ люди съ неприятнымъ характеромъ и съ добрымъ сердцемъ. Цѣлый день Катерина всеми силами старалась угодить старикамъ. Она гуляла съ ними; съла даже играть съ ними въ вистъ. Играли отъ часа до пяти. Затѣмъ священникъ пришелъ навѣстить свою старую знакомую М—ше Мераръ, и Катерина убѣжала въ садъ подышать вольнымъ воздухомъ на террасѣ и постараться забыть утомленіе и униженіе дня. Такъ вотъ существованіе, которое она добровольно выбрала, вотъ спутаники ея на жизненномъ пути. Чтò за старая хозяйка! Чтò за экономія! Чтò за усы! Чтò за свирѣпыя глазки! Чтò за ходячій преисъ-курантъ! Свѣжій, отрадный вечерній вѣтерокъ повѣялъ сквозь розы, утѣшая ее нѣсколько, и черезъ минуту явился Фонтенъ. Лицо его сіяло, будто онъ только что услышалъ радостную вѣсть; онъ махалъ рукой и легко подбѣжалъ къ ней.

— Все утро я не былъ покоенъ; я боялся, что что-нибудь неладно, признался онъ откровенно Катеринѣ.—Но теперь я совершенно успокоился. Маменька говоритъ священнику, что она съ вѣщимъ моимъ намѣренемъ провести у насъ всю зиму.

Катерина попыталась что-то сказать, но не могла.... Мужъ ничего не замѣтилъ.

Фонтенъ, по своему добродушію и искренности, былъ сильно привязанъ къ людямъ, съ которыми свела его жизнь, и къ

понятіямъ, которыя отъ нихъ заимствовалъ. Онъ освоился съ ихъ странностями, привыкъ къ ихъ разговору о мѣстахъ и лицахъ, съ дѣтства ему знакомыхъ. Приемы ихъ не поражали и не оскорбляли его. Мѣрая на свой аршинъ иностраные нравы и обычаи, мы всегда судимъ о нихъ невѣрно и несправедливо. Чтѣ Катеринѣ казалось ребячествомъ, иногда смѣшнымъ, иногда скучнымъ, то для Фонтена было естественнымъ отправленіемъ всѣдневной жизни. Онъ могъ съ полнымъ удовольствіемъ сидѣть и бесѣдовать по цѣлымъ часамъ въ своей сторожкѣ, на которой развѣвался маленькій флагъ. Онъ могъ играть по цѣлымъ прекраснымъ вечерамъ въ грязныя карты или въ домино. Онъ надѣвалъ разные костюмы, смотря по обстоятельствамъ: охотничій костюмъ, когда отправлялся въ тиръ, который какой-то предпріимчивый спекуляторъ открылъ въ Байѣ; черныя штіблеты „rouge affaire“, красную флавелевую рубашку для прогулки на морскомъ берегу. Однажды онъ спросилъ жену, не хочетъ ли она пойдти съ нимъ въ замокъ. Ему нужно было побывать тамъ по дѣлу. Оставивъ Мераровъ на террасѣ, Катерина взяла шляпку и плащъ и пошла по дорогѣ въ гору подъ руку съ мужемъ. Она не была въ замкѣ со времени своей свадьбы. Все пришло ей на память; вспомнились сомнѣнія, отчаяніе. Вотъ и ворота, у которыхъ лишь нѣсколько недѣль тому назадъ Дикъ говорилъ ей о любви своей къ Рень. Все прошлое вертѣлось у ней въ головѣ какъ колесо. Пока Фонтель разговаривалъ со старостой, она позвонила и сказала Батисту, отворившему дверь, что желаетъ пойдти въ свою комнату.

— *Mais certainement, madame! Vous allez bien? Vous voyez, il n'y a plus personne.*

Катерина прошла черезъ залу и заглянула въ пустую гостиную: какъ измѣнилась она! Какъ тихо въ ней! Голоса и музыка перенеслись въ другое мѣсто, и Катерина Джорджъ уже не существовала; только легкій дымокъ поднимался изъ подернутыхъ пепломъ углей, остатковъ прошедшаго. Размышляя такъ, она вошла въ свою прежнюю комнату. Комната была пуста и неубрана, будто принадлежала покойнику.

Грустно и тяжело было на сердцѣ у Катерины. Она оглядѣлась кругомъ: заходящее солнце ударяло въ окно; слышался слабый знакомый гулъ моря. Она подошла къ маленькому бюро и заглянула въ одинъ изъ ящичковъ.

Въ послѣдній вечеръ, передъ свадьбой, разбирая и укладывая платя, она нашла одну вещьцу, которую не рѣшилась уничтожить и сунула въ ящикъ, куда бросила уже нѣсколько увядшихъ маргаритокъ. Еслибы кто нашелъ эту вещьцу, то ничего бы не узналъ и не понялъ. Эта была не болѣе какъ сухая темная роза, та самая, которую Дикъ когда-то поднималъ съ травы, что не помѣшало ей однако увянуть, подобно всѣмъ розамъ. Она до сихъ поръ лежала въ ящикѣ съ кучкой сухихъ маргаритокъ. Кто угадалъ бы, что вся исторія Катериной жизни написана на этихъ сухихъ стебляхъ и листьяхъ? Ей казалось, будто это чужая жизнь, чужая исторія. Она выдвинула ящикъ; тутъ никто ничего не трогалъ. Взявъ розу въ руку, она укололась о шипъ. „Ни запаха, ни цвѣта не осталось, только шипъ колючій, подумала Катерина со вздохомъ. Вотъ у этихъ цвѣточковъ нѣтъ по крайней мѣрѣ шиповъ.“ Затѣмъ она сѣла на кровать и начала говорить себѣ какъ добръ былъ къ ней Фонтенъ, и что теперь уже поздно раздумывать, хорошо ли или дурно она сдѣлала, что пошла за него. Надо довольствоваться тѣмъ что есть и не быть неблагодарною. Можетъ-быть, если будетъ терпѣлива, и смиренна и добра, когда-нибудь и увидится съ Дикомъ, и станетъ другомъ ему и Рель, и шипъ исчезнетъ изъ увядшей розы. Зовущій ее голосъ Фонтена прервалъ ея размышленія. Мужъ ждалъ ее у лѣстницы.

— Не посѣтитъ ли намъ то мѣсто, гдѣ мы впервые прочли въ сердцахъ другъ друга? оказалъ онъ сентиментально.

— Не нынче, отвѣчала Катерина кротко. — Мнѣ бы хотѣлось сойдти къ морю, пока еще не совсѣмъ стемнѣло.

Не всѣ еще уѣхали изъ Петипорта. Два-три семейства сидѣли въ деревянныхъ шалашахъ на взморьѣ, и въ воздухѣ звучали разговоры вмѣстѣ съ однообразнымъ плескомъ моря. На дамахъ были яркія шляпки, волны бурливо вздымались на блѣдно-желтоватомъ фонѣ неба. Двѣ-три блѣдныя звѣздочки выступали одна за другой и дрожали, словно бьющіяся живыя сердца въ безпредѣльной вселенной. Катерина сошла къ самому берегу и бросила что-то изъ рукъ какъ могла дальше.

— Что это такое? спросилъ Фонтенъ, поправляя лорнетку.

— Сухіе цвѣты, которые я нашла въ ящикѣ, отвѣчала Катерина.

— Милое дитя мое, зачѣмъ давать себѣ лишній трудъ?

сказалъ практической мужъ. — Ты бы оставила ихъ гдѣ наша, или бросила бы на дворѣ, если не хотѣла сорить въ комнату, или....

— Это маленькая сантиментальность съ моей стороны, сказала Катерина, смиренно стараясь покаяться. — Одинъ человекъ далъ мнѣ однажды въ Англіи розу, давно....

— Человекъ, который.... который.... который любилъ тебя, прервалъ Фонтенъ прерывающимся голосомъ, внезапно вспыхнувъ и оборачиваясь на нее.

— О, нѣтъ! отвѣчала Катерина: — ты единственный человекъ, который любилъ меня.

Она сказала это такъ кротко, такъ нѣжно, что Фонтенъ былъ тронутъ чрезмерно. Однако его внезапный гнѣвъ испугалъ ее. Она осуждала себя за то, что не рѣшается сказать ему больше того что сказала. Да ему нельзя растолковать. Зачѣмъ тревожить его разказами о прошедшемъ, разрушать его счастье и свое также? Увы! Вотъ уже до чего дошла она

XV. Въ сумеркахъ въ Ламбсвольдѣ.

Многого, какъ видно, Фонтенъ не зналъ. Катерина никакъ не рѣшалась сообщить ему о намѣреніи Дика жениться на Ревъ. Такого важнаго секрета нельзя было вѣрить болтливости достойнаго мера. Поселяне немного поговаривали; но все они привыкли къ странному, независимому нраву Ревъ, и черезъ нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда Дика они, повидимому, перестали думать о немъ. Но Ричардъ Бутлеръ вернулся домой съ твердымъ намѣреніемъ вывести это дѣло, какъ говорится, на чистоту. Прощаніе Ревъ и послѣдніе свѣтлые взгляды ея придали ему храбрости. Чего бы не сдѣлалъ онъ для нея?

Въ старыя времена рыцарь красавицы выѣхалъ бы смѣло биться съ драконами, злыми великанами, земными и морскими чудовищами. Единственный свирѣпый драконъ, ждавшій Бутлера на пути, былъ добрый старикъ въ Ламбсвольдѣ. Однако Бутлеру почему-то казалось, что онъ охотнѣе пошелъ бы на страшнаго чудовища съ ядовитыми жадами и огненными хвостами. Но онъ опять вспоминалъ, какъ Ревъ стояла, нѣжная и прекрасная, въ лучахъ заходящаго солнца, и на его собственномъ лицѣ выступало

выраженіе нѣжности. Женщины, обладающія рѣдкимъ даромъ великой красоты, въ правѣ дорожить имъ и благодарить за него небо. Безотчетно, однимъ дыханіемъ, въ одну минуту онѣ могутъ выразить все, что у нихъ на душѣ. Онѣ высказываются разомъ навсегда, между тѣмъ какъ другіе ищутъ словъ, напрягаются, силятся напрасно разорвать тѣснѣяща ихъ оковы. Какая рѣчь, какое слово сравнится съ нѣжнымъ сердцемъ, безмолвно говорящимъ своею прелестью и чистотой со всею силой искренности? Какое краснорѣчіе уподобится яснымъ глазамъ, которые глядятъ бодро, любовно, до вѣрчиво, одобряя васъ нѣжною улыбкой.

Куинсъ Уакъ былъ не такъ пустъ, какъ другія, болѣе свѣтскія части Лондона. Грязныя дѣти не оставили города. Барки проплывали, ворота въ садъ были отворены настежь. Экономка встрѣтила Бутлера, улыбаясь, въ своемъ лучшемъ чепцѣ.

— Мистеръ Бимшъ уѣхалъ, сказала она, — въ Дургамъ къ отцу, только что поправляющемуся отъ болѣзни.

Множество писемъ лежало на столѣ въ залѣ. Лицо Дика вытянулось значительно при видѣ груды скромныхъ конвертовъ съ низко писанными адресами и простыми начальными буквами на печатахъ. Мистрисъ Бусби вычистила и натерла до ясна старую лѣстницу. Мастерская тоже имѣла видъ довольно опрятный, свѣжій и удобный. Никого не было въ городѣ. Мистеръ Герве Бутлеръ съ женой въ Брейтонѣ, а мистеръ Чарльсъ Бутлеръ давно ужъ не пріѣзжалъ въ городъ. Мистеръ Бимшъ велѣлъ пересылать всѣ письма къ нему въ Дургамъ. Онъ хотѣлъ вернуться, какъ только можно будетъ оставить отца.

Всѣмъ знакомо отрадное, тихое чувство, съ которымъ возвращаешься домой послѣ праздничной поѣздки. Многолюдныя гостиницы, шумъ, суетня—все улетаетъ въ трубу. Все является чистымъ, уютнымъ, хлопоты всѣдневной жизни какъ будто приостанавливаются на время; словно смызнова начинаешь жить. Мистрисъ Бусби объявила, что всѣ ковры выбиты и что обѣдъ будетъ готовъ ровно въ шесть часовъ. Дикъ радъ былъ предлогу остаться у себя и отложить предполагаемое объясненіе. Онъ написалъ нѣсколько словъ въ Ламбсвольдъ, говоря, что пріѣдетъ черезъ недѣлю, или черезъ двѣ, какъ только окончатъ картину, которую привезъ съ собой изъ Траси.

Нѣсколько недѣль Дикъ работалъ очень прилежно, прилежнѣе чѣмъ когда-нибудь прежде. „Можетъ-быть, фигуры вышли на полотно изъ моей головы“, писалъ онъ Ренъ, „только въ нихъ есть какая-то особая, странная живость, такъ что я подѣ часть самъ пугаюсь своего произведенія“. Писалъ онъ картину печальную. Темнопрозрачное, волнистое море; сѣрое, туманное небо. По взморью идутъ нѣсколько червяющихся фигуръ и несутъ утоплеваника. Женщина и ребенокъ уныло плетутся съ ними рядомъ. Эта картина не похожа была ни на одну изъ тѣхъ, которыя прежде писалъ Бутлеръ. Тутъ не было никакихъ деталей, все было смутно и неопредѣленно, но волны какъ будто колыхались, и за туманомъ, казалось, мерцалъ солнечный свѣтъ.

Иногда онъ впадалъ въ совершенное уныніе надъ своею работою, трудясь день за днемъ, одинокій, никѣмъ не ободряемый. Но онъ продолжалъ трудиться и, наконецъ, сказалъ себѣ, что при всѣхъ недостаткахъ и погрѣшностяхъ, въ этой картинѣ больше содержанія чѣмъ во всѣхъ писанныхъ имъ прежде.

Однажды Дикъ получилъ короткую записку писанную аккуратнымъ почеркомъ дяди Чарльса:

„Когда ты пріѣдешь сюда? писалъ старикъ. — Я былъ нездоровъ, иначе съѣздивъ бы къ тебѣ въ городъ. Я думаю, ты здѣсь могъ бы писать точно такъ же какъ въ своей мастерской, или у Матильды. Но здѣсь скучно, тихо, пусто, здѣсь нѣтъ тѣхъ приманокъ, которыми, какъ слышно, обладаетъ Траси. Поэтому я не удивляюсь, если не увижу тебя. Мунди очень хорошо за мной ходитъ. Если дѣйствительно будетъ нужно, я пошлю за тобой.

„Твой Ч. Б.“

„Что онъ слышалъ?“ думалъ Дикъ, прочитавъ записку. „Кто могъ сказать ему? Сердится ли онъ, или просто не въ духѣ?“ Бутлеръ понималъ, что надо ѣхать. Конечно, не очень весело: только что втянулся въ работу, и въ первый разъ выходитъ картина стоящая полотно, на которомъ написана. А взять ее съ собой—Дикъ боялся саркастическихъ комплиментовъ дяди больше чѣмъ какой угодно критики. Да и неизвѣстно чѣмъ кончится ихъ свиданіе. Но надо ѣхать навѣстить старика, разказать ему свою исторію, а потомъ, если не выгнать навсегда, будетъ время позаботиться о перевозкѣ холста.

Дикъ взялъ билетъ въ нѣсколько тревожномъ настроеніи.

Всю дорогу въ вагонѣ оня представлялъ себѣ сцену, которая произойдетъ, и съ какимъ страннымъ удовольствіемъ все возвращался къ ней! То отказывалъ себѣ отъ дому, то воображалъ короткій саркастическій смѣхъ дяди, отрекающагося отъ него. Разъ ему представилось, что оня измѣняетъ Ренъ ради денегъ. Но нѣтъ, это невозможно! Это единственное, что не можетъ случиться. Довхавъ до станціи, ему пришлось нанять извозчика, такъ какъ его не ждали. Поѣхавъ оня по аллеямъ, оны были сыры, завалены поблеклыми листьями; сѣрый туманъ катился по землѣ; нѣсколько запоздалыхъ птицъ пѣли осеннюю пѣсню.

— Говорятъ, старый джегьямевъ разваливается, сказалъ извозчикъ, слѣзая у одного изъ грязныхъ пригорковъ. — Оня еще и не очень старъ, но хозяйка видѣла, какъ оня проходилъ позанпрошлое воскресенье, и говоритъ мнѣ: „Старый мистеръ Бутлеръ, говоритъ, и въ половину уже не тотъ, какъ былъ въ прошлую весну.“

Дикъ было не по себѣ, оня чувствовалъ себя не въ духѣ; тихій, туманный вечеръ, кругомъ поблеклая растительность, низко нависшія тяжелыя тучи, все настраивало его какъ-то уныло. Въѣхали въ знакомыя ворота.

— Надѣюсь, что дядюшкѣ лучше, сказалъ оня, стараясь ободриться, и вбѣжалъ на старое крыльцо.

Мунди отворилъ дверь.

— А! мистеръ Ричардъ! сказалъ оня. — Я только что писалъ къ вамъ. Дядюшка вашъ очень плохъ, очень плохъ.

Старикъ Бутлеръ былъ одинъ въ комнатѣ, когда вошелъ племянникъ. Тутъ развели огонь, и оня сѣдѣлъ, закутавшись въ старомодный халатъ съ цвѣтами, на большихъ креслахъ у самаго камина. Высокія окна не были закрыты ставнями, видъ былъ подернутъ, какъ покрываломъ, сѣрымъ туманомъ.

— А! я не ждалъ тебя такъ скоро, мой милый, сказалъ странный, но знакомый голосъ.

Дядя говорилъ какъ очень дряхлый старикъ и протянулъ дрожащую руку, сначала закрывъ и положивъ въ карманъ старый молитвенникъ, который читалъ. Дикъ, воображавшій себѣ всю дорогу разнаго рода огорченія, теперь почувствовалъ какая разница между дѣйствительнымъ горемъ и мнимыми страданіями, которымъ мы всѣ подвергаемъ себя при случаѣ. Съ мучительнымъ опасеніемъ видѣлъ оня, что въ старикѣ произошла какая-то страшная перемена къ худшему.

Лицо измѣнилось, голосъ сдѣлался слабымъ и рѣзкимъ, рука горѣла.

— Зачѣмъ вы не послали за мною, милый дядя? Я и помята не имѣла.... Я только сегодня утромъ получилъ ваше письмо.... Еслибъ я могъ подумать....

— Моя записка была написана на прошлой недѣлѣ, сказалъ Чарльсъ. — Я съ намѣреніемъ задержалъ ее. Ты работаешь прилежно, не такъ ли?

Дикъ ничего не отвѣчалъ, онъ крѣпко ухватился за дрожащую, горячую руку.

— Мнѣ очень плохо, сказалъ Чарльсъ, глядя на молодого человека. — Не долго придется тебѣ ждать моихъ старыхъ туфель.

— Полноте! милый, добрый дядя! воскликнулъ Дикъ.

— Э! сказалъ старый Бутлеръ: — придетъ и твоя очередь рано или поздно. Ты увидишь, что отправляться не такъ трудно, продолжалъ разбитый старикъ, глядя руку Дика.

Дикъ былъ такъ пораженъ неожиданностью удара, что ему какъ будто не вѣрилось.

— Былъ ли у васъ кто-нибудь? спросилъ онъ.

— Былъ Гиксонъ, а сегодня утромъ пріѣзжалъ докторъ М., отвѣчалъ Чарльсъ Бутлеръ, будто это дѣло самое обыкновенное. — Онъ говоритъ, что серьезно, я и велѣлъ Мууди написать тебѣ.

Старый Чарльсъ казался совершенно бодрымъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ описывалъ симптомы своей болѣзни и, повидимому, охотно говорилъ о томъ, что можетъ случиться; даже слегка шутилъ.

— Неблагодарный ты мальчикъ, сказалъ онъ улыбаясь. — Другой на твоемъ мѣстѣ радовался бы счастью, а не дулся бы и не вѣшалъ голову, какъ ты. Ну, что жъ ты подѣлывалъ?

Ужасно! Дикъ пытался отвѣчать, говорить, какъ обыкновенно, но его давило, и разъ онъ закусилъ губу и отвернулся, когда дядя началъ сообщать ему какія слѣдовало бы произвести улучшенія въ имѣніи.

— Не хотите ли послать за дядей Герве, или за тетюшкой? сказалъ Дикъ серьезно.

— Успѣемъ, успѣемъ, отвѣчалъ старикъ. — Они поднимутъ толки. Я хочу сначала все устроить. Бакстеръ будетъ у меня сегодня.

Бактеръ былъ повѣренный семейства. Дикъ въ первыя минуты позабылъ все, что намѣревался сказать. Теперь онъ сталъ глядѣть въ огонь и говорить себѣ, что если надо открыть дядѣ что у него на умѣ, такъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но теперь, въ такомъ положеніи—это невозможно.

Такъ оба сидѣли у огня въ осеннихъ сумеркахъ. „Скоро наступитъ ночь“, думалъ Дикъ. Зазвонили въ колокольчикъ, и кто-то вошелъ въ залу. Это былъ не повѣренный, а докторъ Гиксонъ, пріѣхавшій во второй разъ; и молодой человекъ радъ былъ возможности отсрочить свое рѣшеніе на нѣсколько минутъ. Онъ пошелъ въ залу за докторомъ. Серіозное лицо доктора, которое Дикъ видѣлъ при свѣтѣ высокаго окна, было неуспокоительно.

— Скажите мнѣ прямо, что вы думаете о состояніи моего дяди? Я и не зналъ до сегодняшняго утра, что онъ боленъ.

— Любезный мистеръ Ричардъ, отвѣчалъ докторъ Гиксонъ,—надо надѣяться. Докторъ М. согласенъ со мной, что болѣзнь серіозная. Я не считаю себя въ правѣ скрывать это отъ васъ. Дядюшка вашъ самъ едва ли надѣется оправиться. Онъ до сихъ поръ сохранялъ удивительную ясность и спокойствіе ума. Можетъ-быть, еще нѣсколько недѣль не произойдетъ большой перемѣны, но я бы совѣтовалъ вамъ принять мѣры.... Ахъ, Боже мой! Боже мой!

И маленькій, заваленный работой докторъ поспѣшно сошелъ съ лѣстницы и ухалъ не въ духъ, и не оставляя за собой утѣшенія. Онъ думалъ о томъ, сколько удобствъ для жизни въ этомъ большомъ, благоустроенномъ домѣ, и о своей тѣсной квартиркѣ, о бѣдной своей Полли и шестерыхъ дѣтяхъ, которымъ едва ли будетъ чѣмъ кормиться, еслибы съ нимъ что случилось. Онъ думалъ, что здѣсь одиноко кончается одинокая жизнь на рукахъ корыстныхъ людей. Докторъ Гиксонъ судилъ несправедливо о Дикѣ: Дикъ говорилъ съ нимъ спокойно, какъ всегда, безъ возгласовъ и изъявленій чувства, но теперь шагалъ взадъ и впередъ по аллеѣ, безъ шляпы, не чувствуя холодной сырости, не думая о наслѣдствѣ и деньгахъ, а только лишь о добромъ, заботливомъ благодѣтелѣ, которому былъ такъ многимъ обязанъ и передъ которымъ чувствовалъ себя въ душѣ виноватымъ.

Онъ воротился въ комнату, гдѣ Мууди зажегъ нѣсколько свѣчъ, и насильственно придалъ лицу своему спокойное

выраженіе. Но онъ едва выдержалъ, когда Чарльсъ заговорилъ своимъ слабымъ, добрымъ голосомъ:

— Я сдѣлалъ весьма несправедливое завѣщаніе. Бакстеръ сегодня принесетъ его мнѣ подписать. Я оставляю почти все одному повѣсѣ племяннику, который, по всей вѣроятности, никогда самъ не наживетъ состоянія. Не включить ли туда же и Генсборо, прибавилъ онъ, кивая на даму, которая, какъ всегда, улыбалась изъ своей рамки.—Ты когда-нибудь оцѣнишь ее.

Послѣдовало молчаніе. Дикъ покраснѣлъ, жилы на вискахъ его забились, въ глазахъ потемнѣло. Надо говорить. Нельзя допустить дядю до этого, когда онъ навѣрное поступилъ бы иначе, еслибы зналъ все. Онъ пытался благодарить его, но не въ силахъ былъ выговорить слова. Дорого далъ бы онъ чтобы промолчать, но что-то въ немъ не позволяло этого. Чарльсъ дивился его волненію и тревожно слѣдилъ за нимъ.

— Дядя Чарльсъ, вырвалось наконецъ у Дика прерывисто. — Не спрашивайте почему. Не оставляйте мнѣ ничего, развѣ.... развѣ только Генсборо, если хотите. Я не долженъ принимать вашихъ денегъ.

— Это еще что значитъ? сказалъ старикъ, испуганный, но стараясь смѣяться.—Что ты такое надѣлалъ?

— Я не сдѣлалъ ничего дурнаго, отвѣчалъ Дикъ скороговоркой, поднимая на него честный, правдивый взглядъ.—Теперь не время утомлять васъ объясненіями. Я имѣю намѣреніе, котораго бы вы, вѣроятно, не одобрили. Я пріѣхалъ сказать вамъ объ этомъ, я обязанъ предупредить васъ, пока вы еще не сдѣлали завѣщанія.

Молодой человѣкъ сильно поблѣднѣлъ, но страшная минута прошла, искушеніе промолчать было пересилено. Это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ въ жизни Дика. Не денегъ лишиться было тяжело ему; онъ по природѣ не былъ корыстолюбивъ, но онъ все-таки бы пожертвовалъ: честію, правдой, чѣмъ угодно, чтобы только не причинить огорченія дядѣ въ такомъ состояніи. Однако, внутренній голосъ тутъ же сказалъ ему, что онъ поступилъ хорошо. Кроткое, вѣжливое выраженіе появилось на лицѣ старика.

— Ты вѣрно еобираешься жениться, сказалъ онъ слабо.— Вотъ въ чемъ все дѣло. Ну, что же, продолжалъ онъ брюзливо, — или языкъ отяглся? Что же дальше?

Это возвращеніе къ прежнему тону облегчило молодого человека.

— Я обѣщаль жениться на одной дѣвушкѣ, сказалъ онъ поспѣшно. — Я люблю ее; этого еще никто не знаетъ. Я не совсѣмъ сумасшедшій; она хорошо воспитана, добра и очень ороша собой. Она дочь фермера въ Траси. Мать ея была благороднаго рода; ее зовутъ Ренъ Кретъевъ.

Проговоривъ это, Дикъ уставился въ огонь.

— И.... ты.... намѣренъ поселить эту.... эту фермерову дочь здѣсь, какъ только....

Чарльсъ, весь дрожа, попытался встать и опять упалъ въ кресло.

— Вы знаете, что нѣтъ, отвѣчалъ Дикъ грустно, — иначе, я бы не сказалъ вамъ.

Послѣдовало молчаніе.

— Мнѣ вредно волноваться, сказалъ наконецъ Чарльсъ, и слабая краска появилась на его щекахъ. — Поговоримъ о другомъ. Не пришла ли газета? Позвони и спроси.

Газета пришла. Дикъ сталъ читать столбецъ за столбцомъ, едва понимая значеніе словъ, которыя выговаривалъ. Страшнымъ диссонансомъ звучали ему звуки вседневной жизни, врывающейся въ комнату больнаго. Рѣчи и митинги, преступленія, объявленія, весь шумъ и суета свѣта были какъ бы отпечатаны на листѣ, который онъ держалъ. Въ этомъ жизненномъ водоворотѣ вращались и его надежды, и его будущность; а старикъ сидѣлъ въ своихъ креслахъ, ожидая конца, далекій отъ всего этого; огонь горѣлъ тихо, освѣщая комнату, а на дворѣ туманъ покрывалъ деревья и садъ.

Наконецъ Дикъ съ радостію замѣтилъ, что дядя задремалъ; всталъ осторожно и выглянулъ на дворъ. Онъ вспомнилъ о пикникѣ, о лицахъ, мелькавшихъ тогда подъ деревьями. Онъ былъ не въ силахъ глядѣть прямо на настоящее, мысли его путались и кружились, какъ бываетъ въ виду грозной дѣятельности.

— Дикъ! закричалъ старикъ, просыпаясь тревожно. — Ты здѣсь? Не уходи отъ меня. Мнѣ хочется лечь въ постель; позвони Мунди и помогите мнѣ войти на верхъ.

Они почти внесли его по старомодной деревянной лѣстницѣ.

Ричардъ Бутлеръ обѣдалъ одинъ въ большой, укромной столовой. За обѣдомъ Мунди сказалъ ему, что повѣренный пришелъ.

— Мистеръ Бутлеръ приказалъ откупорить для васъ бутылку самаго лучшаго краснаго вина, сказалъ Мунди.—Онъ желаетъ видѣть васъ послѣ обѣда. Теперь у него мистеръ Бакстеръ.

Повѣренный былъ еще тутъ, когда Дикъ вошелъ. Онъ завязалъ красною тесемкой длинныя свертки бумагъ и пергамента. Чарльсъ былъ въ старинной постелѣ съ четырьмя колоннами и ситцевыми занавѣсками, украшенными удивительными узорами и головами драконовъ. Дикъ еще ребенкомъ часто дивился этимъ ужаснымъ фигурамъ; ему представлялось, что это страшные сны отпечатались какъ-то на занавѣскахъ. Чарльсъ сидѣлъ на серединѣ постели. Онъ изухалъ, съежился и казался очень маленькимъ.

— Здѣсь мнѣ удобнѣе, сказалъ старикъ.—Я говорилъ мистеру Бакстеру о твоёмъ дѣлѣ, Дикъ. Счастливо для тебя, что оно не случилось годъ тому назадъ; неправда ли, Бакстеръ?

— Дядюшка оказываетъ вамъ большое довѣріе, мистеръ Бутлеръ, сказалъ повѣренный.—Немногіе на его бы мѣстѣ....

— Видишь ли, Дикъ, прервалъ хозяинъ Ламбсвольда,—мнѣ теперь почти все равно. Оно опасно, конечно, но это твое дѣло, да я ничего бъ и не зналъ, еслибы ты не сказалъ мнѣ. Если черезъ годъ ты не передумаешь.... Бакстеръ ужъ все уладилъ. Я испыталъ много благополучія въ жизни, продолжалъ онъ, измѣнившимся голосомъ,—очень много. Можетъ-быть, я недостаточно былъ за все благодаренъ, и.... и.... мнѣ бы хотѣлось, чтобъ и у твоей постели былъ кто-нибудь, кого ты любишь, когда Ламбсвольдъ перемѣнитъ хозяина.—Чарльсъ Бутлеръ протянулъ свою добрую, старую руку.—Я очень любилъ твою мать, Дикъ, сказалъ онъ.

Отвѣтъ Дика былъ очень несвязенъ, но дядя помялъ его, Старикъ сомнѣвался только въ постоянствѣ молодаго чело-вѣка и опять заговорилъ о годѣ, который, по его желанію, долженъ былъ пройти прежде чѣмъ сватовство это будетъ объявлено. Онъ просилъ Дика теперь ничего больше не говорить, сознаваясь со слабою улыбкой, что разсужденія ему не подъ силу.

Разумѣется, Дикъ обѣщалъ. Онъ написалъ Ренъ и сообщилъ ей объ этомъ условіи и о согласіи добраго старика дяди.

Годъ казался очень короткимъ срокомъ Дикъ, передъ

которымъ, среди занятій, открывалась новая, благополучная жизнь. Мало-по-малу дядя нѣсколько поправился, но Дикъ видѣлъ, что это не надолго и, конечно, не рѣшался уѣхать. Онъ часто писалъ къ Ренъ и говорилъ ей о томъ, какъ благодаренъ онъ дядѣ, какъ радуется его мысль дѣлать съ нею свое будущее, какое бѣ оно ни было. „Богу, однако, извѣстно, какъ искренно желаю я, чтобъ это наслажденіе еще долго не досталось мнѣ. Вѣдь ты, моя Ренъ, равнодушна къ богатству и возьмешь меня, я думаю, и безъ гроша.“

Но Ренъ годъ представлялся долгимъ и тяжелымъ срокомъ ожиданія. Не легко ей было переносить сомнѣнія, постоянно возвращавшіяся, какъ ни старалась она отгонять опасенія непредвидѣнныхъ случайностей. Она любила Дика и ненавидѣла все его окружающее. То ей казалось, что она не стоить его любви, то вдругъ безразсудной, нетерпѣливой женщиной представлялось, что онъ хочетъ отъ нея отдѣлаться.

XVI.

Потребовалась вся убѣдительность Фонтена, поддерживаемая авторитетомъ его муниципальной власти, чтобы склонить Жюстину отворить ставни гостиной и позволить Катеринѣ пользоваться давно покинутою территоріей. Съ немалымъ ворчаньемъ и тасканьемъ и передвиженьемъ мебели нововведеніе было совершено за нѣсколько дней до пріѣзда М—ше Мераръ. Фонтенъ самъ принималъ участіе во всей этой работѣ, иначе она никогда бы не кончилась. Онъ не любилъ дѣлать что-нибудь вполнину. Катерина желала гостиной и фортепіанъ. Стоялъ тутъ, правда, инструментъ покойной Леоніи, но растресканный, разстроенный, полинялый. Скоро свѣтлый красный шелкъ замѣнилъ старую зеленую матерію, розовое дерево было натерто до-ясна неутомимымъ хозяиномъ дома; онъ бы выворотилъ его, еслибъ это не превышало его силъ. Настройщикъ былъ таинственно введенъ въ заднія двери, а Тото поручено удерживать Катерину на террасѣ до тѣхъ поръ, покуда условленный сигналъ не возвѣститъ, что все готово для ея торжественнаго пріема. Меръ былъ очень веселъ. Онъ ввелъ ее за обѣ руки и потомъ отступилъ назадъ полюбоваться результатомъ своихъ трудовъ.

— Теперь у насъ будетъ музыка, сказалъ онъ. — Ну, Катерина, садись за фортепiano. Другой разъ, можетъ-быть, я самъ....

Катерина взглянула на него благодарными глазами и стала играть.

Фонтенъ сначала только билъ тактъ своей жёнѣ, очень живо и вѣрно; но однажды вечеромъ, къ немалому ея смущенію, онъ явился съ кларнетомъ, который вытащилъ изъ шелкового футляра, долго служившаго ему могилой, и вычистилъ въ рабочіе часы. Онъ игралъ на этомъ инструмента въ ранней молодости и теперь принялся аккомпанировать движеніе легкихъ пальцевъ Катерины внезапными звуками, не всегда вѣрными, но часто весьма громкими. Юстина съ досадою восклицала, что это „васагте“, хлопая дверью кухни. Прохожіе, загоняющіе коровъ или несущіе домой корзины съ рыбой, остававливались удивленные и спрашивали, что это такое? Старымъ любителямъ сидра у Пелотье слышны были густыя ноты, когда вѣтеръ дулъ въ ту сторону. Бѣдная М—не Фонтенъ сама расхохоталась и заткнула уши руками, когда въ первый разъ услышала мужнину музыку. Но меръ такъ поспѣшно остановился и казался такъ огорченнымъ, что она просила его продолжать и тотчасъ же стала опять играть. Только она съ тѣхъ поръ старалась выбирать самыя тихія, идиллическія, наименѣе страстныя піесы изъ своего репертуара. Когда же встрѣчались мѣста, отмѣченная *con espressione* или *otreggios*, или когда она видѣла грозящее издали *fff*, она сжимала губы и собиралась съ духомъ. Мало-по-малу, однако, первый пылъ Фонтена остылъ, а можетъ-быть и нервы Катерины окрѣпли. Тото это очень забавляло; онъ стоялъ обыкновенно прислонившись къ фортепiano и глядя въ лицо Катерины своими круглыми глазами. Только ему хотѣлось, чтобъ они играли польки и вальсы. Люди, когда играютъ, почти всегда становятся красивѣе. Какъ часто дюжинныя, неинтересныя лица становятся выразительныя, одушевляясь сладкими звуками. Катерина была не замѣчательная музыкантша, но играла отчетливо и съ чувствомъ. Въ ней всегда было что-то привлекательное; теперь же, когда она сидѣла наклонивъ темноватую голову немного впередъ, туда, гдѣ свѣтъ падалъ на ноты, она представила бы прекрасный этюдъ съ натуры для Дика Бутлера. *Играющая женщина* — такъ,

напримѣръ, можно было бы назвать этотъ этюдъ. Она въ это время совершенно погружалась въ гармонию, не сознавая ничего другого, и пробуждалась развѣ когда внезапно врывалась фальшивая нота кларнета. Фонтенъ, въ промежутки собственной игры, съ гордостью любовался ею. Еслибы вошелъ посторонній человѣкъ, онъ взглянулъ бы съ удовольствіемъ на эту картину семейнаго счастья и вынесъ бы отъ радное впечатлѣніе.

Не такъ легко поддавалась Жюстина. Хлопнувъ дверью, она пожимала плечами въ кухнѣ. Будетъ и на ея улицѣ праздникъ: пріѣдетъ М—ше Мераръ. Она не любитъ музыки, такъ же какъ и Жюстина.

Фонтенъ чувствовалъ себя какъ будто виноватымъ первые два вечера послѣ пріѣзда стариковъ; придумывалъ разные предлоги чтобъ остаться ввизу въ столовой и радъ былъ, что Катерина уходила рано съ головою болью. Жюстина ничего не говорила, предоставляя каждому дѣлать свои открытія. Она знала, что скоро все откроется, ибо зѣркіе глазки М—ше Мераръ бѣгали повсюду съ неторопивою, но неизмѣнною провицательностію.

М—ше Мераръ воспитала Жюстину, помѣстила ее въ кухню Фонтена и приказала у него остаться. Неодѣнная служанка въ теченіе многихъ лѣтъ со всемъ стараніемъ отравляла ему жизнь, варила кофе и супъ чистый, крѣпкій, вкусный. Она исправляла еще многія другія обязанности: мыла, чистила, закупала, служила за столомъ, укладывала. Тото въ постель—дѣло не легкое. Она ходила съ видомъ угрюмой мученицы, творящей чудеса противъ воли. М—ше де-Траси въ своемъ обширномъ хозяйствѣ не имѣла такой усердной прислуги, какою обладалъ Фонтенъ въ этой грозно-смиреной кухаркѣ.

М—ше Мераръ одна умѣла справляться съ этимъ свирѣпымъ оуществомъ, но за то, судя по ея собственнымъ словамъ, она была одарена особою, сверхъ-естественною прозорливостію. Взоръ ея проникалъ сквозь дверцы шкаповъ, во внутренность кадокъ, она слышала, что говорится за пять миль, что будетъ говориться завтра. М—ше Никола, вѣроятно, помѣшалась въ прошлую пятницу, когда пыталась навязать ей третьягодшнія яйца.

Сама Жюстина никогда не покушалась ввести въ заблужденіе эту непогрѣшиму ю хозяйку и смиренно сносила отъ

нея такіа замѣчанія, о которыхъ Фонтенъ, при всей должностной важности своей, не посмѣлъ бы замѣкнуть.

По предложенію самой М—ше Мераръ и Жюстины, въ хозяйство была взята дѣвочка изъ деревни. Дѣвочка? Лучше сказать: цѣлый рядъ дѣвочекъ. Онѣ приходили въ праздничномъ платьѣ, улыбаясь весело, отвѣщая поклоны Мерарамъ, Тоту, хозяйну, хозяйкѣ, всемогущей Жюстинѣ, желая работы, готовыя стараться всѣми силами. Затѣмъ онѣ тотчасъ же начинали гибнуть мало-по-малу: улыбка пропадала, блѣднѣла краска въ лицѣ, и въ одинъ прекрасный день онѣ исчезали безъ вѣсти. Остры были когти, длиненъ языкъ, тяжела рука Жюстины Грозной. Она не сбрасывала ихъ съ утеса, но отсылала въ слезахъ домой къ матерямъ. Фонтенъ пробовалъ вступаться за этихъ жертвъ, но напрасно. Катерина однажды сдѣлала отчаянную вылазку въ кухню, но была обращена въ постыдное бѣгство М—ше Мераръ, которая сама надзирала за наказаніемъ.

— Отчего ты не откажешь Жюстинѣ? сказала разъ утромъ Катерина своему мужу послѣ одной изъ этихъ сценъ.

— Мой другъ, ты не подумала о томъ что говоришь? Я не ожидалъ отъ тебя такого предложенія!

И Фонтенъ, переставшій на минуту стучать молоткомъ, возмущенный такимъ смѣлымъ вопросомъ, снова принялся за свое занятіе.

М—ше Мераръ замѣтила моль, на которую принадлежало обратить вниманіе голубыхъ на выкатѣ глазъ новоприбывшей дѣвочки, и рано утромъ отправилась въ кухню на совѣщаніе. Старуха въ своемъ утреннемъ платьѣ, въ короткой курткѣ или камзолѣ, въ жестко-накрахмаленномъ чепцѣ и туфляхъ, умѣла казаться столь же грозною какъ и послѣ, днемъ. Ея усы завивались какъ-то свирѣѣе въ отсутствіи разнообразнаго и блестящаго туалета. Подъ ними блестѣли маленькіе, ровные, бѣлые зубы, которыми она была въ состояніи сгрызть цѣлую тарелку орѣховъ. М—ше Мераръ удивилась, что дверь гостиной отворена; она изумилась еще болѣе, когда заглянула въ гостиную и увидѣла, что ставни открыты, маленькіе коврики разостламы, мебель разставлена, а не свалена въ кучу, фортепіано выдвинуто изъ темнаго угла на удобное мѣсто. Что все это значитъ? Что за безуміе? Не собираются ли они дать вечеръ? Не давали ли безъ ея вѣдома? Старуха подошла къ инструменту, инструменту своей

дочери, прекрасно одѣланному, заваленному вѣтами; оглянулась—и увидѣла отворенное окно, цвѣты на окнѣ; на столѣ рабочую корзину и письменныя принадлежности. Она начинала догадываться. Какъ! Они дѣлаютъ обыкновенную, обыкновенную комнату изъ парадной гостиной Леоніи, которая всю жизнь ея не отворялась, кромѣ двухъ торжественныхъ случаевъ: для крестинъ Тото и для одного бала, который открыла сама М—ше Мераръ! Нѣтъ, это невозможно! Это немислимо! Пока она стояла, вытаращивъ глаза, потерявшая, дверь отворилась, и Катерина вошла, не стѣсняясь нисколько, какъ у себя дома, неся въ рукахъ нѣсколько растений и ягодъ изъ оранжереи, какъ будто она совершенно привыкла къ этому мѣсту и сидѣла тутъ каждый день.

— Здравствуйте, сказала М—ше Фонтенъ своимъ кроткимъ, добрымъ голосомъ, не видя висѣщаго надъ ея головой меча, — я думаю, завтракъ поданъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала М—ше Мераръ. — Я изумлена, сударыня, и не подозрѣвала какія здѣсь произошли перемѣны въ моемъ отсутствіи.

— Фонтенъ былъ такъ добръ, что велѣлъ настроить для меня фортепіано, сказала Катерина. — Я попросила позволенія пользоваться этою комнатою: отсюда такой прекрасный видъ.

И съ возмутительнымъ спокойствіемъ она поставила принесенную зелень въ вазу для цвѣтовъ и начала приводить въ порядокъ письменный столъ.

— И вы не боитесь, сударыня, испортить эту красивую мебель, за которую моя дочь заплатила такія большія деньги? воскликнула старуха голосомъ, въ которомъ слышалась сдержанная гроза. — Она берегла ее, но вамъ все это ничего не стоило, и вы, конечно, имѣете возможность...

Катерина, испуганная, взглянула на нее и была поражена сердитымъ взглядомъ, который встрѣтила. М—ше Мераръ какъ будто оцѣпенѣла отъ негодованія.

— Вы, безъ сомнѣнія, наняли многочисленную прислугу, чтобъ исполнять ваши разнообразныя требованія, продолжала она дрожащимъ голосомъ.—Сидя въ своей изящной гостиной, вы должны смотрѣть съ презрѣніемъ на насъ, простыхъ людей. Скажите, вы намѣрены принимать своихъ знатныхъ знакомыхъ здѣсь, въ этой комнатѣ, на которую моя

бѣдная Леонія потратила столько заботъ и денегъ? О! только Англичане способны на такую низость!

М—ше Мераръ остановилась, очень довольная, ибо Катерина поблѣднѣла, и увидавъ Фонтена въ дверяхъ, бросилась къ нему и зарыдала, глупенькая.

— Бѣдное дитя! сказалъ онъ очень вѣжливо.—Ступай, ступай. Я объясню моей доброй матушкѣ. Она не понимаетъ. Выпей немного воды съ сахаромъ; попробуй, *mon amie*. Мы сейчасъ придемъ.

Такова была первая стычка между этими весьма неравными противниками. Фонтенъ обнаружилъ такъ много смиренія и вѣжливости, что весьма скоро привелъ внизъ старуху почти смягченную. Она дѣйствительно любила его, и когда онъ представилъ дѣло какъ свое личное желаніе, заговорилъ объ отдыхѣ послѣ умственныхъ трудовъ, о развлеченіи и отрадѣ, которую доставляла ему музыка, она, нюхая табакъ, хотя неохотно, изъявила согласіе на нововведеніе. Но это было не все. М—ше Мераръ сдѣлалась вдругъ очень ласковою въ обращеніи. Это случилось вскорѣ послѣ ея пріѣзда, когда приходскій священникъ часто бывалъ у нихъ въ домѣ. Онъ также обращался съ Катериной очень благосклонно и называлъ ее *mon enfant*. Старикъ Мераръ располагался ко сну во время этихъ посѣщеній, а священникъ и М—ше Мераръ вступали въ долгіе знаменательные разговоры объ ихъ общей вѣрѣ. Священникъ вынималъ изъ своихъ широкихъ кармановъ маленькія, темныя книжки, съ изображеніями епископовъ, и католическихъ отцовъ, и матерей, и святыхъ умирающихъ въ мученіяхъ. По нѣкоторымъ признакамъ, М—ше Фонтенъ догадалась, что наступило время, когда сочли приличнымъ приготовить ее къ переходу въ вѣру чужестранцевъ, среди которыхъ она жила. Она глядѣла на эту парочку, сидящую у окна: на М—ше Мераръ, нюхающую табакъ, и на священника съ красноватымъ носомъ, въ потертой рясѣ со множествомъ маленькихъ пуговицъ, скрестившаго ноги и растопырившаго толстые пальцы въ жару разговора. Аббатъ Вердье былъ человѣкъ образованный и благовоспитанный, и одно время Катерина, можетъ-быть, дозволила бы ему нечувствительно склонить ее къ религіи, которая всегда имѣла для нея значительное обаяніе. Но теперь дать этому жилистому священнику насильно перетащить себя къ вѣрѣ М—ше Мераръ,—ни за что! Ни за что! Фонтенъ обыкновенно

заглядывалъ въ комнату и тотчасъ же удалялся на цыпочкахъ, когда тутъ былъ священникъ. Меръ обѣщалъ передъ свадьбой не вступаться въ религиозныя убѣжденія жены; но онъ все-таки не хотѣлъ мѣшать доброму дѣлу неумѣстнымъ скрипомъ. Будь Катерина моложе, не прибрѣти извѣстной опытности, обращеніе ея было бы возможно, пожалуй, даже вѣроятно. Но теперь было поздно. Отъ внутреннихъ причинъ, дѣйствующихъ неслышно, и отъ вѣшнихъ враждебныхъ вліяній въ ней произошла перемѣна. Она не могла уже принимать новыхъ убѣжденія и вѣрованія, и впечатлѣнія, которыя стали ей непонятны. Она съ любовью держалась только прошедшаго, которое принадлежало ей, составляло самую жизнь ея.

Священникъ былъ человѣкъ умный, хотя ханжа, не обладающій тѣмъ кроткимъ милосердіемъ и сочувствіемъ даже къ еретикамъ, которымъ отличался аббатъ Вердье. Онъ скоро пересталъ надоѣдать М—ше Фонтенъ и сталъ только дуться на нее. М—ше Мераръ снова нахмурилась. Юстина, прекратившая на время враждебныя дѣйствія, стала хлопать дверью съ негодованіемъ и нѣсколько недѣль тщательно укалывала вкривь и вкось тонкое бѣлье М—ше Фонтенъ. Меръ очень огорчился, но ничего не сказалъ и старался показывать женѣ, если возможно, еще болѣе кротости, нѣжности и заботливости.

По этому поводу было устранено одно обстоятельство, которое въ особенности раздражало М—ше Мераръ противъ Катерины. Довольно, думала достойная дама, одной бѣдной протестантки въ семействѣ. Привести на Рождество еще двухъ, допустить ихъ въ домъ, построенный на деньги Леоніи, отдѣланный ея заботливостью—это ужъ невыносимо! Самую мысль эту надлежало отогнать усиленными приемами табаку и сотрясаніемъ большого клѣтчатаго платка. Бѣдныя дѣвочки избѣгли однако заклятій, которымъ подвергались бы неминуемо, ибо леди Фербротеръ, испуганная нѣкоторыми случайными выраженіями въ письмахъ Катерины, написала ей, что считаетъ себя не въ правѣ подвергать Розу и Тотти вкрадчивымъ и ядовитымъ вліяніямъ іезуитизма, и что по совѣту Мистера Бланда распорядилась ими иначе на время праздниковъ. Глаза бѣдной Катерины наполнились горькими слезами, когда она читала сокрушенныя записочки, вложенныя въ посланія тетки. Однако она едва ли вынесла бы,

чтобы съ сестрами обращались дурно. Ей самой было все равно. Она смотрѣла на это, какъ на покупительное наказаніе. Часто она стыдилась и чувствовала угрызенія совѣсти, встрѣчая обращенный на нее добрый, влюбленный взглядъ мера. Не одною лишь равнодушною признательностью слѣдовало бы отвѣчать на такую любовь, на такую беззаветную преданность. Чѣмъ оплачиваетъ она ему за все, что онъ для нея сдѣлалъ? Терпѣливостью, нѣкоторыми мелкими услугами! Начиная повсемуго любить мужа, она замѣчала какъ мала еще эта любовь. Не слѣдовало ей выходить за него. Теперь она сознавала это; но въ то время, въ волненіи и смущеніи, она вообразила себѣ, что можетъ все позабыть и полюбить то, что должна будетъ любить, и что бросивъ увядшую розу, бросить и воспоминавіе о томъ времени, когда эта роза была свѣжа и благоуханна. Увы! ошибка сдѣлана, непоправима. Теперь остается только терпѣливымъ стараніемъ облегчать по возможности зло, навлеченное одною минутой слабости. Кротость Катерины бѣсила старую М—ше Мераръ, которая боялась, чтобы жертва не ускользнула отъ нея смиреніемъ и покорностью. Зачѣмъ Катерина не смѣется и не шутитъ? Зачѣмъ она не сердится? Зачѣмъ она всегда такъ равнодушна? Даже когда къ ней пришли вчера вечеромъ четыре козыря, она какъ будто не обрадовалась. Прекрасный вуаль, подаренный ей Фонтеномъ, она приняла, будто это не настоящія кружева, и носить въ саду, когда никто ея не видитъ. Еслибы Катерина бранилась, капризничала и жаловалась на мигрень, словомъ, жила бы съ мужемъ согласно съ понятіями М—ше Мераръ, она, можетъ-быть, современемъ полюбила бы ее, но быть вѣчно въ духѣ, — это нестерпимо.

Время шло. Жители Петипорта слышали мало новаго. Семейство Траси было въ Парижѣ; Чарльзъ Бутлеръ еще тянулъ, хотя болѣзнь коснулась уже жизненныхъ органовъ. Тяжелое, грустное время для Дика. Въ началѣ зимы, по желанію самого Чарльза Бутлера, Катерина Бутлеръ была очень тихо обвѣнчана съ Бимшономъ. Вѣсть объ этой свадьбѣ дошла за море до Катерины Фонтенъ, но ей все это казалось уже такъ далеко, такъ чуждо.

Когда пришла зима, поселяге стали жарче растапливать широкіе каминны и толпились вкругъ огня. Вѣтеръ потрясалъ деревянный домъ до самаго основанія, и меръ заботливо осматривалъ свою плотину въ ожиданіи напора весенней воды. Надворъ

былъ холодъ, ненастье, буря, и туманъ, крутящійся по полямъ и по краямъ утесовъ; въ домѣ горѣли огни, кипѣли горшки, и маятникъ вседневной жизни качался однообразно. Жизненный огонекъ старика Мерара теплился тихо, когда онъ грѣлся подлѣ каминя; ярко горѣлъ и трещалъ свѣтильникъ М—ше Мераръ; онъ не былъ поставленъ подъ спудомъ. Не подъ спудомъ былъ и свѣтильникъ Жюстины, когда сидѣла она въ кухнѣ, штопая по цѣлымъ длиннымъ вечерамъ. А Фонтенъ хлопоталъ, стучалъ, болталъ, игралъ на кларнетѣ, сводилъ счеты, ходилъ взадъ и впередъ, напѣвая мотивъ изъ какой-нибудь оперы, или съ готовностію составлялъ неизбѣжную „партію“. Гадкая, грязная колода картъ, появлявшаяся каждый вечеръ, внушала Катеринѣ болѣзненное отвращеніе, которое было бы нецѣлѣбно, еслибы она не такъ усердно боролась съ нимъ. Когда всѣ шумно настаивали, чтобъ она присоединилась къ игрѣ, она молча откладывала книгу и подходила къ столу. Никто не замѣчалъ усталого выраженія ея темныхъ глазъ, да и непонятно было бы оно для всѣхъ ихъ, точно такъ же какъ для захватанныхъ пальцами валетовъ, которые тарачили на нее свои выпученные глаза. Иногда, задумавшись о другомъ, пока шли часы за игрой, она забывалась и держала карты такъ небрежно, что старый Мераръ восклицалъ своимъ страннымъ, пищащимъ голоскомъ: „Смотрите! Смотрите! Чтѣ вы дѣлаете!“ Катерина вздрагивала, краснѣла и старалась быть внимательнѣе. Огонекъ М—ше Фонтенъ горѣлъ теперь, можетъ-быть, свѣтлѣе чѣмъ когда-либо прежде, хотя и слѣпилъ ее подъ часъ, когда она неопытною рукой старалась поправить его. Однако она сказала бы вамъ (еслибы не такъ трудно было ей говорить), что никогда не осуждала она себя строже, никогда такъ не стыдилась и не сожалѣла о своихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ. Фонтенъ, должно-быть, иногда смутно догадывался, глядя на склоненную надъ картами голову жены, что игра утомляетъ ее, онъ посылалъ ее къ фортепіано, а самъ подъ звуки музыки сдавалъ карты старикамъ и себѣ, и болвану, замѣнявшему удалившуюся Катерину. Затасканные короли и дамы, совершая свой вечерній танецъ, кружились и вертѣлись въ той кадрили, которую смертные называютъ вистомъ, бессознательно поддаживаясь подъ тактъ. Лампа проливая зеленноватый свѣтъ, голубое пламя въ каминѣ вслхивало и трещало, старикъ Мераръ, въ бархатномъ колпакѣ съ длинною

кисточкой, бессознательно насвистывала какой-то аккомпаниментъ, размышляла надъ своими козырями; Фонтель былъ тактъ ногой подъ столомъ, а М—ше Мераръ, неподвижная и внимательная, старалась не слышать, по возможности, развлекавшей ее музыки, ибо шорохъ картъ, падающихъ на столъ, былъ для нея самымъ приятнымъ звукомъ.

Въ одинъ вечеръ М—ше Фонтель вдругъ перестала играть и подошла къ окну. Кучи звѣздъ были разсыпаны по небу. Слышался отдаленный плескъ моря, бьющаго о плотину. Мѣсяцъ еще не выходилъ. Узкія дорожки сада мерцали во мракѣ. Кромѣ двухъ полосъ, гдѣ свѣтъ изъ оконъ озарялъ каждыя камешекъ, каждую былинку, вездѣ лежали густыя тѣни; утесъ, чернѣя, поднимался въ небо. Катерина увидѣла, что кто-то идетъ въ темнотѣ, останавливается у калитки и отворяетъ ее, и узнала Рень по быстрымъ движеніямъ.

— Валетъ козырей, говорила М—ше Мераръ торжествующимъ голосомъ, пока Катерина тихонько выходила изъ комнаты встрѣчать свою подругу.

Онѣ остановились у дверей и стали говорить тихимъ голосомъ, соотвѣтствовавшимъ окружающей тишинѣ. Имъ едва видно было другъ друга, только бѣлые концы чепца Рень развѣивались въ темнотѣ. Ея голосъ былъ не совсѣмъ твердъ, и рука дрожала въ рукѣ Катерины. Бѣдная Рень, она пришла въ грустномъ, смущенномъ настроеніи. Она получила отъ Дика нѣсколько словъ, писанныхъ на-скоро. Онъ уведомлялъ ее, что все кончено, что безпорядокъ и суматоха царствуютъ въ домѣ, который теперь, въ сущности, принадлежитъ ему. Мистеръ Бакстеръ развязалъ свои красныя тесемки и прочелъ ему завѣщаніе. Дикѣ предоставлялось вступить во владѣніе лишь по прошествіи года. Въ теченіе этого времени доходы должны были идти на поддержаніе имѣнія и на издержки по наследству. Только небольшая сумма назначалась Дикѣ, пока онъ не вступитъ во владѣніе. Предполагаемый бракъ долженъ былъ еще пока храниться въ тайнѣ. Бѣдная Рень, въ смущеніи, написала ему въ отвѣтъ, что готова освободить его отъ даннаго обѣщанія.

„Ему теперь слѣдовало бы жениться на знатной дамѣ,“ говорила она. Она не годится ему въ жены. Предстоящее наследство не радовало ея, напротивъ, оно какъ будто увеличивало разстояніе между ними. Чтѣ дѣлать ей съ большимъ домомъ? Она свою комнату, мощеную кирпичомъ,

предпочитаетъ самымъ роскошнымъ покоемъ любаго дворца. Бумажныя занавѣски, стеганое одѣяло, простыя картинки, изображающія жизнь Иоанны д'Аркъ, ей болѣе привычны чѣмъ гагачій пухъ и шелковыя матеріи. Лучше всѣхъ дѣстилицъ устланныхъ коврами были для нея ступени, ведущія въ ея спальню и пристроенныя къ дому сваружи. Она ходила по нимъ спать подъ шумъ дождя, слыша издали ревъ моря; иногда, въ тихую звѣздную ночь, она садилась на нихъ, глядѣла кругомъ, думала о Ричардѣ Бутлерѣ, и чувствовала себя спокойною. Но днемъ ею овладѣвали тревога и волненіе, она ходила назадъ и впередъ, работала прилежнѣе прежняго. Петиперъ убѣждалъ ее беречь себя, говорилъ, что теперь ей нѣтъ необходимости трудиться. Ренъ отвѣчала: нѣтъ, нечего беречь себя, надо еще трудиться. И вотъ она пришла чуть не плачущая къ Катеринѣ. „Терпѣть я не могу скрываться, говорила она. Такъ не дѣлаютъ. Еслибъ я была изъ ихъ круга, они не такъ поступали бы со мною.“

Не далѣе какъ вчера М—ме Пелотье говорила ей очень недвусмысленно о людяхъ, такъ высоко задирающихъ голову, что шапка валится. Кто-то засмѣялся на это и спросилъ ее, что она думаетъ о богатствѣ мистера Бутлера? Петиперъ тоже, хотя онъ рѣдко вмѣшивался въ разговоръ, сообщилъ ей, потирая свою старую бороду, что слышалъ отъ Барбо, будто пошли толки о посвщеніяхъ Ричардомъ фермы. Петиперъ совѣтовалъ Ренъ быть осторожнѣе, если опять увидится съ нимъ, не то могутъ начаться сплетни.

— Дѣдъ мой самъ сплетничаетъ со старымъ Барбо, говорила Ренъ.—Они не знаютъ какъ вредать мнѣ. Еще сегодня утромъ встрѣтила я М-г де-Траси съ женой. Развѣ вы не знали, что они вернулись? Они посмотрѣли на меня такъ странно.

Катерина засмѣялась.

— Милая Ренъ, вы только такъ воображаете себя.

— Я смѣшна, я знаю, и смѣшна, и несчастна. О! еслибъ онъ любилъ меня, онъ бы не дѣлалъ меня такъ несчастною.

Катерина немного испугалась этихъ словъ Ренъ. Какъ видѣніе въ темнотѣ, ей представилась ея собственная исторія, передъ ней пронеслась ея смиренная, безнадежная любовь; потомъ она подумала о Дикѣ, добромъ, веселомъ, честномъ, довѣрчивомъ. Въ вѣрности его не могло быть сомнѣнія.

— Ахъ, Ренъ! сказала она почти невольно: — онъ слыш-

комъ добръ, чтобы сознательно огорчать васъ. Мнѣ иногда думается, продолжала она скороговоркой, сама пугаясь своей смѣлости, — что вы едва ли цѣните кладъ, который вамъ достался. Мистеръ Бутлеръ не пускается въ изъясненія, но онъ вѣрнее какъ сталь. Онъ не способенъ вымолвить жесткое слово, вмѣстить въ себѣ неблагородную мысль. Могъ ли онъ не дать этого обѣщанія, котораго требовалъ умирающій дядя? Тяжело, прибавила она съ сдержаннымъ волненіемъ, — видѣть сомнѣвающимися, несчастными людей, обладающихъ тѣмъ, за что другіе вѣкогда отдали бы всю свою жизнь....

Она остановилась. Послышался звукъ; вверху надъ ними отворилось окно, и голосъ Фонтена закричалъ: „Катерина! Гдѣ ты? Неосторожное дитя!“ Катерина отвѣчала поспѣшно: „Сейчасъ, мой другъ, иду!“ Долго потомъ слышался ей по временамъ этотъ зовущій голосъ, но тогда она не обратила на него вниманія.

— Ренъ, вы не сердитесь? спросила она.

— Нѣтъ, не сержусь, сказала Ренъ, и мягкій, исполненный чувства голосъ ея какъ-то особенно звучалъ въ темнотѣ. — Я хотѣла сказать вамъ еще одно. Я уѣзжаю въ среду. Не вѣстите ли вы какъ-нибудь Петипера безъ меня?

— Ахъ, Ренъ! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ уѣдете? сказала Катерина, которой это намѣреніе казалось ужаснымъ.

Ренъ оно не пугало. Она прежде бывала съ матерью въ монастырѣ августинокъ въ Канѣ. Взволнованная, огорченная, досадующая на себя, дѣвушка хотѣла отдохнуть нѣсколько дней въ молитвѣ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы лишь издалека доносились до нея тревога и суета міра. Въ сословіи, къ которому Ренъ принадлежала, подобныя явленія не часто встрѣчаются, но знатныя дамы нерѣдко удаляются такимъ образомъ на время отъ мірскихъ трудовъ и заботъ. М—те Жанъ де-Траси сама на нѣсколько дней покидала свѣтъ, безъ большой однакоже пользы. Монахини поставили въ ея кельѣ туалетный столъ, обитый муслиномъ, и приняли ее радушно. Но она уѣхала отъ нихъ раньше чѣмъ предполагалось. „Ей оказался вреденъ монастырскій воздухъ“, говорила она.

Въ этомъ самомъ монастырѣ Марта начинала теперь свое послушничество. Жанъ, видѣвшій ее тамъ, говорилъ, что она имѣетъ видъ совершенно здоровый и красивѣе чѣмъ когда-либо. Ей монастырскій воздухъ не былъ вреденъ. Вскорѣ

М—ше де-Траси и madame mège возвратились въ замокъ съ Барбъ и всею прислугой въ глубокомъ траурѣ. Въ Парижѣ дошла до нихъ печальная вѣсть о смерти Чарльза Бутлера. М—ше де-Траси хлопотливо пріѣхала навѣстить Катерину на ея новосельѣ. Она была очень любезна, много плакала, говоря о братѣ, много спрашивала и очень часто цѣловала Катерину. Она оставалась не долго, и выпархивая изъ двери въ своихъ широкихъ уборахъ, требовала, чтобы М—ше Фонтенъ непременно какъ можно чаще бывала у нея. Катерина была рада бывать: хоть бы чѣмъ-нибудь прервать однообразіе своей жизни.

XVII. М. и N.

Вся осенняя роскошь далій и маргаритокъ передъ домикомъ Фонтена увяла подъ зимними дождями и вѣтрами; только ставки блестяли попрежнему ярко-зеленою краской, и флюгера весело вертѣлись на желѣзныхъ спицахъ, когда Дикъ подошелъ къ этому домику въ одно февральское утро, часовъ около двѣнадцати. Онъ позвонилъ. М—ше Мераръ увидала его изъ окна столовой и крикнула Жюстинѣ впустить гостя.

— Хозяина нѣтъ дома, сказала Жюстина. М—ше Фонтенъ была на террасѣ. Неудобно ли вамъ видѣть М—ше Мераръ?

Дикъ поспѣшно отвѣчалъ, что постарается отыскать М—ше Фонтенъ, и отправился въ направленіи, указанномъ Жюстиной.

— Тутъ нельзя сбиться съ дороги, сказала она и возвратилась въ свою кухню, очень довольная, что такъ легко отдѣлалась. Дверь столовой отворилась, чтобы пригласить его войти въ домъ, въ ту самую минуту какъ онъ скрылся за угломъ.

Сходя по отлогимъ склонамъ съ одной террасы на другую, Дикъ охватилъ однимъ взглядомъ всю обстановку Катериной жизни: многоголосное, искрящееся море, отдаленное селеніе на выступающемъ мысѣ; подъ бокомъ Петипортъ, полный живыхъ звуковъ, шумный рынокъ, а тамъ стучащая кузница, лай собакъ на скалѣ, далекій крикъ пѣтуховъ. Солнце свѣтило Дикю въ глаза; первый увидалъ его Тотто, бросился изъ сторожки и сталъ звать мамуху. Потомъ

появилась Катерина съ румянцемъ на щекахъ, вызваннымъ свѣжестью утренняго воздуха.

Они встрѣтились очень спокойно. Молодой человѣкъ въ траурѣ снялъ шляпу, молодая женщина въ малиновомъ капорѣ протянула руку. Катеринѣ въ эту минуту показалось, что она протягиваетъ руку черезъ глубокую бездну. Богъ былъ милостивъ къ ней, она въ безопасности стояла уже на другомъ берегу. Она сознала это, встрѣтившись съ нимъ. Этой минуты она втайнѣ страшилась, а вышло вовсе не такъ страшно.

— Жаль, что мужа нѣтъ дома, сказала Катерина, спросивъ его, когда онъ пріѣхалъ, и узнавъ, что Бумиши пріѣхали съ нимъ и желаютъ ее видѣть. Мы всѣ говоримъ иногда алгебраическимъ языкомъ, какъ Катерина въ эту минуту. Исторія прошедшаго, вѣра въ будущее, страданія, надежды, усилія скромной жизни, всѣ неизвѣстныя величины были выражены въ немногихъ пошлыхъ словахъ: „Здравствуйте! Я рада васъ видѣть. Мужа нѣтъ дома.“

На все это, въ сущности, Дикъ обращалъ мало вниманія, хотя давалъ приличные отвѣты. Онъ жалѣлъ, что не засталъ Фонтена, и радъ былъ однако видѣть ее одну. Онъ былъ чѣмъ-то, видимо, разстроенъ, и, какъ Ренъ, онъ пришелъ къ Катеринѣ за сочувствіемъ и совѣтомъ. Но прежде чѣмъ заговорить о своихъ дѣлахъ, онъ посмотрѣлъ на нее. Теперь, когда румянецъ пропалъ, онъ замѣтилъ, что Катерина нѣсколько измѣнилась и похудѣла. Глаза ея были свѣтлы попрежнему, но утомленный взглядъ изъ-подъ опускавшихся вѣкъ говорилъ, что что-то неладно. Однако въ обращеніи она была очень мила, дружелюбна и спокойна, какъ бываютъ счастливыя женщины. Она, казалось, искренно рада видѣть его, какъ и было въ дѣйствительности, и съ невинною женственною гордостью говорила себѣ, что впервые имѣетъ возможность принять его въ своемъ домѣ. Наступило время, когда она можетъ протянуть ему руку помощи и показать какъ искренна и неизмѣнна ея дружба. Больше ничего никогда и не осмѣливалась она желать, и вотъ это время наконецъ настало. Можетъ-быть, еслибъ она была не такъ скромна, не такъ неопытна въ житейскихъ дѣлахъ, она болѣе бы остерегалась, болѣе бы опасалась. Но ясное зимнее солнце освѣщало міръ, все говорило ей о надеждѣ, упованіи, бодрости.

— Меня послали къ вамъ сюда, сказалъ Дикъ послѣ

первыхъ привѣтствій.—Я хочу поговорить съ вами о Ревъ. Я ничего не понимаю. Я сейчасъ съ фермы. Тамъ мнѣ сказали, что она уѣхала въ монастырь и не воротится ведѣлю. Чтò это за безуміе?

Катерина видѣла, что онъ разстроены, и попробовала опясать ему, въ какомъ уныніи и волненіи Ревъ приходила сообщать ей о своемъ намѣреніи.

— Она никакъ не ожидала, что вы пріѣдете, сказала М—ше Фонтень.

— Да какъ же могла она не ожидать этого? отвѣчалъ Дикъ.— Она пишетъ мнѣ, бѣдняжка, грустное письмо. Предлагаетъ отказать отъ нея. Говоритъ, что я жестокъ и оставляю ее здѣсь на жертву всякимъ подозрѣніямъ и оскорбленіямъ. Не могла же она не понять, что я пріѣду, какъ только получу это письмо. Пріѣзжаю, и она исчезла, скрылась такимъ недѣльнымъ образомъ. Да я даже писалъ ей, что ѣду, но письмо мое лежитъ нераспечатанное на фермѣ.

Дикъ, главный недостатокъ котораго заключался въ чрезмѣрной беззаботности, былъ теперь раздраженъ и не совѣтъ разсудителенъ. Больше всего раздражало его то, что Ревъ несчастлива.

— Зачѣмъ она всегда непременно хочетъ сомнѣваться и мучить себя такъ, понапрасну? Какое ей дѣло до того, что толкуютъ два-три идиота? Я хочу ее видѣть, хочу слышать отъ нея, что она не думаетъ въ самомъ дѣлѣ бросить меня, какъ пишетъ!

— О! конечно, она этого не думаетъ! сказала М—ше Фонтень.

— Срокъ положенъ намъ очень не долгій, продолжалъ Бутлеръ: — я не могъ не дать обѣщанія. Мой добрый дядя сдѣлалъ все для насъ. Не слѣдовало бы ей быть такъ ужъ черзчуръ обидчивою, зная, что все уладится къ лучшему.

Катерина жалѣла, что онъ не видалъ дѣвушки. Одинъ взглядъ ея гордыхъ, вѣжныхъ глазъ подѣйствовалъ бы больше чѣмъ всѣ ея собственныя кроткія увѣщанія. Она шла живо къ дому, какъ вдругъ на поворотѣ дорожки, изъ-за куста, вышла къ нимъ на встрѣчу короткая толстая фигура въ шляпкѣ съ полями.

— Я и мужу не оказала вашего секрета, говорила Катерина, и вдругъ остановилась, хотя потомъ вспомнила, что М—ше Мераръ не знаетъ по-англійски.

Но глазки М—ше Мераръ были зорки, провидательны, неотразимы. Не легко было укрыться отъ М—ше Мераръ.

Она видѣла, что Катерина горячо говоритъ съ молодымъ человѣкомъ, она видѣла съ какимъ выраженіемъ онъ отвѣчаетъ ей. Секретъ! Вѣдь М—ше Фонтенъ несомнѣнно сказала „секретъ“. О! это ужасно! М—ше Мераръ на столько понимала по-англійски. Секретъ! Ужь не ослышалась ли она?

— Я, кажется, не имѣю удовольствія знать этого господина, сказала М—ше Мераръ, стоя посерединѣ дороги и тараща глаза.

— Позвольте представить вамъ мистера Бутлера, сказала Катерина кротко по-французски.

— М-г Фонтена нѣтъ дома, сказала М—ше Мераръ, продолжая хмуриться и нюхать морской вѣтеръ.

— Мистеръ Бутлеръ завтра придетъ опять повидаться съ нимъ, сказала Катерина.

— Въ самомъ дѣлѣ? произнесла старуха.

Еслибъ это зависѣло отъ М—ше Мераръ, ноги Дика никогда болѣе не было бы въ ихъ домѣ. Чтò за безуміе со стороны М—ше Фонтенъ удерживать его обѣдать, приглашать, угощать? Даже старикъ Мераръ вздумалъ предлагать „воду съ сахаромъ“. Какъ будто вода съ сахаромъ такъ и льется готовая изъ моря. Еще счастье, что она сама тутъ. Безъ сомнѣнія, ея присутствіе не дозволитъ молодому человѣку бывать такъ часто, какъ бывалъ бы онъ безъ нея. Это размышленіе втайнѣ льстило ей.

Едва Дикъ вышелъ изъ дому, какъ М—ше Мераръ принялась высказывать, чтò было у нея на умѣ. Можетъ-быть, въ Англійи принято, чтобы молодые женщины приглашали чужихъ мужчинъ обѣдать въ отсутствіи мужей. О! объясненій не нужно! дѣло ясное. Только она, признаться, такъ бы не поступила, даже въ свои года. Въ ея время жена посвящала себя домашней жизни, не желала ничего кромѣ одобренія мужа. А теперь, какъ видно, необходимы увеселенія, мотовство, ухаживанье, обѣды въ гостяхъ, музыка дома, поѣздки, литература, переписки, визиты.

— Милая М—ше Мераръ, возразила Катерина:—я только и бываю, что въ Траси.

— Гм, а развѣ этого мало? сказала М—ше Мераръ сердито, мѣшая въ кастрюль (тутъ готовился „tisane“, которымъ эта вѣжная супруга любила угощать бѣднаго старика Мерара, втайнѣ ненавидѣвшаго этотъ декоктъ. Онъ теперь сидѣлъ въ буфетѣ, чтобы не слышать запаха).—Траси! Это жилище чванства и суетности. Гдѣ же еще вамъ бывать?

Траси въ сущности заключалъ въ себѣ тайный корень всей ненависти и зависти М—ше Мераръ. Замокъ никогда не дѣлалъ визитовъ домику на скалѣ при жизни Леоніи, ни разу. М—ше Мераръ не приглашали и теперь. А къ этой Англичанкѣ то и дѣло приходятъ посланные и записки, съ тѣхъ поръ какъ семейство вернулось. М—ше де-Траси простудилась: Катеринѣ нужно навѣстить ее въ спальнѣ. М—ше де-Траси купила новую шляпку: требуется мѣнѣе Катерины. Какъ только возникаетъ несогласіе у М—ше де-Траси съ кѣмъ-нибудь изъ семейства, М—ше Фонтенъ вызываютъ выслушать всю исторію. И въ самомъ дѣлѣ, Катерина, по своей скромности, молчаливости, симпатичности, была какъ будто создана для роли наперсницы. М—ше де-Траси дѣйствительно любила молодую женщину. Бѣдная Катерина! Ей иногда казалось, что лучше бы ужь не ходить къ этимъ людямъ, которые такъ дорожатъ ею, такъ ласкаютъ ее. Тяжко было возвращаться домой и сравнивать, съ одной стороны—привѣтствія, ласки, щедрость; съ другой—тѣсноту, холодъ, замкнутость. Однако здѣсь она нашла истинное чувство, думала молодая женщина, вспоминая всю привязанность и терпѣливую доброту Фонтена. Она думала объ этомъ теперь, когда старуха пошла на нее въ атаку: полетѣли бомбы, зашипѣли гранаты, загремѣли пушки, и ужасный паръ кастрюли душилъ бѣднаго маленькаго неприятеля.

— Да, кричала взбѣшенная старуха.—Еслибы вы любили мужа, я все простила бы вамъ! Но вы не любите его, и онъ это знаетъ, и жизнь его разбита. Вы вошли въ нашъ мирный кругъ, оставивъ сердце свое на сторонѣ. Вы смотрите на насъ съ презрѣніемъ. Вы смѣтаетесь надъ нашею простотою. Ваши знатные пріатели призываютъ сюда и оскорбляютъ меня, а вы втайнѣ сравниваете насъ съ ними и съ ихъ напудренными лакеями. Вы думаете, мы не знаемъ этого, хоть вы и молчите? Вы воображаете, что Шарль не замѣчаетъ всего, что происходитъ въ вашемъ умѣ? Онъ знаетъ все, потому что я сказала ему. Но онъ благороденъ, и добръ, и нѣженъ, и не упрекаетъ васъ за то, что вы внесли горе и смутеніе въ домъ прежде тихій и мирный. — И старуха Мераръ захопнула крышу кастрюли и шумно набила себѣ носъ табакомъ. Бѣдная Катерина поблѣднѣла, какъ и въ тотъ разъ, и со слабымъ крикомъ бросилась къ двери. Не было тутъ Фонтена, чтобъ уладить дѣло.

Ужасно! И всего хуже, что въ упрекахъ сердитой старухи была вѣкоторая правда. Сколько правды, сама М—ше Мераръ не знала. Катеринѣ сдѣлалось несносно въ домѣ, ея какъ будто давило; удушавый паръ ея преслѣдовалъ. Она набросила бурнусъ, надѣла капоръ, и вышла. Въ другое время она не такъ бы разстроилась. Но въ этотъ день, когда она снова встрѣтилась съ Дикомъ, когда поднялись съ новою силой всѣ воспоминавія прошедшаго, эти упреки получили значеніе, котораго не имѣли бы въ другое время. Старикъ Мераръ кивалъ и махалъ ей изъ окна буфета, но Катерина покачала головой и послѣшно пошла дальше. Вотъ къ чему привела встрѣча съ прежнимъ предметомъ любви ея. Она была рада видѣть его опять, но теперь, при мысли о Фонтевѣ, сердце въ ней закрыло. Ужели онъ несчастливъ, и по ея винѣ? Чтò за ужасная путаница всѣ эти послѣдніе годы! Взадъ и впередъ и кругомъ блуждала она, надѣясь попасть на настоящую дорогу и постоянно возвращаясь къ одному и тому же безотрадному выходу. А вѣдь она старалась, Богу извѣстно какъ старалась, и молчала о помощи, и чаяла себѣ успокоенія, и вотъ результатъ! Жизнь хорошаго человѣка отравлена и разбита: вѣдь такъ говорила мать его, ея собственная жизнь испорчена, истрачена даромъ, въ безнадежномъ терпѣніи, тогда какъ на другомъ пути ея ждала, быть-можетъ, иная, лучшая участь. За чтò я такъ мучаюсь? думала она. Между тѣмъ она вошла на скалу, срывая мимоходомъ стебли мака. Ей казалось, что и ея самое сорвала чья-то сильная рука, лишь для того чтобы бросить. Въ безуміи совершила она этотъ роковой шагъ. Она надѣялась достигнуть мирнаго убѣжища, дать и маленькимъ сестрамъ своимъ пріютъ, а вышло, что она добровольно разлучилась съ ними и, можетъ-быть, навсегда.

Не одаренная внутреннею силой переносить обиды или заявлять свои права, она чувствовала потребность искать помощи окружающихъ, полагаться на нихъ, вѣрять имъ свою судьбу. Она никому на свѣтѣ не желала зла, не способна была сказать рѣзкаго слова, но была способна боятся, сжиматься, дрожать и кричать отъ боли. Весь организмъ ея иногда трепеталъ отъ ужаса и страданія, какового не могутъ себѣ представить болѣе сильныя, крѣпкія натуры. Не о Дикѣ, а о Фонтевѣ думала она все это время, и угрозы ея совѣсти были тѣмъ сильнѣе, что сердце было чисто

и полно признательности къ нему. Она вѣрила судьбу свою въ чужія руки, и вотъ къ чему это привело: бѣдное сердечко раздавлено, чуть не сокрушено, другой человекъ вовлеченъ черезъ нее въ горе и раскаяніе, сдѣлано дѣло, которое уже никогда нельзя поправить. Преступленіе! Ахъ! неужели въ самомъ дѣлѣ она совершила преступленіе непоправимое? Неужели нѣтъ для нея искупленія, прощенія, нѣтъ милосердія у судьбы?

Краски были еще ярки, ибо солдце только что зашло. Красныя, синія и полосатыя юнки и бѣлые чепцы петипортскихъ рыбацекъ пестрѣли въ красивыхъ сочетаніяхъ. Сѣрыя тѣни и полусвѣты смягчали картину. Внутри домовъ огни пылали и трещали; и вотъ колоколъ зазвенѣлъ, и повеселъ по улицѣ его звучный серебристый голосъ, призывая поселянъ на вечернюю молитву. Мирныя молитвы въ сумеркахъ, по окончаніи дневнаго труда, какъ будто освящаютъ, утишаютъ заботы и хлопоты долгихъ шумныхъ часовъ, даруютъ прощеніе и успокоеніе передъ наступленіемъ ночной темноты.

Колоколъ звенѣлъ; священникъ вышелъ изъ дому и пошелъ черезъ заросшее поле къ церкви. Бѣдная Катерина, бродившая по окраинамъ поля, также услышала звонъ. Она набродилась до усталости; потомъ сѣла отдохнуть, но ей не сидѣлось: такъ горько становилось на сердцѣ. Она вскочила опять и пошла къ Арси, не останавливаясь, безъ дѣла, потомъ опять вернулась вдоль утесовъ въ поле. Она была утомлена горемъ, она чувствовала, что у нея уже почти не остается силы страдать и раскаиваться; она тащилась совершенно изнуренная и упавшая духомъ, держа въ рукахъ два-три стебля мака, вмѣстѣ съ краемъ своего платья. Катерина была щепетильна и аккуратна и приподнимала платье съ безсознательною заботливостью, даже влачась по юдоли плача. Здѣсь дѣйствительно была для нея юдоля плача. Ей представилось будущее въ невыносимомъ видѣ, какъ борьба между добромъ, долгомъ и зломъ, на которую она чувствовала себя окончательно неспособною; ей захотѣлось лечь въ жесткую, темную бразду на полѣ и умереть, и сознаться побѣжденною, и отказаться отъ боя, и кончить борьбу.

Въ это-то самое время зазвонилъ колоколъ. Какъ голосъ сочувствія и отрады долетѣлъ этотъ звонъ до бѣдной

страдалицы. Онъ обратилъ ея мысли въ другую сторону, далъ ей цѣль, ибо она пошла по направленію къ церкви. Она перешла черезъ ручей, вдоль котораго шли фигуры людей, освѣщенные сзади сіяніемъ запада. Она повернула въ тихую улицу селенія и пошла издали вслѣдъ за священникомъ, черезъ задній дворъ къ церкви. Тутъ, у придѣла Св. Іосифа, вознеслась изъ грустнаго сердца молитва о подкрѣпленіи, помощи и успокоеніи.

Катерина видѣла кругомъ людей, простертыхъ лицъ. Она знала какими страшными молитвами молятся нѣкоторые изъ нихъ. Вотъ бѣдная Тереза Фурье, у которой маленькая дѣвочка больна при смерти. Вотъ Жозефъ Леру, у котораго дома тяжкое горе; а затѣмъ М—ше Фонтенъ замѣтила челоуѣка стоящаго на колунахъ на низкой соломенной скамейкѣ, и узнала мужа, хотя лицо его было закрыто руками.

Кругомъ царил торжественная тишина. Катерина, изнуренная, упала на стулъ въ своемъ темномъ углу, радуясь отдыху послѣ муки. Она уже не живо чувствовала; за бурей настала тишина. Голосъ священника пересталъ быть слышенъ, клиръ умолкъ; служба кончилась; всѣ вставали, брали корзины и зонтики, одна старуха набросила на плечо свою „hotte“, и стали расходиться. Катерина машинально старалась уйти боковою дверью, въ которую вошла. Большая часть несчастій ея въ жизни происходили отъ робости, недостатка смѣлости и довѣрія къ себѣ самой. Она сама не знала зачѣмъ теперь избѣгаетъ мужа, бѣднаго Фонтена, который также возсылалъ къ небу свои молитвы. Онъ молился о ревматизмѣ матери, молился о женѣ и сынѣ, объ обращеніи и счастіи Катерины; просилъ побольше тишины и спокойствія въ своемъ домѣ, даже неможко веселости, если возможно. Фонтенъ не любилъ просить слишкомъ много заразъ, и хотя нельзя не улыбнуться на такую простосердечную вѣру, однако кажется, что смиренная молитва о спокойномъ и бодромъ духѣ не дурное средство достигнуть этого блага. Мерзъ быстро вскочилъ на ноги, когда служба кончилась, и безсознательно направился къ той же самой боковой двери, въ которую старалась ускользнуть жена его. Такъ и случилось, что они встрѣтились лицомъ къ лицу.

— Наконецъ я нашелъ тебя! воскликнулъ онъ, какъ оба они выступили почти въ одно время на паперть.

Фонтенъ почти готовъ былъ предполагать чудо, глядя на жену. „Красивая парочка“, думала бабка Наконъ, плетясь домой съ большою корзиной на спинѣ. Они стояли, глядя другъ на друга въ мерцаніи зари, съ моря вѣялъ свѣжій вѣтеръ; сумерки были еще теплы: еще рѣла на западѣ бѣдно-золотистая полоса, звѣзды выступали надъ головой.

— Вообразимое безпокойство, говорилъ Фонтенъ.—Я искалъ тебя всюду. Ходилъ домой. Матушка сказала мнѣ, что ты ушла. На фермѣ тебя не было. Я не зналъ что дѣлать, гдѣ искать.

— Я ходила въ Арси, сказала Катерина, взглядывая на него своими темными, смущенными глазами.—Ахъ! Шарль, я очень несчастна.

— Несчастна, мой другъ? сказалъ Фонтенъ.

— Я несчастна оттого, что дѣлаю тебя несчастнымъ, сказала бѣдняжка. — Право, я старалась исполнить свой долгъ.

— Не говори такъ, сказалъ Фонтенъ,—ты маленькій ангелъ, моя Катерина. Что тебѣ такое наговорили?

Бѣдная Катерина! На половину рыданіями, на половину словами, послѣдовало объясненіе, а за объясненіемъ исчезъ почти весь ужасъ. Фонтенъ былъ вѣсколько озадаченъ. Она не довольно любитъ его? Почему же? Ей бы хотѣлось любить его больше? Только теперь, видя его доброту, она поняла какой онъ достоинъ любви. Она разбила его жизнь. Такъ говоритъ М—ше Мераръ... просто не добьешься толку. Однако мало-по-малу онъ началъ догадываться въ чемъ дѣло.

— Милая моя Катерина, сказалъ наконецъ Фонтенъ очень разсудительно,—я многими годами старше тебя. Я не требую романтической страсти. Мнѣ нужна добрая, ласковая жена, которая немножко заботилась бы обо мнѣ и была бы ко мнѣ немножко привязана. Я доволенъ, совершенно и вполнѣ доволенъ. Въ моихъ глазахъ никто не можетъ сравниться съ тобой. М—ше Мераръ отличнѣйшая особа, но она впечатлительна; она не всегда думаетъ что говорить. Не горюй, мой милый, дорогой другъ; повѣрь, что если ты счастлива, я счастливъ и ничего больше не желаю.

На пути домой Катерина разказала ему почему упреки М—ше Мераръ такъ больно кольнули ее.

— Помнишь ли ты тотъ вечеръ, когда ты спросилъ меня зачѣмъ я бросаю въ море увядшіе цвѣты? сказала Катерина. — Я хотѣла бросить воспоминаваніе о моихъ глупыхъ

дѣвичьихъ грезахъ. Въ самомъ дѣлѣ правда, что я сказала тебѣ тогда. Никто никогда не любилъ меня, кромѣ тебя. Никогда я на съ кѣмъ не говорила о томъ, о чемъ говорю съ тобой теперь. Ты единственный человѣкъ на свѣтѣ, который любилъ меня на столько, чтобы дать мнѣ пріютъ.

Фонтенъ просилъ ее оставить этотъ разговоръ: онъ вѣрилъ ей и повималъ ее совершенно. Но Катерина не могла уже остановиться, и въ жару изліяній у ней какъ-то вырвалась тайна Дука.

— Сегодня мистеръ Бутлеръ приходилъ говорить со мною объ одномъ дѣлѣ, которое я знала давно, съ самаго дѣта. Онъ собирается жениться на Ренъ. Они иногда приходили ко мнѣ за совѣтомъ. О! Шарль, я не могу не радоваться его дружбѣ и не помогать ему, какъ умѣю, хоть я и жена твоя. Но, ахъ! что я сдѣлала! Я не должна была тебѣ говорить.

Когда они проходили, поселяне дивились о чемъ это меръ такъ горячо бесѣдуетъ съ женой, и разсуждали потомъ объ этомъ. Катерина тоже помнила эту прогулку. Они шли по темной улицѣ; глаза молодой женщины горѣли подъ малиновымъ капоромъ; Фонтенъ былъ очень блѣденъ, ибо ея разказъ сильно дѣйствовалъ на него.

— Я глубоко тронутъ, сказалъ онъ, — довѣриемъ, которое ты мнѣ оказываешь. Ты увидишь, что я вполнѣ на тебя полагаюсь. Новость, которую ты сообщила, удивительна, но не совсѣмъ неожиданна. Въ эту минуту я не довольно спокоенъ чтобъ уяснить себѣ всю ея важность.

Свѣчи были зажжены въ домикѣ, столъ былъ накрытъ, и что-то кипѣло. Это былъ „tisane de the“ безъ сливокъ, который М—ше Мераръ готовила, какъ примирительное угощеніе для невестки. Старуха испугалась ея долгаго отсутствія; она подумала, что зашла, можетъ-быть, слишкомъ далеко, и искренно обрадовалась ея благополучному возвращенію съ мужемъ.

— Кофе вещь хорошая, также и вино, а иногда и немного „eau-de-sarques“ для подкрѣпленія желудка, говорилъ послѣ обѣда старый Мераръ своимъ тонкимъ, пищащимъ голоскомъ, — но чай никуда не годится.

— Англичанки любятъ разрушать себя чаемъ, М—г Мераръ, сказала его жена почти ласково. Пока въ Фонтеновомъ домикѣ разсуждали о сравнительномъ достоинствѣ чая и eau-de-sarques, пока самъ Фонтенъ, всегда

добрый и ласковый, всѣми средствами старался, казалось, доказать женѣ какъ онъ счастливъ, какъ любитъ ее, какъ неосновательны были ея опасенія, Дикъ въ замкѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія Ренъ. Катерина Бимшъ улыбалась и болтала, и всѣхъ ихъ озаряла веселостью и счастьемъ; всѣмъ забавлялась, всюду хотѣла побывать, очаровывала всѣхъ. Эрнестину бѣсило, что пришлось отступить на второй планъ. На другое утро послѣ всѣхъ этихъ волненій, М—ше Бимшъ прислала записку съ меромъ, который былъ въ замкѣ, умоляя Катерину придти къ нимъ тотчасъ же. Они всѣ собираются ѣхать въ Байё, въ музей, а потомъ въ Канъ навѣстить Марту въ монастырѣ. Не согласится ли Катерина присоединиться къ нимъ? Очень хочется съ ней повидаться.

— Я обѣщала за тебя, сказалъ Фонтенъ. — Я думаю, тебѣ хорошо будетъ провести нѣсколько дней съ твоими друзьями. М—ше де-Траси говоритъ, что у тебя видъ нездоровый, прибавилъ онъ, заботливо глядя на нее.

— Какъ ты добръ ко мнѣ, Шарль, воскликнула Катерина, обрадованная и въ эту минуту смотрѣвшая совершенно здоровою. Она вскочила и уронила на полъ всю свою работу. Къ ея счастью, не было тутъ ни господина, ни госпожи Мераръ. Когда они вернулись съ короткой прогулки на рыбный рынокъ, Фонтена уже не было съ Катериной. Тото сказалъ, что мамелька ѣдетъ съ М—ше де-Траси и надѣла свою кашемировую шаль и красивую розовую шляпку.

— Бабушка, любите ли вы розовой цвѣтъ? спросилъ Тото.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! отвѣтила М—ше Мераръ, содрогаясь.

XVIII. L'Abbaye aux Dames.

Между тѣмъ Катерина, веселая и бодрая, какъ нѣсколько дней уже не бывала, пробиралась съ мужемъ между камнями вверхъ по улицѣ селенія. Фонтенъ живо шагалъ изящно обутыми ногами, кланялся направо и налево знакомымъ и останавливался иногда, по своему обыкновенію, разспросить подробнѣе о здоровьѣ одного, о дѣлахъ другаго. Дѣти играли въ садикахъ передъ домиками, женщины сидѣли кучками, пряда, мотая, крутя, штопая. Языки ихъ не отставали отъ

быстраго движенія пальцевъ и покачиванія бѣлыхъ чепцовъ. Нѣкоторые мушцины вили веревки на гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну, другіе чинили сѣти, третьи говорили съ женщинами, которыя отвѣчали имъ, не останавливаясь ни на минуту въ своей работѣ. Въ промежуткахъ домовъ мерцало блѣдное, туманное море. Доминикъ съ фермы спускался съ лошадьми внизъ по улицѣ къ водѣ; Маріонъ и другія здоровались съ нимъ мимоходомъ:

— А когда же возвращается М—ше Кретьенъ? сказала М—ше Потье, съ порога своей лавки.

— Почему знать? отвѣчалъ Доминикъ.—Можетъ-быть, завтра,—и простучалъ далѣе. Онъ поклонился М-г Фонтену, а М—ше Потье привѣтливо улыбнулась имъ, какъ они проходили.

Катерина спросила мужа, почему такъ много мушциновъ дома. Она еще не довольно долго жила у моря, чтобъ умѣть разобратъ примѣты погоды въ юго-западномъ вѣтеркѣ, пріятно вѣявшемъ имъ въ лицо, и въ туманѣ, скрывавшемъ мрачные утесы Кальвадосъ.

Фонтенъ поправилъ лорнетку и взглянулъ на небо, а потомъ на линію моря, слабо синѣвшую на горизонтѣ.

— Прекрасное утро часто бываетъ обманчиво, сказалъ онъ,—хотя трудно предполагать дурную погоду въ такой день, какъ сегодня.

Все было такъ свѣтло, такъ тихо, что казалось никогда уже не могла встать непогода, зашумѣть буря. Солнце обливало пыльную дорогу. Иногда слышался шумъ веретень, голоса раздавались необыкновенно внятно; съ каждаго порога неслись веселые звуки жизни. Вотъ двое мушциновъ и мальчикъ обогнали ихъ, идя къ морю съ веслами и канатами. Это были Лефевьеры, которые очевидно думали, какъ и Катерина, что нечего опасаться бури, когда солнце свѣтитъ такъ ясно, и море такъ тихо. Мальчикъ поднялъ голову и усмѣхнулся, онъ зналъ М—ше Фонтенъ; одинъ изъ мушциновъ приподнялъ шапку, другой, его двоюродный братъ, сурово прошелъ своею дорогою. Жозефъ Лефевьеръ былъ самый своевольный человекъ во всемъ селеніи, и никто не смѣлъ ему прекословить. Кристофъ поспорилъ съ нимъ въ это утро о выходѣ на промыселъ, но кончилось тѣмъ, что Кристофъ уступилъ, по просьбѣ Изабо: онъ, бѣднякъ, ни въ чемъ ей не отказывалъ, это всѣ знали. Мушцины прошли, и слѣдя за ними, въ нѣкоторомъ разстояніи показалась старая Нанонъ.

Ея голыя загорѣлыя ноги тряслись подъ бременемъ тяжелаго груза морской травы, которую она несла.

— Кристофъ дуракъ, бормотала она про себя, — съ чего онъ уступилъ этому безмозглому Жозефу!

Катерина хотѣла остановить и разспросить ее, но старуха качала головой и плелась дальше:

— Чтѣ вамъ до этого? говорила она.— Вашъ мужъ постоянно съ вами, на сухомъ берегу. Ему не нужно выходить въ море и съ опасностію жизни добывать хлѣбъ, который вы ѣдите.

Можетъ-быть, слова старухи ничего не значили, но они какъ-то поразили Катерину, непонятно для нея самой. Бѣдные люди! какова ихъ жизнь! Не должна ли ихъ лучшая и самая здоровая пища отравляться мыслью о цѣнѣ, которую рано или поздно придется, можетъ-быть, заплатить за нее? Да, мужъ ея съ нею, и она взглянула на него, какъ онъ шелъ подлѣ нея бодро и скоро, полный жизни и веселости. Онъ говорилъ беззаботно о буряхъ, о рыбѣ и рыбакахъ, о школѣ плаванія въ Байѣ, которую онъ посвѣщалъ съ большимъ интересомъ, и куда намѣренъ скоро посылать Тото. Онъ говорилъ о вѣдрѣ и невастѣ, о непогодахъ и о громадныхъ кучахъ морской травы, которою иногда покрывался берегъ въ отливъ послѣ бурной ночи.

— Надо тебѣ это посмотрѣть, моя милая Катерина, говорилъ меръ. — Люди встаютъ чѣмъ свѣтъ и спускаются на берегъ съ телѣгами, лопатами и корзинами. Тебѣ было бы интересно посмотрѣть какъ убираютъ *varech* до вечерняго прилива.

— Но на чтѣ же онъ? спросила Катерина.

— Это вещество весьма полезное, сказалъ меръ поучительнымъ голосомъ: — запахъ его неприятенъ, но лѣчебныя свойства неопредѣлены. Я помню, прошлаго весной, на зарѣ кто-то постучался въ мое окно, говоря: „вставайте, вставайте, М-г меръ! *varech* пришелъ.“ Я поспѣшно одѣлся и нашелъ всѣхъ на берегу, хотя было только три часа утра.

Они между тѣмъ дошли до церкви въ концѣ селенія; священникъ сходилъ съ ея избитыхъ ступеней. Онъ снялъ свою треугольную шляпу; Фонтень, поспѣшно выступивъ впередъ, отвѣчалъ на поклонъ и спросилъ священника, не будетъ ли онъ дома черезъ полчаса.

— Мнѣ нужно подписать нѣкоторыя бумаги сказалъ меръ съ сіяющимъ и многозначительнымъ лицомъ. — Такъ

я хотѣлъ просить васъ, не потрудитесь ли вы засвидѣтельствовать ихъ. Я вернусь какъ только провожу жену до замка, продолжалъ меръ, съ нѣкоторою хвастливостью упоминая о такомъ хорошемъ обществѣ.—Она отправляется съ племянницей М—те де-Траси и нѣкоторыми другими прокатиться въ Байё.

— Скоро будетъ дождь, сказалъ священникъ, глядя съ наперти на горизонтъ,—надо спѣшить пользоваться хорошимъ погодой.

— Жозефъ Лефевюръ вышелъ въ море, сказалъ меръ.— Оно опасно; но вѣдь это не люди, а рыбы,—и онъ поправилъ лорнетъ и взглянулъ на длинную узкую полосу тучъ за утесами Кальвадосъ.

— Вечеромъ будетъ буря, сказалъ священникъ сухо.—Супруга ваша, впрочемъ, успѣетъ повеселиться. Но Жозефъ едва ли вернется сухъ.

— Я заверну къ вамъ на пути домой, воскликнулъ Фонтенъ, уходя.

Катерина посмотрѣла вслѣдъ священнику, шедшему въ хижику, которую и она посѣщала ради благотворительности. Черная фигура его прошла чрезъ лучезарное сіяніе, какъ будто обновлявшее и украшавшее все, и поля, и дальнія долины, и самую траву у дороги. На пути въ Траси, Фонтенъ съ женой скоро дошли до мѣста, гдѣ полевая тропка пересѣкала большую дорогу и гдѣ былъ воздвигнутъ крестъ, какъ часто встрѣчается въ Нормандіи. На немъ еще висѣло нѣсколько увядшихъ вѣнковъ, и трава росла на каменныхъ ступеняхъ. Тутъ Фонтенъ остановился.

— Не изъ Траси ли это коляска ѣдетъ намъ навстрѣчу?

— Да, кажется, отвѣчала Катерина.

— Въ такомъ случаѣ я оставляю тебя съ твоими друзьями. У меня есть нѣкоторыя дѣла, сказалъ Фонтенъ послѣшво.— Прощай, милая Катерина. Они доставятъ тебя домой. Такъ они обѣщали мнѣ, если я отпущу тебя съ ними.

— Прощай, Шарль, сказала Катерина;—спасибо, что проводилъ меня, когда ты такъ занятъ.

Фонтенъ улыбнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Прощай, моя миленькая Катя, сказалъ онъ еще разъ такъ нѣжно, что голосъ его еще долго послѣ какъ будто звучалъ у ней въ ушахъ. Когда коляска подѣхала, Катерина стояла неподвижно у креста, глядя вслѣдъ уходящему

Фонтену. Разъ онъ обернулся, а затѣмъ покатою склона скрыла его отъ ея глазъ.

— Не похоже на М-г Фонтена такъ убѣгать отъ насъ, сказала весело Катерина Бимшиъ, подыжая вся въ смѣлахъ и улыбкахъ.—Мы къ вамъ на встрѣчу. Тетушка передумала въ послѣднюю минуту и не ѣдетъ. Эрестина увѣряетъ, что мы ничего не увидимъ, что сегодня постный день, и что насъ въ монастырь не пустятъ. Но мы все-таки попробуемъ, не правда ли? Възайте!

Монастырь Августинскъ въ Канѣ стоитъ на горѣ рядомъ съ соборомъ Св. Троицы, который называютъ l'Abbaye aux Dames. Монастырскія стѣны заключаютъ въ себѣ аллеи топей и корридоры и лѣстницы, по которымъ скользятъ бѣлыя монахины. Корридоры ведутъ въ богадѣльни и больницы. При монастырѣ устроенъ госпиталь для солдатъ. Цѣлый городъ открывается передъ вами, когда вы входите въ широкія ворота. Жизнь и молитва, и трудъ, и вѣра, и печали сего міра, и символы будущаго встрѣчаются вамъ на каждомъ шагу въ залахъ и дворахъ, и тихихъ садахъ, на солнечномъ свѣтѣ и въ тѣни, гдѣ живутъ эти скорбные люди: мушны и женщины, и дѣти, ищущіе здѣсь убѣжища. Они бѣжали сюда отъ житейскаго боя изъ узкихъ улицъ и темныхъ подваловъ. Иные поступаютъ въ госпиталь, иные въ монастырь, а иные на маленькое кладбище на склонахъ горы, откуда виднѣется городъ, лежащій въ равнинѣ, и рѣка, свѣтло текущая, и далекіе изгибы горъ, окрашенныхъ слабыми и вѣжными красками сѣвера.

Де-Траси указывалъ дорогу двумъ Катеринамъ, Дуку и Бимшиу, взбиравшимся по крутымъ, каменистымъ улицамъ. Они перешли, наконецъ, черезъ пустынную площадь, гдѣ солнце лежало местовую, перосную травой, и не было видно никого, кромѣ нѣсколькихъ камешчиковъ, обтесывавшихъ большія мраморныя плиты, приготовляемыя для погравокъ въ соборѣ. Вотъ онъ стоялъ передъ ними высоко надъ городомъ, безмолвный, бѣло-сіяющій, а за нимъ громадная ворота, запертая и замкнутая, на которыхъ были начерчены слова: Hôtel Dieu.

„Резъ вошла въ эти ворота“, думалъ Бутлеръ, стоя съ другими, въ ожиданіи привратницы, которая бы впустила ихъ. Для него во всей этой мѣстности было что-то невыразимо грустное. Въ воздухѣ засидѣлся однообразный звукъ бьющихся

о камень молотковъ. Онъ глядѣлъ на запертыя ворота, на громадный, безмолвный соборъ, на дальнюю равнину, и какое-то грустное предчувствіе давило его. Никто изъ другихъ этого не испытывалъ. Катерина была весела, рада развлеченію послѣ горя, счастлива довѣріемъ мужа и дружбой Бутлера.

Что касается до мистрисъ Бимшъ, ей все было по-сердцу: она была одна изъ тѣхъ счастливицъ, которыя умѣютъ обращать солому въ золото. Бимшъ смѣялся надъ ея подвижностью и восторженностью, но любилъ ихъ. Окаменѣлости, сомнительныя рѣдкости, посохъ епископа Одо, трагическія омывубусы, длинныя минуты ожиданія въ приемныхъ, — М—ше Бимшъ всему смѣялась, неутомимо веселилась всѣмъ. Теперь она стояла, прислонившись къ желѣзнымъ воротамъ, держась за тяжелый затворъ, и весело болтала, а Катерина, помѣтившаяся на каменной плитѣ, слушала разговоръ. Разговоръ былъ женскій: о шитьѣ, узорахъ и вышиваньѣ; но шитье было сдѣлано восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, и швея была императрица, а узоръ былъ узоръ ея времени. Они только что осмотрѣли обойную фабрику въ Байѣ.

— Я столько же ожидала бы видѣть Гордіевъ узелъ, воскликнула мистрисъ Бимшъ.

— Или ткань Пенелопы, сказалъ Дикъ.

— Тсс, сказалъ Бимшъ, вотъ идетъ игуменья.

Маленькая, свѣтлоглазая монахиня въ бѣлой одеждѣ, сопровождаемая прислужницей въ синемъ бумажномъ платьѣ, подошла къ воротамъ и отперла ихъ.

— Mademoiselle проводитъ васъ по госпиталю, сказала она въ отвѣтъ на различныя вопросы и требованія. — Вы желаете видѣть М—ше Кретъевъ, madame? Дамы, удаляющіяся сюда, не принимаютъ посѣщеній. Жалѣю, что принуждена отказать вамъ, но монастырь закрытъ для постороннихъ лицъ.

Они спросили о Мартѣ. Былъ постылый день и, какъ предсказывала Эрнестина, видѣть отшельницъ было нельзя. Смутныя надежды, привлекшія Дика изъ Петиморта, были скоро разсѣяны этою кроткою монахиней, которая ушла отъ нихъ по корридорамъ, скользя изъ свѣта въ тѣнь неслышными шагами, какъ привидѣніе.

Тогда послушница начала веселымъ голосомъ, наростаемъ, разказывать исторію и статистику обители. Столько-го

хлѣбовъ, столько-то рыбъ, столько-то дѣкарей, столько-то котловъ супа, дѣкарства, столько-то человѣкъ вылѣчено, столько-то похоронено. Она повела ихъ въ кухню, гдѣ двѣ монахини варили зелень, а третья сидѣла у стола и пѣла отрывки изъ псалмовъ, на которые другіе громко отвѣчали. Повела въ палаты, гдѣ лежали больные, и сидѣлки ходили отъ кровати къ кровати. Одинъ блѣдный мужчина, съ большими темными глазами, тяжело приподнялся, чтобы посмотреть на нихъ, и опять упалъ на свою подушку. Занавѣски соседней кровати были плотно закрыты, и Катерина склонила голову, поспѣшно проходя мимо. Дѣтокія представляли самое красивое и веселое зрѣлище. Онѣ помѣщались въ нижнемъ этажѣ, гдѣ двѣ или три комнаты выходили на одинъ изъ монастырскихъ дворовъ. Въ этихъ комнатахъ были колыбели, спящіе младенцы, съ пухленькими ручонками, тепло и мягко лежали на подушкахъ, нѣсколько дѣтей тихо играли и нѣсколько старыхъ монахинь смотрѣли за ними. Тѣни ложлись подвижнымъ узоромъ на ихъ шерстяныя влатья, и свѣтъ изъ отворенной двери озарялъ маленькія группы. Монахини сидѣли внимательныя, спокойныя, безмятежныя, кругомъ ихъ были дѣти, и лучи обдавали сіяніемъ ихъ старыя, изможденныя головы. Онѣ покуда были еще не святыя, а только старыя женщины. Но не труднѣе было вообразить ихъ въ будущемъ святыми, чѣмъ представить себѣ подобными дѣтямъ, црвашимъ около ихъ, молодыми, золотоволосыми, круглоглазыми. Одному изъ дѣтей, маленькому мальчику, по имени Генриху, очень понравился Дикъ; онъ подбѣжалъ къ нему и молча сунулъ ему въ руку кусокъ сахару. Младенецъ, сидящій на полу, началъ издавать звуки, похожіе на воркованье, какъ будто для того чтобы привлечь къ себѣ вниманіе, но когда мистрисъ Бимшъ наклонилась чтобы взять его на руки, она увидѣла, что онъ слѣпой.

— Слѣпъ отъ рожденія, сказала нянька, — но настоящій ангелъ.

— Я думаю, еслибъ я не вышла замужъ, мнѣ по душѣ была бы такая жизнь, сказала мистрисъ Бимшъ задумчиво, — а вамъ, М—ше Фонтель?

Катерина покраснѣла и тихо покачала головой.

— Наши сестры очень счастливы, сказала проводница. — Треть уже болѣе восьмидесяти лѣтъ, онѣ никогда не выходятъ изъ монастыря и остаются съ новопоступающими.

— А случается, что иныя возвращаются въ свѣтъ? спросилъ Бимшъ тономъ Джонъ Буля.

— Прошлый годъ вступила къ намъ одна, сказала проводница, — ее приняли съ торжественною церемоніей. Пріѣхала она, одѣтая какъ невѣста, въ большой каретѣ парой. Много мушье и дамъ провожали ее и прощались съ ней. Потомъ пріѣхала мать и стала плакать, и бросилась ей въ ноги. Сила духа измѣнила бѣдной дѣвушкѣ; видно, у ней было не настоящее призваніе. Она уѣхала на другое утро на простомъ извозчикѣ; всѣ ее осуждали и жалѣли объ ней... Въ аббатство; вы видите, оно поправляется.

Матильда и ея преемники воздвигли церковь съ высокими, воздушными сводами, до такой степени легкими и прекрасными, что они поражаютъ входящаго, какъ созвучія музыки. Боковою дверью въ массивной стѣнѣ вошли они подъ чудные своды, возвышающіеся одинъ надъ другимъ, пройдя сначала маленькую часовню, гдѣ звучало какъ будто отдаленное пѣніе, и гробъ стоялъ на мраморномъ полу. Послушница спокойно указала на него, говоря: „сейчасъ придутъ носильщички и увесутъ его. Это молодой человекъ, умершій въ госпиталѣ два дня тому назадъ. Мы не знаемъ его имени“ Затѣмъ она отворила рѣшетку и впустила ихъ въ церковь. Они всѣ молчали, ходя взадъ и впередъ. Близка и веселый видъ церкви производилъ на Катерину и отрадное, и вмѣстѣ грустное впечатлѣніе. Она рада была, что пришла сюда. „Гробница императрицы на клирѣ, продолжала проводница, — за черною занавѣсью. Вы видите, конечно, ея *tapisserie* Я не могу ввести васъ туда, потому что идетъ служба, какъ я ужъ говорила, но если хотите, я могу на минуту поднять занавѣсь“. Она говорила совершенно равнодушно и была тутъ какъ дома. Катерина Бимшъ молчала задумчиво. Катеринѣ Фонтенъ казалось, что передъ ней проходятъ какія-то аллегорическія видѣнія; ей едва вѣрилось въ дѣйствительность этого тихаго оазиса посреди шумящаго, хлопотливаго свѣта; гробъ, дѣти, больныя, все представлялось какимъ-то сномъ. Она думала объ этомъ, когда послушница подозвала ихъ къ рѣшеткѣ, отдѣляющей клиръ отъ церкви, и подняла занавѣсь, и въ ту же минуту потокъ желтаго свѣта отъ западнаго окна пролился сквозь рѣшетку, и самое фантастическое зрѣлище поразило глаза Катерины, какъ видѣніе, открывающееся святому въ экстазѣ. Посреди клира стояла большая черная

гробница; кругомъ молящіяся монахини, въ бѣлыхъ одеждахъ, неподвижно стояли на колѣняхъ. Священники у алтаря пѣли тихіе напѣвы. Всѣ лица были обращены къ нимъ, глаза закрыты, иныя руки сложены набожно, другія протянуты въ моленіи. Катерина ввѣру схватила Дюка за руку.

— Смотрите! прошептала она.

— Вы видите ее? спросилъ онъ жадно, тихимъ голосомъ, обращаясь къ М—те Фонтенъ, но въ ту же почти минуту упала занавѣсъ, и было поздно.

— Нѣтъ, сударыня, сказала послушница рѣшительно, — я не могу сдѣлать это еще разъ, это невозможно.

Она была глуха на всѣ просьбы и стояла передъ занавѣсью, чтобы кто-нибудь не попытался опять заглянуть за нее.

— Она видѣла васъ, сказала Катерина Бутлеру, какъ они уходили, пораженные, возбужденные, заинтересованные, еще слыша въ ушахъ своихъ пѣніе.

Тутъ Бимшъ, ничего не подозрѣвая, началъ спрашивать ихъ, видѣли ли они красавицу на правой сторонѣ. Она оказалась не такъ выдержана, какъ другія, и открыла глаза, говорилъ онъ.

Оставалось осмотрѣть садъ, гдѣ больные гуляли на солнцѣ, а затѣмъ большою липовою аллеей посѣтителю взошли на гору за кладбищемъ, откуда виднѣлись, на многія мили кругомъ, равнины и горы, облитыя туманнымъ свѣтомъ. Вѣялъ легкій вѣтерокъ, дымъ несся надъ крышами города, на западѣ громоздились тучи странными очертаніями. Возвращаясь подъ обнаженные вѣтви аллеи, они встрѣтили похоронную процессію и остановились, чтобы пропустить ее. Двое пѣвчихъ шли впереди и пѣли на ходу; старый, сѣдой священникъ поспѣшно шелъ рядомъ съ гробомъ. Надъ головой слабо посвистывали птицы, вѣтеръ шумѣлъ въ обнаженныхъ вѣтвяхъ и потрясалъ тѣни на сухой травѣ.

— Хорошо побывать здѣсь, сказала Катерина. — Я попрошу мужа, чтобъ онъ еще разъ привезъ меня сюда.

Никто не отвѣчалъ ей. Бутлеръ шелъ впереди, засунувъ руки въ карманы. Катерина Бимшъ взяла подъ руку мужа и говорила съ нимъ. Впервые въ этотъ день странное, тяжелое предчувствіе овладѣло М—те Фонтенъ; она припоминала его потомъ. Выходя изъ воротъ, ей показалось, что она оставляетъ позади себя болѣе спокойствія и молитвы

чьмъ найдеть въ окружающемъ мірѣ, и однако она была рада дать увлечь себя потокомъ жизни.

Кто скажетъ, гдѣ обрѣтается спокойствіе? Джорджъ Эдліотъ прекрасно написалъ, что царство небесное въ насъ самихъ и не встрѣтится тутъ или тамъ людямъ, тщетно ищущимъ его. Ренъ Кретьевъ думала одно время, что нашла его въ пѣвнѣ молитвъ съ чистыми, невозмутимыми женщинами. Ее раздирали подозрѣнія. Скромное предостереженіе Катерины подняло дремавшую ревность этой странной, нетерпимой натуры. Она осуждала себя, боролась съ этимъ чувствомъ, забыла его въ страстномъ порывѣ любви и признательности. Какимъ-то страннымъ случаемъ, молясь на каирѣ въ монастырѣ, она открыла глаза и увидѣла поднятую занавѣсь, и словно страшное откровеніе, представилась воплощенными въ дѣйствительности тайныя видѣнія ея сердца. Вотъ Дикъ и Катерина стоятъ рядомъ у рѣшетки, а за рѣшеткой Ренъ, все еще на колѣняхъ, со внезапною бурей въ душѣ.

Въ другое время эта случайность могла бы не имѣть никакого значенія, но теперь Ренъ была разстроена, и какъ часто бываетъ, самыя старанія ея преодолѣть зло только усиливали его, какъ иногда вода проливаемая на огонь.

XIX. Фонтенъ спѣшащій на помощь.

Въ отсутствіи жены бѣдный Фонтенъ напугалъ дома. Онъ выдалъ тайну Дика М—ше де-Траси, которая встрѣтилась ему, какъ онъ выходилъ отъ священника съ своими бумагами въ рукахъ. Она была у кружевницы, въ концѣ селенія, и шла съ Фонтеномъ домой, толкуя о томъ и о другомъ, и не подозрѣвая, что это послѣдняя ихъ бесѣда. М—ше де-Траси слушала съ участіемъ Фонтена, говорившаго о своей женѣ, о томъ какъ онъ счастливъ, какъ она добра, какъ мило переноситъ она мелкія странности нѣжной, но чрезмѣрно заботливой матушки.

— Племянникъ говорилъ мнѣ, что опасается, не произведетъ ли онъ на М—ше Мераръ весьма непріятное впечатлѣніе, сказала М—ше де-Траси, смѣясь. — Я знаю, что съ ней по временамъ бываетъ трудненько ладить.

— Она женщина весьма опытная, сказалъ Фонтенъ, — и

нельзя осуждать ее, madame, за то, что по ея мнѣнiю знакомство съ блестящимъ, свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ не желательно для молодой женщины въ положенiи Кэтерины. Ей могли бы, пожалуй, придти на умъ сравненiя, но, конечно, при настоящихъ обстоятельствахъ, когда мистеръ Бутлеръ помолвленъ.... Тутъ бѣдный Фонтенъ вдругъ остановился и поглядѣлъ въ лицо М—ше де-Траси: — вы не знали этого? сказалъ онъ. — Я и забылъ; умоляю васъ не спрашивать болѣе! Пусть слова мои будутъ погребены въ забвенiи.

Онъ могъ бы знать, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка менѣе М—ше де-Траси способнаго исполнить такого рода просьбу. Она стала осыпать его вопросами; приступала всячески, не давала ни минуты покоя, пока не выпытала у своей жертвы имени Ренъ. Затѣмъ она тотчасъ же бросилась на ферму въ невыразимомъ волненiи. Петиперъ бродилъ съ своимъ другомъ Барбо; на деревянныхъ башмакахъ ихъ висѣли клочки соломы. Они вмѣстѣ отбирали свиней, обзрѣвали стойла, осматривали больную ногу бѣлой лошади. Появленiе М—ше де-Траси поразило ихъ неожиданностью, но старый Кретьевъ привѣтливо отвѣчалъ на всѣ ея тревожные вопросы. Ренъ уѣхала. Вернется завтра. Онъ предлагалъ закусить: хлѣба съ масломъ послѣ прогулки, молока; не угодно ли отдохнуть? Она, вѣрно, устала; не дозволить ли отправить себя домой на ослѣ, котораго тотчасъ же осѣдлаютъ? Погода ненадежная. И пока онъ говорилъ, буря, предсказанная Фонтеномъ, разразилась. М—ше де-Траси пришлось переждать на фермѣ. А между тѣмъ молодые люди еще не возвратились домой съ своей поѣздки. Карета ждала ихъ на станции. Когда они проѣзжали по улицамъ Байё, городъ казался чернымъ и потомъ вдругъ освѣтился лучами заходящаго солнца, окна загорѣлись; начали падать капли дождя; вотъ надвинулись тучи; дождь полилъ на дороги и заборы, на широкія поля, идущія къ морю, и туманъ поднялся и задернулъ мелькнувшiя вдали море и горы.

Всѣ устали и мало говорили на пути домой. Батистъ стоялъ у дверей замка, когда карета подѣхала подъ проливнымъ дождемъ. М—ше де-Траси еще не возвращалась, объявилъ онъ. Она прислала сказать, чтобы карета ѣхала за ней къ избѣ Лефевюра. Его жена въ большомъ горѣ. Онъ еще не воротился. Говорятъ, видѣли лодку, плущую къ пристани.

— Ахъ! бѣдная женщина! сказала М—ше Фонтенъ съ болью въ сердцѣ. Внезапный порывъ вѣтра и дождя ударилъ ей въ лицо, и Батистъ зашатался подъ большимъ зонтикомъ, который держалъ надъ мистрисъ Бимшъ, покуда она слѣзала.

Дикъ также сошелъ, но онъ вскочилъ опять въ карету, когда увидалъ, что Жанъ де-Траси не слезаетъ съ козелъ, а застегиваетъ пальто и готовится вѣхать. „Прощайте“, сказала Катерина Бимшъ, и карета поѣхала. Лошади бѣжали скоро, и вотъ передъ ними открылось темное море, сердито колышущееся въ сумеркахъ. Де-Траси всталъ на козлахъ, стараясь разглядѣть лодку, но вѣтеръ сдулъ съ него шляпу, и онъ ничего не могъ рассмотреть. Вѣтеръ переѣхался и дулъ теперь сердитыми порывами съ сѣверо-запада. Проѣхали крестъ у дороги, на которомъ мотались мокрые вѣтки; вода капала на каменные ступени, сзади густой туманъ. Катеринѣ едва вѣрилось, что это то самое свѣтлое мѣсто, гдѣ поутру она разсталась съ мужемъ. Проѣхали церковь и темныя ворота дома священника, надъ которымъ качались, треща, вѣтви деревьевъ. Наконецъ доѣхали до хижинъ Л-фебюръ, которая стояла одна, поодаль отъ улицы. Тутъ Жанъ оставилъ лошадей; но никого, казалось, не было. Слышался крикъ младенца; затѣмъ двое, трое испуганныхъ дѣтей столпились у двери, выглянули и убѣжали.

— Ils sont allé voige, сказала наконецъ одна маленькая дѣвочка; — и М—ше де Траси тоже отправилась, объяснила она въ отвѣтъ на вопросы Катерины.

Дождь лилъ какъ изъ ведра. Младенецъ въ хижинѣ продолжалъ кричать пронзительнымъ, жалобнымъ голосомъ, уныло, одиноко, безпомощно. Жанъ заглянулъ.

— Онъ на полу, бѣдняжка, сказалъ онъ.

— Выпустите меня, пожалуйста, воскликнула вдругъ Катерина. — Бѣдный ребенокъ! Я его знаю. Я подожду здѣсь М—ше де-Траси, если вы дадите знать моему мужу гдѣ я и попросите его зайти за мной.

— Не лучше ли отвезти васъ? сказалъ Жанъ. — Какъ вы вернетесь домой?

— О! Шарль не боится дождя; тутъ не далеко, отвѣчала Катерина. — Я не могу оставить этихъ дѣтей.

Молодые люди пошли, пустая карета поѣхала за ними, и Катерина скрылась въ хижинѣ. Она взяла плачущаго

ребенка на руки, бросила сухой травы въ огонь и сѣла на скамейку, стараясь согрѣть и успокоить его. Комната была длинная и темная, съ обычнымъ дубовымъ шкафомъ и глубокимъ каминомъ, какъ въ английскихъ хижинахъ. Вѣтеръ потрясалъ рамы оконъ, и дождь ударялъ въ нихъ; огонь горѣлъ уныло и неровно, освѣщая по временамъ алебастровую статуэтку Богородицы, украшенную тонкою гирляндой искусственныхъ цвѣтовъ. Кухня была въ безпорядкѣ, стулья сдвинуты съ мѣста, прялка лежала на полу. Катерина замѣтила все это, когда глаза ея свыклись съ темнотой, ибо окно давало мало свѣта, а дверь она попросила дѣтей затворить. Они теперь стояли вокругъ нея и тарачили глаза въ изумленіи. Одинъ мальчикъ, не видавшій ея прежде, думалъ, что, можетъ-быть, она сошла съ неба успокоить младенца. Баюкая его, она сняла шляпку и наклонила задумчиво милую, темноволосую голову, въ которой носились мысли о предметахъ весьма отдаленныхъ отъ хижины. По временамъ младенецъ жалобно стоналъ, но мало-по-малу онъ заснулъ на кашемировой шали. Иногда Катеринѣ слышались шаги, и она думала, что это Фонтень идетъ за ней; но никто не приходилъ очень долгое время, такъ по крайней мѣрѣ ей показалось.

Когда наконецъ дверь отворилась, вошла старая Нанонъ, тихо ковыляя и моргая красными подслѣзопятыми глазами. За ней ворвался порывъ дождя и вѣтра, и ребенокъ опять заплакалъ. Присутствіе Катерины какъ будто не удивило старуху.

— Я вернулась посмотрѣть за дѣтми, сказала она.— Еслибъ я знала что вы здѣсь, я бы осталась тамъ ввизу. Они не могутъ обогнуть мыса. Изабо пошла въ часовню Богородицы молиться о ихъ спасеніи. Ребенокъ голодець. И подойдя къ шкафу, она налила въ чашку молока и дала младенцу. Другіе дѣти кричали вокругъ нея, но Нанонъ оттолкнула ихъ. Она пододвинула прялку къ огню торопливою и дрожащею рукой и начала пряхъ, какъ будто по привычкѣ, бормоча и поглядывая на дверь.— Намъ принесутъ вѣсти, сказала она.— Меръ на берегу и М-г де-Траси. Не въ первый разъ они туда ходятъ. Видите мою прялку, вотъ ей сорокъ лѣтъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ какъ начала она вертѣться.

— Сколько тысячъ разъ повернулась она! сказала Катерина.

— Ахъ, сударыня, много разъ сидѣла я до двухъ часовъ утра, чтобы добыть хлѣба дѣтямъ послѣ смерти моего покойнаго мужа. Они, бывало, плакали, оттого что мнѣ нечѣмъ было накормить ихъ. Но священникъ былъ очень добръ ко мнѣ. Не унывай, говорилъ онъ мнѣ. И собралъ для меня четыре франка. У меня въ этотъ день ничего не было въ домѣ.

Катерина содрогалась, слушая этотъ грустный, старый голосъ, жалующійся на бывшее горе. Ей захотѣлось уйти, воротиться домой. Мѣсто это навѣвало на нее невыразимую тоску. Между тѣмъ ребенокъ заснулъ. Она прислушивалась къ шуму дождя, къ треску неровно вспыхивавшаго огня, къ стуку пряхки. Старшія дѣти играли метлою въ углу и смѣялись. Старуха Нанонъ продолжала пряхть.

— О! сколько горя пережила я! бормотала она.— Мальчикъ мой, онъ былъ десяти лѣтъ, такой кроткій, послушный.... Послушайте, я расскажу вамъ. Онъ вышелъ въ море съ отцомъ и старшимъ братомъ, и къ тому времени, какъ имъ вернуться, я пошла въ домъ къ сосѣдкѣ, а она и говоритъ мнѣ: „Нанонъ, спряди мнѣ два фунта льну.“ А я говорю: „Нѣтъ, надо кой-что почивить *satische* мужу, ему понадобится передѣться, когда вернется домой,“ да еще я готовила моему мальчику пару хорошенькихъ деревянныхъ башмачковъ. А вотъ Маріонъ и говоритъ мнѣ: „Можетъ-быть, они и не понадобятся ему, Нанонъ“. Я подняла глаза и увидала, что вошло еще нѣсколько человекъ и сморкаются. Я и говорю: „Послушайте, Маріонъ, лучше скажите правду. Мужъ потонулъ?“ Ахъ! сударыня, не мужъ мой потонулъ тогда, онъ воротился на берегъ живой, его спасли люди изъ Сенъ-Лорана. Но мальчикъ мой; онъ держался за отца въ водѣ; галстукъ оборвался. Да, было у меня горе въ мое время....

И старуха продолжала пряхть.

Дверь отворилась, и вошелъ священникъ. Катерина вскочила, держа ребенка, и вскрикнула. Она какъ будто угадывала, что пришло горе. Священникъ подошелъ къ ней съ видомъ состраданія.

— Бѣдное дитя мое! сказалъ онъ. — Пойдемте домой. Я пришелъ за вами. Случилось несчастіе.

Катерина ничего не сказала; она послѣшно подожила ребенка и накінула шаль на голову, идя по мокрой улицѣ подъ ледянымъ и бурей. Ей показалось, что два-три человека

выглядывали на нихъ изъ дверей своихъ, но она не была въ этомъ увѣрена. Она не смѣла спросить что случилось; она какъ-то знала сама и безъ вопросовъ. Священникъ держалъ ее за руку и велъ торопливо по дождю. Взойдя на всходъ, ведущій къ дому Фонтена, Катерина увидела толпу народа, стоящую въ садикѣ.

— Его принесли домой, сказалъ священникъ, — поспѣшимъ, дитя мое, время дорого.

Катерина вскрикнула, приложила руку къ головѣ и побѣжала по дождю. Народъ въ дверяхъ разступился передъ нею. Но какъ бы ни спѣшила она, поспѣть уже было нельзя.

Де-Траси и Дикъ пришли на взморье, когда только-что вытаскивали на сушу другія лодки. Народъ оставался на берегу, чтобы пособить бѣднымъ Лефебюрамъ, лодка которыхъ, *La Belle Marion*, только что показалась сквозь туманъ. Она старалась обогнуть маленькій мысъ, выступающій въ море за террасой Фонтенова дома и образующій, вмѣстѣ со скалами на другомъ концѣ селенія, пристань для рыбачьихъ лодокъ. Отъ этой природной пристани произошло названіе Петипорта. Около мыса было нѣсколько подводныхъ утесовъ, о которые всегда сердито билась вода. Сегодня весь горизонтъ колыбался и колебался въ сумеркахъ. Тусклый свѣтъ мерцалъ на западѣ, гдѣ черныя волны дрожали, и тучи катились за туманомъ, а страшное, вздымающееся море неустово стояло внизу. Всякій разъ какъ лодка пыталась обогнуть мысъ, чтобы добраться до берега, ревущій вѣтеръ и бурный потокъ отгоняли ее назадъ и назадъ. Разъ большая волна прикатилась издали, набираясь силы на ходу, и совершенно залила бѣдную лодку.

Крикъ ужаса вырвался у женщинъ, смотрящихъ съ берега, но волна укатилась, и появились опять три моряка, борящіеся за жизнь. Два-три человекъ на взморьѣ бросились на мысъ. Тутъ было мѣсто для двухъ-трехъ, не больше. Въ числѣ ихъ были Дикъ и Фонтенъ. Фонтенъ былъ очень взволнованъ, горячо размахивалъ руками и вмѣстѣ съ другими кричалъ пловцамъ, но вѣтеръ уносилъ голоса. Буря разыгралась во всю силу. Бѣлые валы налетали на плотину за садикомъ мера, и брызги летѣли на мысъ. Вѣтеръ взвизгивалъ какъ человѣческій голосъ. Лодка была, повидимому, обречена на погибель. Старалась добраться до пристани, она неосторожно подошла подъ вѣтеръ и опять

совершенно исчезла. Смотрѣвшихъ съ берега, безъ орудствъ оказать помощь, поразило какъ чудо, что она вынырнула снова изъ воды, опрокинутая верхъ дномъ, и три пловца все еще держались за нее. Но лишь только она показалась, какъ сердитый потокъ быстро понесъ ее отъ берега въ туманъ. Она проплыла не болѣе какъ аршинахъ въ двадцати отъ песчаной отмели, на которой стояли Фонтенъ, Дикъ и еще двое мушницъ.

— Боже мой! одного уже нѣтъ! сказалъ Дикъ, начиная инстинктивно опоясываться канатомъ.

Фонтенъ указалъ на какой-то предметъ, несомый волной: „смотрите, сказалъ онъ,—что это?“ и схвативъ канатъ, бросился въ воду, прежде чѣмъ успѣли удержать его. Бѣднякъ! Это былъ боченокъ; онъ выскользнулъ у него изъ рукъ. Раздался крикъ, хлынулъ дождь, и канатъ слабо повисъ въ рукѣ державшаго его на берегу.

— Онъ выпустилъ канатъ, сказалъ кто-то съ ужасомъ. Въ ту же минуту Дикъ, въ свою очередь, рванулся въ море.

Страшная была минута, когда онъ поднялся на ревущей волнѣ, которая сшибла его съ ногъ. Небо какъ будто рушилось на него, сердце въ немъ замерло, холодная гора вздымалась и падала. Сначала онъ сохранялъ совершенно ясное сознаніе, даже замѣтилъ длинную плеть черной травы, проплавшую передъ его лицомъ. Вдругъ, скорѣе чѣмъ онъ полагалъ, его ударило о какую-то плавающую массу, которую онъ схватилъ. Вода слилась надъ его головой, съ берега начали тащить канатъ. Онъ едва зналъ что держитъ, чувства его слабѣли, оглушенный, потерянный, онъ боролся съ охватывающею его тѣнью смерти. Когда онъ очнулся, онъ лежалъ на пескѣ, кто-то лилъ ему въ ротъ водку, и кто-то другой теръ руки.

Ричардъ поднялся и оглянулся кругомъ. Его перевесли въ защищенное мѣсто, гдѣ не такъ чувствовалась буря. Море все еще ревѣло, но вѣтеръ нѣсколько утихъ. Ричардъ увидѣлъ, что нѣсколько челобѣтчиковъ уносятъ на плечахъ безжизненное тѣло, съ ними рядомъ плелись, жалобно рыдая, женщина и ребенокъ.

— Славу Богу! сказала М—ше де-Траси, обнимая Дика, а Жанъ кивнулъ головой и положилъ въ карманъ свою фляжку.

— Отвезите его домой въ каретѣ, маменька, сказалъ онъ,— а я пойду посмотрю что стаосъ съ бѣднымъ Фонтеномъ.

Что сталося съ нимъ! Онъ лежалъ неподвижно на постели, Тото, рыдая, держалъ его руку, а Мерары ходили взадъ и впередъ съ испуганными лицами и съ лѣкарствами, которыя уже не требовались, ибо для него миновали страданія. Его убило страшнымъ ударомъ полученнымъ имъ въ водѣ. Дикъ вытацилъ на берегъ не живаго человѣка. Бѣднаго Фонтена бросило бурей на боченокъ или на какой-нибудь подводный утесъ. Доброе, простое сердце! Сколько было въ немъ нечестности, безразсудства, довѣрчивости, нѣжности, заботливости о другихъ! „Я плаваю какъ рыба, сказалъ онъ кому-то, — мнѣ неприлично оставаться позади, когда другіе плутъ на смерть.“ Смѣшное исчезаетъ, смиреніе увѣчивается, когда приходитъ та роковая волна, которая выбросила Фонтена на невѣдомый берегъ. Люди, смѣявшіеся прежде надъ его странностями, ждали его теперь на дворѣ подъ дождемъ, со слезами на глазахъ; люди, молившіеся усерднѣе его, чувствовавшіе сильнѣе, глубже вдумывавшіеся въ тайны жизни и смерти чѣмъ эта простая душа, сознавали теперь въ молчаніи превосходство его надъ собой. Люби ближняго какъ себя самого, таковъ божественный законъ, и если когда-нибудь человѣкъ исполнялъ его весело, скромно, такъ этотъ человѣкъ былъ Фонтенъ. Онъ совершилъ свое дѣло бодро, добродушно, безропотно; онъ прошелъ свой путь и умеръ подъ оружіемъ.

М—те де-Траси проснулася отъ тревожнаго сна въ большомъ волненіи и уныніи на утро послѣ бури. Она не находила себѣ покоя. Нервы ея были сильно потрясены страшнымъ несчастіемъ предыдущаго дня, горемъ и ужасомъ бѣдной вдовы. Хорошая М—те де-Траси старалась всячески пособить ей, но Катерина просила оставить ее одну.

Бѣдная старушка! Всю ночь она думала, упрекала себя, горевала о своей пріятельницѣ, дрожала и опять упрекала себя. М—те де-Траси встала наконецъ съ безпокойной постели, подошла къ окну, отворила его и выглянула на дворъ. Изъ этого окна видѣлся вдали домъ Фонтена, клочокъ моря и берега, на которомъ горѣлъ огонь. Все взморье чернѣлось отъ морской травы, нанесенной бурей. Домъ Фонтена казался очень тихъ; никто въ немъ какъ будто не двигался; но вотъ въ одномъ изъ верхнихъ оконъ появилась свѣтъ.

М—те де-Траси глядѣла на него съ острую болью въ добромъ старомъ сердцѣ. Она подождала немного и потомъ

позволила. Тотчасъ же явилась Барбъ, веселая, улыбающаяся, съ развѣвающимися лентами чепца, какъ будто было пять часовъ пополудни, а не пять часовъ утра.

— Барбъ, подойди къ двери Ричарда и спроси какъ онъ себя чувствуетъ.

— О, онъ поживаетъ, сказала Барбъ, — его дверь была растворена, какъ я прошла.

— Спать, а! Это, можетъ-быть, всего лучше для него. Скажи мнѣ, никто еще не трогается въ домъ?

— Кажется, М-г де-Траси встаетъ.

— Барбъ, поди и постучи тиховько въ его дверь. Нѣтъ! Приготовь мнѣ одѣться да чашку кофе и другую себѣ. Ты пойдешь со мной въ *châlet*. Надо навѣстить бѣдняжку. Ахъ! какая ужасная сцена! Не думала я, какъ послали за мной...

Когда Барбъ и ея госпожа дошли до селенія, тамъ повсюду уже слышались голоса. Утро послѣ бури наступило свѣтлое и ясное, хотя въ воздухѣ еще висѣли горы тучъ. Двери были растворены, люди хлопотливо ходили взадъ и впередъ, выглядывали дѣти, растенія въ садахъ были облиты свѣтомъ. Даже М—ше Потье стояла у запертой еще лавки. Она уставилась на М—ше де-Траси, которая въ первый разъ въ теченіе многихъ лѣтъ являлась публично безъ завитыхъ локонъ.

— Вы слышали новость, мадамъ? закричала она.—Они воротились ночью. Имъ удалось выйдти на берегъ въ Сентъ-Лоранъ. Это чудо!

Съ крутого восхода къ дому Фонтена видѣлись вблизи, какъ муравьи, люди, толпившіеся на берегу и собиравшіе траву, выброшенную бурей. У Навонъ корзина была полна длинными стеблями; телѣги, нагруженныя травой, медленно увѣжали. Бѣдная Катерина тоже видѣла это зрѣлище изъ окна на зарѣ и дивилась, что бы значили огоньки, движущіеся взадъ и впередъ по взморью. Бдять ли тамъ, какъ она? Ей показалось, что громадный саванъ выброшенъ на берегъ изъ моря, и она отвернулась со вздохомъ и съ болью. Она боялась, не разбудила ли Тото, который спалъ въ большихъ креслахъ, но ребенокъ только пошевелился и опять тихо уснулъ.

Въ серединѣ дня буря опять поднялась такъ сильно, что принуждены были затворить ставни и жечь свѣчи цѣлый день.

На третій день буре утихла, и бѣднаго Фонтена положили въ могилу.

Разъ послѣ похоровъ Катерина увидѣла на столѣ вѣнчикъ изъ перьевъ, который, бывало, такъ раздражалъ ее. Бѣдная вдова въ черномъ платьѣ схватила его и покрыла поцѣлуями и слезами, слезами любви, сожалѣнія и раскаянія. Ни одинъ герой романа, ни одинъ рыцарь, умирающій на турнирѣ, не возбуждалъ болѣе искренняго, болѣе вѣрнаго горя.

На третій день послѣ бури Рень тихо прошла черезъ поле со станціи, закутавшись въ плащъ, ибо вечеръ былъ холодень. Все казалось мрачнымъ и безмолвнымъ; блѣдный свѣтъ мерцалъ сквозь разорванныя груды тучъ и отражался въ соляной лужѣ подъ темными кустами въ концѣ дороги. Лошади въ полѣ двигались туда и сюда, едва видѣясь въ темнотѣ. Прямо надъ фермой, куда не дошли еще тучи, висѣлъ красный рогъ мѣсяца. Вдали лежали глубокія тѣни. Окна фермы свѣтились тепло и привѣтливо молодой хозяйкѣ, когда она входила въ большія ворота.

Никогда еще домъ не производилъ на нее такого отраднаго впечатлѣнія своимъ знакомымъ, уютнымъ видомъ. Ей казалось, будто какой-то живой другъ, или духъ домашняго очага привѣтствуетъ ее и принимаетъ въ объятія. Она была рада вернуться къ свободѣ, къ дневной работѣ, рада видѣть дѣда, рада еще разъ встрѣтиться съ Дикомъ. Но что-то, можетъ-быть предчувствіе, проистекавшее изъ ощущеній послѣднихъ дней, какъ будто примѣшивалось къ ея радости; какая-то горечь, мимолетный страхъ,—словно тучка не болѣе человѣческой руки, поднимающаяся на горизонтѣ.

Мы всѣ знаемъ какъ странно на жизненномъ пути предстаютъ намъ внезапно новыя страны, новыя состоянія души и бытія, какихъ и во снѣ не видали, и не представляли себѣ. Нежданнныя образы въ юности наступаютъ на насъ безмолвно, незамѣтно. Они сначала являются исполненныя силы, нетерпѣнія, жара. Потомъ становятся равнодушнѣе; затѣмъ приходятъ пожилыми, истощенными заботой, худыми, блѣдными образами, тихо выступающими изъ неизвѣстнаго, и шепчутъ намъ тайны, которыхъ мы не подозревали, говорятъ истины, иногда ненавистныя, иногда такія, за знаніе которыхъ мы благодаримъ Небо съ невыразимою отрадой. Внезапно, страшнымъ откровеніемъ подыалась для Рень завѣса. Она увидѣла во плоти передъ собой всѣ мысла, всѣ

невъвыраженныя опасенія своего сердца. Это зрѣлище ничего бы, можетъ-быть, не значило, еслибы не тѣ чувства, которыя предшествовали ему. Дикъ какъ дома среди этихъ пышныхъ шелковъ и мѣховъ, Катерина тутъ то же какъ одна изъ своихъ. Что общаго съ ними у Ренъ? Ничего, ничего, кромѣ ея великой любви. Любовь эта была такъ велика, что возбуждала чувство одиночества, терзала какъ боль, тяготила какъ бремя, ибо не могла быть выражена. Ренъ иногда казалось, что чувство это не въ ней самой, а наступаетъ на нее извнѣ, издалека. Она съ трепетомъ и ужасомъ предлагала его какъ торжественную жертву неизвѣстному богу: Увы! бѣдная женщина! Не такія глубокія, безмолвыя чувства наиболее угодныя жертвы въ нашемъ благодушномъ мірѣ. Тысячи живыхъ огоньковъ горятъ на нашихъ опрятныхъ очагахъ, въ нашихъ кухняхъ, больницахъ, богадѣльняхъ. Мы охапочками выдѣляемъ топливо и подбрасываемъ по вязанкѣ чувства, если пламя грозитъ угаснуть. Но Ренъ, я думаю, зажгла бы громадный костеръ, бросила бы въ него все, что есть дорогого: роскошныя цвѣты, сладкіе плоды, и нѣсколько горькихъ травъ и куренія, и еслибы представился случай, сама поверглась бы въ пламя. Ренъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, при всей своей живости, ревности, вѣрности, страстности, вспыльчивости и рѣзкости, могла говорить о мелкихъ, минутныхъ чувствахъ. Но ей было такъ трудно выражать словами гармоническіе диссонансы своего сердца, что она почти никогда не пыталась. Во взглядѣ ея глазъ, въ краскѣ лица, въ живыхъ и гнѣвныхъ чертахъ лица Ричардъ Бутлеръ читалъ ея душу.

Хотя Ренъ чувствомъ была стара для своихъ лѣтъ, она была молода въ знаніи свѣта: иной тринадцатилѣтній ребенокъ оказался бы опытнѣе ея. Только съ лѣтами и знаніемъ жизни женщинамъ избѣгаютъ опасныхъ обожаній, которыя преслѣдуютъ ихъ въ молодости. Онѣ видятъ въ послѣдствіи какъ подвержены ошибкамъ всѣ человѣческія сужденія, какъ неудовлетворительны и неполны они, и убѣждаются, иногда уже поздно, что могучія, высокія существа, которымъ должно принадлежать господство надъ ихъ робкими, смиренными душами, лишь призракъ воображенія, невозможны въ действительности. Идеалъ бѣдной Ренъ явился ей сквозь рѣшетку въ обществѣ двухъ пышныхъ дамъ не одного съ нею сословія,

не ея вѣры. Известныя сочетанія, для однихъ совершенно ничтожныя, вѣрываются навсегда въ умѣ другихъ. Цѣлый рядъ ощущеній привелъ къ этой минутѣ и вновь отъ нея начинается. Дѣвушка прошла по двору тяжелымъ шагомъ Кретьеновъ. Дѣла семейства д'Аргуъ, предки ея матери, не имѣли обыкновенія носить такіе тяжелые кожаные башмаки. Но одну изъ нихъ разъ изобразили въ крестьянскомъ платьѣ, съ тѣмъ самымъ старымъ золотымъ распятіемъ на шеѣ, которое теперь носила Ренъ. Ее звали „Фея“, и дѣвушка часто слыхала отъ матери разказъ о ея печальномъ концѣ, какъ она умерла отъ жестокаго слова. „Ренъ похожа на ея портретъ“, думала бывало М—ше Кретьенъ, и смѣялась, говоря, что, можетъ-быть, красота дочери происходитъ оттого, что въ жилахъ ея есть кровь феи.

Когда Ренъ вошла, Петиперъ, сидѣвшій у огня, поглядѣвъ на нее, улыбнулся и выбилъ золу изъ трубки.

XX. Ни когда, ни когда!

Петиперъ взглянулъ и улыбнулся, и потомъ покачалъ головой, начиная разказъ о томъ, что случилось въ отсутствіи Ренъ. Правда, случаи были грустные и страшные, но поболтать за трубкой все-таки пріятно, хотя промеслись бури, и столпились несчастья. Старикъ покуривалъ и разказывалъ не спѣша. „Бѣдный малый! кто бы это подумалъ? заигралъ Кретьенъ:—ему сдѣвалось бы жить, а вотъ онъ на кладбищѣ, а мы, старики, еще таскаемся.“ Странно, Фонтенъ подписалъ свое завѣщаніе въ то самое утро, въ присутствіи священника и его садовника; такъ сообщилъ Барбо. Не знаютъ навѣрное, но говорятъ, что онъ все оставилъ жемъ пожизненно и назначилъ ее единственною опекушкой сыну. Бѣдная женщина! Какой тяжелый для нея ударъ. Говорятъ, она возвращается въ Англію. Затѣмъ дѣлъ Кретьенъ перешелъ къ другому предмету разговора. Бѣлая корова больна; она повредила себѣ ноздри; Барбо осмотрѣлъ рану и говоритъ, что плохо. Кстати, что такое сдѣлалось съ М—ше де-Треси? Она приходила на ферму, спрашивала Богъ знаетъ какъ, все какъ будто чего-то доискивалась.

— Не много она отыскала, оказалъ старій Кретьенъ съ усмѣшкой. — Но берегись, у ней на умѣ недоброе; я видѣлъ

это ясно. Барбо тоже толковалъ со мной объ этомъ. Имъ, впрочемъ, что Англичанцы часто сюда ходятъ; догадаться не трудно. Еще нынче утромъ я его очень надеромовно отправилъ, прибавилъ Петиперъ самодовоально.—Эти люди приходятъ, уходятъ, забавляются и Богъ вѣсть что думаютъ о себѣ. Лучше бы вотъ ему сдѣлать себѣ шлю въ морѣ, вмѣсто бѣднаго Фонтена. Voilà, заключилъ Петиперъ философически.— Барбо говорить, нельзя полагаться....

— Полно, полно, Петиперъ! воскликнула бѣдная Ренъ, бросаясь на стулъ и начиная плакать. — Бѣдный Фонтенъ, бѣдный другъ, бѣдная, бѣдная Катерина! Что за печальный свѣтъ! Что за горькая жизнь! воскликнула она своимъ исполненнымъ чувства голосомъ, закрывая лицо руками и рыдая чаще и чаще.—Фонтенъ умеръ! Этотъ добрый человекъ, такой вѣжливый и благодушный!

О Фонтенъ ли одномъ горевала она, или слезы ея текли за всѣ грустныя сердца, за всѣ горести, за всѣ возможныя разлуки?

Она сидѣла неподвижно. Старикъ отодвинулъ трубку, трепалъ ее по плечу закорючками пальцевъ и старался всячески ее утѣшить.

— Будетъ же, будетъ! говорилъ онъ:—вѣдь не ты овдовѣла, что такъ горюешь. Полно, вотъ кто-то идетъ. Можетъ быть, это Барбо....

Но даже ненавистное имя Барбо не такъ подѣйствовало на Ренъ, какъ этотъ шагъ по мощеному полу кухни и голосъ, радостно зовущій ее по имени. Милое, орошенное слезами лицо поднялось, и вѣжные глаза встрѣтились съ горячимъ, радостнымъ взглядомъ Дика. На мигу Ренъ забыла всѣ свои сомнѣнія, ревность, неисполненныя намѣренія, забыла на мигу все, кромѣ Дика, который стоялъ передъ ней и держалъ ее за обѣ руки. И онъ заговорилъ:

— Вы здѣсь очень нужны, милая Ренъ. Я пришелъ за вами. Я обѣщалъ этой бѣдняжкѣ привести васъ къ ней. Я знаю, что застаю васъ этого разъ....

Зачѣмъ онъ заговорилъ? Зачѣмъ, если только это могъ сказать? Нѣжное сердце какъ будто вдругъ очерствѣло, окаменѣло; блескъ исчезъ изъ смущенныхъ глазъ. Зачѣмъ заговорилъ онъ и повелъ рѣчь о Катеринѣ? Напрасно дѣвушка старалась заглушить дьявольскій голосъ, отстранить отъ себя

заую мысль. Ренъ стояла съ сухими глазами и блѣднымъ лицомъ, глядя то на Дика, то на Петипера, который опять сидѣлъ у огня, сомнительно покачивая головой.

— Вы пойдете? настаивалъ Дикъ.

— Не сегодня, сударь, прервалъ старый Кретьевъ, не оборачиваясь.—Ренъ устала; она только что съ дальней дороги. Завтра она посѣтитъ бѣдную вдову.

— Гдѣ она? спросила Ренъ страннымъ, равнодушнымъ голосомъ, надѣвая плащъ. Петиперъ пожалъ плечами. Развѣ онъ не зналъ до сихъ поръ, что нечего пробовать ее удержать? Черезъ минуту Ренъ и Бутлеръ шли вмѣстѣ по темному двору.

— Я пришла Доминика съ телѣгой, крикнулъ Петиперъ подходя къ двери. — Ренъ, лучше бы остаться.

Они вышли въ широкое поле. Тамъ былъ туманъ, тучи, внезапные порывы вѣтра. Оба шли рядомъ сквозь вьющіеся пары и почти ни слова не говорили. Съ минуту Петиперъ смотрѣлъ вслѣдъ едва видимымъ темнымъ фигурамъ, какъ они пересѣкали дорогу и пошли въ поле. Ренъ, идя рядомъ съ своимъ возлюбленнымъ, старалась отстранить отъ себя всякую мысль, не относящуюся къ настоящему, къ настоящему, которое другимъ могло бы казаться мрачнымъ и сомнительнымъ, и тяжелымъ, но которое для нихъ обоихъ было все-таки исполнено какой-то невыразимой радости. Развѣ не идутъ они вмѣстѣ по темнотѣ? И однако оба они сомнѣвались, дѣйствительность ли радуется ихъ, или только призракъ того что прежде могло быть дѣйствительностію.

Увы! Ренъ не въ силахъ была помнѣшать, чтобы грустныя мысли о будущемъ не прошли между ними. Она была такъ странна, такъ сдержанна, такъ взволнована и вмѣстѣ такъ холодна, что Бутлеръ, долго съ нетерпѣніемъ ожидавшій этой желанной встрѣчи, былъ пораженъ, оскорбленъ, огорченъ. Когда Катерина послала за нимъ и просила привести ея пріятельницу, не объ этой Ренъ думалъ онъ, а о другой, вѣжливой, полной сочувствія. Эта такъ грустна и безучастна, что какъ будто обладаетъ его холодомъ и тоской; а она между тѣмъ, бѣдная, ждала съ томленіемъ словъ любви, увѣреній, которыя такъ желала, такъ надѣялась слышать. Напрасно Дикъ старался вынудить у нея то сочувствіе, котораго требовалъ. Она не хотѣла, не могла отвѣчать ему. Ренъ думала о томъ,

кто болѣе достоинъ сожалѣнія, если, если... Она прервала его, когда онъ говорилъ о Катеринѣ.

— Знаете ли вы, что М—ше де-Траси была на фермѣ вчера? Она много разспрашивала дѣда. Не подозрѣваетъ ли она истину? Не оказала ли ей М—ше Фонтенъ?

— Она навѣрное угадываетъ настоящее положеніе дѣла, сказалъ Дикъ.—Но Катерина Фонтенъ не говорила ей. Бѣд-вяжка! Ей теперь не до того.

— Она очень огорчена?

— Какъ вы можете спрашивать? Развѣ вы не были бы огорчены, еслибъ я потонулъ, вмѣсто Фонтена?

Дѣвушка содрогнулась и потомъ вдругъ страстнымъ движеніемъ отдернула отъ него свою руку и почти оттолкнула его.

— Я не жена ваша, сказала она съ горечью и сердцемъ,— можетъ-быть, еслибы вы умерли, будучи моимъ мужемъ, я перенесла бы разлуку съ вами. Вдовы утѣшаются и снова выходятъ за мужъ.

— Перестаньте, Ренъ! сказалъ Дикъ сердито.

— Отчего слова мои вамъ не нравятся? возразила дѣвушка суровымъ голосомъ.

— Оттого что не похоже на васъ не показывать участія къ женщинѣ въ горѣ. Я думаю, вы сами уже жалѣете о томъ что сказали, отвѣчалъ молбой человекъ серьезно.

Ренъ ничего не возразила, только какъ-то странно взглянула на него и продолжала молча идти съ нимъ рядомъ.

Нельзя оправдать Ренъ Кретъенъ, да я и не имѣю желанія. При всѣхъ ея недостаткахъ, гордости, своеволіи, въ ней была правдивость и искренность, которыя говорили сами за себя и заставляли васъ простить ей даже то, что сердило и раздражало васъ. Долго шли они. На этотъ разъ и зло, и добро влекли ее въ одномъ направленіи. Ревность помогла ей совершить то, что начала она считать своимъ долгомъ.

Увы! Какъ часто въ жизни благородная натура, страстное, великодушное сердце, не сознавая, или, быть-можетъ, стыдясь своего благородства и нѣжности, берется изъ самосохраненія за мелкія средства, чтобы достигнуть великихъ цѣлей. Ренъ способна была проглотить вербаюда и истощила бы всѣ свои силы на комара.

Мы всѣ бывали слѣпы и неблагодарны въ жизни, привич-

малы вѣстѣ и большія жертвы, и малыя, неохотно принимаемыя; мы все, быть-можетъ, жаловались на раздражающее слово, на минутный капризъ, не понимая, — увы! — упорно не понимая, какимъ міромъ любви, самоотверженія, преданности владѣемъ, забывая его, принимая безъ признательности, бросаая безъ вниманія.

Между тѣмъ они дошли до воротъ Фонтенова дома. Лунный свѣтъ обливалъ всю окрестность.

— О! Ричардъ, Ричардъ! Можете ли вы не знать, что она васъ всегда любила? воскликнула вдругъ Ренъ, оставляя его и входя.

Бѣдный домикъ, со всеми своими неслѣпными украшеніями, вертящимися флагами и флажерами, печально чернѣлъ, какъ гробъ въ темнотѣ. Сторы были опущены, бѣдный свѣтъ мерцалъ въ окнахъ Катерины. Дикъ, шагая назадъ и впередъ по двору, не разъ взглядывалъ на него, и не безъ горечи посмѣивался надъ женскимъ нравомъ. Не правилась ему ревность Ренъ. Это чувство казалось ему недостойнымъ ея. Домъ былъ очень мраченъ и молчаливъ и внутри, и снаружи. М-г и М-ше Мераръ уѣхали на дняхъ. М-ше Биво пріѣзжала за ними, и Катерина просила ихъ ѣхать, оставить ее одну съ Тото. Ей только и хотѣлось, что отдыха и покоя.

Пищаній голосъ старика Мерара дрожалъ, когда онъ прощался, и на веселомъ лицѣ его показались темныя морщины, которыхъ не было прежде.

— *Raivge petite*, сказалъ онъ, дѣлая холодныя ручки.

М-ше Мераръ тоже очень измѣнилась. Она говорила мало, но ходила назадъ и впередъ, переворачивая ящички и заботливо слѣдя за тѣмъ, что дѣлалось въ домѣ. Передъ отъѣздомъ она принесла Катеринѣ чашку крѣпкаго бульона.

— Выпейте, пока горячъ, сказала она: — тутъ добрый фунтъ говядины. Я сама варила.

Дикъ не счелъ бы Ренъ безучастною и капризною, еслибы заглянулъ въ комнату, откуда мерцалъ слабый лучъ свѣта, гдѣ Катерина сидѣла на скамейкѣ у догорающаго огня, а Ренъ стояла подлѣ нея на козлыкахъ, крѣпко держа ее за руку. Ренъ обладала даромъ утѣшенія и успокоенія, который дается нѣкоторымъ; укрѣпленіе и умиротвореніе было въ прикосновеніи ея сильной, нѣжной руки, въ умномъ, заботливомъ взглядѣ ея глазъ. Катерина немногими, отрывочными словами разсказывала ей какъ все случилось, говорила о

смѣлости и самоотверженіи Дяка. Рень слушала, глядя на огонь, и сердце ея билось подъ ладъ шагамъ Ричарда на дворѣ.... Долго, долго не слышала она потомъ этихъ шаговъ. Часы однообразно постукивали; время шло.

Затѣмъ послышался голосъ съ низу.

— Жюстина, попросите М—ше Кретъень не уходить, не повидавшись со мной, говорилъ кто-то.

— Это М—ше де-Траси, сказала Катерина,—она провела здѣсь весь день.

Да, М—ше де-Траси стояла на сторожѣ въ кухнѣ, дожидаясь въ волненіи, трепетѣ, раздраженіи, ожидая жертвы своей, не безъ опасенія; ибо когти ея были не очень грозны, зубы не очень остры, и хотя приняла она на себя роль дракона, однако охотно бы бросила ее. Жюстина видѣла, что замышляется что-то. Это ея не касалось; она только пожимала плечами, ходя по скрипящимъ поламъ изъ одной комнаты въ другую. Она убирала бѣлье въ маленькой конторкѣ мера, сдѣлавшейся пороженю. Мѣсто было удобное, ей давно хотѣлось приспособить его для бѣлья. Идя внизъ съ узломъ, она встрѣтила Рень, выходящую изъ Катерининой комнаты.—„Васъ ждутъ въ кухнѣ“, сказала она,—„М—ше де-Траси не выпуститъ васъ, не переговоривъ съ вами.“ И въ эту минуту М—ше де-Траси, съ чепцомъ на сторону, появилась на звукъ голосовъ, держа дверь рукой съ большимъ усиленіемъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами. Войдите сюда, пожалуйста. Племянникъ мой на дворѣ; но я обращаюсь къ вамъ, mademoiselle. Онъ дожидается васъ; не отпирайтесь, я знаю, все знаю, накинулась М—ше де-Траси на Рень, которую, однако, нападеніе это, повидимому, не слишкомъ смутило.—Ахъ! mademoiselle, продолжала М—ше де-Траси, переходя внезапно отъ сердитаго укора къ просьбамъ.—Если вы дѣйствительно любите этого сумашедшаго, безразсуднаго мальчика, вы извините меня, вы найдете естественнымъ, что я умоляю васъ подумать о жертвѣ, которую онъ вамъ приноситъ, о жертвѣ, которая уронитъ его въ глазахъ свѣта. Свѣтъ такъ строгъ въ своихъ сужденіяхъ! Платно ли затворена эта дверь? Ни подъ какимъ видомъ не хочу я, чтобы Жюстина могла васъ подслушать, чтобы Дакъ могъ подозрѣвать, что я отговариваю васъ. Онъ однажды вышелъ изъ себя, когда я безразсудно опасалась другаго увлеченія; но это было бы все-

таки не такъ.... все-таки болѣе.... Катерина по крайней мѣрѣ.... Бѣдная дама остановилась въ смущеніи, не окончивъ фразы. И было чего испугаться: она увидѣла краску негодованія на щекахъ Ренъ и самого Дика, входившаго въ стеклянную дверь. Холодный ночной вѣтеръ ворвался въ комнату, когда онъ отворилъ дверь, еще не запертую. Онъ ходилъ спокойно по двору, выжидая своего времени. Теперь время пришло; Дикъ въ одну минуту угадалъ что случилось. Онъ прямо подошелъ къ Ренъ, какъ бы защищая ее, хотя Ренъ и сама, безъ его помощи, оладила бы съ бѣдною, дрожащею, взволнованною старушкой.

— Не говорите Ренъ ничего такого, тетушка Матильда, чего бы вы не сказали мнѣ, произнесите онъ съ достоинствомъ.

— Милый мой Дикъ! воскликнула М—ше де-Траси, волнуясь болѣе и болѣе: — право, право, я говорю тоаько для твоего и для ея добра. Конечно, ты далъ слово, но ты не знаешь свѣта, какъ я его знаю, ты не знаешь чему ты подвергаешь себя.... ты... ты...

— Полноте, заговорилъ Дикъ злобно, чуть ли не въ первый разъ въ жизни.—Мы съ Ренъ очень хорошо понимаемъ другъ друга и идемъ на всѣ неудобства.

Голосъ его смягчился, онъ взглянулъ на дѣвушку съ улыбкой. Но она не отвѣчала. Она была блѣдна какъ полотно, и глаза ея горѣли. Она выпрямилась во весь ростъ и стояла, освѣщенная луной, въ своей крестьянской одеждѣ, какъ туманный призракъ. Даже голосъ ея звучалъ слабо и глухо.

— Богу извѣстно, сказала она спокойно,—что я рада умереть за васъ, Ричардъ, но никогда не буду я вашею женою, никогда, никогда! Не впервые слышу я это, не впервые думаю о жертвѣ, которую вы привосите, объ опасностяхъ неровнаго, несчастнаго брака. Ничто не измѣнитъ моей любви, вы часть моей жизни, моихъ молитвъ, съ тѣхъ поръ какъ я васъ знаю... голосъ ея прервался рыданіемъ. Ренъ говорила съ чувствомъ, считая себя въ безопасности въ присутствіи М—ше де-Траси. Она думала, что Ричардъ ничего не скажетъ, ничего не сдѣлаетъ, но она ошиблась и вдругъ очутилась въ объятіяхъ юноши.

— Ренъ моя! сказалъ онъ:—мнѣ слова не нужны. Я понимаю... Но дѣвушка быстро вырвалась.

— Вы не понимаете меня! вскричала Ренъ.—А вамъ, сударыня, нечего такъ бояться, чтобъ я не повредила ему, про-

должала она съ жаромъ, обращаясь къ М—ше де-Траси. — Я не увижу его! Не заставляю сдержатъ слова, не опозорю его!

Дѣвушка была въ себя отъ гора и гнѣва. Благонамѣренныя объясненія М—ше де-Траси взбѣсили ее. Упомяваніе о Катеринѣ было послѣднею каплей въ переполненной чашѣ. Напрасно Дикъ старался успокоить, утѣшить ее. Она не слушала, не глядѣла на него. Она минуту неподвижно смотрѣла въ стеклянную дверь на дворъ, освѣщенный луной, а потомъ обратилась къ М—ше де-Траси.

— Катерина, о которой вы сейчасъ говорили, вскричала дѣвушка, — тысячу разъ болѣе пара ему чѣмъ я! Ахъ! не вмѣшивайтесь больше, сударыня, въ чужія дѣла! Вы не знаете, что вы дѣлаете!—И съ потеряннымъ видомъ, Ренъ вырвалась отъ Дика, толкнула стеклянную дверь и выбѣжала вонъ. Она встрѣтила Доминика, о которомъ совершенно забыла, ожидающаго ее съ телѣгой. Дикъ, слѣдовавшій за нею, видѣлъ только какъ она утѣжала.

Я думаю, еслибъ онъ тогда догналъ ее, еслибъ онъ ее побранилъ, а потомъ простилъ, все уладилось бы между ними. Но лошадь побѣжала рысью подъ гору. Телѣга катилась съ глухимъ стукомъ колесъ по сырой землѣ; туманъ стался между ними, разстояніе возрастало. Бутлеръ былъ слишкомъ раздраженъ и оскорбленъ, чтобы слѣдовать за ней, раздраженъ ея отъѣздомъ, можетъ-быть, больше нежели всѣмъ что она говорила.

„Никогда! никогда!“ кто-то шепталъ ему на ухо: „Что за странное созданіе! Милая, нѣжная, женственная, и горячая и неукротимая! какъ трудно любить ее; какъ невозможно не любить!“

Дикъ мрачно провелъ вечеръ въ замкѣ, курия одинъ въ курильной комнатѣ, а М—ше де-Траси удалилась къ себѣ съ обиженнымъ достоинствомъ. Жану все это не нравилось, но онъ поставилъ себѣ за правило не вмѣшиваться въ чужія дѣла. Это его не касалось. Дикъ не мальчикъ, чтобъ о немъ другіе заботились. А Дикъ стоялъ на своемъ, и хотя мистрисъ Бимшъ и Эрнестина становились передъ нимъ на колѣни, онъ не могъ поколебать въ немъ убѣжденія, что одна есть женщина на свѣтѣ, и что имя ей Ренъ Кретьенъ.

Дикъ рѣшилъ спокойно, никого не спрашиваясь. Онъ былъ нѣсколько тронутъ и очень раздраженъ намеками на бѣдную М — ше Фонтенъ; но онъ надѣялся, что тутъ

какая-нибудь ошибка, и избѣгалъ останавливаться на этой сторонѣ вопроса. Ренъ ревновала, какъ ревнуютъ женщины. Онъ пошелъ на ферму передъ завтракомъ. Настала наконецъ хорошая погода. Поля и борозды блѣстѣли раннею росой. Тысячи кристалловъ и отраженій свѣтились на землѣ; веселый шумъ работы звучалъ подѣ ослѣпительнымъ утреннимъ небомъ. Старый Кретьенъ въ синей блузѣ сидѣлъ на солнцѣ, на скамейкѣ за большими воротами. Рѣзко выдѣлялись на свѣтлой синевѣ старинныя острыя крмыши, трубы и голубятни, видѣлись ясно все сучья и вѣтви тополей у дороги, покрытые распускающимися почками. Парисъ вышелъ на встрѣчу Дикъ, лѣнливо потягиваясь и вилая хвостомъ. Петиперъ пристально глядѣлъ въ поле, гдѣ его рабочіе рыли овощи и нагружали телегу.

— Здравствуйте! крикнулъ весело Дикъ.—Гдѣ мнѣ найти вашу внучку?

— Не могу сказать вамъ этого, отвѣчалъ старикъ, глядя тупо и разсѣянно.—Ренъ уѣхала, а у меня безъ нея дѣла довольно. Какъ видите, я собираю рѣпу.—И онъ указалъ на поле, гдѣ хлопотали рабочіе. Черезъ это самое поле проходила накапавъ ночью влюбленная чета.

— Уѣхала? сказалъ Дикъ, глядя на рѣпу и ничего не вида передъ собой.

— Она отправилась опять въ монастырь, сказалъ старикъ.— По-моему, тамъ не весело, а ей нравится.

— И она не оставила письма, ничего не поручила сказать мнѣ? спросилъ Ричардъ, пытаясь зажечь сигару, хотя рука его дрожала. Петиперъ бессмысленно поглядѣлъ на молодого человѣка.

— Она поручила мнѣ уведомить ее, когда вы увидите, чтобъ ей можно было воротиться откармливать свиней, отвѣчалъ онъ.—Больше она ничего не говорила.

Рѣзкимъ движеніемъ Дикъ бросилъ черезъ заборъ незакурившую сигару.

— Пусть она не отвѣняется, сказалъ онъ, вспыхнувъ и поворачиваясь спиной къ Петиперу.—Я уѣзжаю сегодня же, навсегда. Скажите ей это пожалуйста, когда она вернется къ своимъ свиньямъ.

Петиперъ пожалъ плечами въ послѣдній разъ въ наншемъ разказѣ и сталъ тереть свои старыя колѣни, довольный

дѣйствию протѣвшаго удара. Однако и жаль ему было молодого человѣка, уходившаго сердито и исчезнувшаго за угломъ.

Дикъ былъ далеко пререду зеленыхъ пастбищъ и свѣжихъ водъ Ламбсвольда, и Ренъ могла бы воротиться изъ монастыря, не опасаясь его встрѣтить. Но много и много дней прошло, прежде чѣмъ дѣвушка вернулась къ своей кухнѣ, къ своимъ обычнымъ дѣламъ и занятіямъ, и вернулась она блѣдною, слабою, усталою, только что оправаясь отъ болѣзни, отъ которой выжили ея добрыя монахини. Бѣдная Ренъ! Она не въ силахъ была вспоминать о прошломъ: такіа сомнѣнія и угрызенія пробуждало въ ней воспоминаніе; она не смѣла думать о будущемъ; такъ безконечно, такъ блѣдно, такъ невыносимо казалось оно. Она рада была бы умереть въ монастырѣ, посреди тихихъ монахинь, и разрѣшить такимъ образомъ всѣ трудности и загадки жизни. Но у ней была только лихорадка, и она знала, что предстоитъ одинъ только прозаическій исходъ—выздоровѣть и возвратиться къ скучнымъ, запущеннымъ дѣламъ. Еслибы Катерина была въ Петипортъ, она бы съ нею утѣшилась и расшлась. Но по одному обстоятельству, которое было бы странно, еслибы случилось раньше, Катерина уѣхала въ Англію къ сестрамъ, распорядиться доставшимся имъ наслѣдствомъ. Къ чему оно ей теперь? Фонтея о ней позаботилась, и она предпочитала быть обязанною своимъ обезпеченіемъ ему, его любви и заботливости, нежели случаю, что леди Фербротеръ умерла, не успѣвъ подписать завѣщаніе. Мистеръ Бландъ обогатился бы на одну тысячу фунтовъ, еслибы эта дама прожила еще нѣсколько часовъ. Онъ даже и не зналъ этого, потому что и докторъ, и нотаріусъ явились уже поздно. Какъ бы то ни было, маленькія сестры Катерины получили значительную часть теткина имущества, и нѣкоторая сумма досталась Катеринѣ, назначенной ихъ опекушей по духовной матери.

Осенью этого года, послѣ смерти бѣднаго Фонтея, мнѣ довелось быть въ Петипортъ и познакомиться съ Ренъ Кретьенъ на морскомъ берегу, какъ было разказано въ началѣ этой повѣсти. Время было несчастливое. Въ селеніи господствовали болѣзни, хлѣбъ не уродился, повсюду слышались жалобы, замѣчались страданія. Ренъ являлась всюду, всюду помогала и ходила за бѣдными сосѣдами. Нельзя не вѣрить, что нѣкоторые люди одарены способностію, можетъ-быть,

магнетическою, утолять и исцѣлять страданія. Ренъ обладала такого рода вліяніемъ на больныхъ; она сознавала эту способность, хотя и не могла отдать себѣ въ ней отчета. Къ сожалѣнію, ей представлялось достаточно случаевъ пользоваться этимъ даромъ. Горячки и голодъ господствовали въ бѣдномъ селеніи; эти грозные посягатели являлись въ свое время почти такъ же аккуратно, какъ купальщики и туристы съ вѣдромъ и лѣтомъ. Этотъ годъ былъ особенно тяжелъ для малочисленнаго населенія: почти въ каждомъ семействѣ были больные. Ренъ сама лишилась дѣда незадолго до моего пріѣзда. Одно время она жила одна въ большой, пустой фермѣ на горѣ. Когда мы познакомились, она, повидимому, привязалась ко мнѣ, можетъ-быть, изъ пристрастія къ Англичанамъ, можетъ-быть потому, что мнѣ было кое-что извѣстно о людяхъ ей наиболѣе дорогихъ, частью потому, что она сама меня очаровала. Послѣ встрѣчи на взморьѣ, мы раза два видѣлись съ нею на фермѣ; въ ней жила вдова, одна М—ше Марто, маленькую дочь которой она очень любила.

Бѣдная Ренъ! Тяжело было для нея это время. Въ тотъ самый день какъ мы познакомились, она слышала отъ Жюстаны извѣстіе о Катеринѣ, которое подняло въ ней многія чувства, все еще живыя и сильныя, хотя ей и не вѣрилось чтобъ это извѣстіе было справедливо. Иногда она говорила о прошломъ, но съ видимою болью, съ оживленіемъ и раскаяніемъ. Хорошо ли она сдѣлала? Дурно ли? Она, казалось, ни въ чемъ не была увѣрена, кромѣ той любви, которую нашла въ себѣ.

Разъ, только разъ, сѣла она писать къ нему. Она не имѣла намѣренія отправить письмо, но ей казалось облегченіемъ выразить на бумагѣ все, что было у ней на сердцѣ, всѣ живыя воспоминанія, начертить слова любви и благословенія, хотя, быть-можетъ, онъ уже и не нуждался въ нихъ. Написавъ письмо, она сожгла его; но глядя на уносящійся пепель, ей казалось, будто слова эти существуютъ гдѣ-то, повсюду. Она говорила себѣ, что никакой огонь не можетъ сжечь ихъ, ничто не въ силахъ ихъ уничтожить, что если не въ этомъ мірѣ, такъ въ другомъ, далекомъ, они дойдутъ до него.

XXI. Верти фортуна, верти колесо.

Однажды Ренъ, идя по улицѣ селенія, встрѣтила М—ше Мераръ, выходившую изъ Фонтенова дома, гдѣ она что-то укладывала и приводила въ порядокъ. Старуха тяжело шагала съ большимъ узломъ въ рукахъ. Она громко пыхтѣла, взволнованная и раздраженная. И неудивительно. Она слышала новость, говорила она, которую всегда предвидѣла, всегда. Чего другого ожидать отъ молодой женщины, до такой степени погруженной въ свѣтскія удовольствія, какъ М—ше Фонтенъ? М—ше Мераръ отказывалась назвать источникъ сообщеннаго ей извѣстія. „Non!“ время покажетъ правду ея словъ. Достоверные и безпристрастные люди увѣдомили ее положительно, что Катерина Фонтенъ собирается вступить во второй, весьма выгодный бракъ съ мистеромъ Бутлеромъ. Въ такомъ случаѣ домикъ со всѣми принадлежностями возвратится къ Тоту. Къ счастью, пунктъ такого содержанія былъ внесенъ въ духовную, по предложенію священника, ибо ослабленный Шарль неспособенъ былъ на такую необходимую предусмотрительность. Бѣдный человекъ! Его уже забыли. Не такъ поступала некогда сама М—ше Мераръ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Хотя три жениха, не имѣвшіе между собой ничего общаго, настойчиво приступали къ ней черезъ шесть мѣсяцевъ по смерти ея перваго мужа, она отказывалась дать какой бы то ни было отвѣтъ цѣлые два года, и во все это время искательство ихъ не ослабѣвало. По истеченіи этого срока, познакомившись съ М-г Мераромъ, она устранила другихъ искателей со всевозможными изъявленіями уваженія и уваженія. Теперь времена другія. Не ищите безкорыстной привязанности. Ахъ! вѣтъ, говорила М—ше Мераръ, вы не найдете ея. И старуха, намекая, что у ней есть дѣла въ замкѣ, ушла скорымъ шагомъ по дорогѣ въ поле, пыхтя и качая головой. Въ сущности, источникомъ этого извѣстія была Жюстина; она слышала отъ Батиста, которому писала объ этомъ Барбъ, находившаяся тогда въ Англіи съ М—ше де-Траси. М—ше Мераръ хотѣлось узнать всѣ подробности.

Ренъ не старалась провѣрить это извѣстіе. До нея и

прежде доходили слухи, которые, повидимому, подтверждались теперь. Дѣло естественное; она давно уже ожидала этого. Упалъ наконецъ грозившій ударъ. Аминь. Она сжала руки и пошла какъ потерянная, устремивъ глаза куда-то въ даль, молча, со страстнымъ воплемъ въ сердцѣ. Она дошла до сельскаго кладбища обнесеннаго желѣзною рѣшеткой, гдѣ лежала ея мать, и гдѣ въ свѣтломъ уголкѣ има Фонтена было начерчено на оббитомъ плуцкомъ каменномъ крестѣ, воздвигнутомъ Катериной въ память его.

Въ душѣ Ревъ совершалась тогда та тяжкая борьба, которая рано или поздно каждому изъ насъ выпадаетъ на долю, когда умирають горячія упованія и желанія, силы которыхъ не знаетъ никто, кромѣ насъ самихъ, когда измѣняется послѣдняя надежда, и унылая пустота будущаго охватываетъ насъ, какъ неизбежный сумракъ въ концѣ хлопотливаго дня. Темнота, забвеніе, смерть казались бы въ такія минуты отрадой, въ сравненіи съ блѣдностію и грустнымъ безмолвіемъ такихъ сумерокъ, сѣрыхъ и тяжелыхъ, хотя солнце, можетъ-быть, свѣтитъ, и лѣтнее сіяніе обливаетъ землю. Тогда мы возстаемъ и возмущаемся. „Я хотѣлъ вотъ этого, искалъ того-то; а хотѣлъ быть на мѣстѣ другаго. Даруй, о Боже, рабу твоему! Развѣ счастье не право мое? Развѣ не право мое шовольство, и успѣхъ, и любовь и благополучіе?“ И посреди горькой доли и унынія слышится отвѣтъ на безумный вопросъ: „отчего же не грусть и тоска право твое? Отчего не испытать тебѣ горе? Не извѣдать и добро и зло? Покорайся, покорайся, бѣдное сердце!“ И духъ какъ будто говоритъ съ утомленнымъ тѣломъ, и является послѣднее, отчаянное усиліе примириться съ судьбой, принять терпѣливо страшное испытаніе. Мы преклоняемся передъ волей Неба.

Въ этомъ настроеніи все окружающее какъ будто одобряетъ, подкрѣпляетъ, утѣшаетъ насъ. Когда все кажется утраченнымъ, пробуждается новая бодрость, новая отрада мерцаетъ впереди, увядавшая жизнь воскресаетъ, свѣтъ видѣется изъ-за-тучъ, самые камни какъ будто говорятъ, взываютъ къ намъ. Ревъ, возвращаясь домой вдоль утесовъ, видѣла во всемъ встрѣчающемся новый, небывалый смыслъ, ото всего вѣдало примиреніемъ, успокоеніемъ, сожалѣніемъ, все какъ бы пѣло пѣсю невѣдомаго прежде значенія. Утѣшеніе слышалось въ плескѣ моря, въ его сапжающихся

звукѣхъ, въ крикахъ о помощи, въ шумѣ вѣтра; утѣшеніе пробуждалось въ самомъ сердцѣ ея, переходившемъ отъ одного ощущенія къ другому. Даже дрожащая тѣнь тополя на травѣ какъ будто шептала о мирѣ и тишинѣ. Итакъ, мало-помалу, утихло горькое волненіе. Она не упрекала себя; не знала, она ли виновата въ томъ, о чемъ всю жизнь будетъ сожалѣть. Дойдя до дому, она почему-то почувствовала, что худшее миновало. Маленькая Жозетта подбѣжала къ ней и втащила ее за руку снова во вседневный міръ, прося пойдти посмотреть пироги, который онѣ съ матерью испекли къ обѣду. Парисъ сталъ тереть голову о черное платье своей хозяйки. М—те Марто вышла, улыбаясь, ей на встрѣчу.

Ренъ, хода, съ блѣднымъ лицомъ, взадъ и впередъ по хозяйству, весь этотъ день говорила себѣ, что уже поздно жалѣть, но не поздно любить, и рѣшилась еще разъ написать Дикю.

Этотъ разъ письмо было отправлено. Оно было адресовано на имя Катерины, хотя писано для Дика: лишь нѣсколько словъ, угловатымъ почеркомъ Француженки. „Я слышала вѣсти о васъ, писала она.—Всѣмъ сердцемъ молюсь за ваше счастье, всѣмъ сердцемъ, полнымъ любви къ вамъ, надежды на будущее и вѣры въ вашу нѣжную дружбу. Вѣдь вы прійдете сюда когда-нибудь,—неправда ли? Вы оба; и доставите мнѣ величайшее счастье, какое можетъ мнѣ достаться на свѣтѣ: счастье знать, что вы счастливы.“ И Ренъ, держа Жозетту за руку, пошла сама и опустила письмо въ ящикъ у стѣны, гдѣ оно и лежало до тѣхъ поръ, покуда старый Пьеръ, почтаальфонъ, съ неуклюжимъ ключомъ и истертою сумкой, не унесъ его въ Байё черезъ поле.

Дикъ сидѣлъ съ Катериной, когда подали ей это письмо. Она покраснѣла, блѣдная вдовушка, и начала дрожать, и внезапнымъ движеніемъ протянула его Бутасру, но тотомъ передунала и отдернула руку назадъ, и молча сидѣла минуту, серьезно глядя ему въ лицо своими темными глазами. Она смотрѣла ребенкомъ, старѣющимся припомнить полузабытый урокъ. Дикъ дивился, какія это подбираетъ она слова. Сидѣли они въ Ричмондѣ, въ низкой, длинной, старомодной комнатѣ, съ тремя глубокими окнами, изъ которыхъ видѣлась синѣющая даль и рѣка, извивающаяся на волѣ, и вся роскошь осенняго золота, сверкавшего подъ туманомъ, который стался къ отдаленнымъ горамъ.

Тото и Тотти въ одномъ углу шептались и хохотали своимъ остроумамъ. Роза свернулась на полу надъ повѣстью, а Катерина, сидя въ своемъ уголкѣ, въ черномъ платьѣ, съ дѣтскимъ лицомъ, увѣчаннымъ печальною важностью вдовьяго чепца, съ работой и цвѣтами на столѣ, казалась красивою и нѣжнѣе чѣмъ когда-либо. Она разговаривала съ печальнымъ и раздражительнымъ юношей, сидѣвшимъ въ креслахъ подлѣ нея.

— Я долженъ ужасно надѣлать вамъ, говорилъ Дикъ.— Я прихожу и ворчу, и брамю все и всѣхъ. Пробовалъ я сегодня утромъ опять привыкаться за свою живопись, чортъ съ ней, а ни на что не способенъ. Я способенъ только ворчать. Дикъ часто ѣздилъ къ молодой вдовѣ. Онъ являлся очень не въ духѣ и увѣжалъ ободренный и тронутый постоянною добротой и участіемъ М—ше Фонтенъ. Молодая женщина научилась собственнымъ тяжелымъ опытомъ быть нѣжною, деликатною и терпѣливою съ другими, страствующими въ томъ же мрачномъ лабиринтѣ, въ которомъ она сама еще такъ недавно окончательно заблудилась. Такъ казалось ей, глядя на прошедшее. Теперь обстоятельства перемѣнились; Катерина иногда спрашивала себя: отчего?—и невольно сознавала, что цѣлая жизнь любви и вѣрности была бы недостаточною платой за то, чѣмъ обязана она честнѣйшему, простодушнѣйшему, добрѣйшему изъ людей. Она не чувствовала особенной благодарности къ леди Фербротеръ, деньги которой содѣйствовали къ украшенію ея жилища и приносили теперь болѣе добра чѣмъ во всю жизнь почтенной дамы. Но помощь, доброту, заботливую любовь, которая выручила ее, впервые нашла она въ Фонтенѣ. Катерина этого не забывала. Одно случайность, другое—посланное небомъ благополучіе. Катерина, держа письмо Ревъ въ рукахъ, дивилась всѣмъ перемѣнамъ и случайностямъ земной жизни. Она знала хорошо, что М—ше де-Траси только о томъ и хлопочетъ, чтобъ уладить разрывъ между нею и своимъ племянникомъ; что мистрисъ Бутлеръ и Катерина Биммишъ прежде всего желаютъ устранить страшный *mésalliance*, все еще грозящій ихъ семейству, что всѣ съ радостью согласятся на бракъ М—ше Фонтенъ съ этимъ ужаснымъ Ричардомъ. Она грустно спрашивала себя, почему женщина овдовѣвшая считается болѣе приличною партіей для Дика чѣмъ считалась она два года тому назадъ, когда ему

одному принадлежали все лучшія чувства ея сердца? Катерина чувствовала, что и теперь любитъ идеалъ своей молодости тихую, искреннею привязанностью, которая никогда ему не измѣнитъ, но любитъ не такъ, какъ любитъ его Ренъ. Что касается до Дика, то онъ, безъ изъясленій чувствъ, былъ искренно привязанъ къ Катеринѣ. Онъ былъ тронутъ (могло ли быть иначе?), узнавъ про ея старую любовь къ нему. Нуждаясь въ участіи, въ человѣкѣ, съ которымъ можно бы отвести душу, онъ пріѣзжалъ изъ своего пустаго, одинокаго дома въ свѣтлое жилище Катерины. Онъ пріѣзжалъ, смѣясь внутренно надъ самимъ собой, и сидѣлъ однако у ней день за днемъ. Съ ней ему было лучше чѣмъ съ родственниками. Ренъ, которую онъ считалъ вѣрною какъ сталь, обманула его, Катеринѣ стоило только протянуть руку: онъ былъ готовъ; и Катерина протянула ее, глядя ему прямо въ лицо, но въ рукѣ было письмо Ренъ.

— О, Ричардъ! сказала М—ше Фонтенъ, бессознательно называя его по имени,—прочтите это и простите мнѣ то, что я сейчасъ скажу вамъ.

Глаза ея наполнялись слезами, голосъ дрожалъ, но она сдѣлала большое усиліе и заговорила. Въ эту минуту все казалось ей ничтожнымъ, въ сравненіи съ великою грустью, долго наполнявшею ея сердце. Она пыталась, говоря такъ же прямо и серьезно, какъ сама Ренъ, устранить разъ на всегда все недоразумѣнія, и въ голосѣ ея была какая-то бессознательная торжественность. Въ другое время она, можетъ-быть, не говорила бы такъ. Но горе прикрывало ее щитомъ; она была неуязвима, и она возникла въ ней изъ самой слабости и раскаянія о прошломъ.

— Я не любила моего мужа, какъ олдуетъ, когда вышла за него, сказала она.—Я сама виновата. Даже теперешнее объясненіе служить мнѣ наказаніемъ за мое безразсудство. Но еслибы пришлось мнѣ теперь пережить сызнова жизнь и сдѣлать сознательно выборъ между человѣкомъ, который любилъ меня, и... и... я поступила бы также. Ричардъ, вы не сердитесь за то, что я такъ говорю? Я знаю все что случилось. Бѣдная, милая Ренъ! Нѣтъ женщины болѣе благородной, болѣе вѣрной. Она отказалась отъ васъ, потому что любила васъ. Знаете ли какъ больна была она? Миссъ Вильямсонъ (Катерина разумѣла автора этой повѣсти) писала мнѣ о ней. Она думаетъ, что Ренъ умретъ, если вы еще долго

оставите ее одну. О Ричардъ, дорогой другъ мой, неужели вы не простите и ея, и меня и не вернетесь къ ней? Никто никогда не любилъ васъ такъ, какъ она.

Всѣ изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, которые уже презираютъ Дика Бутлера и считаютъ его жалкимъ и слабымъ, какъ его картины, станутъ теперь еще болѣе презирать его, ибо глаза его были полны слезъ, когда онъ наконецъ поднялъ ихъ съ бумаги, на которой было написано короткое и грустное поздравленіе Ренъ.

— Спасибо вамъ, сказалъ онъ, вскакивая и сжимая протянутую руку М—ше Фонтенъ.—Вы предохранили меня отъ великой вины. Я напишу вамъ завтра, когда увижусь съ ней.

И онъ поспѣшно ушелъ, не обращая вниманія на дѣтей, и черезъ минуту послышался стукъ копытъ по улицѣ. Затѣмъ дѣти, внимательно слушавшіе и все понимавшіе, бросились всѣ трое къ молодой вдовѣ и чуть не задавили ее на диванѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, говорилъ Тото ломаннымъ англійскимъ языкомъ, я не хочу чтобы ты опять вышла замужъ; ты мнѣ нужна, когда я вырасту большой...

— О, Катя, ты ужь не оставишь насъ больше? Обѣщай, обѣщай, обѣщай! кричала Тотти; а Роза ничего не сказала, но бросила повѣсть и схватила руку сестры, и жала ее изо всѣхъ силъ, до тѣхъ поръ покуда она, полусмѣющаяся, полуплачущая, не взмолилась о пощаду. И такъ Катерина благополучно исчезаетъ въ вѣжкахъ, но нѣсколько тираническихъ объятіяхъ дѣтей.

Прощай, маленькая Катя! Не тяжела, въ сущности, судьба твоя. Тото твой защитникъ, Роза и Тотти твои вѣрныя спутницы; друзья, и обиліе, и мирный досугъ достались тебѣ теперь на долю.

Курсель, гдѣ разводятся устрицы и помѣщается заведеніе, о которомъ бѣдный Фонтенъ говорилъ съ такимъ восторгомъ, жалкая ветхая деревушка, заваленная разнымъ хламомъ: разбитыми боченками, изодранымъ платьемъ, кучами устрицъ, сломанными ставнями. Стоитъ она на берегу большаго, грязнаго болота, которое разливается на мило и болѣе, доходя до сѣраго, бурливаго моря. Устрицы сортируются по величинѣ въ большихъ кадкахъ и спокойно откармливаются вкругъ маленькой конторы, стоящей посреди тихихъ, темныхъ водъ; ставни качаются, дѣти роются въ кучахъ устрицъ, изодранное платье мотается по вѣтру. Это не такое мѣсто, которое привлекло бы искателей удовольствій.

Однако на слѣдующій день послѣ разговора въ Ричмондѣ, Доминикъ, выводя лошадь изъ конюшни куресельскаго трактира, встрѣчаетъ джентльмена, пріѣхавшаго изъ Петипорта на гнѣдой кобылѣ М-г де-Траси. Джентльменъ спокойно проситъ его посмотреть за лошадью и сказать, гдѣ можно найти М—ше Кретъенъ.

— Она въ конторѣ, говоритъ Доминикъ, тараща глаза и усмѣхаясь, и показывая большія красныя десны; и Ричардъ—разумѣется, это Ричардъ,—пробирается по унылому пустырю между трактиромъ и кадками съ устрицами и отворяетъ ворота, и идетъ по узкой, насыпной дорожкѣ, ведущей къ конторѣ.

Прежде чѣмъ Бутлеръ дошелъ до двери, она отворилась, и вышла Ренъ, и остановилась на минуту, глядя на пустырь, гдѣ хлопотали рабочіе, и красное солнце горѣло надъ болотомъ. Она вздохнула и вдругъ обернулась, чувствуя, какъ иногда бываетъ, что кто-то на нее смотритъ. Кто-то! Она обернулась быстро, и хотя остановилась неподвижно, все сердце ея какъ будто рванулось на встрѣчу единственному человѣку въ мірѣ, котораго она всего болѣе желала и почти уже не надѣялась видѣть. Она ничего не сказала, но очутилась какъ-то въ его объятіяхъ, и удивленные, нѣжныя, страстные глаза говорили ему всю печаль долгихъ, тяжелыхъ мѣсяцевъ. Дикъ глядѣлъ на нее, и унылое болото, и ветхія хижинки какъ будто озарились внезапнымъ сіяніемъ. Все было понятно имъ обоимъ. Я думаю, они не помнили въ послѣдствіи сами, какими словами былъ переданъ разказъ, лучшій изъ всѣхъ разказовъ въ этомъ бѣдномъ мірѣ, гдѣ есть и печальные и тяжелые разказы, и такіе, которые должно забыть, и такіе, которые—увы!—остались не передаваемыми, но гдѣ по временамъ святое вдохновеніе любви воспламеняетъ холодныя сердца освѣщаетъ мрачныя существованія, ободряетъ, укрѣпляетъ колеблющихся, возвѣщая, что живая, священная сила носится надъ мутными водами жизни.

Почти всѣ мы видали скалы, громоздящіяся на скалахъ, обвалы, опустошенія, сломаанныя деревья, падающія со склоновъ горъ, разливы сердитыхъ водъ, туманъ носящійся надъ пустыней. И природа, дѣйствуя по законамъ неизвѣданнымъ, только смутно угадываемымъ нами, слабыми наскокомы, пресмыкающимися на земной поверхности, могущественно

устрояетъ и вызываетъ изъ хаоса чудную гармонию. Такъ изъ страшныхъ смуть внутреннего міра возникаютъ великія и благія послѣдствія: могучія скалы защищаютъ цвѣты отъ полуденнаго зноя; деревья, сорванные обваломъ, покоятся на мягкомъ мхѣ; въ расщелинахъ лежитъ ослѣпительный свѣтъ, и громадные камни, скользящіе съ обрыва, удерживаются нѣжными побѣгами вьющихся растений, которыхъ зеленые листья блестятъ на гранитѣ.

ДВѢ ПОѢЗДКИ ВЪ БРУССУ

(1861-1865 Г.)

I.

Пера, 25-го сентября 1861 года.

Сегодня въ полдень прїѣхалъ я изъ Бруссы, гдѣ долженъ былъ провести слѣшкомъ мѣсяцъ, для излѣченія тамошними минеральными водами болѣзни, причиненной мнѣ быстрымъ переселеніемъ изъ сѣвернаго климата въ южный и еще болѣе можетъ-быть неумѣстнымъ морскимъ купаньемъ, которому я предавался живя въ Буюкъ-даре. Мнѣ присовѣтовалъ брусскія воды лучший изъ докторовъ Перы, Англичанинъ Мелиндженъ, прибывшій изъ Англии на Востокъ еще въ ранней молодости съ лордомъ Байрономъ и лѣчившій знаменитаго поэта въ его послѣднюю, предсмертную болѣзнь. Такъ какъ біографы Байрона не разъ публично обвиняли доктора въ неискusstвѣ, оказанномъ имъ будто бы въ этомъ несчастномъ случаѣ, то онъ и написалъ оправдательную записку, въ которой съ большими подробностями изложилъ весь ходъ болѣзни и лѣченіе своего знаменитаго паціента. Трудно быть судьей въ такомъ дѣлѣ. Еслибы доктора всегда успѣшно вылѣчивали, то люди умирали бы не иначе какъ отъ старости, естественною смертію.... Чтѣ до меня, то я остался очень доволенъ докторомъ Мелиндженомъ и видѣлъ потомъ не разъ въ Перѣ и окрестностяхъ ея много бѣдныхъ, съ любовію и благодарностію благословляющихъ его

имя. Однако не легко было мнѣ рѣшиться послѣдовать его совѣту и рѣшиться на путешествие въ глубь страны, не всегда безопасной и сверхъ того незнакомой мнѣ, по недавности моего въ ней пребыванія, ни по обычаямъ своимъ, ни по языку. Два послѣднія обстоятельства заставили меня искать въ провозатые какого-нибудь бывааго человека, знающаго край и могущаго служить мнѣ вмѣстѣ и проводникомъ, и переводчикомъ. Такого указали мнѣ знакомые мои: то былъ Еврей Сальваторъ, ловъ-лакей изъ гостиницы Мессиря, уроженецъ Неаполя, но давно уже поселившійся здѣсь и часто сопровождающій путешествующихъ Англичанъ въ отдаленныхъ поѣздкахъ по Турціи. За 50 франковъ бакшиша, кромѣ путевыхъ издержекъ въ одинъ конецъ, отвесенныхъ тоже на мой счетъ, согласился Сальваторъ быть моимъ чичероне и въ первую же бесѣду со мною, забросавъ громкими именами путешественниковъ всѣхъ націй, имѣвшихъ счастье пользоваться, подобно мнѣ, его услугами. Такое самохвальство не предвѣщало ничего добраго. Но некогда было искать лучшаго: я поладилъ съ Сальваторомъ.

Двѣ дороги ведутъ въ Бруссу, одна на Гемлекъ, другая на Муданію: и тотъ и другая—пристаи на берегахъ Мраморнаго моря. Мы выбрали послѣднюю, такъ какъ пароходъ заходитъ прежде въ Муданію и оттуда уже въ Гемлекъ, вслѣдствіе чего влущимъ въ Бруссу выгоднѣе избирать одинъ путь, а возвращающимся другой. 23-го августа, въ 6 часовъ утра, я былъ уже на пароходѣ, стоявшемъ на якорѣ въ Золотомъ Рогѣ, почти подлѣ самаго стараго моста. Черезъ полчаса мы снялись съ якоря. Я оставался долгое время на палубѣ, любясь великолѣпною картиной обоихъ береговъ Мраморнаго моря и Приацевыхъ острововъ, мимо которыхъ мы проходили. Палуба была полна народомъ. Между нимъ было нѣсколько солдатъ и ковьюховъ, везшихъ куда-то отличной породы верховыхъ лошадей. Любуясь то окрестными видами, то новыми, не виданными мною еще, типами и костюмами окружавшихъ меня лицъ, я провелъ незамѣтно время до завтрака, изрѣдка только отбиваясь односложными отвѣтами отъ многорѣчивыхъ тирадъ моего чичероне... Наконецъ я спросилъ себя завтракать...

— Завтрака на пароходѣ нѣтъ, отвѣчали мнѣ.

— Какъ! и достать нельзя?

— Ну за что! Ну за какія деньги!... Можно только одинъ кофе и пожалуй еще галеты (сухари).

— Такъ отчего ты не предупредилъ меня, что здѣсь нѣтъ завтрака и что нужно взять провизію съ собою? спросилъ я у моего чичероне.

— Да я же не зналъ, что вы не догадаетесь сами объ этомъ, отвѣчалъ мнѣ съ усмѣшкой Сальваторъ.

Дѣлать было нечего, сердиться безуспѣшно; съ горя пошелъ я въ каютъ-компанію въ надеждѣ успокоить по крайней мѣрѣ своимъ возбужденный морскимъ воздухомъ аппетитъ. Тамъ за большимъ столомъ сидѣлъ и кушалъ изъ нѣсколькихъ разставленныхъ передъ нимъ судковъ единственный кромѣ меня первоклассный пассажиръ. Онъ прелюбезно предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ завтракъ, и утоливъ голодъ и жажду, я провелъ въ бесѣдѣ съ добрымъ моимъ товарищемъ путешествія еще часа съ два, позабывъ и о снѣ. То былъ господинъ Пр., одинъ изъ почтеннѣйшихъ негодіантовъ Перы, по происхожденію Италіанецъ, но здѣшній уроженецъ. Онъ много просвѣтилъ меня насчетъ истиннаго положенія Турціи и посмѣивался надъ тѣми блестящими выраженіями надеждъ и ожиданій, которыми журналы привѣтствовали новую зарю нынѣшняго царствованія. Г. Пр. имѣетъ приморское помѣстье въ здѣшнихъ мѣстахъ. Онъ указалъ мнѣ его, выйдя на палубу.... По словамъ его, здѣшняя земля сущее золотое дно, но пока она остается въ теперешнихъ владычныхъ рукахъ, никто золотомъ пользоваться не будетъ и не можетъ. Въ подтвержденіе этой истины, которой пора уже, кажется, занять мѣсто подлѣ математическихъ истинъ, собесѣдникъ мой приводилъ тысячи вполне убѣдительныхъ и неоспоримыхъ доказательствъ.

Послѣ слишкомъ пятичасоваго плаванія, часу во второмъ пополудни пароходъ бросилъ якорь въ Муданіи. Это небольшой городъ, опрятненькій и довольно изященькій, какъ и всѣ вообще приморскіе торговые порты; на половину, то-есть по всему берегу, застроенный каменными амбарами, служащими складочнымъ мѣстомъ для привозимыхъ изнутри страны товаровъ. За ними слѣдуютъ небольшія хижины, служащія собственно обиталищами мѣстныхъ жителей, большею частію Грековъ, промышленяющихъ перевозкой путешественниковъ и груза. Толпы этихъ промышленниковъ окружили насъ, едва мы вышли на берегъ. Тутъ

я простился съ любезнымъ моимъ собесѣдникомъ, отправившимся въ свое помѣстье; а самъ, поручивъ моему чичероне нанять лошадей, усѣлся подлѣ одной кофейни и сталъ лакомиться отличнымъ, только что принесеннымъ виноградомъ. Вскорѣ ко мнѣ присоединились два молодые Англичанина (которыхъ я не знаю какъ не замѣтилъ на пароходѣ) и на томъ языкѣ, какому Англичанамъ угодно давать имя французскаго, предложили мнѣ вмѣстѣ совершить остальной путь до Бруссы. Боясь ѣхать одинъ по странѣ, не всегда безопасной, я съ радостію принялъ ихъ предложеніе; они, въ свою очередь, не дожидались моего: принять участіе въ моемъ подвигѣ и раздѣлили его съ безцеремонностію Джонъ-Буля. Черезъ полчаса лошади были приведены. Хвастливый мой чичероне не преминулъ выхвалять это обстоятельство въ особенную себѣ заслугу: „со мной все получите“, гордо сказалъ онъ, указывая на лошадей.

Кромѣ Англичанъ, къ намъ присоединились еще другіе, неизвѣстные мнѣ путники, околько можно было судить по ихъ языку, изъ туземцевъ, и мы въ числѣ не менѣе пятнадцати всадниковъ тронулись въ путь. Нѣсколько времени дорога шла по берегу моря, оставившагося влѣво отъ насъ. Справа она окаймлена была виноградниками и оливковыми рощами, напомиавшими мнѣ окрестности благословенной Ниццы. Но чѣмъ болѣе мы удалялись отъ моря, которое черезъ часъ совершенно скрылось отъ насъ, тѣмъ болѣе измѣнялся весь ландшафтъ: холмы, покрытые оливами, исчезали, и предъ нами открывалась широкая равнина, лишенная уже южной растительности, но обильная полями, засѣянными маисомъ, ячменемъ и только кое-гдѣ по мѣстамъ прорѣзанная виноградниками и плодовитыми садами. На половинѣ дороги, у небольшого потока, освѣннаго великолѣпными яворами, мы остановились отдыхать. Изъ находившейся тутъ же кофейни намъ вынесли табуреты и кофе; такъ мы провели подъ этою прохладною тѣнью вѣковыхъ деревьевъ пріятную четверть часа. Оттуда присоединились къ намъ еще нѣсколько путниковъ, которыхъ мы нашли тамъ уже отдыхающими за кофеемъ. Между ними былъ одинъ Черкесъ; я замѣтилъ, что онъ на пути вступилъ въ одушевленный разговоръ съ моимъ чичероне, въ продолженіе котораго часто бросалъ на меня не совѣмъ благо-

склонные взгляды. Я спросилъ у послѣдняго, что говоритъ Черкесъ.

— Онъ говорить, отвѣчалъ мой Жидъ, смѣясь,—что боится васъ, потому что вы Русскій...

— Да зачѣмъ же ты сказалъ ему, что я Русскій?

— Отчего же не сказать?...

Мы ѣхали всю дорогу большею частію рысью, рѣдко и только для отдыха шагомъ и скоро достигли небольшой возвышенности, откуда открылась намъ Брусса. Ея прекрасныя строенія, окрашенныя румяными лучами вечерняго солнца, пріятно сіяли въ зелени садовъ; а за ними блоснѣжный Олимпъ, какъ бы вѣскою стѣной, заключалъ эту поистинѣ восхитительную картину. На этой возвышенности опять сошли мы у кофейни, гдѣ наши, между прочимъ, вѣжливаго Италианца, содержателя единственной бруссской гостиницы, выѣхавшаго къ намъ на встрѣчу. Заказавъ ему обѣдъ и комнаты, и напившись еще разъ кофе, мы стали спускаться внизъ въ лежавшую предъ нами, всю усаженную шелковичными деревьями, долину. Черезъ полчаса ѣзды, мы спустились къ подошвѣ холма, на которомъ красовались высокія зданія города. Еще четверть часа — и мы въ его предмѣстьѣ. Оставивъ вправо отъ себя селеніе Чекурге, съ его живописными баями и мечетями, мы повернули лѣво. Первое что привлекало мое вниманіе были бани, огромныя, съ величественными куполами, напоминающими своею архитектурой павтеонъ, и очень древнія, сколько можно было судить по ихъ наружности. Неприятно желая обозрѣть мѣсто моего будущаго лѣченія, я велѣлъ остановиться и отвести лошадей къ гостиницѣ, въ городъ, куда самъ рѣшился идти пѣшкомъ, тѣмъ болѣе что четырехъ-часовая ѣзда чрезвычайно меня утомляла. Проводникъ мой, тоже въ свою очередь утомленный и проголодавшійся, воспротивился было такому моему распоряженію, которому однакоже я заставлялъ его покориться. Тогда мы вошли въ самую большую баню, такъ-называемую *Лени-Каплиджа*. Я едва успѣлъ окинуть взглядомъ ея обширныя замъ и широкій бассейнъ, находящійся подъ самымъ куполомъ въ главной изъ нихъ; но разсмотрѣть въ подробности за вечернею темнотою ничего уже было нельзя. Между тѣмъ, пока я осматривалъ баню, неотвязный мой Еврей, поставившій, кажется, цѣлю отравить своимъ

присутствіемъ, не только вполнѣ бесполезнымъ, часто даже вреднымъ, всё прелести моего путешествія, напѣвалъ мнѣ и о посѣщеніи бани, какъ будто бы о важномъ какомъ подвигѣ съ его стороны. „Видите, говорилъ онъ мнѣ: со мной можно всюду—и въ баню и куда угодно! Я все знаю здѣсь, и меня всё знаютъ....“ Стараясь не слушать его болтовни и любясь прелестами теплаго осенняго вечера, я въ полчаса дошелъ до гостиницы, гдѣ вкусный, вполнѣ европейскій обѣдъ и хорошо приготовленный ночлегъ вознаградили меня за усталость и небольшія неприятности дня.

На другое утро полюбовавшись предварительно изъ оконъ моихъ обширною равниной, устланною безчисленными шелковичными плантаціями, виноградниками и садами, разстилающеюся у самой подошвы городского холма и убѣгающею въ необозримую даль, я пошелъ, въ сопровожденіи скучнаго моего чичероне, осматривать городъ. Онъ расположенъ у самой подошвы Олимпа на скалахъ и холмахъ, прорѣзываемыхъ оврагами и ложбинами, большей или меньшей величины, покрытыхъ огородами и садами, между которыми съ шумомъ протекають во множествѣ потоки и ручьи, низвергающіеся съ Олимпа. Это обиліе всегда свѣжей зелени, вслѣдствіе большаго обилія воды, даетъ городу особенный, весьма оригинальный видъ, какого не встрѣтить въ другихъ ни европейскихъ, ни азиатскихъ городахъ. Сплошныхъ и правильныхъ улицъ мало. Дома большею частію стоятъ по одиночкѣ, отдѣльно тамъ-и-сямъ: то на высотахъ голыхъ скалъ, то внизу среди покрытыхъ зеленью садовъ и на цвѣтущихъ долинахъ. Оттого Брюсса тянется на огромное протяженіе и кажется очень большою, хотя всё ея разбросанные дома, еслибы собрать ихъ въ одну кучку, составили бы кварталъ, равный пространствомъ примѣрно большому кварталу Константинополя. Первый визитъ нашъ былъ къ нашему вице-консулу Фалькейзену, къ которому я имѣлъ письмо отъ посланника. Почти у самаго дома гостиницы (Hôtel du Mont Olympe), улица кончается крутымъ обрывомъ, составляющимъ берегъ оврага, по которому струится шумный потокъ. У обрыва построена большая водяная мукомольная мельница, содержащая Французомъ. Отсюда перекинуть мостъ на другую сторону оврага. Тамъ начинается собственно городъ, увѣнчанный съ сѣверной стороны высокою отвѣсною скалою, одною изъ скалъ Олимпа, на которой

еще находятся сады не совсѣмъ разрушеннаго средневѣковаго замка и другихъ, можетъ-быть еще древнѣйшихъ укрѣпленій. Городъ открывается довольно грозною жидовскою улицей, служащею мѣстопребываніемъ довольно многочисленнымъ соотечественникамъ моего Сальватора. По этой улицѣ приходишь въ другую, служащую какъ бы ея продолженіемъ, но несравненно болѣе просторную и изящную: тутъ жилища христіанъ. Своротивъ влѣво, приходишь на базаръ, очень большой и богатый, за которымъ по обѣ стороны уже начинаются бѣдныя и грязныя жилища Турокъ; тамъ-и-сямъ попадаются великолѣпныя мечети, освѣенныя кипарисами кладбища, или же длинныя строенія шелковыхъ фабрикъ, кажущіяся какъ бы потонувшими въ зелени шелковичныхъ садовъ. Возвратившись послѣ прогулки и визитовъ въ поддень, я познакомился за завтракомъ съ другими жильцами гостиницы. Кромѣ двухъ пріѣхавшихъ со мною Англичанъ, — которые впрочемъ пробыли тутъ не болѣе двухъ дней, но взаимно которыхъ все время навѣзали для блага осмотра Бруссы неутомимые туристы, ихъ соотечественники, — у Лоски (содержателя гостиницы) было еще нѣсколько человѣкъ постоянныхъ жильцовъ — больныхъ съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ, подобно мнѣ, пользоваться брусскими минеральными водами. Изъ послѣднихъ, я скоро сошелся съ однимъ пожилымъ Итальянцемъ Г. Д., маклеромъ изъ Константинополя, и другимъ Французомъ П., путешественникомъ, подобно мнѣ, имя котораго я не разъ видалъ подъ очень многими статьями во французскихъ газетахъ. Мы условились съ этими двумя товарищами вмѣстѣ посѣщать бани, и я въ тотъ же день, къ величайшему моему удовольствію, разчиталъ и отпустилъ моего докучливаго чичероне, который стоилъ мнѣ въ эти два дня всего около 75-ти франковъ и не оказалъ рѣшительно никакой услуги. Даже дорогой совершенно можно было обойтись и безъ него, какъ обошлись безъ проводника пріѣхавшіе со мною Англичане. Вредное вліяніе этого чичероне я чувствовалъ еще долго по его отъѣздѣ, и болѣе всего въ баняхъ, гдѣ, какъ и вездѣ впрочемъ, онъ успѣлъ разказать будто бы я знатный и богатый вельможа. Вслѣдствіе такой очень нежеланной рекомендаціи, я долженъ былъ платить за все втрое противъ другихъ. На обыкновенный въ такихъ случаяхъ вопросъ мо-

„почему?“ мнѣ всегда отвѣчали: „сенъ-челеби!“ то-есть: „ты благородный!“ Урокъ, которымъ я воспользовался въ послѣдующихъ моихъ странствіяхъ и который считаю долгомъ преподавать всемъ любящимъ экономію путешественникамъ: ѣздить безо всякой свиты, всюду одному.

Не далѣе какъ съ слѣдующаго утра (25-го августа) мы начали свою правильную, строго-лѣчебную жизнь. Выпивъ по чашкѣ чернаго кофе, мы отправились черезъ грязное предмѣстье къ банямъ по той самой дорогѣ, по которой я вѣхалъ. Онѣ стоятъ немного въ сторонѣ отъ дороги, внизу, на обширной луговинѣ, въ которую стекаютъ проведенныя въ нихъ и стремящіяся съ Олимпа горячіе минеральныя ручьи. Тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ одна отъ другой, три значительнѣйшія бани: *Кюкюртли*, *Кара-Мустафа* и самая большая изъ всѣхъ *Лени-Каплиджэ*, уже въ первый вечеръ видѣнная мной. Мы начали съ послѣдней. Ея огромныя мраморныя залы съ мраморными же полами, испорченныя однакоже во многихъ мѣстахъ боковыми пристройками, деревянными перегородками и полусгнившими дверями, теперь, при дневномъ свѣтѣ, еще болѣе поразили меня. Въ третьей залѣ подъ высокимъ куполомъ, устроеннымъ множествомъ крошечныхъ восьмигранныхъ окошечекъ, сквозь которыя проникаетъ свѣтъ, устроенъ круглый, по объему своему ровно въ величину колода, бассейнъ, куда проведена горячая вода. Сверхъ того, вода стекаетъ еще въ два маленькіе водоема: одинъ изъ дикаго камня, тутъ же въ большой залѣ подлѣ бассейна, въ уровень съ поломъ; другой, болѣе просторный и возвышенный, въ видѣ большой римской ванны, изъ бѣлаго мрамора, въ одномъ изъ боковыхъ маленькихъ кабинетовъ. Передняя зала обширная, но грязная, проща, хотя побольше второй, украшена весьма изящнымъ бѣлымъ мраморнымъ фонтаномъ; стѣны ея покрыты бѣлою штукатуркой, полы изъ кирпича. Постель, бѣлье, прислуга какъ въ этой, такъ и во всѣхъ брусскихъ баняхъ, весьма не роскошны и несравненно хуже, чѣмъ въ Константинополѣ. Вода въ этой банѣ сѣрная, съ небольшою примѣсью желѣза. Это дѣлаетъ ее нецѣлительною для тѣхъ чувствительныхъ больныхъ, которыхъ сѣрная вода чрезмерно расслабляетъ. Температура воды чрезвычайно горячая, до 36° по Реомюру, и это служитъ важнымъ препятствіемъ къ лѣченію, ибо нѣтъ особливыхъ ваннъ, гдѣ можно было бы охладить воду до такой

температуры, какая кому требуется. Въ общихъ же бассейнахъ нѣтъ возможности оставаться, не выскочивъ, долѣе нѣсколькихъ минутъ. Только Турки могутъ жариться въ этомъ купатѣ, не выходя по полчаса. Не этой ли привычкѣ, равно какъ и другой — всегда носить теплыя фески, должно приписать дурное состояніе волосъ у нихъ на головахъ? Ни одного Турка въ Бруссу я не видалъ съ густыми волосами.

Отдохнувъ послѣ ванны, мы отправились тѣмъ же путемъ домой, успѣли погулять еще передъ завтракомъ и уснуть послѣ того, а предъ обѣдомъ, то-есть часа въ четыре, пошли брать вечернюю ванну въ Кюкюртаи. Эта баня, построенная въ сосѣдствѣ съ Іени-Каплиджей и немного повыше ея, возлѣ самой дороги, состоитъ изъ двухъ небольшихъ купаленъ новѣйшей постройки, связанныхъ между собою общимъ фаюгаемъ, гдѣ есть комнаты для прѣзжихъ больныхъ. Вода тутъ чисто сѣрная, несравненно горячѣе нежели въ Іени-Каплиджѣ. Въ обѣихъ купальняхъ, расположенныхъ на подобіе обыкновенныхъ турецкихъ бань, есть небольшіе, въ родѣ ваннъ, резервуары, куда проведена минеральная вода. Сверхъ того, есть въ каждой изъ нихъ по отдельной крошечной комнатѣ, наполняемой сѣрными парами, проведенными туда въ небольшія отверстія изъ-подъ земли.

На другое утро пошли мы въ третью баню, Кара-Мустафу, стоящую вверху почти подлѣ самой Іени-Каплиджи. Это самая маленькая, но самая любимая туземцами баня, съ единственнымъ и очень небольшимъ резервуаромъ, куда течетъ тоже горячая, свыше 30-ти-градусная минеральная вода, не сѣрная однако и не желѣзная, до сихъ поръ еще никѣмъ хорошо не анализированная химически. Ея молочно-блѣдноватый цвѣтъ напоминая мнѣ известную вильбадь-гастейнскую воду, съ которою, кромѣ наружнаго вида, она еще, говорятъ, имѣетъ и другое сходство, по своему внутреннему качеству—оживлять. Понятно, что за это-то и предпочитаютъ ее всѣмъ другимъ брусскимъ водамъ Турки такъ щущіе умноженія и укрѣпленія своихъ силъ. Мы посѣтили эту баню не болѣе двухъ-трехъ разъ, и за тѣмъ стали аккуратно, по два раза въ день, брать сѣрныя ванны то въ той, то въ другой изъ вышеописанныхъ бань.

Когда послѣ трехъ-четырехъ дней прошла первая благотѣльная истома, необходимое слѣдствіе дѣйствія минеральныхъ ваннъ, и окрѣпши, я уже не имѣлъ болѣе надобности

въ часахъ полуденнаго отдыха, такъ-называемой италіянской сіесты, я рѣшился употребить эти часы съ пользой для прогулокъ и обозрѣнія достопримѣчательностей города. Я началъ съ брусскихъ мечетей. Для посѣщенія ихъ обязательный вице-консулъ прислалъ мнѣ въ условленный день не только своего каваса, но и своего драгомана, при помощи которыхъ, купно съ содѣйствіемъ весельяго бакшиша, мнѣ безпрепятственно отворялись двери въ самыя завѣтныя святилища мусульманъ.

Мы поѣхали сперва въ восточную часть города, почти на самый конецъ его, и черезъ часъ сошли у небольшой, но весьма красивой мечети Ильдерима (Ильдеримъ-Джами), съ гробомъ знаменитаго султана. Замѣчательна особенно внутренность ея по своей оригинальности, нынѣ уже не встрѣчающейся: воѣ стѣны выложены зелеными фаясовыми изразцами, посрединѣ прекрасный бѣлораморный водоемъ; почти такой же водоемъ, только не въ видѣ фонтана, а большаго бассейна, украшаетъ и другую славнѣйшую изъ мечетей брусскихъ, такъ-называемую Улу-Джами, многочисленныя куполы которой, всего 19, дѣлаютъ ее замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ городскихъ зданій. Арабески, покрывающія ея внутреннія стѣны, начинаютъ уже темнѣть и исчезать отъ времени и требуютъ новой поправки, хотя, конечно, неоднократно уже окѣ подновлены были и направлены со времени строителя этой мечети, султана Магомета I, которому современниками дано было и потомками утверждено прозвище *челеби* (благородный). Но главная политическая и религіозная святыня Бруссы — небольшая мечеть, заключающая въ себѣ остатки родоначальника нынѣшней царственной династіи, Османа, давшаго свое имя цѣлому народу. Мечеть эта передѣлана изъ прежде бывшаго христіанскаго монастыря Св. Давида и донынѣ, кромѣ имени *турбе* или усыпальницы Османа, ее зовутъ еще *Даудъ-монастырь*. Изъ мечети этой, находящейся на самой высотѣ скалы, нѣкогда укрѣпленной, проѣхали мы къ консулу черезъ общественное гульбище Буляръ-Баши, гдѣ на лугахъ, орошаемыхъ прозрачными ручьями и освѣженныхъ густолиственными яворами, по пятницамъ можно видѣть и Турчанокъ съ дѣтьми, лакомящихся очень вкусными, хотя и черезчуръ затѣливыми, произведеніями турецкой кухни. Здѣсь Турки и Армяне проводятъ въ безпечномъ кейфѣ дорогіе часы за *нагриле*

(кофе) и *раки* (виноградная водка), которая, надо прибавить, не къ чести исламизма, нашла и въ Бруссу много посаждователей между его сынами. Такимъ образомъ мы обогнули большую часть скалы, служащей какъ бы подножіемъ или первую ступенью Олимпа, и остановились у одного угла ея, обращеннаго къ западной сторонѣ города, на краю большого оврага. Въ этомъ углу мы увидѣли ворота; они растворились предъ нами, и встрѣтившій насъ въ нихъ радушный хозяинъ, самъ вице-консуль, повелъ насъ въ свой замѣчательный погребъ, устроенный имъ въ самой скалѣ. Едва ли еще гдѣ въ цѣломъ свѣтѣ отыщется подобный другой! Построеніе его стоило огромныхъ денегъ г. Фалькейзену. Надо было взрывать порохомъ внутри скалы на большое пространство и такимъ образомъ образовывать въ ней длинный корридоръ въ родѣ древнихъ римскихъ катакомбъ. Мы ходили по этому мрачному и холодному корридору, сопровождаемые слугами, которые несли предъ нами свѣчи и верѣдко оставались у огромныхъ бочекъ, достойныхъ быть вѣнками, если не дѣтми, знаменитыхъ гейдельбергскихъ винохранилищъ и полныхъ превосходнаго вина, хотя и туземнаго, но достойнаго соперничать съ рейнскимъ и какое найдешь здѣсь у одного г. Фалькейзена. Онъ показалъ Туркамъ и всему свѣту, что могутъ европейскія руки сдѣлать изъ произведеній здѣшней земли. По выходѣ изъ этого достопримѣчательнаго пещернаго погреба, мы перѣехали по мосту на ту сторону оврага и посѣтили еще нѣсколько шелкопрядильныхъ фабрикъ или, по здѣшнему, *филиатуръ*. Главная изъ нихъ и красивѣйшая по помѣщенію, султанская, не есть однакоже лучшая по производству. Булучи казенною, она отстала отъ частныхъ заведеній этого рода. Внутреннее расположеніе фабрикъ почти одинаково. Каждая заключаетъ въ себѣ два отдѣленія. Въ одномъ моютъ и парятъ коконы, въ другомъ мотаютъ шелкъ. За станками сидятъ молодые люди обою пола, преимущественно греческаго племени, которое особенно имѣетъ здѣсь достойныхъ представителей своей, столь справедливо повсюду славимой, красоты.

Еще много посѣтилъ я въ Бруссу мечетей, но описывать ихъ не берусь, да и описаніе ихъ, хотя бы и самое подробное, мало имѣло бы интереса для читателей, такъ какъ всѣ онѣ болѣе или менѣе походятъ одна на другую: внѣшняя архитектура ихъ очень однообразна, а внутреннее убран-

ство очень просто и по самымъ уже правиламъ магометанской религиі не можетъ подлежать тѣмъ украшеніямъ искусства, какими столь богаты христіанскіе храмы. Кромѣ же мечетей, другихъ древнихъ памятниковъ зодчества нѣтъ въ Бруссѣ рѣшительно никакихъ. Уцѣлѣли, какъ я сказалъ уже, на самой высотѣ скалы развалины укрѣпленій, но по нимъ трудно судить чѣмъ были эти укрѣпленія встарину; одно можно сказать утвердительно, что построеніе ихъ относится еще ко временамъ владычества здѣсь Византіи, а не турецкой орды, умѣющей только все разрушать.

Проѣзжая отъ мечети Ильдерима къ этимъ византійскимъ остаткамъ, я замѣтилъ влѣво отъ себя, на самой вершинѣ крутой, яркою зеленью покрытой горы, господствующей надъ всею восточною частію города, двухъэтажный деревянный домъ, котораго чистая и пріятная наружность, болѣе въ европейскомъ чѣмъ въ азіатскомъ вкусѣ, рѣзко отаичалась отъ тѣхъ безобразныхъ домовъ, какіе привыкъ я встрѣчать въ азіатской Бруссѣ. На вопросъ мой мнѣ отвѣчали, что это кіоскъ покойнаго султана Абдуль-Меджида, нарочно выстроенный по случаю пріѣзда его въ Бруссу въ 1844 году. Мнѣ очень хотѣлось полюбоваться видомъ изъ этого кіоска, и мы поѣхали туда по крутому берегу наибольшаго изъ брусскихъ ручьевъ, свергающагося съ Олимпа въ видѣ водопада и называемаго здѣсь Гегъ-Дѣре. Скоро, оставивъ городъ за собой, мы стали взбираться на гору по узкой винтообразной дорожкѣ, которая и привела насъ черезъ полчаса къ кіоску. Старикъ-сторожъ этого султанскаго дворца повелъ насъ внутрь. Расположеніе почти одинаково какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажахъ. Въ томъ и въ другомъ по нѣсколь-ку комнатъ со стѣнами, оклеенными бумажками, полами, устланннми циновками, съ фонтанми по срединѣ и безъ всякой другой мебели, кромѣ обитыхъ ситцемъ турецкихъ дивановъ кругомъ стѣны. Но взавѣвъ всякой другой роскоши, Боже! что за роскошный видъ на всѣ стороны изъ этого кіоска! Съ сѣверной стороны бѣлоснѣжный Олимпъ, а тутъ городъ, частію разбросанный по холмамъ, освѣненнымъ яркою зеленью, частію пріютившійся въ оврагахъ, прорытыхъ шумными потоками; за нимъ необозримая даль вѣчно цвѣтущей зеленой пустыни. Не моему перу, а развѣ бы только кисти Клаудъ Лоррена, живописать подобную картину. Но не имѣя способности опи-

сывать красоты природы, я однакоже вполнѣ обладаю способностью чувствовать ихъ, наслаждаться ими, и наслажденія эти скрасили и усладили скуку и однообразіе четырехвѣдѣльной жизни моей въ полудикомъ азіатскомъ городѣ.

По большей части вдвоемъ съ моимъ суруджи, * рекомендованнымъ мнѣ въ нашемъ консульствѣ и всегда вооруженнымъ, какъ говорится, до зубовъ, я совершалъ ежедневныя поѣздки мои въ ближайшія и дальнія окрестности во всѣхъ направленіяхъ, иногда верстъ по двадцати, даже болѣе. Когда же усталость, жажда или жаръ отъ очень яркаго, хотя уже и осенняго, солнца заставляли меня искать отдыха, я всегда находилъ его гдѣ-нибудь подъ тѣнію густыхъ деревьевъ у одного изъ тѣхъ чистыхъ, кристальныхъ ручьевъ, какими такъ богаты эти благословенные края. Суруджи мой разстилалъ по землѣ свой широкій плащъ и подавалъ мнѣ плоды: виноградъ или сочный арбузъ, а самъ разнуздывалъ лошадей, поилъ ихъ въ источникѣ, призывалъ къ дереву и пускалъ пастись въ густую, сочную траву. Пока я отдыхалъ, онъ тоже завтракалъ, а послѣ все время сидѣлъ не вдалекѣ отъ меня, посматривая на лошадей, изрѣдка постукивая своими пистолетами и ятаганомъ, и постоянно напѣвая себѣ подъ носъ монотонныя и заунывныя турецкія пѣсни. Въ постоянномъ, ежедневномъ обращеніи съ нимъ и съ банщиками, я въ скоромъ времени сталъ не только понимать, но и самъ уже немного изъясняться по-турецки, чего не достигъ бы въ нѣсколько лѣтъ жизни въ Константинополь, гдѣ мы, Европейцы, находясь постоянно въ своемъ обществѣ, не имѣемъ рѣшительно никакой надобности въ турецкомъ языкѣ. Иногда присоединялся ко мнѣ въ этихъ поѣздкахъ еще одинъ товарищъ, милый и умный Французъ, Ксавье П., и отъ того онѣ дѣлались еще пріятнѣе. Погулявъ такимъ образомъ часовъ пять-шесть, мы проѣзжали вечеромъ прямо въ баню, гдѣ брали минеральную ванну, и оттуда уже, на тѣхъ же лошадяхъ, спѣшили въ вечернія сумерки домой за общій столъ, соединявшій не только всѣхъ жильцовъ гостиницы, но часто и многихъ постороннихъ лицъ изъ горожанъ. Приходили обѣдать туда многіе холостые Французы, владѣльцы или управители филіатуръ; а по праздникамъ собирались даже нѣкоторые

* Извозчикъ, хозяинъ лошадей.

европейскіе консулы, драгомамы и многіе другіе чиновники изъ Европейцевъ, и тогда тихая и скромная трапеза наша необыкновенно оживлялась и продолжалась иногда до полуночи. Французы пѣли веселые куплеты, Итальянцы—каватины, всѣ вообще были щедры на анекдоты и разказы, изъ которыхъ многіе были для меня въ высшей степени поучительны и занимательны какъ знакомившіе съ положеніемъ еще новой для меня, но въ высшей степени интересовавшей меня страны. Но обыкновенный обѣдъ нашъ въ будни кончался часовъ въ семь, и тогда мы бывали въ затрудненіи какъ убить два-три часа, остающіеся до ночной постели. Мы предпочитали всегда прогулку около своего дома, такъ какъ ходить далѣе по глухимъ, темнымъ улицамъ было опасно. Въ Бруссѣ не знаютъ доселѣ не только-что газовыхъ, но даже и самыхъ простыхъ, масляныхъ фонарей. Иногда мы отваживались впрочемъ посѣщать близъ лежащія филиатуры, предводимые кѣмъ-нибудь изъ служащихъ при нихъ и всѣ вооруженные бумажными фонарями. Полюбовавшись тамъ съ полчаса красотой работницъ-Гречанокъ, и посѣтовавъ о несовершенствахъ фабричнаго производства, тихо возвращались подъ мирный кровъ гостиницы Горы Олимпъ, гдѣ и предавались немедля сну съ мыслями, что завтра, на зарѣ, надо уже опять быть въ банѣ. Въ одну изъ такихъ ночныхъ прогулокъ, почти у самаго моста, соединяющаго обитаемое нами предмѣстье съ городомъ, мы увидѣли яркій свѣтъ огней въ одномъ изъ домовъ, а подойдя къ самымъ дверямъ его, услышали звуки музыки. То была кофейня. Уступая желанію моего товарища, любезнаго Ксавье, я согласился войти туда. Мы усѣлись на лавкѣ, устланной циновкой, спросили себѣ кофе и пригласили остальныхъ гостей продолжать свои увеселенія, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Пять-шесть молодыхъ людей занимали противоположную отъ насъ скамью. Изъ нихъ одинъ сталъ играть на инструментѣ въ родѣ маддины; другой, сошедъ внизъ, сталъ плясать предъ нимъ. То не былъ простой, обыкновенный танецъ *кочекосъ* (турецкихъ плясунковъ), но тихій, пристойный, сопровождавшійся довольно граціозными и скромными тѣлодвиженіями. Любопытный Французъ мой былъ въ восторгѣ и находилъ большое сходство между этимъ танцемъ и видѣннымъ имъ много разъ въ Испаніи фанданго. На слѣдующій вечеръ мы зашли въ ту же

кофейню и застали тамъ ту же, вчерашнюю, веселую компанію. Но безцеремонный тандоръ прежде всего объявилъ, что сѣдуетъ всей компаніи выпить за здоровье такихъ добрыхъ и знатныхъ господъ какъ мы, и не дожидаясь нашего отвѣта, велѣлъ хозяину подать всѣмъ *раки*. Затѣмъ началась та же музыка и тѣ же пляски, но уже не такъ стройно. Веселая компанія, состоявшая, замѣчу мимоходомъ, вся изъ Турокъ, была въ этотъ вечеръ видимо подгулявши. Мы очень скоро ушли, заплативъ за двѣ чашки кофе и нѣсколько рюмокъ раки около семи франковъ. Таково положеніе европейскаго путешественника на Востокѣ! На каждомъ шагу и отъ всякаго встрѣчнаго онъ слышитъ одно только слово „бакшишъ!“ Одно только есть средство избавиться отъ этой ежечасной дави—одѣться туземцемъ, то-есть по крайней мѣрѣ надѣть феску; но это средство можетъ удалиться вполнѣ лишь тому, кто знаетъ восточные языки. Другаго средства нѣтъ; самое неудачное въ этомъ случаѣ предусмотрительность и внимательность со стороны начальства. Чѣмъ болѣе власти берутъ мѣры къ вашему охраненію, тѣмъ знатнѣе и богаче кажетесь вы въ глазахъ толпы и тѣмъ усерднѣе она васъ обираетъ. Наученный многократнымъ горькимъ опытомъ, въ послѣдствіи я сталъ благоразумнѣе въ этомъ отношеніи, и часто случалось, въ знакомыхъ уже мнѣ мѣстахъ, не разъ посѣщаемыхъ мною въ странствіяхъ моихъ по Востоку, нарочно просить консуловъ не высылать мнѣ кавасовъ ни для встрѣчи, ни для проводовъ. Но въ Бруссѣ я былъ еще новичокъ и первое время почти не смѣлъ показаться въ городъ безъ каваса, что и затруднило всѣ послѣдующіе шаги мои, заставляя оплачивать ихъ слѣшкомъ дорогою цѣной. Не думайте также, чтобы самое нахожденіе при васъ каваса, хотя и безъ всякихъ съ его стороны услугъ, обошлось вамъ даромъ. Кавасъ, хотя и служитъ въ консульствѣ за большое жалованье, тѣмъ не менѣе не откажется отъ бакшиша; притомъ ему, какъ лицу чиновному, приходится дать чуть не вдесятеро. Неудивительно при такихъ нравахъ, что и греческое духовенство, постигивъ нуждающееся и стѣсненное на Востокѣ, смотритъ съ мѣстной точки зрѣнія на православнаго поклонника, въ особенности если онъ сынъ благотворительной Россіи. Въ Бруссѣ есть нѣсколько греческихъ церквей; я былъ въ одной изъ нихъ, каедральной, тамошняго митрополита. Она еще нова, но не очень

изящной отдѣлки. Внутренность ея, раздѣленная, на подобіе базилики, на три отдѣла, двумя рядами пиластръ, украшена иконами и паникадилами. Наружность, безъ купола на крышѣ, безъ колокольни, ничѣмъ не отличается отъ простыхъ домовъ, кромѣ развѣ относительной величины зданія. Не могу судить о благосостояніи здѣшнихъ армянскихъ церквей, такъ какъ самъ не былъ ни въ одной изъ нихъ, но судя по одному случаю, котораго довелось мнѣ быть очевидцемъ, могу засвидѣтельствовать, что положеніе здѣшняго армянскаго духовенства незавидно. На свадьбѣ дочери нашего вице-консула, вышедшей за армянскаго негодіавта, присутствовалъ въ числѣ гостей и самъ брусскій губернаторъ, паша, съ прочими властями. Священники, по окончаніи обряда, стали вскорѣ уходить; но, уходя, прежде чѣмъ проститься съ хозяевами, они откланивались пашѣ, дѣлая ему *теслена* до земли и даже прикладываясь къ полѣ его полукафтана. Конечно, такое униженіе не добровольное, а вынужденное тяжкимъ положеніемъ, въ какое поставлены бѣдные восточные христіане.

Между тѣмъ время шло день за днемъ, однообразно, но не очень скучно, а главное не бесполезно для здоровья. Брусскія воды оказывали на всѣхъ насъ видимое и ощутительно-благоприятное дѣйствіе, кромѣ одного стараго константинопольскаго макера, истощенныя силы котораго требовали продолжительнаго пребыванія въ еще болѣе кроткомъ климатѣ, и который собирався уже на зиму въ Ниццу. По истеченіи мѣсяца и мы, съ добрымъ моимъ Французомъ, стали думать о разставаніи съ Бруссою, тѣмъ болѣе что время, дотолѣ постоянно благоприятное и съ каждымъ днемъ все лучше и лучше украшавшее роскошную брусскую растительность золотыми и румяными красками осени, въ концѣ сентября стало вдругъ быстро измѣняться. Но нельзя было оставить Бруссу, не совершивъ обычнаго восхожденія на Олимпъ, для чего собственно и пріѣзжаютъ сюда нарочно многіе путешественники, преимущественно Англичане. По примѣру ихъ и мы въ обществѣ четырехъ путешественниковъ и столькихъ же суруджи, саужившихъ въ то же время намъ и проводниками, 22-го сентября, въ 4 часа утра, отправились на Олимпъ. Еще было совершенно темно, и проводники наши, всѣ снабженные фонарями, освѣщали намъ дорогу. Городомъ и его предмѣстьями мы могли пробираться

не иначе какъ шагомъ, наступая ежеминутно на собакъ, которыми, по обыкновенію турецкихъ городовъ, устьяны были всѣ брусскія улицы и которыя нехота и лѣнливо удалялись, нарушая своимъ жалобнымъ визгомъ и лаемъ ночную тишину. Обогнувъ огромную скалу, увѣчанную замкомъ и господствующую надъ городомъ, мы взобрались на подножіе Олимпа и оттуда насладились зрѣлищемъ города очутившагося внизу, у нашихъ ногъ, и великолѣпно освѣщеннаго лучами восходящаго солнца. Версты съ три-четыре пройдя по довольно широкой и торной дорогѣ, мы взобрались на крутизну и обогнувъ, очутились уже надъ дорогой, по которой ѣхали за нѣсколько времени предъ тѣмъ. Такимъ образомъ довольно удобная дорога идетъ винтообразно почти вплоть до самой вершины Олимпа, расположеннаго уступами или террасами, изъ коихъ каждая имѣетъ своеобразный видъ, смотря по степени высоты занимаемой ею. Нижнія террасы украшены роскошною растительностію и представляютъ издали видъ зеленого газона. Растительность эта рѣдѣетъ на высшихъ террасахъ, уже обильныхъ разсѣлинами и утесами, между которыми раскинуты сосновые и еловые лѣса, гдѣ, говорятъ, водится много медвѣдей. Чѣмъ выше, тѣмъ рѣже становятся сосны и ели, чаще попадаются голые утесы, и вся мѣстность принимаетъ все болѣе и болѣе суровый и дикій характеръ. Тутъ попадаетса уже и снѣгъ, который совершенно покрываетъ площадку на вершинѣ, такъ что, приѣхавъ туда, мы вдругъ очутились въ царствѣ зимы. Былъ уже полдень: и мы, и люди наши очень устали и требовали отдохновенія. Мы разослали на снѣгу бывшія съ нами покрывала, одѣяла и какія были теплыя одежды, въ которыхъ не имѣли надобности, ибо, несмотря на окружавшій снѣгъ, солнце палило почти перпендикулярно и согрѣвало насъ своими яркими лучами.... На этихъ импровизованныхъ ложахъ мы совершили свой завтракъ и за тѣмъ двухчасовой отдыхъ, послѣ чего отправились въ обратный путь. Оттуда ѣхать, конечно, было легче, нежели туда; мы останавливались очень часто любоваться великолѣпными видами. Не только вся окрестная страна, но и дальше Мраморное море съ своими островами открываются съ высоты Олимпы. Швейцарскія горы не имѣютъ такого разнообразія въ видахъ: имъ не достааетъ этого далекаго синяго моря, этой обширной, зеленой пустыни. Кромѣ того, кажется, ни одна

еще изъ извѣстныхъ горъ не расположена такъ удобно для восхожденія.

Совѣтъ уже стемнѣло, когда мы возвратились въ Бруссу, и безчисленные огни, зажженные внутри ея домовъ, живописно растянувшіеся на большое пространство, составляли восхитительный видъ, который достойно заключилъ собою всѣ видѣнные нами въ теченіе этого пріятнаго дня живописные виды. Это былъ послѣдній вечеръ, проведенный мною въ Бруссъ. На другой день, въ сообществѣ товарища моего Ксавье П., я покинулъ этотъ примѣчательный городъ съ признательнымъ чувствомъ къ его цѣлебнымъ ключамъ и ко многимъ встрѣченнымъ мной тамъ добрымъ людямъ. Къ числу послѣднихъ отношу я и моего суруджи и отца его, который, за болѣзнію сына, проводилъ меня до Гемлека. Умѣренность, честность и доброта—такія рѣдкія качества между турецкимъ племенемъ, да и вообще на Востокѣ, что путешественникъ, встрѣтивъ ихъ, не долженъ пройти ихъ молчаніемъ. Дорога до Гемлека пустынна и однообразна: она пролегаетъ полями и низменными мѣстами кое-гдѣ населенными. Шоссе, начатое 20 лѣтъ назадъ, и донынѣ еще не готово.

Послѣ шестичасовой утомительной ѣзды, вечеромъ прибыли мы въ Гемлекъ: это бывший Кіосъ, нѣкогда славный, нынѣ ничтожный. Тутъ мѣстопробываніе митрополита древней Никуи, нынѣ запустѣлой. За неимѣніемъ гостиницы въ Гемлекѣ, мы отправились ночевать на стоявшій тутъ пароходъ, который на другой день рано утромъ снялся съ якоря и въ полдень привезъ уже насъ въ Константинополь.

II.

Пера, сентябрь 1865 года.

Черезъ четыре года опять довелось мнѣ быть для лѣченія въ Бруссъ. Путешествіе наше, которое въ этотъ разъ я имѣлъ удовольствіе совершать уже не въ сопровожденіи скучнаго проводника-Еврея, но въ пріятномъ сообществѣ любезнаго соотечественника и сотоварища моего по службѣ И., замедлено было холерною эпидеміей, опустошавшею это лѣто берега Босфора и прѣкравшеюся, какъ слышно было, и въ Бруссу. Не прежде какъ по полученіи оттуда благопріятныхъ

извѣстій, то-есть въ первыхъ числахъ сентября, мы отправились туда прежнимъ путемъ до Муданиу, откуда уже провожалъ насъ знакомый мнѣ Мурадъ-кавасъ, высланный на встрѣчу намъ предупредительнымъ и любезнымъ нашимъ вице-консуломъ. По приѣздѣ въ Бруссу, я скоро разстался съ товарищемъ, такъ какъ совершенная разность нашихъ болѣзней требовала употребленія различныхъ водъ. Я остался въ Бруссу, въ той же старой гостиницѣ, откуда ближе ко мнѣ были сѣрные бани, а онъ для пользованія желѣзными поселился въ Чекирге. Живописное селеніе это отстоитъ въ четырехъ верстахъ отъ Бруссы и занимаетъ бока высокой горы, образуя довольно правильный треугольникъ, вершиной опирающейся на крутой обрывъ, откуда открывается великолѣпный видъ на обширную зеленую равнину. Воды Чекирге не менѣе сильны чѣмъ другія, и повтому часто посѣщаются даже и здоровыми людьми, желающими подкрѣпить себя ваннами, хорошимъ воздухомъ и отдыхомъ. Но жить здѣсь и пользоваться минеральными водами можно, какъ и вообще въ Бруссу, только два раза въ году, а именно въ сентябрѣ, то-есть раннею осенью, и въ маѣ, позднею весной. Между этими двумя мѣсяцами Брусса, со всеми своими окрестностями, становится не только невозможною для приѣзжающихъ, а особенно же больныхъ, но почти невыносимою и для туземцевъ, по милости злокачественныхъ лихорадокъ, похожихъ на римскія маларсіи и подобно имъ періодически опустошающихъ страну. Причина этихъ лихорадокъ заключается, по мнѣнію врачей, въ гнилыхъ испареніяхъ, поднимающихся отъ окрестныхъ болотъ и отъ стоячей воды, которая, отъ лѣтнихъ жаровъ пересыхая во многихъ ручьяхъ, наполняетъ воздухъ зловредными миазмами. Помочь этому было бы очень легко: стоило бы только осушить болота и дать искусственный стокъ водамъ. Но для этого прежде всего надобно, чтобы перемѣнились здѣсь люди, доселѣ умѣющіе на Востокѣ только портить природу, а отнюдь не исправлять или улучшать ее. При другихъ условіяхъ, и минеральныя воды были бы проведены въ нарочно устроенныя и приспособленныя для пользованія ими заведенія ваннъ, и не заставляли бы бѣдныхъ больныхъ купаться наравнѣ съ здоровыми въ простонародныхъ баняхъ. Въ Чекирге, впрочемъ, кромѣ двухъ-трехъ обширныхъ, но нынѣ страшно загрязненныхъ и запущенныхъ бань, можно найти и ванны. Онѣ устроены, хотя

и не совсѣмъ удобно и содержатся не совсѣмъ чисто, тѣмъ не менѣе съ пользой могутъ служить прїѣзжимъ, которые тутъ же, въ томъ же зданіи, могутъ найдти и помѣщеніе, и столъ въ гостиницѣ, содержимой, впрочемъ, болѣе на восточный чѣмъ на европейскій манеръ, однимъ азіатскимъ Грекомъ. Сюда, въ это обширное зданіе, содержащее въ себѣ, кромѣ ваннъ и гостиницы, и караванъ-серай, и винную лавочку, и кофейню, съѣзжаются по праздникамъ изъ города и его окрестностей христіанскія семейства, греческія и армянскія, въ особенности послѣднія, покойфовать, или точнѣе погулять, попить и попотѣть въ банѣ, безъ чего нѣтъ полнаго удовольствія для восточнаго жителя. Проведя такимъ образомъ день, два, много три, заѣзжіе гости мирно разъѣзжаются и расходятся по домамъ.

На другомъ краю, при самомъ вѣздѣ въ Чекирге, стоитъ мечеть, видимо передѣланная изъ христіанскаго храма, гдѣ, въ отдѣльной пристройкѣ, находится прахъ султана Мурада, павшаго на Коссовомъ полѣ. Прямо изъ этой мечети-усыпальницы я повезъ моего товарища въ другую, уже давно извѣстную мнѣ, гдѣ гробницы Османа и сына его Орхана. Никогда уваженіе къ памяти Османа не выразилось столь блистательно и вмѣстѣ столь оригинально, какъ три года тому назадъ во время посвѣщенія Брюссы султаномъ Абдуль-Азисомъ. Усердно поклонившись гробу своего предка и напомнивъ въ немногихъ словахъ его славныя дѣянія и подвиги, нынѣшній владыка Османлисовъ, тогда видимо старавшійся снискать себѣ популярностъ сочувствіемъ ко всему народному и отвращеніемъ къ иноземному, обратился къ стоявшему подлѣ него великому визирю, снявъ съ него бриліантовые знаки ордена Османіе и торжественно возложилъ ихъ на гробницу родоначальника своей династіи, сказавъ при этомъ, что прилично почитать Османа знакомъ отличія, учреждаемымъ преимущественно для Османлисовъ. Сауга, отпавшій мечеть, показалъ намъ и самый орденъ, даръ султана, и вынулъ его изъ ящика, гдѣ онъ хранится, приколовъ къ возглавію священной гробницы, обитой, по мусульманскому обычаю, дорогами шаями. Это зрѣлище стоило намъ, разумѣется, двойнаго бакшита... Оно, между прочимъ, заставило меня пораздуматься о грустныхъ фактахъ, свидѣтельствующихъ о неудержимомъ паденіи Оттоманской имперіи. Все бѣднѣетъ. Это постепенное обѣдненіе, видимое

очень ясно повсюду, нигдѣ незамѣтно такъ какъ здѣсь, въ Бруссѣ. Вотъ какую разницу нашелъ я, между прочимъ, при второмъ посѣщеніи сравнительно съ тѣмъ, что было четыре года тому назадъ. Изъ двадцати шелкопрядильныхъ фабрикъ, тогда существовавшихъ, теперь работали только шесть или пять. Закрытію прочихъ способствовали не столько послѣдніе неурожайные годы, сколько чрезвычайные налоги, которыми обложены теперь шелковичныя деревья. Отъ этого ихъ стали меньше разводить. Французы, завѣдывавшіе этими фабриками и бывшіе полезными странѣ уже по одному пребыванію въ ней, большею частію возвратились въ отечество. Двое изъ нихъ погибли несчастнымъ образомъ. Одинъ еще молодой, составлявшій по веселости своей отраду нашихъ застольныхъ вечернихъ бесѣдъ въ 1861 году, схватилъ здѣсь злокачественную лихорадку, отъ которой скоро и умеръ во французскомъ госпиталѣ въ Константинополь. Другой, старикъ, жившій съ племянникомъ на заведенной ими фермѣ и ведшій сверхъ того обширную торговлю шелкомъ съ Франціей, убитъ былъ разбойниками, почти близъ самой Бруссы; а племянникъ его не захотѣлъ уже долѣе оставаться въ этой варварской странѣ и частію закрывъ, частію распродавъ всѣ заведенія свои, возвратился въ отечество. Конечно, закрытіе столькихъ фабрикъ, гдѣ трудились и снискивали себѣ пропитаніе тысячи рукъ, не могло не отразиться бѣдственно на туземныхъ жителяхъ города, которые сверхъ того въ послѣднее время много пострадали отъ землетрясеній, разорявшихъ этотъ несчастный и поистинѣ достойный лучшей участи городъ. Въ настоящемъ году, не знаю, вслѣдствіе ли эпидеміи, по другой ли какой причинѣ, только въ немъ не было вовсе ни посѣтителей водъ, ни путешественниковъ-Англичанъ. Я жилъ нѣкоторое время одинъ въ тихой гостиницѣ Лоски, нѣкогда столь полной и шумной. Часто съ хозяиномъ ея и съ другими Европейцами толковали мы, что бы можно было сдѣлать съ этими водами, взявъ ихъ, нап. мѣръ, на откупъ и устроивъ по европейскому образцу. Но всякій разъ кончали свои разговоры заключеніемъ, что предпріятіе въ этомъ родѣ здѣсь невозможно, частію по варварскому невѣжеству и фанатизму суевѣрнаго народа, частію по невѣжеству и вѣроломству турецкихъ властей. Недавно еще буйныя толпы народа, собранныя и пред-

водимыя какимъ-то фанатикомъ-муллою, разорили принадлежащую одному христіанину (изъ иностранцевъ) фабрику, за то только, что эта фабрика построена была на мѣстѣ, гдѣ когда-то существовала мечеть. Между тѣмъ мѣсто это отведено было правительствомъ: извольте послѣ этого довѣряться здѣшнимъ властямъ! Замѣтимъ, что въ настоящее время мусульманское населеніе Бруссы много усилилось приливомъ крымскихъ Татаръ и Черкесовъ, выходцевъ изъ предѣловъ Россіи. Первые предаются здѣсь тѣмъ же мирнымъ занятіямъ, къ какимъ привыкли у себя въ Крыму, куда многіе изъ нихъ уже и возвратились; вторые не оставляютъ и здѣсь тѣхъ же дикихъ и буйныхъ привычекъ, въ какихъ выросли на родимомъ Кавказѣ. Последніе увеличиваютъ собою число разбойничьихъ шаекъ, которыхъ всегда было довольно въ окрестностяхъ Бруссы. Одна изъ такихъ шаекъ, лѣтомъ, передъ моимъ пріѣздомъ, ограбила до чиста одного греческаго богатаго купца, вѣхавшаго по торговымъ дѣламъ изъ Константинополя въ Бруссу, и навела такой страхъ повсюду, что путешественники не иначе отваживались пускаться въ путь, какъ собравшись большими караванами. Этому обстоятельству можно, кажется, приписать отчасти и отсутствіе заѣзжихъ гостей въ Бруссѣ. Не всѣ, впрочемъ, здѣшніе разбойники поступили въ этотъ классъ изъ любви къ искусству. Многихъ толкнуло на этотъ путь отчаяніе, вынужденное печальными, тяжкими обстоятельствами. Самое обыкновенное изъ такихъ обстоятельствъ—притѣсненія со стороны турецкихъ властей. Такъ извѣстнѣйшій изъ выѣзжихъ разбойниковъ, Грекъ, по прозвищу Левкораки (бѣленькій), дотолѣ мирный и трудолюбивый поселянинъ, бросилъ родной кровъ и убѣжалъ въ лѣса, оттого, что брусскій паша разорилъ его въ конецъ, завладѣлъ его стадами и самого долгое время держалъ въ тюрьмѣ, вслѣдствіе чего бѣдная жена его умерла съ печали. Озлобленный Левкораки далъ клятву посвятить всю свою жизнь одной цѣли—*мщенію*, и доселѣ страшно держитъ свою клятву. При другихъ обстоятельствахъ, въ другой средѣ, этотъ же самый человекъ, по своей удали, смѣтливости, твердости, могъ бы стать украшеніемъ своего края, вмѣсто того чтобы быть какъ теперь лишь его грозой.

С. Н.

МОИ СКИТАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ

У БЕДУИНОВЪ.

Въ 1862 году я жилъ въ Иерусалимѣ, въ разгарѣ той дѣятельности, которую назову иерусалимскою и которая овладѣваетъ здѣсь многими зажившимися путешественникамъ, хорошо уже ознакомившимися съ существующими открытіями и памятниками древности и пускающимися въ особья открытія. Путешественникъ бродитъ по развалинамъ, которыхъ такъ много кругомъ Иерусалима; заглядываетъ въ каждую яму, въ каждую разсыпавшуюся цистерну, и вопрошаетъ минувшее. Ему кажется постоянно, что не сегодня-завтра онъ сдѣлается виновникомъ какого-нибудь чрезвычайнаго открытія, — приподниметъ плиту, покрытую вѣковою пылью, и его глазамъ представится какое-либо чудо древней еврейской архитектуры: колонны, арки, удивительная рѣзьба по камню, саркофагъ съ прахомъ асмонейскаго владыки... таинственный ходъ, съ каменнымъ дискомъ вмѣсто двери, въ родѣ того какой находится въ извѣстномъ памятникѣ „Могила царей“, *Кубиръ-эль-Мулюкъ*, какъ говорятъ Арабы.

Такое состояніе можетъ быть опасно. Одинъ мой пріятель, Американецъ Барклей, „опалестинился“ (если можно такъ выразиться) совсѣмъ: зарылся въ тамошнихъ древностяхъ, сталъ чуть-чуть не Арабомъ и вотъ уже тридцать лѣтъ роется и бродитъ по окрестностямъ Иерусалима, впрочемъ, не бесплодно....

Я не открылъ ровно ничего. Совершенно напрасно шевелилъ вѣковую пыль иныхъ плитъ, часто возвращаясь домой покрытый этою пылью съ головы до ногъ... Вся польза отъ этой страсти была для меня, какъ для скитальца этого мѣра, лишь въ томъ, что я познакомился съ жизнью Бедуиновъ, бывалъ у нихъ въ шатрахъ, видѣлъ этотъ любопытный народъ близко, дѣлилъ съ ними трапезу, даже ночевалъ у нихъ.

Это случилось такъ:

Въ Иерусалимѣ съ давнихъ поръ живетъ одинъ добродушный „поклонникъ“, который заѣхалъ туда съ цѣлями другаго характера. Встрѣтясь какъ-то съ нимъ и разговорившись объ его совершенно особенныхъ странствіяхъ и изысканіяхъ, я узналъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ видѣлъ въ горахъ, неподалеку отъ Иордана, удивительный подземный ходъ, идущій, какъ его увѣряла проводники-Бедуины, до *Карантаніи*, по-нашему: *до горы Сорокадневнаго искушенія*, всего на три часа ходу, хорошо-отдѣланнымъ, гранитнымъ корридоромъ.

Легко вообразить, что стало рисоваться въ ту же минуту въ моихъ мечтахъ, при томъ настроеніи, въ какомъ я находился относительно разысканія палестинскихъ древностей. Гора Сорокадневнаго искушенія и соединенный съ нею подземный ходъ; гранитный корридоръ на три часа ходу, то-есть вереть по крайней мѣрѣ на десять, и притомъ никому неизвѣстный. Кто знаетъ, можетъ-быть, тамъ есть еще какіе-нибудь боковые ходы, ведущіе въ подземные чертоги... И опять съ необычайнымъ упорствомъ чертились въ моихъ мысляхъ какъ бы знакомыя, уже не разъ посѣщенные мною залы съ древнею рѣзьбой, колонны, арки, саркофагъ асмонейскаго владыки... и самъ этотъ владыка, съ бородой, въ богатыхъ, истлѣвшихъ лохмотьяхъ...

Я сталъ подробно спрашивать „поклонника“ о таинственномъ ходѣ: на сколько онъ въ него проникалъ, хорошо ли тамъ ходить и прочее. Оказалось, что онъ видѣлъ его только снаружи, а внутрь углубиться побоялся.

— Что же онъ представляетъ снаружи?

— Дверь; каменная, хорошо обѣченная дверь...

„И двери!... Боже мой, подумалъ я: — и этого никто не знаетъ; рѣшительно нигдѣ не написано!... Сейчас же, завтра же надо туда ѣхать... но какъ ѣхать? кто проводить?“

При разпросахъ объ этомъ оказалось, что съ „поклонни-

комъ "вздилъ бедуинскій шехъ Абдалла, очень извѣстный въ той странѣ, съ которымъ безопасно пускаться во всякія подобныя экскурсіи; что вотъ, если онъ живъ, этотъ шехъ Абдалла, такъ можно отправиться хотъ завтра.

„Поклонникъ“ разказалъ при этомъ, что шехъ Абдалла челоуѣкъ съ характеромъ. Есть въ Палестинѣ одинъ *биркетъ*, по-нашему „открытая цистерна“, гранитный ящикъ, наполненный водою, носящій имя шеха Абдаллы, потому что онъ, замѣтивъ за своею женою какія-то шалости, велѣлъ ей однажды убраться въ лучшія одежды, привелъ ее къ этому биркету и толкнулъ туда. Покамѣсть она барахталась и молила не губить ея душу, испуская жалобные крики на всю пустыню, Абдалла сѣдѣлъ подлѣ и курилъ трубку, мурлыча „отходный“ стихъ изъ Алкорана, иначе *Фатиху*, вторую главу....

То же, спустя нѣкоторое время, онъ сѣдѣалъ со своимъ старшимъ сыномъ, когда тотъ чрезмѣрно *загулялъ*, въ бедуинскомъ смыслѣ.

— Такъ вѣдь это сущій разбойникъ? замѣтилъ я.

— Кто же здѣсь между Бедуинами не разбойникъ, отвѣчалъ мой пріятель. — Будете съ этой стороны очень церемониться, такъ ничего не увидите.

— Ну, что жь, давайте хотъ разбойника!

— Необходимо, чтобы васъ свелъ съ нимъ отецъ Іоасафъ, игуменъ Саввинскаго монастыря, что въ горахъ: вы, вѣроятно, знаете? сказалъ „поклонникъ“. — Всѣмъ Бедуинамъ онъ очень нуженъ, это ихъ, можно-сказать, кормилецъ и покровитель. Есть оконце въ монастырѣ Св. Саввы, гдѣ выставляется въ извѣстное время дня пища для проѣзжей братіи того сорта людей, къ какимъ принадлежитъ и Абдалла. Внутрь ихъ не пускаютъ, но къ оконцу отчего не пустить.... Вотъ этотъ отецъ Іоасафъ пусть васъ и познакомитъ съ Абдаллою, если онъ только живъ. Когда мы вѣздили съ нимъ, лѣтъ десять тому назадъ, онъ былъ уже очень старъ.

— А гдѣ же достать отца Іоасафа?

— Съ Іоасафомъ я самъ знакомъ и выдаю его иногда. Онъ скоро будетъ здѣсь для осмотра своихъ виноградниковъ. Если хотите, я съ нимъ переговорю.

— Пожалуста.

Отецъ Іоасафъ былъ тоже лицо любопытное, съ которымъ не мѣшало сойдтись. Богъ вѣсть сколько лѣтъ этотъ старичокъ, родомъ Болгаринъ, душой Грекъ, глубоко вошедшій

во всѣ интересы греческаго патриархата въ Иерусалимѣ, управляетъ Саввинскимъ монастыремъ. Онъ помнитъ и Эмиръ-Бешира (знаменитаго начальника Друзовъ и всей Ливанской горы въ первой половинѣ этого столѣтія); помнитъ и Ибрагимъ-пашу; видалъ всякія напасти отъ Турокъ и Бедуиновъ, живя въ своемъ пустынномъ монастырѣ, который лѣпится къ скаламъ, какъ птичье гнѣздо, на пути отъ Иерусалима къ Мертвому морю. Теперь времена измѣнились, стѣны монастыря приняли другой видъ. Старичокъ живетъ себѣ за ними и уже никого не боится. Еще сдѣлался кормильцемъ Бедуиновъ. Для ближайшихъ къ нему бедуинскихъ шатровъ, онъ настоящій шехъ. Его знаютъ всѣ заиорданскія кочевья необузданныхъ „дѣтей пустыни“ *. Мертвое море, древнія Моавитскія горы, все чтѣ сивѣтъ по ту сторону Шаріата **, всѣ эти недоступныя обыкновеннымъ путешественникамъ мудреные холмы и равнины знакомы отцу Иоасафу, и еслибъ онъ вздумалъ туда заглянуть, его никто бы тамъ не тронулъ пальцемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ бесѣды моей съ „поклонникомъ“ о таинственномъ ходѣ въ горахъ, отецъ Иоасафъ явился ко мнѣ въ одно истинно-прекрасное утро, въ августѣ 1862 года, сѣлъ у порога, по обычаю тѣхъ мѣстъ, свои толстые чоботы и въ однихъ чулкахъ направился къ дивану. Я подошелъ къ нему подѣ благословеніе. Темная, какъ переженный кирпичъ, заскорузлая рука шеха Иоасафа перекрестила меня; затѣмъ надо было ее поцѣловать.

Онъ весь былъ кирпичный, загорѣлый, морщиниватый, этотъ шехъ Иоасафъ, въ темномъ, ветхомъ балахонѣ монашескаго покроя и въ шапочкѣ, тоже на подобіе монашеской, которую носятъ лѣтъ семьдесятъ. Его лицо постоянно улыбалось.

Позади его, шаговъ на пять, двигалась почти такая же фигура другаго старика, дѣйствительнаго бедуинскаго шеха. Я сейчасъ догадался, что этотъ другой былъ никто иной какъ шехъ Абдалла, подобный всѣмъ прежде-виданнымъ мною бедуинскимъ шехамъ: грязнѣйшее существо, въ сильно-затасканной *абн*—шерстяной полосатой одеждѣ, накиды-

* Слово *Бедуинъ*, по арабскому произношенію *Бѣдави*, значитъ сынъ пустыни.

** Арабское имя Иордана; значитъ *водной*.

заемой сверху, изъ-подъ которой выглядывала самая невѣроятная рубашка. На головѣ его былъ желтый, засаленный до послѣдней степени платокъ, съ красными полосками: обыкновенный, можно сказать, типическій головной уборъ Бедуиновъ, называемый *kebidie*, который прихватывается на макушкѣ, пестрымъ *мериромъ*—шерстянымъ жгутомъ, толщиной въ палецъ. Изрѣдка, у иныхъ Бедуиновъ, этотъ платокъ бываетъ черный, тогда *мериръ* большею частію бѣлый. Кладется мериръ на платокъ не иначе какъ въ два ряда.

Впрочемъ, все это читатель можетъ повѣрить любую картиной Горація Вернета. Онъ болѣе всѣхъ изобразилъ въ изображеніи „дѣтей пустыни“. У него Бедуины дѣйствительныя Бедуины. Живутъ и дышутъ.

Лицо шеха Абдаллы было то же что и у шеха Иоасафа: дѣтѣ обожженного кирпича, повалывшагося нѣсколько тысячъ лѣтъ среди разваливъ, которыя я такъ любилъ осматривать. Свѣрые глаза глядѣли быстро и умно. Черная борода съ сильною просѣдью была умѣреннаго размѣра, какъ вообще у Бедуиновъ. Большихъ бородъ и длинныхъ усовъ у нихъ нѣтъ.

Свявъ точно также свои сапоги, свои *жизлы*, подкованные желѣзками и стучавшіе передъ тѣмъ какъ у жандарма, онъ двигался по комнатѣ тихо и робко, босикомъ. При немъ не было никакого оружія.

Отецъ Иоасафъ, *рекомендовавшійся* мнѣ,—какъ странно звучитъ это слово при сценѣ, которую я вамъ описываю,—рекомендовавшійся мнѣ по-своему, какъ умѣлъ, на русскомъ языкѣ, довольно сносно и понятномъ, объяснилъ, что желаемый мною проводникъ къ горѣ Карантаніи, извѣстный шехъ Абдалла, налицо. Я протянулъ ему руку, какъ это здѣсь всегда дѣлается, и просилъ ихъ обоихъ садиться.

Вы, можетъ-быть, спросите: какимъ же это образомъ, какимъ волшебствомъ, знаменитый отецъ Иоасафъ, котораго знаютъ Моавитскія горы и вся пустыня по ту сторону Иордана, шехъ нѣсколькихъ шеховъ, чье имя тамъ, въ нѣкоторомъ родѣ, гремитъ, очутился такъ скоро въ моемъ жилищѣ, въ жилищѣ скромнаго странника, и посѣщилъ разыскать Абдаллу?

Шехъ нѣсколькихъ шеховъ челоѣкъ восточный, искаженный, Болгаринъ, пропитавшійся насквозь греческо-палестинскимъ духомъ. Онъ сейчасъ же, по полученіи извѣстій

отъ „поклонника“ что я щу проводниковъ затѣмъ-то и затѣмъ-то, пустился разспрашивать, кто я и что я, и узнавъ о моихъ близкихъ отношеніяхъ къ консулу и что я верѣдко бываю даже и у паши, вообразилъ обо мнѣ Богъ его вѣдаетъ что, и забывъ свои виноградники, принялся наводить справки гдѣ шехъ Абдалла и живо отыскалъ его въ пустынь. Шехъ Абдалла, сообразивъ тоже, что тутъ ни съ того ни съ сего падаетъ съ неба *московскій бакшишъ*, не заставилъ себя долго ждать и прибылъ въ Иерусалимъ.

Вотъ и все объясненіе задачи этого бедуинскаго *Deus ex machina*, въ видѣ какого явились ко мнѣ дѣйствительно не очень жданные гости.

Мы тутъ же повели переговоры, какъ лучше устроить поѣздку, когда, сколько проводниковъ, чего это будетъ стоить. Последній вопросъ совѣтуемъ дѣлать прежде всего всякому, кто только будетъ пускаться съ Бедуинами или вообще съ Арабами въ путешествія на Востокъ, дабы потомъ не было никакихъ недоразумѣній и споровъ.

Шехъ-Абдалла сказалъ, что надо взять по крайней мѣрѣ четырехъ Бедуиновъ; кромѣ того, онъ поѣдетъ самъ. Цѣну за Бедуина, взадъ и впередъ, назначилъ умѣренную: 20 піастровъ, по-нашему, около рубля серебромъ.

— А мнѣ, добавилъ онъ, — сколько положишь?

— Тебѣ я положу 40 піастровъ, отвѣчалъ я.

— Ну, это мнѣ, какъ шеху, обидно.

— Ничего не обидно. Вѣдь я не спорю съ тобой, беру четырехъ Бедуиновъ, когда ихъ вовсе не нужно. Достаточно тебѣ одного. Пойдемъ коли хочешь; съ тобой однимъ я не боюсь.

— Ну, ладно, ладно. Давай 40 піастровъ. Посаѣ прибавишь что-нибудь *бакшишу* *.

— Прибавлю, если останусь тобой совершенно доволенъ и все кончится благополучно.

— Отчего жъ не благополучно. Все будетъ какъ слѣдуетъ быть. Я полѣзу впередъ, если хочешь, до конца, докуда можно лѣзть, а ты полѣзай за мной. Еще возьмемъ человѣка два съ ружьями: неравно встрѣтится звѣрь, или что-нибудь такое....

* *Бакшишъ* — даръ, подарокъ вещами или деньгами, бедуинскій „на чай“.

— Абдалла хорошій человекъ, вставилъ тутъ свое слово отецъ Иоасафъ,—крѣпкій человекъ, и при этомъ сжалъ кулакъ:—на него можно положиться.

Этимъ кончились всѣ наши переговоры. Поблагодаривъ отца Иоасафа за его любезное участіе, которое онъ принялъ въ моихъ палестинскихъ странствіяхъ и изысканіяхъ древностей, я предложилъ Абдаллѣ пріѣхать ко мнѣ, когда ему вздумается. Онъ сказалъ, что пріѣдетъ завтра же, и точно, явился ни свѣтъ ни заря, и тяжелыя его *жиламе* застучали по моей лѣстницѣ.

Собраться было не долго. Все дѣло въ лошади. Мнѣ привели сейчасъ же довольно исправнаго коня. Мы сѣли и выѣхали изъ Иерусалима, часовъ въ шесть утромъ, Дамасскими воротами. Очень скоро присталъ къ намъ пѣшій бедуинскій мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, въ оборванной *абѣ*.

— Чтò жь, только и будетъ воинства? спросилъ я у Абдаллы.

— Нѣтъ, будутъ всѣ четверо, какъ говорено. Вотъ проѣдемъ еще немного, они и пристанутъ.

Когда мы поравнялись съ Виваніей, „гдѣ жилъ Лазарь“, а по-неволѣ погрузился въ разные сны о прошедшемъ при видѣ старыхъ маслинъ, изъ которыхъ многія несомнѣнно помнятъ Господа, при видѣ тропинокъ, никогда не измѣняющихся въ Палестинѣ, вслѣдствіе особыхъ условій климата и почвы,—тропинокъ, по которымъ ступали ноги Христа и Его апостоловъ. Особенно много роится въ душѣ всякихъ историческихъ воспоминаній, когда обернешься оттуда направо и глянешь на священный холмъ Морія и на разсыпанныя по немъ одноцвѣтныя зданія Иерусалима, идущія какими-то оригинальными террасами, съ рѣдкою зеленью гдѣ-нибудь, на рядъ этихъ мелкихъ, чисто іерусалимскихъ, куполовъ на зданіяхъ и, въ серединѣ, на два особенно высшіяся, замѣтные купола, съ извѣстнымъ типическимъ очертаніемъ, скрывающіе первую и главную святыню христіанскаго міра....

Все сѣро и пыльно, какъ развалины. Но въ этомъ какъ бы есть свой таинственный смыслъ....

Вотъ остатки древнихъ, можетъ-быть, Соломоновскихъ стѣнъ. Позже, ближе къ нашимъ временамъ, такъ не клали. Турецкія сооруженія влѣво отсюда смотрятъ несравненно ближе. Здѣсь прорвался Летольдъ Турнейскій. Противъ-

этого угла городскихъ укрѣпленій растетъ странная, одинокая сосна, единственная сосна тѣхъ, мало оживляемыхъ зеленью, мѣсть. Ее зовутъ *сосной Готфрида*, воображая, что тутъ была его палатка.... Я замечтался.... Вдругъ громкій, оглушительный крикъ бедуинскаго мальчика, который присоединился къ намъ на пути, разрушилъ всѣ мои видѣнія: этимъ крикомъ, подойдя къ краю Кедронскаго оврага, онъ давалъ знать на ту сторону, за поolverсты, своимъ товарищамъ, чтобъ они поднимались и слѣдовали за нами. Три темныя фигуры, съ длинными винтовками, встали изъ-подъ масличъ, направившись особыми тропинками наискось въ нашу сторону и очевъ скоро соединились съ нами. Проходя мимо меня впередъ, всѣ они говорили мнѣ умиленно разныя привѣтствія, въ родѣ: *добрый день, доброе утро, здравствуй*.

На видъ это были закоптѣлые отъ солнца, довольно свирѣпыя ребята, въ дырявыхъ *абалъ* и грязныхъ *кефийе*. На голыхъ, почти угольного цвѣта, ногахъ ихъ были у кого разбитыя туфли, у кого *сандалии*,—другаго слова я не знаю для изображенія этого сорта бедуинской обуви, состоявшей изъ толстыхъ кожаныхъ подошвъ съ ремнями.

Одинъ изъ Бедуиновъ несъ, кромѣ ружья, бурдюкъ съ водою и преуморительно подпрыгивалъ съ нимъ по камнямъ.

Мы ѣхали съ шехомъ другъ за дружкой, шагомъ, большею частію на такомъ разстояніи, что разговаривать было неудобно. Да и о чемъ говорить съ такимъ шехомъ, котораго я вамъ описалъ? Кругомъ, на необъятное пространство, лежали безотрадныя, обожженные солнцемъ холмы Палестины, блѣдно-желтаго цвѣта, впрочемъ, изрѣдка переходящіе въ довольно темный желтый цвѣтъ. Иногда случалось переѣзжать сухое русло потока, бѣгущаго тутъ осенью, когда полюбятъ страшные дожди тѣхъ мѣсть и въ каждомъ ущельи образуется по шумящей, бурливой рѣкѣ; со многихъ скалъ начнутъ гремять водопады.... А Кедронскій оврагъ подъ Иерусалимомъ обращается въ *Кедронскій потокъ*, какимъ онъ болѣе извѣстенъ намъ изъ Евангелія.

Изрѣдка мелькали темно-зеленыя кусты *сидыра*, колючаго дерева, которое даетъ особыя мелкія плоды, розоваго цвѣта, служащіе въ пищу бѣдному классу жителей. Не то зеленѣлъ усатый *ратанъ*. Мѣстами гурьбой вскакивали куропатки и совершали свой шумный полетъ на другую сторону оврага.

Вѣроятно, нѣтъ ничего грустнѣе Палестинскихъ горъ, въ

направленіи отъ Іерусалима къ Іордану, или къ Мертвому морю. Ѳдешь, какая-то тоска щемитъ сердце. Желтые холмы направо, желтые холмы налѣво—и больше ничего. Солнце жжетъ немощно. Одни только наши Бедуины-проводники, карабаясь, какъ козы, по утесамъ совсѣмъ не тѣми тропинками, которыя назначены для ковей и по которымъ ступалъ мой, а также и ковь шеха Абдаллы, оживляли убитвенно пустынную картину.

Часа черезъ три или около того, Абдалла предложилъ мнѣ выпить.

— А сколько еще ѳхать? спросилъ я.

— Часа два, отвѣчалъ онъ, — ты тихо ѳдешь, двигай поживѣй (аувамъ, аувамъ!), — и онъ выразительно и живоительно махнулъ рукой.

— Я жалѣю ноги твоихъ Бедуиновъ: намъ хорошо съ тобой на коняхъ, а каково имъ!

— Э! О нихъ не печалься: поспѣютъ!

Напившись изъ бурдюка довольно грязной воды, которая очень мало меня оживила, мы снова тронулись въ путь, немного скорѣе чѣмъ ѳхали. Бедуины тоже начали попрыгивать по утесамъ нѣсколько проворнѣе, ничуть отъ насъ не отставая.

Тѣ же виды, тѣ же изрѣдка куропатки. Кое-гдѣ мы напали на слѣды бедуинскихъ шатровъ: угасшіе костры; камни, сложенные кружками и квадратами—мѣста, бывшихъ тутъ палатокъ. Идѣтъ валялись пестрые лоскутья, обрывки отъ одеждъ....

Странное, удивительное племя! Сколько разныхъ древнихъ развалинъ въ ихъ владѣніяхъ, даже монастырей, удобныхъ для жилья во всякое время, безъ малѣйшей поправки и передѣлки, снабженныхъ цистернами, гдѣ вѣчно держится хорошая вода; иной разъ есть даже какая-нибудь зеленца, — и что же? Никогда Бедуинъ не займетъ этихъ удобныхъ, нашему, жилищъ; ему нужны совершенно открытыя мѣста, жизнь лицомъ къ лицу съ природой, постоянное скитанье мѣстѣ со стадами овецъ и верблюдовъ.

Два часа слишкомъ ѳхали мы въ убитвенной духотѣ, по желтымъ, безотраднымъ холмамъ, уже не подалеку отъ Мертваго моря, которое показывалось иногда синимъ языкомъ между горами, какъ только мы взѣзжали на иной высокій бугоръ. Вдругъ я замѣтилъ, что Бедуины-проводники оста-

вовились. Одинъ приблизился ко мнѣ и взялъ подъ устцы лошады, проговоривъ: „Слѣзай! тутъ!“ При этомъ показалъ пальцемъ вверхъ.

Саженьхъ въ четырехъ отъ подвожія горы, гдѣ мы стали и слѣзая съ лошадей, чернѣла впадина въ родѣ двери. Я поднялся туда и увидѣлъ родъ корридора, начинавшагося нѣсколькими ступенями внизъ.

„Вотъ она гдѣ, удивительная тайна, подумалъ я, — моя таинственная Америка!..“

Покамысть два Бедуина пристраивали нашихъ лошадей, каждую особо, въ какихъ-то жидкихъ кустакахъ, съ лиловыми цвѣтами, въ родѣ желѣзнака *, я началъ толковать съ остальными, какъ бы лучше уладить наше подземное странствіе. Никто изъ нихъ, по ихъ словамъ, никогда не бывалъ внутри пещеры. Всѣ лѣзли въ первый разъ и не знали что встрѣтятъ, и какъ далеко въ дѣйствительности простирается подземный корридоръ. Поэтому рѣшено было взять побольше свѣчъ и оружія. Выпивъ послѣднюю воду, какая оставалась въ бурдюкѣ, мы двинулись въ свой таинственный путь, вчетверомъ: впереди всѣхъ (какъ было условлено еще въ Иерусалимѣ) самъ шехъ Абдалла, вооруженный двумя пистолетами, со свѣчой въ рукахъ, потомъ Бедуинъ съ ятаганомъ, далѣе еще Бедуинъ съ ятаганомъ и съ ружьемъ; наконецъ я, просто со свѣчой. Кромѣ того, еще шесть свѣчъ были за пазухой Абдаллы. Бедуинъ-мальчикъ остался при лошадяхъ.

Сначала ходъ былъ довольно широкъ, можетъ-быть, шаговъ на десять, на пятнадцать, но потомъ сдѣлался совершенною трубой. Мы двигались другъ за другомъ, ползкомъ, ногами впередъ, нѣсколько подъ гору. Я слышалъ, какъ подъ Абдаллой обрывались какіе-то камни и катились съ гуломъ внизъ. Мы всѣ почему-то сначала хохотали. Въ самомъ дѣлѣ было нѣчто смѣшное въ этомъ медленномъ движеніи ползкомъ четырехъ человеческихъ фигуръ, не ребятъ, а взрослыхъ, одного даже и совсѣмъ старика, обремененныхъ оружіемъ, перепачканныхъ въ пыли самымъ невѣроятнымъ образомъ. Абдалла тоже смѣялся. Мнѣ былъ виденъ изъ-за его плечъ мерцающій огонекъ его свѣчи, точно въ колодцѣ. Далѣе была темная ночь, дымовая труба....

* Иначе *сѣркенъ*.

Минуть, можетъ-быть, черезъ пять такого странствованія, я замѣтилъ надъ собой, на потолкѣ трубы, соты дикихъ пчелъ. Потомъ одинъ изъ Бедуиновъ подаль мнѣ найденную имъ рыжеватую женскую косу. Тутъ же валялся доскутокъ какой-то матеріи. Вотъ и всѣ наши открытія. Становилось душнѣе и душнѣе. Отверстіе шло уже и уже и сжимало насъ какъ длинный гробъ. Ружье до такой степени стѣсняло Бедуина, который ползъ передо мной, что онъ его бросилъ. Я готовъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ разысканій и выползть на Божій свѣтъ. Хохотавшіе Бедуины умолкли и двигались тихо. Абдалла прокричалъ мнѣ, что онъ едва протискивается, а конца все еще не видно. Я велѣлъ остановиться. Было нестерпимо жарко; томилъ страшная жажда и тоска, то чувство, какъ будто васъ закопали живаго въ могилу—и нѣтъ возврата. Я испытывалъ точно такое же чувство въ минахъ подъ Севастополемъ. Взглянувъ къверху, я увидѣлъ ночь.

— Покажи камень впередъ, сказалъ я Абдаллѣ: что будетъ?

Онъ покотилъ, камень запрыгалъ и, казалось, скоро остановился. Я предложилъ проползти еще немного. Абдалла двинулся, мы за нимъ, тѣмъ же порядкомъ. Стало еще душнѣе и томительнѣе. Я готовъ былъ ежеминутно скомадовать ретирату, какъ вдругъ Абдалла крикнулъ: „Конецъ! Некуда больше лѣзть!“

Я хотѣлъ убѣдиться въ этомъ лично, вглядывался, свѣтилъ впередъ свѣчой, но ничего не могъ увидѣть.

— Ты, можетъ-быть, думаешь, что Абдалла вретъ, неся голосъ изъ преисподней:—поди сюда и посмотри самъ!

— Да, хорошо: посмотри самъ, но какъ я туда пролѣзу? спросилъ я.

— Ничего, пролѣзешь. Бедуины посторонятся.

И точно, они ухитрились посторониться, прильнувъ къ стѣнѣ палатки. Я протискался мимо ихъ и действительно увидѣлъ, что дальнѣйшій ходъ засыпанъ камнями и землей. Надо было поскорѣе выбираться вонъ. Я взглянулъ на часы: наше путешествіе продолжалось слѣшкомъ полчаса. Мы должны были сдѣлать изрядное разстояніе, такъ какъ ползли быстро и подъ гору. Предстоялъ труднѣйшій обратный путь, въ гору, тою же узкою трубой, гдѣ вѣлся было ни въ одномъ пунктѣ (кромя послѣднихъ 15 шаговъ у самаго выхода) даже стать на четвереньки. Можно было дорого дать, еслибы вдругъ какая-нибудь сила

вывесла насъ оттуда единымъ махомъ на свѣжій воздухъ.

Я уже не сталъ протискиваться на прежнее свое мѣсто, а велѣлъ двумъ Бедуинамъ, что были теперь надо мной, лѣзть впередъ. Они ползли, подвигая ногами страшную пыль. Иногда изъ-подъ нихъ катились на меня камни.... Трудно сказать, какъ долго тянулось наше обратное путешествіе. Я забылъ посмотреть на часы. Точнѣе, я былъ такъ утомленъ, достигнувъ выхода, что просто-за-просто повалился какъ пьяный; въ роту было горько; хотѣлось пить, а воды не было ни капли. Въ первый разъ отъ роду я чувствовалъ такую убійственную жажду. Вотъ тебѣ и палестинская Америка!

Абдалла еще оставался нѣкоторое время внизу. Вдругъ мы услышали стоны. Надо было видѣть испугъ и тревогу, выразившіеся на лицахъ Бедуиновъ, которые вылезли наверхъ одновременно со мной. Они мгновенно исчезли опять въ пропасти и черезъ нѣсколько минутъ изваекли оттуда старика. Онъ повалился у порога; потомъ, спустя немного, сказалъ, приподнимаясь:

— Ну, хавâджа, * другому ты хоть голову отрѣжь, а ужь онъ въ эту пещеру не ползетъ. Тутъ не то что устать лѣзть, а боишься гада. Чтò, если какой гадъ?... Я гада не боюсь, оттого и ползъ, а другой не ползетъ.

— Тутъ теперь не въ гадахъ дѣло, замѣтилъ я:—вотъ какъ бы воды достать?

— Есть въ одномъ часѣ отсюда цистерна, *Биръ-Иссукъ*: тамъ всегда есть вода. Коли хочешь, поѣдемъ.

— Поѣдемъ.

Мы сѣли снова на коней и тронулись въ путь по горамъ, надъ пропастями, самыми мудренными тропинками. Ровно черезъ часъ явилась открытая цистерна, высѣченная въ скалѣ, но вмѣсто воды я увидѣлъ гладкую зеленую поверхность, по которой ползали мухи и пчелы.

— Такъ это надо пить? спросилъ я у Абдаллы.

— А чтò жь? отчего же не пить? отвѣчалъ онъ.—Ты не смотри, что она такая зеленая: это только сверху, а внизу вода хорошая.

Между тѣмъ какъ мы разсуждали такимъ образомъ, наши проводники уже спустились въ цистерну по каменной

* Господинъ.

лѣстницѣ, и стали тамъ плескаться, раздвигая руками зелень. Одинъ зачерпнулъ какой-то мутн бурдюкомъ и подалъ его на верхъ. Когда я налилъ себѣ въ пригоршни предложеннаго напитка, то увидѣлъ тамъ множество мелкихъ существъ, бѣгавшихъ и кружившихся очень прворно. Трудно было отважиться. .. Посмотрѣвъ нѣсколько времени на круженіе этихъ звѣрковъ, самой причудливой формы, можетъ-быть, чрезвычайно любопытныхъ для много изслѣдователя природы, еслабѣ оны очутились на моемъ мѣстѣ, я выплеснулъ воду на землю. А мои Бедуины продолжали себѣ плескаться, по-видимому, съ большимъ удовольствіемъ. Одинъ сбѣгъ на край, опустилъ ноги въ воду и такъ сидѣлъ. Два другіе, наплевскавшись, сколько было душѣ угодно, набрали воды для лошадей въ тотъ же самый бурдюкъ, который выпустили потомъ къ каменное корыто, лежавшее подлѣ цистерны, можетъ-быть, современное Моисею, какъ и сама цистерна.

— Чтѣ мнѣ съ тобой дѣлать? сказалъ Абдалла, увидѣвъ, что я отплеснулъ воду:—не пьешь и даже не умоешься! Вотъ развѣ чтѣ: не поѣхать ли намъ въ бедуинскій станъ? Есть тутъ недалеко шатры.

— А какъ недалеко?

— Еще два часа. Тамъ найдемъ и воду хорошую, и молоко, и барана.

Мнѣ чрезвычайно понравилось его предложеніе: увидѣть близко бедуинскую жизнь, ихъ лошадей!.. Мнѣ сейчасъ вспомнились разныя картинки, страшные разказы о приключеніяхъ иныхъ путешественниковъ. Въ особенности живо представлялась одна картинка, которую я разсматривалъ въ дѣтствѣ, въ покойномъ *Живописномъ Обзорѣни* Семена: пещера и въ ней двѣ сухопарыя фигуры въ чалмахъ, съ длинными винтовками.... вдали пустыня, съ неизбѣжно-торчащею посрединѣ пальмой, и движется караванъ.... Два часа,— и такихъ сухопарыхъ фигуръ я увижу цѣлыя десятки, сотни....

— Дѣлю! сказалъ я Абдаллѣ:—поѣдемъ въ бедуинскій станъ.

Мои проводники, услышавъ это, неизмовѣрно обрадовались, живо вскинули на плечи винтовки, подали намъ съ Абдаллой лошадей и побѣжали особыми тропинками по скаламъ, между тѣмъ какъ мы съ Абдаллой двинулись низомъ, по ущелью.

Мелькнула еще цистерна, подобная той, у которой мы были. Дичь и скалы. Мертвое море нарѣзывалось синею полоской вдали; въ одномъ мѣстѣ, на площадкѣ среди горъ,

показались, сѣрыя какъ пыль, зданія монастыря, извѣстнаго у мусульманъ подъ именемъ *Неби-Муса*, „пророкъ Моисей“. Небольшая кучка дервишей, живущихъ въ этомъ монастырѣ, убѣдила всю Палестину, что тамъ лежитъ древнѣйшій пророкъ Моисей, вождь Израиля, вопреки свидѣтельству Священнаго Писанія, которое говоритъ, что Моисей умеръ по ту сторону Иордана. Русскіе богомольцы называютъ это мѣсто, неизвѣстно почему, *Еввѣмѣвскою лаерой* и приходятъ сюда поклоняться не Моисею, а святому Еввѣмію. Въ особенности занимательно тутъ слово *лаера*. Русскій человѣкъ всюду занесетъ свои термины, и они передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, много лѣтъ сряду...

Мы ѣхали по желтымъ горамъ уже болѣе двухъ часовъ. Нигдѣ ни одного живаго существа. Даже куропатки перестали шумно перелетать овраги, вѣроятно, попрятавшись куда-нибудь отъ жару. Вдругъ я увидѣлъ что-то движущееся по краю одной горы, какую-то темную, странную фигуру. Это была бедуинская женщина, которая ходитъ, какъ вообще тамошнія сельскія Арабки, въ длинной синей рубашкѣ, съ длинными острыми рукавами, почти до земли. Черная, кокоматая голова была покрыта небольшимъ темнымъ платкомъ, въ накидку, ноги босы. Иногда къ этому незатѣливому костюму присоединяется красный *сненсеръ*, или незастегивающійся *жилетъ*. Хоть оба эти слова звучатъ какъ-то странно... въ Палестинѣ, у Бедуиновъ, но что дѣлать: другихъ придумать не умѣю. Красный цвѣтъ въ одеждѣ женщинъ Палестины непременно соединенъ съ синимъ. Можетъ-быть, соединеніе этихъ цвѣтовъ на нашихъ иконахъ не совсемъ случайно.

Женщина, двигавшаяся по горѣ какъ китайская тѣнь, присматривала за стадомъ овецъ и кучкой лошадей, которыя бродили отдѣльно, въ сторонѣ, и скоро были нами усмотрѣны. Еще нѣсколько шаговъ — и мы спустились въ большую лощину, наполненную сѣрыми и черными бедуинскими шатрами *, разной величины, больше плоскими нежели высокими, довольно одинакой формы, преимущественно о четырехъ углахъ. Вблизи шатровъ бродили козы, мулы и овцы. Кое-гдѣ таякали собаки. Въ серединѣ стала отдѣляться отъ всѣхъ другихъ большой шатеръ, имѣвшій только

* Бедуинскіе шатры дѣлаются постоянно изъ козьей шерсти.

три отѣаки. Передняя часть его была совершенно открыта, и я увидѣлъ кучу народа, сидѣвшаго внутри шатра и предъ нимъ, на коврахъ. Ясно было, что это шатерь шеха, начальника всего лагеря. Когда мы подѣхали ближе, шаговъ на 50, или немного больше, шехъ Абдалла отѣаился отъ меня, подѣхалъ къ большому шатру и что-то сказалъ поднявшимся на ноги двумъ мастатымъ, бѣлобородымъ старикамъ. Безъ сомнѣнія, онъ представлялъ имъ меня, какъ своего пріятеля. Оба старика, послѣ этого, направились ко мнѣ и привѣтствовали меня выраженіемъ въ родѣ нашего „милости просимъ!“ Однѣвъ взявъ мою лошадь подъ устцы и помогъ мнѣ сойти съ сѣдла, я вошелъ въ шатерь и раскладался со всѣми на арабскій манеръ, дѣлая такъ-называемое *таменнѣ*, т.-е. прикладывая руку къ устамъ и къ челу нѣсколько разъ, смотря по числу привѣтствуемыхъ. Всѣ они также кланялись и осматривали меня, съ явнымъ любопытствомъ въ глазахъ. Хозяинъ, шехъ Андъ, предложилъ мнѣ помѣститься въ одномъ углу палатки, на пестромъ войлокѣ въ видѣ ковра, что я и сдѣлалъ немедленно и опять раскладался со всѣми. Такъ принято у Арабовъ вообще: усѣвшись, надо снова привѣтствовать хозяина и его гостей.

Бедуины сидѣли и лежали кругомъ въ разныхъ позахъ и говорили межъ собой довольно громко. Все это были сухопарые, загорѣлые ребята (разныхъ лѣтъ), всѣ до одного— гости шеха Анда, врибывшіе къ нему изъ окрестныхъ становъ, иныя даже изъ-за Иордана. Половина имѣла на головахъ черныя *кефйѣ*, или платки; другая половина — желтыя. Всѣ, кто постарше, были въ желтыхъ *кефйѣ*. Абы, большею частью дырavyя и трепаныя, были всѣ на однѣвъ покрой и всѣ полосатыя. Разница была только въ ширинѣ и количествѣ полосъ, идущихъ всегда вдоль абы, то-есть сверху внизъ, а не поперекъ. О бѣлѣвъ нечего спрашивать: оно было не чисто до послѣдней степени. Оружіе всѣхъ этихъ молодцовъ, развѣшенное и разставленное по угламъ палатки, заключалось преимущественно въ длинныхъ неуклюжихъ винтовкахъ и небольшихъ кинжалахъ. Всѣ лица смотрѣли выразительно и смѣло. Нѣтъ ничего смѣлае и открытѣе бедуинскаго лица. Бедуинъ всею своею физиономіей какъ бы говоритъ: „на-вотъ, гляди на меня, каковъ я естъ!“ Но что за различіе типовъ! Хозяинъ, шехъ Андъ, имѣалъ

физиономію благообразнаго священника. Я прозакладую что угодно: еслибъ его одѣтъ въ подрясникъ, или вообще во что-нибудь наше, никто бы не угадалъ его націи. Превосходное, продолговатое лицо его смотрѣло необыкновенно умно. Глаза большіе, открытые, подъ сѣдыми бровями, сверкали весело и пріятно. Сѣдая, бѣлая борода имѣла самую изящную форму. Онъ былъ въ новой, еще стоявшей копромъ *абъ* и желтой, шелковой *кефитѣ*. Какъ человекъ, котораго обязанность служить гостямъ, наблюдать, всѣ ли довольны, не нужно ли кому чего, онъ постоянно ходилъ туда и сюда по палаткѣ, куря небольшую трубку, на прямомъ деревянномъ чубукѣ, четверти въ три длиной, и дѣлая разные распоряженія.

Другіе напоминали своими лицами Цыганъ, и такихъ было болѣе всего.

Наконецъ, выглядывало два-три совершенно-черныхъ, только не негровъ. Это была помѣсь негра съ какимъ-то другимъ племенемъ. Одинъ изъ такихъ, черныи какъ уголь, имѣлъ большой орлиный носъ и сухія губы, говорилъ сильно. Всѣ же остальные владѣли чистыми и звонкими голосами.

Бросивъ взглядъ черезъ плечо сидѣвшихъ противъ меня фигуръ, я увидѣлъ нѣсколько бродившихъ по лагерю женщннъ, точно въ такой же одеждѣ, какъ и встрѣченная нами въ горахъ: то-есть въ длиныхъ синихъ рубашкахъ съ остро-конечными рукавами, висѣвшими до земли. На головахъ непременно были черные платки, въ накидку, не придерживавые ничѣмъ.

Женщина у Бедуиновъ не скрыта нисколько. Мнѣ говорили, что въ отсутствіе хозяина, гостей принимаетъ его жена. Случается, что въ палатку, гдѣ сидятъ мужчины, входитъ женщина, и на нее не обращаютъ вниманія. Ея дѣло работать: загонять, доить овецъ, готовить пищу. Дѣти находятса больше при матеряхъ. Иной разъ видишь, какъ за матерью пробирается между палатками крохотный клопъ-Бедуинчикъ, въ одной рубашкѣ, или косматая дѣвочка-Бедуинка.

Едва я усѣлся, какъ мнѣ предложили чашку кофею, свареннаго хорошо, только безъ сахару. Хранился кофе въ посудѣ, совершенно похожей на нашъ буракъ. Потомъ привесли мнѣ въ деревянной чашкѣ овечьяго молока и подали другую, мѣдную, нѣсколько полужелтую, чтобы вскипятить молоко, если я того потребую. Огонь былъ подлѣ: у самаго входа въ

палатку горѣлъ костеръ, поддерживаемый сухою травой и пометомъ разныхъ животныхъ. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые Бедуины, изъ гостей шеха Аида, ложась подлѣ костра на брюхо, или какъ придется, подгребади руками *матеріалъ*, приготовленный для поддержки огня, и послѣ ничуть не заботились привести свои руки въ порядокъ: нисколько не страхивали съ нихъ пыль и вообще то, что пристало. Это страхивалось и обтиралось обо что-нибудь само-собою, послѣ, когда Бедуинъ продолжалъ свои житейскія упражненія: поправлялъ золу въ трубкѣ, или протягивалъ руку вошедшему въ шатеръ пріятелю, что дѣлается совершенно по-нашему; только оба лица, подающія другъ другу руку, соединяются головами и что-то шепчутъ.

Все время въ шатрѣ происходило постоянное движеніе. Одни вставали, уходили; другіе приходили и, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, садились съ нами. Иногда уходившіе возвращались вновь и занимали прежнія мѣста, не то садились гдѣ случится; многіе курили трубки, на прямыхъ, не очень длинныхъ чубукахъ, и вели между собою непрерывный разговоръ. Владѣя весьма небожно арабскимъ языкомъ, я не могъ уловить содержаніе ни общей, ни отрывочныхъ бесѣдъ.

Кто былъ изъ гостей попроще, поотрепаннѣе, тѣхъ хозяинъ шатра посылалъ отъ времени до времени за водой, которая приносилась въ кувшинахъ, съ носикомъ, какъ у нашего чайника.

Напившись холоднаго молока, точнѣе: не кипяченаго, не горячаго, я попросилъ нѣсколько вскипятить. Это устроили живо.

— Не хочешь ли еще? спросилъ хозяинъ.

— Что жь, пускай принесутъ.

Шехъ Аидъ подалъ какому-то малому чашку; тотъ исчезъ въ потьмахъ (потому что наступила уже ночь) и скоро явился съ молокомъ.

— Отвѣдай теперь нашего хлѣба! сказалъ хозяинъ.

Мнѣ подали нѣсколько плоскихъ лепешекъ, въ родѣ нашихъ блиновъ: это обыкновенный хлѣбъ простаго народа Сиріи и Палестины, называемый *хлѣбъызъ*. Я съѣлъ цѣлую лепешку, которая мнѣ показалась довольно вкусною.

Наковецъ, въ 10 часу вечера, привесли, въ большой деревянной чашкѣ, изрубленнаго въ куски жаренаго барана.

Жарится бедуинскій баранъ (*маруфъ*) слѣдующимъ образомъ: вырываютъ яму и обкладываютъ ее камнями, на

которые наваливаютъ известное количество горячаго матеріала, и зажигаютъ. Когда камни достаточно накалятся, огонь отгребаютъ, на мѣсто его кладутъ разрѣзаннаго на нѣсколько частей барана и снова засыпаютъ его тѣмъ жаромъ, который только что отгребли. Сверху всего должно натрусить немного земаи. Не то ее мѣшаютъ съ жаромъ. Ровно черезъ два часа баранъ готовъ. Какъ мѣряютъ часы Арабы безъ солнца, я не знаю, но всегда выходитъ довольно вѣрно.

Изжареннаго барана кладутъ изъ ямы въ большую деревянную, не то глиняную, чашку, наполненную желтоватымъ тѣстомъ, которое готовится на молокѣ и маслѣ. Сокъ и жиръ съ барана текутъ въ это тѣсто и сообщаютъ ему особенный, пріятный для Бедуина вкусъ.

Въ такомъ точво видѣ подавъ былъ для насъ *харуфъ* (а можетъ и два) шехомъ Аидомъ, въ вечеръ, который я вамъ описываю.

Чашку поставили по срединѣ палатки. Почетнѣйшіе изъ гостей ту же минуту уѣлисъ кругомъ и взяли верхніе, вѣроятно, самые вкусные куски, имѣвшіе сѣроватый, пепельный цвѣтъ, ничуть не напоминающій нашу жареную баранину. Конечно, тутъ кое-гдѣ пристали и зола, и земля, и мелкіе камешки. Остальные гости приглашались потомъ, по очереди, присѣсть къ чашкѣ. Хозяинъ, не принимавшій участія въ ѣдѣ, ходилъ по палаткѣ, поглядывалъ, покуривалъ трубочку и соображалъ кого когда пригласить изъ оставшихся, не такъ почетныхъ; причемъ, вѣроятно, бралось во вниманіе племя, возрастъ, достатокъ, вообще *положеніе гостя въ пустынь*. Сколько я могъ замѣтить, оборванцы, глядѣвшіе какими-то степными бродягами, были приглашены самыми послѣдними.

Хозяинъ непременно знаетъ, откуда гость, какъ онъ себя ведетъ, какимъ значеніемъ пользуется въ своемъ племени, чѣмъ слыветъ „вообще въ пустынь“, простой ли ворюжка, или наѣздникъ съ „благородными приѣмами“. Бедуинъ враждебнаго племени въ гости къ неприятелю не пойдетъ; а если пойдетъ, то ему будетъ плохо.

Я отказался отъ баранины, объяснивъ, что сытъ молокомъ и хлѣбомъ, и только наблюдалъ издали за бедуинскою трапезой. Когда баранъ былъ сѣденъ совсѣмъ, окружавшіе чашку принялись уписывать жирное тѣсто, что дѣлалось

такъ: каждый бралъ, сколько умѣстится въ горсть, и поймавъ немного, отправлялъ въ ротъ. Бѣли всѣ молодецки, какъ будто дорвались до рѣдкаго, любимаго блюда. Въ самомъ дѣлѣ, баранъ подается у Бедуиновъ не часто. Иногда Бедуинъ видитъ его, можетъ-быть, въ мѣсяцъ одинъ разъ. Обыкновенная пища Бедуина: пшево, молоко и тѣ лепешки, которыя я описалъ выше.

Когда тѣсто приходило къ концу, и всѣ гости были удовлетворены, хозяинъ кликнулъ небольшого Бедуинчика, ожидавшаго за палаткой когда ему позволить войти и приняться за работу. Это былъ мальчикъ лѣтъ десяти, въ грязной рубашонкѣ и въ бѣлой вязаной шапочкѣ, какую на Востокѣ обыкновенно носятъ подъ фесками. Я говорю: бѣлой, чтобъ обозначить цвѣтъ шапочки при ея рожденіи на свѣтъ. Мальчикъ сѣлъ, случайно, ко мнѣ бокомъ, и я видѣлъ только, какъ у него разѣвлася огромный ротъ, точно у галченка, и какъ туда отправлялся на почтовыхъ кусокъ за кускомъ желтоватаго тѣста. Потомъ кто-то скомандовалъ Бедуинчику: „довольно! встань!“ (чтобъ онъ какъ-нибудь не „заѣлся“ до полусмерти). Онъ торопко вскочилъ, поглядывая направо и налево, какъ будто что укралъ, живо пошелъ затѣмъ шнырять между народомъ и пропалъ за палаткой въ темнотѣ.

— Что это за ребенокъ? спросилъ я.

— Это сирота, нѣтъ ни отца, ни матери, никого. Вотъ онъ и ходитъ по палаткамъ: сегодня здѣсь накормятъ, завтра тамъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Нельзя ли его позвать ко мнѣ на минуту?

Бедуинчика кликнули, и онъ опять, пробираясь между сидѣвшими и стоявшими въ палаткѣ, очутился подлѣ меня и сѣлъ на коверъ, но весь дрожалъ, какъ будто бы думалъ, что его станутъ наказывать неизвестно за какую провинность. Нѣтъ сомнѣнія, что всякому подобному *сиротѣ* въ бедуинскихъ лагеряхъ достается въ день не мало затрепичь и колотушекъ отъ разныхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Коли кличутъ, то вѣрно „бить“! Больше не зачѣмъ.

Едва я дотронулся до него рукой, желая его приласкать, какъ мальчикъ прежалостно запищалъ. Ему стали говорить: „не бойся, не бойся“. Онъ успокоился немного и началъ меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ оглядывать, но всѣ мои старанія заговорить съ нимъ были напрасны. Я далъ ему

какую-то монету, оны быстро припрятавъ ее и опять пошелъ вырять между народомъ и пропалъ въ темнотѣ.

Ночь надвигалась. Иные Бедуины, вскорѣ по окончаніи трапезы, разостлавъ свою *абу*, тутъ же, у входа въ палатку, молились на востокъ, среди всеобщаго движенія и говора. Молитва эта заключалась въ нѣсколькихъ земныхъ поклонахъ и произнесеніи извѣстныхъ словъ, при чемъ ладони рукъ складывались въ уровень съ лицомъ. Поразительны это необычайное спокойствіе и невозмутимость молитвы, которая, такъ-сказать, не слышитъ и не видитъ вокругъ себя ничего. Бедуинъ не ищетъ уединенія, затихшя, укромнаго мѣста для своей молитвы; оны не боится въ этомъ случаѣ никакого шума или развлеченія; оны всегда готовъ; оны считаетъ возможнымъ помолиться вездѣ, во всякомъ мѣстѣ и во всякую минуту.

Съ необыкновеннымъ наслажденіемъ глядѣлъ я на эти темныя фигуры, стоящія тамъ и сямъ на колѣняхъ; на ихъ земные поклоны; на эту молитвенную тишину ихъ суровыхъ, загорѣлыхъ лицъ, можетъ-быть, за нѣсколько часовъ для кого-нибудь страшныхъ, въ далекой, безлюдной пустынѣ. Можетъ-быть, тутъ молились и тѣ заиорданскіе ухары, которые недавно уходили двухъ французсканъ подъ Наплузомъ (всего въ 12 часахъ отъ Іерусалима),—исторія, о которой тогда вездѣ говорили какъ о событіи довольно рѣдкомъ, потому что Бедуинъ убиваетъ неохотно, въ крайнихъ случаяхъ; обыкновенно оны только грабятъ.

Помолясь, каждый Бедуинъ свертывался подъ *абои* на голой землѣ, положивъ подъ голову чтò случится, и засыпалъ мгновенно. Иныхъ одолѣвалъ сонъ такъ, сидя, не слышно для нихъ самихъ: голова опускалась, поднимался храпъ. Многие засыпали лежа на спинѣ, разумѣется, въ той одеждѣ, въ какой были. Съ этой стороны у Бедуиновъ и вообще на Востокѣ нѣтъ никакихъ особенныхъ приготовленій. Каждый въ чемъ ходитъ, въ томъ брякъ—и спитъ, отъ Крыма до Гибралтара.

А хозяинъ, шехъ Андъ, все похаживалъ да покуривалъ трубочку; иногда, впрочемъ, присаживался и болталъ съ тѣми, кто еще не спалъ.

Вдругъ я услышалъ какую-то возню сзади: нѣсколько Бедуиновъ барабанили палками по ковру.

— Чтò это такое? спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ увидишь, отвѣчалъ одинъ изъ барабанившихъ.

Когда операція кончилась, Бедуины отворотили коверъ, и нашимъ взорамъ представилась убитая змѣя, ярко-зеленаго, изумруднаго цвѣта, какихъ я не разъ видалъ въ горахъ Сири и Палестины.

Это обстоятельство отбило у меня всякую охоту ко сну, тѣмъ болѣе, что немного погодя я замѣтилъ еще скорпіона, ползущаго по абѣ шеха Абдаллы (который сидѣлъ все время подлѣ меня, что требовалось обычаями Бедуиновъ: всякій представившій гостя долженъ быть при немъ, наблюдать, все ли такъ дѣлается какъ надо, и напоминать хозяину, если замѣтитъ какое-либо упущеніе).

Это былъ желтый скорпіонъ, менѣе другихъ ядовитый и опасный. Бываютъ еще *малиновые* и *черные*, что, кажется, обозначаетъ только возрастъ животнаго.

Абдалла замѣтилъ скорпіона (по-арабски *аграбъ*) одновременно со мной и совершенно спокойно, даже смѣясь, сжалъ его другою рукой въ складкѣ *абы*. Скорпіонъ возлился и вилялъ хвостомъ, высовывая поминутно жало. Я просилъ показать мнѣ его поближе. Абдалла удовлетворилъ моему любопытству черезчуръ: выпустилъ скорпіона изъ рукъ со всѣмъ, и тотъ началъ бѣгать у него по рукаву, между тѣмъ какъ Абдалла колотилъ его тихонько трубкой.

— Что ты дѣлаешь? сказалъ я:—вѣдь онъ тебя ужалитъ?

— Не ужалитъ! А если и ужалитъ, не бѣда.

— Будетъ болѣть рука.

— Нѣтъ, не будетъ. Я уже тебѣ сказалъ, что этихъ гадюкъ не боюсь. Насчетъ скорпіоновъ у насъ такъ живетъ: когда родится ребенокъ, мать, прежде чѣмъ дастъ ему груди, поймаешь скорпію, изжаритъ на огнѣ, истолчетъ, смѣшиваетъ съ молокомъ какъ тѣсто и сунетъ это тѣсто въ ротъ ребенку, а потомъ уже припускаетъ его къ груди. Такого человѣка скорпія не трогаетъ, а если и тронетъ,—посыпъ золы изъ трубки съ табачною гарью на то мѣсто, гдѣ укушено; не то, положи уголь, и пройдетъ. А насчетъ змѣй есть у насъ одинъ такой человѣкъ, *шехъ-тари́ка*, * въ Иерусалимѣ живетъ, кривой; онъ ходитъ тутъ по племенамъ каждый

* Кажется, нарицательное имя, означаетъ *знахаря*, *колдуна*, что-то въ этомъ родѣ.

годъ и напентывааетъ на молоко: подержитъ немного молока во рту и выпуститъ въ чашку; возьми и пей, никакая змѣя тебя не тронетъ; а если и тронетъ, помажь точно также табачною гарью укушенное мѣсто и положи уголь, все пройдетъ за ночь. А гадовъ-сороконожекъ мы вовсе не боимся: онѣ насъ не кусаютъ никогда.

— А такъ какъ я не Бедуинъ, не заговоренъ никакимъ тарікой, то спать здѣсь не буду, сказалъ я:—вели достать мнѣ пару свѣчъ изъ хуржа, * я зажгу, сяду на коврѣ, и пошелъ сидѣть до утра, не то до мѣсяца, а потомъ поѣдемъ.

— Э, хаваджа, ложись въ мою голову (*алейе*, слово въ слово: *на меня*, одно изъ самыхъ употребительныхъ между Арабами убѣжденій):—никто тебя не тронетъ.

— Ты, вотъ, говоришь: алейе, положиться на тебя, когда по тебѣ-то именно и ползаютъ.

— По мнѣ ползаютъ, да по тебѣ не будутъ.

— Все-таки вели привести свѣчъ.

Принесли цѣлый *хуржъ*, я досталъ пару свѣчъ, зажегъ и сидѣлъ съ ними, поглядывая направо и налево и всемѣрно усиливаясь не спать среди нѣсколькихъ, впрямь богатырскихъ, сповъ и храповъ на всю пустыню, тоже сладко спавшую. Не заснувшіе еще два-три Бедуина, шехъ Абдалла и хозяинъ (который въ особенности не можетъ заснуть, пока не улягутся всѣ гости до одного) посматривали на меня съ какимъ-то сожалѣніемъ, какъ вообще сильные смотрятъ на слабыхъ, чѣмъ-нибудь болѣющихъ; повторяли нѣкоторыя мои слова; особенно ихъ занимало слово *бердъ* (холодно), сказанное мною, вѣроятно, рѣзче другихъ, когда я почувствовалъ что-то холодное подъ рукой, и мнѣ вообразилось, ужъ не змѣя ли.

„Бердъ, а, бердъ?“ говорили Бедуины, взглядывая на меня и улыбаясь.

Потомъ они умолкли и захрапѣли. Абдалла сталъ тоже сильно моргать. Уже сквозь сонъ просилъ меня о протекціи у паши, чтобъ ему позволили вѣзжать въ Иерусалимъ съ оружіемъ,—привилегія, даваемая далеко не всякому Бедуину. Обыкновенно они оставляютъ оружіе за городскими стѣ-

* Переходный мѣшокъ изъ толстой шерстяной матеріи, который сѣдуется при всякомъ путешественникѣ по горамъ въ тѣхъ мѣстахъ.

нами, ввѣривъ его какому-нибудь надежному человѣку, что ихъ всегда стѣсняетъ, особенно если оружіе цѣнно.

Черезъ нѣсколько минутъ затѣмъ голова его склонилась, онъ машинально завернулся въ абу и заснулъ.

Не спалъ одинъ хозяинъ. Мнѣ было жаль его, но никакія мои убѣжденія не могли заставить его улечься вмѣстѣ съ другими, онъ упорно сидѣлъ, покуривалъ трубочку; не на долго былъ одолеваемъ иногда дремотой, но пробуждался опять, взглядывалъ на меня своими большими, пріятными глазами: „туть ли я? цѣлъ ли?“ и снова та же исторія: то же дреманіе, покуриваніе, оглядываніе меня спросонья.... Иногда онъ позволялъ себѣ умѣренно и настойчиво просить меня „заснуть, положась на его отвѣтственность“, повторялась та же фраза: *алейе*, какую я слышалъ и отъ Абдаллы. Наконецъ, природа одержала побѣду и надъ нимъ: трубка выпала у него изъ рукъ, онъ опустилъ голову на грудь и заснулъ.

Стало тихо во всемъ станѣ. Я смотрѣлъ въ лицо ночи, лежавшей на холмахъ, на всемъ. Казалось, въ ней было что-то живое, какое-то колыханіе мрака, движеніе прохладныхъ струй.... Но вся эта повзія отравлялась для меня невозможностію успокоенія. Я рѣшился не спать. Чтобы сонъ не одолялъ меня какъ-нибудь, я вставалъ по временамъ и прохаживался взадъ и впередъ по палаткѣ. Ни змѣй, ни скорпионовъ, однако, я болѣе не видалъ около себя. Безъ сомнѣнія, скорпионы ползали по инымъ спящимъ Бедуинамъ, но такъ какъ они спятъ чрезвычайно спокойно, то и не трогали ихъ. Ни змѣя, ни скорпионъ не укусятъ, если ихъ не дразнить, не обращать на нихъ вниманія, не прицѣмить какъ-нибудь нечаянно. Мнѣ сказывали, Бедуины же, что въ позднюю осень, когда пойдутъ дожди, скорпионы выползаютъ изъ своихъ норъ въ такомъ количествѣ, что докучаютъ даже и привычному къ нимъ человѣку. Тогда бедуинскіе станы въ особенности часто переносятся съ мѣста на мѣсто. Это, говорятъ, нѣсколько спасаетъ отъ скорпионовыхъ наводненій. Я смотрѣлъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться мнѣ на выручку мѣсяцъ. По небу чертились неясныя ливніи горъ. Наконецъ, уже не помню черезъ сколько часовъ самаго убійственнаго бодрствованія, началъ брезжить въ одномъ пунктѣ, между скалами, легкій, прозрачный свѣтъ, въ видѣ какого-то огненнаго пара. Еще нѣсколько минутъ, и

этимъ огненнымъ, золотистымъ паромъ наполнилось все ущелье, а въ заключеніе показался яркій блескъ луны. Я безжалостно разбудилъ Абдаллу. Онъ просилъ поспать еще полчаса, но я былъ неумолимъ. Нечего дѣлать: онъ всталъ, похрапывая, и крикнулъ изъ палатки своимъ молодцамъ. Трое явились ту же секунду въ видѣ темныхъ тѣней съ длинными винтовками.

— Что жь Ибрагимъ? спросилъ Абдалла.

— Не встаетъ, отвѣчалъ голосъ.

— Ибрррагимъ!!...

Зашевелилась еще фигура. Старикъ-хозяинъ уже держалъ подъ утцы мою лошадь. Онъ не отказался отъ предложеннаго мною подарка, подалъ мнѣ на прощанье руку и просилъ помнить о немъ какъ о другѣ.

Еще мигъ, и мы вѣхали по горамъ, бросая на землю длинныя тѣни. Сзади долго раздавался лай разбуженныхъ нами собакъ.

И вотъ опять пустыня и ночь, еще болѣе лицомъ къ лицу нежели въ шатрахъ у Бедуиновъ. Не знаю почему, мнѣ слышалось какое-то чириканье, на миллионы тоновъ, какое-то посвистыванье. Скалы принимали иногда оригинальные, причудливые образы...

Отъ нечего дѣлать, или, скорѣе, отъ не-на-что смотрѣть, кромѣ скалъ, и то подъ самымъ носомъ, близко, я принялся разспрашивать у Абдаллы объ ихъ житьѣ-бытьѣ и разныхъ бедуинскихъ порядкахъ. Абдалла отвѣчалъ охотно. Вотъ что я могу извлечь для моихъ читателей изъ его разказовъ, съ примѣсю слышаннаго прежде отъ другихъ Арабовъ.

День Бедуина начинается рано, еще до восхода солнца. Послѣ молитвы, которую всякій исполняетъ по-своему, какъ ему угодно, закусятъ, что называется *стуръ*, и отправляются по дѣламъ, кто куда, какъ поведитъ день и „злоба его“. Стада уговяются въ горы. Гости, если у кого они были, убираются во-свояси. Каждый Бедуинъ шатается весь Божій день и ведетъ себя согласно своему характеру и привычкамъ. Можно чѣмъ поживиться отъ прохожаго или проѣзжаго, отчего не поживиться. Только нападаетъ Бедуинъ осторожно, если видитъ рѣшительный перевѣсъ силъ на своей сторонѣ. Убиваютъ Бедуины при нападеніи чрезвычайно рѣдко, развѣ только въ томъ случаѣ, когда обираемый сильно сопротив-

ляется, поднимаетъ опасные крики, берется за оружіе. Обыкновенно дѣло кончается одною доброю колотушкой, послѣ чего, взявъ что нужно, Бедуинъ отправляется въ станъ племени, къ которому принадлежитъ. Тутъ происходитъ дѣлжка добычи,—на какихъ основаніяхъ, получаетъ ли что-либо шехъ, — этого Абдалла не объяснилъ подробно, и я не разспрашивалъ его, какъ о предметѣ черезчуръ щекотливомъ.

Около полудня, для тѣхъ кто очутился въ ту пору у себя въ станѣ, бываетъ легкая закуска, называемая *гада*. Наконецъ, вечеромъ, около 8 — 9 часовъ, третья, самая серьезная ѣда, называемая *аша*.

Мы прибыли въ Іерусалимъ въ 4 часа утра. Я насилу могъ уговорить турецкую стражу въ воротахъ, чтобы мнѣ ихъ отперли. Читателю, вѣроятно, извѣстно, что всѣ іерусалимскія ворота на ночь запираются.

Такимъ образомъ кончились мои затѣи относительно палестинскихъ открытій. Поѣздка для отысканія подземныхъ ходовъ къ *горѣ Карантаніи* имѣла для меня двойную пользу: я познакомился съ Бедуинами и пересталъ лазить во всякую палестинскую яму, рекомендованную кѣмъ бы то ни было. Мнѣ пришло въ голову перенестись въ Африку, въ Алжиръ, дабы тамъ поохотиться за львами вмѣстѣ съ знаменитымъ Жюль-Жераромъ, а если не поохотиться, то хоть побывать въ тѣхъ мѣстахъ.

Я написалъ Жюль-Жерару письмо, въ Константиноу, прося извѣстить меня, могу ли я къ нему пріѣхать, въ такихъ-то и такихъ-то цѣляхъ, и настоящій ли это сезонъ для охоты за львами... но событія въ Россіи заставили меня отказаться отъ странствій между новыми Бедуинами. Я сѣлъ въ сентябрѣ на какой-то нѣмецкій пароходъ, не имѣвъ даже терпѣнія дождаться русскаго, и поплылъ по знакомымъ мнѣ волнамъ на родину.

Н. БЕРГЪ.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФИИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРОДАЮТСЯ:

I.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ,

составленный по современнымъ словарямъ Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова, находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственныя имена (миѳологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горация и Овидія.

II.

СОБРАЩЕННЫЙ ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ

Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Этотъ словарь есть сокращеніе предыдущаго словаря. Слова и обороты, находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей такъ-называемыхъ золотого и серебрянаго вѣка, за исключеніемъ лишь сочиненій спеціальнаго содержанія (какъ напримѣръ Varronis de re rustica, Vitruvii de architectura, Celsii de medicina, Plinii Naturalis Historia), а равно собственныя имена изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горация и Овидія, объяснены въ сокращенномъ словарѣ столь же подробно какъ и въ полномъ. Кроме того, для употребленія книги въ духовныхъ училищахъ, въ сокращенномъ словарѣ удержаны слова, встрѣчающіяся у отцовъ западной церкви или такъ-называемыхъ церковныхъ писателей.

Полный словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ. Сокращенный 1.130 страницъ въ восьмушку, въ два столбца, по 65 строчекъ въ столбцѣ.

Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга четыре руб. сер. Въ конторѣ можно получать Полный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за пять экземпляровъ получаетъ одинъ экземпляръ бесплатно; платящій за восемь экзempl. получаетъ два экземпляра бесплатно; платящій за семьдесятъ пять экземпляровъ получаетъ двадцать пять экзempl. бесплатно.

Бесплатные экземпляры отпускаются лишь на полное соответственное число оплаченныхъ экземпляровъ. Поэтому на шесть и на семь оплаченныхъ экземпляровъ выдается по одному экземпляру бесплатно; на девять, десять, одиннадцать и двѣнадцать—по два; на тринадцать, четырнадцать и пятнадцать—по три и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпускаемый экземпляръ Полнаго Словаря за пять фунтовъ. Такъ, напримѣръ, выписывающій двадцать экземпляровъ прилагаетъ за шестнадцать экземпляровъ шестьдесятъ четыре рубля, и сверхъ того въсовыхъ за сто фунтовъ.

Цѣна Сокращеннаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга три руб. сер. Въ конторѣ можно получать Сокращенный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ; платящій за десять экз. получаетъ два экз. бесплатно; платящій за двадцать экз. получаетъ пять экз. бесплатно; платящій за двадцать пять экз. получаетъ семь экз. бесплатно; платящій за сто пятьдесятъ экз. получаетъ пятьдесятъ экз. бесплатно; платящій за четыреста экз. получаетъ двѣсти экз. бесплатно.

Бесплатные экземпляры отпускаются лишь на полное соответственное число оплаченныхъ экземпляровъ. Поэтому оплатившій отъ десяти до девятнадцати экземпляровъ получаетъ два экземпляра бесплатно; оплатившій отъ двадцати до двадцати четырехъ—пять экз.; оплатившій отъ двадцати пяти до тридцати четырехъ—семь экз.; оплатившій отъ тридцати пяти до сорока четырехъ—девять экз.; оплатившій отъ сорока пяти до сорока девяти—двѣнадцать экз. и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпускаемый экз. Сокращеннаго Словаря за четыре фунта. Такъ, напримѣръ, выписывающій двадцать пять экз. прилагаетъ за двадцать экз. шестьдесятъ рублей, и сверхъ того въсовыхъ за 400 фунтовъ.

Менѣе шести экземпляровъ Полнаго и двѣнадцати экз. Сокращеннаго Словаря получать отъ конторы нельзя; отпуска въ кредитъ или на комиссію нѣтъ.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. А. А. Анарьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССИИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкою 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ. Части I и II. Соч. графа Л. Н. Толстаго. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ТУРЕЦКО-ТАТАРСКІЙ РУССКІЙ СЛОВАРЬ, сост. проф. при Лазаревскомъ институтѣ магистромъ восточной словесности М. Л. Лазаревымъ. Цѣна 3 руб., съ пересылкой 3 руб. 50 коп. сер.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1867 году.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ на 1867 годъ въ Москвѣ и Петербургѣ **тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ сер.**, съ пересылкой въ другіе города и доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей сер.**

Заграничные высылаютъ за доставку въ Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ: •

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1867 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1867 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ, и въ газетныхъ экспедиціяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго почтамтовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о.),
на Страстномъ бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕМИДЕСЯТЫЙ.

1867

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ И БАНКОВАЯ СИСТЕМА СЪ ВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ. Н. Ж. Вунге.
- II. ИЗЪ ПОЭМЫ „БРАТЯ“. Гл. III. Я. П. Полонскаго.
- III. ВЪ ЗАМКѢ И ВОЗЛѢ ЗАМКА. Разказъ Волены Нандовой. Переводъ съ чешскаго.
- IV. ОЧЕРКЪ ЮЖНО-КАСПІЙСКИХЪ ПОРТОВЪ И ТОРГОВЛИ. (Посвящается М. П. Колюбакину.) Н. Зейдлица.
- V. ТИПЫ ПРОШЛАГО. Романъ. Часть первая. Гл. I—V. В. Лѣоничаго.
- VI. КНЯЖНА ТАРАКАНОВА И ПРИНЦЕССА ВЛАДИМИРСКАЯ. Окончаніе. М.
- VII. СЕЗОННЫЕ КОНГРЕССЫ. Густавъ де-Моллиери.
- VIII. ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНІЕ МУЗЕИ. Г. А. Лароша.
- IX. ЛЮБОПЫТНЫЙ ПЕРЕВОДЪ. *Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древняго и до настоящаго времени.* Вильяма Уеллеса. Переводъ съ 8-го англійскаго изданія М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина. СПб. 1867 г.
- X. РУССКАЯ УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА. *О народномъ представительствѣ.* Соч. Б. Чижевскаго, Москва, 1866 г. А. Д. Градовскаго.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ОЛИВІЯ РОТСЕЙ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. I—IV.

БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ

И

БАНКОВАЯ СИСТЕМА

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ

Die Finanzen und die Finanzgeschichte der Vereinigten Staaten von America, von Dr. Carl Freiherrn von Hock. Stuttgart. 1867 г.

Сочиненія барона фонъ-Гока рѣзко отличаются отъ всего что было написано въ послѣднее время о финансахъ. Это не учебники и не сборники матеріаловъ, составленные на скорую руку, для желающихъ на лету ознакомиться съ чуждымъ для нихъ предметомъ, но глубоко обдуманые труды, предназначенные для людей, которые имѣютъ и основательное ученое образованіе, и запасъ практической опытности.

Поэтому книги г. фонъ-Гока, несмотря на небольшой кругъ читателей, должны занять мѣсто между классическими произведеніями экономической литературы. Таковы прежнія сочиненія автора: *Финансовое устройство Франціи, О налогахъ и государственныхъ долгахъ*, таково и новое — *Финансы и финансовая исторія Съверо-Американскихъ Штатовъ*. Последнее сочиненіе представляетъ особый интересъ по полнотѣ и ясности изображенія настоящаго финансового устройства и финансовой статистики Соединенныхъ Штатовъ въ періодъ борьбы Съвера съ Югомъ. Изложеніе вопроса о банковской и денежной системѣ въ Съверо-Американскомъ Союзѣ, въ связи съ общимъ финансовымъ положеніемъ страны, отличается замѣчательнымъ мастерствомъ и занимаетъ въ книгѣ г. Гока 240 страницъ. Этотъ отдѣлъ содержитъ въ себѣ много поучительнаго и для насъ. Соединеннымъ Шта-

тамъ необходимо также освободиться отъ бумажныхъ денегъ. Какъ ни выгодно положеніе Союза, но предстоящая ему задача нелегка; здоровымъ началамъ финансовой политики приходится выдерживать такую же борьбу, какъ и у насъ, съ требованіями непросвѣщеннаго общества, съ идеологами-фантастами и съ своекорыстными стремленіями, дѣйствующими подъ видомъ служенія благу общему и интересамъ отечества. Желаніе познакомить русскихъ читателей съ этою нечуждою имъ борьбой вызвало настоящую статью, которая имѣетъ главною цѣлю не разборъ новой книги г. фонъ-Гока, а изложеніе ея содержанія, въ особенности той части, которая посвящена изслѣдованію о бумажныхъ деньгахъ и о банковской системѣ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Сочиненіе г. фонъ-Гока содержитъ въ себѣ семь отдѣловъ: 1) финансовое законодательство и финансовое управленіе; 2) таможенные пошлины и корабельные сборы; 3) налоги внутренніе; 4) поземельный налогъ, конфискаціи, завоеванная и оставленная собственность, государственныя имущества, монета, почта, разные доходы, доходы отдѣльныхъ штатовъ; 5 и 6) исторія, настоящее состояніе и вѣроятное будущее финансовъ, государственнаго долга, бумажныхъ денегъ и банковъ; 7) приложенія—статистическія данныя, обзоръ, таможенный тарифъ, банковые законы, дополненія и пр. Обзоръ первыхъ четырехъ отдѣловъ и болѣе подробное изложеніе пятого и шестаго составятъ предметъ настоящей статьи.

I. Финансовое законодательство и финансовое управленіе.

Финансовая законодательная власть принадлежитъ конгрессу, исполнительная — президенту и финансовому управленію, во главѣ котораго находится секретарь казначейства — министръ финансовъ. Съ самаго возникновенія Союза начинается и въ государственномъ хозяйствѣ борьба между государственнымъ единствомъ и автономіей отдѣльныхъ штатовъ, борьба, которая проявляется во всѣхъ сферахъ политической жизни и склоняется то на сторону государственнаго единства, при преобладаніи Сѣвера, то на сторону автономіи отдѣльныхъ штатовъ, при усиливающемся вліяніи Юга.

Стараніями Вашингтона, Франклина, Мадиссона и въ осо-

белости Александра Гамильтона удалось провести въ конституцію постановленія, которыми конгрессу предоставлено право устанавливать и взимать пошлимы, подати и акцизы для уплаты долговъ Союза, для огражденія его безопасности и для способствованія общественному благосостоянію. Право установленія налоговъ отдѣльными штатами ограничено властію конгресса. Въ видахъ содѣйствія общественному благосостоянію, конгрессу предоставлено устраивать торговыя и военныя дороги, оказывать пособіе постройкѣ каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, устанавливать законы о поселеніи, торговлѣ, банкротствахъ, выдавать патенты. Затѣмъ, дальнѣйшее участіе правительства въ общественномъ хозяйствѣ составляетъ предметъ спорный. Монроэ и Джексонъ, приверженцы самодержавія отдѣльныхъ штатовъ, оспаривали право конгресса на сооруженіе каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, на учрежденіе государственнаго банка и пр.; но при постепенномъ развитіи центральной власти, въ особенности во время преобладанія Сѣвера, расходы государства для общепользныхъ цѣлей значительно возрастали; такъ, среди обременительной для финансовъ междуусобной войны, конгрессъ 1-го іюля 1864 г. назначилъ сто милліоновъ долларовъ пособія на постройку желѣзной дороги къ Тихому Океану. Новая банковая система представляетъ также примѣръ внимательства государства въ дѣла народнаго хозяйства и притомъ въ видахъ централизаціи. Тѣмъ не менѣе отдѣльные штаты, независимо отъ государственнаго хозяйства, обнимающаго цѣлый Союзъ, имѣютъ и свои финансы, и свои долги. Исполнительная финансовая власть находится въ рукахъ президента, который, съ согласія сената, назначаетъ министра финансовъ и высшихъ, поименованныхъ въ законѣ, должностныхъ лицъ.

Въ финансовомъ управленіи, равно какъ и въ другихъ отрасляхъ администраціи, со времени перваго президентства Джексона, нѣтъ преградъ. Служащіе, занимающіе даже низшія должности, съ назначеніемъ новаго президента изъ среды партіи противной господствовавшей дотолѣ, уступаютъ мѣста приверженцамъ главы правительства. Джексонъ оправдывалъ этотъ порядокъ въ посланіи своемъ 1829 года къ конгрессу тѣмъ, „что люди, которые долго остаются въ должности и пользуются властію, становятся, по общему правилу, нерадивы и разсматриваютъ мѣста какъ свое достояніе,

а управление—какъ средство для достиженія своихъ личныхъ цѣлей; такимъ образомъ администрація становится чуждою своему назначенію — служить общественному благу. Занятія всѣхъ служащихъ такъ просты, или по крайней мѣрѣ могутъ быть такъ упрощены, что къ исполненію ихъ способны всѣ толковые люди⁴. Опытъ показалъ однакоже, что эта непрерывная смѣна вызываетъ охоту за мѣстами, которая не дѣлаетъ служащихъ ни усердными, ни честными; недостатокъ въ способныхъ людяхъ ощущался администраціей не разъ, и законодательство содержитъ много постановленій, ограждающихъ интересы казны денежными пенями и тюремнымъ заключеніемъ.

Независимо отъ этого, служащіе обязаны представлять залоговъ, которые для иныхъ должностей очень велики. Сборщикъ таможенныхъ пошливъ въ Нью-Йоркѣ обязанъ дать обезпеченіе въ 200.000 долларовъ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ, должности становятся недоступными для немногихъ. Несравненно дѣйствительнѣе защита частныхъ интересовъ судомъ. Всѣ служащіе, начиная отъ подчиненныхъ органовъ исполнительной власти и оканчивая статсъ-секретаремъ казначейства, президентомъ и членами конгресса, отвѣчаютъ предъ судомъ за ущербъ, нанесенный частнымъ лицамъ. Секретарь казначейства несетъ обязанности министра финансовъ въ обширномъ значеніи этого слова, и кромѣ того завѣдуетъ дѣлами, относимыми въ Европѣ къ министерствамъ торговли, морскому, къ государственному контролю и къ управленію путями сообщеній. Изъяты изъ его вѣдѣнія только почты, которыя имѣютъ особаго начальника, и государственныя земледѣльческія имуществва, которыя поручены министру внутреннихъ дѣлъ.

Для рѣшенія споровъ съ казначействомъ учрежденъ особый судъ, на постановленія котораго можетъ быть подана аппелляція въ Верховный Судъ Союза.

Секретарь казначейства назначаетъ на всѣ должности, кромѣ замѣщаемыхъ президентомъ; но и сіи послѣднія замѣщаются съ его согласія; онъ издаетъ инструкціи и регламенты, ассигнуетъ кредиты, назначенные конгрессомъ и, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ превысить опредѣленную норму. Всѣ платежи производятся съ его разрѣшенія. Наконецъ, въ кругу своей дѣятельности, онъ имѣетъ право смягчать

наказанія. Секретарю казначейства подчинены: два его помощника, государственный казначей и его помощникъ, два контролера, архивариусъ, шесть аудиторовъ казначейства, таможенный комиссаръ внутреннихъ налоговъ, контролеръ денежнаго обращенія, генераль-прокуроръ казначейства, начальникъ маяковъ, береговой съемки и пароходной инспекціи. Казначейство имѣетъ свои особыя кассы; но кассами служатъ также монетные дворы, таможни, кассы сборщиковъ податей, почтмейстеровъ, а со времени междуусобной войны, національные банки и банкиры. Государственный контроль сосредоточенъ въ рукахъ контролеровъ и аудиторовъ казначейства. Въ Союзѣ нѣтъ верховной счетной палаты, или учрежденія, утверждающаго правильность поступленій и расходовъ. Повѣрка отчетностей конгрессомъ, иногда очень мелочная, не отличается точностію, знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ.

Работы по повѣркѣ распределены между аудиторами; контролеры разсматриваютъ и регистрируютъ платежи, повѣрочные аудиторами, и разбираютъ споры между послѣдними и центральнымъ управленіемъ. При большомъ числѣ новыхъ налоговъ и должностныхъ лицъ, работа контроля сдѣлалась крайне затруднительною.

Въ счетоводствѣ принята двойная бухгалтерія, и всѣ служащіе обязаны представлять огромное число вѣдомостей и отчетовъ. Особою подробностію отличается отчетъ министерства финансовъ. Упрекъ, сдѣланный Токвилемъ администраціи Соединенныхъ Штатовъ въ томъ, что послѣ нея не остается слѣда, въ настоящее время былъ бы несправедливъ. Администрація потребляетъ $\frac{1}{10}$ часть бумаги, расходуемой въ предѣлахъ Союза и трудность при оцѣнкѣ дѣятельности управленія заключается въ обработкѣ громаднаго печатнаго матеріала.

II. Таможенныя пошлины и корабельныя сборы.

Таможенныя пошлины составляютъ въ обыкновенное время главный финансовый источникъ Союза, и послѣ рабства были доселѣ однимъ изъ главныхъ предметовъ раздора между промышленнымъ Сѣверомъ, поборникомъ протекціонизма, и земледѣльческимъ Югомъ, приверженцемъ свободы торговли.

Первый тарифъ 4-го іюля 1789 г. и слѣдовавшіе за нимъ до 1806 года, отличались либеральнымъ характеромъ. Репрессалии противъ Англіи и Франціи, въ 1806 г., вызвали запретительныя пошлины, а война съ Англіей въ 1812 г. возвышеніе тарифа. Это возвышеніе не только удержалось послѣ заключенія мира, но изъ временнаго обратилось въ постоянное. По тарифу 27-го апрѣля 1816 г., предложенному Далласомъ и нѣсколько смягченному конгрессомъ, вмѣсто 12% пошлины съ хлопчатобумажныхъ, стеклянныхъ и глиняныхъ товаровъ, назначена была пошлина отъ 20 до 25% (Далласъ предлагалъ отъ 30 до 33 $\frac{1}{2}$ %) Съ этой поры система запрещеній дѣлаетъ непрерывные успѣхи, несмотря на ожесточенное сопротивленіе Юга, и рядъ тарифовъ, — 1820, 1824 и 1828 г., доводитъ, несмотря на нѣкоторыя колебанія, среднюю величину налога съ цѣны привозныхъ товаровъ до 48%. Эта торговая политика вызвала протесты, составители которыхъ ссылались на конституціонное право, предоставляющее конгрессу налагать финансовыя, но не покровительственныя пошлины. Протесты и предложенія не имѣли, однакоже, успѣха, и новый тарифъ 1832 г. 14-го іюля удержалъ постановленія прежняго. Близость разрыва съ Югомъ, который ропталъ на то, что таможенная система обращаетъ его въ данника Сѣвера, склонила къ принятію предложеннаго Клеемъ компромисса, по которому всѣ пошлины, превышавшія 20% съ цѣны, подлежали пониженію на $\frac{1}{10}$ часть, черезъ каждыя два года до 1841 г., а къ 1842 г. должны были дойти до нормальнаго размѣра. Но между тѣмъ разразился кризисъ 1837 г. и подъ вліяніемъ преобладанія Сѣвера и партіи Клея, состоялся тарифъ 1842 г., который хотя и удержалъ высшій размѣръ пошлинъ въ 20%, но принялъ такія основанія для исчисленія пошлинъ съ цѣны, и такія пошлины съ вѣса и мѣры, что въ сущности компромиссъ былъ нарушенъ. Тогда одинъ изъ представителей раздраженнаго Юга пророчески предсказалъ, что „всякое мирное соглашеніе между Сѣверомъ и Югомъ, если не невозможно, то по крайней мѣрѣ весьма затруднительно“. Теченіе дѣлъ передало, однакоже, власть въ руки Юга. Тарифъ 1846 г. ввелъ умѣренные пошлины съ цѣны и замѣчательную простоту въ обложеніи товаровъ. Отсрочки въ платежѣ пошлинъ были замѣнены разумною складочною системою. Обстоятельства благоприятствовали свободѣ торговли. Открытіе золо-

тыхъ розсыпей и необыкновенное промышленное развитіе мирали протекціонистовъ съ свободой торговли и позволили сдѣлать еще шагъ въ духъ послѣдней изданіемъ тарифа 1857 г., которымъ назначены были пошлины среднимъ числомъ отъ 19 до 24% съ цѣны. Это былъ одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ тарифовъ; но онъ совпалъ съ кризисомъ и съ приготовлениями къ междуусобной войнѣ, которая способствовала восстановленію системы покровительства и за-щещеній.

Изыскивая средства для веденія войны, конгрессъ прежде всего обратился къ тарифу, и съ 5-го августа 1861 года издалъ рядъ постановленій, которыми предписано взисканіе возвышенныхъ пошлинъ чрезъ нѣсколько дней или недѣль послѣ утвержденія закона; въ то же время были сокращены сроки для складки товаровъ и введенъ строгій и стѣснительный контроль. Затѣмъ даны были поощренія внутреннему производству на счетъ государственнаго казначейства. Такъ положено употреблять для флота пеньку и пеньковыя издѣлія внутренняго производства, а для желѣзной дороги къ Тихому Океану—желѣзо домашней выдѣлки. Наконецъ, вопреки конституціи, наложены были въ 1865 году пошлины на вывозъ хлопка, петролеума, ртути, и пр. Тѣмъ не менѣе, протекціонисты остаются неудовлетворенными, пошлины достигаютъ $\frac{1}{2}$ и $\frac{2}{3}$ цѣны нѣкоторыхъ товаровъ, но внутренніе производители находятъ, что этого мало, и что ни одной унціи хлопка не слѣдовало бы вывозить въ сыромъ видѣ.

Не касаясь подробностей новаго тарифа, должно замѣтить, что онъ представляетъ много формальныхъ недостатковъ, допускаетъ дифференціальныя, возвратныя пошлины, преміи и, по мнѣнію г. фонъ-Гока, разрушаетъ еозданное въ 1857 г. Приговоръ этотъ, безъ сомнѣнія, справедливъ; не должно забывать однакоже, что тяжкіе таможенныя налоги были только необходимымъ послѣдствіемъ общаго возвышенія податей внутри государства и должны были послѣдовать помимо протекціонистскихъ соображеній.

Таможенная часть устроена по образцу англійской конца XVIII вѣка; но во время междуусобной войны были приняты особыя мѣры для предупрежденія контрабанды, которую вызвали стѣснительность постановленій и возвышеніе тарифа, и борьба съ которою, при высокихъ пошли-

нахъ, крайне затруднительна. При всемъ томъ, таможи дали въ 1864 г. около $\frac{2}{3}$, а въ 1865 году, $\frac{1}{4}$ часть обыкновенныхъ доходовъ, то-есть въ послѣдніе два года онѣ дали дохода на 50% болѣе, противу самаго благоприятнаго въ финансовомъ отношеніи періода 1853—1857 годовъ.

III. Внутренніе налоги.

Конгрессъ уполномоченъ конституціей устанавливать внутренніе налоги, и въ первую эпоху независимости нѣсколько разъ пользовался этимъ правомъ. Налогъ на хлѣбное вино былъ введенъ въ 1791 г., но вызвалъ сильное движеніе въ нѣкоторыхъ штатахъ и удержался лишь благодаря уменьшенію его размѣра и настойчивости Вашингтона, который въ іюль 1794 г. созывалъ милицію для того, чтобы подавить начинавшееся возстаніе. Въ тотъ же періодъ, между 1791 и 1794 г., установлены были сборы съ экипажей, нюхательнаго табаку, аукціоновъ, распивочной продажи спиртныхъ напитковъ и нѣк. др. Съ 1796 г. начинается отмѣна этихъ налоговъ, а въ 1802 г. всѣ внутреннія подати были отмѣнены. Правительство покрывало всѣ расходы союза таможенными сборами и нѣкоторыми другими мелкими статьями доходовъ. Во время войны съ Англіей, въ 1813—1815 годахъ, сдѣланъ былъ снова опытъ введенія внутреннихъ косвенныхъ налоговъ. Къ обложеннымъ предметамъ отнесли: соль, табакъ, сахаръ, напитки, карты игральныя и визитныя, желѣзо, бумагу, свѣчи, кожи, сапоги, башмаки, сѣдла, шапки и пр. при производствѣ; золотыя и серебряныя вещи — при пользованіи ими, кромѣ того, введены пошлины штемпельныя, патентныя, и др. Но уже въ 1816 г. многіе изъ этихъ сборовъ были уменьшены, а въ 1817 году послѣдовала совершенная ихъ отмѣна. Постепенно изгладилось самое воспоминаніе о томъ, что производство, продажа, потребленіе, сдѣлки, денежные обороты и пр., могутъ быть обложены податями и подлежатъ стѣснительному контролю.

Поэтому, въ началѣ междуусобной войны, конгрессъ сдѣлалъ сперва попытку покрыть чрезвычайные расходы возвышеніемъ таможенныхъ пошливъ, установленіемъ поземельнаго налога и подоходной подати, полагая, что этихъ средствъ будетъ достаточно для уплаты процентовъ по займамъ. Неудачи перваго года указали на ошибочность этихъ разче-

товъ, и конгрессъ, 21-го января 1862 г., опредѣлилъ установить систему податей, которая, вмѣстѣ съ таможенными доходами, дала бы 150 милліоновъ долларовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 1-го іюля 1862 г., дѣйствительно состоялся законъ, которымъ обложены были и внутреннее производство, и внутреннее потребленіе, и внутренніе обороты. Но и этотъ законъ вскорѣ оказался недостаточнымъ. При отсутствіи навыка въ законодателяхъ и въ исполнительныхъ органахъ нельзя было сразу достигъ желаемого результата; между тѣмъ громадныя потребности арміи и флота сдѣлали сумму въ 150 милл. долл. недостаточною, а погрѣшности въ системѣ и въ ея примѣненіи, сознавныя министромъ финансовъ, комиссаромъ внутреннихъ налоговъ и самимъ конгрессомъ, вызвали рядъ коренныхъ преобразованій — законы 3-го марта 1863 г., 1-го іюля 1864 г. и 3-го марта 1865 г., не считая постановленій объ отдѣльныхъ предметахъ. Послѣдній законъ содержалъ въ себѣ зародышъ дальнѣйшихъ плодотворныхъ преобразованій, потому что имъ учреждена коммиссія изъ трехъ членовъ, которая имѣетъ цѣлью изыскивать новыя средства и улучшать существующую систему. Коммиссія принялась за свою работу съ замѣчательнымъ усердіемъ и представила уже свой первый отчетъ, въ которомъ она сдѣлала оцѣнку всей финансовой системы Соединенныхъ Штатовъ. Къ недостаткамъ существующихъ внутреннихъ налоговъ, коммиссія относитъ: чрезмѣрное разнообразіе предметовъ, обложенныхъ податями, и стѣсненіе оборотовъ. Граждане Соединенныхъ Штатовъ, по словамъ одного остроумнаго французскаго путешественника (*Divergier d'Hauganne*), платятъ ежечасно, прямо и косвенно, за всѣ свои дѣйствія, за движимое и недвижимое имущество, съ дохода и съ потребленія, съ оборотовъ и за удовольствія. Штемпельная пошлина взимается съ самыхъ ничтожныхъ сдѣлокъ, съ ордеровъ и квитанцій въ 20 долларовъ и выше. Доходъ облагается податю постоянною и надбавочною. Къ этому присоединяются еще сборы отдѣльныхъ штатовъ, графствъ, общинъ, и добровольныя подписки, отъ которыхъ также трудно уклониться, какъ и отъ настоящихъ податей. Этого достаточно, чтобъ истощить терпѣніе народа, привыкшаго къ угнетенію, а не націи, которая считала отсутствіе налоговъ принадлежностію своей свободы. При всемъ томъ, народъ Соединенныхъ Штатовъ платилъ эти подати безъ

ропота, и цифра ихъ достигла, въ первые девять мѣсяцевъ 1865—66 года, 244 милліоновъ долларовъ, слѣдовательно годовую выручку можно полагать въ 325 милліоновъ долларовъ, то-есть 433 милліона рублей. Причина этого поразительнаго явленія заключается не только въ благосостояніи народа и въ огромныхъ промышленныхъ прибыляхъ послѣднихъ лѣтъ, въ упадкѣ цѣнности денежной единицы и вообще въ низкомъ размѣрѣ отдѣльныхъ налоговъ, но, въ особенности, въ томъ обстоятельствѣ, что эта система податей установлена представителями большинства, для цѣли ими одобренной — для сохранения цѣлости Союза и для упроченія преобладанія Сѣвера надъ Югомъ.

Ознакомивъ читателей съ содержаніемъ постановленій о внутреннихъ налогахъ, г. фонъ-Гокъ представляетъ мастерской очеркъ всей совокупности разнородныхъ податей, приведенныхъ имъ въ стройную систему. Изложеніе свое онъ начинаетъ съ очерка управления и характеристики его дѣятельности, за тѣмъ разсматриваетъ: а) патентный сборъ, б) подати съ потребленія, в) пошлины, взимаемая при совершеніи сдѣлокъ, при переходѣ имущества и судебныхъ, г) подоходный налогъ и наконецъ въ заключеніе приводитъ д) общіе результаты.

Управление раздѣляется на округа, изъ коихъ нѣкоторые обнимаютъ цѣлые штаты, а другіе составляютъ только небольшую часть одного штата (въ Нью-Йоркѣ считается 32 округа). Въ каждомъ округѣ полагаются раскладчикъ и сборщикъ съ ихъ помощниками и бѣльшимъ или меньшимъ числомъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ.

Расходы взиманія, не считая издержекъ на печатаніе, составляли въ 1864—1865 финансовомъ году 2,75%.

Обложеніе податями основано прежде всего на присяжномъ показаніи плательщиковъ.

Въ случаѣ отказа, или невѣрныхъ показаній, ассессоръ требуетъ къ суду плательщика, его повѣреннаго или лицо, которое можетъ сообщить ему необходимыя свѣдѣнія, и подвергаетъ ихъ штрафамъ. Если плательщикъ или его повѣренный вовсе не находится въ округѣ, подать устанавливается административнымъ путемъ. За ложныя показанія или сопротивленіе, относительно сообщенія свѣдѣній, назначается пеня въ 1.000 долларовъ или годичное тюремное заключеніе. Окладные листы могутъ быть въ теченіи двухъ

недѣль разсматриваемы и обжалованы плательщиками. Затѣмъ сборщикъ публикуетъ листы, съ указаніемъ мѣста, гдѣ долженъ быть сдѣланъ взносъ (не рѣше, какъ десять дней спустя по публикаціи). Въ случаѣ просрочки взимается десятипроцентная надбавочная пошлина. Раскладчикъ, сборщикъ и инспекторъ имѣютъ право входить въ промышленныя помѣщенія; требовать книгъ и другихъ счетовъ не дозволяется ему, но документы эти должны быть, въ случаѣ необходимости, предъявлены суду. Затѣмъ законъ опредѣляетъ порядокъ отсрочки, платежа, храненія обложенныхъ предметами предметовъ, возврата таможенныхъ пошлинъ и внутреннихъ налоговъ.

При всей сложности этой податной системы, и при громадной работѣ, которую она налагаетъ на управление (ежедневно комиссаръ внутреннихъ налоговъ получаетъ 1½ тонны, то-есть 90 пудовъ бумагъ), результаты ея, какъ замѣчено было выше, удовлетворительны. Корчемство и утайка, конечно, неизбежны, но управленіе внутреннихъ налоговъ дѣйствуетъ лучше чѣмъ управленіе по таможенной части.

Перечень патентныхъ сборовъ, акцизовъ, административныхъ и судебныхъ пошлинъ, съ краткимъ указаніемъ ихъ размѣра, порядка наложенія и взиманія, занимаетъ въ сочиненіи г. фонъ-Гока цѣлыя 86 страницъ. Производства, предметы и сдѣлки, не обложенные налогами, составляютъ рѣдкое исключеніе. Патентную пошлину платятъ всѣ промыслы, начиная отъ банкира и оканчивая медіумами и спиритами; подати съ потребления взимаются, начиная съ экипажей, столоваго серебра, напитковъ, строительныхъ матеріаловъ, питательныхъ веществъ, и оканчивая предметами первой необходимости—солью, топливомъ, освѣтительными матеріалами и фосфорными спичками. Не менѣе разнообразны и многочисленны пошлины административныя, судебныя,—съ торговыхъ дѣйствій, перехода имущества, и разнаго рода гербовые сборы (штемпель).

Эта сложная податная система дополняется подоходнымъ налогомъ, при чемъ чистый доходъ до 600 долларовъ считается свободнымъ отъ податей; доходъ отъ 600 до 5.000 долларовъ платитъ 5%, а свыше 5.000 долларовъ 10%. Порядокъ исчисленій валоваго дохода и указаніе вычетовъ, которые должны быть изъ него сдѣланы, для вывода чистаго дохода, опредѣляетъ законъ.

Въ 1865 г. подоходной подати собрано:

	Милл. долл.
1) Съ чистой прибыли кредитныхъ учреждений	3,98
2) „ средствъ сообщеній и транспортовъ.	2,47
3) „ страховыхъ обществъ	0,76
4) „ государственныхъ выдачъ (содержанія).	2,83
5) „ другихъ доходовъ	20,56
6) Чрезвычайнаго подоходнаго налога	28,92
Всего	59,52

IV. Поземельный налогъ, конфискаціи, военная добыча, государственныя земледѣльческія имущества, монета, почта, разные доходы, доходы отдѣльныхъ штатовъ.

1) Поземельная подать. Отдѣльные штаты покрываютъ свои внутренніе расходы поземельною податью (direct-tax), которая падаетъ на земли и постройки, а прежде налагалась и на цѣнность рабовъ. Она раскладывается на графства и общины, а послѣдними налагается на поземельныхъ владѣльцевъ. Для покрытія расходовъ на чрезвычайныя потребности союзное правительство не разъ обращалось къ этому источнику, назначая сумму, которая должна была быть собрана отдѣльными штатами для Союза сверхъ предназначенной на внутренніе ихъ расходы. Подать эта дала въ 1798 г. 2 милл. долл., въ 1812 году 6 милл.; по закону 1861 г. определено было собрать 20 милл. Сборъ предоставленъ былъ самимъ штатамъ, за комиссію назначено 15%. По закону 1862 года поземельная подать распространена и на южные штаты, съ увеличеніемъ оной 50% надбавочными.

2) Конфискаціи, захватъ и военная добыча дали въ 1863—64 годахъ 3,98 милл., а въ слѣдующемъ году около 2½ милл. долл.

3) Государственныя земледѣльческія имущества занимаютъ пространство 2.265.625 англійскихъ квадратныхъ миль. Назначеніе ихъ очень разнообразно, но цѣли благоустройства преобладаютъ надъ финансовыми.

Вскорѣ по установленіи Союза правительство приступило къ измѣренію и къ продажѣ земель. Въ концѣ сентября 1865 г. состояло вымѣрившихъ и предназначенныхъ къ продажѣ земель 132 милл. акровъ. Продажа производится съ публичнаго торга, но съ предоставленіемъ преимущественнаго права покупки:

Вопервыхъ тѣмъ, которые прибрѣтаютъ земли по такъ-называемому *Homestead law*, закону заселенія, изданному въ 1862 г. Законъ этотъ постановляетъ условія, которыя съ одной стороны облегчаютъ прибрѣтеніе земли, а съ другой—обязываютъ къ ея обработкѣ и запрещаютъ продажу въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ. Наименьшая цѣна за участки въ 160 акровъ $1\frac{1}{4}$ долл. за акръ; за участки въ 80 и менѣе акровъ, въ два раза выше.

Во-вторыхъ, тѣмъ, которые самовольно заняли пусто-порожнія земли. Впрочемъ, владѣльцы такихъ участковъ могутъ прибрѣсти въ собственность за установленную цѣну только пространство извѣстнаго размѣра. Не имѣютъ этого права тѣ, которые или уже однажды воспользовались имъ, или уже имѣютъ 80 акровъ земли, или оставили свои земли для того только, чтобы поселиться на земляхъ государственныхъ. Земли подъ города и земли съ ископаемыми продаются по особымъ правиламъ.

Кромѣ продажи, законы допускаютъ пожалованья: для училищнаго фонда отдѣльныхъ штатовъ, для путей сообщенія, каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, для осушенія болотъ и проч., наконецъ, за военную службу, такъ-называемыя *military bounty-lands*.

Продажа земель составляетъ постоянный финансовый источникъ Союза, но выручаемыя суммы очень различны. Въ 1811 г., впервые, получено свыше 1 милл. долл. До 1834 г. выручка рѣдко превышала эту цифру, достигая, впрочемъ, въ иные годы 2, 3 и 4 милл. долл.; въ 1835 и 1836 г. получено 14,8 и 21,9 милл. долл.; но за тѣмъ статья эта стала снова менѣе при-быльною: съ 1837 г. по 1840 г. она приносила отъ 3 до 7 милл., а съ 1841 по 1853 г. отъ 1 до 3 милл. долл. Спекуляціи 1854—56 годовъ, подобно бывшимъ въ 1835—36 г., подняли снова доходъ до 8,5, 11,5 и 8,9 милл. долл., но съ 1857 г. по 1860 г. выручка составляла опять отъ 1,8 до 3,8 милл. Во время войны въ 1862 г. доходъ упалъ до 160.000 долл., но въ 1866 г. ожидалась снова выручка свыше 1 милл. долл.

3) Монета въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя и составляетъ регалію государства, но не приноситъ дохода.

4) Почты только въ теченіи послѣднихъ лѣтъ достигли равновѣсія въ бюджетѣ и не требуютъ приплаты со стороны казначейства.

5) Прочіе доходы Союза. Доходы отдѣльныхъ штатовъ.

Подъ рубрикой *Разныя доходы* (Miscellaneous) показаны въ бюджетѣ 1864 года:

	Милл. долл.
Оставленное неприцелемъ и завоеванное имущество.	2,2
Призовые деньги	4,1
Таможенныя пошлины внутреннія	5,8
Прибыль отъ продажи золота	19,2
" отъ кредитныхъ операций.	12,5
Разныя статьи	3,7
	47,5

Доходы отдѣльныхъ штатовъ состоятъ изъ поземельной подати и другихъ статей; точная цифра ихъ не извѣстна.

V. Положеніе финансовъ. Государственный долгъ, бумажныя деньги и банки.

Бумажныя деньги были первымъ финансовымъ средствомъ новообразовавшагося Союза. Средство это не было новостію для англійскихъ колоній; въ Родъѣландѣ уже въ 1751 г. за шиллингъ серебромъ давали 11 шиллинговъ бумажками. Такое же отношеніе существовало и въ Массачусетсѣ въ 1749 г. Конгрессъ началъ въ 1775 г. съ выпуска бумажекъ на 2 милл. долл., въ концѣ того же года ихъ было на 20 милл. въ обращеніи. Въ теченіи первыхъ 18 мѣсяцевъ бумажныя деньги удерживали свою нарицательную цѣнность; но съ увеличеніемъ выпусковъ началось и непрерывное паденіе курса. Все было напрасно: и признаніе бумажекъ законнымъ платежнымъ средствомъ, и торжественное заявленіе конгресса 13-го сентября 1779 г. слѣдующаго содержанія: „Сомнѣніе въ честности конгресса невозможно, потому что нарушеніе общанія погубило бы честь и достоинство Америки. Вѣроломная и обанкротившаяся республика была бы совершенно новымъ явленіемъ во всемірной исторіи. Никогда враги Америки и человечества не должны имѣть права сказать, что независимая Америка перестала и была неспособна платить свои долги.“

Годъ спустя послѣ этого заявленія, Вашингтонъ писалъ, что возъ бумажныхъ денегъ едва достаточенъ для уплаты за возъ сѣвѣстныхъ припасовъ. Въ концѣ 1781 г., при выпускѣ въ 300 милл. долл., за 1.000 долл. бумажками давали 1 долл. серебромъ. Банкротство не коснулось только процентнаго долга. По настоянію Гамильтона, бывшаго секретаря казначей-

ства, внѣшній долгъ, заключенный на металлическія деньги, былъ признанъ вполнѣ; внутренній—перечисленъ на серебро, по оцѣнкѣ тотъ и другой составляли въ 1791 г. 54 милл. долл. на монету.

Съ этихъ поръ Союзъ придерживался въ системѣ государственнаго кредита двухъ началъ: заключать только срочные займы и предпочитать большій процентъ уступкѣ на капиталѣ, или преміямъ. Поэтому въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ ни непрерывныхъ облигацій, ни лотерейныхъ займовъ.

Краткосрочные займы, на срокъ отъ 1 до 3 лѣтъ, заключаются посредствомъ выпуска билетовъ казначейства (bond, notes); долгосрочные посредствомъ выпуска облигацій (bonds). По всѣмъ этимъ бумагамъ платится около 6%, проценты по билетамъ казначейства выдаются при извлеченіи ихъ изъ обращенія, или же въ полугодичные сроки по купонамъ; проценты по облигаціямъ выплачиваются въ полугодичные сроки по купонамъ. Билеты казначейства выдаются на предъявителя и принимаются кассами въ платежи. Облигаціи бываютъ или на предъявителя, или именные, переуступаемыя по трансфертамъ и не подлежація погашенію. Въ послѣднее время кредиторамъ предоставлялось избирать ту или другую форму облигацій.

Въ видахъ погашенія государственнаго долга и созданія государственнаго кредита, независимаго отъ заграничныхъ рынковъ, по предложенію Гамильтона, учрежденъ былъ въ 1791 г., срокомъ на 20 лѣтъ, государственный банкъ, которому предоставлено давать центральному правительству ссуды въ 100.000, а правительствамъ штатовъ въ 50.000 долл. Сверхъ сего, банкъ принималъ на себя посредничество по заключенію государственныхъ займовъ.

Финансовое положеніе Союза быстро улучшалось, несмотря на неблагоприятныя обстоятельства. Съ 1791 по 1811 г. государственный долгъ уменьшился отъ 75,5 милл. долл. до 48 милл., а обыкновенные доходы возрасли отъ 4,4 до 14,4 милл. долл. Между тѣмъ срокъ привилегіи государственнаго банка окончился. Нужды въ этомъ учрежденіи не было, и оно ликвидировало свои дѣла; 88 частныхъ банковъ, учрежденныхъ подъ охраной законовъ отдѣльныхъ штатовъ, удовлетворяли потребностямъ торговли и производили денежныя обороты казначейства. Съ этого времени, отъ секретаря казначейства и отъ служащихъ по финансовой части зависѣло

принимать въ платежи билеты того или другаго банка, хранить въ томъ или другомъ банкѣ свои средства. Расходы войны 1812—13 года были покрыты выпусками билетовъ государственнаго казначейства и облигацій срочныхъ займовъ. Къ выпуску бумажныхъ денегъ правительство не прибѣгло, но банки, увеличившіе выпуски своихъ оборотныхъ билетовъ, принуждены были прекратить свои платежи, даже на золото въ 1814 г. достигалъ 22%. Въ видахъ восстановленія металлическихъ платежей былъ вновь учрежденъ государственный банкъ въ Филадельфіи, съ капиталомъ въ 35 милл., срокомъ на 20 лѣтъ. Пятую часть акцій взяло правительство. Банкъ обязанъ былъ, по всѣмъ невыплаченнымъ билетамъ и депозитамъ, насчитывать 12%. Всѣ платежи въ казначейство могли быть производимы только или монетою, или билетами казначейства или билетами государственнаго банка. Эти постановленія принудили частныя банки возобновить металлическіе платежи, что, конечно, обошлось не безъ банкротствъ и потерь: съ 1811 по 1820 г. 197 банковъ сдѣлались несостоятельными.

Но эти бури стихли, долгъ государственный съ 1816 по 1825 г. уменьшился отъ 120,2 милл. до 73 милл. долл., а число свободныхъ банковъ увеличилось до 350. Въ 1832 г. государственный долгъ былъ выплаченъ, и 30 милл. долл. числились на счету правительства въ союзномъ банкѣ. Сумма эта достигла 46 милл. въ 1836 г. и была роздана въ видѣ безпроцентной ссуды отдѣльнымъ штатамъ, за исключеніемъ 5 милл., которые должны были оставаться въ запасъ. Между тѣмъ, съ 1828 г. президентъ Джексоуъ начинаетъ борьбу съ могущественнымъ банкомъ, который, съ 25-ю конторами и 1.000 служащими, дѣятельно противился его кандидатурѣ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, Джексоуу удалось изъять изъ вѣдѣнія банка фонды казначейства. Привилегія банка, съ истеченіемъ ея срока въ 1836 г., прекратилась, и секретарю казначейства предоставлено было ввѣрять суммы, принадлежащія Союзу, банкамъ отдѣльныхъ штатовъ, въ размѣрѣ, не превышающемъ $\frac{1}{4}$ ихъ основнаго капитала. Секретарь казначейства могъ, для помѣщенія казенныхъ суммъ, избирать банки по своему усмотрѣнію (за исключеніемъ только тѣхъ, которые выпускали билеты достоинствомъ ниже 5 долларовъ), требуя отъ банковъ обезпеченій и платежа процентовъ. Джексоуъ, врагъ индустриализма и банковской системы,

хотѣлъ идти далѣе и запретить казначейству приѣмъ другихъ платежныхъ средствъ, кромѣ монеты, но былъ оставленъ конгрессомъ. Съ прекращеніемъ привилегіи, государственнѣй банкъ продолжалъ дѣйствовать въ качествѣ частнаго пенсильванскаго банка. Утрата имъ прежняго своего положенія совпала съ порою всеобщаго промышленнаго возбужденія, которому не мало способствовала представившаяся частнымъ банкамъ возможность, по прекращеніи привилегіи государственнаго банка, увеличить выпуски своихъ билетовъ. Самая необузданная спекуляція смѣнила спокойное теченіе дѣлъ и разразилась кризисомъ 1837 г. Потери въ одномъ Нью-Йоркѣ составляли до 100 милл. долл., прежній государственный банкъ ликвидировалъ свои дѣла, съ потерей въ 70 милл.; его паденіе увлекло и другіе банки. Среди общей катастрофы погибло 180 кредитныхъ учрежденій.

Если правительство Союза не потерпѣло отъ этихъ банкротствъ, то пострадало финансовое положеніе отдѣльныхъ штатовъ. Спекуляція овладѣла и ими; не имѣя права выпускать бумажныя деньги, для постройки желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, и пр., штаты основывали банки, капиталъ которыхъ состоялъ изъ облигацій. Такъ составленъ былъ миссисипскій союзный банкъ въ 1837, съ капиталомъ въ 15½ милл. долл. Для составленія основнаго капитала правительство штата дало 15 милл. долл. облигаціями, съ тѣмъ, чтобъ эти облигаціи возвращались ему по мѣрѣ распродажи акцій. Между тѣмъ, для начала операцій, понадобились деньги; почему и разрѣшено было банку продать на 5 милл. облигацій, по курсу парн, на наличныя металлическія деньги. Повидимому, всѣ юридическія формальности были соблюдены, но требованіе закона, чтобы заемъ штата былъ утвержденъ въ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ сессіяхъ парламента, было обойдено на томъ основаніи, что выпускъ облигацій для учрежденія банка былъ уже разрѣшенъ, и что дѣло идетъ лишь о новомъ способѣ ихъ употребленія. Облигаціи были проданы въ Европѣ, при посредствѣ англійскихъ и голландскихъ домовъ; но когда наступилъ хлопковый кризисъ 1839 г., тогда платежъ процентовъ и погашенія по облигаціямъ былъ прекращенъ, и на письмо Гопе, губернаторъ Миссисипи, Поттъ, отвѣчалъ, что штатъ не можетъ признать государственнаго долга, не утвержденного въ двухъ сессіяхъ парламента, не говоря уже о томъ, что

облигаціи были проданы безъ соблюденія постановленнаго условія уступки на наличныя деньги: взносы были сдѣланы по срокамъ. Этотъ отказъ въ платежъ (*repudiation*) вызвалъ пренія въ конгрессѣ, гдѣ защитники отказа, въ томъ числѣ знаменитый вынѣ Джефферсонъ Девисъ, взяли верхъ, ссылаясь на необходимость соблюсти законность и конституціонное право штатовъ. *Репудіація* была принята многими штатами, и только въ Иллинойсѣ и Кентукки дѣла права и общественной нравственности взяли верхъ.

Таковы были послѣдствія кризисовъ 1837 и 1839 г. и вмѣшательства правительства въ денежное обращеніе. Событія эти остались не безъ вліянія и на развитіе банковаго законодательства.

Сначала въ Нью-Йоркѣ, а потомъ и въ другихъ штатахъ принять былъ общій законъ для банковъ, который ограничилъ право выпуска билетовъ; за тѣмъ конгрессъ отдѣлилъ государственное казначейство отъ банковъ.

По нью-йоркской банковской системѣ, право выпуска банковыхъ билетовъ поставлено было въ зависимость отъ разрѣшенія штата, которое выдавалось по полученіи удовлетворительныхъ свѣдѣній относительно величины акціонернаго капитала, дѣйствительной его уплаты и безопасности банковыхъ операций. Изготовленіе банковыхъ билетовъ предоставлено было штату, который выдавалъ 90 долл. билетами за 100 долл., внесенныхъ въ качествѣ залога процентными бумагами штата или Союза. Каждый банкъ долженъ былъ имѣть извѣстный металлическій фондъ. Въ случаѣ прекращенія размѣна билетовъ на монету по предъявленію, банкъ утрачивалъ право выпуска, а владельцы билетовъ вознаграждались штатомъ, который продавалъ бумаги, представленныя банкомъ въ залогъ.

Особый инспекторъ обязанъ былъ имѣть наблюденіе за обращеніемъ билетовъ и за ходомъ операций возникавшихъ, дѣйствовавшихъ и ликвидировавшихъ свои дѣла банковъ.

Система эта была принята съ 1838 по 1858 г. 12-ю штатами, въ которыхъ банки имѣли основнаго капитала 53 милл. долларовъ, при обращеніи въ 97 милл., и послужила основаніемъ для устройства національныхъ банковъ въ 1862 году. Другая система, древнѣйшаго происхожденія, заимствованная штатами Новой Англійи изъ Шотландіи, такъ-называемая Суффокская, состояла въ обмѣнѣ билетовъ однихъ

банковъ на другіе, два раза въ недѣлю, по примѣру расчетныхъ палатъ (Clearing houses). Банкъ, не имѣвшій средствъ для уплаты разности, терялъ право выпуска билетовъ; акціонеры же несли неограниченную отвѣтственность по обязательствамъ банка.

Что касается отдѣленія казначейства отъ банковъ, то законъ о кассовомъ устройствѣ 1841 года, отмѣненный на время, и восстановленный въ 1846 г., установилъ, независимо отъ банковъ, центральныя и вспомогательныя государственныя кассы и вмѣнилъ имъ въ обязанность принимать и производить платежи или металлическими деньгами, или билетами казначейства съ зачетомъ процентовъ. Вслѣдъ за тѣмъ изданъ былъ законъ о непрерывномъ веденіи счета государственнаго долга. Кризисы 1836 и 1839 г., а затѣмъ мексиканская война потребовали новыхъ займовъ, которые довели долгъ до 67,3 милл. въ 1853 году, но къ 1-му іюля 1857 г. долгъ понизился снова на 29 милл., число банковъ увеличилось до 1,416, при обращеніи въ 214,8 милл., депозитахъ въ 230,4, основномъ капиталѣ въ 371 милл., активѣ въ 684 и при металлическомъ фондѣ въ 58,3 милл. долл.

Во второй половинѣ 1857 г. разразился кризисъ. Огромныя затраты капитала въ товарахъ, купленныхъ на спекуляцію, и въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, сдѣлали расплату по долговымъ обязательствамъ невозможною. Приходилось платить 24,60, даже 100% за занятыя капиталы; банки вынуждены были ограничивать свой кредитъ, но и это не помогло; предъявленіе билетовъ къ платежу и востребованіе вкладовъ заставило банки приостановить размѣнъ.

Промышленныя потрясенія отозвались на финансахъ Союза, который снова былъ вынужденъ обратиться къ займамъ, и долгъ къ 1-му іюля 1860 г. возросъ до 64,8 милл. долларовъ. Вскорѣ, однакоже, наступилъ поворотъ къ лучшему. Частный кредитъ поправился прежде государственнаго; къ 1-му января 1860 г. число банковъ возрасло до 1605, съ капиталомъ въ 429,6, съ активомъ въ 696,8 милл., металлическимъ фондомъ въ 91,3 милл., обращеніемъ въ 202 икладами на 257,2 милл. долл.

Таково было положеніе финансовъ Союза и банковъ предъ началомъ междуусобной войны. Борьба съ Югомъ застала Сѣверъ врасплохъ. Правительство вѣрныхъ Союзу штатовъ не имѣло ни денегъ, ни войска, ни оружія. Займы,

разрѣшенные конгрессомъ, со второй половины 1860 г. по июнь 1861 г., на 45 милл. долларовъ и выпускъ 10 милл. билетовъ казначейства съ трудомъ находили помѣщеніе, и секретарь казначейства принужденъ былъ обратиться къ солдѣтствію банковъ Нью-Йорка, Филадельфіи и Бостона, которые приняли у него на 6,4 милл. облигацій, по курсу отъ 85 до 93, и на 2,2 милл. билетовъ казначейства по нарицательной цѣлѣ. Среди такихъ обстоятельствъ окончился 1860—61 финансовый годъ. Государственный долгъ возросъ до 90,9 милл.; доходы составляли 41,5, расходы 83,4 милл. Не удивительно, что денежный рынокъ оказывался неподатливымъ.

По открытіи конгресса 1861 г. 4-го іюля, законами 17-го іюля и 5-го августа разрѣшенъ былъ заемъ въ 250 милл. долл., при чемъ министру финансовъ предоставляемъ былъ широкій просторъ въ выборѣ средствъ для реализаціи займа. Секретарь казначейства могъ: 1) вполнѣ или отчасти выпустить 6% облигаціи, срокомъ на 20 лѣтъ, или 2) выпустить билеты государственнаго казначейства троякаго рода:

а) Приносящіе по два цента въ день, то-есть $7\frac{1}{10}\%$, срокомъ на три года, достоинствомъ не ниже 50-ти долл.

б) Приносящіе по одному центу въ день, то-есть $3\frac{65}{100}\%$, срокомъ на годъ, достоинствомъ отъ 5 до 50 долл., съ правомъ обмѣна на предыдущіе, на суммы не менѣе 100 долл.

в) Безпроцентныя, собственно бумажныя деньги, достоинствомъ отъ 10 до 50 долл., уплачиваемыя въ казначействахъ Нью-Йорка, Филадельфіи, Бостона, С. Луи и Сивасвети, по предъявленію. Итогъ выпуска этихъ билетовъ казначейства не долженъ былъ превышать 50 милл. долл. Для заключенія займа положено было открыть публичную подписку, но секретарю казначейства разрѣшено было употребить 100 милл. билетовъ казначейства на платежи и на закупку драгоценныхъ металловъ. Затѣмъ разрѣшено было билеты казначейства $7\frac{1}{10}\%$ обращать въ 6% облигаціи, суммами не менѣе какъ въ 500 долл. Исключеніемъ изъ билля статьи, разрѣшавшей займы подъ залогъ таможенныхъ пошлинъ, конгрессъ отрѣзалъ министру возможность прибѣгать къ вѣшнимъ займамъ.

Относительно внутреннихъ налоговъ, конгрессъ выказалъ большую сдержанность. Въмѣсто 30 милл. поземельной подати, онъ разрѣшилъ всего 20 милл., изъ коихъ 8 милл. причиталось на долю мятежныхъ штатовъ. Подоходный налогъ былъ принятъ, но со многими ограниченіями.

Между тѣмъ Буль-рунское пораженіе нанесло сильный ударъ кредиту и сдѣлало заключеніе займа невозможнымъ. Полуубѣжденные, полупривужденные, банки согласились принять 50 милл. 7⁸/₁₀% билетовъ казначейства по нарицательному курсу, съ условіемъ повторить эту операцію черезъ два мѣсяца, если только мѣры, принятыя правительствомъ для сбыта бумагъ, будутъ имѣть успѣхъ. Участіе общества позволило въ самомъ дѣлѣ банкамъ сбыть 100 милл. билетами казначейства и уплатить расходовъ тѣми же билетами на 24,6 милл. долл. Но въ концѣ 1861 г. банки не захотѣли болѣе принимать билетовъ казначейства и потребовали облигацій съ значительною уступкой противъ биржевой ихъ цѣны: секретарь казначейства Чезъ принужденъ былъ уступить, потому что дѣйствительно предстоявшій дефицитъ оказался гораздо выше исчисленнаго. Къ финансовымъ затрудненіямъ присоединилось прекращеніе металлическихъ платежей банками. Востребованіе почти 40 милл. долл. съ 7-го декабря 1861 г. по 4-е января 1862 г., 18 милл. золотомъ, 21,8 милл. вкладами, заставило банки съ 1-го января 1862 г. въ предѣлахъ почти всего союза отказаться отъ размѣна, который удержался только въ Орегонѣ и Калифорніи.

Секретарь казначейства отчаялся въ возможности новаго займа и увидѣлъ въ выпускѣ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ единственное средство спасенія. Хотя конгрессъ издавалъ постановленія о выпускѣ новыхъ процентныхъ бумагъ, облигацій и билетовъ государственнаго казначейства, и хотя эти бумаги находили сбытъ, но онѣ, главнымъ образомъ, служили для постепеннаго превращенія въ процентные займы бумажныхъ денегъ, которыя были установлены законами 25-го февраля, 1-го и 17-го марта 1862 года.

Еще 12-го февраля количество безпроцентныхъ и уплачиваемыхъ по предъявленію билетовъ казначейства (demand notes) было умножено 10-ю милл., но законъ 25-го февраля 1862 г. опредѣлилъ, за извлеченіемъ этихъ билетовъ, выпустить на 250 милл. государственныхъ билетовъ (бумажныхъ денегъ) разныхъ достоинствъ, не ниже 5 долл. Они были объявлены законнымъ платежнымъ средствомъ (legal tender) въ цѣломъ государствѣ, только платежи таможенныхъ пошлинъ и процентовъ по государственному долгу должны были производиться монетою.

Билеты эти разрѣшено было суммами въ 50 долл., и кратными сего числа превращать въ 6% облигаціи, уплачиваемыя не ранѣе, какъ черезъ 5 и не позже, какъ черезъ 20 лѣтъ, отчего, на биржевомъ языкѣ, онѣ были извѣстны подъ названіемъ $\frac{5}{20}$.

За симъ секретарь казначейства былъ уполномоченъ принимать государственные билеты суммами не менѣе 100 долл. и не менѣе какъ на 30 дней въ 5% вклады, съ обѣщаніемъ возврата въ 10 дней по востребованію. Итогъ этихъ депозитовъ не долженъ былъ превышать 25 милл. долл.; законъ 17-го марта увеличилъ эту сумму до 50 милл. долл.

Таможенные доходы были предназначены для уплаты текущихъ процентовъ и 1% процента ежегоднаго погашенія по государственнымъ займамъ.

Наконецъ законъ 1-го марта 1862 г. уполномочилъ секретаря казначейства выдавать, вмѣсто денегъ, вѣрителямъ государства 5% свидѣтельства (сертификаты) съ обязательствомъ уплаты по онымъ не позже какъ по истеченію года. Законъ 3-го марта 1862 г. установилъ бумажныя размѣныя, то-есть мелкія деньги, уполномочивъ кассы принимать и выдавать почтовые и штемпельныя марки, на суммы не болѣе 5 долл., въ тѣхъ случаяхъ, когда было разрѣшено принимать государственные билеты въ платежи. Размѣныя бумажныя деньги вымѣнивались въ кассахъ за государственные билеты въ количествѣ не менѣе 5 долл.

Для извлеченія изъ обращенія прежнихъ безпроцентныхъ билетовъ государственнаго казначейства, по закону 17-го марта 1862 г., разрѣшено было принимать ихъ въ уплату таможенныхъ пошлинъ.

Законъ 25-го февраля 1862 г. освободилъ также государственныя процентныя бумаги отъ обложенія налогами въ пользу общинъ, графствъ и штатовъ.

Этими законами впервые было установлено различіе между бумажными деньгами, которыя служили для всѣхъ и такими, которыя служили лишь для нѣкоторыхъ платежей. Таможенный доходъ, предназначенный не только для уплаты процентовъ по государственному долгу и для образованія фонда погашенія, но также и для извлеченія прежнихъ безпроцентныхъ билетовъ казначейства, которыхъ было въ обращеніи на 78 милл. долл., оказался недостаточнымъ. Курсъ государственныхъ бумагъ и бумажныхъ денегъ началъ быстро

падать, несмотря на биржевыя операціи, которыми министр финансовъ старался поправить дѣло. Публика скоро разгадывала ихъ, и онѣ составляли одну лишь напрасную издержку. Упадку кредита способствовали и военныя неудачи.

Къ 1-му іюля 1862 года государственныи долгъ возросъ до 514,2 милл.; обыкновенныя доходы, несмотря на увеличеніе таможенныхъ пошлинъ, на поземельный и подоходный налогъ, дали въ 1861—62 г. 51,9 милл.; займы и бумажныя деньги доставили 443,6 милл. Кромѣ 476,7 милл. расходовъ, министру финансовъ предстояло въ теченіе года уплатить 96,1 милл. долга. Лажъ на золото возросъ въ іюль до 20%. Въ 1862 г. конгрессъ рѣшился прибѣгнуть къ внутреннимъ налогамъ. По его соображеніямъ, эти налоги должны были доставить сумму, отъ которой, за отчисленіемъ процентовъ слѣдующихъ по государственнымъ займамъ, долженъ былъ получиться остатокъ, равный двойной суммѣ издержекъ на армію и флотъ прежняго мирнаго времени. Чрезвычайныя военныя расходы предполагалось покрывать безпроцентными займами. Для подкрѣпленія казначейства разрѣшенъ былъ закономъ 11-го іюля 1862 г. приемъ процентныхъ вкладовъ до 100 милл. и дозволенъ выпускъ на 150 милл. бумажныхъ денегъ, въ томъ числѣ на 35 милл. достоинствомъ отъ 1 до 5 долл. Изъ упомянутыхъ 150 милл., 50 милл. должны были составить фондъ для удовлетворенія вкладчиковъ, еслибы востребованія превышали взносы.

Въ видахъ поддержанія системы вкладовъ и приема кредиторами государства свидѣтельствъ (сертификатовъ) вмѣсто наличныхъ платежей, постановлено, что свидѣтельства могутъ быть обращаемы въ 6% облигаціи съ уплатой въ періодъ времени отъ 5 до 20 лѣтъ.

Правительство вступило такимъ образомъ на опасный путь веденія войны бумажными деньгами съ принудительнымъ курсомъ. Государственные билеты, названныя по цвѣту оборотной стороны *зелеными спинками*, выпускаемые по принудительному курсу, испытывали колебанія цѣнности, подъ вліяніемъ ихъ размноженія, хода военныхъ дѣйствій и политическихъ событій. Въ ноябрѣ лажъ на золото достигалъ 33%, въ декабрѣ онъ доходилъ уже до 60%.

Секретарь казначейства Чезъ не только не сознавалъ опасности этого положенія, но въ своемъ финансовомъ отчетѣ за 1861—62 годы, 5-го декабря 1862 г., отстаивалъ

бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ, какъ мѣру, при всѣхъ обстоятельствахъ, похвальную, полезную и составляющую шагъ впередъ, сравнительно съ прежнимъ банковымъ обращеніемъ, размѣннымъ на монету. Бумажныя деньги, писалъ Чезъ, устранили потерю, причиняемую треніемъ монеты и сберегли расходы на чекавку; онѣ позволили употреблять металлическія деньги съ большою выгодой въ заграничныхъ оборотахъ; онѣ создали единство орудія обращенія въ Союзѣ, замѣнивъ билеты частныхъ банковъ, обращавшіеся въ тѣсныхъ географическихъ предѣлахъ; наконецъ, онѣ послужатъ для поддержанія цѣлости самого Союза, потому что цѣнность ихъ условливается его существованіемъ.

Причина паденія цѣнности бумажныхъ денегъ, по мнѣнію Чеза, заключается не въ нихъ самихъ, такъ какъ онѣ обезпечены безпримѣрнымъ возрастаніемъ имущества и доходовъ и несомнѣннымъ торжествомъ Союза. Изъ факта, что билеты казначейства, привносящіе проценты монетой, продаются на бумажныя деньги по нарицательной цѣнѣ, явствуетъ, что продавцы или опасаются государственнаго банкротства, или цѣнятъ бумагу наравнѣ съ золотомъ. Первое предположеніе невозможно, а потому остается допустить второе. Причина, почему товары поднимаются въ цѣнѣ, известна, она заключается въ большихъ потребностяхъ арміи и флота, въ уменьшеніи числа рабочихъ вербовкой, въ уменьшеніи соперничества иностранцевъ, въ увеличеніи издержекъ производства податями, въ соперничествѣ частныхъ банковъ, выпускающихъ свои билеты выше существующей въ нихъ потребности. Лажъ на драгоценныя металлы не имѣетъ другой причины, кромѣ своекорыстія спекуляторовъ и коварства враговъ отечества. Лажъ можно устранить законами противъ спекуляціи, превращеніемъ частныхъ банковъ въ національныя, поставленные въ должную зависимость отъ государства и выпускающіе одиобразныя государственныя билеты, изготовленные для нихъ правительствомъ. Для того чтобы большее количество билетовъ могло удержаться въ обращеніи, необходимо оживить послѣднее и удешевить кредитъ, назначивъ законный размѣръ процентовъ для всѣхъ банковъ и наказаніе для берущихъ лажу. Постановленія о лажѣ существовали у всѣхъ народовъ, декламація противъ нихъ есть дѣло предрасудка. Монета и билеты суть орудія

обращенія, установленныя закономъ, который опредѣляетъ ихъ цѣнность; пусть же законъ установитъ и плату за пользованіе ими. Слѣдуетъ измѣнить только родъ наказаній за лихву, и вмѣсто наказаній, касающихся чести, удаляющихъ многихъ отъ денежнаго рынка, опредѣлить взысканіе, состоящее въ потерѣ права на все проценты. Высшимъ процентомъ Чезъ полагалъ назначить 7%, сдѣлавъ исключеніе только для банковъ, которые ведутъ заграничныя операціи; послѣднимъ, по его мнѣнію, слѣдовало разрѣшить взиманіе высшаго процента.

Многія изъ предложеній секретаря казначейства вскорѣ осуществились.

3-го марта 1863 года были возвышены и тарифъ, и внутреннія подати; многіе предметы вновь обложены налогами; новыя займы въ новыхъ формахъ разрѣшены; бумажное обращеніе увеличено. На текущій годъ разрѣшено было занять 300 милл., на слѣдующій 600 милл., не свыше какъ за 6%, съ уплатой въ 10—40 лѣтъ, посредствомъ выпуска облигацій не ниже 50 долл., въ размѣрѣ и въ сроки, опредѣленные по усмотрѣнію секретаря казначейства. Сверхъ того разрѣшенъ выпускъ 150 милл. бумажныхъ денегъ, и 400 милл. 6% билетовъ казначейства, срокомъ не свыше какъ на 3 года и достоинствомъ не ниже 10 долларовъ. Билеты казначейства, безъ зачета по нимъ процентовъ, могли служить законнымъ платежнымъ средствомъ, наравнѣ съ бумажными деньгами, а съ причисленіемъ процентовъ, могли обмѣниваться на государственные билеты. Для этого обмѣна предвазначался дальнѣйшій выпускъ 150 милл. государственныхъ билетовъ съ тѣмъ, чтобъ эти 150 милл. пополнялись продажей билетовъ казначейства, поступившихъ по обмѣну на билеты. Вмѣсто почтовыхъ и штемпельныхъ марокъ, положено выпустить на 50 милл. долларовъ настоящихъ размѣнныхъ бумажныхъ денегъ, выдаваемыхъ изъ кассъ въ обмѣнъ за государственные билеты.

Наконецъ, секретарь казначейства былъ уполномоченъ принимать для приращенія процентами металлическія вклады, суммами не менѣе 20 долл., и выдавать по нимъ два рода свидѣтельствъ:

а) Свидѣтельства по вкладамъ, б) свидѣтельства владѣльцамъ государственныхъ бумагъ, вмѣсто платежа процентовъ и погашенія по государственному долгу.

Сумма свидѣтельствъ того и другаго рода въ совокупности не должна была превышать итога металлическихъ вкладовъ на 20%. Свидѣтельства разрѣшено было принимать въ уплату таможенныхъ пошлинъ.

Того же 3-го марта принятъ законъ, который облагалъ налогомъ сдѣлки на металлическія деньги; исключеніе было допущено въ послѣдствіи только для сдѣлокъ, заключаемыхъ правительствомъ.

Нѣсколько дней перелъ изданіемъ законовъ 3-го марта, 25-го февраля 1863 года, Чезу удалось провести постановленіе о національныхъ банкахъ, несмотря на сильную оппозицію со стороны палаты представителей и сената. Учрежденіе національныхъ банковъ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія центральной власти, которой ввѣренъ за ними надзоръ. Для билетовъ національныхъ банковъ признана безусловно обязательною денежная единица, объявленная конгрессомъ законною. Надзоръ, устроенный по образцу ньюйоркской системы, порученъ контролеру орудій обращенія, подчиненному секретарю казначейства, и долженъ былъ простираться на все, что касается учрежденія банка, величины его основнаго капитала, выбора и устройства управленія, способа веденія дѣлъ и затратъ, сношеній съ другими банками, металлическаго фонда, публичной отчетности, расширенія, сокращенія и прекращенія операцій. Наконецъ, контролеру предоставлено право временнаго закрытія банка. Каждый національный банкъ долженъ былъ ввести въ казначейство по крайней мѣрѣ одну треть своего капитала государственными процентными бумагами, и за этотъ залогъ казначейство обязано было выдать банку на 90% (по биржевому курсу) однообразныхъ для всѣхъ банковъ билетовъ за подписью контролера. Подписи президента и кассира банка, для которыхъ положено оставить на билетахъ пробѣлы, должны были служить удостовѣреніемъ, что банкъ обязывается во всякое время обмѣнивать эти билеты на законную денежную единицу. Еслибы банкъ не исполнилъ этого обязательства, то казначейству слѣдовало уплатить по билетамъ и вознаградить себя отчужденіемъ предоставленныхъ въ обезпеченіе государственныхъ бумагъ. Билетамъ національныхъ банковъ былъ обезпеченъ кассовый пріемъ, то-есть пріемъ казначействомъ, другими національными банками и частными лицами при платежахъ, производимыхъ казначействомъ.

Общую сумму выпуска не свыше 300 милл. долл. положено было распределить между штатами на половину пропорционально населению, считая раба за $\frac{3}{4}$ свободного человека, и на половину по соразмерности с банковыми капиталами штатов во время издания закона.

Возникновение на будущее время одних только национальных банков обеспечивалось податными привилегиями и правом, данным секретарю казначейства, помещать в эти банки суммы казначейства на безпроцентный текущий счет, с обеспечением залогами не менее какъ въ 50.000 долл., а при болѣе значительныхъ вкладахъ въ полмилліона долларовъ и выше. Подобное пользованіе средствами казначейства при громадныхъ финансовыхъ операціяхъ имѣло совершенно другое значеніе чѣмъ во время Джексона, когда весь ежегодный государственный доходъ составлялъ отъ 30 до 40 милл. долл. Въ одномъ только конгрессѣ не уступилъ желаніямъ секретаря казначейства: вмѣсто однообразнаго наивысшаго размѣра процентовъ по банковымъ операціямъ, назначены были разные проценты отъ 6% въ Новой Англіи, до 12% въ Техасѣ.

Къ 1-му іюня 1863 г. государственный долгъ возросъ до 1.098,8 милл. Доходы, со включеніемъ почтовыхъ марокъ, выпущенныхъ въ качествѣ бумажныхъ денегъ, составляли въ 1862—63 годахъ 132,9 милл., въ томъ числѣ внутренніе налоги дали, вмѣсто предполагаемыхъ 84,4 милл., только 37,6. Расходы составляли: на войско 559,3 милл., на флотъ 63,2 милл., на государственный долгъ 181,1 милл., всего съ расходами на внутреннее управленіе издержано 895,8 милл. Новыхъ долговъ сдѣлано на 756,5 милл. Лажъ на золото стоялъ отъ 62 до 55 въ февралѣ и мартѣ, отъ 51 до 44 въ апрѣлѣ и въ началѣ іюня.

Съ этого времени начинается поворотъ въ пользу Сѣвера; побѣды Мида и Моргана повизили лажъ на 22—25%; въ сентябрѣ онъ стоялъ на 34%. Это улучшеніе курса длилось однакоже не долго: въ началѣ 1864 г. лажъ поднялся на 69%.

Въ мартѣ 1863 г. конгрессъ разрѣшилъ новый выпускъ 11 милл. бумажныхъ денегъ, сверхъ 500 милл., уже выпущенныхъ, и продлил полномочія секретаря казначейства на заключеніе срочныхъ займовъ, ограничивъ ихъ суммой въ 200 милл. долларовъ.

Въ 1863—64 финансовомъ году доходы составляли 878,7

милл., расходы 863,5 милл. Въ первый разъ отъ начала войны доходы были выше, а расходы ниже противу смѣтныхъ. Кассовая наличность съ 1-го июня 1863 г. къ 1-му юля 1864 г. возрасла отъ 5,3 на 18,8 милл.; долгъ составлялъ 1729,6 милл. Число національныхъ банковъ возрасло до 469 съ капиталомъ въ 75,2 милл. и съ обращеніемъ въ 25,8 милл. Военныя неудачи и выпускъ бумажныхъ денегъ продолжали дѣйствовать на возрастаніе лажа, который, во второй половинѣ юля, достигъ 99%. Бумажное обращеніе возрасло до 700 милл. долларовъ.

Секретарь казначейства сдѣлалъ снова попытку удержать паденіе курса биржевыми спекуляціями и ему удалось понизить лажъ до 69%, на это облегченіе было только временнымъ; усилившееся опасеніе насчетъ вмѣшательства казначейства въ биржевыя дѣла увеличило колебанія курса.

Для покрытія потребностей 1864—65 года, конгрессъ увеличилъ налоги, — установилъ чрезвычайную подоходную подать, взявъ $\frac{10}{40}$ облигацій, не имѣвшихъ успѣха, разрешилъ 6% заемъ въ 400 милл. срокомъ на 5—20 лѣтъ посредствомъ выпуска облигацій на суммы не менѣе 50 долларовъ. вмѣсто облигацій, секретарь казначейства могъ выпустить на 200 милл. $7\frac{3}{10}\%$ билетовъ казначейства, срокомъ не свыше какъ на 3 года, и достоинствомъ не ниже 10 долларовъ, съ уплатой процентовъ бумажными деньгами, или по полугодіямъ, или по наступленіи срока платежа. Билеты казначейства могли служить законнымъ платежнымъ средствомъ, если на нихъ не начислялись проценты; если же эти билеты принимались въ платежъ кредиторами казначейства по нарицательной цѣвѣ, то выплачивались и проценты. Новые билеты казначейства могли обмѣниваться на старые и на 6% облигаціи. Итогъ государственныхъ билетовъ былъ ограниченъ 400 милл., а для покрытія долга по вкладамъ назначено 50 милл. бумажными деньгами.

Наконецъ, издавъ былъ новый банковый законъ, представляющій въ извѣстной степени соединеніе системъ Нью-Йоркской и Суффокской: банки, учрежденныя въ мѣстахъ, поименованныхъ въ законѣ, обязаны были обмѣнивать свои билеты въ Нью-Йоркѣ, а банки другихъ городовъ или въ назначенныхъ мѣстахъ или въ Нью-Йоркѣ; наименьшій размѣръ банковаго капитала былъ увеличенъ; часть этого капитала, отъ 15 до 25%, должна была всегда находиться на

лицо въ деньгахъ признанныхъ законными; права контролера были расширены, несмотря на освобожденіе банковъ отъ нѣкоторыхъ формальныхъ ограниченій.

Вѣрный своему взгляду, что лажъ есть слѣдствіе враждебной агитаціи политическихъ партій и спекуляціи, Чезъ настоялъ на изданіи утвержденнаго президентомъ 20-го іюня 1864 г. новаго закона, которымъ запрещались сдѣлки о поставкѣ монеты и металловъ или о продажѣ заграничныхъ векселей на срокъ свыше 10 дней, а также договоры съ производствомъ платежа монетой. Законъ угрожалъ нарушителямъ непризнаніемъ дѣйствительности договоровъ, денежными пенями и тюрьмой срокомъ не менѣе какъ на годъ. Въ день опубликованія закона лажъ возвысился до 107%, то есть на 8%, а 23-го іюня поднялся до 130%, но скоро снова упалъ на 107. Нью-йоркскій *Merchant-Magazine* назвалъ это постановленіе закономъ для изгнанія каждаго доллара изъ предѣловъ страны; 30-го іюля оно было отмѣнено конгрессомъ, а 2-го іюня Чезъ оставилъ министерство.

Первою задачей его преемника Вильяма Питта Фессендена было удовлетвореніе арміи жалованьемъ. Для этой цѣли Фессенденъ употребилъ съ успѣхомъ 20 милл. долл. 7³/₁₀-процентныхъ билетовъ казначейства. Затѣмъ секретарь казначейства обратился къ официальнымъ заявленіямъ и циркулярамъ. Написанные съ большимъ искусствомъ, разчитанные на любовь къ отечеству, на ревность къ интересамъ партіи и на денежные разчеты, они имѣли замѣчательный успѣхъ. Подписки на 6% облигаціи, разрѣшенныя 3-го марта 1863 года, одна на 31¹/₂ милл. долл., а другая на 40 милл., открытыя 30-го августа и 1-го октября 1864 года, имѣли полный успѣхъ. Облигаціи разобраны были съ небольшою преміей. Единственное отличіе условій, постановленныхъ при выпускѣ облигацій, отъ условій при нормальномъ порядкѣ состояло въ томъ, что платежъ капиталъной суммы производился бумажными деньгами, проценты же выдавались монетой. Впрочемъ, надежда на уплату капитала монетой не была утрачена; обѣщанія не было дано, но оно подразумѣвалось и заявлялось даже официально. При такомъ положеніи вещей американскія бумаги получили сбытъ на европейскомъ рынкѣ. Облигація, при 100% лажѣ на золото, давала 12% на капиталъ и надежду на уплату двойнаго капитала по истеченіи 5—20 лѣтъ.

Несмотря на это замѣтное улучшение, биржа находилась подъ вліяніемъ военныхъ событій и хода внутреннихъ дѣлъ. Въ іюль, когда Ираи стоялъ подъ Вашингтономъ, даже достигъ 185%, послѣ побѣды Шеридана онъ упалъ на 86—89. Избирательное движеніе противъ Линкольна возвысило даже снова до 160%, а вторичное избраніе Линкольна и успѣхи Шермана довели даже до 111%. Число національныхъ банковъ, признакъ довѣрія націи къ бумажнымъ деньгамъ правительства, возрасло до 585, съ капиталомъ 145,5 и съ обращеніемъ въ 78,7 милл.

Фессенденъ, въ своемъ финансовомъ отчетѣ 6-го декабря, впервые возсталъ противъ бумажныхъ денегъ. Уменьшеніе ихъ цѣною возвышенія налоговъ и увеличенія процентныхъ займовъ, по его словамъ, нельзя считать слишкомъ дорогимъ. Нужно, говорилъ онъ, усилить охоту къ участию въ займахъ положительнымъ правиломъ объ уплатѣ капитальной суммы государственнаго долга монетою и возвышеніемъ процентовъ по облигаціямъ. Послѣ окончанія войны, необходимо основать, согласно съ закономъ 25-го февраля 1862 года, погасительный фондъ подъ вѣдѣніемъ комиссіи, независимой отъ правительства, и употреблять на погашеніе избытокъ таможенныхъ доходовъ. Контролеръ денежнаго обращенія, Макъ Колаохъ, съ своей стороны присовокупилъ: необходимо какъ можно скорѣе освободить правительство отъ власти, соединенной съ правомъ выпуска бумажныхъ денегъ. Каждая изъ политическихъ партій, послѣдовательно вступающихъ въ управленіе дѣлами, будетъ сообразоваться при опредѣленіи размѣра выпуска бумажныхъ денегъ не съ закономъ и не съ потребностями оборотовъ, а съ цѣлями своей партіи. Лучше предоставить бумажное денежное обращеніе исключительно національнымъ банкамъ, но не должно забывать опасностей, которыя угрожаютъ и съ этой стороны. При спекуляціи, которая овладѣла умами, число этихъ банковъ можетъ сдѣлаться чрезмѣрнымъ и искусственно умножить бумажное обращеніе. Когда вмѣстѣ съ войной прекратятся громадныя обороты государственными бумагами, тогда праздныя капиталы бросятся на самыя безумныя спекуляціи. И теперь уже очень ошибаются тѣ, которые считаютъ признакомъ большаго благосостоянія возвышеніе всѣхъ цѣвъ и чрезвычайное развитіе дѣлъ. Окончаніе междуусобной

войны и упадокъ лажы произвести реакцію несравненно опаснѣе той, которая послѣдовала за Гентскимъ миромъ.

Возобновленіе металлическихъ платежей поставитъ самую лучшую преграду для банковыхъ увлеченій: но до восстановленія размѣна противодѣйствіе долженъ оказывать государственный контроль. Макъ Коллохъ говоритъ, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ и даже, вопреки буквѣ закона, препятствовалъ чрезмерному размноженію банковъ.

Очевидно, что Фессенденъ и Макъ Коллохъ правильно поняли опасное положеніе денежнаго обращенія, но удивительно, какъ они не замѣтили, что разрѣшеніе или запрещеніе учреждать банки, а также возможность ограничивать ихъ дѣятельность или предоставлять имъ свободу, составляютъ также средство для обнаруженія правительственнаго вліянія, и что должностному лицу, какъ бы оно высоко ни стояло, не позволительно произвольно усиливать строгость закона, вопреки его буквальному смыслу.

Не довольствуясь этимъ, Фессенденъ предложилъ: во первыхъ, освободить государственныя бумаги, находящіяся въ рукахъ частныхъ лицъ, отъ секвестра, по требованію частныхъ кредиторовъ, что составляетъ очевидное нарушеніе частныхъ правъ; во вторыхъ, закрыть банки отдѣльных штатовъ, на томъ основаніи, что они представляютъ интересы отдѣльных мѣстностей, а не цѣлаго Союза,—не подчиняются контролю правительства и имѣютъ денежную единицу, отличную отъ государственной (то-есть металлическую, а не государственныхъ билетовъ). Но, можно ли сказать, что частный банкъ представляетъ какіе-либо другіе интересы, кромѣ интересовъ своихъ управляющихъ и участниковъ; что контроль государства въ денежныхъ дѣлахъ есть единственный и наилучшій, и что обязанность банковъ отдѣльных штатовъ обмѣнивать свои билеты на монету (для чего они хранятъ значительный запасъ наличности), не должна способствовать въ свое время возобновленію металлическихъ платежей? Съ согласія Фессендена, комиссаръ внутреннихъ налоговъ предлагалъ установить такую высокую подать съ пробареровъ, которая передава бы эту операцію, вмѣстѣ съ торговлей золотомъ, въ руки правительства. Фессенденъ требовалъ болѣе широкихъ полномочій для заключенія займовъ и даже разрѣшенія выпускать бумажныя деньги, для того чтобы не подчиняться требованіямъ банкировъ. За

тѣмъ, такъ какъ таможенные доходы не многимъ превышали проценты, причитавшіеся по государственнымъ займамъ, то онъ предложилъ выпускать билеты казначейства, привосящіе $7\frac{3}{10}\%$, срокомъ на 3 года, съ уплатой по нимъ бумажными деньгами.

Нѣкоторыя изъ предложеній комиссара внутреннихъ налоговъ были очень страннаго свойства, какъ напримѣръ взиманіе податей съ листьевъ собраннаго плантаторами табаку и съ купли и продажи, нѣчто въ родѣ старинной испанской алькавалы.

Конгрессъ только въ извѣстной мѣрѣ послѣдовалъ совѣтамъ секретаря казначейства и его подчиненныхъ. Закономъ 28-го января 1865 г. разрѣшено было выпустить несбытыя къ 30-му іюня 1864 г. облигаціи и билеты казначейства, послѣдніе даже съ обязательнымъ курсомъ. Закономъ 3-го марта 1865 г. предписанъ выпускъ новыхъ 600 милл. $7\frac{3}{10}\%$ билетовъ казначейства, и, при запрещеніи умноженія всякаго рода бумажныхъ денегъ, предложено право превращать долговые сертификаты, свидѣтельства на вклады, билеты казначейства $7\frac{3}{10}\%$ и съ накопленіемъ процентовъ (compound interest notes) въ 6% облигаціи, срокомъ на 5—20 лѣтъ. Другими постановленіями того же дня возвышены таможенные пошлины и внутреннія подати и усилена строгость предписаній относительно національныхъ банковъ. Назначеніе наказаній за ажіотажъ не было принято, и упомянутыя выше нерациональныя формы налоговъ не были одобрены. На билеты банковъ, устроенныхъ штатами, была наложена 10% подать, но взиманіе оной было отсрочено до 1-го іюля 1866 года, а превращеніе банковъ въ національныя было облегчено тѣмъ, что банки, которые а) имѣли не менѣе 75.000 долл. дѣйствительно внесеннаго складочнаго капитала, б) находились въ хорошемъ состояніи, в) ходатайствовали до 1-го іюня 1865 г. о превращеніи ихъ въ національныя и г) исполнили постановленныя условія, — получали разрѣшеніе предпочтительно предъ всеми вновь проектированными банками. Наконецъ, положено выдавать національнымъ банкамъ тѣмъ меньше банковыхъ билетовъ, чѣмъ больше былъ ихъ капиталъ. Именно банкамъ съ капиталомъ не свыше 500.000 долл. опредѣлено выдавать билетовъ на сумму равную 90% этого капитала:

Съ капиталомъ отъ	500.000 до 1.000.000	долл.	80%
"	"	"	"
"	1.000.000 "	3.000.000	70%
"	"	"	"
"	3.000.000 и выше	"	60%

противу представленнаго обезпеченія.

Фессенденъ чувствовалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что нѣкоторыя изъ его предложеній не были приняты, и отказался отъ министерства. Мѣсто его занялъ Макъ-Коллохъ 9-го марта 1865 года. Биржа привѣтствовала торжество Союза надъ мятежомъ паденіемъ лажы съ 101 на 44% въ апрѣлѣ, на 35% въ маѣ. Смерть Линкольна подняла лажъ снова на 53, но вскорѣ стало очевиднымъ, что дѣло Линкольна не погибло. Впрочемъ, какъ ни быстро совершились, по прекращеніи войны, уменьшеніе арміи до $\frac{1}{10}$ доли ея состава и разоруженіе флота, но очевидно, что эти благоприятные результаты не могли еще обнаружиться въ 1864—65 финансовомъ году.

Обыкновенныя доходы дали	329,6	млн. долл.
Займы	1472,2	" "
Итого		1801,8 млн. долл.
Расходы достигли	1897,7	" "
Долгъ возросъ до	2682,6	" "
Въ казначействѣ оставалось	95,8	" "

Самое неблагоприятное въ этомъ положеніи вещей представляетъ возрастаніе текущаго долга. Постоянный долгъ возросъ всего на 257,3 милл., а текущій на 684,2 милл. долл.

По сдѣланнымъ разчетамъ государственные расходы за 4 года междуусобной войны составляли 2692,1 милл. долл. и превышали издержки всего предшествовавшаго періода въ 71 годъ на 1233,3 милл. Эти цифры далеко ниже дѣйствительныхъ, потому что надобно принять въ разчетъ расходы Юга въ 4.000 милл. долл. Конечно, расходы исчислены на бумажныя деньги, и въ числѣ ихъ заключаются платежи по билетамъ государственнаго казначейства, но нельзя не признать, что громадность издержекъ Союза и накопившагося долга, въ особенности состоящаго въ бумажныхъ деньгахъ, затрудняютъ разчеты съ прошедшимъ и представляютъ большой интересъ.

Г. фонъ-Гокъ разработалъ этотъ предметъ съ рѣдкимъ мастерствомъ; онъ не только изобразилъ состояніе финансовъ послѣ войны, но также возникшую литературную полемику и настроеніе общественнаго мнѣнія относительно финансовыхъ вопросовъ.

Уже въ третьей четверти финансоваго года, съ января по мартъ 1866 года доходы превысили расходы, если не принять въ расчетъ займовъ и ихъ уплаты, на 34 милл., а кассовая наличность достигла 130 милл. долл. Исчисленія финансоваго 1866—67 года обѣщали, по меньшей мѣрѣ, 112 милл. избытка. Къ 10-му марта 1866 года, войско уменьшено до 66.985 человекъ; къ 1-му мая предположено довести его до цифры 47.282 человекъ, полагая въ томъ числѣ болѣе 30.000 негровъ.

Государственный долгъ къ 1-му юня 1866 г. состоялъ:

1. Изъ долгосрочнаго:

	Проценти.	Сумма милл. долларовъ.	Срокъ платежа годи.
а) Съ платежомъ 0% монетою заключеннаго до войны	5	27,0 . .	1867—68
. во время войны	6	18,3 . .	1867—68
	6	979,3* . .	1880—85
	5	171,2 . .	1904
Итого		1195,8	

б) Съ платежемъ процентовъ бумажными деньгами. Облигаціи для пособія желѣзнымъ дорогамъ. 6 5,4 . . 1895

2. Изъ краткосрочнаго:

а) Съ уплатою процентовъ бумажными деньгами:

Билетовъ казначейства	7 ³ / ₁₀	812,2 . .	1867—69
Итого.		817,6	

Билетовъ казначейства (сompro- und interest) 5 162,3 . . 1867—69

Билетовъ казначейства 5 4,1 . . 1867—68

Долговыхъ сертификатовъ 6 43 . . 1867

Процентныхъ депозитовъ. 4—6 124,6. черезъ мѣсяць спустя десять дней послѣ предъявленія.

Итого. 1151,3

б) Безпроцентнаго долга, подлежащаго уплатѣ, по наступленіи сроковъ 0,9

Вкладовъ золотомъ 22,6

Государствен. билетовъ (legal tender notes). 402,1

Бумажныхъ размѣнныхъ (мелкихъ) денегъ. 27,3

452,9

Всего 2.800 милл. долл.

* 685,8 т. р. ⁵/₂₀ могутъ быть уплачены съ 1868—70.

Касса, въ это время, заключала въ себѣ 50,7 милл. золо- томъ, 79,0 бумажками, всего 129,7 милл. долл. Принимая въ разчетъ, съ одной стороны, сумму бумажныхъ денегъ, хра- нившуюся въ кассахъ, а съ другой — билеты казначейства, обращающіеся какъ бумажные деньги, можно положить, что обращающіяся бумажные деньги составляли 540 милл., а со включеніемъ билетовъ національныхъ банковъ и билетовъ государственныхъ банковъ отдѣльныхъ штатовъ, за исклю- ченіемъ не выпущенныхъ банкми бумажныхъ денегъ, хра- нящихся въ ихъ кассахъ и въ портфеляхъ, можно предпо- ложить, что бумажное обращеніе доходило до 695 милл. на 970 милл. долл.

Для размѣна этихъ денегъ находилось монеты:

Въ кассахъ государства.	50,7
„ „ банковъ.	17
„ „ государств. банковъ отдѣльныхъ штатовъ.	10

до 78 милл.

Сумма очевидно недостаточная для возобновленія платежей.

Для того; чтобы дорисовать картину финансоваго поло- женія, необходимо присоединить состояніе счетовъ 1621 на- циональныхъ банковъ къ январю 1866 года.

А К Т И В Ъ.

	Милл. долл.
Ссуды и учетъ.	498,8
Другіе долги частныхъ лицъ	91,6
Долги банковъ.	107,9
Вклады въ государственное казначейство *	298,4
Бумаги государств. (на 142 милл.), штат. и промысла.	179,9
Монетою	16,9
Бумажными деньгами (въ томъ числѣ 142,3 милл. долл. государственнымнми).	187,8
Недвижимыхъ имуществъ, разныхъ	5,8
Итого.	1402,5

П А С С И В Ъ.

Акціонерный капиталъ	403,4
Резервный фондъ.	43,0
Банковые билеты.	213,2

* То-есть залогомъ за полученные банковые билеты. Залогомъ за вѣ- реніемъ казначействомъ деньги 33,4 заключаемъ въ слѣдующую статью.

Билеты банковъ государственныхъ (въ отдѣльныхъ штатахъ), обращенныхъ въ національные банки.	45,2 *
Депозиты.	513,6
Текущій счетъ казначейства	29,7
Суммы другихъ банковъ	118,5
Прибыли	34,6
Разныя.	1,1
	<hr/>
	1402,5

Такимъ образомъ банки помѣстили 478,3 милл., сумму, превышающую ихъ капиталъ = 403,4 милл. въ государственныя и другія бумаги, которыя, при потрясеніи кредита, могутъ оказать банкамъ малую и весьма дорого стоящую помощь, для поддержанія какъ ихъ кредита, такъ и кредита ихъ клиентовъ. Всѣ банковыя операціи основываются на вкладахъ, на поддержкѣ очень сомнительнаго свойства, которая всегда можетъ быть отнята и притомъ питаетъ не одну правильную торговлю, но также игорныя спекуляціи.

Слабость торговаго кредита доказывается тѣмъ, что небольшое востребованіе банковыхъ вкладовъ или подписка на заемъ поднимаетъ тотчасъ, въ значительной степени, и вексельный курсъ, и учетный процентъ.

Другая темная сторона банковыхъ оборотовъ состоитъ въ выпускѣ мелкихъ билетовъ. На 249,8 милл. долл. причтается 1-го февраля 1866 года билетовъ достоинствомъ отъ одного до десяти долларовъ 169,6 милліоновъ, отъ 20 до 100—69,7 милліоновъ, отъ 500 до 1000 долл. только 10,5 милл. долл. вмѣстѣ съ исчезновеніемъ мелкой разнѣвной монеты увеличилось количество мелкихъ государственныхъ бумажныхъ денегъ: въ февралѣ 1866 года положено увеличить ихъ выпускъ до 30 милл. долл. Единственная свѣтлая сторона національныхъ банковъ состоитъ въ томъ, что они держатъ вѣхъ обращенія на 440,4 милл. долл. государственныхъ бумагъ и на 142,3 милл. долл. государственныхъ бумажныхъ денегъ и тѣмъ самымъ ослабляютъ вліяніе ихъ на рынокъ и на лажъ.

Секретарь казначейства Макъ-Коллохъ помялъ, что главное зло заключается въ огромномъ неконсолидированномъ долгѣ и въ неразнѣвныхъ бумажныхъ деньгахъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ 10-го октября 1865 года, въ фортѣ Уайтѣ, въ

* Эти билеты подлежатъ обращенію въ государственныя билеты, или въ билеты національныхъ банковъ.

Индіанъ, министръ открыто высказалъ, что онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые презираютъ металлическую денежную единицу, и что напротивъ онъ считаетъ неразрѣшныя бумажныя деньги серіозною опасностью. Не отрицая пользы бумажныхъ орудій обращенія и не раздѣляя мнѣнія, что каждому доллару въ бумажкахъ долженъ соответствовать долларъ золотомъ въ кассахъ, онъ знаетъ очень хорошо, что въ мирныя и спокойныя времена, потребность въ драгоценныхъ металахъ бываетъ меньше, потому что они служатъ для уравненія разностей во взаимныхъ расчетахъ; но въ настоящую минуту, когда дѣло идетъ о восстановленіи денежной единицы, этой цѣли можно достигнуть только уменьшеніемъ количества бумажныхъ денегъ. Благополучіе страны, на которое указываютъ, какъ на послѣдствіе выпусковъ бумажныхъ денегъ—обманчиво; оно происходитъ отъ крайняго возвышенія цѣнъ на товары. Иностранцы пользуются этимъ и истощаютъ страну, внутри которой развивается непомерная деморализующая спекуляція.

Въ своемъ годовомъ отчетѣ 4-го декабря, ссылаясь на постановленіе верховнаго суда, секретарь казначейства говоритъ: право выпуска бумажныхъ денегъ, какъ законнаго орудія обращенія, опирается не на конституцію, не на законы, а на естественное право правительства прибѣгнуть къ единственному средству спасенія въ минуту опасности; но на конгрессѣ лежитъ обязанность, какъ можно скорѣе отмѣнить эту мѣру. Государственныя бумажныя деньги опасны сами по себѣ, потому что кредитное обращеніе должно сообразоваться съ потребностями оборотовъ, а между тѣмъ выпуски государственныхъ бумажныхъ денегъ сообразуются съ потребностями казначейства и партій, которыя находятся во главѣ правительства. Въ интересъ свободы не безопасно предоставлять правительству то могущество, которое заключается въ правѣ выпускать бумажныя деньги.

Бумажныя деньги не должны быть устранены вдругъ и внезапно, потому что слѣдуетъ избѣжать насильственнаго потрясенія рынка и нельзя добыть вдругъ средства, необходимыя для ихъ извлеченія. Поэтому онъ (то-есть министръ) предлагаетъ превратить безпроцентныя государственныя билеты въ 6% облигаціи и ограничить обращеніе процентныхъ билетовъ казначейства въ качествѣ денегъ, лишивъ ихъ права служить законнымъ платежнымъ средствомъ и по

наступленіи срока, назначеннаго для производства по нимъ платежа. Онъ знаетъ, что предложенная мѣра, даже съ указанными ограниченіями, найдетъ многихъ противниковъ, а потому онъ считаетъ своею обязанностию опровергнуть равнѣ доводы послѣднихъ.

Многіе опасаются, что уменьшеніе количества бумажныхъ денегъ произведетъ недостатокъ въ орудіяхъ обращенія, но они забываютъ, что при этомъ уменьшеніи повызятся цѣны всѣхъ товаровъ, и что меньшее количество орудій обращенія также хорошо удовлетворитъ потребности, какъ и настоящее большее количество.

Говорятъ, что поземельная собственность и сельское хозяйство пострадаютъ отъ пониженія цѣнъ, но это пониженіе только кажущееся, потому что меньшая сумма денегъ, которую получить земледѣлецъ за свои произведенія, уравновѣсится ихъ вышею цѣвностію.

Противъ положенія, что монета служитъ лишь для заграничныхъ расчетовъ и не нужна для внутреннихъ оборотовъ, слѣдуетъ замѣтить, что эти расчеты должны быть произведены сполна и внезапно, и что задолжавшее государство, для избѣжанія затрудненій и невыгодъ, должно само имѣть для этой цѣли значительный запасъ монеты.

Не слѣдуетъ также забывать, что бумажныя деньги представляютъ массу долга, которая, въ особенности во времена кризисовъ, подвержена внезапной уtratѣ цѣвности. Предоставленіе чрезмѣрнаго кредита и пользованія имъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сильнаго промышленнаго возбужденія, вызвало кризисы 1837 и 1857 годовъ, поэтому должно позаботиться о томъ, чтобы развитіе дѣятельности, вслѣдствіе выпусковъ бумажныхъ денегъ, начиная съ 1861 года, и большихъ заказовъ правительства, при остановкѣ послѣднихъ, не сопровождалось такою же реакціей. Товарныя цѣны, съ краткими перерывами и колебаніями, непрерывно возрастали съ самаго начала войны, а въ ноябрѣ 1865 года, при лажѣ въ 47%, стояли выше чѣмъ годъ тому назадъ, при лажѣ въ 185. Причина этому заключается въ чрезмѣрной спекуляціи, упадка которой можно съ увѣренностію ожидать. Уже теперь это возрастаніе цѣнъ подавляетъ благосостояніе части населенія и уменьшаетъ производство, между тѣмъ какъ спекулятивная горячка разрушаетъ добрые нравы.

Не слѣдуетъ обманывать себя кажущимися признаками

высокаго благосостоянія, большимъ привозомъ, легкимъ кредитомъ, быстро приобретаемыми богатствами, множествомъ путешественниковъ на желѣзныхъ дорогахъ, на пароходахъ и въ гостиницахъ, переполненіемъ городовъ, возрастаніемъ наемной платы; все это скорѣе указываетъ на увеличеніе числа людей живущихъ въ долгъ, на возрастаніе числа праздныхъ и на уменьшеніе занятыхъ работниковъ. Въ особенности многія пустая спекуляціи, которыя повсемѣстно возникаютъ и находятъ участниковъ, указываютъ на то, что рынокъ переполненъ бумажными деньгами. Въ сложности съ банковыми вкладами они составляли: въ 1837 году 276, въ 1857—445, въ 1865—1.340 милл. долл.

Если и справедливо, что сумма дѣйствительныхъ оборотовъ увеличилась, а слѣдовательно и потребность въ деньгахъ возрасла, то разница эта не такъ велика, чтобъ удержатъ эту большую массу бумажныхъ денегъ въ обращеніи. Конечно, уменьшеніе количества бумажныхъ денегъ, по всей вѣроятности, произведетъ быстрое пониженіе цѣнъ на товары чѣмъ возвышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ, и надо сознаться, что суммы, вырученныя налогами, уменьшатся, между тѣмъ какъ правительство и народъ должны будутъ уплачивать свои долги болѣе дорогими деньгами чѣмъ тѣ, которыя были получены при займѣ. Но это паденіе цѣнъ посаждаетъ медленно, и страна не потерпитъ, если слишкомъ высокія цѣны будутъ приведены къ соответствующему размѣру; суммы, доставляемыя налогами, зависятъ болѣе отъ постепеннаго возрастанія народнаго благосостоянія чѣмъ отъ мгновеннаго наплыва оборотовъ. Возрастаніе цѣнности бумажныхъ денегъ и процентнаго государственнаго займа составляетъ событіе, которое должно быть не предупреждено, но вызвано, потому что оно составляетъ признакъ кредита, которымъ пользуются государство и народъ, и который слѣдуетъ за возрастающею цѣвностію государственныхъ доходовъ.

Во всякомъ случаѣ, должно предпочесть остановку или отсталость настоящей чрезмѣрной предприимчивости позднѣйшей, всепотрясающей несостоятельности. Не должно забывать также, что народъ при болѣе низкихъ цѣнахъ жизненныхъ припасовъ легче накопляетъ сбереженія, и что кредитъ государства значительно возрастаетъ, когда нѣтъ безпроцентныхъ государственныхъ бумажныхъ денегъ.

Затѣмъ, говорятъ, что большіе, вливающие въ банки вклады имѣютъ большее вліяніе на сумасбродную спекуляцію и на возвышеніе цѣнъ чѣмъ бумажныя деньги; но при этомъ забываютъ, что именно избытокъ бумажныхъ денегъ возвращается въ банки въ видѣ вкладовъ.

Равнымъ образомъ ошибоченъ доводъ, приводимый противъ уменьшенія количества бумажныхъ денегъ съ точки зрѣнія защитниковъ внутренняго производства; именно, что при такомъ уменьшеніи, уменьшается отпускъ, а возрастаетъ привозъ. Быть-можетъ, это и было справедливо при введеніи бумажныхъ денегъ и до тѣхъ поръ, пока цѣнность денегъ была выше, сравнительно съ цѣнами внутренняго производства. Теперь, когда существуетъ противоположное, количество бумажныхъ денегъ поощряетъ привозъ и затрудняетъ отпускъ.

Макъ-Коллохъ полагаетъ, что превращеніе бумажныхъ денегъ въ облигаціи должно продолжаться до возстановленія нарицательнаго курса, но что для этого достаточно извлечь билеты казначейства (compound interest), подлежащіе уже платежу, и часть государственныхъ бумажныхъ денегъ (legal tender notes) на сумму отъ 100 до 200 милл. долларовъ.

Секретарь казначейства говоритъ далѣе въ пользу совершеннаго погашенія долгосрочныхъ займовъ. Легкость заключенія займовъ доказываетъ, что существуютъ и средства для ихъ уплаты. Каждая страна нуждается въ кредитѣ и должна въ мирное время позаботиться о точномъ исполненіи обязательствъ для того, чтобы въ тревожное время въ кредитѣ не было недостатка. Кредитъ Союза доставилъ ему военный перевѣсъ надъ Югомъ. Государственный долгъ сдѣланъ для высшей цѣли съ согласія всего народа, поэтому онъ священенъ; въ немъ заключается имущество и сбереженія большей и въ особенности трудящейся и менѣе достаточной части народа, поэтому онъ неприкосновененъ.

Справедливо,—и это составляетъ одно изъ удивительныхъ явленій всемірной исторіи,—что три миллиарда долларовъ долга и два милліона людей, оторванныхъ въ сѣверныхъ штатахъ въ теченіи четырехъ лѣтъ отъ производства, не совсѣмъ ослабили производительную дѣятельность страны; столь же справедливо и то, что долгъ, сдѣланный внутри государства, переносится легко; но тѣмъ не менѣе онъ остается долгомъ, затрудняетъ государственное хозяйство, производитъ нерав-

номѣрное распредѣленіе выгодъ и невыгодъ въ государственной жизни, и противенъ республиканскимъ учрежденіямъ и нравственности, потому что выручка суммъ, необходимыхъ для уплаты процентовъ по займамъ, требуетъ непомянуемаго числа служащихъ; страна наполняется корчемниками и донощиками, а правительство дѣлается менѣе бережливымъ. Погашеніе долговъ возвращаетъ большія суммы производительной дѣятельности и, наконецъ, честь отцовъ требуетъ не оставлять долговъ своимъ сыновьямъ. Пора вѣчнаго мира еще не наступила: сыновьямъ придется также и сражаться, и платить.

Впрочемъ, продолжаетъ отчетъ секретаря казначейства, для погашенія долговъ предлагается не искусственный планъ, а удержаніе существующихъ налоговъ на столько, чтобы они были достаточны для покрытія расходовъ и уплаты процентовъ и части капитала по долгосрочнымъ облигаціямъ, въ которыя обращаются бумажныя деньги и билеты государственнаго казначейства.

Можно надѣяться, что удержаніе настоящей податной системы, съ измѣненіями, указанными опытомъ, дастъ ежегодно 200 милл. свободнаго остатка для уплаты процентовъ и для погашенія долга. Полагая, что государственный долгъ къ концу 1865—1866 финансоваго года, составитъ до 3.000 мил. долл., можно ожидать, при ежегодномъ употребленіи 200 милл. на проценты и на уплату капитальной суммы долга, погашенія послѣдняго по истеченіи 27—32½ лѣтъ, смотря потому какъ велики будутъ платимые проценты и въ какой мѣрѣ можно будетъ замѣнить 7³/₁₀% билеты казначейства бумагами, привносящими меньшій процентъ. Погашеніе, по предложенію Макъ-Коллоха, должно было происходить не посредствомъ устройства особаго фонда, а покупкой на биржѣ. По мнѣнію секретаря казначейства, страна легко можетъ удѣлать 200 милліоновъ въ годъ на проценты и на погашеніе долга. По вычисленіямъ, основаннымъ на ценѣ 1860 года, 200 милліоновъ долларовъ составляютъ 5,4% ежегоднаго народнаго дохода. Предполагая, что возрастаніе производства въ каждомъ десятилѣтіи будетъ составлять 125%, можно допустить, что эти 200 милл. въ 1890 году составятъ всего 0,70% народнаго дохода. Наконецъ, секретарь казначейства настаивалъ, въ видахъ поднятія кредита, на уплатѣ капитала по ⁵/₈₀ облигаціямъ золотомъ, что подраз-

умѣвалось обществомъ, но было высказано лишь относительно $10/40$ облигацій. М. Коллохъ возсталъ также противъ обложенія мѣстными сборами государственныхъ процентныхъ бумагъ, какъ противъ нарушенія даннаго обѣщанія, и противъ мѣры, которая понизила бы курсъ бумагъ и сдѣлала бы предпологаемое повиженіе процентовъ невозможнымъ. Перехода къ національнымъ банкамъ и къ ихъ билетамъ, секретарь казначейства въ годовомъ отчетѣ замѣчаетъ, что необходимо сдѣлать измѣненіе въ законѣ 3-го іюня 1864 года и обязать всѣ банки размѣнивать свои билеты, не только въ своихъ кассахъ, но и въ одномъ изъ банковъ Нью-Йорка, Бостона или Филадельфіи; въ послѣдствіи можно присоединить къ одному изъ этихъ трехъ городовъ еще какой-либо городъ Юга или Запада. И теперь очень немногіе банки не находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ однимъ изъ этихъ трехъ городовъ; бумага, которая удержитъ въ послѣднихъ нарицательный курсъ, пойдетъ *at par* въ цѣлой странѣ, а это будетъ способствовать равенству и всеобщности бумажныхъ денегъ. Впрочемъ, уменьшеніе государственныхъ бумажныхъ денегъ и возвратъ къ металлическимъ платежамъ, болѣе нежели что-либо будетъ сдерживать и регулировать дѣятельность національныхъ банковъ. Когда билеты національныхъ банковъ начнутъ обмѣниваться на золото, а не на билеты другихъ банковъ, тогда управляющіе кредитными учрежденіями, неимѣющіе еще достаточнаго опыта, убѣдятся и при дѣйствиіи національной системы, что банковые билеты не деньги, но обязательство произвести уплату.

Въ видахъ экономіи, М. Коллохъ совѣтовалъ мѣстоприваніе контролера денежнаго обращенія перенести въ Нью-Йоркъ, а для предупрежденія поддѣлки, обязать, подъ опасеніемъ штрафовъ, предсѣдателей и кассировъ банковъ не отпечатывать, какъ это дѣлалось дотошъ, но подписывать на билетахъ свою фамилію.

Наконецъ секретарь казначейства полагалъ необходимымъ увеличить банковое обращеніе свыше 300 милл. долл., но не по причинамъ экономическимъ, а потому что изъ 245,7 милл., которые распределены были по закону 25-го февраля 1863 года, по свѣдѣніямъ къ 1-му іюня 1865 года, только $1/4$ милл. достались на долю Юга.

Впрочемъ, изъ отчета контролера 4-го декабря 1865 года явствуетъ, что билетовъ было выпущено свыше 300 милл.,

именно на 9,7 милл., что объясняется, впрочем, принудительнымъ превращеніемъ существующихъ банковъ въ національныя, подъ угрозой налога въ 10% съ выпущенныхъ ими билетовъ, начиная съ 1-го іюня 1866 года (исполненіе отложено до 1-го іюля 1867 года), причемъ законъ ничего не постановилъ о превращеніи ихъ билетовъ въ билеты національныхъ банковъ. Уже противъ рѣчи М. Коллоха 10-го октября 1865 года *New York Herald*, газета, распространенная въ числѣ 120.000 экземпляровъ, возразила, что секретарь казначейства не доказалъ своихъ положеній. Обороты, въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ, возрасли въ такихъ размѣрахъ, что всѣ выпущенныя бумажныя деньги необходимы. Постоянство денежнаго курса, со времени прекращенія войны (*Herald* имѣла въ виду время съ іюня до октября 1865 года) устраняетъ опасности, происходящія отъ колебаній курса, и, при хорошемъ управленіи финансами, колебаній опасаться нечего. Уменьшеніе количества бумажныхъ денегъ было бы пагубно, средства всѣхъ были бы уменьшены, можно было бы опасаться банкротствъ и остановокъ дѣлъ; увеличились бы издержки государства и тяжесть налоговъ.

Поэтому лучше оставить все въ настоящемъ положеніи; одно время можетъ привести и принесетъ помощь. Въ 10—15 лѣтъ населеніе удвоится, торговля учетверится, количество драгоценныхъ металловъ въ странѣ значительно увеличится, а количество бумажныхъ денегъ придетъ въ соотвѣтствіе съ потребностью, и курсъ самъ собою установится *al pari*. Съ орудіями обращенія не слѣдуетъ дѣлать опасныхъ опытовъ.

Лучшій экономическій журналъ Союза *Merchant-Magazine*, который долго принималъ безъ всякихъ оговорокъ и возраженій самыя восторженныя статьи о пользѣ бумажныхъ денегъ, въ послѣднее время высказался противъ злоупотребленія ихъ выпускомъ, но не склонился на сторону сокращенія обращенія, предложеннаго Макъ-Коллохомъ.

Одна изъ статей декабрьской книжки 1866 г., написанная Александромъ Джонсономъ, который хвалился тѣмъ, что онъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ возвѣщалъ тѣ же истины, излагаетъ мнѣніе, не безызвѣстное въ Европѣ, именно, будто государственныя займы умножаютъ народный капиталъ. Единственное различіе между займами съ одной, драгоценными металлами и товарами съ другой стороны, состоитъ

въ томъ, что по займамъ приходится платить проценты. Поэтому общество выигрываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда выгода, доставляемая займами, превышаетъ расходъ на уплату по нимъ процентовъ. Подобнымъ образомъ и банковые билеты создаютъ капиталъ, который тѣмъ полезнѣе, чѣмъ болѣе доставляемая имъ прибыль превышаетъ проценты, платимые банковыми должниками.

Страна съ большимъ государственнымъ долгомъ походить на цвѣтущій большой городъ, въ которомъ цѣны жизненныхъ средствъ и мѣстные налоги выше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но гдѣ каждый платитъ охотно, потому что имѣетъ свою долю въ богатствѣ и въ производительной дѣятельности общества. Эта истина безусловна, и слѣдовало бы даже, для платежа процентовъ по займамъ, прибѣгать не къ податямъ, а къ новымъ займамъ, еслибъ отъ этого не происходила переполненіе рынка бумагами и паденіе курсовъ, уменьшающее цѣнность капитала. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что народъ, который покрываетъ свои военныя издержки податями, бѣднѣетъ; между тѣмъ какъ народъ, который покрываетъ ихъ займами, становится богаче. Первый терпитъ вдвойнѣ, теряя и капиталъ, потребный для войны, и платя подати; второй восполняетъ потерю капитала, причиняемую войной, прибылью отъ займовъ. Притомъ не должно забывать, что не весь капиталъ, доставляемый займами, растрачивается во время войны: солдаты зарабатываютъ болѣе въ военную чѣмъ въ мирную пору и часть жалованья сберегаютъ для мира; заказы правительства вызываютъ прибыльную промышленную дѣятельность; наконецъ, результаты войны могутъ быть счастливы. Война, веденная на счетъ займовъ, причиняетъ вредъ только тѣмъ, что приноситъ въ жертву многихъ здоровыхъ производителей; но опытъ показываетъ, что природа быстро восполняетъ эту потерю, и самая смерть на полѣ битвы только ускоряетъ наступленіе срока естественной смерти.

То что можно сказать о государственныхъ займахъ, продолжаетъ Джонсонъ, еще въ большей мѣрѣ относится къ государственнымъ бумажнымъ деньгамъ, такъ какъ по нимъ не приходится платить проценты; однакоже это послѣднее обстоятельство представляетъ особая невыгоды. Бумажныя деньги, именно потому что оны не приносятъ процентовъ, усиливаютъ конкуренцію ищущаго полезной затраты

капитала, а потому возвышаютъ цѣны и усиливаютъ спекуляцію. Равнымъ образомъ при бумажныхъ деньгахъ можно скорѣе опасаться потери капитала чѣмъ при процентныхъ займахъ, потому что первыя только до тѣхъ поръ не утрачиваютъ своей цѣнности, пока сумма ихъ не превышаетъ долговъ народа, подлежащихъ уплатѣ въ ближайшее время. Впрочемъ всегда слѣдуетъ предпочитать государственныя бумажныя деньги съ обязательнымъ курсомъ билетамъ частныхъ банковъ: первыя каждый обязанъ брать, а слѣдовательно онѣ сохраняютъ высшую цѣнность. Лажъ на золото, во время приостановки размѣна бумажныхъ денегъ, не опредѣляетъ утраты цѣнности бумажными деньгами и происходитъ оттого, что прекратившіе размѣнъ банкы хранятъ безъ употребленія свой металлическій фондъ въ кассѣ, отчего золото на рынкѣ становится рѣдкимъ.

Согласно съ симъ, Джонсонъ совѣтуетъ временное превращеніе бумажныхъ денегъ въ процентныя облигаціи, упраздненіе частныхъ банковъ и выдачу имъ, въ замѣнъ ихъ металлическаго фонда, государственныхъ облигацій по биржевому курсу; прекращеніе платежа процентовъ и таможенныхъ пошлинъ монетой. Статья оканчивается заключеніемъ, что самая вредная изъ всѣхъ мѣръ состоитъ въ погашеніи государственнаго долга, потому что она лишаетъ народъ существующаго капитала и налагаетъ на него за это лишеніе подать, что, очевидно, составляетъ двойную несправедливость.

Р. фонъ-Гокъ оканчиваетъ перечень сочиненій, написанныхъ въ защиту бумажныхъ денегъ, извлеченіемъ изъ публичной лекціи, читанной Стилуэлемъ въ ноябрѣ 1866 г., въ Нью-Йоркѣ. Стилуэль выходитъ изъ положенія, что причина дороговизны не утрата цѣнности бумажными деньгами, а потери на рабочихъ силахъ и на произведеніяхъ труда, причиненныя войной. Убыль въ производствѣ должна быть восполнена, но для этого существующій трудъ недостаточенъ; отсюда большой спросъ, малое предложеніе, а слѣдовательно и возвышеніе цѣнъ. Подобное явленіе обнаружилось въ Калифорніи, въ первые годы по открытіи золотосныхъ приисковъ, несмотря на металлическую единицу и избытокъ золота. Предложеніе припасовъ и предметовъ потребленія рабочихъ было мало, потребность велика, а потому означенныя товары достигали баснословныхъ цѣнъ. Высокія тамо

женныя пошлины и вексельный курсъ возвышаютъ цѣны произведеній, привозимыхъ изъ-за границы; что касается золота, то оно дорого, потому что оно требуется для платежа пошлинъ и для заграничной торговли, и сдѣлалось рѣдкимъ въ странѣ; какъ и всякій другой товаръ, оно слѣдуетъ закону спроса и предложенія. Курсъ золота падаетъ, когда привозъ его изъ Калифорнiи въ Нью-Йоркъ больше нежели отпускъ въ Европу; въ противномъ случаѣ курсъ золота возвышается. Не во власти правительства измѣнить законъ рыночной цѣны; поэтому попытка секретаря казначейства возстановить нарицательный курсъ правительственнымъ путемъ смѣшна. При неурожаѣ и уменьшенiи отпуска или при сильномъ увеличенiи привоза, по какой бы то ни было причинѣ, во всѣ времена, монета, находящаяся въ странѣ, была недостаточна для уплаты разности между цѣной привоза и отпуска, и банки прекращали металлическіе платежи. Это было и всегда будетъ, что бы ни дѣлало правительство. Вообще, такъ-называемые металлическіе платежи суть фикція, которая существуетъ потому, что ее терпитъ народъ, но она лишена практической дѣйственности; каждый знаетъ, что банки, съ своимъ незначительнымъ металлическимъ фондомъ, никогда не въ состоянiи размѣнять выпущенные ими билеты, и однакоже каждый принимаетъ въ платежъ эти билеты, признанные неразмѣнными. Эта фикція должна быть устраниена, какъ вредная для общества, потому что она одновременно удерживаетъ въ обращенiи двѣ денежныя единицы—золотую и бумажную; что даетъ поводъ къ непрерывнымъ колебаніямъ. Поэтому слѣдуетъ избрать—или металлическую денежную единицу, что не исключаетъ обращенія свидѣтельствъ на металлическіе вклады, какъ это было нѣкогда въ Амстердамѣ, или же исключительно бумажную, опирающуюся на американскую честность и на американскій кредитъ, независимую отъ колебаній иностраннаго рынка и въ особенности отъ власти англійскаго банка и правительства надъ денежнымъ рынкомъ. Выборъ не труденъ, и законы, которые создали національные банки и объявили бумажныя деньги законнымъ орудіемъ обращенія, совершили это дѣло для блага народа: они предназначили для внѣшней торговли драгоцѣнный металл—товаръ, не подлежащій контролю, повсемѣстно производимый, прибывающій и убывающій,—сохранивъ для внутреннихъ обо-

готовъ бумажныя деньги, всегда остающіяся въ странѣ и свободныя отъ всякаго вѣшняго вліянія. При оцѣнкѣ достоинствъ бумажныхъ денегъ прежде всего необходимо устранить предразсудокъ, что цѣнность ихъ зависитъ отъ ихъ количества. Опытъ послѣднихъ лѣтъ достаточно опровергнулъ это мнѣніе. Лажъ на золото падалъ, когда кредитъ правительства возрасталъ вмѣстѣ съ его побѣдами, хотя количество бумажныхъ денегъ умножалось; затѣмъ цѣны товаровъ въ послѣднемъ году не измѣнялись, несмотря на пониженіе лажа на золото. Цѣнность бумажныхъ денегъ упрочивается лишь хорошимъ правительствомъ, хорошимъ государственнымъ устройствомъ и въ особенности хорошими законами о кредитѣ. Въ этомъ отношеніи нью-йоркскій банковый законъ 1837 г., обезпечивающій билеты предъявленіемъ въ залогъ вѣрныхъ бумагъ, заслуживаетъ величайшую похвалу, потому что онъ чуждъ ложнаго принципа законовъ 25-го февраля 1863 и 2-го юня 1864 годовъ, ограничивающихъ количество бумажныхъ денегъ, — онъ заботится только объ обезпеченіи, о качествѣ бумажныхъ денегъ и предоставляетъ установленіе ихъ количества единственно спросу и предложенію. Возвышеніе или пониженіе процентовъ составляетъ всегда вѣрный признакъ того, находится ли на рынкѣ слишкомъ много или слишкомъ мало бумажныхъ денегъ. Назначая опредѣленный предѣлъ для выпуска государственныхъ бумажныхъ денегъ, самыхъ вѣрныхъ кредитныхъ бумагъ, необходимо, и притомъ еще съ бѣльшимъ правомъ, назначить предѣлъ для выпуска процентныхъ бумагъ Союза, отдѣльных штатовъ, корпорацій и частныхъ лицъ; но изъ того, что послѣдняя мѣра безсмысленна, становится совершенно очевидно неразумность первой. При прежнемъ законодательствѣ, не обязывавшемъ банки къ обезпеченію своихъ билетовъ, можно было еще съ нѣкоторымъ кажущимся правомъ настаивать на ограниченіи количества кредитнаго обращенія, такъ какъ личный кредитъ всегда бываетъ ограниченъ; но теперь и этотъ поводъ исчезъ.

Бумажныя деньги болѣе требуются для оборотовъ чѣмъ процентныя государственныя долговыя обязательства, доказательствомъ служитъ то, что банки представляютъ процентныя бумаги для полученія за нихъ билетовъ: какимъ же безуміемъ оказывается предложеніе секретаря казначейства извлекать бумажныя деньги изъ оборотовъ посредствомъ процент-

ныхъ государственныхъ бумагъ! Лучше было бы выпустить облигаціи, приносящія низшій процентъ, съ правомъ служить законнымъ платежнымъ средствомъ, потому что такое свойство сообщило бы имъ гораздо высшую цѣнность*. Уничтоженіе бумажныхъ денегъ тождественно съ уничтоженіемъ кровообращенія. Сверхъ того, бумажныя деньги составляютъ связь, скрѣпляющую единство Союза, и основу оборотовъ; въ особенности это должно сказать о національныхъ банкахъ. Кто доставитъ послѣднимъ монету, въ которой они будутъ нуждаться въ случаѣ возобновленія металлическихъ платежей? Какъ возвысится цѣнность монеты отъ конкуренціи 1.600 банковъ при закупкѣ ея и, наконецъ, къ чему это потрясеніе въ то время, когда возстановленный миръ и открытіе сношеній съ Югомъ подають столь большія надежды? И для чего? Для того лишь, чтобы призвать къ жизни отжившую факцію, никогда не бывшую истинной, и чтобы доставить снова господство Англій и ея банку!

Не должно думать, впрочемъ, по приведеннымъ извлеченіямъ изъ нью-йоркскихъ журналовъ и писателей, что только мѣстные интересы Нью - Йорка (въ которомъ, по податнымъ листамъ, сдѣлано въ 1864—65 годахъ на 5.990 милл. оборотовъ процентными бумагами) вызвали на защиту бумажной денежной системы изъ опасенія, что съ возстановленіемъ правильнаго денежнаго обращенія должна окончиться сумасбродная спекуляція процентными бумагами. Такіе же голоса раздаются съ Запада, который страдалъ всегда отъ недостатка монеты и отъ потерявшихъ кредитъ банковыхъ билетовъ, обращавшихся въ тѣсномъ кругу. Сравнительно съ прошедшимъ, настоящее, съ обиліемъ повсемѣстно принимаемыхъ орудій обращенія, казалось великимъ шагомъ впередъ. Одинъ западный банкиръ писалъ въ 1863 г. въ *Merchant Magazine*, еще до изданія закона о банкахъ, что 1.600 банковъ, существовавшихъ въ 1860 году, выпускали 10.000 различныхъ видовъ банковыхъ билетовъ. Отличать настоящіе отъ фальшивыхъ было едва возможно. Существовали особыя еженедѣльные изданія для опубликованія поддѣлокъ, особые открыватели для ихъ обнаруженія, большіе торговые дома держали особыхъ браковщиковъ билетовъ. То нельзя было помѣстить билеты хорошихъ банковъ, то

* То-есть въ родѣ русскихъ серій.

навязывались кому-либо билеты плохихъ банковъ; въ числѣ обманутыхъ находились, въ особенности, путешественники и иностранцы. На Западѣ билеты хорошихъ банковъ соперничали съ утратившими свою цѣнность билетами западныхъ банковъ, извѣстными подъ разными прозвищами, — съ *кожа-ными пластырями* Мичигана, съ *дикими кошками* Георгіи, Пенсильваніи и Канады, съ *красными собаками* Индіаны и Небраски, съ *ложотьями* Сѣверной Каролины, Кентукки, Миссури и Виргиніи, съ *обръзанными хвостами* Иллинойса и Висконсина.

Чезъ, уже по оставленіи поста секретаря казначейства, 4-го ноября 1864 г. принять былъ съ восторгомъ народнымъ собраніемъ въ Чикаго. Въ своей рѣчи онъ вмѣнилъ себѣ въ славу то, что онъ осчастливилъ страну бумажными деньгами. „Побѣдите революцію, воскликнулъ онъ, — и зеленая спи-ка (такъ названы были въ Америкѣ бумажныя деньги) въ вашемъ карманѣ превратится черезъ 6 мѣсяцевъ въ золото.“ Восторженное одобреніе привѣтствовало эти слова, и съ такимъ же восторгомъ приняты были три *ура* въ честь отца зеленыхъ спинокъ.

Тотъ же взглядъ на превосходство бумажныхъ денегъ господствовалъ между многими членами конгресса, которые полагали, что деньги эти не достигли нарицательнаго курса лишь вслѣдствіе корысти и государственной измѣны. Г. Г. Стиббинсъ изъ Нью-Йорка сказалъ 3-го марта 1864 г. въ палатѣ представителей, что „настоящій упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ есть чудовищное преступленіе, ужасный обманъ, и каждый, кто тому способствовалъ, виновенъ въ неважномъ покушеніи на отечество“. Т. Стивенсъ, вѣдательный представитель Пенсильваніи и вождь протекціонистовъ, предложилъ въ декабрѣ 1864 г. законъ, по которому сѣдowało бумажный долларъ считать по цѣнности равнымъ серебряному и подвергать денежнымъ взысканіямъ и заключенію въ тюрьму тѣхъ, которые, не признавая этого положенія истиннымъ, дѣйствуютъ вопреки ему. Превія были отложены на неопредѣленное время, но предложеніе имѣло сторонниковъ. Сюда же относится одинъ изъ самыхъ горячихъ и даровитыхъ защитниковъ бумажныхъ денегъ, Генри Кере (Cary). Въ апрѣлѣ 1865 г. онъ предостерегалъ президента, чтобы послѣдній не увлекался восстановленіемъ денежной единицы. Высокая цѣна золота и обиліе денегъ составляютъ

средство для защиты отъ иностраннаго соперничества и для поощренія промышленности. Зимой въ 1865—66 годахъ Керъ читалъ публичныя лекціи въ большихъ сѣверныхъ городахъ и приписывалъ возрастаніе цѣны и цвѣтущее состояніе промышленности бумажнымъ деньгамъ. Приводя данныя, впрочемъ невѣрныя, относительно количества денегъ въ Союзѣ, въ Англіи и во Франціи, Керъ находилъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ денегъ, сравнительно съ пространствомъ и населеніемъ, менѣе чѣмъ въ двухъ названныхъ европейскихъ государствахъ. Джонъ Фанъ-Буренъ, глава такъ-называемыхъ экспансіонистовъ, предлагалъ въ отвѣтъ своему на рѣчь М. Коллоха, произнесенную въ Уайтѣ, слѣдующія средства для восстановленія денежной единицы, не прибѣгая къ уменьшенію количества денегъ. Пусть государство прекратитъ по займамъ платежъ процентовъ монетою, но будетъ выдавать ихъ бумажными деньгами по курсу. Таможенные доходы будутъ тогда достаточны для накопленія 150 милл. долл. монетою, и для начала размѣна *at par*; вымѣненные же бумажки можно будетъ опять пускать въ обращеніе. Операцию эту, по истощенію запаса монеты, слѣдуетъ повторять до тѣхъ поръ, пока восстановится курсъ. Въ 9 лѣтъ этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ. Въ послѣдствіи Фанъ-Буренъ полагалъ производить этотъ возобновляющійся размѣнъ 50-ю милл. долл. Фанъ-Буренъ надѣялся указаннымъ способомъ постепенно поднять курсъ бумажныхъ денегъ, между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, извлеченіе ихъ изъ обращенія должно произвести внезапное и жестокое потрясеніе рынка и потребуетъ новыхъ займовъ и новаго обремененія плательщиковъ податей для уплаты процентовъ. Коммиссія для преобразованія внутреннихъ налоговъ, члены которой были избраны секретаремъ казначейства, высказалась также противъ уменьшенія бумажныхъ денегъ; она полагала, что должно предпочесть облегченіе налоговъ извлеченію бумажныхъ денегъ. Производительныя силы народа, по ея мнѣнію, возрастаютъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ обороты возрастаютъ въ ариѳметической прогрессіи. Одинъ изъ ея членовъ защищалъ предложенное нѣкоторыми европейскими домами пониженіе металлической денежной единицы.

Наконецъ, г. Клеркъ, состоявшій до іюля 1866 г. контролеромъ денежнаго обращенія, вопреки подчиненности и при-

лично, публично опровергаетъ точность данныхъ, приведенныхъ секретаремъ казначейства.

Менѣе многочисленнымъ контракціонисты, противники бумажнаго денежнаго хозяйства, настаивающіе на необходимости сократить количество обращающихся бумажныхъ денегъ.

Почти всѣ они согласны въ томъ, что возвышеніе цѣны произошло отъ упадка цѣнности бумажныхъ денегъ, а не отъ уменьшенія числа рабочихъ и возрастанія спроса. Въ подтвержденіе этой мысли они ссылались на то, что цѣна американскихъ товаровъ въ Англіи, по счету на золото, стоитъ ниже чѣмъ въ Америкѣ, по счету на бумажки, что курсъ частныхъ бумагъ выше правительственныхъ, что за исключеніемъ немалыхъ произведеній южныхъ штатовъ, цѣны товаровъ возвышаются и падаютъ вмѣстѣ съ лажемъ; наконецъ, что высокая цѣна золота зависитъ не отъ существующаго на него спроса, потому что отпускъ золота далеко превышаетъ его привозъ. Въ остальномъ мнѣніи контракціонистовъ расходятся.

Въ мартовской статьѣ *Merchant Magazine* 1864 г. указывается, что господствующіе признаки благосостоянія обманчивы. Заказы правительства увеличили работу, но за нее народъ получаетъ въ оплату не работу, а долговныя обязательства; долгъ же составляетъ тягость, а не прибыль для народа. Цѣнность купленнаго труда, употребленнаго на междоусобную войну, утрачена для народа. Противъ положенія, что выпускъ бумажныхъ денегъ увеличиваетъ капиталъ страны, приведены были слова, вѣкогда сказанныя Веберомъ: „Я зналъ людей, которые, подливая воду въ молоко, не увеличили тѣмъ питательныхъ частицъ молока. Я зналъ дѣтей, которые мѣняли доллары на мѣдъ для того, чтобъ имѣть большую массу денегъ, но цѣнность этой массы оставалась та же самая.“ Затѣмъ перечислялись классы, которые терпятъ отъ упадка денежной единицы: всѣ получающіе жалованье, живущіе процентами, вѣрители, покупщики; указывалось на еще большее бѣдствіе, еслибы шаткое зданіе кредита рушилось, на власть, данную секретарю казначейства, которую не слѣдовало бы никому предоставлять въ республикѣ, власть обогащать и разорять предоставленіемъ и лишеніемъ банковыхъ привилегій, выпускомъ и извлеченіемъ бумажныхъ денегъ.

Съ другой стороны старались доказать, что, конечно, не

легко, точное соотвѣтствие между лажемъ и выпусками бумажныхъ денегъ. Амазій Уокеръ (Walker) считалъ уменьшеніе кредитнаго обращенія необходимымъ, но полагалъ вреднымъ ограничивать обращеніе частныхъ банковъ. Одни требовали отмены обязательнаго курса, другіе, сверхъ того, отмены освобожденія государственныхъ бумагъ отъ податей и восстановленія металлическихъ платежей посредствомъ возвышенія налоговъ. Въ половинѣ 1865 г. жаловались на правительство за то, что оно ничего не дѣлаетъ для восстановленія курса. Многіе, подобно Чезу, думали, что по прекращеніи войны самъ собой исчезнетъ и лажъ.

Александръ Дельмеръ доказывалъ, что бумажныя деньги благоприятствовали лишь движимому богатству и, въ увлеченіи пессимизмомъ, совѣтовалъ все имущество обращать въ золото, какъ наиболее цѣнный предметъ.

Въ ноябрьской книжкѣ *Merchant Magazine*, одинъ изъ противниковъ бумажныхъ денегъ утверждалъ, что консолидація, предложенная М. Коллохомъ, служитъ лишь къ извлеченію банковыхъ вкладовъ, которые приходится выплачивать билетами казначейства, причемъ одною рукой выпускается то, что извлекается другою.

Въ февралѣ и въ апрѣлѣ 1866 г. *Merchant Magazine* говорилъ, что жертвы, которыхъ требуетъ проектъ министра финансовъ, слишкомъ велики. Бумажныя деньги уменьшаются отчасти сами собою, потому что compound interest notes (билеты казначейства, служащіе законнымъ платежнымъ средствомъ, по нарицательной цѣнѣ, безъ зачета причитающихся по нимъ процентовъ), составляющіе образцовое произведеніе человѣческаго ума, чѣмъ долѣе находятся въ обращеніи, тѣмъ менѣе служатъ для оборотовъ. Кромѣ того, избытокъ доходовъ позволяетъ правительству извлекать и бумажныя деньги изъ обращенія. Затѣмъ, для уменьшенія давленія бумажныхъ денегъ на рынокъ, стоить только замѣнять бумажныя деньги такъ-называемыми compound interest notes. Средства, предложенныя правительствомъ, по мнѣнію статьи, несомнѣнны съ свободой. Производа въ ту или другую минуту, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ свои операціи, правительство держитъ въ своихъ рукахъ цѣны, предприимчивость, счастье и несчастье отдѣльныхъ лицъ.

Болѣе горячій сторонникъ секретаря казначейства Газардъ (Hazard) изъ Родъ-Эйланда, оспариваетъ въ апрѣлѣ-

ской книжкѣ *Merchant Magazine* предложеніе Фанъ-Бурена. Не потрясенный кредитъ правительства, а слишкомъ большая масса рождаетъ курсъ бумажныхъ денегъ. Курсъ этотъ можетъ подняться только посредствомъ уменьшенія количества бумажекъ. Сначала накопленіе золота въ государственныя кассы, а потомъ выпускъ его по нарицательной цѣнѣ, какъ предлагалъ Фанъ-Буренъ, произведутъ только колебанія цѣнности денегъ. Возрастающій кредитъ правительства, при уменьшеніи количества бумажныхъ денегъ, обезпечитъ размѣнъ остающихся бумажекъ и возобновитъ ихъ нарицательный курсъ. Страна, въ которой правительство могло занимать по миллиарду ежегодно во время войны, можетъ добыть 225 милл. въ годъ для размѣна, и проценты съ этой суммы составятъ незначительную величину, въ сравненіи съ отпадающими военными издержками. Независимо отъ этихъ правильныхъ мнѣній, можно указать у Газарда на другія мѣры заслуживающія одобренія. Онъ полагалъ, что билеты національныхъ банковъ не составляютъ препятствія для возобновленія денежной единицы, потому что, по наступленіи этого событія, банковые билеты будутъ обращаться въ размѣръ, соответствующемъ потребности.

Войну можно было бы вести на счетъ податей точно такъ же, какъ и при содѣйствіи кредитныхъ операций, потому что за исключеніемъ 5% бумагъ, нашедшихъ сбытъ за границей, всѣ деньги были уплачены ставкой. Преимущество кредитныхъ операций состояло только въ томъ, что золото было уплачено добровольно, и что этимъ способомъ были избѣгнуты недостатки неравномѣрнаго обложенія, неизбѣжные при высокихъ податяхъ и при неопытной администраціи. Пока государственныя бумаги остаются въ странѣ, народъ не терпитъ потери, онъ самъ себя уплачиваетъ проценты. Обыкновенный упрекъ займамъ, что они обременяютъ будущее, неоснователенъ, потому что долговныя обязательства переходятъ къ потомству. Потерю несетъ настоящее отъ непроизводительнаго потребленія; потомство терпитъ только отъ того, что потребленіе это лишаетъ его болѣе богатаго наслѣдства. Вредный отливъ государственныхъ бумагъ за границу необыкновенно облегчается высокимъ лажемъ.

При такихъ союзникахъ торжество М. Коллоха не могло быть рѣшительнымъ. Многіе изъ его сторонниковъ не осмѣ-

лицамъ возстать противъ бумажныхъ денегъ изъ опасенія или поколебать къ нимъ довѣрїе, или утратить свою популярность между избирателями. Въ принципѣ конгрессъ одобрилъ предложенія секретаря казначейства, финансовый комитетъ представителей предложилъ уполномочить министра изъять процентными бумагами въ теченіе двухъ лѣтъ *com-pound interest notes* и до 200 милл. безпроцентныхъ билетовъ казначейства, но въ засѣданіи конгресса 16-го марта многие представители, въ томъ числѣ Стивенсъ, возстали противъ предоставленія секретарю казначейства такой огромной власти, и билль былъ сначала отвергнутъ, а потомъ принятъ съ ограниченіемъ, чтобы въ первые 6 мѣсяцевъ было извлечено только 10 милл. долл., а потомъ извлекалось ежемѣсячно по 4 милл. бумажныхъ денегъ. Этою мѣрой надѣялись достигъ въ 9 лѣтъ предполагаемаго результата,—извлеченія части бумажныхъ денегъ; въ сущности она оставала въ силѣ спекуляціи на лажъ и не могла быстро поднять курсъ, отдавая его въ жертву всѣмъ случайностямъ. Замѣчаніе это оправдывается событіями. Постановленіе конгресса 18-го декабря понизило лажъ съ 44 на 25%; невѣрительность конгресса возвысила его снова до 29%. Прошлогодняя европейская война, которая вызвала запросъ на американское золото, разрушила многія изъ промышленныхъ комбинацій, разорила нѣкоторыя изъ самыхъ богатыхъ фирмъ и подняла лажъ въ іюнь до 70%; въ іюль онъ упалъ снова на 50%. Колебанія курса были такъ же велики, какъ во время междоусобной войны. Съ начала весны до среднихъ чиселъ іюля, вывезено было золота на 70 милл. долл. Сперва правительство само продавало золото для поддержанія курса, но, въ концѣ мая, казначейство должно было остановиться. Этотъ кризисъ отрезвилъ общественное мнѣніе; перестали надѣяться на то, что курсъ поднимется самъ собою, и совѣтовать новые выпуски бумажныхъ денегъ; къ конгрессу обратились съ упреками, что онъ слишкомъ мало сдѣлалъ къ уменьшенію бумажныхъ денегъ. 20-го іюня предложена была консолидація 6% и 7³/₁₀% займа въ 5% металлическій, срокомъ на 30 лѣтъ. Въ концѣ іюля долгъ Союза составлялъ 2.770.5 милл. долл., 124.1 милл. долл. менѣе чѣмъ годъ тому назадъ, вслѣдствіе уменьшенія текущаго долга, вкладовъ, долговыхъ сертификатовъ, билетовъ казначейства; собственно бумажныхъ

денегъ изъято было на 16,3 милл. долл. Въ кассѣ находилось 137,3 милл. долл., въ томъ числѣ 66,3 милл. монетой.

Эти мѣры конечно были недостаточны, но онѣ составляютъ уже большой успѣхъ. Онѣ подають надежду, что народъ разумный и легко понимающій смыслъ событій не будетъ долго противиться планамъ М. Коллоха. Переходя къ распространенію мѣвнѣй, распоряженій и проектовъ мивистра, г. Гокъ замѣчаетъ слѣдующее:

Цѣны товаровъ не соразмѣряются съ лажемъ, а лажь съ количествомъ бумажныхъ денегъ. И цѣны, и лажь находятъся подѣ влияніемъ общаго положенія рынка, предложенія и спроса. На лажь, кромѣ того, отзываются степень довѣрія, которымъ пользуется правительство, вмѣшательство послѣдняго въ биржевыя дѣла и всѣ биржевыя фокусы.

Подтверждая сказанное длиннымъ рядомъ таблицъ, г. Гокъ поясняетъ приведенныя имъ цифри слѣдующимъ образомъ:

Въ 1861 г., несмотря на междуусобную войну и на большіе государственные расходы, билеты банковъ сохраняли нарицательную цѣну. Причина этому заключалась въ томъ, что въ это время не было ни принудительнаго курса, ни государственныхъ бумажныхъ денегъ. Большой сборъ хлопка и уменьшеніе заграничныхъ закупокъ, при тревожномъ положеніи внутренняго рынка, увеличили накопленіе золота. Изъ-за границы привезено было золота на 37 милл. долл., изъ Калифорніи на 34 милл.

Въ началѣ 1862 г. банки прекратили размѣнъ, цѣнность ихъ билетовъ начала понижаться, но золото не исчезло еще изъ оборотовъ и пользовалось незначительнымъ лажемъ.

Съ появленіемъ государственныхъ бумажныхъ денегъ и принудительнаго курса, золото стало выходить изъ страны, гдѣ народъ и правительство признали употребленіе его въ оборотахъ измѣной (допуская его только въ платежѣ таможенныхъ пошлинъ) и гдѣ должникъ уплачивалъ долгъ не золотомъ, но утратившими цѣнность бумажками.

Привозъ золота изъ штатовъ въ Нью-Йоркъ.

Вывозъ золота за границу изъ Нью-Йорка.

Годъ.	Милл. долл.	Милл. долл.
Въ 1862	44	59,5
• 1863—65	99	131
• 1865	37½	30

Изъ С.-Франсиско вывезено золота.

Годы.	Въ Нью-Йоркѣ.		За границу.	
	Милл. долл.		Милл. долл.	
Въ 1854—61	35		8	
• 1862	26		17	
• 1863 {	по 9 $\frac{1}{2}$ сред. чис.		по 35 $\frac{1}{2}$ сред. чис.	
• 1864 }				
• 1865	20			

Итакъ, отпускъ золота изъ С.-Франсиско въ Нью-Йоркъ также значительно уменьшился, сравнительно съ заграницнымъ, что отчасти объясняется опасеніемъ сепаратистскихъ крейсеровъ; но вообще вывозъ золота изъ Америки въ Европу былъ гораздо болѣе показаннаго по приведеннымъ таблицамъ; полагаютъ, что въ четырехлѣтіе, съ 1862 по 1865 г., вывезено отъ 300 до 500 милл. долл.

Къ другимъ причинамъ возвышенія даже слѣдуетъ отнести: спросъ на золото для уплаты таможенныхъ пошлинъ, неуверенность въ будущемъ размѣнѣ бумажныхъ денегъ, возрастающую при неблагоприятныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствахъ; наконецъ увеличеніе выпуска билетовъ національныхъ банковъ. При неразмѣнности на моменту, при обязательномъ обмѣнѣ другъ на друга, билеты менѣе состоятельныхъ банковъ должны понижать цѣнность билетовъ болѣе прочныхъ банковъ. Эти причины, несмотря на окончаніе войны и на сокращеніе въ расходахъ, произвели то, что цѣна золота, во второй половинѣ 1865 г., не падала ниже 140%.

Недостатокъ довѣрія къ твердой волѣ правительства возстановить денежную единицу объясняетъ, почему курсъ краткосрочныхъ бумагъ стоитъ выше долгосрочныхъ.

Для убѣжденія въ томъ, что денежная единица утратила свою цѣнность, стоить только обратить вниманіе на фактъ, что одно и то же количество золота стоило 500 долл. въ Ричмондѣ, 150 въ Нью-Йоркѣ, 100 въ Монреалѣ; явленіе это нельзя объяснить различіемъ въ спросѣ на золото. Наконецъ, лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія, что бумажная денежная единица не утратила своей цѣнности служитъ то, что губернаторъ Канады приказалъ, при оцѣнкѣ товаровъ, привозимыхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, проверять показанія цѣны по курсовому листку, сообразно съ обозначеніемъ цѣны на золото. Наконецъ цѣны на муку, масло и сало, при

незначительныхъ расходахъ на провозъ, стояли въ Нью-Йоркѣ отъ 50 до 200% выше чѣмъ въ Монреалѣ.

Таблицы цѣвъ въ данной мѣстности позволяютъ уразумѣть какъ процессъ упадка цѣвности денежной единицы, такъ и вліяніе этого упадка на цѣвы разныхъ произведеній. Цѣвы привозимыхъ предметовъ слѣдуютъ параллельно за лажемъ, который сглаживаетъ вліяніе другихъ причинъ; только на винѣ и на чаѣ замѣтно вліяніе возвышенія таможенныхъ пошлинъ.

Цѣвы произведеній Юга дорожаютъ подѣ вліяніемъ не только лажа, но также упадка производства, рабства и перерыва сношеній. Цѣвы произведеній сѣверныхъ и западныхъ штатовъ тѣмъ позднеѣ слѣдуютъ за измѣненіями цѣвности денежной единицы, чѣмъ отдаленнѣе мѣста производства отъ главныхъ средоточій политическаго и торговаго движенія.

Только въ 1864 году, гораздо позднеѣ послѣ того какъ обнаружилось вліяніе упадка цѣвности денежной единицы на цѣвы привозимыхъ товаровъ, наступило общее значительное возвышеніе цѣвъ внутреннихъ произведеній, происшедшее несомнѣнно вслѣдствіе упадка цѣвности бумажныхъ денегъ. Въ 1865 году цѣвы предметовъ привоза падаютъ вмѣстѣ съ лажемъ; цѣвы предметовъ внутреннего производства падаютъ позднеѣ. Цѣвы предметовъ военныхъ потребностей представляютъ сильнѣйшее возвышеніе во время войны и сильнѣйшее паденіе послѣ окончанія оной (мука, сѣно, свинецъ). Высокая цѣна водки зависѣла отъ возвышенія налога; рыбы—отъ уничтоженія каперами Юга рыболовныхъ судовъ. Если цѣвы многихъ предметовъ внутреннего производства, въ началѣ 1866 года, стояли выше чѣмъ можно было бы ожидать, суда по лажу, то это было слѣдствіемъ: а) уничтоженія многихъ рабочихъ силъ войной; б) потребности въ этихъ силахъ для возобновленія того что разрушено; в) усилившагося потребленія, вслѣдствіе колебанія денежной единицы, и г) деморализующаго вліянія этого колебанія. Наконецъ, не должно забывать, что цѣвы представляютъ колебанія, подобныя движенію маятника: за движеніемъ въ одну сторону слѣдуетъ обратное движеніе въ другую. Наибольшее паденіе цѣвъ послѣдовало въ маѣ 1865 года, параллельно упадку лажа; но затѣмъ, при болѣе трезвомъ взглядѣ на вопросъ о возобновленіи металлическаго обращенія, цѣвы начали снова

рости, какъ это доказываетъ таблица цѣвъ, приведенная г. фонъ-Гокомъ за 1865 годъ.

Въ дополненіе къ изложеннымъ соображеніямъ о бумажныхъ деньгахъ должно замѣтить, что пока драгоценныя металлы суть цѣвности, а бумажныя деньги — обѣщаніе уплатить цѣвность, пока первые употребляются для такихъ цѣлей, для которыхъ послѣднія негодны, пока монета, излишняя въ странѣ, приноситъ послѣдней пользу за границей, между тѣмъ какъ избытокъ бумажныхъ денегъ дѣйствуетъ, какъ мертвая масса, и нужно усиліе для того, чтобы выносить ея тяжесть, пока неразмѣнныя бумажныя деньги колблются въ своей цѣвности, отъ бѣльшаго или меньшаго ихъ количества, отъ каждаго поворота въ политикѣ и на биржѣ, до тѣхъ поръ одна лишь металлическая денежная единица исполняетъ назначеніе денегъ и служитъ въ то же время мѣриломъ и оплатой за цѣвности.

Наконецъ, не должно забывать объ опасности, которою угрожаетъ колеблющаяся цѣвность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, при наступленіи торговыхъ и кредитныхъ кризисовъ, такой странѣ, какъ Союзъ, гдѣ предпріятія громадны и рискованны, а кредитъ оказывается очень легко. Политическія столкновения, физическія бѣдствія, неудавшаяся жатва и даже панической страхъ могутъ вызвать недовѣріе къ состоятельности и кредитныхъ учреждений, и самого государства. Опасаются, что правительство, извлекая бумажныя деньги, пріобрѣтаетъ власть надъ денежнымъ рынкомъ; но эта власть продлится не многіе годы и опредѣленіемъ сроковъ для извлечения бумажекъ можетъ быть лишена произвола; между тѣмъ какъ цѣвность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ всегда зависитъ отъ операций правительства — этой главной денежной власти. Полагаютъ, что съ возрастаніемъ оборотовъ, увеличится потребность въ орудіяхъ обращенія и что курсъ бумажныхъ денегъ возстановится самъ собою, между тѣмъ какъ правительство продажей золота можетъ всегда остановить спекуляцію на возвышеніе лажа; но избытокъ бумажныхъ денегъ уже существуетъ, составляя и опасность, и бремя, которыя должна вывести и устранять едва возникающая сила.

Затѣмъ, въ новое время, возникаютъ непрерывно новыя виды кредита, уменьшающіе потребность въ орудіяхъ обращенія, и нисколько нельзя утверждать, чтобы большее

количество послѣднихъ было необходимо при возрастаніи оборотовъ. Притомъ, неразмѣнныя бумажныя деньги составляютъ несовершенное орудіе оборотовъ, а здоровые обороты требуютъ совершенныхъ орудій. Предоставленіе государству права игры на денежномъ рынкѣ посредствомъ продажи золота заключаетъ въ себѣ дѣйствительную опасность для свободы, потому что поставяетъ купечество въ безусловную зависимость отъ секретаря казначейства. Опредѣленіе цѣнности бумажныхъ денегъ посредствомъ регулированія цѣны на золото походитъ на попытку человѣка, который, нагрѣвая свѣчой термометръ, полагаетъ, что онъ натопилъ свою комнату.

Наковецъ, есть случаи, когда возвышеніе курса зависитъ не отъ измѣнчивыхъ, а отъ постоянныхъ причинъ, и когда продажа золота правительствомъ служитъ только пицей для спекуляціи.

Тѣ, которые не хотятъ прибѣгнуть къ заграничной помощи, полагая, что платежъ процентовъ за границу составляетъ потерю для страны, между тѣмъ какъ тотъ же платежъ, производимый внутри государства, составляетъ только переходъ денегъ изъ рукъ въ руки, забываютъ, что проценты уплачиваются за капиталъ, и что выгода или невыгода операціи зависитъ отъ употребленія капитала. Различіе во взглядахъ секретаря казначейства и большинства конгресса состоитъ въ томъ, что первый хочетъ соединить съ погашеніемъ превращеніе государственныхъ бумажныхъ денегъ въ долгосрочный заемъ; второе желаетъ одного погашенія.

Это единомысліе относительно погашенія разсѣиваетъ многія опасенія относительно будущаго.

При жалобахъ на тяжесть внутреннихъ налоговъ, при указаніяхъ на то, какъ много выиграютъ тѣ, которые получаютъ свой капиталъ обратно золотомъ, по обязательствамъ государства, купленнымъ на малоцѣнныя бумажки, можно было опасаться принудительнаго уменьшенія или процентовъ, или капитала по государственнымъ бумагамъ. Эти опасенія поддерживались событіями во время войны, прежними отказами въ платежъ долговъ отдѣльными штатами (repudiation), теми же сторонами характера американскаго народа, въ глазахъ котораго успѣхъ оправдываетъ средства. Впервые подѣйствовалъ успокоительно Балтиморскій конвентъ, который, при вторичныхъ выборахъ Линкольна, провозгласилъ неприкосно-

венность національнаго долга. Отказъ въ платежѣ долговъ невѣроятенъ и потому, что $\frac{1}{10}$ долговыхъ обязательствъ правительства находится въ рукахъ огромной массы населенія Союза, притомъ далеко не самой достаточной. Наконецъ, всѣ старанія президента, секретаря казначейства, ихъ друзей и другихъ поборниковъ какъ неприкосновенности государственнаго долга, такъ и необходимости быстрого его погашенія, поддерживаются убѣжденіемъ и сторонниковъ, и враговъ правительства, что Союзъ въ состояніи совершить то, чего онъ захочетъ. Это убѣжденіе раздѣляется и правительствомъ, и конгрессомъ, и литературой. Цѣлый рядъ сочиненій, изъ которыхъ г. фонъ-Гокъ сдѣлалъ извлеченіе, рисуютъ такую картину процвѣтанія, могущества и развитія Соединенныхъ Штатовъ, какой всеобщая исторія доселѣ не представляла. Во всемъ этомъ много увлеченія, но также и много истины.

Обращаясь къ плану М. Коллоха, г. фонъ-Гокъ замѣчаетъ, что министръ не взвѣсилъ всѣхъ трудностей консолидаціи бумажныхъ денегъ и ея послѣдствій.

При существованіи принудительнаго курса бумажныхъ денегъ, драгоцѣнные металлы не могутъ возвратиться въ страну прежде чѣмъ возстановится на прочномъ основаніи цѣнность бумажныхъ денегъ. Для достиженія этой цѣли необходимо какъ внутреннее и внѣшнее спокойствіе, такъ и значительное уменьшеніе количества обращающихся бумажекъ. Спокойствіе не легко можетъ быть достигнуто въ республикѣ, гдѣ господствуетъ одна изъ сильныхъ, прямо другъ противъ друга стоящихъ партій и гдѣ весьма распространена очень свободная печать.

Справедливость этого замѣчанія подтверждается непрерывно возобновляющимися столкновеніями съ Англіей, Франціей, Испаніей, Мексикой; суровостію, съ которою конгрессъ, вопреки президенту, относится къ Югу, подстрекая послѣдній къ отчаянной борьбѣ; запретительною системою, развиваемою вопреки наукѣ, примѣру другихъ странъ и требованіямъ дружескихъ международныхъ отношеній. Уменьшеніе бумажнаго обращенія, безъ соответствующаго замѣна металлическими деньгами, было бы очень ощутительно. Бумажныя деньги, въ ту пору когда правительство располагаетъ ихъ цѣнностію, притекаютъ въ мѣста, гдѣ извѣстно, что намѣрено предпринять правительство, и тѣмъ ощутительнѣе недоста-

токъ денегъ въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ средоточій торговыхъ оборотовъ. Другое обстоятельство, которое часто упускаютъ, въ Америкѣ же дѣйствительно упустили изъ виду, состоитъ въ томъ, что цѣны разныхъ произведеній, при возвышеніи лажа, растутъ, а при пониженіи падаютъ неравномѣрно, причемъ болѣе искусные спекуляторы выигрываютъ насчетъ менѣе опытныхъ. Но, при общемъ возвышеніи цѣнъ, потеря ограничивается тѣмъ, что нѣкоторые спекуляторы и торговцы успѣваютъ позднѣе воспользоваться участіемъ въ общихъ барышахъ; при паденіи цѣнъ — одни выигрываютъ, а другіе положительно теряютъ, вслѣдствіе чего возникаетъ всеобщее недовольство.

Въ странѣ, гдѣ цѣны растутъ, или испытываютъ колебанія отъ естественнаго измѣненія спроса и предложенія, каждый охотно покупаетъ, въ виду выгодной перепродажи, и обороты бывають оживлены. Въ странѣ, гдѣ цѣны неизбежно падаютъ, при извлеченіи орудій обращенія, наступаетъ застой: и покупщикъ, и продавецъ воздерживаются отъ сдѣлокъ, опасаясь потерь. Напрасно думаютъ, что потери нѣтъ, потому что при низкихъ цѣнахъ, меньшая сумма денегъ имѣетъ бѣольшую цѣнность: этого соответствія между цѣнностью денегъ и цѣной всѣхъ произведеній не существуетъ. Застой отзывается тяжело въ средоточіяхъ торговыхъ оборотовъ, и въ особенности тогда, когда онъ непосредственно сдѣдуетъ за безразсудною спекуляціей.

Наконецъ, прекращеніе металлическихъ платежей освободило банки отъ необходимости ограничивать свой кредитъ, смотря по положенію рынка, для того чтобъ имѣть подъ рукой запасъ монеты, необходимый для размѣна билетовъ. Этимъ объясняется необыкновенное уменьшеніе числа банкротствъ и сопряженныхъ съ ними потерь въ 1863—1865 годахъ. Въ теченіе этого періода, тѣхъ и другихъ было въ шесть разъ менѣе противу самыхъ благоприятныхъ годовъ 1858—60 г. Несмотря на стократное напоминаніе, что общее банкротство избавляло частныхъ лицъ отъ необходимости заявлять о своемъ частномъ банкротствѣ, торговый міръ видитъ одинъ лишь фактъ безопасности оборотовъ, и ему будетъ тяжело испытать, при возстановленіи металлическаго обращенія, ограниченіе кредита и прекращеніе платежей.

Итакъ, можно предвидѣть недовольство, серіозное повсемѣстное недовольство, вызванное мѣрами правительства,

которыя были утверждены, но могутъ быть и отмѣнены представителями народа; мѣрами, о которыхъ существуютъ различныя мнѣнія въ странѣ, и которыя имѣютъ горячихъ и многочисленныхъ противниковъ въ конгрессѣ. Это недовольство высказывается уже теперь, когда ограниченіе бумажнаго обращенія едва наступило, и одни лишь опасенія волнуютъ рынокъ. Цѣны падаютъ и раздаются жалобы на правительственныя распоряженія, на тарифъ, допускающій соперничество съ иностранцами, на ограниченіе выпуска бумажныхъ денегъ, на недостаточное предупрежденіе колебаній курса. Достанетъ ли у народа и конгресса Соединенныхъ Штатовъ государственнo-экономической провицательности и самообладанія, для того чтобы выдержать этотъ горькій опытъ и непрерывныя нападки до возобновленія металлическаго обращенія, въ случаѣ еслибы предложенія секретаря казначейства получили силу закона? Опасенія запрашиваются сами собою.

Вопреки положеніямъ, высказаннымъ М. Коллохомъ въ его отчетахъ, и ходячимъ мнѣніямъ въ наукѣ, должно замѣтить, что при увеличеніи запасовъ металла, цѣны товаровъ не соответствуютъ этому возрастанію и что большее количество металловъ даетъ бoльшую силу въ покупки, какъ внутри страны, такъ и за границей. Равнымъ образомъ и умноженіе, какъ долговыхъ обязательствъ государства, такъ и бумажныхъ денегъ, ведетъ въ данную минуту къ увеличенію массы поставляемаго ими въ распоряженіе правительства народнаго имущества; именно, если товары, купленные на эти бумаги, тотчасъ притекаютъ въ страну, тогда какъ обязательства, принимаемыя послѣднеемъ на себя, должны быть уплачены въ послѣдствіи.

Тотъ, кто купилъ товары въ долгъ, въ моментъ обладанія ими имѣетъ болѣе цѣнностей въ своемъ распоряженіи чѣмъ въ прежнее время. Эта выгода уравнивается процентами по заключенному займу. Соединенные Штаты выпускомъ облигацій и билетовъ казначейства создали огромное число предприятий и заняли много рабочихъ; то и другое безъ этого средства, въ столь короткое время, было бы невозможнымъ; но очевидно, что современное поколѣніе, воспользовавшееся увеличеніемъ производства и прибыльнаго труда, не охотно принимаетъ на себя уплату долговъ, въ особенности заключенныхъ посредствомъ выпуска безпроцентныхъ

бумажныхъ денегъ, и готово возложить эту уплату на будущее, для того чтобы не лишиться выгодъ въ настоящемъ. Вотъ препятствія для превращенія безпроцентнаго долга въ процентный. За тѣмъ, можно усомниться въ возможности восстановленія металлическихъ платежей по плану, предложенному М. Коллохомъ, если не будутъ приняты дальнѣйшія мѣры. Востребованіе вкладовъ и выпускъ остальныхъ билетовъ національныхъ банковъ могутъ, конечно, помѣшать, но не воспрепятствовать восстановленію денежной единицы. Трудность заключается не въ этомъ, а въ возобновленіи металлическихъ платежей національными банками.

Приобрѣтеніе размѣннаго фонда вызоветъ между банками борьбу не на жизнь, а на смерть и будетъ пагубнѣе для насъ чѣмъ все прочее. Внѣшній заемъ золотомъ, сдѣланный правительствомъ въ Европѣ или у горныхъ предпринимателей Запада, и распределеніе полученной суммы между банками, удовлетворили бы только первой потребности, но не укрѣпили бы денежнаго обращенія. Золото, занятое въ Европѣ, устремилось бы обратно, для наполненія оказавшейся пустоты, хотя бы и былъ отмѣненъ обязательный курсъ бумажныхъ денегъ, причѣмъ приобрѣтеніе золота для внутреннихъ оборотовъ было бы похоже на наполненіе бочки Данаидъ. Возвышеніе тарифа, въ видахъ удержанія монеты, можетъ только уничтожить международную торговлю и усилить контрабанду; что же касается разчета на восстановленіе довѣрія, то, несмотря на довѣріе, при невыгодномъ торговомъ балансѣ или при невыгодномъ поворотѣ торговыхъ дѣлъ, золото можетъ быть извлечено изъ банковъ и казначейства, и зло неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ наступитъ во всей своей силѣ. Самое большее, можно почти оказать непреодолимое препятствіе къ восстановленію металлической денежной единицы заключается въ системѣ національныхъ банковъ. Они ведутъ свои операціи безъ основнаго капитала, который помѣщенъ въ процентныхъ бумагахъ государства. При каждомъ потрясеніи денежнаго рынка, имъ угрожаютъ и предъявленіе билетовъ для размѣна, и востребованіе вкладовъ, между тѣмъ какъ основной капиталъ ихъ въ рукахъ правительства, а находящіяся у нихъ средства, при общемъ предложеніи процентныхъ бумагъ на рынкѣ, ни къ чему не служатъ. Конечно, одинъ банкъ можетъ пособить другому, а неуплаченные банками билеты упла-

чиваются контролеромъ денежнаго обращенія, но это возможно лишь при господствѣ системы государственныхъ бумажныхъ денегъ, а не при металлическихъ платежахъ. Какъ ни благозвучны слова — „свободные банкы, всеобщее орудіе обращенія, однородность общей денежной единицы“, но въ сущности національные банкы суть конторы одного банка, находящагося въ рукахъ государства. Государство даетъ имъ за соответствующее обезпеченіе напечатанные правительственные билеты, за подписью контролера денежнаго обращенія, какъ директора банка, и производитъ по нимъ уплату въ своихъ кассахъ, если эти конторы государственнаго банка откажутъ въ платежѣ. Государство разрѣшаетъ эти банкы, изслѣдуетъ ихъ положеніе, контролируетъ ихъ, устанавливаетъ между ними связь, принуждаетъ ихъ принимать билеты другъ отъ друга, даетъ одному изъ банковъ средства для извлеченія билетовъ другихъ банковъ и закрываетъ ихъ, какъ свои кассы, если находятъ, что они не удовлетворяютъ своему назначенію. Контролеръ денежнаго обращенія то предписываетъ банкамъ принимать изорванные билеты, если нѣтъ въ виду злоупотребленія, то, допуская крайнее нарушеніе торговой свободы, запрещаетъ имъ хранить деньги въ банкахъ отдѣльныхъ штатовъ или въ рукахъ частныхъ лицъ. Все, что сказалъ М. Колмохъ о государственномъ банкѣ и о государственныхъ бумажныхъ деньгахъ, можно сказать о національныхъ банкахъ и ихъ билетахъ. Съ политической точки зрѣнія, власть государства, состоящая въ разрѣшеніи и запрещеніи банковъ, гораздо опаснѣе и скорѣе даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ чѣмъ строго контролируемый конгрессомъ выпускъ государственныхъ бумажныхъ денегъ. Осенью 1866 года возникъ въ Бальтиморѣ планъ центральнаго банка въ Нью-Йоркѣ, безъ права выпуска билетовъ, съ разнѣннымъ фондомъ, внесеннымъ національными банками, соразмѣрно съ ихъ капиталомъ для разнѣна ихъ билетовъ. Одинъ филаделфійскій банкиръ предлагалъ для той же цѣли устроить особое отдѣленіе при контролѣ денежнаго обращенія; такимъ образомъ и въ Соединенныхъ Штатахъ была высказана мысль, что государственный банкъ есть логическое послѣдствіе національной банковской системы. Секретарь казначейства высказался въ пользу плана, составленнаго въ Бальтиморѣ, но противится учрежденію государственнаго банка,

полагая, что не слѣдуетъ вмѣшивать правительство въ вопросъ о размѣнѣ банковыхъ билетовъ. Такое вмѣшательство, при восстановленіи металлической денежной единицы, конечно, очень неудобно для финансоваго управленія; но трудно сказать, какимъ образомъ можно обойти это затрудненіе, при существованіи системы національныхъ банковъ.

Соглашаясь съ секретаремъ казначейства, что погашеніе государственнаго долга необходимо и возможно, безъ большаго обремененія народа, и что возвращеніе къ металлической денежной единицѣ должно быть признано постоянною задачею финансовой политики Союза, достижимою при медленномъ, но непрерывномъ извлеченіи бумажныхъ денегъ, г. фонъ-Гокъ замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ идти далѣе и требовать:

1. Отдѣленія банковъ отъ государства, поручивъ наблюденіе за ними и выпускъ ихъ билетовъ судебному учрежденію или другой независимой корпораціи, напримѣръ состоящей изъ пожизненно назначенныхъ комиссаровъ денежнаго обращенія. Выпускъ билетовъ долженъ быть ограниченъ известною частію банковаго капитала и обезпеченъ только отчасти процентными бумагами, а главнымъ образомъ металломъ, который обязано дать государство, размѣнявъ часть представленныхъ ему въ качествѣ залога государственныхъ долговыхъ обязательствъ. Упомянутое выше обезпеченіе не должно храниться въ казначействахъ, но должно быть мѣрено, въ видахъ производства размѣна билетовъ, по выбору самихъ банковъ, кредитнымъ учрежденіямъ, не имѣющимъ участія въ выпускѣ банковыхъ билетовъ и находящимся въ большихъ торговыхъ центрахъ. Банки должны быть обязаны къ поддержанію этого обезпеченія въ предписанномъ размѣрѣ, но ни государство, ни банки не должны быть принуждаемы къ приему билетовъ, которые не были ими выпущены.

2. Если, при всеобщности употребленія бумажныхъ денегъ и исчезновеніи монеты, на первыхъ порахъ, отмѣна обязательнаго курса государственныхъ бумажныхъ денегъ представляется неудобноисполнимою, то, по крайней мѣрѣ, не въ далекомъ будущемъ, когда курсъ бумажной денежной единицы приблизится къ нарицательной ея цѣнѣ, можно допустить, чтобы каждый обязанъ былъ принимать бумажныя деньги по послѣднему биржевому курсу или по курсу установленному сообразно съ послѣднимъ, для известныхъ пере-

одовъ времени, комиссіей денежнаго обращенія. Такимъ образомъ драгоцѣнные металлы получили бы снова полезное употребленіе въ странѣ; покупщикъ или должникъ, смотря по положенію денежнаго рынка, производилъ бы платежи или монетой, или бумажками, а съ появленіемъ металла въ обращеніи, можно было бы приступить къ отмѣнѣ обязательнаго курса, что необходимо для возстановленія металлической денежной единицы.

3. Въ системѣ внутреннихъ налоговъ должно ограничиться взиманіемъ на мѣстѣ производства податей съ немногихъ предметовъ, не относящихся къ необходимымъ потребностямъ бѣднѣйшихъ классовъ, причемъ налоги съ отпускаемыхъ товаровъ, какъ противныя конституціи и интересамъ Союза, не должны имѣть мѣста. Слѣдуетъ отмѣнить подати съ оборотовъ рыночныхъ, денежныхъ, съ валоваго дохода предпріятій, предназначенныхъ для облегченія сношеній, съ предметовъ утонченнаго потребленія немногихъ богатыхъ, такъ какъ налоги послѣдняго рода, безъ внимательства въ домашній бытъ, неудобопримѣнимы, и такъ какъ дороговизна и ненавистный характеръ ихъ исчисленія не вознаграждаются выручкой.

4. Необходимо простой, умеренный тарифъ, приличный свободному, справедливому и дѣятельному народу. Положеніе, что Союзъ можетъ обойтись безъ вѣнскихъ сношеній, опровергается: а) фактомъ, на который указываютъ съ гордостью, — именно, что цѣнность производимыхъ предметовъ растетъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ три раза быстрее чѣмъ населеніе страны, б) высокимъ ростомъ, в) застоємъ въ торговлѣ, при дурномъ сборѣ, г) возрастаніемъ вѣншей морской торговли и международныхъ торговыхъ оборотовъ вообще. Союзъ нуждается въ сношеніяхъ со всѣмъ міромъ, а сношенія сіи предполагаютъ обоюдную покупку и продажу. Таможенная система требуетъ преобразованія въ видахъ упрощенія, уменьшенія суровости введеннаго въ ней порядка и установленія большей точности.

5. Необходимо подготовленный классъ должностныхъ лицъ, получающихъ хорошее содержаніе и, при исполненіи своихъ обязанностей, имѣющихъ право на сохраненіе служебныхъ мѣстъ и на повышеніе.

Таковы окончательные выводы, къ которымъ привело автора изученіе кредитнаго обращенія и банковской системы

Соединенныхъ Штатовъ, въ связи съ общимъ финансовымъ положеніемъ страны.

Какъ ни далекъ г. фонъ-Гокъ отъ увлеченій свойственныхъ Американцамъ, какъ ни велики сомнѣнія, возбужденныя имъ относительно осуществленія плановъ Макъ-Коллоха, но едва ли дѣйствительныя трудности не болѣе предполагаемыхъ авторомъ. Государственный долгъ въ 2.800 милл. долл., заключающій въ себѣ на 1.151,2 милл. краткосрочныхъ долговъ, по преимуществу, процентныхъ бумажныхъ денегъ, и на 452,9 милл. безпроцентныхъ бумажныхъ денегъ—это такое бремя, отъ котораго нельзя и думать освободиться въ теченіе 27—32½ лѣтъ. Первые годы, послѣ огромныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, не относятся къ самымъ затруднительнымъ: бѣльшая часть общества пользуется еще легко доставшеюся ему денежною силой, и налоги, уплачиваемые на первыхъ порахъ изъ этого искусственнаго ресурса, не могутъ возбудить ропота. Лѣтъ черезъ пять или черезъ десять уяснится, могутъ ли Соединенные Штаты расходовать по 200 милл. долл. ежегодно на уплату процентовъ и на погашеніе своего государственнаго долга. Легко можетъ случиться, что финансовое положеніе Союза окажется менѣе благопріятнымъ чѣмъ полагаютъ гг. М. Коллохъ и фонъ-Гокъ. Одно достоверно, что Соединеннымъ Штатамъ предстоитъ испытать на дѣлѣ послѣдствія сложнаго финансоваго устройства, хорошо знакома старей Европѣ.

Н. БУНГЕ.

ИЗЪ ПОЭМЫ
„БРАТЪЯ“

ГЛАВА III.

I.

Каковъ Римъ нынѣ — это всѣ мы знаемъ.
Гостей разнохарактерной толпой,
Онъ каждый годъ съ поклономъ навѣщаемъ.
За то, съ юна, тамъ, среди сухой
Растительности, вѣтъ гостямъ покоя
Отъ духоты, отъ комаровъ и зноя.
Теперь июль,—но ты иди за мной
И не сердись,—Римъ и въ палаціи зной
Такой же Римъ. Вонъ тѣ же капуцины
Бредутъ попарно съ четками въ рукахъ,
Вонъ женщины широкія корзины
Съ бѣльемъ несутъ на стройныхъ головахъ,

II.

И съ пѣною по раскаленнымъ плитамъ
Вокругъ бассейна катится вода;
Вонъ мальчикъ голову накрылъ корытомъ,
Вонъ компаньйолъ и цѣлая орда

Ословъ съ кошечками цвѣтной капусты
 Въ пыли идутъ на рынокъ, и хоть пусты
 Гостилицы и дремлетъ ветурина,
 Одинъ прѣзжій (старичокъ одинъ)
 Бредетъ къ обѣдѣ съ зонтикомъ. Слѣпые,
 Безногіе на лѣстницахъ сидятъ;
 Закрыты окна; жалюзи сквозныя
 Кой-гдѣ раздвинуты, кой-гдѣ глядятъ,

III.

Сквозь ихъ раздвижки, очи огневья
 Или мелькаютъ, отражая день,
 Натія плечи.

Улицы глухія

И тѣсныя прохладѣе—тамъ тѣнь,
 Тамъ шорохъ, тамъ продажа мелочная,—
 Жиды и крикъ факиновъ,—тамъ сырая
 Кофейня даже днемъ освѣщена
 Лучерной; тамъ какъ снасти отъ окна
 Къ окну, до чердаковъ, идутъ веревка,
 На нихъ фуфайки, юпки, простыни,
 Бѣлье ввучать и бабушекъ обновки,—
 Въ нихъ солнце бьетъ, а улица въ тѣни.

IV.

За то и вонь почти невыносима;
 Вотъ мутный Тибръ, надъ нимъ плывутъ пары
 И лихорадки, пугалища Рима,
 Холодныя сопутницы жары.
 Дома надъ этимъ Тибромъ,—точно каждый
 И пытку вынесъ, и томится жаждой,—
 Другъ друга подпираютъ и тѣснятъ,
 И окна ихъ безъ стеколъ такъ глядятъ,
 Какъ будто впадины, какъ будто очи
 Насквозь проткнутыя... Какъ тамъ живутъ?
 Какъ люди тамъ проводятъ дни и ночи
 И какъ, дыша миазмами, ве мрутъ?

V.

Гдѣ есть такіе жалкіе квартамы,
Тамъ часто жалкі пышныя дворцы;
Но этого не знаютъ кардиналы,
Не вѣдаютъ отечества отцы.
Гдѣ бѣдность вопіющая, тамъ, вѣрьте,
И вопіющая неправда. Мѣрьте
Невѣжество невольное другимъ
Невѣжествомъ, умышленно глухимъ.
И немощь одного вамъ скажетъ ясно,
Какую немощь прикрываетъ тотъ,
Кто нынче васъ осудитъ самовластно,
А завтра сгубитъ или оберетъ.

VI.

А гдѣ самъ Піи? Французскими штыками
Къ престолу путь прочищенъ ли ему?
Прочищенъ. Бѣдный! вѣхалъ со слезами
Онъ въ ворота столицы. Накому
Не отказалъ въ своемъ благословеніи,
За всѣхъ молился, всѣмъ послалъ прощенье.
Въ особенности тѣмъ, кто мертвый палъ.
Римъ также со слезами подобралъ
Своихъ согражданъ, павшихъ за свободу,
И пересталъ смѣяться. Удино *,
Съ республиканскимъ знаменемъ, народу
Привесъ оковы — это ли смѣшно?

VII.

Прибывшій изъ Газты Піи Десятый
Уже на дачѣ. Дача у него—

* Французскій генералъ, въ 1849 году осаждавшій и взявшій Римъ приступомъ.

Такія же изъ мрамора палаты....
 Тамъ воздухъ чище,—чище оттого,
 Что дальше отъ жидовскаго квартала,
 Отъ Тибра, Форума и Квиринала.
 „Всѣ укатили! Римъ пустой стоитъ,
 „Остались только боги,“ говоритъ
 Стражъ Ватикана, старшій антикварій,
 Въ ливреѣ, въ бѣломъ галстукѣ, въ чулкахъ.
 (Зимой онъ получаетъ говорарій
 На безобидной службѣ при богахъ).

VIII.

Вотъ онъ, въ очкахъ и въ будничной ливреѣ,
 Не чувствуя томительныхъ жаровъ,
 Прохлады обходить галереи
 И обмываетъ ноги у боговъ.
 Всѣ эти боги также безучастны
 Къ страданьямъ Рима. Также сладострасты
 Вакханки, также ясенъ Аполломъ,
 И также славой гордо блещетъ онъ,
 Остановясь въ своемъ воздушномъ бѣгѣ....
 Все также Вакхъ надъ чашею поилъ,
 И ногу заложъ, въ усталой нѣгѣ
 Стоитъ Силевъ, ослабя юный ликъ.

IX.

Но страшнаго, болѣзненнаго слова
 Того, котораго съ дѣтми скрутилъ
 И давить змѣй, страданій Лаокона
 Французскій барабанъ не заглушилъ;
 Мишеры, въ силу мысли облеченной,
 Во всеоружьи, какъ мысль, рожденной,
 Спокойно поджидающей враговъ,
 Не испугалъ холодный блескъ штыковъ;
 Ни бомбы, ни картечь, ни лицемѣры
 Ничто не помѣшало красотамъ

Стыдливо страстной и нагой Венеры,
Сіять въ отраду людямъ и богамъ.

X.

Хвала вамъ, камни! Знаю, кто не знаетъ,
Что ваша слава меркнетъ въ наши дни.
Но кто васъ любитъ, тотъ васъ понимаетъ,
Не даромъ вы всѣмъ гениямъ сродни.
Какъ и они, вы заодно съ природой:
Какъ и они, вы созданы свободой,
Не даромъ Римъ невѣжественный къ вамъ
Почтительнѣе чѣмъ къ своимъ попамъ.
Свободно горды и свободно страстны,
Не вы ли безъ позора и оковъ
Прошли, рабовъ стыда (хоть и безгласны),
Черезъ мытарства двадцати вѣковъ.

XI.

Римъ не былъ бы давно великимъ Римомъ
И вѣчнымъ городомъ не могъ бы слыть,
Когда бъ искусство не было любимымъ,
Когда бъ Европа гордая цѣнить
Его развалины гордыхъ не умѣла,
Когда бъ она какъ „ваши“ поумнѣла,
И не искала бъ чудныхъ образцовъ
Для современныхъ кисти и рѣзцовъ.
Безъ иностранцевъ, и безъ ихъ усердыя,
Безплоднымъ окруженный пустыремъ,
Подъ звукъ органовъ, въ лонѣ милосердыя,
Римъ съ голоду заснулъ бы вѣчнымъ сномъ.

XII.

Безъ иностранцевъ Римъ не могъ бы видѣть,
Не могъ бы слышать, скоро, можетъ-быть,
Онъ разучился бъ даже ненавидѣть,
Какъ разучился пламенно любить.

И грудь его была бы безъ отзыва
 На эти крики братскаго призыва
 (Ибо ни слова правды написать
 Не позволяетъ папская печать).
 Римъ былъ бы глуше стараго Китая,
 И этотъ католическій Китай
 Догнилъ бы наконецъ, и умирая,
 Конечно, перешелъ бы прямо въ рай.

XIII.

Гдѣ воля — дерзость, тамъ всегда скандалы;
 Гдѣ мало пишутъ — много говорятъ;
 Гдѣ люди шепчутся, тамъ радикалы
 Въ народъ пускаютъ слухи и молчатъ;
 А пасмурные реакціонеры
 Чѣмъ злѣй, чѣмъ строже принимаютъ мѣры,
 Тѣмъ сами больше трусятъ, — ужь таковъ
 Исходъ вещей, и выводъ мой не новъ.
 О чемъ же толки въ этой полудикой
 Столицѣ? въ Римѣ что за разговоръ?
 Не чудо ли свершилъ святой Маврикій?
 Не поймавъ ли гроза Албанскихъ горъ,

XIV.

Бандить, а съ нимъ и вся лихая банда?
 Съ французскими солдатами вчера
 Не подралась ли папская команда,
 И цѣлы ли при этомъ кивера?
 Пока не то. Не то, — такъ что жь такое?
 Какая сплетня не даетъ покоя?
 Чернь упивается какой молвой?
 Да вотъ, какой-то, говорятъ, больной
 (Не то помѣшанный), крестообразно
 Сложивши руки на груди, стоитъ
 На каменномъ мосту и праздно
 На замокъ Ангела весь день глядитъ.

XV.

Ну, что жь?! Да говорятъ, что изъ-подъ шапы
Его глаза горятъ такимъ огнемъ,
Какъ будто онь на эту крѣпость папы
Съ проклятьемъ накликаетъ Божій громъ.
Въ его жь лицѣ такъ много скорбной муки,
Такъ худы пальцы, и такъ блѣды руки,
Такъ пыленъ плащъ повиснувшій на немъ,
Что, кажется, не быть ему жильцомъ
На этомъ свѣтѣ... Словомъ, очень странный
Какой-то господинъ, и кто-такой?
Eh! Che lo sai! стоитъ какъ балаганный
Актеръ, или трагическій герой.

XVI.

А между тѣмъ, замѣченный толпою,
Онь не смѣшитъ, напротивъ, всѣ дають
Ему дорогу. Многие рукою
Его привѣтствуютъ, иные руку жмутъ.
Чудакъ несчастный... или повимала
Толпа, что нужно храбрости не мало
Чтобъ выбрать эту позу—и стоять,
Стоять, стоять и все молчать, молчать.
Трагическая поза не годится
Нигдѣ, но только въ Римѣ погубить
Способна поза: ложь всего боится,
И залу нельзя молчаньемъ угодить,

XVII.

Кольми же наче угодить молчаньемъ
Отчаянья, съ презрѣньемъ на устахъ.
И вотъ, довозь, съ подробнымъ описаньемъ
Всей жизни чудака, уже въ рукахъ
Блюстителей священнаго порядка.

Для нихъ все вздоръ: лѣнь, голодъ, лихорадка,
 Разбой по дорогамъ, но не вздоръ
 Осмѣлившійся мыслить: это воръ
 Опасный, оиъ у Бога души крадетъ,
 У бѣдныхъ и богатыхъ крадетъ оиъ
 Все то, что духовникъ въ душѣ ихъ садитъ
 На пользу церкви, крадетъ вѣру, соиъ,

XVIII.

Довѣрье къ іезуитамъ, безмятежность
 И послушанье. Если ужъ карать
 Такихъ воровъ, то всякая тутъ нѣжность
 Не кстати, надо ихъ вазать, сажать,
 Томить, пока у нихъ не помутится
 Разсудокъ. Въ Римѣ думать не годится,
 За то тайкомъ позволено грѣшить,
 Ибо святѣйшій папа разрѣшить
 Грѣхи всегда готовъ, по благодати
 Ему дарованной, и такъ рѣшилъ
 Совѣтъ: не дураки мы, намъ некстати
 Щадить того, кто бѣ насъ не пощадилъ.

XIX.

На этотъ разъ, къ несчастью, опоздало
 Святѣйшее судилище; скандалъ
 Произошелъ ужасный, что не мало
 Смутило даже гражданъ.

Жаръ спадалъ,

Заря, пронизанная облаками,
 Обхватывала Римъ, съ его холмами,
 И колокольни стройныя церквей,
 И куполы широкіе на ней
 Какъ силуэты рѣзко вырѣзались;
 Вдали пестрѣли выступы домовъ;
 Надъ Тибромъ тѣни синія качались,
 Предвѣстницы гнилыхъ, ночныхъ паровъ.

XX.

Ужь замокъ Ангела, всеи шириною
 И всеи своей надхоамной высотой
 Въ тѣни, казался массою сплошною,
 Иль облакомъ лиловымъ, надъ землею
 Осѣвшимъ въ видѣ круглой цитадели;
 Одна его края кой-гдѣ алѣли,
 Да сверху Ангель крылья простиралъ
 И въ золотѣ зари едва мелькалъ;
 Статуи на мосту, какъ бы въ припадкѣ
 Восторга, оцѣмѣли, и на нихъ
 Какъ будто вѣтромъ мраморныя складки
 Крутились; но невозмутимо тихъ

XXI.

Былъ вечеръ; пыль недвижная стояла
 Какъ золотой туманъ, кой-гдѣ колокола
 Перекликались. Въ улицахъ не мало
 Гуляющихъ толпилось, демонъ зла
 Бродилъ какъ сумерки, знакомъ не всѣмъ онъ,
 Лишь избраннымъ понятенъ этотъ демонъ.
 Онъ самъ сейчасъ префекту диктовалъ
 Такой приказъ: „Альберти, что смущалъ
 Народъ своею неприличной позой,
 Схватить, препроводить и допросить,“
 И самъ же тѣшась надъ такой угрозой,
 Сбирается начальству насолить.

XXII.

Чудакъ, который такъ себя прославилъ
 Тѣмъ, что, быть-можетъ, тронуть головой,
 Ужь на мосту давно свой постъ оставилъ
 И шелъ одинъ по темной мостовой,
 Свои усы прикрывъ плащомъ отъ пыли.

Но вотъ его замѣтили. Слѣдили
 Сначала издали, потомъ за нимъ
 Столпились и пошли (таковъ ужъ Римъ).
 Онъ оглянулся—всѣ остановились;
 На встрѣчу сотнямъ глазъ онъ поднялъ взглядъ,
 И страшнымъ выраженьемъ озарились
 Его черты: онъ былъ и золь, и радъ.

XXIII.

Въ одно и то же время и презрѣнье
 Мгновенное мелькнуло на губахъ,
 И радость гордости, и сожалѣнье,
 И смѣлость, и какой-то дикій страхъ;
 Онъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ.

„Вы идете

Зачѣмъ? спросилъ онъ громко:—или ждете,
 Что я спасу васъ! Господи, прости!
 Иль думаете вы меня спасти?“
 Толпа сконфузилась.... уже готова
 Была и удалиться, и отстать,
 И вѣрно бѣ удалась, еслибъ снова,
 Насупивъ брови, онъ не сталъ ворчать.

XXIV.

„За васъ мнѣ больно, Римляне, но шляпы
 Я предъ рабами не хочу снимать.“
 —„Но кто же ты?“

—„Кто? у шпионовъ папы

Спросите, ежели хотите знать.“

Толпа заводновалась.

„Я Стефано

Альберти, я Миланецъ, изъ Милана,
 Узнавъ, что братъ мой, защищая Римъ,
 Въ бою былъ раненъ, я пришелъ за нимъ

Чтобъ отвезти на родину. Въ больницѣ
Почти здоровымъ обнялъ я его,
Но сестры милосердія къ темницѣ
Приспособляли брата моего.

XXV.

„Въ неволѣ онъ за то, что врагъ неволи,
За то, что благороденъ онъ и смѣлъ,
За то, что Римъ любилъ, любилъ до боли,
Любилъ до слезъ, за то, что прилетѣлъ,
Сочувствуя великому народу,
Въ воротахъ Рима биться за свободу
Въ тѣ дни, когда французскій генералъ
Васъ бомбами громилъ и осыпалъ.
Увы! затмивши солнце вашей славы,
Французскихъ пушекъ дымъ принесъ вамъ ночь.
Гдѣ жъ вамъ помощь Италіи, когда вы
И одному не можете помочь!

XXVI.

„Братъ безъ суда отправленъ въ крѣпость папы
И вотъ томится слишкомъ, слишкомъ годъ.
Какъ видно, тѣ же когти, тѣ же лапы
У инквизиціи: кто попадетъ —
Прощай! пощады нѣтъ! въ одно лишь чудо
Я вѣрилъ въ Римъ: въ подкупъ. Да! покуда
Браццани скуды, вѣрилъ я въ него,
Но тѣмъ не спасъ я брата моего,
Мнѣ не далъ Богъ такого милліона,
Который бы довесъ мою мольбу
До высоты апостольскаго трона
И могъ бы увѣнчать мою борьбу.

XXVII.

„Теперь я нищій, всѣ мои посланья,
Въ которыхъ я описывалъ мои

И нужды, и душевныя страданья
 Не доходили до моей семьи.
 Одни монахи ими потѣшались.
 И мысли у меня не разъ мѣшались,
 Хотѣлось мнѣ бѣжать домой, домой!
 Но какъ явиться къ матери родной
 Безъ сына? къ братьямъ какъ придти безъ брата?
 Къ невѣстѣ какъ придти безъ жениха?
 Во имя Бога и всего что свято
 Я кардинала умолялъ.... ха, ха!

XXVIII.

„Мнѣ отвѣчали: ждите амнистіи,
 Тогда простятъ. Простятъ! за что прощать!
 За то ль, что братъ мой, по словамъ Мессіи,
 Пришелъ сюда за братьевъ умирать?
 Онъ стоить славы, а не истязанья.
 Въ священныя книги есть одно сказанье,
 Какъ Ангелъ изъ тюрьмы освободилъ
 Петра Апостола, цѣпь сокрушилъ
 И растворилъ врата, а вы, Петровы
 Намѣстники, вамъ тюрьмы воздвигать!
 Да все свободное сажать въ оковы!
 Какъ васъ за это не благословлять!

XXIX.

„Ключи отъ рая! гдѣ они?! Мы знаемъ
 Ключи отъ вѣчныхъ тюремъ. Кто видѣлъ ихъ,
 Ключи отъ рая?! Если этимъ раемъ
 Завѣдуетъ палачъ друзей, родныхъ,
 Мучитель сына или мучитель брата,
 Заклятый врагъ всего, что сердцу свято,
 Какой осель захочетъ въ этотъ рай!
 Нѣтъ, папа, нѣтъ, отецъ! не отворай

Мнѣ неба! Тамъ, гдѣ ты, нѣтъ Бога,
Нѣтъ истины, нѣтъ разума, и нѣтъ
Любви. Довольно, граждане, не много
Осталось мнѣ глядѣть на этотъ свѣтъ.

XXX.

„Бережь себя не стоить; передайте
Мое отчаянье и горе землякамъ.
Мы больше не увидимся. Прощайте!“
И онъ ушелъ, и по его слѣдамъ
Никто не тронулся, хотъ и звучали
Шаги толпы.... иныя молча сжали
Кулакъ, иныя принялись свистать,
Остричь, смѣяться, словно разогнать
Хотѣлось имъ обычную суровость.
Окошки отворялись, сверху внизъ
Повисли головы, стараясь новость
Поймать, покуда всѣ не разбрелись.

XXXI.

Ночь темная такъ быстро заливала
Равнины и холмы, что фонарей
Столица зажигать не успѣвала,
И только пахло дымомъ фитилей.
Въ одномъ изъ переулковъ дальнихъ, чадныхъ
И тѣсныхъ, посреди совѣмъ не складныхъ
Какихъ-то зданій, втиснутыхъ кой-гдѣ
Въ разбитыя руины и вугдѣ
Не освѣщенныхъ, шелъ Альберги. Видно,
Воровъ онъ не боялся, какъ бѣднякъ.
(Иному трусу-богачу завидно,
Что бѣдняку не страшны мушь и мракъ.)

XXXII.

„Стои!“ Рѣзкій шепотъ въ темнотѣ раздался,
И жаркій вздохъ провесся надъ плечомъ.

П Р И К А З Ъ

ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Въ С.-Петербургѣ, Іюня 18 дня 1872 года, № 21.

1.

По Высочайшимъ приказамъ, отданнымъ
минувшаго Мая

въ 28 день.

Переводится:

Находящійся при 2 Военномъ, Константиновскомъ, Училищѣ, Кексгольскаго Гренадерскаго Императора Австрійскаго полка Штабсъ-Капитанъ Мерклингъ 4-й—Лейбъ Гвардіи въ Измайловскій полкъ Поручикомъ, съ оставленіемъ при томъ же Училищѣ.

въ 30 день.

Переводится:

Пажескаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Корпуса Воспитатель Подполковникъ Острогорскій—въ С.-Петербургскую Военную Прогимназію Инспекторомъ классовъ.

сего Іюня

въ 1 день.

Назначается:

Состоящій при 2 Военномъ, Константиновскомъ,

Училищѣ, Л. Гв. Павловскаго полка Полковникъ Дегенъ—баталіоннымъ командиромъ сего Училища.

въ 3 день.

Назначаются:

Преподаватель 1 Военнаго, Павловскаго, Училища, Полковникъ Лачиновъ—Помощникомъ Главнаго Редактора журнала „Военный Сборникъ“ и газеты „Русскій Инвалидъ“, съ зачисленіемъ по Военному Министерству и по Гвардейской пѣхотѣ.

Состоящій при Главномъ Управленіи Военно-Учебныхъ Заведеній Профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Генераль-Маіоръ Лееръ—Членомъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба, съ оставленіемъ и въ настоящихъ должностяхъ.

Переводится:

Воспитатель 1 С.-Петербургской Военной Гимназіи Капитанъ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка Бутовскій—въ эту Гимназію Подполковникомъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

въ 4 день за № 25.

Утверждается:

Исправляющій должность штатнаго Преподавателя Нижегородской Графа Аракчеева Военной Гимназіи Бобелль въ чинѣ Коллежскаго Ассесора, со старшинствомъ съ 1-го Августа 1867 года.

Переводятся:

Сверхштатный Преподаватель С.-Петербургской Первой Гимназии Габриель—въ 1-ю С.-Петербургскую Военную Гимназію, исправляющимъ должность штатнаго Преподавателя.

Состоящій при Канцеляріи Прокурора Московской Судебной Палаты Губернскій Секретарь Демидовъ—въ Вольскую Военную Прогимназію, бухгалтеромъ.

Увольняются отъ службы

по прошенію:

Воспитатель 1 С.-Петербургской Военной Гимназии Статскій Совѣтникъ Чулковъ, съ мундиромъ.

Штатный Преподаватель Полоцкой Военной Гимназии, Статскій Совѣтникъ Тальманъ.

въ 5. день.

Переводится:

2-й Московской Военной Гимназии Штабсъ-Капитанъ Поливановъ—въ Пажескій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Корпусъ, воспитателемъ.

въ 9. день.

Умершій исключается изъ списковъ:

Орловской-Бахтина Военной Гимназии воспитатель, Подполковникъ Ивановъ.

въ 10 день.

Увольняются въ отпускъ:

Начальникъ Отдѣленія Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній Генераль-Маіоръ Берниковъ, для излеченія болѣзни: въ Германію, Австрію, Швейцарію и Францію, на два мѣсяца.

Состоящій при 2 Военномъ, Константиновскомъ, Училищѣ, Поручикъ Лейбъ-Гвардіи 3 Стрѣлковаго Финскаго баталіона Гаузенъ, для излеченія болѣзни, въ Великое Княжество Финляндское и за границу: въ Швейцарію и Данію, на два мѣсяца.

Пажескаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Корпуса: Инспекторъ классовъ Полковникъ Дружининъ—въ Германію, Швейцарію, Францію и Италію, на каникулярное время сего года и, сверхъ того, на 28 дней; Воспитатели: Подполковники: Покровскій—въ Германію, Францію и Швейцарію, Гресбекъ—въ Швейцарію, Англию, Данію и Германію; Капитаны: Вавравскій—въ Германію, Швейцарію и Францію,—всѣ четверо для излеченія болѣзни, и Смирновъ—въ Германію, Австрію, Швейцарію и Францію—последніе четверо на каникулярное время сего года.

въ 12 день.

Переводится:

Воспитатель 2 Московскоѣ Военной Гимназіи Подполковникъ Гладковъ—въ Керченскую Крѣпостную Артиллерію.

Уволяется въ отпускъ:

Эскадронный Командиръ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, Полковникъ Л. Гв. Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка Баронъ Штапельбергъ въ Россію и за границу: въ Германію, Австрію, Бельгію и Францію, на два мѣсяца.

Продолжается срокъ отпуска:

Инспектору классовъ 3 Военнаго, Александровскаго, Училища, Полковнику Алексѣеву, за границу, сверхъ каникулярнаго времени, еще на 28 дней.

въ 11 день за № 26.

Переводится:

Причисленный къ Департаменту Общихъ Дѣлъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, Надворный Совѣтникъ Моисѣевъ—въ 1-ю С.-Петербургскую Военную Гимназію, бухгалтеромъ.

Уволяются въ отпускъ за границу:

Штатные Преподаватели

Военныхъ Гимназій:

2-й С.-Петербургской: Коллежскій Совѣтникъ Сентъ-Илеръ,—въ Германію, Швейцарію и Австрію и Надворный Совѣтникъ Григоровичъ—въ Германію, Италію, Францію и Англию,—оба для излеченія болѣзни, на каникулярное время сего года.

Орловской-Бахтина: Коллежскій Ассесоръ Фельдманъ—въ Германію, Францію, Италію и Англию, на два мѣсяца.

Воспитатель Михайловской-Воронежской Военной Гимназіи, неимѣющій чина Магенъ,—въ Германію и Австрію, на каникулярное время сего года.

Увольняются отъ службы

по прошенію:

Чиновникъ на усиленіе Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній Коллежскій Секретарь Федоровъ.

Дополненія къ Высочайшимъ приказамъ, отданнымъ:
30 прошлаго Мая.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, на бывшемъ того дня парадѣ, по случаю торжественнаго празднованія 200 лѣтія со дня рожденія Императора Петра Великаго, въ числѣ прочихъ войскъ, и Военно-Учебнымъ Заведеніямъ, изволилъ найти все въ превосходномъ порядкѣ и устройствѣ, за что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изъясняетъ Монаршее благоволеніе всѣмъ начальствующимъ лицамъ; нижнимъ же чинамъ, въ строю находившимся, жалуетъ по 25 коп. сер. на чловѣка.

9 сего Іюня.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, произведя смотръ войскамъ, собраннымъ подъ Москвой, въ томъ числѣ и баталіону 3 Военнаго, Александровскаго, Училища, изволилъ найти части эти въ отличномъ состояніи, за что и объявляетъ Монаршее благоволеніе всѣмъ начальствующимъ лицамъ. Нижнимъ же чинамъ, въ строю бывшимъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО жалуетъ: имѣющимъ шевроны изъ галуна—по 3 р., а остальнымъ—по 50 коп., на чловѣка.

2.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ

соизволилъ пожаловать штатному преподавателю Пажескаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Корпуса, Титулярному Совѣтнику Дютаку, во вниманіе къ совершившемуся, 28 минувшаго Мая, юбилею 50-ти-лѣтней отличоусердной его службы, орденъ Св. Анны 2 степ.

3.

2 Московская Военная Гимназія принята на законномъ основаніи Директоромъ оной, Генераль-Маіоромъ Кузьминымъ-Короваевымъ,—отъ предмѣстника его Генераль-Маіора Мезенцова,—причемъ никакихъ недостатковъ и неисправностей незамѣчено.

Все вышеизложенное привести въ надлежащее исполненіе установленнымъ порядкомъ.

4.

По вступившимъ представленіямъ и просьбамъ:

а) Нижепоименованные чины, утвержденные уже въ должности учителей бывшихъ Военныхъ Начальныхъ Школъ, переименовываются, согласно удостоенію ближайшаго Начальства, въ Учителя Военныхъ Прогимназій:

Московской: Коллежкіе Секретари: Тугариновъ и Кадомскій, неимѣющіе чиновъ: Николаевъ и Шелеповъ 1-й; прикомандированные къ Военнымъ Гимназіямъ: Полоцкой-Титулярные Совѣтники: Гриневичъ и Режепо; Орловской-Бахтина—Коллежскій Секретарь Заборовскій и Оренбургской-Неплюевской—Коллежскій Секретарь Давыдовскій и неимѣющій чина Глядковоскій.

Ярославской—Губернскій Секретарь Семеновъ.
Оренбургской: Титулярный Совѣтникъ Корольковъ и Коллежскій Секретарь Егоровъ.

Иркутской: Коллежскіе Секретари: Литвинниковъ, Краснорѣповъ, Ѳедоровъ, Семеновъ, Лупандинъ, Васильевъ и Спиридоновъ, Губернскій Секретарь Хлѣбниковъ и неимѣющій чина Болтенко.

б) Нижепоименованные чины, состоящіе въ должности учителей Военныхъ Прогимназій, на основаніи С. В. П. 1869 г., XV, 906, утверждаются въ таковой должности, со старшинствомъ:

Московской: прикомандированные къ Военнымъ Гимназіямъ, неимѣющіе чиновъ: Полоцкой—Яковкинъ и Оренбургской-Неплюевской—Заваринъ,—оба съ 31-го Іюля 1869 года; Сибирской-Буткѣевъ, съ 6-го Іюля 1871 года.

Ярославской: неимѣющіе чиновъ: Рядновъ, Васильевъ и Карповъ—съ 3 Августа 1870 года и Гусевъ, Шелеповъ 2-й и Лебедевъ—съ 6 Іюля 1871 года.

Елисаветградской: неимѣющіе чиновъ: Суханевичъ—съ 3 Августа 1870 года, Шестаковъ—съ 6 Іюля и Тигенянь—съ 24 Іюля 1871 года.

Омской—неимѣющій чина Васильевъ—съ 3 Августа 1870 года.

в) Нижепоименованные учителя Военныхъ Прогимназій и состоящіе въ таковой должности перечисляются, къ началу предстоящаго учебнаго курса, изъ однихъ заведеній въ другія:

Петербуржской—Коллежскій Секретарь Яцына—въ Вольскую Военную Прогимназію.

Московской: Коллежскій Секретарь Алексѣевъ—

въ Омскую Военную Прогимназію; неимѣющіе чиновъ: Сасъ-Тисовскій и Петровъ 2, Коллежскіе Секретари: Псковской—Мещеряновъ и Омской—Минервинъ—всѣ четверо въ Московскую Военно-Фельдшерскую Школу.

Ярославской—Коллежскій Секретарь Ясинскій и Елисаветградской—неимѣющій чина Козловскій—въ Кіевскую Военно-Фельдшерскую школу.

Вольской: Коллежскій Секретарь Мартыановъ и неимѣющіе чиновъ: Мудровъ, Павловъ и Лещинскій—въ Тифлисскую Военную Прогимназію.

г) Прикомандированный ко 2 Московской Военной Гимназіи, учитель Московской Военной Прогимназіи, неимѣющій чина Малиновскій, къ началу предстоящаго учебнаго курса, отчисляется отъ означенной Гимназіи обратно къ мѣсту своего служенія.

д) Журналистъ Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній, Подполковникъ Воскобойниковъ и младшій офицеръ 1 Военнаго Павловскаго Училища, Капитанъ Л. Гв. Павловскаго полка Юрковскій, увольняются въ отпускъ: первый въ губерніи: Смоленскую, Черниговскую, Виленскую и Варшавскую и въ г. Москву, а послѣдній въ города: Ревель, Либаву и Гельсингфорсъ—оба на два мѣсяца.

е) Репетиторъ 1 Военнаго, Павловскаго, Училища, состоящій по Гвардейской Конной Артиллеріи, Капитанъ Барткевичъ утверждается въ томъ же заведеніи штатнымъ преподавателемъ.

5.

Для надлежащаго свѣдѣнія и руководства объ-

являются по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ приказы по военному вѣдомству:

Отъ 30 минувшаго Мая за № 160 о присвоеніи чинамъ и воспитанникамъ Петровской-Полтавской Военной Гимназіи вензелеваго изображенія имени ПЕТРА ВЕЛИКАГО на эполетахъ и плечевыхъ погонахъ.

Отъ 31 Мая за № 161, о преобразованіи Иркутской Военной Прогимназіи и объ учрежденіи въ Иркутскѣ Юнкерскаго Училища.

Отъ 9 сего Іюня за № 170, объ уставѣ ученья нѣсколькихъ баталіоновъ безъ артиллеріи.

Отъ 12 Іюня за № 171, о сохраненіи военно-служащимъ, при увольненіи въ отпускъ, квартирнаго довольствія.

Отъ того же числа за № 173, о пригонкѣ нагруднаго ранцеваго ремня, при однобортныхъ мундирахъ.

За Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній, Генераль-Лейтенантъ *Корсаковъ*.

„Альберти?“ — „Я. А ты откуда взялся,
 Джузеппъ?“ — „Синьйоръ, я васъ узналъ съ трудомъ,
 И еслибъ кто-нибудь другой попался,
 Я бъ съ вамъ теперь порядкомъ расквитался
 За глупую ошибку... Вы домой?“
 — „Домой.“ — „Идите же скорѣи за мной,
 Или сейчасъ поймаютъ васъ; намъ надо
 Такихъ какъ вы беречь.“ — „Беречь? Зачѣмъ?“
 — „Молчите; тише! можетъ-быть, засада...
 Тсъ! Будьте вѣмы, и я буду вѣмъ.“

XXXIII.

И молча, свѣтлые углы площадокъ
 Минуя, улицъ пять они прошли
 И повернули къ Тибру. Здѣсь отсадокъ
 Всѣхъ нечистотъ, которыя текли
 Изъ города, могъ отравить дыханье,
 Здѣсь надъ рѣкой ночное колыханье
 Паровъ бѣлесовато-голубыхъ
 Одно могло бъ навѣять на цыныхъ
 Тоску невыносимую. Верхушки
 Деревьевъ низенькихъ изъ-за домовъ
 Торчали, дальше квакали лягушки,
 Какъ будто пѣли гимны въ честь воровъ.

XXXIV.

По темной лѣстницѣ они взобрались
 На темный верхъ. Джузеппъ нацупалъ дверь
 И такъ толкнулъ, что стѣны зашатались.
 Дверь отворилась. „Ну, синьйоръ, теперь
 Васъ никакой, ни другъ вашъ, ни собака,
 Ни даже дьяволъ не найдетъ, рег Вассо!
 Не только спрятать — можемъ и увезть.
 Э! Вы не знаете, что значить мечь
 Отца и монсеньора Антонелли?“

Не знаете?... Такъ я когда-нибудь
Вамъ разкажу.... Эге! Вы въ самомъ дѣлѣ,
Синьйоръ, дрожите, — надо вамъ заснуть.“

XXXV.

— „Джузеппе! Я думалъ, что меня посадятъ
Въ одну темницу съ братомъ, и тогда
Скорѣй заступятся, скорѣе сладятъ
Съ упрямствомъ деспотизма, — да, да, да!
Я шелъ на это.... Если здѣсь умру я
Отъ лихорадки, чѣмъ, скажи, могу я
Полезенъ быть! А ежели я тамъ
Умру, — о! можетъ-быть, я поводъ дамъ
Къ ужаснымъ толкамъ, — этого боятся
Въ нашъ вѣкъ и варвары.“ — „Ну вотъ, синьйоръ,
Для этого и надо вамъ дожидаться
Зимы, тогда и будетъ разговоръ.“

XXXVI.

„А лѣтомъ, — лѣтомъ въ Римѣ разговора
Вы не услышите. Да и тогда.... все вздоръ.
Для папской власти въ Римѣ нѣтъ отпора,
И если вамъ подписанъ приговоръ,
Васъ не спасутъ ни письма, ни патенты,
Ни консулы, ни даже президенты.
А умирать вамъ рано, я не дамъ
Вамъ умереть, рег Вассо! Завтра жь вамъ
Другое мы отыщемъ помѣщенье
Здѣсь и сестра моя не можетъ жить.“
— „Спасибо другъ....“ А впрочемъ за спасенье
Не слѣдуетъ людей благодарить.“

XXXVII.

Тотъ и не человѣкъ, кто не спасаетъ
Невинныхъ, при возможности спасти.

Но вотъ Джузеппе спичку зажигаетъ,
 И начинаетъ угли разжигать.
 Вотъ смуглое лицо его кудрями
 Нависло надъ жаровней, и губами
 Такой пускаетъ вѣтеръ на огонь,
 Что искры брызжутъ; вотъ, разжавъ ладонь,
 Бросаетъ онъ въ огонь смолы щепотку,
 Чтобъ разогнать тлетворный паръ ночной.
 Дымъ тянется въ окошко за рѣшетку
 И тучу мошекъ тянетъ за собой.

XXXVIII.

Джузеппе (иначе Жозефъ) былъ малый
 Лѣтъ двадцати, народный типъ вполне:
 Глаза — два угла, лобъ немного впалый,
 Орлиный носъ, который по длинѣ
 Лишь одному грузинскому уступить,
 И волосы, какихъ никто не купитъ
 Себѣ на плѣшь, — лѣсъ вьющихся вихровъ,
 Или съ отливомъ черныхъ завитковъ.
 Онъ сухощавъ былъ, строемъ, одѣвался
 То какъ простой факинъ, то надѣвалъ
 Штиблеты, то въ пальто являлся
 На Монте-Пинчю, то пропадалъ.

XXXIX.

Кто онъ такой? Откуда этотъ малый?
 Узнаемъ послѣ, а теперь едва
 Его я вижу: сгорбясь, какъ усталый,
 Сидитъ онъ, опустивъ голову.
 Когда жъ онъ дуетъ, изрѣдка бросилъ
 Въ огонь пахучую смолу, большая
 Тѣнь отъ вихровъ его на потолокъ
 Колеблется, а тостъ на тюфякъ

Въ углу лежитъ, лицо плащомъ закрывши,
А ночь, съ молвой о немъ, паваетъ, паваетъ
И можетъ-быть, вчера святымъ прославши,
Онъ завтра чуть не чортомъ прославаетъ.

Я. ПОЛОНСКИЙ.

ВЪ ЗАМКѢ И ВОЗЛѢ ЗАМКА

РАЗКАЗЪ ВОЖЕНЫ НѢМЦОВОЙ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО

I.

Въ замкѣ кипѣла работа и шла страшная бѣготня. Ключица провѣтривала комнаты, садовникъ украшалъ ихъ цвѣтами; все въ замкѣ приводилось въ порядокъ и чистилось, чтобы господа застали все въ надлежащемъ видѣ. Господъ ждалъ на другой день.

„Будемъ жить повеселѣ“, утѣшали себя жители замка. „Богъ дастъ, будетъ побольше заработковъ“, говорили между собою бѣдные люди и ремесленники, жившіе возлѣ замка. На другой день утромъ пріѣхала прислуга, а потомъ и фуры, нагруженныя сакъ-вожжами и сундуками. Послѣ полудня, на холмѣ, на которомъ былъ расположенъ красивый замокъ, подвигалась покойная дорожная карета, въ которой сидѣла госпожа Скоцьдополя - фонъ - Шпрингенфельдъ. Напротивъ ея, на маленькой лавочкѣ, помѣщалась ея камеристка, мамзель Сара; на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣла горничная Клара, а возлѣ барыни покоился ея любимецъ. Но это былъ не мужъ, не братъ и не другъ, а Жоли, крошечная собачка англійской породы, съ длинными ушами, съ мягкой какъ бархатъ трехцвѣтною шерстью; очень красивое животное. Это былъ баловень барыни.

Пока господи́нь Скочьдополя былъ только господиномъ Скочьдополей и пока люди знали его только за богача,— въ домѣ былъ иной порядокъ: у барыни не было ни баловня Жолы, ни камеристки, не было ни замка, ни толпы прислуги, ни лошадей, ни борзыхъ собакъ; господи́нь Скочьдополя не ѣздилъ на охоту, не приглашалъ гостей, и эти послѣднiе не прiѣзжали къ нему на дачу, чтобы подышать здоровымъ воздухомъ. Но когда господи́нь Скочьдополя накопилъ столько денегъ, что, наконецъ, не зналъ куда ихъ дѣвать и потерялъ имъ счетъ, тогда женѣ его вдругъ опротивѣла эта простая фамилiя Скочьдополя и она до тѣхъ поръ уговаривала мужа, пока онъ не купилъ ей титула „von-Springenfeld“. Этотъ титулъ очень нравился г-жѣ Скочьдополя, онъ звучалъ какъ-то иначе, и съ тѣхъ поръ никто уже не смѣлъ назвать ее просто по фамилiи, если не хотѣлъ лишиться ея расположенiя. „Большому кораблю большое и плаванiе“. По прибрѣтенiю титула понадобилось и помѣстье. За деньги можно все имѣть. Купили имѣнье, лошадей, борзыхъ собакъ, наняли и нарядили въ гадуны прислугу, сѣздили на воды, задавали пиры и балы. Кто богатъ калачами, тотъ богатъ и друзьями: друзей нашлось достаточное количество, въ особенности блюдолизовъ, всегда питающихся излишками другихъ. Господина фонъ-Шпрингенфельда считали отличнымъ человѣкомъ, а предъ его женой разсыпались въ похвалахъ ея красота, уму, изящному вкусу и Богъ знаетъ чему еще. Госпожа фонъ-Шпрингенфельдъ не была безобразна, но казалась еще лучше, чѣмъ была въ дѣйствительности, и этимъ она была обязана своей камеристкѣ, мамзель Сарѣ. За то она должна была платить ей большое жалованье и дѣлать много подарковъ, чтобы только удержать ее у себя; только этимъ способомъ удалось ей сманить мамзель Сару отъ какой-то графини, которая слыла за самую элегантную даму въ столицѣ и у которой Сара исполняла только обязанность горничной, получая за это весьма небольшое жалованье; но она жила все-таки „у графини“ и поэтому сначала не рѣшалась перейти въ услуженiе къ новоиспеченной аристократкѣ. Но деньги смягчили ея гордое сердце. Мамзель Сара была довѣренной особой у своей барыни, и если Сара говорила: „Это надо бы вотъ такъ сдѣлать; въ нашемъ замкѣ (она подразумѣвала тутъ свою прежнюю госпожу) это было вотъ какъ“, то госпожа фонъ-Шпрингенфельдъ тотчасъ приказывала дѣ-

лать такъ, какъ говорила Сара, чтобъ и у нея все было какъ у графини. Однажды Сара сказала: „Вамъ бы надобно собачку, сударыня. У насъ (то-есть у графини) была собачка, которую мы выписали изъ Англіи.... Ахъ мой прелестный Жоли!.. никакъ не могу забыть его!“ и начала разказывать о своемъ Жоли, прибавивъ, что такая собачка необходима для *noble ton*. Госпожа фонъ-Шпрингенфельдъ тотчасъ стала искать такой собачки, и одинъ изъ добрыхъ знакомыхъ, желая угодить богатой барынѣ, досталъ ей нынѣшняго ея любимца и заплатилъ за него восемьдесятъ дукатовъ. Онъ надѣялся получить за это сторицей, и дѣйствительно не ошибся, потому что этимъ подаркомъ онъ приобрѣлъ расположеніе хозяйки дома. Радости не было конца, въ особенности когда Сара сказала, что эта собачка красивѣе графининой. Собачкѣ дали тоже клучку Жоли и доставили ей всевозможныя удобства, которыя строго наблюдались. Надзоръ за нею былъ возложенъ на мамзель Сару. Въ спальнѣ мамзель Сары, на мягкомъ креслѣ, лежала мягкая бархатная подушка, на которой обыкновенно покоился Жоли. Утромъ, когда мамзель Сара завтракала, завтракалъ и Жоли, пилъ кофе или сливки, а потомъ Сара несла его къ своей госпожѣ, чтобъ она позабылась съ нимъ. Когда барыня одѣвалась, то собачка переходила подъ надзоръ лакея; окончивъ туалетъ барыни, Сара купала Жоли, причесывала, завертывала въ тонкую простынку, прикрывала сверху голубымъ атласнымъ одѣяломъ, именно для этого предназначеннымъ, и клала на подушку, чтобъ онъ обсохъ. Собачка, привыкшая къ нѣгѣ, позволяла съ собою дѣлать все что угодно. Потомъ Сара отправлялась съ нею гулять въ садъ, или, если дѣло было въ столицѣ, ѣхала кататься въ коляскѣ. Въ полдень, ко второму завтраку, Жоли получалъ маленькій кусочекъ варенаго мяса, а въ четыре часа котлетку изъ курицы, куропатки или какого-нибудь другаго удобоваримаго мяса. Все это мѣнялось ежедневно, чтобы ни что ему не приѣлось. Лакей обыкновенно приносилъ ему кушанье на фарфоровой тарелкѣ и накрывалъ на столъ, — иначе собака и не дотронулась бы до кушанья, — а послѣ обѣда онъ долженъ былъ ей вытереть ротъ. Остальные часы дня проходили въ качаніи на рукахъ и въ играхъ, пока Сара не укладывала Жоли опять на подушку. Если случалось, что Жоли отказывался играть и ѣсть, то это припѣ-

сылали болѣзни и тотчасъ посылали за докторомъ. Когда же жили въ помѣстьѣ, гдѣ трудно бывало добиться медицинской помощи, то уже всегда заранее запасались рецептомъ. Городской врачъ былъ очень хорошій и знающій свое дѣло человѣкъ, но никакъ не хотѣлъ лѣчить собаку; мамзель Сара уже совѣтовала своей госпожѣ лишить его субсидій, какъ поступила и графиня съ своимъ докторомъ, или взять себѣ домашняго доктора, но въ этомъ случаѣ госпожа фонъ-Шпригенфельдъ не могла ея послушаться, потому что другаго врача тамъ не было, а держать домашняго доктора ей казалось дорого. Другое дѣло было въ столицѣ: тамъ не всѣ врачи были такіе педанты и между ними всегда можно было найдти такого, который за нѣсколько дукатовъ прописывалъ порошокъ и для собаки.

Однажды госпожа фонъ-Шпригенфельдъ захворала, и Жолли по цѣлымъ днямъ, пока она была больна, грустилъ и лежалъ постоянно у ея постели. Это ее сильно тронуло. Мамзель Сара разказала при этомъ, что графининъ Жолли также грустилъ, когда та захворала, и что графиня была этимъ такъ тронута, что назначила собакѣ пожизненную пенсію въ пятьсотъ гульденовъ, въ случаѣ если собака переживетъ ее. Это очень понравилось госпожѣ фонъ-Шпригенфельдъ, и слѣдуя похвальному примѣру графини, она также назначила своей собакѣ пенсію въ пятьсотъ гульденовъ, если Жолли переживетъ ее, да пятьсотъ тому, кто будетъ ходить за Жолли, и все это она скрѣпила своимъ подписомъ и печатью. Если мамзель Сара и прежде ухаживала за собакой, то съ этихъ поръ стала еще болѣе ухаживать. Когда извѣстіе объ этомъ странномъ завѣщаніи дошло до пріятельскаго кружка госпожи фонъ-Шпригенфельдъ, всѣ восхваляли не только ея барскую щедрость, но и благородное чувство, проявившееся въ этомъ поступкѣ. Ее сравнивали съ одною княгиней, которая, получивъ отъ своего возлюбленнаго въ подарокъ прекраснаго коня, нарочно для него одного велѣла выстроить конюшню, въ которой были дубовый паркетъ, мраморный жолобъ, полированныя ясли. У него былъ и особенный слуга, а когда она, наконецъ, перестала ѣздить верхомъ, то никто уже не смѣлъ сѣсть на эту лошадь. Ее водили только каждый день гулять, кормили булками да отрубями и давали ежедневно сахару, и также было сдѣлано

письменное распоряженіе, чтобъ эта лошадь до смерти пользовалась всѣми этими удобствами.

Только панъ Скочъдополя не былъ доволенъ распоряженіемъ своей жены, но онъ не высказывалъ этого. Онъ обходился съ ней болѣе нежели деликатно и не рѣшался противиться всѣмъ ея выдумкамъ и прихотямъ, имѣя на это никому неизвѣстную причину. Такъ и на этотъ разъ онъ промолчалъ, подумавъ про себя: „кто знаетъ, гдѣ еще будетъ собака до тѣхъ поръ!“ Панъ Скочъдополя имѣлъ тоже свои слабости, но при всемъ томъ былъ очень свисходителенъ и добръ и не придавалъ большой цѣны своему титулу; прежняя его фамилія ему все-таки нравилась болѣе, а титулъ фовъ-Шпрингенфельдъ онъ купилъ для того, чтобъ имѣть дома покой. Его давнишнею страстью была охота, и только съ этой стороны онъ былъ радъ помѣстью. Всѣ его пріятели были охотники и постоянно посѣщали другъ друга. Они не слишкомъ строго придерживались этикета, не были такъ разряжены, какъ фравты, вертѣвшіеся около хозяйки дома; поэтому-то панъ Скочъдополя болѣе любилъ говаться съ ними по лѣсу или бесѣдовать за бокаломъ вина, чѣмъ сидѣть въ благоухающемъ салонѣ жены, гдѣ онъ себя чувствовалъ связаннымъ. Но вся прислуга и всѣ служащіе по имѣнью любили болѣе барина, нежели барыню. Мамзель же Сару никто не любилъ, хотя желавшіе получить что-нибудь отъ господъ и ухаживали за Сарой и за Жоли, всѣ боялись криво посмотреть на нихъ. Только деревенскія собаки масниковъ, пастуховъ и тому подобныя не воспитанные псы не боялись и не обращали много вниманія на маленькаго мусе. Когда мамзель Сара, пріѣхавъ въ первый разъ въ замокъ, вышла съ Жоли погулять, то собаки окружили его, тормошили, щарили на него зубы, неприлично обходились съ нимъ и вообще страшно оскорбляли его деликатность, такъ что мамзель Сара не выдержала, взяла его на руки и унесла въ замокъ. Она горько жаловалась на это барынѣ и намекнула ей при этомъ, что было бы лучше не допускать въ садъ никого съ собакой. Приказъ объ этомъ, написанный на дощечкахъ, былъ прибитъ по всѣмъ угламъ сада, да кромѣ того Жольку стали водить на длинной серебряной цѣпочкѣ.

Мамзель Сарѣ хотѣлось захватить побольше власти въ домѣ и даже въ помѣстьѣ, но это ей все какъ-то не

удавалось, потому что тутъ имѣлъ голосъ панъ, который ее не слыхкомъ долюбивалъ. Повара она терпѣть не могла, потому что онъ не хотѣлъ покориться ей и не посылалъ лакомствъ, когда она ихъ требовала; но повара любилъ баринъ, да и барыня благоволила къ нему, потому что онъ своимъ искусствомъ прибрѣлъ громкую славу ея столу и очень многіе имѣли желаніе переманить его къ себѣ; поэтому никакіе наговоры Сары не могли повредить ему. Она тоже не долюбивала и панну Клару, дочь старой ключницы, которая служила еще барыниной матери и овдовѣвъ, поступила къ барынѣ въ ключницы за много лѣтъ до того, какъ Скочьдополи зажили на барскую ногу. Клара была красивая дѣвушка, знала всѣ женскія работы и руководѣла, была тиха и добра. Мать ея, овдовѣвшая, когда Клара была еще ребенкомъ, тотчасъ отдала ее на воспитаніе къ сестрѣ въ маленькое мѣстечко, а сама пошла въ услуженіе къ госпожѣ Скочьдополя. Клара такъ и выросла у тетки, а мать только для нея и работала, и копила чтò могла. Когда же госпожа Скочьдополя сдѣлалась аристократкой, то Маріанна была назначена ключницей въ замкѣ и взяла уже Клару къ себѣ. Барынѣ дѣвушка очень понравилась, а такъ какъ ей нужна была горничная, то она и сказала объ этомъ Маріаннѣ, замѣтивъ притомъ, что такимъ образомъ Клара будетъ имѣть случай многому научиться отъ Сары и узнать немножко свѣтъ, и если она не будетъ какъ-нибудь иначе пристроена, то современемъ можетъ занять мѣсто Сары. Матери это предложеніе не понравилось, но чтò было отвѣчать барынѣ! „Если я не исполню ея желанія, думала она, такъ, пожалуй, и сама лишусь мѣста, и тогда мнѣ придется самой издержать тотъ маленькій капиталъ, который я берегу для дочери, чтобъ ей легче было жить на свѣтѣ и чтобъ она не была принуждена идти въ услуженіе. Такъ пусть ужъ барыня возьметъ ее; Господь ее не оставитъ, если она Его не забудетъ.“ И такъ мать согласилась, и Клара сдѣлалась горничной. Но Сара не могла ее терпѣть и притѣсняла въ чемъ только могла, и Клара, по ея милости, часто плакала, пока онѣ жили въ столицѣ, но по пріѣздѣ въ замокъ, гдѣ Клара была подъ охраной матери, Сара не осмѣливалась дурно обходиться съ нею, хотя мать Клары и не подозрѣвала злости въ камеристкѣ. Клара никогда не жаловалась. Барыня не сердилась на Клару, какъ и вообще ни на кого, но ей все-

такъ казалось, что Клара дѣлаетъ все хуже Сары, хотя та и приспособилась къ одѣванію барыни и иногда думала, что одѣла бы барыню лучше, чѣмъ Сара. Но всего болѣе Сара сердилась на Клару за то, что та была молода и красива собою, чѣмъ Сара не могла похвастаться, а такъ какъ она къ тому еще была зла и горда, то ея никто и не любилъ, и только тѣ льстили ей въ глаза, которымъ было нужно, чтобъ она замолвила за нихъ словечко предъ барыней. Клару же любили всѣ, а больше всѣхъ писарь управляющаго. Клара къ нему тоже была расположена, и мать ея всегда говорила, что онъ хорошій человекъ; но Сара его ненавидѣла, потому что онъ не хотѣлъ покориться ей. Ей казалось обиднымъ также и то, что онъ называлъ ее панной, а не мамзелью.

— Что же это писарь-грубиянъ не знаетъ развѣ какъ называть меня? Не воображаетъ ли онъ, что я простая, деревенская дѣвчонка, называя меня панной? сказала она однажды Кларѣ съ желаніемъ оскорбить ее.

— Мы, простые, деревенскія дѣвушки, очень довольны этимъ названіемъ, отвѣчала ей Клара очень пріятливо:— оно составляетъ для насъ самую лучшую почесть; если же къ вамъ это не идетъ, то запретите ему называть васъ такъ. Но вѣдь мамзель—перековерканное французское слово *mademoiselle*, которое тоже значить дѣвушка.

— Вотъ еще.... вы хотите, кажется, учить меня! Это что значить? Я давно уже забыла то, чему вы еще должны учиться, сердито отвѣтила ей мамзель. Подобныя ссоры бывали между ними часто, но Клара всегда вовремя останавливалась и этимъ зажимала ротъ своей противницѣ.

Когда барыня пріѣхала въ замокъ, то ее тамъ встрѣтили всѣ служащіе, что она очень любила: конторщикъ помогъ ей выйдти изъ кареты, управляющій схватилъ ея шаль, которую она оставила въ каретѣ, а писарь, болѣе всего желавшій услужить Кларѣ, долженъ былъ послѣдовать знаку управляющаго и, вскочивъ въ карету, хотѣлъ взять на руки собачку. Сара, думавшая, что онъ желаетъ ей услужить, уже наклонилась къ нему; но когда онъ потянулся за собачкой, то Сара пришла въ сильный гнѣвъ и хотѣла сама взять собаку, но Жюли проскользнулъ между ими обоими и выскочилъ изъ кареты. Писарь поспѣшно нагнулся за собакой, но Жюли убѣжалъ подъ карету; Сара закричала, барыня огля-

нула и, увидавъ собаку подъ каретой, тоже закричала, какъ будто бы Жолька уже погибъ. Шумъ вышелъ изъ-за пустаковъ, потому что съ собакой ровно ничего не сдѣлалось. „Ну еслибъ лошади вдругъ дернули, случилось бы большое несчастье“, повторяла безпрестанно Сара, прижимая Жольку къ сердцу и бросая свирѣпые взгляды на писаря.

Несчастный писарь надѣялся сдѣлаться объѣзчикомъ,*— да и имѣлъ на это право,—мечталъ уже о хорошенькой хозяйкѣ, и вдругъ управляющій, послѣ встрѣчи барыни, сказалъ ему:

— Чтò же это вы надѣлали! Чудо будетъ, если васъ теперь сдѣлаютъ объѣзчикомъ. Хоть бы вы чѣмъ-нибудь задобрили собачку, иначе все пропало.

— Если я долженъ быть обязанъ счастьемъ собакъ, то я лучше пошщу его въ другомъ мѣстѣ. Но я думаю, что баринъ будетъ руководствоваться справедливостію и заслугами, отвѣчалъ опечаленный писарь.

— Да чтò изъ этого... баринкомъ управляетъ барыня, а барыней—мамзель съ собакой. Другаго совѣта вамъ дать не могу, кромѣ того чтобы вы какъ-нибудь задобрили мамзель и повернули ее по своему.

— Этого я никогда не сдѣлаю; этой злощестіи покоряться не хочу, да и дѣловать лапки у собаки тоже не желаю, возразилъ съ гордостію писарь.

— Дорогой мой Калина, иногда необходимо закечь и чорту свѣчку, сказалъ съ улыбкой управляющій, желавшій добра писарю.

II.

Замокъ стоялъ на холмѣ, у подошвы котораго разстлалось мѣстечко. Рѣка, текущая у подошвы холма, составляла границу между помѣщичьею и городскою землею, а одинъ изъ ея притоковъ опоясывалъ все мѣстечко. Обыватели мѣстечка дѣлились на три класса. Къ первому классу принадлежали зажиточные хозяева, имѣвшіе свой домъ, дворъ и большое поле; ихъ жены и дочери носили шляпки и угощали гостей своихъ кофеемъ въ парадной гостиной.

* Подручный, помощникъ управляющаго.

Изъ этихъ богачей обыкновенно выбирали городского ратмана и бургомистра, придерживаясь старой пословицы: „гдѣ деньги, тамъ и умъ!“ Ко второму классу принадлежали бѣдные ремесленники, имѣвшіе только доскутъ поля и домикъ; ихъ жены носили чепцы, и высшій классъ бывалъ въ страшной претензіи, если онѣ позволяли своимъ дочерямъ носить шляпки. Третій классъ состоялъ изъ такъ-называемой черни, поденщиковъ,* которые жили, какъ говорятъ, „со дня на день“. Еслибы кто-нибудь въ чемъ бы то ни было сравнилъ этотъ классъ съ высшимъ, то высшій счелъ бы это для себя величайшимъ оскорбленіемъ; если поденщица цѣловала руку у госпожи высшаго класса, то эта послѣдняя поспѣшно обтирала ее, чтобъ она не осквернилась нечистымъ поцѣлуемъ, или просто подсовывала поденщицѣ рукавъ.

Дома богачей и лачуги бѣдныхъ ремесленниковъ находились большею частью у рѣки, на валу. Въ каждомъ дворѣ было по нѣскольку каморокъ, нарочно устроенныхъ для поденщицъ и очень темныхъ; въ каждой было по маленькому окошку, но не было ни пола, ни печки. Отогрѣваться зимой и готовить себѣ кушанье поденщики ходили обыкновенно въ сторожку къ дворнику. За такую каморку поденщикъ долженъ былъ платить двѣнадцать гульденовъ въ годъ; но при этой дешевой цѣнѣ онъ былъ обязанъ работать за извѣстную плату на хозяина двора, у котораго онъ жилъ, и не смѣлъ брать на себя другую работу, хотя бы она и доставляла ему больше выгоды. Но для поденщика, обремененнаго большимъ семействомъ, трудно было платить и одинъ гульденъ въ мѣсяцъ, въ особенности зимой, когда плата за работу была меньше, да и работы было мало; поэтому бѣдняки принимали къ себѣ за извѣстную плату на вочлегъ, или пускали жильцовъ, чтобы только быть въ состояніи заплатить за квартиру. Многіе жили еще въ каморкахъ у бобылей, за что платили не дороже и не были никому обязаны. Въ каждой такой каморкѣ поденщики имѣли складъ своей зимней провизіи. Полъ кроватями были выкопаны ямы, въ которыхъ хранился запасъ картофеля.

Въ то прекрасное утро, какъ барыня только-что пріѣхала въ замокъ, изъ одной каморки вышла на дворъ женщина съ

* Podruh собственно значить жилецъ (квартирантъ), у котораго нѣтъ ни дома, ни поля, живущій поденною работой.

двоими дѣтми. Одного несла на рукахъ, а другой, мальчикъ лѣтъ семи или восьми, держался одною рукой за ея платье, неся въ другой небольшую котомку. И мать и сынъ одѣты были бѣдно; все платье было въ заплаткахъ, впрочемъ содержалось, какъ видно, въ чистотѣ. За ними вышла еще женщина, а за ней нѣсколько человекъ дѣтей.

— Я говорю, любезная Караськова, толковала вторая женщина,—охотно позволила бы вамъ и еще почевать, но вѣдь сами видите, что насъ какъ сельдей въ бочекѣ. У меня пятеро дѣтей, у зятя трое, васъ двое, однихъ большихъ насъ пятеро, вотъ сколько народа-то! Сами видѣли, какъ намъ тѣсно было спать. Зимой, по крайней мѣрѣ, теплѣе, а лѣтомъ-то ужъ слухомъ душно. Вотъ и вчера хозяинъ говорилъ дворнику, чтобы насъ помногу не спало вмѣстѣ, потому что, говоритъ, въ Прагѣ опять холера; чтобы, говоритъ, и къ намъ не забралась. А дворникъ опять-таки ругается, когда мы принимаемъ къ себѣ почевать: это, говоритъ, просто какой-то притонъ, у него, говоритъ, воруютъ!

— Боже, Боже! проговорила первая женщина, сильно затронутая этими словами, и блѣдное, исхудалое лицо ея покрылось румянцемъ.

— Не принимайте этого на свой счетъ: о васъ, говорю я, такъ никто не думаетъ; да вѣдь сами знаете, что съ виноватымъ терпѣть и невинный. Люди бываютъ и злые, и добрые, и кто легко вѣрять, тотъ и грѣшится часто; поэтому человекъ и долженъ быть предусмотрителенъ. Дворникъ за все долженъ отвѣчать, за это на него и сердиться нельзя; вотъ хозяинъ-то недобрый человекъ! Вы всегда были честны, я говорю, о васъ никто худого слова не скажетъ, а васъ и оставила бы у себя, еслибы смѣла. Да, можетъ-быть, еще какъ-нибудь обойдетесь. Вотъ вамъ на дорогу.... Съ этими словами она вынула изъ фартука нѣсколько картофелинъ, испеченныхъ въ золѣ, и подала ихъ первой женщинѣ.

— Награди васъ Господи сторицей за все, чтѣ вы для меня сдѣлали, дай вамъ Господи здоровья. Простите, сказала со слезами женщина, выходя со двора.

— Ужь не будешь у насъ спать, Войтѣхъ? кричали дѣти вслѣдъ мальчику, но онъ и не оглянулся.

— Я бы ее и оставила у себя, сказала поденщица,—да вѣдь она, того и гляди, умретъ, вѣдь ужъ чуть жива, и мнѣ еще

довелось бы ее хоронить. Каждый самъ о себѣ долженъ позаботиться, да и ее авось кто-нибудь къ себѣ приметъ.

Между тѣмъ блѣдная женщина, на сколько доставало ей силъ, спѣшила по валу около домовъ къ мосту. На срединѣ моста она оперлась о перилы, и ея взоръ какъ-то дико устремился внизъ, на тихое теченіе рѣчки.

— Мамочка, заговорилъ мальчикъ Войтѣхъ,—привяжите Иосифа мнѣ на спину, я его понесу, у васъ болятъ руки. Подите вонъ туда къ кресту, на лугъ, тамъ солнце свѣтитъ, мы тамъ обогрѣемся. Подите, мамочка, не печальтесь такъ: если насъ и не пустятъ ночевать, то мы можемъ спать и на воздухѣ: теперь ужъ тепло.

— Ахъ, дитя мое! Лучше бы было намъ, еслибы всѣ мы спали въ могилахъ у тятеньки! сказала со вздохомъ мать, прижимая къ сердцу своего малютку, и начала плакать. Войтѣхъ тоже заплакалъ, и оба въ слезахъ пошли потихоньку черезъ мостъ, на другую сторону.

На послѣднемъ дворѣ у моста, нѣсколько работницъ дѣлали вязки для сноповъ и разсуждали о различныхъ предметахъ. Онѣ видѣли, какъ Караськова проходила мимо воротъ.

— Куда это тащится она съ дѣтьми? замѣтила одна.

— Куда—чай куда-нибудь на работу, отвѣчала другая.

— Ужъ ей и работать, на то оно и похоже! ядовито замѣтила одна изъ женщинъ.

— Пѣбойся Бога! сказала одна старуха.—Караськова была женщина работающая, покуда была въ силахъ, а теперь со всѣмъ разстроилась. Нельзя ее не пожалѣть: мужа лишилась, обидѣла, зачахла, и ни откуда ей помощи нѣтъ. Это что-нибудь да значить.

— Да ужъ съ полгода въ лихорадкѣ! замѣтила другая женщина.

— Да, полгода, продолжала старуха,—и никакъ отъ нея не можетъ освободиться; да притомъ ребенка кормить, а сама только и питается что картофелемъ. Нѣтъ! какъ ея не пожалѣть! Какъ подумаю, какая она въ дѣвushкахъ-то была: кровь съ молокомъ, стройная, какъ елка, и чистенькая, какъ цвѣточекъ. Панички просто дрались изъ-за нея, каждая хотѣла взять ее къ себѣ въ горничныя: вѣдь она и шить-то мастерица.

— Вышла замужъ за этого Караська, въ томъ вся ея и ошибка.

— Ну, бабы! отозвалась на этотъ разговоръ еще одна:— вѣдь всѣ мы женщины, знаемъ сами, какъ это бываетъ, какъ оба любятъ другъ друга, да еще и молоды. Я сама, надо сознаться, то же испытала; на моей свадьбѣ тоже вѣнковъ не вили.

— Еще бы запыралась, когда это всѣ знаютъ! замѣтила лдовитая.

— Ну, дѣвонька, правду-то не каждый любитъ. Сказала бы ты барышня Стасичкѣ правду, она бы тебя отзвонила, хоть тоже всѣ знаютъ ея похождения-то. Но каждый за себя отвѣчаетъ, а тоже достаточно за это наревѣлась. Мы съ Гуркой-то поженились бы и прежде, да все ему отсовѣтовали, потому что, дескать, ничего вѣтъ у насъ, чѣмъ, дескать, жить-то будемъ? Одинъ разъ приходитъ онъ къ намъ, а я жалуюсь ему да каючу на ту бѣду. „Перестань, говорить, Андуга: бѣдный человекъ, да еще къ тому невеселый—двойное горе; пусть съ грустью-то уживаются богатые! Ты только будь весела, да станемъ любить другъ друга; если платно не найдемся, такъ по крайней мѣрѣ крѣпко выпьемся!“ Такъ какъ я его любила, то долго не думала, и... случился грѣхъ.

— Это правда, твой мужъ всегда веселъ, ужь не нагонитъ грусти.

— Дѣйствительно, сказала Андуга,—по его словамъ, слезами горю не пособишь. Я стыдилась и хотѣлось бы обвиняться, но мы такъ мало выработывали, что не могли скопить денегъ на вѣнчанье, а Гурка говорилъ только, что мы уже свои люди, можемъ и подождать, если насъ даромъ не обвиняютъ. Но меня то мучило, что хотя Господь Богъ и проститъ, а все-таки и сама, да и ребенокъ будемъ въ презрѣннѣ у людей. Вотъ я собралась съ духомъ и пошла къ пану каплану,* прошу его помочь мнѣ совѣтомъ; какъ я ему сказала всю-то правду, онъ и говоритъ, чтобъ я къ нему послала Гурку. Онъ пошелъ къ каплану, и капланъ все самъ для насъ устроилъ. Черезъ три недѣли мы были обвиняемы, а потомъ панъ капланъ даромъ окрестилъ и нашего Вацлава.

— Правду сказать, панъ капланъ очень добръ къ бѣдному люду. А что говорилъ твой Гурка?

— Онъ тоже былъ очень радъ, но показывалъ видъ, что

* Капелланъ.

ему это все равно. Онъ тоже любитъ пана каплана, и если для него бываетъ нужно что-нибудь сдѣлать или куда-нибудь послать что, то ужъ Турка радъ хоть ночь сдѣлать подольше, а другаго вмѣсто себя не допустить.

— Ну, у тебя было одно, отозвалась снова старуха,—а у Караськовой другое: вѣдь мать Караська не позволяла ему жениться: сынъ-то у меня каменьщикъ и въ состоянiи еще заработать грошъ, такъ можетъ взять за себя и дочь ремесленника, а не поденщицу. Вѣчная ей память, а ужъ баба же была! Завела свое: нѣтъ да нѣтъ! Ужъ и панъ капланъ, и панъ учитель къ ней приставали—ни что не помогло! Такая была, покойница, упрямая! А что жъ изъ этого вышло? Карасекъ все-таки Катерину-то не бросилъ, и она приняла только грѣхъ на душу. Ужъ потомъ Катерина и съ ребенкомъ хотѣла къ ней идти попросить благословенiе, а старуха-то и сказала, что она ее и съ выкидышемъ-то помеломъ поговитъ, изругала ее—просто живой нитки не оставила, такъ что Катерина-то чуть не умерла съ горя.

— Просто Яга-Баба была! замѣтили нѣкоторые.

— Сынъ все это долженъ былъ терпѣть и ужъ хотѣлъ перелазить отсюда куда-нибудь, да Богъ только помогъ, взялъ къ Себѣ старуху. Ужъ на смертномъ одрѣ только покалалась и дала имъ благословенiе.

— Да деньги что ли у старухи-то были? спросила Авдула.

— Какія деньги! Только одежонки немного, да на похороны хватило. Больше ничего не осталось.

— Такъ чѣмъ же она такъ гордилась?

— Тѣмъ, что ея мать была дочерью ратсгера, а дядя ея былъ гдѣ-то деканомъ. А наплевать на это! У моей тетки, говорятъ, тоже гдѣ-то есть мельница, да что мнѣ въ томъ толку, если она не на меня мелеть? Такое родство стоить столько же, что старый платокъ. Да, да! Поэтому только старуха Караськова и не хотѣла свой высокій родъ мѣшать съ поденщичьимъ, и притѣсняла своихъ дѣтей. Потомъ дѣла ихъ пошли лучше, зажили они хорошо, Иосифъ не мало выработывалъ, да и Катерина доставала много работы отъ паничекъ и Войтѣха своего нарядно таково одѣвала. Я, бывало, не нарадуюсь,—смотрю какъ они идутъ изъ церкви и ведутъ своего мальчика: такъ это было хорошо. И долго все такъ хорошо шло; а какъ теперь взгляну на нее, такъ плакать хочется. Одинъ разъ она мнѣ платье дала и сколько

ко разъ наливала горшечекъ похлебки; еслибъ я не была такъ стара и бѣдна, что и самой-то нечего перекусить, да куда-то голову приклонить, то подѣлилась бы съ ней вѣтъ. Покуда она жила въ свѣтлицѣ, такъ я къ ней хаживала, когда, бывало, и присаужить доведется, а какъ перебралась она въ каморку, такъ все кончилось и она ничего отъ меня и принять не хотѣла: у самой, говорить, ничего нѣтъ.

— Господи! сказала одна изъ женщинъ,—и теперь морозъ по мнѣ пробѣгаетъ какъ вспомню, какъ лѣса съ Караськомъ-то упали! Мнѣ нужно было зачѣмъ-то быть въ той улицѣ, и вдругъ слышу, кричатъ: „Лежишь Марія! Лѣса у Опршалковыхъ упали, Караська убило!“ Смотрю: а жена его бѣжить, бѣла какъ мѣлъ. Еслибы тогда же его взялъ къ Себѣ Господь Богъ, ужь лучше бы было чѣмъ эти мученія, все-таки у ней хоть нѣсколько гульденовъ осталось бы и не довелось бы нищенствовать.

— Ну, извини, замѣтила старуха,—это такъ только говорится; кто кого любитъ, такъ радъ пролить за него послѣднюю каплю крови: Она такъ обрадовалась, что ей мужа живымъ еще привесли; и какъ ужь ходила за нимъ, днемъ и ночью работала, чтобы только доставить ему все необходимое! Она все говорила, что благодарила бы Бога, еслибы только Господь оставилъ ей мужа въ живыхъ, хоть калѣкой. Въ то же время у нея еще ребенокъ родился, да и то она еще перебивалась. А какъ черезъ десять недѣль мужъ все-таки умеръ, такъ словно у ней кто всѣ жилы подсѣкъ. Слегла и съ той поры чуть ноги волочить.

— Да вѣдь, говорятъ, ей и помогали довольно: пани Опршалкова, при домѣ которой Карасекъ убится, говорятъ, ей постоянно помогала?

— Ахъ, дѣвочки! Кто одними подарками одѣвается, тотъ безъ платья находится. Долго не будешь щедрымъ. Это дѣло трудное. А выпрашивать Катерина тоже не рѣшится. Еще при жизни мужа кое-что распродала; ну, а вѣдь знаете сами пословицу: „вырви у комара ногу, глядь ужь и потрохъ наружи!“ Болѣзнь, да бѣдность всему причиной.

— Да вѣдь ей много давали панички шитья!

— Давали, много давали, покуда она жила въ чистой свѣтлицѣ, а какъ перешла въ каморку, такъ и не стали давать, кромѣ какой-нибудь починки или вязанья чулокъ. А на этомъ много не заработаешь. Смотришь: такой немощной и груст-

ный человекъ, да еще съ двоими дѣтьми, и станетъ всѣмъ въ тягость. Хотѣли взять у ней Войтѣха въ гусопасы, а какъ она на это не согласилась, то и стали ее ругать и говорить, что она и ни вѣсть что о себѣ думаетъ и что благодарнѣй не заслуживаетъ. Ну, а что она, бѣдняжка, стала бы дѣлать безъ Войтѣха-то? Вѣдь онъ и за ребенкомъ ходитъ, какъ она не въ силахъ бываетъ. Ужъ хуже ея положенія теперь и быть не можетъ! А кто войдетъ въ положеніе бѣднаго человека? Только одна надежда и осталась на Господа Бога. Кто не знаетъ, что такое горе, тотъ ему и не вѣрить.

— У кого нѣтъ своей каморки, тому негдѣ будетъ и голову приклонить; сегодня, говорятъ, хозяинъ приказывалъ, чтобы мы не принимали къ себѣ никого на ночевку, чтобы вмѣстѣ по многу народу не спало, потому что, говорятъ, опять показывается та моровая язва.

— Я сама при этомъ была, отвѣчала ядовитая работница,—какъ хозяинъ поутру пришелъ и говорилъ, чтобы мы не принимали къ себѣ на ночевку, чтобы провѣтривали каморки и чтобы, говорить, всякой дряни не ѣли. Ну, ужъ я же, дѣвоньки, и отдѣлала его! Мы, говорю я, ѣли бы мясо и кнедлики * охотнѣе чѣмъ крапиву, лебеду, да картофель, только вы, сударь, говорю, извольте намъ столько платить, чтобы все это мы могли покупать. Вѣдь богачъ ѣсть что хочетъ, а бѣднякъ что имѣетъ. И каморки, говорю, провѣтривали бы, да окна-то отворить не можемъ, потому что, какъ изволите знать, въ рамку вставлено одно стекло, а рамка-то къ стѣнѣ прибита. Дверей отворять тоже намъ нельзя, а то, пожалуй, увесутъ у насъ и послѣднее, что есть: вѣдь насъ дома-то по цѣлымъ днямъ не бываетъ. Да и картофель-то не стали бы въ каморкахъ держать, еслибы только было для насъ другое мѣсто. На ночлегъ, говорю, тоже никого къ себѣ принимать не будемъ, если сами меньше будемъ платить.... Ни слова не сказалъ, повернулся и былъ таковъ, точно его собака укусила. У меня просто отъ сердца отлегло, какъ я ему все это выговорила: знай же, молай, вотъ!

— Конечно, умирать никому не хочется, и бѣдному даже, не только богатому; а отъ смерти не убѣжишь, и ни пестомъ ни крестомъ отъ нея не отдѣлаешься, если Господь Богъ

* Родъ клецекъ.

позоветь кого къ Себѣ. Но почему же не хотятъ намъ помочь, когда за насъ такъ боятся? сказала старуха.

— Вы думаете, что собака лаетъ—деревню охраняетъ? Нѣтъ, себя только забавляетъ. Берегутъ они только свою кожу. И зачѣмъ помогать намъ? Покуда еще съ голоду не мремъ: будетъ еще на это довольно времени, проговорила снова ядовитая.

— Вотъ вѣдь, начала опять старуха,—еще въ прошломъ году, какъ комета-то показывалась, люди говорили, что не быть добру. Вотъ теперь и дожили. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; храни только и не оставляй насъ, Господи!

— Еслибъ еще не Богъ, такъ къ кому же бы и прибѣгли мы въ такой бѣдѣ и несчастіи? О Господи, всѣ-то презираютъ бѣдныхъ!

— А еслибы не было бѣдныхъ, то и солнышко не играло бы, замѣтила ядовитая.

— Ты нынче въ первый разъ такая сердитая!... замѣтили ей собесѣдницы.

— Вѣдь я имѣю право жаловаться на хозяина. Развѣ дешево я плачу за каморку-то—тридцать гуденовъ? Еслибы для насъ хоть что-нибудь хотѣли сдѣлать, то, по крайней мѣрѣ, квартиры-то бы дѣлали какъ для людей, а не какъ для скота, за такія деньги. Мы долго тутъ не пробудемъ; вустъ щеть другихъ работниковъ; мы пойдемъ на барщину. Человѣкъ тамъ тоже много-то не получить, но все-таки его тамъ не считаютъ старою подошвой, какъ здѣсь; по крайности, кто работаетъ старательно, тому порядочно и платятъ, а у меня мужъ всякую работу исправить, несмотря на то что онъ не очень здоровъ. Да хоть бы чего другаго и не было, все-таки тамъ никто не станетъ меня попрекать дѣтьми: этого я никому не прощу; поэтому я и хозяину-то сегодня напрямки говорила, не переговоривъ съ мужемъ; да вѣдь онъ за это на меня сердиться не будетъ.

— Еще бы! раздалось нѣсколько голосовъ.

— И кто тутъ выдержитъ, когда человѣка ужъ и дѣтьми попрекаютъ? Вѣдь это грѣхъ великій! Знаете, что я ему сказала?

— Не знаемъ, скажи что? Вѣдь ты, Дорота, больно куражлива!

— Какъ онъ началъ о чистотѣ-то говорить, а я ему отвѣтила; онъ пошелъ-было домой, да слова-то мои его ужъ

больно разозлили, такъ онъ опять вернулся и сталъ говорить, что у него пропалъ цыпленокъ, что мы должны знать, кто его взялъ. Подумайте-ка! Вотъ такъ ему въ рожу-то бы и заѣхала! Это, говорю, не наша забота, мы объ этомъ ничего не знаемъ, а если, говорю, я знаю, такъ чтобы мнѣ честнаго имени лишиться!

— Да вѣдь цыпленка-то вчера сварила жена дворника; я это сама видѣла, сказала одна женщина.

— Ну вотъ видите! А вѣдь скажи ему—не повѣритъ. Я и сказала, что не знаю. Тутъ онъ и началъ ругаться, что у насъ и дѣтей-то куча, что и безъ нихъ-то кое-какъ гнѣздимся, и что не зная какъ прокормиться, мы принимаемся воровать, а хозяева должны насъ кормить. Я и говорю—при этомъ Дорота, отбросивъ вязку, подперши руки въ боки, засверкала глазами—я и говорю: вѣдь Господь Богъ знаетъ, зачѣмъ намъ даетъ дѣтей больше, чѣмъ панамъ: на насъ, бѣднякахъ, и свѣтъ-то стоитъ, и еще ему что-то порядкомъ наговорила, словомъ, все ему выеказала.

— И хорошо сдѣлала. Мы сами то же сдѣлаемъ, при первомъ удобномъ случаѣ. Господи ты нашъ Боже! и дѣтьми-то насъ попрекають, а кто бы на нихъ работалъ, если бы насъ не было?

— Да какъ же? Отъ нашихъ мозолей жирѣють. А нашъ братъ не наѣстса, не согрѣтса, не одѣнетса порядкомъ, да еще и дѣтьми насъ попрекать!... Господи! да когда же на нашей-то улицѣ будетъ праздникъ?

— Перестаньте, дѣвоньки: и для насъ царство небесное останется; голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ! сказала старуха.

— Эй! что вы тамъ работу-то бросили, да сеймъ затѣяли? О чемъ еще растолковались? раздадса отъ воротъ голосъ дворника.

— Работа готова и сеймъ закрыть. Жаль, что вы пораньше не пришли, могли бы послушать о чемъ мы трактовали, сказала Дорота, отбросивъ послѣднюю связку въ кучу къ остальнымъ.

III.

Въ то время, когда женщины говорили о Караськовой, она шла съ дѣтьми по дорогѣ на лугъ; потомъ, пробравшись

около сада, у креста она съ дѣтми сѣла на траву. Войтѣхъ уже не плакалъ. Онъ ѣлъ картофель, который дала ему мать. Войтѣхъ былъ хорошенькій мальчикъ, походившій на мать. Правда, на лицѣ его не красовался розовый цвѣтъ здоровья, уже подорваннаго суровою рукой несчастія, а въ большихъ голубыхъ его глазахъ уже не проглядывали беззаботная дѣтская мысль, веселость, бодрость, которыя поражаютъ насъ, когда смотримъ въ глаза ребенку: глаза его были печальны и туманны, въ особенности это дѣлалось замѣтно, когда онъ взглядывалъ на страдальческое лицо матери; тѣмъ не менѣе въ нихъ свѣтились добросердечіе и умъ, рѣдко встрѣчающійся въ его возрастѣ. Ребенокъ въ богатомъ семействѣ надолго остается ребенкомъ, онъ весело проводитъ пору своихъ прекрасныхъ лѣтъ; у него нѣтъ страданій, кромѣ тѣхъ минутъ, когда ему не даютъ игрушки, или когда ему не понравится игрушка, или когда онъ выслушиваетъ выговоръ родителей; нѣтъ у него и заботъ, кромѣ ученья, быть-можетъ. Это легкія облачка, омрачающія его небо. У бѣднаго ребенка нѣтъ такихъ радостей. Въ самомъ еще нѣжномъ возрастѣ является предъ нимъ жизнь во всей своей наготѣ, со всѣми своими неудачами, со всею горечью. Холоднымъ, рѣзкимъ дуновеніемъ своимъ она стираетъ съ нѣжнаго цвѣтка дѣтской души тончайшую его пыльцу и блестящій колоритъ, какъ морозъ, умерщвляющій едва развившуюся почку.

Войтѣхъ былъ еще ребенкомъ, а уже долженъ былъ быть опорой матери и былъ ея единственнымъ другомъ. Едва достигши возраста, когда онъ сдѣлался способенъ отрѣзать себѣ домотъ хлѣба, онъ долженъ былъ уже помогать матери зарабатывать кусокъ хлѣба. Будучи и самъ дитятей, онъ долженъ былъ нянчиться съ братишкой, и нянчился какъ добрая нянька, когда мать была еще въ состояніи работать. И Войтѣхъ старательно нянчилъ братишку: не будучи въ силахъ носить его, онъ садился на порогъ каморки, качалъ его, напѣвалъ ему, какъ дѣлывала мать, пока ребенокъ не засыпалъ. Когда онъ снова пробуждался, Войтѣхъ игралъ съ нимъ, утѣшалъ его тѣмъ, что его сейчасъ возьметъ на руки мать, разговаривалъ съ нимъ; и несмотря на то что блѣдный, больной ребенокъ не понималъ что говорили ему, все-таки обращалъ глаза къ Войтѣху и слушалъ его разказы. Войтѣхъ, разказами о тятель-

кѣ и лучшимъ времени его жизни, утѣшалъ и самъ себя: „Милый Иосифъ!“ говорилъ онъ ребенку, еслибы тятенька былъ живъ, онъ часто приносилъ бы намъ даламанокъ,* яблоковъ, и намъ было бы лучше. Миленькій мой! Тятенька насъ очень любилъ. Одинъ разъ онъ мнѣ купилъ на ярмаркѣ коня и рожокъ; да Гонзикъ Годубовскій испортилъ у меня этотъ рожокъ. Вотъ, бывало, тятенька посадитъ меня верхомъ на козляна и качаетъ, а я трублю да пою: „ѣдетъ, ѣдетъ почтальйонъ!...“ Еслибы тятенька былъ живъ, то мы не жили бы въ каморкѣ; у насъ, мой миленькій, была хорошенькая свѣтелка—мы жили у Зафонковыхъ; вотъ постои, я тебѣ укажу и окна наши, когда ты будешь большой. Тамъ у маменьки стояли цвѣты, и я сидѣлъ у окошка, когда маменька тамъ шла, и смотрѣлъ въ окошко. У насъ, мой миленькій, былъ тоже столъ и стулъ, и картинки, а у меня была постелька и перины. Ты со мной бы спалъ, еслибы тогда былъ на свѣтѣ. На завтракъ у насъ была всегда похлебка, на обѣдъ тоже похлебка и еще что-нибудь, а въ воскресенье говядина. Въ воскресенье мы съ маменькой и тятенькой ходили къ обѣднѣ, а послѣ обѣда ходили въ садъ, тятенька пилъ пиво, а мнѣ покупалъ булку, и музыка тамъ цграла. То-то было славное время, мой миленькій! А теперь у насъ ничего нѣтъ!“ Таковы были воспоминанія Войтъха изъ веселой поры его дѣтства, которая миновала очень скоро и всегда пробуждала въ немъ грустное чувство.

Расположившись у креста, мать положила Иосифа на траву и прикрыла платьемъ, спрятаннымъ въ котомкѣ. Кромѣ платья, въ котомкѣ было нѣсколько кусковъ плохаго бѣлья и маленькій деревянный конекъ, подаренный Войтъху отцомъ и котораго берегъ онъ, чтобы передать Иосифу, когда тотъ будетъ въ состоянiи играть. .

— И чтѣ теперь будетъ съ нами, дѣти? печально говорила Караськова, глядя на блѣднаго малютку, лицо котораго Войтъхъ закрывалъ отъ солнца большимъ листкомъ лопушника, какъ зонтикомъ.—Куда мы дѣвемся? Помогутъ ли чужіе люди, когда мы сдѣлались тяжелымъ бременемъ и для тѣхъ, которые меня знаютъ, на кого я работала, покуда хватало силы?

* Родъ бѣлаго хлѣба.

— Полноте, маменька, полноте! Пойдемте въ деревню, вѣдь намъ совѣтовала туда идти и старуха Доротка; она говорила, что тамъ не отказываютъ въ милостынѣ, и что намъ позволятъ спать на сѣнѣ. Вотъ постоитъ, я попрошу какого-нибудь крестьянина, чтобы взялъ васъ къ себѣ, а я за это буду у него пасти гусей, и вотъ увидите, что на это согласятся, и вамъ будетъ лучше....

— Ахъ, милый мой, вѣрю я, что намъ въ деревнѣ будетъ лучше: еслибы мнѣ Богъ помогъ, я шла бы на крестьянокъ, да ужь поздно! Какъ я дотащусь туда: совсѣмъ нѣтъ силъ въ ногахъ, онѣ у меня отекали.

— Пойдемте, маменька, потихонечку, я во всю дорогу самъ понесу Иосифа, а вы, маменька, можете на меня опираться.

— Ахъ, дитя мое! сказала со вздохомъ мать, и взявъ мальчика за руку, залилась слезами. Мальчикъ тоже расплакался, глядя на мать. Иосифъ проснулся, и его сморщенное, посинѣвшее лицо корчилось, какъ будто отъ плача.

— Чтò съ тобой, миленькій? Ты хочешь и пить и ѣсть! Губки-то у тебя сухія! А мнѣ нечего и дать-то тебѣ, о Господи! говорила мать, и взявъ холодныя рученки ребенка, соргивала ихъ своимъ дыханіемъ.

— Маменька, я сбѣгаю въ замокъ, можетъ-быть, выпрошу тамъ что-нибудь и купимъ Иосифу молочка, подождите здѣсь! сказалъ Войтѣхъ и уже готовъ былъ бѣжать.

— Нѣтъ, Войтѣхъ, не ходи въ замокъ! Вѣдь тебя оттуда ужь разъ выгнали — не ходи туда, а то еще, пожалуй, тебя прибьютъ.

— Да вѣдь меня выгналъ лакей, который водилъ тамъ собаку, чтò на меня такъ даяла. Старуха Доротка говорила, что если еще пойду, такъ чтобы шелъ въ кухню, что поваръ добрый человекъ и подаетъ нищимъ, или къ старухѣ-ключницѣ, которая каждому нищему даетъ по крейцеру. Ужь только не бойтесь, маменька, я постараюсь, чтобы лакей меня не видалъ.

— Вѣдь это не поможетъ! Какъ придешь въ замокъ, то долженъ будешь идти въ кухню, или въ другое мѣсто, около сторожки, а если даже привратника тамъ и не будетъ, то собаки цѣпныя залаютъ, и привратникъ выйдетъ.

— Я пройду садомъ, заборъ низенькій, а легко его перескочу, и какъ-нибудь черезъ кусты доберусь до кухни.

— Охъ, парень! Никогда не ходи такими дорогами; старай-

ся всегда ходить прямою дорогою. Вѣдь вездѣ есть люди; сторожа увидали бы тебя, схватили бы и спросили, куда идешь; ты опозорилъ бы себя. Берегись этого, дитя мое!

— Ну такъ я прямо пойду, маменька. Богъ дастъ никого не встрѣчу на дорогѣ и доберусь до кухни, сказалъ мальчикъ и рѣшительно поворотившись отъ матери, побѣжалъ къ замку. Мать съ ребенкомъ осталась въ ожиданіи его возврата.

Солнце припекало порядкомъ, но малютка былъ холоденъ, хотя и лежалъ на перинкѣ и одѣтъ былъ платьемъ; дыханіе матери не могло согрѣть его ручки. Глаза его были устремлены къ голубому небу и не смотрѣли на мать, около ротика показывались судороги, все лицо измѣнялось, — дыханіе было тяжело. Мать со страхомъ смотрѣла на него: всегда онъ улыбадся глядя на мать, гладилъ ея лицо, весело обнималъ ея шею, и еще впервые не обращалъ на нее вниманія. Съ самаго появленія на свѣтъ, Іосифъ былъ болѣзненъ и слабъ, такъ что, будучи почти годовалымъ, не умѣлъ еще сидѣть. Тѣло его было исхудалое, и мать, дѣлая его ручки и ножки, плакала всегда и думала: „лучше бы тебѣ было, еслибы взялъ тебя къ Себѣ Господь Богъ“, но въ эти послѣднія минуты она горячо прижимала его къ сердцу и за его здоровье и жизнь пожертвовала бы послѣднею каплей своей крови. При видѣ такой страшной перемѣны въ ребенкѣ, горькое предчувствіе пронзило ея душу, и съ громкимъ рыданіемъ, ломая руки, она бросилась на колѣна предъ крестомъ. „Отче небесный! Умилосердись: люди безжалостны. Позови насъ къ себѣ, Іосифъ! Молись за свое невинное, страдающее дитя, за свою Катерину предъ престоломъ Всевышняго! Милосердіе, или я впаду въ отчаяніе!“ говорила бѣдная мать голосомъ, пронзающимъ сердце. Долго молилась она и плакала, какъ вдругъ раздался голосъ Войтѣха, бѣжавшаго по дорогѣ отъ замка и радостно кричавшаго матери. Мать, взглянувъ на своего ребенка, и замѣтивъ, что онъ закрылъ глазки и дышетъ тише, дала знакъ прибавившемуся Войтѣху, чтобы говорить тише.

Усталый Войтѣхъ подбѣжалъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Ма—ма—маменька!... посмотрите-ка, чтѣ у меня! говорилъ онъ задыхаясь и досталъ изъ одного кармана кусокъ жаркаго, а изъ другаго краюшку хлѣба, бухту, куски мяса и пирожнаго; все это онъ положилъ на колѣна матери, съ

радостью смотря на ея лицо, выражавшее удивленіе.—Вотъ вѣдь вы дивитесь, а постоитъ-ка еще что будетъ; закрой-те глаза, прошу васъ, и не открывайте до той поры, какъ я скажу: ну!

Мать механически исполнила желаніе Войтѣха; онъ досталъ изъ кармана брюкъ бумажку, въ которой былъ завернутъ цванцигеръ, взялъ руку матери, поворотилъ ее ладонью вверхъ, положилъ на нее цванцигеръ и сказалъ тихо: „ну!“ Мать открыла глаза и испугалась, увидя цванцигеръ.

— Господи! Гдѣ ты его взялъ? Куда ты ходилъ? спросила она.

— Я побѣжалъ, мамочка, прямо къ сторожкѣ и всю дорогу молилъ Бога, чтобы встрѣтиться съ добрымъ человекомъ. Прихожу къ воротамъ, а тамъ стоитъ толстый привратникъ и что-то напѣваетъ; слава Богу, подумалъ я, поетъ, такъ на меня не будетъ сердиться, и прошу его пропустить меня въ кухню, говорю, что у пана повара хочу попросить кусокъ чего-нибудь съѣстнаго. „Туда, говоритъ, парень, я не могу пустить ни одного нищаго; да и поваръ едва ли что тебѣ дастъ. Ступай, говоритъ, во дворъ, тамъ скорѣе что-нибудь достанешь!“ Я, говорю, не давно былъ тамъ, и меня стануть бранить, если я опять туда приду. „Вѣдь ты, говоритъ, какой-нибудь бездѣльникъ, и промотаешь все, что ни достанешь?“ Такъ сердито мнѣ говоритъ, что даже мнѣ досадно сдѣлалось. Я ему и сказалъ чей я, сказалъ, что вы съ Иосифомъ больны. Тогда онъ отошелъ и изъ сторожки принесъ мнѣ вотъ эту краюшку хлѣба, и сказалъ, что я могу за такимъ кускомъ ходить хоть каждый день, но только къ нему въ сторожку. Я ужъ хотѣлъ попросить у него крейцеръ на молоко для Иосифа, да посоветился; а когда хотѣлъ ужъ уйти, то къ намъ подошла изъ замка какая-то паничка; привратникъ-то и говоритъ ей: „Нѣтъ ли, панна Кларинька, у васъ поѣсть чего-нибудь этому мальчику?“ И сталъ ей разказывать о тятенькѣ, котораго онъ хорошо зналъ. Панна Кларинька спросила меня о васъ, и когда я все ей разказалъ, то заплакала, принесла мнѣ все это съѣстное и еще цванцигеръ. Она, маменька, должно быть добренькая: сказала мнѣ, что я каждый день въ два часа пополудни могу приходиться въ сторожку, и что панъ Когоуть—этотъ толстый привратникъ-то—будетъ всегда давать на воѣхъ насъ чего-нибудь съѣстнаго, а если, говоритъ, его тамъ не будетъ,

то я ужь узнаю откуда можно будетъ получать кушанье. Потомъ она погладила меня и такъ на меня пріятно посмотрѣла, словно вы, маменька. Вотъ видите, маменька, это мнѣ самъ Богъ послалъ: еще поутру словно что-то шептало мнѣ: ступай въ замокъ.

Мать не отвѣчала ни слова; отложивъ кушанье на траву, она встала на колѣна у креста и молилась; мальчикъ тоже всталъ возлѣ нея на колѣна.

Поблагодаривъ Бога, испославшаго ей благотворителей, она начала дѣлить кушанье, и когда хотѣла лучшіе и большіе куски дать Войтѣху, то онъ ни подѣ какимъ видомъ не хотѣлъ взять ихъ.

— Ахъ, мамочка, говорилъ онъ,—вѣдь у меня крѣпкіе зубы, дайте мнѣ что пожесче; что помягче-то, себѣ возьмите, а эти сласти и бухту дайте Іосифу: онъ будетъ смотрѣть на нихъ, пока я не сбѣгаю за молокомъ.

— Нѣтъ, сначала самъ поѣшь, Іосифъ еще спитъ. Потомъ ты сходишь къ Гайковой; она тутъ не далеко живетъ; она дастъ тебѣ молока, она добрая женщина, и нѣсколько разъ мнѣ давала, но я совѣстилась къ ней ходить: у ней и своихъ заботъ довольно. Подкрѣпись же, Войтѣхъ, а потомъ сходишь. Господи! Чего тутъ нѣтъ! И мать съ сыномъ принялись за лакомыя для нихъ блюда.

Какой-то панъ изъ высшаго класса городскихъ обывателей шелъ мимо ихъ по дорогѣ; увидя мясо въ ихъ рукахъ, онъ подумалъ: „И эти нищіе еще жалуется на голодъ, а между тѣмъ недурно живутъ, еще лучше другихъ, потому что имъ не о чемъ заботиться“.

Мать и сынъ ѣли съ большимъ аппетитомъ.

— Хорошо живутъ господа! сказалъ Войтѣхъ, — и такое кушанье, да еще и лучше, говорятъ, отпускается каждый день и собачкѣ барыниной!

— Такъ что же! У кого чего много, тотъ того и не жалѣетъ.

— Лучше бы бѣднымъ отдали.

— Сытый голоднаго не разумѣетъ. Еслибъ они знали нужду простаго народа, то, навѣрное, отдали бы, а то вѣдь они не знаютъ нашей нужды, мой милый. Какъ опять увидишь ту добрую паничку, скажи ей: если у нея есть какаа-нибудь для меня работа, чтобъ она мнѣ ее дала; если, Богъ дастъ, поправлюсь, то я все на нее буду дѣлать. Господь Богъ ее

за все вознаградить, продолжала мать, откладывая въ узелокъ оставшіеся куски, бухту положила возлѣ маляутки, а крошки положила на муравейникъ.—Пусть и у нихъ будетъ праздникъ!... замѣтила она. Войтѣхъ взялъ бухту и переложилъ ее на платъе, которымъ былъ прикрытъ Иосифъ, чтобы онъ увидалъ ее немедленно по пробужденіи.

— Теперь побѣгу за молокомъ, сказалъ Войтѣхъ,—пусть Иосифъ также порадуетъ; онъ, должно-быть съ голоду, такой печальный, маменька? Ужъ сколько дней, какъ онъ и не засмѣялся ни разу, глядя на меня! И такой блѣдный и холодный!

— А я такъ боюсь, что ему ужъ ничто не поможетъ, сказала печально мать, садясь снова возлѣ маляутки.

— Поможетъ, мамочка, поможетъ; не плачьте, постойте, вотъ все устроится; вѣдь вамъ сказалъ панъ докторъ, что ему это поможетъ. Такъ дайте же цванцигеръ и скажите какъ я долженъ тамъ говорить?

— Вотъ тебѣ цванцигеръ, отдай его пани Гайковой, она дастъ тебѣ зейдль молока и сдачи мелкими; спрячь хорошенько деньги, и скажи ей, черезъ кого ихъ намъ Богъ послалъ.

Войтѣхъ взялъ изъ рукъ матери монету, сунулъ ее въ карманъ и хотѣлъ ужъ отправиться, какъ вдругъ братшка открылъ глаза и усталъ ихъ на Войтѣха.

— Иосифъ! сказалъ Войтѣхъ, и взявъ бухту, хотѣлъ утѣшить брата, но голосъ матери поразилъ ребенка:—Оставь его, сказала она, и положивъ руку на холодное, какъ ледъ, чело дитяти, говорила боязливо:—Иосифъ! Иосифъ! Не узнаешь меня? Дитя мое! Господь съ тобою! Она наклонилась къ его лицу, чтобы онъ видѣлъ ее, но глаза маляутки мало-по-малу сдѣлались неподвижныя, мертвыя. Мать дрожащею рукой коснулась его сердца: сердце, казалось, еще бьется.—Иосифъ! говорила она, всхлипывая:—Иосифъ! говорилъ со слезами Войтѣхъ. Маляутка открылъ уста, какъ будто хотѣлъ улыбнуться, и легонько вздохнулъ, какъ спящая птичка. Это былъ послѣдній его вздохъ.

— Что съ нимъ, маменька? спросилъ испуганный Войтѣхъ.

— Умеръ! сказала мать какимъ-то беззвучнымъ голосомъ, и, осиленная страданіемъ; упала на земь возлѣ трупа маляутки.

IV.

У портнаго Сикоры былъ домишко, безъ поля, пятеро дѣтей,—и ничтожный заработокъ. Когда онъ возвратился домой изъ ремесленнаго странствованія, то имѣлъ столько заказовъ, что едва успѣвалъ удовлетворять многочисленныя требованія; каждый хотѣлъ имѣть платье сшитое по модѣ новымъ портнымъ, только что возвратившимся изъ Вѣны. Сикора имѣлъ уже нѣсколько подмастерьевъ, женился, и дѣла его шли такъ удачно, что онъ скопилъ денеговокъ даже на покупку домика. Но вотъ начали приходять изъ Вѣны другіе подмастерья, дѣлались мастерами, и Сикора отстраивался уже на второй планъ, не потому чтобъ онъ плохо зналъ свое дѣло, а потому что новые мастера высоко поднимали носы, говорили при встрѣчѣ комплименты паничкамъ и разказывали единственно о князьяхъ и графахъ, на которыхъ они работали въ Вѣнѣ. Они принесли съ собою модныя картинки, по которымъ шили, и каждый, дававшій заказъ новому портному, думалъ, что въ новомъ платьѣ онъ будетъ такъ же красивъ, какъ размалеванная кукла на модной картинкѣ. Скоро нѣсколько подмастерьевъ оказались Сикорѣ лишними, а потомъ и ни одного не осталось. Вѣрными закащиками у Сикоры оставалось только нѣсколько стариковъ, привыкшихъ къ просторному платью, сшитому прочно, хоть и не по самой послѣдней модѣ, за что, впрочемъ, не дорого платили; но такихъ закащиковъ было не много, благодаря обилію портныхъ, число которыхъ въ городкѣ восходило до двадцати. Еще къ счастью, что Сикора шилъ на управляющаго въ замкѣ платье для домашняго обихода; праздничный же костюмъ управляющій заказалъ въ Прагѣ сшить по модѣ, но привыкнувъ къ просторному и удобному платью, не могъ ни вагнуться, ни повернуться въ модномъ платьѣ, и Сикора же долженъ былъ передѣлать его по желанію владѣльца такъ, чтобъ оно нигдѣ не тѣснило. Сикора распоролъ сюртукъ и перешилъ, и когда управляющій въ передѣланномъ сюртукѣ повернулся предъ зеркаломъ, поднялъ руки вверхъ, махалъ ими вправо и влево, сгибался и на тотъ бокъ

на другой, и сюртукъ нигдѣ не жалъ, и не доплатъ, то былъ очень доволенъ и сказалъ Сикорѣ: „теперь вотъ въ самую пору мы угодили!“ Онъ заплатилъ Сикорѣ три-четыре гульдена за передѣлку и имѣлъ пражскій сюртукъ, сдѣланный по журналу. Но не такъ часто заказывались новые сюртуки: кто разъ заказалъ сюртукъ, тому онъ долженъ былъ прослужить нѣсколько лѣтъ, а потомъ онъ выворачивался; но за послѣднюю операцію, которая доставляла больше работы нежели шитье новаго сюртука, платили обыкновенно меньше. Поэтому Сикора принужденъ былъ взяться еще за что-нибудь, что доставляло бы ему средства къ жизни. Сикора былъ честный, хорошій человекъ, никого не стѣснялъ онъ въ дѣлѣ работы и потому-то именно не могъ составить себѣ состоянiе. Лично для себя ему немного было нужно, жена его была тоже хорошая, скромная женщина; но дѣтямъ желали они дать хоть какое-нибудь воспитанiе. Сына отдали въ Прагу учиться слесарному мастерству, и Сикора ежегодно къ Св. Яну и Св. Вацлаву отправлялся въ Прагу посмотреть, какъ живетъ и учится его парень; мать посылала ему бѣлье, а отецъ копилъ деньги, чтобы доставить ему что-нибудь изъ платья. Двѣ дѣвочки, двойни, ходили учиться швейному мастерству, чтобы въ послѣдствiи найдти себѣ мѣста, или жить однимъ рукодѣльемъ; двѣнадцатилѣтнiй мальчикъ кончилъ школьный курсъ и предназначался тоже къ какому-нибудь ремеслу, а шестилѣтняя дѣвочка была еще на рукахъ матери. Къ счастью, Сикора работалъ на управляющаго, который и совѣтовалъ ему снять барскiй садъ, находившiйся вѣдъ замкомъ, и когда Сикора, послушавшись его, занялъ для этого денегъ подъ залогъ своего домика, то управляющiй способствовалъ ему въ отдачѣ сада за умѣренную плату. Сикора былъ очень радъ, что его предпрiятiе удалось: вишни обѣщали хорошiй урожай, а равно и другiе плоды, да и вообще всѣ ожидали, что годъ будетъ на все урожайный. Сикора, просыпаясь и засыпая, молилъ Бога спасти садикъ отъ погрома. Подъ замкомъ въ саду онъ выстроилъ караулку, и такъ какъ еще не наступало время снимать и продавать вишни, то Сикора могъ между прочимъ заниматься въ караулкѣ и шитьемъ. Жена или дочери носили ему обѣдъ. На ночь приходилъ къ нему сынъ, чтобы помогать караулить. Отъ креста до сада было недалеко. Сикора, сидя на лавкѣ

предъ караулкою, видѣвъ, какъ тамъ сѣла Караськова дѣтми, видѣвъ, какъ убѣжалъ Войтѣхъ, и слышалъ его достыма восклицанія по возвращеніи. „Бѣдняжка! сказалъ Сикора, вѣрно ему тамъ много подали; ну, да вѣдь тамъ есть изъ чего подать, копа раковъ“ * (это была обычная поговорка Сикоры). Когда онъ увидалъ, что Караськова съ дѣтми молилась, потомъ вѣла, онъ началъ пѣть какую-то духовную пѣснь и продолжалъ свои занятія, не обращая уже на нихъ вниманія. Громкій плачь и крикъ нарушили его спокойствіе; онъ подымавъ голову, посмотрѣвъ по направленію къ кресту и увидѣвъ, что Караськова уже лежитъ на травѣ, а Войтѣхъ плачетъ надъ ней. „Взглянуть бы, что съ ней сдѣлалось!“ сказалъ онъ, и, отложивъ немедленно работу въ сторону, спѣшилъ уже ко кресту. „Что сдѣлалось?“ спрашивалъ онъ еще издали.

— Ахъ, панъ Сикора! У насъ Іосифъ умеръ, отвѣчалъ со слезами мальчикъ.

— Ну, можетъ-быть, еще не умеръ?

— Умеръ: охолодѣвъ и не двигается ни крошки.

— Копы раковъ! вскричалъ портной, смотря на трупъ ребенка, котораго мать еще держала за рученку.

— Ну, пошли вамъ Господи утѣшеніе, Караськова; царство ему небесное, копы раковъ! Лучшаго ему и пожелать нечего. Господь Богъ вамъ же хотѣлъ послать облегченіе; Онъ лучше насъ знаетъ что намъ во благо. Еслибъ у меня всѣ десятиро остались въ живыхъ, копы раковъ, сколько бы теперь хлопотъ-то было! Успокойтесь,—отнесемъ покойничка въ городъ и объявимъ тамъ. А вы подите пока въ садъ. Ты, парень—какъ тебя зовутъ?

— Войтѣхомъ.

— Копы раковъ — Войтѣхъ, у насъ тоже былъ Войтѣхъ; забѣга-ка къ намъ; вѣдь ты знаешь нашъ домъ?

— Знаю.

— Бѣга и скажи, чтобы Доротка и Іоганка сейчасъ сюда пришли, слышишь?

Войтѣхъ бросился бѣжать, взглянувъ сначала на мать, которую приподымавъ Сикора. Она не плакала и не говорила, молча хотѣла нагнуться и взять трупъ ребенка.

— И!... оставьте его, я его донесу! сказалъ Сикора, и взявъ

* Копы — шестьдесятъ штукъ, какъ у южно-Руссовъ.

то съ одѣломъ, пошелъ въ садъ. Караськова шла съ нимъ. скорѣ прибѣгли и дѣвушки съ Войтѣхомъ.

— Останьтесь покуда здѣсь, нужно еще припасти гробикъ покойничку, сбѣгать къ пану доктору, чтобъ онъ осмотрѣлъ его, а потомъ и къ пану каплану. Потомъ и покойничка отнесемъ въ часовню на кладбище.

— Да на что же я все это сдѣлаю? Вѣдь у меня ничего нѣтъ! сказала печально Караськова.

— Да вѣдь у насъ, мамочка, есть цванцигеръ, вотъ онъ! сказалъ Войтѣхъ.

— Оставь его, парень, копа раковъ! Развѣ его достанетъ? сказалъ Сикора. — Богъ дастъ какъ-нибудь все устроимъ. Останьтесь здѣсь; я скоро вернусь.

Онъ ушелъ. Дѣвочки печально смотрѣли на несчастное семейство. Войтѣхъ, взглянувъ на умершаго братишку, горько заплакалъ, а мать не плакала, она повременамъ только прикладывала руку къ сердцу и глубоко вздыхала.

Былъ уже полдень, какъ Сикора возвратился въ садъ; сынъ его, Вавринекъ, шелъ съ нимъ и несъ гробикъ.

— Ну, матушка, теперь все устроено. Гробикъ здѣсь, панъ докторъ зайдетъ сюда взглянуть на покойничка, а панъ капланъ благословитъ. Съ могильщикомъ тоже уладимся.

— Когда же и чѣмъ я отблагодарю васъ? спросила бѣдная мать.

— И!.. вѣдь святой Мартинъ знаетъ, за что подаетъ хламиду! сказалъ съ усмѣшкой добрый портной.

Мать сама переодѣла ребенка и съ помощью дѣвушекъ положила его въ гробикъ. Съ луговъ привесли цвѣтовъ, выложили ими гробикъ и обложили ребенка. Йоганка побѣжала домой за образками, а Доротка, снявъ съ своей шеи мѣдный крестикъ, вложила его въ сложенные рученки дитяти. Мать орошала слезами тѣло своего ребенка, пока его не закрыли гробовою крышкой. Нѣсколько женщинъ и дѣтей приходило съ ваза посмотрѣть на все это, а вечеромъ самъ Сикора отнесъ гробикъ на кладбище въ часовню. Караськова съ Войтѣхомъ шли съ нимъ. На кладбищѣ у стѣны была могила, на которой зеленѣлъ мушкатъ и цвѣла фіалка: это была могила мужа Караськовой. Когда-то, въ счастливую пору ихъ жизни, цвѣты эти украшали ея окна, потому она поставила ихъ на могилу всѣхъ своихъ радостей. Туда направилась бѣдная женщина, оставивъ въ часовнѣ гробикъ,

и осиленная тѣлеснымъ и душевнымъ страданіемъ, пала на земь при могилѣ. Сикора съ Вавринкомъ возвратились въ садъ, а жена Сикоры, пришедшая туда же за мужемъ и сыномъ, подошла къ причитавшей женщинѣ и ласково сказала ей:

— Подите, матушка, подите со мною, отдохните у насъ, вамъ нуженъ покой. Видите тамъ, въ уголкѣ, загородку-то? Это пять моихъ могилочъ, я сама знаю, какво это; но да будетъ Его святая воля! Подите же! Войтѣхъ, возьми-ка маменьку-то за руку.

Войтѣхъ послушался, и Караськова, противъ воли, позволила увести себя съ кладбища на валъ, въ домъ Сикоры. Тотчасъ по ихъ приходѣ жена портнаго сварила къ ужину похлебку. Караськова не могла ѣсть и жаловалась на боль въ желудкѣ.

— Это отъ огорченія; вотъ постоитъ, я вамъ сварю ромашки, и боль уймется. Да вы бы лучше сейчасъ легли.

Караськова исполнила совѣтъ Сикоровой, напилась ромашки; Сикорова въ каморкѣ постлала ей на нарахъ чистую постель, и бѣдная женщина не знала какъ и благодарить Сикорову. Она легла, а Войтѣхъ ѣлъ похлебку и разказывалъ присутствовавшимъ о братишкѣ Іосифѣ, о своемъ пребываніи въ замкѣ и о томъ, что ему тамъ дали.

— Вотъ видишь, парень, чѣмъ хуже, тѣмъ помощь ближе, сказала ему Сикорова.—Вездѣ есть добрые люди, только ихъ надо умѣть сыскать; на дорогѣ ихъ не найдешь. Ночевать вы могли и у меня, еслибы только твоей маменькѣ вздумалось придти ко мнѣ, а я вѣдь сама куда не хожу и ничего не знаю. Ну, да теперь, Богъ дастъ, вамъ будетъ лучше; только было бы вамъ чего перекусить, такъ вы скоро оправитесь.

Утѣшенный Войтѣхъ тоже отправился спать; помолвшись, онъ легъ возлѣ матери на чистую постель и вѣжно прикасая къ ней. Ему очень понравилась постель. Давно уже ему не доводилось спать такъ спокойно: у нихъ не было перивы чтобъ прикрыться, только у Іосифа была жалкая перивка; Войтѣхъ съ матерью ложились спать не раздѣвавшись, отчасти для того что такъ было теплѣе, а отчасти потому что имъ приводилось обыкновенно спать между посторонними людьми. Караськову болѣе всего беспокоило то, что ни утромъ, ни вечеромъ ей нельзя было уединенно помолиться, и приводилось быть всегда на глазахъ у людей.

— Мнѣ больше всего жаль, маменька, что Иосифу не удалось съѣсть ни одного лакомаго куска, изъ того что мы теперь ѣли: онъ, бѣднякѣй, можетъ-быть умереть съ голоду.

— Ужь онъ теперь въ царствѣ небесномъ и намъ съ тобой не завидуетъ, отвѣчала тихо мать. Онъ у тятеньки въ небесахъ; можетъ за собой и маменьку позвать: у него, какъ у тятеньки, былъ правый глазъ открытъ, а это, по замѣчанію, значитъ, что онъ еще кого-нибудь зоветъ за собой.

— Ахъ, маменька, ужь и я съ вами умру: что я буду безъ васъ дѣлать! сказалъ Войтѣхъ со слезами и обнявъ мать, жался къ ней.

— Какъ Богу будетъ угодно, Войтѣхъ. Если я и умру, то Богъ тебя не оставитъ и пошлетъ людей, которые будутъ тебя любить такъ же какъ и я.

— Ахъ, маменька, я не хочу, я хочу умереть вмѣстѣ съ вами: когда вы умрете, то меня никто ужь не будетъ, такъ какъ вы, любить.

— Не говори этого, Войтѣхъ. Не будемъ грѣшить предъ Господомъ Богомъ, я ужь и такъ согрѣшила, просила о смерти. Господь Богъ тебя не оставитъ, если ты Его не забудешь, а когда-нибудь и всѣ въ царствѣ небесномъ свидимся, сказала мать, и поцѣловавъ сына въ лобъ, погладила его по лицу. Но Войтѣхъ не могъ успокоиться, спрашивалъ мать, что у ней болитъ, и когда она сказала, что ей ужь лучше, чтобъ онъ спалъ, онъ все-таки не могъ спать, онъ долженъ былъ разказать, какъ утѣшала его Сикорова, и въ свою очередь хотѣлъ этимъ обрадовать мать; онъ прибавилъ, чтобъ она больше не заботилась, что еще настанутъ для нихъ лучшіе дни, и что и она выздоровѣетъ. Бѣдняжка еще не зналъ, что не всегда то дѣется, на что человекъ надѣется.

Поутру, едва начинало брезжить, Сикора пошелъ разбудить Вавринка, чтобъ онъ всталъ и шелъ караулить вмѣсто него, а самъ, прокарауливъ всю ночь, хотѣлъ лечь спать. Вавринекъ всталъ, и отецъ еще не успѣлъ лечь, какъ изъ города прибѣжала, запыхавшись, Иоганка.

— Тятенька! кричала она издали.—Ступайте скорѣе домой! Караськова у насъ умираетъ, и маменька не знаетъ что дѣлать.

—Кона раковъ! Что тамъ съ ней сдѣлалось? вскричалъ въ испугѣ Сикора, и проворно накинувъ только что снятый

сюртукъ, спѣшилъ съ дочерью домой. Дорогой дочь разказа ему, что въ полночь Войтѣхъ съ плачемъ вбѣжалъ въ свѣтлицу и сказалъ, что маменькѣ очень худо, и что онъ не знаетъ, что такое съ ней, что Сикорова тотчасъ бросилась въ каморку и нашла Караськову уже безъ языка и остывшую, что послала тотчасъ за папомъ каплагомъ, и когда онъ пришелъ, то послала тотчасъ за докторомъ.

— Ну что же сказалъ докторъ? спросилъ съ любопытствомъ портной.

— Что нѣтъ никакой надежды, что съ ней та страшная болѣзнь, которая теперь свирѣпствуетъ.

— Господи помилуй! сказалъ со вздохомъ Сикора. Когда они подошли къ дому, оттуда выходилъ докторъ, въ сопровожденіи Сикоровой.

— Ну какъ теперь, панъ докторъ? спросилъ портной.

— Ужь скончалась, бѣдная! отвѣчала, вмѣсто доктора, Сикорова.

— Отстрадала! Но смотрите же, чтобы трупъ тотчасъ же былъ отнесенъ въ часовню, хорошенько провѣтрите домъ и, если можно, не спите въ каморкѣ нѣсколько ночей. У Караськовой была холера, но вы не бойтесь, прибавилъ докторъ.

— Всѣ мы въ волѣ Божьей, панъ докторъ, сказалъ Сикора.

Въ это время дѣти вышли изъ свѣтлицы, а Войтѣхъ хотѣлъ прокрасться въ каморку, но Сикорова запрещала ему, говоря, что мать его спитъ. Мальчикъ послушался и подошелъ къ доктору, спрашивалъ: „Не умретъ ли маменька?“ Докторъ посмотрѣлъ на него, положилъ руку ему на голову и сказалъ съ состраданіемъ: „Бѣдняжка!“ Мальчикъ, посмотрѣвъ на доктора, потомъ на Сикорову, съ плачемъ и рыданіями бросился въ каморку, сказавъ, что хочетъ видѣть маменьку; но Сикорова схватила его:—Перестань, Войтѣхъ! Радуйся за маменьку, что пришелъ конецъ ея страданіямъ, ужъ ей бы не выздоровѣть. Теперь она на небесахъ. Перестань же, и если будешь меня слушаться такъ же какъ маменьку, то и я тебя буду любить такъ же какъ она, утѣшала его добрая Сикорова.

— Да куда же вы его дѣнете? спросилъ докторъ Сикору.

— Старуха правду сказала—копа раковъ: если пятерыхъ можемъ прокормить, то, Богъ дастъ, и шестаго прокормимъ. Мы его у себя оставимъ, панъ докторъ.

— Прошу васъ, придите ко мнѣ завтра, сказалъ докторъ и почтительно поклонившись портному, отправился домой.

На другой день подъ вечеръ схоронили Караськову и ея ребенка въ одной могилѣ, возлѣ ея мужа. Похороны бѣд-ныхъ проходятъ незамѣтно. Священникъ надъ могилой про читалъ молитву, могильщикъ съ Сикорой опустили гробъ въ могилу, а семейство портнаго и нѣсколько подемщицъ молились на могилѣ. Слово чѣмъ-то провизало сердце Вой-тѣха, когда онъ самъ долженъ былъ бросить первыя три горсти земли на могилу матери и услышалъ глухой звукъ отраженія земли отъ гроба. Онъ съ радостію самъ бросился бы въ могилу и позволилъ бы зарыть себя въ ней вмѣстѣ съ матерью: такъ тяжело было ему разстаться съ ней.

Священникъ и докторъ помогли Сикорѣ справить похоро-ны Караськовой. Кромѣ того, докторъ обѣщаль Сикорѣ еже-мѣсячно давать вспомошествованіе на воспитаніе Войтѣха.

— Я взялъ бы его къ себѣ, да вѣдь я человекъ одинокій и почти никогда не бываю дома; у васъ за нимъ уходъ бу-детъ лучше, говорилъ добрый докторъ, который, несмотря на свое искусство, не нравился городскимъ барынямъ един-ственно потому, что не льстилъ имъ, не цѣловалъ у нихъ ручекъ и каждой высказывалъ въ глаза правду. За это звали его грубіаномъ.

V.

На другой день послѣ похоронъ Караськовой, въ городѣ разнеслась страшная вѣсть: „Здѣсь холера! Кто умеръ? Кто умеръ? Сколько человекъ умерло?“ всѣ спрашивали другъ друга при встрѣчѣ.

— Вчера хоронили Караськову съ ребенкомъ; старуха Шафрайкова вчера была на похоронахъ, а сегодня ужъ на столѣ; а старуха Дорота тоже расхворалась. На дворѣ Заврталовыхъ слегли сегодня двѣ подемщицы. Таковы были бѣсѣды горожанъ. Богатые люди трусили не на шутку.

— Вѣдь я предоказывалъ, говорилъ одинъ панъ изъ выс-шаго класса обывателей другому, — что если эта болѣзнь придетъ къ намъ, то въ этомъ будутъ виноваты эта сво-лочь-подемщицы. Толкуйте имъ что угодно: ни за что не послушаются. Жрутъ все, что имъ попадется; не провѣтри-ваютъ своихъ конуръ; нечистота въ нихъ страшная!... Чего же тутъ ждать добраго?

— Скажешь имъ что-нибудь, ужь сейчасъ же и отвѣтъ: „платите намъ лучше, тогда и жить будемъ лучше“. Дерзкій, продувной народъ! И не стыдятся вѣдь такія вещи прямо въ глаза говорить людямъ. Я дѣлаю что могу, даже и зимой доставляю имъ заработокъ, чтобы не околѣли съ голоду, и вотъ что получаю въ благодарность. Подайте имъ только палецъ, такъ готовы оторвать всю руку.

— Извѣстное дѣло, панъ Чмухалекъ, — сдѣлайте чорту добро, такъ оплатитъ вамъ адомъ! Вѣдь это просто бездонная бочка: сыпь въ нее сколько хочешь, все-таки ея не наполнишь. Да, плохія времена, расходовъ много, а хлѣбъ, вмѣсто того чтобы подниматься, дешевѣетъ. Скверное дѣло! Я разчитывалъ на лучшія цѣны и, кажется, далъ маху.

— Ну, панъ Выдригость, не все же такъ пойдетъ. Мы въ Прагѣ говорили, что цѣны опять скоро начнутъ подниматься. У меня двѣсти корцевъ готовы на продажу, но я тоже жду лучшихъ цѣнъ.

— Да и я надѣюсь. Вчера въ газетахъ было, что въ Будапештѣ округъ все выбило градомъ; пишутъ, что онъ шелъ по чертѣ отъ Праги къ Вѣнѣ. Да теперь еще только начало; авось и еще будетъ.... Только насъ-то сохрани, Господи!

— Да, вся-то жизнь человѣческая проходитъ въ однихъ заботахъ. Пока хлѣбъ на полѣ—боишься за него, а свезутъ съ поля, такъ съ рукъ нейдетъ. Да къ этому еще и та бѣда, что сегодня вечеромъ ляжешь спать, а не знаешь, встанешь ли завтра. Ужь хуже этого ничего не можетъ быть!

— Я уже запасся! сказалъ панъ Выдригость, вынувъ изъ кармана пузырекъ съ каплями.—Человѣкъ долженъ быть на все готовъ. Женѣ тоже сказалъ, чтобы за обѣдомъ не было зелени, чтобы все окуривалось, и вообще чтобы соблюдались всѣ предписанія доктора. Авось и уберемся.

— Только бы не доводилось тереться около этой сволочи; а что станешь дѣлать? Не досмотри, такъ все растащатъ. Еслибы только можно было обойтись безъ этого народа, вѣдь это для насъ наказаніе Божеское! сказалъ со вздохомъ Чмухалекъ.

Если трусила мушкетеры, то о женщинахъ высшего класса и говорить нечего. Ни одна подевица не смѣла перейти порогъ дома; при встрѣчѣ, подевицы уже не допускались и къ ручкамъ паничекъ, которыя, кивая издали головами,

уговаривали ихъ отъ дальнѣйшихъ привѣтствій. Панички соглашались пощенницамъ давать даже похлебку, ежедневно раздавать милостыню, пока продолжается холера, чтобы имъ было чѣмъ подкрѣпляться, и кромѣ всего этого, жертвовали въ церковь. Курильница и укусъ были въ каждомъ домѣ; ромашка, капли, всегда были наготовѣ, а грубиянъ докторъ, безъ поклоновъ и лести, вдругъ сдѣлался пріятнѣйшимъ посетителемъ. Паничкамъ болѣе всего былъ ненавистенъ заупокойный звонъ, и какъ только онъ раздавался, онѣ блѣднѣли и холодъ пробѣгалъ по всемъ ихъ жиламъ. Пани Заврталова хотѣла-было ѣхать въ Прагу, чтобы заказать себѣ платье по послѣднему фасону, пани Опршалкова ужъ было-накопила сто гульденовъ на золотые часы и столько же на золотую цѣпочку. Она была женой перваго ратсгера; пани бургомистерша носила золотые часы съ цѣпочкой, пани Опршалкова еще не имѣла таковыхъ, что, конечно, крайне сокрушало ее, разчитывавшую на первое, послѣ бургомистерши, мѣсто въ городской аристократіи. Итакъ, она намѣревалась съ пани Заврталовою съѣздить въ Прагу и купить тамъ часы и цѣпочку. Пани Немастова хотѣла покупать дочери приданое, и еще двѣ пани хотѣли ѣхать съ ними, одна просто для компаніи, а другая для свиданія съ племянникомъ. Но всѣ эти великолѣпныя планы были разрушены; никому изъ паничекъ не хотѣлось сдѣлать шага изъ дому; даже въ церковь онѣ заглядывали только на минуту, впервыхъ, чтобы не настудить ногъ на холодномъ каменномъ полу, а вовторыхъ, чтобы не встрѣчаться тамъ „со всякимъ народомъ“, который портитъ воздухъ своимъ присутствіемъ.

И только низшій классъ обывателей ни въ чемъ не измѣнилъ своего образа жизни. Они ежедневно благодарили пановъ за зейдъ похлебки, предоставленный имъ, и были очень довольны, если имъ мельникъ за невысокую цѣну уступалъ отруби на кнедлики и лепешки, а лебеду, между тѣмъ, все-таки варили, чтобы хоть чѣмъ-нибудь утолить голодъ. На чью долю доставалось нѣсколько грошей изъ милостыни, отпускаемой деньгами, тотъ имѣлъ для этой суммы десятокъ помѣщеній. При работѣ некогда было думать о смерти, да и вспомянувъ о холерѣ, они не боялись ея: имъ нечего было терять. Когда раздавался заупокойный звонъ, они молились за покойника, повторяя ему „вѣчную память“. Все

мый Турка за работой обыкновенно напѣвалъ свою любимую пѣсню:

„Благо тому, у кого ничего нѣтъ:
Не заботится онъ, куда что спрятать,“

и когда его Андула замѣчала ему, что теперь не до веселья, онъ отвѣчалъ:

— О чемъ же мнѣ печалиться, если Господь Богъ милуетъ меня? При жизни далъ мнѣ тебя, а по смерти дастъ мнѣ царство небесное.

— А ты подумалъ бы, какое теперь время! Вѣдь смерть-то за плечами!

— Ахъ ты глупая! Да развѣ бывало когда-нибудь, чтобы смерть сказывалась прежде чѣмъ придетъ къ людямъ? Живетъ человекъ—не знаетъ долго ли, умретъ—не знаетъ скоро ли, дома или на-полѣ. Поживемъ, отживемъ, свѣта не переживемъ! напѣвалъ Турка своей женѣ, и она въ концѣ концовъ успокоивалась.

Молитва вѣры была для бѣдняковъ единственнымъ лѣкарствомъ. По окончаніи работъ, подъ вечеръ, они сходились вмѣстѣ у креста за мостомъ, пѣли тамъ молитвы, въ которыхъ просили Бога сохранить ихъ отъ внезапной и неожиданной смерти.

Вѣсть о холерѣ тотчасъ долетѣла и до замка. Госпожа фонъ-Шпрингенфельдъ весьма боялась смерти, и тотчасъ велѣла позвать доктора, который долженъ былъ поручиться за ея жизнь, дать ей вѣрное средство отъ холеры и совѣтъ, не лучше ли выѣхать изъ замка. Докторъ, какъ не шарлатанъ, не пустился въ разглагольствованіе, сказалъ, что поѣдетъ ли она, не поѣдетъ ли, все-таки нельзя еще ручаться за жизнь, и что никто не можетъ за это поручиться. Впрочемъ, совѣтовалъ ей менѣе бояться и увѣрялъ, что еще не такъ худо, какъ кажется. Она спрашивала его, вслѣдствіе чего началась эта болѣзнь, и докторъ началъ ей разказывать о житьѣ-бытьѣ бѣднаго люда.

— Пища, жилище, множество иныхъ потребностей съ каждымъ часомъ возвышаются въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ плата за трудъ не увеличивается въ той же пропорціи; такимъ образомъ чѣмъ богаче дѣлается одна часть обывателей, тѣмъ бѣднѣе другая, и слѣдствіемъ нужды и страданій обыкновенно бываетъ моровая язва, которой такъ боятся бога-

тые люди. Почему богачи не открываютъ своихъ житницъ и не продаютъ по умѣренной цѣнѣ хлѣба бѣдному народу, чтобъ онъ могъ возстановить свои силы лучшею пищею? Почему не устроятъ домовъ, гдѣ онъ могъ бы жить за дешевую плату, пользуясь здоровымъ помѣщеніемъ? Почему не устраиваютъ пріютовъ для дѣтей бѣдныхъ обывателей и предоставляютъ ихъ на произволъ судьбы? Почему не устраиваютъ больницъ, чтобы захворавшій бѣднякъ имѣлъ тотчасъ и помощь, и надлежащій надзоръ, и тогда рабочій людъ не умиралъ бы и не калѣчился бы до поры-времени? Зачѣмъ торгуются въ цѣнѣ съ бѣднымъ поденщикомъ и нанимаютъ того, который отъ крайней нужды беретъ дешевле прочихъ? Еслибы на все это обращалось надлежащее вниманіе, то не было бы столько горя, нужды и голоду, не было бы столько болѣзней, не было бы нищенства и, что всего главнѣе, не приводилось бы тогда жаловаться на безправственность народа, которая всегда происходитъ отъ нужды и недостатка образованія.

— Ахъ, докторъ! Что вы говорите! Да вѣдь на все это нужны огромныя суммы! сказала пани фонъ-Шпрингенфельдъ.

— На все это нуженъ, сударыня, только духъ общественности и истинной любви, и гдѣ онѣ встрѣчаются, тамъ нѣтъ ничего невозможнаго, тамъ нѣтъ никакихъ тягостивѣйшихъ пожертвованій. Къ сожалѣнію, у насъ много любви на языкѣ, а въ сердцѣ очень и очень мало!

— Ну, это не совсѣмъ такъ! сказала пани голосомъ, въ которомъ слышалось, что она почти оскорблена, потому что считала свое сердце исполненнымъ любви къ человечеству. Да у ней и дѣйствительно было доброе сердце, но слабое, вслѣдствіе чего она легко увлекалась и добромъ, и зломъ. Нужды она никогда не знала, правды никто ей не говорилъ, никто даже не указалъ ей на истинный путь въ жизни; и не имѣя дѣтей, вслѣдствіе этого вѣчно недовольная, она со всею живостью своего характера отдалась пустой суетности, которая заглушала всѣ ея добрыя качества. — Это неправда! говорила она:— что до меня касается, я охотно выполнила бы всѣ ваши требованія, еслибы только была въ силахъ; я всегда дѣлала для бѣдныхъ все что могла, но прошедшую зиму у насъ столько было по дому расходовъ, что я ничего подобнаго не могу теперь пред-

принять. Что касается до хлѣба, то это на рукахъ управляющаго, и я въ подобныя дѣла не мѣшаюсь. Но вотъ надякъ прѣдетъ мужъ, я съ нимъ переговорю, и мы постараемся, какъ сможемъ, помочь горю. А вотъ пока возьмите и раздайте, по вашему усмотрѣнiю.... Съ этими словами она вынула изъ письменнаго стола два билета по пяти гульденовъ, и подавъ ихъ доктору, наклоненiемъ головы давала знать, что болѣе его не задерживаетъ. Докторъ, поцѣловавъ ея руку, вышелъ и прямо изъ замка направился къ дому Сикоры, отдалъ ему полученныя деньги, на которыя портной долженъ былъ сдѣлать Войтѣху приличное платье и посылать его въ школу.

Наконецъ и панъ возвратился въ замокъ, а съ нимъ наѣхало множество гостей, такихъ же какъ и онъ любителей охоты. Много было шуму и праздниковъ, сѣдовавшихъ одинъ за другимъ, и у пани фонъ-Шпрингенфельдъ стало столько новыхъ хлопотъ, что она совершенно забыла и о бѣдномъ люцѣ, и о холерѣ, и некому, да и некогда было напоминать ей обо всемъ этомъ. Холера еще не трогала высшаго класса общества, умирали только бѣдняки, и одинъ за другимъ потихоньку переселялись на тотъ свѣтъ. И крестины и похороны тихо справляются у бѣднаго люда, а потому-то похороны бѣдяковъ и не беспокоили никого въ замкѣ: въ замкѣ никто не обращалъ вниманiя на то, что дѣлается возлѣ него.

Войтѣхъ былъ вполне счастливъ: портной и жена его держали Войтѣха какъ собственнаго сына, дѣти портнаго дружелюбно обходились съ Войтѣхомъ, который имѣлъ теперь чистое платье, постель и пищу; теперь все было у него, кромѣ матери. Несказанно грустилъ онъ по ней и каждый вечеръ ходилъ помолиться и поплакать на ея могилѣ. Клара сдержала слово, данное Войтѣху: ежедневно въ два часа пополудни онъ получалъ отъ нея кушанье, иногда весьма лакомые куски жаркаго или пирожнаго. Но изъ всего этого онъ не бралъ въ ротъ ни крохи до той поры, пока жена Сикоры, которой онъ все полученное отдавалъ, не раздѣляла поровну между своими дѣтьми, и пока не откладывала въ сторону лучшихъ кусковъ для себя и для мужа. Ей очень нравилось его добросердечiе, и вся семья любила его столько же, сколько онъ всѣхъ ихъ любилъ.

Мать Клары замѣтила, что она дѣлается своимъ столомъ

съ Войтъхомъ и еще выпрашиваетъ для него кое-что у повара, а также привратникъ и нѣкоторые изъ прислуги видѣли, какъ она ходитъ каждый день въ сторожку, но никто не говорилъ объ этомъ, потому что у каждаго много было и своего, и барскаго дѣла. Даже Сара не сдѣлала за Кларой какъ прежде: у ней было много хлопотъ съ барыней, которую она переодѣвала по нѣскольку разъ въ день; да у ней и самой тоже было не мало дѣла, такъ какъ въ замкѣ появилось съ гостями много мужской прислуги, изъ которой Сарѣ желательно было удочить кого-нибудь въ свои сѣти. Вслѣдствіе этого Сара радилась и румянилась, и приглашала нѣкоторыхъ къ себѣ, причемъ она угощала позваннхъ различными *деликатессами*. Клара удалалась Сары, что послѣдней было весьма пріятно, потому что красота Клары бросалась въ глаза мужчинамъ, и при Кларѣ они уже не замѣчали Сары. Клара со всѣми была вѣжлива, но не болѣе, и не обращала вниманія ни на слугъ, ни на пановъ; ей всего пріятнѣе было проводить вечеръ въ комнатѣ матери, или гулять съ ней по саду или по полю, гдѣ ихъ случайно или неслучайно встрѣчалъ всегда писарь Калина и провожалъ до дому.

Посчастливилось, наконецъ, и мамзель Сарѣ: одинъ изъ слугъ, прибывшихъ съ гостями, камердиверъ Жакъ, не то чтобы влюбился въ нее—нѣтъ, а льстилъ ея суетности, чтобы посредствомъ нея добиться своей цѣли. Онъ служилъ у одного барона, но житье его было не такъ-то завидно, какъ служба старика Иосифа въ домѣ пана Скорчодополя; вслѣдствіе чего Жакъ и Сара составили планъ, по которому Жакъ могъ бы втереться въ домъ Скорчодополя и съ мамзель Сарой раздѣлить господство въ домѣ. Мамзель Сара не утаивала трудностей, которыя предстояли къ отстраненію Иосифа, но тѣмъ не менѣе она не отчаивалась и готова была рискнуть всѣмъ, чтобы только Жакъ нашелъ себѣ мѣсто, если не при баринѣ, то, по крайней мѣрѣ, при барынѣ. Таковы были планы мамзель Сары, которые отгѣснили отъ нея всѣ постороннія обстоятельства, въ которыя она когда-то охотно вмѣшивалась, несмотря на то что они вовсе не касались ея; благодаря этимъ планамъ, Сара даже забывала о своемъ любимцѣ Жолькѣ, не навчилась и не играла съ нимъ. Она встрѣчала Клару съ писаремъ, замѣчала ихъ бесѣды уже не съ такимъ гнѣвомъ какъ прежде, и только бро-

сама на нихъ презрительныя взгляды, думая въ это время: „Ты, простота, въ своей холщевой блузѣ, недостойна моего вниманія, да и негодись для меня!“ И действительно, Жакъ круглый годъ не вытѣзалъ изъ чернаго фрака и бѣлаго жилета, а на сухопаромъ тѣлѣ мамзель Сары всегда висѣлъ шеакъ съ головы до ногъ, а на рукахъ блестящаго кольца. Отъ него разило пачулю, а отъ нея mille de fleurs'омъ.

Клаара всегда была одѣта просто, но чисто; на ней не было никакихъ украшеній, но была у ней красота; духами не разило отъ нея, но она выдыхала благоуханіе только своей чистой, здоровой души. У писаря Калины тоже былъ и фракъ, и бѣлый жилетъ, которые ему сдѣлалъ Сикора предъ прїѣздомъ въ замокъ господъ, чтобы представиться имъ въ приличной формѣ. Управляющій совѣтовалъ ему сдѣлать фракъ, эту, какъ говорятъ, всеобщую ливрею большаго свѣта. Но каждый день Калина бродилъ, по хозяйству, въ холщевой блузѣ. Не ходилъ онъ по коврамъ и паркету, зато часто прихаживалъ къ ключницѣ въ юфтенныхъ сапогахъ, и едва вступалъ въ двери, какъ въ комнатѣ уже слышался аромат лѣса или поля. Съ лица его не сходилъ загаръ, какъ у Цыгана, руки его нельзя было назвать ни бѣлыми, ни нѣжными. Но Калина и Клаара могли одѣться въ какую угодно дерюгу, все-таки они нравились бы другъ другу. Калинѣ и Кларѣ не доставало только одного — должности объѣздчика: все остальное пришло бы къ нимъ само собою. Они очень хорошо знали это, хотя еще и не говорили никогда объ этомъ; но съ той поры какъ Калина проклялъ въ сердцахъ и собаченку, чрезъ которую онъ попалъ подъ опалу, и Сару, Клаара начала вздыхать.

Калина надѣялся на пана; управляющій тоже пришелъ на другой день къ пану замолвить доброе слово за писаря, но Сара еще въ первый день прїбытія въ замокъ подстрекнула пани, а пани тотчасъ же пожаловалась пану на то, что неотесанный писарь едва не спровадилъ на тотъ свѣтъ Жольку; и не только неловкимъ былъ въ ея глазахъ Калина, но и злымъ, и глупымъ, и грубымъ. Панъ Скочъдополя терпѣливо выслушалъ ее, но не сказалъ ни слова; пани тоже ничего больше не говорила: привыкнувъ къ тому, что мужъ отстранялъ все, что ей не нравилось, и приближалъ все, что нравилось, она думала и теперь, что сказаннаго ею совершенно достаточно, что не зачѣмъ еще и слова тратить.

Когда на другой день управляющій пришелъ къ пану и просилъ за Калину, панъ сказалъ ему:

— Знаю, любезнѣйшій, что этого мѣста Калина достоинъ больше нежели кто-нибудь другой, и я расположусь къ нему, но имъ недовольна жена, чуть было, говорить, не лишилъ ея Жольки, а потому и не могу теперь обѣщать ему ничего положительнаго,—не желаю домашнихъ неудовольствій.

Управляющій началъ разказывать пану, какъ все было, прибавилъ, что это мамзель Сара подѣйствовала на барыню, и разказалъ обо всемъ откровенно. Панъ Скочъдополя вовсе не былъ на столько глупъ, какъ казался: онъ хорошо зналъ домашніе порядки.

— Ну, пусть Калина останется пока писаремъ, а объѣзчикомъ никто другой кромѣ его не будетъ, а пока пусть все это утихнетъ; понимаете меня?

— Понимаю, сударь. Лошадь не бей, а жены не понукай, если хочешь съ ними быть въ мирѣ, сказалъ съ улыбкой управляющій.

— Какъ разъ угадали, любезнѣйшій! отвѣчалъ панъ Скочъдополя съ улыбкой, потрепавъ по плечу управляющаго. Они понимали другъ друга.

Тѣмъ не менѣе Калина былъ озадаченъ этими дразгами, и еслибъ ему не трудно было разстаться съ Каарой и достать новое мѣсто, онъ тотчасъ же раскланялся бы съ обитателями замка; но управляющій утѣшалъ его словами:—Да потерпите же, Калина: минуется казнь, настанетъ пріязнь. Но эти обѣщанія и утѣшенія мало дѣйствовали на него, и съ пріѣзда пана онъ почти постоянно былъ грустенъ и задумчивъ, и вѣроятно еще надолго не вышелъ бы изъ этого состоянія, еслибы не свершилось событіе, отчасти измѣнившее обстоятельства и Калины, и другихъ обитателей замка.

VI.

Мамзель Сара, какъ выше было сказано, бесѣдуя съ Жакомъ, или погруженная въ размышленія о будущемъ, забывала обо всемъ, даже и о своемъ любимцѣ: теперь у ней былъ другой любимецъ, получше Жольки. Сцена, которую мы хотимъ описать, происходила вскорѣ послѣ пріѣзда пана. День

былъ жаркій, часть общества находилась въ прохладномъ салонѣ въ нижнемъ этажѣ, часть скрывалась въ тѣнистыхъ аллеяхъ сада. Прислуга, по примѣру господъ, частію спала, частію проводила время праздно, частію занималась кто чѣмъ хотѣлъ. Въ комнаткѣ мамзель Сары было прохладно; она занималась шитьемъ, Жакъ сидѣлъ возлѣ нея и игралъ то ея наперсткомъ, то воскомъ, то разстригалъ на мелкіе кусочки лоскутки брошенной матеріи, и нашептывалъ мамзель Сарѣ множество пріятныхъ вещей и нѣжныхъ фразъ, которыя, впрочемъ, вовсе не исходили изъ глубины его сердца. Но мамзель Сара была въ восторгѣ и вѣрила его словамъ, которыя льстили ея суетности и казались ей слаще меда. Лакей привезъ Жолькѣ второй разъ поѣсть—рубленую грудичку фазана, на фарфоровой тарелкѣ. Бывало, Сара сначала осмотритъ, не вчерашнее ли кушанье привесено Жолькѣ, чиста ли тарелка, не попало ли въ мясо косточекъ и т. д., а теперь и не взглянула, и была рада немедленному удаленію лакея, не обратила вниманія даже на то, что онъ, выходя изъ комнаты, не плотно притворилъ за собою двери, не подошла даже къ Жолькѣ, смотрѣвшему на нее и ожидавшему, что она подойдетъ къ нему. Она не трогалась съ мѣста, и собачка начала вѣсть. Жолька, кончивъ свой завтракъ, подошелъ къ Сарѣ и остановился предъ ней: онъ ожидалъ, что она, по обыкновенію, оботретъ ему морду салфеткой, но все было тщетно: она не обратила вниманія и тогда, когда онъ поцарапалъ ее лапкой.

— Поди ты, тварь! Ни минуты съ тобой нѣтъ покоя, проворчала она, и оставивъ одну руку въ рукѣ Жака, другою оттолкнула Жольку.

Жолька началъ ворчать, глаза его засвѣтились, и онъ залѣзъ подъ стулъ, чего съ нимъ никогда еще не случалось, хотя въ послѣднее время ему и оказывалось постоянное невниманіе со стороны мамзель Сары. Съ минуту онъ сидѣлъ подъ стуломъ въ ожиданіи, что его позовутъ; но Сара, не обративъ на него вниманія, нагнулась къ Жаку, желавшему объять ее. Жолька разсердился уже не на шутку, началъ ворчать изъ ревности, вскочилъ на столъ, хотѣлъ спрыгнуть на колѣна къ Сарѣ и лаялъ на Жака. Жакъ сказалъ ему попросту „кушъ“ и столкнулъ его со стола, и Сара не промолвила ни слова, даже не оглянулась на собачку. Пораженный, взбѣшенный такимъ суровымъ обхожденіемъ, Жолька

отряхнулся и тихо крадся подъ стулъ, но черезъ минуту же, замѣтивъ, что его хранительница занята чѣмъ-то другимъ, онъ почувствовалъ страхъ и незамѣтно прокрадся изъ комнаты Сары чрезъ непритворенныя двери. Оставшаяся парочка не замѣтила этого. И вдругъ, спустя четверть часа, изъ сада провесся до комнаты Сары крикъ и шумъ. Услыхали, бросились къ окну, и Сара спросила бѣжавшаго мимо садовника:

— Чтò тамъ случилось?

— Въ саду бѣшеная собака, отвѣчалъ садовникъ и бѣжалъ далѣе.

— Жоли! воскричала Сара, быстро озираясь въ комнату; но Жоли не откликался. Дрожа отъ испуга, она, нагнувшись, смотрѣла подъ стульями, подъ кроватью, осмотрѣла всѣ уголки. Жольки не было, и Жакъ теперь только обратилъ вниманіе Сары на то, что двери не притворены.

— Скорѣе выходите отсюда, чтобы васъ не замѣтили, шептете его, а то все пропало! говорила Сара дрожащимъ голосомъ, выпроваживая своего возлюбленнаго за двери.

Она еще разъ осмотрѣла свою комнату и потомъ бросилась въ остальные на поиски. А между тѣмъ весь замокъ былъ въ тревогѣ. Вездѣ запирали двери; панъ выбѣжалъ на дворъ съ ружьемъ въ рукахъ и кричалъ, чтобы созвали всѣхъ собакъ; привратникъ стоялъ у конуръ своихъ собакъ, тоже съ заряженнымъ ружьемъ; управляющій велѣлъ запереть хлѣвы и привязать собакъ; женщины прятались, а тѣ, которыя были на работѣ, кричали одна другой: „Какъ увидите его, то бѣгите отъ него направо: бѣшеная собака правымъ глазомъ не видитъ!“ Мушны изъ болѣе отважныхъ бѣгали по саду, кто съ палкой, кто съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, кто чтò успѣлъ схватить. Одинъ кричалъ: „Онъ тутъ, въ кустахъ!“— „Нѣтъ“, кричалъ другой, „онъ выбѣжалъ на дворъ!“— „Онъ у замка!“ слышался третій голосъ. Такимъ образомъ, бѣгали туда и сюда въ безпорядкѣ, и только писарь шелъ себѣ возлѣ сада прямо къ мѣстечку.

— Жоли, Жоли!... Привесите мнѣ Жоли! воскричала госпожа фонъ-Шпрингенфельдъ, какъ только услышала крикъ и узнала причину его.

Лакей, привосившій Жолькѣ вѣсть, бросился въ комнату Сары, но тамъ не было ни Жольки, ни Сары: послѣднюю онъ

отыскалъ въ другой комнатѣ, въ смятеніи отыскивающую Жольку.

— Вы виноваты въ этомъ! Вы не притворили двери, и онъ у меня убѣгъ! вскричала Сара, ломая руки.

— Какимъ же это образомъ, мамзель? Вѣдь ужъ съ той минуты, какъ я принесъ ему вѣсть, прошло довольно времени, и вы могли бы замѣтить тутъ ли онъ, еслибы въ то время не думали о чемъ-то другомъ.

— Держите языкъ за зубами—вы виноваты! Еслибы затворили двери, онъ не выбѣгъ бы,—все это вы, вы, вы!...

Лакей хотѣлъ порядкомъ обрѣзать ее, но въ ту минуту вошла пани съ другою дамою, потерявъ терпѣніе въ ожиданіи Жоли.

— Гдѣ Жоли? спросила она отрывисто Сару.

— Извините, сударыня, онъ выбѣжалъ изъ комнаты, но здѣсь гдѣ-нибудь, въ комнатахъ должно быть, я ищу его. Францъ принесъ ему поѣсть, и уходя, не затворилъ двери, чего я не замѣтила. Когда Жоли наѣлся, я ему обтерла ротъ, онъ легъ на свою подушку, а я занялась своей работой. Въ полной увѣренности, что онъ улегся на свою подушкѣ, я и не смотрѣла на него, какъ вдругъ раздался крикъ. Ахъ! я даже говорить не могу отъ испуга—ахъ, мой Жоли! Я вся дрожу, и если чтѣ съ нимъ случится, то и я умру. Она закрыла глаза и ударилась въ слезы. Пани стояла въ смущеніи, и глаза ея перебѣгали отъ Сары къ лакею.

— Сударыня! сказалъ твердымъ голосомъ лакей.—Мамзель лжетъ. Совсѣмъ она не работой занята была: у ней въ то время сидѣлъ камердинеръ баронскій, Жакъ, и еслибы она не была имъ столько занята, то Жолька не убѣжалъ бы, хоть бы двери и были не притворены.... Да ужъ это правда! Хоть вы, мамзель, и гнѣваетесь на меня, но я не позволю напрасно обвинять себя. Только сейчасъ отъ васъ убрался Жакъ, и вы принялись за розыски, сказалъ Францъ, ненавидѣвшій Сару и соображавшій ея планы относительно Жака, такъ какъ она всегда поджигала барыню противъ Франца.

— Безстыдница! сказала пани глухимъ голосомъ, задыхаясь отъ гнѣва, и намѣревалась уже ударить ее, какъ вдругъ Сара выразительно взглянула на нее и быстро переменяивъ свою слезливую физиономію на насмѣшливую, дерзко возразила ей:

— Безстыдница!... Почему бы это, сударыня, желательно знать? Не мѣшало бы прежде это доказать....

Нани была поражена дерзкимъ возраженіемъ Сары: подъявшая рука ея, на которую Сара смотрѣла язвительно улыбаясь, опустилась, и нани способна была только сказать, чтобы Сара сейчасъ же искала собачку, и что если что-нибудь случилось съ Жолькой, то она должна въ ту же минуту убираться изъ дому нани фонъ-Шпрингенфельдъ. Сказавъ это, нани, внѣ себя, опустилась на стулъ, и лакей бросился за стаканомъ воды. Сара перебѣгала изъ комнаты въ комнату: она, конечно, беспокоилась не о барынь и не о Жолькѣ; она думала только о тѣхъ пятистахъ гульденовъ, которые были ассигнованы на собаку, о пятистахъ гульденовъ, идущихъ ей въ пенсію, и о приятной и выгодной жизни въ домѣ госпожи фонъ-Шпрингенфельдъ. А между тѣмъ Жольки какъ не бывало! Это извѣстіе какъ стрѣла пронеслось надъ замкомъ, и каждый искалъ Жольку, позабывъ о бѣшеной собацѣ. „Жолька! Жолька!“ только и слышалось повсюду: искали его и въ кустахъ, и въ прудѣ, и на чердакахъ, и въ печахъ, и въ шкафахъ, потому что „если чортъ захочетъ искутить человѣка, то такъ запрячетъ какую-нибудь вещь, что и самъ Богъ не найдетъ“, какъ увѣрала старуха ключница.

Въ то время какъ въ замкѣ все шло вверхъ дномъ, писарь Калина съ ружьемъ бѣжалъ около сторожки по дорожкѣ ввизъ, около сада, и слышалъ крики: „Бѣшеная собака! Убейте ее! Бѣжить къ городу!“ Калина хотѣлъ броситься за собакой къ городу, но увидалъ Сикору, подававшего знакъ изъ своей караулки, чтобы Калина подошелъ къ нему. Сикора на рукахъ держалъ свою шавку, а возлѣ него стоялъ Войтѣхъ и тоже что-то держалъ на рукахъ.

— Постойте, Сикора, сейчасъ ворочусь, только убью собаку, чтобы какого несчастья не случилось....

— И! панъ Калина! Какъ только она прибѣжитъ въ городъ, такъ Гавель безпремѣнно ее подстрѣлитъ, копа раковъ! подстрѣлитъ!... Подите сюда на словечко! кричалъ Сикора.

Калина подошелъ къ караулкѣ, и Войтѣхъ, выйдя къ нему навстрѣчу, подавалъ ему Жольку.

— Откуда это? спросилъ удивленный Калина, и перевѣсивъ ружье черезъ плечо, взялъ на руки дрожавшую собачку.

— Послалъ я его съ работою къ пану управляющему, а онъ схватилъ ее на дорогѣ, да и боится теперь нести въ замокъ, сказалъ Сикора, указывая на Войтѣха.

— Зачѣмъ же ты, парень, ее схватилъ, и гдѣ ты ее схватилъ?

— Да вѣдь я и не дотронулся бы до нея, панъ Калина, но дѣло было вотъ какъ: какъ я пошелъ отъ пана управляющаго, то встрѣтился съ панной Кларинькой. „Ты, говоритъ, идешь за обѣдомъ,—еще нѣтъ двухъ часовъ.“ А я тотчасъ и говорю гдѣ я былъ. „Пойдемъ, говоритъ, Войтѣхъ, со мной: у меня кое-что для тебя припасено.“ Я съ ней пошелъ къ пани ключницѣ, и тамъ мнѣ дали отличную новую рубашку.

— Да развѣ тебя знаетъ Кларинька? И что это еще за обѣды? спросилъ съ любопытствомъ Калина.

Войтѣхъ молчалъ, не зная, должно ли отвѣчать правду или нѣтъ, но Сикора, увѣренный, что панъ Калина чело-вѣкъ хорошій, сказалъ, что ему можно сказать правду. И Войтѣхъ разказалъ, какъ онъ познакомился съ Кларой и какъ съ той поры она дѣлится съ нимъ своимъ обѣдомъ. Румянецъ разлился по лицу Калины, и онъ, въ восторгѣ, прижалъ Жольку къ сердцу.

— Ну, а какъ же ты Жольку-то схватилъ?

— Вотъ мнѣ Кларинька и сказала, чтобъ я шелъ дорожкой вокругъ замка, что по ней въ полдень никто не ходитъ, а на другихъ дорожкахъ можно встрѣтить кого-нибудь изъ господъ или мамзель Сару, что они меня стали бы непременно разспрашивать, что я дѣлалъ въ замкѣ. Она провела меня около барской кухни и показала мнѣ дорогу. Я и пошелъ этою дорогою, и подъ липами, гдѣ устроены скамьи, присѣлъ на минутку, чтобы посмотрѣть на новую рубашку. Я еще и не развернулъ ея, какъ вдругъ слышу лай; я оглянулся и вижу: стоитъ недалеко отъ меня эта барынина собачка, и ворчитъ и лаетъ на меня. Я испугался, подумалъ, что за собачкой идетъ тотъ злой лакей или та сухопарая мамзель, которая меня съ матерью одинъ разъ изъ сада выгнала, когда мы тамъ барыню хотѣли подождать. Я ужъ поднялся, чтобы бѣжать, а собака-то и цапнулась въ мои брюки. Я глажу ее, а она ворчитъ на меня, а глаза-то у ней такъ и свѣтятся. За ней никто не шелъ, и ошейника-то на ней не было, вотъ посмотрите. Я не зналъ что дѣлать, и бѣжать-то боялся, чтобъ она мнѣ не разорвала брюкъ, да

боялся, чтобы кто-нибудь и не прибѣжалъ за ней. Варугъ, вижу, по дорогѣ, куда я шелъ, бѣжитъ бѣшеная собака; я-то не зналъ, что это бѣшеная собака, и стою себѣ, а Жолька-то пересталъ ворчать и началъ жаться ко мнѣ; да какъ я замѣтилъ, что собака-то бѣжала, опустилъ голову, съ высунутымъ языкомъ, а хвостъ подъ себя подобрала, тутъ я и понялъ, что это бѣшеная собака; схватилъ Жольку и бѣжать.... бѣшеная-то собака и пробѣжала мимо насъ. Я не зналъ что дѣлать! Пустить Жольку одного побоялся, да и въ замокъ-то съ нимъ идти тоже боялся, а тутъ, слышу, кричатъ: „Бѣшеная собака! Бѣшеная собака!“ Я и бросился съ Жолькой къ панъ-тятѣ. Повѣрьте, панъ Калина, если бы я не схватилъ Жольку и не прикрылъ, то бѣшеная собака укусила бы его.

— Этому-то я вѣрю, а дивлюсь тому, что Жолька одинъ бѣгалъ.

Калинѣ пришло на мысль, что теперь ему представилась прекрасный случай спускать благосклонность барыни: ему стоило только сказать, что онъ спасъ Жольку, тѣмъ болѣе что мальчикъ отдавалъ же ему собачку; но эта мысль въ ту же минуту оставила его.

— Пойдемъ, парень, со мной, сказалъ онъ Войтѣху, — понесемъ Жольку къ барынѣ, его тамъ, чай, ужъ ищутъ. Не бойся ничего; тамъ еще наградятъ тебя. Я расскажу все, какъ было.

Сикора подтвердилъ слова Калины, и Войтѣхъ отправился. Въ ту минуту со стороны городка раздался выстрѣлъ.

— Вѣдь я говорилъ! Ужъ она убита! Это Гавель выпалъ, копа раковъ, онъ отличный стрѣлокъ! сказалъ Сикора.

Итакъ Калина съ Войтѣхомъ отправились въ замокъ. Тамъ шла страшная суматоха, и гости бѣгали по саду изъ желанія найдти Жольку и тѣмъ доставить удовольствіе хозяйкѣ; панъ Скочъдополя былъ въ комнатѣ у жены и утѣшалъ ее.

— Пусть требуютъ что угодно! Все будетъ сдѣлано для того, кто мнѣ принесетъ Жольку! говорила она разстроеннымъ голосомъ, и въ ту минуту лакей отворилъ двери и сказалъ:

— Писарь Калина принесъ мусье Жоли.

Онъ не смѣлъ сказать просто Жоли, и прибавилъ титулъ мусье, которымъ награждали иногда Жольку и барыня и

камеристка. Панъ Скоцьдополя раскохотался, и обрадовался, что находка Жольки не будетъ стоить цѣлаго состоянія, сказалъ жевъ:

— Смотри же, сдержи и передъ писаремъ свое слово.

Калина и Войтѣхъ вошли въ комнату, а за нимъ и нѣкоторые изъ гостей съ желаніемъ узнать развязку событія, доставлявшаго имъ большое развлеченіе.

— Жоли, мой Жоли! вскричала пани, открывая собакъ свои объятія.

Жолька, услышавъ ея голосъ, хотѣлъ спрыгнуть съ рукъ Калины, но послѣдній, вспомнивъ какія послѣдствія имѣлъ тоже своего рода скачокъ Жольки, не пустилъ его и осторожно положилъ на ковшна барыни.

— Гдѣ вы, Калина, нашли его? спросилъ панъ.

— Не я, сударь, нашелъ его, а вотъ этотъ мальчикъ мнѣ его отдалъ, потому что онъ и боялся и стыдился идти въ замокъ, отвѣчалъ Калина, и потомъ разказалъ, какъ Войтѣхъ, остановившись подъ липами близъ замка, столкнулся съ Жолькой, и какъ предохранилъ его отъ бѣды. Калина не упоминалъ, впрочемъ, ни слова о Кларѣ.

— Чей это мальчикъ? спросилъ панъ.

— Онъ сирота; мать его за двѣ недѣли предъ этимъ первая умерла холерой, и его принялъ къ себѣ въ семью портной Сикора. У него у самого пятеро дѣтей, но онъ добрый человекъ, хоть и бѣдный.

— Какая глупость: при бѣдности, имѣя на шеѣ пятерыхъ дѣтей, взять еще мальчика! сказалъ по-французски кто-то изъ гостей.

Панъ Скоцьдополя подошелъ къ мальчику, взялъ его за подбородокъ, и смотря съ удовольствіемъ на его красивое, зардѣвшееся личико, сказалъ по-нѣмецки:

— Славный мальчикъ!

— Вотъ прекрасный экземпляръ грума! Еслибъ я былъ увѣренъ, что онъ ко мнѣ пойдетъ, сейчасъ же бы взялъ его къ себѣ. Есть у меня одинъ такой мальчуганъ, да страшный негодай, замѣтилъ графъ Россиньоль.

Эти слова тотчасъ же подѣйствовали на пани. Она хотѣла-было наградить чѣмъ-нибудь мальчика, и теперь вдругъ у ней блеснула мысль о наградахъ высшей степени.

— Чтò же ты дѣлаешь у своихъ воспитателей? спросила вдругъ пани.

— Паяъ-тятя заставляетъ меня ходить въ школу; кромѣ того, я помогаю караулить садъ, собираю вишни и дѣлаю все, что велятъ, отвѣчалъ Войтѣхъ, не зная куда дѣвать свои глаза.

— Я думаю, что ни твои воспитатели, ни ты, не посердишься, еслибъ я взяла тебя въ замокъ? сказала пани.

— А вотъ что скажетъ паяъ-тятя, отвѣчалъ простодушно мальчикъ.

— Такъ спроси его и завтра приди сюда. А васъ, паяъ Калина, благодарю, замѣтила пани, давая тѣмъ знать писарю, что ихъ аудіенція кончилась. Калина поцѣловалъ у барыни руку, поклонился обществу и вышелъ съ Войтѣхомъ, не зная въ какую сторону, въ хорошую или дурную, принять привѣтливость барыни.

По уходѣ ихъ, пани тотчасъ велѣла вымыть Жольку и дать ему порошокъ; она и сама потомъ приняла порошокъ послѣ столькихъ тревоженій.

Это событіе повлекло за собой множество послѣдствій. На другой день паяъ призвалъ къ себѣ управляющаго. Прежде всего сказалъ ему, что барыни угодно, чтобы весь паркъ былъ обнесенъ заборомъ, для того чтобы въ послѣдствіи не беспокоиться такъ о своемъ любимцѣ.

— Велите привезти лѣсу, условьтесь съ рабочими, чтобы какъ можно скорѣе около всего парка сдѣлали заборъ. Щепы пусть возьмутъ себѣ бѣднѣйшіе люди, понимаете? Да еще докторъ мнѣ говорилъ, что между окрестными обывателями очень велика бѣдность; такъ какъ хлѣба въ запасъ довольно, то велите смолоть ржи и пшеницы, и раздѣлите, какъ знаете, между дѣйствительно бѣднѣйшими людьми; можете прибавить къ этому еще гороху. Я знаю, что вы хорошій человекъ, и потому полагаюсь во всемъ на васъ; дѣлайте все это безъ всякаго шума. Не забудьте портнаго Сикору. А эту бумагу передайте Калинѣ.

Управляющій не зналъ, во снѣ или на яву слышитъ онъ это; не понималъ, что сдѣлалось съ паномъ; хотя онъ и зналъ, что у пана доброе сердце, что онъ добрѣе пани, но тѣмъ не менѣе онъ никогда не беспокоился о бѣдномъ людѣ, сытъ онъ или голоденъ, а тутъ вдругъ проявилось такое великодушіе. Управляющій не могъ догадаться, что паяъ чувствовалъ себя приниженымъ въ сравненіи съ портнымъ Сикорой и хотѣлъ хоть отчасти выполнить и свою обязан-

ность. У пани то же было на умѣ, когда докторъ говорилъ ей о нуждѣ низшаго класса обывателей, но потомъ въ чадѣ удовольствій она забыла обо всемъ. Бумага, данная паномъ управляющему для передачи Калинѣ, заключала въ себѣ назначеніе Калины объѣздчикомъ. Калина хотя и обрадовался этому, но все-таки не могъ не сказать, что прискорбно получить повышение не по своимъ заслугамъ, а по протекціи собаченки.

— Эхъ, человѣче, человѣче! Кто бы не привелъ коня, радуйтесь, что онъ у васъ въ стойлѣ; все-таки это лучше чѣмъ стоя воробьевъ на крышѣ, сказалъ ему управляющій.

И Калина, согласившись со старикомъ, надѣлъ на себя черный фракъ и отправился благодарить господъ. Потомъ прямо отправился къ ключницѣ, чтобъ окончательно убѣдиться, смѣетъ ли онъ вполнѣ разчитывать на свое счастье или нѣтъ. Когда черезъ часъ онъ возвращался домой, то свѣтъ казался ему въ радужныхъ краскахъ и онъ готовъ былъ цѣловать каждаго встрѣчнаго и поперечнаго; да и Клара словно просвѣтлѣла: глаза ея искрились, на устахъ играла улыбка счастья, а старуха ключница въ тотъ день ни съ того, ни съ сего нѣсколько разъ принималась плакать. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Калина назначенъ объѣздчикомъ, всѣ уже безпокоились о томъ, на комъ онъ женится; но тѣ, кого это касалось, не сказали никому ни слова и хранили это въ тайнѣ до поры до времени, по желанію Клары.

На другой день Сикора съ Войтѣхомъ пришли въ замокъ и были допущены къ пани. Еще разъ пани осмотрѣла мальчика и спрашивала Сикору о его судьбѣ, а равно и о томъ, здоровъ ли онъ.

— Правда, сударыня, онъ слабъ, да иначе и быть не можетъ съ дурной пищи, но теперь онъ немного поправился и Богъ дастъ выйдетъ изъ него молодецъ, отвѣчалъ портной, съ удовольствіемъ поглядывая на своего воспитанника и обращая вниманіе на свою рѣчь, такъ какъ жена его напомнила ему, чтобъ онъ хоть передъ барыней-то не упоминалъ о своихъ „ракахъ“.

Госпожа фонъ-Шпрингенфельдъ осталась довольна и сказала портному, что возьметъ Войтѣха въ замокъ; она была увѣрена, что они и невѣсть какъ обрадуются этому, но ни тотъ, ни другой не радовались. Сикора полюбилъ Войтѣха,

да и Войтѣхъ любилъ семью Сикоры больше всѣхъ на свѣтѣ. Портной думалъ, что барыня хочетъ отдать мальчика въ ученье, и потому сдерживалъ свои чувства и благодарилъ ее за благодареніе и поздравлялъ мальчика съ такимъ счастьемъ. Но Войтѣхъ не могъ сдержатъ слезъ и съ радостію возвратился бы въ семью Сикоры. Страданія и нужда преждевременно придали ему разсудительность, и поэтому онъ понималъ, что не хорошо было бы остаться бременемъ для семьи бѣднаго портнаго, когда богатые люди принимаютъ участіе въ судьбѣ его.

Павъ Скоцьдополя не хотѣлъ, чтобы жена его сдѣлала изъ мальчика обезьяну, но она непремѣнно хотѣла какъ можно скорѣе имѣть маленькаго грума въ ливрѣ, по образцу, предложенному однимъ изъ ея знакомыхъ. Сикора досталъ такой образецъ и долженъ былъ торопиться съ работой. Когда мальчикъ былъ одѣтъ въ новый костюмъ, то ударила въ слезы: ему стыдно было показаться на глаза людямъ въ бѣлыхъ чулкахъ, во фракѣ выложенномъ галуномъ и коротенькихъ бархатныхъ брюкахъ. Ему казалось, что онъ все не Войтѣхъ Карасекъ, неловко ему было ни ходить, ни повертываться. Ему казалось, что и самые волосы уже не тѣ, которые приглаживала ему мать; его подстригли, и ко всему этому дали ему новое имя Альбертъ.

Сикора тоже думалъ, что не такова будетъ участь Войтѣха, ему не нравилось его настоящее положеніе, но онъ молчалъ, да и что же могъ онъ говорить противъ господъ? Онъ увѣщевалъ Войтѣха, чтобъ этотъ послѣдній былъ послушенъ, вѣренъ, скроменъ, чтобы ни въ чемъ не посрамился.

— Еслибы тебѣ вздумалось, говорилъ онъ,—чему-нибудь еще выучиться и въ тебѣ никто не принялъ бы участія, то приди ко мнѣ, копа раковъ, я буду для тебя отцомъ.

И мальчикъ со слезами все обѣщалъ Сикорѣ.

Доктору тоже не совсѣмъ понравилась должность мальчика въ замкѣ: онъ вовсе не того желалъ Войтѣху, но все-таки молчалъ объ этомъ до той поры, пока не наступила благопріятная для того мигута.

На попеченіе Войтѣха былъ отданъ Жолька; сама барыня дала словесную инструкцію, какъ и что съ нимъ дѣлать; и такъ какъ Жолька скоро привыкъ къ Войтѣху, то ему была отведена особая комнатка, чтобъ они не разставались и ночью. Кромѣ этого занятія, на обязанности Войтѣха

лежало: при столѣ стоять за стуломъ барыни; носить ея рачочій ящикъ или корзинку, если ей угодно было работать въ саду; нести за ней молитвенникъ, если она шла въ церковь; словомъ, къ его обязанностямъ относились всѣ тѣ мелкія услуги, къ которымъ мадеврскій пажемъ способенъ и ловчѣе взрослога человѣка. Войтѣхъ слушался всего, что ему было сказано, и былъ довольно шустримъ пажемъ; но въ своемъ обыкновенномъ платьѣ и съ своимъ настоящимъ именемъ, онъ былъ бы еще ловчѣе и проворнѣе. Его невольная турнюра, вслѣдствіе непривычки къ ливрею, казалась гостямъ весьма комичною; но барыня не бранила его, ей доставляло удовольствіе уже то, что она съ своимъ маленькимъ пажемъ будетъ постоянно производить фуроръ въ столицѣ.

Ну, а какъ Сара? Какъ она перенесла разлуку съ своимъ любимцемъ, Жолькой? Она никому не сказала какъ это больно ей, напротивъ, всѣмъ, кромѣ барыни, показывала видъ, что теперь съ плечъ ея спало тяжкое бремя. Еслибъ ея мѣсто не приносило ей такой пользы и не обѣщало еще большаго, то она откланялась бы барынѣ; но тутъ дѣло шло объ ея будущности, почему она покорилась барынѣ и смиренно несла ея кару. Да и барыня, думая, что въ лицѣ Сары владѣетъ невоснаградимымъ сокровищемъ—отличною камеристкой, пересидела свой гнѣвъ и простила ея невнимательность къ своему любимцу, Жолькѣ; и когда передала его на попеченіе Войтѣха, то говорила, что дѣлаетъ единственно для того, чтобы Жоли имѣлъ больше развлеченія, что мальчикъ можетъ съ нимъ играть цѣлый день, между тѣмъ какъ у Сары не достаетъ на это времени. Мамзель Сара въ свою очередь говорила барынѣ, что ей, конечно, будетъ скучно безъ Жольки, но что она заслужила такое наказаніе и должна быть всѣмъ довольна. Черезъ нѣсколько дней, причесывая барыню,—при чемъ она обыкновенно сообщала ей всѣ сплетни и новости,—призналась она, что весьма приятно ей бывать съ камердиверомъ Жакомъ, что онъ единственный мушкетеръ, котораго она могла бы полюбить, потому что онъ приличный, образованный человѣкъ и можетъ быть истиннымъ украшеніемъ дома, въ которомъ служить. Она говорила при томъ, что онъ былъ и при императорскомъ дворѣ, но что его господина, принца, умеръ, и что тогда взялъ его къ себѣ баронъ, бывшій компаньйономъ принца; что и

у барона ему жить очень хорошо, потому что весь домъ въ его рукахъ, и что баронъ не отпустилъ бы его ни за какія блага.

— Еслибы такія достоинства и такой же вкусъ во всемъ имѣлъ вашъ, сударыня, Францъ или Иосифъ?... Впрочемъ, вѣдь тутъ нѣтъ ничего и удивительнаго: Жакъ служилъ при дворѣ! замѣтила Сара.

— Ужели Жакъ и дѣйствительно не отошелъ бы отъ барона? спросила пани.

Знала Сара съ кѣмъ и что говорила.

— Я думаю, что онъ сдѣлалъ бы это только подъ однимъ условіемъ... Жакъ имѣетъ и то достоинство, что совершенно преданъ своему пану, но встрѣчаются люди, къ которымъ человѣкъ чувствуетъ еще большую склонность. Графиня тоже хотѣла переманить его къ себѣ, и я еще тогда слышала о его достоинствахъ, хотя мы вовсе не знали другъ друга, но онъ къ ней не пошелъ. Но теперь онъ говорилъ мнѣ, что еслибы тогда еще онъ узналъ меня, то для меня сдѣлалъ бы это. Конечно, вообще не слѣдуетъ вѣрять мужчинамъ, но ему, кажется, я могла бы повѣрить....

— Такъ ты думаешь, что онъ для тебя и къ намъ перешелъ бы?

— Да вѣдь ваша милость не думаете брать его, потому что Иосифъ человѣкъ хорошій, а Франца отъ барина никто не оторветъ; онъ уже не одинъ разъ говорилъ, что его съ баринкомъ никто не разлучитъ, хоть бы на головахъ для этого ходили. Но я думаю, что еслибъ этому случиться и еслибъ я чего-нибудь потребовала отъ Жака, то онъ многое бы сдѣлалъ для меня, такъ какъ ему извѣстно, что мнѣ не легко разстаться съ вашею милостію.

— Какъ видно, ему хочется сманить тебя! сказала, улыбаясь, пани.

Сара прищурила глаза, словно застыдилась, пожемавилась съ минутой и прошептала:

— Онъ очень радъ бы былъ, еслибъ я вышла за него замужъ.

Въ тотъ же самый день Жакъ замѣтилъ, что при встрѣчѣ съ нимъ г-жа фонъ-Шпрингенфельдъ бросила на него внимательный взглядъ; ея лакей Иосифъ получилъ нѣсколько лишнихъ выговоровъ, и пану Сандооля пришлось услышать отъ жены, что у ней какая-то антипатія къ мужнину

камердинеру Францу, что это какое-то неотесанное созданіе.

— Милая Катерина!

— Не знаю, перебила пани,—какъ это ты не можешь отвыкнуть называть меня просто Катериной: вѣдь это такъ тривіально!

— Ты ошибаешься, пани; такъ долженъ былъ Скоцьдополя называть жену свою въ обществѣ: у большахъ людей въ обыкновеніи называть цѣлымъ именемъ, звучно ли оно или нѣтъ. Вѣдь и императрицы назывались: Елизавета, Катерина, а не Бѣтущка, не Лизанька, не Катенька, Каттривъ, или Saton, или Satot, какъ тебѣ нравится. Еслибъ я называлъ тебя по-просту, то звалъ бы Каченкой или Качичкой. Но въ обществѣ я тебя такъ никогда не назову; когда же мы бываемъ вдвоемъ, то мнѣ очень пріятно звать тебя по старому.

— Чтѣ было, то прошло; теперь мы должны такъ держать себя, чтобы не быть посмѣшищемъ своего сословія.

— Пани! вѣдь ты знаешь, что, по условію, каждый изъ насъ отвѣчаетъ за себя; я тебѣ предоставилъ полную свободу, предоставь же и мнѣ. Я доставляю себѣ развлечения по своему вкусу, а ты по своему. Я ни въ чемъ не мѣшаю тебѣ, удовлетворяю всѣ твои желанія, чтобы тебѣ не на что было жаловаться; но и ты не вмѣшивайся въ мои дѣла. Мой Францъ на столько по мнѣ, что лучшаго никого я не желаю. Онъ старый слуга, служить намъ уже давно, какъ тебѣ извѣстно, и такъ какъ прежде у тебя не было къ нему антипатіи, то, думаю, что и сегодня тоже пройдетъ. Послѣ обѣда вѣдь ты будешь опять въ хорошемъ расположеніи духа!... прибавилъ Скоцьдополя съ усмѣшкой.

Оскорбленная пани повернулась и ушла, зная, что дальнѣйшая бесѣда не повела бы къ добру. Впрочемъ, она не отказалась отъ своихъ предначертаній хоть бы для того, чтобы глупый камердинеръ не считалъ себя застрахованнымъ отъ ея вліянія.

Войтѣхъ скоро подружился съ Жолькой; онъ былъ еще дитя и охотно игралъ съ собачкой; собачка тоже была не прочь поиграть, и они полюбили другъ друга. Относительно Жольки Войтѣхъ во всемъ поступалъ по предписанію барыни, отдавалъ собачкѣ все назначенное для нея; но давая ей ѣсть, укладывавая ее спать, соображая о всѣхъ расходахъ,

назначенныхъ для собаки, онъ думалъ всегда про себя: „Господи! Еслибы все это было у моей маменьки и Иосифа, они, можетъ-быть, не умерли бы!“ Въ эти минуты ему всегда хотѣлось плакать. Войтѣха содержали хорошо, и на просьбу свою отдавать остатки своего обѣда дѣтямъ Сикоры, онъ получилъ разрѣшеніе барыни, что доставило ему большое удовольствіе. Пани не говорила съ нимъ, исключая только извѣстныхъ приказаній; панъ былъ привѣтливъ, но тоже говорилъ мало; остальные, и паны и прислуга, или смѣялись надъ нимъ, или не обращали на него вниманія; мамзель Сара оказывала ему внимательность и сочувствіе, но онъ ея боялся и никогда не говорилъ съ ней. Только Клара съ матерью были его ангелами-хранителями въ замкѣ, они звали его настоящимъ именемъ „Войтѣхъ“, и когда Клара взглядывала на него, сердце его всегда начинало биться сильнѣе: ея взглядъ напоминалъ ему взглядъ матери. Съ Калиной онъ тоже иногда бесѣдовалъ въ комнатѣ ключницы, потому что Калина еще не жилъ въ своемъ домѣ, куда долженъ былъ перейти только осенью. Но всего пріятнѣе было для него иногда вечеркомъ обѣгать на минуту къ Сикоровымъ: это была его семья. Дѣти Сикоры радушно встрѣчали его; онъ долженъ былъ рассказывать имъ о своемъ житьѣ-бытьѣ; Анивка, младшая изъ дѣтей, внимательно разсматривала блестящія пуговицы на его фракѣ, мать спрашивала, каково идетъ хозяйство въ замкѣ, а отецъ всегда напоминалъ ему, чтобъ онъ хорошо велъ себя. Горожане, вида Войтѣха, говаривали обыкновенно: „Посмотрите, какое счастье нищему-то!“

Докторъ, часто ходившій въ замокъ, при встрѣчѣ съ Войтѣхомъ, спрашивалъ, какъ идутъ его дѣла, здоровъ ли онъ, напоминалъ ему, что слѣдуетъ вести себя хорошо, и обыкновенно гладилъ по головѣ. Войтѣхъ замѣтно дѣлался здоровѣе, сильнѣе и красивѣе; желтый, болѣзненный цвѣтъ сошелъ съ лица его; во всемъ остальномъ онъ былъ тѣмъ же добрымъ мальчикомъ, какимъ былъ и прежде, не обращалъ вниманія на то, что творилось вокругъ него, да и не умѣлъ еще хорошо обсудить это; и когда пани не спрашивала къ себѣ ни Войтѣха, ни Жольку, они обыкновенно были въ комнатѣ, и Войтѣхъ охотно что-нибудь рассказывалъ Жолькѣ, какъ нѣкогда братцу Иосифу, прибавая всегда: „Ну, да что ты, пріятель, тутъ разумѣешь: вѣдь ты живешь какъ

пань, ты вѣдь ничего не смыслишь," и Жолька обращалъ къ нему свои умные глаза и выслушивалъ его, какъ когда-то выслушивалъ его маленькій его братишка, Иосифъ.

VII.

Недѣли три прошло съ той поры, какъ Войтъхъ попалъ въ замокъ. Городскія панички еще не готовили зелени, не кушали плодовъ и окуривались; а бѣдняки уже переставали умирать холерой. Они перестали готовить себѣ приварокъ изъ лебеды, которая была замѣнена горохомъ и мукой, и превозносили господъ за доброту, а равно и управляющаго. Когда плотники принялись отесывать деревья, то управляющій далъ знать объ этомъ бѣднякамъ. Не мало народу сбѣжалось туда, пришли даже и зажиточные люди изъ городка, въ надеждѣ купить щепы, одинъ у другаго старались перекупить ихъ, думали подмазать и управляющаго; но когда управляющій сказалъ, что это напрасно, что щепы пойдутъ только однимъ бѣднякамъ, то зажиточные люди разбрелись, разсуждая о томъ, что эту сволочь только портятъ подобными благодѣянiями, что поощряютъ только ея дѣлность и грубость, и что придетъ время, увидятъ, какъ она за это отблагодаритъ. Многие изъ зажиточнѣйшихъ обывателей отправили за щепами слуганокъ, рассчитывая обмануть управляющаго, но онъ былъ старый воробей и не поддавался на эту штуку; равно онъ не допустилъ себя обмануть и при раздачѣ муки, какъ обыкновенно бываетъ: онъ не руководствовался при этомъ протекціей бургомистра или другихъ властей; вѣтъ, онъ самъ ходилъ всюду, чтобъ удостовѣриться въ дѣйствительной нуждѣ, или посылалъ Калину. Въ этомъ дѣлѣ онъ поступалъ добросовѣстно, а потому вспомошествованіе шло именно туда, гдѣ оно было необходимо. Еслибъ управляющій захотѣлъ, то могъ бы, въ качествѣ уполномоченнаго раздавателя милостыни, порядочно пожитья и свискать себѣ расположеніе нѣкоторыхъ личностей. Одинъ господинъ,—да и господинъ, причиславшій себя къ высшему классу въ обществѣ, онъ служилъ чѣмъ-то при ратушѣ,—порядочно отругалъ управляющаго, высчитавъ до послѣдняго гроша, сколько могъ бы онъ положить себѣ въ карманъ при

вышереченной операци. Этотъ господинъ по собственно-му опыту зналъ такіа дѣла; онъ бывалъ исполнителемъ подобныхъ дѣлъ милосердія; у него тоже приготовлялся супъ, румфордскій какой-то, которымъ снабжался бѣдный людъ. Этотъ румфордскій супъ имѣлъ три подраздѣленія. Въ меньшемъ котелкѣ онъ былъ густъ, крѣпокъ, обидовалъ мясомъ и рисомъ, въ среднемъ тоже еще порядочный супъ, а въ большомъ котлѣ были обрѣзки, хрящи и всякая всячина; и вотъ когда этотъ господинъ въ полдень заходилъ попробовать супъ изъ котла, то говаривалъ своей женѣ: „Очень хорошъ еще для этой сволочи, лучшаго и не нужно, а то пожалуй облопаются;“ затѣмъ онъ всегда бралъ женщинъ, приходившихъ за супомъ, если онѣ приносили съ собой горшечки, превосходшіе объемомъ обыкновенный зейдль. „Что вы приходите съ такими жбанамі?“ говорилъ онъ. „Вы думаете, что мы супъ-то варимъ ушатами? Этотъ супъ крѣпокъ, какъ мальвазія, и ложка его согрѣваетъ больше чѣмъ полная тарелка другаго какого-нибудь супа; а вы получаете дѣлый зейдль!“ За женщинами, получившими свои порціи, приходили дѣти различнаго возраста, большія и малыя, парни и дѣвушки съ горшечками, и обращались къ господину или его супругѣ, титулуя ихъ дядюшкой и тетюшкой, и получали супъ уже изъ котла средней величины, то-есть супъ лучшаго, сравнительно съ предыдущимъ, качества. Наконецъ, когда уже весь супъ изъ обоихъ котловъ былъ розданъ, оставался котелокъ самаго крѣпкаго супа, и къ этой мальвазіи присаживалась семья господина раздавателя; супъ всѣмъ нравился, а за нимъ появлялось и мясо и еще что-нибудь изъ остатковъ отъ знаменитаго румфордскаго супа. Но старая пословица говоритъ: „не можешь ковать—не дыми!“ а потому, оставивъ окрестности замка, перейдемъ въ самый замокъ.

Тамъ ѣли, пили, спали, играли, зѣвали, и все это называлось „умѣняемъ жить“. Когда подъ вечерокъ раздавалась въ паркѣ музыка, когда яркій свѣтъ показывался въ окнахъ замка, внизу, подъ замкомъ, добродушный народъ говорилъ обыкновенно: „Господи! тамъ на верху не житье, а рай!“ И что только человѣку на землѣ не кажется раемъ!

Былъ жаркій лѣтній день. Господа веселились на дачѣ, отстоящей на часъ пути отъ замка. Въ березовой рошѣ была разбита палатка, гдѣ предполагался обѣдъ въ три часа,

а вечеромъ общество располагало возвратиться въ замокъ на лодкахъ. Для дамъ были приготовлены особенныя двѣ гондолы; впрочемъ тамъ были и экипажи, еслибы дамамъ не заблагоразсудилось возвращаться водой. Общество сопровождали мужская прислуга изъ замка и нѣсколько постороннихъ слугъ; но Жакъ остался въ замкѣ вмѣстѣ съ камердинеромъ барыни, Иосифомъ, а равно и женская прислуга. Мамзель Сара очень рада была остаться въ этотъ день дома; а чтобы не испортилъ кто-нибудь ея вечерняго времяпрепровожденія, она сказала не совѣтъ здоровою, и осталась послѣ обѣда, часа въ четыре, въ своей комнатѣ. Клара, кончивъ работу, отправилась къ матери; съ ней пошелъ и Войтъхъ съ ввѣренными ему Жюли, потому что барыня не взяла собачки съ собой, опасаясь, чтобы ей чего не приключилось. Въ замкѣ повсюду была тишина, словно все вымерло. Но заглянемъ, какъ поживаетъ мамзель Сара. У мамзель Сары была особая хорошенькая комната, прямо надъ уборной барыни. Въ одномъ углу уборной выдавалась желтая пуговка, которую стоило только подавить, и въ стѣнѣ отворялись дверцы, чрезъ которыя винтовая лѣстница вела прямо къ Сарѣ въ комнату, гдѣ были такія же дверцы. Едва барыня въ своей спальнѣ касалась блестящей ручки звонка, какъ наверху, въ комнатѣ Сары, у ея мягкой, бѣлыми завѣсками закрытой постели, раздавался звонъ серебрянаго колокольчика, и Сара въ минуту была внизу. Комната мамзель Сары убрана была много красивѣе чѣмъ комнатка Клары; зато у Клары и простенькая мебель блестяла вслѣдствіе порядка и чистоты, чего незамѣтно было въ комнатѣ Сары. Сара, войдя въ свою комнату, заперлась въ ней и начала все приводить въ порядокъ, засовывая куда попало все непривлекательное для взора. Наконецъ, завѣсь съ одной стороны постели Сара спустила внизъ, а съ другой подняла, чтобы видна была вся постель. Когда все это было готово, она накрыла столъ, стоявшій предъ диваномъ, отворила шкафъ, предназначенный для бѣлья, и взявъ съ одной полки бутылку вина, лаконства и пирожное, приготовляемыя на тарелкахъ, съ другой полки—двѣ чашки и приборъ къ чаю, все это поставила на столъ въ изящномъ порядкѣ; въ серединѣ возвышался канделябръ въ двѣ свѣчи. Обозрѣвъ всѣ эти приготовленія, она нашла все въ надлежащемъ порядкѣ и была вполне

довольна. Затѣмъ, опутивъ стору у отвореннаго окна, она зажгла стоящую на столикѣ у постели лампу, накрыла ее розовымъ стекляннымъ колпакомъ, потомъ засвѣтила двѣ свѣчи, стоявшія на туалетномъ столикѣ у зеркала, и теперь только начала переодѣваться. Прежде всего она скинула съ себя коричневое шелковое платье, набросила бѣлую мантилью и присѣвъ къ рабочему столику, начала убирать свои черные волосы, единственный имѣвшійся у нея въ наличности атрибутъ красоты. Заплетши волосы въ косу, она прищипала ее серебряными шпильками à la grecque, въ полномъ сознаниі, что при такой простой, но изящной прическѣ она выкажетъ всю красоту своихъ волосъ. Управившись съ головой, Сара взяла нѣсколько коробочекъ съ красильными снадобьями. Въ одной изъ нихъ была тушь, въ которой Сара намочила кисточку и обвела ею брови; въ другой были румяны: захвативъ ихъ на вату, она вытерла ими лицо; въ третьей была пудра, которою, посредствомъ кисти изъ лебяжьаго пуха, Сара напудрила себѣ лицо, шею и руки; но увидя, что черезчуръ замѣтна искусственная бѣлизна на ея темной кожѣ, она чистою кистью сбросила излишекъ пудры. Потомъ изъ множества флаконовъ взяла тотъ, на которомъ была надпись: „Eau de mille fleurs“, вымыла изъ него нѣсколько капель на грудь; изъ нѣсколькихъ кусковъ мыла выбрала самое ароматическое—мигдальное и перешла къ другому столику, въ который былъ вставленъ фарфоровый тазикъ, и вымыла руки. Затѣмъ она надѣла атласные ботинки, стянула корсетъ до невозможности и надѣла на себя легкое шелковое платье свѣтлаго цвѣта. На шею надѣла черную бархотку, на которой было золотое украшеніе, на грудь приколола дорогую булавку, сбоку помѣстила золотые часы, надѣла золотые браслеты и еще браслеты, сдѣланные изъ лентъ; при этомъ не забыла надѣть нѣсколько колець. Потомъ надѣла фартучекъ изъ прочной шелковой матеріи, повернулась нѣсколько разъ предъ зеркаломъ и вполне довольная собою, закрыла флаконы, коробочки, мыла, словомъ, всѣ свои снадобья, бѣлою занавѣскою, зажгла липовую спичку у горѣвшей свѣчи и потушивъ свѣчи у зеркала, зажгла свѣчи стоящія на столѣ. Окинувъ все взглядомъ еще разъ, и найдя все въ порядкѣ, она взяла романъ и въ ожиданіи чего-то, сѣла на диванъ. Ожиданія Сары были непродолжительны: кто-то легонько постучалъ три раза въ дверь. Сара весело

улыбнулась, но не привстала съ мѣста; постучали еще три раза въ дверь, и Сара была уже у двери, проворно отодвинула задвижку, и въ комнату вошелъ Жакъ, въ черномъ фракѣ. Сара тотчасъ задвинула задвижку и повернула ключъ.

— А! вскричалъ удивленный Жакъ, взглянувъ прежде на столъ, а потомъ уже на Сару.—Какъ все это деликатно!

— Еще бы нѣтъ, когда ждешь такого милаго гостя, отвѣчала съ улыбкой Сара, нѣжно устремивъ на гостя свои черные бойкіе глаза.

Онъ, впрочемъ, не обратилъ на это вниманія и сѣлъ на диванъ, а Сара зажгла спиртъ подъ самоваромъ, придвинувъ къ себѣ чайницу, разрисованную въ китайскомъ вкусѣ. Потомъ она пригласила Жака пить чай, такъ какъ онъ замѣтилъ ей когда-то, что съ удовольствіемъ пьетъ *хорошій* чай.

— Настоящій китайскій, караванный, замѣтилъ Жакъ, разсматривая чайницу.—*En bien*, ямайскій ромъ, сардины, вестфальская ветчина, настоящее шампанское, *bon*, мамзель! все это вещи хорошія! А вотъ, чтò касается до этихъ сластей, то я не знатокъ въ нихъ, предоставляю это вамъ. А должно-быть вы съ поваромъ пріятелю, если можете все это имѣть.

— О, нѣтъ! Онъ старый брюзга, и все это нужно доставать инымъ путемъ; вѣдь вы, панъ Жакъ, знаете ужъ какъ.

— Гмъ! еще бы не знать! Кому пріятно обѣдать по звонку и ѣсть только то, чтò соизволитъ предложить поваръ? Такія вещи у меня всегда имѣются наготовѣ въ шкафѣ, и я вѣмъ чтò мнѣ вздумается. Но вы, мамзель, сказали что не совѣмъ здоровы, даже обѣдать не хотѣли: такъ какъ же теперь быть, если кто-нибудь сюда войдетъ?

— Объ этомъ не беспокойтесь, я уже все устроила, и когда старухи не бываетъ дома, то я вполне увѣрена, что намъ никто мѣшать не будетъ, да и не посмѣетъ. Я сказала что не здорова и никого не впущу сюда. Васъ никто не замѣтилъ, когда вы сюда шли?

— Нѣтъ; я сказалъ другимъ, что иду въ окрестности, а когда всѣ разбрелись, то я вошелъ чрезъ парадный входъ.

— Не замѣтили вы ни Клары, ни Иосифа, ни этого мальчугана? Тотъ чертенокъ такъ тихо бродитъ по комнатамъ, и показывается нежданно-негаданно то тамъ, то здѣсь. Ну да постараемся отдѣлаться отъ него. А эта (она подразумѣвала Клару) и старуха ея мать вездѣ шныряютъ глазами,

и оплошай я чуть-чуть, такъ рады бы утопить меня въ ложкѣ воды.

— Ну такъ радуйтесь, что все это скоро кончится; но жалко, что она достается этому грубияну-писарю. Это такое животное, что съ человѣкомъ порядкомъ и поздороваться-то не хочетъ. А Клара дѣвченка смазливая.

— Гм!... проворчала Сара. — Не вѣчно же ей быть красивой, къ тому же она и не изъ здоровыхъ. Онь простякъ, не сумѣетъ себя выдержать, и она его выдресируетъ. Желаю имъ счастья, прибавила, смѣясь, Сара, но этотъ смѣхъ былъ, какъ говорятъ, грудной, и Жакъ ясно видѣлъ дурно скрываемые гнѣвъ и зависть Сары.

— Для васъ такая судьба, конечно, не можетъ быть завидна; вы созданы для чего-нибудь лучшаго, чѣмъ быть женой объѣзжчика, говорилъ Жакъ, и взявъ съ тарелки кусокъ печенья, продолжалъ: — Мнѣ кажется, что и Клара-то глуповата, о себѣ слишкомъ много думаетъ; нравится она моему барону, нѣсколько разъ хотѣлъ онъ съ ней поговорить, а она съ нимъ такъ гордо себя держитъ, какъ будто онъ какой-нибудь дворовый мальчикъ. У ней нѣтъ ни на волосъ такта. Думаю, что у ней есть на примѣтѣ еще кто-нибудь, кромѣ этого неотесаннаго писаря. Ну, а вашъ старикъ-то какъ?...

— А кто же все это знаетъ? отвѣчала Сара, обрадовавшись намеку Жака.—Хоть я и не люблю наговаривать, а кажется, что тутъ что-то кроется. Клара очень скромна, а вѣдь въ тихомъ-то омутѣ черти и водятся. Я ужъ и сама-то думала объ этомъ, и если не то, такъ другое, а правда...

— То-есть, что же именно?

— Ну, вамъ-то я могу это довѣрить. Я думаю, что Клара—дочь нашего старика. Ключница служила у нихъ, когда еще они жили не по-барски. Старикъ, говорятъ, все хотѣлъ имѣть дѣтей: вѣдь знаете, какъ имъ рады бываютъ такіе простяки; а такъ какъ дѣтей все-таки не было, то старикъ-то, говорятъ, искалъ другихъ развлеченій, хоть къ женѣ и былъ очень почтителенъ. Ключница-то, должно-быть, не дурна была; ну такъ кто же тамъ знаетъ?... Клара воспитывалась въ деревнѣ, ее отдали въ ученье.... знать за услуги матери. Правда, она вѣчно вспоминаетъ покойнаго мужа, ну да кто же знаетъ котораго? А то зачѣмъ бы такъ ухаживать за ключницей? Да и старуха-то наша, хоть меня любить и

больше Клары, но и ей никогда грубаго слова не сказала, а старикъ-то еще внимательнѣе къ Кларѣ, и не будь его—не быть бы и Кадивѣ объѣздчикомъ. Не хочу утверждать, что все это непременно такъ, а не такъ, какъ вы думаете, а все-таки думаю, что моя догадка вѣрнѣе. Не замѣчали вы въ нихъ сходства?

— Не замѣтилъ, помню только, что у обоихъ по носу между глазъ.

— Шалунъ вы! Конечно, Клара больше на мать походить, сказала Сара, и такъ какъ вода уже закипала, то она насыпала изъ чайницы чаю въ горсть, взяла его добрую щепоть, бросила въ стаканъ, налила туда холодной воды, дала постоять минуту, и потомъ, старательно выполоскавъ чай, положила его въ фарфоровый чайникъ.

— Зачѣмъ же вы спервоначала споласкиваете чай? спросилъ Жакъ.

— Этимъ отбивается у чая горьковатый вкусъ, омы дѣлается на вкусъ прятнѣе и на видъ чище. Такъ дѣлаютъ училъ меня одинъ Русскій, который бывалъ у графини.

— Зналъ я его—старый усачъ, но ваша графиня благоволила къ нему: такъ, по крайней мѣрѣ, говорили; а вѣрно только одно, что тогда у васъ въ домѣ по цѣлымъ днямъ распивали чай. Нечего сказать, хорошо тогда у васъ хозяйничали: ужъ и имѣніе-то попало подѣ секвестръ.

— Пропастъ было долговъ, да въ томъ и нѣтъ ничего удивительнаго: и мужъ и жена мотали на пропалую; а за то насъ держали какъ собакъ. Ужъ какъ я была рада, что попала сюда! Здѣсь лучше чѣмъ въ иномъ княжескомъ домѣ: я ужъ скопила нѣсколько сотъ гульденовъ, да, Богъ дастъ, и еще накоплю.

Вода кипѣла. Сара налила чай, сѣла на диванъ воздѣ Жака и положила себѣ въ чашку сахару.

— Удивляюсь, что это приключеніе съ собаченкой не имѣло дурныхъ послѣдствій; я ужъ боялся за васъ, замѣтилъ Жакъ, принявъ къ свѣдѣнію слова Сары о накопленныхъ ею деньгахъ.

— Сначала и я испугалась: кому же охота потерять теплое мѣстечко? Но когда я видѣла, что дѣло плохо, то ужъ на все было рѣшилась; ужъ я себя одурачить не позволила бы.

— Говорили, что старуха-то ваша ужъ больно разсердилась, замѣтилъ Жакъ, взявъ еще кусокъ печенья.

— Ужь не мало ершилась; бросилась на меня, какъ змѣя подкодная, да, кажется, спохватилась, чтобъ я тоже не начала и не было бы хуже, и замолчала, словно кто-нибудь ее подстыкъ. На другой день я задобриваю ее ласковымъ словомъ, думала, что это лучше,—вѣдь я ее хорошо знаю, и дѣлала это для васъ. Все пошло какъ по маслу. Правда, приставила къ собачкѣ этого нищаго мальчишку, чѣмъ мнѣ крайне не нравится, ну да это не бѣда: если онъ мнѣ станетъ поперекъ дороги, то я его вытѣсню, и настою на томъ, что онъ въ городъ-то съ нами не поѣдетъ, хоть старуха и разчитываетъ съ грумомъ производить тамъ фуроръ. А все это по совѣту пана Россиньоля.

— Ужь они съ моимъ барономъ-то не мало толковали, какая глупая гусыня—ваша старуха.

— А все-таки они съ удовольствіемъ ѣдятъ у насъ, да занимаютъ деньги: у пана Россиньоля только своего-то и есть что душа и тѣло; да думаю, и вашъ-то баронъ не высококаго полета. Когда къ намъ перейдете, панъ Жакъ, такъ вамъ тогда хоть трава не расти.... А все-таки пріятнѣе жить у такихъ, какъ наши: у нихъ нашъ братъ больше имѣетъ значенія, чѣмъ у большихъ баръ: тамъ ужь держи языкъ за зубами, и на свой ладъ ихъ не передѣлаешь. А вотъ у такихъ, какъ наша старуха, вышедшихъ изъ купеческаго сословія, все это возможно: они сами-то рады, что могутъ потереться хоть о кого-нибудь изъ барскаго дома.... Кушайте же чай, неудобно ли рому или сливокъ, прибавила Сара, подавая гостю чашку златовиднаго напитка.

— Муцины не любятъ сливокъ, другое дѣло ромъ, и, кажется, хорошій! Съ пріятнымъ ароматомъ! Льетса, какъ масло! Навѣрное изъ Праги, изъ склада Галаковъ?

— Ахъ, чѣмъ это вы говорите, изъ Праги! Это рѣдкій, дорогой, иностраннѣй ромъ; у насъ ничего простаго не покупаютъ. Вотъ и надпись французская.

— Pardon, мамзель! На этотъ разъ вы ошиблись, сказалъ, расхохотавшись Жакъ, взглянувъ на этикетъ бутылки. Par honneur,—вѣдь тутъ написано: „Галаекъ“ и „Виелеемская площадь“. Вѣдь и мы его тамъ же беремъ: онъ хорошъ и продается тамъ не такъ безобразно дорого, какъ въ другихъ складахъ.

— Гмъ! старуха должна бы это знать! сказала Сара, качая головой.—Она любитъ только все иностранное, рѣдкое

и дорогое, и еслибы привуждена была купить что-нибудь дешевое, то сочла бы это оскорбленіемъ своего благородства.

— *Sacre Dieu!* вотъ глупость-то! Мой баронъ дорожитъ своимъ благородствомъ, но все-таки очень радъ купить что-нибудь задешево, не стыдится торговаться, и даже съ удовольствіемъ готовъ наѣсться даромъ.

— Графиня пропастъ денегъ разбрасывала, а все-таки ей не правилось, если поваръ или камеристка подавали длинные счета, и не стыдилась наводить справки, что и по чемъ покупалось. У насъ же все это иначе. Поваръ насчитаетъ сколько ему угодно, да и я подаю порядочные счета; а впрочемъ почему же и не дѣлать такъ, если хочется имъ имѣть только все дорогое? Благо мнѣ извѣстно, что и поваръ не лучше меня поступаетъ, хоть онъ и скрываетъ передо мной.

— Вы, мамзель, у графини были только горничною, *simple domestique*?

— Да, отвѣтила Сара, не понявъ французской фразы Жака, похищенной имъ у барона,—но наша старуха думаетъ, что я была камеристкой, почему и приняла къ себѣ тотчасъ, хорошо платитъ мнѣ и почти во всемъ полагается на мой вкусъ. Все это я сумѣла устроить; да и кто же, у кого есть глаза во лбу и смыслъ въ головѣ, не сумѣетъ одѣтъ къ лицу? Да впрочемъ, какъ бы я ее ни одѣла, ни убрала, хорошо ли, дурно ли, все-таки каждый въ глаза наговоритъ ей пропастъ комплиментовъ. Наряди ее хоть арлекиномъ, и тогда будутъ хвалить, благо у насъ принимаютъ открыто, Думаю, что она довольна мной: не будь здѣсь меня, такъ она казалась бы на десятокъ лѣтъ старше.

— Вашъ вкусъ во всемъ *superbe*, мамзель; я просто удивляюсь вамъ! сказалъ Жакъ, жадно глотая чай, ветчину и хлѣбъ съ масломъ и сардинами. Хотя порой онъ и вѣжно посматривалъ на Сару, но съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на закуску. Когда Жакъ проглотилъ три чашки чаю, и лицо его покраснѣло, онъ обнялъ Сару вокругъ талии поцѣловалъ ее, потомъ протянувъ руку къ сигарамъ, спросилъ, гаванскія ли, и замѣтилъ при этомъ, что иныхъ онъ не куритъ. Послѣ подтвержденія, сдѣланнаго Сарой, онъ зажегъ спичку, закурилъ сигару и тогда уже сказалъ ей:

— *Avec permission.*

— Курите! Я люблю, когда курятъ сигары.

— А не будетъ гнѣваться ваша старуха, если почуетъ табачный запахъ въ вашей комнатѣ?

— А ей-то что за дѣло? Вѣдь это моя комната: вѣдь въ ея комнатахъ тоже курятъ, напримѣръ хотъ графъ Россиньоль.

— А пронос, ma chère, правда ли, что графъ chevalier servant вашей мадамъ?

— Не знаю, что хотите этимъ сказать; а что онъ ея любовникъ, это я очень хорошо знаю. Въ прошломъ году, какъ мы были въ Итали, онъ съ нами былъ и ловко ее поддѣлъ. Встрѣтили мы его въ Меранѣ, онъ былъ въ отчаяніи, что на какой-то станціи ночью обокрали его; и такъ ее обаламутилъ, что она всему повѣрила, и денегъ дала ему, чтобъ онъ съ нами вмѣстѣ путешествовалъ, да еще какъ рада-то была: думала, что онъ путешествуетъ изъ любви къ ней. А его Янъ поразказалъ, какія штуки онъ выдѣлывалъ; видно что онъ бездѣльникъ, и что ему только деньги нужны.

— У него было ужъ нѣсколько такихъ амуровъ.

— Онъ вѣдь и ко мнѣ было подѣлывалъ, хотъ я и не дама, стыдливо опустивъ глаза, полушепотомъ сказала Сара,—но я берегусь кавалеровъ, съ ними только навредишь себѣ, а толку не будетъ. Лучше остаться при своемъ состояніи.

— Par Dieu, мамзель, не говорите мнѣ объ этомъ, а то вѣдь я сдѣлаюсь тотчасъ jaloux, и sarable—убить своего ривала.

— Пасчетъ этого не бойтесь; въ вѣрности моей вамъ нечего сомнѣваться. Вотъ еслибъ я могла также положиться на вашу?... И Сара сдѣлала боязливую гримасу и вздохнула столь глубоко, сколько позволялъ корсетъ. Какъ притянула ее къ себѣ и сказалъ:

— И не думай объ этомъ, вѣрь моему паролю: я фидельный человекъ. Старайся только, чтобы мнѣ попасть къ вамъ въ званіи *attache de chambre*, и все пойдетъ какъ по маслу. Вѣдь ты увѣрена, что все это устроится?

— Со старухой-то я ужъ обо всемъ переговорила, увѣрила ее, что ты служилъ при дворѣ, говорила, что ты молодецъ, и что баронъ не отпустилъ бы тебя ни за какія деньги: ужъ одно это не даетъ ей покоя, до той поры не успокоится, пока не выполнитъ своего желанія. Франца старикъ едва ли отпустить, но она вѣдь къ себѣ тебя возьметъ, а мнѣ это и на руку. Вѣдь старикъ вѣчно на охотѣ, и тебѣ довелось бы съ нимъ мыкаться, а я рѣдко бы тебя видала. Хотъ онъ собой вертѣтъ не поз-

воляетъ, а все-таки добрякъ: говорятъ, только изъ желанія угодить женѣ купилъ титулъ и помѣстье. У него служить тебѣ было бы хуже; ему бы ты не такъ-то скоро, какъ ей, повравился.

— Ну, если у человѣка есть доля esprit и способности, то повраться не трудно, замѣтилъ съ улыбкой Жакъ.— Но что это у васъ за пенсія на собаку?

— Это дѣло моихъ рукъ. Еще въ домѣ графини мнѣ привелось слышать о такой же глупости со стороны одной дамы; я нашей-то это и перескажи, а она, какъ обезьяна, тотчасъ и переняла. Мнѣ-то это выгодно, и умри старуха хоть сейчасъ, ко мнѣ переходитъ и собаченка! и пенсія; только нужно постараться, чтобъ эта тварь жила подольше.

— Но твоя барыня, та сѣге, смотритъ еще піономъ и не такъ-то скоро умретъ, а собака-то можетъ сто разъ прежде околѣть, и планъ твой разрушится до основанія; да вѣдь и сама ты можешь умереть прежде.

— Ну еслибы Жолька-то и издохъ, то другую собаку достанемъ; и на нее то же бы шло, что и на Жольку; да не думай, что и барыня-то больно здорова: у ней какая-то болѣзнь въ сердцѣ, и еще въ Прагѣ ея лѣкарь, когда она хворала, говорилъ, что она должна остерегаться всякихъ волненій, а то, дескать, и вдругъ можетъ отправиться.

— Какой вздоръ! Онъ просто васъ хотѣлъ запугать.

— Да вѣдь она часто хвораетъ, и вовсе не такъ здорова, какъ кажется. Я не хотѣла бы помѣняться съ ней моимъ здоровьемъ.

— А какъ же ты сдѣлаешься съ мальчуганомъ-то?

— Ужь все мнѣ предоставь; я все беру на себя. А пока надо выпить шампанскаго. Оно во всякомъ разѣ настоящее; эта бутылка осталась отъ обѣда съ тѣхъ поръ еще, какъ старуха-то съ графомъ и барономъ угощались. Мнѣ удалось сберечь ее. Кто знаетъ, когда опять свидимся, если баронъ скоро уѣдетъ, какъ ты сказывалъ! Только нынче и выдался счастливый денекъ.... А когда вы уѣдете, я, одинокая, буду вздыхать по тебѣ; но можетъ-быть и старуха-то не надолго здѣсь останется, и я постараюсь устроить твой переходъ къ намъ. И Сара, поставивъ на столъ бокалы, вѣжно обвилась около шеи Жака.

— Ты просто шармантъ! сказалъ Жакъ, обнявъ Сару.— А сколько теперь часовъ joli enfant?

— Семь! отвѣтила Сара, взглянувъ на свои часы.

— Ну такъ намъ долго ужъ нельзя конверсировать. Выпью еще за твое здоровье, съ минуту еще побудемъ вмѣстѣ, а потомъ скажу тебѣ и bon jour, чтобы старики не воротились.

Съ этими словами, вѣжливо отставивъ Сару, Жакъ взялъ бутылку; въ одно мгновеніе пробка съ шумомъ полетѣла въ потолокъ, и шампанское заискрилось въ бокалахъ; но въ ту же минуту раздался легкій шорохъ за дверьми, ведшими внизъ въ комнату барыни, хотя его и не замѣтили собесѣдники, занятые другъ другомъ.

VIII.

Нѣсколько часовъ времени все могутъ измѣнить, и людскія предположенія, опирающіяся на далекое будущее, то же, что пузыри на водѣ. Въ замкѣ, гдѣ еще вечеромъ такъ весело жилось всѣмъ, поутру на слѣдующій день все приняло иной видъ. Прислуга ходила на ципочкахъ, не слышно было ни шума, ни говору, раздававшихся обыкновенно въ замкѣ. Даже о Жолькѣ никто не беспокоился. Гости думали только о томъ, куда бы перекочевать имъ изъ замка: имъ было тамъ тѣсно.

Мамзель Сара какъ помѣшанная бродила по комнатѣ, складывая свои вещи въ чемоданъ, а Иосифъ былъ рано утромъ откомандированъ въ городокъ для абовированія въ почтовомъ экипажѣ мѣста на одну особу для проѣзда въ Прагу. Да что же сдѣлалось? Госпожа фонъ-Шпрингенфельдъ была при смерти. Когда общество вечеромъ возвратилось съ дачи, панъ Скочьдополя спросилъ слугу жены своей, Иосифа, встрѣтившаго его у входа въ замокъ: „здорова ли барыня“, потому что послѣ обѣда она почувствовала себя дурно, и боясь чего-нибудь еще худшаго, сказала мужу, что отправится домой, а общество просило продолжать прогулку. Панъ Скочьдополя, привыкшій къ женинымъ капризамъ, не удерживалъ ея, велѣлъ подать экипажъ, и барыня отправилась въ замокъ.

— Посылали за докторомъ! Сейчасъ пришелъ! отвѣчалъ Иосифъ.

— Стало-быть, очень дурно?

— Ничего не могу сказать на это вашей милости. Когда

барыня прѣехала, то сошла съ экипажа у воротъ и пошла пѣшкомъ черезъ садъ. Я здѣсь стоялъ; барыня спросила меня, дома ли Сара; я сказалъ, что она должна быть въ своей комнатѣ, что я видѣлъ какъ туда пробирался Жакъ. Барыня ничего не сказала, пошла въ покои и долго все было тихо, словно тамъ никого не было, а потомъ вдругъ она громко позвонила меня. Когда я вошелъ къ ней, она была блѣдна какъ смерть и велѣла мнѣ позвать Клару и доктора, что я тотчасъ же и исполнилъ.

Павъ Скочьдополя проворно пошелъ въ покои; въ библиотекѣ онъ увидалъ доктора, который писалъ рецептъ.

— Вы, докторъ, пишете рецептъ! Такъ она дѣйствительно больна? спросилъ Скочьдополя.

— Да, не совсѣмъ-то ладно, да боюсь, чтобъ и хуже еще не было: супруга ваша, вѣроятно, простудилась, а что еще хуже: ее взволновало что-то, она до сихъ поръ въ раздраженномъ состояніи и въ ней сильный жаръ, отвѣчалъ докторъ.

— Но вѣдь это не холера, докторъ?

— Гмъ! Что вы такъ боитесь этого названія болѣзни? Развѣ нѣтъ другихъ смертельныхъ болѣзней? сказалъ докторъ, просматривая рецептъ.

Когда рецептъ былъ готовъ, Скочьдополя позвонилъ, и въ ту же минуту слуга летѣлъ съ лоскуткомъ бумаги въ городъ. Докторъ съ паномъ Скочьдополя вошелъ въ комнату хозяйки. Она лежала въ постели; въ комнатѣ ея была только блѣдная какъ смерть Клара.

— А гдѣ же Сара? спросилъ Скочьдополя Клару, потому что жена его лежала спиной къ зрителямъ этой сцены, и мужъ думалъ, что она заснула.

— Не знаю, что сдѣлалось! Ихъ милость не хотятъ и видѣть Сару! отвѣчала Клара, пожимая плечами.

— Это ты, Вацлавъ? вдругъ проговорила больная.

— Я! отвѣчалъ Скочьдополя, удивленный тѣмъ, что жена назвала его настоящимъ именемъ, что прежде казалось ей тривиальнымъ.

— Возьми эту бумагу, прочитай и утверди своимъ именемъ, да постарайся, чтобъ это мое желаніе завтра же утромъ было выполнено. Вѣдь ты сдѣлаешь это для меня?

— Ты знаешь, что я для тебя все готовъ сдѣлать. Но что съ тобой вдругъ сдѣлалось? Что такъ встревожило тебя?

Она не отвѣчала и докторъ отвелъ мужа, чтобъ онъ не беспокоилъ больше больной. Указанная бумага заключала въ себѣ аттестатъ Сары, состоявшій въ томъ, что она находилась въ услуженіи, въ качествѣ горничной, въ домѣ Скоцьдополя, что она ловка и что какъ таковую рекомендуетъ ее Скоцьдополя. Кромѣ того въ бумагѣ находилось свидѣтельство на выдачу Сарѣ ста гульденовъ, составлявшихъ полугодичное жалованье ея и предоставляемыхъ ей за полгода впередъ. Панъ Скоцьдополя покачалъ головой, призадумался, потомъ проворно отправился въ кабинетъ къ своему письменному столу, подписалъ бумаги, написалъ еще записку, все это положилъ въ конвертъ, запечаталъ и адресовалъ на имя своего управляющаго въ Прагу. Когда онъ хотѣлъ положить перо на мѣсто, взоръ его упалъ на портретъ госпожи фонъ-Шпрингенфельдъ, стоявшій на столѣ въ великопной рамкѣ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ на портретъ, и слезы показались на глазахъ его. „Прошла та пора, когда былъ заказанъ этотъ портретъ, Катерина! Тогда мы вѣрили еще другъ въ друга! Оба могли быть счастливы и оба обманулись. Отпусти намъ, Господи!“ шепталъ онъ и отеревъ слезы, быстро всталъ, позвонилъ и вошедшему Францу приказалъ позвать Сару.

Сара вошла, но не было уже на ней ни шелкового платья, ни золотой булавки, ни браслета, равно не было и слѣда отъ вчерашняго румянца.

— Сара! сказала Скоцьдополя,—къ утру уложите всѣ свои вещи, а утромъ въ почтовомъ экипажѣ отправляйтесь въ Прагу. Вы не служите здѣсь больше. Вотъ вамъ адресъ моего управляющаго и деньги на дорогу; вмѣстѣ съ вами придетъ въ Прагу къ управляющему приказаніе выдать вамъ жалованье за полгода впередъ. Пока вы не прищете себѣ мѣста, привратникъ можетъ вамъ удѣлить комнату въ нашемъ домѣ. Это воля моей жены и отъ ея имени я передаю это вамъ.

Злость и досада кипѣли на душѣ Сары, и она старалась было заплакать сначала, а потомъ начала жаловаться на несправедливость барыни, хотѣла даже и еще что-то сказать на ея счетъ, но Скоцьдополя указалъ ей на двери и остановилъ словами: „Ни слова больше! Ступайте и учитесь служить честно!“ Взбѣшенная Сара выбѣгла изъ кабинета и Французъ, бывшій въ прихожей, проговорилъ какъ бы про

себя: „И всегда вѣдь такъ бываетъ: повадился кувшинъ по воду ходить, такъ когда-нибудь можно и голову сломить. Крестъ начерчу за тобой, Мегера!“ Сара слышала это, но не отвѣчала ни слова; какъ лютая змѣя ворвалась въ свою комнату, въ бѣшенствѣ каталась по полу, плакала, и еслибы хватало рѣшимости, кажется, перебила бы всѣхъ въ замкѣ и зажгла бы самый замокъ. Она хорошо знала, что приключилось съ барыней, ибо и сама едва не упала въ обморокъ, когда раздался порывистый звонокъ, вырвавшій ее изъ объятій Жака въ ту минуту какъ она была уверена, что никого нѣтъ въ замкѣ. Едва Жакъ выбрался изъ комнаты Сары, она проворно все прибрала, сбросила съ себя нарядное платье, одѣлась въ прежнее и сбѣжала къ барынѣ съ цѣлю извиниться въ томъ, что ея не было дома, но барыня, съ пылающимъ взоромъ, вся блѣдная, остановила ее словами: „Прочь, и не показывайся мнѣ больше на глаза—я все знаю!“ Сара была поражена, и ей тотчасъ же вспало на умъ: „Она подслушала!“ Иосифъ, на вопросъ ея, когда возвратилась барыня, подтвердилъ ея догадку, прибавивъ съ дурно сдерживаемою улыбкой: „И только что вы было разбѣсѣдовались!“ Все злило, все мучило Сару, и помочь было уже невозможно. Только одна радость и оставалась въ ея утѣшеніе: слышать ночью бѣготню и шепотъ, что барынѣ дурно, что съ ней холера. Тутъ только она съ радости ударила въ ладоши и занялась собираніемъ вещей своихъ. Но до отъѣзда она зашла къ Жаку на прощанье; онъ тоже былъ занятъ укладываніемъ платья и сильно огорченъ разрушеніемъ плана, предоставлявшаго ему славное житье. Онъ далъ это почувствовать Сарѣ, что ей было прискорбнѣе всего; но услышавъ, съ какими аксессуарами отпущена была Сара, Жакъ сдѣлался попривѣтливѣе и обѣщался отыскать ее по пріѣздѣ въ Прагу, съ тѣмъ только чтобъ она осталась ему вѣрна. Холодно рассталась Сара съ домомъ, гдѣ она производила одинъ соблазнъ и гдѣ не было челоуѣка, выносившаго ее, кромѣ барыни, которую она такъ отблагодарила.

Гости, услышавъ, что съ хозяйкой холера, разлетѣлись въ разныя стороны, какъ стая голубей, сидѣвшая на горохѣ и оглушенная неожиданнымъ выстрѣломъ. Остались только двое пріятелей Скочьдополя: старичокъ майоръ и одинъ лѣсничій, не хотѣвшіе бросить хозяина. Всѣ остальные, подъ

разными предлогами, убирались одинъ за другимъ, и Скоцьдополя никого изъ нихъ не удерживалъ.

Барыня чувствовала себя очень дурно; съ ней дѣйствительно сдѣлалась холера, которая потомъ перешла въ горячку. Клара съ матерью постоянно, попеременно, дежурили у постели больной, не желая никому уступить эту обязанность.

Калина рѣдко видалъ свою невесту, да и то не надолго, а Войтѣхъ съ Жолькой нерѣдко навѣщалъ его въ то время какъ онъ бывалъ на полѣ; никто не запрещалъ этого, и Жолька съ удовольствіемъ бѣгалъ по полю, былъ очень веселъ и никогда съ нимъ ничего не приключалось, потому что Войтѣхъ берегъ его какъ зеницу ока; ему жаль было собачку, какъ бы осиротѣвшую неожиданно, почему онъ охотно игралъ съ Жолькой, привыкшимъ въ свою очередь ежеминутно быть съ Войтѣхомъ. Отправляясь даже въ домъ Сикоры, Войтѣхъ бралъ обыкновенно Жольку, и тогда сбѣгались люди посмотреть на эту рѣдкостную собачку; но разсмотрѣвъ ее, оставались при томъ мнѣніи, что все-таки это только собака. Дѣти Сикоры сравнивали Жольку съ ихъ дворною шавкой, и Анишка при этомъ говаривала: „Пошла ты, шавка! У тебя нѣтъ ни ушей такихъ красивыхъ, ни такой мягкой шерсти.“ „Скажи ей, шавка, что зато Жолька не умѣетъ такъ стеречь дворъ, какъ ты!“ замѣчалъ Войтѣхъ, благоволившій къ шавкѣ, съ которою неоднократно приводилось ему ночевать въ одной конурѣ.

Докторъ по нѣскольку разъ въ сутки бывалъ въ замкѣ и старался, какъ могъ и умѣлъ, помочь больной, но на вопросы Скоцьдополя „есть ли надежда?“ пожималъ только плечами. Скоцьдополя хотя и прогуливался съ своими старыми пріятелями, выѣзжалъ, игралъ въ шахматы и кости, но все-таки былъ очень разсѣянъ. Нѣсколько разъ въ сутки Клара, будучи въ комнатѣ больной, слышала шаги барина и тотчасъ выходила уведомить его о положеніи барыни, здоровье которой съ нѣкотораго времени ни улучшалось, ни ухудшалось: она лежала безъ чувствъ, не приходила въ себя долго, но въ одно пріятное утро наконецъ пробудилась. Вѣки ея были такъ тяжелы, что она не могла поднять ихъ, всѣ члены были точно валиты свинцомъ, она не могла владѣть ими, хотя сознаніе и возвратилось; она слышала голоса, понимала ихъ, и чѣмъ долѣ вслушивалась, тѣмъ болѣе понимала все. Это были голоса Клары и ея матери.

— Ступай, погуляй, дитятко, говорила мать,—я здѣсь побуду; ты больно блѣдна, пожалуй, еще расхвораешься; Калина и такъ ужь за тебя боится.

— Не бойтесь, маменька, отвѣчала Клара,—вѣдь сплю, сколько нужно, аппетитъ у меня есть, силы то же, а что я блѣдна, то это не бѣда. Вы хоть и старше меня, а сидите здѣсь больше меня.

— Я ужь къ этому привыкла, моя милая, мнѣ это вовсе не трудно. Только бы Господь умилосердился да помогъ барынѣ-то. Ну, ужь одолжилъ же антихристъ нашъ домъ этою черномазой! говорила старуха, намекая на Сару.—Ужь вышло же что-нибудь у нихъ, что барыня такъ растревожилась! Она даже такъ не сердилась, когда та собачку-то выпустила. Конечно, не должно бы этому быть, ну да на всякъ часъ не убережешься, и каждый долженъ своей совѣсти отдавать отчетъ. Я воспитала барыню и люблю ее; я и молюсь за нее, чтобы Господь Богъ послалъ ей облегченіе.

— И я то же, маменька, жалко мнѣ и барина-то, ходитъ онъ такой убитый, да и мальчикъ-то съ собачкой прибѣгаетъ нѣсколько разъ въ день, и какъ будто не знаютъ, чьи они. Добрый это мальчикъ и Жольку нянчить какъ ребенка.

— Собачка эта... ужь только говорить-то не надо бы... такой грѣшной привязанности Господь не любитъ, и я всегда опасалась наказанія. Дай Господи только выздоровѣть барынѣ, тогда она увидитъ, что не всѣ тѣ други-пріятели, которые такими прикидываются. Видѣла, какъ разлетѣлись они, едва только барыня расхворалась,—и тотъ баронъ, и графъ Россоль?

— Россиньѣоль, маменька, поправила Клара.

— Все равно; они первые удрали отсюда. Только двое-то стариковъ и не измѣнили барину. Эхъ, люди, люди!... Да скоро ли придетъ докторъ-то?

— Сейчасъ, маменька, онъ всегда въ этомъ часу приходитъ. Почтенный онъ человекъ и такъ хлопочетъ около барыни; да и совсѣмъ онъ не такой грубый и странный человекъ, какъ о немъ говорятъ.

— На людской судъ, дитя мое, не полагайся, не рѣдко ошибешься, повѣривъ чужимъ словамъ.

— Такъ говорилъ когда-то и панъ управляющій, что люди

часто отнимають у человѣка и то, чѣмъ только онъ и красится.

— Сущая правда, панъ управляющій честный человѣкъ.

Въ эту минуту послышамся третій голосъ, но больная не могла разслушать чей именно. Это былъ голосъ Войтѣха.

— Баринъ послалъ меня узнать, лучше ли барыня, говорилъ шепотомъ Войтѣхъ.

— Скажи, что спитъ, и что съ нынѣшней ночи легче дышетъ, говорила ключница.

— Слава Богу! Слышишь, Жолька, барыня лучше; вѣдь я тебѣ говорилъ, когда ты плакалъ.

— Чтò ты тутъ бормочешь, парель, развѣ собаки плачутъ?

— А какъ же, пани-мама?... плачутъ; панъ-тятя Сикора сказывалъ, что плачутъ. Разъ, говоритъ, онъ былъ боленъ, такъ шавка у него ничего не ѣла, лежала у постели и все плакала. Да и Жолька, когда я ему говорю о барыня, и когда мы здѣсь гдѣ-нибудь бываемъ, если слышитъ, что говоритъ барыня въ бреду, хочетъ къ ней бѣжать, и если я не пускаю его, то ляжетъ ко мнѣ на колѣна и плачетъ; слезы-то у него такъ и текутъ, какъ у человѣка. Панъ Калина тоже говорилъ, что собаки—умныя животныя, и что часто вѣра въ иныхъ людей.

— Это правда! Ну, ступай же къ барину, а я пойду къ барыня.

Сказавъ это, она открыла тяжелую портьеру, замѣнавшую дверь, и вошла въ комнату. Войтѣхъ отправился, но еще не успѣлъ дойти до дверей кабинета, какъ портьера снова открылась и ключница сказала ему: „Поди сюда, съ собачкой!“ Мальчикъ удивился, покраснѣлъ и войдя съ Жолькой въ комнату больной, остановился у дверей. Онъ привыкъ видѣть барыню разряженною, а теперь вдругъ увидалъ ее худую, блѣдную, какъ его мать, покойница, и Жолька хоть и посматривалъ то на мальчика, то на постель, но не шевелился до той поры пока больная нѣсколько громче не проговорила „Joli!“ Тогда Жолька соскочилъ съ рукъ Войтѣха, разбѣжался къ постели, вскочилъ на нее, лизалъ руки своей покровительницы, и вообще видно было, что собака чрезвычайно обрадовалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ и озадачилась, потому что больная снова замолчала; но когда она начала слабою рукой гладить Жольку, собачка начала вертѣть хвостомъ и тереться около руки.

— Какъ тебя зовутъ? спросила больная Войтѣха.— Не могу припомнить его имени.

— Я не знаю, говорилъ шепотомъ испуганный мальчикъ; да и дѣйствительно въ ту минуту онъ не зналъ, что ему отвѣчать. Онъ зналъ, что барыня не нравилось его имя Войтѣхъ, а съ той поры, какъ она захворала, никто не звалъ его Албертомъ, почему онъ никоимъ образомъ и не могъ припомнить свое новое имя.

— Не дурачься, Войтѣхъ, сказала ключница:— развѣ ты не знаешь, какъ тебя зовутъ?

— Войтѣхъ, проговорилъ почти не слышно мальчикъ.

— Подойди сюда, Войтѣхъ, поближе, сказала барыня, и когда онъ подошелъ, то прибавила: — Хорошо ли ты смотришь за Жолькой?

— Я берегу его, ваша милость, какъ зѣницу ока, все дѣлалъ, какъ вы приказывали, съ нимъ ничего не случилось худаго, мы всегда вмѣстѣ.

— Ну также и впередъ за нимъ ходи, Войтѣхъ; когда мнѣ будетъ лучше, я тебѣ скажу нѣчто, сказала больная, и потрепавъ уши Жольки, дала знакъ унести собачку.

— Кларинька! Барыня меня назвала Войтѣхомъ, а не Албертомъ! Какъ я радъ, что меня не будутъ звать Албертомъ, весело говорилъ Войтѣхъ Кларѣ, хлопотавшей надъ чѣмъ-то въ другой комнатѣ.

— А ты ступай и скажи это барину, шепнула Клара, и Войтѣхъ съ Жолькой исчезли въ дверяхъ.

— Давно я захворала, Марианна? спросила больная ключницу.

— Давно ужъ, сударыня: третья недѣля пошла. Ну да, Богъ дастъ, теперь ужъ скоро все пройдетъ, отвѣчала старуха.

— И ты и Клара вѣрно служили мнѣ; я не останусь у васъ въ долгу.

— Ахъ, сударыня, зачѣмъ вы и говорите объ этомъ? Вѣдь это наша обязанность и мы съ охотой ее исполняемъ.

— Гдѣ Клара?

— Питье вамъ, сударыня, готовить; панъ докторъ приказалъ, чтобы мы не отдавали его готовить на кухню: говорить, что тамъ не сдѣлаютъ, какъ слѣдуетъ. Прикажете позвать ее?

— Позови!

Клара немедленно вошла.

— Благодарю тебя, Клара; ты милая дѣвушка! Вѣдь ты невеста?

И мать и дочь удивились словамъ барыни, которой, казалось, не отъ кого было узнать объ этомъ, но барыня, посмотрѣвъ на нихъ, сказала:

— Я вѣдь не все спала: я слышала, о чемъ вы разговаривали, но не могла очнуться. Вѣдь ты выходишь замужъ за Калину?

— Да, отвѣчали и мать и дочь.

— Ну, послужи еще мнѣ не много; я похлопочу для тебя о приличномъ придавомъ.

За портьерой слышались шаги, и Клара сказала:—Это баринъ!

— Скажи, чтобы вошелъ сюда, сказала барыня Клара, которая тотчасъ вышла изъ комнаты. Въ комнату больной вошелъ мужъ ея, и обѣ женщины удалились. Долго Скользя дополя пробылъ у жены и вышелъ въ веселомъ расположении духа. Съ той поры здоровье больной замѣтно поправлялось, но докторъ говорилъ, что „не совсѣмъ кончилась болѣзнь“, и что нужно отправляться больнои въ теплые края, какъ только у ней прибавится силъ. Силы возвращались мало-по-малу; долго она не могла встать съ постели, и когда встала, то нужно было въ креслѣ переносить ее въ садъ, да и изъ комнаты въ комнату она не могла ходить безъ поддержки Маріанны; она сдѣлалась чрезвычайно тиха и терпелива, чего прежде за ней не важивалось, и была довольна всѣмъ, что ни дѣлала для нея Клара. Но когда Клара хотѣла одѣвать ее съ такими же штуками какъ Сара, то барыня сказала ей, что она это оставила, и довольствовалась тѣмъ, чѣмъ наградила ее природа; даже стала носить платья темныхъ цвѣтовъ. Когда же Войтъхъ съ Жолькой случайно встрѣчались съ ней, она играла съ Жолькой, но уже безъ прежнихъ нѣжностей. Съ мужемъ она была интимнѣе и не возражала ему, если онъ называлъ ее по просту Катериной; казалось даже, что ей это имя больше нравилось нежели титулъ *лани*. Она охотно разговаривала съ докторомъ, спрашивала его о больныхъ, выслушивала его, когда онъ говорилъ объ обитателяхъ мѣстечка, и отъ нихъ переходилъ къ цѣлому обществу, когда онъ все это обрисовывалъ живыми красками, когда острою сатирой бичевалъ пустоту и предразсудки свѣта, когда возставалъ противъ суетности и горячо вступался за униженное достоинство, когда говорилъ онъ, какъ должно бы было быть то или другое. Хотя

его часто пронизывали ее, какъ острая стрѣла, но она всегда наводила его на такія рѣчи, и когда онъ уходилъ, она долго оставалась въ задумчивости.

Однажды она позвала къ себѣ мужа; долго разговаривала она, и онъ вышелъ отъ нея видимо растроганный, быстро прошелъ въ покои лѣсничаго и майора, и лѣсничій уѣхалъ изъ замка въ тотъ же день. Въ тотъ же день Сикора пришелъ въ замокъ, неся полныя руки платья; барыня разсмотрѣла платье, переговорила съ Сикорой и отправила его къ Войтѣху. Уходя изъ замка, Сикора несъ въ узелкѣ ливрею Войтѣха, и на Войтѣхѣ появилось приличное платье обыкновеннаго покроя. Ливрея Войтѣха въ семьѣ Сикоры пошла на передѣлки, исключая фраки, которые хранились у Сикоры до той поры, пока ихъ не купили кочующіе комедіанты.

Новое платье чрезвычайно радовало Войтѣха: и въ тотъ день, когда надѣли на него ливрею, и теперь, одѣвшись въ сѣренькій сюртучокъ, Войтѣхъ подумалъ: „Еслибы меня такъ увидала маменька!“ Но сколько онъ стыдился ливреи, столько же радъ былъ сюртучку. Жолька прыгалъ во кругъ него, и Войтѣхъ показывался ему со всѣхъ сторонъ. Въ ту минуту вошелъ Иосифъ и позвалъ его къ барынѣ. Войтѣхъ явился. Жолька бросился къ барынѣ, у которой была только Маріанна. Барыня сидѣла въ креслѣ; въ лицѣ ея не было ни кровинки, но она смотрѣла такъ привѣтливо, что Войтѣху понравилась много болѣе прежняго, когда она сама сіяла и когда шумѣло ея платье.

— Ну, нравится ли тебѣ, Войтѣхъ, новое платье? спросила она прежде всего.

Войтѣхъ подтвердилъ это и поцѣловалъ у ней руку. Прежде человѣкъ его состоянія не смѣлъ бы сдѣлать это.

— Не надоѣло тебѣ у меня служить и смотрѣть за Жолькой?

— О нѣтъ, сударыня! Мы любимъ другъ друга.

— Такъ ты сберегъ бы его, еслибы и меня здѣсь не было, еслибы тебѣ и не приказывали этого?

— Его грѣхъ обидѣть, онъ такой добрый! Прежде, бывало, ворчалъ на каждаго нищаго, но я всегда ему за это дѣлалъ выговоры, и потомъ когда встрѣчали мы кого-нибудь, то Жолька всегда смотрѣлъ на меня, словно ждалъ, не прищипну ли я его; и когда я говорилъ „молчать!“ то онъ молчалъ и теперь такой смиренникъ, что и цыпленка не обидеть.... развѣ только кто вздумалъ бы меня обидѣть, такъ онъ вступится.

Я съ нимъ готовъ раздѣлить послѣднй кусокъ. Вѣдь онъ теперь ѣсть ужъ и картофель и пьетъ изъ простой глиняной чашки.

— Кто же его этому научилъ?

— Да самъ научился, сударыня! Когда мы ходимъ гулять, такъ онъ порядкомъ набѣгаетъ, а потомъ какъ остановимся у Сикоры или на мызѣ, то на мызѣ ему даютъ испить молока, а у Сикоры Анипка даетъ кусокъ картофелю и онъ все это ѣсть, если проголодается. Такъ вѣдь, Жолинка?

Жолька бросился къ Войтѣху, повертѣлся около него и снова направился къ барыня.

— А не желаешь ли ты учиться, ходить въ школу? спросила барыня, усмѣхнувшись при словахъ Войтѣха.

— Очень бы хотѣлось, сударыня, живо отвѣчалъ мальчикъ.

— А чѣмъ бы тебѣ хотѣлось быть, когда ты будешь большой? Думалъ ли ты когда-нибудь объ этомъ?

— Ужъ я много разъ думалъ объ этомъ, сказалъ мальчикъ, опустивъ глаза и щипля полу сюртука.

— Ну чѣмъ же? Говори! привѣтливо сказала барыня.

Мальчикъ молчалъ и только переминался съ ноги на ногу. Маріанна, чтобы не быть въ бездѣйстви, взяла метелку и обметала различныя бездѣлушки и статутки, расставленныя въ комнатѣ, хоть на нихъ вовсе и не было пыли. Видя нерѣшительность мальчика, она сказала ему съ улыбкой:

— Ну, что же, Войтѣхъ? Или у тебя языкъ-то примерзъ? Говори же, чѣмъ бы тебѣ хотѣлось быть: портнымъ, каменщикомъ, какъ отецъ, сапожникомъ или можетъ трубочистомъ?

Мальчикъ покраснѣлъ, еще болѣе понурился, опустилъ руку въ карманъ и сказалъ:—Я бы хотѣлъ быть паномъ докторомъ!..

Слезы выступили на его глазахъ и закапали на пестрый коверъ.

— Такъ что же! Учись и будешь паномъ докторомъ; только старайся быть такимъ же достойнымъ человекомъ, какъ нашъ докторъ, сказала барыня.

Въ эту самую минуту вошелъ докторъ и услышавъ о чемъ шла рѣчь, примѣтивъ радость на лицѣ мальчика, съ благодарностью взглянулъ на блѣдное лицо хозяйки.

Отпущенный Войтѣхъ бѣжалъ къ Кларѣ, чтобы сообщить ей, что онъ будетъ паномъ докторомъ, потомъ бросился къ Сикоровымъ, и едва показался въ дверяхъ, какъ вскричалъ:

— Павъ-татя, пави-мама, Аликка, Йоганка, Доротка, Вавривекъ!...

— Чего тебѣ? Вавривекъ въ саду, копа раковъ! отвѣчалъ Сикора.

— Да вы только послушайте: барыня мнѣ сказала, что я буду учиться и сдѣлаюсь павомъ докторомъ! Ужь теперь не бойтесь болѣзней, вѣсьмъ вамъ помогу! кричалъ Войтъхъ.

— Вотъ видишь, дружокъ, какъ тебя Богъ милуетъ! Это мать за тебя тамъ молится! сказала жена Сикоры, и слезы радости выступили на ея глазахъ, что тронуло мальчика.

— Но вѣдь тогда ты будешь павомъ, копа раковъ!

— Тогда ты съ нами и говорить-то не захочешь, прибавила Йоганка.

— Ну ужъ вѣтъ! Павъ докторъ тоже павъ, а съ каждымъ говорить, и я буду совѣсьмъ какъ павъ докторъ, бѣднымъ буду помогать, и только съ богатыхъ буду брать деньги, во всемъ буду поступать, какъ нашъ павъ докторъ, такъ мнѣ и барыня наказывала.

Войтъхъ еще оставался въ семьѣ Сикоры, сердце его было переполнено радостью, онъ горячо теперь обнялъ бы кого-нибудь, но сердце способное вполнѣ раздѣлить его чувства, руки готовыя радостно обнять его—были въ земаѣ; и никто, никто въ свѣтѣ не могъ уже замѣнить ихъ.

„О еслибы могъ я сказать вамъ, мамочка, одно только словечко, еслибы вы могли только взглянуть на меня!... Никто здѣсь не можетъ замѣнить васъ!“ говорилъ, рыдая, Войтъхъ и обнималъ могилу матери, а слезы ручьемъ лились на траву и цвѣты росшіе на этой могилѣ. Голубые цвѣты, попавшіеся ему на глаза, казались ему глазами матери, и когда онъ, спустя нѣсколько минутъ, взглянулъ вверхъ, надъ нимъ сіяла блестящая звѣздочка, послышался звонъ съ колокольни, и мальчикъ, поднявъ руки, и смотря на звѣзду, читалъ молитву: „Ангелъ Божій, хранителю мой!...“ и ему казалось, что предъ нимъ стоитъ мать, благословляетъ его и говоритъ ему: „Пора спать“. Онъ перекрестился и пошелъ въ замокъ. Ложась спать, онъ придвинулъ постель Жольки къ своей, и когда Жолька вскочилъ къ нему, Войтъхъ положилъ голову возлѣ головы Жольки и шепталъ ему о всѣхъ своихъ печаляхъ и радостяхъ, прибавивъ между прочимъ: „Вотъ постой, какъ я буду павомъ докторомъ, то и

тебѣ помогу, если что съ тобой случится, потому что ты добрая собака.“ Между тѣмъ сонъ осидилъ Войтѣха, и сирота заснулъ; заснулъ и Жолька, осторожно свернувшись около него въ уголѣ.

IX.

На другой день въ замокъ пріѣхали гости: возвратился лѣсничій, а съ нимъ прибыла пожилая уже госпожа и мальчикъ помоложе Войтѣха. Скочьдополя чрезвычайно радушно принялъ ихъ, а мальчика, видимо тронутый, горячо прижалъ къ сердцу; мальчикъ называлъ его „дядюшкой“ и весело обнималъ его. Лѣсничій отправился въ свою комнату; госпожу, прибывшую съ мальчикомъ, панъ Скочьдополя самъ повелъ въ приготовленную для нихъ комнату, гдѣ они должны были дожидаться приѣма у барыни, со времени болѣзни принимавшей позднее прежняго.

Когда барыня выразила желаніе видѣться съ гостями, госпожа, прибывшая съ мальчикомъ, сказала ему:

— Ну, Эмиль, теперь мы пойдѣмъ къ новой тетускѣ, люби ее такъ же какъ и меня, такъ и она тебя полюбитъ. Она такая славная, такая добрая: тебѣ хорошо тутъ будетъ.

Мальчикъ не отвѣчалъ сначала ни слова, потомъ, взявъ ее за руку, сказалъ:

— Но какъ же это? а если тетуска не будетъ меня любить такъ какъ ты? Тогда и я не буду ее также любить.

— Ну вотъ увидишь, отвѣчала съ улыбкой старая тетуска и пошла къ новой, въ сопровожденіи пана лѣсничаго.

Госпожа Скочьдополя ожидала ихъ; докторъ стоялъ у окна; панъ Скочьдополя бросилъ на жену умоляющій взоръ, когда Иосифъ отворилъ двери. Жена хотѣла встать, но не могла: такъ она была слаба еще и къ тому же растрогана. Весьма дружелюбно встрѣтились обѣ дамы, какъ старыя знакомыя, давно не видавшіяся; наконецъ старая тетуска, взявъ мальчика за руку, подвела къ новой тетускѣ, съ словами: „Вотъ Эмиль!“ и мальчикъ пристально посмотрѣлъ на новую тетю глазами, похожими на тѣ, которые за мгновеніе предъ тѣмъ съ такою мольбой смотрѣли на нее. Когда она увидала родственныя черты въ физиономіи мальчика, какая-то улыбка отъ довольства промелькнула на ея лицѣ, и прижавъ къ себѣ мальчика, она проговорила тихо: „Отвынѣ сынъ нашъ!“

Гаубокій вздохъ, вылетѣвшій изъ груди пана Скочьдополя, облегчилъ его, и онъ, взявъ мальчику за руку, сказалъ:

— Но ты долженъ очень, очень любить маменьку.

— Да вѣдь это моя новая тетушка? говорилъ мальчикъ.

— А я желаю чтобы ты звалъ меня маменькой, а дядю папенькой: вѣдь ты сынокъ нашъ!

— Я буду васъ такъ звать и буду любить, но и вы должны меня любить; тетушка мнѣ это говорила, замѣтилъ мальчикъ, и увидавъ красиваго бронзоваго коня, стоявшаго на эта жеркѣ, обратился къ отцу: — Сними мнѣ, папенька, эту лошадку. Мнѣ хочется посмотрѣть на нее, говорилъ онъ.

— Это маменькина лошадка, отвѣчалъ панъ.

— Маменька, позволь снять, прошу тебя.

— Позволяю, возьми ее въ свою комнату, но смотри же чтобы она всегда осталась такою же хорошенькою, отвѣчала пани Скочьдополя.

— А развѣ нельзя ее перекрасить, сдѣлать вороною? спросилъ Эмиль.

— Зачѣмъ же? спросили тетка и лѣсничій.

— Да вѣдь зеленыхъ-то лошадей не бываетъ, а эта зеленая, отвѣчалъ мальчикъ.

Дядя и старая тетя хотѣли замѣтить ему, чтобы онъ не вдругъ принимался за передѣлку всего, что ни увидитъ, но въ глазахъ пана Скочьдополя блестѣла радость, а супруга его только улыбалась. Докторъ принялъ сторону Эмиля, выговорилъ ему перекраску лошадки, сообщилъ ему свѣдѣнія о Войтѣхъ и Жолькѣ, и Эмиль тотчасъ же выразилъ желаніе познакомиться съ ними; докторъ отправился къ нимъ съ Эмилемъ. За исключеніемъ ихъ, общество долго еще пребыло вмѣстѣ, занятое серіозною бесѣдой. Когда Скочьдополя остался только съ женой, тотчасъ онъ поцѣловалъ ея руку съ словами:

— Вѣчно буду помнить это, Катерина. Повелѣвай мной, какъ тебѣ угодно, я буду твоимъ вѣчнымъ слугой.

— Нѣтъ, Вацлавъ, нѣтъ! Моимъ искреннѣйшимъ другомъ, отвѣчала жена, пожимая его руку.

Такъ кончился этотъ первый визитъ, который столько лѣтъ безплодно готовилъ панъ Скочьдополя.

Эмиль, Войтѣхъ да и Жолька скоро сдѣлались друзьями; въ дружбѣ этой былъ только тотъ оттѣнокъ, что Жолька

любилъ Войтѣха болѣе Эмиля, а Войтѣхъ почитательнѣе держалъ себя въ отношеніи Эмиля, потому что въ замкѣ тотчасъ разошелся слухъ, что Эмиль плодъ прежней привязанности пана и что будетъ его наследникомъ. Эмиль шумѣлъ на весь домъ, но всѣ его любили и говорили между собою, что онъ „не чужой семейству Скоцьдополя и что похожъ на него какъ двѣ капли воды.“ Старая ключница хорошо знала это обстоятельство и могла бы сказать, что онъ былъ братиной или сестринъ, да она молчала. Только на вопросъ Войтѣха: „есть ли маменька у Эмиля?“ ключница отвѣчала, что она умерла какъ только родила его.

— А папенька?

— Умеръ, какъ только Эмиль родился, отрывисто отвѣчала ключница.

„Такъ онъ и не можетъ грустить по маменькѣ, если ее не зналъ...“ подумалъ Войтѣхъ.

Силы пани Скоцьдополя поемногу возвращались, и уже назначено было время къ отъѣзду въ Италію. Павъ Скоцьдополя и Эмиль ѣхали также съ ней, а для услугъ пани хотѣла взять съ собою Маріанну, къ которой она такъ привыкла, и Маріанна согласилась на это, зная, сколько необходима она барынѣ. Но еще прежде отъѣзда кое-что устроилось.

Прежде всего пани Скоцьдополя на бумагѣ назначила сумму, достаточную для воспитанія и дальнѣйшаго образованія Войтѣха, которая должна была выдаваться на это ежегодно и при жизни ея, и по смерти наследниками. Это вѣрила она доктору. Сумму въ 1.000 гульденовъ, ассигнованную когда-то на содержаніе Жольки въ видѣ пенсіи, назначила въ видѣ стипендіи студенту изъ бѣднѣйшаго класса обитателей въ ея имѣніи.

Далѣе панъ и пани назначили основный капиталъ на устройство пріюта для дѣтей и больницы на шесть кроватей; планъ обоихъ заведеній былъ составленъ докторомъ, а постройка возможна была на управляющаго.

Такъ какъ ключница должна была съ господами отправиться въ Италію и въ послѣдствіи не предназначалась въ ключницы, то мѣсто ея заняла жена Сакоры, и Маріанна вполне посвятила ее во всѣ таинства новой должности, въ полной увѣренности, что она разомъ войдетъ въ эту колею. Эта трудолюбивая женщина не жалѣла о своей кельѣ, дешё-

во отдала ее подъ постой и переселилась въ замокъ, чему болѣе другихъ радовался Войтъхъ, уже опасавшійся, что ему приходится одиноко жить въ замкѣ. И Сикорова, любя мальчика какъ виновника своего благополучія, служивала ему, берегла его, и даже Жолька, оставшійся на попеченіи Войтъха, получалъ отъ нея всегда лакомый кусочекъ; и когда самъ Войтъхъ возставалъ противъ этого, говоря, что сама барыня не приказывала его держать по прежнему, то ключница говорила: „Оставь его, парень, его нужно понемножку отучать, вѣдь онъ неразумная тварь; а то нынче одно, а завтра другое, пусть понемногу ко всему привыкнетъ!“ что и осуществилось на самомъ дѣлѣ. Пани Скочдополя сама пожелала, чтобы Жолька остался на попеченіи Войтъха,—Жолька, —этого невинный виновникъ столько бѣдъ“.

— И столькохъ благъ! возразилъ ей на это докторъ.

А куда же дѣвалась Клара? Она одѣвала барыню и служила ей вѣрно и неутомимо до той поры, пока и ее однажды одѣли, причесали и ввели въ волосы зеленый вѣнокъ; потомъ она явилась съ женихомъ къ матери и плакала, а мать благословила ее, равно благословила ее и пани, всѣ желали ей счастья, но въ тотъ день не было человека счастливѣе ея. Отправились въ церковь, потомъ была пирушка, на которую были приглашены только ближайшіе друзья; а на дворѣ челядь веселилась и пела за здоровье новаго пана объѣздчика и жены его. Всѣ были веселы—и сама пани и панъ управляющій, на которомъ былъ новый, съ иголочки, сюртукъ, сшитый Сикорой, потому что онъ зарекся заказывать платье въ Прагѣ, и отправившись изъ вѣмка, едва нашелъ свою квартиру, чего съ нимъ никогда почти не бывало. Только молодые мало ѣли и пили, и все-таки не чувствовали голода.

Ну, а что чувствовали городскія панички? Въ тотъ вечеръ мужа ихъ, собравшись въ гостиницѣ, жаловались на то, что у всѣхъ обѣдъ былъ подожевъ, а жены ихъ желали имѣть по десятку глазъ и по дюжину языковъ, чтобы какъ слѣдуетъ воспользоваться всеми этими новостями. А новостей было съ гору, и прежде чѣмъ покончили съ ними, сколько имѣть простояли предъ церковью и сколько было *кофетныхъ* собраний! Новости въ рукахъ ихъ были какъ мотки пряжи, которую можно было ссучивать, сматывать

и перепутывать,—новости въ родѣ Клариной свадьбы, болѣзни барыниной, приключеній Войтъха, отъѣзда господъ,—все это дѣлалось у нихъ на глазахъ, но все это представлялось какимъ-то клубкомъ, въ которомъ сначала нужно было отыскать руководящую нить, чтобы разматывать его: все это отбило у нихъ сонъ. Да и не это одно! Во главѣ всего былъ Эмиль! Чей онъ былъ сынъ? Зачѣмъ убралась Сара? Почему гости не возвратились? За чтò такъ полюбили чужака доктора? И зачѣмъ, и къ чему, и на чтò получилъ онъ какую-то бумагу? Наконецъ, не могли же коснуться ихъ и такіе важные вопросы: сколько пошло отъ барыни въ приданое Кларѣ сорочекъ и другихъ принадлежностей бѣлая, дали ли ей серебра сколько-нибудь и фарфора, вышиты ли были эти сорочки, какія занавѣски будутъ у ея оконъ, какой столяръ будетъ дѣлать ей мебель, умѣетъ ли она готовить кушанье, кто будетъ ей прислуживать и черезъ недѣлю не поссорится ли она съ мужемъ? Вотъ вопросы минуты, волновавшіе хозяекъ и не поддававшіеся немедленному ихъ разрѣшенію. Конечно, докторъ все это зналъ, могъ разрѣшить всѣ эти сомнѣнія и снять камень, лежавшій на сердцѣ и той, и другой, и третьей хозяйки; многія уже и старались съ этимъ къ нему подѣхать, иныя позволили бы ему за такое разъясненіе даже вырвать себѣ передніе зубы, но съ докторомъ трудно было ладить: „онъ грубиянъ!“ говорили онъ опять безстрашно, благо кончилась холера.

Въ одно прекрасное утро, удобный дорожный экипажъ стоялъ предъ замкомъ, и въ одной изъ комнатъ у окна стояла госпожа Скоцьдополя въ дорожномъ платьѣ и грустно смотрѣла на окрестности. Возлѣ нея стоялъ задумчивый докторъ.

— Приведется мнѣ еще разъ взглянуть на все это, докторъ? Увидимся мы?

— Если не останетесь на той дорогѣ, на которую вступилъ, то я увѣренъ вполне и радуюсь уже впередъ, отвѣчалъ докторъ.

— Такъ вы мой теперь вполне довольны? Во всемъ?

— Совершенно!

Въ эту минуту вошелъ Францъ доложить, что экипажъ поданъ.

— Прощайте, до радостнаго свиданія! сказали пави, подавъ ему руку.

Она горячо поцѣловала эту руку, и когда подняла голову, то увидала слезы на глазахъ пани.

Предъ замкомъ, около дорожнаго экипажа, собралось до половины наличныхъ обитателей замка. Пани отдавала еще приказанія управляющему, Калина былъ печаленъ, Клара со слезами держалась за руку матери, Войтѣхъ держалъ на рукахъ Жольку и тоже плакалъ, а Эмиль утѣшалъ его тѣмъ, что будетъ ему писать, но самъ былъ тоже не веселъ. Пани, выйдя изъ замка, приветливо кивнула всеѣмъ головой, Клару и Войтѣха поцѣловала въ лобъ и погладила Жольку, говоря: „Люби его, Войтѣхъ, будь умненькимъ и учись“. Потомъ докторъ помогъ ей сѣсть въ экипажъ; она еще разъ взглянула на него и утонула въ мягкихъ подушкахъ. Вслѣдъ за ней помѣстились въ экипажѣ возлѣ нея пани и Эмиль; прислуга заняла свои мѣста и вмѣстѣ съ отлетающими пташками воѣ оставляла свой край, одѣтый въ осенній нарядъ, отыскивая болѣе синее небо, болѣе теплое солнце.

„И сколько тысячъ душъ, такихъ же какъ эти, страдаютъ въ цѣляхъ суетности, пустоты и предразсудковъ, не имѣя достаточно силъ, чтобы сбросить ихъ!“ думала докторъ, глядя вслѣдъ отъѣзжавшихъ.

— А что, пани докторъ, вы увѣрены, что ей будетъ лучше, что это лѣчение поможетъ? спросила Калина.

— Увѣренъ; сердце теперь у ней здорово и направленіе доброе, сказалъ докторъ болѣе въ отвѣтъ на свои мысли, и взявъ Войтѣха за руку, обратился къ замку и сказалъ:— Ну, теперь учиться, если хочешь быть докторомъ.

ЭПИЛОГЪ.

Разговоръ читателя съ сочинителемъ.

— Что же вы надѣлали? Вѣдь это повѣсть безъ окончанія?

— Извините, я тутъ ничего не надѣлалъ; все это надѣлали люди, а я только записалъ; а такъ какъ и они сами еще не дошли до конца, а я не звѣздочетъ и не знаю, что еще будетъ, то и не могу ничего болѣе сказать.

— И будто это дѣйствительно было?

— Дѣйствительно.

— Гдѣ же?

— Гдѣ бы то ни было.

— Гмъ.... А Скочьдополи воротились изъ Италиі?
 — Воротились, живы до сихъ поръ и счастливы.
 — И намъ поправилась?
 — И тѣломъ, и душой.
 — А кто же такой Эмиль?
 — Сирота какихъ на свѣтѣ тысячи; только не всѣ изъ нихъ находятъ такихъ добрыхъ отцовъ и не всѣ дѣлаются наследниками.

— Гмъ, а Войтѣхъ?

— Готовится на степень доктора, и есть надежда, что получитъ ее.

— А докторъ?

— Ходитъ въ замокъ какъ и прежде, радуется, что въ городкѣ уже есть пріютъ и больница; надѣется, что современемъ и больше будетъ; средній и низшій классъ обывателей обожаютъ его, а панички высшаго класса до сихъ поръ зовутъ его грубияномъ, потому что онъ цѣлуется ручку только у госпожи Скочьдополя.

— А Клара?

— Ни черезъ недѣлю, ни черезъ двѣ не побранилась съ мужемъ; умѣетъ готовить кушанья; были у нихъ уже и крестивы, и городскія панички не знали, что пожаловали господа на зубокъ до той поры, пока объ этомъ не разказала ихъ бабка.

— А Сара?

— Попала на плохое мѣсто; Какъ ей сказалъ: „Adieu!“ а когда она узнала, что въ домѣ Скочьдополя и безъ нея все обстоитъ благополучно и что пощанная ею метлика не заповомила „дара Божьяго“, то съ ней сдѣлалась желтуха, отъ которой ей уже нѣтъ спасенія, какъ увѣрялъ одинъ докторъ.

— А Жоли?

— Живъ и здоровъ, научился ѣсть нерубленую говядину и спать на старой кожаной подушкѣ.

О Ч Е Р К Ъ

ЮЖНО-КАСПІЙСКИХЪ ПОРТОВЪ

И Т О Р Г О В Л И

(Посвящено М. П. Колюбакину.)

Восточная оконечность Кавказскаго хребта, глубоко вдаваясь на параллели 40 градуса сѣверной широты въ Каспійское море, рѣзко обозначила въ этомъ величайшемъ озерѣ земнаго шара особый южный бассейнъ, иѣкогда называвшійся Гирканскимъ моремъ. Есть предположеніе, что въ доисторическія времена въ этомъ мѣстѣ отъ Каспійскаго моря отрѣзывалось, посредствомъ затопленнаго нынѣ перешейка, совершенно отдѣльное водовмѣстилище—Гирканское, тогда какъ сѣверная часть нынѣшней впадины Каспія, Хазарское море, составляла вмѣстѣ въ Азовскимъ, при посредствѣ морскаго рукава, когда-то покрывавшаго Манычо-Кумскую плоскость, громадный заливъ Чернаго моря. Справедливо или несправедливо это предположеніе, во всякомъ случаѣ мы можемъ разсматривать южную часть Каспійскаго моря въ настоящемъ ея видѣ, въ гидрографическомъ и торговомъ отношеніи, за отдѣльное цѣлое. Эту южную часть мы и избираемъ исключительнымъ предметомъ настоящаго труда.

На подобное ограниченіе задачи мы тѣмъ болѣе считаемъ себя въ правѣ, что интереснѣйшій современный вопросъ по от-

ношенію къ торговлѣ Бакинскаго порта, вопросъ о направленіи черезъ Кавказъ возраждающагося средне-азійскаго или, точнѣе, персидско-европейскаго транзита, недавно былъ нами рассмотрѣнъ въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ № 48 газеты *Кавказъ* за 1866 годъ, * а оживленная каспійско-волжская торговля не разъ вызывала спеціальныя статьи въ русской печати.

Почти все прибрежное плаваніе изъ Баку въ Ленкорань совершается на десатисаженой глубинѣ; его затрудняютъ многочисленныя острова и банки, окаймляющіе не высокій, но скалистый берегъ, подверженный тѣмъ вулканическимъ явленіямъ, которыя водворяли въ этихъ мѣстахъ недавно исчезнувшій островокъ Кумани. Пароходы, совершающіе срочные рейсы на Каспійскомъ морѣ, избѣгаютъ проходить между упомянутыми пунктами ночью или въ туманное время. Они изъ Баку обыкновенно отправляются рано утромъ, и миновавъ уже на разсвѣтѣ острова Булла, Свиной, Погорѣлую Плату и Куриноскій Банкъ, около полудня достигаютъ Северо-Восточнаго Банка въ устьяхъ Куры. На Северо-Восточномъ Банкѣ пароходы почти не останавливаются. Все коммерческое движеніе этого пункта состоитъ въ подвозѣ изъ хлѣбородныхъ приволжскихъ губерній казеннаго провіанта, перегружаемаго въ этомъ мѣстѣ для отправленія во внутрь Закавказья, и въ нагрузкѣ баржъ, или такъ-называемыхъ бакинокъ, здѣшнимъ рыбнымъ товаромъ. Здѣсь всегда можно встрѣтить нѣсколько такихъ бакинокъ, уныло перекачивающихся на взморьѣ передъ устьями Куры, поросшими густымъ камышомъ.

Къ вечеру пароходъ приходитъ на Ленкоранскій рейдъ. Я не берусь описывать впечатлѣнія, ощущаемыя при видѣ этихъ роскошныхъ береговъ, поросшихъ густымъ зеленымъ лѣсомъ, покрывающимъ какъ болотистую плоскость, такъ равно и возвышающіеся надъ нею въ нѣсколько рядовъ горы. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ мнѣ не разъ приходилось наслаждаться очаровательнымъ берегомъ Ленкорани, и Боже! какая разительная противоположность между этою влажною и

* Въ статьѣ: *Замѣтка объ отношеніи города Баку къ закавказскому транзиту*, съ которою просимъ сравнить и нашу *Краткій обзоръ произведеній Закавказскаго края относительно тѣсной торговли*, помѣщенный въ №№ 40 и 41 газеты *Кавказъ* за 1866 годъ.

пышною страной, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, и пустыннымъ скалистымъ берегомъ Апшеронскаго полуострова, который раскаляется палачимъ солнцемъ, покрытъ густыми тучами пыли, поднимаемыми суровымъ сѣвернымъ вѣтромъ и только на короткое время весной оживляется растительностію шафранныхъ и хлѣбныхъ полей.

Минуя туземныя парусныя суда, останавливающаяся на 4—4½-саженной глубинѣ, версты полторы отъ берега, мы подошли къ обыкновенной якорной стоянкѣ париходовъ, стоящихъ ближе къ берегу, на глубинѣ около трехъ саженъ, такъ какъ этого рода суда менѣе парусныхъ боятся быть внезапно застигнутыми бурей вблизи берега. У самаго парихода насъ шумно встрѣтили и окружили неуклюжіе *киржины* босыхъ и плувагихъ Талышицевъ. Высадившись на берегъ около того мѣста, гдѣ построена контора Общества „Кавказъ и Меркурій“, мы пошли мимо низкихъ хатъ, утопающихъ въ густой зелени деревъ и окруженныхъ высокимъ валомъ и глубокимъ ровомъ, образующими правильныи четырехугольникъ съ двумя высокими и толстыми башнями по угламъ. Кому желательно полюбопытствовать какъ строятся здѣсь киржины, стоить только пройти длинный рядъ лачугъ и лавокъ форштата, къ сѣверу отъ крѣпости, между морскимъ берегомъ и *морумъ*, которое по берегамъ поросло густымъ камышомъ и простирается отъ Ленкорани версты на двадцать, до Кумбалинской ватаги. На этой-то косѣ строятся новые киржины или чинятся старые. Киржины эти стоить отъ 50 до 150 руб. и дороже, если они приспособлены къ отправленію въ Сальянъ, для выгрузки тамъ прованта, или для перевозокъ изъ Ленкорани риса и другихъ продуктовъ въ сосѣдніе персидскіе или закавказскіе города. Дао ихъ дѣлается изъ ольховаго дѣса, который туземными кораблестроителями не пилется, а просто раскалывается и обтесывается топоромъ. Бока этихъ первобытныхъ судовъ составляются изъ сосновыхъ, привезенныхъ изъ Россіи, досокъ, а борта сверху, для предостереженія отъ порчи при столкновеніи съ большими судами, обкладываются подушками изъ камыша. Обыкновенныя киржины поднимають отъ 200 до 500 пудовъ; перевозящіе же отсюда въ Энзели ячмень, пшеницу и муку въ обмѣнъ на копченую рыбу—кутумъ (*Surginus pasus*) вмѣщаютъ и до 1.000 пудовъ.

Каржмы эти какъ нельзя болѣе удобны для отчаливанія и причаливанія къ берегу и хорошо выдерживаютъ весьма частые здѣсь бураны. Они очень вмѣстительны, дѣлаются по разъ навсегда установившейся формѣ и служатъ для развозки по ближайшимъ портамъ разныхъ продуктовъ, въ особенности копченаго кутума, столь необходимой приправы къ плову, или рисовой кашѣ туземнаго населенія прикаспійскихъ провинцій. Ввозъ кутума моремъ, изъ свисхожденія къ откупщикамъ куриновскихъ рыбныхъ промысловъ, запрещенъ въ Ленкорани и Астарѣ, и дозволенъ лишь сухимъ путемъ, тогда какъ въ Баку этого ограниченія уже не существуетъ.

Взавѣвъ кутума, который ловится лишь на персидскихъ берегахъ, русскій участокъ этого южно-каспійскаго поморья высылаетъ изъ Ленкорани ежегодно, по десятилѣтней сложности, отъ 300 до 400 пудовъ коровьяго масла, покупаемаго отъ 4 р. 50 к. до 5 р. 50 к. за пудъ. Кромѣ того, Ленкорань доставляетъ нерѣдко порядочное количество зерноваго хлѣба и муки сосѣдямъ своимъ, Персіянамъ, нуждающимся въ этихъ продуктахъ, благодаря своей лѣности и безпечности. Отпускъ изъ Ленкорани муки простирался въ 1861, 1862 и 1868 годахъ до 20.000 пудовъ въ годъ.

Вывозъ изъ Ленкорани въ Баку и Астрахань риса понизился теперь до 70.000 пудовъ, по случаю упадка цѣны. Зато усилилось требованіе изъ Персіи на разные хлѣба, отправляемые туда преимущественно въ неурожайные годы. Въ зиму съ 1865 по 1866 годъ вывезено изъ Ленкорани ячменя до 25.000 пудовъ. Главною причиною такого требованія была поѣздка шаха по прибрежнымъ каспійскимъ провинціямъ и сопряженное съ нею необыкновенное скопленіе войскъ и народа.

Сѣверная часть Ленкоранскаго уѣзда, на рубежѣ Муганской степи и изобилующихъ влагой Талышинокскихъ горъ, богата отличными хлѣбами, особенно ячменемъ и пшеницей. Черезъ одинъ Кизыль-Агацкій таможенный постъ, къ югу отъ устьевъ Куры, вывезено ихъ въ 1865 году на сумму 176.680 руб., черезъ Баку по Закавказью. Немалая часть выгоды пришлаась на долю русскимъ поселянамъ, умѣвшимъ воспользоваться раздольными здѣсь полями, дающими, благодаря близости моря и высокихъ горъ, безъ всякаго орошенія урожаи, весьма рѣдкіе въ другихъ мѣстахъ Закавказья, при отсутствіи плодотворной влаги.

Благодаря какъ близости города Баку, расположеннаго въ совершенно безлѣсной странѣ, такъ и развитію пароходства по Каспійскому морю, Ленкорань въ состояніи извлечь немалую пользу изъ своихъ обширныхъ лѣсовъ, содержащихъ тѣ же породы, которыя, какъ увидимъ далѣе, оставляютъ въ Гиланѣ и Мазандранѣ доходную статью вывозной торговли. Изъ ленкоранскихъ же лѣсовыхъ дачъ лѣсъ большею частію вывозится на топливо. Имъ выгружается здѣсь отъ 20-ти до 30-ти судовъ, вмѣщающихъ въ себѣ отъ 5-ти до 10-ти тысячъ плахъ, трехъаршинныхъ, которыхъ 250—300 штукъ составляютъ кубическую сажень. Ольховый же лѣсъ вывозится изъ урочища Шахъ-Агаджа, обширнаго помѣстья недавно умершаго майора Абасъ-Бека Талышханова. Лѣсъ этотъ на берегу моря обходится на кубическую сажень двумя рублями дешевле ленкоранскихъ дровъ изъ казенныхъ дачъ, какъ по причинѣ меньшихъ пошлинъ (казна требуетъ 1 р. 60 к. поплавныхъ демергъ), такъ и по близости лѣса отъ морскаго берега. Вывозъ бакинскими судами или принадлежащими астраханскимъ купцамъ и оставшимися на зимовку въ Баку простирается здѣсь до 50.000 плахъ или 200—250 кубическихъ сажень (на пять сажень, примѣрно, можно полагать тысячу такихъ плахъ). Независимо отъ этого количества, и Общество „Кавказъ и Меркурій“ вывозитъ въ зимнее время на парусныхъ судахъ отчасти изъ Шахъ-Агаджа, отчасти изъ Ленкорани, до 400 кубическихъ сажень. Заготовленіе этихъ дровъ производится бѣдными периодскими подданными, преимущественно изъ Ардебилъ, получающими за вырубку одной сажени отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. Вывозъ до берега моря и кладка въ сажени совершаются, начиная съ мая мѣсяца, въ продолженіе всего лѣта, за плату отъ 3 р. до 3 р. 50 к., смотря по мѣстности. Продажа дровъ на берегу пріѣзжимъ судамъ бываетъ по 7 и до 9 руб.; провозъ же до Баку оплачивается 25—35 руб. съ тысячи плахъ, что составляетъ отъ 6 до 7 руб. за кубическую сажень.

О заготовленіи и вывозѣ дровъ изъ Ленкорани и окрестностей мы распространились по весьма поватной причинѣ: дрова на Каспійскомъ морѣ до сихъ поръ служатъ топливомъ для пароходовъ, верѣдко замѣняя собой каменный уголь, доставляемый сюда съ Дона.

Орѣховое дерево только въ послѣднее время начали вы-

вовать изъ Ленкорани въ Астрахань. Въ 1865 году вывезено его до 10.000 пудовъ мелкими брусьями двухъ-трехъ-пудоваго вѣса.

Съ 1864 года начался ежегодный вывозъ изъ Ленкорани до 2.000 пудовъ марены, разводимой близъ деревни Чахирау на фермѣ М. М. Козицкаго, который разчитываетъ возвысить количество ея до 5 или даже до 6 тысячъ пудовъ ежегодно. Надѣемся, что громадный упадокъ цѣны на марену не причинитъ этому новому на ленкоранской почвѣ производству такого тяжкаго удара, какой онъ причинилъ кубинскому мареноводству.

Упомянемъ еще объ особенной отрасли торговли, съ которою намъ довелось познакомиться въ Ленкорани и въ Пришибѣ, — ловлѣ и вывозѣ пивокъ во внутрь Россіи. Ею занимается нѣкто Назаровъ, почтенный зажиточный ленкоранскій малаканъ, познакомившійся съ уходомъ за пивками, какъ онъ мнѣ говорилъ, у Французовъ, нѣкогда вывозившихъ ихъ въ большомъ количествѣ изъ всего Закавказья. Въ тѣнистомъ саду Назарова, на ленкоранскомъ форштатѣ, весьма сыромъ по близости къ нему морца, замѣтилъ я нѣсколько колодцевъ и получилъ отъ хозяина слѣдующее объясненіе о торговомъ его оборотѣ. Пудъ пивокъ, въ которомъ до 12.000 штукъ, сбываетъ онъ въ Астрахани отъ 60 до 70 руб., а оттуда онъ развозятся по средней Россіи. Въ 1865 году, говорилъ мнѣ Назаровъ, онъ продалъ пять, а въ прежніе годы продавалъ по десяти пудовъ пивокъ.

Отправясь въ селеніе Пришибѣ, лежащее верстахъ въ 55-ти по почтовому тракту на сѣверо-западъ отъ Ленкорани, я засталъ тамъ недавно прибывшаго В. А. Ушакова, изъ крестьянъ Нижегородской губерніи. Онъ недавно только поселился въ Казани и завелъ тамъ, съ двумя товарищами, большую торговлю пивками, которыхъ они ловили сначала въ средней Россіи, затѣмъ въ Кизлярѣ, а вотъ уже пять лѣтъ какъ Ушаковъ пріѣзжаетъ за ними ежегодно по нѣскольку разъ въ Ленкоранскій уѣздъ. Товарищество это снабжаетъ пивками всю европейскую и азиатскую Россію и доставляетъ ихъ съ подряда и по контрактамъ въ госпитали, пересылая ихъ нѣрѣдко даже по почтѣ.

Благодаря легкому пароходному сообщенію съ приволжскими губерніями, Ушаковъ лѣтомъ 1866 г. къ началу іюля уже во второй разъ вернулся изъ Казани въ Ленкоранскій уѣздъ,

гдѣ для него между тѣмъ приготовили большой запасъ пивокъ, такъ что ему оставалось только уложить ихъ для дальнѣйшей отправки. Вся занятая имъ въ Пришибѣ хата была наполнена пивками, которыхъ онъ два раза въ день освѣжалъ, опуская въ мѣшки въ свѣжую воду. Весной прошлаго 1866 года онъ вывезъ такимъ образомъ 12 пуд., и вѣтъ въ июлѣ собралъ снова до трехъ пудовъ. Въ Пришибѣ онъ платилъ по 20 копѣекъ за фунтъ, а продаетъ ихъ гуртомъ по 10 рублей за тысячу на наличныя деньги. Ушаковъ считаетъ ленокранскихъ пивокъ 14.000 штукъ въ пудѣ, тогда какъ въ Кизлярѣ, откуда онъ ихъ вывозилъ прежде только 12.000. За то тамошнія крѣпче и цѣнятся въ продажѣ значительно выше ленокранскихъ.

Привозъ товара въ Ленкорань самый незначительный: онъ ограничивается нѣкоторымъ количествомъ русскихъ мануфактурныхъ, преимущественно бумажныхъ, издѣлій, какъ-то: ситцевъ, бази, коленкора и частью суконъ низшихъ сортовъ для мѣстного употребленія туземцевъ Ленкоранскаго уѣзда.*

II.

Послѣ двухчасоваго плаванія на пароходѣ въ виду берега, мы достигли Астары,** совершенно открытой якорной стоянки, а потому и менѣе удобной чѣмъ ленокранская,

* Въ богатыхъ русскихъ селахъ Ленкоранскаго уѣзда съ недавняго времени развивается новая, довольно значительная торговая дѣятельность, вслѣдствіе разрѣшенія раскольникамъ выѣзда по торговымъ дѣламъ во внутреннія губерніи Россіи. Русскіе поселенцы всѣхъ сектъ и толковъ благоденствуютъ на роскошныхъ, необозримыхъ кивахъ сѣверной части Ленкоранскаго уѣзда, богатѣютъ отъ избытка хлѣбовъ и гордятся своими прекрасными табунами. Нигдѣ за Кавказомъ русскій поселянинъ не сталъ такою твердою ногой, какъ на раздольной Муганской степи, гдѣ существованіе и преобладаніе русскаго элемента до того обезпечены, что по данному этимъ поселянамъ примѣру привлекаются новые охотники селиться въ этихъ, нѣкогда ссылочныхъ, мѣстахъ.

** По берегу считаютъ здѣсь тридцать три версты. Упомянутое урочище Шахъ-Агаджъ находится на полемѣ этой дороги и обозначается съ моря всегда стоящими предъ нимъ судами для нагрузки дровъ.

гдѣ пароходы отъ сильнаго NO укрываются за бань-лежащимъ островомъ Сара, бывшимъ нашею морскою станціей до перемѣщенія ея въ 1848 году на островъ Ашуръ-Аде.

Къ Астарѣ, отдѣленной отъ персидскаго мѣстечка незначительною того же имени рѣчкой, подвозится изъ Азербейджана ежегодно отъ 40 до 50 тысячъ ящиковъ съ фруктами, которыхъ въ каждомъ ящикѣ считается 5 пудовъ. Червишняго орѣха изъ обширныхъ лѣсовъ Курдистана, откуда онъ въ большомъ количествѣ вывозится и черезъ Тривизондъ въ Европу, привозятъ отъ 15 до 20 тысячъ пудовъ; очищеннаго миндаля, миндаля въ скорлупѣ, грецкаго орѣха и фисташекъ 10 тыс. пуд.; хлопчатой бумаги до 50 тыс. пуд., несмотря на то что только недавно начали разводить ее около Ардебилъ, также какъ и въ окрестностяхъ Казвина. Пряденой бумаги ежегодно сюда доставляютъ до 5 тыс. пуд., а другихъ мануфактурныхъ товаровъ персидскаго производства до 3 тыс. пудовъ, въ томъ числѣ и тамблатъ (грубая матерія, сбываемая въ Астрахань Калмыкамъ и прочимъ тамошнимъ инородцамъ). Марены сюда привозится очень мало, едва ли 1.000 пудовъ; воску, преимущественно бѣлаго, также немного; послѣдній цѣнится здѣсь около 15 руб. пудъ, тогда какъ внутри Россіи онъ сбывается по 20—26 руб.

Привозъ русскихъ произведеній въ Астарту заключается, кромѣ бумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій (до 1.000 тюковъ, каждый въ 5 пуд.), въ желѣзѣ (60 т. пуд.), мѣди (10 т. пуд.) и мѣдныхъ издѣліяхъ разнаго рода, какъ-то: самоварахъ и пр. (до 100 мѣстъ). Всмотриваясь ближе въ послѣднія цифры, невольно поражаетесь, что Персія получаетъ все количество мѣди и желѣза изъ внутренней Россіи, тогда какъ Карадагъ и прибрежный хребетъ, прорѣзывающій весь Гиланъ до Шахруда и отдаленнаго Хорасана, и наконецъ Кавказъ, такъ изобилуютъ этими металлами.

Мѣстные цѣны на фрукты въ Ардебилѣ, куда они свозятся со всѣхъ сторонъ Азербейджана и Иракъ-Аджема, очищаются отъ вѣтокъ и укладываются въ ящики, слѣдующія: пудъ кишмишу *сабзы* (зеленаго кишмиша или сушенаго винограда вышшаго сорта), али-бухары, сливъ, абрикосъ и пр. отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 25 к.; миндаль и фисташки продаются съ пуда по 5—6 р., червишный орѣхъ обыкновенно стоить здѣсь отъ 8 до 10 руб. пудъ, а въ 1865 году вздоро-

жалъ до 14 и 15 р. за пудъ, что, впрочемъ, все еще не мѣшало сбыть его съ выгодой во внутрь Россіи, гдѣ онъ продавался свыше 20 руб.

Всѣ эти товары доставляются изъ Ардебилъ до Астары на вьючныхъ лошадяхъ, поднимающихъ по два ящика въ 5 и 6 пудовъ. За провозъ такого вьюка, вѣсомъ отъ 10 до 12 пудовъ, платится отъ 7 до 10 крановъ *. Затѣмъ хозяевамъ предстоятъ слѣдующіе расходы: въ Астарѣ 5-ти-процентная пошлина; отъ 2 до 3 к. съ ящика комиссіонерскихъ расходовъ; 4 к. драгиламъ или, по-туземному, амбальщикамъ, за выносъ товара изъ таможи до киржимоу; 4 к. киржимщикамъ за отвозъ до судна, такъ что, кромѣ пошлины, весь расходъ за каждый ящикъ составляетъ отъ 10 до 12 коп. Отправленіе этого товара изъ Ардебилъ начинается съ октября мѣсяца или новаго урожая фруктовъ и продолжается во все время зимы до марта мѣсяца, съ наступленіемъ котораго открывается судоходство. Съ открытіемъ же навигаціи, фрукты, до того хранившіеся въ таможенныхъ складахъ, начинаютъ грузиться комиссіонерами къ отправленію въ Астрахань, куда они поспѣваютъ около самаго вскрытія Волги и сѣверной части Каспійскаго моря, которая легко замерзаетъ при незначительной (въ 10 сажень) глубинѣ, начинающейся выше параллели острова Чечена или устьевъ рѣки Терека.

Та же самая нагрузка товара совершается и въ соседней персидской таможнѣ, съ тою только разницей, что тамъ береговныя издержки обходятся купцамъ почти вдвое дороже чѣмъ въ русской таможнѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Астары, такъ какъ въ Персіи всѣ рахдары (таможни) на откупѣ, и полновластный откупщикъ, покровительствуемый правителями страны, извлекаетъ изъ своего положенія всю возможную денежную выгоду. Почему же, спросятъ насъ, не всѣ купцы направляются съ своими товарами на русскую сторону? Отвѣчаемъ: большинство ихъ туда и слѣдуетъ; на персидскую же сторону идутъ только тѣ, которые, заплативъ въ Ардебилѣ персидскую отпускную пошлину (5 сахибкрановъ ** съ вьюка для персидскихъ подданныхъ и 5% для русскихъ купцовъ) не имѣютъ болѣе денегъ на очистку

* Серебряная монета въ 30 коп. сер.

** 1 р. 50. коп. сер.

товаровъ русскою ввозною пошлиною и дѣлаютъ это въ Астрахани, по мѣрѣ продажи привезеннаго ими товара. Не мѣшало бы, въ видахъ удобствъ и выгодъ какъ торговцевъ, такъ и самой казны, измѣнить этотъ порядокъ. Онъ оказался бы невыгоднымъ развѣ для однихъ астаринскихъ таможенныхъ чиновниковъ, которымъ пришлось бы въ такомъ случаѣ уступить своимъ астраханскимъ сослуживцамъ часть процентныхъ доходовъ.

Отъ Тавриза до Ардебиля дорога пролегаетъ по ровной плоскости, возвышающейся до 4.000' надъ уровнемъ моря. Отъ Ардебиля до Талышинскаго хребта она проходитъ по безлѣсному пространству, имѣющему характеръ персидскихъ нагорныхъ степей, а потому такъ же доступна и удобна, какъ по всему Азербейджану. Но виазъ отъ перевала, поднимающагося около 7.000' надъ поверхностью Океана, она пролегаетъ вплоть до берега Каспійскаго моря по густымъ прикаспійскимъ лѣсамъ и такъ же дурна, какъ всѣ нагорныя дороги Ленкоранскаго уѣзда, по которымъ совершается сообщеніе нагорныхъ странъ съ поморьемъ. Жители нашихъ нагорныхъ деревень рѣдко бывають въ Ленкорани; Ардебиль они, напротивъ того, посѣщаютъ постоянно. Между тѣмъ отличные плоды и овощи Зувантскаго участка пришли бы весьма кстати жителямъ Ленкорани, тогда какъ нынѣ даже картофель подвозится сюда чаще изъ Астрахани чѣмъ изъ близлежащаго Зуванта, гдѣ отличается рѣдкою доброкачествомъ.

Изъ Ардебиля караваны достигаютъ Астары въ трое сутокъ, но товары доставляются сюда нерѣдко черезъ мѣсяцъ или два. Это происходитъ отъ того, что чарводаръ (извозчикъ) отправляется только до своей деревни, гдѣ складываетъ товаръ, и затѣмъ возвращается въ Ардебиль за новымъ, что повторяется нѣсколько разъ. Такимъ образомъ товаръ залеживался нерѣдко по мѣсяцу и болѣе. (Обстоятельство это заставило купцовъ обратиться къ другому способу перевозки. Ихъ особенно вызвали на это постоянная перемѣна цѣнъ на хлопокъ и неминуемая оттого спѣшность, съ которою они старались отправлять его на берегъ моря. Они начали навимать въ Тавризѣ верблюдовъ и отправлять большія партіи хлопка на Белясуарскую карантинно-таможенную заставу (на Мугани, подѣ параллелью устьевъ рѣки Куры), откуда, по очисткѣ пошлиной, привозили

ихъ въ Ленкорань на тѣхъ же верблюдахъ или на повозкахъ изъ близлежащихъ русскихъ селеній. Подобные транспорты, изъ 100 и до 300 верблюдовъ, отправляются только весной (съ марта мѣсяца), потому что зимой верблюды, по причинѣ сильной грязи, не въ состояннн ходить по Ленкоранскому уѣзду. Караваны меньшаго размѣра не пускаются въ этотъ путь, изъ опасенія дикихъ и хищныхъ Шахсеванъ. Дорога эта на 100 верстѣ длиннѣе обыкновенной изъ Ардебилля въ Астарту, но за то выгода ея предъ послѣднею состоитъ въ томъ, что купецъ имѣетъ возможность ридить и отправлять по ней большія партіи товара. Фрукты по этой дорогѣ перевозятся рѣдко, она предназначается для болѣе цѣннаго товара, и преимущественно хлопка; только въ рѣдкихъ случаяхъ отправляютъ по ней миндаль и чернильный орѣшекъ.

Не только мѣстныя потребности Ленкоранскаго уѣзда, но и общіе расчеты торговой политики заставляютъ желать продолженія дорогъ для открытія доступа къ нагорной полосѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ плоскогорью Азербейджана. Яснымъ доказательствомъ, что торговля стремится направить путь свой черезъ наши кавказскія владѣнія, можетъ служить какъ направляемый черезъ нихъ изъ Персіи транзитъ, такъ и доставленіе туда тѣмъ же путемъ громаднаго количества сахара. * Новая расчистка и шоссировка дороги изъ Ленкорани или Астарты до персидской границы (около 40 верстѣ) откроетъ намъ богатый вывозъ товаровъ изъ Азербейджана, отправляемыхъ донынѣ по неудобной и опасной дорогѣ черезъ Хой и Эрзерумъ въ Требизондъ. Какъ Требизондъ на Черномъ морѣ, такъ Астара на Каспійскомъ, служатъ портами для Тавриза, этого первостатейнаго средне-восточнаго рынка и складочнаго мѣста западной Персіи. Близость Астарты отъ Тавриза (Ардебиль этапъ на этомъ пути) общиаетъ первому изъ этихъ городовъ, по мѣрѣ улучшенія путей сообщенія въ Закавказьи, а въ особенности съ устройствомъ здѣсь желѣзной дороги, громадное значеніе и, безъ сомнѣнія, привлечетъ къ этому пункту между прочимъ и то обширное движеніе товаровъ между Тавризомъ и Требизондомъ, которое поддерживается тамъ 12.000 вьючныхъ лошадей. **

* См. статью нашу: *Замѣтка объ отношеніи города Баку къ закавказскому транзиту.*

** Blau, *Commercielle Zustände Persiens*, Berlin 1858 г. p. 199.

Версть 60 къ югу отъ Астары находится торговый пунктъ Каргаанъ - Рудъ, куда, по незначительности торговыхъ его оборотовъ, пароходы не подходятъ. Рейдъ здѣсь такой же открытый и беззащитный какъ въ Астарѣ. Бакинки и киржимы вывозятъ отсюда мѣстныхъ произведенія: рисъ, шелкъ и воскъ, отчасти для доставленія въ ближайшіе порты. Въ зимнее время они грузятся здѣсь дровами, которыхъ отсюда доставляется въ Баку 100.000 и болѣе плахъ на топливо. До отдачи, въ 1860 году, лѣсопромышленности по персидскому поморью въ откупное содержаніе Мирзы-Юсуфъ-Хана, * дрова здѣсь продавались на берегу весьма дешево, отъ 7 до 9 руб. за 1.000 плахъ (или 2 куб. саж.), съ тѣхъ же поръ цѣна на нихъ болѣе чѣмъ удвоилась, а потому и запросъ здѣсь значительно уменьшился и на столько же увеличился въ Ленкорани.

III.

Эвзели, въ разстояніи семичасоваго пароходнаго плаванія отъ Астары, лежитъ при югозападномъ заливѣ Каспійскаго моря. Прибрежный горный хребетъ перемѣняетъ въ этомъ мѣстѣ свое первоначальное направленіе на параллельное съ градусомъ широты и образуетъ ту цѣпь горъ, къ которой собственно относится названіе Альбурзскаго хребта.

Якорная стоянка здѣсь весьма неудобна и сопряжена съ опасностями. Несмотря на это, мнительность Персіанъ не допускаетъ наши военныя суда и пароходы въ *морцо*, гдѣ наши киржимы и бакинки находятъ превосходное убѣжище отъ вѣтровъ. Бухта эвзелинская по-нашему, а по-персидски *мурдъ-абъ*, то-есть мертвая вода, отдѣляется узкою песчаной полосой отъ моря, вдоль котораго она тянется версть на 5⁰ или 60, при средней ширинѣ около 20 верствъ. Морцо это не отличается глубиной, не превышающею 8—10 футовъ, и сообщается съ моремъ посредствомъ прохода, шириною во 100 сажень, а глубиною въ 9 футовъ. Въ воротахъ этихъ выстроены двѣ большія башни съ орудіями. Суда, которымъ проходъ открытъ, подъѣзжаютъ у эвзелинскаго базара вплоть до самаго берега, окруженнаго съ одной стороны западною оконечностью приморской косы, а съ другой весьма близко подходящимъ къ ней островкомъ,

* Нынѣ персидскій посланникъ въ Парижѣ.

низменнымъ и покрытымъ густымъ камышомъ и деревьями, черезъ что эта часть мурдъ-аба получаетъ видъ рукава большой и глубокой рѣки. Недовѣрчивость и мнительность Персіянъ, не допуская наши большія суда въ морцо, лишаютъ насъ одной изъ лучшихъ гаваней въ персидскихъ водахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможности легкой, дешевой и вѣрной нагрузки товаровъ, невысказанной при посредствѣ куржимова, постоянно подвергающихъ подмочкѣ цѣнный здѣшний товаръ.

Нельзя не желать коренныхъ переменъ въ этомъ отсталомъ и закоснѣломъ порядкѣ вещей. Во время Петра Великаго (въ 1722 году) по мурдъ-абу развѣзжали большія торговыя суда, а въ устьѣ рѣчки Пери-Базаръ входили вооруженные барказы, съ которыхъ здѣсь была высажена рота русскихъ солдатъ и нѣсколько орудій. Опасаясь повторенія со стороны нашихъ войскъ подобныхъ посяженій, персидское правительство выстроило по обѣимъ сторонамъ узкаго входа въ мурдъ-абъ двѣ башни, окруженныя пушками, и заперло, вопреки Туркменчайскому трактату, въздъ сюда не только нашимъ военнымъ судамъ, но и купеческимъ пароходамъ. Только бакинцамъ (малымъ татарскимъ лодкамъ) предоставлено это завидное право, влекущее за собой весьма удобную, защищенную отъ всѣхъ вѣтровъ стоянку при самомъ берегу и у самыхъ лавокъ базара.

Эззели самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія. Незначительное мѣстечко это не что иное какъ портъ Решта, богатой столицы Гиляна. Важное сообщеніе между этими двумя пунктами могло бы быть весьма удобнымъ, но Персіяне не только не поддерживаютъ его, но напротивъ того, портятъ. Провозъ товаровъ до деревни Пери-Базаръ, отстоящей верстъ 28 къ юго-востоку отъ Эззели, совершается по мурдъ-абу. Остальныя затѣмъ восемь верстъ до Решта можно было бы пройти по протекающей здѣсь рѣчкѣ. Но жители Пери-Базара, желая удержать за собой монополію въ перевозкѣ товаровъ, противятся всякому предположенію объ очищеніи этого водянаго пути. Такимъ образомъ дорога вся пролегаетъ по болотистой мѣстности, поросшей густымъ лѣсомъ, и до того дурна, что проезжавшіе по ней Англичане * предположили даже, что жители въ жаркое лѣто нарочно портятъ ее искусственнымъ напускомъ

* C. Ritter, *Erdkunde von Asien*, VIII Theil, S. 655.

воды, но упустили изъ виду члѣтныя посылы, которые, требуя большой влажности, не мало способствуютъ къ порчѣ дорогъ не только въ Персіи, но и на Кавказѣ. Мы съ своей стороны приписываемъ жалкое состояніе Перу-базарской дороги ничему иному, какъ баснословной безпечности Персіянъ. Впрочемъ, въ послѣднее время Шахъ, при посѣщеніи каспійскаго побережья, высказалъ желаніе провести черезъ эти болота хорошую дорогу, но едва ли благая мысль его увѣнчается успѣхомъ. Изъ Решта дорога направляется вверхъ по Сефидъ-руду черезъ живописное Рудбарское ущелье, съ его оливковыми рощами, на ту сторону Альбурзскаго хребта, гдѣ изъ Казбина развѣтвляются главные пути сообщенія Персіи: на востокъ въ Тегеранъ, на сѣверо-западъ въ Тавризъ и на юго-западъ въ Гамаданъ и Курманшахъ.

Торговые обороты Решта, или лучше его порта, Эвзели, выражаются слѣдующими цифрами: вывозъ въ Европу и Россію шелка, котораго Рештъ есть главный складочный пунктъ, въ обыкновенные года достигаетъ 20.000 пудовъ; во внутрь же Персіи, особенно въ города Ездъ, Кашанъ и пр. 10.000. Цѣна его на мѣстѣ въ 1865 г. колебалась между 150 и 300 руб. сер. пудъ. Самые высокіе сорта скупаются греческимъ домоу Ралле, который въ 1864 году, по достовернымъ свѣдѣніямъ, вывезъ изъ Решта 2.500 мѣствъ, тогда какъ въ хорошіе годы отправляетъ въ западную Европу до 5—6.000. Въ томъ же 1864 году Армяне закупили въ Рештѣ 3.180 мѣствъ (3 пуд.) шелку. Англійскій путешественникъ Фразеръ * опредѣлилъ въ 1822 г. всѣ торговые обороты шелкомъ на Рештскомъ базарѣ въ 7.500 пудовъ, но цифра эта даже и тогда далеко не обнимала всего урожая шелка въ Гилянской провинціи.

Кромѣ шелка, изъ Эвзели вывозится до 15.000 пудовъ сухихъ фруктовъ и до 5.000 хлопчатой бумаги.

Что касается до ввоза въ Эвзелинскій портъ, то онъ не великъ и состоитъ изъ желѣза (10—15.000 пуд.), мѣди (3.000 пуд.) и разныхъ мануфактурныхъ товаровъ въ количествѣ не болѣе 500 мѣствъ.

Мурдъ-абъ изобилуетъ рыбой и потому не только имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ народнаго продовольствія окрестныхъ жителей, но доставляетъ имъ немало-

* C. Ritter. *Erdkunde von Asien*, VIII Theil, S. 651.

важный предметъ отпускной торговли. Онъ изобилуетъ сомами, которыхъ здѣсь ловится до 200.000 (?) штукъ. Нынѣ уловъ сомовъ очень уменьшился отъ дурнаго управленія персидскихъ откупщиковъ, у которыхъ является недостатокъ то въ рабочихъ рукахъ, то въ соли — и это въ самый разгаръ рабочаго времени. Въ мартѣ наступаетъ здѣсь ловля кутума (*Surginus nasus*), наполняющаго воды мурдыаба громадными массами во время такъ-называемаго бѣлка, то-есть напора рыбы къ берегамъ, для метанія икры. Рыба эта въ соленомъ, вяленомъ и копченомъ видѣ вывозится отсюда въ Баку, гдѣ она постоянно имѣется въ большихъ запасахъ. Не малое количество ея потребляется и въ самой Персїи, такъ какъ красная или хрящеватая рыба, по шариау, запрещается мусульманамъ. Ловля, приготовленіе и отправка рыбы привлекаетъ къ Эзелинскимъ берегамъ изъ Россїи значительное число рабочихъ, и нѣтъ ничего забавнѣе какъ видѣть здѣсь какого-нибудь русскаго бондаря въ туземной одеждѣ и персидской папахѣ, усердно занятаго своимъ дѣломъ. Здѣсь же, кстати сказать, лежатъ привезенныя изъ Франціи для тегеранскаго мочетнаго двора машины, которыя, по громадности своихъ размѣровъ и по причинѣ дурнаго состоянія персидскихъ дорогъ, не могутъ быть отправлены до мѣста назначенія и потому остаются брошенными на произволъ судьбы.

Что касается соли для заготовленія рыбы, то она привозится сюда изъ бакинскихъ озеръ и съ острова Челекена. Доставка ея сюда производится Русскими, Туркмены же не простираютъ своей дѣятельности далѣе береговъ Мазандаранской провинціи. Халваръ (28 пуд.) челекенской соли обходится въ Эзелѣ до 10—15 крановъ.

Къ востоку отъ Эзелѣ морской берегъ вдается широкимъ, обширнымъ треугольникомъ довольно далеко въ море. Вся низменная полоса эта образовалась черезъ наносы рѣки Сефидъ-рудъ и имѣетъ большое сходство съ дельтой рѣки Куры, подобно послѣдней изобилуя рыбой, приносящею ежегодный доходъ въ 380.000 руб. сер. Устья Сефидъ-руды, при хорошемъ управленіи, мало уступали бы доходностью Сальянскимъ ватагамъ, но для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы ловля эта не только производилась Русскими, но чтобы и весь промыселъ находился въ рукахъ нашихъ купцовъ. Дѣйствительно, года четыре тому назадъ персид-

ское правительство имѣло мысль передать каспійскіе рыбныя промыслы (отъ рѣчки Астара-чай до Астрабада) въ руки русскихъ покупателей. Изъ Тифлиса и Астрахани тогда же явилось много охотниковъ, но дѣло не состоялось, потому что персидское правительство требовало вмѣсто предлагавшихся 30.000 годовой откупной суммы, 42.000 червонцевъ, уступая за эту плату и ловлю кутума. Когда же дѣло это не состоялось, правительство силою навязало рыбныя промыслы правителю Гиляна, обязавъ его ежегоднымъ взносомъ упомянутыхъ 42.000 червонцевъ. Здѣсь ловятся тѣ же породы рыбъ какъ на Божьемъ Промыслѣ: бѣлуга, севрюга, осетръ и др. Вывозъ всей красной (то-есть хрящеватой) рыбы, соленой въ корень или крѣпко, производится въ Астрахань, гдѣ цѣна, какъ на нее, такъ и на икру, дешевле сальянской.

Сефидъ-рудъ до того изобилуетъ рыбой, что при бывшемъ откупщикѣ Багировѣ бывали случаи улова въ день до 10.000 штукъ крупной красной рыбы, но за недостаткомъ рабочихъ рукъ и соли, изъ нея вынимали только икру и вязигу, а прочее бросали въ море. Это богатство рыбы всегда обращало на себя вниманіе нашихъ предприимчивыхъ капиталистовъ, но персидское правительство никогда не рѣшалось отдать ихъ въ откупное содержаніе изъ опасенія подпасть подъ наше вліяніе. То же самое повторилось въ 1862 и 1863 годахъ: переговоры, которые велись по этому предмету между Тифлисомъ и Тегераномъ и почти уже были окончены, остановившись на суммѣ въ 30 тысячъ червонцевъ, вдругъ не состоялись по причинѣ какихъ-то измѣнившихся обстоятельствъ. Такой исходъ дѣла произвелъ весьма невыгодное впечатлѣніе на персидское правительство, и тегеранскимъ министрамъ уже не дозволяется ихъ возобновлять. Такимъ образомъ, предпріятіе, весьма выгодное и сподручное для Русскихъ, едва ли скоро приметъ желаемый оборотъ. Той же причинѣ слѣдуетъ приписать неудачу попытки трехъ Астраханцевъ, изъявившихъ въ 1864 году желаніе приобрести во что бы то ни стало эти промыслы.

Послѣ семнадцатичасоваго плаванія съ ВЮВ. направле- ній, мы прибыли изъ Эзели въ Мешедисаръ, миновавъ на пути довольное количество судовъ, стоявшихъ на рейдѣ при устьѣ Сефидъ-руда. На всемъ этомъ пространствѣ, а въ особенности между Сефидъ-рудомъ и Ленгерудомъ, берега

покрыты сплошнымъ и густымъ лѣсомъ. Они содержатъ въ себѣ, между прочимъ, дорогія породы самшита (*Vixis sempervirens L., bois de buis*) и желтаго кипариса, которыя обдѣлываются здѣсь въ маленькія брусья и за тѣмъ вывозятся на туземныхъ парусныхъ судахъ. Прежде этого лѣса много вывозилось въ Москву; въ послѣдніе же годы требованіе на него значительно уменьшилось. Въ настоящее время годичный оборотъ повизился на 50 тысячъ пудовъ. Цѣнность самшита отъ 10 до 15 коп. за пудъ, а кипариса нѣсколько дороже. Въ Россіи послѣдній продается отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Намъ кажется, что упадокъ упомянутаго вывоза, какъ и всей вообще лѣсной торговли по южно-каспійскому побережью, слѣдуетъ приписать стѣснительнымъ мѣрамъ, принятымъ противъ мѣстныхъ жителей агентами Мирзы-Юсуфъ-Хана, у котораго эта статья на откупѣ. Въслѣдствіе дѣлаемыхъ имъ стѣсненій, торговля лѣсомъ ограничивается одною продажей орѣховаго дерева, въ изобиліи растущаго по берегамъ Астрабадскаго залива. Между тѣмъ съ политико-экономической точки зрѣнія нельзя не согласиться, что вывозъ въ большихъ размѣрахъ лѣса изъ этой болотистой низменности не мало содѣйствовалъ бы развитію въ ней хлѣбопашества и улучшилъ бы гигиеническія условія всего быта здѣшняго населенія. Выказывая эту мысль, мы, разумѣется, не желаемъ исключить себя изъ числа ревностнѣйшихъ сторонниковъ тщательнаго сбереженія лѣсовъ, но въ виду высказанныхъ нами выгодъ, готовы на этотъ разъ поддерживать ее въ отношеніи не одной только низменной части Персіи, но и всего южно-каспійскаго побережья, включая сюда и Ленкоранскій уѣздъ, болотистая почва котораго покрыта такою же густою и непроходимою чащей лѣса. Другое дѣло горныя мѣстности, гдѣ лѣса имѣютъ иное значеніе.

Но обратимся къ описанію мешедисарскаго рейда.

Плоскій берегъ, на который мы высадились, устьямъ цѣлыми рядами песчаныхъ холмовъ съ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ небольшими палатками, вмѣщающими въ себѣ пріѣзжихъ купцовъ, которые нетерпѣливо ожидаютъ судовъ для отправленія въ Россію закупленнаго ими хлопка. Здѣсь же можно встрѣтить промышленниковъ Туркменъ, сбывающихъ Персіянамъ привозимую сюда съ острова Челекена нефть и соль. Но до прихода на берегъ Астрабадской или Мазандаранской провинціи, они обязаны предварительно

лвиться на островъ Ашуръ, гдѣ ихъ на русской морской станціи обезоруживаютъ и снабжаютъ паспортомъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Несмотря на эту осторожность, Туркменамъ удается зачастую скрывать оружіе въ лодкахъ, такъ что коварнымъ Персіянамъ, обманывающимъ своихъ гостей при расчетахъ, вѣрѣдко приходится дорого расплачиваться. Такъ они въ 1865 году, въ Мешедисарѣ, наказали таможеннаго сборщика, управляющаго и городомъ, забравъ первыхъ попавшихся имъ въ руки Персіянъ, въ числѣ которыхъ было тогда и нѣсколько его родственниковъ.

Лодки этихъ отважныхъ моряковъ стоятъ передъ самымъ устьемъ Бабуля, глубокой и широкой (25 саж.) рѣки, но запруженной банкомъ, осталяющимъ съ восточной стороны весьма узкій въ нее проходъ. Весною банкъ омывается напоромъ воды, происходящимъ отъ таянія снѣговъ въ горахъ и получаетъ въ то время глубину 4—5 футъ. Неудобство старой дороги въ Бальфрушъ, заставляетъ желать скорѣйшаго устройства береговой дороги по этой рѣкѣ изъ Мешедисара въ Бальфрушъ. Въ послѣднемъ находится огромный базаръ и складъ русскихъ товаровъ, доставляемыхъ сюда изъ Мешедисара (до 50 тыс. пуд.) для отправленія во внутреннюю Персію. Главный предметъ этого ввоза состоитъ въ желѣзѣ, мѣди въ слиткахъ (4 тыс. пуд.), мѣди въ дѣлѣ (400 мѣстъ), фарфорѣ, хрусталѣ и писчей бумагѣ. Ежегодный вывозъ товаровъ изъ Мешедисара требуетъ для нагрузки болѣе 70 судовъ и простирается по меньшей мѣрѣ до 300 т. пуд. Главные предметы вывоза составляютъ хлопчатникъ и сухіе фрукты, а за тѣмъ перецъ и гвоздика (до 3.000 пуд.). Собственно хлопчатника вывезено Обществомъ „Кавказъ и Меркурій“ въ 1864 году изъ Мешедисара, Астрабада и Астары 172 тыс. пуд., изъ которыхъ половина пришлась на первый изъ названныхъ портовъ, кромѣ 60—70 тыс. пуд., отправленныхъ на парусныхъ судахъ.

Близъ Мешедисара лежатъ три значительные города: Бальфрушъ, Амуль и Сари. Промежуточное разстояніе между ними не превышаетъ 20 верстъ. Благодаря густотѣ здѣшняго населенія, торговля въ Мешедисарѣ очень оживлена и общается еще большее развитіе въ будущемъ.

Послѣ пятичасовой стоянки передъ Мешедисаромъ, пародъ ровно въ часъ пополудни снялся съ якоря. Слѣдуя въ ВСВ. направленіи, мы находились въ такомъ близкомъ раз-

стояніи отъ низменнаго и песчанаго берега, что весьма вероятно могли ясно отличать слѣдовавшихъ по немъ всадниковъ. За густыми облаками, мы, къ сожалѣнію, на этотъ разъ были лишены удовольствія полюбоваться величественнымъ Демавендомъ, возвышающимся на 18.549 футовъ * надъ уровнемъ океана, и должны были ограничиться видомъ роскошныхъ лѣсовъ, подходящихъ къ самому морскому берегу и встрѣчающихся въ вихъ мѣстами развалинъ. Часа два спустя, мы прошли мимо четырехъ башенъ, выстроенныхъ по Феррахъ-Абадскому берегу въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ одна отъ другой и предназначавшихся въ былое время для защиты этихъ мѣстоостей отъ безпрестанныхъ набѣговъ Туркменъ. Нынѣ онѣ стоятъ пустыя и замѣняютъ въ нѣкоторомъ родѣ маяки, которыми столь бѣдны Каспійскія побережья. Между первою и второю башнями въ 1866 году былъ расположенъ шахскій лагерь. Это было первое посѣщеніе Насръ-Эддинъ-шахомъ своихъ приморскихъ владѣній. Здѣсь его привѣтствовали отъ лица Государя Императора и Августѣйшаго Его брата, намѣстника Кавказскаго, адмиралъ Воеводскій и генералы князь Орбеліани и Колюбакинъ, и здѣсь онъ впервые ступилъ ногой на русское судно.

Къ востоку отъ бывшаго мѣста шахскаго лагеря, близъ второй башни, находится устье рѣчки Феррахъ-Абадъ или Ахръ-Абадъ, гдѣ обыкновенно можно встрѣтить киржимы для отвоза въ Россію покупаемой здѣсь рыбы.

Продолжая плаваніе все въ томъ же ВСВ направленіи, мы не могли не обратить вниманія на перемѣну, происшедшую въ здѣшней растительности. вмѣсто сплошнаго лѣса, намъ только изрѣдка стали попадаться отдѣльно и уныло растущія на морскомъ берегу деревья. Коса эта, шириною не больше трехъ верстъ, вся состоитъ изъ морскихъ наносовъ. Она простирается верстъ на 45 вдоль материка, защищая собой предлинный, узкій (отъ 6 до 9 верстъ) и весьма неглубокій морской бассейнъ, который извѣстенъ подъ названіемъ Астрабадскаго залива. Песчаная коса эта прозвана Русскими полуостровомъ Потемкина, а Персіянами Міанъ-кале или Орусъ-кале, крѣпость Русскихъ, въ память набѣга Стеньки Разина, расположившагося около Феррахъ-Абада на зимъку.

* На 25 англ. фут. выше Эльбруса. Демавендъ, хотя и не имѣетъ, какъ исчислялъ г. Изашинцевъ, приписанной ему высоты 20 000 ф., но все-таки на 3 000 ф. выше Монблана.

IV.

Около семи часовъ вечера мы миновали острова Большой и Малый Ашуръ, служащія продолженіемъ изогнутой Подемкиной Косы, съ которою они, вѣроятно, соединятся въ близкомъ будущемъ. Направляясь къ туркменскому берегу или, лучше сказать, къ устью рѣки Хаджи-Нефесъ, мы оставили далеко за собой бѣлыя строения и стоявшія передъ нами суда нашей морской станціи на Большомъ Ашурѣ или Ашуръ-Аде. Прощедши мимо плывущаго маяка, обозначающаго сѣверо-восточную оконечность отмелей, заслоняющихъ входъ въ Астрабадскій заливъ, пароходъ нашъ миновалъ острова Малый и Большой Ашуръ и около десяти часовъ ночи направился верстъ двѣнадцать дальше къ югу, къ противоположному берегу персидскаго материка, къ тому самому мѣсту, которое на морскихъ картахъ названо „факторіей“ или гязскимъ берегомъ, а въ разговорномъ языкѣ извѣстно подъ именемъ „Перевала“.

Ночь была очаровательная. Луна обливала серебристымъ свѣтомъ поверхность Астрабадскаго залива, и въ воздухѣ царила невозмутимая тишина. Мы бросили якорь на рейдѣ, борть объ борть съ старымъ судовымъ *Котляревскій*, служащимъ дебаркадеромъ Обществу „Кавказъ и Меркурій“. Вблизи отъ насъ стояли парусныя коммерческія баржи и между ними *Шахъ*, одна изъ лучшихъ паровыхъ шхунъ упомянутой Компаніи. Для обезпеченія коммерческихъ интересовъ русскихъ подданныхъ, а преимущественно для огражденія ихъ, а равно и Персіянъ, отъ хищническихъ набѣговъ Туркменъ, здѣсь стояли два военныя сторожевыя судна: винтовая канонерка *Тюлень* и баржа *Гагара*.

Пароходъ оставался не долго на рейдѣ и къ полуночи вернулся въ Ашуръ-Аде. Онъ былъ привѣтствованъ вышедшимъ къ нему навстрѣчу паровымъ баркасомъ, который разноцветными фонарями и рассыпавшимися изъ его трубы мириадами искръ представлялъ по истинѣ чудесную картину.

Значеніе „Гязскаго берега“ весьма важно въ торговомъ отношеніи. Отсюда вывозятся товары слѣдующіе не только изъ Астрабадской провинціи и Хорасана, но и Хивы, Бухары, Авганистана и сосѣднихъ съ ними странъ Средней

Азіи. Если Англичанинъ Гольмъ могъ считать въ 1844 году здѣшнюю торговлю вовсе несуществующею, то тѣ успѣхи, которые она сдѣлала въ послѣднее двадцатилѣтіе, вполнѣ ручаются за дальнѣйшее ея развитіе подъ покровительствомъ русскаго правительства. Между вывозными товарами главное мѣсто занимаетъ хлопокъ. Значительный сбытъ этого продукта началась съ 1860 года и въ особенности увеличилась въ 1862—1863 годахъ. До того времени отпускъ хлопка преимущественно производился изъ Хорасана; Мазандаранъ же удовлетворялъ только потребности тамошняго населенія. Но въ послѣднія десять лѣтъ и изъ Хорасана вывозилось его не болѣе 10—15.000 пудовъ въ годъ. Въ настоящее же время отправляютъ съ Гязскаго берега до 80.000 пудовъ. * Кромѣ обыкновенныхъ персидскихъ харамовъ, содержащихъ по 5 пуд., тамъ встрѣчаются и маленькіе, почти кубической формы, тюки туго спрессованнаго хлопка. Имѣя весьма малый объемъ и не болѣе трехъ съ половиной пудовъ вѣсу, они очень удобны для перевозки. Такого рода укладка введена въ Хорасанѣ Англичаниномъ Лангфельдомъ, убитымъ Персіянами четыре года тому назадъ, на дорогѣ изъ Астрабада къ Гязскому берегу. Фруктовъ вывозятъ изъ Астрабадскаго залива въ Россію 10—15.000 пудовъ; орѣховаго дерева отъ 40—50.000; шелку весьма мало, потому что онъ здѣсь больше всего идетъ на мѣстное потребленіе. Въ былые годы отсюда отправлялось въ Россію 100.000 пудовъ рису, но вывозъ этотъ прекратился вслѣдствіе запрещенія, послѣдовавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ со стороны персидскаго правительства. Въ послѣднее неурожайное время, а въ особенности послѣ посѣщенія шаха, сюда привозилось много пшеницы изъ Закавказья и преимущественно изъ Ленкоранскаго уѣзда.

Хотя всѣ названные товары вывозятся преимущественно въ европейскую Россію, но закупаютъ большею частью закавказскіе туземцы, въ особенности Бакинцы, Шемахинцы, Кубинцы и Армяне изъ Акулисъ, близъ Ордубата.

Гязская пристань, на которую не мало можно услышать жалобъ въ Баку, очень меня заинтересовала. Она

* Англичанинъ Эствикъ оцѣнилъ въ 1863 году вывозъ хлопчатой бумаги изъ Хорасана въ 3½ милліона фунтовъ, что равняется 87.500 пудамъ.

устроена весьма незатѣливо. Это не что иное какъ нѣскольکو рядовъ кольевъ, выведенныхъ, по причинѣ здѣшняго мелководья, сажень на 200 въ море, съ устроенною на нихъ изъ плахъ довольно узкою настилкою. На мосткахъ этихъ перекатываются предлинныя, узкія тѣла хлопка, извѣстныя здѣсь подъ названіемъ хараловъ или халваровъ, при чемъ подвергаются нерѣдко подмочкѣ. По окончаніи судоходства по Каспійскому морю, мостки эти разбираются, изъ нежелательнаго опасенія персидскихъ сановниковъ, чтобъ они не содѣйствовали десанту Русскихъ, о которомъ персидскія власти бредятъ денно и нощно.

Что касается береговыхъ строеній, то они во всемъ соотвѣтствуютъ пристани, подвергаясь, по упомянутымъ же расчетамъ, одинаковой съ нею участи. Они возводятся изъ плетенки съ камышевою крышею и служатъ для склада хлопка, который однакоже не избѣгаетъ въ нихъ сырости и гніенія. За право возведенія подобныхъ шалашей купцы наши вносятъ персидскимъ сановникамъ ежегодную плату въ 150 руб. сер.

Такова такъ-называемая Гязская факторія нынѣ. А дабы дать понятіе о томъ, чѣмъ она могла бы быть, стоить только обратиться къ свѣдѣніямъ о производительности и торговлѣ сосѣдняго Хорасана, сообщеннымъ въ замѣчательномъ отчетѣ представленномъ по этому предмету секретаремъ англійскаго посольства въ Тегеранѣ на имя лорда Росселя. Авторъ отчета предлагаетъ англійскому правительству, для удешевленія подвоза къ Гязу хлопка, устроить конно-желѣзную дорогу отъ Астрабадскаго залива до Себзева, центра хорасанскаго хлопчатобумажнаго производства, на что, по его соображеніямъ, понадобится лишь 240 т. ф. стерл. или около полутора милліона на наши деньги *. И въ насъ Хорасанская провинція не можетъ не возбудить самаго живѣйшаго интереса. Она производитъ шерсть, которую Англичане въ 1859 году вывозили, въ подрывъ, намъ въ Бендеръ-Бушеръ **. Кромѣ шерсти и хлопка,

* Напечатанъ въ *Reports by H. M's Secretaries of Embassy and Legation, on the manufactures, commerce etc. of the countries in which they reside*, № 6. London. 1863. См. также Petermann, *Geographische Mittheilungen*. 1864 p., 7.

** См. мою *Замѣтку* объ отхоженіи города *Батумъ* къ *Кавказскому транзиту*.

Хорасанъ могъ бы намъ доставлять кожу, разные металлы, драгоценныя камни и сушеные фрукты. Отсюда же вывозится ежегодно 50 т. лисьихъ и 2—4 т. кунныхъ мѣховъ въ Россію, гдѣ первые продаются по 1 р. 20 к., послѣдніе по 3 р. 60 к. штука, тогда какъ въ Хорасанѣ они приобретаются по 45—60 к. и отъ 1 р. 35 к. до 1 р. 80 к.

Хорасанъ изобилуетъ и свинцомъ, желѣзомъ, мѣдью, сурьмой, алебастромъ, сѣрой и солью. Въ послѣдніе 15 лѣтъ, верстахъ въ 30 къ западу отъ Мешеда, добывалось серебро. Въ рѣчкахъ тамошнихъ попадаетса и золото. Но самая большая польза получается отъ разработки мѣдныхъ рудъ, которыя близъ Шахруда даютъ 30 коп. чистой прибыли съ фунта. Селитра попадаетса вездѣ; Альбурзскій хребетъ, отъ Решта до Мешеда, болѣе чѣмъ на 1.000 верстѣ, изобилуетъ каменнымъ углемъ, славится бирюзовыми рудниками и доставляетъ въ Нишабуръ яхонты и изумруды.

Изъ Гязи до Астрабада считается около 40 верстѣ, и черводары достигаютъ Шахруда, въ Хорасанѣ, на четвертый день.

Бѣдность нашей литературы сочиненіями о Каспійскомъ морѣ, невольно заставляетъ насъ обратиться къ англійскимъ писателямъ. Первый путешественникъ, описавшій намъ эти страны съ коммерческой точки зрѣнія былъ Ганвей, высадившійся въ декабрѣ 1743 года въ Астрабадскомъ заливѣ. Хотя предпріятіе его учредить подъ покровительствомъ Надиръ-Шаха въ Мешедѣ складъ англійскихъ товаровъ и не удалось, тѣмъ не менѣе сочиненіе его составляетъ отащный источникъ свѣдѣній о торговомъ движеніи, существовавшемъ въ прежнія времена на Каспійскомъ морѣ. Ганвей * говоритъ, что знакомство Русскихъ съ сѣверными персидскими провинціями началось въ 1556 году, когда на Каспійскомъ морѣ появились первыя парусныя суда. Торговля не могла однако здѣсь установиться, потому что въ то время Гилянъ и Мазандаранъ принадлежали Туркамъ, не допускавшимъ сюда Европейцевъ. Коммерческія дѣйствія сосредоточивались поэтому собственно въ бывшемъ Ширванѣ (Шемахѣ), торговлей же занимались болѣе Англичане (не Армяне ли?) Хотя со времени Петра Великаго южное побережье и отошло къ Россіи, но для нашихъ купцовъ оно все-таки оставалось неизвѣстнымъ до 1743 года, когда Джонъ Эльтонъ, состояв-

* I. Hanway. *An historical account of the british trade on the Caspian Sea.* London, 1754 r. 4°.

шій въ русской службѣ, отправился въ Персію съ коммерческою цѣлью, и Русскіе вошли въ сношенія съ сѣверными персидскими провинціями. Но внутренніе беспорядки и смуты, волновавшіе тогда Персію, не могли не отозваться и на южномъ прибрежьи Каспійскаго моря, а равнодушіе мѣстныхъ жителей къ собственнымъ интересамъ всегда препятствовало развитію торговли, которая и до настоящаго времени не достигла тѣхъ результатовъ, какихъ слѣдовало бы ожидать отъ нея въ виду природнаго богатства персидскихъ провинцій.

Въ 1843 году, ровно сто лѣтъ спустя послѣ посѣщенія Ганвея, для обезпеченія интересовъ русскихъ подданныхъ (бакійскихъ и астраханскихъ Татаръ), давно уже занимавшихся здѣсь дѣятельнымъ каботажнымъ судоходствомъ и постоянно подвергавшихся хищническому набѣгамъ со стороны Туркменъ, морская станція, находившаяся до того на островѣ Саръ, около Ленкорани, была переведена на островъ Ашуръ, лежащій при входѣ въ Астрабадскій заливъ. Еще въ тѣ времена, когда здѣсь стояли лишь двѣ палатки, занятыя большими, палатка начальника станціи, капитанъ-лейтенанта Дюгамеля, да груда каменнаго угля, — это мѣсто посѣтилъ Англичанинъ Гольмсъ*, гостившій 16-го января 1844 года на нашемъ пароходѣ *Кама*, въ то время единственномъ на Каспійскомъ морѣ. Недовѣрчивость и ненависть Персіянъ къ нашимъ не укрылись отъ путешественника, удивлявшагося какъ Русскіе живутъ въ такомъ негостеприимномъ и невыгодномъ для нихъ мѣстѣ, получая притомъ въ отвѣтъ на свои услуги одну неблагодарность.

Со времени учрежденія на островѣ Ашуръ-Аде морской станціи и путешествія Гольмса прошло 23 года, и во все это время мало чтó измѣнилось въ положеніи тамошнихъ русскихъ моряковъ. Постоянныя опасенія Персіянъ относительно распространенія нашего вліянія дозволили намъ возвести на упомянутомъ островѣ лишь деревянную церковь и два-три домика, гдѣ помѣщается, между прочимъ, и начальникъ морской станціи. Имѣющіяся же здѣсь другія помѣщенія не заслуживаютъ и упоминанія. При такой обстановкѣ люди здѣсь, какъ и въ бывшее время, часто болѣютъ и умираютъ отъ злокачественныхъ лихорадокъ.

Что касается военныхъ судовъ, то число ихъ увеличилось

* R. Holmes, *Sketches of the shores of the Caspian*. 1845 г. 8°.

зѣсь со времени развитія въ здѣшнемъ краѣ русскоѣ торговли. Кромѣ двухъ небольшихъ сторожевыхъ судовъ, мы застали на Ашурской станціи паровую шхуну *Курда* въ 60 силъ, парусную шхуну *Муха* и неповоротливаго *Калмыка*—этого Левіаана Каспійскаго моря, обреченнаго доживать свой вѣкъ на здѣшнемъ рейдѣ. Служба первыхъ двухъ судовъ состоитъ въ конвоированіи каравановъ купеческихъ судовъ, исключая парашодовъ, отъ Астрабадскаго залива до высоты Мешедисара: дальше этого пункта Туркмены не простираютъ своихъ набѣговъ; затѣмъ въ наблюденіи за порядкомъ и безопасностью вдоль персидскихъ береговъ и восточнаго ближайшаго туркменскаго берега. Для достиженія послѣдней цѣли въ прежнее время служили гребныя лодки и баркасы, которые съ нѣкотораго времени съ пользою замѣняются двумя паровыми баркасами. Только подобныя мелкія суда, сидящія отъ 2½—3 футовъ въ водѣ и вооруженныя пушкой, въ состояніи преслѣдовать ловкихъ Туркменъ въ камышахъ мелководныхъ береговъ.

На одномъ изъ этихъ баркасовъ мы совершили поѣздки вдоль Астрабадскаго залива къ Амрефскимъ дворцамъ шаха Аббаса. Но прежде чѣмъ скажемъ о ней нѣсколько словъ, обратимъ вниманіе на отношеніе Астрабадскаго залива къ Каспійскому морю, какъ на одно изъ интереснѣйшихъ явленій физической географіи въ здѣшнемъ краѣ.

Во многихъ мѣстахъ на берегу моря, при устьѣ впадающихъ въ него рѣкъ, образовался особенный родъ озерковъ, содержащихъ то соленую, то болѣе или менѣе солодковатую, то совершенно прѣсную воду, смотря по степени ихъ измѣнчиваго сообщенія съ моремъ. Подобное явленіе встрѣчается на прусскихъ берегахъ Балтійскаго моря, гдѣ эти второстепенныя водовмѣсталища извѣстны подъ названіемъ „гафовъ“; оно встрѣчается также въ сѣверной Дакіи; по фриландскимъ и голландскимъ берегамъ Нѣмецкаго моря; въ Испаніи около Мурсіи; по сѣверо-западному италянскому берегу Адриатическаго моря, гдѣ находятся всѣмъ извѣстныя „лагуны“ съ ихъ низменными и узкими косами, называемыми „lido“; по атлантическимъ берегамъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, начиная отъ Виргиніи къ югу, и по всему Мексиканскому заливу до полуострова Юкатана.

Ось озерковъ раскинутыхъ вдоль Каспійскаго моря, на-

чаяя отъ Ленкорани, параллельна съ моремъ, отъ котораго она обыкновенно отдѣлена лишь узкою косой. Изъ числа морцовъ, расположенныхъ въ меридіанальномъ направленіи, упомянемъ о Кумбашинскомъ морцѣ, вдоль котораго почтовая дорога тянется верстъ на 20 до самой Ленкорани по узкой, плоской косѣ; къ самымъ замѣчательнымъ морцамъ южнаго берега принадлежатъ персидскіе *мурдъ-абы* * въ Эвзели и такъ-называемый Астрабадскій заливъ.

V.

Астрабадскій заливъ, изображавшійся до сихъ поръ на европейскихъ картахъ по замѣткамъ англійскихъ путешественниковъ въ весьма невѣрныхъ очертаніяхъ, въ новѣйшее время тщательно изслѣдованъ промѣрною экспедиціей капитана 1-го ранга Ивашинцова. На собранныхъ ею данныхъ основана специальная карта, изданная географическимъ департаментомъ морскаго министерства, которою мы и пользовались для болѣе точнаго знакомства съ особенностями этого своеобразнаго водовмѣстилища.

Астрабадскій заливъ, по его формѣ, можно сравнить съ раставутымъ прямоугольнымъ треугольникомъ, однимъ катетъ котораго простирается съ запада на востокъ верстъ на 50, образуя прямой уголъ со стороной, имѣющею въ меридіанальномъ направленіи около 13 верстъ. Съ сѣверной стороны заливъ ограниченъ Потемкинскою косой, образующею своею осью съ южнымъ его берегомъ или, что почти то же, съ параллельнымъ кругомъ уголъ, примѣрно, въ 10 градусовъ. Потемкина коса, имѣющая версты три средней ширины, представляетъ такимъ образомъ гипотенузу означеннаго прямоугольника. Впрочемъ, коса эта, имѣя не болѣе сорока-пяти верстъ длины, не плотно замыкаетъ собой Астрабадскій заливъ, а имѣетъ на восточной оконечности, въ одномъ съ нею направленіи, два острова, Большой и

* *Мурдъ-абы*—мертвая вода, на персидскомъ языкѣ называются морцы по причинѣ стоячаго, болѣе или менѣе болотистаго свойства воды, или по случаю защиты, доставляемой ими судамъ отъ господствующаго на самомъ морѣ волненія.

Малый Ашуръ, изъ которыхъ первый, при ширинѣ въ 300 сажень, имѣетъ около версты, а второй, при незначительной ширинѣ, около двухъ верстъ длины. Проливъ между Потемкиною косою и Большимъ Ашуромъ, судя по картѣ, можетъ считаться въ двѣ съ половиною версты ширины; промежутокъ между Большимъ и Малымъ Ашуромъ имѣетъ четыре версты ширины; такой же ширины проливъ находится между восточною оконечностью Малаго Ашура и восточнымъ или Туркменскимъ берегомъ Каспійскаго моря. Значеніе и польза этихъ трехъ проливовъ при всемъ ихъ видимомъ тождествѣ, весьма различны для мореплаванія. Тогда какъ между Потемкиною косою и Большимъ Ашуромъ гидрографическая карта показываетъ до четырехъ футовъ глубины, и здѣсь иногда проходятъ паровые баркасы, на которыхъ объѣзжаютъ эти острова, широкій промежутокъ между двумя островами Ашуръ до такой степени обмелѣлъ, что его верѣдко можно переходить въ бродъ. Близко же къ восточному берегу Каспійскаго моря тянется фарватеръ средней 12-ти футовой глубины, около котораго, впрочемъ, на картѣ отмѣчена и глубина отъ 18 до 20 футовъ. Свойство морскаго дна къ востоку отъ оконечности Потемкина мыса, то-есть крайняя плоскость моря между островами Ашуръ и широкая мелководная полоса, примыкающая къ Малому Ашуру съ сѣвера до пловучаго маяка, подтверждаетъ предположеніе, по которому Астрабадскій заливъ во времена Александра Македонскаго составлялъ озеро прѣсной воды. Узкія песчанья полосы, подобныя тѣмъ, которыя въ южной Россіи характеризически прозваны „пересыпями,“ по временамъ прорываются водой и потомъ вновь закрываются, что, вѣроятно, неоднократно случалось съ Потемкиною косою.

Древніе писатели утверждали, что вода Каспійскаго моря, несмотря на его обширность, прѣсна, указывая на это обстоятельство какъ на поразительное явленіе. Такого рода свидѣтельство встрѣчаемъ у Курція, Страбона, Плинія, Плутарха. Должно думать, что они принимали озеро, прилегавшее къ морю, или нынѣшній Астрабадскій заливъ за самое море. Плутархъ свидѣтельствуетъ, что Александръ Македонскій напился въ Гирканіи (нынѣшней Астрабадской провинціи) прѣсной воды изъ Каспійскаго моря. Обративъ, благодаря

Землеводнью Риттера, * вниманіе на это замѣчательное и единодушно высказанное заявленіе древнихъ, мы ожидали и теперь найти въ Астрабадскомъ заливѣ прѣсную воду **, но тщетно.

Глубина Астрабадскаго залива такая же какъ и въ Эзелевскомъ мурдъ-абѣ и другихъ мордахъ вдоль Каспійскаго берега. Только къ югу отъ острововъ Ашуръ тянется съ запада на востокъ, верстъ на 14, ложбина съ глубиной отъ 19 до 21 фута, при незначительной ширинѣ отъ двухъ до трехъ верстъ. Затѣмъ по всему остальному протяженію восточной половины Астрабадскаго залива считается отъ 15 до 18 футовъ глубины, которая постепенно уменьшается съ приближеніемъ къ плоскимъ берегамъ, большею частію обросшимъ камышемъ. Западная половина Астрабадскаго залива гораздо мельче восточной. Здѣсь только въ самой серединѣ залива встрѣчается глубина 7—8 футовъ, но и та прерывается отмелями, которыхъ нѣтъ среди восточной, глубокой котловины бассейна. Самый же западный уголъ залива до того обмельчалъ, что глубина его на протяженіи многихъ верстъ не превышаетъ 5—6 футовъ.

Главное различіе Астрабадскаго залива съ Эзелевскимъ въ ихъ входѣ. Передъ Эзелевскимъ мурдъ-абомъ, имѣющимъ входъ на самой серединѣ растянутой съ запада на востокъ болотистой ложбины, находится баррѣ, представляющій, при господствующихъ на Каспійскомъ морѣ сильныхъ буранахъ, большое препятствіе ко входу болѣе или менѣе значительныхъ судовъ; входъ же въ Астрабадскій заливъ защищенъ островами Ашуръ и лежащею передъ ними отмелью, состояющею нѣкотораго рода молъ или волкорѣзъ. Такимъ образомъ входъ въ этотъ прекрасный бассейнъ во всякое время года обезпеченъ для судовъ, сидящихъ въ водѣ не глубже 12 футовъ; а этимъ совершенно опровергается невѣрное описаніе этого входа, сообщенное Риттеромъ на основаніи показаній Эйхвальда, считавшаго глубину 15 футовъ, какъ она отмѣчена въ этомъ мѣстѣ на картѣ Колоткина, исчез-

* C. Ritter, *Erdkunde von Asien*, VIII, 3 B., *Westasien*, стр. 526.

** Вода этого свойства, дѣйствительно, существуетъ въ западномъ крайнемъ углу водовмѣстнаща, гдѣ, при незначительной его глубинѣ, впадаетъ въ него множество рѣчекъ.

вумшею въ десятилѣтній періодъ времени между упомянутою съемкой и его путешествіемъ. Изъ словъ г. Эйхвальда можно заключить, что штурманъ его, отравившись на высотѣ Ашура для промѣровъ къ югу, попалъ на известную отмель, тогда какъ на востокъ отъ нея, близъ туркменскаго берега, оставался глубокій фарватеръ. Вслѣдствіе такого недоразумѣнія, судно Эйхвальда принуждено было бросить якорь на высотѣ Ашура, въ дальнемъ разстояніи отъ берега, и оное впалъ въ заблужденіе, будто входъ въ Астрабадскій заливъ значительно измѣнился.

Для подробнаго сравненія Эзеделинскаго залива, который, можетъ-быть, нѣсколько и глубже чѣмъ показываютъ Англичане, съ Астрабадскимъ, у насъ нѣтъ матеріаловъ. Прекрасный промѣръ и съемка Каспійскаго моря только слегка касаются открытыхъ персидскихъ береговъ, допустивъ пробѣлъ, вовсе не обусловливаемый постановленіями Туркменчайскаго трактата, предоставляющаго русскому флагу исключительное господство на водахъ Каспійскаго моря.

Трехдневная стоянка почтоваго парохода въ Астрабадскомъ заливѣ дала намъ возможность воспользоваться паровымъ баркасомъ *Скорый* и отправиться въ Ашрефъ. Небольшое общество наше состояло изъ двухъ дамъ и нѣсколькихъ офицеровъ. *Скорый* и его дружка *Проворный* выстресены въ Швецію и похожи по ходу и конструкціи на невскіе парходики, поддерживающіе въ лѣтніе мѣсяцы сообщеніе между островами Петербурга. Они приносятъ большую пользу при преслѣдованіи Туркменъ, рыщущихъ по камышамъ, покрывающимъ берега Астрабадскаго залива и восточный туркменскій берегъ Каспійскаго моря. На выстрѣлъ съ баркаса туркменская лодка обязана остановиться и засвидѣтельствовать свои миролюбивыя намѣренія предьявленіемъ паспорта, которымъ Туркмены снабжаются на нашей морской станціи. Отъ преслѣдованія этихъ баркасовъ ускользаютъ только куласы, * простыя же туркменскія лодки въ этомъ не успѣваютъ.

Мы оставили Газскій берегъ 23-го мая въ часъ по полу-

* Выдолбленный изъ цѣльнаго дерева плоскодонный челнокъ, на которомъ Туркмены отваживаются иногда пускаться въ открытое море.

ночи, при яркомъ лунномъ свѣтѣ, и до шестаго часа утра плыли по направленію къ западу, вдоль южнаго берега Астрабадскаго залива. Глубина воды, вообще незначительная по всему пути нашего плаванія, близъ устья рѣки Кара-тэпэ (черный холмъ) уменьшилась до того, что мы чуть было не сѣли на мель, но, къ счастью, благополучно достигли того мѣста, гдѣ Туркмены ожидали нашего прибытія. Путешный выстрѣлъ далъ знать жителямъ Кара-тэпэ о томъ, чтобы намъ выслали верховыхъ лошадей.

Заливъ передъ устьемъ Кара-тэпэ (не той рѣки, на которой лежитъ деревня этого же имени, а другой, лежащей болѣе къ востоку) до того мелокъ, что мы съ большимъ трудомъ могли приблизиться на лодкахъ къ берегу, и то только благодаря устроенному по плоскому морскому дну каналу, по которому Туркмены доставляютъ соль и нефть въ деревню Кара-тэпэ. Все это пространство прибрежной полосы залива, шириной съ версту, поросло сплошнымъ камышомъ и изобилуетъ особенною породой небольшихъ рыбъ (*gobius*), извѣстныхъ подъ именемъ „бычокъ“, и множествомъ безвредныхъ здѣсь змѣй. Замѣчательное изобиліе этихъ гадюкъ составляетъ, впрочемъ, явленіе, свойственное не только западному углу, но всему Астрабадскому заливу, какъ это замѣтилъ еще въ 1832 году извѣстный А. Борясь.

Деревня Кара-тэпэ лежитъ на рѣкѣ Байрамъ-Али-Кияси и была извѣстна дворцомъ, построеннымъ шахомъ Аббасомъ I. Она населена при Надиръ-Шахѣ Афганями, которые, будучи суннитами, служатъ посредниками между Персіянами и Туркменами во всѣхъ переговорахъ и сдѣлкахъ. Не лишнимъ считаю упомянуть, что извѣстный венгерскій путешественникъ Вамбери, въ 1863 году, именно здѣсь нашелъ случай пробраться черезъ туркменскія степи въ Хиву и Бухару.

VI.

Отъ берега Астрабадскаго залива до Ашрефа считается около восьми верстѣ. Почва на всемъ этомъ пространствѣ сырая, мѣстами даже покрыта водой и поросла золототысячникомъ, керметомъ и другими растеніями свойственными солончакамъ. При невыносимомъ зноѣ и сырости, лихорадки въ этихъ мѣстахъ крайне злокачественны. Мы только изрѣдка

встрѣчали луга, покрытые роскошною травой, на которой паслись стада очень красивой породы рогатаго скота. Эта порода распространена по всему южно-каспійскому побережью до самой Ленкорани и происходитъ, судя по встрѣчающемуся весьма нерѣдко очень значительному горбу, отъ индійской породы зебу. Польза, которую она приноситъ въ хозяйство, не очень значительна, такъ какъ она даетъ очень мало молока. Въ прежнее время скотъ этотъ былъ очень дешевъ, такъ что за хорошую корову платили здѣсь отъ 2 до 3 червонцевъ; нынѣ цѣна эта почти удвоилась.

Приближаясь къ Ашрефу, намъ пришлось слѣдовать мимо чалтычныхъ (рисовыхъ) полей. Ихъ только что пололи и затѣмъ проходили по нимъ хворостиной, этимъ прототипомъ бороны, влекомой парю быковъ, которые поминутно вязли по самое туловище въ болотистой почвѣ. Поля, по расчищенію, не разбиваются, какъ на Кавказѣ, на множество каѣтокъ, но представляютъ одну ровную, нераздѣльную плоскость. Особенно забавны на нихъ колья съ прикрѣпленными къ нимъ кабаньими головами, служащими для предохраненія полей отъ дурнаго глаза. Этотъ же обычай существуетъ и у закавказскихъ мусульманъ, которые кабаньи головы замѣняютъ черепами или челюстями быковъ, буйволловъ и собакъ.

Ближе къ деревнѣ дорога идетъ сначала черезъ рощу дикихъ гранатовыхъ деревьевъ, бывшихъ въ полномъ цвѣтѣ, и затѣмъ черезъ поля хлопчатника и бобовъ, составляющихъ любимую приправу персидскаго плова. Но вотъ показалось бѣлое кубическое строеніе Сефи-Абадскаго дворца, окруженное высокими, стройными кипарисовыми деревьями, завидное намъ еще съ Каспійскаго моря, изъ-за Потемкиной косы, до входа нашего въ Астрабадскій заливъ.

Последнее, что обратило на себя наше вниманіе на пути къ Ашрефу, была роща гладкоствольныхъ гранатовыхъ кустовъ и сады смоковницъ. Здѣшняя смоковница отличается отъ обыкновенной (*Ficus carica* L.) и принадлежитъ, если мы не ошибаемся, къ одному изъ тѣхъ видовъ, которые описалъ Гаспарини въ южной Европѣ.*

Ашрефъ, подобно Казбину, утопаетъ въ садахъ, въ кото-

* Трудъ Гаспарини извѣстенъ намъ по отзыву Альфонса Декалдоля въ его *Géographie botanique*, Paris. 1855. т. II, стр. 918.

рыхъ Туркмены стерегутъ и зачастую берутъ въ плѣнъ оплошныхъ Персiанъ, что и случилось не задолго до нашего сюда прибытiя. Черезъ Ашрефъ проходитъ телеграфная проволока, но станцiи здѣсь нѣтъ; ближайшiя станцiи находятся, одна верстъ за 140, въ Бальфрушъ, а другая въ противоположную сторону верстъ за 110, въ Астрабадъ.

Ашрефъ богатъ памятниками, свидѣтельствующими о миновавшей, славаой эпохѣ Персидскаго государства. Между прочимъ здѣсь уцѣлѣла часть хiябана или шоссе, устроеннаго шахомъ Аббасомъ, вдоль каспiйскаго побережья.

Пока небольшое общество наше отдалось отдохновенiю, я спустился въ цистерну, которой красивый и высокiй порталъ возвышается около воротъ, ведущихъ въ главную аллею лучшаго изъ ашрефскихъ садовъ. Сводъ цистерны имѣетъ двѣ сажени ширины и столько же высоты и спускается внизъ подъ угломъ 45 градусовъ. Самая же цистерна, по глазомѣрному исчисленiю, имѣетъ по меньшей мѣрѣ восемь сажень глубины. Вода въ нее пропускается черезъ мѣдный край; ея температуръ не выше 7° Р. Лучшая часть шахскаго сада та, гдѣ сохранилась бесѣдка извѣстная полъ именемъ Чихиль-Сутуль*, то-есть сорока столбовъ. Къ ней ведетъ аллея роскошныхъ кипарисовъ и тополей, посреди которой проходитъ открытый водопроводъ, сложенный изъ плитняка, шириной въ 4 фута. Водопроводъ мѣстами прерывается уступами, съ которыхъ вода стекала по круто-поставленной плитѣ съ высѣченными на ней раковиннообразными украшенiями. Последнiя, задерживая и раздробляя широкую струю воды, увеличивали эффектъ образовывавшихся такимъ образомъ каскадовъ. Для освѣщенiя сада въ боковыхъ верхнихъ каменныхъ плитахъ водопровода и канала выдолблены отверстiя для укрѣпленiя въ нихъ свѣчь, отъ которыхъ и самый бассейнъ передъ бесѣдкой названъ

* Столбовъ здѣсь вовсе не 40, а всего 16; слово же 40 въ персидскомъ языкѣ, подобно татарскому *кыркъ* (напримѣръ, въ часто встрѣчающемся названiи *кыркъ-булакъ*, — 40 ключей), нерѣдко употребляется въ смыслѣ вообще большаго количества, подобно тому какъ въ другихъ языкахъ цифры сто или тысяча. Садъ Чихиль-Сутуль, по свидѣтельству г. Мельгунова, занимаетъ сашкомъ шесть десятинъ. (См. *О пѣжномъ берегу Каспiйскаго моря*. Спб. 1863 г., 8, стр. 105.)

Хаузе-Чираганъ, то-есть бассейны со свѣчами. Весь садъ Чихиль-Сутунъ переоткается накрестъ четырьмя водопроводами, соединяющимися въ *Хаузе-Чираганъ*, главномъ бассейнѣ, куда прохладная вода стекается изъ горныхъ родниковъ въ соседствѣ съ Чихиль-Сутуномъ, имѣя температуру не выше 13° Р. Обширное водохранилище это, по свидѣтельству г. Мельгунова, имѣетъ глубину 6 футовъ, при ширинѣ 50-ти и длинѣ 60-ти шаговъ, составляя такимъ образомъ площадь воды не меньше $\frac{1}{7}$ десятины. По причинѣ такого изобилія прохладной ключевой воды ашрефскіе сады и названы Имарети-Хушмъ, то-есть садовыми дворцами ключей. *

Бесѣдка, покрытая плоскою черепичною крышей, со стороны моря поддерживается своими шестнадцатью толстыми чинаровыми столбами и возвышается сажени на двѣ надъ уровнемъ сада. Во всемъ отроеніи, сооруженномъ, какъ гласитъ преданіе, въ 1731 году Надиръ-Шахомъ на мѣстѣ возведеннаго здѣсь Шахъ-Аббасомъ дворца, въ послѣдствіи сожженнаго Афганами при нападеніи ихъ на Ашрефъ, ничего нѣтъ особенно прекраснаго и изящнаго: это простой павильонъ, очень обыкновенный въ персидскихъ садахъ новѣйшаго времени. Онъ замѣчательнъ развѣ только своими размѣрами, благодаря которымъ самое большое общество нашло бы подъ его кровлей защиту отъ непогоды или пріютъ отъ палящаго полуденнаго зноя.

Ашрефскіе сады, такъ удачно названные Александромъ Борнсомъ въ 1832 г., персидскимъ Версалемъ, отличаются весьма рѣдкою въ Персіи роскошью травы и свидѣтельствуютъ объ удивительномъ разнообразіи архитектурнаго стилия въ постройкахъ, между которыми Чихиль-Сутунъ можетъ назваться самою незатѣливой. Но зато бесѣдка до того хорошо сохранилась, что я сильно сомнѣваюсь въ приписываемой ей древности и готовъ скорѣе отнести возведеніе ея къ началу настоящаго столѣтія. Въ саду *Баги-Чихиль-Сутунъ* весной прошедшаго года, за нѣсколько недѣль до нашего пріѣзда, жилъ Насръ-Эдинъ-Шахъ. Онъ приказалъ возобновить ашрефскіе сады и назначилъ даже на этотъ предметъ значительную сумму денегъ, но едва ли она когда-нибудь дойдетъ по назначенію.

* С. Ritter, въ вышеприведенномъ сочиненіи, стр. 525.

Несмотря на одичалую растительность Баги-Чихиль-Сутуна, первоначальный порядокъ насажденій все-таки сохранился въ нихъ на столько, что черезъ померанцевыя аллеи видѣются отовсюду предѣлы сада,—высокія, изящно построенныя изъ кирпича стѣны, за которыми расположены еще пять садовъ, сохранившіеся, впрочемъ, несравненно хуже Чихиль-Сутуна. Одинъ изъ этихъ садовъ, лежащій на западъ, замѣчательнъ дворцомъ, построеннымъ въ честь XII имама Мехти, но нынѣ находящимся въ запустѣніи. Предъ нимъ стоятъ два красивые клена и нѣсколько кипарисовъ и померанцевыхъ деревьевъ. За садомъ лежитъ ущелье, обильное развалинами, и высится гора, вся покрытая роскошными, дикорастущими лѣсами.

Съ восточной стороны Баги-Чихиль-Сутуна находится садъ Баги-Тэвз (садъ на холмѣ). Въ немъ сохранилась башня, которой стѣны, равно какъ и другихъ строеній въ Ашрефѣ, испещрены пинами русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ, посѣтившихъ эти мѣста. Съ башни открывается прекрасный видъ на деревню Ашрефъ и Каспійское море.

Желающихъ ближе познакомиться съ ашрефскими садами мы отсылаемъ къ сочиненіямъ гг. Мельгунова и Аузаевъ.*

На слѣдующее утро послѣ прибытія въ Ашрефъ, мы посѣтили Сефи-Абадскій замокъ.

Сефи-Абадъ, построенный, какъ видно изъ самаго названія, шахомъ Сефи (1627—41), лежитъ на горномъ отрогѣ, который поднимается къ северу отъ деревни Ашрефъ и примыкаетъ къ Альбурзскому хребту. Такое положеніе дворца дозволило провести въ него отовсюду ключевую воду и устроить здѣсь множество фонтановъ. То же самое можно сказать и о баняхъ, конюшняхъ и службахъ, которыя занимаютъ громадную каменную террасу, служащую пьедесталомъ Сефи-Абадскому двору и окружающимъ его деревьямъ.

* W. Onseley: *Travels in various countries of the East; more particularly Persia*. London, 1828 г., 4°, t. III. Для нагляднаго понятія объ ашрефскихъ садахъ было бы желательно имѣть фотографическіе съ нихъ снимки. Осуществленіе этого желанія, впрочемъ, недалеко. Еще въ послѣднюю зиму одинъ фотографъ съ Кавказа посѣтилъ Астрабадскую провинцію и привезъ оттуда нѣсколько удачно сдѣланныхъ видовъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства помѣшали ему побывать въ Ашрефѣ.

Входъ на террасу защищенъ большою стѣною, сложеною изъ булыжника. Главная красота дворца заключается въ величественныхъ и изящныхъ сводахъ, выведенныхъ съ изумительною свѣлостью. Къ сожалѣнію, въ настоящее время значительная часть его въ такомъ жалкомъ положеніи, что угрожаетъ окончательнымъ разрушеніемъ. Видъ съ Сефи-Абада на окрестности очарователенъ. Съ одной стороны высятся лѣсистыя предгорья Альбурза, окаймляющія ашрефскія рощи, сады и поля съ разбросанными по нимъ жилищами поселянъ. Съ другой, по направленію къ морю, разстилается недавно только высвободившаяся изъ-подъ морскихъ волкъ обширная плоскость, испещренная множествомъ протекающихъ по ней рѣчекъ и между ними Шинелу съ деревушкой того же имени, окруженною высокими стѣнами, съ круглыми по угламъ башнями, и представляющею среди безлѣсной плоскости рѣзкую противоположность съ соседними деревьями, утопающими въ чащѣ роскошныхъ лѣсовъ и садовъ. Далѣе видѣются поросшіе камышомъ берега Астрабадскаго залива. Словомъ, передъ нами рисовалась какъ на ладони вся бухта, начиная отъ острова Ашуръ-Аде до западнаго ея угла, гдѣ ясно обозначались пять туркменскихъ лодокъ и нашъ паровой баркасъ. Въ глубинѣ этой величественной картины раскинулась Каспійское море и необозримыя туркменскія степи.

Ашрефскіе сады и дворцы имѣютъ свою особенную, не лишнюю интереса, исторію. Они обязаны своимъ существованіемъ шаху Аббасу I, который по своей страсти къ роскоши напоминаетъ Лудовика XIV и пользуется въ Персіи такою же популярностью, какъ Петръ Великій въ Россіи, или царица Тамара въ Грузіи. Онъ вступилъ въ 1598 году въ Астрабадскую провинцію и основалъ здѣсь въ 1612 году Феррахабдъ (помѣщеніе благословенныхъ) и Ашрефъ. Ему же приписываютъ распланировку здѣшнихъ знаменитыхъ садовъ, описанныхъ Италіявцемъ Делла-Валле, сопутствовавшимъ Шахъ-Аббасу, и Англичаниномъ Томомъ Гербертомъ. Къ сожалѣнію, сады эти вскорѣ послѣ его смерти сдѣлались жертвой неустовства казаковъ, подъ предводительствомъ Стеньки Разина, зимовавшаго здѣсь съ 1668 на 1669 годъ. „Казаки сжгли“, повѣствуетъ Н. Костомаровъ *

* *Бунтъ Стеньки Разина*, изд. 2-е. Спб. 1859 г., на 73 стр.

на своихъ стругахъ и попалили (изъ Решта) къ Фарабату (Феррахабатъ). Казаки взяли этотъ городъ, сожгли до основанія, разграбили имущество, перебили много жителей, побрали много пѣвниковъ и сожгли увеселительные шаховы дворцы, выстроенные на берегу моря. Дѣло произошло такъ: Стенька послалъ къ жителямъ извѣстить, что казаки прибыли для торговли и просятъ воустать ихъ. Въ Фарабатѣ же хорошо знали, что казаки дѣлали въ Дагестанѣ, и впустили ихъ. Пять дней торговля сношенія шли самымъ дружелюбнымъ образомъ; на шестой, Стенька, напередъ условившись съ своими удальцами, далъ имъ знакъ, поправивъ на головѣ шапку: удальцы бросились на жителей, которые не пришли въ себя отъ страха, и тутъ-то казаки учинили свою страшную расправу.“ Мѣстные жители, какъ сообщаетъ г. Мельгуновъ, разказываютъ, что Разивъ приходилъ въ Феррахабатъ на шести судахъ, подъ видомъ купца съ мануфактурными товарами, которые онъ, для привлеченія большаго числа покупателей, продавалъ по необыкновенно дешевой цѣнѣ, такъ напримѣръ ханскій аршинъ (семь ханскихъ аршинъ равняются десяти русскимъ) сукна уступалъ по 10 шаевъ (15 к. сер.). Ему же Персіане приписываютъ разореніе и ашрефскихъ дворцовъ.

Послѣ этого грустнаго эпизода, постигшаго ашрефскіе дворцы, ихъ описывали Англичане Ганвей (въ 1743 г.), Фразеръ (въ 1822 г.) и А. Борнсъ (въ 1832 г.). Изъ Русскихъ здѣсь были въ прошедшемъ столѣтіи академикъ Гмелинъ, въ новѣйшее время Н. В. Хавыковъ съ членами хорасанской экспедиціи: А. А. Бунге, А. Ф. Гёбель, графъ Евг. Кейзерлингъ и пр.; академикъ Дорнъ съ спутниками и много моряковъ и путешественниковъ, по большей части увѣковѣчившихъ память о себѣ вписаніемъ именъ своихъ на стѣнахъ ашрефскихъ развалинъ. Очаровательный берегъ Астрабадскаго залива, скажемъ въ заключеніе, едва ли уступаетъ въ роскоши Гіерскимъ островамъ, Ниццѣ или Генуэзскому морскому берегу.

Мы не можемъ оставить Ашрефа и его окрестностей, не посвятивъ нѣсколько словъ одной вѣтви торговли, имѣющей всѣ задатки развиться въ большихъ размѣрахъ: мы разумѣемъ торговлю апельсинами, лимонами, померанцами и прочими плодами того же семейства. Климатъ и почва Мазандарана и Астрабада до того имъ благоприятны,

что многіе путешественники и ученые считали персидское побережье Каспійскаго моря родиной этихъ плодовъ. Новѣйшія же ботаническія и лингвистическія изсѣдованія * привели къ тому результату, что настоящая родина оранжевыхъ растений не Каспійское поморье Персіи, а Индія, Китай и отчасти Японія. Замѣтимъ при этомъ, что господство Аравитямъ надъ всею западною Азіей содѣйствовало дальнѣйшему развитію и упроченію этой отрасли садоводства по всемъ странамъ прилегающимъ къ Средиземному морю. Итакъ, если бадрагъ или бадряка (*citrus medica*) распространилась въ древности черезъ Персію въ Палестину и Европу, то другой видъ семейства гесперидовъ, апельсинъ, котораго родина Китай, перевезенъ сюда съ западныхъ береговъ Европы, какъ о томъ свидѣтельствуется персидское его названіе „португалъ“. Другіе родственные ему плоды, напротивъ того, носятъ здѣсь названія, доказывающія санскритское ихъ происхожденіе, а сѣдовательно и то, что они въ древнѣйшія времена вывезены въ Персію изъ Индіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что шахъ Аббасъ I, такъ много заботившійся о садоводствѣ, о возведеніи роскошныхъ построекъ и благотѣльныхъ для южно-каспійскаго побережья сооруженіяхъ и предпріятіяхъ, не мало содѣйствовалъ и распространенію по Гилану, Мазандарану и Астрабадской провинціи насажденія оранжевыхъ растений. Ему же, вѣроятно, Ашрефъ обязанъ и финиковою пальмой, ** которой одинъ кустъ, какъ говорятъ, пересаженъ на островъ Ашуръ-Аде съ полуострова Потемкина, и своеобразнымъ видомъ своимъ поражаетъ путешественника, вступающаго въ церковную ограду нашей морской станціи. Плоды пальмы здѣсь, однакоже, не созрѣваютъ какъ въ Ездѣ и Багдадѣ или гдѣ-нибудь въ Валесіи и Мурсіи.

Апельсины и подобные имъ плоды изъ Ашрефа направля-

* См. *De-Candolle, Geographie botanique*, t. II, p. 863—870; также статью *Die Orangen und ihre Verbreitung* въ *Petermann, Geographische Mittheilungen*, 1866, т. VIII, стр. 312—313.

** См. статью академика К. М. Вера: *Dattelpalmen an den Ufern des Kaspischen Meeres, sonst und jetzt* въ *Mélanges biologiques de l'Académie Imp. des Sc. à St.-Petersbourg*, t. III, u *Petermann, Geograph. Mittheilungen*, 1859, VI, p. 274.

ются отчасти на Газскій берегъ, отчасти въ Мешедисаръ. Количество этого вывоза простирается до 10 тыс. апельсиновъ, 60 тыс. лимоновъ, отсылаемыхъ въ декабрѣ и январѣ на паровыхъ шхунахъ или парусныхъ судахъ въ Баку. Въ Астрахань также вывозится весою около 100 тыс. лимоновъ, но ихъ много пропадаетъ отъ дурной укупорки и укладки. Померанцы и сладкіе лимоны мало цѣнятся въ Россіи, въ Ардебилъ же и Тавризмъ ихъ доставляютъ зимой въ значительномъ количествѣ, для приготовленія, особенно изъ померанцевъ, шербета,—сладкаго, прохладительнаго напитка: для этой цѣли ихъ отправляютъ туда до 200 тыс. штукъ. Вывозъ этотъ производится изъ Ашрефа и Сары на Газъ или Мешедисаръ, изъ Бальфруша же исключительно къ послѣднему порту; часть вывозится также чрезъ Энзели. Бадрянка отправляется отсюда въ соеномъ видѣ, бочками, въ Астрахань и дальше въ Россію, гдѣ изъ толстой, шшковатой, ароматической коры ея выдѣлывается превосходное варенье. По величинѣ, на бадрянку похожъ лимонъ-султанъ (*citrus desimana*), плодъ величиною съ средній арбузъ, негодный къ употребленію. Почти также безвкусеиъ и безполезенъ плодъ, называемый въ Персіи „патва“. Вообще здѣшнія оранжевыя растенія приносятъ краю самый ничтожный доходъ. Распространенію ихъ въ большемъ количествѣ во внутрь Россіи и на Кавказъ отчасти препятствуетъ замерзаніе сѣверной трети Каспійскаго моря въ то именно время года, когда плоды эти созрѣваютъ и могли бы доставляться туда въ огромномъ количествѣ.

VII.

Подъ вечеръ 25-го мая мы отправились изъ Ашрефа обратно на островъ Ашуръ-Аде, а оттуда на пароходъ въ Баку, куда прибыли 28-го числа, то-есть на десятый день послѣ отправленія нашего къ персидскимъ берегамъ. Между пассажирами на пароходъ насъ особенно заинтересовали три Хивинца, прибывшіе изъ Хивы черезъ Туркменскую степь и Атрекъ въ Ашуръ-Аде съ караваномъ въ 50 верблюдовъ, нагруженныхъ хивинскимъ хлопкомъ. Разговорившись съ Хивинцами, мы узнали, что они занимаются тѣмъ же рем-

сломъ, какимъ занимался спутникъ Вамбери, * Хаджи-Курбанъ, крестьянинъ изъ китайской Татаріи, прошедшій въ качествѣ точильщика черезъ всю Азію. При этомъ они сообщили намъ о намѣреніи своемъ отправиться на богомолье въ Іерусалимъ и Мекку, и очень сожалѣли, что не могли ѣхать черезъ Баку, такъ какъ имъ на Ашуръ-Аде отказали въ выдачѣ русскаго вида, а должны были избрать путь черезъ Ардебиль, Тавризь, Эрзерумъ и далѣе на Константинополь, гдѣ разчитывали остаться до праздника Курбанъ-байрана. Основаніе, по которому имъ отказали въ паспортѣ, было то, что кавказское военное начальство изъявило неудовольствіе по поводу возвращенія черезъ Ашуръ-Аде бѣглецовъ изъ Сибири на Кавказъ. Дѣйствительно, трудно найти острогъ какого бы то ни было уѣзднаго города восточнаго, мусульманскаго Закавказья, въ которомъ не содержалась бы личность, подобная той, которой похождения описываетъ Вамбери **. Въ Маймене ему привелось видѣть преступниковъ изъ кавказскихъ горцевъ, бывшихъ восемь лѣтъ въ каторжной работѣ въ Тобольской губерніи и бѣжавшихъ потомъ черезъ необозримыя киргизскія степи въ Бухару. Оттуда они отправились въ Ташкентъ, Мешедъ, Тегеранъ и т. д. Попавши разъ въ киргизскія палатки, говоритъ Вамбери, бѣглецы эти считаютъ себя внѣ опасности.

Подобные случаи возвращенія черезъ Среднюю Азію сосланныхъ въ Сибирь кавказскихъ мусульманъ повторяются весьма часто, но вреда отъ этого почти не бываетъ. Обыкновенно люди эти держатъ себя на родинѣ довольно тихо и скромно, разчитывая нерѣдко исходатайствовать себѣ помилованіе.

Въ заключеніе остановимъ вниманіе на трехъ вопросахъ особенно важныхъ по отношенію къ торговлѣ южно-каспійскаго побережья и о которыхъ отчасти мы уже упоминали. Эти вопросы суть: 1. Состояніе торговыхъ дорогъ, какъ ведущихъ изъ центральныхъ странъ Персіи къ взморью, такъ и служащихъ сухопутнымъ сообщеніемъ между прибрежными точками края; 2. Освѣщеніе Каспійскаго моря маяками и 3. Добываніе каменнаго угля, который долженъ бы былъ

* Вамбери *Путешествіе по средней Азіи, совершенное въ 1868 году*, С.-Пб. 1865 г., стр. 14.

** Тамъ же, стр. 127.

разрабатываться для всѣхъ судовъ Каспійскаго моря на южномъ его прибрежьи.

Южно-каспійское прибрежье, то-есть бывшее Таалышское ханство, Гялянъ, Мазандаранъ и Астрабадъ, весьма густо населено народомъ, способнымъ имышленнымъ, и при естественномъ богатствѣ своей почвы, одарено отъ природы всѣми условіями къ оживляемому развитію своихъ произведеній. Тѣмъ не менѣе развитіе и процвѣтаніе торговой дѣятельности находятъ здѣсь почти непреодолимое препятствіе въ плохомъ состояніи путей сообщенія, которые въ послѣднія столѣтія не знали ни малѣйшаго улучшенія или поддержки. Все, что было сдѣлано по этому предмету, относится къ давно-минувшимъ временамъ. „Шахъ-Аббасъ Великій“ пишетъ одинъ изъ новѣйшихъ русскихъ путешественниковъ * „одинъ изъ замѣчательныхъ государей Ирана, заботясь о благосостояніи своихъ подданныхъ, не забывая притомъ и о наружномъ блескѣ, устроилъ вдоль всего каспійскаго прибрежья, внутри страны, большую мощеную дорогу, остатки которой до сихъ поръ существуютъ и извѣстны подъ именемъ Шахъ-Аббасовской аллеи или проѣздки „хябана“. Дорога эта, столь необходимая для края, покрытая лѣсами и болотами, не поддерживалась ни однимъ изъ преемниковъ Шахъ-Аббаса. Въ настоящее время проѣздъ по ней возможенъ только мѣстами, большею же частію она совершенно разбита, заросла кустарникомъ, заплыла грязью и мѣстами совсѣмъ уничтожена. Хябанъ этотъ начинался отъ Гескера на юго-западномъ углу Эзелинскаго залива, и проходя черезъ всѣ прибрежные города: Рештъ, Лагиджанъ, Амуть, Бальфрушъ, Сари, Ашрефъ и Астрабадъ, доведенъ былъ до Туркменской земли. Кромѣ того, существовала дорога, также мощеная, отъ города Решта по направленію къ Казбину, вверхъ по лѣвому берегу Сефидъ-руда, черезъ Рудбарскія ворота, во внутрь Персіи. Дорога эта также совершенно запущена и въ низменной части своей едва проходима. Кромѣ этихъ двухъ дорогъ, прикаспійскія провинціи Персіи изрѣзаны безчисленными вьючными тропинками, пробитыми сквозь чащу и болота, по которымъ проѣздъ крайне затруд-

* П. Ф. Риссъ въ посмертныхъ своихъ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ *Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, кн. VI. Тифлисъ, 1864 г. Смѣсь, стр. 51—65.

вители. Но природа одарила этотъ край превосходною широкою дорогою вдоль самаго берега моря. Песчаный берегъ отъ Астары на западѣ до оконечности Астрабадскаго залива на востокѣ, образуетъ широкій и удобный путь для колеснаго сообщенія; затрудненія представляютъ развѣ переправы черезъ Эвзелинскій проливъ, обогнуть который невозможно, потому что дорога тамъ пролегаетъ по топкимъ лѣсамъ, и затѣмъ переправа черезъ безчисленныя устья рѣчекъ, особенно стремительныхъ въ зимнѣмѣсяцы. Обогнуть Астрабадскій заливъ также неудобно, по причинѣ почвы, большею частью болотистой и заросшей камышомъ. Путь пролегаетъ здѣсь при подошвѣ, горъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ берега, гдѣ шахомъ Аббасомъ также была устроена мощная дорога, которая находится нынѣ въ самомъ жалкомъ состояніи.“

Маяковъ на всемъ русскомъ побережьи Каспійскаго моря не болѣе восьми *, да и изъ нихъ обозначающій на мысѣ Тюбъ-Караганъ положеніе Александровскаго форта можетъ считаться бесполезнымъ. Въ какой степени такое освѣщеніе ничтожно, можно заключить изъ того, что берега Франціи, едва превышающія пространствомъ берега Каспійскаго моря, освѣщаются 275 маяками. **

Кромѣ трехъ маяковъ съ значительнымъ горизонтомъ, отмѣченныхъ на генеральной картѣ Каспійскаго моря, издавнѣе гидрографическимъ департаментомъ въ 1861 г. (то есть въ Петровскѣ, Дербентѣ и на Апшеронскомъ полуостровѣ), намъ извѣстны изъ официального источника (*Морское Альманаха*) еще маяки на островѣ Четырехъ-бугорномъ и пловучій маякъ на Чистомъ банкѣ, при вѣздѣ въ устья Волги, Тюбъ-Караганскій, маякъ въ Эвзели и пловучій маякъ, обозначающій входъ въ Астрабадскій заливъ. Для маяка Эвзелинскаго возведена довольно значительная башня, но освѣщеніе на ней производится чирахами (свѣточами съ нефтью) и то урывками. Было бы, полагаю,

* Въ Таблицѣ маяковъ и знаковъ, помѣщенной въ *Морскомъ Альбомѣ* на 1866 годъ исчислено десять, считая и двойные маяки, каковы существуютъ на Тюбъ-Караганѣ и на Апшеронскомъ полуостровѣ, подъ названіемъ верхнихъ и нижнихъ.

** *Les phares des côtes de France*, par H. Blerzy, въ первой мартовской книжкѣ *Revue des deux Mondes* 1866.

въ нашихъ интересахъ просто подарить персидскому правительству аппаратъ, такъ какъ само оно, повидимому, никогда не пожелаетъ принять на себя этого расхода. По чрезвычайной однообразности берега около Мешедисара, нѣтъ никакой возможности ночью отыскивать этотъ важный рейдъ. А потому слѣдовало бы обратиться къ персидскому правительству съ предложеніемъ построить здѣсь небольшую башню, освѣщеніе которой могло бы быть поручено завѣдывающему агенту Общества „Кавказъ и Меркурій“. Точно также нуженъ маякъ и на Погорѣлой Плитѣ, или на одномъ изъ сосѣднихъ острововъ, до устройства котораго плаваніе къ Бакинскому порту въ темную ночь невысказуемо. Не менѣе желательно имѣть маяки: въ Ленкорани или на оконечности острова Сары и на островѣ Нарганѣ, при входѣ въ Бакинскую бухту.

Наконецъ, нельзя умолчать о неимоверной безпечности, съ которою туземные шкиперы, приписывая все къ судьбѣ и отличаясь безусловною вѣрой въ предопредѣленіе, стоятъ на рейдахъ безъ освѣщенія и безъ караула на судахъ, подвергая тѣмъ прочія суда въ ночное время, зачастую, опасности. Изданіе правилъ и наложеніе штрафовъ оказались бы, въ этомъ случаѣ, при строгомъ надзорѣ морской полиціи, весьма благодѣтельны для судоходства и предупредили бы многія, вынѣ столь верѣдкія, несчастія.

Что касается до вопроса о каменномъ углѣ, то грушевскій антрацитъ (кромѣ верѣдко потребляемыхъ дровъ) служитъ здѣсь пока еще единственнымъ топливомъ на каспійскихъ пароходахъ. Онъ обходится Обществу „Кавказъ и Меркурій“ въ Царицынѣ по 25 коп. пудъ, на „Девяти футахъ“ на взморьѣ у устьевъ Волги, около 30, въ Баку до 40 коп. съ пуда. Расходъ этого Общества на топливо для каспійскихъ пароходовъ простирался до сихъ поръ въ продолженіи навигаціоннаго времени до 300.000 пудъ. Съ доведеніемъ же числа дѣйствующихъ здѣсь пароходовъ до 12-ти (принимая въ разчетъ и три парохода Товарищества Брыкива, Платонова и К^о), полный годовоі расходъ антрацита долженъ увеличиться вдвое. При такой значительной потребности въ каменномъ углѣ, мы не въ состояніи объяснить себѣ причины, по которой Общество „Кавказъ и Меркурій“ оставляетъ безъ вниманія добываніе каменнаго угля на южно-каспійскомъ прибрежьи. Въ 1862 г. Е. В. Голиковъ,

будучи здѣсь агентомъ названнаго Общества, указавъ контроль пользу добыванія каменнаго угля въ Гиллянѣ, на берегахъ рѣки Сефидъ-рудъ, и персидское правительство допустило разработку, ограничивъ ее 1.000 пуд., съ тѣмъ условіемъ, чтобъ отъ него не требовалось никакихъ денежныхъ пожертвованій. Дѣло это, порученное капитану Петреченко и механику Харль, не получило однакоже дальнѣйшаго хода по причинамъ намъ неизвѣстнымъ. Если сефидъ-рудскій уголь съ перваго раза не вполне удовлетворилъ ожиданіемъ, то потому только, что былъ взятъ съ верхнихъ пластовъ, частью вывѣтрившихся и всегда менѣе доброкачественныхъ. Но уголь этотъ обошелся бы здѣсь на берегу моря весьма дешево, такъ какъ пласты его залегаютъ около самаго берега Сефидъ-руда, и спускъ его къ морскому берегу могъ бы производиться по рѣкѣ на плотахъ изъ кипариснаго дерева, растущаго тамъ въ изобиліи. Выручка же за проданный въ Россіи кипарисъ покрыла бы даже расходы, затраченныя на разработку угля.

Н. ЗЕЙДЛИЦЪ.

Г. Баку, 26-го января 1867 г.

ТИШЫ ПРОШЛАГО

РОМАНЪ.

Möge doch Mancher, in seinen Sünden,
Hievon die Nutzenwendung finden.
Göthe.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Это было восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Я жилъ тогда въ Москвѣ, служилъ довольно прилежно, еще прилежнѣе губилъ время „на разныя забавы“ и велъ вообще, если не веселую, то весьма разсыпанную, чтобы не сказать безтолковую, жизнь. Пора была такая,—1849 годъ! „Разбейтесь силы, вы не нужны!“ говорилось въ одномъ, разумѣется не печатномъ, стихотвореніи той эпохи. И дѣйствительно, что было дѣлать тогда съ своими силами, куда было дѣть свою молодость?...

Москва въ то время доживала свои послѣдніе беззаботные годы. Железная дорога еще не соединяла ее съ Петербургомъ. Круговоротъ петербургскаго тщеславія и примаки заграничной жизни не успѣли еще обезлюдить ее и измѣнить старинную фазіономію московскаго общества. Не мало еще „тузовъ жило и умирало въ Москвѣ“, не мало еще оставалось тамъ „дверей, открытыхъ для званныхъ и незванныхъ“. Все такъ же гостепріимно и таровато, какъ и во времена Фамусова, жили въ Москвѣ, сладко пили и ѣли, звали шумные праздники, все такъ же плели сплетни, тѣ „милыя“ сплетни, по которымъ вздыхалъ Москвичъ Лермон-

товъ, перенесенный въ казенный, не болтливый Петербургъ; все также усердно „спорили и расходились“ въ Англійскомъ клубѣ, проигрывались и закладывали имѣнія въ Опекунскій совѣтъ. Попржему, наконецъ, наѣзжали по зимамъ въ Москву, „изъ гвардіи, иные отъ Двора“, искатели богатыхъ невѣстъ, пѣвляли тамошнихъ красавицъ своею ловкостью, звѣздами или вензелями, и увозили ихъ на берега Невы. Но вѣрная своимъ преданіямъ, не оскудѣвала ими Бѣлокаменная, и на смѣну отбывшимъ прибывала, по первопутью, все новыя и новыя красавицы и невѣсты, изъ близкихъ и далекихъ странъ обширнаго нашего отечества....

Въ числѣ моихъ близкихъ знакомыхъ былъ нѣкто Крусановъ, который къ этимъ новоприбывшимъ питалъ особеннаго рода вѣжность. Это было съ его стороны совершенно безкорыстное чувство. Крусановъ былъ, какъ говорится, обезпеченъ по части сердечной. Онъ любилъ и былъ любимъ, и терпѣливо ждалъ смерти стараго брюзги мужа, страдавшаго одышкой, для соединенія, на законномъ основаніи, судьбы своей съ судьбой любимаго предмета. Для провинціальныхъ дебютантокъ въ московскомъ свѣтѣ онъ исправлялъ должность добрыхъ волшебницъ дѣтскихъ сказокъ. На балѣ, въ пестрой толпѣ, его привычный взглядъ всегда останавливался на какой-нибудь свѣженькой дѣвчкѣ, съ деревенскими красками на кругленькомъ личикѣ, съ невинными и слегка испуганными глазами и блажающею на устахъ робкою, немножко глупою улыбкой.

„Взгляни, братъ,“ бывало скажетъ онъ, издали указывая на нее, „должно-быть изъ степной губерніи прибыла, сидитъ себя, новичокъ-новичкомъ, и боязно-то ей, бѣдненькой, и поплясать-то мочи нѣтъ хочется, а хоть бы кто сжалился, подошелъ; непременно надо ее въ ходъ пустить.“ И черезъ пять минутъ онъ успѣлъ собрать о ней справки и дѣйствительно пускаетъ ее въ ходъ все тѣмъ же, не хитрымъ, но никогда не измѣнявшимъ ему способомъ. Подхватитъ перваго попавшагося ему знакомаго и пошепчетъ ему на ухо: „въ углу направо, въ розовомъ платьѣ, на головѣ лавдыши, — видишь?“ — „Вижу; а что?“ — „Ничего, отвѣчаетъ онъ небрежно, закладывая палецъ за жилетъ, — ничего, пятьсотъ душъ и двѣсти тысячъ, денегъ!“ Тотъ головой только мотнетъ: „знаемъ, братъ, знаемъ, у тебя про всѣхъ одна пѣсня, ты бы хотъ цифру-то разочекъ сбавилъ.“ — „А я развѣ тебя въ шею

толкаю, жениться на ней прошу, говоритъ Крусановъ, пожимая плечами, вѣрь не вѣрь, что мнѣ за дѣло!“ И отвернется все такъ же равнодушно. Тѣмъ не менѣе пуценная имъ утка уже облетѣла всю залу; глядишь, къ юной провинціалкѣ то и дѣло подводить танцоровъ. Толстая мамелька, сидящая подлѣ нея, съ выцвѣтшимъ изумрудомъ на брусничнаго отлива шеѣ, даже жмурится отъ сердечнаго умиленія, и подѣ конецъ бала protégée Крусанова уже такъ увѣрена въ своемъ успѣхѣ, что прыгаетъ не въ тактъ въ мазуркѣ смѣлѣе лучшей варшавской балетчицы, и такъ лукаво надуваетъ губки, и закрывается букетомъ, и пускаетъ изъ-за него косые лучи взглядовъ на своего запыхавшагося кавалера, точно будто научилась она всему этому не у себя дома, въ Алатырскомъ уѣздѣ, а гдѣ-нибудь за рѣшетчатымъ окномъ, подѣ темнымъ небомъ Андалузіи. А тайный, невѣдомый ся благодѣтель, все время слѣдившій за ней изъ угла, съ очевидною гордостью, уѣзжаетъ съ вечера, на подобіе Тита Милосердаго, довольный своимъ днемъ. „Что же, братецъ, говоритъ онъ,—я свое дѣло сдѣлалъ, путь продолжень, теперь сама она плавыи уже какъ знаетъ....“

II.

— Ну-ка, всевѣдущій человекъ, а это кто, и откуда? спросилъ я его однажды, на одномъ очень многолюдномъ балѣ, указывая на высокую, черноволосую дѣвушку, въ бѣломъ съ головы до ногъ, которая только что становилась въ кадрили съ однимъ, въ то время весьма моднымъ, гвардейскимъ кирасиромъ;—тебѣ сегодня, видно, опять предстоитъ забота.

— Гдѣ она, гдѣ? живо спросилъ Крусановъ, наводя на нее свой лорнетъ. Взглянулъ и замолкъ.—Нѣтъ, братъ, сказалъ онъ наконецъ, поворачиваясь ко мнѣ съ презабавнымъ выраженіемъ досады,—это не по моей части!

— Это почему?

— Да потому что эта, милый мой, не съ родни моимъ степнушкамъ. Это, братецъ мой, Европа! Ты ее сейчасъ въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ вези, такъ она и тамъ сама себя отрекомендуетъ.

— Эге, да ты смотри, я о тебѣ Ольгѣ Николаевнѣ доношу сейчасъ!

Но Крусановъ уже дерзко пробирается за заповѣдную

грава кадрили, чтобы быть поближе къ незнакомой ему дѣвухѣ.

И дѣйствительно, она была поразительно хороша, хороша какою-то необычайною прелестью. Высокая, блѣлая какъ чистѣйшій мраморъ, съ идеально тонкими очертаніями головы и бюста, съ блѣдно голубыми, почти неподвижными глазами, въ которыхъ предстоявшіе предметы какъ будто не находили себѣ отраженія, она походила на призракъ какой-то древней богини „неотразимый и роковой...“ Мнѣ въ жизни уже болѣе не случалось встрѣчаться съ подобною красотой...

— Слыхалъ ты про Чемисарова? Богачъ, помѣщикъ, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, въ 12 году еще отличился; такъ это его дочь. Недавно изъ деревни пріѣхали сюда на зиму, доложилъ мнѣ, успѣвшій тѣмъ временемъ все раззнать, Крусановъ.

— Какъ ты думаешь? спросилъ я его:—улыбается она когда-нибудь?

— Повидимому, способности не оказываетъ, отвѣчалъ онъ,—царевна какая-то изъ сонмаго царства. Поѣду, поищу, вѣтъ ли тутъ какой-нибудь сиротки изъ Бузулука. Хороша эта, хороша, ни слова, только, воля твоя, душа къ ней не лежитъ.

Но я между тѣмъ успѣлъ замѣтить, что она улыбалась, или старалась улыбнуться любезностямъ своего кавалера, и что даже въ этой улыбкѣ было что-то невыразимо манящее, чему непобѣдимымъ опроверженіемъ, казалось, служили ея безучастные и безнадежные глаза.

„На душѣ у этой Изиды что-то не ладно, или я совсѣмъ уже плохой физиономистъ“, подумалъ я.

А между тѣмъ она производила на свѣтскую толпу самое выгодное впечатлѣніе. Эффектъ былъ всеобщій.

— Mais c'est une reine! торжественно изъяснялъ свое мнѣніе князь Никодимъ Ларионовичъ;—она отъ Гомеровыхъ боговъ въ прямомъ колѣнѣ происходитъ!

И по этому случаю маленькій сановникъ приподнялся даже на каблучкахъ своихъ, точно будто въ эту минуту чувствовалъ себя самъ, и королемъ и Гомеровымъ богомъ.

— Quelle distinction! удивлялась хозяйка дома, княгиня Марья Львовна.

— Sa mère est une princesse Kourliatef,—объясняла ей дочь ея Сашенька, прозванная Церерой за мучную бѣлизну ея

блистательныхъ плечъ, Сашенька, для которой идеалъ жизни представлялся чѣмъ-то въ видѣ безконечно-длинной галлерей, съ тѣснымъ рядомъ каріатидъ по обѣимъ сторонамъ ея; каріатиды всѣ безъ исключенія графы и князья, они ровно ничего не говорятъ ей, а только улыбаются; и она также ничего не говоритъ имъ, а только улыбается направо и налево, да несетъ высоко свои великолѣпныя плечи, и все идетъ, идетъ и улыбается своимъ милымъ каріатидамъ до самой смерти.

— Па маль, па маль, ме ла Катинька э плю пикань, отзывалась прѣвзжая изъ Воровежа Крезъ-старуха, добродушно кивая единственной наслѣдницѣ своей и племянницѣ, молоденькой и еще жиденькой особѣ, съ смѣлымъ и возбуждательнымъ монгольскимъ личикомъ, на которомъ выражалась несокрушимая увѣренность въ будущіе успѣхи на всѣхъ поприщахъ земнаго счастья.

— C'est une autre Bettina pour un autre Göthe, говорила въ то же время пронзительнымъ и картавымъ голосомъ Эвелина Коврадовна Ятаганова, рожденная Ванкуженъ, обращаясь къ своей соседкѣ, Елизаветѣ Григорьевнѣ Градицкой, не молодой и миловидной женщиной, въ очкахъ, съ поблеклыми, но тончайшими, породисто-благородными чертами лица, которая въ эту минуту высыпала на руку табакъ изъ золотого рожка, къ великому скандалу сидѣвшей тутъ же супруги тайнаго совѣтника Подтяжкина, переведеннаго недавно изъ Петербурга сенаторомъ въ Москву.

— Вы скажите мнѣ прежде, бываютъ ли счастливы Беттины? отвѣчала Елизавета Григорьевна, медленно нюхая свой табакъ и съ задумчивымъ участіемъ глядя на дѣвушку, которая обращала на себя всеобщее вниманіе.

Но Эвелина Коврадовна, не слушая ея, продолжала восхищаться и картавить.

— „Въ ней блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой“, восклицала она нараспѣвъ во всеуслышаніе, откидываясь бокомъ на спинку кресла и обдергивая обѣими руками свое хрустящее шелковое платье такъ, какъ будто питала къ нему наслѣдственную вражду. Взгляни на нее мой бѣдный Языковъ, онъ написалъ бы ей дивныя стихи въ родѣ тѣхъ, помните, которые онъ меня еще просилъ исправить;

.... Еслибъ жила

Вы межъ Грековъ, въ оны дни,

Греки бѣ васъ боготворили,
 Вамъ построили бѣ они
 Вѣоокрапорные храмы,
 Золотые алтари,
 Гдѣ бѣ курились свѣианы
 Отъ зари и до зари!..

Кадриль кончилась. Видимо млѣющій кирасиръ отвелъ свою даму на мѣсто, но не покидалъ ея и пожиралъ глазами, стоя и наклонивъ къ ней свою гладко обстриженную и лоснящуюся гвардейскую голову.

— Это, сударь мой, тридцатью тысячами дохода пахнетъ, пояснялъ мнѣ безопадный Крусановъ, набравшійся тѣмъ временемъ новыхъ справокъ;—безвыѣздно въ деревнѣ живуть, отецъ дока въ хозяйствѣ и скупердый страшный.

— Извините, вѣжливо произнесъ въ это время подлѣ насъ чей-то голосъ, показавшійся мнѣ знакомымъ. И курчавый морской офицеръ, слегка задѣвъ меня локтемъ, быстро пропшыгнулъ мимо, направляясь въ сторону, гдѣ сидѣла блѣдная красавица.

— Боже мой! чуть не крикнулъ я на всю залу: — ты ли это, Кемскій?

И предо мной внезапно предстали толпой всѣ дорогія воспоминанія моей молодости: и весеннія ночи въ Царскомъ Селѣ, и старикъ Калининъ, и первые стихи Мея, и слезы капавшія противъ воли по щекамъ этого курчаваго моряка, когда

Съ лицейскаго порога
 Онъ на корабль перешагнулъ шута,

какъ вѣкогда Мятюшкинъ, и мы всѣмъ курсомъ поѣхали въ воскресный день провожать его въ Кронштадтъ.

Морякъ обернулся; радостное изумленіе выразилось на его лицѣ, онъ приостановился на мгновение, дружески махнулъ мнѣ рукой и живѣе прежняго покатилъ по тому же направленію.

— Ишь, какъ его туда тянетъ, что твой компасъ! смѣясь замѣтилъ Крусановъ;—кто это такой?

— Лицейскій мой товарищъ, Владиміръ Кемскій. Мы съ самаго выпуска не видались.

— Изъ Петербурга теперь, стало-быть?

— Не знаю. Мы разстались съ нимъ восемь лѣтъ тому назадъ. Онъ пошелъ тогда вокругъ свѣта, а за тѣмъ, я слышалъ, перешелъ въ черноморскій флотъ.

— Хорошій флотъ! одобрительно промолвилъ Крусановъ и кивнулъ головой, съ видомъ знатока, хотя oprичь московскихъ сплетенъ, онъ ни о чемъ въ мiрѣ не имѣлъ никакого понятія.

— Они, видно, старинные знакомые, продолжалъ онъ громко сообщать мнѣ свои заключенія,—не изъ одной ли губернии, или даже родня? Гляди-ка, гляди, какъ онъ ее за руку ухватилъ, какъ пожимаетъ, здорово; вѣдь онъ ей всѣ пальчики отдавить этимъ манеромъ, Лаперузь-то твой, ей Богу! Те, те, те, да вѣтъ ли романа какого? Смотри, наша царевна словно просіяла.

Крусановъ былъ правъ. Внезапное появленіе Кемскаго, казалось, оживило этотъ мраморъ. Губы ея побагровѣли, легкій румянецъ проступилъ сквозь тонкую кожу лица. Даже глаза ея, эти кѣмые глаза, казалось, хотѣли заговорить, но мнѣ вообразилось почему-то, что еслибы точно заговорили они, не радостью, а какимъ-то сокровеннымъ смущеніемъ отвѣчалъ бы ея взглядъ на живой, говорящій взглядъ Кемскаго. Но загорѣвшаяся искра погасла, едва сверкнувъ; глаза ея остались также равнодушны и безучастны.

Онъ сѣлъ между тѣмъ подлѣ нея, видимо отдавшись весь счастію нежданной встрѣчи и не обращая никакого вниманія на окружающую ихъ толпу, на балъ, на свѣтскія приличія. Онъ съ жаромъ ей что-то говорилъ, глядя ей прямо въ глаза и по временамъ сжимая свои густыя брови, будто доискиваясь чего-то въ ея лицѣ и недоумѣвая...

Она слушала, обернувшись къ нему и тихо улыбаясь на его рѣчи, улыбаясь, но не весело, казалось мнѣ опять.

Модный гвардеецъ, такъ изящно занимавшій ее разговоромъ до тѣхъ поръ, изображалъ собой въ эту минуту нѣчто въ родѣ того, какъ еслибъ онъ на войнѣ внезапно наткнулся, въ пылу атаки, на засаду, съ грозящимъ ему изъ-за нея вдесятеро сильнѣйшимъ неприятелемъ. Онъ, повидимому, намѣренъ былъ отстоять свою позицію и до трехъ разъ принимался, со всей высоты своей, мѣрять взглядомъ Кемскаго, начиная съ кончика его сапоговъ и до темени. Но все это пропало даромъ. Морякъ мой, очевидно, не видѣлъ его, не подозрѣвалъ его присутствія. Кирасиръ улыбнулся, потянулъ внизъ свои прекрасные длинные усы, и медленно повернувшись на длинныхъ ногахъ, величаво отошелъ прочь, видимо сохранивъ къ себѣ полное уваженіе.

Но Крусановъ былъ иного мѣнія.

— Обратихся вспять, съ духомъ зѣло сокрушеннымъ, яко вступѣ вознесъ мольбы своя къ кумиру не внемлющу! прогнусилъ онъ дьячкомъ ему вслѣдъ, комически качая головой.—Похѣрили, значитъ, аминь. Теперь, братъ, поплыла она на суденышкѣ оснащенной, по морю по океану, къ славну острову Буяну; вѣтеръ дуетъ поддуваетъ, нашъ корабликъ подгоняетъ. Смотрѣть болѣе ничево не осталось; тѣ же и прежніе. Пойдемъ, сыграемъ пультку отъ скуки. Вотъ къ намъ кстату и третій идетъ, Говорило Стаканычъ сердечный, тараканчикъ запечный.

— Не съ тебя ли Грибоѣдовъ Репетилова списалъ, осиплая трещотка, отвѣчалъ ему на это, подходя, Гавріиль Степановичъ Чесминъ, прелысый, презабавный и предобрѣйшій малый, съ которымъ Крусановъ вѣчно вздорилъ, хотя души въ немъ не чаялъ.

— Бѣда отъ вѣжнаго сердца: водевилъ безъ начала и конца, сочиненіе майора Чесмина, провозгласилъ онъ опять, помирая со смѣха и нисколько не оскорбляясь словами пріятеля.—У чьихъ ногъ лежишь въ настоящее время, отвѣчай, плешандась?

— Да намѣренъ на твое мѣсто проситься, къ Ольгѣ Николаевнѣ, отвѣчалъ пресеріозно Чесминъ.

— Ну, однако, братъ, пожалуста, безъ глупыхъ шутокъ, вспыхнувъ, пробормоталъ Крусановъ и надудся.

Онъ былъ ревнивъ и не допускалъ даже мысли о чьемъ-нибудь посягательствѣ на то, что давно уже привыкъ почитать своею неотъемлемою собственностью.

Мы ушли за карты въ дальней комнатѣ.

Партія наша кончалась, какъ подошелъ ко мнѣ Кемскій.

— Я тебя ищю по всему дому, сказалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку;—ты ужинаешь?

— Никогда.

— И прекрасно. Я предлагаю тебѣ уѣхать вмѣстѣ и не медля.

— Готовъ.

Мы вышли вмѣстѣ на крыльцо.

— Гдѣ ты остановился? спросилъ я.

— На Тверской, тутъ по близости, но мнѣ бы не хотѣлось домой. Съѣздимъ въ Кремль, я еще тамъ не былъ.... Что за дивная ночь!

— Дай тебѣ Богъ всякаго успѣха! могъ только сказать я ему.—Скажи пожалуйста, ты давно ее знаешь? спросилъ я его на возвратномъ пути изъ Кремля.

— Наденьку? отвѣчалъ онъ.—Я знаю ее съ тѣхъ поръ какъ себя помню и люблю чуть не съ того же времени. Я тебѣ еще въ лицѣ говорилъ о свѣтаоокой дѣвочкѣ. Мы сосѣди по имѣніямъ и родня; по смерти отца моего, отецъ ея былъ моимъ опекуномъ. Ну, словомъ, возьми нѣмецкій романъ, какіе переводили у насъ въ концѣ прошлаго столѣтія, — вотъ тебѣ моя исторія. Вашему брату романтику не надъ чѣмъ тутъ разгуляться.

— Когда же разстались вы въ послѣдній разъ?

— Два года тому назадъ. Я вернулся тогда изъ кругосвѣтнаго путешествія и провелъ шесть мѣсяцевъ у нихъ въ деревнѣ. Наденькѣ минуло въ ту пору осьмнадцать лѣтъ. У насъ еще тогда все было бы, вѣроятно, конечно, какъ вдругъ неожиданно получаю приказаніе явиться на службу. Нечего было дѣлать. Я поскакалъ въ Николаевъ, куда былъ переведенъ по возвращеніи изъ вояжа. Фрегатъ мой посылали въ Англію. Мы думали вернуться къ зимѣ. Не тутъ-то было. Въ Плимутѣ насъ ожидало новое приказаніе: отправляться къ устьямъ Амура. Признаюсь, я отъ тоски чуть съ ума не сошелъ тогда... Ну, да Богъ милостивъ! Теперь она отъ насъ не отвернется! заключилъ онъ, весело подмигивая мнѣ и кивая головой.

Странное впечатлѣніе производилъ на меня его слова; похоже это было на то, когда иной разъ привидится тебѣ что-нибудь необыкновенно-радостное, и ты, во снѣ же, говоришь себѣ, что это, можетъ-быть, одинъ только сонъ.

— Замѣчательные глаза у твоего предмета, сказалъ я.

— Не правда ли, какъ она хороша! воскликнулъ онъ, обирачаясь ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

— Великолепна; но долженъ тебѣ признаться, у нея какіе-то непонятные глаза.

Кемскій расхохотался.

— Ты все тотъ же, Мумка, заговорилъ онъ, — какъ въ тѣ времена, когда носился съ своимъ анализомъ какъ съ дорожнымъ вещечкомъ и читалъ намъ по субботамъ мрачныя стихи, какъ теперь помню:

Не въра ни въ людей, ни въ жизнь, ни въ славу,
Я изнемогъ душой подъ бременемъ сомнѣнья.

— Къ Благовѣщенскому собору. Стой! закричалъ Кемскій, выскочилъ изъ сани, снялъ киверъ и сталъ набожно креститься.— Годъ тому назадъ, въ Охотскомъ морѣ, насъ прибило штормомъ къ берегу, началъ онъ за тѣмъ, — мы погибли. Три дня и три ночи, подъ страшнымъ прибоемъ, стаскивались мы съ мели. Вѣтеръ не утихалъ, мы потеряли всякую надежду. Матросы надѣли бѣлые рубахи. Я утомился страшно, опустился у гротъ-мачты и заснулъ какъ убитый. И въ это время мнѣ приснился вотъ этотъ сонъ, промолвилъ онъ, обводя кругомъ рукой,—Кремль съ его святыней, и эта безконечная даль, и въ каждомъ домѣ этотъ огонекъ лампы передъ семейными, старинными иконами.... Я помню, я проснулся тогда весь въ слезахъ; чудныя, братъ, сладкія были эти слезы! Мнѣ не хотѣлось умирать, а въ этомъ снѣ я почерпнулъ какую-то neodолжимую надежду въ наше спасеніе. И точно: на зарѣ вѣтеръ пережвинулся противъ всякаго чаянія. И вотъ, какъ видишь, я живу и.... и счастливъ, повторилъ онъ опять.—Оторваться не хочется отсюда, продолжалъ Кемскій, облакачиваясь на рѣшетку, — какая тишь, какая ширь кругомъ! И не правда ли, кажется, что какое-то таинственное, отъ вѣка жданное слово должно сейчасъ сказаться тебѣ отъ этого безмолвія и шири необъятной? Вся наша Русь родная сказала въ этой картинѣ....

— Тебѣ бы не мѣшало съ нашими славянофилами познакомиться, сказалъ я, улыбувшись,—ты имъ по сердцу придешься.

Онъ обернулся на меня, нахмуривъ брови.

— А они тебѣ смѣшны? Кто же у васъ теперь умникомъ считается?

— По мнѣ умникъ ты, милый мой, сказалъ я, невыразимо завидуя ему въ эту минуту, — для тебя нашлось и дѣло, и смыслъ въ жизни, ты въ свое дѣло вѣришь, вѣришь въ счастье, въ будущее! Не много, братъ, у насъ такихъ....

— Еще бы не вѣрить! Я во все вѣрю, отвѣчалъ онъ съ своимъ добродушнымъ смѣхомъ,—въ сны, въ примѣты, чуть не въ домового, и готовъ въ этомъ на Красной площади передъ всею Москвою сознаться. Вотъ развѣ съ вами поживу, опять выучусь стыдиться этого и краснѣть....

— А долго ты съ нами пробудешь? спросилъ я.

— Ну, это не совершенно отъ меня зависитъ, сказалъ онъ, съ цѣлымъ міромъ блаженныхъ надеждъ въ голосъ и взглядъ.

III.

Мы съѣхались въ назначенный часъ у Шевалье. Народу было много. Прислуга суетилась. Пока мы составляли шепу, изъ большой залы вышелъ гвардейскій кирасиръ съ салфеткой въ рукахъ, и увидавъ Кемскаго, протянулъ ему руку съ самымъ дружелюбнымъ видомъ.

— Vous dinerez ici tout aussi bien que chez Legrand, сказалъ онъ ему, поощрительно взглянувъ при этомъ на вертящую Француженку, засѣдавшую за конторкой, и весьма эффектно проводя по волосамъ длинную бѣлую руку съ выщипанными порошкомъ *ad hoc* ногтями самого пріятнаго розоваго отава.

— Давно ли ты знакомъ съ этимъ франтомъ? спросилъ я Кемскаго, усаживаясь съ нимъ за столъ въ отдельной комнатѣ.

— Я сегодня по малой мѣрѣ съ подгородомъ познакомился, отвѣчалъ онъ,—а въ томъ числѣ и съ этимъ господиномъ. Просидѣлъ все утро у Чемисаровыхъ. Сущее нашествіе было у нихъ сегодня. А что вѣстей и сплетень насыпалась, голова до сихъ поръ трещитъ! Слушаю, да только думаю: ну, ужъ народецъ, къ чему это они мнѣ все разказываютъ?

— Нѣтъ, это въ порядкѣ вещей, замѣтилъ я,—вы здѣсь люди новые, какъ же не познакомить васъ съ нашимъ обычаемъ!

— Про тебя, между прочимъ, слышалъ, промолвилъ, улыбаясь, Кемскій.

— Вотъ какъ!

— Какъ же! Видно у тебя здѣсь не безъ доброжелателей. Разказывали, что съ барынями у тебя метода Лазаря нѣтъ и что этимъ ты много у нихъ выигрываешь, а зато на службѣ лютъ аки тигръ: трехъ чиновниковъ уже подъ судъ отдалъ, двухъ вогналъ въ чахотку, а начальство свое такъ о... алъ, что оно и чихнуть не смѣетъ безъ твоего позво-

— Только-то?

— А тебѣ мало?

— Ну, конечно. Это, значить, такъ кто-то, изъ милости, удостоилъ помянуть. У насъ, милый мой, положеніе человека тѣмъ завиднѣе, чѣмъ колоссаальнѣе возводится на него сплетня. Вотъ еслибы, напримеръ, сказали про меня, что совратилъ я съ пути истинны старушку изъ Вдовьяго Дома, или утащилъ всю мѣдную монету изъ подваловъ казенной палаты, это еще, куда не шло, могло бы польстить самолюбію.

— Не жалуйся, оказалъ, разсмѣявшись, Кемскій, — и то, что плетутъ про тебя, принесло уже свою долю пользы. Ты приобрѣлъ этимъ заочно расположеніе Павла Васильевича Чемисарова, а это достигается не легко. Изъ слышаннаго о тебѣ онъ заключилъ, что ты долженъ быть чѣмъ-то въ родѣ Аттилы, бича Божьяго, насланнаго на ненавистную ему породу чиновниковъ, и на этомъ основаніи возымѣлъ къ тебѣ полное уваженіе. Онъ сказалъ мнѣ, что служилъ когда-то съ твоимъ отцомъ, и желаетъ, чтобъ я тебя ему представилъ.

— Очень лестно. А что за человекъ, между прочимъ, твой будущій тесть?

— Сразу отвѣчать на это довольно трудно, отвѣчалъ Кемскій, помолчавъ. — Скажу тебѣ одно на первый случай: человекъ онъ далеко не за урядъ, и все рѣже и рѣже попадаются такіе въ наше время. „Чемисаровы литые родятся“, сказалъ онъ мнѣ однажды. И точно, онъ какой-то литой съ головы до ногъ. Случалось мнѣ встрѣчать, хотя бы между нашими старыми моряками, людей съ характеромъ, желѣзныхъ, повидимому, людей. И такъ и смотришь на него, и всѣ смотрятъ; а поразобратъ его жизнь поближе, не въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ погнулся человекъ, — желѣзо-то кракнуло. А Павелъ Васильевичъ какъ родился, такъ и подвесь. Я жизнь его близко знаю, отецъ мой былъ съ нимъ знакомъ сорокъ лѣтъ, — незбылемъ какъ мѣдвѣй памятникъ. Онъ въ продолженіи всей своей жизни ни разу не усомнился въ томъ, что ему слѣдовало дѣлать, не уступилъ ничьему чужому мнѣнію и не измѣнилъ однажды принятому имъ намѣренію, чего бы это ему ни стоило. Анекдотовъ про него я бы могъ разказать тебѣ бездну. Вотъ, напримеръ: молоденькимъ мальчикомъ поступилъ онъ въ службу, въ гвардію, и сразу какъ-то пошелъ очень быстро. Онъ былъ уже капитаномъ въ началѣ царствованія Александра Павловича. Единственный сынъ, наследникъ богатаго имѣнія, онъ жилъ разгульно,

много тратилъ. Но отецъ его былъ скупенекъ, жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, и узнавъ, что сынъ замотался въ Петербургъ, вытребовалъ его къ себѣ. У нихъ по его пріѣздѣ произошелъ слѣдующій разговоръ:

„— Ты, хоть и гвардіи капитанъ, говорить ему отецъ,—а раззорять меня я тебѣ не позволю. Ты, говорятъ, въ долги влѣзь?”

„— Есть малое толико, отвѣчаетъ сынъ.

„— Какъ же ты смѣлъ? Развѣ того, что получаешь отъ меня, мало тебѣ?”

„— Мало по роду моему и званію.

„Старикъ разсердился.

„— А если я тебя и вовсе наслѣдства лишу, какую ты тогда пѣсню запоешь?”

„— А тогда я буду питаться щами и кашей.

„— Какже, разказывай! Силашки-то на это не хватитъ!”

— На другой день, на зарѣ, Павелъ Васильевичъ увхалъ изъ деревни, ни съ кѣмъ не простясь, и вернувшись въ Петербургъ, подалъ просьбу о переводѣ его въ армейскій полкъ, отправлявшійся въ Грузію. Отецъ узналъ объ этомъ когда сынъ былъ уже на линіи. Съ первою же почтой онъ послалъ ему порядочную сумму денегъ, догадавшись, что все дѣло вышло изъ этого разговора. Но сынъ, получивъ повѣстку, не принялъ денегъ и вернулъ ихъ обратно старика съ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что и царскаго жалованья ему довольно, чтобы не умереть съ голоду. И пока отецъ былъ въ живыхъ, не принялъ отъ него ни гроша. Онъ сдержалъ слово, питался щами и кашей изъ солдатскаго котла и, что всего замѣчательнѣе, не зналъ уже потомъ никакой другой пищи во всю свою жизнь. Нѣсколько лѣтъ спустя отецъ его умеръ, и онъ командовалъ полкомъ въ дѣйствующей арміи. Онъ кормилъ каждый день своихъ офицеровъ отличными обѣдами, а самъ, сидя на хозяйскомъ мѣстѣ, хлѣбалъ свои солдатскіе щи и запивалъ кашу квасомъ, приговаривая, что отъ хорошихъ привычекъ отставать не слѣдуетъ.

— Онъ въ двѣнадцатомъ году отличился? спросилъ я Кемскаго.

— За Бородино Георгія получилъ. Ему предстояла блестящая карьера, хотя онъ ни съ какимъ начальствомъ ужиться не могъ; но зато вся армія знала о его невозмутимомъ

спокойствіи и стойкости въ дѣлѣ, знала его коротенькую нѣмецкую трубку, которую онъ не переставалъ сосать подъ самымъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. По возвращеніи изъ Франціи нашихъ войскъ, ему предложили гвардейскій полкъ. Онъ отказался. „Не поѣду, объявилъ онъ наотрѣзъ, у меня спина безъ позвонковъ.“ Стали настаивать. Онъ отвѣчалъ формальною просьбой перевести его вновь на Кавказъ на службу. На него разсердились и перевели туда просто, безъ всякаго назначенія. Но скоро послѣ того пріѣхалъ на Кавказъ Ермоловъ, который его очень цѣнилъ и умѣлъ употреблять по способностямъ. Въ Петербургѣ продолжали на него дуться и обходили наградами, а ему и горюшки мало: онъ воевалъ съ горцами и былъ совершенно доволенъ своею судьбой. Только разъ какъ-то пріѣзжаетъ онъ въ Тифлисъ, является къ главнокомандующему. Тотъ встрѣчаетъ его веселымъ восклицаніемъ: „ну, братъ, кстату прикатилъ, наконецъ вотъ и тебѣ подарочекъ, на силу выхлопоталъ. И протягиваетъ ему футляръ.“—„А васъ кто просилъ хлопотать?“ отвѣчаетъ на это Павелъ Васильевичъ.... „Да съ такимъ лицомъ, точно меня тутъ же живаго съѣсть собирался,“ разказывалъ потомъ смѣясь Алексѣй Петровичъ моему отцу, встрѣтясь съ нимъ на Кавказскихъ водахъ: „подарочковъ мнѣ не нужно! Въ междударствіе правдъ мой, Акимъ Чемисаровъ, на свой счетъ рать собралъ и съ княземъ Пожарскимъ рядомъ въ Москву вѣхалъ, такъ ужъ мнѣ не приходится принимать подарочки.“ И вышелъ, хлопнувъ дверь; послалъ за лошадьми и уѣхалъ къ своему мѣсту, въ Дагестанъ.

— Барияъ сердитый, ничего! сказалъ я: — родился только поздно.

— И службу онъ оставилъ такимъ же образомъ, продолжалъ Кемскій.—Въ 1837 году онъ готовился выступить въ экспедицію. Въ это время пріѣзжаетъ изъ Петербурга какой-то гвардейскій полковникъ участвовать въ этой экспедиціи и поступаетъ къ нему въ команду. Наканунѣ выступленія, Павелъ Васильевичъ собралъ начальниковъ частей своего войска и принялся весьма подробно и обстоятельно, по своему обыкновенію, сообщать имъ свои распоряженія. Петербургскому воину, который передъ этимъ цѣлые три дня сряду не пилъ, не ѣлъ, а все сидѣлъ и тыкалъ булавки въ карту Кавказа, показалось вдругъ, что путь, по которому

должны были идти войска, выбравъ неудачно. Онъ всталъ и самымъ вѣжливымъ тономъ началъ: „Я бы осмѣдился замѣтить вашему превосходительству, относительно маршрута“... „Что вамъ угодно?“ Полковникъ, все также вѣжливо и улыбаясь, изложилъ свое предположеніе. Павелъ Васильевичъ слушалъ его, не перебивая и дергая себя за ухо,—у него это привычка. Когда тотъ кончилъ, онъ его вдругъ спрашиваетъ: „Давно вы на службѣ?“—„Десятый годъ.“—„Въ кампаніяхъ бывали?“—„Я въ 1817 году изъ Пажескаго корпуса вышелъ,“ объяснилъ нашъ стратегикъ, „уже вѣсколько озадаченный. Съ Кавказомъ знакомы?“—„Нѣтъ-съ, я въ первый разъ.“—„Ну, такъ вотъ вамъ теперь вѣрный случай махнуть въ фельдмаршала. Извольте принять команду; я болею.“ Ты можешь себя представить, что за кавардакъ изъ всего этого вышелъ. Стратегика-то, вслѣдствіе этой исторіи, отозвали въ Петербургъ, но потомокъ Акума Чемисарова не сдался ни на какія увѣщанія, подалъ въ отставку и уѣхалъ съ Кавказа.

— И куда же? въ деревню?

— Разумѣется. Пріѣхалъ, на первыхъ же порахъ влюбился, и замѣтъ, въ первый разъ въ жизни, и сорока восьми лѣтъ отъ роду женился на восемнадцати-лѣтней дѣвушкѣ красавицѣ, княжнѣ Курлятевой, сиротѣ, съ которою онъ встрѣтился въ нашемъ же домѣ; она матери моей приходилась двоюродною сестрой.

— И пожалуй, счастливѣй былъ иного? И это бываетъ иногда, замѣтилъ я, смѣясь.

— И конечно, такъ бы и случилось, возразилъ Кемскій,—если бы онъ родился человѣкомъ, а не Александровскою колонной. Жена ему попалась отличная, и любила его горячо, несмотря на его тогда уже совершенно сѣдую голову. Черезъ годъ по свадьбѣ у нихъ родились двойня: Наденька и братъ ея, Василиій, умершій уже двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Павелъ Васильевичъ, говорятъ, былъ тогда на верку блаженства, бѣгалъ по ночамъ о босу ногу къ дверямъ дѣтской прислушиваться: не плачутъ ли дѣти, и ходилъ весь день, чуть не прыгая, дергая себя за ухо, и мураыча подъ носъ:

„Ты возвратился благодатнымъ!“

Разговорчивъ онъ никогда не былъ, ласковъ еще менѣе, но въ это время онъ какъ-то разцвѣлъ и развѣжился.

Входитъ онь однажды къ женѣ въ комнату. Былъ свѣтлый весенній день. Жена его, стоя у открытаго окна, срывала вѣтки сирени, и смѣясь, кидала ихъ въ дѣтей, игравшихъ на коврѣ у ея ногъ. Онь тихо подошелъ къ ней, и въ какомъ-то внезапномъ, не свойственномъ ему порывѣ, обнялъ ее сзади за голову и крѣпко прижалъ къ груди. Она громко вскрикнула. Впервыхъ, онь ее испугалъ, а вовторыхъ, крѣпкомъ воротника задѣлъ за волосы и очень больно. „Что это за солдатскія ласки!“ вырвалось у ней въ первую минуту „Я бы дала сейчасъ полжизни, чтобы вернуть эти несчастныя слова!“ повторяла она часто потомъ, горько плача, покойницѣ своей матери. Онь взглянулъ на нее и весь перемѣнился въ лицѣ. „Извините, сударыня,“ сказалъ онь и вышелъ изъ комнаты. И съ этой минуты все было кончено. Жена ему чужая стала. Онь сохранилъ всѣ приличія, былъ учтивъ, даже предупредителенъ къ ней, но ласки его она уже болѣе не видала до самой своей смерти. Нѣсколько разъ пыталась она объясниться съ нимъ; онь каждый разъ уходилъ изъ комнаты. Отецъ мой, видя какъ она тайно томилась и таяла, рѣшился заговорить съ нимъ объ этомъ. Онь его выслушалъ, глядя на него во всѣ глаза и не поморщившись. „Я ея не обижалъ,“ сказалъ онь, когда отецъ высказалъ все, что у него было на душѣ, и началъ объ другомъ. Зная его характеръ, возобновлять разговора не было уже болѣе возможности. Такъ прожила бѣдная женщина еще три года, заболѣла горячкой и умерла. И странно: въ самую годовщину ихъ размовки, 25-го мая. Во все время ея болѣзни онь не отходилъ отъ ея постели и не допускалъ никого другаго ходить за ней. Передъ самой кончиной она просила, рыдая, у него прощенія. „Не виновата!“ сказалъ онь только. Но когда все было кончено, онь рухнулся всѣмъ тѣломъ на трупъ, прильнулъ къ ея губамъ, и такъ и замеръ. Его подыали безъ чувствъ, сняго. Пустила кровь, она едва пошла. Когда онь пришелъ въ себя, онь заперся въ своемъ кабинетѣ, не отзывался ни на чей голосъ и не принималъ никакой пищи. Онь вышелъ оттуда на четвертый уже день, и то благодаря своей матери, которая придумала привести дѣтей къ дверямъ кабинета и выучила ихъ просить: „папа, папа, выйди къ намъ, не покидай сиротъ“. Онь отперъ двери и вышелъ, шатаясь, и такъ худъ, что матушка вскрикнула отъ испуга. Онь пожалъ ей руку, обнялъ дѣтей, и спросилъ: „похоронили?“ На утверди-

тельный отвѣтъ матушки онъ кивнулъ головой и молча вышелъ въ садъ. Съ тѣхъ поръ никто никогда не слышалъ, чтобъ онъ произнесъ имя покойницы.

— А дочь онъ такъ же сильно любитъ? сказалъ я.

— Да, но такъ же молчаливо, такъ же сдержанно, какъ и жену. Такъ какъ, по всемъ вѣроятіямъ, Надежка должна пережить его, мы, вѣроятно, на томъ свѣтѣ только узнаемъ, на сколько именно онъ любилъ ее здѣсь, отвѣчалъ, усмѣхаясь, Кемскій.

IV.

Въ это время дверь отворилась, вошелъ человекъ, неся осторожно на подносѣ бокалъ съ шампанскимъ и поднесъ его къ Кемскому.

— Что это? спросилъ этотъ съ удивленіемъ.

— Господинъ Звѣнцивъ изволилъ вамъ прислать.

— Какой Звѣнцивъ? Ахъ да! Гвардеецъ?

— Точно такъ-съ.

— Благодари. Гдѣ онъ сидитъ?

— Вотъ тутъ-съ, отвѣчалъ слуга, подымая оконную стору, и вышелъ.

Мы взглянули въ окно. Оно выходило въ большую залу, величаемую въ гостиницѣ Шевалье зимнимъ садомъ. Посреди ея обѣдала за длиннымъ столомъ веселая разгульная компанія, состоявшая изъ людей всѣхъ возрастовъ, по преимуществу изъ петербургской военной молодежи и московскихъ увлеченныхъ игроковъ. Между ними рѣзко бросался въ глаза высокій, изящный Звѣнцивъ, въ эполетахъ какой-то особенной, толстой, формы, небрежно-ловко сваливавшихся на грудь, и въ ослабительно-бѣломъ жилетѣ подъ лацканами разстегнутаго свѣтлозеленаго сюртука. Обликъ былъ въ полномъ разгарѣ. Среди нестройнаго гама возгласовъ и тостовъ можно было слышать, какъ чей-то раздирательно-фальшивый теноръ старательно выпѣвалъ:

Пообѣдавъ очень плотно
У мусьѣ, мусьѣ Луи,
Ходимъ шумно, беззаботно,
Вдоль по улицѣ любви, и, и....

Цѣлый хоръ подхватилъ за нимъ:

Ахъ! есаубъ школы театральнѣй
 Не затворялъ бы намъ Творецъ,
 Ахъ есаубъ въ школѣ те-а-тральной
 Начальникъ былъ бы не

Конца нельзя было понять, его покрылъ общій хохотъ.
 — Притворить дверь, сказалъ Кемскій, подымаясь съ мѣста. Раздирательный фальцетъ продолжалъ между тѣмъ:

Вотъ Анята Прихунова,
 Вотъ Макарова-душа,
 А ужъ Маша Соколова,
 Боже мой, какъ хоро.....

Оглушительный голосъ прервалъ его:

— За здоровье *нашихъ*, господа! Ура!
 — Ура! завопила компанія ему вслѣдъ.
 — Эка ихъ разобрало! сказалъ я.

— И что ему вздумалось подчивать меня? За что великія милости? примолвилъ съ неудовольствіемъ Кемскій, отодвигая отъ себя рюмку, присланную ему Звѣнцинымъ.

— Это, любезный мой, по всѣмъ правиламъ рыцарской науки, сказалъ я,—все равно какъ когда противники салютуютъ другъ друга рапирами, прежде чѣмъ выпасть другъ на друга.

— А развѣ онъ имѣетъ какія-нибудь намѣренія насчетъ.... воскликнулъ Кемскій, вскидывая на меня свои большіе глаза, и весь вспыхнулъ.

— О, милый мой, ты сердцемъ тотъ же все невѣжда! отвѣчалъ я ему, пародируя извѣстный Пушкинскій стихъ о Ленскомъ. И точно, онъ походилъ на Ленскаго въ эту минуту, еще недоумѣвающій, но уже взволнованный и ревнивый.—Если ты не замѣтилъ до этихъ поръ, что *она* можетъ и не одному тебѣ нравиться, то пойми по крайней мѣрѣ, что это совершенно естественно и что сердиться на это недѣло.

— Я и не сержусь, возразилъ онъ, — я нахожу только дикимъ со стороны человѣка, который вчера чуть ли не въ первый разъ отъ роду увидалъ ее....

— А что говоритъ Ромео, когда въ первый разъ встрѣчается съ Джульетой? Развѣ не помнишь, какъ Англичанинъ нашъ въ лицѣ завывалъ чувствительно:

Did my heart love till now? *

— Помню, сказалъ Кемскій, улыбувшись лицейскому воспоминанію,—но помню также и италіянскіе стихи, которые гласятъ, что:

Lasciate ogni speranza u пр.

— Ну, конечно. Вотъ видишь, какіе мы съ тобой образованные молодые люди. Можетъ ли послѣ этого придти кому-нибудь въ голову обидѣть насъ?

Эта шутка окончателно развеселила моего моряка.

— Однако въ долгу у этого Ромео я все-таки никакъ не хочу оставаться, сказалъ онъ.

Онъ позвонилъ. Вошелъ слуга.

— Бутылку шампанскаго!

— Какого прикажете?

— Какого хочешь. Какое пьетъ господинъ Звѣнцинычъ?

— Они пьютъ лодеръ-съ.

— Редереръ, то-есть?

— Такъ точно, подтвердилъ слуга.

— Ну, такъ редереру; налей стаканъ и отнеси ему отъ меня, а что останется, можешь выпить за его здоровье.

Черезъ нѣсколько времени кто-то постучался къ намъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Peut on entrer? спросилъ чей-то густой и утявый баритонъ.

— Милости просимъ.

Дверь отворилась. Вошелъ господинъ Звѣнцинычъ, собственной особой, въ своихъ толстыхъ эполетахъ и осафнителномъ жилетѣ, и съ стаканомъ въ рукѣ.

Я замѣтилъ, что Кемскаго передернулъ.

— Je suis veni vous remercier personnellement, объяснилъ изящный офицеръ, на томъ своеобразномъ нарѣчьи, которое и повинѣ слыветъ за парижское въ казармахъ и иныхъ салонахъ столичнаго города С.-Петербурга.

— За что же? вы меня предупредили, пробормоталъ Кемскій, показывая на втронутое имъ до того шампанское на столѣ.

— Permettez moi donc de boire ce verre avec vous, предло-

* Любилъ ли сердце мое до этой минуты?

жилъ Звѣнцивъ, присаживаясь къ намъ, — если только я вамъ не помѣшалъ, messieurs....

Кемскій, не отвѣчая, взялъ рюмку. Они чокнулись.

— Et monsieur ne prend pas de vin? спросилъ гвардеецъ, обращаясь ко мнѣ съ самою предупредительною, любезною улыбкой.

— Очень вамъ благодаренъ, я не пью никакого вина, извинился я.

— Скажите! сожалительно произнесъ онъ, покачавъ головой, и затѣмъ обратился къ Кемскому, прося познакомить его со мной.

— Господиъ Звѣнцивъ, ***, старый мой товарищъ, официально представилъ насъ другъ другу Кемскій.

— Вы также служили во флотѣ? спросилъ меня вдругъ Звѣнцивъ.

— Нѣтъ-съ, я всегда былъ мирнымъ гражданиномъ.

— Мы товарищи по Лицею, объяснилъ ему Кемскій.

— Ахъ! pardon!..

И онъ взглянулъ на обоихъ насъ, но добавивъ на этотъ разъ къ своей заискивающей улыбкѣ извѣстную порцію уваженія во взглядѣ, чего видимо, по его мнѣнью, заслуживало воспитавшее насъ привилегированное заведеніе, изъ котораго молодые люди выходятъ въ свѣтъ съ большими чинами.

— Какъ же это вы, sans indiscretion, попали вдругъ изъ Лицея въ морскую службу? спросилъ онъ Кемскаго.

— Да такъ же, какъ и вы, вѣроятно, попали въ вашъ полкъ, — по охотѣ, отвѣчалъ ему тотъ довольно спокойнымъ тономъ, въ которомъ мнѣ было, однако, легко угадать едва сдерживаемое нетерпѣніе.

— Вы въ гвардейскомъ экипажѣ состоите? спросилъ опять Звѣнцивъ.

— Я служу въ Черноморскомъ флотѣ и въ Петербургѣ семь лѣтъ не былъ.

— Скажите! процѣдилъ гвардеецъ, взглянувъ на пуговицы мундира Кемскаго. Изображенный на нихъ якорь не оставалъ никакого сомнѣнія въ томъ, что морякъ нашъ не принадлежалъ къ гвардіи. Г. Звѣнцивъ еще разъ задумчиво поднималъ на него глаза; видно было, что ему никакъ не давалось, что бы за личность такая могъ быть его собесѣдникъ? И изъ такого заведенія вышелъ, изъ котораго набираются дипломаты, статсъ-секретари и свѣтскіе люди, и фамилію

старинную носить, и наружностію взялъ, пожалуй, и вдругъ забился на службу куда-то въ провинціальный флотъ, и въ Петербургъ не ищетъ перейти...

— Хорошо у васъ производство? пожелалъ онъ узнать наконецъ.

Меня это начинало очень забавлять.

— Да, кстати, Кемскій, вмѣшался я, — мнѣ хотѣлось давно тебя объ этомъ спросить: скоро ли тебѣ достанется въ адмирала?

— А тебѣ какая забота? спросилъ онъ, съ удивленіемъ глядя на меня.

— Интересно знать, любезный другъ. Вѣдь, согласишь, всѣ мы служимъ для того, чтобы подвигаться впередъ, получать чины, отачія...

— Разумѣется, certainement, одобрительно поддержалъ меня гвардеецъ.

Кемскій повялъ наконецъ.

— Въ лейтенантахъ я второй годъ, началъ онъ вполголоса, какъ бы соображая, и принимаясь перебирать на пальцахъ. — До капитанъ-лейтенанта восемь, да шесть.... При счасти, сказалъ онъ громко, — особенно если будетъ кампанія, черезъ тридцать лѣтъ могутъ произвести въ контръ-адмирала.

— Черезъ тридцать лѣтъ?!

Звѣнцицынъ посмотрѣлъ на него такъ, какъ будто говорилъ: „Эге, братъ, да, я вижу, ты такъ швахъ, что съ тобой не стоить времени тратить.“

И онъ тутъ же прекратилъ всякія объясненія о производствѣ и чинахъ, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы не принимаете участія въ здѣшнихъ удовольствіяхъ?

— Напротивъ, отвѣчалъ я, — какъ только въ какомъ-нибудь домѣ зажгутъ двѣ свѣчки, туда, можете быть увѣрены, третьимъ являюсь я.

— Cha-a-argant! Какъ же это мы съ вами по сю пору не встрѣчались?

— Очень просто: вы меня не замѣтили. На балахъ я не танцую, а только смотрю изъ угла и люблюсь вами. Вы по-ложительно первый у насъ танцоръ, и дамы наши не даромъ....

— Mon Dieu, quand la nature vous a donné un talent, vous savez, on vous recherche, прервалъ меня Звѣнцицынъ этою скромною фразой и небрежно приподнял эполетами. — А

надо признаться, примодвилъ онъ, — что такую коллекцію красавицъ, какъ у васъ, можно встрѣтить....

— Только у васъ? докончилъ я.

— Такъ точно, подтвердилъ онъ торжественно. — Не знаешь рѣшительно, кому изъ нихъ подвести пальму совершенства.—И началъ высчитывать, приходя мало-по-малу въ паеосъ:—Графиня Иглова-Донатова, la princesse Marie Levin-ski, Catherine Molof, княгиня Наталья Шатунская, et la charmante débutante d'hier, ваша кузина, досказалъ онъ обращаясь къ Кемскому.

„Вотъ оно, куда гудю!“ подумалъ я.

Пріятель мой поднялъ голову и взглянулъ ему прямо въ глаза.

— Какая кузина?

— М-лле Чемисарова, которая нынче утромъ доставила мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами, поспѣшно объяснилъ Звѣницынъ. И не менѣе поспѣшно спросилъ за тѣмъ: — Вѣдь вы родня ей?

— Родня, отвѣчалъ не-хотя Кемскій.

— И близкіе? Мнѣ сказали, вы ей двоюродный братъ.

— Троюродный, медленно и вятво произнесъ морякъ.

— Троюродный? повторилъ слегка дрогнувшимъ голосомъ кирасиръ.—Cousin à la mode de Bretagne, почелъ онъ почему-то нужнымъ перевести это родство по-французски,— ска-а-жите!

Но къ чести его свѣтскости должно сказать, что замѣшательство его продолжалось недолго.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ совершенно непринужденно,—вы тѣмъ болѣе способны раздѣлить toute mon admiration de cette beauté si éclatante.... et si élégante, домолвилъ онъ, и лизнулъ себя языкомъ по губамъ, какъ будто въ награду за то, что такъ ловко выразился.

Кемскій не отвѣчалъ ни полусловомъ; онъ, опустивъ глаза, нервически барабанилъ пальцами по столу.

„Придется еще повозиться съ этимъ Венеціанскимъ Мавромъ изъ Камчатки!“ подумалъ я, мелькомъ окидывая его взглядомъ.

— Вы сегодня въ веселомъ обществѣ обѣдали, сказалъ я Звѣницыну.

— Que voulez vous? товарищи; все это какъ-то разомъ на-ѣхало сюда изъ Петербурга, отказать нельзя, on se laisse

entraîner. Moi je n'aime pas au fond ces compagnies bruayantes, продолжалъ онъ изъясняться на своемъ условномъ французскомъ языкѣ.—Однако я въ вашемъ пріятномъ обществѣ совершенно позабылъ, что они меня тамъ ждутъ, спохватился онъ вдругъ и подвинулся со стула.—Au revoir, messieurs, не увидимся ли мы въ театрѣ?

— Я буду, сказалъ сухо Кемскій.

Звѣнцынъ раскланялся и вышелъ.

— Очень тебѣ нужно, едва затворилась за нимъ дверь, напустился я на моего моряка,—очень нужно было объяснять ему степень твоего родства съ Чемисаровой. Оставь его въ заблужденіи, что ты ей двоюродный братъ и не можешь поэтому претендовать на ея руку,—вѣдь онъ бы тебя въ наперсники избралъ, сталъ бы повѣрять тебѣ свои сердечныя тайны, повимаешь ли ты это? Вѣдь это, милый мой, такимъ бы комизмомъ запахло, что я не повимаю, какъ ты рѣшился лишить себя этого удовольствія.

— Чортъ бы его подралъ! промовилъ съ сердцемъ Кемскій.—Очень забавны были бы для меня его сердечныя тайны! Меня и такъ всего подуривало, пока онъ объяснялъ свою admiration de cette beauté si élégante.... Скажи, пожалуйста, съ новою тревогой обратилъ онъ ко мнѣ, — неужели есть женщины, которымъ можетъ понравиться этотъ шутъ подосатый?

— Есть, милый мой, и даже очень много, но я, не обмѣнявшись еще ни единымъ словомъ съ твоею красавицей, готовъ сейчасъ головой поручиться, что она не изъ числа ихъ. А вотъ за тебя не поручусь, что ты среди Чукчей и Алеутовъ не позабылъ своего европейскаго происхожденія. Ты въ какой-то первобытной дикости обрѣтаешься, любезный другъ, прими это къ свѣдѣнію.

— Да вѣдь и время нужно, чтобы снова втянуться въ ваши безобразія, отвѣчалъ онъ, но уже совершенно успокоеннымъ голосомъ и покинувъ головой, какъ виноватый.

Мой добрый Кемскій, трудовая служба, одиночество, долгое пребываніе подъ далекими небесами сохранили въ немъ всю дѣтскую впечатлительность его сердца. Онъ, я убѣждался, былъ въ настоящую минуту все тѣмъ же ребенкомъ, какимъ мы всѣ любили и баловали его въ стѣнахъ Лицея. И тѣмъ дороже, тѣмъ милѣе былъ онъ для меня. Какъ жалка казалась мнѣ, въ то самое время когда я пелъ ему за грѣхъ

чайно благородны. Съ перваго раза чувствовалось въ этомъ человѣкѣ присутствіе того, чему доморощенные наши современные ювелиры придумали названіе *бллой кости* и надъ чѣмъ они издѣваются съ ожесточеніемъ весьма сомнительнаго свойства. Онъ глядѣлъ впередъ безцѣльно, съ полнымъ равнодушіемъ, повидимому, и къ музыкѣ, и ко всему окружающему.

Кемскій между тѣмъ тщетно усиливался заставить магнетизмомъ воли обернуться къ нему лицомъ красавицу, одну роскошную косу которой онъ могъ видѣть съ своего мѣста. Онъ не выдержалъ и вышелъ изъ креселъ въ ту минуту какъ взвилась занавѣсъ и послѣдніе аккорды увертюры замирали подъ громомъ рукоплесканій.

Онъ тихо вошелъ въ ложу Чемисаровыхъ. Старикъ слегка повернулъ голову, и узнавъ его, указалъ рукой на оставшееся свободнымъ мѣсто впереди ложи. Это было, видно, сверхъ всякихъ ожиданій Кемскаго; онъ сѣлъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ противъ Надежды Павловны.

Прежнею безцвѣтною улыбкой улыбнулась она, увидѣвъ его. Онъ живо наклонился къ ней, чѣд-то шепча и глядя на нее съ безконечною нѣжностью; но это продолжалось не долго. Надежда Павловна приподняла обѣими руками тяжелый бинокль и навела его на сцену.

Кемскій отодвинулся отъ нея, нахмурясь.

Изъ глубины ложи скользнулъ по дочери взглядъ старика Чемисарова и снова безцѣльно заблуждалъ по залѣ. Замѣтилъ ли онъ ея безучастіе къ моему бѣдному пріятелю, извѣстна ли ему была ея причина, ничего не сказалъ этотъ взглядъ, холодный и неуловимый какъ блескъ стали...

Въ началѣ перваго акта Кемскій вернулся ко мнѣ.

— Пойдемъ, сказалъ онъ, — я тебя представлю Павлу Васильевичу.

— Сдѣлай одолженіе.

Мы вошли въ ложу. Кемскій назвалъ меня. Чемисаровъ подалъ мнѣ руку.

— Я вашего старика зналъ; честный былъ человѣкъ, сказалъ онъ мнѣ съ перваго слова.

Я поклонился.

— Вы, говорятъ, усердствуете на службѣ? спросилъ онъ за тѣмъ съ какимъ-то двусмысленнымъ выраженіемъ и держа себя за ухо.

— Служу какъ могу.

— Какъ по-вашему: дѣло дѣлаете?

— Развѣ тѣмъ, отвѣчалъ я смѣясь,—что выйдя я, на мое мѣсто сядетъ другой, который, пожалуй, дѣла отъ вздора отличить не сумѣетъ.

— Такъ! сказалъ онъ, одобрительно взглянувъ на меня.— Правды у насъ нѣтъ, да и едва ли когда будетъ; такъ и на томъ спасибо! Садитесь.

И указавъ мнѣ рукой на мѣсто, оставленное Кемскимъ, противъ дочери.

Я утѣлся. Кемскій занялъ стулъ рядомъ съ дѣвушкой.

— Полюбите его, Nadine, сказалъ онъ ей съ улыбкой, указывая на меня,—онъ хорошій человекъ, а его съ дѣтства знаю.

Въ это время сіяющій Зѣвницынъ, въ мундирѣ и метя полъ бѣлымъ султаномъ своей каски, подошелъ изъ перваго ряда кресель къ нашей ложѣ.

— Отъ этого господина на днѣ морскомъ не упрячешься, пробормоталъ Кемскій, откидываясь назадъ, за спину Надежды Павловны.

— Comme c'est beau la musique de Rossini! возгласилъ офицеръ, ловко расшаркиваясь передъ дѣвушкой.

— Bien beau! подтвердила Надежда Павловна.

— Но, увы, надо признаться, les chanteurs russes sont pitoyables. Надо было бы прислать въ Москву, pour qu'ils aient le plaisir d'être applaudis par vous, mademoiselle, примолвилъ онъ съ отѣвкомъ вѣжной галантерейности,—нашу италянскую оперу съ Грузии и Маріо.

Кемскій не вытерпѣвъ, всталъ и отошелъ назадъ къ старуку Чемисарову.

— Конечно, это было бы хорошо, отвѣчала Надежда Павловна Зѣвницыну,—но я въ первый разъ въ оперѣ и совершенно довольна всѣмъ, что слышу.

— Въ первый разъ? Скажите!—И взглянулъ на нее съ сожалѣніемъ.—Впрочемъ, примолвилъ онъ свисходительно,—оркестръ здѣсь хорошъ, и хоры даже очень не дурны; видно что ведетъ ихъ искусная рука.

— Здѣсь отличный музыкантъ дирижеръ, сказалъ я ему

— Кто такой?

— Нѣкто Іоганнисъ.

— А! У насъ было некоторое время Руччи. Vous savez, mademoiselle, Ricci, qui a composé lui même des opéras; un

homme très comme il faut; онъ даже дирижировалъ всегда въ желтыхъ перчаткахъ....

— Иоганнисъ? раздался въ глубинѣ ложи голосъ стараго генерала, пока Звѣницынъ распространялся о Риччи и петербургской оперѣ:—Иоганнисъ, имя какъ будто знакомое....

— Да и мнѣ тоже, сказалъ Кемскій.—А! вспомнилъ! у него, кажется, учился вашъ Кирилинъ?

Надежда Павловна вдругъ наклонилась надъ самую рамной ложи и глухо, съ какимъ-то замираемъ въ голосъ, спросила Звѣницына:

— Кто эта дама?

— Гдѣ?

— Тамъ.... у оркестра?

— Ахъ, кстату! говорилъ между тѣмъ Кемскій генералу:— я еще и не успѣлъ спросить васъ про Кирилина. Что онъ?

— Переселился, какъ-то странно отвѣчалъ ему тотъ.

— Вотъ какъ! Куда же?

— На тотъ свѣтъ.

— Pardon, mademoiselle, я рѣшительно не понимаю о какой дамѣ вы говорите. У оркестра нѣтъ никакой дамы и быть не можетъ. Развѣ Вашнева вы приняли за даму? смѣясь спросилъ Звѣницынъ Надежду Павловну.

— Вашнева? повторила она какъ бы съ просонковъ.

— Сходства однако мало, продолжалъ онъ шутливо. — А вы его знаете?

— Знаю.... нѣтъ.... я совсѣмъ его не знаю, я совсѣмъ о другомъ хотѣла спросить васъ, сказала она, и засмѣялась.— Но мнѣ показалось, что плечи у нея вздрагивали подъ кисеей.

— Vous êtes très distraite, mademoiselle, съ лукавымъ видомъ замѣтилъ гвардеецъ.

А за нами продолжался разговоръ:

— Кирилинъ умеръ, огорченнымъ голосомъ говорилъ Кемскій, — такъ молодъ! Какъ же это случилось?

— Утонулъ, какъ бы не-хотя отвѣчалъ старикъ.

— И давно?

— Прошлымъ лѣтомъ.

— Je vous salue, mademoiselle, началъ раскланиваться Звѣницынъ.

— Вы уже уходите? воскликнула она.

Для всякаго, кто бы онъ ни былъ, и гораздо поскромнѣе

нашего петербургскаго льва, зазвучали бы теперь обѣщаніемъ эти встревоженные, чуть не умоляющія слова.

Но не тѣмъ представлялось для меня ихъ настоящее значеніе. Какая-то таинственная драма несомнѣнно разыгрывалась въ эту минуту предо мной, но я понималъ, что героемъ ея не могъ быть Звѣницынъ. А онъ сіялъ и поводилъ глазами, поднося въ блѣдную дѣвushку съ такимъ восторженнымъ и маслянымъ выраженіемъ, съ какимъ никогда влюбленный котъ не взиралъ на свою возлюбленную...

— Я боялся вамъ наскучить, говорилъ онъ, — *mais vous devez être bien persuadée, mademoiselle, qu'on ne voudrait jamais vous quitter.*

— Кирилинъ утонулъ? переспрашивалъ между тѣмъ Кемскій, и примолвилъ: — а его мать все у васъ?

Отвѣтъ замедлился.

— Завтра, говорятъ, будетъ балъ въ Собраніи, поспѣшно спросила Надежда Павловна, какъ-то судорожно открывая и закрывая вѣеръ передъ лицомъ.

— Переѣхала въ городъ, отвѣчалъ наконецъ Кемскому генералъ.

— Вы будете? спросилъ въ свою очередь Звѣницынъ тѣмъ особымъ вкрадчивымъ шептаніемъ, для котораго Нѣмцы изобрѣли очень выразительный глаголъ: *flüstern*.

— Да, конечно, я очень хочу, въ Собраніи, мнѣ говорили, много бываетъ, и балы такъ хороши всегда, проговорила она скоро, скоро, какъ бы торопяся заговорить себя самое своими собственными словами.

— Вы не откажете мнѣ въ мазуркѣ? еще тише спросилъ офицеръ.

— Мазурка, да, конечно; это очень весело, я очень люблю...

Она положительно уже не знала, что говорила. За этимъ блестящимъ, двигавшимся вѣеромъ можно было уловить лихорадочныя искры въ ея блѣдыхъ глазахъ. Пальцы ея лѣвой руки, лежавшей на бархатной рампѣ ложи, ухватились за бинокль и такъ и зачлѣбли на немъ, — я это видѣлъ.

— Я увѣренъ, что вамъ холодно, сказалъ я громко ей.

— Да, неможко... Отчего вы думаете? проговорила она съ усиленіемъ.

— Въ этихъ ложахъ бенуара всегда дуетъ изъ маленькой двери подъ сценой, чрезъ которую музыканты проходятъ въ

оркестръ, а она именно теперь отворена, объяснилъ я довольно естественно.

— Вы совершенно правы, подтвердилъ Звѣницынъ. — Je vous conseille de vous retirer à l'arrière, mademoiselle, приговаривалъ онъ, устремивъ на нее долгій прощальный взглядъ, и удалился.

— Вамъ не мѣшало бы выпить чашку чаю. Я сейчасъ приду, сказалъ Кемскій, подбѣгая къ ней.

— Не хочешь ли домой? спросилъ ее отецъ.

— Нѣтъ, сказала она, вставая съ мѣста.—А чаю я выпью, мнѣ точно холодно что-то.

Я раскланялась.

— До свиданія, сказалъ мнѣ старикъ Чемисаровъ, между тѣмъ какъ дочь его прощалась со мной улыбкой, въ которой сказывалась какъ будто какая-то мимолетная и унылая благодарность....

Во второмъ актѣ вышла бенефициантка, въ роли Матильды, въ шляпѣ съ перьями и хлыстомъ въ рукѣ. Она была еще молода и свѣжа, съ полными, румяными губами. Цѣлая буря хлопавья и возгласовъ поднялась при ея появленіи. Она кланялась, присѣдала и складывала руки крестомъ къ горлу, и потомъ опять присѣдала и кланялась, при чемъ поклонники ея могли удобно оцѣнить контуры вида самаго пріятнаго, волновавшіеся подъ лифомъ ея темнаго бархатнаго платья. Букетовъ и подарковъ поднесено ей было въ изобиліи. Въ числѣ послѣднихъ была даже дюжина серебряныхъ ложекъ, презентъ практическаго человѣка.

Опера шла своимъ чередомъ. Теноръ возводилъ очи горѣ и прикладывалъ обѣ ладони къ сердцу. Баритонъ пускалъ руки наотмашь въ пустое пространство. Басъ, съ натуженною дѣ-сися шей, пропускалъ свою роту въ буфы, нашитые на груди его пейзанскаго костюма, и внушительно тыкалъ внизъ указательнымъ пальцемъ. И все это производилось такъ, какъ будто каждый изъ нихъ говорилъ себѣ въ это время: „а должно-быть изъ этого что-нибудь и выйдетъ!“ И они не ошибались. Богъ великъ,—дѣйствительно выходило что-то. Публика спѣшила апплодировать каждому изъ нихъ порознь и всѣмъ вмѣстѣ взятымъ, для доказательства, вѣроятно, и съ своей стороны, полнаго сочувствія къ такому простодушію возрѣвій на дѣло искусства....

Я обернулся къ оставленному мной бекуару.

На виду въ немъ сидѣла теперь одна Надежда Павловна и слушала, опершись головой на руку и не сводя глазъ со сцены. Въ продолженіе всего акта она не перемѣнила положенія. Чему внимала она такъ безмолвно и прилежно, страстными ли звуками этой музыки, въ первый разъ касавшимся ея слуха, или глухому ропоту и сожалѣніямъ своего собственного сердца, — не знаю, но ея блѣдный и недвижный обликъ, съ выраженіемъ скорбнаго помысла, какъ бы оледѣвшаго на ея челѣ, походилъ скорѣе на могильный памятникъ чѣмъ на живой человѣческій образъ...

Передъ третьимъ актомъ я уѣхалъ изъ театра, не дождавшись Кемскаго. Мнѣ и не хотѣлось видѣть его въ эту минуту.

Б. ЛѢСНИЦКІЙ.

(До слѣд. №.)

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

И

ПРИНЦЕССА ВЛАДИМИРСКАЯ *

XXVII.

Черезъ четыре дня по отъздѣ изъ Рима, „принцесса Елизавета“, подъ именемъ графини Селивской, прїѣхала въ Пизу, которою владѣлъ тогда сынъ Маріи Терезіи, братъ императора Іосифа II и самъ по смерти его императоръ Священной Римской имперіи, Леопольдъ. Угодливый и, казалось, совершенно преданный принцессѣ лейтенантъ Христенекъ подвезъ ее къ роскошному палаццо. Заблаговременно извѣщенный, что „всклепавшая на себя имя“ сама ѣдетъ въ Пизу, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ не замедлилъ прїискать ей прекрасное помѣщеніе, вполне приличное принятому на себя этою женщиной званію. Принцесса расположилась въ палаццо съ сопровождающею ея свитой. Слѣдомъ прїѣхали изъ Рима остальные служители ея двора. Весь штатъ этого двора состоялъ въ Пизѣ изъ шести десяти человѣкъ, какъ писалъ графъ Орловъ императрицѣ.**

Графъ Алексѣй Григорьевичъ не замедлилъ представиться „принцессѣ Елизаветѣ“. Онъ обращался съ нею почтительно, и почтеніе свое заявлялъ совершенно какъ вѣрно-подданный. Съ чрезвычайною заботливостью окружалъ онъ

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 5 и 6.

** *Донесеніе графа Орлова императрицѣ* отъ 14-го (25-го) февраля 1775 года.

ее всѣми возможными удобствами, являясь къ ней ежедневно не иначе какъ въ парадной формѣ и въ лентѣ, не садился передъ ней, съ поспѣшностью предупреждалъ каждое ея желаніе; даже съ кавалерами двора принцессы, съ Доманскимъ и Чарномскимъ, обходилась не только съ изысканною любезностью, но даже съ глубокимъ почтеніемъ. Принцесса не даругъ однако повѣрила Орлову свои планы и намѣренія. Она только указала ему, что еще во младенчествѣ была увесена однимъ священникомъ и какими-то женщинами изъ Россіи, что по проискамъ ея враговъ была отравлена, такъ что рвотными едва успѣли спасти ея жизнь. Говорила, что она воспитана въ Персіи, гдѣ до сихъ поръ имѣетъ многочисленную и сильную своимъ вліаніемъ на внутреннія и вѣшнія политическія дѣла партію, что по достиженіи совершеннолѣтія она уѣхала въ Европу, проѣзжала при этомъ черезъ мѣста, населенныя Татарами, по Волгѣ, была тайно въ Петербургѣ, а отсюда черезъ Ригу проѣхала въ Пруссію. Принцесса разказывала графу Орлову, что въ Потсдамѣ она видѣлась съ королемъ Фридрихомъ и объяснила ему кто она такая, затѣмъ жила въ Парижѣ, была знакома съ тамошними министрами, но открылась имъ не вполне, называя себя только „принцессой Владимірской“ и умалчивая, что покойная императрица Елизавета была ея матерью. Она разказывала также, что въ Германіи коротко познакомилась съ нѣкоторыми имперскими князьями, особенно же съ курфирстомъ Трирскимъ и княземъ Гольштейнъ-Шлезвигъ-Лимбургскимъ, что она не надѣется на императора Иосифа II, но вполне разчитываетъ на помощь королей прусскаго и шведскаго, что съ членами польской конфедерации она хорошо знакома и намѣрена изъ Италіи ѣхать въ Константинополь, чтобы представиться султану Абдуль-Гамеду, для чего и послала туда напередъ вѣрнаго человѣка. Это, говорила она,—одинъ преданный ей Персіянинецъ, знающій восемь или девять языковъ.

Такъ разказывала принцесса графу Орлову, и такъ Орловъ о всемъ сказанномъ доносилъ императрицѣ. Онъ не упомянулъ чтобы принцесса говорила ему что-нибудь про Пугачева; чтобы она сказала ему что-либо о существованіи въ Россіи преданной ей партіи. Вѣроятно, въ это время принцесса Владимірская уже знала, что названный ея „братецъ“ 10-го января (ст. ст.) сложилъ буйную свою голову въ Москвѣ на Болотѣ. О партіи въ Россіи она не могла распро-

страняться въ интимныхъ бесѣдахъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ: Орловъ не Полякъ, не Англичанинъ, не кардиналъ, онъ лучше ея самой зналъ всѣ партіи существовавшія тогда въ Россіи, ему надобно было назвать имена, а кого бы назвала принцесса?

Впрочемъ, вскорѣ по арестованіи ея, Орловъ писалъ императрицѣ: „Я нѣсколько сомнѣнія имѣю на одного изъ нашихъ волюнтеровъ, а легко можетъ-быть, что я и ошибаюсь, только видѣлъ многія французскія письма безъ подписи, и рука мнѣ знакомая быть кажется.“ Орловъ подозревалъ Ивана Ивановича Шувалова. Въ послѣдствіи, къ фельдмаршалу князю Голицыну, когда онъ производилъ въ Петропавловской крѣпости свидѣніе надъ „всклепавшею на себя имя“, прислана была собственноручная записка Шувалова самаго незначительнаго содержанія для сличенія почерковъ. Оказалось, что почеркъ заподозрѣннаго былъ сходенъ съ почеркомъ князя Лимбурга. Шувалова оставили въ покоѣ, и онъ вскорѣ потомъ воротился въ Россію послѣ столь долговременнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ.

Орловъ такъ описывалъ императрицѣ наружность принцессы Елизаветы: „Оная женщина росту небольшого, тѣла очень сухаго, лицомъ ни бѣла, ни черна, глаза имѣетъ большіе, открытые, цвѣтомъ темнокаріе, косы и брови темнорусы, а на лицѣ есть и веснушки. Говорить хорошо по-французски, по-нѣмецки, немного по-италіянски, разумѣетъ по-англійски, думать надобно, что и польскій языкъ знаетъ, только никакъ не отзывается; увѣряетъ о себѣ, что она арабскимъ и персидскимъ языкомъ очень хорошо говорить.... Свойство она имѣетъ довольно отважное и своею смѣлостію много хвалится.“

Отважнымъ свойствомъ этой несчастной женщины и воспользовался графъ Алексѣй Григорьевичъ, чтобы, во исполненіе воли императрицы Екатерины, захватить ее и живою или мертвою привезти въ Россію. Весьма вѣроятно, что Орловъ еще прежде получилъ отъ кого-нибудь свѣдѣнія о принцессѣ, объ ея страстной натурѣ, объ ея влюбчивомъ характерѣ и сильной склонности къ чувственнымъ наслажденіямъ. Графъ рѣшился вести съ ней игру въ любовь, чтобы обыграть легкомысленную красавицу навѣрняка и увлечь ее въ хитро-разставленные имъ сѣти. Графъ Алексѣй Григорьевичъ былъ большой мастеръ играть въ

любовь и съ особеннымъ искусствомъ сыгралъ задуманную теперъ партію.

Ему было въ то время тридцать восемь лѣтъ, онъ былъ красавецъ и настоящій богатырь. Огромнаго роста, въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень, силы необычайной, съ приятнымъ, умнымъ, выразительнымъ лицомъ, Чесменскій герой былъ одинъ изъ красивѣйшихъ людей своего времени и не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на страстную и все для чувственныхъ наслажденій забывавшую принцессу. Всѣ дотошъ пользовавшіеся сердечнымъ ея расположеніемъ Голландцы, Нѣмцы, Французы, Поляки и Алжирцы были пигмеи сравнительно съ этимъ русскимъ могучимъ богатыремъ. Съ перваго же свиданія она была очарована графомъ. Онъ, съ своей стороны, прикинулся страстно влюбленнымъ и даже просилъ руки прекрасной княжны. Благосклонно принявъ предложеніе Орлова, она показала, однако, что о бракѣ думать пока еще рано, но что достигнувъ того положенія, которое принадлежитъ ей по рожденію, она непременно сдѣлается его женой. Орловъ подарилъ ей свой портретъ, сталъ выѣзжать съ ней въ открытомъ экипажѣ, показывалъ ей достопримѣчательности Пизы, вмѣстѣ съ ней бывалъ въ оперѣ, на гуляньяхъ и проч. Такъ продолжалось съ недѣлю. Изъ Пизы писали въ это время въ Варшаву, что графъ Орловъ, выѣзжая съ „знаменитою иностранкой“, постоянно обходится съ нею чрезвычайно почтительно: ни онъ и никто изъ Русскихъ не садится въ ея присутствіи, если же кто говоритъ съ нею, то, кажется, стоитъ передъ нею на колѣняхъ. Въ Пизѣ въ это время жила одна русская красавица Давыдова, находившаяся съ Орловымъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и до пріѣзда принцессы постоянно съ нимъ выѣзжавшая. Теперь она болѣе не являлась съ нимъ ни въ свѣтѣ, ни въ театрѣ, ни на прогулкахъ. * Въ Пизѣ

* Письмо изъ Пизы отъ 15-го марта 1775 года, найденное въ бумагахъ аббата Рокотани. Г-жа Давыдова, о которой упоминается въ этомъ письмѣ, была, кажется, Екатерина Львовна, жена Александра Николаевича Давыдова. Она урожденная Орлова и едва ли не родственница Чесменскому. Впрочемъ, Орловы не стѣсались и болѣе близкими узами родства. Известно какъ поступилъ князь Григорій Григорьевичъ съ юною двоюродною сестрой своею Екатериной Николаевной Зиновьевой. Императрица заставила его потомъ жениться на ней.

открыто говорил, что графъ покинулъ Давыдову, вступивъ въ связь съ очаровательною графиней Селивскою.

Эта любовь была послѣднею любовью принцессы, такъ много любившей и такъ часто мѣнявшей сердечныя привязанности. Связь ея съ Орловымъ возникла быстро, едва ли не съ перваго дня личнаго знакомства, и продолжалась всего одну недѣлю. Въ письмѣ къ императрицѣ графъ Орловъ не говоритъ прямо о своей связи, но выражается такъ: „Она ко мнѣ казалась быть благосклонною, чего для я и старался предъ нею быть очень страстенъ. Наконецъ я ее увѣрилъ, что я бы съ охотою и женился на ней, и въ доказательство, хотъ сегодня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что я оное исполнилъ бы, *лишь только достигъ бы до того, что-бы волю вашего величества исполнить*, но она сказала мнѣ, что теперь не время, потому что еще несчастлива, а когда будетъ на своемъ мѣстѣ, тогда и меня сдѣлаетъ счастливымъ.“ Затѣмъ шутивымъ тономъ Орловъ прибавляетъ о какомъ-то неизвѣстномъ намъ случаѣ, когда онъ еще прежде хотѣлъ было подобнымъ же образомъ, изъ усердія, жениться на особѣ, которую называетъ въ письмѣ „въ оное время бывшая моя невѣста Шмитта.“ „Могу теперь похвастать, прибавляетъ онъ, что имѣлъ невѣсть богатыхъ! Извините меня, всемилостивѣйшая государыня, что я такъ осмѣливаюсь писать.“ *

XXVIII.

Принцесса была убѣждена, что ея любезный графъ измѣнилъ императрицѣ и воплнѣ сочувствуетъ ея планамъ. Такъ искусно умѣлъ герой Чесменскій притворяться. Христекекъ также сдѣлался близкимъ человѣкомъ къ принцессѣ и покинулъ самымъ ревностнымъ ея приверженцемъ. Елизавета теперь не сомнѣвалась болѣе, что какъ русская эскадра, стоявшая въ Ливорно, такъ и сухопутное войско, бывшее на ней видѣ десанта, по вліянію Орлова, по первому возвра-

* Г-жа Шмиттъ была въ 1756 году надзирательницею за живущими во дворцѣ фрейлинами. Можетъ-быть, въ письмѣ Орлова найдетъ намекъ на нее или на ея дочь. Графъ Орловъ-Чесменскій былъ въ 1775 году еще холостъ. Вскорѣ онъ женился на Авдотѣ Николаевнѣ Лопухиной (род. 1762, умерла 1786 г.).

нiю примуть ея сторону. Чтобъ еще болѣе убѣдить принцессу въ своей преданности, графъ Алексѣй Григорьевичъ не отказывалъ ей ни въ чемъ. Стоило только пожелать ей чего-нибудь, тотчасъ же все исполнялось согласно ея волѣ. Такъ однажды Христенекъ просилъ ее похлопотать у Орлова о награжденiи его полковничьимъ чиномъ. Хотя Орловъ и не имѣлъ полномочiя производить подчиненныхъ въ штабъ-офицерскiе чины, но въ угоду принцессѣ превысилъ свою власть, и Христенекъ изъ рукъ принцессы получилъ полковничiй патентъ.

Христенекъ, по свидѣтельству самого Орлова, отлично исполнялъ свою роль, обманывая легкомысленную и доверчивую женщину. „Могу, вашему величеству, ако вѣрный рабъ, увѣрить, писалъ онъ императрицѣ, что оный Христенекъ поступаетъ со всею возможною точностию по моимъ повелѣнiямъ и *умѣлъ удачно свою роль сыграть.*“

Такимъ образомъ принцессу успѣли завлечь въ разставленные сѣти. Но какъ овладѣть ею, какъ арестовать ее и отправить въ Россiю, чтобъ исполнить волю императрицы? Это было не очень легко. Въ Пизѣ и вообще во владѣнiяхъ тосканскихъ ходили уже слухи, что подъ именемъ графини Селинской скрывается дочь покойной русской императрицы, „опасная (?) соперница“ Екатерины. Употребить противъ нея какое-либо насилiе на тосканской территорiи было невозможно: Флорентiйскiй дворъ не дозволилъ бы этого. Притомъ же у принцессы были истинные приверженцы: Домаскiй, Чарномскiй и нѣкоторые изъ ея прислуги, они всѣми силами воспротивились бы самому малѣйшему насилiю со стороны графа Орлова. Кромѣ того, иезуиты, принимавшiе дѣятельное участiе въ созданiи самозванки, зорко слѣдили за всѣмъ, что вокругъ нея дѣлается. А они были сильны и способны на все. На открытое сопротивленiе иезуиты, можетъ-быть, и не пошли бы, но защитить принцессу помощiю мѣстной полицiи, а если нужно, то и употребить противъ ея враговъ ядъ или кинжалъ, почтенные члены Общества Иисусова были очень способны. Графъ Орловъ боялся ихъ даже и послѣ ареста принцессы. „Признаюсь, всемогущѣйшая государыня, писалъ онъ Екатеринѣ уже по взятiи самозванки, что я теперь, находясь внѣ отечества, въ здѣшнихъ мѣстахъ, опасаться долженъ, чтобы не быть отъ сообщниковъ сей злодѣйки застрѣлену или окорм-

леву.... я всего болѣе опасуюсь іезуитовъ, а съ нею нѣкоторые были и остались по разнымъ мѣстамъ.“

Орлову много помогъ въ захватѣ „всклепавшей на себя пма“ новопожалованный англійскій кавалеръ, сэръ - Джонъ Дикъ, англійскій консулъ въ Ливорнѣ. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи принцессы въ Пизу, Орловъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ сэръ-Джонъ извѣщалъ графа о какомъ-то столкновеніи, возникшемъ будто бы въ Ливорнѣ между англійскими и русскими чиновниками. Никакого столкновенія не было, письмо сэръ-Джона Дика нужно было лишь для того, чтобъ Орлову можно было показать его принцессѣ и тѣмъ оправдать въ глазахъ ея поспѣшныи отъѣздъ его изъ Пизы. Когда онъ показалъ ей письмо консула и сказалъ, что личное присутствіе его въ Ливорнѣ необходимо для устраненія столкновеній и водворенія порядка, принцесса вполне ему повѣрила. Она спросила своего любезнаго на долго ли онъ ее покидаетъ. Орловъ отвѣчалъ, что онъ и самъ не знаетъ на сколько времени задержитъ его въ Ливорнѣ это неприятое дѣло и долго ли будетъ онъ лишень удовольствія находиться въ обществѣ обворожительной принцессы. Груство стало ей. Разлуку съ милымъ графомъ страстная принцесса считала несчастіемъ. Напрасно умоляла она его не покидать ее, поручить кому-нибудь изъ довѣренныхъ лицъ уладить ливориское столкновеніе: Орловъ былъ непреклоненъ. „Въ такомъ случаѣ, рѣшительнымъ тономъ сказала принцесса, и я поѣду съ вами.“

Орлову только этого и хотѣлось. Ливорно находилось на пути въ Геную, куда собиралась принцесса, съ тѣмъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, ѣхать изъ этого города или моремъ въ Константинополь, или сухимъ путемъ въ Оберштейнъ къ старому своему другу, князю Ламбургскому. Поэтому она хотѣла подняться изъ Пизы всѣмъ домомъ и ѣхать въ сопровожденіи всѣхъ многочисленныхъ своихъ служителей. Но графъ Орловъ и Христенекъ стали ее отговаривать отъ такого намѣренія. „Зачѣмъ вамъ брать съ собой всѣхъ служителей? говорили они. Вѣдь мы пробудемъ въ Ливорно лишь нѣсколько дней, а потомъ опять сюда веротимся.“ Не подозрѣвая что ей ставятъ ловушку, принцесса согласилась не отправляться изъ Ливорно въ дальнѣйшій путь, но возвратиться въ Пизу, гдѣ въ блаженствѣ взаимной любви жить съ любезнымъ графомъ сколько проживется.

Поэтому она поѣхала въ Пизу какъ на прогулку, взявъ съ собою только Доманскаго, Чарномскаго, свою камермедхень Франциску фонъ-Мешеле и двухъ камердинеровъ, Маркезини и Кальтфингера. Всѣ свои вещи и бумаги она оставила въ Пизѣ. Февраля 19-го графъ Орловъ, вмѣстѣ съ принцессой и ея маленькою свитой, выѣхалъ изъ Пизы налегкѣ. Христенекъ былъ съ ними.

На другой день ихъ отъѣзда, февраля 20-го, поутру, около одиннадцати часовъ, ординарецъ Орлова (вѣроятно Францъ Вольфъ) пріѣхалъ къ сэръ-Джону Дуку.

— Сегодня къ обѣду будетъ у васъ графъ Орловъ съ обществомъ, сказалъ Нѣмецъ Англичанину, — приготовьтесь принять ихъ.

Англичанинъ понялъ въ чемъ дѣло. Онъ немедленно приказалъ готовить роскошный обѣдъ и послалъ къ русскому адмиралу Грейгу и къ адмиральшѣ, его женьѣ, приглашеніе къ обѣду. Ординарецъ отправился къ адмиралу съ письмомъ Орлова. Немедленно послѣ того русская эскадра, состоявшая изъ пяти линейныхъ кораблей и одного фрегата, стала готовиться къ смотру.

Къ обѣду пріѣхалъ Орловъ съ принцессой и представилъ ей жену консула и адмиральшу Грейгъ, при чемъ не называлъ однако спутницу свою по имени. Хозяинъ дома и адмиралъ также были представлены ей. Сэръ-Джону Дуку лицо принцессы показалось знакомымъ.

— Вы говорите по-англійски? спросилъ онъ ее.

— Говорю, но мало, отвѣчала принцесса.

Консулъ, быть-можетъ, видалъ ее гдѣ-нибудь въ Лондонѣ, и вѣроятно, вопросомъ своимъ хотѣлъ навести ее на этотъ предметъ, но ловкая женщина искусно повела рѣчь о другомъ, и разговоръ ея съ сэръ-Джономъ перешелъ къ постороннимъ предметамъ. За обѣдомъ, къ которому были приглашены Доманскій, Чарномскій и Христенекъ, какъ графъ Орловъ, такъ и англійскій консулъ, обходился съ принцессой чрезвычайно почтительно. Грейгъ больше молчалъ. Принцесса была весела, разговорчива, любезна.

Она осталась въ домѣ гостепріимныхъ Англичанъ. Жена консула тотчасъ же потеряла въ ея довѣренность, что было не трудно, судя по свойствамъ характера легкомысленной принцессы. Безсознательно стремившаяся къ гибели, несчастная женщина вполнѣ довѣрилась новой знакомой, открылась

ей въ любви къ Орлову, посвятила ее въ свои тайны, разказала о своихъ планахъ, и Англичанка, по свидѣтельству Кастеры и Гельбига, помогала врагамъ принцессы, питая въ ней довѣренность и обманчивыя надежды. * Вообще сэръ-Джонъ Дикъ и супруга его играли въ этомъ дѣлѣ роль неблаговидную и совершенно несообразную съ званіемъ дипломатическаго агента посторонней державы. Графъ Орловъ и другіе находившіеся на русской службѣ дѣлали это дѣло, исполняя волю своей государыни, и дѣйствовали во имя блага своего отечества, гдѣ принцесса могла произвести нѣкоторыя, хотя, конечно, самыя незначительныя замѣшательства, но изъ какихъ разчетовъ дѣйствовалъ сэръ-Джонъ Дикъ съ своею супругой? Конечно изъ-за денегъ. Мы не знаемъ, много ли заплатили англійскому консулу, и чего стоили брилліанты, подаренныя его женой. Кастера въ своей книгѣ рѣзко порицалъ поведеніе сэръ-Джона Дика, въ газетахъ также указывали на несоответственную его званію роль, но Англичанинъ промолчалъ. Онъ не могъ, ему нечѣмъ было оправдываться.

Принцесса возбудила въ ливорнскомъ населеніи общее любопытство и даже симпатію. Народъ бѣгалъ за нею по улицамъ. Вечеромъ она была въ оперѣ, взоры всѣхъ обратились на красавицу, сияющую счастіемъ и довольствомъ. ** Но это былъ кануны тюрьмы.

Февраля 21-го у англійскаго консула былъ завтракъ, къ нему приглашено было многочисленное общество. Принцесса была царицей праздника, всѣ обращались съ нею какъ съ особою царственнаго происхожденія; жена консула и адмиральша Грейгъ всячески старались угодить ей. Орловъ не отходилъ отъ предавшейся ему беззавѣтно красавицы, и обращаясь къ ней съ утонченною вѣжливостью, съ вѣрно-подданскою преданностью, бросалъ отъ времени до времени страстные взоры на свою обреченную жертву. Принцесса была необыкновенно весела, она утопала въ счастіи. За завтракомъ зашла рѣчь о флотѣ. Принцесса сама изъявила желаніе посмотрѣть на русскіе корабли. Графъ Орловъ отвѣчалъ, что желаніе ея можетъ быть исполнено тотчасъ же, что онъ для ея удовольствія прикажетъ произвести

* Castera, *Histoire de Catherine II*. Paris, an VIII, II стр. 86. Helbig *Russische Günstlinge*. Tübingen, 1809 г., стр. 260.

** Castera, 86.

кораблямъ маневры, чтобъ она могла составить въ некоторое понятіе о морскихъ сраженіяхъ, словомъ, наобъщала такое множество самыхъ любопытныхъ вещей, если она удостоитъ адмиральскій корабль своимъ посѣщеніемъ, что и не такая женщина, какъ принцесса, ни на минуту не задумалась бы надъ тѣмъ, принять или не принять такое любезное предложеніе. Притомъ же принцесса Елизавета считала русскую эскадру уже какъ бы ей принадлежавшею и потому съ радостью согласилась на предложеніе графа Орлова. Адмиралъ Грейгъ немедленно велѣлъ готовить шлюпки. Послѣ завтрака все веселое общество отправилось на рейдъ. Въ одной шлюпкѣ поѣхала принцесса съ дамами (женой консула и адмиральшей), * въ другую сѣли Орловъ и Грейгъ, въ третью вся пріѣхавшая съ принцессой въ Ливорно ея свита. Кромѣ названныхъ лицъ въ каждой шлюпкѣ находились еще другія, завтракавшія у консула. Христенекъ былъ въ числѣ ихъ.

Еще принцесса съ обществомъ находилась въ домѣ англійскаго консула, какъ вѣсть о предстоящемъ посѣщеніи русскою великою княжной эскадры разнеслась по городу. Корабли и фрегатъ раздвѣтились флагами, флотскіе и сухопутные офицеры надѣли парадные мундиры, приварядились и матросы, готовясь къ большому смотру. Чуть не все населеніе Ливорна высыпало на набережную, или размѣстилось на шлюпкахъ въ ожиданіи какого-нибудь необыкновеннаго зрѣлища. Графъ Орловъ былъ хорошо извѣстенъ Ливорнцамъ за великаго мастера устраивать великолѣпные и чудовищно дорогіе спектакли. Всѣ помнили какъ года три передъ тѣмъ онъ для одного италіанскаго художника устроилъ такой спектакль, подобнаго которому не представляютъ лѣтописи всѣхъ европейскихъ флотовъ. Графъ Орловъ заказалъ картину Чесменскаго боя, и для художника, взявшагося нарисовать ее, на Ливорнскомъ рейдѣ были представлены разныя эволюціи. Была сильная пушечная пальба, лѣмка мачтъ и такелажа—все это сдѣлаво было для того, чтобы дать живописцу понятіе о морской битвѣ. Но на картинѣ надо было нарисовать и горѣвшіе турецкіе корабли, и взрывы ихъ. Чтобъ и о нихъ дать понятіе художнику, графъ Орловъ приказалъ взорвать

* Такъ говорятъ Кастера, Гельбигъ и другіе. Сэръ-Джонъ Дикъ въ послѣдствіи разказывалъ, будто ни жена его, ни адмиральша не участвовали въ этой предательской поѣздкѣ.

порохъ на одномъ изъ линейныхъ кораблей русской эскадры и потомъ сжечь остатки этого корабля, еще годнаго къ употребленію и далеко еще не выслужившаго срока. Такая потѣха обошлась русскому казначейству, можетъ-быть, не въ одну сотню тысячъ рублей, неговоря о томъ, что при взрывѣ погибло нѣсколько матросовъ. Зато графъ Орловъ былъ польщенъ италіянскими ласкателями, сравнивавшими его въ подносимыхъ ему стихотвореніяхъ съ самимъ Александромъ Македонскимъ, сожегшимъ также съ эстетическою цѣлю городъ Вавилонъ (?). И теперь жители Ливорна ожидали какого-нибудь необычайнаго, небывалаго зрѣлища. Густая толпа покрывала улицы и набережную при проѣздѣ принцессы къ рейду. Ее привѣтствовали радостными кликами. Ждали великолѣпнаго спектакля, и онъ дѣйствительно представленъ былъ Чесменскимъ героемъ, но совершенно въ другомъ родѣ чѣмъ тотъ, за который онъ удостоился сравненія съ величайшимъ героемъ древняго міра.

На корабляхъ заиграла музыка, раздались пушечные выстрѣлы. То былъ царскій салютъ. Матросы стояли на реяхъ и громко кричали *ура*. Принцесса была въ восхищеніи: мечты ея осуществлялись. Русскіе залпы, русское *ура* привѣтствовали вѣвку Петра Великаго, создателя русскаго флота! Съ адмиральскаго корабля *Трехъ Іерарховъ* спустили покойное кресло и на немъ подняли принцессу на палубу. Это сдѣлано было для нея одной, и ей объявили, что это знакъ особенной почести. Контръ-адмиралъ Грейгъ привалъ принцессу съ изъявленіями глубокаго почтенія. Идя подъ руку съ графомъ Орловымъ, она привѣтствовала офицеровъ, представляемыхъ ей адмираломъ, ласково кланялась матросамъ. *Ура* не умолкало на эскадрѣ.

Обойдя палубы корабля, принцесса введена была въ адмиральскую каюту. Здѣсь подали роскошный десертъ. Наполнились кубки, и все общество пило здоровье принцессы Елизаветы. Начались маневры, все общество вышло на палубу, подлѣ принцессы стояли въ почтительномъ отдаленіи графъ Орловъ, Грейгъ, Христенекъ и дамы. Елизавета стояла у самаго борта и съ увлеченіемъ смотрѣла на маневры. Долго смотрѣла она и молчала...

Вдругъ слышитъ, что подлѣ нея кто-то поедительнымъ тономъ требуетъ у Христенека, Доманскаго и Черномскаго флаги. Принцесса оглянулась: передъ ней стоялъ гвар-

дейскій капитанъ Литвиновъ, объявлявшій ея спутникамъ арестъ. Ни Орлова, ни Грейга, ни дамъ, прѣхавшихъ съ принцессой, на корабль не было. Въмѣсто ихъ, стояли вооруженные солдаты. Таковъ былъ на этотъ разъ блистательный трагическій спектакль, устроенный на корабль *Трехъ Герардовъ* усердіемъ и ревностію графа Алексѣя Григорьевича Орлова.

— Что это значитъ? строгимъ голосомъ спросила принцесса у Литвинова.

— По именному повелѣнію ея императорскаго величества вы арестованы, отвѣчалъ капитанъ.

— Гдѣ графъ Орловъ? вскрикнула принцесса.

— Арестованъ по приказанію адмирала.

Принцесса лишилась чувствъ. Ее взяли подъ руки и отвели въ каюту вмѣстѣ съ Франциской фонъ-Мешедѣ. Камердинеръ Маркезини оставленъ былъ при ней для прислуги.

Доманскій, Чарномскій, Христенекъ и другой камердинеръ Кальтфингеръ были арестованы и перевезены на другой корабль.*

XXIX.

Опомившись въ каютѣ, принцесса принялась за письмо къ адмиралу Грейгу. Оно было написано рѣзко. Графиня Селинская протестовала противъ учиненнаго надъ нею насилія и требовала немедленнаго освобожденія и отчета въ поступкѣ адмирала. Грейгу не удостоилъ ее отвѣта. Только на словахъ велѣлъ сказать ей, что арестуя ее, онъ повиновался высочайшей волѣ.

Тогда принцесса написала письмо къ графу Орлову. Выражая удивленіе, для чего онъ, такъ часто увѣрившій ее въ своей вѣрности и преданности до гроба, незамѣтно удалился отъ нея въ то именно время, когда приготовлялись взять ее подъ стражу, она звала его къ себѣ, чтобъ объяснить ей все случившееся съ нею. Она прибавила, что посѣщеніе графа

* По другимъ извѣстіямъ, принцесса въ Пизѣ рѣшилась вступить въ бракъ съ графомъ Орловымъ, но такъ какъ въ этомъ городѣ не было православнаго священника, то она и согласилась на предложеніе жениха ѣхать въ Ливорно и тамъ обвѣнчаться на адмиральскомъ кораблѣ, гдѣ была церковь.

будетъ для нея большимъ утѣшеніемъ. „Я готова на все, что ни ожидаетъ меня, писала она, но постоянно сохраняю чувства мои къ вамъ, несмотря даже на то: отняли вы у меня навсегда свободу и счастье, или еще имѣете возможность и желаніе освободить меня отъ ужаснаго положенія.“ * Письмо было отправлено тайнымъ путемъ, (то-есть принцессѣ казалось такъ, дѣйствительно же Грейгъ передалъ его Орлову).

Тѣмъ же путемъ принцесса получила и отвѣтъ, написанный Орловымъ по-вѣмьски: „Ахъ! въ какомъ мы несчастіи, писалъ онъ, но не надо отчаиваться, будемъ терпѣливы: Всемогущій Богъ не оставитъ насъ. Я нахожусь въ такомъ же печальномъ состояніи, какъ и вы, но преданность моихъ офицеровъ подаетъ мнѣ надежду на освобожденіе. Адмиралъ Грейгъ, по дружбѣ своей, давалъ было мнѣ возможность бѣжать. Я спрашивалъ его, что за причина поступка сдѣланнаго имъ. Онъ сказалъ, что получилъ повелѣніе и меня, и всѣхъ кто при мнѣ находится, взять подъ стражу. Я съѣлъ въ шлюпку и проплылъ было уже мимо всѣхъ кораблей. Меня не замѣтили. Но вдругъ увидѣлъ я два корабля передъ собой и два сзади, всѣ они направлялись къ моей шлюпкѣ. Видя, что дѣло плохо, я велѣлъ грести изо всѣхъ силъ, чтобъ уйти отъ кораблей; мои люди хорошо исполнили мое приказаніе, но одинъ изъ кораблей догналъ меня, къ нему подошли другіе, и моя шлюпка была окружена со всѣхъ сторонъ. Я спросилъ: „Что это значитъ? пьяны что ли вы?“ Но мнѣ очень учтиво отвѣчали, что они имѣютъ приказаніе просить меня на корабль со всѣми находившимися при мнѣ офицерами и солдатами. Когда я взлезъ на бортъ, командиръ корабля со слезами на глазахъ объявилъ мнѣ, что я арестованъ. Я долженъ былъ покориться своей участи. Но надѣюсь на Всемогущаго Бога, Онъ не оставитъ насъ. Что касается адмирала Грейга, онъ будетъ оказывать вамъ всевозможную услужливость, но прошу васъ, хотя на первое только время, не пользоваться его

* Это письмо, равно какъ и письмо принцессы къ адмиралу Грейгу, были препровождены къ производившему сѣдствіе фельдмаршалу князю Голицыну, но, по неизвестной причинѣ, уничтожены. Изъ при дѣлѣ нѣтъ, а сохранилось только извлеченіе изъ нихъ, составленное княземъ Голицынымъ.

преданностію къ вамъ; онъ будетъ очень остороженъ. Мнѣ остается просить васъ, чтобы вы берегли свое здоровье, а я какъ только получу свободу, буду умолять васъ по всему свѣту и отыщу, чтобы служить вамъ. Только берегите себя, объ этомъ прошу васъ отъ всего сердца. Ваше письмо я получилъ, ваши строки я читалъ со слезами, видя, что вы меня обвиняете въ своемъ несчастіи. Берегите же себя. Предоставимъ судьбу нашу Всемогущему Богу и вѣрится Ему. Я еще не увѣренъ, дойдетъ ли это письмо до васъ, но надѣюсь, что адмиралъ будетъ на столько любезенъ и справедливъ, что не предастъ его вамъ. Отъ всего сердца цѣлую ваши ручки.“ Подписи нѣтъ. Графъ Орловъ не счелъ нужнымъ подписывать письмо, адресованное къ обманутой имъ жертвѣ. Онъ боялся. Впрочемъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ тотчасъ же домыслъ объ этомъ письмѣ императрицѣ: „у нея есть и моей руки письмо на нѣмецкомъ языкѣ, писалъ онъ, только безъ подписанія имени моего, что я постараюсь выйти изъ-подъ караула, а послѣ могу спасти ее.“ Несчастливая женщина во всемъ повѣрила любимому человѣку. Нетерпѣливо, съ часу на часъ, съ минуты на минуту, ждала она его появленія. Принцесса вѣрила въ любовь Орлова, мысль о предательствѣ, совершенномъ столь близкимъ ей человѣкомъ, не могла придти ей въ голову. Она ждала, она надѣялась, она даже повеселѣла въ своемъ заключеніи. Графъ Алексѣй Григорьевичъ въ немногіе дни хорошо изучилъ ея характеръ. Подавая ей надежду на спасеніе, онъ больше всего въ письмѣ своемъ упрасивалъ ее, чтобы она берегла свое здоровье. Женщина съ такимъ характеромъ, какъ была принцесса, находясь въ безвыходномъ положеніи, непременно наложила бы на себя руки, еслибъ ей не была подана надежда на освобожденіе. А самоубійство ея было не въ планахъ Орлова и Грейга: они хотѣли живою доставить ее въ Кронштадтъ и отдать въ руки Екатерины, разгнѣванной дерзостью женщины, „всклепавшей на себя имя“ и осмѣлившейся оспаривать у императрицы право на русскую корону.

Во время корабельныхъ маневровъ, отоидя незамѣтно отъ принцессы вмѣстѣ съ дамами и Грейгомъ, графъ Орловъ приказалъ арестовать свою любезную вмѣстѣ съ ея свитой, а для увѣренности обманутой въ истинѣ роли, которую теперь разыгрывалъ, и Христенека, остававшагося на ея глазахъ. Самъ же, возвратившись въ Дворецъ,

отправилъ въ Пизу надежныхъ людей, чтобъ они забрали бумаги и другое имущество графини Селинской и распустили ея свиту. Посланные, прїѣхавъ въ Пизу, объявили отъ имени графини, что имъ поручено расплатиться съ прислугой и распустить ее, а вещи ея отвезти въ Ливорно. Это было сдѣлано съ большою поспѣшностью. Еще до Пизы не успѣла достигнуть вѣсть объ арестованіи принцессы, какъ ея служители, за исключеніемъ только троихъ, съ русскими деньгами въ карманахъ, оставили палатку занимаемое графиней Селинской, а бумаги и вещи ея отправлены въ Ливорно и перевезены на адмиральскій корабль. Трое изъ прислуги: Рихтеръ, Лабевскій и Анчіотти объявили, что они не могутъ отдать вещи графини и ея спутниковъ (Доманскаго и Чарномскаго) иначе, какъ услышавъ личное ихъ приказаніе. Честныхъ слугъ взяли въ Ливорно, вмѣстѣ съ вещами перевезли на корабль и тамъ арестовали. Въ числѣ бумагъ захвачены были и бумаги польской генеральной конфедераціи, находившіяся у Чарномскаго.

Задержаніе принцессы произвело сильное негодованіе во всемъ населеніи Ливорно. Только что прїѣхавшая вчера въ городъ красавица, сдѣлавшаяся предметомъ народной симпатіи; принцесса, которой въ виду всего населенія воздавали царскія почести, вдругъ очутилась подъ стражей, захваченная предательскою измѣной. Простой народъ энергичеки грозилъ Русскимъ, самъ Орловъ считалъ себя небезопаснымъ. Въ продолженіе двухъ дней русскіе корабли стояли на Ливорнскомъ рейдѣ, толпы любопытныхъ подѣзжали къ нимъ на лодкахъ, но солдаты, разставленные по бортамъ, кричали, чтобъ они не приближались, угрожая въ противномъ случаѣ выстрѣлами. Нѣкоторые изъ любопытныхъ успѣли, однако, подѣхать довольно близко къ кораблю *Трехъ Герардовъ* и въ окнѣ каюты видѣли отчаянное лицо плѣнницы. Раздраженіе народа было не менѣе сильно и въ Пизѣ, и во Флоренціи. Поступокъ графа Орлова считали нарушеніемъ международнаго права. Извѣстный нѣмецкій писатель Архенгольдъ прїѣхалъ въ Ливорно черезъ нѣсколько дней послѣ арестованія принцессы и отхода русской эскадры и еще засталъ весь городъ въ сильномъ волненіи по поводу захвата *знатной дамы*, которую городъ Ливорно считалъ своею гостей. Тосканскій дворъ былъ сильно раздраженъ поступ-

комъ Орлова. * Говорятъ, что великій герцогъ Леопольдъ протестовалъ противъ совершеннаго на его территоріи насилія. Русское правительство не отвѣчало.

Графъ Орловъ, всего болѣе заботясь, чтобы захваченная имъ женщина была доставлена въ Россію живою, независимо отъ письма своего къ ней, въ которомъ увѣщевалъ ее беречь здоровье, приказалъ адмиралу Грейгу имѣть о плѣнницѣ всевозможное попеченіе. Здоровье несчастной было, какъ мы уже упоминали, крайне разстроено, заключеніе подъ стражу, конечно, должно было усилить чахотку, уже разрушавшую ея организмъ. Заботливый Орловъ назначилъ къ ней особаго врача, который долженъ былъ по нѣскольку разъ въ день посѣщать больную. На другой же день по арестованіи ея на корабль *Трехъ Іерарховъ*, графъ Орловъ былъ у сэръ-Джона Дика и, какъ говорилъ въ послѣдствіи этотъ Англичанинъ, находился въ самомъ тревожномъ состояніи. Онъ просилъ у своего пріятели книгъ, досталъ ихъ еще гдѣ-то и порядочный запасъ для чтенія отправилъ отъ своего имени на корабль къ плѣнницѣ. Во время плаванія до авгаійскихъ береговъ принцесса развлекалась въ своемъ невольномъ удивленіи чтеніемъ книгъ, доставленныхъ столь заботливымъ о ней графомъ, а потомъ, появивъ свою участь и прида въ отчаяніе, не брала уже книгъ въ руки. Графъ Алексѣй Григорьевичъ распорядился также, чтобы во время оставки эскадры въ иностранныхъ портахъ строго наблюдали за плѣнницей. Онъ больше всего боялся, чтобы плѣнница не ушла, или чтобъ она или другой кто-либо изъ арестованныхъ съ нею не передалъ кому-нибудь письма. По пріѣздѣ въ Кроуштадтъ, Грейгъ никому не долженъ былъ сдавать плѣнницу безъ особаго именнаго указа за собственноручнымъ подписомъ императрицы.

Февраля 26-го (старога стила) 1775, русская эскадра вышла въ море. Самъ Орловъ въ послѣдствіи отправился въ Россію сухимъ путемъ. Онъ боялся долго оставаться въ Италіи, гдѣ всѣ раздражены были его предательствомъ. Онъ боялся отравы іезуитовъ, боялся чтобы кто-нибудь изъ приверженцевъ принцессы не застрѣлилъ его, и рѣшился оставить Италію безъ разрѣшенія императрицы, донеся впрочемъ ей пред-

* Archenholz, *England und Italien*. Leipzig 1787, IV, 157—158.

варительно, что оставляет команду для спасения своей жизни.

Христенекъ сутки просидѣлъ подъ арестомъ. Затѣмъ графъ Орловъ отправилъ его въ Петербургъ наканунѣ отплытія кораблей изъ Ливорна. Онъ послалъ съ нимъ къ императрицѣ доносеніе, *черновое*. Орловъ опасался, чтобы Христенека не захватили гдѣ-нибудь съ бумагами. Подробности захвата приказано было ему передать государынѣ на словахъ. Сообщаемъ здѣсь вполнѣ доносеніе графа Орлова, изъ котораго выше приведены нѣкоторые отрывки.

„Угодно было вашему императорскому величеству повелѣть: доставить называемую принцессу Елизавету, которая находилась въ Рагузахъ. Я со всеподданнической моею рабскою должностію, чтобъ повелѣніе вашего величества исполнить, употреблялъ всѣ возможные мои силы и старанія, и счастливымъ себя почитаю, что могъ я оную заодѣйку захватить со всею ея свитою на корабли, которая теперь со всѣми съ ними содержится подъ арестомъ на корабляхъ, и разсажены по разнымъ кораблямъ. При ней сперва была свита до шестидесяти человѣкъ; посчастливилось мнѣ оную уговорить, что она за нужное нашла свою свиту распустить, а теперь захвачена она, камермедженъ ея, два дворянина польскихъ и нѣскольکو слугъ, которыхъ имена при семъ прилагаю. Для онаго дѣла и для посылаки употребленъ былъ штата моего генераль-адъютантъ Иванъ Христенекъ, котораго съ онымъ моимъ доносеніемъ къ императорскому величеству посылаю и осмѣлюсь его рекомендовать, и могу вашему величеству, яко вѣрный рабъ, увѣрить, что оный Христенекъ поступалъ со всею возможною точностію, по моимъ повелѣніямъ, и умѣлъ удачно свою роль сыграть. Другой же употребленъ къ оному дѣлу былъ Францъ Вольфъ. Хотя онъ и не сдѣлалъ многого, однакожь, по давной мнѣ власти отъ вашего императорскаго величества, я его награждалъ чиномъ капитанскимъ за показанное имъ усердіе и ревность къ высочайшей службѣ вашего императорскаго величества, а изъ другихъ, кто къ оному дѣлу употребленъ былъ, тѣхъ не оставлю деньгами наградить. Признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что я теперь, находясь внѣ отечества въ здѣшнихъ мѣстахъ, опасаться долженъ, чтобы не быть отъ сообщниковъ сей заодѣйки застрѣлену или окормлену. Я жь ее привезъ самъ на корабли на своей шлюпкѣ и съ ея кавалерами, и препоручилъ надъ нею смотрѣніе контръ-адмиралу Грейгу, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ онъ всевозможное попеченіе имѣлъ о ея здоровьѣ, и приставленъ одѣвъ лѣкарь; берегся бы, чтобъ она, при стоянн въ портѣ, не ушла, тожь никакого письмеда никому не передава. Равно велѣно смотрѣть и на другихъ судахъ за ея

святою. Во служеніи же оставлена у ней ея дѣвка и камерди-
неръ. Всѣ же письма и бумага, которыя у ней находились, при
семъ на разсмотрѣніе посылаю съ подписаніемъ нумеровъ:
я надѣюсь, что найдется тутъ нѣсколько польскихъ писемъ
о конфедераціи, противной вашему императорскому величе-
ству, изъ которыхъ ясно изволите увидѣть и имена ихъ, кто
они таковы. Контръ-адмиралу же Гретгу приказано отъ
меня, и по пріѣззѣ его въ Кронштадтъ, никому оной же-
нщины не вручать безъ особливаго именнаго указа вашего
императорскаго величества. Она же женщина росту не
большаго, тѣла очень сухаго, лицомъ ни бѣла, ни черна, гла-
за имѣеть большіе и открытые, цвѣтомъ темнокаріе, и косы,
брови темнорусы, а на лицѣ есть и веснушки; говоритъ хо-
рошо по-французски, по-нѣмецки, немного по-италіянски,
разумѣеть по-англійски; думать надобно, что и польскій
языкъ знаетъ, только никакъ не отзывается; увѣряетъ о се-
бѣ, что она арабскимъ и персидскимъ языкомъ очень хорошо
говоритъ. Я все оное отъ нея самой слышалъ; сказывала о
себѣ, что она и воспитана въ Персіи и тамъ очень вели-
кую партію имѣеть; изъ Россіи же увезена она въ малолѣт-
ствѣ однимъ попомъ и нѣсколькими бабами; въ одно время
была окормлена: не скоро могли ей помочь подать рвотны-
ми. Изъ Персіи же ѣхала чрезъ татарскія мѣста, около
Волги; была и въ Петербургъ, а тамъ, чрезъ Ригу и Ке-
нигсбургъ, въ Потсдамъ была и говорила съ королемъ Прус-
скимъ, сказавшись о себѣ кто она такова; знакома очень
между имперскими князьями, а особливо съ Трирскимъ и съ
княземъ Голштейнъ-Шлезвигъ или Люнебургскимъ (sic); была
во Франціи, говорила съ министрами, давъ мало о себѣ знать;
Вѣнскій дворъ въ подозрѣніи имѣеть; на Шведскій и Прус-
скій очень надѣется: вся конфедерація ей очень извѣстна и
всѣ начальники оной; намѣрена была отсель ѣхать въ Кон-
стантинополь прямо къ султану; и уже одинъ отъ нея са-
мый вѣрный человекъ туда посланъ, прежде нежели она сюда
пріѣхала. По объявленію ея въ разговорахъ, этотъ человекъ
Персіанинъ и знаетъ восемь или девять языкомъ разныхъ,
говоритъ оными всѣми очень чисто; я жъ моего собственнаго
о ней заключенія, потому что не могъ узнать въ точности,
кто оная дѣйствительно. (sic). Свойство она имѣеть доволь-
но отважное и своею смѣлостію много хвалится: этимъ-то
самымъ мнѣ и удалось ее завести куда я желалъ. Она жъ
ко мнѣ казалась быть благосклонною, чего для я и старался
предъ нею быть очень страстенъ. Наконецъ я ее увѣрилъ,
что я бы съ охотою и женился на ней, и въ доказательство
хоть сегодня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. При-
знаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что я оное исполнилъ
бы, лишь только достигъ бы до того, чтобы волю вашего
величества исполнить; но она сказала мнѣ, что теперь не
время, потому что еще не счастлива, а когда будетъ на
своемъ мѣстѣ, тогда и меня сдѣлаетъ счастливымъ. Мнѣ

въ оно время и бывшая моя невѣста Шмитша. Могу теперь похвастать, что имѣлъ невѣсть богатыхъ! Извините меня, всемилостивѣйшая государыня, что я такъ осмѣливаюсь писать, я почитаю за должность все вамъ доносить, такъ какъ предъ Богомъ, и мыслей моихъ не таить. Прошу и того мнѣ не причесть въ вину, буде я по обстоятельству дѣла принужденъ буду, для спасенія моея жизни, и команду оставя, уѣхать въ Россію, и упасть къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, препоручая мою команду одному изъ генераловъ, по мнѣ младшему, какой здѣсь на лицо будетъ. Да я долженъ буду и своихъ въ ономъ случаѣ обманывать, и никому предстоящей мнѣ опасности не показывать: я всего больше опасуюсь іезуитовъ, а съ нею нѣкоторые были и остались по разнымъ мѣстамъ. И она изъ Пизы уже писала во многія мѣста о моея къ ней привязанности, и я принужденъ былъ ее подарить своимъ портретомъ, который она при себѣ имѣетъ, а если захотятъ и въ Россію мнѣ недобротствовать, то могутъ по этому придратъ къ мнѣ, когда захотятъ. Я нѣсколько сомнѣнія имѣю на одного изъ нашихъ вожировъ, а легко можетъ-быть, что я ошибаюсь, только видѣлъ многія французскія письма безъ подписи, и рука мнѣ знакомая быть кажется. При семъ прилагаю полученное мною одно письмо изъ-подъ аресту, тожъ каковое она писала и контръ-адмиралу Грейгу, на разсмотрѣніе. И она по сіе время все еще вѣритъ, что не я ее арестовалъ, а секретъ нашъ наружу вышелъ. Тожъ у нея есть и моея руки письмо на нѣмецкомъ языкѣ, только безъ подписанія имени моего, и что я постараюсь выйдти изъ-подъ караула, а послѣ могу и ее спасти. Теперь не имѣю времени обо всемъ донести за краткостію время, а можетъ о многомъ доложить генераль-адъютантъ моего штаба. Онъ за нею ѣздилъ въ Римъ, и съ нею онъ для виду арестованъ былъ на одѣн сутки на кораблѣ. Флотъ, подъ командою Грейга, состоящій въ пяти корабляхъ и одномъ фрегатѣ, сейчасъ подъ парусами, о чемъ даю знать въ Англію къ министру, чтобъ оный, по прибытіи въ портъ англійскій, былъ всѣмъ отъ него снабженъ. Флоту жъ велѣно, какъ возможно, поспѣшать къ своимъ водамъ. Всемилостивѣйшая государыня, прошу не взискать, что я вчеря мое доношеніе къ вашему императорскому величеству посылаю; опасуюсь, чтобы въ точности дѣла не провѣдали и не захватили курьера и со всѣми бумагами. Я жъ, повергая себя къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, и пр.

XXX.

Христенекъ проѣхалъ Европу благополучно и около половины марта былъ уже въ Москвѣ, гдѣ находилась, еще съ января, императрица съ дворомъ и высшими правительственными лицами. Петербургомъ управлялъ тамошній генералъ - губернаторъ, генералъ - фельдмаршалъ, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. * Получивъ извѣстие, что „всклепавшая на себя имя“ находится въ рукахъ Грейга, императрица 22-го марта написала два рескрипта: одинъ графу Алексѣю Орлову, другой князю Голицыну. Орлова,

* Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (род. 1718 ум. 1783), сынъ Петровскаго фельдмаршала князя Михаила Михайловича, рожденный отъ втораго брака его съ княжною Куракиной. Въ молодости служилъ онъ въ войскахъ знаменитаго полководца XVIII вѣка принца Евгенія, командовавшаго въ 1735 году на Реймъ австрійскою арміею, и въ 1740 году, будучи 22 лѣтъ, воротился въ Россію, и вступилъ на дипломатическое поприще, находился сначала въ Константинополѣ при русскомъ посолѣ Румянцовѣ, а потомъ посланникомъ при саксонскомъ дворѣ. Хотя онъ былъ дипломатомъ, но получалъ чины военные, и съ 1744 года былъ генералъ-поручикомъ. Въ 1757 году его изъ посланниковъ сдѣлали полководцемъ. Въ Семилѣтнюю войну онъ не отличался замѣчательными подвигами, и команда лѣвыми крыломъ арміи въ сраженіи при Кунерсдорфѣ, былъ вытѣненъ Фридрихомъ II изъ оковъ, потерялъ свои пушки и множество людей и бѣжалъ съ остатками своего отряда. Фридрихъ уже торжествовалъ и послалъ въ Берлинъ извѣщеніе о побѣдѣ, но Петръ Ивановичъ Панинъ и знаменитый въ послѣдствіи Румянцовъ рѣшили судьбу Кунерсдорфской битвы: прусская армія была разбита. Разбитый Голицынъ сдалъ команду другому, но это не помѣшало ему получить чинъ генералъ-аншефа и Александровскую ленту. Въ 1768 году Екатерина послала его противъ Турокъ и писала къ графу Салтыкову „дай Богъ ему счастья отъчужскаго“, но князь Александръ Михайловичъ, какъ видно, не наслаждался отъ родителя ни счастья, ни военныхъ талантовъ. Онъ былъ отозванъ отъ арміи и замѣненъ Румянцовымъ, но все-таки получилъ чинъ фельдмаршала. Его даже называли „покорителемъ Хотина“. Плохой полководецъ, онъ былъ человѣкъ добрый, честный, справедливый, не вдавался въ придворныя интриги и сумѣлъ приобрести общее уваженіе.

находившагося еще за границей, она благодарила за искусное задержаніе самозванки, а князю Голицыну писала, что женщина, выдающая себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, со свитой своею задержана на русской эскадрѣ, съ которою контръ-адмиралъ Грейгъ придетъ въ Ревель, или въ Кронштадтъ, какъ скоро ледъ дозволитъ кораблямъ войти въ рейдъ. Императрица на всякій случай приказала приготовить въ Ревелѣ надежное темничное помѣщеніе, если же корабли придутъ въ Кронштадтъ, то всѣхъ арестантовъ велѣла принять у адмирала князю Голицыну и тайнымъ образомъ, безъ малѣйшей огласки, посадить въ Петропавловскую крѣпость. Князю же Голицыну поручено было и производство допросовъ какъ самой плѣнницы такъ и ея спутниковъ.

Бумаги, взятая графомъ Орловымъ въ Пизѣ и отданныя Грейгу, адмиралъ изъ Кадикса или изъ Плимута напередъ отправилъ въ Россію. Императрица приказала князю Голицыну внимательно рассмотреть ихъ и довести ей, кому принадлежитъ затѣя выставить на политическую арену самозванку. При этомъ Екатерина писала, что ей достоверно извѣстно, что „всклепавшая на себя имя“ выдавала себя за сестру Пугачева. Государыня послала князю Голицыну и полученные ею еще прежде отъ Орлова документы. Почти за мѣсяць до прибытія Грейга въ Кронштадтъ, фельдмаршалъ уже рассмотрѣлъ всѣ бумаги, отнесенныя до самозванки, и составилъ изъ нихъ извлеченіе (19-го апрѣля). Такимъ образомъ еще до прибытія плѣнницы въ Россію, по ея бумагамъ, князю Голицыну были уже извѣстны почти всѣ ея похождения.

Вскорѣ по отплытіи русской эскадры отъ итальянскихъ береговъ, разнесся въ Тосканѣ слухъ, распространившійся потомъ и по всей Европѣ, будто она отправилась въ Бордо, и въ то время какъ русскіе корабли находились во французскихъ водахъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ собственноручно умертвилъ принцессу Елизавету. Это еще болѣе усилило раздраженіе Итальянцевъ противъ гостившаго еще у нихъ Орлова. Но слухъ былъ несправедливъ: графа Орлова вовсе не было ни въ Бордо, ни на эскадрѣ, а принцесса, хотя и сильно больная, 11-го мая была привезена въ Кронштадтъ.

Во время плаванія до англійскихъ береговъ плѣнница была спокойна. Она все еще надѣялась, что въ англійскомъ

портѣ, гдѣ должны будутъ остановиться корабли, страстно любимый ею русскій богатырь, графъ Алексѣй Григорьевичъ непременно освободить ее. Увѣренность въ его преданности ни на минуту не покидала несчастную женщину. Въ Плимутѣ корабли дѣйствительно остановились. Еще при отплытіи ихъ изъ Ливорна, графъ Орловъ писалъ въ Лондонъ къ находившемуся тамъ русскому посланнику, чтобы заблаговременно сдѣланы были имъ распоряженія къ снабженію русскаго флота всѣмъ, что будетъ для него нужно. Повтому остановка въ Плимутѣ была непродолжительна. До тѣхъ поръ принцесса не теряла надежды на освобожденіе, пока не узнала, что эскадра готова поднять якоря, чтобы идти въ Балтійское море. По всей вѣроятности, она въ то же время узнала и о томъ, какъ коварно поступилъ съ нею графъ Орловъ. Она поняла, теперь съ какимъ легкомысліемъ вдалась она въ обманъ, и мрачная будущность представилась ей во всемъ своемъ ужасѣ: Сибирь, вѣчное заточеніе въ казематѣ и, можетъ-быть, даже позорная смерть ожидала ее впереди. Сначала принцесса пришла въ бѣшенство, но не надолго. Силы оставили ее, она лишилась чувствъ и такъ долго находилась въ обморокѣ, что врачи опасались за жизнь ея. Ее вынесли на чистый воздухъ, на палубу. Когда она пришла въ себя, обычная энергія возвратилась къ ней, она вскочила и стремительно бросилась къ борту, чтобы спрыгнуть въ стоящую подлѣ адмиральскаго корабля англійскую шлюпку. Плѣнницу удержали, и Грейгъ учредилъ за ней самый строгій надзоръ; особо назначенные для того люди ни на шагъ не отходили отъ несчастной. Это было необходимо: принцесса нѣсколько разъ хотѣла броситься въ море и нѣсколько разъ другимъ образомъ пыталась лишить себя жизни. Грейгъ долженъ былъ оставить Плимутъ ранѣе чѣмъ предполагалъ; онъ замѣтилъ, что что-то очень много любопытныхъ стали посѣщать его корабль, и изъ разспросовъ ихъ замѣтилъ, что эти посѣтители знаютъ о заключеніи въ одной изъ каютъ корабля *Трехъ Иерарховъ* таинственной плѣнницы. Избѣгая возможныхъ случайностей, адмиралъ посѣтилъ отплытіемъ. Не легко было Грейгу, „Я во всю жизнь мою никогда не исполнялъ такого тяжелаго порученія“, писалъ онъ къ графу Орлову.

Апрѣля 18-го русская эскадра была въ Зундѣ. Лды задержали ее въ Балтійскомъ морѣ, и корабли не ранѣе 11-го

мая могли бросать якоря въ Кронштадтскомъ рейдѣ. Исполняя приказаніе графа Орлова, Грейгъ никому не выдавалъ плѣнницы. Офицерамъ и матросамъ, подъ страхомъ строгой шаго наказанія, запрещено было говорить о ней. Въ самый день прихода въ портъ, адмиралъ послалъ въ Москву доносеніе императрицѣ о благополучномъ прибытіи эскадры въ Россію.

Изъ подмосковнаго села Коломенскаго, гдѣ жила тогда Екатерина, 16-го мая послано было слѣдующее собственноручное повелѣніе адмиралу:

„Господинъ контръ-адмиралъ Грейгъ. Съ благополучнымъ вашимъ прибытіемъ съ эскадрою въ наши порты, о чемъ я сего числа и увѣдомилась, васъ поздравляю и весьма вѣстію сею обрадовалась. Что жъ касается до извѣстной женщины и до ея свиты, то объ нихъ повелѣнія отъ меня посланы господину фельдмаршалу князю Голицыну въ С.-Петербургъ, и онъ сихъ *воажировъ* у васъ съ рукъ сниметь. Впрочемъ, будьте увѣрены, что служба ваша во вседневней моей памяти, и не оставлю вамъ дать знаки моего къ вамъ доброжелательства. *Екатерина*. Мая 16-го 1775 года. Изъ села Коломенскаго, въ семи верстахъ отъ Москвы.“

Грейгъ исходатайствовалъ у императрицы дозволеніе пріѣхать въ Москву. Екатерина согласилась и удержала его при себѣ до торжества, назначеннаго на 10-е іюля для празднованія Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Въ этотъ день усердный Грейгъ произведенъ былъ въ вице-адмирала, черезъ мѣсяць назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, а черезъ годъ получилъ Александровскую ленту. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ также пріѣхалъ изъ Италіи къ празднеству и былъ принятъ Екатериной хотя чрезвычайно милостиво, но съ замѣтною холодностію. Его военныя заслуги были вознаграждены: въ день торжества онъ получалъ прозваніе *Чесменскаго*, похвальную грамоту, серебряный сервизъ и шестьдесятъ тысячъ рублей. Въ Царскомъ Селѣ въ честь его воздвигнутъ памятникъ изъ цѣльнаго уральскаго мрамора, а на седьмой веретѣ отъ Петербурга, въ воспоминаніе Чесменской побѣды, церковь Іоанна Предтечи, и при ней императорскій дворецъ въ азіатскомъ вкусѣ, съ наименованіемъ Чесмы. * Но несмотря на усердіе графа Алексѣя Григорьевича Орлова, оказанное при захватѣ „всклепавшей на себя имя“, несмотря на пожалованныя ему награды,

* Имя Чесменская богатыря для инвалидовъ.

кредитъ Орловыхъ съ этого времени упалъ окончательно. Графъ Орловъ-Чесменскій не возвратился съ дворомъ въ Петербургъ, онъ остался въ Москвѣ, гдѣ жилъ до послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины, ведя жизнь роскошную и разгульную, о которой до сихъ поръ сохраняются въ Москвѣ преданія. Чуть не ежедневный пиръ на весь міръ, роговая музыка, цыганы, пѣсенники, медвѣжья травля, конскія скачки, кулачные бои, дикій разгулъ — вотъ въ какихъ зачатіяхъ „отдыхалъ на лаврахъ“ герой Чесменскій. О судьбѣ обманутой имъ принцессы онъ, по всей вѣроятности, не зналъ ничего вѣрнаго, и когда черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того какъ онъ захватилъ ее въ Ливорнѣ, въ Ивановскомъ монастырѣ помѣщена была настоящая княжна Тараканова, графъ Алексій Орловъ, какъ говоритъ преданіе, никогда не ѣздилъ мимо этого монастыря, полагая, что тамъ томится въ заключеніи его жертва, нѣкогда любившая его страстно, предавшаяся ему беззавѣтно, и такъ ужасно обманутая его приторною любовью.

Гельбигъ, жившій въ Петербургѣ въ составѣ саксонской миссіи при нашемъ дворѣ и хорошо знавшій придворныя тайны, говоритъ, будто привезенная Грейгомъ принцесса, находясь въ Петропавловской крѣпости, родила графу Орлову сына, котораго крестили генераль-прокуроръ князь Вяземскій и жена коменданта крѣпости, Андрея Григорьевича Чернышева, и который будто бы получалъ фамилію Чесменскаго. Александръ Алексѣевичъ Чесменскій, побочный сынъ графа Орлова, дѣйствительно, служилъ въ послѣдствіи въ конной гвардіи и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Что онъ былъ побочный сынъ графа Алексія Григорьевича, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но дѣйствительно ли мать его была никто другая, какъ „всклепанная на себя имя“ принцесса Владимірская — утвердительно сказать нельзя, пока не будетъ извлечено изъ архивовъ все относящееся какъ до истинной дочери императрицы Елизаветы Петровны, такъ и до самозванки, судьбу которой мы описываемъ. Сообщенныя графомъ В. Н. Потемкинымъ въ Императорское Московское Общество Исторіи и Древностей извлеченія изъ дѣлъ о самозванкѣ, далеко не полны. Кромѣ того, въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, именно въ польскихъ бумагахъ, есть, говорятъ, не мало свидѣній о самозванкѣ.*

* Какъ оказывали намъ работавшіе въ этомъ архивѣ

XXXI.

Вечеромъ, мая 24-го, фельдмаршалъ князь Голицынъ потребовалъ къ себѣ капитана Преображенскаго полка Александра Матвѣевича Толстаго. * Объявивъ ему, что по высочайшей волѣ возлагается на него чрезвычайно важное секретное порученіе, онъ повелъ его въ другую комнату. Тамъ стоялъ нагой съ крестомъ и Евангеліемъ, и находился священникъ въ епитрахили. Толстой принялъ присягу въ томъ, что подъ страхомъ строжайшаго наказанія, будетъ вѣчно молчать о томъ, что должно будетъ ему исполнить въ слѣдующую ночь. Приведя къ присягѣ капитана, фельдмаршалъ приказалъ ему тою же ночью ѣхать съ командой въ Кронштадтъ, принять съ корабля *Трехъ Іерарховъ* отъ адмирала Грейга женщину, съ нѣсколькими ея служителями, и тайнымъ образомъ отвезти ихъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ сдать коменданту Чернышеву. Команда, посланная съ Толстымъ, состоявшая изъ самыхъ надежныхъ людей, дала въ свою очередь клятву вѣчнаго молчанія.

Въ ночь съ 24-го на 25-е мая, яхта съ Толстымъ и нѣсколькими Преображенцами плыла изъ Петербурга въ Кронштадтъ. На берегу и на судахъ въ устьѣ Невы всѣ спали, и тихо плывшая яхта прошла незамѣчною. Въ Кронштадтѣ она направилась прямо на военный рейдъ и тамъ причалила къ кораблю *Трехъ Іерарховъ*. Толстой съ командой явился къ Грейгу. Адмиралъ приказалъ капитану съ солдатами весь день оставаться въ каютахъ и ни съ кѣмъ не видѣться. Вечеромъ 25-го онъ сдалъ Толстому принцессу, Франциску фойе-Мешеде, Доманюкаго, Черномскаго и четырехъ камердинеровъ. Такъ же тихо, такъ же незамѣтно, какъ и накануне, яхта поплыла назадъ и въ два часа ночи причалила къ гранитнымъ стѣнамъ Петропавловской крѣпости. Комендантъ, уже ожидавшій къ себѣ въ гости „вожировъ“, принялъ ихъ отъ Толстаго и немедленно размѣстилъ по казематамъ Алексѣевскаго рвадина. Въ то же утро начались допросы.

Первого допрашивали Кальтфингера. Предъ допросомъ

* Въ послѣдствіи бригадиръ, умеръ въ 1811 году.

ему, какъ потомъ и всѣмъ остальнымъ, было объявлено, что обстоятельства ихъ жизни уже извѣстны, следовательно всякая ложь съ ихъ стороны будетъ совершенно бесполезна, что всѣ средства будутъ употреблены для узнаванія самыхъ сокровеннѣйшихъ ихъ тайнъ, и поэтому лучше всего разказать съ полною откровенностью все что имъ извѣстно; это одно можетъ доставить снисхожденіе и даже помилованіе.

Кальтфингеръ объявилъ, что прежде находился онъ въ услуженіи у одного французскаго офицера, собиравшагося въ Турцію съ княземъ Радзивиломъ, и пріѣхалъ съ нимъ въ Рагузу. Здѣсь онъ перешелъ въ услуженіе къ Доманскому и сопровождалъ его, когда тотъ поѣхалъ съ графиней Пиннебергъ въ Неаполь и Римъ. Въ Римѣ господина его посѣщало много Поляковъ. Графиня была не здорова, и болѣзненные припадки бывали съ нею весьма часто; докторъ Садичетти бывалъ у нея ежедневно. Когда все общество поѣхало въ Пизу, Кальтфингеръ хотѣлъ остаться въ Римѣ съ остальною прислугой, но графиня уговорила его ѣхать съ нею. Съ нею отправился онъ и въ Ливорно и былъ арестованъ на корабль *Treux Ierapxovs*.

Послѣ Кальтфингера допрашивали Чарномскаго. Онъ признался, что вмѣстѣ съ Каленскимъ въ 1772 году былъ посланъ графомъ Потоцкимъ въ Турцію, въ лагерь тамошнихъ войскъ, сражавшихся съ Русскими. „Цѣль поѣздки моей, говорилъ Чарномскій, состояла въ томъ, чтобы развѣдать, нельзя ли оттуда получить помощь польской генеральной конфедерации. Изъ Константинополя я привезъ графу Потоцкому въ Верону отвѣтъ отъ великаго визиря и затѣмъ поступилъ на службу къ князю Радзивилу, бывшему маршаломъ генеральной конфедерации.“ Но Чарномскій умолчалъ, что генеральная конфедерация ввѣрила ему доставленіе новыхъ писемъ къ султану и къ великому визирю, и что онъ искалъ мѣста официального агента конфедерации въ Турціи, которое занималъ Каленскій. Онъ умолчалъ и о томъ, что взятая въ Пизѣ переписка конфедерации принадлежитъ ему, а не самозванкѣ, и что графъ Потоцкій писалъ къ нему 6-го января 1775 года о возвращеніи ввѣренной ему переписки конфедерации съ турецкими властями. Оттого въ Петербургѣ и думали, что эта переписка была ввѣрена самозванкѣ, а не ему. Вообще въ показаніяхъ обоимъ Полякамъ, Чарномскаго и Доманскаго, замѣчательно,

дять не только себя, но и все польское дѣло, дять всему такой видъ, чтобы не было обнаружено участіе конфедератовъ, особенно же князя Карла Радзивила и іезуитовъ въ замыслахъ созданной интригою ихъ претендентки на русскую корону. Замѣчательнѣе же всего то, что со стороны самихъ слѣдователей постоянно было опускаемо все касавшееся Радзивила, іезуитовъ и членовъ польской генеральной конфедерации. Изъ всего хода слѣдственнаго дѣла видно, что князя Радзивила и другихъ Поляковъ старались беречь, а всю тяжесть вины сложить на голову одной „всклепаншей на себя има“. Такъ, напримѣръ, другой камердинеръ Доманскаго, Рихтеръ, не былъ допрошенъ обстоятельно, между тѣмъ какъ изъ захваченныхъ бумагъ ясно было видно, что онъ до поступленія къ Доманскому жилъ въ Парижѣ въ услуженіи у Михаила Огинскаго, въ пору тѣснаго знакомства его съ принцессой Владимірскою, и едва ли не сопровождалъ ее, по приказанію своего господина, изъ Парижа во Франкфуртъ. Очевидно, старались не привлекать къ дѣлу людей, помирившихся съ королемъ Станиславомъ-Августомъ и не возбуждавшихъ болѣе противъ себя негодованія Екатерины. Что касается князя Радзивила, онъ вполне испыталъ, что значитъ не угодить російской императрицѣ и поддерживаемой ею партіи, приверженной королю Понятовскому.

Мы уже сказали, что громадныя имѣнія знаменитаго въ своемъ родѣ ясновельможнаго „пане коханку“ были конфискованы, и что живя въ Венеціи и Рагузѣ, онъ дожидая до чрезвычайно тѣсныхъ обстоятельствъ, такъ что даже принужденъ былъ продавать родовые брилліанты. Спустивъ съ рукъ все что могъ, онъ дошелъ до неизвѣстной ему дотолѣ крайности, и покинувъ принцессу Владимірскую, уѣхалъ въ Венецію, а оттуда въ скоромъ времени отправился съ повинною головою въ Польшу къ королю Станиславу Августу. Можно сказать, что въ Варшавѣ царствовалъ тогда не король, а русскій посланникъ, что не Понятовскій, а онъ долженъ былъ рѣшить судьбу смиреннаго Радзивила. Ясновельможному князю предложили возвратить все что потерялъ онъ, подъ условіемъ, чтобы онъ привезъ въ Россію принцессу Елизавету и выдалъ ее въ руки правительства. Какъ ни были стѣснены обстоятельства ясновельможнаго „пане коханку“, онъ, всегда не разборчивый въ средства и весьма легко мирившійся

женщины, имъ самимъ, съ помощію іезуитовъ, вовлеченной въ обманъ. Онъ, по свидѣтельству Кастеры, наотрѣзъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія. Тогда ему сказали, что ему будутъ возвращены его конфискованныя имѣнности, если онъ никогда не будетъ помогать самозванкѣ ни словомъ, ни дѣломъ. На это Радзивиль согласился и получилъ обратно свои имѣнія. Затѣмъ онъ до самой смерти (1790 г.) пользовался милостивымъ расположеніемъ Екатерины, хотя она и считала его пустымъ человѣкомъ. Очень можетъ быть, что фельдмаршалъ князь Голицынъ имѣлъ секретное приказаніе вслѣдствіе выгораживать смиреннаго передъ императрицей и при всякомъ случаѣ старавшагося показать ей свою величественную преданность князя Радзивила и щадить его партію. Какъ государыня, Екатерина была, конечно, благодарна графу Орлову за его усердіе, которое, препроводивъ обманутую имъ жертву въ Петропавловскую крѣпость, избавило императрицу отъ хлопотъ, но какъ женщина, она не могла не оцѣнить достойно поступковъ какъ честолюбца, предавшаго полюбившую его женщину и изъ холоднаго расчета поправшаго чувства любви, такъ и безпутнаго Радзивила, который, несмотря на сильный соблазнъ сдѣланнаго ему предложенія, не рѣшился на предательство. Сравненіе было, конечно, не въ пользу знаменитаго героя Чесмы.

Чарномскій показалъ, что князь Радзивиль, сѣвъ въ Венеціи на корабль варварійскаго капитана, чтобъ ѣхать въ Константинополь, объявилъ своимъ спутникамъ, что отправляющаяся съ ними къ султану принцесса есть дочь покойной императрицы всероссійской Елизаветы Петровны. Всѣ повѣрили словамъ „наше коханку“ и оказывали принцессѣ подобающія царственному происхожденію почести. Во время пребыванія въ Рагузѣ, консулы французскій и неаполитанскій нѣсколько разъ обѣдали у нея и обращались съ ней (въ первое время, пока у нея не произошло разрыва съ княземъ Радзивиломъ) какъ съ великою княжной. Когда Радзивиль воротился въ Венецію, продолжалъ Чарномскій, онъ съ Доманскимъ рѣшились ѣхать въ Римъ, поэтому и приняли охотно предложеніе принцессы соуправлять ей на ея счетъ черезъ Неаполь и Римъ въ ея германскія владѣнія. Въ Римъ всѣ призвали спутницу и русскою великою княжной и обращались съ нею

почтением, какое оказываютъ только лицамъ царствующимъ домовъ. Резиденты курфирста трирскаго, графъ Ланьяско, и польскаго двора, маркизъ Автичи, нѣсколько разъ бывали у нея; послѣдній велъ съ ней переписку и на адресахъ писемъ „ея высочеству принцессѣ Елизаветѣ“. Денежныя средства принцессы въ Римѣ истощились, и Чарномскій съ Доманскимъ, желая отыскать графа Потоцкаго и потомъ вернуться въ Польшу, просили принцессу уволить ихъ изъ своей службы, но она въ Римѣ уговорила ихъ не покидать ее до времени и взяла съ нихъ обѣщаніе проводить ее въ Оберштейнъ. Разказавъ потомъ о прибытіи лейтенанта Христенека и полученіи Елизаветою русскихъ денегъ, Чарномскій прибавилъ, что она ему и Доманскому сказала, что графъ Алексѣй Орловъ обѣщаль помогать ей во всемъ, и потому она собирается къ нему въ Пизу, гдѣ заплатитъ имъ долги и отпустить обоимъ.

Въ заключеніе Чарномскій разказалъ извѣстныя уже намъ подробности о путешествіи въ Пизу и въ Ливорно, о поѣздкѣ на корабль *Трезъ Герардовъ* и о задержаніи на немъ принцессы и ея спутниковъ.

XXXII.

Послѣ Чарномскаго къ допросу привели Доманскаго. Онъ ни слова не сказалъ о знакомствѣ съ принцессой въ Германіи, когда бывалъ у нея въ Оберштейнѣ и былъ извѣстенъ подѣ названіемъ „мосбахскаго незнакомца“. Свое показаніе начинаетъ онъ съ пребыванія въ Венеціи. „Иностранная дама“ (такъ называетъ Доманскій принцессу), узнавъ изъ газетъ, что князь Радзивиль намѣревается отправиться въ Константинополь, пріѣхала въ Венецію, чтобы подѣ его покровительствомъ отправиться туда же. Когда собрались въ путь и корабль былъ уже готовъ къ отплытію, князь Радзивиль поручилъ мнѣ проводить на него „иностранную даму“, сказавъ, что это русская „великая княжна“, рожденная покойною императрицею Елизаветою Петровною отъ тайнаго, но законнаго брака. Я повѣрилъ словамъ палатина тѣмъ болѣе, что еще въ 1769 году слышалъ

отъ графа Паца, служившаго въ Россіи, что императрица Елизавета дѣйствительно находилась съ кѣмъ-то въ тайномъ бракѣ. Когда мы жили въ Рагузѣ, князь Радзивиль, желая удостовѣриться въ личности „иностранный дамы“, которую называли великою княжною, писалъ въ Мангеймъ къ Бернатовичу, прося его доставить о ней точнѣйшія свѣдѣнія. Бернатовичъ вкорѣ увѣдомилъ, что она дѣйствительно принадлежитъ къ высокому, знатному роду. Французскіе офицеры, находившіеся при Радзивиль въ Рагузѣ, были ежедневными собесѣдниками „иностранный дамы“, и она имъ разказывала о своихъ приключеніяхъ. Офицеры писали въ тѣ города, въ которыхъ, по словамъ ея, она имѣла временное пребываніе, и оттуда получены были отвѣты, что дѣйствительно въ тѣхъ городахъ нѣкоторое время жила прѣздомъ „принцесса Елизавета“.

Радзивиль, по словамъ Доманскаго, жива въ Рагузѣ, черезъ нѣсколько времени сталъ сомнѣваться въ дѣйствительности царственнаго происхожденія графини Пиннебергъ и говорилъ ему, что вслѣдствіе этого сомнѣнія онъ утаилъ переданныя ему принцессой письма къ султану и великому визирю. „Она мнѣ отдала эти письма для отправленія въ Константинополь, такъ сказывалъ „пане коханку“ Доманскому, „но я, не желая болѣе впутываться въ ея замыслы, оставилъ ихъ у себя, а ее обманулъ: сказалъ, что отправилъ ихъ къ Косаковскому въ Турцію для врученія по принадлежности.“ Когда Радзивиль уѣхалъ обратно въ Венецію, продолжалъ Доманскій, принцесса сдѣлала намъ съ Чарномскимъ предложеніе сопровождать ее въ Неаполь, Римъ, а оттуда въ германскія ея владѣнія. Такъ какъ путешествіе это соответствовало дальнѣйшимъ моимъ намѣреніямъ, то я охотно согласился, тѣмъ болѣе, что она задолжала мнѣ восемьсотъ червонцевъ, изъ которыхъ триста принадлежали мнѣ, а остальные были заняты мною для нея въ Рагузѣ. Я потому болѣе согласился ѣхать съ нею, что надѣялся на полученіе должныхъ ею мнѣ денегъ, если не въ Италіи, то въ принадлежащемъ ей графствѣ Оберштейнѣ. Я уговоривалъ и Чарномскаго не оставлять этой дамы, но французскій консулъ въ Рагузѣ, у котораго въ домѣ она прежде жила, совѣтовалъ Чарномскому не очень довѣряться этой женщинѣ. Чарномскій сказалъ объ этомъ мнѣ и, по общему на совѣту, обратился къ ней, прося открыто

она такая дѣйствительно и обѣщая ей слѣдовать за нею во всякомъ случаѣ, кто бы такая она ни была. Выслушавъ Чарномскаго, принцесса съ гнѣвомъ сказала ему: „какъ вы осмѣлились подозрѣвать меня въ принятіи на себя ложнаго имени?“ Чарномскій смутился и замолчалъ. Тогда я, находясь подъ вліяніемъ обворожительнаго ея обращенія и ума, уговорилъ Чарномскаго сопровождать ее хоть до Рима, гдѣ она намѣревалась провести не болѣе восьми дней. Стѣсненныя денежныя обстоятельства принцессы породили во мнѣ новыя подозрѣнія въ ея происхожденіи, и я нѣсколько разъ спрашивалъ ее кто она такая, и каждый разъ она называла себя русскою великою княжною, дочерью покойной императрицы Елизаветы Петровны. Въ Римѣ она вошла въ сношенія съ русскимъ генераломъ графомъ Орловымъ и получила отъ него значительную сумму денегъ. Изъ нихъ она расплатилась со всеми своими заимодавцами, въ томъ числѣ и мнѣ возвратила взятыя для нея въ Рагузѣ пятьсотъ червонцевъ.“

Доманскому былъ предложенъ вопросъ: зачѣмъ онъ оставался при ней, получивъ должныя ему деньги? Онъ признался, что до безумія влюбленъ въ эту очаровательную женщину. „Страстная привязанность къ ней и желаніе знать чѣмъ кончатся запутанныя ея обстоятельства, говорилъ онъ князю Голицыну, заставили меня остаться при ней и уговорить Чарномскаго не покидать ее.“ Доманскій подтвердилъ все что относительно его говорилъ на допросѣ Чарномскій, извиняясь, что онъ прежде не показалъ всего по слабости памяти.

Утромъ того же 26-го мая спрашивали Франциску фонъ-Мешеле, какъ извѣстно, постоянно находившуюся при Елизаветѣ въ Германіи, Рагузѣ, Италіи и на кораблѣ *Trekk Ierapooz*. Въ показаніяхъ Франциски говорится только о домашней, частной жизни принцессы. Франциска сказала, что госпожа ея держала себя съ прислугой крайне осторожно. „Она никогда не вступала со мною ни въ какіе разговоры о предметахъ, не относящихся до моей должности, говорила камермедсень, и такъ таинственно держала себя относительно прислуги, что только саясь въ карету сказывала куда надо ѣхать. Деньги у нея были всегда, и она исправно платила прислугѣ, но откуда получала она ихъ, я не знаю. Хотя она и часто бывала за службой въ римско-католическихъ храмахъ, но не принадлежала къ латинской

церкви.“ О беременности принцессы осеью 1774 года (отъ князя Лимбурга) Франциска Метехе не упоминала. Голицынъ и другіе слѣдователи ничего не могли болѣе добиться отъ Франциски. Она была призвана слабоумною, и ее больше ни о чемъ не спрашивали. Почему не спрашивали Рихтера, Лабенскаго и двухъ Итальянцевъ - камердинеровъ, остается неразъясненнымъ.

XXXIII.

Первый допросъ самой принцессы былъ произведенъ того же 26-го мая. Секретарь слѣдственной комиссіи, коллежскій ассессоръ Василій Ушаковъ, еще заблаговременно составилъ вопросные пункты, сообразно со взятыми въ Пузъ и разсмотрѣваемыми въ Петербургѣ бумагами. Цѣль вопросовъ состояла въ томъ, чтобъ узнать отъ плѣвицы: кто внушилъ ей мысль принять на себя имя дочери императрицы Елизаветы Петровны и съ кѣмъ по этому поводу находилась она въ сношеніяхъ. Вопросные пункты были предлагаемы ей на французскомъ языкѣ, плѣвица отвѣчала по-французки, со словъ ея отвѣты писались на русскомъ языкѣ и послѣ того, передъ рукоприкладствомъ, переводились ей на французскій языкъ изустно.

Когда фельдмаршалъ князь Голицынъ въ первый разъ вошелъ въ казематъ, гдѣ заключена была „всклепанная на себя имя“, она пришла въ сильное волненіе. Не робость, а сильный гнѣвъ овладѣлъ ею. Съ достоинствомъ и повелительнымъ тономъ спросила она Голицына:

— Скажите мнѣ: какое право имѣютъ такъ жестоко обходиться со мною? По какой причинѣ меня арестовали и держать въ заключеніи?

Фельдмаршалъ строго замѣтилъ ей, что она должна дать прямые и неуклончивые отвѣты на все, о чемъ онъ будетъ ее спрашивать. Допросъ начался.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ князь Голицынъ.

— Елизаветой, отвѣчала плѣвица.

— Кто были ваши родители?

— Не знаю.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать три года.

— Какой вы вѣры?

- Я крещена по греко-восточному обряду.
 — Кто васъ крестилъ и кто были восприемники?
 — Не знаю.
 — Гдѣ провели вы дѣтство?
 — Въ Кильѣ, у одной госпожи Пере или Перонъ.
 — Кто при васъ находился тогда.
 — При мнѣ была нянька, ее звали Катериной. Она Нѣмка, родомъ изъ Голштиніи.

Дальнѣйшія показанія плѣнницы состояли въ слѣдующемъ:

— Въ Кильѣ меня постоянно утѣшали скорымъ прїездомъ родителей. Въ началѣ 1762 года, когда мнѣ было девять лѣтъ отъ роду (то-есть немедленно по кончинѣ императрицы Елизаветы Петровны, которая умерла въ самый день Рождества Христова 1761 года), прїѣхали въ Киль трое незнакомцевъ. Они взяли меня у госпожи Перонъ и вмѣстѣ съ нянькой Катериной, сухимъ путемъ повезли въ Петербургъ. Въ Петербургѣ сказали мнѣ, что родители мои въ Москвѣ и что меня повезутъ туда. Меня повезли, но не въ Москву, а куда-то далеко, на персидскую границу, и тамъ помѣстили у одной образованной старушки, которая, помню я, говаривала, что она сослана туда по повелѣнію императора Петра III. Эта старушка жила въ домикѣ, стоявшемъ одиноко вблизи кочевья какого-то полудикаго племени. Здѣсь у прїютившей меня старушки прожила я годъ и три мѣсяца, и почти во все это время была больна.

— Чѣмъ вы были больны?

— Меня отравили. Хотя быстро даннымъ противоядіемъ жизнь моя была сохранена, но я долго была нездорова отъ послѣдствій даннаго мнѣ яда.

— Кто еще находился при васъ въ это время?

— Кромѣ Катерины, еще новая нянька; отъ нея я узнала нѣсколько словъ похожихъ на русскія. Потомъ начала въ томъ же домѣ у старушки учиться по-русски, выучилась этому языку, но въ послѣдствіи забыла его. На персидской границѣ я была не въ безопасности, поэтому друзья мои, но кто они такіе я не знала и до сихъ поръ не знаю, искали случая препроводить меня въ совершенно безопасное мѣсто. Въ 1763 году, съ помощью одного Татарина, нянькѣ Катеринѣ удалось бѣжать вмѣстѣ со мной, десятилѣтнимъ ребенкомъ, изъ предѣловъ Россіи въ Багдадъ. Здѣсь прїютившая меня богатый Персіанинъ Гаметъ, къ которому нянька

Катерина имѣла рекомендательныя обо мнѣ письма. Годъ спустя, въ 1764 году, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, другъ Персіянника Гамета, князь Гали, перевезъ меня въ Испагань, гдѣ я получила блистательное образованіе подъ руководствомъ Француза Жана Фурье. Гали мнѣ часто говаривалъ, что я законная дочь русской императрицы Елизаветы Петровны; То же постоянно говорили мнѣ и другіе окружавшіе меня люди.

— Кто такіе эти люди, внушавшіе вамъ такую мысль?

— Кромѣ князя Гали, теперь никого не помню. Въ Персію пробыла я до 1769 года, пока не возникли народныя волненія и безпорядки въ этомъ государствѣ. Тогда Гали рѣшился удалиться изъ Персіи въ Европу. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда онъ повезъ меня изъ Персіи. Мы выѣхали сначала въ Астрахань, гдѣ, вмѣсто сопровождавшей насъ персидской прислуги, Гали нанялъ русскую, принялъ имя Крымова и сталъ выдавать меня за свою дочь. Изъ Астрахани, черезъ всю Россію, мы прѣѣхали въ Петербургъ, но тамъ оставались недолго, только переночевали. Изъ Петербурга сухимъ путемъ поѣхали въ Кенигсбергъ, гдѣ князь Гали немедленно отпустилъ русскую прислугу и нанялъ нѣмецкую. Въ Кенигсбергѣ мы пробыли шесть недѣль и отправились въ Берлинъ, гдѣ жили довольно долго, а за тѣмъ поѣхали въ Лондонъ. Въ Лондонѣ я жила съ княземъ Гали года два; здѣсь получалъ онъ извѣстіе, что ему необходимо воротиться въ Персію, и онъ принужденъ былъ оставить меня. Безъ него я прожила въ Лондонѣ пять мѣсяцевъ, на деньги оставленныя мнѣ моимъ покровителемъ. Онъ баснословно богатъ, и разставаясь со мной, вручилъ мнѣ громадную сумму и множество драгоценныхъ вещей. Въ послѣдствіи онъ постоянно присылалъ мнѣ очень большія суммы, на которыя я могла жить въ изобиліи и роскоши и содержать многочисленную прислугу. Князь Гали разставаясь со мной лишь на время; онъ очень ко мнѣ привязанъ и назначилъ меня единственною наследницею несметныхъ своихъ сокровищъ. Изъ Лондона я отправилась въ Парижъ. Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ столицѣ Франціи, я продолжала называться дочерью князя Гали, и меня обыкновенно называли „принцессою Али“. Въ Парижѣ я постоянно находилась въ обществѣ самыхъ знатныхъ людей, и многіе изъ нихъ говорили мнѣ, что я русская принцесса князя

дочь императрицы Елизаветы Петровны. Но я упорно отрицала это и продолжала называться „принцессой Али“ или „принцессой Алиной“. Изъ Парижа я поѣхала въ Германію съ цѣлю купить въ Голштиніи поземельную собственность на деньги, которыя я получила отъ князя Гали. Тутъ я познакомилась съ Филиппомъ Фердинандомъ княземъ Римской Имперіи герцогомъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбургъ, владѣтельнымъ графомъ Лимбургомъ. Князь оказывалъ мнѣ знаки своего расположенія, сталъ ухаживать за мной, и я вскорѣ замѣтила, что онъ влюбился въ меня. Я не отвергла любви его, потому что и мнѣ онъ очень нравился. Вскорѣ князь Лимбургъ сталъ формально просить руки моей, я была согласна на его предложеніе, но для заключенія брака необходимы были документы о моемъ происхожденіи, необходимо было положительно разъяснить тайну моего рожденія. Я думала было, съ помощію моего покровителя князя Гали, отыскать въ Россіи необходимые для моего брака документы, предполагала сама ѣхать въ Петербургъ и тамъ представиться императрицѣ Екатеринѣ. Я надѣялась свискать милостивое расположеніе государыни, представивъ ей важныя предположенія относительно торговли Россіи съ Персіей. Объ этомъ я предварительно послала записку русскому вице-канцлеру князю Голицыну. Я надѣялась, что за эту услугу императрица дастъ мнѣ фамилію и титулъ, которые бы сдѣлали меня достойною вступить въ бракъ съ владѣтельнымъ княземъ Римской Имперіи. Все это дѣлала я по совѣщанію съ моимъ женихомъ княземъ Лимбургомъ; онъ совершенно одобрилъ мои намѣренія и даже уполномочилъ меня вмѣстѣ съ этимъ дѣломъ взять на себя переговоры касательно притязаній его на Шлезвигъ и Голштинію. Но въ самое то время какъ я собиралась ѣхать въ Петербургъ, планы князя Лимбурга были разстроены полученнымъ извѣстіемъ, что великій князь Павелъ Петровичъ, какъ наследный герцогъ Голштинскій, промѣнялъ Шлезвигъ-Голштинское герцогство на Ольденбургскія и Дельменгорстскія владѣнія. Это неожиданное обстоятельство заставило меня отложить на время петербургскую поѣздку и остаться въ Оберштейнѣ. Въ это время я была невѣстой князя Лимбурга, и всѣ считали меня будущею его супругой. Мой женихъ луждался въ деньгахъ, какъ на уплату старыхъ долговъ, такъ и на выкупъ у Трирскаго курфирста исключительнаго права

на владѣніе графствомъ Оберштейнъ. Я надѣялась достать ему нужную сумму, разчитывая на кредитъ моего покровителя князя Гали. Для полученія денегъ я поѣхала въ Венецію, подъ именемъ графини Пиннебергъ; тамъ я надѣялась получить деньги отъ людей знавшихъ князя Гали и имѣвшихъ съ нимъ денежныя дѣла. Я хотѣла послать вѣрнаго человѣка къ нему въ Персію, но узнавъ, что князь Радзивилъ намѣревается ѣхать въ Константинополь, сама рѣшилась ѣхать къ князю Гали черезъ Турцію. Я просила князя Радзивила назначить мнѣ мѣсто и время для свиданія, чтобъ устроить свою поѣздку до Константинополя подъ его покровительство. Радзивилъ назначилъ для свиданія со мной домъ одного сенатора. Мы свидѣлись, и въ разговорѣ со мной князь намекнулъ, что я могу быть весьма полезною для Польши, такъ какъ ему отъ сопровождавшихъ его французскихъ офицеровъ положительно извѣстно, что я законная дочь покойной русской императрицы Елизаветы Петровны, имѣю неотъемлемое право на русскую корону, и если достигну престола, то въ вознагражденіе за содѣйствіе, которое при этомъ случаѣ окажутъ мнѣ Поляки, должна буду возвратить Польшѣ Бѣлоруссію и заставить Пруссію и Австрію возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года. Я настойчиво отрицала слова его, и замѣтивъ, что князь Радзивилъ, при ограниченныхъ способностяхъ своего ума, исполненъ самыхъ необыкновенныхъ намѣреній, хотѣла совершенно отъ него отдѣлаться. Но сестра его, Теофила Моравская, жившая съ нимъ вмѣстѣ въ Венеціи и изучавшая Востокъ, познакомившись со мной и узнавъ, что я имѣю много свѣдѣній о восточныхъ государствахъ, упросила меня ѣхать съ нею и съ братомъ ея до Константинополя, откуда мнѣ было бы уже легко пробраться въ Испанію къ князю Гали, у котораго я желала лично испросить согласіе на бракъ съ княземъ Лимбургомъ и надѣялась получить отъ него такое приданое, съ которымъ могла бы прилично выйти замужъ за имперскаго владѣтельнаго князя. Сверхъ того, я надѣялась получить и документы о моемъ рожденіи, необходимые для заключенія брака. Такимъ образомъ мы отправились въ Константинополь, но доплывъ до острова Корфу, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, принуждены были воротиться въ Рагузу. Отсюда Теофила Моравская съ дядей своимъ уѣхали въ Венецію. Я осталась въ обществѣ князя Карла Радзивила

и собравшихся вокруг него французскихъ и польскихъ офицеровъ. Я вуждалась въ деньгахъ и посылала Чарномскаго въ Венецію къ другу моему лорду Монтегю, переговорить съ нимъ и достать денегъ, а сама оставалась въ Рагузѣ, ожидая султанскаго фирмана на проѣздъ въ Константинополь. Для исходатайствованія фирмановъ на свое и на мое имя князь Радзивиль еще раньше послалъ въ Константинополь своего повѣреннаго. Въ это время, именно 8-го юля 1774 года, получила я изъ Венеціи анонимное письмо, при которомъ были приложены два запечатанные конверта. Въ письмѣ было сказано, что я могу спасти жизнь многихъ людей и сдѣлаться посредницей при заключеніи мира Россіи съ Турціей, если по пріѣздѣ въ Константинополь, соглашусь выдать себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. Изъ того же письма было видно, что одинъ изъ приложенныхъ конвертовъ я должна была лично передать султану, а другой отослать въ Ливорно къ графу Алексію Григорьевичу Орлову. Конвертъ назначенный въ Ливорно я распечатала и нашла въ немъ письмо къ графу Орлову отъ имени принцессы Елизаветы всероссійской и проектъ возванія къ экипажу русскаго флота, находившагося подъ его командой. Я сняла съ этихъ бумагъ копіи, а конвертъ запечатала своею печатью и послала въ Ливорно къ графу. Бумаги, найденныя мною въ пакетѣ, адресованномъ на имя султана, убѣдили меня отложить поѣздки въ Константинополь. Когда же было получено въ Рагузѣ извѣстіе о заключеніи между Турціей и Россіей мира, я стала настоятельно уговаривать князя Радзивила отказаться отъ неосуществимыхъ его плановъ и совѣтовала ему, воротясь въ Польшу, примириться съ королемъ Станиславомъ Августомъ. Но увѣщанія мои были напрасны, Радзивиль не слушался, однакоже отправился назадъ въ Венецію, оставивъ при мнѣ для сопровожденія меня въ Италію двухъ дворянъ изъ своей свиты, Чарномскаго и Доманскаго. Съ ними я поѣхала въ Римъ. Изъ Рима я писала къ жениху своему князю Лимбургу, что скоро намѣрена воротиться въ его владѣнія. Я предполагала ѣхать туда сухимъ путемъ черезъ Пизу и Геную, гдѣ надѣялась покончить дѣло по займу денегъ, за поручительствомъ князя Гали. Въ Римѣ русскій лейтенантъ Христенекъ искалъ моего знакомства, но я не хотѣла имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, пока не

узнала, что онъ прислалъ ко мнѣ съ порученіемъ отъ графа Орлова. Христенекъ спросилъ меня отъ имени графа: я ли послала къ нему въ Ливорно пакетъ съ бумагами. Я отвѣчала утвердительно. Тогда Христенекъ сказалъ, что графъ желаетъ со мной лично познакомиться и зоветъ меня въ Пизу. Мнѣ не для чего было оставаться въ Римѣ, я, какъ уже сказала, намѣревалась ѣхать въ Геную, чтобъ оттуда продолжать путь въ Оберштейнъ къ жениху моему князю Лимбургу, Пиза была на дорогѣ, и я охотно согласилась остановиться на короткое время въ этомъ городѣ чтобы познакомиться съ графомъ Орловымъ и тѣмъ исполнить его желаніе. Христенекъ поѣхалъ вмѣстѣ со мной, но на дорогѣ опередилъ меня, чтобы пріѣхать въ Пизу прежде и приготовить все нужное къ пріятію меня. Въ Пизу я пріѣхала подъ именемъ графини Селанской, графъ Орловъ немедленно явился ко мнѣ и предложилъ свои услуги. Черезъ нѣсколько дней, при разговорѣ съ графомъ Орловымъ объ Италиі, случилось мнѣ сказать, что я никогда не бывала въ Ливорно и желала бы видѣть этотъ городъ. Графъ Орловъ предложилъ мнѣ показать Ливорно, я согласилась и поѣхала вмѣстѣ съ нимъ и съ сопровождавшими меня польскими дворянами Доманскимъ и Чарномскимъ. Въ Ливорнѣ графъ Орловъ привезъ меня къ англійскому консулу сэръ-Джону Дюку, принявшему насъ очень гостепріимно. Я просила графа Орлова доставить мнѣ случай полюбоваться на маневры кораблей, и онъ съ охотой согласился на то. Послѣ обѣда у сэръ-Джона Дюка, въ большомъ обществѣ отправились мы на рейдъ, и я, совершенно довѣряясь графу, поѣхала въ шлюпкѣ на адмиральскій корабль. При сильной пушечной пальбѣ начались маневры, и я засматрѣлась на нихъ; въ это время графъ Орловъ отошелъ отъ меня, а незнакомый офицеръ, подойдя ко мнѣ, объявилъ, что я арестована. Испуганная такою неожиданностью, я написала къ графу Орлову письмо, требуя разъясненія случившагося; онъ отвѣчалъ мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

При этомъ пѣвица передала князю Голицыну извѣстное уже намъ письмо къ ней графа Орлова.

Фельдмаршалъ не удовольствовался данными плѣнницей отвѣтами. Онъ имѣлъ въ виду единственно разъясненіе двухъ вопросовъ: кто подаль ей мысль „всклепать на себя имя“ дочери императрицы Елизаветы Петровны, и съ кѣмъ она по сему предмету находилась въ сношеніяхъ? Эти

вопросы, без сомнѣнія, поставлены были самою Екатериной. Императрица не могла удовольствоваться однимъ романомъ захваченной пѣвицы, ей нужно было знать имена недоброжелателей, хотѣвшихъ въ лицѣ мнимой принцессы создать одно изъ политическихъ затрудненій ея царствованія. Кто эти недоброжелатели за границей, а особенно въ самой Россіи,—вотъ что желала знать Екатерина. Этого и добивался отъ пѣвицы фельдмаршалъ Голицынъ. Хотя она и сказала, что князь Радзивиль говорилъ ей, что она, достигавуя принадлежащаго ей по праву русскаго престола, можетъ быть полезна для Польши, во этомъ фельдмаршалъ не удовольствовался. Князя Радзивила императрица считала за пустаго человѣка и притомъ не хотѣла впутывать его въ дѣло самозванки, послѣ того какъ онъ обѣщался не помогать ей, а примирился съ королемъ Станиславомъ Августомъ и призналъ себя совершенно безсильнымъ передъ русскою императрицей. А между тѣмъ никто другой какъ „пале коханку“ и стоялъ во главѣ затѣянной Поляками и иезуитами противъ Екатерины интриги, выдвинувшей на сцену мнимую дочь императрицы Елизаветы Петровны. Конечно, по ограниченности ума, князь Карлъ Радзивиль могъ быть только орудіемъ въ рукахъ искусныхъ въ интригѣ людей: ихъ-то имена и хотѣлось узнать князю Голицыну, объ нихъ-то и желалъ онъ получить точныя свѣдѣнія отъ самой пѣвицы.

Замѣчательно, что хотя изъ бумагъ захваченныхъ въ Пизѣ и было видно, что принцесса называла Пугачева своимъ братомъ, хотя объ этомъ и писала Голицыну сама императрица, но на этотъ предметъ ни при первомъ допросѣ, ни при послѣдующихъ не было обращено никакого вниманія. О Пугачевѣ не спросили пѣвицу.

Когда она кончила разказъ о своихъ похищеніяхъ, князь Голицынъ спросилъ ее:

— Вы должны сказать, по чьему наученію выдавали себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны?

— Я никогда не была намѣрена выдавать себя за дочь императрицы, твердо отвѣчала пѣвица.

— Но вамъ говорили же, что вы дочь императрицы?

— Да, мнѣ говорилъ это въ дѣтствѣ моемъ князь Гали, говорили и другіе, но никто не побуждалъ меня выдавать себя за русскую великую княжну, и я никогда, ни одного раза не утверждала, что я дочь императрицы. Правда, иногда въ

разговорахъ съ княземъ Лимбургомъ, съ княземъ Радзивиломъ и другими знатыми особами, которыми я разказывала о странныхъ обстоятельствахъ моего дѣтства, они говорили мнѣ, что напрасно я скрываю свое происхожденіе, что имъ навѣрное извѣстно, что я рождена русскою императрицей. Но каждый разъ, чтобъ отдѣлаться отъ подобныхъ разспросовъ, я шуточно отвѣчала: „да принимайте меня за кого хотите: пусть я буду дочь турецкаго султана или персидскаго шаха или русской императрицы; я и сама ничего не знаю о своемъ рожденіи“. Нѣкоторые изъ знатныхъ особъ даже письменно спрашивали меня, дѣйствительно ли я русская великая княжна, но я всегда отвѣчала имъ, что ничего не знаю о томъ кто были мои родители.

— Отъ чего же слухи о вашемъ происхожденіи отъ императрицы распространились съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали въ Венецію, и еще болѣе усилились, когда вы поселились въ Рагузѣ? спросилъ князь Голицынъ.

— Не знаю, отвѣчала плѣнница,—но дѣйствительно эти слухи особенно распространились съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхала къ князю Радзивилу въ Венецію. Можетъ-быть, это произошло отъ того, что сопровождавшій меня изъ владѣній князя Лимбурга въ Венеціанскую республику его гофмаршалъ баронъ Кноррь, несмотря на неоднократныя мои запрещенія, въ разговорахъ со мной давалъ мнѣ титулъ „высочества“. Въ Рагузѣ молва о томъ, что я дочь императрицы Елизаветы Петровны, распространилась еще болѣе. Я даже просила сенатъ Рагузской республики принять съ своей стороны надлежащія мѣры противъ распространенія такой опасной для меня молвы.

Голицынъ показалъ ей взятые у ней завѣщанія Петра Великаго, Екатерины I и Елизаветы Петровны, а также тотъ „манифестикъ“, который послала она изъ Рагузы къ Орлову.

— Чтѣ вы скажете объ этихъ бумагахъ? спросилъ онъ.

— Это тѣ самые документы, что были присланы ко мнѣ при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи, 8-го іюля 1774 года. Я говорила вамъ о нихъ, сказала принцесса.

— Кто писалъ эти документы?

— Не знаю.

— Кто прислалъ ихъ къ вамъ—какъ вы предполагаете, на кого имѣете въ этомъ подозрѣніе?

— Не знаю кто мнѣ прислалъ анонимное письмо и эти бумаги. Я готова присягнуть, что почеркъ, которымъ писаны они, мнѣ совершенно неизвестенъ. Больше ничего о нихъ не знаю и сказать не могу.

— Послушайте меня, сказалъ князь Голицынъ,—ради вашей же собственной пользы, скажите мнѣ все откровенно и чистосердечно. Это одно можетъ спасти васъ отъ самыхъ плачевныхъ послѣдствій.

— Говорю вамъ чистосердечно и съ полною откровенностію, господишь фельдмаршалъ, съ живостию отвѣчала павлиница,—въ доказательство чистосердечія признаюсь вотъ въ чемъ. Получивъ эти бумаги и прочитавъ ихъ, стала я соображать и воспоминаія моего дѣтства, и старанія друзей укрыть меня въ предѣлахъ Россіи, и слышанное мною въ послѣдствіи отъ князя Гади, въ Парижѣ отъ разныхъ знатныхъ особъ, въ Италіи отъ французскихъ офицеровъ и отъ князя Радзивила относительно моего происхожденія отъ русской императрицы. Соображая все это съ бумагами, присланными ко мнѣ при анонимномъ письмѣ, мнѣ, дѣйствительно, иногда приходило на умъ: не я ли въ самомъ дѣлѣ то лицо, въ пользу котораго составлено духовное завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны? А относительно анонимнаго письма приходило мнѣ въ голову, не послѣдствіе ли это какихъ-либо политическихъ соображеній?

— Съ какою же цѣлію писали вы къ графу Орлову и послали ему завѣщаніе и проектъ манифеста?

— Я послала къ графу Орлову пакетъ, адресованный на его имя и присланный ко мнѣ при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи. Письмо къ графу Орлову отъ имени принцессы Елизаветы писала не я, оно не моею руки и не писано мною. Для себя я сняла со всѣхъ этихъ документовъ копіи, чтобы показать ихъ жениху своему князю Лимбургу. А къ графу Орлову послала я бумаги, съ одной стороны, думая, не узнаю ли я въ дѣлѣ того чего-нибудь о своихъ родителяхъ, а съ другой стороны, чтобы обратить вниманіе графа на происки, которые, какъ мнѣ казалось, ведутся изъ Россіи.

— Что вы сдѣлали съ пакетомъ, адресованнымъ къ турецкому султану?

— Я не отправила его, ожидая, не будетъ ли какого разъ-

ясненія со стороны графа Орлова относительно моего происхожденія.

— Повторяю вамъ, для собственной пользы вашей скажите: кто, по вашему мнѣнью, прислалъ это письмо и эти дурновныя завѣщанія?

— Не знаю. Я въ свое время много о томъ думала; подозрѣнїя мои въ составленїи ихъ падали то на Версальскій кабинетъ, то на диванъ, то на Россїю, но положительнаго ничего не могу сказать. Эти бумаги привели меня въ такое сильное волненіе, что были причиной жестокой болѣзни, которая теперь такъ сильно развилась во мнѣ.

— Но вы изъ Рагузы писали другое письмо къ султану, въ немъ уже прямо называли себя „всероссійскою великою княжною Елизаветой“ и просили его помощи.

— Я къ султану никогда ничего не писала и всероссійскою великою княжною ни въ какихъ письмахъ себя не называла.

Фельдмаршалъ еще разъ началъ было уговаривать плѣнницу сказать всю правду: кто научилъ ее выдавать себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны, съ кѣмъ по этому предмету находилась она въ сношенїяхъ и въ чемъ состояли ея замыслы?

— Я вамъ сказала все что знаю, отвѣчала она съ рѣшительностію. — Больше мнѣ нечего вамъ отвѣчать. Въ жизни своей приходилось мнѣ много терпѣть, но никогда не имѣла я недостатка ни въ силѣ духа, ни въ твердомъ упованїи на Бога. Совѣсть не упрекаетъ меня ни въ чемъ преступномъ. Надѣюсь на милость государыни; я всегда чувствовала влеченіе къ Россїи, всегда старалась дѣйствовать въ ея пользу.

Слова плѣнницы секретарь Ушаковъ записалъ. Ей прочли по-французски составленное показаніе и дали подписать.

Она взяла перо и твердо подписала: *Elisabeth*.

XXXIV.

Сряду четыре дня послѣ этого допроса ходилъ князь Голицынъ въ казематъ уговаривать плѣнницу разказать ему всю правду. Но несмотря на всѣ его убѣжденія, она не измѣнила ни слова въ данномъ показанїи и постоянно твердила одно:

— Сама я никогда не распространяла слуховъ о моемъ

происхожденіи отъ императрицы Елизаветы Петровны. Это другіе выдумали на мое горе.

Князь Голицынъ показалъ ей допросъ Доманскаго, гдѣ тотъ признался, что на его вопросы объ ея происхожденіи, она нѣсколько разъ отвѣчала ему, что она дочь императрицы Елизаветы.

Плѣнница не смутилась и твердо сказала:

— Повторяю что сказала прежде: сама себя дочерью русской императрицы я никогда не выдавала. Это выдумка не моя, а другихъ.

Мая 31-го фельдмаршалъ князь Голицынъ послалъ показаніе плѣнницы къ императрицѣ и въ донесеніи своемъ упомянулъ, что она стоитъ на одномъ: „сама себя великою княжною не называла; это выдумки другихъ“, и сказала это очень смѣло, даже и въ то время, когда ей указано на противорѣчащее тому показаніе Доманскаго. „Она очень больна, писалъ фельдмаршалъ, докторъ находитъ жизнь ея въ опасности, у нея часто поднимается сухой кашель, и она отхаркиваетъ кровь“. Такъ какъ „всклепанная на себя имя“, прибавилъ князь Голицынъ, „не можетъ еще считаться совершенно изобличенною, то я не сдѣлалъ никакихъ ограниченій въ пищѣ, ея получаемой, и оставилъ при ней ея служанку, такъ какъ она по-русски не знаетъ и сторожей повиноваться не можетъ“.

На Доманскаго и Чарномскаго фельдмаршалъ взглянулъ слишкомъ легко. Онъ, кажется, и не подозрѣвалъ, что оба они были замѣчательными дѣятелями польской генеральной конфедерации. Бумаги Чарномскаго, взятые въ палатцу принцессы въ Пизѣ, князь Голицынъ считалъ принадлежащими не ему, а плѣнницѣ. „По моему мнѣнію, писалъ онъ къ императрицѣ, Поляки, сопутствовавшіе самозванцѣ, ни болѣе, ни менѣе какъ бродяги, пріютившіеся къ ней въ надеждѣ хорошаго устройства своей будущности.“ Относительно прислуги князь Голицынъ говорилъ, что она вовсе непричастна къ дѣлу. При этомъ онъ прибавилъ однако, что всѣ они считали госпожу свою за принцессу.

На другой день по отправленіи донесенія къ императрицѣ, то-есть 1-го іюля, князь Голицынъ получилъ отъ плѣнницы письмо. Она писала, что нисколько не чувствуетъ себя виновною противъ Россіи и противъ государыни императрицы, иначе не поѣхала бы съ графомъ Орловымъ на русскій

корабль, зная, что на палубѣ его она будетъ находиться въ совершенной власти Русскихъ. При письмѣ приложено было письмо къ императрицѣ. Пльвица просила князя Голицына немедленно отослать это письмо къ ея величеству. Она умоляла Екатерину смягчиться надъ ея печальною участію и назначить ей аудіенцію, гдѣ она лично разъяснитъ ея величеству всѣ недоумѣнія и сообщитъ очень важныя для Россіи свѣдѣнія. Оба письма (на французскомъ языкѣ), подписаны такъ: *Elisabeth*.

Императрица была сильно раздражена этою лаконическою подписью. По правдѣ сказать, какую же другую подпись могла употребить пльвица? Зовутъ ее Елизаветой, это она знаетъ, но она не знаетъ ни фамиліи своей, ни своего происхожденія. Она была въ положеніи „не помнящей родства“; но во времена Екатерины такого званія людей русское законодательство еще не признавало. Какъ же иначе, если не „Елизаветой“, могла подписать пльвица официальную бумагу? Но императрицѣ показалось другое: она думала, что подписываясь „Елизаветой“, „всклепавшая на себя имя“ желаетъ указать на дѣйствительность царственнаго своего происхожденія, ибо только особы принадлежація къ владѣтельнымъ домамъ имѣютъ обычай подписываться однимъ именемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Екатерина не повѣрила ни одному слову въ показаніи, данномъ пльвицей. „Эта наглая лгуныя продолжаетъ играть свою комедію!“ сказала она.

Юня 7-го императрица писала князю Голицыну: „Передайте пльвицѣ, что она можетъ облегчить свою участь одною лишь безусловною откровенностію и также совершеннымъ отказомъ отъ разыгрываемой ею доселѣ безумной комедіи, въ продолженіи которой она вторично осмѣлилась подписаться *Елизаветой*. Примите въ отношеніи къ ней надлежація мѣры строгости, чтобы, наконецъ, ее образумить, потому что наглость письма ея ко мнѣ уже выходитъ изъ всякихъ возможныхъ предѣловъ.“

Получивъ этотъ рескриптъ, князь Голицынъ послалъ въ Алексѣевскій равелинъ секретаря свѣдственной комиссіи Ушакова. Ушаковъ объявилъ заключенной, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства ея во ажи будутъ употреблены *крайніе способы* для узнанія самыхъ *таинствъ ея мыслей*. Пльвица каялась, что показала одну только сущую правду и говорила съ такою твердostí, съ такою увѣренностію, что

Ушаковъ, возвратясь къ фельдмаршалу, выразилъ ему личное свое убѣжденіе, что она сказала всю правду.

На другой день князь Голицынъ самъ отправился къ ней въ казематъ. Онъ увѣщевалъ плѣнницу разказать всю правду, подавалъ ей надежду на помилованіе, если она раскроетъ все безъ утайки и искренно раскается во всѣхъ преступныхъ противъ императрицы замыслахъ. Она не отказалась ни отъ одного изъ данныхъ прежде показаній и ни одного слова къ нимъ не прибавила. Больше всего допытывался у ней фельдмаршалъ, отъ кого получила она копии съ духовныхъ завѣщаній Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны.

— Клянусь Всемогущимъ Богомъ, клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, клянусь вѣчною мукой, съ чувствомъ отвѣчала ему плѣнница, — не знаю кто прислалъ мнѣ эти несчастныя бумаги. Проступокъ мой состоитъ лишь въ томъ, что я, отправивъ къ графу Орлову часть полученныхъ бумагъ, не уничтожила остальныхъ. Но мнѣ въ голову придти не могло, чтобъ это упущеніе когда-нибудь могло довести меня до столь бѣдственнаго положенія. Умоляю государыню императрицу милосердно простить мнѣ эту ошибку и Самимъ Богомъ обѣщаюсь хранить вѣчно о всемъ этомъ дѣлѣ молчаніе, если меня отпустятъ за границу.

— Такъ вы не хотите признаться? Не хотите исполнить волю всемилостивѣйшей государыни?

— Мнѣ не въ чемъ признаться, кромѣ того, что я прежде сказала. Что я знаю, то все сказала, и сказала сущую правду. А больше того не могу ничего сказать, потому что ничего не знаю. Не знаю, господинъ фельдмаршалъ. Видитъ Богъ, что ничего не знаю, не знаю, не знаю.

— Отберите же у арестантки все, сурово проговорилъ фельдмаршалъ смотрителю Алексѣевского рavelина: — все, кромѣ постели и самаго необходимаго платья. Пищи давать ей столько, сколько нужно для поддержанія жизни. Пища должна быть обыкновенная арестантская. Служителей ея не допускать къ ней. Офицеръ и двое солдатъ день и ночь должны находиться въ ея комнатѣ.

Плѣнницъ перевели на французскій языкъ распоряженіе фельдмаршала. Она залилась слезами. Твердость духа, казалась, покинула ее.

Два дня, двѣ ночи проплакала она, находясь въ одной комнатѣ съ какимъ-то гарнизоннымъ офицеромъ и двумя

солдатами. Она ихъ не понимала, они не понимали ея. Привезли въ деревянной чашкѣ суровую арестантскую пищу—вѣроятно, щи да кашу. Изнѣженная, привыкшая къ довольству и роскоши, изнуренная смертельною болѣзнію, пѣвница не могла прикоснуться къ этому угощенію. Двое сутокъ она ничего не ѣла. Болѣзнь усилилась, сухой кашель одолевалъ ее; печенками отхаркивала она кровь. Она говорила офицеру и солдатамъ, что желаетъ написать письмо къ фельдмаршалу, но тѣ не понимали ея. Наконецъ, знаками, и часто произнося имя Голицына, бѣдная женщина успѣла вразумить тюремщиковъ. Ей дали бумагу, перо и чернила.

Въ письмѣ къ фельдмаршалу пѣвница горько жаловалась на обвиненія, взводимыя на нее, и на то, что сабд-ственная коммиссія не хочетъ обратить вниманія на обстоятельства, доказывающія ея невинность. „Не хотять, писала она, признать, что я не увлеклась присланными ко мнѣ въ Рагузу отъ неизвѣстнаго лица документами, ибо въ противномъ случаѣ я поѣхала бы не въ Италію, а на Востокъ. Сознаюсь, добавила она, что ко мнѣ въ Рагузу было прислано еще много другихъ бумагъ, кромѣ взятыхъ въ Пизѣ; изъ нихъ бѣольшую часть я сожгла, а нѣкоторыя, находящіяся теперь у васъ, переписала своей рукой.“ Повторяя, что въ Венецію и Рагузу поѣхала она съ единственною цѣлью достать у князя Гали денегъ, пѣвница писала Голицыну: „Если вы, князь, все еще мнѣ не вѣрите, спросите, наконецъ, о мнѣ нѣкоторыхъ знатныхъ людей, хорошо меня знающихъ. Я ихъ назову. Хотя меня и заточили въ крѣпость, но это еще можно поправить: объявите, что меня ошибкой приняли за другую женщину, и дайте мнѣ возможность спокойно воротиться въ Оберштейнъ къ моему жениху, имперскому князю Лимбургу.“ Въ заключеніе она просила князя Голицына быть милосерднымъ и не вѣрять выдумкамъ людей, корыстолюбіе которыхъ она не могла удовлетворить или которымъ осталась должна самую бездѣлицу. Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть указаній на Доманскаго и Чарномскаго. „Никого такъ много не обманывали какъ меня, писала она, благодаря моему легковѣрью и доврчивости къ людямъ. Не понимаю, какъ можно столь безусловно вѣрять злонамѣреннымъ слухамъ, бреднямъ и письмамъ безтолковыхъ людей. Въ числѣ бумагъ моихъ, быть-можетъ, вы найдете еще письмо отъ контролера

финансовъ де-Марина, писавшаго мнѣ, будто шестьдесятъ тысячь войска находится въ моемъ распоряженіи. Подобные слухи были распускаемы о мнѣ, когда я жила въ Рагузѣ, распускали ихъ французскіе офицеры, бывшіе при князѣ Радзивилѣ. Они называли меня то дочерью турецкаго султана, то Елизаветою принцессою брауншвейгъ-люнебургскою, сестрою несчастнаго Иоанна, во младенчествѣ провозглашеннаго русскимъ императоромъ, то дочерью императрицы Елизаветы Петровны, другіе же считали меня за простую казачку. У меня есть за границей истинные друзья; если они узнають о настоящемъ моемъ положеніи, я навсегда должна лишиться чести и добраго имени. Зачѣмъ же губить меня напрасно, когда и безъ того мое здоровье, мое имѣніе, даже, быть-можетъ, положеніе мое у князя Лимбурга навсегда утрачены? И то примите, князь, въ соображеніе: какія причины могли бы побудить меня предпринять что-нибудь противъ Россіи, которой я не знаю, съ жителями которой не имѣла никакихъ сношеній. Да еслибы, наконецъ, весь свѣтъ былъ увѣренъ, что я дочь императрицы Елизаветы, все-таки настоящее положеніе дѣлъ таково, что оно мной измѣнено быть не можетъ. Еще разъ умоляю васъ, князь, сжалятесь надо мной и надъ невинными людьми, погубленными единственно потому что находились при мнѣ.“

Прочтя письмо, князь Голицынъ отправился въ казематъ пѣвницы, чтобы разяснить два обстоятельства, о которыхъ она упоминала.

— Какія бумаги были къ вамъ присланы въ Рагузу, кромѣ завѣщаній и манифеста? спросилъ ее фельдмаршалъ.

— Два письма къ графу Панину, отвѣчала изнуренная до крайности развившеюся чахоткой, строгимъ заключеніемъ, голодомъ и нравственными страданіями пѣвница,—еще письмо къ вице-канцлеру князю Голицыну. Въ этихъ письмахъ неизвѣстные мнѣ люди просили этихъ вельможъ оказать „принцессѣ Елизаветѣ“ возможную по обстоятельствамъ помощь.

Она сказала неправду. Мы знаемъ уже, что письма эти писаны ею изъ Германіи, задолго до пребыванія въ Рагузѣ, и что ихъ не отправилъ по назначенію баронъ фонъ-Горнштейнъ. Князь Голицынъ долженъ былъ знать это изъ бумагъ, находившихся у него подъ руками, но почему-то не обратилъ на это вниманія и не замѣтилъ пѣвницѣ ее сообразности ея словъ.

— Вы писали ко мнѣ, сказалъ онъ,—что нѣкоторые знатныя особы знаютъ васъ и могутъ дать о васъ свѣдѣнiя. Кто эти особы? Назовите ихъ.

— Князь Филиппъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбургъ, отвѣчала она, — министръ курфирста Трирскаго баронъ фонъ-Гораштейнъ, контролеръ финансовъ князя Лимбурга въ Оберштейнъ де-Маринъ, литовскiй маршалъ Михаилъ Огилскiй, генералъ французской службы баронъ Вейдбрехтъ, министръ полицiи въ Парижѣ Сартинъ.

Князь Голицынъ записалъ имена. Но ни съ кѣмъ изъ названныхъ не было сдѣлано никакихъ сношенiй, никого изъ нихъ не спросили, что знаютъ они о личности плѣнницы. Екатерина отнюдь не хотѣла, чтобъ исторiя о мнимой дочери императрицы Елизаветы Петровны была разглашаема. Особенно несообразно было съ ея видами, чтобы за границей могли подумать, что она, побѣдительница Оттомановъ, блистательно торжествующая теперь славный для Россiи миръ, обращаетъ серьезное вниманiе на женщину, которую сама называетъ „побродяжкой“. Въ подобныхъ случаяхъ Екатерина держалась пословицы: „изъ избы сора не выносить“. И дѣйствительно, во время производства слѣдствiя надъ принцессой Владимiрскою, никто внѣ тайной экспедицiи и не подозревалъ, чтобы „вклепанная на себя имя“ находилась въ казематахъ Петропавловской крѣпости.

Фельдмаршалъ снова сталъ увѣщевать плѣнницу, чтобъ она открыла, кто внушилъ ей мысль принять на себя имя дочери императрицы Елизаветы Петровны и кто были пособниками ея замысламъ. Онъ напоминалъ ей о *крайнихъ мѣрахъ*. Надо полагать, что ей было извѣстно, что значатъ на языкѣ тайной канцелярiи слова *крайнiя мѣры*.

— Я сказала вамъ все что знаю, съ твердостью отвѣчала фельдмаршалу плѣнница.—Чего же вы отъ меня еще хотите? Знайте, господинъ фельдмаршалъ, что не только самыя страшныя мученiя, но сама смерть не можетъ заставить меня отказаться въ чемъ-либо отъ перваго моего показанiя.

Князь Голицынъ нѣсколько помолчалъ и потомъ сказалъ:

— При такомъ упрямствѣ вы не можете ожидать помилованiя.

Но видъ почти умирающей красавицы, видъ женщины при выкшей къ хорошему обществу и къ роскошной обстановкѣ жизни, а теперь заключенной въ одной комнатѣ съ солда

тами, содержимой на грубой арестантской пищѣ, больною, совершенно разстроенною, убитой и физически, и нравственно, не могъ не поразить мягкосердаго фельдмаршала. Онъ былъ однимъ изъ добрейшихъ людей своего времени, отличался великодушіемъ и пользовался любовью всехъ знавшихъ его. Забывая приказаніе императрицы принять въ отношеніи къ пльвицѣ мѣры строгости, добрый фельдмаршалъ, выйдя изъ каземата, приказалъ опять допустить къ ней Франциску фонъ-Мешеде, улучшить содержаніе пльвицы, стражѣ удалиться за дверь и только смотрѣть, чтобы пльвица не наложила на себя рукъ. Голицынъ замѣтилъ въ ея характерѣ такъ много рѣшительности и энергіи—свойствъ, которыми самъ онъ вовсе не обладалъ,—что не безъ основаній опасался, чтобы заключенная не посягнула на самоубійство. Она была способна на то, что доказала на кораблѣ *Трезъ Герардовъ*.

Объ этомъ свиданіи съ пльвицей и о сдѣланныхъ распорядженіяхъ князь Голицынъ подробно донесъ императрицѣ 18-го іюня. Но императрица отвѣчала ему 29-го числа: „Распутная агунья осмѣлилась просить у меня аудіенціи. Объявите этой развратницѣ, что я никогда не приму ея, ибо мнѣ вполне извѣстны и крайняя ея безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присвоивать чужія имена и титулы. Если она будетъ продолжать упорствовать въ своей ажи, она будетъ предана самому строгому суду.“

Въ запискахъ Визскаго, * черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти принцессы сидѣвшаго въ томъ самомъ отдѣленіи Алексѣевского рavelина, гдѣ содержалась она, сохранился разказъ очевидца (тюремщика), что къ ней одинъ разъ прѣзжалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Соображая время возвращенія его въ Россію къ самому торжеству Кучукъ-Кайнарджискаго мира, надо полагать, что если онъ дѣйствительно навѣстилъ свою жертву, то это было въ описываемое теперь нами время, то-есть во второй половинѣ іюня 1775 года. По словамъ тюремщика, пльвица разговаривала съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ не по-русски, громко, и, какъ видно, сильно укоряла его, кричала на своего предателя и топала ногами.

Что говорили между собой графъ и жемщина столь

* См. послѣднюю главу этой статьи.

жестоко обманутая имъ, женщина, которая готовилась быть матерью его ребенка—осталось неизвѣстнымъ. Но сцена, безъ сомнѣнiя, была исполнена истиннаго трагизма. Въ другой разъ Орловъ не выдался съ плѣвницей, и какъ мы уже замѣтили, по всей вѣроятности, даже не зналъ, что съ нею стало.

Грейгъ, какъ было сказано выше, находилась въ это время въ Москвѣ. Онъ подробно разказалъ Екатеринѣ какъ „всклепавшая на себя имя“ попала въ разставленные сѣти и какъ она вела себя на его кораблѣ во время плаванiя.

— Судя по ея произношенiю, думаю, что она Польшка, сказавъ адмиралъ императрицѣ.

Екатеринѣ тотчасъ пришло въ голову, что самозванку создала польская интрига. Сообщая князю Голицыну о словахъ адмирала, она приказала ему обратить особенное вниманiе на это обстоятельство. Таинственная завѣса, закрывавшая дѣло плѣвницы, такимъ образомъ готова была раскрыться, ибо дѣло дѣйствительно и заведено, и продолжаемо было польскою рукой. Но все-таки не взялись ни за князя Радзивила, ни за Огинскаго, на которыхъ указывала сама заключенная, не разобрали какъ слѣдуетъ найденныхъ въ Пизѣ бумагъ польской генеральной конфедерации, а обратили исключительное вниманiе на одну самозванку, настоятельно добываясь отъ нея того, чего, по всей вѣроятности, и дѣйствительно она не знала. Можно догадываться, что императрица, хотя и поручившая князю Голицыну обратить особенное вниманiе на то, не принадлежитъ ли плѣвница къ польской національности, приказала ограничиться допросами одной самозванки, когда убѣдилась, что если отыскивать польскую руку, выпустившую на политическую сцену мнимую дочь императрицы Елизаветы Петровны, то придется привлечь къ дѣлу и Радзивиловъ, и Огинскаго, и Сангушко, и другихъ польскихъ магнатовъ, смирившихся предъ нею и поладившихъ съ королемъ Станиславомъ Августомъ. Иначе трудно объяснить, почему при столь явныхъ указанiяхъ въ захваченныхъ бумагахъ на близкое участiе польскихъ магнатовъ въ дѣлѣ самозванки, не обращено было на нихъ ни малѣйшаго вниманiя, между тѣмъ какъ привлечь ихъ къ дѣлу и даже къ самой строгой ответственности для Екатерины было чрезвычайно легко, ибо въ это время она властвовала въ Польшѣ почти такъ же неограни-

ченно какъ и въ Россіи. Какъ бы то ни было, слѣдственное дѣло ни мало не разъяснило кто такая была женщина, которую выдавали за законную наследницу русскаго престола, кто внушилъ ей мысль, что она всероссійская великая княжна, кто способствовалъ исполненію ея смѣлыхъ замысловъ. Все это осталось загадкой, которая едва ли когда-нибудь будетъ разрѣшена.

Взятымъ вмѣстѣ съ принцессой князь Голицынъ, по волѣ императрицы, объявилъ, что изъ показаній ихъ ясно обнаружилось, что они знали не только замыслы самозванки, но и самихъ зачинщиковъ ея замысловъ. Уже одно то обстоятельство, что они остались при ней изъ-за какихъ-то воображаемыхъ расчетовъ, тогда какъ будто бы признавали ее самозванкой, дѣлаетъ ихъ соучастниками въ ея преступленіи; одно только откровенное признаніе во всемъ, до нея и зачинщиковъ замысла касающемся, можетъ освободить ихъ отъ всей тяжести заслуженнаго ими наказанія. Но ни Доманскій, ни Черномскій послѣ такого сдѣланнаго имъ княземъ Голицынымъ объявленія ничего новаго не разъяснили. Прислугу не спрашивали.

На основаніи показаній принцессы и заключенныхъ вмѣстѣ съ нею ея спутниковъ составлены были въ Москвѣ и присланы къ фельдмаршалу двадцать такъ-называемыхъ „доказательныхъ статей“. Онѣ составлены искусно, и судя по господствующему въ нихъ тону и по отзывамъ о нихъ князя Голицына, повидимому, самую императрицей или кѣмъ-нибудь подъ непосредственнымъ ея руководствомъ. „Эти статьи, писала Екатерина, совершенно уничтожатъ всѣ ея (пльвианцы) ложныя выдумки.“

При „доказательныхъ статьяхъ“ приложены были, въ переводѣ на русскій языкъ, письма принцессы къ султану, къ графу Орлову, къ трирскому министру барону Горнштейну и къ другимъ.

XXXV.

Юля 6-го фельдмаршалъ съ „доказательными статьями“ поѣхалъ въ крѣпость и прежде всего зашелъ въ казематъ Елизаветы. Съ большою подробностію проходилъ онъ одну статью за другою и указывалъ пльвианцѣ на большое сход-

ство въ слогѣ и даже въ цѣлыхъ выраженіяхъ между ея письмами, писанными къ нему изъ Петропавловской крѣпости и письмами къ султану и Горнштейну, найденными у ней въ Пизѣ. Князь Голицынъ старался убѣдить ее, что одно изъ писемъ къ султану очевидно писано до заключенія имъ мира съ Россіей, а другое послѣ, и оттого нельзя утверждать, чтобъ оба они присланы были ей одновременно, въ одномъ конвертѣ. Затѣмъ фельдмаршалъ доказалъ ей положительно, что подробности, заключающіяся въ ея письмѣ къ неизвѣстному министру (это было письмо къ Горнштейну), были извѣстны ей одной, и потому письмо это не могло быть писано другимъ лицомъ.

Плѣнница стояла на своемъ. Ни „доказательныя статьи“, на которыя такъ разчитывала императрица, ни доводы, приводимые фельдмаршаломъ, нисколько на нее не подѣйствовали; Она твердила одно, что первое показаніе ея вѣрно, что она сказала въ немъ все что знаетъ и болѣе сказаннаго ничего не знаетъ. Это наконецъ разсердило и добрейшаго князя Голицына. Въ донесеніи своемъ императрицѣ (отъ 13-го іюля) объ этомъ свиданіи съ плѣнницей онъ называетъ ее „наглою лгуней“.

Отъ плѣнницы фельдмаршалъ пошелъ въ казематъ гдѣ былъ заключенъ Доманскій.

— Вы въ своемъ показаніи утверждали, сказалъ ему князь, — что самозванка передъ вами неоднократно называла себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны. Рѣшитесь ли вы уличить ее въ этихъ словахъ на очной ставкѣ?

Доманскій смутился. Но нѣсколько оправившись и придавъ себѣ, онъ съ наглостію отрекся отъ даннаго прежде показанія, утверждая, что никогда не говорилъ при слѣдствіи приписываемыхъ ему фельдмаршаломъ словъ. Наглость Поляка вывела князя Голицына изъ терпѣнія. Онъ грозилъ ему строгимъ наказаніемъ за такую ложь, но Доманскій стоялъ на своемъ, говоря, что никогда не слышалъ, чтобы графиня Пиннебергъ называла себя дочерью русской императрицы. Не было никакихъ средствъ образумить упрямаго шляхтича.

Князь Голицынъ отправился въ казематъ Чарюмскаго.

— Не передавалъ ли вамъ когда-нибудь Доманскій, спросилъ онъ арестанта, что эта женщина въ разговорахъ съ нимъ называла себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны?

— Да, онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, отвѣчалъ Чарномскій.

— Скажете ли вы это прямо ему въ глаза?

— Скажу.

Тотчасъ же обоимъ Полякамъ дали очную ставку. Чарномскій уличалъ своего пріятеля, что онъ говорилъ ему о словахъ графини Пиннебергъ, утверждавшей, что она дочь императрицы.

— Этого никогда не было, сказалъ смущенный Доманскій.

— Какъ никогда не было? возразилъ Чарномскій. — А вспомните, какъ вы это говорили мнѣ на кораблѣ во время переезда нашего чрезъ Адриатическое море, изъ Рагузы въ Барлетту.

Доманскій продолжалъ заператься, но сбился въ словахъ и былъ совершенно уличенъ Чарномскимъ. Наконецъ онъ даже изъявилъ готовность стать на очную ставку съ самою пѣвицей и повторить слова свои въ ея присутствіи.

— Умоляю васъ, сказалъ онъ, обращаясь къ фельдмаршалу, — простите мнѣ, что я отрекся отъ перваго моего показанія и не хотѣлъ стать на очную ставку съ этою женщиной. Мнѣ жаль ее, бѣдную. Наконецъ, я откроюсь вамъ совершенно: я любилъ ее и до сихъ поръ люблю безъ памяти. Я не имѣлъ силъ покинуть ее, любовь приковала меня къ ней, и вотъ—довела до заключенія. Не деньги, которыя она должна была мнѣ, но одна только страстная, пламенная любовь къ ней заставила меня оставить князя Радзивила и отправиться съ ней въ Италію.

— Какія же были у васъ надежды? спросилъ его князь Голицынъ.

— Никакихъ, кромѣ ея любви. Единственная цѣль моя состояла въ томъ чтобы сдѣлаться ея мужемъ. Объ ея происхожденіи я никогда ничего не думалъ и никакихъ воздушныхъ замковъ не строилъ. Я желалъ только любви ея и больше ничего. Еслибъ и теперь выдали ее за меня замужъ, хоть даже безъ всякаго приданаго, я бы счелъ себя счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Послѣ такого признанія дана была очная ставка Доманскому съ предметомъ его нѣжной страсти. Разговоръ между ними происходилъ на италіянскомъ языкѣ.

Смущенный и совершенно растерянный Доманскій, сказалъ пѣвицѣ, что она въ разговорахъ съ нимъ дѣйствительно

называла себя дочерью русской императрицы Елизаветы Петровны.

Рѣзко взглянула на него плѣнница, не говоря ни слова. Доманскій смутился еще болѣе и сталъ просить у нея прощенья.

— Простите меня, что я сказала, но я долженъ былъ сказать это по совѣсти, говорилъ влюбленный шляхтичъ.

Спокойнымъ и твердымъ голосомъ, смотря прямо въ глаза Доманскому, плѣнница отвѣчала, будто отчеканивая каждое слово:

— Никогда ничего подобнаго серьезно я не говорила и никакихъ мѣръ для распространенія слуховъ, будто я дочь покойной русской императрицы Елизаветы Петровны, не принимала.

Доманскій замолчалъ, опустил голову. Плѣнница, казалось, сжалась надъ своимъ обожателемъ, и обратясь къ фельд-маршалу, сказала:

— Доманскій безпрестанно приставалъ ко мнѣ съ своими несносными вопросами: правда ли что я дочь императрицы? Онъ надобѣлъ мнѣ, и чтобъ отдѣлаться отъ него, быть-можетъ, я и сказала ему въ шутку, что онъ теперь говоритъ. Теперь я хорошенько не помню.

Очная ставка тѣмъ и кончилась. Было еще одно обстоятельство, на которое указалъ въ допросѣ своемъ Доманскій и которое могло бы уличить плѣнницу въ политическихъ ея замыслахъ. Это передача ею князю Радзивилу писемъ къ султану и къ великому визирю съ тѣмъ, чтобы „пане коханку“ отослалъ ихъ въ Турцію къ агенту своему, Косаковскому. Но на основаніи этого показанія нельзя было сдѣлать очной ставки, ибо Доманскій показалъ, что слышалъ объ этомъ не отъ самой принцессы, а отъ князя Радзивила. Тѣмъ не менѣе князь Голицынъ, какъ скоро Доманскій, по окончаніи очной ставки, вышелъ изъ каземата плѣнницы, спросилъ ее:

— Посылали вы черезъ князя Карла Радзивила какое-нибудь письмо къ Косаковскому въ Турцію?

Плѣнница нѣсколько смутилась, помолчала, какъ бы припоминая что-то, и затѣмъ рѣшительно отвѣтила:

— Нѣтъ, не посылала.

— И никакихъ писемъ въ Константинополь вы не посылали? продолжалъ спрашивать князь Голицынъ.

Она опять стала соображать, дѣлая видъ будто припоминаетъ что-то.

— Я писала въ Константинополь изъ Венеціи къ купцу Мелу, сказала она,—чтобъ онъ переслалъ въ Персію письма мои къ Гамету и князю Гали. Гамета въ письмѣ своемъ я просила, чтобъ онъ прислалъ для моего помѣщенія домъ въ Испагани, такъ какъ я предполагала туда ѣхать, а къ князю Гали обратилась за деньгами. Я просила у него сто тысячъ гульденовъ.

— Для чего вамъ нужна была такая огромная сумма.

— На расходы при вступленіи въ бракъ съ княземъ Филиппомъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбургскимъ.

— Но вѣдь эта сумма баснословна, замѣтилъ князь Голицынъ. Сто тысячъ гульденовъ!

— Что жъ васъ удивляетъ? съ достоинствомъ отвѣчала пльвианица.—Я единственная наслѣдница князя Гали, а богатства его такъ велики, что сумма во сто тысячъ гульденовъ для него такая бездѣлица.

— Вы говорите, сказалъ фельдмаршалъ,—что воспитывались въ Персіи у этого Гали; знаете вы восточные языки?

— Да, я знаю по-персидски и по-арабски.

— Не можете ли вы написать мнѣ на этихъ языкахъ нѣсколько фразъ, которыя я вамъ скажу по-французски.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала пльвианица, и взявъ перо, написала продиктованную фразу непонятными фельдмаршалу буквами и подавая ему бумагу сказала:—вотъ это по-арабски, а это по-персидски.

Князь Голицынъ на другой день показывалъ написанныя пльвианицей арабскія и персидскія фразы „свѣдущимъ людямъ“. Кто были эти свѣдущіе въ восточныхъ языкахъ люди намъ неизвѣстно. Впрочемъ, въ Петербургѣ въ это время не трудно было отыскать людей основательно знающихъ эти языки. Такіе люди были въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ Академіи Наукъ. Свѣдущіе люди объявили фельдмаршалу, что показанное имъ письмо писано буквами имъ неизвѣстными, но во всякомъ случаѣ не персидскими и не арабскими. Князь Голицынъ нарочно поѣхалъ въ Петропавловскую крѣпость, надѣясь смутить пльвианицу такимъ отзывомъ знатоковъ и затѣмъ, можетъ-быть, добиться отъ нея какихъ-либо признаній. Но онъ ошибся. Когда, сказавъ ей объ отзывѣ свѣдущихъ людей, онъ строго спросилъ ее:

— Что же это, наконецъ, значитъ?

Она преспокойно и даже насмѣшливо отвѣтила ему:

— Это значитъ, что спрошенные вами люди не умѣютъ читать ни по-арабски, ни по-персидски.

XXXVI.

Юля 13-го, на третій день послѣ того какъ императрица, празднуя Кучукъ-Кайнарджикскій миръ, пожаловала фельд-маршалу князю Голицыну бриллиантовую шпагу съ надписью: *За очищеніе Молдавіи до самыхъ Яссъ*, и богатый серебряный сервизъ, онъ писалъ государынѣ, что допросы по „доказательнымъ статьямъ“ сдѣланы, но ничто не можетъ заставить пѣвицу раскаяться, ни даже безнадежное состояніе ея здоровья. „Пользующій ея докторъ полагаетъ, писалъ фельдмаршалъ, что при продолжающихся постоянно сухомъ кашлѣ, лихорадочныхъ припадкахъ и кровохарканіи — ей жить остается не долго. Дѣйствовать на ея чувство чести или на стыдъ совершенно бесполезно, однимъ словомъ, отъ этого *безсовестнаго созданія* ничего не остается ожидать. При естественной быстротѣ ея ума, при обширныхъ по нѣкоторымъ отраслямъ знаній свѣдѣніяхъ, наконецъ при привлекательной и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительной ея наружности, вимало не удивительно, что она возбуждала въ людяхъ, съ ней обращавшихся, чувство довѣрія и даже благоговѣнія къ себѣ. Адмиралъ Грейгъ на основаніи выговора ея думаетъ, что она Польшка. Нѣтъ, ее за Польшку принять невозможно. Она слишкомъ хорошо говоритъ по-французски и по-нѣмецки, а взятые съ ней Поляки утверждаютъ, что она только въ Рагузѣ заучила нѣсколько польскихъ словъ, а языка польскаго вовсе не знаетъ.“

Дѣйствительно, въ бумагахъ пѣвицы найдены были листки съ польскими вокабулами. Вѣроятно, принцесса училась по нимъ.

Между тѣмъ чахотка быстро развивалась у несчастной женщины, беременной уже вторую половину. Она почти не вставала съ постели. Нравственныя страданія ея были еще сильнѣе физическихъ. Лишенная свободы, она таяла въ темничномъ заключеніи, не вида ни съ чьей стороны ни малѣйшаго участія къ несчастному своему положенію. Франциска фовъ-

Мешедѣ, женщѣна весьма ограниченная, считала госпожу свою виновницею и ея заключенія, а потому и обращалась съ нею безучастно. Еще менѣе показывалъ къ ней участія ежедневно посѣщавшій ея докторъ. Затѣмъ солдаты безпрестанно появлялись въ ея комнатахъ и обходились съ нею сурово. Грубое обхожденіе ихъ заставляло содрагаться ея женскую натуру. Несчастная сознала наконецъ, что дни ея исчерпаны, что не долго остается ей страдать въ здѣшнемъ мірѣ. Не могла она не думать и о судьбѣ того, чьею матерью готовилась быть.

Она попросила бумаги и перо чтобы писать къ князю Голицыну. Доложили объ этомъ фельдмаршалу. Онъ полагалъ, что ожиданіе близкой смерти возбудить, быть-можетъ, въ плѣнницѣ раскаяніе и внушить мысль разказать все, чего напрасно добиваются отъ нея почти два мѣсяца. Письменные принадлежности были даны, и 21-го іюля Елизавета написала къ князю Голицыну письмо, исполненное самаго безотраднѣшаго отчаянія. При немъ были приложены длинная записка и письмо къ императрицѣ.

Ничего новаго не было въ нихъ сказано. Плѣнница настоятельно подтверждала прежнее свое показаніе и попрежнему увѣряла, что рѣшительно не знаетъ кто прислалъ ей при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи духовныя завѣщанія, проектъ манифеста и письмо къ графу Орлову. Далѣе она жаловалась на суровое обращеніе съ нею въ крѣпости и представляла себя какъ жертву неизвѣстныхъ ей интригавовъ, воспользовавшихся намѣреніемъ ея отправиться въ Константинополь. Надо полагать, что она подразумѣвала тутъ не только Доманскаго съ Чарюмскимъ, но и самого князя Радзивила съ его свитой, которой приписывала разглашеніе объ ея происхожденіи отъ императрицы Елизаветы. „Требуютъ теперь отъ меня свѣдѣній о моемъ происхожденіи, писала она, но развѣ самый фактъ рожденія можетъ считаться преступленіемъ? Если же изъ него хотятъ сдѣлать преступленіе, то надо бы собрать доказательства о моемъ происхожденіи, о которомъ и сама я ничего не знаю. Меня обвиняютъ, что я называла себя дочерью императрицы. Если я и называла себя этимъ именемъ, то не иначе какъ въ шутку, въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ, чтобы отдѣлаться отъ вопросовъ, съ которыми неотвязно приставали ко мнѣ друзья мои. А развѣ слова, сказанныя въ минуту

веселости, въ видѣ шутки, могутъ считаться обвиненіемъ въ преступленіи? Я ничего не прошу, только возвратите мнѣ свободу. Если вы меня освободите, я немедленно уѣду въ Оберштейнъ и о всемъ случившемся на вѣки сохранию глубочайшую тайну. Сдѣлать это тѣмъ болѣе возможно, что на кораблѣ меня принимали за какую-то польскую даму. Въмѣсто того чтобы предъявить мнѣ положительныя сомнѣнія въ истинѣ моихъ показаній, мнѣ твердятъ одно, и притомъ въ общихъ выраженіяхъ, что меня подозреваютъ, а въ чемъ подозреваютъ и на основаніи какихъ данныхъ, того не говорятъ. При такомъ направленіи слѣдствія, какъ же мнѣ защищаться противъ голословныхъ обвиненій? Если останутся при такой системѣ производства дѣла, мнѣ, конечно, придется умереть въ заточеніи. Теперешнее мое положеніе при совершенно разстроенномъ здоровьи невыносимо и ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено, какъ только съ пыткой на медленномъ огнѣ. Ко мнѣ пристають, желая узнать какой я религіи; да развѣ вѣра, исповѣдуемая мной, касается чѣмъ-либо интересовъ Россіи? Чтобы сдѣлаться супругой князя Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лимбургъ, я должна сдѣлаться католичкой. Это для меня будетъ тѣмъ легче, что я въ жизнь мою еще никогда не исповѣдывалась.“ Обращаясь къ князю Голицыну, плѣнница горячо умоляла его о ходатайствѣ предъ императрицей, просила освобожденія, обѣщая за то вѣчную признательность свою и благодарность многочисленныхъ друзей ея, принадлежавшихъ къ числу знатныхъ людей.

Князь Голицынъ 25-го іюля послалъ письмо плѣнницы въ Москву къ государынѣ. Оно встрѣтилось на дорогѣ съ повелѣніемъ, посланнымъ къ нему отъ Екатерины 24-го іюля.

Это повелѣніе препровождено было фельдмаршалу генералъ-прокуроромъ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ. Императрица писала: „Удостоверьтесь въ томъ, дѣйствительно ли арестантка опасно больна. Въ случаѣ видимой опасности, узнайте къ какому исповѣданію она принадлежитъ и убѣдите ее въ необходимости причаститься передъ смертію. Если она потребуетъ священника, пошлите къ ней духовника, которому дать наказъ, чтобъ онъ довелъ ее увѣщаніями до раскрытія истины; о послѣдующемъ же немедленно довести съ курьеромъ.“

Генералъ-прокуроръ, препровождая это именное повелѣніе,

прибавилъ отъ себя: „священнику предварительно, подъ страхомъ смертной казни, приказать хранить молчаніе о всемъ, что онъ услышитъ, увидитъ или узнаетъ“.

Пославъ это повелѣніе, императрица, неизвѣстно почему, на другой же день измѣнила свое рѣшеніе. Въ новомъ рескриптѣ, отъ 25-го іюля, она писала фельдмаршалу: „Не допрашивайте болѣе распутную лгуню; объявите ей, что она за свое упорство и безстыдство осуждается на вѣчное заключеніе. Потомъ передайте Доманскому, что если онъ подробно разкажетъ все что знаетъ о происхожденіи, имени и прежней жизни арестантки, то будетъ обвиняемъ съ нею, и они потомъ получатъ дозволеніе возвратиться въ ихъ отечество. Если онъ согласится, слѣдуетъ стараться склонить и ее, почему Доманскому и дозволить переговорить о томъ съ нею. При ея согласіи на предложеніе—обвинять ихъ немедленно, *чѣмъ и положится конецъ всѣмъ прежнимъ обманамъ*. Если же арестантка не захочетъ о томъ слышать, то сказать ей, что въ случаѣ открытія своего происхожденія, она тотчасъ же получитъ возможность возстановить сношенія свои съ княземъ Лимбургскимъ.“

Князь Вяземскій въ особой запискѣ къ фельдмаршалу прибавилъ: „Последнее предложеніе (о князѣ Лимбургскомъ) должно быть сдѣлано собственно отъ вашего имени.“ Въ другомъ письмѣ (отъ 26-го іюля) генераль-прокуроръ сообщилъ князю Голицыну, что англійскій посланникъ увѣрялъ императрицу, что „всклепавшая на себя имя“ есть дочь пражскаго трактирщика, и потому совѣтовалъ послать къ ней протестантскаго пастора, которому, можетъ-быть, удастся вывѣдать истину. Генераль-прокуроръ полагалъ, что Прага городъ нѣмецкій, а потому и уроженцы его должны быть лютеране. Онъ не зналъ, какъ видно, что въ Чешской землѣ большинство жителей исповѣдуетъ римское католичество.

Получивъ новыя повелѣнія, фельдмаршалъ отправился въ Петропавловскую крѣпость. Онъ нашелъ плѣнницу въ совершенно безнадѣжномъ состояніи. Она лежала умирающая, страдая душевно и тѣлесно.

— Не желаете ли вы духовника, чтобы приготовиться къ... смерти? сказалъ фельдмаршалъ, наклонясь къ плѣнницѣ.

— Да.

— Какого же вамъ священника, греко-восточнаго или католическаго?

— Греко-восточнаго.

Князь Голицынъ оставилъ казематъ плѣнницы. Она не могла говорить съ нимъ.

Онъ приказалъ отыскать православнаго священника знающаго французскій или вѣмецкій языкъ. Сыскали священника Казанскаго собора, Петра Андреева, говорившаго по-вѣмцу.

Когда священникъ былъ отысканъ, князь Голицынъ получилъ новое письмо отъ генераль-прокурора, отъ 26-го іюля, — (такимъ образомъ три дня сряду писались изъ Москвы одно за другимъ повелѣнія о плѣнницѣ).

Августа 1-го, прїѣхавъ въ крѣпость, фельдмаршалъ слова уговаривалъ лежавшую на смертномъ одрѣ женщину признаться во всемъ. „Я теперь узналъ о вашемъ происхожденіи“, говорилъ онъ, полагаясь на сообщенныя ему генераль-прокуроромъ извѣстія, но не сказалъ на этотъ разъ ни слова относительно происхожденія плѣнницы отъ трактирщика. „Услышавъ отъ меня сіи слова, плѣнница сначала видимо колебалась, пишетъ князь Голицынъ въ своемъ дописаніи, но потомъ тономъ, внушавшимъ истинное довѣріе, сказала, что она хорошо узнала и опѣнила меня (князя Голицына), вполне надѣется на мое доброе сердце и состраданіе къ ея положенію, а потому откроетъ мнѣ всю истину, если я обещаю сохранить ее втайнѣ. Но я могу рѣшиться только на письменное признаніе, сказала она; дайте мнѣ для того два дня сроку.“

Князь Голицынъ былъ сильно тронутъ словами умиравшей красавицы. Онъ думалъ, что плѣнница и въ самомъ дѣлѣ раскроетъ ему наконецъ все, чего такъ долго и напрасно добивался онъ въ силу возложенной на него обязанности. Онъ согласился на два дня отсрочки и приказалъ дать больной письменныя принадлежности.

Прошло два дня. Князю Голицыну докладываютъ, что съ плѣнницей случился такой жестокой болѣзненный припадокъ, что она не только писать, но даже и говорить не можетъ.

Августа 6-го она получила небольшое облегченіе отъ болѣзни и просила доктора сказать фельдмаршалу, что къ 8-му числу она постарается кончить свое письмо. Князь

Голицынь доведъ объ этомъ императрицѣ. Въ этомъ до-
несеніи онъ замѣтилъ между прочимъ, что ожидаемое отъ
пльвицы письмо покажетъ, нужно ли будетъ прибѣгать къ
помощи священника, чтобы посредствомъ исповѣди полу-
чить полное сознаніе арестантки. Августа 9-го фельдмар-
шалъ получилъ письмо пльвицы.

Въ этомъ письмѣ беременная пльвица умоляла князя Го-
лицына сжалиться надъ ужаснымъ ея положеніемъ. „Днемъ
и ночью въ моей комнатѣ муцивы, писала она, съ ними я
и объясниться не могу. Здоровье мое разстроено, положеніе
невыносимо. Лучше я пойду въ монастырь, а долѣе терпѣть
такое обхожденіе я не въ силахъ. Отъ меня настоятельно
требуютъ свѣдѣній о моемъ происхожденіи: кромѣ сказан-
наго мною прежде, я ничего не знаю. Можетъ-быть, знаютъ
о томъ другіе; позвольте мнѣ написать къ своимъ друзьямъ,
чтобъ они сообщили нужныя обо мнѣ свѣдѣнія.“

Къ этому письму было приложено новое письмо къ импе-
ратрицѣ. Пльвица умоляла Екатерину о помилованіи и жа-
ловалась на суровое съ нею обращеніе, особенно на присут-
ствіе около ея постели солдатъ даже ночью. „Такое об-
хожденіе со мной заставляетъ содрогаться женскую натуру,
писала она. На колѣнахъ умоляю ваше императорское вели-
чество, чтобы вы сами изволили прочесть записку, поданную
мною князю Голицыну, и убѣдились въ моей невинности.“

Эта записка начинается повтореніемъ прежде сказаннаго
ею о причинахъ, побудившихъ ее ѣхать изъ Германіи въ
Венецію и Рагузу, и о томъ, что она получила анонимное
письмо съ приложеніемъ завѣщаній, манифеста, писемъ къ
графу Орлову, султану и другимъ незнакомымъ и неизвѣст-
нымъ ей лицамъ. „Я сначала хотѣла все эти бумаги послать
къ графу Орлову, писала она, я не знала иного пути для до-
ставленія ихъ императрицѣ, но я побоялась отослать ихъ
все вдругъ, думая, что на почтѣ обратятъ вниманіе на не-
обыкновенно большой пакетъ и, пожалуй, вскрыютъ его. По-
тому я сначала послала одинъ только конвертъ, адресованный
на имя графа Орлова. Препровождая его, я не писала отъ
себя къ графу, боясь неприятностей, еслибы при бумагахъ
такого содержанія нашли письмо отъ меня. Изъ той же бо-
язни таинственныхъ интригъ, которыми я была окружена,
оставила я мысль о путешествіи на Востокъ и сожгла все
присланныя ко мнѣ подлинныя бумаги, славъ съ важнѣй-

шихъ копіи. Эти копіи я списала, чтобы со временемъ переслать ихъ къ графу Орлову, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ ихъ императрицѣ. Затѣмъ я поѣхала въ Римъ. Снятыя мною копіи я не считала для себя опасными, но прежде чѣмъ успѣла переговорить о нихъ съ графомъ Орловымъ, со мной случилось неожиданное обстоятельство: меня арестовали, я больше не выдалась съ графомъ и не могла сказать ему объ остальныхъ находящихся у меня копіяхъ. Точно также, по краткости времени проведеннаго мною въ Пизѣ съ графомъ, я не успѣла ничего сказать ему и о порученіяхъ, возложенныхъ на меня изъ Персіи.“

Затѣмъ въ запискѣ пльвицы идетъ новый разказъ объ ея происхожденіи. Пльвица называетъ себя Черкешенкой, принадлежащею къ одному изъ древнѣйшихъ и замѣнчивѣйшихъ родовъ горскихъ князей — къ роду Гамета (?).

„Я родилась въ горахъ Кавказа, писала она, а воспитывалась въ Персіи. По достиженіи совершеннолѣтія оставила я страну моего воспитанія чтобы при помощи русскаго правительства пріобрѣсти полосу земли на Терекѣ. Здѣсь я намѣрена была посвятить первыя сѣмена цивилизаціи, посредствомъ приглашенныхъ мною къ поселенію французскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Я намѣревалась образовать такимъ образомъ небольшое государство, которое, находясь подъ верховнымъ владычествомъ русскихъ государей, служило бы связью Россіи съ Востокомъ и оплотомъ Русскаго государства противу дикихъ горцевъ. Князь Лимбургскій явился какъ бы посланникомъ Божиимъ для осуществленія моихъ плановъ. Онъ не только одобрилъ мои предпріятія, но даже самъ, отказываясь отъ своихъ владѣній въ Европѣ въ пользу младшаго своего брата, хотѣлъ вмѣстѣ со мной устраивать новое государство на Кавказѣ. Посредствомъ графа Орлова я надѣялась получить на то согласіе императрицы, для чего и вошла съ нимъ въ сношенія. Я питала эти надежды даже и на кораблѣ во время пути изъ Ливорна въ Петербургъ. Могла ли я думать, что меня станутъ обвинять въ преступленіи противу императрицы, меня, столь довѣрчиво пославшую на русскій военный корабль за однимъ изъ наиболѣе преданныхъ ея величеству адмираловъ? Послѣ этого можно ли думать, чтобы я питала какіе-нибудь враждебные замыслы противъ Россіи? Знаю, что нахожусь я

полной власти императрицы: смерть моя скоро послужит тому доказательствомъ. Еслибы меня не подвергли аресту въ Ливорнѣ, мнѣ, при многочисленныхъ моихъ связяхъ, давно бы удалось узнать кто сочинилъ всѣ эти духовныя завѣщанія, манифесты и другія присланныя ко мнѣ при анонимномъ письмѣ бумаги. А теперь я должна погибнуть жертвой корыстолюбія и хитрости чуждыхъ мнѣ людей, и только по смерти моей истина откроется, и невинность моя обнаружится. При слѣдствіи никто не хотѣлъ обратить вниманія на то, что гораздо ранѣе распространившихся безумныхъ толковъ о русскомъ моемъ происхожденіи, я жила и была лично извѣстна многимъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и въ Германіи. Умоляю, позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ написать къ друзьямъ моимъ, поручившимъ мнѣ самыя важныя дѣла свои, а теперь даже не знающимъ гдѣ я и что со мной дѣлается. Пусть прочитаютъ мои письма передъ ихъ отправленіемъ; я не замышляю побѣга—это воспрещаетъ мнѣ честь моя.“

„Кажется, можно бы было обходиться со мной почеловѣколюбивѣе и помилостивѣе, писала плѣнница въ заключеніе записки. Ложное честолюбіе никогда меня не увлекало: мнѣ равно хорошо извѣстны и большой свѣтъ, и простонародье, стало-быть, нечего мнѣ было гоняться за призраками. Въ жизни моей я нерѣдко страдала и всегда была убѣждена, что возможное на землѣ счастье заключается въ одномъ спокойствіи совѣсти. И этого счастья никто не въ состояніи отнять у меня. Обо мнѣ часто судили ложно, а теперь упрекаютъ въ хитрости и во лжи, но какъ же согласить это съ тѣмъ, что я такъ слѣпо отдалась графу Орлову? Онъ меня свергнулъ въ погибель. Я не сдѣлала ему никакого зла и отъ всего сердца прощаю его. Вполнѣ предаю себя въ волю государыни императрицы. Я круглая сирота, одна, на чужой сторонѣ, беззащитная противъ враждебныхъ обвиненій. Только на единого Бога возлагаю упованіе, только Онъ одинъ меня не покинулъ. Тѣмъ не менѣе я все еще надѣюсь на правоту свою и на великодушное сердце государыни императрицы, если только правда до нея доходитъ.“

XXXVII.

Князь Голицынъ не того ожидалъ отъ пльвицы. Она обѣщала ему открыть всю истину о себѣ, обязывая даже хранить въ тайнѣ что онъ отъ нея узнаетъ, и вдругъ онъ получаетъ какой-то фантастическій разказъ о томъ, что она Черкешенка, хотѣвшая основать химерическое государство на Терекѣ.

Пльвица, говоря, что намѣрена была на Терекѣ между русскими владѣніями и землями независимыхъ горцовъ устроить подъ верховною властію Екатерины новое государство изъ нѣмецкихъ колонистовъ, кажется, желала польстить императрицѣ, подать ей выгодное о своихъ намѣреніяхъ мнѣніе и чрезъ то достигнуть свободы или по крайней мѣрѣ облегченія своей участи. Извѣстно, что съ самаго начала своего царствованія Екатерина заботилась о привлеченіи въ Россію поселенцевъ изъ западной Европы, учредила особую „канцелярію опекуства иностранныхъ“, предѣтелемъ которой назначила князя Григорья Орлова, ассигновала большія суммы на переселенія Нѣмцевъ на берега Волги, дала имъ огромныя участки превосходной земли, избавила ихъ отъ платежа податей и отъ выполненія рекрутской повинности. Переселившихся на такихъ условіяхъ въ Россію нѣмецкихъ колонистовъ въ первые три года было около ста тысячъ человекъ. За тѣмъ число иностранцевъ, желавшихъ переселиться на привольные берега Волги, сдѣлалось такъ значительно, что канцелярія опекуства иностранныхъ, будучи не въ состояніи удовлетворять просьбамъ объ отправленіи ихъ на казенный счетъ въ отведенныя колонистамъ мѣста, ходатайствовала у императрицы о прекращеніи на время колонизаціи. Екатерина, видя, что водвореніе колонистовъ въ юго-восточной части имперіи съ началомъ турецкой войны не можетъ продолжаться по причинѣ недостатка денежныхъ средствъ, съ сожалѣніемъ согласилась на пріостановку колонизаціи. Водвореніе Нѣмцевъ въ предѣлахъ Русской имперіи съ такими правами и преимуществами, какія даровала имъ Екатерина, было, какъ оказа-

лось въ послѣдствіи, политическою ошибкой великой государыни. Призванные ею Нѣмцы во сто лѣтъ не принесли Россіи ни малѣйшей государственной пользы, но возбудили въ окрестномъ русскомъ населеніи мысль, что правительствовало покровительствуетъ чужимъ въ ущербъ интересамъ коренныхъ русскихъ подданныхъ. Эта мысль принесла въ свое время не мало вреда. Но Екатерина не предвидѣла этого и, какъ мы сказали, съ сожалѣніемъ согласилась на временное пріостановленіе колонизаціи. Пльвица, хорошо знавшая современныя политическія дѣла, знала, конечно, и объ этомъ. И вотъ она хватается за мысль о колонизаціи Французовъ и Нѣмцевъ на берега Терека, безъ издержекъ русскаго казначейства, надѣясь, что это понравится Екатеринѣ и облегчить, быть-можетъ, ея участь. Вѣроятно, въ томъ же смыслѣ написанъ былъ и проектъ приватессы о торговлѣ Россіи съ Азіей, который она составила еще въ Оберштейнѣ и отдала Горштейну, для отправленія русскому вице-канцлеру.

Но расчеты пльвицы не увѣнчались успѣхомъ. Голицынъ не обратилъ особаго вниманія на новое ея показаніе. Ему теперь оставалось одно: исполняя повелѣніе императрицы, обѣщать Елизаветѣ бракъ съ Доманскимъ и даже возвращеніе въ Оберштейнъ къ князю Лимбургскому. Пріѣхавъ нарочно для того въ Петропавловскую крѣпость, онъ прежде всего отправился въ комнату, занимаемую Доманскимъ, и сказалъ ему, что бракъ его съ тою женщиной, которую знаетъ онъ подъ именемъ графини Пиллебергъ, возможенъ и будетъ заключенъ хоть въ тотъ же день, но съ условіемъ.

— Съ какимъ? живо спросилъ обрадованный Доманскій. — Я все готовъ сдѣлать, чтобы достигъ счастья быть ея мужемъ. За эту цѣну я готовъ хоть навсегда оставаться заключеннымъ въ крѣпости.

— Скажите, кто она такая.

— Видитъ Богъ, что не знаю кто она такая. Я бы все сказалъ, еслибы зналъ.

— Кто подаль ей мысль назваться дочерью императрицы Елизаветы Петровны?

— Не знаю. Еще прежде чѣмъ я узналъ ее, о ней уже всѣ говорили, что она русская великая княжна.

— Кто были участники въ ея замыслахъ?

— Не знаю. Я бы все сказалъ, но не знаю. Все, что знаю,

я сказалъ, больше ничего не знаю. Но обѣщайте насъ, и я хоть сейчас дамъ подписку, что добровольно обрекаю себя на вѣчное заключеніе въ этой крѣпости, если по какимъ-либо высшимъ соображеніямъ нельзя даровать ей свободу. Я готовъ все принести въ жертву для нея, только не разлучайте насъ.

Князь Голицынъ пошелъ въ казематъ, гдѣ содержалась плѣнница. Она была такъ слаба, что не могла подняться съ постели. Фельдмаршалъ началъ разговоръ съ нею строгими упреками за то что она обманула его: обѣщавшись разказать въ письмѣ всю истину о себѣ, а написала такой же вздоръ, какъ и прежде. Совершенно изнеможенная смертнымъ недугомъ, плѣнница не возражала, но слабымъ голосомъ клялась фельдмаршалу, что все написанное ею есть истинная правда, что она не знаетъ кто были ея родители и больше того, что прежде говорила и писала, по совѣсти не можетъ ничего сказать.

— Вы католическаго исповѣданія? спросилъ ее князь Голицынъ.

— Да, я должна держаться этого исповѣданія?

— Почему?

— Потому что обѣщала это *моему мужу*, отвѣчала плѣнница.

— Мужу? Вы замужемъ? Кто же вашъ мужъ?

— Князь Филиппъ Лимбургскій. Впрочемъ, я еще не присоединена къ римской церкви и на разу не приобщалась по католическому обряду.

— Почему же вы прежде хотѣли имѣть духовникомъ священника греко-восточнаго исповѣданія?

— Въ моемъ отчаянномъ положеніи я часто не имѣю никакого сознанія о томъ что говорю.

Добрѣйшій князь Александръ Михайловичъ былъ разсерженъ неудачей своихъ разспросовъ. Онъ строго сказалъ плѣнницѣ:

— Такъ я вамъ не пришлю ни греческаго, ни католическаго духовника. Слышите вы это?

— Не пришлете, такъ и не нужно, равнодушно отвѣчала больная.

Фельдмаршалъ замолчалъ и черезъ нѣсколько времени спросилъ плѣнницу:

— Зачѣмъ же вы прежде не сказали мнѣ, что вы супруга князя Лимбургскаго?

Она не отвѣчала на это ни слова. Голицынъ опять спросилъ:

— Вы съ княземъ Лимбургемъ вѣнчались по церковному обряду?

— Мы священника не призывали, отвѣчала плѣнница, но князь Лимбургскій далъ мнѣ торжественное обѣщаніе жениться на мнѣ и въ видѣ залога совершилъ въ мою пользу запись на пожизненное владѣніе принадлежащимъ ему графствомъ Оберштейнъ.

— Знаетъ ли князь о вашемъ происхожденіи?

— Столько же, какъ и я сама.

— Кто же знаетъ?

— Помню, что старая моя няня Катерина въ дѣтствѣ моемъ говаривала, что мой учитель ариеметики Шмидтъ да еще маршалъ лордъ Кейтъ знаютъ кто мои родители.

— Какой маршалъ Кейтъ? спросилъ Голицынъ.

— Братъ того Кейта, который служилъ въ русской арміи во время войны противъ Турокъ.

— Вы знали лично генерала Кейта?

— Нѣтъ, я его не знала, но брата его, лорда Кейта, видѣла одинъ разъ и то мелькомъ, проѣздомъ черезъ Швейцарію, куда меня маленькую возили изъ Кюля. Отъ Кейта я получила и паспортъ на обратный путь. Помню, что у него жила Турчанка, присланная ему братомъ его изъ Очакова или съ Кавказа. Она воспитала нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ, вмѣстѣ съ нею взятыхъ въ плѣнъ; онѣ жили при ней и послѣ. Я видѣла ее и съ дѣвочками послѣ смерти лорда Кейта, проѣздомъ черезъ Берлинъ. Турчанка жила тогда въ Берлинѣ. Хоть я и знаю, что я не изъ числа воспитывавшихся у ней дѣвочекъ, но очень можетъ быть, что я Черкешенка. Навѣрное же ничего не знаю о моихъ родителяхъ, но позвольте мнѣ написать письмо къ друзьямъ моимъ, они постараются собрать свѣдѣнія о моемъ рожденіи. Они сдѣлаютъ это.

— Это совершенно бесполезно, замѣтилъ князь Голицынъ. — Лучше васъ самихъ никто не знаетъ о вашемъ происхожденіи, только вы говорить не хотите. Но я знаю кто вы, я имѣю явныя на то доказательства.

— Кто же я? приподнявшись и устремя испытующій взоръ на фельдмаршала, сказала пльвица.

— Дочь пражскаго трактирщика.

Большая вскочила съ постели и съ сильнѣйшимъ негодованіемъ вскричала:

— Кто это сказалъ? Глаза выпарапаю тому, кто осмѣлился сказать, что я низкаго происхожденія!

— Признайтесь однако, что вы провели свое дѣтство въ Прагѣ? сказалъ князь Голицынъ.

— Никогда я тамъ не бывала, отвѣтила пльвица. Силы оставили ее; она упала на постель.

Когда пльвица нѣсколько успокоилась, князь заведъ рѣчь о Доманскомъ. Она слушала равнодушно, но когда Голицынъ сказалъ, что Доманскій неотступно просить руки ея, и что если она хочетъ, можетъ выйти за него замужъ хоть въ тотъ же самый день, пльвица засмѣялась.

— Этотъ жалкій человекъ! сказала она насмѣшливымъ тономъ.— Да вѣдь онъ совершенно необразованъ! Вѣдь онъ порядочно не знаетъ ни одного языка! Помилуйте! Возможно ли это?

Принцесса забыла „мосбахскаго незнакомца“, забыла и то, что въ Рагузѣ подавала Доманскому большія надежды на свою руку.

Попавшій въ сваты, фельдмаршалъ уговаривалъ пльвицу не пренебрегать предложеніемъ Доманскаго, которое при астоящемъ ея положеніи должно считаться очень выгоднымъ.

— Я бы вамъ дозволилъ видѣться съ нимъ безъ свидѣтелей и переговорить обо всемъ, что считаете нужнымъ, сказалъ онъ ей.

Пльвица отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Она не хотѣла видѣть Доманскаго и сказала, что и въ такомъ случаѣ не могла бы выйти за него замужъ, еслибъ этотъ Полякъ по своему образованію и развитію болѣе подходилъ къ ней, потому что дада клятву князю Филиппу Лимбургскому и считаетъ себя уже неразрывно съ нимъ связанною.

Тогда князь Голицынъ, во исполненіе воли императрицы, обѣщалъ пльвицѣ отъ своего лица исходатайствовать свободу и дозволеніе отправиться къ князю Лимбургу въ Оберштейнъ, но только въ такомъ случаѣ, если она откроетъ ему свое происхожденіе.

Лучъ надежды на свободу, казалось, животворно подѣйствовалъ на больную женщину. Съ неподдѣльнымъ чувствомъ благодарила она фельдмаршала, но за тѣмъ сказала, что, къ сожалѣнію, ничего не можетъ прибавить къ сказанному прежде о своемъ происхожденіи. Не вѣрила ли она обѣщанію князя Голицына, не рѣшалась ли возвратиться къ друзьямъ своимъ послѣ окончательно скомпрометтировавшей ее исторіи, послѣ беременности, которая не могла остаться въ тайнѣ, опасалась ли, что они отвернутся отъ сидѣвшей въ казематѣ самозванки, близость ли смерти, которую она уже чувствовала, удерживала ее воспользоваться предлагаемою свободой? Она впрочемъ попросила перо и при князѣ Голицынѣ написала дополненіе къ своему сознанію, но написанныя ею свѣдѣнія были совершенно ничтожны. Она написала, что на шестомъ году отъ рожденія ее посылали изъ Киль въ Сіонъ (въ Швейцаріи), потомъ снова возвратили въ Киль черезъ область, управляемую лордомъ Кейтомъ *, что о тайнѣ рожденія ея зналъ нѣкто Шмидтъ, дававшій ей уроки, и что въ дѣтствѣ помнитъ она еще какого-то барона фонъ-Штерна и его жену, и данцигскаго купца Шуманна, который платилъ въ Киль за ея содержаніе. „Меня постоянно держали въ неизвѣстности о томъ, кто были мои родители, заключила она. Впрочемъ, я тогда мало заботилась объ этомъ, не ожидая отъ того никакой пользы.“

Князь Голицынъ, прочтя это признаніе и не найдя въ немъ того что надѣялся видѣть, ушелъ отъ пѣвницы, объявивъ, что она, какъ не раскаявшаяся государственная преступница, осуждается на вѣчное заключеніе въ крѣпости.

Больше онъ уже не видалъ этой несчастной женщины.

Августа 12-го онъ доносилъ императрицѣ о „безстыдномъ упорствѣ арестантки во всемъ“. „Это упорство, писалъ фельдмаршалъ, показала она въ послѣднее со мною свиданіе, когда ни Доманскій, ни она не прибавили ни слова къ даннымъ прежде показаніямъ, несмотря на то что обоимъ обѣщаны были, казалось бы, выстѣя изъ земныхъ благъ, какихъ они желаютъ: ему—обладаніе прекрасною женщиной, въ которую онъ влюбленъ до безумія, ей—свобода и возвращеніе въ свое графство Оберштейнъ. Всѣ старанія арестантки, продолжалъ князь Голицынъ, истолковать въ свою

* Ганноверъ?

пользу дѣло о найденныхъ у нея духовныхъ завѣщаніяхъ, возмутительномъ манифестѣ и прочихъ бумагахъ вполне опровергаются тѣмъ, что они писаны ею собственноручно. Изъ показаній ея ясно только одно, что она безстыдна, безсовѣстна, джива и зла до крайности. Всѣ мои старанія узнать отъ нея истину объ ея происхожденіи и ея сообщникахъ остались совершенно напрасными. Ничто не подѣйствовало на нее: ни увѣщанія, ни строгость, ни ограниченіе въ пищу, одеждѣ и вообще въ потребностяхъ жизни, ни разуменіе со служанкой, ни постоянное, наконецъ, присутствіе караульныхъ солдатъ въ ея комнатѣ. Впрочемъ, заключилъ фельдмаршалъ, можетъ-быть, эти мѣры и будутъ современемъ въ состояніи довести ее до полного признанія, такъ какъ совершенное лишеніе надежды на свободу, по всей вѣроятности, не останется безъ вліянія на арестантку.“

XXXVIII.

Большая оставалась въ самомъ строгомъ заключеніи. Хста ее держали въ верхнемъ этажѣ Алексѣевского рavelина, въ помещеніи сухомъ, свѣтломъ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, хотя ей давали хорошую пищу, которую готовили на комендантской кухнѣ особо отъ назначенной для другихъ арестантовъ, но лишеніе свободы разрушительно на нее подѣйствовало. Она никого не видала кромѣ караульныхъ солдатъ, прислуживавшихъ ей, и глуповатой Франциски. Докторъ продолжалъ навѣщать ее и слѣдилъ какъ чахотка съ каждымъ днемъ усиливается и приближаетъ смертный конецъ плѣнницы. Такъ прошли августъ, сентябрь и первая половина октября. Въ октябрѣ большая совершенно ослабѣла. Она уже не вставала съ постели, болѣзненные припадки возвращались къ ней чаще и чаще. Докторъ нѣсколько разъ увѣдомлялъ князя Голицына, что смерть быстро приближается къ плѣнницѣ.

Прошелъ ноябрь. Плѣнница разрѣшилась отъ бремени. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, обольщенный изъ усердія къ службѣ несчастную женщину, сдѣлался отцомъ. Какъ обыкновенно случается съ женщинами, которые страдаютъ чахоткой во время беременности, болѣзнь сильно овладѣла плѣнницей послѣ разрѣшенія. Смерть была близка.

Что чувствовала мать при взглядѣ на рожденнаго младенца? Со словъ Гельбига мы уже упомянули о судьбѣ ея сына.

Ноября 30-го больная находилась уже въ такомъ положеніи, что каждую минуту ожидали ея послѣдняго вздоха. Она едва могла сказать доктору, что желаетъ видѣть священника и приготовиться къ смерти. Докторъ передалъ желаніе умирающей фельдмаршалу.

Руководствуясь прежнимъ повелѣніемъ государыни, онъ призвалъ къ себѣ священника Казанскаго собора Петра Андреева, умѣвшаго говорить по-нѣмецки. Подъ страхомъ смертной казни и взявъ съ священника клятвенное обѣщаніе, что онъ вѣчно будетъ молчать о всемъ, что увидитъ и о чемъ услышитъ, князь Голицынъ разказалъ ему о плѣнницѣ и поручилъ постараться довести ее на исповѣди до раскаянія и полного признанія въ томъ, кто она такая въ дѣйствительности, кто подалъ ей мысль назваться дочерью императрицы Елизаветы Петровны и кто были сообщниками въ ея замыслахъ.

Больная съ радостью приняла священника. Началась исповѣдь, и плѣнница сказала духовнику: „Я крещена по обряду грековосточной церкви. Объ этомъ я слышала въ Килѣ отъ воспитывавшихъ меня до девятаго года моего возраста. Съ тѣхъ поръ я жила въ разныхъ государствахъ, между прочимъ, въ Англіи и Франціи, потомъ получила въ собственность графство Оберштейнъ въ Германіи и жила тамъ. Позже провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Рагузѣ, оттуда поѣхала въ Римъ, затѣмъ въ Пизу, приглашена графомъ Алексѣемъ Орловымъ въ Ливорно, посажена на русскій корабль, привезена въ Петербургъ и посажена въ крѣпость.“

— Гдѣ же вы родились и кто ваши родители? спросилъ духовникъ.

— Богъ свидѣтель—не знаю, отвѣчала умирающая.

Затѣмъ говорила она духовнику, что хотя крещена по грековосточному обряду и потому считаетъ себя принадлежащею къ православной церкви, но до сихъ поръ еще ни разу не исповѣдывалась и не причащалась. Грековосточнаго катехизиса не учила и о христіанскомъ законѣ узнала только то, что вычитала въ Библии и въ нѣкоторыхъ французскихъ книгахъ духовнаго содержанія. Но она вѣруетъ въ Бога, во Св. Троицу и ни мало не сомнѣвается въ непреложныхъ истинахъ символа вѣры.

Духовникъ сталъ увѣщавать плѣнницу съ полнымъ раскаяніемъ сознаться во всѣхъ злыхъ намѣреніяхъ противъ государыни и въ томъ, что она выдавала себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны.

— Свидѣтельствуюсь Богомъ, что никогда я не имѣла намѣреній, которыя мнѣ приписываютъ, никогда сама не распространяла о себѣ слуховъ, что я дочь императрицы Елизаветы Петровны.

Духовникъ спросилъ о сообщникахъ, о томъ, откуда у нея появились духовныя завѣщанія Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны, возмутительный манифестъ къ русской эскадрѣ, письма къ султану и другіе документы, о которыхъ священникъ предварительно узналъ отъ князя Голицына.

— Все это получено мной отъ неизвѣстнаго лица при анонимномъ письмѣ.

— Вы стоите на краю могилы, сказалъ священникъ, — вспомните о вѣчной жизни и скажите мнѣ всю истину.

— Стоя на краю гроба и ожидая суда предъ самимъ Всевышнимъ Богомъ, сказала она, — увѣряю васъ, что все, что ни говорила я князю Голицыну, что ни писала къ нему и къ императрицѣ, — правда. Прибавить къ сказанному мною ничего не могу, потому что ничего больше не знаю.

— Но кто были у васъ соучастники?

— Никакихъ соучастниковъ... не было... потому что... и преступныхъ замысловъ... мнѣ приписываемыхъ... не было.

Она не могла больше говорить. Случился сильный припадокъ. Когда онъ миновалъ, плѣнница едва слышнымъ голосомъ сказала священнику, что она чувствуетъ себя чрезвычайно слабою для продолженія исповѣди, просить помолиться за нее и посѣтить на другой день.

Священникъ былъ у нея и на другой день (2-го декабря). Исповѣдь началась снова. Плѣнница глубоко раскаивалась, что огорчала Бога грѣховною своею жизнью, что съ ранней юности постоянно жила въ тѣлесной нечистотѣ, часто отдавалась то одному мушкетеру, то другому, что чувствуетъ себя великою грѣшницей, жившею противно заповѣдямъ Господнимъ. По разрѣшеніи сихъ грѣховъ духовникъ возобновилъ вчерашнія увѣщанія, чтобъ умирающая сказала всю истину объ ея происхожденіи и замыслахъ противъ императрицы и указала бы на тѣхъ, кто внушилъ ей мысль назваться

русскою великою княжною и кто былъ соучастникомъ въ ея замыслахъ. Больная опять сказала, что сама не знаетъ о своемъ происхожденіи, и не имѣвъ никакихъ преступныхъ замысловъ противъ Россіи и императрицы Екатерины, не имѣла и сообщниковъ. Она говорила все слабѣе и слабѣе; священникъ, наконецъ, не могъ понимать словъ умирающей. Началась агонія.

Онъ оставилъ ее, не удостоивъ святаго причастія.

На другой день (3-го декабря) князь Голицынъ доносилъ императрицѣ, что и посредствомъ самой исповѣди не удалось исторгнуть полного признанія отъ умирающей самозванки. Довнесеніе священника было также отправлено къ императрицѣ. Фельдмаршалъ писалъ также государынѣ, что по отзывамъ доктора и священника смерть самозванки должна послѣдовать черезъ нѣсколько часовъ, почему онъ и отдалъ приказаніе зарыть ее въ самомъ рavelинѣ, чтобы ни Поляки съ нею посаженные, ни камердинеры, ни Франциска фонъ-Мешедде не могли узнать, что стало съ нею.

Агонія продолжалась долго, болѣе двухъ сутокъ. Въ семь часовъ пополудни 4-го декабря 1775 года плѣнница испустила послѣдній вздохъ, унеся въ могилу тайну своего рожденія, если только она знала ее.

На слѣдующій день солдаты, безсмысленно стоявшіе при ней на часахъ, вырыли въ Алексѣевскомъ рavelинѣ глубокую яму и тайно зарыли въ нее трупъ плѣнницы. Никакихъ погребальныхъ обрядовъ совершенно не было.

Декабря 7-го князь Голицынъ довелъ императрицѣ о смерти „всклепавшей на себя имя“.

XXXIX.

Къ новому 1776 году императрица возвратилась изъ Москвы въ Петербургъ. Возвратились дворъ и высшія правительственныя лица, въ числѣ ихъ и генераль-прокуроръ князь Вяземскій. Ему, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ, поручено было кончить въ тайной экспедиціи дѣло о „всклепавшей на себя имя“ или, точнѣе сказать, дѣло о сопровождавшихъ ее арестантахъ.

Смертію загадочной женщины, тайну рожденія которой, несмотря на всѣ старанія князя Голицына, открыть не

могли, дѣло собственно и оканчивалось. Князь Радзивиль, въ это время уже находившійся въ ладахъ съ королемъ Понятовскимъ и тѣмъ возвратившій себѣ благоволеніе Екатерины, спокойно жилъ въ своемъ Несвижѣ, * пользуясь невозбранно громадными доходами съ своихъ литовскихъ маестностей. Онъ, по обыкновенію, окружилъ себя огромною свитою прихлебателей, хвастался и безнаказанно лгалъ передъ ними, охотился съ магнатами, а иногда и съ ксендзами, на медвѣдей, бражничалъ съ боготворившею его шляхтой, перебранивался съ виленскимъ римско-католическимъ епископомъ, отъ времени до времени дѣлалъ свойственныя ему одному эксцентрическія выходки, ** задавалъ баснословно роскошные праздники и совершенно бросилъ политическіе замыслы, которые обошлись ему не дешево. Конечно, новая жизнь его въ Несвижѣ была не такова какъ до Барской конфедерации, когда „пане коханку“ съ полнымъ сознаниемъ собственнаго достоинства говаривалъ: „Król sobie królem w Krakowie, a ja w Neswiżu“. Вооруженныя укрѣпленія его города были уничтожены Русскими еще въ 1768 г., и Радзивиль не смѣлъ возобновлять ихъ, но все же богатства его были огромны, и онъ могъ доживать свой вѣкъ спокойно и съ полною возможностью тѣшить обычный нравъ свой. *** Михаилъ

* Минской губерніи, Слуцкого уѣзда.

** Такъ однажды во время бала, на который съѣхалось въ Несвижъ множество гостей, князь Радзивиль сказалъ, что завтра будетъ зима... А дѣло было въ жаркую лѣтнюю пору. Поутру гости его увидѣли, что дѣйствительно снѣгъ покрывъ землю. Поданы были сани, и „пане коханку“ съ гостями проѣхалъ по снѣгу изъ замка до костела, несмотря на то что солнце палило. Оказалось, что онъ за ночь приказалъ усыпать дорогу солью.

*** По возвращеніи въ Несвижъ, „пане коханку“ однажды на охотѣ расхвастался не въ мѣру, по своему обыкновенію. Шляхтичъ Бродовскій котораго князь Радзивиль очень жаловалъ, замѣтилъ несообразность его разказовъ и безъ церемоніи назвалъ ихъ ложью. „Пане коханку“ разсердился и при многочисленныхъ участникахъ охоты далъ приятелю своему полевѣскую пощечину. Бродовскій кинулся было на своего патрона съ ножомъ, но его удержало. Оскорбленный подалъ жалобу въ трибуналъ, но полевскіе судьи, постоянно отдававшіе не только подкупностию, но и безкьерыстною подабстию передъ магнатами, не признавали Радзивиль виноватымъ. Тажба продолжалась долго, и бѣднякъ Бродовскій дошелъ до край-

Огинскій также прекратилъ тайную вражду свою съ королемъ и пользовался благоволеніемъ императрицы Екатерины; строилъ знаменитый, названный именемъ его каналъ, соединяющій Нѣманъ съ Припятью, и нерѣдко бывалъ въ Петербургѣ. Польскіе магнаты, іезуиты и другіе люди, невидимо заправлявшіе хитро придуманною интригой и выведшіе на политическую арену несчастную женщину, конечно, и не вспоминали болѣе о ней. Ничего не знали, что случилось съ принцессой Владимірскою, ея друзья въ Парижѣ, въ Трирѣ, въ Оберштейнѣ. Дѣло о ней хранилось въ строжайшей тайнѣ, особенно отъ иностранныхъ дипломатовъ. Такъ, напримѣръ, баронъ Сакенъ, польскій резидентъ при дворѣ Екатерины, только 8-го іюня 1775 года, то-есть почти черезъ мѣсяць, доносилъ въ Парижъ, что адмиралъ Грейгъ привезъ въ Кронштадтъ женщину, называвшую себя русскою великою княжною, и не ранѣе половины февраля 1776 года, то-есть черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ смерти пльвицы, писалъ, что *сумашедшая*, такъ-называемая принцесса Елизавета, вскорѣ послѣ того какъ привезена въ Петербургъ, отправлена будто бы въ Шлиссельбургскую крѣпость и тамъ умерла 14-го февраля отъ болѣзни.

Долго ли тосковалъ по очаровательной Алинѣ искренно любившій ее князь Филиппъ Лимбургъ, вспоминали ли о ней другіе ея обожатели — не знаемъ. Но кредиторы денегъ не получили.

О спутникахъ принцессы, 13-го января 1776 года, въ тайной экспедиціи фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ и гене-

ности. Узнавъ, что въ Несвижскомъ замкѣ назначенъ блистательный праздникъ, Бродовскій разодѣлся и явился въ залахъ Радзивила во время самого разгара бала. Увидавъ незваного гостя, Радзивилъ съ изумленіемъ подошелъ къ нему и спросилъ; „Что это значитъ, пане коханку? Зачѣмъ вы пожаловали ко мнѣ?“ Толпа магнатовъ, шляхтичей, дамъ окружила бывшихъ друзей. „Я пришелъ къ вашей княжеской милости, громогласно отвѣчалъ Бродовскій, — сказать вамъ кто самые пошлые дураки во всемъ свѣтѣ. Ихъ двое: первый дуракъ ваша княжеская милость, а второй я. Я словельможный князь дуракъ потому, что вздумалъ бороться съ русскою императрицей, а я дуракъ потому, что вздумалъ бороться съ вашею княжескою милостію.“ Такое сравненіе съ Екатериной очень полюбилось князю Радзивилу, и онъ обнялъ стараго своего пріателя. Дружескія отношенія ихъ возобновились.

ралъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ постановленъ былъ слѣдующій приговоръ: „Принимая во уваженіе, что нельзя до-казать участіе Чарномскаго и Доманскаго въ преступныхъ замыслахъ самозванки, ни въ чемъ не сознавшейся, что они оставались при ней скорѣе по легкомыслію и *не зная наипрѣмій* обманщицы, къ тому же Доманскій былъ увлеченъ и страстью къ ней, положено слѣдствіе объ обоихъ прекра-тить. Хотя они уже за то, что слѣдовали за преступницей, вполне заслуживали бы быть сосланными въ вѣчное заточе-ніе, но имъ вмѣняется въ достаточное наказаніе долговре-менное заключеніе, и они отпускаются въ свое отечество съ выдачею имъ вспомошествованія *по ст. 100 рублей* каждому и подъ клятвою вѣчнаго молчанія о преступницѣ и своемъ за-ключеніи.“

Такимъ образомъ и теперь, при рѣшеніи участи Чарном-скаго, не было обращено должнаго вниманія на принадлежав-шія ему бумаги польской генеральной конфедерации. А въ числѣ ихъ были очень важныя, напримѣръ, манифесты конфе-дерации противъ раздѣла Польши 1772 года, подлинныя пись-ма конфедерации къ султану и визирю, турецкіе паспорта ея агентамъ, многія польскія письма. И графъ Орловъ, и фельдмаршалъ князь Голицынъ, и всѣ другіе полагали, какъ видно, что онѣ принадлежатъ самой павнищѣ, и напрасно добивались отъ нея признанія относительно ихъ. Она не выдала Чарномскаго. А вѣроятно все го то, что слѣдователи не хотѣли поднимать затухшаго, какъ казалось тогда, поль-скаго дѣла и тревожить покой ясновельможныхъ пановъ, въ родѣ „пане коханку“. И странно кажется теперь, что тай-ная экспедиція, имѣя подъ руками всѣ бумаги, вполне по-ложила на показанія Чарномскаго и Доманскаго. Ихъ по-казанія о причинахъ, побуждавшихъ ихъ слѣдовать за принцессой изъ Рагузы въ Италію, за исключеніемъ развѣ страстной любви Доманскаго, съ перваго же взгляда пред-ставляются не заслуживающими вѣроятія. Трудно допу-стить, чтобы такой замѣтный въ польской конфедерации дѣятель, какъ Чарномскій, поѣхалъ съ принцессой въ Римъ и забылъ возложенныя на него конфедерацией пору-ченія единственно изъ дружбы къ другу и изъ желанія посмотреть на Римъ, гдѣ на этотъ разъ и папы нельзя бы-ло видѣть. Самъ же онъ говорилъ, что въ послѣднее время пребыванія ихъ въ Рагузѣ, французскій консулъ предосте-

регаль его относительно принцессы, говоря, что ей не слѣдуетъ вѣрять. И что же? Онъ, какъ самъ говоритъ, пересталъ вѣрять что она русская великая княжна, а между тѣмъ, имѣя при себѣ официальные письма конфедерации, имѣя на рукахъ важныя дѣла, которыя безотлагательно должны были исполнить, ни съ того ни съ сего поѣхалъ вслѣдъ за женщиной, которую считалъ искательницей приключеній, и остался при ней до самаго арестованія. Если принцесса и выманула у него черезъ Доманскаго деньги, безъ которыхъ онъ не могъ ѣхать въ Константинополь, отчего же не отправился онъ въ Верону къ графу Потоцкому съ повинною головою? Не онъ былъ первый и не онъ послѣдній изъ Поляковъ, проматывавшихъ общественныя деньги конфедерации и въ болѣе значительныхъ суммахъ. Еслибы Чарномскій явился къ графу Потоцкому, этотъ пожурилъ бы его, быть-можетъ, раскричался бы, быть-можетъ, досталось бы и шляхетной спицѣ Чарномскаго (примѣры тому бывали), но ни въ какомъ случаѣ не выдалъ бы агента конфедерации на жертву случайностей, которымъ тотъ неминуемо подвергался въ обществѣ искательницы приключеній, которая вела столь опасную игру.

Столь же невѣроятно и показаніе Доманскаго, что желаніе видѣть Римъ побудило его сопровождать самозванку. Не обращено было при слѣдствіи вниманія и на противорѣчіе его: то онъ говорилъ, что поѣхалъ изъ Рагузы вслѣдъ за графиней Пиннебергъ съ цѣлю получить съ нея 800 червонцевъ, которые она заняла у него, то утверждалъ, что получивъ ея приказаніе ѣхать въ Италію, радъ былъ воспользоваться случаемъ посѣтить на ея счетъ Римъ. Но какъ бы то ни было, и Чарномскій и Доманскій, по рѣшенію тайной экспедиціи, были отправлены въ Польшу. За всѣхъ пострадала одна „всклепанная на себя имя“, хотя на краю гроба, на тайнѣ исповѣди, будучи уже едва въ состояніи говорить, она настоятельно, пмснемъ самого Бога, увѣряла, что сама никогда не разглашала о царственномъ своемъ происхожденіи.

Не знаемъ, что стало съ Чарномскимъ и Доманскимъ по ихъ освобожденіи. Въ мартѣ 1776 года они были выведены изъ Петербурга за границу вмѣстѣ съ камердинерами Рахтеромъ и Лабенскимъ. Больше года пробыли

они подъ арестомъ на кораблѣ и въ Петропавловской крѣпости.

О камеръ-медженъ принцессы тайная экспедиція того же 13-го января 1776 года постановила: „умственная слабость Франциски фонъ-Мешеде не допускаетъ никакого подозрѣнiя въ ея сообщничествѣ съ умершею, посему отвезти ее за границу, и такъ какъ она не получала никакого жалованья отъ обманщицы, находится въ бѣдности, а между тѣмъ дворянскаго происхожденiя, то отдать ей старыя вещи покойницы и *полтора ста рублей* на дорогу.“ Тотчасъ же она была отвезена въ Ригу, откуда отправлена въ Пруссию, ея отечество.

Камердинеровъ Рихтера и Лабенскаго, находившихся при Доманскомъ и Чарномскомъ, а также служителей самой принцессы, Кальтфингера, Маркезими и Анчиотти, тайная экспедиція опредѣлила выслать за границу, давъ каждому по *пятидесяти рублей*, но съ тѣмъ, чтобъ они дали клятву до смерти своей не сказывать никому, чтѣ съ ними происходило и за чтѣ они содержались въ Петропавловской крѣпости. Кальтфингеръ и оба Итальянца были отправлены изъ Петербурга въ Ригу, а оттуда за границу, въ январѣ 1776 года, вмѣстѣ съ Франциской фонъ-Мешеде.

XL.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Осталась одна безвѣстная могила въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, въ которую солдаты тайно опустили трупъ загадочной женщины и закидали его мерзлою землею.

Въ 1826 году, когда въ Петропавловской крѣпости содержались участники происшествiя 14-го декабря 1825 года, близъ Алексѣевского ravelина, на небольшой площадкѣ, обращенной въ садикъ, находилась насыпь. Старожилы крѣпости сказывали, что это могила княжны Таракановой*, то-есть, какъ теперь оказывается, самозванки Таракановой.

Съ какимъ секретомъ ни содержали захваченную графомъ Орловымъ женщину, какою таинственностью ни окружили смерть ея и погребенiе, но несмотря на то, еще въ царствованiе

* Ср. *Русскій Архивъ* 1865 г., № 1, стр. 93.

Екатерины разнеслись по Петербургу и оттуда пошли по другимъ мѣстамъ слухи, будто въ Петропавловской крѣпости уморили „дочь императрицы Елизаветы Петровны“. Правду сказалъ баронъ Сакенъ, донося польскому правительству: „мнѣ изъ вѣрныхъ источниковъ извѣстно, и я положительно знаю, что смерть сумашедшей, такъ-называемой принцессы Елизаветы, послѣдовала совершенно естественно, но вѣроятно, это не помѣшаетъ распространенію разныхъ слуховъ“. Гельбигъ, жившій въ то время при саксонскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, также говоритъ, что смерть плѣнницы послѣдовала послѣ кратковременной болѣзни въ 1776 году и *возбудила разные подозрѣнія*.

Прошло два года по смерти такъ-называемой принцессы Елизаветы. Въ 1777 году случилось сильное наводненіе въ Петербургѣ, большее чѣмъ въ 1824 году. Казематы Петропавловской крѣпости были залиты. Послѣ этого стали разказывать, будто заточенную „княжну Тараканову“ не вывели изъ каземата, или не хотѣли вывести, и она утонула. Со временемъ этотъ слухъ вполне утвердился, хотя, какъ оказывается, бѣдная плѣнница содержалась въ верхнихъ отдѣленіяхъ Алексѣевского рavelина, куда во время наводненія вода достигнуть не могла, и хотя она умерла въ своемъ заключеніи двумя годами раньше наводненія...

Прошелъ еще годъ или два. Въ Алексѣевскій рavelинъ посаженъ былъ одинъ авантюристъ, по фамиліи Винскій. Это былъ небогатый дворянинъ, учившійся въ Кіевской духовной академіи, а потомъ служившій сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. Вовлеченный въ одно политическое дѣло, онъ былъ арестованъ съ нѣсколькими другими гвардейскими офицерами. Сначала его содержали въ Петропавловской крѣпости, а потомъ сослали на житье въ Оренбургъ, гдѣ онъ и прожилъ больше тридцати лѣтъ и прощенъ уже императоромъ Александромъ Павловичемъ. Винскій велъ записки обо всемъ видѣнномъ имъ и слышанномъ. Эти любопытныя записки находились въ рукахъ покойнаго Александра Ивановича Тургенева и нѣсколько разъ читались въ небольшомъ обществѣ.

Въ своихъ запискахъ Винскій говоритъ, что когда арестованные съ нимъ одни были легко оштрафованы, а другіе прощены, его, какъ не имѣвшаго ни связей, ни протекцію, оставили въ крѣпости, и улучшили его положеніе въ томъ

лишь отношеніи, что перевели снизу вверхъ, изъ душнаго, темнаго каземата въ Алексѣевскій раядинъ, въ свѣтлое помѣщеніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ комнатъ. Винскій отъ нечего дѣлать смотрѣлъ и, можно сказать, изучалъ все что находилъ въ новомъ своемъ жилищѣ. Стоя у окна, онъ замѣтилъ, что на стеклѣ надарапаны алмазомъ слова: „*o mio Dio!*“ Винскій, конечно, заинтересовался этою надписью, и когда сторожъ, давно служившій при этомъ отдѣленіи, принесъ ему пищу, спросилъ его: кто прежде содержался въ этихъ комнатахъ и кто бы могъ написать на стеклѣ итальянскія слова?

— Некому другому написать этихъ словъ, отвѣчалъ сторожъ, — кромѣ барыни, которая до васъ здѣсь сидѣла. Она была привезена откуда-то издалека. Была молода, собой красавица и, должно-быть, знатнаго рода, потому что ей прислуживали и за ней ухаживали не какъ за простою арестанткой. Прислуги у ней было много, кушанье ей носили хорошее, съ комендантской кухни. Вскорѣ послѣ того какъ ее здѣсь помѣстили, призжалъ къ ней самъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій. Оставшись съ нимъ глазъ на глазъ, долго и громко она говорила съ нимъ, такъ что изъ корридора можно было слышать все отъ слова до слова. Она очень сердилась на графа, кричала, и должно-быть бранила его за что-то, даже топала ногами. О чемъ они говорили понять было нельзя, потому что барыня по-русски не умѣла, и они разговаривали на какомъ-то иностранномъ языкѣ. Графъ уѣхалъ и послѣ того болѣе не призжалъ. А ее привезли беременною, и она здѣсь родила. Что было съ ней потомъ—не знаю. Я тогда отпросился къ роднымъ, въ побывку, и когда послѣ отпуска воротился къ своему мѣсту, здѣшнее отдѣленіе было пусто. Онъ оставалось пустымъ до сихъ поръ. *

М.

* *Свердлов Пчела* 1860 г. № 53.

СЕЗОННЫЕ КОНГРЕССЫ

Парижъ, 28-го августа 1867 г.

Въ настоящее время у насъ сезонъ выставокъ: выставки матеріальныхъ продуктовъ на Марсовомъ полѣ, выставки идей и чувствъ на конгрессахъ. Подобно выставкамъ въ собственномъ смыслѣ, конгрессы обратились въ учрежденія правильныя и періодическія. Сверхъ того, они имѣютъ предъ выставками то преимущество, что организуются согласно съ экономическимъ принципомъ раздѣленія труда, на который не было обращено ни малѣйшаго вниманія при созваніи всѣхъ промышленностей земнаго шара съ ихъ продуктами на обширный базаръ Марсова поля.

Конечно, я не желаю ни въ какомъ случаѣ стать въ ряды порицателей всемірной выставки; нельзя не сознаться, что несмотря на канатныхъ плясуновъ и на китайскихъ и имыхъ фигляровъ, явившихся туда во множествѣ, она представляетъ зрѣлище величественное и интересное. Разсматривая въ *Галлерей исторіи труда* коллекцію грубыхъ орудій и инструментовъ, завѣщанныхъ намъ каменнымъ вѣкомъ, и сравнивая эти продукты первобытной промышленности нашихъ предковъ съ чудными механическими орудіями, наполняющими громадную *Галлерей машинъ*, вы невольно приходите въ изумленіе при видѣ успѣховъ, которые совершилъ человѣкъ своимъ трудомъ и (что въ особенности отличаетъ его отъ всѣхъ твореній) постепенною и безпредѣльною капитализаціей плодовъ своего умственного и матеріальнаго труда. Когда, сравнивъ такимъ образомъ продукты человеческого труда *во времени*, вы приметесь сравнивать ихъ *въ простран-*

стан, то предъ вами возникаютъ явленія въ высшей степени поучительныя. Вы поражены разнообразіемъ продуктовъ, а равно и разнообразіемъ почвы, климата и средствъ, при помощи коихъ они добываются, и вы понимаете гораздо яснѣе, чѣмъ при изученіи лучшаго политико-экономическаго трактата, что обмѣнъ произведеній есть естественный законъ, вытекающій изъ самаго устройства нашей планеты и свойствъ ея населенія; что, желая отдѣлать себя отъ подобныхъ себѣ запретительными преградами и образовать изъ себя отдѣльный міръ, народъ долженъ оскудѣть умственно и матеріально, ибо цивилизація слагается изъ непрерывнаго скопленія плодовъ умственной и нравственной дѣятельности всѣхъ народовъ, а равно и матеріальное благосостояніе имѣеть элементами своими продукты, собранные во всѣхъ поясахъ и подо всѣми широтами земнаго шара. Всемирная выставка есть урокъ политической экономіи въ дѣйствиіи, то-есть такой, который толпа понимаетъ и усвоиваетъ себѣ лучше всякихъ другихъ уроковъ.

Недѣлшимъ считаю замѣтить однако, что хотя всемірная выставка и можетъ служить полезнымъ пособіемъ при изученіи политической экономіи, но едва ли она представляетъ столько же пользы съ болѣе спеціальной точки зрѣнія—промышленнаго или технического образованія фабрикантовъ и рабочихъ. Посреди всевозможныхъ зрѣлищъ и развлеченій трудно изучить что-либо надлежащимъ образомъ. Съ этой точки зрѣнія *спеціальныя выставки* по каждой отрасли труда, хотя и менѣе привлекательныя для толпы и менѣе блестящія, были бы несравненно полезнѣе, и весьма вѣроятно, что такая спеціализація сдѣлается мало-по-малу правиломъ относительно выставокъ, и всемірныя выставки будутъ устраиваемы лишь изрѣдка въ качествѣ историческаго поученія, чтобы наглядно отмѣтить успѣхи, совершившіеся отъ одной эпохи до другой.

Эта спеціализація уже поставлена правиломъ въ области умственнаго производства. За исключеніемъ Ассоціаціи для усовершенствованія соціальныхъ наукъ, организовавшей въ родѣ всемірной выставки наукъ и человѣческихъ знаній, конгрессы подчиняются, по мѣрѣ своего размноженія, закону спеціальности. И можно присовокупить, что Ассоціація для усовершенствованія соціальныхъ наукъ нисколько не выиграла отъ своего стремленія освободиться отъ этого естественнаго

закона. Ежегодныя собранія сдѣлались сходками адвокатовъ и говорунговъ, привыкшихъ вести пренія *de omni re scibili*, и вносившихъ свои имена безъ различія въ отдѣленіе политической экономіи или изящныхъ искусствъ, въ отдѣленіе гигиены или литературы, а иногда и во всё разомъ. Серіозные люди мало-по-малу удалились отъ этой Ассоціаціи, и теперь она окончательно распадается. Въ нынѣшнемъ году, она должна была собраться въ Парижъ, и уже получила на то надлежащее разрѣшеніе, но общее собраніе, созванное по этому предмету, не одобрило такого выбора, поставляя на видъ стѣсненія, коимъ подвергается во Франціи свобода слова. Отказъ этотъ повелъ за собою удаленіе изъ общества нѣсколькихъ значительныхъ членовъ, которые не прочь были оставить его прежде, чѣмъ оно бы ихъ оставило, и вотъ почему въ нынѣшнемъ году не будетъ „всемирной выставки продуктовъ науки“. За то въ спеціальныхъ выставкахъ нѣтъ недостатка, и я намѣренъ представить въ настоящей статьѣ обзоръ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а чтобъ остаться и на практикѣ вѣрнымъ моему правилу, постараюсь по возможности не уклоняться отъ моей спеціальности.

Въ Парижѣ такихъ выставокъ общаю было до полудюжины въ одной сферѣ нравственныхъ и политическихъ наукъ, каковы напримѣръ: конгрессъ вспомогательныхъ обществъ, конгрессъ мира, статистическій конгрессъ, конгрессъ объ отмианіи невольничества. Конгрессъ вспомогательныхъ обществъ не могъ собраться, потому что администрація отказалась дать на то свое разрѣшеніе. Пересылаемый въ продолженіе двухъ недѣль отъ Иродовъ полицейской префектуры къ Пилатамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, временный президентъ, г. Горнъ, выразилъ желаніе перенести конгрессъ въ страну, гдѣ не требуется разрѣшеній, въ Бельгію. Къ сожалѣнію, тѣ, изъ кого слагается среда движенія въ пользу вспомогательныхъ обществъ, — рабочіе, не могли принять на себя издержки по переѣзду, и конгрессъ не состоится. Это весьма прискорбно, ибо члены конгресса въ пользу вспомогательныхъ обществъ, предсѣдателемъ ко-его назначался г. Горнъ, люди умѣренные, по большей части сочувствующіе политической экономіи, и собраніе ихъ послужило бы распространенію экономическихъ идей, то-есть идей порядка, свободы и мира въ массѣ парижскихъ рабочихъ, еще пропитанной социализмомъ и революціонными тея-

денціями. Правительство опасалось, повицному, чтобы пренія не зашли въ область политики, и потому запретило ихъ. Но оно не могло запретить собранія въ Лозаннѣ Международной Ассоціаціи рабочихъ, то-есть такихъ рабочихъ, которые служатъ преимущественно представителями социалистическихъ и революціонныхъ элементовъ движенія въ пользу вспомогательныхъ обществъ. Однимъ словомъ, оно запретило конгрессъ умѣренныхъ, и тѣмъ самымъ оставило безъ противодѣйствія конгрессъ *красныхъ*. Его чрезмѣрный страхъ предъ политическими преніями и даже намеками побудилъ его также отказать въ разрѣшеніи конгрессу мира, который квакеры Лондонскаго Общества мира задумали устроить въ Парижѣ. Чтò же изъ этого вышло? То, что за мысль эту схватились демократы, и что вмѣсто конгресса квакеровъ въ Парижѣ, откроется конгрессъ демократовъ въ Женевѣ. Вотъ къ чему ведутъ запрещенія! Чтò же касается до статистическаго конгресса, то онъ ограничился нѣсколькими конференціями, собиравшимися подъ предсѣдательствомъ г. Воловскаго, и не представлявшими особеннаго интереса. Иное дѣло конгрессъ, или, точнѣе сказать, „двѣ конференціи объ отмѣнѣ невольничества“, на которыхъ я присутствовалъ, и о которыхъ могу сообщить подробный отчетъ.

I. Конференціи объ отмѣнѣ невольничества.

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, во время первой всемірной выставки въ Хрустальномъ дворцѣ въ Лондонѣ, я былъ приглашенъ на вечеръ, который давалъ друзьямъ мира и отмѣны невольничества одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ общества квакеровъ, досточтимый г. Иосифъ Стѣрджъ (Sturge). Въ пригласительномъ билетѣ было сказано, что гостямъ будетъ подаваться „чай и кофе“ съ 8 часовъ вечера. Когда я отправился туда, вечеръ уже начался и представлялъ зрѣлище оригинальное и характеристическое. Стѣны комнаты были обнажены; не было ни зеркалъ на каминахъ, ни излишней мебели, стояли только диваны да стулья, обитые волосяною матеріей. Посреди главнаго салона стоялъ большой столъ, и на немъ графинъ съ водой и стаканы, а подлѣ графина сахарница, наполненная желтова-

тымъ порошкѣмъ. Вокругъ стола расположились дамы, одѣтыя въ сѣрыя шерстяныя платья, съ невообразимыми головными уборами, очень похожими на кабриодетъ съ опущеннымъ верхомъ; въ рукахъ у этихъ дамъ были шитье и вязанье, повидимому поглощавшія все ихъ вниманіе. За ними сидѣли мужчины въ черныхъ платьяхъ со стоячими воротниками, въ бѣлыхъ галстукахъ и съ широкими шляпами въ рукахъ. Отъ времени до времени, эти дамы и мужчины подходили къ столу, наливали воды въ стаканы, прибавляли туда вѣскольکو ложечекъ желтоватаго порошка и выпивали эту смѣсь. Одинъ изъ посвященныхъ объявилъ мнѣ это загадочное для меня зрѣлище. Я находился у чистокровнаго квакера, не допускавшаго у себя ни зеркалъ, ни мебели, обитой шелкомъ, ни иной какой-либо ненужной роскоши, и посреди собранія квакеровъ и квакерессъ, одежда коихъ гармонировала съ убранствомъ покоевъ ихъ хозяина. Всѣ и каждый пили изъ одного стакана въ знакъ братства; что же касается до желтаго порошка, то это былъ исландскій сахарный песокъ, продуктъ свободнаго труда, такъ какъ члены Общества Друзей дамы,—не клятву, потому что клятва у нихъ не допускается,—но обѣщаніе, равносильное въ устахъ ихъ клятвѣ, воздерживаться отъ потребления продуктовъ невольничьяго труда. Вскорѣ наступило глубочайшее молчаніе въ этомъ собраніи и безъ того не слыхкомъ шумномъ. Ораторъ - мулатъ съ фizioноміей энергической и вмѣстѣ кроткою взобрался на стулъ посреди залы и началъ свою рѣчь. Этотъ мулатъ былъ прежде невольникомъ въ южныхъ штатахъ, откуда успѣлъ убѣжать въ Канаду, гдѣ сдѣлался проповѣдникомъ. Онъ сообщилъ вѣскольکو случаевъ изъ своей прежней невольничьей жизни, разказалъ, какъ ему переломили ребро палочными ударами и проч. и проч. Мужчины слушали его въ благоговѣйномъ молчаніи, дамы продолжали вязать съ лихорадочнымъ жаромъ. Ораторъ спустился со стула при громѣ рукоплесканій. За этимъ неизвестнымъ отпущенникомъ цвѣтнаго племени, послѣдовалъ къ той же импровизованной трибунѣ одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей бѣлаго племени, Ричардъ Коблемъ. окончательно наэлектризовавшій собраніе, доказывая съ яснымъ и простымъ краснорѣчіемъ, тайной коего онъ обладалъ, связь, соединяющую свободу труда съ свободой торговли. Затѣмъ дамы сложили свое вязанье, взяли свои шали или

плащи, надѣли калоши, собраніе разошлось, и до полуночи всѣ огни уже погасли въ скромномъ жилищѣ квакера. А между тѣмъ многіе изъ членовъ этого собранія, столь скромные по наружности, были милліонеры, и большая часть этихъ дамъ, возвратившихся домой пѣшкомъ, могли бы, безъ ущерба для своего состоянія, ѣздить въ каретѣ четверней. Но таковы были нравы Общества Друзей. Со всѣмъ тѣмъ и они позволяли себѣ своего рода роскошь: когда предстояло совершить дѣло справедливости и человеколюбія, то стучаться надо было въ ихъ двери, и они отворяли ихъ всегда. Ричарду Кобдену это было хорошо извѣстно, и онъ былъ однимъ изъ усердѣйшихъ ихъ клиентовъ. Вотъ что онъ разказывалъ намъ въ видѣ примѣра: „Въ 1849 году, послѣ капитуляціи Коморна, сотни Венгерцевъ появились въ Гамбургѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію. Медлить было невозможно, ибо легко могло случиться, что имперіе Австріи будетъ ихъ и тамъ преслѣдовать. Необходимо было тотчасъ же собрать сумму, достаточную для того, чтобы отправить бѣглецовъ за море. Я взялъ кебъ, отправился къ моимъ друзьямъ-квакерамъ, и черезъ два часа собралъ 2.000 фунт. ст. Если они пренебрегаютъ матеріальною роскошью, за то не лишаютъ себя нравственной роскоши добрыхъ дѣлъ: ихъ содѣйствіе и деньги шли въ ходъ при началѣ всѣхъ агитацій въ пользу реформы злоупотребленій и варварства стариннаго порядка вещей, реформы религіозной, реформы тюремной, реформы обученія, реформы торговой, въ особенности же, съ XVIII вѣка, они были двигателями агитаціи въ пользу отчѣныя невольничества.“

Тѣхъ же самыхъ квакеровъ, встрѣченныхъ мною шестнадцать лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ, я нашель снова въ Парижѣ въ сообществѣ ихъ единомышленниковъ всѣхъ религій, націй и цвѣтовъ. Съ перваго взгляда я съ трудомъ узналъ ихъ: правда, передо мною были тѣ же полныя достоинства, честныя и простодушныя лица, но одежда была уже иная. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые нововводители, неслыханная смѣлость коихъ производила тогда соблазнъ, вступили въ борьбу съ первобытною суровостью. Они поставили зеркала къ себѣ на каминъ, и жены ихъ стали заказывать платья у французскихъ модистокъ. Нынѣ нововводители восторжествовали. Ничто уже не отличаетъ квакеровъ и квакерессъ отъ прочихъ смертныхъ, кромѣ вы-

раженія доброты и кроткаго благодушія, на которыя мода у нихъ еще, благодаря Бога, не прошла.

„Конференціи объ отмѣнѣ невольничества“ были организованы по инициативѣ англійскаго Общества, при содѣйствіи Обществъ американскаго, испанскаго и французскаго. Онѣ происходили въ красивой залѣ піаниста Герца, въ улицѣ Побѣды, въ понедѣльникъ, 26-го, и во вторникъ, 27-го августа. Бюро составляли: г. Лабуле, знаменитый профессоръ Collège de France, президентъ; князь Альбертъ де Брольи, г. Огюсть Кошень, члены института, вице-президенты; г. Куперъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ двигателей этой реформы въ Англии; знаменитый американскій abolitionистъ, В. Ллойдъ Гарриссонъ; великодушный чистокровный негръ изъ Гаити, генераль Саломонъ; бывшій министръ той же страны, мулатъ, генераль Дюбуа; г. Олосага, знаменитый испанскій ораторъ, и г. Шамеровцовъ, Русскій по происхожденію, двадцать лѣтъ уже исполняющій должность секретаря въ British and foreign antislavery Society. Для присутствованія на конгрессѣ прибыли уполномоченные и миссіонеры изъ Америки и Африки, а равно уполномоченные изъ Вестъ-Индіи, Ямайки, изъ Сьерра-Леоне и республики Либеріи, бѣлые, черные или мулаты, и нѣсколько бывшихъ невольниковъ изъ южныхъ штатовъ. Дамъ было множество и между ними нѣсколько щегольски одѣтыхъ мулатокъ, слѣдившихъ съ жаднымъ вниманіемъ за словами ораторовъ, краснорѣчіе коихъ было для нихъ какъ бы возмездіемъ за то презрѣніе, которымъ уручаль ихъ предразсудокъ цвѣта кожи.

Первое засѣданіе было открыто краткою рѣчью г. Лабуле, воздавшего хвалу памяти основателя Общества, досточтимого Іосифа Стърджа, и заявившаго, что дѣло объ отмѣнѣ невольничества собрало воедино людей всѣхъ мнѣній, но преимущественно либераловъ, „потому что трудно, присовокупилъ онъ, требовать свободы негровъ, не интересуясь вмѣстѣ съ тѣмъ и свободой бѣлыхъ“. За тѣмъ онъ весьма благоразумно пригласилъ ораторовъ избѣгать политическихъ намековъ, и передалъ право рѣчи г. Кошену, оратору искусному и многорѣчивому, католику партіи Монталамбера. Г. Кошень замѣтилъ сначала, что приверженцы невольничества защищали свое дѣло подъ тремя предлогами, но что опытъ обнаружилъ несостоятельность этихъ предлоговъ. Они утверждали: 1) что невольничество необходимо для за-

селенія обширныхъ южныхъ странъ Новаго Свѣта, но невольничество не увеличиваетъ населенія, а уменьшаетъ его: такъ въ Бразиліи въ 1818 году считалось два милліона невольниковъ; въ 1845 году число ихъ уменьшилось до 1.700.000, а въ настоящую минуту ихъ уже не болѣе 1.400.000. 2) Утверждали, будто невольничество содѣйствуетъ развитію богатства, но достаточно бросить взглядъ на всемірную выставку, чтобъ убѣдиться, что богатство возникаетъ преимущественно въ странахъ свободныхъ. Въ Бразиліи богатство увеличилось по мѣрѣ того, какъ уменьшилось число невольниковъ. Въ 1818 году, когда страна эта имѣла два милліона невольниковъ, отпускъ не превышалъ 50 милліоновъ фр., нынѣ же, когда ихъ число уменьшилось до 1.400.000, отпускъ превышаетъ 250 милліоновъ. 3) Утверждали наконецъ, что невольничество было необходимо для распространенія цивилизаціи, нравственности и религіи между низшимъ племенемъ, но опытъ доказалъ, что оно повело только къ водворенію разврата въ высшемъ классѣ. Впрочемъ дѣло освобожденія идетъ впередъ исполнскими шагами. Невольничество удержали у себя только три христіанскія страны, Бразилія, Португалія и Испанія, и двѣ мусульманскія страны, болѣе или менѣе принадлежація къ цивилизованному міру—Турція и Египетъ. Въ Бразиліи вопросъ объ отмѣнѣ невольничества стоитъ на очереди. 22-го минувшаго іюля былъ представленъ государственному совѣту проектъ о совершеніи этой отмѣны постепенно въ теченіе 30 лѣтъ, начиная освобожденіемъ коронныхъ невольниковъ. Торговля невольниками также видимо уменьшается. Въ настоящее время она имѣетъ три главные пути: 1) съ западнаго берега Африки къ Бразиліи и Кубѣ, 2) съ восточнаго берега къ Аравіи и Персіи, 3) изъ внутренности материка, и преимущественно изъ области Верхняго Нила къ Египту и Турціи. Благодаря крейсерамъ, содержимымъ Англіей и Франціей на западномъ берегу, торговля неграми значительно уменьшилась въ этихъ полосахъ; за то она еще очень дѣятельна въ другихъ направленіяхъ. Впрочемъ, несмотря на запрещенія, невозможно надѣяться на прекращеніе торговли неграми до тѣхъ поръ, пока не будетъ отмѣнено невольничество. Какъ ни строги законы объ охотѣ, браконьерство будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ выгодный сбытъ для дичи: до тѣхъ поръ, пока негръ будетъ выгоднымъ товаромъ, будутъ существовать и

ведуция торговлю неграми суда. И такъ для уничтоженія торговли неграми, нужно отмѣнить невольничество. Что же касается до способовъ, какъ поступать при этомъ, ораторъ держится того мнѣнія, что отсрочка дѣла принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, и въ доказательство привелъ то обстоятельство, что англійскія колоніи Антигоа и Барбадосъ, отказавшіяся отъ переходнаго состоянія, менѣе всего пострадали отъ отмѣны невольничества. Впрочемъ ошибочно было бы предполагать, что невольничество возможно отмѣнить безъ пожертвованій. „Слишкомъ много было бы удобствъ, воскликнулъ г. Кошенъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ собранія, еслибы довольно было отказаться отъ ошибки, чтобы уничтожить всѣ ея послѣдствія, то-есть избѣжать зла, которое поражаетъ по самой природѣ своей каждая несправедливость“. По окончаніи этой рѣчи, президентъ прочелъ резолюціи, предложенныя собранію. Резолюціи эти, кратко поддержанныя г. Горномъ, утверждены были всѣмъ собраніемъ, не исключая и дамъ, которымъ президентъ очень любезно замѣтилъ, что онѣ достаточно содѣйствовали дѣлу отмѣны невольничества (еслибы даже содѣйствіе это ограничилось изданіемъ романа, написаннаго женщиной: *Хижина дяди Тома*), чтобы пріобрѣсти право на подачу голоса.* Остальная часть этого перваго засѣданія

* Приводимъ самый текстъ принятыхъ резолюцій:

„Международное собраніе англійскаго, французскаго, испанскаго и американскаго обществъ въ пользу отмѣны невольничества обращается снова съ убѣдительнымъ воззваніемъ къ справедливости монарховъ и къ мнѣнію народовъ, имѣя въ виду окончательное и немедленное уничтоженіе торговли неграми и невольничества, отмѣненныхъ уже въ Англіи, Франціи, Швеціи, Дании, Голландіи, въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ Мексикѣ, въ республикахъ средней и южной Америки, въ Тунисѣ, но еще не уничтоженныхъ въ Испаніи, Бразиліи, Португаліи, Турціи и Египтѣ, не говоря о нецивилизованныхъ странахъ.

„Не повторяя великихъ причинъ, по коимъ невольничество и торговля неграми предосудительны предъ Богомъ и предъ людьми, собраніе настаиваетъ на положительныхъ результатахъ, добытыхъ опытомъ. Доказано, и всемірная выставка блистательно подтверждаетъ эту истину, что одинъ только свободный трудъ производитъ чудеса, и что цѣлая бездна отдѣляетъ продукты народовъ трудящихся отъ продуктовъ народовъ заставляющихъ другихъ трудиться. Доказано, что рабство, основанное на необходимости заселять

нiя была занята рѣчами, относившимися спеціально къ нынѣшнему положенію невольничества и торговли неграми. Одинъ молодой путешественникъ, Англичанинъ, Горасъ Уоллеръ, удостоившійся чести быть спутникомъ знаменитаго и злополучнаго Ливингстона, указалъ на картѣ Африки дороги, которыми слѣдуютъ невольники, отправляемые изъ внутренности материка къ восточному берегу, и поставилъ на видъ страшныя страданія и огромную смертность, сопровождающія это печальное шествіе. На 100.000 невольниковъ, выходящихъ изъ внутреннихъ странъ, едва 20.000 достигаютъ берега. Не краснорѣчивы ли такія цифры? Молодой лейтенантъ французскаго флота, г. Марсѣ, проникнувшій въ Суданъ до Томбукту, сообщилъ не менѣе интересныя подроб-

колоніи, не послужило къ ихъ заселенію, а напротивъ того, повело къ ихъ обезлюденію и гибельной смертности. Доказано, что рабство, основанное подъ предлогомъ обращенія и цивилизаціи низшихъ племенъ, и доставленія высшимъ племенамъ возможности посвятить себя работамъ управленія и умственному труду, неминуемо ведетъ къ тому, что невольники томятся въ невѣжествѣ, а власти-тели ихъ предаются дѣлу и разврату; вмѣстѣ съ тѣмъ правосудіе искажается, администрація становится подкупною, духовенство—достойнымъ презрѣнія, и такимъ образомъ невольничество ведетъ къ постыдному униженію обоихъ племенъ.

Доказано, что невольничество, основанное на желаніи увеличить богатство, усилить предпріимчивость, духъ экономіи и прогресса, дѣлаетъ колоніи неспособными къ конкуренціи съ свободными странами, увеличиваетъ ихъ долги, такъ что владѣльцы людей едва ли могутъ назваться владѣльцами и еще рѣже могутъ быть администраторами своихъ имуществъ, предоставленныхъ гипотекамъ, управителямъ и кредиторамъ. Доказано, что невольничій трудъ обходится очень дорого; что свободная эмиграція неохотнѣ и медленно устремляется въ тѣ страны, гдѣ существуетъ рабство; что кредитъ не можетъ распространиться въ нихъ, потому что бѣгство и возмущеніе невольниковъ все болѣе и болѣе грозятъ имъ распаденіемъ, и что такимъ образомъ разрушается довольство, основанное на несправедливости. Известно, что невольничество, на которое смотрятъ какъ на переходъ къ свободѣ, напротивъ того, совершенно отрицаетъ ее; что блага предусмотрительности и самоуправленія, которыхъ требуетъ свобода, исключаются и уничтожаются рабствомъ, такъ что главное затрудненіе при эманципаціи происходитъ отъ привычекъ, приобретенныхъ, вслѣдствіе невольничества, властителями и рабами. Доказано, что поумѣры не приносятъ никакой пользы; что системы ученичества (*apprentis-*

ности о невольничествѣ и о торговлѣ неграми въ этой части Африки. Охота за неграми есть главное занятіе мелкихъ владѣтелей, раздѣляющихъ между собою эту обширную страну. *Плѣнники* служатъ даже монетною единицей, какъ товаръ, наиболѣе требуемый. Считаютъ плѣнниками, полу-плѣнниками, четверть-плѣнниками. Впрочемъ цѣнность плѣнника не очень высока: она колеблется между 60 и 80 франками. Вообще во время непрерывныхъ набѣговъ, которые дѣлаютъ эти мелкіе владѣтели (съ арміями, въ которыхъ и солдаты невольники!), считается правиломъ убивать взрослыхъ мужчинъ, оставляя въ живыхъ только женщинъ и дѣтей. Оратору случилось неоднократно встрѣчать цѣлые караваны этихъ несчастныхъ, связанныхъ между собою посредствомъ длиннаго ше-

sage), освобожденія дѣтей, отерочиваніе эманципаціи подвергали опасности собственности, семейство и общественный порядокъ; что онѣ только ослабляли узмы, а не уничтожали ихъ и не замѣняли ничѣмъ инымъ; что онѣ возбуждали нетерпѣніе, безпокойство, подорваніе, и что единственнымъ средствомъ для обезпеченія интересовъ всегда была немедленная окончательная и радикальная эманципація, удовлетворявшая требованіямъ справедливости и примирявшая племена.

Доказано, что хотя въ англійскихъ, французскихъ, шведскихъ, датскихъ и голландскихъ колоніяхъ эманципаціи предшествовало продолжительное тревожное состояніе, хотя ей препятствовала, въ матеріальномъ отношеніи, все возрастающая конкуренція между произведеніями Европы и произведеніями невольничьихъ странъ, хотя принятыя въ пользу ея мѣры были недостаточны, и прежніе владѣтели встрѣтили ее съ отращеніемъ, однако она далеко не повела за собою тѣхъ бѣдствій, какихъ отъ нея ожидали. Доказано уже, что эманципація неудачна была вездѣ, гдѣ прежніе владѣтели не могли или не сумѣли преобразовать трудъ и платитъ за него достаточное жалованье, гдѣ правительства не принимали мѣръ какъ въ пользу просвѣщенія и религіи, такъ и противъ бродяжничества; что она имѣла полный успѣхъ тамъ, гдѣ прежнія отношенія были хороши, владѣтели благоразумны и энергичны, правительства предусмотрительны, гдѣ собственность, семейство, просвѣщеніе и религія вновь освобожденныхъ были обезпечены. Доказано, что хотя эманципація въ Соединенныхъ Штатахъ, провозглашенная среди разгрома войны, совершилась и не безъ страданій, но не вызвала никакого безпорядка, что трудъ возрастаетъ тамъ быстрее, чѣмъ можно было ожидать, и что прежніе невольники оказываются людьми вполне и искренно преданными религіи, просвѣщенію и порядку, и понимающими свое новое положеніе.

ста, отъ котораго шли ремни обвивавшіе имъ шею; и такимъ образомъ они принуждены проходить огромныя пространства въ 500 или въ 600 миль, переходами по 10-ти, 12-ти и даже по 18-ти миль въ сутки, при температурѣ отъ 35 до 40°; понятно, что большая часть ихъ умираетъ дорогой, такъ что изъ 60 едва ли 10 переживаютъ эту страшную усталость и варварское обращеніе. Лейтенантъ Маре присовокупилъ нѣсколько подробностей о преобразованіяхъ, которымъ подвергнуто было невольничество во французскихъ колоніяхъ въ Сенегалѣ, прежде еще чѣмъ отмена рабства постановлена была въ 1848 году. Она измѣнилась съ согласія самихъ владѣльцевъ въ нѣкотораго рода крѣпостное состояніе: владѣльцы дали часть земли въ обработку своимъ

„Доказано, что уничтоженіе торговли невольниками вовлекаетъ государство въ жертвованія, а флоты ихъ въ опасныя предпріятія, которыя, конечно, не остаются безъ результатовъ, но и не увѣчаются никогда полнымъ успѣхомъ, пока будетъ существовать невольничество. Доказано, что всякая попытка къ распространенію цивилизаціи въ европейскихъ колоніяхъ на берегахъ Африки и во внутренности этого материка совершенно невозможна, благодаря охотѣ за невольниками и тѣмъ выгодамъ, которыя мелкіе владѣтели получаютъ отъ продажи людей, вмѣсто того чтобы продавать богатства земли, то-есть произведенія труда. Доказано, что всѣ системы обязательствъ и иммиграціи,—хотя бы основанныя съ лучшими намѣреніями и подчиненныя надзору, часто даже сопряженному съ опасностями, но никогда не достигающему цѣли,—могутъ повести лишь къ новому торгу невольниками.

„Таковы факты, которые международное собраніе, послѣ продолжительныхъ и внимательныхъ изсѣдованій, произведенныхъ во всѣхъ странахъ и опирающихся на самыя разнообразныя доказательства, повергаетъ на разсмотрѣніе государей и на судъ народовъ.

„Между прочимъ собраніе это поручаетъ комитетамъ англійскому, французскому, испанскому и американскому повторить, отъ его имени, государямъ Бразиліи, Испаніи, Португаліи, Турціи и Египта, его самыя убѣдительныя и энергическія просьбы о немедленномъ и совершенномъ уничтоженіи невольничества и торга неграми. Оно также поручаетъ имъ отвѣстись исключаительно къ намъ съ почтительнымъ письмомъ, чтобы, по примѣру Піа II, Павла III, Урбана VIII, Бенедикта XIV и Григорія XVI, онъ возвысилъ свой голосъ въ защиту несчастныхъ невольниковъ, которыхъ католическія державы покупаютъ, продаютъ, держатъ подъ своею властью и, подобно языческимъ и магометанскимъ народамъ, еще не освобождаютъ по простетвіи 1800 лѣтъ по Рождествѣ Христовѣ.“

прежнимъ невольникамъ, предоставивъ себѣ только часть жатвы. При этомъ порядкѣ, между владѣльцами и невольниками установились отношенія покровительства и обоюдной привязанности; ораторъ представилъ тому много интересныхъ примѣровъ, и между прочимъ привелъ исторію одного негоціанта, сенегальскаго землевладѣльца, который обанкрутился, и его крѣпостные сложились, чтобъ уплатить его долги и возстановить его торговля дѣла. Добротой сердца едва ли кто превосходитъ негра; за то онъ имѣетъ привычку обращаться съ своею женой, какъ съ рабой, а не какъ съ подругой. Пусть она будетъ свободна по имени, но тѣмъ не менѣе она останется на дѣлѣ рабой, подчиненною самымъ тяжкимъ работамъ и самому суровому обращенію. Лейтенантъ Маре приписываетъ многоженству такое унижительное положеніе женщины и тяжкое рабство, ее удручающее. Но развѣ нельзя указать посреди самыхъ образованныхъ европейскихъ націй крестьянъ-одноженцевъ, не говоря уже о горожанахъ, которые обращаются съ своими женами не лучше, чѣмъ эти негры-многоженцы? По мнѣнію г. Маре, единственнымъ средствомъ противъ золь, изображенныхъ имъ такъ поразительно, можетъ служить система колонизаціи внутренней Африки, которая мало-по-малу водворила бы тамъ знанія и учрежденія образованной Европы. Послѣ г. Маре произнесъ рѣчь г. Ноксъ, англиканскій священникъ, приписывающій дѣятельность, обнаруживаемую въ послѣднее время торговлей неграми на восточномъ берегу Африки, неблагоприятному трактату, заключенному съ владѣтелемъ острова Занзибара, маסקатскимъ иманомъ, трактату, на основаніи коего транспорты невольниковъ не могутъ быть останавливаемы на два градуса къ югу отъ острова Сокоторы. За г. Ноксомъ, говорилъ епископъ-мулатъ, уполномоченный отъ южной Карлины, г. Пайнъ, поставившій преимущественно на видъ ревность, съ которою негръ стремится къ образованію, и признательность, питаемую имъ за благо просвѣщенія; потомъ собраніе выслушало г. Берасу, главнаго редактора мадридской *Gazeta economista*, и одного изъ главныхъ членовъ большаго кружка мужественныхъ писателей, которые, наперекоръ реакціи, поддержали знамя политической экономіи въ этой злополучной странѣ. Г. Бераса заявилъ, что хотя испанское правительство не дѣлало серіозныхъ усилій для отиѣны невольничества и торговли неграми, но обществен-

ное мнѣніе высказывается въ этомъ смыслѣ, и владѣльцы невольничьихъ колоній вполне понимаютъ, что нынѣшній порядокъ вещей не можетъ долго продолжаться. На островѣ Кубѣ, проектъ, составленный самими колонистами, полагалъ тринадцатилѣтній срокъ для разрѣшенія задачи эманципаціи; на Порторико, колонисты высказались въ пользу немедленнаго освобожденія. Впрочемъ, Куба и Порторико лежатъ слишкомъ близко къ Соединеннымъ Штатамъ, чтобы невольничество могло удержаться тамъ, когда оно уже отмѣнено въ южныхъ штатахъ. Президентъ дополнилъ объясненія г. Берасы, о положеніи вопроса о невольничествѣ въ южныхъ колоніяхъ, сообщеніемъ собранію интереснаго замѣчанія г. Олосаги, что въ испанскихъ колоніяхъ дѣло освобожденія идетъ совершенно иначе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ: отмѣны невольничества требуютъ сами колонисты, между тѣмъ какъ правительство колеблется и отвѣчаетъ на ихъ требованія отказомъ.

Второе засѣданіе (во вторникъ, 27-го августа) было не менѣе интересно, чѣмъ первое. Оно открылось дѣльною рѣчью г. Лабуле, который крупными чертами, но ясно и вѣрно, набросалъ исторію невольничества и усилій къ его уничтоженію. Негры-невольники, сказалъ онъ, были въ Испаніи еще въ эпоху открытія Америки. Нѣкоторые изъ нихъ были туда отправлены своими владѣльцами или сопровождали ихъ, а такъ какъ они тамъ доставляли болѣе выгоды, чѣмъ въ метрополи, то и задумано было увеличить ихъ число. Вслѣдствіе этого, Карлъ V далъ фламандскимъ купцамъ разрѣшеніе привозить негровъ въ Америку, и эта торговля, поощряемая, покровительствуемая, одаренная привилегіями, въ скоромъ времени пріобрѣла обширное развитіе. Реакція совершилась медленно. Инициативу ея приняли на себя квакеры въ Англіи, философы и преимущественно Монтескье во Франціи. Неизвѣстный писатель, Бенезетъ, явился въ это время защитникомъ дѣла негровъ; его книга о Гвинее произвела въ Англіи сильное впечатлѣніе на Томаса Кларксона и побудила его посвятить всю свою жизнь дѣлу отмѣны торговли неграми и невольничества. Къ Томасу Кларксону присоединился Вильберфорсъ, который принялъ на себя обязанность представить это дѣло англійскому парламенту, и который, послѣ двадцатилѣтней агитаціи (отъ 1787—1807),

добилась запрещенія торговли неграми. Но мѣра эта была недостаточна, и необходимо было продолжать начатое дѣло и потребовать отмѣны невольничества. Сэръ-Фовелль Вокстонъ принялъ это на себя въ 1823 году, и 11 лѣтъ спустя, въ 1834 году, настойчивость его увѣнчалась успѣхомъ въ парламентѣ. Но за невольничествомъ послѣдовало переходное состояніе, отличавшееся отъ него только именемъ: исчислено было, напримѣръ, что въ Ямаикѣ 50.000 негровъ въ одинъ годъ получили въ сложности 250.000 ударовъ бича. Самуилъ Гурней взялся хлопотать вмѣстѣ съ Иосифомъ Стюрджемъ и другими членами Общества Друзей о сокращеніи періода переходнаго состоянія, и успѣлъ въ этомъ 28-го мая 1838 года. Во Франціи, благодаря дѣятельному вліянію герцога де-Брольи, стараго бойца за это дѣло, правительство приняло въ 1833 году дѣятельныя мѣры для уничтоженія торговли неграми, а въ 1848 году, при министерствѣ Араго, и по инициативѣ писателя аболіціониста г. Виктора Шельхера, сохранившаго во власти (явленіе весьма рѣдкое) свои убѣжденія писателя и твердое желаніе привести ихъ въ исполненіе, невольничество было отмѣнено во французскихъ колоніяхъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, агитация, устрояемая интересами, связанными съ невольничьимъ трудомъ, долгое время не имѣла силы. Инициативу ея принялъ на себя г. Вилліамъ Ллойдъ Гаррисонъ, присутствующій на конференціяхъ и котораго имя привѣтствуется громкими рукоплесканіями. Въ срединѣ 1828 года онъ основалъ журналъ *Освободитель*. Вокругъ него сгруппировались: Вендель Филиппсъ, краснорѣчивый ораторъ, знаменитый Чаннингъ, Горасъ Мэнъ, Чарльзъ Сомеръ, Т. Паркеръ; — мужественная фаланга, пропаганда коей увѣнчалась успѣхомъ, болѣе быстрымъ, чѣмъ они могли того ожидать. Но недостаточно освободить невольниковъ, необходимо сдѣлать ихъ способными пользоваться во благо своею свободой, при помощи образованія. Это поняли какъ нельзя лучше американскіе аболіціонисты, которые стараются достигнуть этой цѣли съ ревностью и постоянствомъ, характеризующими ихъ энергическую націю. Женщины играютъ великую роль въ этой второй и существенной части предпріятого подвига. Нѣкоторыя изъ нихъ, подъ руководствомъ Лукреціи Мотъ, отправились на югъ, гдѣ и посвятили себя съ изумительнымъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ воспита-

нiю чернаго племени и облегченiю его страданiй. Добытые уже результаты, изложенныя въ интересной брошюрѣ, которая раздана собранiю, * свидѣтельствуютъ, какую силу имѣетъ пропаганда благаго дѣла.

Какъ только г. Лабуде занялъ снова свое президентское кресло, которое временно занималъ князь де-Брольи, какъ раздался громъ рукоплесканiй, привѣтствовавшiй появленiе самого героя американской эманципаци, г. Вильяма Ллойда Гарриссона, высокаго, худоцаваго старика, съ лицомъ умнымъ и энергическимъ. Г. Ллойдъ Гарриссонъ прочелъ по-англiйски рѣчь, нѣсколько длинную для французской части собранiя, но тѣмъ не менѣе выслушанную съ благоговѣйнымъ вниманiемъ. Это былъ историческiй очеркъ вопроса объ освобожденiи невольниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Г. Ллойдъ Гарриссонъ отнюдь не ораторъ, слово его звучитъ вяло и однообразно, но тѣмъ не менѣе оно произвело неописанное впечатлѣнiе на цвѣтную часть собранiя. Рядомъ со мною сидѣла мулатка, съ нѣмымъ восторгомъ созерцавшая основателя *Освободителя*. Въ видѣ иллюстрацiи къ рѣчи г. Ллойда Гарриссона приподнялся одинъ бывший невольникъ, и сообщилъ собранiю въ энергическихъ и живописныхъ выраженiяхъ, хотя и ломанымъ англiйскимъ языкомъ, свою жизнь и страданiя въ ту пору, когда процвѣтало *домашнее учрежденiе* южныхъ штатовъ. За этимъ, только что освобожденнымъ невольникомъ, посадивомаъ князь де-Брольи, членъ французской академiи, лицо улыбающееся, даже слишкомъ улыбающееся, ораторъ изящный, хотя нѣсколько напыщенный и многословный; онъ припомнилъ съ гордостью, совершенно впрочемъ законною, заслуги, оказанныя дѣлу освобожденiя его знаменитымъ отцомъ герцогомъ де-Брольи, и затѣмъ говорилъ о необходимости довершить это великое дѣло сообщенiемъ негру способности къ самоуправленiю,—что дѣйствительно необходимо, и о чемъ, должно признаться, недостаточно заботились аболиционисты.

Многочисленные уполномоченные Ямайки, Сиерра-Леоне, Гаити, а также англiйскихъ и американскихъ обществъ освобожденiя, заняли остатоки этого втораго засѣданiя, продол-

* *The Results of Emancipation in the United States of America, by a Committee of the American freedman's Union Commissions.*

жавшагося до пяти часовъ. Генераль Дюбуа, мулатъ, уполномоченный Гаити, бывший министр юстиціи и представитель своей страны въ Англии и во Франціи, пытался, не безъ искусства, и съ краснорѣчіемъ одушевленнымъ, но нѣскольکو напыщеннымъ и многословнымъ, возстановить репутацію своихъ соотечественниковъ, которая отчасти пострадала въ общественномъ мнѣніи Европы, вслѣдствіе рѣзни 1793 года, а позже вслѣдствіе великихъ подвиговъ Сулука. По утверженію генерала Дюбуа, сенъ-домингскія убійства были вызваны самими колонистами, отказавшимся подчиниться декретамъ конвента, предписавшаго освобожденіе негровъ. Островъ покрылся тогда кровью и развалинами, и весьма естественно, что возстановленіе его благосостоянія совершилось медленно. Съ другой стороны, въ послѣдствіи пришлось вознаграждать владѣльцевъ, и новому государству предстояло выплачивать по этому предмету тяжкій долгъ. Гаити вынесъ однако всѣ эти испытанія: въ настоящее время онъ составляетъ государство съ населеніемъ въ миллионъ душъ, которое пользуется правильно устроеннымъ правительствомъ, правосудіемъ, народнымъ обученіемъ, и гдѣ безопасность на столько гарантирована, что бѣлый можетъ обѣхать весь островъ, не рискуя встрѣтить ни малѣйшаго безпокойства; напротивъ того, онъ найдетъ повсюду самое радушное гостепріимство. Итакъ, племя негровъ доказало, что оно способно къ самоуправленію и цивилизаціи. Упомянемъ также о рѣчи священника Мартена, мулата, бывшаго нѣкогда невольникомъ на югѣ, и болѣе десяти разъ проданнаго и купленнаго, который буквально наэлектризовалъ собраніе своимъ пламеннымъ и живописнымъ краснорѣчіемъ. Наконецъ, утверждены были дополнительныя резолюціи, сначала для выраженія благодарности французскому правительству, разрѣшившему собраніе этихъ конференцій, затѣмъ для выраженія благодарности бюро собранія и въ особенности президенту его, г. Лабуде, и, наконецъ, для принесенія поздравленія двигателямъ эманципаціи четырехъ миллионновъ невольниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ и 23-хъ миллионновъ крѣпостныхъ въ Россіи. Затѣмъ собраніе разошлось посреди восторженныхъ кликовъ и безчисленныхъ рукопожатій.

II. Конгрессъ Международной Ассоціаціи рабочихъ въ Лозаннѣ.

Веве, 8-го сентября 1867 г.

Пишу среди самой живописной мѣстности живописнаго Женевского озера, куда стекаются всѣ европейскіе туристы, и гдѣ Россія имѣетъ множество представителей. Такъ, напримеръ, Веве, малелькій городокъ, съ населеніемъ въ пять-шесть тысячъ душъ, имѣетъ русскую церковь, рядомъ съ католическою и со множествомъ протестантскихъ. И дѣйствительно, какая очаровательная страна! На швейцарской сторонѣ озера, уступами идутъ безчисленныя виноградники, въ изобиліи доставляющіе кислотоватое вино, которое вовсе не вывозится, но которому мѣстные потребители не даютъ состариться. Посреди виноградниковъ, группы домовъ или одинокія хижины (*chalets*), окруженныя деревьями на берегахъ озера и отражающіяся въ его голубыхъ водахъ, гостиницы или пансіоны, окруженныя садами; насупротивъ суровыя горы Савойи и Валлиза, причудливыя очертанія коихъ рисуются на небѣ, одаренномъ необыкновенною прозрачностью. Погода стоитъ великолѣпная, и несмотря на нѣсколько случаевъ холеры въ Цюрихскомъ кантонѣ, Швейцарія наполнена иностранцами. Всѣ гостиницы переполнены ими, а между тѣмъ тамъ устроено множество сезонныхъ гостиницъ и ежедневно выстраиваются новыя. Чтѣ прикажете дѣлать? Съ тѣхъ поръ, какъ желѣзныя дороги сблизили Швейцарію со всѣми европейскими странами, съ тѣхъ поръ, какъ она сама перекрестила себя во всѣхъ направленіяхъ желѣзными дорогами, несмотря на естественныя затрудненія почвы, она сдѣлалась не только любимымъ мѣстопробываніемъ богатыхъ классовъ, но даже людей средняго класса и рабочихъ. Число ея посѣтителей утроилось или учетверилось въ послѣднія десять лѣтъ, и въ скоромъ времени должно удесяттериться. А между тѣмъ, я помню время, когда желѣзныя дороги въ Швейцаріи встрѣчали сильную оппозицію. Тогда утверждали, что онѣ не только разорятъ многочисленныхъ владѣльцевъ дилижансовъ и *chairs de côté* (колесница, почти столь же удобная, какъ и русская *перекладная*, а это не шутка!), но даже

и содержателей гостиницъ, ибо въ то время увѣряли, что когда Швейцарію можно будетъ проѣхать въ нѣсколько часовъ, то въ ней не будутъ останавливаться; къ тому же сосѣдство толпы будетъ беспокоить богатыхъ путешественниковъ, которые отправятся въ другія мѣста издерживать свои рубли и гинеи. Тѣмъ не менѣе желѣзныя дороги были выстроены, и каждый день строятся новыя гостиницы, что, мимоходомъ сказать, доказываетъ, что путешественники, прѣзжающіе по нимъ, отнюдь не расположены усвоить себѣ экономическую, но не совсѣмъ комфортабельную привычку останавливаться подъ открытымъ небомъ.

Я сказалъ выше, что даже рабочіе начинаютъ посѣщать Швейцарію. Правда, они собираются не за тѣмъ чтобы мирно наслаждаться величественными и спокойными прелестями природы, но за тѣмъ, чтобы производить социалистическую агитацію. Въ прошедшемъ году конгрессъ Международной Ассоціаціи рабочихъ собирався въ Женевѣ. Въ нынѣшнемъ году та же Ассоціація созвала своихъ членовъ въ Лозаннѣ. Я радъ былъ случаю побывать на этомъ собраніи, чтобы составить инвентарь чувствъ, страстей и мыслей, господствующихъ между тѣми, которые, справедливо или нѣтъ, называютъ себя представителями рабочихъ классовъ; болѣе всего мнѣ любопытно было узнать, принесъ ли имъ какую-нибудь пользу опытъ 1848 года, и можно ли примѣнять къ нимъ то, что говорилось о Бурбонахъ старшей линіи, что „они ничего не забыли и ничему не научились“, и вотъ почему, несмотря на всѣ соблазны, представляемые озеромъ и горами, я прилежно посѣщалъ засѣданія конгресса Международной Ассоціаціи рабочихъ.

Но вы спросите меня можетъ-быть, что это за Международная Ассоціація рабочихъ и какую цѣль она имѣетъ въ виду? Международная Ассоціація рабочихъ основана была въ Лондонѣ, года два тому назадъ, по наружности для доставленія возможности рабочимъ всѣхъ странъ сблизиться между собою и для поощренія развитія вспомогательныхъ обществъ, но въ дѣйствительности для достиженія цѣли гораздо болѣе непосредственной и практической. Вотъ въ чемъ дѣло. Вамъ извѣстно, что англійскіе рабочіе, организовавшіеся въ Trades Union, выдерживаютъ противъ своихъ хозяевъ, посредствомъ стачекъ и забастовокъ, колоссальную борьбу, имѣ-

ющую своимъ предметомъ воспрепятствовать уменьшенію заработной платы или добиться ея увеличенія. Одинъ изъ англійскихъ ораторовъ Лозанскаго конгресса вычислилъ, что въ настоящее время Trades Unions имѣютъ въ своихъ кассахъ не менѣе трехъ милліоновъ фун. ст., которыми они пользуются для поддержанія своихъ стачекъ и забастовокъ. Какъ только провозглашается стачка, то фабрики объявляются подъ запрещеніемъ, и всѣ рабочіе, участвующие въ Union, обязуются не переступить за ихъ порогъ, пока требованія ихъ не будутъ выполнены. Что касается до тѣхъ, которые не участвуютъ въ Union, то ихъ приглашаютъ воздержаться отъ работы, а иногда,—что доказывается прискорбными событіями въ Шеффилдѣ,—ихъ побуждаютъ къ тому угрозами и даже убійствами. Безъ сомнѣнія, этого нельзя назвать общимъ правиломъ, и уполномоченные Trades Union,—надо отдать имъ справедливость,—протестовали противъ шеффилдскихъ убійствъ, но борьба „между капиталомъ и трудомъ“ ведется съ меньшимъ жаромъ и ожесточеніемъ, и съ обѣихъ сторонъ приносятся для поддержки ея огромныя жертвы. Trades Union помогаютъ другъ другу денежными ссудами. Что касается до хозяевъ, то они дѣлаютъ большія пожертванія, чтобы добыть себѣ рабочихъ, не принадлежащихъ къ Trades Unions, и если имъ не удастся отыскать таковыхъ дома, то они отправляются за ними на материкъ, особенно въ Бельгію и Германію, гдѣ трудъ гораздо дешевле, чѣмъ въ Англии. Благодаря этому запасу труда, привозимому изъ-за границы, они въ состояніи были неоднократно предписывать свои законы мѣстнымъ рабочимъ и обращать въ ничто пожертванія, которыя налагали на себя Trades Unions для поддержанія своихъ стачекъ или забастовокъ. Чтѣ же сдѣлали тогда англійскіе рабочіе? Они задумали распространить свои общества даже на материкъ, чтобы воспрепятствовать заграничнымъ рабочимъ являться на конкуренцію съ ними въ Англию. Такова была непосредственная практическая цѣль основанія Международной Ассоціаціи рабочихъ. Вывѣска, какъ видите, съ претензіей на космополитизмъ, но содержаніе чисто протекціонное, ибо дѣло идетъ о воспрепятствованіи по возможности привоза иностраннаго труда, въ видахъ поддержанія и искусственнаго

повышенія цѣны на туземный трудъ. Безъ сомнѣнія, все это прискорбно, но я прибавлю, въ видѣ утѣшенія, что жаловаться на такое положеніе вещей промышленники не имѣютъ ни малѣйшаго права. Не сами ли они подали въ этомъ отношеніи дурной примѣръ рабочимъ? Рабочіе желаютъ искусственно повысить заработную плату, препятствуя привозу иностраннаго труда, но не повысили ли промышленники сами искусственно своихъ барышей, потребовавъ запрещеніе иностранныхъ продуктовъ? Не они ли сами своимъ прискорбнымъ примѣромъ распространили между рабочими духъ монополіи? Они сдѣлали еще хуже: они успѣли, употребляя во зло свое положеніе и вліяніе въ государствѣ, принудить правительство сдѣлаться ихъ орудіемъ, къ великому ущербу для финансовъ; они воспользовались таможей, чтобы воспрепятствовать привозу иностранныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ рабочіе отнюдь не предъявляютъ такихъ непомѣрныхъ требованій. И дѣйствительно, рабочіе не требуютъ у правительства запрещенія привозить иностранныхъ рабочихъ (хотя въ строгомъ смыслѣ они могли бы потребовать этого, по примѣру промышленниковъ) и довольствуются только попытками отратить иностранныхъ рабочихъ отъ прибытія къ нимъ на конкуренцію, помимо всякаго правительственнаго вмѣшательства.

Вы видите, что поведеніе ихъ нельзя порицать безусловно, въ присутствіи габельныхъ прецедентовъ, на которые они могутъ ссылаться, благодаря протекціонизму; но тѣмъ не менѣе поведеніе это находится въ явномъ противорѣчій съ ихъ вывѣской, провозглашающею ихъ дѣло гуманитарнымъ и международнымъ.

Какъ бы то ни было, второй конгрессъ Ассоціаціи созванъ былъ въ Лозаннѣ отъ понедѣльника, 3-го сентября, до субботы, 7-го. Уполномоченные центрального бюро въ Лондонѣ и союзныхъ ассоціацій Франціи, Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и Италіи, въ числѣ 60 человекъ, собрались на это свиданіе. Лозаннскія общества рабочихъ, съ распущенными знаменами и флагами, встрѣтили ихъ на станціи желѣзной дороги и проводили въ залу казино, приготовленную для заведенія конгресса. Въ глубинѣ залы, могущей вмѣщать до 300 человекъ, возвышалась эстрада для бюро. За этою эстрадою, стѣна была покрыта густою драпировкой изъ алжирской ткани, на которой развѣвался красный флагъ съ сим-

волицескимъ треугольникомъ, циркулемъ и съ сѣдущею надписью вокругъ: *Нѣтъ обязанностей безъ правъ, нѣтъ правъ безъ обязанностей.* На боковыхъ стѣнахъ красовались другіе треугольники, циркули, перевитые мхомъ и зеленью; налѣво пирамида рабочихъ инструментовъ: пилъ, гребковъ, молотковъ, рубанковъ, буравовъ и проч., устроенная однимъ изъ швейцарскихъ промышленниковъ; предъ вѣтрадой подмостки съ пирамидой земледѣльческихъ орудій, заступовъ, лопатъ, кирокъ, искусно переплетенныхъ зелеными вѣтвями. Уполномоченные занимали особое помѣщеніе, подъ трибуной. Публика была допускаема бесплатно въ остальную часть залы, но она была очень не многочисленна. По временамъ присутствовало не болѣе десятка слушателей, иногда, очень рѣдко впрочемъ, ихъ набиралось до 150.

Предсѣдателемъ конгресса былъ Французъ, бриллианщикъ, проживающій въ Лондонѣ, г. Дюпонъ, или, говоря точнѣе, гражданинъ Дюпонъ, ибо названіе *господинъ*, какъ принадлежащее высшимъ и среднимъ классамъ, было запрещено при вступленіи на конгрессъ и замѣнено демократическимъ и социальнымъ названіемъ *гражданинъ*. Всѣ называли другъ друга гражданами, по примѣру 1848 года, и иногда ораторъ, не привыкшій къ такому нововведенію, начиналъ рѣчь свою такимъ образомъ: „Господа, то-есть, я хочу сказать: граждане!“ Рядомъ съ гражданиномъ Дюпономъ возсѣдали: президентъ-Англичанинъ, гражданинъ Эккаріусъ, и президентъ-Нѣмецъ, гражданинъ Беккеръ, и затѣмъ нѣсколько секретарей. Несмотря на свой демократическій тонъ, собраніе рабочихъ очень походило на собраніе буржуазіи; въ немъ замѣтно было не болѣе двухъ-трехъ блузъ. Дѣло въ томъ, что между уполномоченными были рабочіе-адвокаты, рабочіе-врачи, рабочіе-банкиры и даже одинъ рабочій-капиталистъ, какъ въ 1848 году, когда рабочіе были въ модѣ въ Парижѣ и когда провозглашена была кандидатура одного рабочаго-члена *государственнаго совета*. Присутствіе этихъ рабочихъ-буржуа возбудило, правда, нѣсколько возраженій, но что было дѣлать? Они избраны были правильно обществами рабочихъ, и въ прошедшемъ году требованіе объ исключеніи всѣхъ буржуа изъ собранія, заявленное нѣсколькими крайниками, было отвергнуто, по предложенію англійскихъ уполномоченныхъ, людей гораздо болѣе практическихъ и разсуд-

тельныхъ, чѣмъ ихъ собратія Французы, Бельгійцы и Нѣмцы.

Подробный отчетъ о занятіяхъ конгресса былъ бы слишкомъ утомителенъ. Я ограничусь указаніемъ существенныхъ вопросовъ, которые обсуживались на немъ, и духа, въ которомъ производились пренія. Конгрессу предстояли три разряда занятій: 1) отчеты о положеніи Ассоціаціи и ея отдѣленій (*Sociétés affiliées*); 2) импровизованныя предложенія различнаго рода; 3) программа вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію, а если возможно, то и разрѣшенію.

Первыя засѣданія заняты были разсмотрѣніемъ отчетовъ. Ассоціація развилась и распространила свои отдѣленія на материкъ; успѣхи ея были однако не слишкомъ быстры. Элементы, входящіе въ составъ ея, весьма разнородны (что мы увидимъ ниже), вслѣдствіе чего въ самой средѣ ея происходили несогласія; но въ особенности она терпитъ недостатокъ въ деньгахъ. Центральныи комитетъ, пребывающій въ Лондонѣ, успѣвалъ собрать на общія издержки Ассоціаціи только скудную сумму въ 63 фунт. стерл., а мѣстные комитеты, учрежденныя на материкѣ, собрали еще менѣе. Въ прошломъ году было постановлено, чтобы всѣ общества рабочихъ, которыя присоединятся къ Ассоціаціи, уплачивали взносъ въ 30 сантимовъ на каждаго изъ своихъ членовъ; большая часть ихъ не заблагоуразудила представить положенную сумму. На этотъ счетъ одинъ англійскій уполномоченный не безъ юмора замѣтилъ, что руки очень легко поднимаются надъ головою, когда рѣчь идетъ объ утвержденіи всевозможныхъ резолюцій, но если потребуется опустить ихъ въ уровень съ карманомъ, то такое движеніе становится крайне затруднительнымъ. Отъ того-то множество проектовъ осталось безъ исполненія, за неимѣніемъ капитала: такъ, напримѣръ, предполагалось устроить *Бюллетень статистики труда*, идея котораго была, безъ сомнѣнія, превосходна. Дѣло шло о томъ, чтобы собирать по возможности самыя полныя свѣдѣнія о цѣнахъ на трудъ и о движеніи предложенія и спроса на руки въ разныхъ мѣстностяхъ, и регулярно сообщать о нихъ. Но капитала нѣтъ, и *Бюллетень статистики труда* все еще остается въ предположеніи. Это печальное положеніе кассы бросило меланхолическій оттѣнокъ на собраніе и повело къ устрасенію *ab irato* лѣваго предложенія одного лозаннскаго

фотографа, предлагавшаго снять фотографію конгресса по уменьшенной цѣнѣ. Въ прошедшемъ году Женевскій конгрессъ заплатилъ 350 фр. за снятую съ него фотографію, въ выѣздномъ году Лозаннскій конгрессъ, въ видахъ экономіи, обошелся безъ фотографіи. Вопросъ о средствахъ пополненія кассы былъ предметомъ одушевленныхъ преній, и весьма благоразумно рѣшено было уменьшить цифру взноса. Впредь положено довольствоваться 10 сантимами съ члена всѣмъ ежегодно: цифра, конечно, весьма умеренная, но и она можетъ доставить еще значительныя средства, если будетъ уплачиваема аккуратно, ибо существуютъ, и особенно въ Англіи, отдѣленія Ассоціаціи, считающія членовъ своихъ тысячами. До тѣхъ поръ, пока не обнаружится, можно ли надѣяться на аккуратность взносовъ, издержки будутъ ограничены, и изданіе *Бюллетеня* отложится, а для публикацій Ассоціаціи будутъ довольствоваться доброю волею журналистовъ, ей сочувствующихъ.

Послѣ отчетовъ, послѣдовали предложенія, увѣ! большею частью принятыя весьма неблагопріятно. Первое, представленное коммунистическою и атеистическою фракціей собранія, произвело самое прискорбное впечатлѣніе на набожный городъ Лозанну и отвратило симпатію, которую могъ бы встрѣтить въ немъ конгрессъ. Вотъ въ чемъ было дѣло. Принимая уполномоченныхъ отъ имени лозаннскихъ обществъ рабочихъ, президентъ одного изъ этихъ обществъ, г. Авіола, счелъ своею обязанностью „призвать благословіе Провидѣнія на занятія конгресса“. Нѣкоторые изъ нигилистовъ конгресса пришли въ негодованіе отъ этой рѣчи и протестовали противъ вмѣшательства Провидѣнія въ ихъ занятія. Такъ какъ они кричали очень громко, то предложеніе ихъ было принято, хотя имъ и замѣтили, что на основаніи самого принципа свободы совѣсти, на который они ссылаются, ихъ собратія Швейцарцы имѣютъ полное право призывать благословіе Провидѣнія. Другое предложеніе: Одивъ ораторъ обратилъ вниманіе собранія на приговоръ одного изъ лондонскихъ трибуналовъ, которымъ постановлено было, что нѣтъ поводовъ къ преслѣдованію виновниковъ въ воровствѣ, совершенномъ въ ущербъ кассы одного изъ Trades Union. „Значитъ, сказалъ въ заключеніе ораторъ, по мнѣнію трибуналовъ, принадлежащихъ къ классу капиталистовъ, кража сбереженій рабочаго не есть кра-

жа. Я предлагаю конгрессу, присовокупилъ онъ, объявить, что такой приговоръ есть гнусное дѣло.“ Предложеніе это повело за собою продолжительныя пренія. Одинъ нѣмецкій коммунистъ объявлялъ, что приговоръ этотъ висколько его не удивляетъ; что буржуазія желала извѣстить рабочихъ чрезъ посредство своихъ трибуналовъ, что имъ нечего ждать безопасности для ихъ сбереженій, и что, вслѣдствіе этого, они лучше всего сдѣлаютъ, если будутъ издерживать свои деньги въ шинкахъ и въ домахъ разврата. Одинъ англійскій ораторъ, болѣе умѣренный, воспротивился предложенію, говоря весьма справедливо, что трибуналъ, постановляя свое рѣшеніе, ограничился выполненіемъ закона, и что его не за что порицать, что прежде нужно переимѣнить законъ, и что рабочіе, успѣвшіе приобрести, благодаря избирательной реформѣ, политическое вліяніе, котораго они прежде не имѣли, будутъ дѣйствовать въ парламентѣ въ этомъ смыслѣ. Вслѣдствіе этого, означенное предложеніе и было отвергнуто. Дѣло въ томъ, что Trades Unions въ Англии не утверждены закономъ, изъ чего слѣдуетъ, что кража, учиненная въ ущербъ имъ, то-есть въ ущербъ общества, не существующаго въ глазахъ закона, не можетъ сдѣлаться предметомъ преслѣдованія. Происшествіе это, какъ видите, вовсе не имѣетъ той важности, какую ему придали неистовые ораторы конгресса, и я даже сомнѣваюсь, чтобы, при нынѣшнемъ положеніи англійскаго законодательства, Trades Unions не могли приобрести законное существованіе, если они подчинятся условіямъ гласности, которыя предписаны закономъ объ обществахъ. Третье предложеніе: Одинъ марсельскій уполномоченный заявляетъ о конкуренціи, которую ніемонтскіе рабочіе дѣлаютъ рабочимъ города Марсели и его окрестностей, и требуетъ, чтобы принято было предложеніе, приглашающее ихъ оставаться у себя дома. Другой ораторъ поддерживаетъ это предложеніе, утверждая, что французская работа принадлежитъ французскимъ рабочимъ, и что отнимать у нихъ часть ея значитъ посягать на ихъ собственность. Ассоціація, носящая названіе „Международной Ассоціаціи рабочихъ“, принимаетъ эту теорію протекціонизма, утверждая вышесказанное предложеніе, что отнюдь не мѣшаетъ большей части ея ораторовъ громко похваляться, что они космополиты.

Но оставимъ въ сторонѣ „предложенія“ и займемся про-

граммой вопросовъ, рассмотрѣннѣе коихъ заняло большую часть засѣданій конгресса, послѣ того какъ они подвергнуты были первоначальной обработкѣ въ средѣ специальныхъ комиссій. Вопросы эти представлены были въ числѣ девяти и, какъ увидите, были такъ обширны и сложны, что могли бы занять конгрессъ ученыхъ въ продолженіе шести лѣтъ, а нашъ международный конгрессъ рабочихъ могъ посвятить имъ только шесть дней. Представляю перечень этихъ вопросовъ:

1) Какія практическія средства сдѣлать Международную Ассоціацію общимъ центромъ дѣйствія для класса рабочихъ въ борьбѣ, выдерживаемой имъ противъ капитала?

2) Какимъ образомъ рабоче классы могутъ воспользоваться для своей эманципации кредитомъ, который они доставляютъ буржуазіи и правительствамъ? Кредитъ и народные банки. Монета и бумажныя деньги. Взаимное застрахованіе и общества рабочихъ.

3) Не могутъ ли усилія, предпринимаемыя нынѣ ассоціаціями для освобожденія четвертаго сословія (рабочаго класса), имѣть результатомъ образованіе пятаго класса, положеніе котораго будетъ еще бѣдственнѣе? Взаимность и обоюдность, какъ основаніе социальныхъ отношеній. Равнобръность должностей. Солидарность.

4) Трудъ и капиталъ. Застой работы. Машинны и ихъ дѣйствіе. Уменьшеніе рабочихъ часовъ. Раздѣленіе труда. Преобразование и уничтоженіе салиаріата. Распределеніе продуктовъ.

5) Соціальныя должности. Роль мужчины и женщины. Воспитаніе дѣтей. Интегральное преподаваніе. Свобода обученія. Фенографія.

6) Определеніе роли государства. Общественныя услуги. Перевозка и обращеніе. Интересы коллективныя и индивидуальныя. Государство, какъ судья и охранитель контрактовъ. Право наказанія.

7) Лишеніе политическихъ вольностей не есть ли препятствіе къ социальному освобожденію рабочихъ и одна изъ причинъ социальныхъ волненій и застоя въ работѣ? Какія средства къ ускоренію возстановленія политическихъ вольностей? Не заключаются ли они въ требованіи всѣми рабочими безграничнаго права собранія и безграничной свободы печати?

8) Коллективный адресъ, имѣющій быть посланнымъ конгрессу мира отъ конгресса рабочихъ, собравшихся въ Лондонѣ.

9) Мѣстопробываніе общаго совѣта. Будущій конгрессъ.

Вы видите, что въ этихъ вопросахъ заключается все на свѣтѣ: политическая экономія, нравственность, политика,

юриспруденція и даже грамматика! И все это предстояло изучить, изслѣдовать и рѣшить въ теченіе шести дней! Вотъ какимъ образомъ это колоссальное дѣло должно было быть приведено къ концу. Назначена была специальная коммиссія для изслѣдованія каждаго вопроса. По обсужденіи и объясненіи его, коммиссія выбирала докладчика для представленія отчета о ея трудѣ, который собраніе должно было обсудить снова и постановить резолюцію. Къ этому не мѣшаетъ присовокупить, что коммиссіи состояли изъ Англичанъ не понимающихъ по-нѣмецки, изъ Нѣмцевъ не понимающихъ по-англійски, изъ Французовъ не понимающихъ ни по-англійски, ни по-нѣмецки; наконецъ, что въ общемъ собраніи нужно было переводить на нѣмецкій языкъ (къ счастью, небольшое число Англичанъ, присутствовавшихъ на конгрессѣ, не требовало того же для себя, а равно и Италиявцы) доклады, изложенные вообще по-французски, и вы составите себѣ понятіе о тягостномъ дѣлѣ, совершить которое приняло на себя это международное собраніе „безъ помощи Провидѣнія“. Поистинѣ, опытъ не замедлил ему доказать истину пословицы: „*Qui trop embrasse, mal étreint*“*, и собраніе устранило бѣольшую часть вопросовъ этой громадной программы, по выслушаніи однако докладовъ, къ нимъ относившихся.

Такъ, между прочимъ, оно ограничилось выслушаніемъ доклада, весьма оригинальнаго и составленнаго очень остроумно, о преобразованіи французскаго правописанія посредствомъ фонографіи, на основаніи системы лозаннскаго профессора Рау. Авторъ доклада, одинъ швейцарскій ораторъ, разбираетъ образованіе письма и письменнаго языка. Началось дѣло воспроизведеніемъ самыхъ предметовъ посредствомъ рисунка: рисовали, напримѣръ, лошадь или домъ для обозначенія лошади или дома; потомъ, когда слышкомъ очевидно оказалась недостаточность этого первобытнаго письма, то придумали посредствомъ знаковъ воспроизводить слова, служившія представителями предметовъ, но скоро оказалась необходимость сократить по возможности число этихъ знаковъ. Тогда замѣчено было, что слова разлагались на слоги, изъ коихъ большое число было имъ общее, и что слоги въ

* Пословица, которую можно передать: „За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь“.

свою очередь могли разлагаться на буквы, и такимъ образомъ сокращено было число знаковъ, потребныхъ для письма. Но во многихъ языкахъ, особенно во французскомъ, сохранилась запутанность, которая до крайности затрудняетъ изученіе языка, а именно привычка употреблять то одну букву или одинъ слогъ, то другую букву или другой слогъ для выраженія того же самаго звука. Такъ, напримѣръ, звукъ *o* выражается не только гласною буквою *o*, но соединеніемъ трехъ гласныхъ, изъ коихъ каждая имѣетъ различный звукъ, какъ напримѣръ *e, a, u*, что страшно запутываетъ и орфографію, и изученіе языка. Итакъ слѣдуетъ принять фонетическое письмо, то-есть писать какъ говорятъ. Теорія очень соблазнительна; но, къ несчастію, у дверей залы казино продавался фонографическій альманахъ, напечатанный по правиламъ новой орфографіи, который легко могъ испугать самыхъ смѣлыхъ нововводителей. Заглавіе его: *Almana fonographique pour 1867 publié par le comité fonographique de la Suisse*, съ слѣдующимъ эпиграфомъ, заимствованнымъ у *Andrié de l'Académie française*: „Il é d'un bon esprit de désiré la reforme de l'orthographe française; il é d'un bon gramérien é même, d'un bon sitouaen de s'ocupé de sète reforme“. Конгрессъ былъ на столько благоразуменъ, что отклонилъ отъ себя рѣшеніе по дѣлу о правописаніи (конечно, многіе изъ его членовъ имѣли особыя причины быть скромными въ этомъ отношеніи) и ограничился выраженіемъ желанія въ пользу упрощенія орфографіи. Вообще вопросы относительно преподаванія были обсуждаемы весьма прилично, ибо Швейцарцы, которыхъ много было въ собраніи, толковали о дѣлѣ хорошо знакомомъ. Свобода обученія и слѣдствіе ея, свобода всѣхъ профессій, были краснорѣчиво и остроумно защищаемы врачомъ-рабочимъ изъ Шо-де-фона, докторомъ Куллери, который требовалъ даже свободы медицины, какъ она существуетъ уже *de jure* во многихъ штатахъ Американскаго Союза и *de facto* въ Англіи. При системѣ дипломовъ, сказалъ онъ, дающихъ врачу гарантію государства, отвѣтственность прекращается, тогда какъ если вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, ученость и искусство котораго не гарантированы государствомъ, вы можете подвергнуть его отвѣтственности за зло, которое онъ могъ сдѣлать, продавая свое невѣжество подъ фирмой знанія. Можно потребовать вознагражденія отъ хирурга, изувѣчившаго своего пациента,

отъ аптекаря, отпущившаго ядъ вмѣсто лѣкарства, и такая карательная система была бы, конечно, дѣйствительнѣе гарантіи, доставляемой дипломомъ. Докторъ Куллери могъ бы присовокупить, что дипломы, безъ сомнѣнія, будутъ выдаваться даже и въ томъ случаѣ, когда они перестанутъ быть обязательными, ибо человекъ, успѣвшій приобрести познанія, всегда будетъ радъ имѣть средство заявить, что онъ приобрѣлъ ихъ. Мнѣніе доктора Куллери было принято благопріятно собраніемъ, выразившимъ также живѣйшее сочувствіе свободѣ преподаванія. Правда, оно утвердило потомъ резолюцію, діаметрально противоположную, объявивъ себя въ пользу дароваго и обязательнаго обученія; оно пыталось только смягчить это противорѣчіе, объявивъ, что даровое обученіе допускается лишь въ случаѣ доказанной неспособности къ труду отца семейства; безмездность обученія, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ ораторовъ, есть бессмыслица, ибо правительство по необходимости беретъ въ видѣ налога то, что оно даетъ, какъ будто даромъ. Оно также имѣло благоразуміе отклонить отъ себя обязанность, которую нѣкоторые изъ членовъ задумали возложить на него, а именно составленіе „программы“ интегральнаго преподаванія и наконецъ „кодекса нравственности“. При этомъ происходили горячія пренія, и партіи рѣзко обозначились: съ одной стороны, коммунисты и атеисты, съ другой, рабочіе съ направленіемъ экономическимъ и религіознымъ. Докладчикъ Швейцарецъ, по имени Куанде (Coindet), адвокатъ-рабочій, если не ошибаюсь, утверждалъ въ своемъ докладѣ по вопросу о преподаваніи, что три величайшіе источника нравственности суть: исторія, психологія и Евангеліе. Тотъ же Куанде энергически возставалъ въ своемъ докладѣ противъ „лже-философовъ и лже-ученыхъ, которые отвращаются отъ святаго имени Божія“. При этомъ поднялся страшный шумъ въ станѣ атеистовъ. Одинъ женеvскій ораторъ, гражданинъ Перронъ, объявилъ, что въ Священномъ Писаніи существуютъ мѣста, заслуживающія порицанія, и приводилъ въ подтвержденіе факты, заимствованные изъ Ветхаго Завѣта, — выходка особенно неумѣстная въ странѣ, гдѣ каждый путешественникъ, оставаvливающийся въ гостиницѣ, находитъ у себя въ комнатѣ экземпляръ Библии. Тотъ же гражданинъ Перронъ потребовалъ составленія кодекса нравственности для отцовъ

сѣмства, разорвавшихъ всѣ узы съ религіозными вѣрованіями. Ему замѣтили, что такое дѣло не по силамъ конгрессу рабочихъ, а набожные Лозанцы, бывшіе въ числѣ слушателей, были рѣшительно скандализованы такою неприличною выходкой. Гражданинъ Перронъ извинился, говоря, что онъ имѣлъ въ виду только побудить къ составленію кодекса нравственности, но наконецъ проблескъ здраваго смысла озарилъ собраніе, и оно отвергло предложеніе; гражданина Перрона, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданина Куанде смягчить ту часть его доклада, гдѣ говорилось о же-фиософахъ и же-ученыхъ. Затѣмъ начались интересныя пренія о роли, принадлежащей женщинѣ въ обществѣ и въ промышленности. Собраніе огромнымъ большинствомъ постановило, что мѣсто женщины — въ ея домашнемъ хозяйствѣ, {и отвергао мысль объ эманципации женщины, какъ то предлагали нѣкоторые гуманитарные *синіе чулки*. Молодой докладчикъ Бельгеецъ, гражданинъ Денепъ, очень деликатно } анализировалъ нравственныя и умственныя различія, отдѣляющія мужчину отъ женщины, предоставляя первому область промышленности, а второй—воспитаніе первой юности. „Роль женщины, сказалъ онъ, отнюдь не ниже роли мужчины: если полезно создавать произведенія, то не менѣе полезно создавать производителей.“ Во всякомъ случаѣ можно было возразить, что и сдѣлали нѣкоторые члены собранія, противъ безусловнаго исключенія женщины изъ области промышленности. Существуютъ промышленныя занятія, къ которымъ она особенно способна, и не полезно ли будетъ, чтобъ она, въ случаѣ нужды, могла прокормиться своимъ трудомъ и составить себѣ независимое положеніе?

Проблескъ здраваго смысла, о которомъ я упоминалъ сейчасъ, не часто проявлялся при обсужденіи прочихъ частей программы. По вопросу о кредитѣ, докладчикъ комиссіи, г. Лонге (Longuet), ученикъ Прудона, выразилъ мнѣніе, что кредитъ, а равно и средства перевозки, должны быть причислены къ общественнымъ услугамъ и предоставлены государству. Это не значитъ, чтобъ онъ желалъ обратить государство въ банкира *omnibus*, или заставить его самого урывать желѣзными дорогами и каналами. Нѣтъ: государство должно имѣть главный надзоръ за этими различными отраслями общественныхъ услугъ и не позволять частнымъ лицамъ вѣшпиваться въ нихъ, но оно не должно само

эксплуатировать ихъ, а должно поручать управленіе ими ассоціямъ рабочихъ, которыя будутъ доставлять по своей цѣнѣ, на счетъ государства, орудія кредита и средства сообщенія. Докладчикъ выражаетъ также мнѣніе, что разработка рудниковъ должна считаться общественною услугою и быть предоставлена государству. Явленіе очень куріозное: эти разнузданные нововводители сходятся на этомъ пунктѣ съ консерваторами-рутинистами, которые, подобно имъ, желаютъ, чтобы государство, экономическія и финансовыя возможности коего такъ ясно опредѣлены опытомъ, приняло на себя обязанность разработки рудниковъ и производство банкирскихъ дѣлъ! Впрочемъ не въ первый уже разъ рутиня и утопія подаютъ другъ другу руку.

Мнѣнія относительно кредита, а равно относительно значенія и круга дѣйствія государства, вызвали самое интересное преніе конгресса, грозившее, впрочемъ, сдѣлаться опаснымъ, такъ какъ могло съ одной стороны внести разладъ между рабочими-экономистами и коммунистами, а съ другой испугать массу публики и тѣмъ самымъ задержать развитие Ассоціаціи. Я разумѣю очень живое преніе объ основномъ вопросѣ собственности. „Если вы находите полезнымъ, говорилъ г-ну Лонге одинъ изъ логиковъ собранія, чтобы государство, или масса общества, владѣло желѣзными дорогами, рудниками и проч., почему же вы не находите также и даже болѣе полезнымъ, чтобы оно владѣло почвой и эксплуатировало ее, подобно желѣзнымъ дорогамъ и рудникамъ, отпуская по собственной цѣнѣ продукты, необходимыя для существованія человѣка?“ Противъ этого заключенія, основаннаго на весьма логическомъ выводѣ, г. Лонге не нашелъ много возраженія, кромѣ соображеній чисто политическихъ: „Съ точки зрѣнія сохраненія индивидуальной свободы, полезно, чтобы былъ многочисленный классъ крестьянъ-собственниковъ, которые сами разрабатываютъ землю. Безъ сомнѣнія, должно принимать строгія мѣры, чтобы они дѣйствительно разрабатывали ее сами, чтобы не отдавали ее на откупъ промышленникамъ, или не оставляли ее впускъ; необходимо также отнять у собственника, для передачи массѣ гражданъ, всего, что въ произведеніи почвы представляетъ ренту земли; однимъ словомъ, нужно *обрѣзать когти у собственности*, но необходимо сохранить {мелкихъ собственниковъ, иначе вліяніе массы приобрѣтетъ слишкомъ

большой перевѣсъ, и индивидуальная свобода будетъ подавлена.“ При этомъ поднялся страшный шумъ въ группѣ *квадратныхъ головъ*,— такъ прозвали Нѣмцевъ ихъ собратія Французы. Внимательные Нѣмцы заставили объяснить себѣ прудоновскую теорію г. Лонге, и многіе изъ нихъ заговорили объ этомъ предметѣ съ какимъ-то особымъ одушевленіемъ. Въ оправданіе достойныхъ ораторовъ не забудемъ, что пренія доходили до нихъ въ неточномъ и сокращенномъ переводѣ, и что многія разсужденія, интересныя исключительно для Французовъ, каково, напримѣръ, разсужденіе о французскомъ правописаніи, легко могли разстроить ихъ нервы. Всѣ согласно утверждали, что французская революція ничего не поняла въ дѣлѣ собственности, что раздробляя почву, конфискованную ею у дворянства и духовенства, она создала множество крестьянъ, повергнутыхъ по необходимости въ нищету, какъ потому что они не могутъ употреблять наиболѣе усовершенствованныя машины для воздѣлыванія земли, такъ и потому что они предоставлены на произволъ капиталистамъ. Въ заключеніе Нѣмцы объявили, что земля, по существу своему, есть коллективная собственность націи, и одинъ изъ нихъ пригласилъ англійскую націю припомнить объ этомъ въ тотъ день, когда она произведетъ социальную революцію и конфискуетъ владѣнія своей аристократіи и своего духовенства, по примѣру революціи 1789 г. Словомъ, Нѣмцы—коммунисты и ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ различія между собственностью индивидуальной и коллективною, которое затрудняетъ Французовъ. Швейцарскій ораторъ, г. Куллери, обнаружившій истинное краснорѣчіе, старался защитить собственность, и преимущественно поземельную, отъ нападокъ французскихъ полу-коммунистовъ и нѣмецкихъ коммунистовъ. „Земля, сказалъ онъ, есть такое же орудіе какъ плугъ и заступъ, какъ всякій иной рабочій инструментъ. Если вы конфискуете ее въ пользу государства, вы должны также конфисковать все что называется машиной и орудіемъ. Какъ же будутъ размножаться эти орудія, служація человѣку для освобожденія его отъ подчиненности матеріи, если государство присвоитъ себѣ ихъ монополію? Всякій прогрессъ остановится, и съ тѣмъ вмѣстѣ исчезнетъ всякая независимость, всякая индивидуальная свобода, ибо независимость и свобода мыслимы безъ собственности. Значить, идеалъ вашъ турецкая

система, на основаніи коей вся земля принадлежитъ султану! Избави насъ Богъ отъ достиженія такого идеала!“ За этимъ энергическимъ протестомъ, пренія продолжались, но наступилъ вечеръ субботы, и въ минуту разлуки собраніе менѣе чѣмъ когда-либо расположено было къ соглашенію. Рѣшено было отложить это злополучное обсужденіе вопроса о собственности до будущаго года; рѣшено было также отложить до того же времени опредѣленіе роли и круга дѣйствій государства, ибо, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ ораторовъ, роль государства измѣняется, смотря по тому, какое рѣшеніе дается вопросу о собственности: если все должно принадлежать массѣ населенія, то государство должно быть всѣмъ; если торжествуетъ индивидуальная или свободно слагающаяся собственность, то роль государства уменьшается и становится менѣе замѣтною.

Предъ закрытіемъ засѣданій, конгрессъ выразилъ свое сочувствіе Конгрессу мира, имѣвшему открыться въ Женевѣ, замѣтивъ однако, что миръ тогда только установится прочно, когда общество будетъ переустроено. Предложеніе объ отправкѣ депутаціи къ Гарибальди, котораго какъ-то странно поставить въ число провозвѣстниковъ идеи всеобщаго мира, было отвергнуто. „Ассоціація, сказалъ президентъ, воплощающая собою демократическую и соціальную гордость, не менѣе, конечно, широкую, какъ гордость аристократическая, Ассоціація, поставившая себѣ цѣлю возрожденіе общества и представляющая интересы рабочихъ классовъ, не можетъ отправляться съ визитомъ къ отдѣльному лицу, какъ бы оно велико ни было. Пусть Гарибальди придетъ къ намъ, и мы его примемъ, но наше достоинство не позволяетъ намъ идти къ нему.“ Наконецъ, собраніе рѣшило, что будущій конгрессъ соберется въ Брюсселѣ, несмотря на громкіе протесты „квадратныхъ головъ“, требовавшихъ назначенія какого-либо нѣмецкаго города, какъ, напримѣръ, Цюриха, гдѣ нѣмецкій языкъ, въ свою очередь, явился бы господствующимъ на конгрессѣ, гдѣ, другими словами, французскіе ораторы могли бы въ свою очередь испытать удовольствие слушать пренія, отрывками переводимыя для нихъ съ нѣмецкаго языка на французскій. Но этого возмездія не успѣли добиться „квадратныя головы“, и Брюсселю отдано было предпочтеніе вслѣдствіе его топографическаго положенія.

Вообще, Лозаннскій конгрессъ доказываетъ, что за исключеніемъ меньшинства, начавшаго изучать политическую экономію и извлекать нѣкоторую пользу изъ этого изученія, бѣльшая часть рабочихъ сохранила заблужденія социализма и коммунизма въ соединеніи съ грубымъ атеизмомъ. При настоящихъ обстоятельствахъ эти анти-экономическія и анти-соціальныя доктрины не представляютъ большой опасности, но не окажется ли иное, если разразится новый 1848 годъ? Не придется ли намъ перейти по тѣмъ же испытаніямъ, по которымъ мы уже проходили, и эти испытанія не будутъ ли еще тяжелѣе? Настоятельно необходимо заняться воспитаніемъ массы народа, и въ особенности сообщить ему нѣкоторыя экономическія свѣдѣнія, которыя одни только и могутъ его предохранить отъ коммунистическихъ бредней. Собранія, подобныя Лозаннскому, представляютъ въ этомъ отношеніи предостереженія, которыми правительства и высшіе классы не должны пренебрегать. Къ несчастію, правительства сами любятъ давать предостереженія, но принимаютъ ихъ не охотно, и можно опасаться, что они не обратятъ вниманія на „знаменія времени“, заключающіяся въ Лозаннскомъ конгрессѣ, хотя эти знаменія готовятъ намъ на будущее время скорѣе бурю, чѣмъ ясную погоду.

Сейчасъ отправляюсь въ Женеву, куда сегодня вечеромъ прибудетъ Гарибальди и гдѣ завтра послѣдуетъ открытіе Конгресса мира подѣ покровительствомъ, по истинѣ оригинальнымъ и страннымъ, „человѣка красной рубашки“.

III. Конгрессъ мира.

Женева, 9-го сентября 1867 г.

Вчера, въ три часа, въ ту минуту, когда я входилъ на станцію желѣзной дороги въ Веве, чтобъ отправиться въ Женеву, шумныя восклицанія раздались около станціи. Восклицанія эти относились къ генералу Гарибальди, прибывшему этимъ утромъ въ Швейцарію, чтобы присутствовать на Конгрессѣ мира. Генералъ, сопровождаемый многочисленною депутаціей Конгресса, находился въ вагонѣ, съ окнами украшенными красною драпировкой, который компания предоставила въ его рас-

поряженіе. Фотографическіе портреты его, извѣстные повсюду, вѣрно воспроизвели его черты: лицо нѣсколько продолговатое, бѣлый цвѣтъ кожи, голубые глаза, черты тонкія, лобъ открытый, борода и волосы бѣлокурые съ просѣдью; вообще наружность сѣвернаго человѣка, въ которой нѣтъ ничего италіянскаго, съ выраженіемъ кротости и энергіи. Гарибальди малъ ростомъ, и по выходѣ его изъ вагона, всякій могъ замѣтить, что онъ ходитъ съ трудомъ, опираясь на трость и волоча ногу, равную при Аспромонте. На немъ надѣтъ былъ традиціонный костюмъ: красная рубашка съ позолоченными пуговицами, съ часовой цѣпочкой на груди, свѣтлосѣрыя панталоны съ кожанымъ поясомъ и сверху всего сѣрое съ черными полосами *пончо*, вывезенное изъ Южной Америки. Трудно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ народъ тѣснился повсюду, чтобы взглянуть на него и его привѣтствовать. При каждой остановкѣ поѣзда, толпы мушкетеровъ, женщинъ и дѣтей карабкались на его вагонъ, стараясь коснуться его рукъ или одежды. Въ Лозаннѣ около 1.500 человѣкъ встрѣтили его громомъ рукоплесканій, мушкетеры махали шляпами, женщины платками; въ Моржѣ музыкальныя общества со знаменами во главѣ огласили воздухъ *гарибальдійскимъ* гимномъ, въ другихъ мѣстахъ стрѣляли изъ пушекъ. Но приемъ, сдѣланный ему въ Женевѣ, превосходить все, что можно себѣ вообразить. Три четверти населенія окружила станцію желѣзной дороги; толпы народа расположились на плоскихъ крышахъ домовъ; многіе взобрались на верхушки omnibusовъ, на вѣтви деревьевъ. Когда генералъ появился, оркестръ заигралъ гарибальдійскій гимнъ, толпа заревѣла, затопала, — то было какое-то неистовство, какое-то яростное безуміе. Онъ сѣлъ въ карету, запряженную четверней, чтобы отправиться въ домъ г. Джемса Фази, и только благодаря несслыханнымъ усиліямъ и предосторожностямъ, экипажъ его успѣлъ наконецъ продвинуться посреди этой толпы, опянявшей отъ восторга. Кто бы могъ узнать въ ней суровыхъ жителей суроваго Кальвинова города, или тѣхъ холодныхъ и сдержанныхъ Женевцевъ, которые оскорблялись эксцентрическими выходками Жавъ-Жака Руссо? Кто бы могъ узнать въ вышней Женевѣ Кальвиновъ городъ съ его узкими, извилистыми улицами, посреди укрѣпленной ограды? Громадные дворцы, построенные по парижскому образцу, окаймляютъ на-

бережныя Ровы, и широкая улица Монблана, соединяющая станцію желѣзной дороги съ набережными, очень похожа на бульвары г. Гауссмана. Укрѣпленная ограда исчезла, и молотъ разрушителей ежедневно уничтожаетъ какую-нибудь часть стараго города. Преобразование это совершилъ г. Фази, бывшій женеvскій Наполеонъ, нынѣ диктаторъ въ отставкѣ; онъ же дерзнулъ воздвигнуть театръ въ средоточіи кальвинизма, и онъ же во время своего владычества дошелъ до того, что завелъ тамъ рулетку, какъ въ Баденѣ и Спа. Рулетка исчезла, но театръ остался.

Наконецъ Гарибальди добрался до дома г. Фази, расположеннаго на углу набережной и улицы Монблана, предъ озеромъ, и начался рѣчи. Г. Фази поздравилъ его съ прибытіемъ. „Свободная Гельвеція, сказалъ онъ, состоящая изъ 22 различныхъ народовъ, говорящая тремя наиболѣе образованными европейскими языками, сумѣла, несмотря на свою разнородность, составить конфедерацію, въ которой мирно рѣшается все, что интересуется народы, входящія въ составъ ея. Вотъ образъ будущей европейской конфедераціи, вотъ доказательство, что всеобщій миръ можетъ утвердиться.“

На эту рѣчь отвѣчалъ Гарибальди по-французски, съ нѣкоторою неправильностію въ выговорѣ, но безъ малѣйшаго италіянскаго акцента, и слова его какъ будто служили предвѣстіемъ положенія, которое онъ приметъ на Конгрессѣ, и указывали на цѣль прибытія его въ Женеву. Онъ рѣшительно намѣренъ возложить на папство всѣ расходы по Конгрессу мира.

„Вы найдете можетъ-быть, сказалъ онъ, что Гарибальди нѣсколько дерзокъ (*нѣтъ, нѣтъ!*), но я долженъ сказать вамъ правду: еслибъ я уклонился отъ нея на этой священной почвѣ, то я счелъ бы это святотатствомъ, ибо не отсюда ли истекла истина, разлившаяся потомъ повсюду, подобно водѣ вашихъ ледниковъ, по обширнымъ равнинамъ Европы? Народъ женеvскій нанесъ первые удары той извѣ, которая называется папствомъ (*рукоплесканія*). Отсюда вышли первые удары, поколебавшіе эту тайную власть, которую Италія слѣшкомъ долго терпитъ въ своихъ нѣдрахъ (*рукоплесканія*). Нынѣ Италіи предстоитъ поправить свою вину предъ міромъ: она должна возвратитъ въ предѣлы религіи папство, которому нечего дѣлать со свѣтскою властью,

до сихъ поръ ему принадлежащую. Эта власть задерживаетъ развитіе Италіи и должна прекратиться. Мы желаемъ этого достигнуть (*рукоплесканія*), но для этого намъ необходимо содѣйствіе всѣхъ демократовъ міра; мы надѣемся на васъ и на всѣхъ свободныхъ людей Европы. (*Браво!*) Итакъ находите ли вы что нибудь дерзкое въ моихъ словахъ? (*Единодушныя крики: Нѣтъ, нѣтъ!*)

Затѣмъ Гарибальди говорилъ о необходимости общаго согласія, и въ заключеніе объявилъ, что если Швейцаріи будетъ угрожать опасность, то онъ потребуетъ чести вооружиться штуцеромъ на ея защиту. Онъ удалился при громѣ рукоплесканій, но толпа продолжала тѣсниться около его дома. Впрочемъ часть толпы направилась къ дебаркадеру, куда приблизился пароходъ, великолѣпно разукрашенный флагами. Пароходъ этотъ привезъ брата тайкунова съ его свитой, которые остановились въ *Hôtel de la Metropole*. Эти Японцы представляли дополнительное зрѣлище, не надолго впрочемъ задержавшее толпу. Она возвратилась къ дому Фази. Пароходъ, освѣщенный венеціанскими фонарями, съ оркестромъ музыки подошелъ къ набережной. Раздался гарибальдійскій гимнъ, восклицанія удвоились, потребовали генерала; но такъ такъ предметъ всѣхъ этихъ овацій создавъ не изъ желѣза, то наконецъ толпѣ препрозаически возвѣстили, что „генералъ легъ въ постель“. Тогда толпа мирно разошлась; на иллюминированныхъ и украшенныхъ набережныхъ въ скоромъ времени остались только рѣдкіе прохожіе, вдыхавшіе въ себя полною грудью, послѣ тропическаго дня, свѣжій вечерній воздухъ и наслаждавшіеся вѣчною тишиной природы, составляющею такой контрастъ съ преходящими человѣческими волненіями.

Сегодня, въ два часа, открытіе Конгресса мира, во дворцѣ, или, какъ говорятъ въ Женевѣ, въ федеральномъ зданіи (*batiment fédéral*). Зданіе это не что иное какъ громадная прямоугольная зала, выстроенная изъ дерева и украшенная съ самою демократическою простотой. Къ одной изъ сторонъ прямоугольника приставлена высокая трибуна; нѣсколько ниже эстрада, съ креслами и стульями для бюро; насупротивъ ея, посреди залы, бьющій фонтанъ, украшенный букетами цвѣтовъ. Кругомъ, скамьи для публики, нѣсколько столовъ для журналистовъ, собравшихся во множествѣ изъ

Франціи, Германіи и Италиі. Гербы и знамена 22-хъ кантоновъ — единственное украшеніе залы. Надъ трибуной красуется слово *Pax*, окруженное сіяніемъ. Рядомъ девизъ Ваадскаго кантона: *Богъ и отечество*. Отъ двухъ до трехъ тысячъ человекъ, въ числѣ коихъ до тысячи женщинъ, наполняютъ залу. Коммиссары съ розетками или нарукавниками, красными съ серебромъ, кое-какъ успѣваютъ установить порядокъ въ этой толпѣ. Въ два часа продолжительныя восклицанія возвѣщаютъ о прибытіи генерала Гарибальди. Происходитъ такая же сцена, какъ и наканунѣ. Гарибальди, одѣтый все въ ту же красную рубашку, но безъ пончо, съ трудомъ пробирается къ бюро. Какой-то человекъ, одѣтый *en bourgeois*, бросается къ его ногамъ и цѣлуетъ у него руки. Наконецъ восстанавливается спокойствіе; президентъ г. Барни, бывший профессоръ парижской нормальной школы, нынѣ швейцарскій *refugié*, имѣя по правую руку генерала Гарибальди, по лѣвую г. Акколу, секретаря и главнаго двигателя конгресса, объявляетъ сессію открытою. Вслѣдъ затѣмъ онъ читаетъ письмо женеваго директора полиціи, г. Камперіо, который, признавая, что Конгрессъ въ силу права собранія, какимъ пользуются граждане свободнаго города Женевы, не имѣетъ надобности въ разрѣшеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаетъ членовъ Конгресса избѣгать всего, что можетъ нарушить международное право. По прочтеніи этого письма, президентъ произноситъ свою вступительную рѣчь. Онъ припоминаетъ antecedentes идеи мира и называетъ имена Эммануила Канта и добраго Аббата де-Сенъ-Пьера, придумавшаго проектъ вѣчнаго мира; доказательство успѣховъ идеи мира онъ видитъ въ протестахъ, подъявшихся недавно противъ войны между Франціей и Германіей; за то онъ выражаетъ прискорбіе о развитіи цезаризма и цезарскаго духа, которому онъ противопоставляетъ духъ республиканскій. Онъ заявляетъ однако, что предрасудки народовъ, предубѣжденія и ненависть племенъ помогаютъ цезаризму возбуждать войны, и средствомъ противъ нихъ предлагаетъ преподаваніе нравственности и социальной экономіи. Онъ выражаетъ желаніе, чтобы составила конфедерация цивилизованныхъ народовъ по образцу швейцарской конфедерации, и въ заключеніе говоритъ, что исходною точкой всякаго движенія будетъ Женева, этотъ Римъ Разума, какъ

ее называетъ Гарибальди,—Гарибальди, скромно называющій себя ратникомъ демократіи и свободы, тогда какъ онъ истинный ихъ герой. При этихъ словахъ онъ обнимаетъ Гарибальди, при неистовыхъ рукоплесканіяхъ собранія.

За этою рѣчью, умѣренной по выраженіямъ и по своей академической формѣ, послѣдовала гораздо болѣе ясная и рѣзкая рѣчь г. Акколы. Г. Аккола, не обинуясь, объявляетъ, что онъ и друзья его, зачинщики Конгресса, прибыли въ Женеву, чтобы проникнуться въ ней республиканскою идеей и распространить ее въ Европѣ, что эта идея есть главное основаніе мира, доказательство чему онъ видитъ въ торжественномъ приѣмѣ, который сдѣлалъ Конгрессомъ герою демократіи и свободы, желающему впредь посвятить свою жизнь разрушенію страшнѣйшаго изъ препятствій миру и свободѣ — папства. Эта рѣчь пріивѣтствуется громомъ рукоплесканій въ одной части собранія и возбуждаетъ нѣкоторыя возраженія въ другой. Затѣмъ сдѣлуютъ адреса Международной Ассоціаціи рабочихъ, изъ коихъ одинъ прочитывается по-нѣмецки пресловутымъ докторомъ Бюхнеромъ, авторомъ *Kraft und Stoff*. Эти адреса, проникнутые социализмомъ, также возбуждаютъ нѣсколько протестовъ.

Затѣмъ президентъ читаетъ регламентъ и программу, представленные Конгрессу. Программа эта состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ вопросовъ:

Вопросъ первый. Господство мира, къ которому стремится человечество, какъ къ послѣднему слову цивилизаціи, можетъ ли согласоваться съ великими военными монархіями, которыя отнимаютъ у народовъ самыя жизненные изъ ихъ вольностей, содержатъ огромныя арміи и стремятся упразднить мелкія государства въ пользу деспотическихъ централизаций? И не заключается ли существенное условіе вѣчнаго мира—для каждаго отдѣльнаго народа въ свободѣ, а для сношеній народовъ между собою въ учрежденіи конфедераціи свободныхъ демократій, которыя составили бы Соединенные Штаты Европы?

Вопросъ второй. Въ чемъ заключаются средства подготовить и ускорить учрежденіе этой конфедераціи свободныхъ народовъ? Возвращеніе къ великимъ принципамъ революціи и осуществленіе ихъ, наконецъ, на дѣлѣ; приобрѣтеніе отягченныхъ вольностей личныхъ и политическихъ; воззваніе къ нравственной энергіи, пробужденіе совѣсти; распространеніе народнаго обученія, уничтоженіе предразсудковъ племене-

ни, національности, секты, воинственнаго духа и проч.; упраздненіе постоянныхъ армій; гармонія въ политическихъ интересахъ при содѣйствіи свободы; согласованіе политики съ нравственностью.

Вопросъ третій. Какія лучшія средства сдѣлать постояннымъ и успѣшнымъ вліяніе международнаго Конгресса мира? Организация прочной ассоціаціи друзей демократіи и свободы. Главная задача женеваго Конгресса составить планъ и положить основанія этой ассоціаціи.

Но вотъ совершенно внезапно возвышается голосъ, чтобы протестовать противъ этой программы: то голосъ члена-консерватора великаго совѣта Базельскаго кантона, г. Шмидлива. Это Нѣмецъ, выражающійся очень правильно и чисто по-французски. Онъ желаетъ, какъ можно точнее опредѣлить смыслъ своего согласія на Конгрессъ. Онъ желаетъ, чтобы пропаганда мира совершалась исключительно средотвами мирными и законными, чтобы она производилась *для мира и посредствомъ мира*. Его способъ возрѣвнія опирается: 1) на интересъ швейцарской націи, которая обязана уважать иностранныя правительства, если желаетъ, чтобы и ее уважали, и вслѣдствіе этого не допускать манифестацій, которыя были бы имъ враждебны; 2) на интересъ самаго мира, ибо нравственность, руководящая дѣйствіями частной жизни гражданъ, должна руководить также и дѣйствіями общественной жизни націи; тотъ не долженъ мѣшаться въ дѣла другихъ, кто желаетъ пребывать въ мирѣ съ ними. Въ особености не должно мѣшаться въ эти дѣла съ желаніемъ измѣнять чужія учрежденія, ибо, въ окончательномъ результатѣ, народы все-таки пользуются такими правительствами, какихъ они заслуживаютъ! При этихъ словахъ рѣчь оратора была прервана цѣлою бурей возраженій, разразившеюся главнымъ образомъ во французской части собранія. Крики: *нѣтъ! нѣтъ!* покрыли на мгновеніе его голосъ. Но г. Шмидливу ни мало не смутился и протестовалъ противъ теоріи г. Акколы, который установленіе мира ставить въ зависимость отъ превращенія Европы въ республику. Онъ ставитъ на видъ, что республики или конфедераціи точно такъ же ведутъ войну, какъ и монархіи. Такъ, напримеръ, первая французская республика захватила территорию Гельветической республики, а Германская конфедерація объявила войну Даніи. Въ самой Швейцаріи, соединяемые кан-

тоны не раз поднимали оружие другъ противъ друга. Причины войнъ должно искать въ болѣе глубокихъ слояхъ общественнаго устройства, а не въ политическихъ формахъ. Виновикиами ихъ бываютъ правительства и общественное мнѣніе. Такимъ образомъ необходимо преимущественно дѣйствовать на общественное мнѣніе; въ примѣръ успѣшности пропаганды идей мира въ общественномъ мнѣніи, ораторъ указываетъ на Англію, которую Кобденъ и его друзья успѣли, благодаря своимъ настойчивымъ усиліямъ, отклонить отъ войны, распространяя въ ней принципъ невмѣшательства. Вотъ принципъ, къ которому должны примкнуть друзья мира, требуя содѣйствія всѣхъ благомыслящихъ людей, не исключая духовенства и даже военнаго сословія. Дѣйствуя такимъ образомъ, они не рискуютъ повредить дѣлу, которому взяли служить, и въ скоромъ времени будутъ считать своихъ сторонниковъ тысячами.

Эта консервативная рѣчь не могла не возбудить горячихъ протестовъ, хотя энергія оратора произвела нѣкоторое впечатлѣніе на слушателей. Отвѣчать на нее взялся г. Джемсъ Фази (швейцарскій радикаль отвѣчалъ швейцарскому консерватору!) и выполнилъ это съ такимъ искусствомъ, которое объясняетъ продолжительное господство, коимъ онъ пользовался въ Женевѣ. Онъ объявилъ, что дѣло не въ томъ, чтобы вызвать революцію для учрежденія республики въ Европѣ, но чтобы помочь развитію нынѣ существующихъ зачатковъ демократіи и свободы самою силой вещей и при наибольше деспотическихъ правительствахъ; по словамъ оратора, не вѣрно предположеніе, будто бы демократіи по природѣ своей воинственны: Швейцарія, напримѣръ, достигла внутренняго мира, коимъ она наслаждается въ теченіе двадцати лѣтъ, только благодаря перевѣсу, который пріобрѣлъ демократическій элементъ надъ элементомъ аристократическимъ. Г. Фази объявилъ наконецъ, что друзья мира собрались въ Женеву не затѣмъ, чтобы составлять заговоры противъ какихъ-либо правительствъ, сосѣдственныхъ или иныхъ, и что они составлять подобныя заговоры не будутъ.

Послѣ этой неоднократно прерываемой рукоплесканіями рѣчи вождя (нынѣ нѣсколько полинявшаго) женевской демократіи, случилось происшествіе, которое едва не разстроило всего Конгресса. Одинъ молодой человѣкъ съ рѣзкими

чертами лица ривулся на трибуну. „Какимъ образомъ случилось, граждане, воскликнулъ онъ, что надъ самою головою героя демократіи и свободы повѣсили знакъ деспотизма и войны!“ И онъ указалъ рукой на французское знамя съ орломъ на концѣ древка, помѣщенное въ числѣ трофеевъ и знаменъ, сбѣнявшихъ трибуну. Эта выходка вызвала оглушительной шумъ. „Вы оскорбляете Францію“, раздается между слушателями; поднимаются кулаки, готовятся вызовы, когда на трибуну всходитъ молодой и краснорѣчивый адвокатъ г. Кламаньянъ, Французъ, которому удастся, наконецъ, отвратить бурю. „Здѣсь повѣшено, сказалъ онъ, не императорское знамя, но знамя Франціи, и конечно никому не придетъ въ голову порицать, что его помѣстили въ этомъ собраніи.“ Раздалась рукоплесканія, и этотъ опасный эпизодъ остался безъ послѣдствій.

Тогда всталъ генералъ Гарибальди и потребовалъ слова. Излишне было бы говорить, съ какимъ благоговѣннымъ молчаніемъ всѣ приготовились его слушать. Онъ сказалъ, что желаетъ предложить дополненіе къ программѣ и держитъ въ рукѣ бумагу, заключающую въ себѣ это дополненіе, но сначала проситъ позволенія протестовать противъ нѣкоторыхъ выраженій одного изъ предшествовавшихъ ораторовъ, г. Шмидлина, явившагося защитникомъ принципа: „всякій для себя“. Онъ, Гарибальди, не можетъ допустить этотъ принципъ ни для отдѣльныхъ лицъ, ни для націй. Онъ любитъ Швейцарію, какъ будто бы онъ былъ однимъ изъ ея сыновъ, потому что видитъ въ ней осуществленными на практикѣ принципы, коимъ онъ слѣдовалъ въ продолженіе всей своей жизни, и онъ не желалъ бы сдѣлать ничего такого, что бы могло повредить ея существованію. Но если кто-нибудь товетъ, то не обязанъ ли каждый человекъ поспѣшить къ нему на помощь, даже съ опасностью для своей жизни, не справляясь о причинахъ, по которымъ товетъ его близкій? Когда какая-либо нація въ опасности, не обязаны ли всѣ прочія подать ей руку помощи? Опасности же на націю навлекають деспотизмъ и ложь. Средствомъ противъ нихъ должно служить братство народовъ. Послѣ этого предисловія, произнесеннаго безъ особенной напыщенности, Гарибальди прочелъ свое приложеніе къ программѣ Конгресса. Это приложеніе составляетъ родъ символа изъ двѣнадцати пунктовъ: 1) Всѣ

нации—сестры; 2) война между ними невозможна; 3) ссоры между ними должны быть рассматриваемы на Конгрессѣ (*улыбки въ некоторыхъ частяхъ собранія*). „Конечно, не мы будемъ ихъ рассматривать, сказалъ ораторъ, но наши преемники.“ 4) Члены Конгресса будутъ назначаемы демократическими обществами каждой страны, и проч. и проч. Вниманіе публики начинало утомляться, какъ вдругъ, подобно выстрѣлу, совершенно неожиданно поразилъ его параграфъ 6: *напство, какъ самая вредная изъ сектъ, объявляется низложеннымъ*. Это заявленіе, сдѣланное ех abrupto звучнымъ голосомъ, вызвало громовое сочувствіе, и тѣнь стараго Кальвина должна была встрепенуться отъ восторга, но параграфы 7 и 8 заставили, увы! скоро умолкнуть этотъ ураганъ восторга и замѣнили его совершеннымъ штилемъ. Ораторъ хорошо понимаетъ, что онъ готовится сдѣлать неловкость, но онъ хочетъ ее сдѣлать, и выполняетъ это со всевозможнымъ искусствомъ: „Я знаю, сказалъ онъ, что рискованно слишкомъ многимъ, но считаю это необходимымъ.“ Итакъ: 7) вѣра въ Бога утверждается Конгрессомъ, и каждый изъ его членовъ обязуется распространять ее на поверхности земнаго шара. (*Ропотъ*.) 8) Вѣра въ Бога есть вѣра въ истину и въ разумъ. (*Новыя возраженія. Одинъ изъ слушателей: такъ, поклоненіе разуму, какъ въ 93 году!*) Гарибальди продолжаетъ посреди всеобщей холодности, но, къ счастью для своей популярности, нѣсколько поколебавшейся, переходитъ къ другому порядку идей. Онъ объявляетъ, что республика есть правительство честныхъ людей, что одна демократія можетъ противодѣйствовать ужасамъ войны, что рабъ имѣетъ право вести войну противъ тирана и что въ этомъ только случаѣ война законна; наконецъ онъ требуетъ, чтобъ организованъ былъ постоянный центральный комитетъ для продолженія благороднаго дѣла Конгресса. Замѣтивъ непріятное впечатлѣніе, произведенное имъ заявленіями его относительно поклоненія Богу и разуму, онъ довольно ловко извинился, что не удовлетворилъ мнѣнію всѣхъ и каждого, коснувшись религіознаго вопроса; но, присовокупилъ онъ, невозможно отдѣлать религіозный вопросъ отъ вопроса политическаго. Въ основаніи большей части войнъ лежатъ религіозныя причины, и въ примѣръ этого онъ представилъ Крымскую войну, начало коей онъ разказалъ по своему: Въ Иерусалимѣ находится храмъ, и въ этомъ храмѣ былъ тогда одинъ толь-

ко алтарь, гдѣ поочередно служили обѣдню священники греческій и католическій. Разъ случилось, что тому, который служилъ обѣдню послѣ, захотѣлось служить ее прежде. Оттого и произошла ссора. Каждый изъ нихъ привезъ жалобу своему императору. Императоры стали вести войну, и такимъ образомъ погибло до 200.000 человекъ, вслѣдствіе соперничества двухъ священниковъ. Такое заключеніе, конечно, могло возбудить нѣкоторыя историческія возраженія, но собраніе, нѣсколько разочарованное, удовольствовалося тѣмъ, что стало рукоплескать слабѣе прежняго. Президентъ, г. Барри, произвелъ диверсію, пригласивъ собраніе окончательно сформировать его бюро, и прежде всего предложилъ назначить почетнымъ президентомъ Гарибальди, а дѣйствительнымъ президентомъ члена бернскаго большаго совѣта, г. Жолиссева (Jolissaint). Собраніе одобрило оба эти назначенія, и засѣданіе окончилось. При выходѣ, Гарибальди былъ встрѣченъ новою оваціей, особенно со стороны публики, находившейся вѣ собраніи и не слышавшей его неудачнаго символа вѣры. Отчего это Аспромонтскій герой не довольствуется сокрушеніемъ папства, а мечтаетъ о занятіи упрямнаго мѣста папы?

Женева, 12-го сентября 1867 г.

Конгрессъ мира положительно самый воинственный изъ конгрессовъ, на которыхъ только мнѣ удавалось присутствовать. Вмѣсто того чтобъ организовать, какъ онъ поставилъ себѣ задачей, мирную пропаганду противъ войны, онъ началъ съ того, что внесъ междуусобіе въ самую среду друзей мира. Впрочемъ, могло ли и быть иначе? Друзья мира, собравшіеся въ „федеральномъ зданіи“, сошлись туда со всѣхъ пунктовъ горизонта: между ними есть республиканцы и монархисты, радикалы и консерваторы, христіане и атеисты, экономисты и социалисты. Имъ необходимо было условиться предварительно, чтобы выбрать нейтральную почву, на которой они могли бы согласиться между собою для осуществленія общей идеи; въ противномъ случаѣ они естественно должны были придти во враждебное столкновение. Такъ дѣйствительно и случилось, и первый сигналъ къ междуусобію подалъ самъ *лосс* Конгресса, генераль Гарибальди, своимъ нападеніемъ не только на свѣтскую власть папства, но и на самую религію.

Затѣмъ социалсты Лозаннскаго конгресса накунулись на эконоомистовъ, а республиканцы обратились съ оскорбительными рѣчами противъ монархистовъ. Но разкажемъ все по порядку.

Въ началѣ втораго засѣданія (вторникъ, 10-го), на которомъ еще присутствовалъ генераль Гарибальди, опять встрѣченный рукоплесканіями, хотя нѣсколько менѣе восторженными, чѣмъ наканунѣ, и привлекшій, какъ и наканунѣ, нѣсколько тысячъ человѣкъ въ обширное помѣщеніе федеральнаго зданія, президентъ, избранный въ предшествовавшее засѣданіе, г. Жоллессенъ, молодой адвокатъ и членъ бернскаго большаго совѣта, произнесъ довольно благоразумную рѣчь, въ которой онъ пригласилъ собраніе (увы! приглашеніе это оказалось бесплоднымъ) къ соблюденію умѣренности и согласія.

„Постараемся, сказалъ онъ, не доставить нашимъ врагамъ отраднаго для нихъ зрѣлища бесплодныхъ, бурныхъ и, можетъ-быть, скандальныхъ препирательствъ. Это значило бы служить ихъ дѣлу и задуть въ самомъ зародышѣ дѣль, къ которой мы стремимся. Пусть каждый изъ насъ, предъ алтаремъ федераціи народовъ, заставитъ умолкнуть на мгновеніе свои личныя антипатіи и чувства своей политической ненависти. Походъ, предпринимаемый нами, есть походъ нравственный, поучительный, дѣйствующій убѣжденіемъ. Наши оружія — слово, печать, право сходокъ; они не революціонныя и не смѣртоносныя. Конгрессъ вооруженную силу предоставляетъ своимъ противникамъ, друзьямъ войны. Вы прибыли на засѣданія въ страну свободную и нейтральную, и я убѣжденъ, что вы не захотите скомпрометтировать ее въ глазахъ иностранцевъ. Сверхъ того, я полагаю, что каждый ораторъ пойметъ, что онъ одинъ отвѣтственъ за свои слова. Конгрессъ in corpore отнюдь не солидаренъ съ отдѣльными мнѣніями своихъ членовъ. Онъ принимаетъ предъ публикой отвѣтственность только за свои рѣшенія.“

Долгомъ своимъ считаю присовокупить, что президентъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы въ продолженіе преній поддержать эту программу; къ несчастью, ему пришлось имѣть дѣло съ неукротимыми страстями, и съ самаго начала онъ заглушилъ голосъ благоразумія. И дѣйствительно, едва онъ окончилъ свою рѣчь, какъ вице-президентъ, г. Барни, попросилъ позволенія прочесть письмо, которое тѣмъ утромъ адресовалъ ему генераль Гарибальди и кото-

рое вовсе было не таково, чтобы возстановить миръ между друзьями мира. Упорно продолжая разыгрывать свою новую роль преемника папы, Варезскій герой обращался къ членамъ Конгресса съ слѣдующимъ увѣщаніемъ:

„Исполнимъ наше всемірное демократическое призваніе провозглашеніемъ *всеобщей религіи Божества*, и на мѣсто жрецовъ Арбуэса и Торкемады поставимъ священнослужителей Лейбницева, Галилеева, Кеплерова, Араго, Ньютонова, Кане, Руссо и проч. Этимъ мы разчистимъ тропинку, которая должна вести насъ къ братству народовъ и прочно утвердить всеобщій миръ.“

Это было уже черезчуръ смѣло, и какъ мы увидимъ сейчасъ, такое провозглашеніе поклоненія Разуму, по образцу 93 года, должно было въ скоромъ времени вызвать энергическій протестъ со стороны женевскихъ католиковъ и нанести смертельный ударъ Конгрессу. Реакція уже начинала организоваться противъ всѣхъ анти-экономическихъ и анти-религіозныхъ эксцентричностей, которыя нашла себѣ на Конгрессѣ слишкомъ удобный способъ выраженія. Едва окончилъ вице-президентъ чтеніе письма Гарибальди, какъ всталъ одинъ адвокатъ-экономистъ для представленія энергического протеста экономистовъ, присутствовавшихъ на Конгрессѣ, противъ анти-соціальныхъ теорій, которыя были развиваемы накануне отъ имени социалистовъ Лозаннскаго конгресса. Вотъ краткое изложеніе этого протеста:

„Принимая въ соображеніе, что названія *exploités* и *exploiteurs*, употребленныя въ адресѣ Лозаннскаго конгресса, столь же опасны, какъ и неточны, что они посѣваютъ недоувѣріе и ненависть тамъ, гдѣ бы должно господствовать согласіе;

„что не вѣрно, будто бы общество, управляемое естественными законами, представляетъ печальное зрѣлище двухъ враждебныхъ лагерей, изъ коихъ одинъ состоитъ изъ эксплуатируемыхъ, другой изъ эксплуатирующихъ;

„что, напротивъ того, очень часто званіе капиталиста и рабочаго соединяется въ одномъ и томъ же лицѣ;

„что число мелкихъ капиталистовъ непрерывно развивается и что сумма мелкихъ капиталовъ все болѣе и болѣе превышаетъ сумму крупныхъ;

„что, въ окончательномъ результатѣ, капиталъ есть не что иное какъ продуктъ вчерашняго труда, употребляемый на оплодотвореніе труда сегодняшняго;

„что въ дѣлѣ вознагражденія капитала и труда никакое назначеніе обязательной таксы, никакое стѣсненіе не были бы законными;

„что необходимо предоставить капиталисту, такъ же какъ и рабочему, равноправность, свободу;

„что величайшій интересъ для тѣхъ, до которыхъ капиталъ доходитъ не въ достаточномъ количествѣ, состоитъ въ томъ именно, чтобъ онъ сдѣлался болѣе изобильнымъ во-кругъ нихъ и чрезъ то болѣе доступнымъ;

„что весьма плохая услуга для этого почтеннаго интереса унижать капиталъ и угрожать ему, какъ врагу, вмѣсто того чтобы поощрять его сформированіе;

„что, для уясненія себѣ этой враждебности противъ капитала, достаточно открыть глаза на слѣдующій неоспоримый фактъ: что всѣ люди на нашей землѣ желаютъ сдѣлаться менѣе бѣдными или болѣе богатыми, другими словами, приобрѣсти себѣ все болѣе и болѣе капитала, сдѣлаться все болѣе и болѣе капиталистами;

„что это общее желаніе благотворно само по себѣ, подъ условіемъ, чтобы для выполненія его употребляемы были только честныя средства;

„что Веніаминъ Франклинъ совершенно справедливо про-изнесъ слѣдующія слова: „Если кто-нибудь скажетъ, что можно разбогатѣть чѣмъ-нибудь инымъ кромѣ труда и сбереженія, то не слушайте его: онъ отравитель“, и проч.

„Нижеподписавшіеся протестуютъ противъ выраженій адреса рабочихъ Лозаннскаго конгресса.

Экономисты, къ которымъ присоединилась значительная часть слушателей (ибо социализмъ не пользуется большимъ сочувствіемъ въмышленомъ городѣ Женевѣ), встрѣтили этотъ протестъ рукоплесканіями, социалисты же ропотомъ и криками. Затѣмъ послѣдовалъ невыразимый шумъ, предвѣстникъ сильныхъ волненій. Наконецъ на трибуну всходитъ г. Эдгаръ-Кине, и спокойствіе восстанавливается. Знаменитый товарищъ Миселе, въ его войнѣ противъ іезуитовъ, много лѣтъ проживаетъ пустыннымъ въ окрестностяхъ Монтрѣ и не оставляетъ своего уединенія. На лицѣ его видны слѣды утомленія и унынія. Рѣчь его носитъ на себѣ тотъ же отпечатокъ. Г. Эдгаръ-Кине полагаетъ, что совѣсть человѣческая умерла, и мысль эту выражаетъ тою поэтической прозой, нѣсколько туманною, но всегда благородною

и изящною, которая составляетъ отличительную черту его краснорѣчія.

„Фактъ, которымъ я желаю ограничиться, сказалъ онъ, и на который обращаю вниманіе политиковъ, философовъ, демократовъ и патрициевъ, революціонеровъ и контръ-революціонеровъ, фактъ этотъ, говорю я, очень простъ. Я могу выразить его однимъ словомъ: смерть человѣческой совѣсти.

„Да, я видѣлъ, какъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ умирала человѣческая совѣсть подъ пятой сильнѣйшаго; я видѣлъ, какъ человѣческая совѣсть отрекалась отъ самой себя послѣ пораженія; въ теченіе шестнадцати лѣтъ я искалъ слѣдовъ ея и — не нашелъ. Я взывалъ къ ней — она не отзывалась на мой призывъ. И это не на одномъ пунктѣ, не въ одной странѣ, не въ отдѣльномъ государствѣ она предала себя, какъ военнопленная; нѣтъ, зло было гораздо значительнѣе: оно разлилось по всему міру.

„Послѣ 2-го декабря 1851 года, я видѣлъ, какое преслѣдованіе направлено было издали, какъ бы противъ дикихъ звѣрей, противъ всѣхъ тѣхъ, относительно коихъ нарушено было всякое человѣческое право. Ихъ перебрасывали съ мѣста на мѣсто; тамъ, гдѣ имъ дозволялось дышать, они были окружены стражей, и въ положенные дни были обязаны являться, подобно преступникамъ, для доказательства, что они не разорвали своей цѣпи и не избѣжали справедливаго наказанія, которое должно преслѣдовать честнаго человѣка. Ибо преступленіемъ было вѣрять святости клятвы, преступленіемъ было вѣрять святости законовъ, преступленіемъ же, и величайшимъ изъ всѣхъ, было не послужить беззаконію, и даже нынѣ не преступленіе ли припомнить все это? Но пойдѣмъ далѣе.

„Вы говорите мнѣ, что подобные случаи смерти человѣческой совѣсти бывали уже на землѣ, что при Цезаряхъ, восемнадцать вѣковъ тому назадъ, душа человѣческая также исчезла съ поверхности земли, что народы также участвовали въ своемъ рабствѣ, что они рукоплескали ему, что до вѣртіе къ властелину, о которомъ намъ толкуютъ, они сохранили и въ чудовищной могилѣ, куда низверглись. Да, я это знаю.

„Однако вы сознаетесь въ слѣдующемъ: совѣсть человѣческая, исчезая, оставила нѣкоторую пустоту на землѣ; это чувствовалось во всемъ, какъ чувствуется и нынѣ. И знаете ли,

что потребовалось для пополнения этой пустоты, которую оставила, удаляясь и становясь ниже своего уровня, человеческая природа? Потребовалось божество, новое божество, чтобы смыть клеймо позора и наполнить бездны древняго цезаризма. Кто явится нынѣ для пополнения новой бездны, въ которую ввергнулъ насъ второй цезаризмъ? Вотъ первый вопросъ, съ которымъ я обращаюсь ко всякому мыслящему человѣку.

„По упраздненіи, по уничтоженіи совѣсти, мракъ покрылъ землю. Мы стали блуждать въ этомъ мракѣ и погружены въ него до настоящей минуты.

„...Таковъ потопъ, измѣнившій нравственную температуру Европы. И что жь изъ этого слѣдуетъ? То, что вмѣстѣ съ низложеніемъ души человѣческой, погибло и право; что оно ни для кого не существуетъ, что существуетъ одна лишь сила.

„Посреди этихъ развалинъ, нагроможденныхъ одна на другую, если я спрошу васъ, чего вы ищете? вы мнѣ дадите отвѣтъ: „мира.“

„Ахъ! да, мира! Мы всѣ его ищемъ. Я также знавалъ его: то было божество доброе, милосердное, человѣколюбивое, улыбавшееся всѣмъ и каждому; оно проживало близко отсюда вмѣстѣ съ добрымъ правомъ, съ уваженіемъ къ данному слову, съ просвѣщеніемъ и истиной. Все это исчезло, какъ старая басня; отъ него осталась только мечта. Откуда пришли вы? Вы заблудились, говорю я вамъ, между рухнувшими обломками общественной вѣрности.

„И вы ищете мира! Вы ошибаетесь. Миръ не живетъ болѣе здѣсь, онъ былъ лишенъ собственности и высланъ изъ этихъ мѣстъ за свою вѣрность даннымъ обязательствамъ. Его мѣсто заступила война; война скрытая, глухая или явная, освоивъ себѣ законное жилище на развалинахъ справедливости.“

Заключеніе рѣчи нѣсколько менѣе мрачно.

„Эти отвратительные дни не будутъ вѣчными, человѣчество возстанетъ изъ такого страшнаго униженія. Беру въ свидѣтели это добровольное собраніе столькихъ людей, сошедшихся съ различныхъ пунктовъ съ очевиднымъ намѣреніемъ преобразовать общественную совѣсть. Болѣе не нужно ничего для заявленія, что нѣчто возстаетъ въ человѣкѣ, что согнутый тростникъ выпрямляется. Для меня это первый свѣтъ, появившійся въ теченіе шестнадцати смертельныхъ

лѣтъ, въ которыя жизнь моя чаще всего могла быть только безмолвнымъ протестомъ.

„Какъ только отыщется и возстановится человѣческая природа, то все остальное явится само собою. Великіе изгнанники: право и свобода, сумѣютъ тогда сокрушить свои окопы и выйдти изъ-подъ земли.

„Беру въ свидѣтели этого мужа истины, этого героя, стоящаго во главѣ вашей — Гарибальди.“

Эта рѣчь мизантропа-мечтателя, произнесенная голосомъ не имѣвшимъ уже въ себѣ тѣхъ потрясающихъ звуковъ, которые доводили въ 1846 году до фанатизма юныхъ слушателей Collège de France, прослушана была собраніемъ спокойно, но въ поводахъ къ волненію собраніе это не имѣло недостатка. Вотъ г. Амадѣ Гѣггъ, черный и бородатый Нѣмецъ, объявляетъ, что „Гарибальди второй мессія, который низложитъ искажителей христіанства“. Сходя съ трибуны, г. Гѣггъ идетъ обнять новое божество, которое возвращаетъ ему его поцѣлуй, посреди собранія, на половину восторженнаго, на половину негодующаго. Вотъ г. Ригіери, бывшій гарибальдискій полковникъ, съ высоты трибуны бросаетъ на столъ, предъ которымъ сидятъ члены бюро, свои ордена, которые онъ приноситъ въ жертву на алтарь мира. Вотъ г. Дюпонъ, президентъ Лозаннскаго конгресса, протестуетъ по своему (и какъ еще!) противъ поклоненія Разуму, возвыщеннаго генераломъ Гарибальди. „Разумъ отнюдь не долженъ создавать новую религію, сказалъ онъ, разумъ долженъ истребить всѣ существующія религіи. Всякая религія есть деспотизмъ, имѣющій свои постоянныя арміи — жрецовъ.“ Вотъ г. Боркгеймъ, опять-таки Нѣмецъ, называющій г. Шульце-Делича „страстующимъ прикащикомъ по торговлѣ мѣщанской политической экономіи“ и объявляющій, что „свита г. фонъ-Бисмарка составлена изъ коллекціи толстыхъ брюхъ и мелкихъ характеровъ“. Наконецъ г. Боркгеймъ обвиняетъ нѣмецкую либеральную партію въ томъ, что она дрожитъ предъ саблею и протягиваетъ руку казакамъ.

Голосъ слева отъ трибуны. А развѣ казаки не люди?

Другой голосъ. Оскорблять народы не должно.

Г. Боркгеймъ. При нынѣшней своей организаціи Россія есть постоянная опасность для европейскаго общества; учрежденія ея слѣдуетъ подвергнуть опалѣ.

Слова эти возбудили крики въ собраніи. Раздались голоса:

„Регламентъ! Вопросъ!“ Г. Боркгейма попросили заключить его рѣчь, и этотъ эпизодъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Но за нимъ послѣдовали другіе ораторы, и въ томъ числѣ баронъ де-Понна, величающій себя главой атеистовъ во Франціи, который всегда, подъ предлогомъ мира, объявляетъ войну нравственности и Евангелію. „Господа! воскликнулъ онъ, Евангеліе есть источникъ всѣхъ войнъ. Въ этомъ собраніи, присовокупилъ онъ весьма наивно, многихъ должны чрезвычайно удивить мои слова“. За этимъ возгласомъ послышался бурный ропотъ, раздались даже свистки, и президентъ, хотя и не безъ труда, пригласилъ оратора возвратиться къ вопросу. Словомъ, поднялся настоящій карнавалъ, отголосокъ того революціоннаго карнавала, о которомъ говорилъ Прудонъ по поводу социалстическихъ и демагогическихъ безумствъ 1848 года. Упомянемъ однако нѣсколько разумныхъ словъ одного нѣмецкаго демократа, г. Симона, изъ Трира, который объявлялъ, что Германія отнюдь не угрожаетъ Франціи, и присовокупилъ, „что Германія и Франція должны объ заботиться о своей внутренней свободѣ и объ умиротвореніи умовъ, дабы избѣжать столкновения между своими правительствами“. Но, увы! эти немногія разумныя слова затерялись въ океанѣ неясностей, и слушатели, все болѣе и болѣе недовольные, но еще сдерживаемые присутствіемъ Гарибальди, разошлись, ни мало не тронутые рѣчами этихъ странныхъ друзей мира, нападающихъ на все и на всѣхъ.

Что сказать о слѣдующемъ засѣданіи (среда, 11-го)? Гарибальди, присутствіе коего еще нѣсколько сдерживало взрывъ горючихъ и враждебныхъ элементовъ, собравшихся на Конгрессѣ, уѣхалъ по утру изъ Женевы, къ великой радости своего хозяина г. Джемса Фази, и Конгрессъ превратился въ настоящую боевую арену, гдѣ отъ словъ едва не перешли къ ударамъ. Одинъ италіанскій ораторъ, г. Комбушъ, представитель неаполитанскаго общества Свобода и Справедливость, окончилъ свою горячую филиппику противъ папы возгласомъ: *Долой папство!* на который часть собранія отвѣчала крикомъ: *Да здравствуетъ религіозная свобода!* Другой ораторъ, Французъ, г. Наке, представивъ по своему исторію первой имперіи, объявляетъ, что Наполеонъ I былъ преступникомъ, когда, 18-го брюмера, далъ пощечину революціи, и предлагаетъ Конгрессу мира не расходиться не по-

становивъ что этотъ злодѣй (malfaiteur) заслуживаетъ позора. Отвѣтомъ на это были неистовыя возраженія и невообразимый шумъ. Президентъ заставляетъ заносчиваго оратора замолчать. За то одинъ французскій адвокатъ, г. Шодэ, бывший ученикъ Прудона, вызываетъ единодушныя рукоплесканія, объявляя, въ отвѣтъ на рѣчь, произнесенную наканунѣ г. Симономъ, изъ Трира, что французскій народъ одушевленъ только чувствами дружбы къ народу германскому, и что Французы не желаютъ Рейна, такъ какъ Рейнъ рѣка нѣмецкая и должна оставаться нѣмецкою; но послѣ г. Шодэ, новыя социалистическія декламации одного оратора съ Лозаннскаго конгресса вызвали протестъ нешательскаго адвоката-экономиста, г. Дюпакье, къ которому присоединился подполковникъ федеральнаго войска Францъ Эрлахъ, который въ свою очередь энергически протестовалъ противъ анти-религіозныхъ тенденцій нѣкоторыхъ ораторовъ Конгресса.

Но гроза противъ Конгресса собиралась извѣдъ. Больше половины населенія Женевского кантона состоить изъ католиковъ (42.000 изъ 80.000), и въ самомъ городѣ католики составляютъ весьма почтенное меньшинство. Съ утра, на стѣнахъ прибитъ былъ протестъ за подписью многихъ влиятельныхъ католиковъ.

„Во имя большей части нашихъ согражданъ, гласилъ протестъ, мы протестуемъ противъ словъ, произнесенныхъ генераломъ Гарибальди. Слова эти суть оскорбленіе для вѣры и совѣсти половины женевскихъ жителей. Въ этихъ хулахъ противъ церкви и папства заключается ненавистное нарушеніе нашей религіозной свободы и возбужденіе къ междоусобной враждѣ“. Вечеромъ, многочисленное собраніе швейцарскихъ гражданъ сошлось, по приглашенію г. Джемса Фази и его друзей, чтобы протестовать противъ опасныхъ тенденцій Конгресса, котораго, однако, г. Джемсъ Фази былъ однимъ изъ главныхъ устроителей, и на этомъ собраніи принята была резолюція, сформулированная слѣдующимъ образомъ:

„Принимая въ соображеніе запутанность идей и непрактическій характеръ Конгресса, собраніе выражаетъ желаніе, чтобы въ интересахъ мира, свободы и Швейцарской конфедерации, не было принимаемо никакихъ рѣшеній на Конгрессѣ.“

Согласно съ этою резолюціей, г. Джемсъ Фази явился при

открытіи сегодняшняго засѣданія (12-го, въ четвергъ) и объявилъ, что онъ и его друзья требуютъ отсрочки Конгресса и противятся всякому рѣшенію, которое могло бы быть на немъ принято. Въмѣстѣ съ тѣмъ, г. Фази, съ помощью адъютанта, одареннаго звучнымъ голосомъ, г. Картере, представилъ самую язвительную критику большей части рѣчей, произнесенныхъ на Конгрессѣ.

Подобный образъ дѣйствій радикала Джемса Фази можно объяснить только положеніемъ партій въ Женевскомъ кантонѣ. Глава радикальной партіи, г. Фази, долгое время управлялъ Женевой, при содѣйствіи католическаго населенія. Чтобы добиться этого содѣйствія, г. Фази принялъ на себя обязательство извлечь католиковъ изъ подчиненнаго положенія, въ которое поставило ихъ, въ отношеніяхъ религіозномъ и политическомъ, старинное законодательство протестантской Женевы. По принятіи на себя этого обязательства, г. Фази, впрочемъ, вѣрно выполнилъ его, потому что въ этомъ заключался его собственный интересъ; составилась коаліція, и въ продолженіе многихъ лѣтъ, радикалъ и человѣкъ далеко не набожный, г. Фази могъ диктаторски управлять Женевой съ помощью католиковъ. Когда онъ лишился власти, католики остались ему вѣрны, обнаруживая однако нѣкоторыя тенденціи присоединиться къ консервативной партіи.

Когда французскіе демократы вздумали созвать въ Женевѣ Конгрессъ мира, приглашая на него генерала Гарибальди, г. Фази воспользовался этимъ случаемъ для своихъ личныхъ видовъ: онъ принялъ подъ свое покровительство Конгрессъ и предложилъ гостепріимство народному герою Италіи. Это должно было, по его предположенію, возратить ему обаяніе, которымъ онъ пользовался между своими согражданами, и нѣсколько лучей блестящей популярности Гарибальди должны были оживить его собственную, увы! нѣсколько поблекшую популярность. Но неумѣренныя рѣчи Гарибальди и его *дытокъ* на Конгрессѣ разстроили всѣ остроумныя комбинаціи г. Джемса Фази. Если присутствіе Гарибальди и усилило въ первый день значеніе радикаловъ и ихъ вождя, г. Джемса Фази, то слова Гарибальди не замедлили довести до крайняго раздраженія союзныхъ съ радикалами католиковъ, безъ помощи которыхъ г. Фази не можетъ и мечтать о возвращеніи себѣ власти. Что же сдѣлалъ тогда

этотъ искусный политикъ? Онъ поаялъ, хотя уже нѣсколько поздно, что принимая Гарибальди и покровительствуя Конгрессу, онъ сдѣлалъ большую ошибку, и рѣшился съ тою быстротой дѣйствию и безцеремонностью, которыя характеризуютъ его, пожертвовать своими безпокойными друзьями, европейскими демократами, своимъ стариннымъ союзникамъ, католикамъ. Онъ рѣшился пожертвовать Конгрессомъ для укрощенія гнѣва, коимъ воспылаалъ грозный и неукротимый епископъ Мермилиодъ, политическiй и религiозный пастырь женевскихъ католиковъ. Ангелъ мира, вѣроятно улетѣвшiй въ невѣдомыя страны отъ шумныхъ и яростныхъ криковъ, выпускаемыхъ бородатыми ораторами Конгресса, не остановилъ руки г. Джемса Фази, и жертва была совершена. Итакъ, при самомъ открытiи засѣданiя 12-го сентября, г. Фази явился на Конгрессъ съ представлениемъ своихъ резолюцiй. Предложенiе это подняло цѣлую бурю. Бюро Конгресса объявило, что оно поддерживаетъ свои резолюцiи, предложенныя наканунѣ и составленныя въ довольно умѣренныхъ выраженiяхъ, а именно: „Существованiе и увеличенiе постоянныхъ армiй есть не что иное какъ замаскированная война; предполагается основанiе союза мира, федерацiи истиннѣ космополитической, и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденiе въ Женевѣ постояннаго комитета этого союза“, и проч. и проч. Одинъ изъ вождей женевской консервативной партiи, г. Везель, энергическiй и чрезвычайно искусный ораторъ, замѣтивъ неприятое впечатлѣнiе, производимое диктаторскими приемами г. Фази, объявилъ, что онъ и его друзья будутъ либеральнѣе г. Фази, что они нисколько не противятся, чтобы Конгрессъ предложилъ резолюцiи, которыя всякiй воленъ принять или отвергнуть. Приступили къ подачѣ голосовъ посредствомъ поднятiя рукъ. Собранiе было слишкомъ разъединено; такой способъ подачи голосовъ показался сомнительнымъ, и его возобновили посредствомъ вставанiя съ мѣста. На этотъ разъ большинство оказалось въ пользу резолюцiй, предложенныхъ бюро. Но сторонники г. Фази, или *шайка г. Фази*, какъ ихъ называютъ въ Женевѣ, не соглашались съ этимъ результатомъ, они ропщутъ, протестуютъ и свищутъ. Члены Конгресса взбираются на скамьи, изъ коихъ нѣкоторыя подламываются, и засѣданiе закрывается. Конгрессъ мира скончался.

Несмотря на то, банкетъ, которымъ предположено было

заклѣчить Конгрессъ, и на который подписавшіеся внесли скромную сумму по три франка, состоялся въ федеральномъ зданіи. Самъ г. Фази и его шайка присутствовали на немъ, къ великому негодованію тѣхъ, съ которыми онъ сыгралъ такую nepозволительную шутку, и которые возмущены были его безстыдствомъ. Банкетъ этотъ, на который собралось отъ 1.200 до 1.500 человѣкъ, и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ, представлялъ зрѣлище оригинальное и живописное. Деревянные столы, накрытые экономическими скатертями *изъ блѣдой бумаги*, уставлены были холоднымъ мясомъ: говядиной, телятиной, пирогами изъ дичи, съ салатомъ и сыромъ вмѣсто десерта. Предъ каждымъ гостемъ стояла бутылка вина. Посреди залы билъ фонтанъ, освѣжавшій воздухъ. Тосты слѣдовали за тостами, и каждый разъ съ троекратными рукоплесканіями, по швейцарскому обычаю; оркестръ музыки, расположенный по ту сторону фонтана, оглашалъ залу звуками нѣсколько рѣзкими, но свидѣтельствовавшими о пользѣ „музыкальной консерваторіи“, недавно возникшей рядомъ съ федеральнымъ зданіемъ. Вообще дѣло обошлось лучше, чѣмъ можно было предположить, судя по волненіямъ дня, и собраніе мирно разошлось въ 10 часовъ вечера.

Члены Лондонскаго Общества мира,—настоящіе друзья мира,—были приглашены на Женевскій конгрессъ. Они вѣжливо отклонили это приглашеніе, не имѣя ни малѣйшаго довѣрія къ союзникамъ, которые являлись къ нимъ подъ знаменами социализма и революціи. Опытъ доказалъ, что друзья мира, не явившись на Конгрессъ, поступили весьма благоразумно, и что, руководствуясь воинственными или разрушительными страстями, невозможно произвести какое-либо движеніе въ пользу мира.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МУЗЫКИ *

Теорія музыки имѣетъ несчастіе возбуждать постоянно, даже въ средѣ людей претендующихъ на любовь и живое участіе къ ней,—сомнѣнія въ ея пользѣ и плодотворности. Многие питаютъ странное убѣжденіе—къ сожалѣнію, поддерживаемое обманчивымъ наименованіемъ „теоріей“ музыки“ того что не имѣетъ ничего общаго съ настоящими научными теоріями,—убѣжденіе, что теорія музыки есть безплодная отвлеченность, безплодное порожденіе умозрѣнія, способное не укрѣплять, не окрылять, а сковывать и подрывать вдохновеніе художника. Отвѣчать на этотъ предразсудокъ можно только полнымъ изложеніемъ теоріи музыки, изъ котораго публика могла бы усмотрѣть, что это скромное обзорѣніе фактовъ и явленій музыкальнаго искусства, этотъ чисто-эмпирическій сводъ важнѣйшихъ оборотовъ музыки, какъ спеціальнаго языка, не изъявляетъ никакого притязанія направлять или останавливать творческую дѣятельность, такъ какъ не сочиненіе вызывается „теоріей“ музыки, а напротивъ „теорія“ является выводомъ изъ совокупности сочиненій. Тѣмъ не менѣе предразсудокъ, указанный мною, существуетъ въ обширныхъ размѣрахъ, и на скорое уничтоженіе его нельзя надѣяться.

Но гораздо важнѣе предразсудокъ, распространенный противъ исторіи музыки, какъ науки. Не только отъ наивныхъ

* Вступительная лекція курса исторіи музыки, преподаваемого при Консерваторіи Русскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ.

дилеттантовъ, не требующихъ отъ музыки ничего, кромѣ легкой понятности и пестрой занимательности, и удивленныхъ какъ можно на эту зыбкую пѣну слуховой гастрономіи громоздить тяжесть научныхъ гипотезъ, построений и споровъ, но и отъ дѣльныхъ и свѣдущихъ музыкантовъ, проведшихъ жизнь надъ изученіемъ своего инструмента, надъ музыкальнымъ преподаваніемъ, надъ самостоятельной композиціей, я слышалъ невѣроятный вопросъ: на что скрипачу, на что пѣвцу, на что композитору знаніе того, что было сочинено по музыкальной части въ какомъ-нибудь XIII столѣтіи? Этотъ простодушный вопросъ сильно отзывается подозрѣніемъ, будто исторія музыки за обстоятельное изученіе ея судить скрипачу болѣе искусное веденіе смычка, пѣвцу — болѣе чистую интонацію, а композитору — болѣе хитросплетенныя фуги, нежели тѣ, которыми эти музыканты щеголяли до своего знакомства съ этою наукой. Но такое обвиненіе было бы чистою клеветой. Всякій историкъ музыки сознается, что предметъ его занятія такъ же мало приноситъ вещественной и осязательной пользы, какъ и всякая другая наука, кромѣ наукъ прикладныхъ, и съ этою бесполезностію науки для нашего житейскаго обихода давнымъ-давно уже примирились люди съ серіознымъ образованіемъ. Если въ музыкальномъ мірѣ такого примиренія еще не произошло, то именно потому, что этотъ мірокъ отличается прискорбнымъ отсутствіемъ общаго образованія, и что въ немъ самыя ходячія понятія и мѣрныя современной умственной жизни составляютъ одни—непозволительную ересь, а другія—просто terra incognita. Единственное оправданіе, которое можно выставить въ пользу недовѣрчиваго расположенія къ исторіи музыки,—крайняя молодость и незрѣлость самой этой науки. Исторія музыки, дѣйствительно, не имѣетъ такой образовательной и укрѣпляющей силы для нашего познанія, какъ всеобщая исторія; но всегдѣ не отъ того, что область первой обширнѣе, что исторія музыки составляетъ лишь небольшую дробную часть исторіи человечества, а отъ того, что надъ разработкой всеобщей исторіи трудятся слишкомъ два тысячелѣтія, между тѣмъ какъ исторія музыки еще до сихъ поръ не возвысилась надъ уровнемъ частныхъ, кропотливыхъ археологическихъ изслѣдованій и изысканій. По справедливому замѣчанію Фетиса, то, что до сихъ поръ любилъ

называть исторіей музыки, гораздо вѣрнѣе было бы назвать ея археологіей, хотя безпристрастіе требуетъ прибавить, что этотъ заслуженный ученый одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе виноваты въ сообщеніи исторіи музыки ея педагогическаго, мелочнаго и бесплоднаго характера. Между тѣмъ не трудно показать, что эти свойства вовсе не заключаются въ сущности самого предмета. Не трудно показать, что исторію музыки сразу можно было бы поднять изъ той исключительной сферы пыльной эрудиціи, въ которую она теперь заключена, и возвысить на уровень болѣе общечеловѣчeskій и симпатичный, разъясненіемъ необходимой связи между ею и общео исторіей, указаніемъ ея живой солидарности со всѣми другими отраслями человѣческаго развитія. Попытки такого изложенія исторіи музыки, при которомъ она была бы согрѣта общею идеею, уже были дѣланы съ большимъ успѣхомъ, если успѣхомъ называть эффектъ на читателей. Такъ, между прочимъ, у нашего соотечественника, покойнаго Улыбышева, въ его остроумной книгѣ о Моцартѣ, находится обзоръ исторіи музыки, цѣль котораго доказать, что вся исторія до Моцарта имѣетъ цѣну и важность только въ смыслѣ подготовки къ его сочиненіямъ, и что, слѣдовательно, Моцартъ сдѣлалъ всѣхъ своихъ предшественниковъ ненужными и излишними, такъ какъ онъ — полный цвѣтъ, а они — лишь различные фазисы почки. Такой парадоксъ, прелестный и увлекательный по тому справедливому энтузіазму, въ которомъ онъ имѣетъ корень, для исторіи — смерть; излагая исторію, мы должны давать лишь то, что есть въ ней, а не то, что живетъ внутри насъ въ формѣ вкусовъ, влеченій и тенденцій. Наложеніе на исторію колорита своихъ собственныхъ чувствъ, враждебныхъ къ тому, пристрастныхъ къ другому, не только вредитъ правильному толкованію явленій, но незамѣтно ведетъ къ прямому искаженію фактовъ. Такіе произвольные, насильственные синтезы (я бы могъ привести новѣйшія повторенія Улыбышевскаго заблужденія, въ которыхъ мѣсто Моцарта занялъ Вагнеръ, а поверхностная самонадѣянность и недостатокъ серіознаго взгляда, замѣтные у Улыбышева, остались на своихъ мѣстахъ) возможны при всякомъ направленіи автора: какой бы ни былъ у него конекъ, если только такой у него есть, если только въ его убѣжденіяхъ приютился Платонъ

или Сократъ, съ которымъ онъ, вопреки извѣстной поговоркѣ, болѣе друженъ нежели съ правдой, его историческая картина всегда будетъ освѣщена фальшиво. Мы станемъ на безопасную для истины точку зрѣнія лишь тогда, когда совершенно откажемся отъ всѣхъ предвзятыхъ требованій, отъ всякаго извѣт присеннаго идеала. И помимо блестящихъ парадоксовъ, привлекающихъ праздное любопытство какъ фокусы нашей мысли, но насилующихъ историческое изложеніе, мы можемъ внести въ изученіе исторіи музыки животворную мысль, сообщающую ей, даже при настоящемъ недостаткѣ матеріала, при современномъ незнаніи цѣлыхъ періодовъ искусства, теплый интересъ и изящную стройность. Но исторія музыки должна насъ заинтересовать съ двухъ различныхъ сторонъ, и общая мысль, которая сообщитъ ей живость и связность, будетъ различна по содержанію, смотря по тому, какую изъ этихъ двухъ сторонъ мы изберемъ для разсмотрѣнія предмета. Исторія музыки—предметъ пограничный между искусствомъ и наукой; она находится на рубежѣ двухъ образованій, обще-человѣческаго и музыкальнаго; она имѣетъ искусство предметомъ познанія, а науку средствомъ къ этому познанію. Уже въ ея названіи есть эта двойственность: въ одной половинѣ его мы видимъ „музыку“, въ другой—„исторію“. Исторія музыки, поэтому, можетъ разсматриваться или какъ составная часть музыкальнаго знанія (подобно контрапункту, гармоніи, теоріи формъ, инструментовкѣ), или какъ отдѣльная отрасль всеобщей исторіи (въ такомъ случаѣ она займетъ мѣсто рядомъ съ исторіей политики, наукъ, литературы, образовательныхъ искусствъ, и ближе всего именно къ тѣмъ имѣющимъ громадную будущность отраслямъ исторіи, которыя уже теперь соединены въ особую группу подъ именемъ *исторіи цивилизаціи*).

Мы сначала разсмотримъ менѣе важную изъ этихъ двухъ сторонъ предмета, для того чтобъ окончателно остановиться на болѣе существенной. Болѣе же всего существенна для насъ, музыкантовъ, собравшихся для того чтобъ углубиться въ спеціальный предметъ, конечно, собственно-музыкальная сторона дѣла: ее мы разсмотримъ позже и подробнѣе, а теперь обратимся къ исторіи музыки какъ отдѣлу единой, всеобщей исторіи.

Каждая отдѣльная отрасль дѣятельности народа, каждое отдѣльное проявленіе его творчества — лучъ, испускаемый

общимъ солнцемъ его цивилизаціи. То же, что я сказалъ объ отдѣльномъ народѣ, справедливо и по отношенію къ отдѣльной эпохѣ: другими словами, каждая эпоха цѣликомъ называется лишь въ совокупности всѣхъ своихъ дѣяній и проявленій. Можно сознаться въ своемъ безсиліи провести аналогію между тою и другою вѣтвю дѣятельности народа или вѣка, можно по недостатку собранныхъ фактовъ и приготовительныхъ работъ не проникнуть взоромъ въ самую оболочку кажущихся противорѣчій, но нельзя категорически отрицать существованія этой аналогіи, недобросовѣстно останавливаться произвольно и упрямо на этихъ прозрачныхъ противорѣчіяхъ. Тѣ же свойства, тотъ же характеръ, тѣ же стремленія, тѣ же идеалы народа и вѣка, хотя прошедшіе черезъ безконечныя измѣненія формы, сказываются и въ религіозной жизни, и въ государственномъ строѣ, и въ промышленной дѣятельности, и въ научныхъ изслѣдованіяхъ, и въ художественномъ творествѣ. Почва, на которой произрасли эти отдѣльныя отрасли, — единая, цѣльная историческая жизнь, нераздѣльная въ дѣйствительности и дѣлимая только пытливою наукой, а потому и каждая отдѣльная вѣтвь носить отпечатокъ своего общаго съ другими происхожденія. Вотъ почему исторія музыки должна быть признана отдѣломъ всеобщей исторіи — отдѣломъ, спѣшу прибавить, изъ наименѣе обработанныхъ, изъ наиболее хаотическихъ, но тѣмъ не менѣе равноправнымъ съ каждымъ другимъ отдѣломъ исторіи, хотя бы съ исторіей дипломатіи и войны. Мысль о зависимости музыки каждаго времени и мѣстности отъ умственного склада и движенія, преобладавшаго въ это время и въ этой мѣстности, не нова, но она до сихъ поръ получила лишь самое частное и отрывочное примѣненіе. Болѣе обширному введенію обобщенія и аналогіи въ изложеніе исторіи музыки мѣшаетъ между прочимъ слѣдующій фактъ, на который я долженъ особенно обратить ваше вниманіе: музыкальныя явленія, выражающія одинаковое направленіе съ явленіями другихъ сферъ, напримѣръ литературы, не всегда имъ современны. Почему такъ — трудно объяснить логически-удовлетворительно. Почему Бетговень, соотвѣтствующій Шиллеру по субстанціи таланта и по принятому направленію, явился нѣсколько позже его, почему музыкальный Байронъ, Шуманъ, жилъ гораздо позже своего поэтического двойника, между тѣмъ

какъ музыкальный Викторъ Гюго, Листъ, современникъ настоящаго Виктора Гюго, и въ прошломъ столѣтіи Лессингъ и Глукъ, однородные по натурѣ и тенденціи, жили и умерли въ одно время, это можно спросить, но было бы слишкомъ самонадѣянно на это отвѣчать. Вообще преобладаетъ слѣдующее явленіе: композиторъ или школа композиторовъ, въ которыхъ музыка по-своему отражаетъ настроеніе эпохи, являются въ ея исходѣ или даже по ея истеченіи: музыка движется параллельно религіи, политикѣ, литературѣ и пр., но на значительномъ отъ нихъ разстояніи. Но, какъ мы видѣли, бываютъ и исключенія. Хронологія, поэтому, можетъ руководствоваться историческими параллелями между искусствомъ и общею жизнью, или между однимъ искусствомъ и другимъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, ибо, хотя общее теченіе цивилизаціи, подобно общему движенію альпійскаго ледника, направлено лишь въ одну сторону, отдѣльныя ея вѣтви, подобно отдѣльнымъ частямъ ледника, двигаются однѣ скорѣе, другія медленнѣе, а музыку въ особенности мы должны считать отраслью запаздывающею.

Хотя изученіе исторіи музыки, какъ я уже замѣтилъ, стоитъ на весьма низкой ступени и будетъ на ней стоять пока не будетъ собрано большее количество необходимыхъ фактовъ, тѣмъ не менѣе можно указать на нѣкоторые примѣры ея живой связи съ общимъ развитіемъ человѣчества. Начну съ одного изъ самыхъ общихъ, самыхъ обширныхъ, самыхъ глубокихъ фактовъ музыкальнаго развитія: я разумѣю зависимость музыки отъ появленія, распространенія и раздѣленія христіанства. Ни въ чемъ, можетъ-быть, соотвѣтствіе между музыкальными фактами и фактами общаго развитія не кидается въ глаза съ такою поразительною очевидностью. Вся гармонія, явившаяся первоначально въ видѣ стремленія украсить и усилить церковный *гласъ* прибавленіемъ къ нему другаго, параллельнаго голоса, произошла изъ того средневѣковаго изощренія ума на всевозможныя средства украсить храмъ Божій и сдѣлать его, вопреки человѣческой немощи, по возможности достойнымъ его идеальнаго назначенія, изъ того изощренія ума на изящное и на великое, которое привело къ такимъ громаднымъ, вѣковымъ твореніямъ зодчества и живописи. Всѣмъ извѣстны эти громадныя храмы среднихъ вѣковъ, всѣмъ извѣстна ихъ строгая величавость, удивительно морящаяся съ самою роскошною

и затѣливую фантазіей, всѣмъ извѣстны эти безчисленныя картины безчисленныхъ италіянскихъ школъ, изъ которыхъ каждая по-своему выражала полетъ человѣческой души къ идеалу, къ безконечному; но гораздо менѣе извѣстно, что въ музыкальномъ мірѣ христіанское одушевленіе произвело переворотъ и вдохнуло жизнь никакъ не менѣе нежели въ живописи (я съ намѣреніемъ говорю въ живописи, а не архитектурѣ: христіанство буквально создало живопись и музыку, *въ томъ видѣ, въ какомъ мы теперь понимаемъ эти искусства*, между тѣмъ какъ архитектура не только была, но и процвѣтала у древнихъ). Гораздо менѣе извѣстно, что гениальный и вдохновенный періодъ времени, непосредственно послѣдовавшій за средними вѣками и воплотившій въ своемъ искусствѣ ихъ руководящія идеи, великій періодъ человѣческой мысли, давшій намъ поэтовъ и живописцевъ, имена которыхъ у всѣхъ на устахъ, былъ и для музыки временемъ высшаго процвѣтанія, съ тою разницей, что тогда какъ въ другихъ сферахъ мысли (напримѣръ въ Шекспировскихъ драмахъ) мы на ряду съ средне-вѣковою жизнью встрѣчаемъ гениальныя, пророческія провозвѣстничества далекаго будущаго, смутно мерцавшаго въ этой эпохѣ пробужденія, музыкальное творчество, современное Гуттенбергу, Колумбу, Копернику и Лютеру, съ особенною яркостью отразило, словно на процаніи, горячую вѣру и безпокойный мистицизмъ среднихъ вѣковъ. Немногіе знакомы съ громаднымъ объемомъ этого музыкальнаго творчества, его глубиной и красотой; можетъ даже показаться страннымъ, если я скажу, что церковная музыка имѣетъ свои школы, фламандскую, римскую и венеціанскую, творенія которыхъ смѣло могутъ соперничать съ картинами великихъ живописцевъ знаменитыхъ школъ, случайно, но многозначительно послѣдующихъ тѣ же самыя названія. Музыка слѣдила за всѣми судьбами христіанской церкви: она дважды сопутствовала упадку и униженію католицизма, разъ въ XIV столѣтіи, когда въ церковное пѣніе вторглись „дискантъ“ и импровизація, другою разъ въ наше время, когда церковная католическая музыка, забывъ о своемъ великомъ прошломъ, пробавляется лоскутками изъ новѣйшихъ оперъ, беззастѣливо перенесенныхъ въ Божій храмъ. Она совершенно преобразилась съ реформаціей, оставивъ іератическій контрапунктъ, доступный только хору обученныхъ пѣвчихъ на дѣпрестъ,

создавъ демократическій хоралъ, пѣтый всѣмъ приходомъ, и возвысивъ,—до нѣкоторой степени вознаграждая искусство за приближеніе вокальной музыки, — органную игру и органную композицію. Она сопутствовала позднѣйшимъ расколамъ самого протестантизма, выражая его крайнюю форму—раціонализмъ, соответственнымъ оскудѣніемъ. Наконецъ, своимъ общимъ упадкомъ въ послѣднія сто лѣтъ церковная музыка, хотя отрицательно, но краснорѣчиво, выразила общее стремленіе умовъ, обращенныхъ отъ духовнаго къ свѣтскому и подрывающихъ религіозную жизнь современной Европы гораздо болѣе нейтральнымъ равнодушіемъ къ вѣрѣ нежели сумасбродными отрицаніями ея основанныхъ догматовъ.

Другой примѣръ интереснаго совпаденія представляютъ намъ новѣйшая музыка и французская революція. Революція, въ противоположность прежней общности и цѣльности строя жизни, выдвинула на первый планъ отдѣльную личность съ ея мнимыми или дѣйствительными правами. Она, вѣроятно надолго, лишила и искусство прежняго мирнаго, полнаго и цѣльнаго настроенія: она была отрицаніемъ, стремленія ея были разрушительны и потому на искусствѣ вообще, какъ на дѣятельности исключительно создающей, отозвались тяжело и больно. Но эта эманципація личности, это всплытіе на поверхность отдѣльной воли и отдѣльнаго произвола, взявъ прежняго общаго тона и колорита, подаривъ умственную жизнь множествомъ разнообразныхъ индивидуальностей, возвысила и въ искусствѣ притязаніе, самоувѣренность и самоизученіе субъекта. Сколько ни было вслѣдствіе этого въ каждомъ искусствѣ явленій болѣзненныхъ и смѣшныхъ, нельзя не признать оригинальность и новизну возникшаго отсюда направленія. Направленіе это, извѣстное подъ именемъ субъективнаго лиризма, отозвалось на музыкѣ весьма характерными чертами. Впервыхъ, оно эманципировало содержаніе. Музыка,—уже въ послѣднихъ квартетахъ Бетгоvena, но болѣе у Шумана и всего болѣе у Листа,—не ограничивается выраженіемъ общихъ, родовыхъ чувствъ человѣка, доступныхъ всѣмъ намъ въ одинаковой степени; она, не всегда удачно, слѣдитъ за тончайшими изгибами страдающей, взволнованной и раздраженной души, переноситъ ихъ, по мѣрѣ силъ, въ свой неопредѣленный и трудно-уловимый

языкъ. Прежнихъ музыкальныхъ оборотовъ, прежнихъ звуко-сочетаній оказалось недостаточно для того чтобы передать эти тонкія фибры самоуслаждающейся субъективности. Прежнія композиціи преимущественно держались одной какой-нибудь гаммы и оставляли ее рѣдко, но надолго. Такимъ образомъ, въ каждой отдѣльной фразѣ рѣдко было болѣе семи различныхъ звуковъ, или, говоря техническимъ языкомъ, стиль сочиненія былъ преимущественно *диатоническъ*. Нынѣ пишутъ въ смѣшанной гаммѣ, въ которой всѣ полутоны имѣютъ почти одинаковую между собою важность: тональное единство исчезло, каждая фраза имѣетъ уже не семь, а цѣлые двѣнадцать звуковъ, стиль сочиненія сдѣлался *хроматическимъ*. вмѣстѣ съ этимъ, надъ спокойными консонирующими аккордами все болѣе и болѣе превѣсь приобретаютъ страстные септаккорды и нонаккорды. Я сейчасъ говорилъ, что не всегда эта субъективность музыки удачна. Не только сочиненіе, но даже слушаніе подобной музыки перестало быть дѣломъ народа и становится дѣломъ кружка. Такимъ образомъ, музыка, отразившая въ себѣ революцію, точно также является дѣломъ меньшинства, какъ и самая теорія политической революціи: народъ и въ государствѣ, и въ музыкѣ является партизаномъ старикъ и преданія, народъ и здѣсь и тамъ консервативенъ. Въ вторыхъ, субъективный лиризмъ повлиялъ на формы музыкальныхъ сочиненій, разрознивъ и раздробивъ прежнія крупныя формы на мелкія и, въ этомъ случаѣ, на простѣйшія. Содержаніе усложнилось и сдѣлалось разнообразнѣе, потерявъ прежнюю кристаллическую прозрачность; но форма раздробилась, и вслѣдствіе этого каждый отдѣльный ея обломокъ сталъ легче, обозримѣе. вмѣсто прежнихъ огромныхъ сочиненій, основанныхъ отчасти на сложеніи отдѣльныхъ, самостоятельныхъ фразъ (форма сонаты), отчасти на послѣдующихъ измѣненіяхъ одной и той же фразы (форма вариаций), явилась вереница мелкихъ сочиненій съ заглавіями, относившимися не къ общей формѣ, какъ то дѣлалось прежде и въ музыкѣ, и въ поэзіи, а къ индивидуальному содержанію каждой піесы, къ тому кругу представленій, который она намѣревалась вызвать. Втретьихъ, субъективный лиризмъ перенесъ центръ тяжести музыкальнаго творчества изъ вокальнаго міра въ міръ инструментальный. Голоса—древнѣйшее музыкальное орудіе; они же и совер-

шевейшее орудіе для выраженія музыкальной мысли, ибо совершенство музыкальнаго орудія основано не на его объемѣ или легкости употребленія, а на теплотѣ и красотѣ его звучности,—качества, существованіе которыхъ очень трудно доказать, но которыхъ у голоса человѣческаго никто и не оспариваетъ. Часто было говорено, что инструменты (вѣрнѣе: *прочіе* инструменты) подражаютъ голосу. Исторія музыки должна ограничить такое воззрѣніе фактомъ, что инструментальные голоса только въ самомъ началѣ инструментальной музыки составляли рабскую копію (или, говоря техническимъ языкомъ, *удвоеніе*) голосовъ человѣческихъ, но что уже въ началѣ XVII столѣтія появляются такія фигуры въ струнныхъ инструментахъ, которыя голосу человѣческому недоступны и очевидно выведены изъ механическихъ свойствъ самого инструмента, и что въ настоящее время *хорошою* вокальную музыку отъ *хорошей* инструментальной раздѣляетъ цѣлая бездна. Голосъ ограничиваетъ не только въ своемъ объемѣ, но и въ способности интонировать. Онъ вѣрно интонируетъ только самыя простыя, естественныя и разумныя звукосочетанія. Неправильность композиціи всегда наказывается неправильностью интонаціи. Поэтому композиторъ вокальной музыки поневолѣ долженъ относиться къ голосамъ объективно. Онъ имъ не навязываетъ *свое* содержанія, но возводитъ въ идеалъ *ихъ* содержаніе. Изъ этого видно, что голосъ для субъективныхъ лириковъ—матеріалъ непослушный и неблагоприятный: они и отвернулись отъ него и ареной композиціи избрали механическіе инструменты, послушныя, гибкіе. Отсюда новая характеристическая черта современной музыки. Выше, говоря о революціи, я упомянулъ объ эманципаціи личнаго произвола. Этотъ произволъ начинаетъ переходить и въ музыку и разрушать ея вѣковое знаніе. Послѣ отрицанія на практикѣ музыкальныхъ догматовъ, изъ которыхъ многіе, дѣйствительно, успѣли устарѣть, послѣ эманципаціи гармоніи отъ законовъ *консонанса* и *тональности*, едва ли когда-нибудь имѣющихъ утратить свое значеніе, какъ отличительныя свойства европейской цивилизованной музыки—явилось теоретическое отрицаніе, во имя личнаго воззрѣнія, самой музыки, какъ искусства самостоятельнаго, „эгоистическаго“. Небезынтересно, что провозвѣстникъ этой теоріи, Рихардъ

Вагнеръ, рядомъ съ отдѣльнымъ существованіемъ искусствъ (имѣющихъ, по его требованію, слиться въ одно), отрицаетъ, кстату, и государство, и христіанство, и цивилизацію. Да будетъ намъ это совпаденіе ручательствомъ, что музыку успѣютъ убить не раньше, какъ предварительно покончивъ съ религіей, съ общественнымъ порядкомъ и со стремленіемъ къ образованію.

Я бы могъ привести большее число любопытныхъ примѣровъ вліянія, какое общее теченіе цивилизаціи всегда оказываетъ на музыку, но ограничусь двумя приведенными, такъ какъ первый изъ нихъ самый обширный а второй — самый современный. Теперь я обращаюсь къ той сторонѣ исторіи музыки, съ которой она представляется не отраслью всеобщей исторіи, а отдѣломъ музыкальнаго познанія.

Центръ этого познанія, ложно называемый *теоріей* музыки, заключается въ изученіи тѣхъ техническихъ средствъ, тѣхъ формъ и сочетаній, которыми обладаетъ музыка, во всѣхъ ихъ свойствахъ, какъ-то: взаимной зависимости, совмѣстимости или исключеніи, большей или меньшей употребительности, и пр. и пр. Изученіе музыки въ этомъ смыслѣ и есть изученіе ея теоріи, а то что принято называть изученіемъ музыки, заключается въ ознакомленіи съ какимъ-нибудь специальнымъ орудіемъ музыки (голосомъ или инструментомъ) и способомъ его употребленія для музыкальныхъ цѣлей. Поэтому исторія музыки, если годна и полезна для музыки, то только для ея общаго познанія, то-есть для „теоріи“ музыки. Въ этой „теоріи“ различныя фазисы смѣняли одиѣ другой, сначала медленно, потомъ быстрѣе и быстрѣе. Можно (хотя такое произвольное дѣленіе всегда насильственно и мертвее), для удобства и приблизительно, раздѣлить исторію музыкальнаго познанія на пять періодовъ (помимо греческой теоріи, которая не имѣетъ съ нашею ничего общаго, кромѣ того общаго опредѣленія, что и она изучала звуки). *Первый* изъ этихъ періодовъ, обнимающій собою средніе вѣка до исхода XIV или начала XV столѣтія, періодъ приготовительный: теорія ищетъ какъ въ потемкахъ, оцупью, выхода изъ тѣснаго круга церковной и простонародной гомофоніи, и пытаясь сочетать между собой два или три голоса, ошибается и останавливается на каждомъ шагѣ, покупая каждое свое убѣжденіе цѣной долгихъ, иногда вѣковыхъ, блужданій. *Вто-*

2ой періодъ теоріи музыки тотъ, гдѣ исходомъ и выводомъ этихъ вѣковыхъ опытовъ и исканій явилась наконецъ система практическихъ наставленій и совѣтовъ композиторамъ, какъ имъ обращаться съ тѣмъ матеріаломъ, для котораго тогда исключительно сочиняли,—съ многоголоснымъ хоромъ. Если стать на точку зрѣнія тѣхъ реальныхъ условій, среди которыхъ была поставлена тогдашняя музыкальная композиція, то надобно признаться, что нельзя себѣ представить ничего послѣдовательнѣе, стройнѣе и гармоничнѣе этой системы; но нельзя не признаться, что она вытекаетъ изъ чисто произвольнаго предположенія, вмѣсто котораго можно поставить всякое другое предположеніе. Эта-то чисто эмпирическая теорія музыки называется *контрапунктомъ*, а періодъ имъ занимаемый, *контрапунктическимъ*: онъ соответствуетъ эпохѣ возрожденія, то-есть идетъ отъ XV вѣка до конца XVI, и затѣмъ занимаетъ еще цѣлое XVII столѣтіе, довольно безплодное въ музыкально-теоретическомъ отношеніи. Я здѣсь умалчиваю объ изобрѣтеніи въ XVII вѣкѣ генераль-баса и теоріи его касающейся, такъ какъ генераль-басъ не только не есть музыкальное сочиненіе, но даже не есть способъ музыкальнаго сочиненія, а только способъ сокращеннаго письма, и правила для него, край не высшія и спеціальныя, лишь по забавной ошибкѣ дилеттантовъ могли считаться квинтъ-эссенціей музыкальной мудрости. Третій періодъ теоріи музыки, занимающій XVIII столѣтіе и первые три десятилѣтія XIX, состоитъ опять изъ ряда неудачныхъ попытокъ, но не сочетать звуки одновременно, что было задачей среднихъ вѣковъ, а отыскать разумныя основы для музыкальной практики, совершенно въ духѣ XVIII вѣка, который во всемъ добивался торжества „разума“. Я говорилъ, что эти попытки были неудачны, и вотъ почему: XVII вѣкъ, обильный успѣхами точныхъ наукъ, сдѣлалъ между прочимъ акустическія открытія, которыми теоретики XVIII вѣка думали воспользоваться для установленія непреложныхъ началъ музыкальнаго сочиненія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они, и во главѣ ихъ Рамб, который самъ былъ отличный композиторъ, были слишкомъ искусныя практики для того чтобъ отбросить сводъ голосовыхъ оборотовъ и сочетаній, который имъ достался въ наслѣдіе отъ прошлыхъ вѣковъ: пришлось во что

бы то ни стало согласить безусловную акустическую теорію, основанную на неумолимыхъ цифрахъ, съ казуистическою практикою контрапункта, основанною на уступчивыхъ требованіяхъ слуха, и тутъ-то теоретики XVIII вѣка впутались въ лабиринтъ непослѣдовательностей и противорѣчій. Непослѣдовательности эти продолжались, видоизмѣняясь, но не уменьшаясь, до тѣхъ поръ пока, уже во второй четверти нашего столѣтія, Марксъ, родоначальникъ *четвертаго* періода музыкальной теоріи, совершенно отбросивъ математическія и логическія претензіи, основалъ музыкальную систему лишь повидимому на естественныхъ созвучіяхъ (составляющихъ исходную точку его ученія), но въ сущности на требованіяхъ поэтической идеи или, вѣрнѣе, психическаго движенія, изображаемаго композиторомъ. Согласіе идеи съ формой, согласіе выраженія съ чувствомъ, таковъ былъ принципъ Марксова ученія: звукосочетанія разсматривались по психическому смыслу, приписываемому имъ этимъ ученіемъ, а не по законамъ, которыми они подчинены. Въ примѣненіи этой теоріи Марксъ былъ необыкновенно остороженъ и увертливъ, соглашаясь съ нею контрапунктическія, то-есть практическія преданія, что было гораздо легче нежели согласить ихъ съ математическими отвлеченіями: ибо „чувство“, положенное въ основаніе Марксовой теоріи, непременно должно быть сродственно съ тѣмъ чувствомъ, которое исторически вызвало и создало контрапунктъ. Обширное знаніе *новѣйшей* исторіи музыки, преимущественно отъ Глука до Бетгоvena, и патетическое краснорѣчіе, въ первый разъ со времени фактическихъ теоретиковъ среднихъ вѣковъ раздавшееся съ кафедръ музыкальной, сдѣлала теорію Маркса невѣроятно популярною и прославленною: но въ этомъ поставленіи поэтической идеи какъ высшаго критеріума музыкальной красоты, въ этой эманципации субъективнаго чувства, въ этомъ призваніи въ музыку совсѣмъ немусикальныхъ факторовъ, уже таились сѣмена будущихъ отрицаній и разрушеній, сѣмена, пускающія первые отростки въ полемикѣ Маркса съ Деномъ. Поэтому въ исходѣ Марксовскаго періода, въ 1853 году, одинъ изъ членовъ старой (до-Марксовской) партіи музыкальныхъ теоретиковъ, Морицъ Гауптманъ, писатель съ глубокими и многосторонними свѣдѣніями, попытался, въ туманной и неудобопонятной книгѣ, приложить Гегелевскую

философію къ музыкальной технику и этимъ дать ей положительныя основы, не подлежащія личному увлеченію, какъ зыбкое и переменчивое чувство. Книга его, часто называемая, но мало читаемая, богата тонкими и вѣрными замѣчаніями; несмотря на свою педантскую форму, она изобилуетъ остроумными и изящными сближеніями; и доводами. Но и въ ней неумолимый отвлеченный разумъ по временамъ становится въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Такъ напримѣръ, призывая только двѣ гаммы, одну положительную (мажорную), другую отрицательную (минорную), Гауптманъ увлекаетъ красотой аналогіи между положительнымъ и мажорнымъ, между отрицательнымъ и минорнымъ; но протрезвленный дѣйствительностью, воспитанный исторіей, умъ музыканта протестуетъ противъ такого гнета красивыхъ отвлеченностей: онъ знаетъ, что гаммъ не двѣ, а по крайней мѣрѣ шесть, изъ обломковъ которыхъ образовалась нынѣшняя гармонія, насильно подводимая подъ категоріи мажора и минора, но далеко не принадлежащая этимъ двумъ категоріямъ исключительно.

Пятый періодъ развитія теоріи музыки едва начинаетъ мерцать: онъ переноситъ теоретическій критеріумъ вѣрности снова изъ области субъективной—психологіи и философіи, въ область объективную—физику и физиологию. Періодъ этотъ надобно считать отъ появленія, въ 1863 году, книги знаменитаго гейдельбергскаго физиолога Гельмгольца *Die Lehre von den Tonempfindungen als physiologische Grundlage für eine Theorie der Musik* (*Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физиологическая основа теоріи музыки*). Направленіе этой книги тождественно съ направлениемъ даровитѣйшихъ теоретиковъ прошлаго столѣтія: она обращена къ акустикѣ; но тогдашніе музыкальные ученые не знали еще что дѣлать съ акустикой, такъ какъ связь между феноменомъ звучащаго тѣла и феноменомъ нервного ощущенія тогда не была еще уловлена, и акустика существовала только какъ наука физическая, а не въ формѣ физиологической акустики; нынѣ же блестящее сочиненіе Гельмгольца является во всеоружіи новѣйшаго естествознанія. Книга его, кромѣ глубокаго знанія механики, акустики, анатоміи и физиологіи, замѣчательна еще необычайнымъ для ученаго знаніемъ музыкальнаго дѣла: знаніе это совсѣмъ не дилеттантскаго калибра и могло бы привести

честь любому специалисту по музыкальной теории и истории. Общая положенія Гельмгольца, конечно, неоспоримы, и приобѣтене ихъ для музыкальной теоріи—великій шагъ впередъ. Но все-таки надобно сказать, что величайшая заслуга Гельмгольца—та скромность истиннаго, не упоеннаго собой величія, съ которою онъ въ одной части своей книги кладетъ математическое и естественно-научное оружіе и сознается въ бессиліи естествознанія идти въ музыкѣ дальше общихъ, вѣчныхъ положеній и контролировать ея частныя, временныя явленія. Попытки объяснять музыкальныя частности и тонкости акустикой бывали до Гельмгольца, но онъ приводили всегда къ нелѣпостямъ; ихъ и предпринимали всегда плохіе естествовѣды, а Гельмголецъ, будучи однимъ изъ величайшихъ естествовѣдовъ нашего времени, въ противоположность этимъ дилеттантскимъ попыткамъ, самъ сознается, что весьма и весьма многія музыкальныя явленія, въ томъ числѣ, напримѣръ, гаммы, совсѣмъ не слѣдуютъ изъ природы звука, а созданы исторіей и вслѣдствіе того представляютъ многочисленныя различія, смотря по времени и мѣстности.

Въ этомъ великомъ и скромномъ подвигѣ: остановить свою методу во-время, несмотря на многочисленныя искушенія и таланта, и громаднаго знанія, и эффектной новизны положеній, искушенія провести ее до конца, маскируя свою недобросовѣстность блестящими софизмами, заключается и великое пророчество новаго, *историческаго* періода музыкальной теоріи, который наступитъ тогда, когда музыкальная теорія высвободится изъ-подъ только-что начинающагося господства точныхъ и естественныхъ наукъ. Гельмголецъ самъ, въ той части своего труда, которому вышеприведенное признаніе служитъ введеніемъ, дѣлаетъ очеркъ исторіи музыки, очеркъ, замѣтимъ кстати, превосходный. Подобно тому, какъ въ его гениальной книгѣ этому историческому взгляду на музыкальные феномены предшествуютъ изслѣдованія физическія и физиологическія, и въ живой исторіи музыкальнаго сознанія послѣ возрѣнія механическаго и математическаго наступитъ, можетъ-быть не скоро,—ибо прежде всего необходимо, чтобы современное возрѣніе углубилось и созрѣло,—періодъ возрѣнія историческаго и эстетическаго. И этотъ періодъ будетъ ближе къ истинѣ чѣмъ періодъ математическихъ и механическихъ возрѣній „Въ человѣ-

ческа дѣла,“ прекрасно говоритъ Гервинусъ, осуждая мечтательныя теоріи политическихъ *реалистовъ*, „всегда примѣшивается доля свободы и произвола, но мѣра этой доли никогда не можетъ быть опредѣлена съ точностію“. А какое дѣло, спросимъ мы, болѣе „человѣческое“ нежели искусство? Въ *искусствѣ* безусловный законъ природы тоже пульсируетъ, но вгдѣ пульсъ его не бьется такъ слабо, вгдѣ, при общей разумности и законности, не допускается такъ много частныхъ уклоненій, какъ въ искусствѣ, и не даромъ въ общемъ, ходячемъ представленіи „искусство“ противопоставляется „природѣ“. Искусство только въ своемъ матеріалѣ, въ своихъ элементахъ, подлежитъ естественно-научнымъ опредѣленіямъ, но не въ томъ, что составляетъ всю его красоту, силу и гордость—въ отдѣльныхъ, индивидуальныхъ твореніяхъ.

Шестой періодъ развитія музыкальной теоріи, который спокойно можно предсказать, основываясь на вышеизложенныхъ истинахъ, а больше всего на общемъ историческомъ направленіи, принятомъ нашимъ вѣкомъ, точно такъ же обратится за рѣшеніемъ своихъ вопросовъ къ исторіи музыки, какъ современный намъ періодъ ищетъ ихъ разрѣшенія въ акустикѣ, механикѣ, анатоміи и физиологіи. Тогда лишь теорія музыки почувствуетъ подъ ногами твердую почву, которая теперь подъ ней все еще колеблется и уступаетъ. Она отъ спекулятивной методы, не допускающей случайныхъ отступленій, перейдетъ къ эмпирической методѣ, благоговѣющей передъ дѣйствительностію и ея многообразіемъ. Она выведетъ всю гармонію не догматически изъ естественнаго созвучія, а исторически изъ голосовыхъ сочетаній. Она вспомнитъ, что гармоническій синтезъ шелъ не отъ одного аккорда къ слѣдующему (какъ любятъ представлять себѣ современные гармонисты), а отъ меньшаго числа голосовъ къ большому, и что въ этомъ постепенномъ возрастаніи числа голосовъ и кроется вся тайна увеличенія гармоническихъ средствъ, другими словами, что вся гармонія произошла отъ контрапункта. Тогда, въ этомъ торжественномъ и свѣтломъ будущемъ, окончательно сольются двѣ науки: исторія музыки и теорія музыки, ибо школа, для педагогическихъ нуждъ которой и существуетъ мнимая „теорія“, вмѣсто высиженныхъ ею же отвлеченій, дастъ ученику знакомство съ великими образцами многихъ вѣковъ и проведетъ

его самостоятельность черезъ всѣ типическія формы, послужившія къ развитію музыки. Тогда наконецъ, предъ этою историческою системою музыки, сложятся во прахъ и теперешнія разрушительныя и отрицательныя стремленія въ музыкѣ, сотрутся и исчезнутъ революціонныя ученія, распространеніе и обаяніе которыхъ обратно пропорціональны знанію исторіи: ибо опытъ показалъ, что отрицаніе не боится отвлеченной мысли, а охотно и успѣшно искажаетъ мысль, заставляя ее служить революціонному софизму; но бессильно и ничтожно отрицаніе передъ священнымъ всемогуществомъ исторіи.

Г. ЛАРОШЪ.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древняго и до настоящаго времени Вильяма Уэвелля. Переводъ съ 3-го англійскаго изданія М. А. Антоновича и А. Н. Шыпина. С.-Петербургъ. 1867.

Недавно вышли въ свѣтъ первые два тома перевода знаменитаго сочиненія покойнаго Юэлла (Whewell): *Исторія индуктивныхъ наукъ*. Твореніе Юэлла пользуется такою всеобщею и заслуженною извѣстностью, что переводъ его, достойный подлинника, былъ бы бесспорно капитальнымъ приобрѣтеніемъ нашей литературы и важною заслугой переводчика. Перевести трактатъ Юэлла очень не легкое дѣло, требующее отъ переводящаго серіозныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній. Юэлла обзрѣваетъ исторически весь рядъ точныхъ наукъ, проникая въ глубину научныхъ теорій и нерѣдко въ нѣсколькихъ строкахъ сжимаетъ сущность трудныхъ и сложныхъ ученій. Переводчику необходимо самому быть знакомымъ съ этими ученіями, для того чтобы вѣрно воспроизвести образцовое изложеніе оригинала, удивляющее, въ его сжатой формѣ, соединеніемъ поразительной ясности съ глубиною и точностію. Для русскаго переводчика трудность передачи увеличивается еще тѣмъ, что у насъ не установились ни ученая терминологія, ни строгій ученый языкъ. Раскрывъ длинное предисловіе, приложенное ко второму тому русскаго изданія и подписанное однимъ изъ переводчиковъ, г. Антоновичемъ, мы полагали встрѣтить въ немъ указанія на то какъ переводчики отнеслись къ своей нелегкой работѣ и какіе пути избирали для того чтобы побѣдить трудности

своего столь серьезнаго предпріятія. Но на дѣлѣ вышло, что въ предисловіи г. Антоновича такихъ указаній не значится, а значитъ въ немъ нѣчто совсѣмъ иное и крайне неожиданное. Въ немъ и намека нѣтъ, изъ котораго можно было бы заключить, что переводъ Юэлла стоилъ хотя бы малѣйшаго усилія переводчикамъ, сдѣлавшимъ такой подарокъ русской публикѣ; напротивъ, приходится думать, что они чертили свой переводъ почти шутя: какъ было имъ церемониться съ какимъ-нибудь Юэлломъ, имѣя на плечахъ такое дѣло, какъ сѣяніе новыхъ идей и борьба со старыми предразсудками! Изъ предисловія г. Антоновича мы узнаемъ, что и назвалъ-то Юэллъ сочиненіе свое не точно и не ясно и наименовалъ его *Исторіей индуктивныхъ наукъ* вѣроятно для того чтобъ это „по звуку нѣсколько философское заглавіе“ заставило подумать, что авторъ „излагаетъ не просто исторію естественныхъ наукъ, но еще дѣлаетъ изъ нея философскіе выводы“. При этомъ кстати, безъ дальнихъ справокъ, г. Антоновичъ бросаетъ слово одобренія нѣмецкому переводчику Литтрову, за то что онъ какъ „болѣе философскій Нѣмецъ... безъ церемоніи измѣнилъ или, лучше сказать, поправилъ заглавіе“ подлинника, поставивъ будто бы „вмѣсто *Исторія индуктивныхъ наукъ*, просто и ясно *Исторія естѣственныхъ наукъ*“, — хотя въ нѣмецкомъ изданіи всѣми буквами стоитъ *Geschichte der inductiven Wissenschaften*. Далѣе узнаемъ, что Юэллъ „вообще не глубокій и плохой философъ“, что „такова же и его философія, проводимая въ *Исторіи индуктивныхъ наукъ*. Она состоитъ изъ устарѣлыхъ и избитыхъ идей англійскаго преданія, спиритуализма и супранатурализма, не находящихъ себѣ болѣе мѣста ни въ одной сколько-нибудь самостоятельной и сильной философской системѣ и удерживаемыхъ нѣкоторыми англійскими философами втораго сорта, вѣроятно изъ уваженія къ ихъ почтенной сѣдой старинѣ.“ Читатель предостерегается особенно относительно имѣющей выйдти третьей части: здѣсь, по слову г. Антоновича, онъ рѣшительно не долженъ доверяться объясненіямъ Юэлла, особенно философскимъ, „долженъ постоянно предполагать, что объясненія, отвергаемая имъ (Юэлломъ), могутъ быть вѣрнѣе, потому что, какъ уже сказано, философія его не гармонируетъ съ направленіемъ естествознанія, держится принциповъ замедлявшихъ ходъ естественныхъ наукъ и уже основательно опровергнутыхъ и естество-

знавiемъ и здоровою философiей“. Отдѣлавъ Юэлла за то, что тотъ держится философскихъ убѣжденiй и тѣхъ, какiя переводчики желаютъ „проводить посредствомъ естественныхъ наукъ“, г. Антоновичъ указываетъ отчасти и на источникъ заблужденiй Юэлла, котораго зоветъ Уэвелль, не безпокоя себя даже справкой какъ произносится имя переводимаго автора. „Извѣстный англiйскiй чудакъ (Бриджватеръ), необыкновенный любитель и почитатель кошекъ и собакъ, завѣщалъ громадную сумму на изданiе большого сочиненiя, цѣлью котораго было бы указанiе всемогущества, премудрости и благодати Божiей въ устройствѣ мира. Вслѣдствiе этого и издано было нѣсколько сочиненiй по естествознанiю съ подобною тенденцiей, и въ числѣ ихъ было сочиненiе Уэвелля *Астрономiя и общая физика въ ихъ отношенiяхъ къ естественной теологiи*.... Специальная цѣль и задача этого сочиненiя положили неизгладимую печать на всю философию Уэвелля и на всѣ его послѣдующiя сочиненiя.“ Наконецъ, оказывается, что Юэлле, если и не дуракъ, то во всякомъ случаѣ „не глубокий и сильный умъ“. Но, спрашиваетъ недоумѣвающий читатель, зачѣмъ же гг. переводчики выбрали для своего перевода сочиненiе такого „философа втораго сорта“? Дѣло въ томъ, что г. Антоновичъ снисходительно признаетъ нѣкоторыя достоинства творенiя Юэлла: онъ согласенъ, что сочиненiе Юэлла „единственное въ своемъ родѣ во всѣхъ европейскихъ литературахъ“; онъ научно сожалеетъ только, что мало такихъ трудовъ, „хотя многосторонняя польза этихъ исторiй и успѣхъ первой попытки Уэвелля должны были, повидимому, многихъ побуждать къ подобнымъ трудамъ“. И желая, должно думать, показать, что дѣло это вовсе не хитрое, замѣчаетъ: „Есть на русскомъ языкѣ сочиненiе задуманное еще въ болѣе обширныхъ размѣрахъ по предметамъ и содержанiю чѣмъ исторiя Уэвелля: это *Очеркъ исторiи физико-математическихъ наукъ*, почтеннаго Петра Лавровича Лаврова.... Но въ настоящее время, прибавляетъ г. Антоновичъ, вышло въ свѣтъ только еще начало его, обънимающее первый перiодъ разсматриваемыхъ тамъ наукъ, оканчивающiйся Аристотелемъ.“ Другое достоинство труда Юэлла переводчикъ видитъ въ фактической части изложенiя. Фактическую часть, при всей своей строгости, г. Антоновичъ одобряетъ вполне, признавая ее „безконечно выше философской стороны“ сочиненiя.

Но въ такомъ случаѣ чего же лучше! Если переводчики передали точно богатое фактическое содержаніе книги Юэлла, то за такой подарокъ можно простить имъ и предисловіе. Какое дѣло до комическаго панибратства г. Антоновича съ Юэлломъ, до его куріознаго тона свысока! Отложимъ предисловіе и развернемъ книгу. Но увы! въ томъ-то и бѣда, что предисловіе не оставляетъ насъ и на страницахъ книги. Переводчики списываютъ Юэлла, а перо чертитъ предисловіе. Не будь на перѣ переводчиковъ предисловія, гг. Антоновичъ и Пыпинъ, конечно, подумали бы о томъ что переводать, гдѣ нужно справилась бы и писали бы лишь понявъ то что передаютъ. Предисловіе избавляетъ отъ этой естественной обязанности: чрезъ его призму можно переводить не понимая и распространять свѣтъ знанія, не обладая знаніемъ. Былъ бы запасъ незастѣнчивости, а то чего нельзя напечатать на нашемъ бѣдномъ языкѣ? чего не печатаютъ иной разъ, не опасаясь себя уронить, наши ученые и не такіе какъ переводчики „Уэвелля“! Еслибы эти скромные переводчики рѣшились перечитать свой переводъ съ кѣмъ-нибудь знающимъ дѣло, то такое чтеніе было бы для нихъ крайне поучительно. Они поняли бы въ чемъ главное зло того жалкаго направленія, которое дѣлаетъ у насъ безплодными не мало молодыхъ умственныхъ силъ. Вся эта дѣтская смѣлость воззрѣній, комическая самоувѣренность и заносчивость, самодовольное признаніе себя передовыми дѣятелями были бы только смѣшны, еслибы не пораждали тумана, мѣшающаго человѣку знать свои силы, понимать что онъ знаетъ и чего не знаетъ, относиться къ дѣлу серьезно и дѣйствительно приносить пользу, вмѣсто того чтобы дуть мыльные пузыри, считая все *не почемъ* и дѣлая все *какъ-нибудь*. И сколько молодыхъ силъ тратится на это непроизводительное занятіе! Вглядываясь въ современное состояніе нашей литературы, нельзя не замѣтить утѣшительнаго оживленія переводной дѣятельности. Въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ вышло болѣе переводовъ чѣмъ въ нѣсколько предыдущихъ десятилѣтій. Изъ переводовъ можно составить уже довольно обширную бібліотеку, и книги эти видимо раскупаются. Но если это обиліе изданій указываетъ на умственное оживленіе, то качество значительной ихъ доли даетъ не очень утѣшительное свидѣтельство объ умственныхъ силахъ нашей пишущей среды и о степени образованія,

приобрѣтаемой въ нашихъ школахъ. Не о томъ же ли свидѣтельствуютъ бѣдность нашей самостоятельной литературы, отсутствіе новыхъ талантовъ, пока еще тщетно ожидаемыхъ на нашемъ горизонтѣ, фальшивымъ путемъ приобретаемая репутациа и такъ распространенная у насъ фальшь въ оцѣнкѣ своихъ и чужихъ силъ и дѣйствій. Люди, съ богатыми способностями отъ природы, ретивые въ трудѣ, владеющіе языкомъ и перомъ, которые могли бы приносить несомнѣнную пользу, но которымъ наше воспитаніе и вся наша обстановка,—такъ мало доселѣ благопріятствовавшая развитію умственной жизни, требующей свѣта и свободы,—не дали умственного регулятора, того что по мѣткому народному выраженію зовется „царемъ въ головѣ“,—теряются среди тумана фальшиваго самоувѣрія и лишаются способности производить что-либо дѣйствительно серьезное и дѣльное. Не промахи и незнаніе важны: промаховъ не дѣлаетъ только тотъ кто ничего не дѣлаетъ; незнаніе поправляется изученіемъ; опасна потеря способности къ усовершенствованію, утрата сознанія о томъ что знаешь и чего не знаешь, мѣшающая человѣку овладѣть техникой своего дѣла и изъ крикливаго, заносчиваго, но плохаго ученика сдѣлаться мастеромъ. Но возвратимся къ переводу гг. Антоновича и Пыпина.

Легко отнестись свысока хотя бы и къ Юэлла; но очень трудно хорошо перевести его. Переводчики же, какъ уже упомянуто, не видятъ, кажется, въ этомъ ничего труднаго: По крайней мѣрѣ они такъ судятъ и рядятъ въ предисловіи, что въ головѣ скромнаго читателя не посмѣетъ родиться и тѣни подозрѣнія, чтобы переводъ Юэлла былъ не по силамъ *ученымъ*, которые обѣщаютъ продолженіе труда англійскаго философа въ формѣ четвертаго тома, въ которомъ гг. Антоновичъ и Пыпинъ сообщатъ русской публикѣ новѣйшіе успѣхи естествознанія. Можно ли подумать, чтобы они переводили то чего не понимаютъ, судили о томъ чего не знаютъ. Къ сожалѣнію, это такъ. Г. Антоновичъ говоритъ о книгѣ Юэлла: „Чтобы понимать эту исторію нужно знать по каждой наукѣ тѣ факты и понятія, которые обыкновенно излагаются въ элементарныхъ краткихъ учебникахъ“. Требуя отъ читателей этой суммы свѣдѣній, переводчики, очевидно, считаютъ себя обладателями не меньшей суммы знаній. Но это оказывается самообольщеніемъ. Гг. Антоновичъ и Пыпинъ

не обладаютъ элементарными свѣдѣніями по части естествовѣдѣнія. Доказательства тому представить не трудно.

Развернувъ наудачу статью объ открытіи ахроматизма, на страницѣ 487 втораго тома (того самаго, къ которому приложено куріозное предисловіе), мы прямо наткнулись на фразу: „Доллондъ нашель, что предметъ является окрашеннымъ чрезъ двѣ призмы, одну изъ воды, другую изъ стекла *только тогда* (!) если преломляющіе углы ихъ расположены (?) такъ, что предметъ не кажется сдвинутымъ съ своего мѣста.“ Слѣдовательно, если предметъ кажется сдвинутымъ, то онъ всегда представляется неокрашеннымъ, и каждыя двѣ призмы, изъ воды и стекла, составляютъ ахроматическую систему за исключеніемъ того случая, когда одна призма уничтожаетъ преломляющее дѣйствіе другой? О чемъ же хлопотали и хлопочутъ ученые, если задача объ ахроматизмѣ рѣшается съ такою легкостію? Неужели Юэлль сказалъ также нелѣпость? Раскроемъ подлинникъ; тамъ читаемъ: „Доллондъ нашель, что если смотрѣть на предметъ чрезъ двѣ призмы: одну изъ стекла, другую изъ воды, и если углы этихъ призмъ такой величины, что предметъ не кажется сдвинутымъ вслѣдствіе преломленія, то онъ представляется окрашеннымъ.“ Замѣнивъ *величину* угловъ ихъ расположеніемъ и присочинивъ отъ себя слова *только тогда*, переводчики составили вышеприведенное искаженіе текста. Черезъ нѣсколько строкъ Юэлль говоритъ: „Согласно открытію Доллонда, спектры, производимые призмами изъ двухъ веществъ, какъ напримѣръ, изъ флинта и крона, имѣютъ одинаковую длину не при одинаковомъ преломленіи.“ Наши переводчики увѣряютъ, что „по *наблюденіямъ* Доллонда, цвѣтные спектры, производимые призмами изъ двухъ веществъ, напримѣръ, изъ флинтгласа и кронгласа, *должны* имѣть одинаковую длину, *хотя* ихъ преломленіе различно.“ Неудачное *хотя* измѣняетъ весь смыслъ, свидѣтельствуя, что переводчики понятія не имѣютъ о томъ что такое спектръ и ахроматизмъ, и переводили ощупью. Они увѣряютъ притомъ на слѣдующей страницѣ, что „въ спектрахъ, производимыхъ различными средами, одни и тѣ же цвѣта не занимаютъ *одинаковаго положенія* (!)“. Знающій краткій учебникъ, догадается, что дѣло идетъ о томъ, что въ разныхъ спектрахъ на разные цвѣта приходится неодинаковая доля цвѣлага спектра. А переводчики, должно думать, видали такіе спектры, гдѣ цвѣта расположены

не въ одинаковомъ порядкѣ. Начавъ читать о свѣтѣ, переве-
немъ еще нѣсколько страницъ. Мелькаютъ „Геѣ“, „Гаѣ“ (пе-
реводъ имени ученаго Нейу); Гюйгенсу приписывается сочине-
ніе на англійскомъ языкѣ *Tracts on Optics* (Юэлль написалъ
заглавіе сочиненія Гюйгенса *Traite de la lumière* по-англійски,
и переводчики, такъ нецеремонные въ другихъ случаяхъ,
почтительно сохранили англійское названіе, полагая, должно-
быть, что книга Гюйгенса англійское сочиненіе); „стекло
съ вѣрносдѣланнымъ центромъ“; „приложить явленіе къ фак-
тамъ“; дюймъ превращенный въ вершокъ: толщина пластинки
у Юэлла означенная $\frac{1}{178000}$ долей дюйма, у переводчиковъ яв-
ляется $\frac{1}{178000}$ вершка; прохожденіе свѣта превращенное въ
„передачу свѣта“, „частичные дифференціалы“ и пр. пр.
Ученые переводчики не вѣрятъ, повидимому, открытію
Ньютона, что бѣлый лучъ состоитъ изъ простыхъ лучей,
не разлагаемыхъ на новые цвѣта, а сохраняющихъ не-
измѣняемо свой цвѣтъ въ различныхъ явленіяхъ. Пере-
водчики утверждаютъ, что Ньютонъ въ своемъ аппаратѣ
для цвѣтныхъ колецъ показалъ „какъ различно окраши-
вается *однородный* цвѣтъ.“ Юэлль, къ сожалѣнію, го-
воритъ о „различно окрашенныхъ однородныхъ лучахъ па-
дающихъ на снарядъ“, то-есть объ однородныхъ красныхъ,
однородныхъ желтыхъ и прочихъ призматическихъ цвѣтахъ,
а не объ окрашиваніи краснаго или желтаго луча въ новый
цвѣтъ, какъ того желаютъ переводчики, не знающіе термина
„однородный лучъ“. Если такъ переведены мѣста, требовав-
шія для того, чтобъ ихъ понять, начальныхъ свѣдѣній въ физи-
кѣ, то легко представить себѣ какъ переведены страницы по-
священныя менѣе элементарнымъ главамъ ученія о свѣтѣ. По-
верхность волны для переводчиковъ есть „кривая *плоскость*“, ко-
торая называется плоскостью волны. Эта *плоскость* (!) по-
степенно расширяется, но всегда остается подобною себѣ!“
Вотъ такъ геометрія! А вотъ и физика; переводчики за-
ставляютъ Юнга говорить о его извѣстномъ опытѣ съ цвѣт-
ными кольцами имѣющими бѣлый центръ: „я смѣло предска-
залъ прежде, что если отраженіе будетъ *однородно* (!), то-есть
будетъ происходить на поверхности тонкой пластинки, имѣ-
ющей плотность среднюю между плотностями средъ окру-
жающихъ ее, то центральный пунктъ долженъ казаться бѣ-
лымъ.“ Въ подлинникѣ дѣло идетъ объ „*отраженіяхъ*“ (двухъ,

а не одномъ) одинаковаго рода“, то-есть такихъ, которыя оба происходятъ въ одинаковыхъ условіяхъ, а именно при переходѣ, напримѣръ, изъ среды меньшей плотности въ среду большей плотности. Не дуренъ образецъ перевода, представляемый страницами 626—627, гдѣ говорится о свойствахъ эѳира. „The hypothesis of finite (конечныхъ) intervals between the particles of the ether“ переводится: „гипотеза *безконечныхъ* (!) интерваловъ между частичками эѳира.“ Въ подлинникѣ дѣло идетъ о двухъ гипотезахъ, изъ которыхъ по одной разстояніе между взаимодѣйствующими частичками эѳира такъ мало, что имъ можно пренебрегать сравнительно съ длиною свѣтовыхъ волнъ, по другой это разстояніе имѣеть конечную величину, которая можетъ идти въ сравненіе съ длиною волнъ. Въ переводѣ послѣдняя теорія (то-есть теорія конечныхъ разстояній между частицами) обратилась въ предположеніе, „что частички эѳира отдѣлены одна отъ другой *безконечно-малыми* (!) разстояніями“ и противопоставляется мнѣнію объ эѳирѣ какъ сплошной жидкости. Понятно, какъ ясенъ вышелъ смыслъ и какъ многому научится читатель изъ перевода, снабженнаго отважнымъ предисловіемъ г. Антоновича.

Кромѣ англійскаго текста, переводчики имѣли предъ собою нѣмецкій переводъ Литтрова, и какъ легко прослѣдить, постоянно съ нимъ справлялись. Но и это не помогло. У Юэлла есть, напримѣръ, фраза: „when a portion of a ray of light was polarized by reflection, a corresponding portion was polarized by transmission, the planes of the two polarizations being at right angles to each other“. Въ переводы Литтрова, вслѣдствіе опуски или опечатки поставлено *wenn* гдѣ не надо и сказано: „wenn ein Theil des Stralses durch Reflexion polarisirt wird, der andere Theil desselben durch Refraction polarisirt werde, *wenn* die zwei Polarisationsebenen auf einander senkrecht stehen.“ Переводчики, не появъ подлинника, благоразумно прибѣгли къ нѣмецкому тексту, но не замѣтили, само собою разумѣется, промаха и поспѣшили начертать: „если часть луча поляризована отраженіемъ, то другая поляризуется преломленіемъ, *если* обѣ плоскости поляризаціи перпендикулярны одна къ другой“;—доказавъ такимъ образомъ, что ихъ свѣдѣнія о поляризаціи не весьма обширны (въ подлинникѣ, безъ всякаго *если*, дѣло идетъ о томъ, что плоскости поляризаціи отраженнаго и преломленнаго луча перпендикулярны между

собою). Переводчики ввели въ свой переводъ и примѣчанія Литтрова. Это было бы очень хорошо, еслибы несчастное невѣдѣніе того, что излагается въ краткихъ учебникахъ, и тутъ не надѣлало имъ бѣды. Переводъ Литтрова выданъ въ 1840 году. Въ примѣчаніи объ упругости и плотности водянаго пара Литтровъ приводитъ таблицу составленную на основаніи опытовъ Дальтона, перечисленныхъ по формулѣ Біо. Это очень естественно въ 1840 году, но привести эту таблицу въ 1867 году, послѣ изслѣдованій Реньйо и другихъ ученыхъ, значитъ свершить не малый куріозъ. Гдѣ же новѣйшіе успѣхи науки, о которыхъ такъ охотно говоритъ г. Антоновичъ, обвѣщающій вмѣстѣ съ г. Пыпинымъ продолжать Юэлла и выдать на поученіе русскихъ читателей томъ, посвященный исключительно успѣхамъ естествознанія въ послѣднее десятилѣтіе? Объ опытахъ Реньйо говорится, впрочемъ, въ третьемъ изданіи Юэлла, и это мѣсто передано переводчиками. Но какъ передано! Въ своемъ плаваніи по невѣдомымъ для нихъ областямъ знанія, переводчики въ этомъ случаѣ были лишены даже того компаса, какимъ въ другихъ мѣстахъ служилъ имъ Литтровъ. Тутъ говорятъ они о формулахъ основанныхъ „на силѣ температуры“, не зная, повидимому, значенія алгебраическаго термина „степень“, и увѣряютъ, что „между опытыми термотическими законами, на которыхъ основывается Реньйо, занимаетъ мѣсто законъ Уатта.... также законъ Соутерна“ (Реньйо именно показалъ неточность этихъ законовъ, исключаящихъ притомъ одинъ другой). Не различая скрытой теплоты отъ явной, переводчики утверждаютъ далѣе, будто бы, по закону Соутерна, „мы получимъ полное количество теплоты, когда къ постоянной скрытой теплотѣ прибавимъ число, которое выражаетъ *скрытую* (?) теплоту пара.“ Перевіраніе вѣнчается фразой, будто бы скрытая теплота то же что температура, то-есть измѣряется градусами (а не опредѣленнымъ числомъ единицъ теплоты, какъ всѣ думали до сихъ поръ), „Соутерны, торжественно объявляютъ переводчики, намель, что скрытая теплота пара воды составляетъ 950 *градусовъ по Фаренгейту*.“ Не имѣя въ эту минуту подъ руками третьяго изданія Юэлла, не можемъ возстановить въ настоящемъ видѣ все это невѣроятное искаженіе.

Полагаемъ, что приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ вѣтъ ничего легче удесатерить, которые бросились намъ

въ глаза при бѣгомъ просмотрѣ въсколькихъ десятковъ страницъ и по которымъ легко судить объ остальномъ,— достаточно, чтобы показать до какой степени переводъ Юэлла былъ не подъ силу знаніямъ гг. Антоновича и Пыпина, и какими слабыми, безпомощными бордами оказались, когда дѣло дошло до серьезнаго труда, отважные учителя вѣка, заставлявшіе, казалось, читать между строками „предисловія“:

Все чего имъ не вѣснить, не смѣриту
Все, кричатъ они, надо похѣриту.

Дадимъ переводчикамъ добрый совѣтъ: собрать всѣ, сколько можно, экземпляры перевода и бросить ихъ въ печь, сохранивъ одинъ, который и передать кому-либо понимающему дѣло съ усердною просьбой исправить, а затѣмъ по троекратномъ исправленіи и очищеніи отъ первой строки до послѣдней (если только трудолюбивый исправитель не предпочтетъ все перевести вновь) предать обновленный переводъ новому тисненію.

Предисловіе, конечно, должно бросить въ печь прежде всего и не возобновлять болѣе.

РУССКАЯ УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА

О народномъ представительствѣ. Соч. Б. Чичерина, Москва.
1866 года.

Книга г. Чичерина есть весьма пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Ученый, простой читатель, администраторъ, студентъ, даже читательница, никто не отступитъ предъ нею. Обширная начитанность, умѣнье обобщать, удачныя сопоставленія фактовъ, мастерское изложеніе, наглядная постановка выводовъ, связь ихъ съ современными вопросами, привлекають всякаго любознательнаго читателя. Масса аргументовъ въ ту и другую сторону, и тонъ ученаго безпристрастія обратятъ на нее вниманіе администраторовъ. Учащійся найдетъ въ ней хорошо изложенную теорію представительства. Ни одна сторона дѣла не упущена изъ виду; принципъ представительства, его различныя виды, его историческое развитіе и условія, каждому изъ этихъ вопросовъ посвящено по нѣскольку блестящихъ страницъ.

Словомъ, трудъ г. Чичерина принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые не могутъ пройти незамѣченными и заслуживаютъ внимательной критической оцѣнки.

I.

Вопросъ о народномъ представительствѣ есть часть обширнаго вопроса о формахъ правленія вообще, или ученія о правительствѣ. Само собою разумѣется, что ученіе это тѣсно связано съ теоріей общества, которое обуславливаетъ ту

или другую форму правленія. Г. Чичеринъ вполне признаетъ это. Представительное правленіе есть, по его замѣчанію, „господство общественнаго мнѣнія, посредствомъ всецѣлаго перенесенія воли гражданъ на выборныя лица“. Исслѣдовать свойства и задачи этого *общественнаго мнѣнія* и его условія, сколько намъ кажется, и есть первая задача теоріи представительнаго правленія. Безъ этого невозможенъ вопросъ ни о свойствахъ, ни о задачахъ народнаго представительства. Разсматривать свойства формы, а потомъ взглянуть на содержаніе какъ на ея условія — путь невѣрный и противорѣчащій началамъ здравой социалогіи. Если общественное мнѣніе господствуетъ въ странѣ, управляетъ ею, то что же будемъ мы изучать какъ не это общественное мнѣніе? Не все ли равно какую форму ни приметъ *интеллигенція* народа въ дѣлѣ управленія? Форма сама по себѣ не имѣетъ никакихъ свойствъ: они даются ей содержаніемъ, а такимъ содержаніемъ въ вопросѣ о представительствѣ является экономическая и умственная организація даннаго народа.

Между тѣмъ, г. Чичеринъ начинаетъ именно съ формы. Изученіе формы, отдѣльно отъ содержанія, сопряжено съ двумя коренными недостатками: во первыхъ, намъ приходится искать принципа политическихъ отношеній въ разныхъ юридическихъ фикціяхъ и отвлеченіяхъ, а во вторыхъ, мы вносимъ въ понятіе объ обществѣ и государствѣ раздвоеніе, ведущее къ печальному противоположенію этихъ двухъ органически связанныхъ понятій. Это случилось и съ г. Чичеринымъ. „Когда древніе устанавливали у себя политическую свободу, учить г. Чичеринъ, они призывали каждаго гражданина къ непосредственному участию въ государственныхъ дѣлахъ.... новые народы отказались отъ рѣшенія государственныхъ дѣлъ совокупнымъ совѣщаніемъ гражданъ. Право голоса въ народномъ собраніи замѣнилось *выборными началами*; вмѣсто вѣча является представительство.“ Когда все это было? Трудно сказать. Начнемъ съ того, что древніе никогда не *устанавливали* у себя политической свободы. Участіе въ народномъ собраніи было не правомъ, а необходимостію для гражданина. Кто не участвовалъ въ народномъ собраніи, тотъ становился въ разрядъ полусвободныхъ, опекаемыхъ лицъ, которыя являются несамостоятельными не только по отношенію къ политическимъ дѣламъ, но и по отношенію къ

праву собственности, къ браку и т. д. Это затрогивало не только политическую, но и гражданскую свободу лица,—словомъ, его юридическую личность вообще. Мало того, при тѣсной связи религіи съ государствомъ, исключеніе гражданина изъ народнаго собранія отлучало его отъ религіи, ибо многіе акты (напримѣръ, цезь) были столько же религіознымъ, сколько политическимъ дѣломъ. Гражданинъ участвовалъ въ народномъ собраніи потому же, почему онъ приходилъ во храмъ; онъ подавалъ голосъ потому же, почему на другой день приносилъ жертву. Избраніе консула было такою же обязанностію, какъ участіе на праздникѣ Вакха или Сатурна. Можетъ-быть, подъ *установленіемъ* свободы авторъ разуметь революціи происходившія въ древнихъ государствахъ, напримѣръ, борьбу плебеевъ съ патриціями? Но вѣдь здѣсь дѣло шло не объ измѣненіи принципа. Черезъ революцію государство включило въ себя большее количество членовъ, которые прежде стояли *вне его*; это значитъ, что плебеи приобрѣли права *семейственныя, религіозныя и политическія*, то-есть стали гражданами, но самыя условія гражданства не измѣнились. Слѣдовательно, участіе въ народномъ собраніи было не какимъ-либо особымъ *правомъ*, а *непремѣннымъ условіемъ* полноправія гражданского. Засимъ спрашивается, когда и гдѣ новые народы отказались отъ права рѣшенія государственныхъ дѣлъ совокупнымъ совѣщаніемъ гражданъ? Отказаться можно отъ того что имѣешь: гдѣ же у новоевропейскихъ народовъ непосредственная демократія, какъ ее называютъ? Въ лѣсахъ Германіи? Но тамъ не было еще государства. Въ общинахъ? Но общины также предшествовали государству, которое выстроилось вовсе не по ихъ образцу.

Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ исторію представительства: это завело бы насъ слишкомъ далеко. Мы остановимся преимущественно на основномъ положеніи г. Чичерина, которымъ опредѣляется его взглядъ на народное представительство. Это бросить намъ свѣтъ и на историческое развитіе предмета, занимающее у автора отдѣльную книгу. Начнемъ съ сопоставленія нѣкоторыхъ опредѣленій сущности народнаго представительства. Мы приведемъ уже одно изъ нихъ. „*Право голоса въ народномъ собраніи заложилось выборомъ начальномъ.*“ Слѣдовательно, съ выборнымъ началомъ упразднено какое-то право, какъ основаніе

участія гражданина въ народномъ собраніи, и замѣнено чѣмъ-то другимъ. Посмотримъ дальше, на слѣдующей страницѣ: „Въ новыхъ обществахъ масса гражданъ, пользующихся политической свободой, имѣющихъ *право* голоса, ограничивается выборомъ представителей“... Слѣдовательно, опять право, какъ основаніе участія въ общественныхъ дѣлахъ. Подумаешь, что и въ новыхъ обществахъ осуществляется какое-то *право*, хотя и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Представительство, говоритъ авторъ, и говоритъ весьма основательно, не есть простое порученіе. Представитель, „призванный къ участию въ политическихъ дѣлахъ, приобретаетъ известную долю власти и тѣмъ самымъ становится *выше своихъ* избирателей, которые, *въ качествѣ* подданныхъ, обязаны подчиняться его рѣшеніямъ“. Далѣе: „Такимъ образомъ *воля* гражданъ всецѣло переносится на представителя; за ними не остается ничего, кромѣ голаго права выбора.“ Одно изъ известныхъ положеній въ наукѣ права заключается въ томъ, что никто не можетъ дать другому то чего самъ не имѣетъ, и всякій даетъ столько, сколько самъ имѣетъ. Въ силу чего же представитель, какъ полагаетъ г. Чичеринъ, дѣлается частью верховной власти? Въ силу ли того, что граждане передали ему свои права? Но вѣдь они ихъ сами не имѣютъ, потому что отказались отъ нихъ при зарожденіи новаго государства. *Воля гражданъ?* Но что такое въ юридическихъ наукахъ воля, если за нею не стоитъ право, признанное и освященное законами, обычаемъ, силой—всѣмъ чѣмъ хотите, но только право, дѣйствительное право, а не *голое*, за которымъ ничего нѣтъ. Еще можетъ быть голое право собственности: оно имѣетъ свой опредѣленный объектъ; но гдѣ объектъ голаго права выборовъ? Къ чему оно относится, что оно собою представляетъ? Граждане, разсуждаетъ г. Чичеринъ,—не имѣютъ права участвовать въ управленіи, но могутъ избирать членовъ самодержавнаго собранія; пока это право прикрѣплено къ личности отдѣльнаго гражданина, оно голое, или безсодержательное право; при переносѣ же его на представителя, оно разомъ превращается въ громадное политическое право! Можетъ-быть, по пословицѣ—*съ міру по ниткѣ*, голому рубашка? Но когда рѣчь идетъ о рубашкѣ, то вопросъ лишь въ количествѣ нитокъ, а тутъ вопросъ *о качествѣ*: что не есть право для единицы, то не превращается въ право, если этихъ единицъ соберет-

ся много. Видя, что дѣло этимъ не поясняется, г. Чичеринъ продолжаетъ: „Представительное начало въ своей полнотѣ является какъ бы *юридическимъ вымысломъ*, но это вымыселъ, вытекающій изъ самого *существа дѣла, изъ государственнаго начала*, изъ отношенія власти къ гражданамъ, изъ господства общаго блага надъ частными дѣлами.“ Совершенно справедливо. Вся *сущность дѣла* дѣйствительно въ государственномъ началѣ, а не въ правахъ вымышленныхъ и не вымышленныхъ. Фикція (или вымыселъ) всегда предполагаетъ право, фактъ, дѣйствительность, которая и даетъ ей смыслъ. *Предполагается*, что монархъ присутствуетъ въ судахъ. Здѣсь есть смыслъ: суды дѣйствуютъ его именемъ и отъ него получили опредѣленную степень власти для отправленія правосудія. Онъ есть источникъ правосудія. *Предполагается*, что народъ перенесъ свое право на представителя: здѣсь или нѣтъ смысла, или есть очень глубокій. Одно изъ двухъ: или народъ не имѣетъ правъ, и тогда ему нечего переносить, а юристу вымышлять; или онъ ихъ имѣетъ, и тогда палата является дѣйствительнымъ, а не вымышленнымъ истеченіемъ или выраженіемъ воли народа. Но авторъ на этомъ не останавливается: „Представитель не только лицо *служащее государству*, но на этой службѣ онъ заступаетъ мѣсто самихъ гражданъ, на сколько они призваны къ участию въ государственныхъ дѣлахъ. Въ немъ *выражается ихъ право*; чрезъ него проводятся ихъ мнѣнія“. Наконецъ, что-нибудь одно: или есть право, или нѣтъ права? Въ ученой книгѣ надо же остановиться на чемъ-нибудь, нужна исходная точка. А то посмотрите что тутъ выходитъ: представитель есть лицо служащее, слѣдовательно, подчиненное государству; стало-быть въ немъ не выражается никакого права, кромѣ того, которое каждое государство сообщаетъ своимъ органамъ. И въ то же время онъ представитель чьего-то права. Какого? Должно-быть голаго. И такъ, представитель есть государственный слуга, представляющій голая права своихъ согражданъ. Такъ понимается этотъ вопросъ въ современной Франціи.

Однако, надобно же въ чемъ-нибудь искать причины затруднительнаго положенія г. Чичерина. Невозможно, чтобъ онъ такъ покоячилъ съ этимъ капитальнымъ вопросомъ. Дѣйствительно, предъ нами цѣлая глава о политической свободѣ. Известно, что представительныя учрежденія прина-

маются за одно и то же съ политическою свободой, или ставятся непремѣннымъ условіемъ оной. Судя по началу упомянутой главы, можно думать, что здѣсь произойдетъ разрѣшеніе вопроса. Авторъ начинаетъ съ противоположенія разныхъ взглядовъ на представительство. „Двойственность началъ, лежащая въ каждомъ представительствѣ, является и въ самомъ его источникѣ—въ политической свободѣ. Последняя призываетъ гражданъ къ участию въ государственныхъ дѣлахъ. Въ представительномъ устройствѣ это участіе выражается главнымъ образомъ въ выборномъ правѣ. Что же такое выборное право?“ Мы, съ своей стороны, всегда думали, что свобода есть цѣль представительства, — цѣль, которая въ свою очередь является орудіемъ для достиженія другихъ высшихъ цѣлей. Теперь ее называютъ *основаніемъ* представительства. Она призываетъ гражданъ къ участию въ государственныхъ дѣлахъ. Значитъ, что же? она и есть то чего мы тщетно искали прежде: она какъ будто право? Нѣтъ, она сама выражается въ выборномъ правѣ. На чемъ же основано это выборное право? Что оно выражаетъ? Свободу. Нечего дѣлать, простимся съ вопросомъ о свойствѣ народныхъ правъ перенесенныхъ на представителя. Будемъ изслѣдовать свободу и выборное право.

Авторъ начинаетъ съ противоположенія мнѣнія демократовъ, что выборное начало есть право **каждаго** лица на участіе въ общихъ дѣлахъ, мнѣнію писателей охранительнаго направленія, которые видятъ въ этомъ обязанность, возлагаемую на гражданъ во имя общественной пользы. Неизвѣстно почему, въ послѣднюю категорію попалъ и Джонъ Стюартъ Милль, который, кажется, иначе смотритъ на вопросъ, а потому и не впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, какъ это утверждаетъ авторъ. Замѣчаніе Милля, что представительство можетъ осуществиться только въ той странѣ, гдѣ граждане смотрятъ на него какъ на священную обязанность, г. Чичеринъ принялъ за опредѣленіе самаго существа выборнаго права. Впрочемъ, мы еще возвратимся къ Миллю. Теперь перейдемъ къ свободѣ, выраженіе которой есть будто бы выборное начало.

Прежде всего нѣсколько новыхъ положеній. „Выборное право есть прежде всего право“ (но какое, не можемъ понять!). „Оно *дается* гражданину, не какъ должностному лицу, а какъ члену общества, дабы онъ могъ проводить свѣдѣнныя

нія, защищать свои интересы. Но источникъ всякаго права есть свобода. *Право есть именно опредѣленная закономъ свобода дѣйствовать.*“ Законъ опредѣляетъ свободу; значитъ, онъ есть ея источникъ, а свобода есть источникъ выборнаго права. Значитъ, источникъ выборнаго права есть законъ. Это было бы проще, а главное, совершенно соответствовало бы истинному значенію представительства и выборнаго права, которое, какъ мы это подробно докажемъ ниже, принадлежитъ не къ числу прирожденныхъ правъ гражданскихъ, а къ числу правъ приобретаемыхъ, или даруемыхъ верховною властію, въ виду чисто-государственныхъ потребностей. Но авторъ не останавливается на этомъ; онъ продолжаетъ: „Потому выборное право однозначительно съ политической свободой“. Никогда мы не слышали, чтобы послѣдствіе было однозначительно съ своею причиною, источникомъ; но все это было бы хорошо, еслибъ авторъ рѣшился, наконецъ, опредѣлить что чему служитъ источникомъ. Свобода есть источникъ права, но сама вытекаетъ изъ закона. Значитъ, право вытекаетъ изъ закона. Читатель вѣритъ, хотя все еще не знаетъ, откуда же вытекаетъ самый законъ? Конечно, онъ можетъ согласиться и съ тѣмъ, что законы исходятъ отъ власти, что, ergo, власть есть источникъ и свободы, и права. Но г. Чичеринъ разубѣждаетъ его въ этомъ чрезъ нѣсколько строкъ: „Каждый свободный членъ общества долженъ имѣть возможность защищать свои права. При подчиненіи личной свободы общественной власти, это требованіе можетъ быть удовлетворено единственно участіемъ гражданина въ самой власти, опредѣляющей и охраняющей права... личное право должно искать гарантію въ правѣ политическомъ“. Стало-быть какъ будто нужно *право*, которое имѣло бы другія основанія чѣмъ законъ и власть. И дѣйствительно: „Свобода есть источникъ политическаго права, какъ и всякаго другаго. Однако, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что получая такое развитіе, становясь на эту степень, она приобретаетъ совершенно другой характеръ нежели въ частной жизни. Изъ личной она превращается въ общественную, рѣшаетъ судьбу всѣхъ (?), становится органомъ цѣлаго. *Поэтому*, здѣсь къ началу права присоединяется начало обязанности“. Стало-быть, въ частномъ быту право не предполагаетъ обязанности. Намъ учили иначе. Но не въ томъ дѣло. Сколько намъ кажется, автору

въ этихъ вѣсколько темныхъ выраженiяхъ хотѣлось сказать очень простую вещь, именно, что участiе гражданъ въ политическихъ дѣлахъ дѣлаетъ изъ нихъ *власть*, ибо дѣйствительно нельзя участвовать въ правительствѣ, не будучи *властью*, и что власть налагаетъ на носителей ея извѣстныя обязанности, для исполненiя которыхъ нужна извѣстная *способность*. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ и переходитъ къ этому вопросу, доказывая, что нельзя давать власти лицу ничего не смыслящему въ дѣлѣ управленiя, при чемъ онъ, впрочемъ слегка, возражаетъ Миллю, который предположилъ въ женщинахъ способность къ политическимъ дѣламъ. Не нужно говорить, сколько краснорѣчивыхъ страницъ написалъ авторомъ по этому поводу, то-есть, по поводу способности, а не женщины, о которыхъ онъ сказалъ очень мало. Тутъ и превосходство собственности надъ образованiемъ, которое ведетъ только къ революцiямъ, и разница между мѣстнымъ и государственнымъ представительствомъ и т. д. Мы спросимъ здѣсь автора только вотъ о чемъ: въ итогѣ, въ силу чего участвуетъ гражданинъ въ выборѣ, въ силу ли *права*, ему предоставляемаго, или *способности*? Способность никогда не составляетъ права: она есть его условiе; можетъ быть рѣчь о *способности къ праву*, но кто же говоритъ о способности, какъ о правѣ? *Право* есть *способность* дѣйствовать, а признанная закономъ *способность* дѣйствовать есть основанiе права, или также право. Итакъ, все же право является основанiемъ участiя гражданина въ представительствѣ. Но какое право? Гдѣ его начало? Это осталось не рѣшеннымъ.

II.

Мы здѣсь остановимся. Ничего нѣтъ утомительнѣе этихъ колебанiй изъ стороны въ сторону, этого построения въ воздухѣ за неимѣнiемъ почвы подъ ногами. А между тѣмъ авторъ легко бы могъ избѣгнуть этой неприятой гимнастики. Ему стоило бы только принять въ соображенiе ту очень простую вещь, что вопросъ о представительствѣ есть вопросъ о борьбѣ и примиренiи двухъ противоположныхъ правъ,—права гражданъ и права государства,—а вопросъ о наилучшей организацiи власти. Авторъ не пошелъ

дальше Гегеля. Очень жаль. Соціальныя науки хоть немного, а ушли впередъ, именно настолько, чтобы понять, что вопросъ о *правахъ*, въ государственной наукѣ, есть печальный продуктъ революціонно-метафизической школы, — продуктъ, пригодившійся для критики и разрушенія отжившаго порядка, но ничего не создавшій вновь.

Вотъ въ чемъ дѣло. Представительная система не есть противоположеніе полновластія народа полновластію государства или, выражаясь точнѣе, полновластію монарха. Это совершенно особый вопросъ, который, какъ мы это сейчасъ увидимъ, не имѣетъ никакого отношенія къ народному представительству. Вслѣдствіе этого, мимоходомъ сказать, мы и не коснемся ученія о полновластіи народа, которому г. Чичеринъ, вслѣдствіе его взгляда на предметъ, посвятилъ цѣлую главу. Мы приведемъ здѣсь только вполнѣ основательное замѣчаніе, которое авторъ дѣлаетъ въ концѣ этой главы: „Степень развитія свободы, мѣсто, которое она занимаетъ въ общественномъ организмѣ, верховное или подчиненное ея значеніе опредѣляются не абсолютными требованіями разума, а относительными требованіями жизни. Политическая свобода не составляетъ неотъемлемаго права народа; въ ней нельзя видѣть непрѣмннаго условія всякаго государственнаго порядка. Народное представительство устанавливается тамъ, гдѣ оно требуется общимъ благомъ, гдѣ оно отвѣчаетъ настоящимъ нуждамъ государства, гдѣ оно способно дѣйствовать въ согласіи съ другими элементами, гдѣ оно содѣйствуетъ достиженію извѣстныхъ цѣлей. Поэтому основной вопросъ состоитъ здѣсь въ пользѣ, которую оно приноситъ, и въ условіяхъ, которыя для него требуются.“

Трудно понять, какимъ образомъ авторъ, написавъ эти строки, посвятилъ такъ много страницъ весьма страннѣйшимъ и совершенно бесполезнымъ соображеніямъ. Еслибы только что приведенныя слова стояли во главѣ книги, еслибы все послѣдующее изложеніе строго соотвѣтствовало этимъ началамъ, русская литература пріобрѣла бы нѣчто серьезное. Случилось иначе. Мы видѣли, что находится въ началѣ книги. Посмотримъ, какъ авторъ развиваетъ только что выставленныя начала.

Мы думали, что этою разумною постановкой вопроса откроется изслѣдованіе общественныхъ элементовъ, изъ

коихъ постепенно вырабатывается народное представительство. Соотношеніе классовъ общества, умственное движеніе, экономическія условія, форма землевладѣнія, религиозныя убѣжденія, вотъ богатый матеріалъ для изслѣдователя. Но авторъ предпочелъ разсмотрѣть эти вопросы въ концѣ книги, говоря объ условіяхъ народнаго представительства. Сколько намъ кажется, это не совершенно вѣрный методъ. Нѣтъ сомнѣнія, что физическія условія страны, тотъ или другой составъ общества, общественное мнѣніе, существованіе или несуществованіе партій, личная свобода гражданъ, организація мѣстнаго управленія, суть условія народнаго представительства, но совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ ихъ авторъ. По его мнѣнію, представительныя учрежденія уподобляются нѣкоему дереву, которое тогда только можетъ приносить благіе плоды, когда будетъ посажено въ соответственной атмосферѣ. Такъ, пальма нуждается въ знойныхъ лучахъ южнаго солнца, ель въ стужѣ и пескѣ холоднаго климата и т. д.; оттого пальма никогда не будетъ расти въ Архангельскѣ, а елка не появится въ Сахарѣ. Врядъ ли это такъ въ примѣненіи къ государственнымъ учрежденіямъ. Дѣйствительно, общественное мнѣніе, состояніе классовъ общества и т. д. являются условіями представительныхъ учрежденій и политической свободы, но состоятъ съ нами не въ такомъ отношеніи какъ температура къ дереву, а въ какомъ находится зерно къ колосу, или ингредиенты къ составу, который изъ нихъ образуется. Представительныя учрежденія являются въ странѣ не потому что ихъ можно ввести, а потому что собственность и правосвѣщеніе стали дѣйствительною силой и не могутъ не занять мѣста въ государственной организаціи. Какую форму примутъ они въ такомъ случаѣ, это совершенно посторонній вопросъ, и та форма оказалась бы наилучшею, которая была бы прямымъ выраженіемъ дѣйствительной силы и взаимнаго соотношенія данныхъ элементовъ и вырабатывалась бы изъ нихъ самихъ, а не была бы простымъ примѣненіемъ готовой доктрины, которая на дѣлѣ можетъ иногда давать результаты противоположныя тому что имѣется въ виду. Словомъ, подобно тому какъ хорошее законодательство есть вѣрное отраженіе народнаго быта, какъ всякая форма правленія есть выраженіе состоянія общества въ данную минуту, такъ и народное представительство есть продуктъ известнаго

общественнаго состоянія, къ которому оно относится какъ къ своей причинѣ, а не какъ ко вѣдшему, благопріятствующему только условію. Авторъ не желалъ принять этого въ соображеніе, и вслѣдствіе этого поставилъ вопросъ о представительствѣ на несвойственную ему почву, и изслѣдовалъ его безъ всякой почвы.

Прежде всего, какъ мы видѣли, онъ свелъ вопросъ о представительствѣ на вопросъ о правѣ, хотя подъ конецъ и пришелъ, кажется, къ заключенію, что это не есть вопросъ права. Говоримъ: *кажется*, потому что чрезъ нѣсколько времени онъ снова заговорилъ о правахъ гражданъ. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, мы постараемся выставить здѣсь нѣсколько положеній, которыя могутъ перенести насъ на настоящую почву. Государственныя формы, подобно всякой великой идеѣ, переживаютъ многія фазы: обновленія, организациі, упадка, возстановленія. Новое европейское государство было орудіемъ прогресса въ феодальную эпоху, орудіемъ организациі въ эпоху возрожденія, когда вокругъ него сплотились всѣ умственныя и матеріальныя силы страны, и причиной упадка при Лудовикѣ XIV и XV. Еслибы въ концѣ царствованія Лудовика XV кто-нибудь разобралъ правительственную организацию Франціи, онъ нашелъ бы въ ней слѣдующія характеристическія черты: слабость и неумѣнье правительства, отсутствіе въ немъ твердыхъ принциповъ, полное къ нему недовѣріе общества, ненаціональность его политики, безнравственность его государственныхъ людей. Это въ одной сферѣ. Въ другой поднимались великія умственныя и экономическія силы страны, начинавшія уже организоваться для борьбы со старымъ порядкомъ. Все идетъ съ нимъ въ разладъ—философія руководимая энциклопедіей, промышленность, трудъ, капиталъ. Охотно устранившіяся отъ политической роли въ героической періодъ организующей и прогрессивной монархіи, эти силы, нѣкогда слабыя, почувствовали себя и пожелали не только новой организациі, но и участія въ ней. Онѣ стали не только условіемъ, но и причиной переворота. Періодъ разрушенія и обновленія былъ дологъ, да врядъ ли онъ и теперь окончился. Идея прогресса живетъ еще на счетъ идеи порядка и организациі. Оттого такой разладъ между обществомъ и правительствомъ, оттого такое фальшивое представленіе о принципѣ представительства.

Вызванное борьбой между правительствомъ, ставшимъ изъ начала организующаго началомъ разстройства, и обществомъ, горячо отдавшимъ идеѣ прогресса, которую оно понимало въ формѣ разрушенія, оно являлось и еще является вульгарнымъ умомъ въ видѣ противоположенія двухъ правъ: права монарха, оспариваемаго революціей, и правомъ народа, возвыщеннымъ ею. Но кто, при солидномъ изученіи дѣла, не согласится, что все это ученіе принадлежитъ эпохѣ переходной, что въ эпоху организаціи участіе обществъ въ правительственномъ дѣлѣ явится, напротивъ, тѣснымъ союзомъ націи и монарха, такимъ же органическимъ развитіемъ національныхъ силъ, какою была и старая монархія въ свое время? Революціонная Европа взяла представительныя учрежденія у Англіи, ибо нуждалась въ готовой, хоть и чужой организаціи, обобщивъ и огладивъ ихъ, и лишивъ той характеристической жизненной силы, какую имѣютъ они въ Англіи. Вотъ почему палаты и прочій конституціонный аппаратъ по отношенію къ общественнымъ элементамъ западной Европы являются формой безъ содержанія, которая одинаково годится и для революціонныхъ затѣй, и для реакціонныхъ попытокъ. И вотъ эту-то форму, одну, безъ ея содержанія, г. Чичеринъ изучаетъ въ цѣлой главѣ о свойствахъ народнаго представительства, и притомъ даже безъ условій, опредѣляющихъ ея развитіе. Мы сейчасъ увидимъ, на сколько онъ успѣлъ въ этомъ. Теперь пока остановимся на опредѣленіи нѣсколькихъ терминовъ, которые намъ совершенно необходимы для дальнѣйшаго изученія вопроса.

Прежде всего мы видимъ, что въ народномъ представительствѣ менѣе всего можетъ быть рѣчи о правѣ, какъ осуществленіи участія гражданъ въ политическихъ дѣлахъ. Представительное правленіе есть участіе общества въ правительственной дѣятельности. Тотъ или другой классъ или элементъ общества получаетъ это участіе въ силу того, что чистыя правительственныя средства не стоятъ уже на одномъ уровнѣ съ глубоко и всесторонне развившимися элементами общества, ставшими дѣйствительными по отношенію къ правительству силами. Чтѣ же дѣлать съ этими силами? Если онѣ останутся внѣ правительства, онѣ превратятся во вражью и оппозиціонную силу, лишатъ правительство, преисполненное пассивностію народа, его національнаго характера.

изолируютъ его, превратятъ въ сухую неплодную смоковницу. Остается ввести ихъ въ правительственныя сферы, гдѣ онѣ сдѣлаются живою связью между верховною властью и народомъ, обильнымъ источникомъ правительственныхъ силъ. Съ этою цѣлю народу или его общественнымъ силамъ *даются извѣстныя права*, точно такъ же какъ сообщается извѣстная степень власти разнымъ правительственнымъ органамъ. Во всякомъ случаѣ, при обсужденіи *принципа* народного представительства, права эти являются какъ бы условіемъ или принадлежностью этой формы правленія, но никакъ не *основой*, не началомъ.

Мы заранѣе предвидимъ возраженіе, которое намъ могутъ сдѣлать. Намъ скажутъ: „Вы говорите о *способахъ* приобрѣтенія выборнаго права; но все-таки это право остается основаніемъ участія гражданъ въ политической жизни страны.“ Нѣтъ, скажемъ мы. Мы говоримъ о верховномъ началѣ народного представительства, которое есть необходимость такой организаціи власти въ данную минуту общественнаго развитія, и по отношенію къ этому началу право, предоставленное гражданамъ, есть только *способъ* для достиженія этой цѣли. Право, поставленное принципомъ представительства, превращается во что-то незыблемое, недоступное ни государственной политикѣ, ни постепенному развитію, сообразно требованіямъ даннаго общества. Это понятіе дѣлаетъ невозможнымъ истинный, послѣдовательный прогрессъ. Во имя *права*, общество съ одной стороны можетъ быть совершенно устранено отъ участія въ политической жизни, даже когда оно совершенно созрѣло и громко заявляетъ о своей способности, и съ другой — это участіе можетъ быть распространено на неподготовленныя массы, въ родѣ тѣхъ, которыя олицетворяютъ демократическій цезаризмъ нынѣшней Франціи. Только здравый взглядъ на организацію власти, свойственную данной минутѣ, призываетъ къ дѣлу готовыя общественныя силы и сообщаетъ имъ нужныя для того права.

Вслѣдствіе этого вопросъ о введеніи представительства сводится не къ *условіямъ* его, а къ изслѣдованію *признаковъ* государственной и общественной организаціи наиболѣе пригодной въ данную минуту. Можетъ ли власть обойтись одними бюрократическими средствами при такомъ-то развитіи

общественныхъ силъ? Бюрократія стоитъ ли на одномъ уровнѣ съ обществомъ? Общественные элементы не представляютъ ли большихъ залоговъ для прогрессивнаго движенія государства и установленія въ немъ истинно-національнаго порядка? Не предвидится ли вреда, если эти выросшія силы страны останутся въ сторонѣ отъ правительственнаго дѣла, въ качествѣ глухой, но сильной оппозиціи? Вотъ критериумъ для опредѣленія времени введенія свободныхъ учрежденій, или по крайней мѣрѣ предоставленія общественнымъ силамъ болѣе широкаго поля дѣйствія.

Только въ ряду такихъ условій возможно и обсужденіе вопроса о свойствахъ народнаго представительства. Мы видимъ, что г. Чичеринъ обсуждаетъ эти свойства отдѣльно. Онъ говоритъ: вотъ свойства народнаго представительства, а вотъ условія, при которыхъ оно можетъ существовать. Намъ кажется, что здѣсь возможно было бы иначе поставить эти вопросы. Можно было бы сказать: вотъ признаки, при появленіи которыхъ необходимо большее участіе общества въ правительственномъ дѣлѣ, а участіе это лучше-де всего можетъ выразиться въ формѣ народнаго представительства, котораго свойства въ этомъ отношеніи слѣдующія. Но, какъ всякая организація, оно требуетъ отъ дѣятелей, призванныхъ къ управленію, и отъ самого общества вотъ-де какихъ качествъ. Первый вопросъ установилъ бы критериумъ здоровой критики существующаго порядка, исходную точку дальнѣйшаго изслѣдованія; второй показалъ бы способы и средства призванія общества къ дѣятельности; третій указалъ бы самому обществу способъ его дѣятельности. Первые два вопроса относятся къ сферѣ организаціи власти; послѣдній—къ вопросу о народномъ воспитаніи, важность котораго для политической жизни указалъ еще Аристотель. Во всякомъ случаѣ, при такой постановкѣ вопросовъ, форма явилась бы *однимъ изъ средствъ* великой цѣли—новой организаціи власти при новыхъ общественныхъ потребностяхъ. При способѣ же употребленномъ г. Чичеринымъ, форма является чѣмъ-то главнымъ, высокимъ, единственнымъ, къ чему народъ долженъ готовиться цѣлые вѣка.

Созерцая свойства отвлеченной формы, нѣтъ ничего легче какъ поднять ее на такую высоту, что обладаніе ею сдѣлается навсегда невозможнымъ для даннаго народа. Нѣтъ

ничего легче, съ другой стороны, какъ и унижить ее такъ, что въ обществѣ навсегда поселится къ ней отвращеніе. Точно также легко выставить массу доводовъ за и противъ, оставивъ читателя безъ всякаго результата. Всѣ эти способы одинаково употребляются различными школами публицистовъ, и часто безъ всякаго умысла, а просто потому что не хотятъ анализовать простаго вопроса, который долженъ быть исходнымъ пунктомъ для каждаго здравомыслящаго публициста: возможны ли сохраненіе порядка и необходимая доля прогресса въ обществѣ при данныхъ правительственныхъ средствахъ, и не слѣдуетъ ли призвать на помощь власти новыя общественныя силы, накопившіяся и созрѣвшія подъ ея же благотворнымъ вліяніемъ? Это устранило бы и пагубный вопросъ о противоположеніи двухъ правъ, якобы враждебныхъ, и многое другое вредящее дѣлу, а главное, низвело бы *форму*,—для многихъ къ сожалѣнію сдѣлавшуюся главнымъ дѣломъ,—на ея настоящее мѣсто.

Надо отдать справедливость г. Чичерину. Несмотря на то что онъ разсматриваетъ форму изолированно, видно, что онъ проникнуть сознаниемъ важнаго значенія общественныхъ силъ въ этомъ дѣлѣ. Далѣе, всѣ свойства представительства, выгодныя и невыгодныя, выставлены имъ безпристрастно. Это интересный обращеніе дедукціи. Авторъ сказалъ все, что можно сказать и въ пользу и противъ.

„Обсуждая пользу представительныхъ учрежденій, говорить авторъ, необходимо разсмотрѣть, какое значеніе они имѣютъ для общихъ государственныхъ интересовъ, оказываютъ ли они имъ содѣйствіе или помѣху? И здѣсь во многихъ отношеніяхъ благодѣтельныя послѣдствія ихъ неопровержимы. Все, что можетъ сдѣлать общественная мысль въ приложеніи къ государственной жизни, дается политической свободой.“

Затѣмъ слѣдуетъ выясненіе этихъ полезныхъ сторонъ. Позволимъ себѣ вкратцѣ изъяснить здѣсь его мысли, большею частью его собственными словами.

Народное представительство служить-де постояннымъ органомъ общественнаго мнѣнія: здѣсь онополучаетъ общее средоточіе и правильную организацію. Хотя не всегда непогрѣшимое, оно служить-де однако лучшимъ средствомъ поставить на свѣтъ состояніе общества и управленія, открыть глаза

правительству и въ-время обнаружить общественные недостатки. При этомъ, оно же оказываесть-де правительству значительное пособіе и при обсужденіи средствъ къ устраненію зла. Далѣе, польза, приносимая государству народнымъ представительствомъ, не ограничивается-де свободнымъ проявленіемъ общественной мысли. Для этого были бы достаточны и другіе пути. Гораздо важнѣе-де то, что мысль здѣсь прямо входитъ въ дѣло, что общественное мнѣніе ставовится выраженіемъ воли народной, участія гражданъ въ общихъ дѣлахъ государства. Этимъ-де устанавливается дѣйствительный контроль общества надъ государственнымъ управленіемъ. А этимъ контролемъ достигаются-де многія важныя дѣла, сдерживается произволъ, устраняются необдуманныя рѣшенія, которыя нерѣдко навлекають бѣдствія на страну, водворяется необходимая правильность въ финансовомъ управленіи. Представительныя собранія дѣйствуютъ-де на правительство не только какъ задержка, противовѣсь, но и какъ побужденіе къ дѣятельности, не давая ему закоснѣть въ рутинѣ: представительныя учрежденія сами въ значительной степени доставляютъ элементы хорошаго правительства. Здѣсь-де выдѣлываются люди, развиваются и выказываются способности, которыя на почвѣ бюрократіи часто гложуть подъ гнетомъ формализма и рутины. Они служатъ-де лучшею политической школой и для народа: гласное обсужденіе вопросовъ развиваесть въ народѣ политическую мысль; необходимость совокупной дѣятельности изоцряесть практическія способности гражданъ, и можно сказать, что только съ помощью представительныхъ учрежденій общественное мнѣніе можетъ достигнуть надлежащей зрѣлости. Хотя журнализмъ также-де можетъ оказывать здѣсь большія услуги, но онѣ не могутъ сравниться съ выгодами представительныхъ учреждений. Свобода печати безъ представительнаго собранія лишена-де гарантій и настоящей почвы. Мысль, не переходящая въ дѣло, всегда-де остается отвлеченною и не практическою; дѣятельность служить ей мѣриломъ и руководствомъ. Наконецъ, представительныя учрежденія ввухаютъ-де народу и большую привязанность къ существующему порядку: въ нихъ гражданъ любитъ свою свободу и свои права; чувствуя себя живымъ членомъ государственнаго организма, какимъ онѣ сдѣлался чрезъ нихъ, онѣ воими сила-

ми заботится о его сохраненіи, и государство приобрѣтаетъ-де новыя опоры въ мысляхъ и сердцахъ своихъ согражданъ.

Это—выгоды. За невыгодами дѣло не станетъ. Какая форма не имѣетъ ихъ? Такимъ же анализомъ г. Чичеринъ обнаруживаетъ и темныя стороны народнаго представительства. „Государственное управленіе, говоритъ онъ, требуетъ отъ правительства двухъ существенныхъ качествъ: высшаго сознанія и единства воли. И то и другое далеко не всегда обезпечивается политической свободой.“ Занятіе общественными дѣлами требуетъ-де высшихъ способностей, которыя не всегда можно предполагать въ массѣ. Огромная масса людей такъ же неспособна-де судить о государственномъ устройствѣ и управленіи, какъ о законахъ физики или химіи. Преждевременное врученіе политическаго права одному поколѣнію опредѣляетъ-де судьбу послѣдующихъ и можетъ навлечь на нихъ неисчетныя бѣдствія. Далѣе, къ невыгодамъ, происходящимъ отъ низкаго уровня политическаго знанія, присоединяется-де трудность собрать воедино многія разрозненныя воли. Всякій, кто обращалъ вниманіе на дѣятельность законодательныхъ палатъ, знаетъ-де съ какою медленностью, а иногда наоборотъ съ какою излишнею поспѣшностью производятся въ нихъ дѣла. Безконечныя и бесполезныя рѣчи, многочисленныя поправки, предлагаемыя даже людьми ничего несмыслящими въ дѣлѣ законодательства, запросы, безплодные на нихъ отвѣты, увлеченія личными вопросами, невниманіе къ важнымъ, но сухимъ, практическимъ вопросамъ — все это-де характеризуетъ представительныя собранія. Они-де менѣе всего способны къ обдуманному, зрѣлому, стройному законодательству. Французскій кодексъ сдѣланъ-де Наполеономъ (а разработанъ въ конвентѣ, замѣтимъ въ скобкахъ); напротивъ, Англія грѣшитъ противъ единства законодательства. Представители часто-де являются задержкой реформы полезной для массы, когда это затрагиваетъ ихъ личные интересы или интересы ихъ класса. Отсюда-де трудность коренныхъ преобразованій, какъ бы они ни были нужны. Еще менѣе-де способны палаты къ управленію, которое по преимуществу требуетъ единства воли. Въ этомъ дѣлѣ даже ограниченіе ихъ функций однимъ контролемъ не можетъ-де устранить многихъ золъ. Спрашивается, гдѣ обезпеченіе государственныхъ интересовъ, если-де невѣжество должно

контролировать знаніе? Плодомъ правительственной дѣятельности дурной палаты можетъ-де быть только расслабленіе государства или глубокое общественное потрясеніе. Важную невыгоду представляетъ-де также борьба партій, это необходимое условіе представительнаго правленія. Человѣкъ, принадлежащій къ извѣстной партіи, систематически становится-де на одностороннюю точку зрѣнія: онъ отказывается отъ безпристрастнаго обсужденія вопросовъ, упускаетъ изъ виду общую цѣль и устремляетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на то, что можетъ доставить торжество его партіи. Взаимное раздраженіе заглушаетъ-де голосъ правды, совѣсти: отсюда страшное развитіе лжи, которая проникаетъ въ самыя нѣдра общества и становится неизбежнымъ, неисцѣлимымъ общественнымъ недугомъ. Приски, крамолы, нерѣдко даже подкупъ составляютъ-де явленіе обыкновенное въ представительныхъ государствахъ. Хуже-де всего то, что разгаръ страстей, сопровождающій борьбу партій, не ограничивается общественными вершинами, тѣми немногими дѣятелями, которые ведутъ между собой борьбу въ представительныхъ палатахъ, на выборахъ и въ печати. Раздвоеніе, неприязнь, взаимная ненависть сторонъ проникаютъ-де въ глубину общества, народъ распадается на враждебные лагери, является возможность междоусобія и разстройства общественнаго организма. Самая мирная и законная борьба имѣетъ-де [свои темныя стороны: правительство поставлено здѣсь лицомъ къ лицу съ систематическою оппозиціей, что совершенно неизбежно, какъ скоро въ государствѣ образуются партіи. Надежда на общее содѣйствіе—не болѣе-де, какъ мечта. Часто на оппозицію уходятъ-де лучшія силы страны, и это парализуетъ правительственное дѣйствіе.

Что же перевѣшиваетъ, выгоды или невыгоды? „Заключеніе, говоритъ г. Чичеринъ, не всегда будетъ одинаково, и представительное устройство не всегда окажется умѣстнымъ. Слѣдовательно, задача сводится къ тѣмъ условіямъ, которыя необходимы для того чтобы народное представительство могло держаться и дѣйствовать съ пользою для народа и государства.“

Этимъ заключаетъ авторъ свое изслѣдованіе о свойствахъ народнаго представительства. Мы изложили здѣсь его доводы

въ пользу и противъ этой формы, смѣемъ думать, исполнѣ. Къ какому же мы придемъ результату? Это вопросъ чрезвычайно затруднительный, тѣмъ болѣе что авторъ самъ не пришелъ ни къ какому положительному результату, что и видно изъ немногихъ словъ, заканчивающихъ главу. Можетъ-быть, г. Чичеринъ и правъ, не давая никакой окончательной оцѣнки представительной формы. При томъ способѣ изслѣдованія вопроса, какой онъ избралъ, достаточно и тѣхъ многочисленныхъ аргументовъ, которыми онъ обогатилъ арсеналъ защитниковъ и противниковъ этой формы. Мы съ своей стороны относимся къ этому предмету съ полнымъ равнодушіемъ, полагая, что не въ формѣ дѣло. Общество, политически созрѣвшее и неослабленное внутренними междоусобіями, чуждое революціи, сумѣетъ само выработать пригодную для себя форму.

Насъ занимаетъ другой вопросъ: въ какой степени вѣрно изслѣдовалъ г. Чичеринъ самый вопросъ о формѣ? Есть два способа изслѣдовать свойства и значеніе формы правленія. Ее можно разсматривать какъ органической вопросъ даннаго общественнаго строя, или просто какъ послѣдствіе сочетанія извѣстныхъ правительственныхъ силъ, независимо отъ соотношенія общества и правительства. Въ изслѣдованіи г. Чичерина примѣчаются оба эти способа, причемъ, однако, они не проходятъ чрезъ все изложеніе, а употребляются имъ отдѣльно одинъ отъ другаго. Такъ, говоря о выгодахъ представительства, онъ до извѣстной степени разсматриваетъ вліяніе его на организацію правительственныхъ и народныхъ силъ; затѣмъ, говоря о невыгодахъ представительства, онъ замыкается въ сферу той или другой организаціи палаты и какъ будто совершенно забываетъ объ обществѣ и правительствѣ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ нельзя не замѣтить много промаховъ въ научномъ отношеніи.

Начнемъ съ анализа тѣхъ выгодъ, которыя г. Чичеринъ приписываетъ народному представительству. Перечитывая еще разъ эти краснорѣчивыя страницы, нельзя не замѣтить, что всѣ эти выгоды можно приписать всякой формѣ правленія, смотря, конечно, по тому, въ какую эпоху ея развитія будемъ мы ее разсматривать. Каждое правительство въ свое время является организаторомъ общественныхъ силъ, и слѣдовательно и общественнаго мнѣнія. Франція обязана

королевской власти, когда послѣдняя была еще орудіемъ прогресса, образованіемъ богатаго и просвѣщеннаго третьяго сословія, коего содѣйствіе, въ различныхъ сферахъ управленія, помогло государству побѣдить феодальную безурядицу. Королевская власть держалась сочувствіемъ народа, слѣдовательно, также общественнымъ мнѣніемъ, ею организованнымъ. Мало того, правительство является иногда просвѣтителемъ и первымъ руководителемъ общественнаго мнѣнія, какъ при Петрѣ I, Екатеринѣ II и т. д. Бываетъ, да и теперь, время, когда каждое правительство является лучшимъ средствомъ обнаружить настоящее состояніе общества и управленія, а именно въ государствѣ только-что сложившемся, гдѣ отдѣльныя его области не знаютъ другъ друга, гдѣ плохое состояніе путей сообщенія, отсутствіе промышленности и промышленныхъ центровъ, разбросанность народонаселенія, низкій уровень образованія дѣлаютъ невозможнымъ сближеніе между людьми, обмѣвъ между ними мыслей и мнѣній, а слѣдовательно, и обнаруженіе общественнаго состоянія, которое знаетъ только власть, объединившая государство. Нѣтъ сомнѣнія, что администрація Екатерины II лучше понимала положеніе Россіи чѣмъ тогдашнее полуграмотное общество. Точно также каждое правительство въ свое время умѣетъ найти болѣе или менѣе дѣйствительныя средства къ ограниченію произвола разныхъ правительственныхъ лицъ. Петръ I горячо ратовалъ противъ самовластныхъ судей, которые дѣлали чтò хотѣли, „ибо изаишнюю мочь имѣли“. Абсолютное же правительство часто является не только орудіемъ прогресса, но нерѣдко привуждено выдерживать борьбу за свои прогрессивныя намѣренія. Сколько вынесла Петръ I, Іосифъ II, Карлъ III, Аранда, Струэнзе! Съ какою оппозиціей, и явною и тайною, приходилось имъ бороться! Не одни представительныя учрежденія обладаютъ привилегіей выставлятъ и хорошихъ общественныхъ дѣятелей. Весь вопросъ въ данныхъ условіяхъ времени. Бываютъ минуты, когда косность общества, внутренняя его организація таковы, что кромѣ бюрократіи ничто не можетъ проложить дорогу таланту. Чтò можетъ дать государству общество организовавшееся, напримѣръ, въ понятіяхъ мѣстничества? Откуда, въ теченіе всего XVIII ст., выходили таланты, двигавшіе Россіей? Какими путями дѣйствовали

великіе объединители Франціи, въ родѣ Л'Опиталля? Феодалъ-мы и мѣстническія понятія не способны выдѣлывать людей и развивать ихъ способности: бюрократія служитъ весьма долго лучшею школою въ этомъ отношеніи. Такою же школою служитъ въ свое время каждая правительственная власть и для политическаго воспитанія народа. Политическія начала въ своемъ зародышѣ нуждаются въ сильной охраняющей ихъ рукѣ. Ришельё воспиталъ и взростилъ національный духъ Французовъ, быть-можетъ, лучше чѣмъ это могли бы сдѣлать въ то время представительныя собранія; Пруссія подъ рукою Фридриха Великаго изъ ничтожнаго королевства выросла до великаго государства. Не одни представительныя учрежденія внушаютъ народу и большую привязанность къ существующему порядку; въ теченіе долгихъ періодовъ монархи группируютъ вокругъ себя всѣ чувства, надежды и желанія націи. Нерѣдко въ нихъ гражданинъ любитъ и свою свободу, и свои права; еще чаще чрезъ нихъ становится онъ членомъ государственнаго организма, отъ участія въ которомъ долгое время устранили его феодалъ или помѣщикъ. Всему свое время.

То же самое можно сказать и о невыгодахъ, приписываемыхъ г. Чичеринымъ представительнымъ собраніямъ.

Должно замѣтить, что если при изложеніи выгодъ онъ не ограничивался тѣсными рамками палатъ, но бралъ въ расчетъ и вліяніе ихъ на различные элементы общества, то при изложеніи невыгодъ онъ выставляетъ преимущественно такія стороны, которыя свойственны организаціи, взятой самой по себѣ, и притомъ всякой организаціи. Начнемъ съ общаго положенія. Высшее сознаніе и единство воли, какъ необходимое условіе государственнаго управленія, не можетъ быть вполне обезпечено не только представительными собраніями, но и никакими другими учрежденіями. Скажемъ болѣе: если *даже* представительныя собранія не обезпечиваютъ этихъ двухъ существенныхъ условій управленія, то тѣмъ *менше* можно ожидать этого отъ другихъ формъ, не заключающихъ въ себѣ такихъ условій устойчивости, не призывающихъ къ управленію такое количество талантовъ и мѣній, какъ народное представительство. Не думаетъ ли авторъ найти такое высшее сознаніе и единство воли въ бюрократіи? Бываютъ минуты въ государственной жизни, когда

это болѣе или менѣе вѣрно, но далеко не всегда. Самъ г. Чи-черинъ говоритъ, что бюрократія держится формальностями и рутиной, а это плохія условія для выработки высшаго сознанія. Далѣе, единство воли далеко не всегда отличаетъ стра-ну, не имѣющую представительныхъ учрежденій. Въ государ-ственномъ правѣ единство воли прежде всего обусловливает-ся единствомъ политической системы, которое можетъ быть выработано только на широкомъ полѣ общественнаго мнѣ-нія. Гдѣ различныя вѣдомства безусловно отданы въ руки отдѣльныхъ лицъ; гдѣ лица эти дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга по важнѣйшимъ государственнымъ вопро-самъ; гдѣ они не связаны никакою солидарностью, и гдѣ от-вѣтственность ихъ случайна; гдѣ съ перемѣной лица измѣ-няется и самая система; гдѣ то, что вчера было цѣлюю пра-вительства, завтра становится опаснымъ нововведеніемъ— не говорите мнѣ о единствѣ воли. Это единство на бумагѣ, въ законѣ; на дѣлѣ его нѣтъ и быть не можетъ. Масса, го-воритъ авторъ, не имѣетъ высшихъ способностей и не мо-жетъ судить о государственномъ управленіи. Два противо-рѣчія. Вопервыхъ, масса участвуетъ въ управленіи только *выборомъ* представителей, слѣдовательно, не непосредствен-но, а посредственно; поэтому ея способности въ дѣлѣ управ-ленія— вещь посторонняя; она выбираетъ, но не управляетъ. Вовторыхъ, въ высшей степени сомнительно, чтобы въ па-латѣ, вышедшей изъ выборовъ, было меньше способностей чѣмъ въ бюрократическихъ установленіяхъ. Почему при-сутствіе высшихъ способностей сомнительнѣе въ палатѣ чѣмъ въ комиссіи? Развѣ на каждомъ шагѣ не встрѣчают-ся лица, власть имѣющія и толкующія о государственномъ управленіи, понимая въ немъ столько же, сколько въ зако-нахъ физики или химіи, какъ говоритъ авторъ? Далѣе, труд-ность объединить дѣятельность палатъ, соединить разроз-ненныя воли; каждый знаетъ, съ какою медленностью, а иногда, наоборотъ, съ какою поспѣшностью производятъ въ нихъ дѣла. Не знаемъ, можно ли упрекнуть въ поспѣш-ности бюрократическія учрежденія; но за то горькій опытъ доказалъ, что медленность, *волокита* — ихъ отличитель-ное свойство. Если авторъ сѣтуетъ на бесполезныя и беспо-лезныя рѣчи, многочисленныя поправки, предлагаемыя людьми, ничего неспасающими въ дѣлѣ законодате-

запросы, бесплодные на нихъ отвѣты, увлеченія только личными вопросами, то переставивъ нѣсколько слова, мы можемъ составить вѣрную характеристику тѣхъ недостатковъ, которыми отличаются бюрократическія установленія. Не знаемъ, бываютъ ли въ нихъ бесполезныя и безконечныя рѣчи, такъ какъ засѣданія ихъ происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, но за то мы можемъ удостовѣрить автора, что они не отстаютъ отъ представительныхъ собраній въ дѣлѣ безконечныхъ справокъ, поправокъ, запросовъ, оттяжекъ, упрятыванія дѣла подъ сукно (чего не знаютъ представительныя собранія, можетъ-быть, за неимѣніемъ сукна), заключеній, противорѣчій, личныхъ взглядовъ и увлеченій, которыя здѣсь еще сильнѣе, ибо не сдерживаются гласностію и контролемъ общественнаго мнѣнія. Представительныя собранія плохо-де кодифицируютъ. Но, во первыхъ, наука права еще не доказала, есть ли кодификація такое благодѣяніе для общества, а во вторыхъ, бюрократія нерѣдко законодательствуетъ еще плоше, умышленно оставляя темныя мѣста въ новомъ законѣ, съ своекорыстными цѣлями. Представительство часто-де является задержкой реформы, когда она противорѣчитъ интересамъ управляющихъ классовъ. Но, во первыхъ, не всегда представительство основано на однихъ собственно правительственныхъ классахъ, а также выходитъ изъ открытой и непрерывно расширяющейся массы гражданъ; а во вторыхъ, бюрократія еще чаще является противницей не только всякой реформы, но даже дѣйствительнаго и повсемѣстнаго примѣненія изданныхъ уже законовъ. Коренныя преобразованія труднѣе-де-тѣсь представительствомъ. И слава Богу! Если справедливо, [что представительство отличается тѣмъ, что всѣ необходимые общественные элементы, въ родѣ собственности, гражданской свободы и свободы совѣсти, являются подъ его эгидой въ] формѣ дѣйствительно неприкосновенныхъ правъ, то мы не видимъ, почему это можетъ смущать благомыслящихъ гражданъ? Палаты не способны-де къ управленію. Но есть разныя степени участія палатъ въ дѣлѣ управленія, а отъ представительства вообще еще очень далеко до парламентаризма. Палаты, впрочемъ, нигдѣ непосредственно не управляютъ, а болѣе или менѣе, и притомъ косвенно, участвуютъ въ составленіи правительственнаго

персонала и способствуютъ къ направленію дѣйствій исполнительной власти. Но, во всякомъ случаѣ, никто не станетъ отрицать важности *законно* принадлежащаго представительству вліянія на систему и способъ управленія. Управление, поставленное въ полную отъ него независимость, дѣлаетъ представительство бесполезнымъ, или натаккиваетъ его на дорогу систематической оппозиціи и борьбы съ правительствомъ. Плодомъ правительственной дѣятельности дурной палаты можетъ быть только разслабленіе государства или глубокое общественное потрясеніе, говоритъ авторъ. По нашему мнѣнію, состояніе Испаніи въ концѣ XVIII столѣтія можно назвать полнымъ разслабленіемъ, а французская революція есть глубокое общественное потрясеніе, но и то и другое явленіе вызваны не представительнымъ управленіемъ, а безумною, фанатическою дѣятельностью іезуитовъ и ряда Филипповъ Испанскихъ, и постыдною администраціей Людовика XV. Важную невыгоду представительства въ дѣлѣ управленія составляетъ-де также господство въ немъ партій, дѣлающихъ лица, къ нимъ принадлежащія, односторонними, пристрастными и даже недобросовѣстными; они-де имѣютъ въ виду только торжество своихъ партій, и всякія средства считаютъ для того годными; отсюда-де интрига, подкупы, клевета и безпримѣрное развитіе лжи. Но безъ партій не обходится ни одно правительство, каково бы ни было его наименованіе. Разница заключается только въ томъ, что партіи, сведенныя въ широкую сферу народнаго представительства, имѣютъ цѣль болѣе высокія чѣмъ когда онѣ замкнуты въ узкія рамки канцелярій и комиссій. Въ парламентахъ партіи соединяются въ имя идеи, а тутъ такимъ центромъ являются личныя отношенія. Тамъ все направлено къ тому, чтобы провести идею въ жизнь; здѣсь идетъ рѣчь объ эксплуатаціи лица, и тутъ-де щего по пути государственныхъ отличій: нельзя ли-де и черезъ него попасть въ люди? Во имя торжества великаго принципа, Уальполь подкупалъ парламентъ, что могло быть только въ извѣстную эпоху, при безгласности, при отсутствіи исключительныхъ привилегій, при тѣсно организованныхъ представительствѣхъ, при недостаткѣ развитія общественной жизни. Изъ своекорыстныхъ видовъ и для помысла о своихъ представителяхъ, бюрократія клеветаетъ на ихъ дѣла, выставляя ихъ въ черномъ цвѣтѣ предъ выстѣю.

Туча журналовъ клеймится разными названіями своихъ противниковъ въ представительномъ правленіи, и каждыя выборы представляютъ широкое поле для интригъ. Каждая открывшаяся вакансія въ бюрократіи вызываетъ такую же интригу, но часто болѣе гнусную, ибо сфера ея не вольный воздухъ гласности и свободной печати, а тѣмъ канцелярій и подземные ходы бюрократіи. Будемъ ли говорить о подкупахъ? Боже мой! да гдѣ же авторъ открылъ болѣе классическую область подкуповъ, взяточничества и казнокрадства, какъ не въ сферѣ бюрократіи? Чтò говорить онъ далѣе о лжи? Ложь опасна не тамъ, гдѣ ее можно опровергнуть, гдѣ общественное мнѣніе станетъ на сторону правды. Ложь опасна тамъ, гдѣ лгать позволяютъ только одной сторонѣ,—и какъ широко пользуется иногда бюрократія этою привилегіей! Наконецъ, авторъ говоритъ, что борьба партій въ представительствѣ не ограничивается общественными вершинами: раздвоеніе и взаимная ненависть проникаютъ во глубину общества, и является возможность междуусобія. Однако, именно тамъ гдѣ организація партій проникаетъ въ глубину общества, она и не можетъ сопровождаться тою ненавистью, которая развивается между общественными слоями. Партіи, проходящія черезъ общество сверху до низу, если только это не разные національности, могутъ напротивъ способствовать дѣлу умиротворенія, собирая подъ одно знамя интересы разныхъ общественныхъ слоевъ.

Такимъ образомъ, мнимыя свойства народнаго представительства, выставленныя г. Чичеринымъ, могутъ пригодиться для характеристики каждой системы управленія, *въ ея послѣдовательномъ развитіи* и при различныхъ условияхъ. Еслибъ авторъ, вмѣсто длинной исторіи развитія представительныхъ учреждений, внесъ историческую точку зрѣнія въ анализъ и оцѣнку различныхъ формъ правленія, то отъ этого много выиграла бы ясность представленія, постановка вопросовъ, а главное, онъ пришелъ бы къ болѣе удовлетворительному выводу чѣмъ тотъ, который имъ изложенъ въ концѣ главы.

III.

Длинное изслѣдованіе свойствъ представительства не привело автора ни къ какимъ результатамъ. Между тѣмъ правильная постановка вопроса именно здѣсь могла бы послужить надежнымъ руководствомъ для дальнѣйшаго изслѣдованія. Мы не можемъ понять значенія представительства изъ его свойствъ: свойства сами по себѣ ничего не могутъ опредѣлить, тѣмъ болѣе что представительныя учрежденія раздѣляютъ ихъ со многими другими и даже со всѣми формами правленія. Между тѣмъ, авторъ считаетъ вопросъ установленнымъ, и переходитъ къ разсмотрѣнію видовъ представительства, къ историческому ихъ развитію, и наконецъ къ условіямъ. Но что такое представительство? Гдѣ его основы? Есть ли оно идеаль управленія, или, напротивъ, эта форма указываетъ на переходное состояніе общества,—это вопросы, авторомъ не разрѣшенные; а безъ нихъ нельзя, да, намъ кажется, и бесполезно приступать къ изслѣдованію другихъ вопросовъ. Прежде всего надобно знать что мы будемъ изучать, и чистосердечно сознаемся, мы рѣшительно не поняли этого по прочтеніи всего перваго раздѣла книги г. Чичерина. Можетъ-быть, еслибы то что онъ называетъ *условіями* представительства было изслѣдовано имъ какъ *причины* его вызывающія, онъ пришелъ бы къ другимъ результатамъ. Мы высказали выше эту мысль; теперь постараемся разъяснить ее подробнѣе. Не станемъ вдаваться въ анализъ и въ государственное значеніе этихъ различныхъ условій, выставленныхъ авторомъ. Это будетъ сдѣлано въ слѣдующей статьѣ, гдѣ положенія наши будутъ разсмотрѣны съ другой точки зрѣнія и подкрѣплены другими доводами. Здѣсь намъ предстоитъ менѣе объемистая задача: намъ хочется поставить вопросъ о народномъ представительствѣ на ту почву, заключить его въ ту сферу, гдѣ только и можетъ быть изслѣдованъ вопросъ о каждой формѣ правленія. Можетъ-быть, мы впадемъ здѣсь въ нѣкоторыя повторенія, но намъ необходимо привести здѣсь уже высказанныя нами положенія въ ряду другихъ, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ.

Собранныя въ одно мѣсто, возраженія эти нагляднѣе покажутъ основанія нашего несогласія съ научными приемами г. Чичерина.

Ни одна организація власти не имѣетъ вѣчнаго, абсолютнаго значенія. Каждая изъ нихъ вызывается къ жизни и живетъ относительнымъ положеніемъ общества и правительства, съ одной стороны, и различныхъ общественныхъ элементовъ между собою, съ другой. Каждая форма правленія удовлетворяетъ своему назначенію до тѣхъ поръ, пока она можетъ удовлетворять правительственнымъ цѣлямъ по отношенію къ обществу, и пока съ другой стороны общественные элементы не вступятъ въ новыя комбинаціи, не удовлетворяющіяся прежнимъ положеніемъ общества по отношенію къ правительству. Съ этой точки зрѣнія, вопросъ о представительствѣ есть вопросъ объ организаціи власти въ данныхъ условіяхъ государства, — такой организаціи, которая удовлетворяла бы столько же задачамъ правительства по отношенію къ обществу, сколько и потребностямъ самого общества. Слѣдовательно, это прежде всего вопросъ гармоніи, правильности государственныхъ отношеній. Тутъ нѣтъ противоположенія двухъ правъ, а рѣчь идетъ о необходимости; тутъ дѣло не въ принципѣ власти или въ мѣстѣ ея нахождения, а въ организаціи средствъ государства для достиженія его цѣли. Вотъ почему вопросъ о представительствѣ возникаетъ въ государствахъ основанныхъ на совершенно различныхъ понятіяхъ о власти; онъ свойственъ столько же демократіямъ, исходящимъ изъ идеи народной верховности, сколько монархіямъ, гдѣ власть зиждется на идеѣ верховности государя. Какъ средство, какъ форма, оно не подрываетъ ни того, ни другаго принципа; въ немъ не идетъ даже рѣчь о принципѣ, а если и идетъ, то благодаря фальшивому взгляду на вещи, притекающему или изъ революціонныхъ замысловъ, или изъ происковъ бюрократіи. Истинному гражданину, равно какъ и монарху, прямо смотрящему на вещи, не свойственна эта точка зрѣнія. Опытъ доказалъ, что тамъ, гдѣ вопросъ былъ поставленъ надлежащимъ образомъ, народное представительство явилось действительнымъ, прогрессивнымъ, организующимъ развитіемъ государства, надежнымъ средствомъ къ достиженію государственныхъ цѣлей.

Итакъ, здѣсь должно искать различія между

почвѣ онъ можетъ стать предметомъ безпристрастнаго, откровеннаго и, что главное, плодотворнаго обсужденія.

Посмотримъ прежде всего, какимъ образомъ вопросъ о представительствѣ вытекаетъ изъ взаимнаго положенія правительства и общества. Задача государственной власти, прежде всего, заключается въ осуществленіи государственныхъ цѣлей. Она должна быть обезпеченіемъ высшихъ интересовъ общества, орудіемъ прогресса и охранителемъ порядка. Здѣсь ея сила; это—ея постоянное, неизмѣнное назначеніе. По отношенію къ этой задачѣ, формы государственной власти являются вопросомъ постороннимъ; онѣ—средство, и средство измѣняющееся и преходящее по мѣрѣ того какъ измѣняются средства и расширяется объемъ государственныхъ задачъ. Простыя комбинаціи общества довольствуются простыми формами власти. Въ феодальной безурядицѣ, въ первоначальномъ движеніи общинъ, короли, даже не окруженные рядомъ правительственныхъ учрежденій, достигали своей цѣли. Задачи начинающагося государства были просты: нужно было сгруппировать, хотя внѣшнимъ образомъ, слагающіеся элементы общества вокругъ одного центра, дать одно общее направленіе всему общественному движенію, начавшемуся мимо королевской власти. Для достиженія этой цѣли достаточно было имени короля, одной его особы, его фиктивнаго превосходства надъ прочими феодальными владѣльцами. Другія задачи представились королевской власти, когда общество сгруппировалось, наконецъ, вокругъ престола, когда нужно было подумать о нравственномъ единствѣ, объ организаціи духовныхъ и экономическихъ силъ народа; для этого уже мало было первоначальнаго штата королевскихъ чиновниковъ, ни по количеству, ни по качеству ничѣмъ не отличавшихся отъ чиновниковъ каждаго феодала. Единый королевскій судъ долженъ былъ принять теперь пышную форму парламентовъ, администрація—получить новое значеніе, академіи, университеты—организовать народное воспитаніе, геній Кольбера—воспитать промышленность, Ришельё—народное сознаніе. Правительство было и вершнкой и исходною точкой всякаго экономическаго, нравственнаго и умственнаго движенія въ народѣ. Но вѣтъ вѣтъ правительственныхъ сферъ начали образовываться новые элементы. Образование, подъ эгидой правительства, развило литературу, внесло новыя понятія, воспитало независимое

общественное мнѣніе. Промышленность, воспитанная на запретительной системѣ, на системѣ покровительства, регламентации, указаній, стала на свои ноги: капиталы обезпечили матеріальное существованіе промышленныхъ классовъ, обогатили государственную казну, и излишекъ ихъ вызываетъ въ ихъ обладателяхъ политическія притязанія. Землевладѣніе, равнѣ другихъ способное доставить досугъ и образованіе, также выработало себѣ новыя стремленія. Словомъ, образованіе не только стало желаніемъ, стремленіемъ правительства, какъ въ тѣ времена, когда оно почти силой вводило его и должно было преодолевать всевозможныя затрудненія, но сдѣлалось *интеллигенціей*, могуществомъ. Тоже промышленность, торговля, землевладѣніе; всѣ эти элементы воспитались, вооружились досугомъ, образованіемъ. Они—сила. Проценты на первоначальный капиталъ, затраченный правительствомъ на образованіе и воспитаніе общества, возросли до такой степени, что неизмѣримо превзошли этотъ капиталъ. Правительство начало воспитывать общество, вѣренное ему средними вѣками, на тощемъ запасѣ схоластической науки. Общество подъ конецъ выступило съ наукой Ньютона, Лапласа, Кювье, Гумбольдта, Биша, Адама Смита, — какое огромное разстояніе! Можно ли одинаково управлять обществомъ, которое силой гнали въ школы слушать докторовъ схоластики, и обществомъ временъ Монтескье и Руссо? Должна же быть нѣкоторая разница между такимъ положеніемъ, когда людей надо манить къ образованію приманками и угрозами, въ родѣ запрещенія вступать въ бракъ, и такимъ, когда правительству приходится сдерживать полетъ мысли рядомъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ? Разница эта есть, и вотъ какая. При прежнемъ положеніи государство могло стоять во главѣ общества, а при новомъ положеніи тѣ же средства не достигаютъ прежней цѣли. Правительству приходится начертать программу своихъ дѣйствій. Два исхода возможны. Оно можетъ или оставаться въ прежнемъ своемъ объемѣ съ прежними средствами и съ прежнею программой дѣйствій. Въ такомъ случаѣ оно перестаетъ быть верховнымъ организующимъ началомъ въ обществѣ, высшимъ руководителемъ всей суммы общественнаго движенія; оно становится началомъ застоя, упадка и противодѣйствія всѣмъ начинаніямъ жизни; оно остается чуждо обществу, которое будетъ

развиваться вѣ его и мимо его. Всѣ правительственныя мѣры, оторванныя отъ этой почвы, замкнутыя въ сферу прежней рутины и формальностей, оказываются въ такомъ случаѣ ниже общественнаго уровня и потребностей, а потому становятся или бесполезны, или вредны. Само правительство дѣлается чѣмъ-то совершенно чуждымъ обществу, какимъ-то естественнымъ врагомъ его. При малѣйшемъ шорохѣ, ему, отвыкшему отъ жизни и ея шума, мерещится уже революція. Плачевный исходъ! Съ другой стороны, правительство можетъ открыть свои сферы для воспитаннаго имъ общества; въ этомъ случаѣ оно только по праву соберетъ плоды своихъ трудовъ. Оно можетъ обновляться силами, выработанными обществомъ при его содѣйствіи. Новая струя народныхъ элементовъ, постоянный притокъ общественныхъ силъ поддержать его на той высотѣ, на какой всегда должно находиться государство. Видя, что его средства не удовлетворяютъ потребностямъ времени, оно открываетъ дорогу новымъ силамъ. Этимъ путемъ оно остается во главѣ общественнаго развитія. Общественныя силы только тогда стремятся стать на мѣсто государства, когда не видятъ другаго средства достигнуть необходимыхъ преобразованій.

Корень вопроса лежитъ именно въ томъ, *чтобы изъ основнаго элемента общества, достигшій значенія действительной силы, не оставался внѣ правительственной организаци и участія въ политической жизни страны.* Этого требуетъ значеніе государства, какъ верховнаго организующаго начала. Вводя такіе элементы въ правительственную организацию, давая имъ законную долю вліянія на управленіе, оно и то же время подчиняетъ ихъ своему вліянію, и расширяетъ и расширяетъ свое значеніе въ сферѣ общественной. Организаци правительственная идетъ рука объ руку съ постепеннымъ нарастаніемъ общественныхъ силъ. При обратномъ образѣ дѣйствія, организаци смыкается все въ болѣе тѣсный кругъ, и происходитъ безостановочное развитіе силъ, но въ то же время, быть-можетъ, непріязненныхъ государству. Государство оставляетъ безъ организаци народныя силы, это значитъ, что оно отказывается отъ своей задачи. Это прямой путь къ печальнымъ переформированіямъ, оставляемымъ безъ организаци — все развитіе

шество оставленное безъ воспитанія. Они движутся руководимые однимъ инстинктомъ и сознаниемъ своей силы, но силы грубой, безъ идеала, безъ чувства долга, которые могутъ выработаться только въ политической практикѣ. А подчинить организациі тотъ или другой элементъ можно не иначе, какъ введя его въ правительственныя сферы, гдѣ онъ проникся бы сознаниемъ власти и уваженіемъ къ существующему порядку. Это совершается, какъ мы видѣли выше, посредствомъ сообщенія общественнымъ элементомъ большей или меньшей суммы политическихъ правъ. Мы видѣли, какое значеніе имѣютъ эти права. Больше мы и не возвратимся къ этому вопросу. Точно также не станемъ обсуждать вопроса, какую форму должна принять та или другая организациа общественныхъ элементовъ. Гораздо важнѣе изученіе общества, развитіемъ коего опредѣляется и необходимость правительственныхъ реформъ. Г. Чичеринъ изучаетъ этотъ вопросъ въ отдѣлѣ условій требуемыхъ народнымъ представительствомъ. Такъ какъ для насъ эти общественныя силы суть первое дѣло, то мы и подвергнемъ ихъ подробному анализу въ слѣдующей статьѣ.

Но, прежде чѣмъ мы кончимъ этотъ первый отдѣлъ, еще небольшое замѣчаніе. Намъ не разобрано и одной восьмой части труда г. Чичерина, а между тѣмъ мы думаемъ покончить съ нимъ уже въ слѣдующей статьѣ. Это происходитъ отъ того, что мы для нашей критики опредѣлили размѣры, сообразно теоретическому, такъ сказать, значенію книги. Полагаемъ (можетъ-быть, ошибочно), что авторъ желалъ изложить теорію народнаго представительства съ нѣкоторыми приложеніями ея къ общественному и государственному строю европейскихъ народовъ. По нашему мнѣнію (тоже, можетъ-быть, ошибочному), такое теоретическое значеніе имѣютъ книги первая и четвертая, къ сожалѣнію раздѣленныя второю и третьею, гдѣ заключаются *нѣкоторыя приложенія*, поясненія и развитіе вопроса, принявшія громадные размѣры. Изъ этихъ приложеній, особенно важное значеніе имѣетъ книга вторая, гдѣ заключаются взгляды и теоріи, имѣющія научный и практическій интересъ, и мы не откажемся отъ ближайшаго разсмотрѣнія этой части труда г. Чичерина. Но такъ какъ, по естественному и издавна установившемуся порядку, приложенія слѣдуютъ за теоріей, для лучшей и окончательной ея повѣрки, то мы разсмотримъ

эту книгу въ концѣ слѣдующей статьи, послѣ изслѣдованія общественныхъ силъ и элементовъ порождающихъ народное представительство. Что касается до третьей книги, то, право, не знаемъ что о ней сказать. Въ ней собрано много свѣдѣній, и изложены они съ талантомъ; но намъ кажется, что по исторіи представительныхъ учрежденій имѣется слишкомъ большой запасъ сочиненій извѣстныхъ русской публикѣ, и казалось бы, не было особенной надобности еще разъ выставлять эти всѣмъ извѣстные факты въ особой книгѣ. Поэтому весь историческій запасъ выигралъ бы много, еслибъ онъ послужилъ основой историческаго анализа причинъ, вызывающихъ государственныя реформы. Но тогда пришлось бы подчинить это фактическое изложеніе требованіямъ теоретическаго изслѣдованія, что, конечно, не дозволило бы автору выставлять факты отдѣльно отъ теоретическихъ положеній его труда. Собранные же въ одну часть, безъ опредѣленной связи съ теоретическими вопросами, изслѣдуемыми въ книгѣ, эти факты являются излишествомъ, хотя и весьма пріятнымъ.

А. ГРАДОВСКІЙ.

(До слѣд. №.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМЪ СЕМИДЕСЯТЫЙ.

І Ю Л Ъ.

	<i>Стр.</i>	
Воспоминанія о кампаніи 1829 года въ европейской Турціи. Окончаніе. <i>Т.</i>	5	✓
Вооруженныя силы Россіи. Окончаніе. <i>Р. А. Фадѣева.</i>	65	✓
Эфраимъ Лессингъ и докторъ Рётчеръ какъ критики сценической игры. <i>П. Д. Бабарыкина.</i>	89	✓
Финансы Австріи въ эпоху министерства фонъ-Шмерлинга. Окончаніе. <i>А. Н. Куломзина.</i>	135	
Фаустъ. Трагедія Гёте. Часть первая. Сцена первая. Переводъ <i>И. Н. Павлова.</i>	169	✓
Селеніе на скалѣ. Повѣсть. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.	183	✓
Двѣ поѣздки въ Бруссу (1861—1865 г.) <i>С. Н.</i>	263	✓
Мои скитанія по бѣлу свѣту. У Бедуиновъ. <i>Н. В. Берга.</i>	285	✓

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Оливія Ротсей. Романъ автора *Джона Галифакса* и *Жизни за жизнь.* Переводъ съ англійскаго. Гл. XV—XXVI. ✓

АВГУСТЪ.

Стр.

✓ Бумажныя деньги и банковая система Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. <i>Н. Х. Бунге.</i>	311
✓ Изъ поэмы „Братья“. Гл. III. <i>Я. П. Полонскаго.</i>	378
✓ Въ замкѣ и возлѣ замка. Разказъ <i>Божены Нильсовой.</i> Переводъ съ чешскаго	395
✓ Очеркъ южно-каспійскихъ портовъ и торговли. (Посвящается <i>М. П. Колюбякину.</i>) <i>Н. Зейдлица.</i>	479
✓ Типы прошлаго. Романъ. Часть первая. Гл. I—V. <i>В. Лъсницкаго.</i>	522
✓ Княжна Тараканова и принцесса Владимірекала. Окончаніе. <i>М.</i>	555
Сезонные конгрессы. <i>Густава де-Молиари.</i>	635
Историческое изученіе музыки. <i>Г. А. Дароша.</i>	(890)
Любопытный переводъ. „Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древняго и до настоящаго времени“. <i>Вильяма Уэллеля.</i> Переводъ съ 3-го англійскаго изданія <i>М. А. Антоновича</i> и <i>А. Н. Пыпина.</i> Спб. 1867 г.	707
Русская ученая литература. „О народномъ представительствѣ“. Соч. <i>Б. Чичерина.</i> Москва. 1866 г. <i>А. Д. Градовскаго.</i>	717

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

✓ Оливія Ротсей. Романъ автора <i>Джона Галифакса</i> и <i>Жизни за Жизнь.</i> Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. I—IV.	
---	--

13

